Открыта подписка на «Русскій Архивъ» 1891 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

1.

Просимъ извиненія въ запозданіи XII-й книжки 1890 года. Она готова, но еще не можетъ выдти въ свѣтъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

БИБЛІОГРАФЪ

1891. ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ **Годъ VII.**

(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. I-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографическія знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. II-й (справочный). Лѣтопись Русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа“ въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

Подписная цѣна за годъ: съ доставкой и пересылкой въ Россіи 5 р., за границу 6.; отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

1891.

1.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги,—общій для всего годоваго изданія: Римская цифра означаетъ книгу, Арабская—страницу.

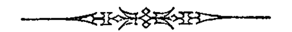
РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1891.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

IX.

Жизнь Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ и Гатчинѣ. — Характеръ дѣятельности Павловской помѣщицы и Гатчинскаго помѣщика. — Хозяйственныя заботы Маріи Ѳеодоровны. — Отношенія ея къ крестьянамъ и обитателямъ Павловска. — Сооруженія въ Павловскомъ паркѣ и Александрова дача. — Образъ домашней жизни Маріи Ѳеодоровны.—Ея занятія искусствами.—Забавы.—Спектакли. — Французская революція.

Въ 1789 году Маріи Ѳеодоровнѣ исполнилось 30 лѣтъ; прощаясь съ молодостью, она съ гордостію могла оглянуться на свое прошлое. Пріѣхавъ въ Россію молодой неопытной дѣвушкой, Марія Ѳеодоровна въ теченіе тринадцати лѣтъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ успѣла пріобрѣсти всеобщую любовь и уваженіе. Характеръ великой княгини и ея умѣнье держать себя лучше всего измѣряются тѣмъ, что она могла одновременно пользоваться расположеніемъ и державной своей свекрови, и мужа, относившагося къ матери своей съ крайнимъ чувствомъ недовѣрія и затаенной горечи. Еще болѣе вызывала къ себѣ уваженія прочность нравственныхъ задатковъ Маріи Ѳеодоровны, умѣвшей противостать всѣмъ искушеніямъ пышнаго, развращеннаго двора Екатерины и сохранившей во всей чистотѣ непорочность своего ума и сердца: всѣ современники единогласно съ удивленіемъ говорили о рѣдкой для того времени добродѣтели великой княгини. Правда, условія семейной и связанной съ нею политической жизни Маріи Ѳеодоровны въ Россіи сложились для нея неблагопріятно, лишая ее необходимой пищи для дѣятельности, такъ что Марія Ѳеодоровна, какъ мы видѣли, выражала свои желанія и чувства въ этомъ отношеніи лишь односторонне и въ рѣдкихъ случаяхъ, исключительно тогда, когда дѣло шло о насущныхъ интересахъ ея Русской или Германской семьи; но за то, считая себя при дворѣ Екатерины лишь невольной гостьей и удаляясь отъ него вмѣстѣ съ мужемъ по возможности чаще, Марія Ѳеодоровна не только не утратила Этюпскихъ навыковъ своихъ къ тихой жизни въ небольшомъ домашнемъ кружкѣ и къ мирнымъ заня-

тіямъ литературой и искусствами, но еще болѣе развила ихъ, пользуясь уединеніемъ Павловска и Гатчины. Здѣсь также погружалась она въ хозяйственныя заботы, предметами которыхъ были Павловскъ и Гатчина. Заботы эти, сами по себѣ по большей части мелочныя, для Маріи Ѳеодоровны имѣли большое значеніе: благодаря имъ, она знакомилась съ подробностями будничной жизни, столь рѣзко отличавшейся отъ жизни двора и великосвѣтскаго общества, сближалась съ людьми, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества, и мало по малу вырабатывала въ себѣ ту необыкновенную хозяйственную распорядительность, ту привычку къ неустанной дѣятельности, которыми она впослѣдствіи удивляла современниковъ. Въ этомъ отношеніи молодая Павловская помѣщица менѣе всего походила на изнѣженныхъ, офранцуженныхъ дамъ высшаго общества XVIII в., а напоминала собою такихъ Русскихъ женщинъ того времени, которыя, подобно бывшей статсъ-дамѣ Маріи Ѳеодоровны, графинѣ Е. М. Румянцевой, входили во всѣ подробности своего хозяйства, не довольствуясь услугами наемныхъ или крѣпостныхъ управителей. Нужно замѣтить, что хозяйственныя заботы Маріи Ѳеодоровны основывались не на одномъ только стремленіи ея къ строгой бережливости: ею руководило также сознаніе нравственной отвѣтственности, которую она несла за благосостояніе всѣхъ крестьянъ и другихъ лицъ, судьба которыхъ зависѣла отъ ея вниманія. Безъ сомнѣнія, это же сознаніе живо было и въ Павлѣ Петровичѣ, который въ помѣщикахъ желалъ видѣть устроителей счастья крѣпостныхъ людей и въ заботахъ своихъ о бытѣ Гатчинскихъ крестьянъ самъ подавалъ тому примѣръ [1]). Великокняжеская чета своими дѣйствіями вполнѣ оправдала слова, съ которыми Павелъ Петровичъ, еще въ самомъ началѣ постройки Павловска, обращался къ другу своему и бывшему наставнику Платону: «Нахожу въ Павловскомъ удовольствіе свое. Сіе удовольствіе ни съ кѣмъ мы не дѣлимъ, сіе удовольствіе ничѣмъ не пріобрѣли; и такъ, заведемъ что нибудь при семъ мѣстѣ, чѣмъ интересовали бы иныхъ, кромѣ себя, и чѣмъ дѣлили бы удовольствіе и спокойствіе съ другими. Вотъ наша мысль» [2]). Начало осуществленію этой мысли, какъ мы уже видѣли, положено было тогда же устройствомъ богадѣльни, школы и больницы для обитателей Павловска [3]). Павловскъ въ это время былъ единственнымъ помѣстьемъ великокняжеской четы, и поэтому на немъ исключительно сосредоточивались ея заботы. Но съ пожалованіемъ Павлу Петровичу

---

¹) *Семевскій*, „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины", I, 114.

²) „Русскій Архивъ", II, 34. Письмо отъ 29 Мая 1783 г.

³) См. VII главу настоящаго труда. „Русскій Архивъ", 1890, IX.

Гатчины положеніе дѣлъ измѣнилось къ невыгодѣ нарождающагося Павловска. Гатчина уже въ то время была большимъ сравнительно поселеніемъ, въ которомъ считалось до 2000 жителей, тогда какъ въ Павловскѣ было ихъ всего около 600; здоровый климатъ Гатчины и положеніе ея на перепутьи между дорогами на Петербургъ, Москву и Варшаву невольно заставляли отдавать ей предпочтеніе предъ Павловскомъ, терявшимся въ глубинѣ лѣсовъ, окружавшихъ Царское Село, и расположенномъ на низкомъ, сыромъ мѣстѣ; наконецъ, самый дворецъ Гатчинскій, бывшее жилище князя Г. Г. Орлова, убранный съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ, по своей обширности, удобствамъ для жизни и красотѣ своихъ зданій и садовъ, представлялъ несомнѣнно лучшее помѣщеніе для великокняжеской четы, чѣмъ дворецъ въ Павловскѣ, въ то время даже еще не достроенный. Неудивительно поэтому, что Павелъ Петровичъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Гатчины и будучи чуждъ Этюпскому, идиллическому настроенію своей супруги, выбралъ Гатчину главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ. Сама основательница и владѣтельница Павловска, любя его какъ свое твореніе, не могла не сознавать преимуществъ Гатчины. «Гатчина соперница весьма опасная», писала Марія Өеодоровна 14 Сентября 1785 года Кюхельбекеру, управлявшему Павловскомъ, «и необходимо приложить всю вашу дѣятельность и все ваше усердіе, чтобы Павловское могло выдержать сравненіе» [4]). Дѣйствительно, въ Павловскѣ шла въ это время неустанная работа по окончательной отдѣлкѣ дворца, который, однако, готовъ былъ вполнѣ лишь въ концѣ 1786 года [5]).

Завѣдывавшій Павловскомъ Кюхельбекеръ былъ только исполнителемъ приказаній Маріи Өеодоровны, которая, гдѣ бы она ни жила, входила во всѣ мелочи Павловскаго хозяйства. Каждая смѣта художественныхъ и обойныхъ работъ, каждый счетъ подрядчиковъ, даже архитектурныя подробности подвергались тщательному просмотру и провѣркѣ Маріи Өеодоровны и служатъ доказательствомъ рѣдкой въ ея возрастѣ и положеніи разумной бережливости. «Вы были правы, добрый мой Кюхельбекеръ (писала она однажды) говоря, что смѣта о постройкѣ конюшенъ перепугаетъ насъ. Есть чего перепугаться, ибо эта смѣта дѣйствительно аптекарскій счетъ. Я говорила о ней со многими лицами, и всѣ удивлены и поражены ею столько же, сколько и я. Поэтому прошу васъ приказать другимъ пересмотрѣть ее, и сами

---

[4]) „Павловскъ", 536.

[5]) Лѣтомъ 1786 года во дворцѣ приготовлялись покои для дочерей великой княгини. При этомъ стѣны оклеены были бумажными обоями, что было тогда новизною, такъ какъ они въ то время еще не вошли во всеобщее употребленіе. Павловскъ, 47.

пересмотрите. Пильниковъ добрый малый, но онъ считаетъ по манерѣ тѣхъ первоклассныхъ архитекторовъ, которые, чуть дѣло идетъ о дворцѣ, насчитываютъ вдвое и втрое. Сдѣлаю вамъ нѣсколько замѣтокъ: стѣны сараевъ могутъ быть, какъ мнѣ кажется, сложены въ полтора кирпича, ибо такъ какъ въ нихъ никто не живетъ, то все равно, будутъ ли промерзать стѣны или нѣтъ. Тоже скажу и о всѣхъ стѣнахъ, которыми обнесены сараи. Такъ какъ во всемъ зданіи сараевъ и конюшень нѣтъ ни одной печки, ни одного камина, а слѣдовательно и опасности отъ огня, то желѣзныя кровли совершенно безполезны и могутъ быть замѣнены черепицами, потому что послѣднія дешевле. Повторяю вамъ, мой добрый Кюхельбекеръ, что счетъ всѣмъ кажется непомѣрнымъ, и такъ или иначе, но въ него непремѣнно вкралась ошибка» [6]). «Уговорились ли вы на счетъ бѣлой тафты? «писала она въ другой разъ.» Съ меня спрашивали за нее рубль шестьдесятъ коп., и я не хотѣла взять, думая, что съ меня запрашиваютъ. Поручаю это вамъ. Мнѣ показывали тафту въ рубль пятнадцать коп., но она очень плоха». Было бы слишкомъ утомительно приводить новыя выписки такого же характера изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Кюхельбекеру: всѣ онѣ свидѣтельствуютъ только объ усиліяхъ великой княгиги свести расходы по работамъ въ Павловскѣ къ возможно - меньшей суммѣ; достигнуть этой цѣли, конечно, было бы нельзя безъ зоркаго глаза самой владѣтельницы Павловска и основательнаго знакомства ея со всѣми хозяйственными мелочами. Можно принять за вѣрное, что, созидая Павловскъ, Марія Ѳеодоровна практически училась хозяйству во всѣхъ его отрасляхъ, въ затруднительныхъ случаяхъ обращаясь за совѣтами къ людямъ опытнымъ Безъ сомнѣнія, разсчетливость Маріи Ѳеодоровны можетъ показаться иногда черезчуръ мелочной для супруги наслѣдника Русскаго престола; но не надо забывать, что финансовыя дѣла великокняжеской четы, принужденной посылать большія суммы за границу, поневолѣ вынуждали Марію Ѳеодоровну быть бережливой на расходы по Павловску; съ другой стороны, слишкомъ урѣзывать ихъ значило отказаться отъ взлелѣянныхъ уже Маріей Ѳеодоровной плановъ создать себѣ гнѣздышко на подобіе родного Этюпа и, въ тоже время, не возбудить неудовольствіе Императрицы, которая, безъ сомнѣнія, могла бы догадаться, что суммамъ, отпускавшимся на построеніе Павловска, давалось другое назначеніе. Неоднократно бывали даже случаи, когда Марія Ѳеодоровна, какъ видно, оказывалась не въ

---

[6]) „Павловскъ“, 48—49. Письма Маріи Ѳеодоровны къ Кюхельбекеру находятся въ Архивѣ Павловскаго дворца. Важнѣйшія изъ нихъ приведены въ переводѣ, а подлинники въ книгѣ „Павловскъ“, на которую мы и ссылаемся.

состоянiи оплатить даже мелкiя затраты по постройкѣ и отдѣлкѣ Павловскихъ сооруженiй. «Прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, дать мнѣ отвѣтъ на счетъ ситцу», писала она однажды. «Вы не должны опасаться (sic) заплатить за него, потому что я въ туже минуту отдамъ вамъ деньги». «Посылаю вамъ 40 р.», сообщала она въ другой разъ Кюхельбекеру. «Особенно поручаю вамъ расплатиться съ землекопами, на сколько это человѣчески возможно. Пришлите мнѣ мѣрки печей, которыя въ нижнемъ и въ третьемъ этажахъ, чтобы я могла заказать заслонки здѣсь, гдѣ ихъ дѣлаютъ хорошо, и такъ какъ мастеръ постоянно состоитъ здѣсь на службѣ, то за нихъ не надобно платить денегъ». «Все-таки хоть что-нибудь», радовалась великая княгиня, предлагая оставить въ кассѣ 40 р., сбереженные отъ расходовъ по уплатѣ. Естественно предположить, что стремленiе къ мелочнымъ урѣзыванiямъ по хозяйству, желанiе прилагать всѣ усилiя къ производству нужныхъ работъ самымъ дешевымъ способомъ, иногда съ цѣлью выгадать всего нѣсколько лишнихъ рублей [7]), должно было бы развить въ великой княгинѣ страсть къ скопидомству и даже скупость. На самомъ же дѣлѣ это свидѣтельствовало только о щепетильной точности и акуратности Марiи Ѳеодоровны въ денежныхъ дѣлахъ: при сердечной добротѣ Марiи Ѳеодоровны и ея нравственныхъ свойствахъ о скупости и черствомъ отношенiи къ рабочимъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, сокращенiе расходовъ не шло въ ущербъ вознагражденiя рабочимъ, а о здоровьи ихъ принимались самыя тщательныя заботы. Были случаи, когда Марiя Ѳеодоровна присылала нарочныхъ изъ Петербурга исключительно для того, чтобы узнать, не заболѣлъ ли кто изъ рабочихъ во время колки льда и въ предупрежденiе болѣзней доставляла деньги на теплое питье, на водку, на обувь и т. д. «Такъ какъ я вижу, что теперь вы очень нуждаетесь въ деньгахъ», писала она Кюхельбекеру 14 Апрѣля 1785 г., «то посылаю вамъ пятьсотъ рублей, взятые мною въ займы. Наградите тѣхъ, которые особенно хорошо работали при ледоколѣ; въ особенности же увѣдомьте меня, по совѣсти, не заболѣлъ ли кто на этой работѣ». Когда весною 1786 года въ Петербургѣ открылась эпидемiя и между рабочими въ Павловскѣ появилось много больныхъ, Марiя Ѳеодоровна въ помощь доктору Ром-

---

[7]) „Маiоръ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что каждый кустъ можжевельника обойдется намъ въ восемь копѣекъ, онъ же платитъ только по три копѣйки; поэтому мнѣ пришло на мысль сказать вамъ, чтобы вы прислали сюда лошадей въ Воскресенье, пораньше утромъ. Тогда они навезутъ нѣсколько возовъ этихъ кустарниковъ, мы заплатимъ за нихъ по три копѣйки, и въ тоже время лошади не будутъ отвлечены отъ работъ на Понедѣльникъ“. Письмо отъ 24 Сентября 1786 г.

бергу, занятому по больницѣ, прислала доктора Ритмейстера и писала Кюхельбекеру: «Ради Бога, не жалѣйте ни денегъ, ни расходовъ, ни заботъ, чтобы предупреждать болѣзни, и убѣдите Ритмейстера удвоить усилія къ спасенію этихъ бѣдняковъ.... Что̀ касается до множества больныхъ, то и здѣшніе госпитали переполнены ими; но что́ безконечно огорчаетъ меня, это видѣть, что не проходитъ недѣли, чтобъ у васъ кто-нибудь не умеръ. Особенно поразила меня смерть втораго штукатура, умершаго отъ цынги, тогда какъ болѣзнь эта обыкновенно не смертельна, а лѣкарь даже не довелъ до вашего свѣдѣнія, что больной опасенъ. Желаю, чтобы вы прислали мнѣ подробный списокъ больныхъ и чтобы Ритмейстеръ отмѣтилъ на немъ, кто именно изъ нихъ боленъ серьезно. Хорошо сдѣлаете, если посовѣтуете ему, буде есть у него тяжко больные, обращаться за содѣйствіемъ къ Ромбергу, который опытнѣе его, и тогда каждый разъ писать къ Крузе (лейбъ-медику), испрашивая его совѣта. Отвѣчайте мнѣ на это, и прошу васъ еще, мой добрый Кюхельбекеръ, приказать разъ навсегда; если появится опасный больной, чтобы вамъ о немъ тотчасъ же сообщали. Если вы въ это время будете въ городѣ, то прикажите Ритмейстеру присылать къ вамъ нарочнаго, а къ Крузе—донесеніе. Эти покойники меня огорчаютъ... Зачѣмъ вы отослали въ Петербургъ трехъ больныхъ каменьщиковъ? Отвѣчайте на этотъ вопросъ». Заботы Маріи Ѳеодоровны о здоровьи обитателей Павловска встрѣчали, однако, противодѣйствіе благодаря недовѣрію ихъ къ медицинѣ и докторамъ. Оставивъ Ритмейстера въ Павловскѣ, Марія Ѳеодоровна надѣялась, что жители Павловска будутъ пользоваться также услугами его жены, акушерки; надежда эта не скоро оправдалась. «Досадно», писала она по этому случаю, «что еще никто не пользовался услугами Ритмейстерши; но пусть это придетъ само собой, и склонить къ тому нельзя никого иначе, какъ убѣжденіями и ласкою; но я желала бы, чтобы жена моего священника подала другимъ добрый примѣръ». Еще болѣе сильное противодѣйствіе возбудили въ жителяхъ Павловска мѣры Маріи Ѳеодоровны по прививкѣ оспы ихъ дѣтямъ. Весною 1788—1789 года въ Павловскѣ открылась оспенная эпидемія. Великая княгиня отправила въ Павловскъ для прививки дѣтямъ оспы врача Галлидея, прививавшаго ранѣе оспу великимъ князьямъ и княжнамъ». «Вы соберете, писала по этому поводу Кюхельбекеру Марія Ѳеодоровна, «всѣхъ находящихся въ Павловскѣ дѣтей, у которыхъ не было оспы, чтобы онъ ихъ освидѣтельствовалъ и рѣшилъ—нужно ли имъ привить оспу, и тогда, подчиняясь его распоряженіямъ, уговорите родителей на это согласиться, заставивъ ихъ принять во вниманіе, что у насъ двое дѣтей, у которыхъ не было оспы, и что, такимъ образомъ, если эпидемія продолжится въ Павловскѣ, дѣ-

ти наши подвергнутся истинной опасности. Завтра увѣдомьте меня, чѣмъ рѣшитъ Галлидей и пришлите мнѣ списокъ тѣхъ, кого онъ выберетъ, съ означеніемъ ихъ лѣтъ». Изъ письма Маріи Ѳеодоровны видно, какъ приняты были ея распоряженія жителями Павловска. «Я очень довольна всѣми вашими распоряженіями; желала бы только, чтобы вы не слушали просьбъ родителей, отдавшихъ своихъ дѣтей для прививки оспы не назначенныхъ Галлидеемъ, но надѣющихся еще, что они будутъ присланы обратно безъ прививки. Скажите Кузьмѣ Петровичу (одному изъ крестьянъ), чтобы онъ, Бога ради, заботился о своихъ дѣтяхъ. Желала бы видѣть ихъ въ добрыхъ рукахъ, и не будетъ ли хорошо, если ихъ отправятъ въ надежное помѣщеніе? Мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть Галлидей доставитъ мнѣ удовольствіе и возьметъ на свое попеченіе этихъ двухъ дѣтей, если его объ этомъ попросить. Я напишу ему еще сегодня вечеромъ и сообщу вамъ отвѣтъ его завтра; ибо боюсь, что если перевести ихъ къ его родственницѣ, то ихъ тамъ слишкомъ тепло будутъ держать, и дѣти отъ того пострадаютъ. Скажите большое спасибо тѣмъ мужичкамъ, особенно тому, который подалъ примѣръ, и всѣмъ прочимъ родителямъ. Что же касается до вдовы Сельдюковой, послѣ ея ужаснаго предложенія извести своего ребенка и отречься отъ обязанностей, лежащихъ на матери,—вы скажите ей только, что я беру дитя на свое попеченіе; вы его довѣрите, кому найдете умѣстнымъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Ритмейстера и его жены; относительно матери, какъ только ея здоровье дозволитъ, она должна выѣхать изъ Павловскаго, и я не хочу болѣе видѣть ее въ спискахъ пенсіонерокъ. Однако выждите девять дней послѣ родовъ и тогда объявите ей ея участь; но, ради Бога, заботьтесь о дѣтяхъ». Случай съ Сельдюковой, очевидно, не имѣлъ отношенія къ оспенной эпидеміи: женщина эта принадлежала къ разряду матерей, стремившихся освободиться отъ своихъ обязанностей. Такіе случаи, разумѣется, глубоко огорчали Марію Ѳеодоровну и производили неизгладимое впечатлѣніе на ея нѣжное сердце; вѣроятно, уже въ это время она задавалась мыслію о судьбѣ дѣтей несчастно-рожденныхъ и брошенныхъ безъ призрѣнія. Что̀ касается до Кузьмы Петровича, то отъ него, очевидно, не ждали скораго согласія на просьбы великой княгини—отдать дѣтей своихъ на попеченіе Галлидею. «Посылаю вамъ», писала на другой день Марія Ѳеодоровна Кюхельбекеру, «копію съ отвѣта Галлидея. Переведите ее Кузьмѣ Петровичу и если онъ согласенъ отдать ему своихъ дѣтей, то можетъ самъ отвезти ихъ къ Галлидею. Растолкуйте этому простяку, что ему только добра хотятъ; но если будетъ упрямиться въ своемъ рѣшеніи, то дѣлать нечего. Какъ здоровье новорожденнаго ребенка? Каковъ тотъ, у котораго привита оспа?

Что̀ дѣлалось для жителей Павловска, тоже происходило въ Гатчинѣ, гдѣ хозяиномъ являлся Павелъ Петровичъ, всегда сочувствовавшій своей супругѣ въ ея благотворительныхъ начинаніяхъ и дѣйствовавшій съ нею въ одномъ духѣ. И въ Гатчинѣ первыми подарками новыхъ ея владѣтелей бѣднымъ ея жителямъ были также школа и больница, въ виду многочисленности населенія, даже въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Павловскѣ. Крестьянамъ, у которыхъ хозяйство не по ихъ винѣ приходило въ упадокъ, Павелъ Петровичъ помогалъ не только денежными ссудами, но и прирѣзкою необходимаго количества земли. Заботясь объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей Гатчинскихъ жителей, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, Павелъ Петровичъ выстроилъ на свой счетъ, кромѣ уже существовавшихъ, еще четыре церкви: православную въ госпиталѣ, общую лютеранскую, католическую и Финскую въ Колпинѣ; на свой же счетъ содержалъ онъ и духовенство этихъ церквей. Вниманію и содѣйствію цесаревича обязана была Гатчина возникновеніемъ въ ней стекляннаго и фарфороваго завода, суконной фабрики, шляпной мастерской и сукновальни [8]).

Вообще, дѣятельность Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, какъ частныхъ людей и добрыхъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, могла бы служить образцомъ для огромнаго большинства Русскихъ вельможъ того времени, умѣвшихъ за небольшими исключеніями проживать лишь доходы съ своихъ имѣній и поручавшихъ судьбу своихъ крѣпостныхъ наемнымъ управителямъ. Объ извлеченіи постоянныхъ денежныхъ доходовъ въ возможно-большемъ размѣрѣ августѣйшіе владѣтели Гатчины и Павловска, при ограниченности своихъ средствъ, думали, однако, менѣе всего. Доходы съ имѣній шли, главнымъ образомъ, на содержаніе дворцовъ и наличнаго штата служащихъ. Гатчина и Павловскъ до̀роги были своимъ владѣльцамъ какъ мѣста, гдѣ они могли жить на свободѣ, удовлетворяя своимъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ. Вотъ почему, при всей общности дѣйствій Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, Гатчина и Павловскъ пріобрѣли вскорѣ различный своеобразный отпечатокъ. Гатчина, сообразно съ характеромъ великаго князя, приняла видъ военнаго неподвижнаго лагеря: въ ней былъ форштадтъ, казавшійся современникамъ точнымъ подобіемъ маленькаго Германскаго городка. «Эта слобода, говоритъ одинъ изъ нихъ, имѣла заставы, казармы, конюшни; всѣ строенія были точь-въ-точь такія, какъ въ Пруссіи; а по виду войскъ, тутъ стоявшихъ, хотѣлось побиться объ закладъ, что они прямо изъ Берлина» [9]).

---

[8]) *Кобеко* 294—296.

[9]) Записки Саблукова. Русск. Арх., 1869, столб. 1879.

Въ этомъ отношеніи отъ Гатчины выгодно отличался Павловскъ, который, сколько позволяли военные вкусы и занятія Павла Петровича, всегда оставался для его супруги изящнымъ и полнымъ выраженіемъ ея сентиментальныхъ отношеній къ природѣ. Въ тоже время личное управленіе обоими имѣніями было для великокняжеской четы и маленькими пробами ея въ администраціи и хозяйствѣ, пробами вообще весьма удачными, что впрочемъ, по отношенію къ цесаревичу, невольно вызываетъ сожалѣніе: ибо, убѣдившись въ благотворности своихъ теорій въ приложеніи къ маленькой Гатчинѣ, Павелъ Петровичъ переживалъ нравственную лихорадку въ нетерпѣливомъ ожиданіи возможности посредствомъ ихъ спасать отъ золъ и великую Россію.

Извѣстно, что, созидая Павловскъ, Марія Ѳеодоровна стремилась сдѣлать его какъ можно болѣе похожимъ на Этюпъ. Сходства этого легко было достигнуть при постройкѣ и расположенім различныхъ Павловскихъ сооруженій и самаго дворца, планъ и фасадъ котораго въ увеличенныхъ размѣрахъ напоминалъ собою домъ родителей Маріи Ѳеодоровны въ Этюпѣ; но было трудно, почти невозможно, на холодномъ Сѣверѣ воспроизвести роскошные южные сады. Давняя любительница садоводства, знакомая съ нимъ даже теоретически посредствомъ изученія лучшихъ сочиненій по этой отрасли знанія, Марія Ѳеодоровна успѣла, однако, насколько возможно, преодолѣть всѣ встрѣчавшіяся ей затрудненія въ устройствѣ сада и парка. Фруктовыя деревья доставлялись изъ Москвы, дубы изъ Финляндіи, липы изъ Любека, оранжерейныя растенія и цвѣточныя сѣмена изъ-за границы; между прочимъ матерью великой княгини присланъ былъ изъ Монбельяра розовый кустъ, тщательно сохранявшійся Маріей Ѳеодоровной, какъ дорогое напоминаніе о родинѣ. Сама заботясь о посадкѣ и сбереженіи деревьевъ, Марія Ѳеодоровна руководила въ этомъ дѣлѣ и Кюхельбекера, и садовника Визлера, давая имъ подробныя наставленія по уходу за растеніями. Цвѣты и фрукты, взращенные въ оранжереяхъ и теплицахъ, не переводились круглый годъ. Страсть съ цвѣтамъ никогда не покидала Маріи Ѳеодоровны, и она даже изъ Петербурга часто требовала отъ Кюхельбекера присылки ей букетовъ изъ Павловска, говоря, что они утѣшаютъ и развлекаютъ ее. Въ тоже время, вѣрная основной мысли своей пополнять Павловскій садъ воспоминаніями о прошломъ, она вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ и дѣтьми своими собственноручно сажала въ 1785 г. деревья близъ дворца и этимъ положила начало извѣстной «Семейной Рощѣ». Еще ранѣе того поставлена была въ саду гранатная ваза въ воспоминаніе посѣщенія Павловска принцемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ въ 1780 г., тогда какъ «Храмъ Дружбы» служитъ вещественнымъ напоминаніемъ объ Іосифѣ II, при-

сутствовавшемъ на его закладкѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что ко времени десятилѣтія своего существованія, т. е. къ 1787 году, Павловскъ, украшаемый и обстраиваемый Маріей Ѳеодоровной въ теченіе всей ея жизни, въ главныхъ своихъ частяхъ, уже вполнѣ удовлетворялъ ея вкусамъ и наклонностямъ. Въ планѣ Павловска, составленномъ въ 1786 году, означены слѣдующія зданія, расположенныя въ саду и паркѣ, орошаемомъ водами рѣки Славянки: дворецъ, охотничій домъ, Швейцарскій домикъ, Храмъ Дружбы, молочня и близъ нея скотный дворъ, Хижина Угольщика (Шарбоньеръ), домикъ пустынника (Эрмитажъ), колоннада, птичникъ (вольеръ), школа, церковь, пять каменныхъ оранжерей, лазаретъ, казармы и проч. Съ 1785 года начались въ Павловскѣ постройки и для частныхъ лицъ; однимъ изъ первыхъ выстроенъ былъ, вѣроятно на средства Маріи Ѳеодоровны, домъ для друга ея, г-жи Бенкендорфъ [10]).

Среди идиллическихъ сооруженій Павловска, выстроенныхъ въ концѣ 80-хъ годовъ, выдавалась по особой вычурности замысла Александрова дача, возникшая, безъ сомнѣнія, помимо воли Маріи Ѳеодоровны, но съ одобренія Екатерины, по мысли великаго князя Александра Павловича. Дача эта была ничѣмъ инымъ, какъ иллюстраціею къ нравоучительной сказкѣ Екатерины о царевичѣ Хлорѣ, который подъ руководствомъ мудрой Фелицы (Екатерины) всходитъ на ту высокую гору, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ, гдѣ добродѣтель обитаетъ. Небольшой домъ Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу озера, а близъ него въ долинѣ былъ шатеръ съ золотымъ верхомъ. Изъ тѣнистыхъ аллей сада, окружавшаго домъ, замѣчательна была аллея, которая вела къ высокому холму, съ трехъ сторонъ окруженному водами озера. На холмѣ этомъ находился «Храмъ розы безъ шиповъ»; семь колоннъ поддерживали куполъ храма, а по срединѣ его возвышался алтарь, на которомъ находился сосудъ съ поставленною въ него розою безъ шиповъ; фрески плафона изображали Петра Великаго, смотрящаго съ небесъ на «блаженствующую Россію», которая, среди символовъ богатства, наукъ и промышленности опирается на щитъ съ изображеніемъ Фелицы, т. е. Екатерины. Дорога къ храму также изобиловала символами; она шла черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; затѣмъ взорамъ открывалась нива, на которой стояла хижина, а противъ нея лежала каменная глыба, символъ «Наказа» Екатерины, съ надписью: «храни златые камни»; потомъ слѣдовалъ храмъ Цереры, у

---

[10]) Павловскъ 50—54.

котораго находились водный ключъ, посвященный Маріи Θеодоровнѣ, и пещера мудрой нимфы Эгеріи [11]. Эта вычурная идиллическая затѣя на педагогической подкладкѣ, безъ сомнѣнія, льстила самолюбію Екатерины и устроена была по ея указаніямъ извѣстнымъ садоводомъ того времени, отцомъ Самбурскимъ [12]). Во время пребыванія своего въ Павловскѣ Александръ Павловичъ жилъ на этой дачѣ, предаваясь въ ней своимъ играмъ и занятіямъ, и можно допустить, что любовью къ природѣ и проблесками сантиментальности въ своемъ характерѣ онъ обязанъ былъ идиллическому вліянію Павловска. Восхваляемая въ царствованіе Екатерины, Александрова дача, послѣ ея смерти, не только была заброшена, но даже перешла въ частныя руки и совершенно потеряла первоначальный свой видъ. Марія Θеодоровна, столь заботившаяся о поддержаніи сооруженій Павловска, въ особенности когда они были связаны съ семейными воспоминаніями, ничѣмъ не проявляла своего интереса къ судьбѣ Александровой дачи, гдѣ проводилъ дѣтскіе и отроческіе свои годы самый любимый ея сынъ, сдѣлавшійся потомъ императоромъ. Это легче всего можетъ быть объяснено тѣмъ, что Марія Θеодоровна въ тихомъ своемъ Павловскѣ тяготилась яркимъ напоминаніемъ объ Екатеринѣ и о своемъ отчужденіи въ дѣлѣ воспитанія Александра Павловича.

Какъ ни любила великокняжеская чета Павловскъ и Гатчину, но не могла имъ посвящать всего своего времени: зиму Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна проводили обыкновенно вмѣстѣ съ императрицей въ Петербургѣ, гдѣ у нихъ были великолѣпные апартаменты въ Зимнемъ дворцѣ и собственный дворецъ на Каменномъ островѣ. Здѣсь Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна ежедневно видѣлись съ императрицей, участвуя во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и торжествахъ. По внѣшности Павелъ Петровичъ пользовался всѣми почестями, сопряженными съ его высокимъ званіемъ: великокняжеская чета имѣла свои выходы и пріемы, давала пышные обѣды, вечера и балы, на которые приглашаема была вся Петербургская знать. По современнымъ извѣстіямъ, всѣ высшіе чиновники ихъ двора, а равно и прислуга, принадлежали къ штату Императрицы и понедѣльно дежурили у обоихъ

---

[11]) Тамъ же, 82—86.

[12]) Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ Массонъ (Mémoires, II, 91, примѣч.) Онъ сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что авторомъ поэмы „Александрова", восхвалявшей дачу, былъ никто иной, какъ пріемный сынъ самого Самбурскаго, Массонъ же взялъ на себя неблагодарный трудъ перевести ее на Французскій языкъ. На планѣ 1789 г. дача называется по имени воспитателя Александра, Салтыковской мызой; но изъ этого не слѣдуетъ, что она въ это время принадлежала Салтыкову (Павловскъ, 82): Массонъ уже въ 90-хъ годахъ называетъ ее „les jardins du grand-duc Alexandre".

дворовъ, и всѣ издержки уплачивались изъ кабинета. Екатерина обыкновенно сама весьма милостиво принимала участіе въ пріемахъ своего сына, и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обществу, не допуская соблюденія этикета, установленнаго при собственномъ ея дворѣ [13]). Но при напряженности отношеній Павла Петровича къ матери, это внѣшнее соблюденіе приличій только усиливало горечь цесаревича, ясно показывая ему, какъ мало соотвѣтствуетъ дѣйствительное его положеніе правамъ наслѣдника престола: во дворцѣ онъ встрѣчалъ постоянно лицъ, мнѣнія и совѣты которыхъ благосклонно выслушивались и принимались его матерью, тогда какъ голосъ наслѣдника престола для Императрицы имѣлъ скорѣе отрицательное значеніе. Нечего и говорить о людяхъ съ низкою душою, которые, замѣчая неблаговоленіе Екатерины къ сыну, пользовались случаемъ, чтобы мелочными уколами досадить ему, выставлять его мнѣнія въ смѣшномъ видѣ и тѣмъ выслуживаться въ глазахъ Екатерины и ея царедворцевъ. Цесаревичъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній, и лица, имъ задѣтыя, платили ему недоброжелательствомъ и насмѣшкой надъ его безсиліемъ; въ особенности проявлялось это въ арміи, въ одно и тоже время и смѣявшейся надъ Прусскими Гатчинскими порядками, и боявшейся ихъ. Въ кругу этихъ людей Павелъ Петровичъ не могъ не сознавать своей отчужденности, болѣлъ душею и давалъ иногда просторъ своему гнѣву и ожесточенію. Часто не кстати и въ мелочахъ, по своей подозрительности онъ видѣлъ злой умыселъ противъ себя даже тамъ, гдѣ его не было, и оттого жертвами его гнѣва неожиданно для самихъ себя оказывались люди совершенно невинные. Будущій фаворитъ Екатерины П. А. Зубовъ, находясь во дворцѣ еще простымъ гвардейскимъ офицеромъ, едва было не лишился службы за то, что солдатъ его караула избилъ любимую собаку Павла Петровича, не зная о принадлежности ея цесаревичу; Салтыковъ, покровительствовавшій Зубову, лишь съ трудомъ выпросилъ ему прощеніе: Павелъ былъ убѣжденъ, что его собака была жертвой ненависти къ нему гвардейцевъ [14]). Само собою понятно, что такіе случаи, свидѣтельствуя о тревожной подозрительности Павла Петровича, въ тоже время создавали ему новыхъ враговъ и представляли новую пищу для насмѣшекъ. Между тѣмъ великокняжеская чета, живя въ Зимнемъ дворцѣ, должна была соблюдать особую осторожность въ своемъ поведеніи; ибо охотниковъ переносить во дворцѣ было много, а Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ

---

[13]) *Энгельгардтъ*, Записки, изд. „Русскаго Архива", 47. *Саблуковъ*, Записки. „Русскій Архивъ", 1869, столб. 1874.

[14]) Masson, Mémoires, I, 281—282.

было что̀ скрывать отъ взоровъ Екатерины, было много поводовъ и негодовать при развращенности Екатерининскаго двора. Неудивительно поэтому, если на зимнее пребываніе свое въ Петербургѣ они смотрѣли какъ на пытку, на Зимній дворецъ—какъ на заточеніе, и съ наступленіемъ весны, вслѣдъ за Екатериной, радостно переѣзжали въ Царское Село, чтобы затѣмъ на свободѣ провести лѣто въ сыромъ Па̀вловскѣ, а осень въ Гатчинѣ. Мы увидимъ далѣе, съ какой неохотой возвращался Павелъ Петровичъ на зиму въ Петербургъ и какихъ усилій обыкновенно стоило Маріи Ѳеодоровнѣ убѣждать его ускорить это возвращеніе, чтобы долгимъ пребываніемъ въ загородныхъ дворцахъ не возбудить гнѣва Императрицы.

Въ Павловскѣ и Гатчинѣ вмѣстѣ съ обстановкой великокняжеской четы совершенно измѣнялся и образъ ея жизни; здѣсь Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна могли свободно среди избраннаго ими кружка людей предаться любимымъ своимъ занятіямъ: Павелъ—военной службѣ, а супруга его занятіямъ искусствами, литературой и хозяйствомъ. Счастье ихъ становилось еще болѣе полнымъ, когда съ ними отъ поры до времени жили ихъ дѣти. Правда, со времени своего путешествія заграницу, а также подъ незамѣтнымъ, но постояннымъ вліяніемъ Екатерининскаго двора, Марія Ѳеодоровна отступила нѣсколько отъ своихъ привычекъ и наклонностей къ Этюпской простотѣ жизни и даже въ лѣтнихъ своихъ мѣстопребываніяхъ держалась этикета и обычаевъ Французскаго двора [15]; но эта особенность великой княгини, послужившая для современниковъ поводомъ къ обвиненію ея въ суетности [16], касалась лишь формъ дворцовой жизни въ Павловскѣ и Гатчинѣ, не измѣняя обычной простоты и непринужденности въ личныхъ отношеніяхъ Маріи Ѳеодоровны къ окружавшимъ ее людямъ, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, въ собенности же къ лицамъ издавна составлявшимъ ея домашній кружокъ. Въ кружкѣ этомъ съ теченіемъ времени произошли бо̀льшія перемѣны: умеръ глава его, графъ Н. И. Панинъ, и временно удаленъ князь Александръ Куракинъ; выбыли также изъ кружка молодые графы Румянцовы, увлеченные дипломатической карьерой, и мечтательный поэтъ Клингеръ, успѣвшій жениться въ 1788 г. на побочной дочери князя Г. Г. Орлова, Алексѣевой [17] и затѣмъ быстро двинувшійся по службѣ; наконецъ, фрейлина Алымова вышла замужъ за Ржевскаго, а Борщова за Ховена. Зато къ кружку старыхъ друзей Павла Петровича и Маріи Ѳеодо-

[15]) Записки Саблукова, Р. Архивъ, 1869, столб. 1879.
[16]) Masson, Mémoires, I, 267—268, IV, 161.
[17]) Русск. Арх., 1884, III, 213.

ровны присоединились новыя лица, изъ которыхъ особенное вниманіе обращали на себя чета Бенкендорфовъ, г-жа Ливенъ (двухъ дочерей которой Марія Ѳеодоровна, съ соизволенія Императрицы, приняла къ себѣ во фрейлины) и надзирательница при великихъ княжнахъ Вилламова.

Но еще со времени заграничнаго путешествія обнаружились признаки, грозившіе поселить разладъ между окружавшими великокняжескую чету лицами, и Марія Ѳеодоровна не могла уже въ то время не отдавать предпочтенія предъ всѣми давней своей подругѣ, своему alter-ego, г-жѣ Бенкендорфъ [18]). Это явное и естественное предпочтеніе должно было однако возбудить чувство неудовольствія въ старыхъ друзьяхъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Исключительное положеніе Монбельярской Нѣмки, при всемъ ея тактѣ и благоразуміи, могло вызвать даже справедливыя опасенія за великаго князя: вліяніе г-жи Бенкендорфъ *), при любви Павла къ своей супругѣ, конечно, должно было отражаться и на немъ. Немудрено поэтому, что съ теченіемъ времени при молодомъ дворѣ образовалась партія, которая желала подорвать значеніе г-жи Бенкендорфъ и въ этомъ своемъ желаніи волей-неволей столкнулась и съ ея покровительницей. Замѣчательно, что изъ всѣхъ извѣстій, относящихся къ тому времени, нѣтъ ни одного, которое заключало бы въ себѣ опредѣленный о г-жѣ Бенкендорфъ отзывъ, хотя въ тоже время современники единогласно свидѣтельствуютъ о силѣ вліянія ея на Марію Ѳеодоровну. Уже изъ этого можно заключить о необыкновенной ловкости и сдержанности ея Этюпской подруги [19]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же доказываетъ, что г-жа Бенкендорфъ не обладала той кротостію и добротою, которыми покоряла себя сердца ея царственная подруга. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что г-жа Бенкендорфъ не пріобрѣла сочувствія и уваженія великаго князя и, по вліянію своему на Марію Ѳеодоровну, была даже причиною домашнихъ несогласій между царственными супругами въ то именно время,

---

[18]) См. въ VI гл. нашего труда разсказъ графини Хотекъ.

*) Отъ вполнѣ достовѣрнаго старожила (дальняго родственника Бенкендорфовъ) случилось намъ слышать, что знаменитая Тилли пріѣхала въ Петербургъ еще въ 1776 году вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной, но что Екатерина тогда же сочла нужнымъ предотвратить ея вліяніе, и она (еще дѣвицею Шиллингъ) должна была уѣхать назадъ въ Германію. Когда родился Александръ Павловичъ, съ извѣстіемъ о томъ въ Монбельяръ посланъ былъ молодой офицеръ Христофоръ Бенкендорфъ, женившійся потомъ на Тилли; но Екатерина отправила его на службу въ Ревель, чтобы отдалить его супругу отъ своей невѣстки. Это преданіе слѣдуетъ провѣрить письменными свидѣтельствами. П. Б.

[19]) Даже Массонъ, хорошо знавшій г-жу Бенкендорфъ, не обмолвился о ней ни однимъ добрымъ или худымъ словомъ; не менѣе странно такое умолчаніе и въ Запискахъ г-жи Оберкирхъ, у которой, при ея словоохотливости, было столько поводовъ говорить о женщинѣ, раздѣлявшей вмѣстѣ съ нею привязанность Маріи Ѳеодоровны.

когда отношенія ихъ уже перестали быть вполнѣ искренними и довѣрчивыми [20]). Бурный, мечтательный, отчасти мистическій, умъ Павла, измученнаго въ его трудномъ положеніи нравственной борьбой, искалъ средствъ согласить дѣйствительность съ высшими идеальными воззрѣніями. Онъ никогда не забывалъ, что онъ будущій Русскій самодержецъ, и даже военнымъ своимъ занятіямъ придавалъ серьезный характеръ подготовки къ своимъ обязанностямъ; между тѣмъ Марія Өеодоровна, не умѣя владѣть умомъ Павла и обуздывая порывы его раздражительности кротостію и терпѣніемъ, противупоставляла: государственнымъ заботамъ своего супруга—хлопоты предъ Екатериной о дѣлахъ Монбельярской своей семьи; его неудовлетвореннымъ стремленіямъ къ высшей правдѣ—возможно спокойное отношеніе къ дѣйствительности, способность мириться съ обстоятельствами и примѣняться къ нимъ. Всего менѣе Павелъ Петровичъ могъ успокоиться на сентиментализмѣ Маріи Өеодоровны, мало интересовался ея занятіями искусствами и хозяйствомъ и вовсе не находилъ себѣ утѣшенія въ тѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ, литературныхъ чтеніяхъ и невинныхъ играхъ, которыми Марія Өеодоровна наполняла свои досуги и которыми она думала развлекать своего сумрачнаго, скучавшаго цесаревича. Изо всѣхъ лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету, Марія Өеодоровна болѣе всѣхъ привязана была къ г-жѣ Бенкендорфъ и Лафермьеру, тогда какъ Павелъ Петровичъ мало-по-малу сталъ предпочитать всѣмъ прочимъ Е. И. Нелидову и Вадковскаго [21]). Одинъ Плещеевъ съумѣлъ по нравственнымъ своимъ качествамъ заслужить ихъ общее расположеніе и, въ свою очередь, платилъ имъ обоимъ глубокою привязанностію. Окончательный разладъ между супругами произошелъ, однако, не ранѣе 1791 года; до этого времени жизнь въ Гатчинѣ и Павловскѣ шла всегда обычной, однообразной, нѣсколько скучной колеею.

Дни свои, всегда начинавшіеся очень рано, иногда съ четырехъ часовъ утра, Павелъ Петровичъ посвящалъ обыкновенно военнымъ упражненіямъ въ средѣ возлюбленныхъ своихъ опруссаченныхъ войскъ, а Марія Өеодоровна—чтенію, хозяйству и искусствамъ. Изъ Русскихъ женщинъ того времени она была одною изъ самыхъ трудолюбивыхъ, и порядокъ дневныхъ ея занятій всегда былъ тщательно распредѣленъ. Мы уже видѣли, до какихъ мелочей она изучила хозяйство и какъ серьезно относилась она къ своимъ обязанностямъ владѣтельницы

---

[20]) Самъ Павелъ говорилъ о томъ г-жѣ Ржевской. „Русскій Арх“., 1871, столб. 40.

[21]) Павелъ Петровичъ отзывался о Вадковскомъ, что это человѣкъ съ такими отмѣнными дарованіями, что „нѣтъ той должности въ свѣтѣ, которую бы ему поручить нельзя было“. Р. Стар., XVI, 7. Записки Гарновскаго.

Павловска. Туже серьезность, тоже стремленіе къ основательному знанію предмета она вносила и въ свои занятія литературой и искусствами. Исторія, ботаника, моральная философія были основательно изучаемы ею по лучшимъ сочиненіямъ, своевременно доставлявшимся ей изъ-за границы, преимущественно изъ Парижа, откуда присылали ей нужныя свѣдѣнія императорскіе корреспонденты великокняжеской четы: Лагарпъ и Бленъ-де-Сенъ-Моръ. Хорошо знакомая съ Французской поэзіей, Марія Ѳеодоровна со времени пріѣзда въ Россію г-жи Бенкендорфъ, подъ ея вліяніемъ, начала знакомиться и съ Нѣмецкой [21]), къ которой прежде чувствовала нерасположеніе [22]). Союзникомъ г-жи Бенкендоръ и учителемъ Маріи Ѳеодоровны въ этомъ отношеніи долженъ былъ быть, конечно, Клингеръ. Чего однако никогда не могла преодолѣть въ себѣ Марія Ѳеодоровна, это—отвращенія къ Нѣмецкимъ стихамъ. При чтеніи Марія Ѳеодоровна всегда дѣлала выписки мѣстъ, наиболѣе ее поразившихъ или гармонировавшихъ съ ея собственными мыслями, заботясь всегда о лучшемъ усвоеніи прочитаннаго [23]): это было уже не чтеніе, а тщательное изученіе сочиненій. Отзывъ Екатерины о Маріи Ѳеодоровнѣ, что «sie liest viel, auch was sie vielleicht nicht versteht» [24]), справедливъ лишь въ томъ смыслѣ, что чтеніе ея было всегда односторонне, и потому умственный кругозоръ Маріи Ѳеодоровны не отличался широтой и опредѣленностью. Въ этомъ отношеніи, конечно, нельзя и сравнивать Марію Ѳеодоровну съ Екатериной. Не говоря уже о томъ, что ей не была доступна Русская, въ то время только что нарождавшаяся литература, по недостаточному знанію языка, великая княгиня, въ силу сложившихся у нея предубѣжденій, избѣгала знакомства съ сочиненіями, характеризовавшими выдающіяся умственныя влеченія вѣка: ученія энциклопедистовъ и масонства. Ученіе энциклопедистовъ было совершенно несродно душѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, представляясь ей только выраженіемъ антирелигіозныхъ и безнравственныхъ понятій, и жизнь при дворѣ вѣнценосной покровительницы энциклопедистовъ способствовала укрѣпленію этого взгляда Маріи Ѳеодоровны. Но, въ тоже время, здравый, практическій умъ великой княгини чуждался и книгъ мистическаго содержанія, къ чтенію которыхъ склоненъ былъ масонъ - цесаревичъ, находившійся въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ Плещеева. Плещеевъ нѣсколько разъ пред-

[21]) Stark, 119.—[22]) Письма къ Вольцогену. Маріинскій архивъ.

[23]) Привычка дѣлать выписки изъ прочитанныхъ сочиненій оставила свои слѣды въ богатомъ собраніи ихъ въ архивѣ Павловскаго дворца.

[24]) Она много читаетъ, также и то чего она, можетъ быть, не понимаетъ. Письмо къ Гримму. С. Р. И. О., XXIII, 659.

лагалъ ихъ для чтенія и Маріи Θеодоровнѣ, но она постоянно отказывалась отъ нихъ. «Нѣтъ, добрый и достойный другъ мой», писала она ему однажды, «какъ ни проникнута я убѣжденіемъ въ истинности и святости моей религіи, но, признаюсь, я никогда не позволю себѣ читать эти мистическія книги: во первыхъ, я не понимаю ихъ, и, во вторыхъ я боюсь, что онѣ внесутъ сумбуръ (mettent de la confusion) въ мою голову. Вы знаете, что это касается только вполнѣ мистическихъ книгъ, а вовсе не книгъ моральныхъ, чтеніе которыхъ доставляетъ мнѣ всегда большое удовольствіе». На возраженія Плещеева она отвѣчала слѣдующее: «Чтеніе мистическихъ книгъ я въ сущности нахожу опаснымъ, такъ какъ идеи ихъ способны кружить головы (exalter). Я пробѣжала нѣкоторыя изъ этихъ книгъ и клянусь вамъ, что ихъ идеи туманны и могутъ только внести въ умы смятеніе и удалить ихъ отъ простого и яснаго пути, начертаннаго въ Евангеліи, которое будетъ и останется навсегда нашимъ лучшимъ, самымъ мудрымъ наставителемъ. Познавать свое сердце мы можемъ только изучая Евангеліе. Всѣ мистическія книги, желая подражать ему, только погрѣшали, уклоняясь отъ простоты, съ какой въ немъ возвѣщены самыя высокія истины. Не лучше ли поэтому держаться оригинала, чѣмъ плохихъ копій? Нѣтъ истины, нѣтъ поученія или нравственнаго наставленія, котораго не было бы дано въ Евангеліи. Будемъ же держаться его, будемъ совѣтовать читать его и мы будемъ увѣрены, что не дадимъ ничего лживаго. Впрочемъ, другъ мой, несомнѣнно, есть много прекрасныхъ моральныхъ книгъ, чтеніе которыхъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе; но я люблю ихъ простоту, и признаюсь, что я чувствую паническій страхъ къ мистическимъ книгамъ. Я называю мистическими тѣ, которыя слишкомъ восторжены, неудобопонятны, и мысли свои я высказывала только по отношенію къ нимъ» [25]).

И въ этомъ отношеніи Марія Θеодоровна расходилась съ своимъ супругомъ, котораго плѣняло все таинственное и который наклоненъ былъ къ вѣрѣ въ чудесное. Будучи чрезвычайно впечатлителенъ и обладая горячей фантазіей, Павелъ подверженъ бывалъ галлюцинаціямъ. Такъ онъ увѣренъ былъ въ томъ, что однажды вечеромъ, во время его прогулки по Петербургу, предстала предъ нимъ неожиданно тѣнь Петра Великаго, вступила съ нимъ въ разговоръ и затѣмъ исчезла на томъ мѣстѣ, гдѣ красуется теперь величественный памятникъ Петру, въ то время еще не установленный. Самъ Павелъ во время заграничнаго своего путешествія разсказывалъ г-жѣ Оберкирхъ объ этомъ видѣніи, упорно описывая, въ отвѣтъ на представленныя ему возраженія, ре-

---

[25]) Письмо Маріи Θеодоровны къ Плещееву (безъ даты).

альность являвшейся ему тѣни. Г-жа Оберкирхъ замѣтила также, что, когда, во время пребыванія великокняжеской четы въ Этюпѣ, цесаревичъ получилъ письмо изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что памятникъ Петру воздвигнутъ на указанномъ имъ мѣстѣ исчезновенія тѣни, то смертная блѣдность разлилась по его лицу. Замѣчательно, что, разсказавъ о своемъ видѣніи г-жѣ Оберкирхъ и нѣкоторыхъ другимъ лицамъ, Павелъ убѣдительно просилъ не сообщать о томъ Маріи Ѳеодоровнѣ, быть можетъ, изъ боязни испугать ее [26]).

Жажда къ чтенію побудила Марію Ѳеодоровну и Павла Петровича обзавестись собственною библіотекой, основаніемъ которой послужила дорожная библіотека Императрицы, подаренная ею великокняжеской четѣ. Для образованія библіотеки въ Павловскомъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна въ 1787 г. прислали большое количество книгъ изъ Петербурга [27]).

На ряду съ чтеніемъ много труда и времени отдавала Марія Ѳеодоровна занятіямъ искусствами: медальерное дѣло, рѣзьба на твердыхъ камняхъ, по кости и на янтарѣ, живопись, силуеты, составляли предметъ тщательнаго изученія Маріи Ѳеодоровны, и въ каждомъ изъ этихъ искусствъ она оставила замѣчательные образцы своихъ работъ. Къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ не описаны и даже не приведены въ извѣстность [28]). Императрица Екатерина, очень любившая изящныя искусства, всегда выражала свое сочувствіе художественнымъ занятіямъ своей невѣстки, поощряя ихъ своими похвалами и вниманіемъ. Во время путешествія своего по Италіи, знакомясь съ выдающимися произведеніями античнаго и новаго искусства, Марія Ѳеодоровна пріобрѣла себѣ, съ дозволенія Екатерины, нѣкоторые предметы древняго ваянія и другихъ искусствъ и затѣмъ, помѣстивъ это художественное собраніе въ Павловскѣ, пополняла его также благодаря подаркамъ Екатерины [29]). Изъ писемъ Екатерины къ Маріи Ѳеодоровнѣ видно даже, что любовь великой княгини къ искусствамъ служила поводомъ къ сближенію ея съ Императрицей и обмѣну мыслей по художественнымъ вопросамъ. Въ свою очередь Марія Ѳеодоровна многія свои работы поднесла въ подарокъ Государынѣ, стараясь выбирать для того предметы наиболѣе

---

[26]) Oberkirch.

[27]) Павловскъ, 418.

[28]) О художественной дѣятельности Маріи Ѳеодоровны наиболѣе полныя свѣдѣнія заключаются въ статьѣ Д. Ѳ. Кобеко (Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ, II, 6). Впрочемъ изъ всѣхъ работъ, перечисленныхъ г. Кобеко, нѣтъ ни одной, которая относилась бы ко времени ранѣе 1786 г.

[29]) Между прочимъ глиптотека, находящаяся въ Павловскомъ дворцѣ и заключающая въ себѣ до 10,000 слѣпковъ съ камей Эрмитажа, также есть подарокъ Екатерины. Павловскъ, 442.

для нея пріятные. Изъ подарковъ этихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя портретъ А. Д. Ланскаго, нарисованный Маріей Θеодоровной [30]), и прекрасная камея, лучшее произведеніе великой княгини въ этомъ родѣ, изображающая рядъ бюстовъ-профилей всѣхъ ея дѣтей и поднесенная Екатеринѣ въ 1790 г. За нее Екатерина благодарила невѣстку нѣжнымъ письмомъ, какъ ранѣе дѣлала это за множество другихъ подарковъ въ этомъ же родѣ: картины, рисунки, рѣзныя издѣлія, камеи, геммы и медали работы Маріи Θеодоровны. Немало сдѣлано было Маріей Θеодоровной и приношеній своей работы различнымъ храмамъ; такъ, для церкви Павловска выточено было ею большое запрестольное паникадило изъ янтаря и слоновой кости въ двѣнадцать свѣчей [31]); для Московскаго Успенскаго собора—священные сосуды въ память счастливаго возвращенія Павла Петровича изъ Шведскаго похода [32]). Съ большой охотой также занималась великая княгиня рисованіемъ и живописью, хотя занятія эти развивали болѣзнь у нея глазъ и способствовали усиленію ея природной близорукости. Близкіе великой княгинѣ люди неоднократно указывали ей на это, но безуспѣшно. Марія Θеодоровна отвергала справедливость этого наблюденія, не желая разставаться съ любимымъ искусствомъ [33]). Сама Марія Θеодоровна жаловалась иногда, что болѣзнь глазъ мѣшаетъ ей рисовать и гравировать [34]); быть можетъ, поэтому Марія Θеодоровна вынуждена была съ теченіемъ времени покинуть занятія живописью, оставляя болѣе простора для занятій музыкой. Однимъ изъ музыкальныхъ наставниковъ Маріи Θеодоровны былъ извѣстный въ то время музыкантъ-композиторъ Паэзіелло, за котораго она даже ходатайствовала предъ Императрицей [35]). Склонность великой княгини къ рукодѣліямъ также находила себѣ пищу; въ этомъ отношеніи Марія Θеодоровна, подобно своей

---

[30]) Сомнительно, чтобъ Павелъ Петровичъ съ одобреніемъ относился къ этой работѣ своей супруги. (Жизнь Маріи Θеодоровны. Москва, 1829 г., стр. 61).

[31]) Павловскъ, 448.

[32]) 4 Ноября 1788 г. Марія Θеодоровна писала Платону: „Я вамъ посылаю сіи сосуды и прошу васъ ихъ употребить и хранить вмѣстѣ съ другими. Только я ожидаю отъ дружбы вашей ко мнѣ что вы о сей посылкѣ не станете говорить и не будете ихъ нарочно показывать, тѣмъ болѣе, что намѣреніе мое только есть благодарность Богу показать. Сердце мое исполнено радостію о благополучномъ возвращеніи любезнаго мужа моего, и какъ я жертвовала печаль мою Богу, и только Ему жертвую теперь счастіе мое". Русск. Арх., 1887, II, 283.

[33]) Архивъ Кн. Воронцова, XXIX, 275—276.

[34]) Mes yeux m'empêchent toujours de lire et de dessiner. Письмо къ гр. Румянцову 4 (15)Сентября 1790 г. Р. Арх. V, 184. Лафермьеръ былъ въ восторгѣ отъ ея работъ и описывалъ ходъ ихъ, упоминая о ея учителѣ въ гравированіи Лебрехтѣ. Арх. Кн. Вор. XXIX 291—292.

[35]) Арх. Кн. Воронцова, XXIX, 246.

свекрови, подавала собою примѣръ многимъ женщинамъ высшаго общества того времени, которыя на занятія рукодѣліемъ смотрѣли свысока [36]).

Хозяйственныя и художественныя занятія Маріи Ѳеодоровны, за время, когда она была великой княгиней, имѣли для нея большое значеніе: она не только находила въ нихъ здоровое отдохновеніе среди скорбныхъ обстоятельствъ ея семейной и политической жизни, но, въ тоже время, благодаря имъ, пріобрѣла хозяйственную опытность, соединенную съ практическимъ знакомствомъ со всѣми мелкими подробностями будничной жизни и тонкимъ художественнымъ и отчасти ремесленнымъ образованіемъ. «Мой міръ невеликъ», могла сказать о себѣ Марія Ѳеодоровна, примѣняя извѣстную Французскую поговорку, «но я чувствую себя въ немъ госпожою». Съ точки зрѣнія многихъ женщинъ высшаго общества того времени, окруженныхъ крѣпостными рабами и рабынями, домашняя дѣятельность Маріи Ѳеодоровны могла казаться унизительной и, во всякомъ случаѣ, несоотвѣтственной ея высокому положенію; но именно такой, черной, подготовительной своей работѣ Марія Ѳедоровна обязана была возможностью сдѣлаться впослѣдствіи истинной хозяйкой и устроительницей благотворительныхъ и женскихъ образовательныхъ учрежденій въ Россіи.

Обыкновенно жизнь въ Павловскѣ и Гатчинѣ шла тихо, однообразно и очень скучно, въ особенности въ дождливое, осеннее время, когда сообщенія съ Петербургомъ почти прекращались, и къ великокняжескому двору не являлся никто изъ обычныхъ его посѣтителей, жившихъ въ столицѣ. «Я читаю», писала Марія Ѳеодоровна Румянцову, «пишу, занимаюсь музыкой, немного работаю... а вечеромъ играю свою партію въ реверси [37]), — вотъ что́ я дѣлаю въ деревнѣ. Погода часто мѣшаетъ нашимъ прогулкамъ [38])». Обыкновенно часы досуга въ этомъ случаѣ незамѣтно проходили въ простыхъ, незатѣйливыхъ забавахъ, напоминавшихъ великой княгинѣ счастливое время ея дѣтства; душой этихъ маленькихъ развлеченій былъ всегда вмѣстѣ съ г-жею Бенкендорфъ весельчакъ Лафермьеръ, преданный великой княгинѣ и поддерживавшій репутацію Французовъ въ умѣньи оживлять общество, тогда какъ товарищъ его, сухой Нѣмецъ Николаи рѣдко посѣщалъ эти маленькія собранія, погруженный въ денежныя дѣла великокняжескаго двора, довѣренныя ему Павломъ Петровичемъ; Вадковскій же часто

---

[36]) Марія Ѳеодоровна сама ставила въ этомъ отношеніи Екатерину образцомъ достойнымъ подражанія.

[37]) Карточная игра, въ которой выигрывалъ тотъ, кто бралъ меньше взятокъ.

[38]) Письмо къ Румянцову 4/15 Сентября 1790 г.

уѣзжалъ въ Петербургъ по порученіямъ великаго князя и по семейнымъ своимъ дѣламъ. «Жизнь ведемъ мы сидячую, однообразную и быть можетъ немного скучную», писала однажды Марія Ѳеодоровна изъ Павловска въ одинъ изъ тоскливыхъ періодовъ своего въ немъ пребыванія. «Обѣдаемъ мы обыкновенно въ 4 или 5 часовъ: великій князь и я, m-lle Нелидова, добрый гр. Пушкинъ и Лафермьеръ. Послѣ обѣда проводимъ время въ чтеніи, а вечеромъ я играю въ шахматы съ нашимъ добрымъ Пушкинымъ (Валентиномъ Платоновичемъ) восемь или девять партій сряду; Бенкендорфъ и Лафермьеръ сидятъ возлѣ моего стола, а m-lle Нелидова работаетъ за другимъ. Столы и стулья размѣщены также какъ и въ прошлый (1789) годъ. Когда пробьетъ восемь часовъ, Лафермьеръ со шляпой въ рукѣ приглашаетъ меня на прогулку. Мы втроемъ или вчетверомъ (Лафермьеръ, Бенкендорфъ, я и иногда графъ Пушкинъ) дѣлаемъ сто круговъ по комнатѣ; при каждомъ кругѣ Лафермьеръ выбрасываетъ зерно изъ своей шляпы и каждую ихъ дюжину возвѣщаетъ обществу громкимъ голосомъ. Иногда, чтобы оживить нашу забаву и сдѣлать ее болѣе разнообразной, я и Бенкендорфъ пробуемъ бѣгать на перебѣжку. Окончивъ назначенные сто круговъ, Бенкендорфъ падаетъ на первый попавшійся стулъ при общемъ смѣхѣ. Такимъ образомъ убиваемъ мы время до половины девятаго, — время совершенно достаточное для того, чтобы возстановить наши силы... О реверси мнѣ нѣтъ нужды упоминать послѣ того, какъ я писала вамъ, что со времени нездоровья моего мужа мы никого не видимъ»[39]).

Въ такіе дни, безъ сомнѣнія, Марія Ѳеодоровна охотно отдавалась обширной своей перепискѣ, поддерживая постоянныя и частыя сношенія съ своими родными и друзьями, находившимися отъ нея въ отдаленіи. Въ это время мелкій, сжатый ея почеркъ, находившійся въ прямой связи съ ея близорукостію, былъ сравнительно еще очень разборчивъ и, не прибѣгая къ помощи своего секретаря, она исписывала въ одинъ вечеръ цѣлые листы бумаги. Марія Ѳеодоровна вообще любила писать. Любовь эта укоренилась въ ней еще въ отроческіе годы, когда она, какъ мы уже видѣли, подробно описывала отсутствовавшимъ родителямъ день за днемъ не только событія изъ семейной жизни, но и содержаніе своихъ уроковъ. Этой любви къ писанію, въ связи съ желаніемъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ прожитомъ днѣ, обязанъ былъ своимъ существованіемъ и дневникъ Маріи Ѳеодоровны. Безъ сомнѣнія, дневникъ этотъ отличался полной искренностію и теплотою души, стремившейся къ самопознанію, какъ отличаются этими же качествами и многія изъ ея писемъ, сохранившіяся до настоящаго

[39]) Письмо къ Румянцову 2/13 Октября 1790 г.

времени. Къ сожалѣнію, Марія Өеодоровна мало думала о потомствѣ: рѣдкое изъ ея писемъ болѣе или менѣе важныхъ, по чему-либо казавшееся для нея въ ея положеніи опаснымъ, въ данное время, не оканчивалось обычной фразой: Brûlez cette lettre (сожгите это письмо). Тоже завѣщала она своимъ дѣтямъ сдѣлать послѣ своей смерти и съ ея дневникомъ. Нельзя, разумѣется, осуждать этого распоряженія Маріи Өеодоровны, но нельзя въ тоже время не скорбѣть о немъ ради памяти этой царственной женщины, и ради Русской исторіи.

Въ ясные, теплые дни, столь, впрочемъ, рѣдкіе въ Петербургскомъ климатѣ, мѣстомъ забавъ и развлеченій Маріи Өеодоровны былъ садъ и паркъ: тогда Марія Өеодоровна вновь чувствовала себя въ Этюпѣ и, подогрѣвая въ себѣ счастливыя воспоминанія дѣтства, воспроизводила въ домашнемъ кружкѣ своемъ всѣ Этюпскія развлеченія всегда простыя, но въ тоже время и всегда замысловатыя, съ сентиментальнымъ оттѣнкомъ. Главными изъ нихъ оставались по прежнему затѣйливыя прогулки, концерты и разнообразныя театральныя представленія, большею частію на чистомъ воздухѣ; въ нихъ принималъ участіе и Павелъ Петровичъ, часто поглощенный своими мрачными думами и своими воинскими упражненіями. Марія Өеодоровна рада бывала вызвать улыбку на уста de notre cher Grand Duc, какъ называла она его въ своихъ письмахъ: J'aime toujours être en liaison avec mon mari, говорила она[40]). Завтракали обыкновенно въ Молочномъ домикѣ, вечерній чай пили въ Шалê, концерты устраивались вечеромъ въ Крикѣ, охотничьемъ домикѣ или въ другихъ садовыхъ зданіяхъ. Кромѣ обычныхъ прогулокъ по п аркупредпринимались и отдаленныя parties de plaisir въ дальнія части парка или въ близълежащія мѣстности, иногда верстъ за десять. Тутъ происходила игра въ прогулки: мѣста, куда должно было направляться общество или съѣзжаться отдѣльныя группы, опредѣляли лотереей посредствомъ билетиковъ съ надписаннымъ на нихъ маршрутомъ путешествія на кругъ, въ звѣринецъ, оттуда куда угодно назадъ; по новой Аглицкой дорогѣ и чрезъ звѣзду назадъ, семь верстъ, на бугорокъ къ Красной долинѣ 3 версты оттуда, куда угодно назадъ, и т. д. [41]) Но особенно заботилась великая княгиня о спектакляхъ, составлявщихъ любимое развлеченіе Павла Петровича. Отличительнымъ ихъ свойствомъ было то, что въ роляхъ принимали участіе не актеры, а любители. Мужскія роль исполняли: графъ Григорій Ивановичъ Чернышовъ, главный распорядитель Гатчинскихъ и Павловскихъ спектаклей до 1787 года; графъ Аполлосъ Аполлосовичъ Мусинъ-Пушкинъ, князь Пав. Михайл.

[40]) Письмо къ Румянцову 2/13 Октября 1790 г.
[41]) Павловскъ, 78–79.

Волконскій, кн. Никол. Алексѣевичъ Голицынъ, Вадковскій и авторъ «Капища моего сердца» кн. Иванъ Михайловичъ Долгорукій, пріобрѣвшій впослѣдствіи литературную извѣстность. Позже дѣятельнымъ членомъ драматическаго кружка Маріи Ѳеодоровны сдѣлался кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ, извѣстный знатокъ искусствъ, сопровождавшій великокняжескую чету въ ея заграничномъ путешествіи. Женскія роли исполнялись Е. И. Нелидовою, Варварою Николаевною Аксаковою (вышедшею затѣмъ замужъ за побочнаго брата Маріи Ѳеодоровны, ротмистра Шаца), и Евгенія Сергѣевна Смирная, сдѣлавшаяся женой кн. И. М. Долгорукаго. Приготовленіями къ спектаклямъ завѣдывала большею частію сама Марія Ѳеодоровна, которая входила во всѣ подробности матеріальной части[42]). Пьесы ставились по преимуществу французскія; оперетки предпочитались тяжелымъ высокопарнымъ трагедіямъ. Графъ Чернышовъ и Лафермьеръ были авторами нѣсколькихъ пьесъ, исполненныхъ на Гатчинской сценѣ. Репетиціи въ тѣсномъ кружкѣ любителей были въ сущности гораздо веселѣе и непринужденнѣе самихъ спектаклей, происходившихъ иногда въ присутствіи большаго двора и наѣзжавшихъ изъ Петербурга гостей, которые являлись часто для того только, чтобы съ улыбкой сожалѣнія иронически относиться къ простотѣ обстановки спектаклей и праздниковъ, даваемыхъ великокняжеской четою. На репетиціяхъ присутствовалъ всегда и Павелъ Петровичъ, за исключеніемъ тѣхъ, впрочемъ нерѣдкихъ, случаевъ, когда Марія Ѳеодоровна желала сдѣлать сюрпризъ для своего супруга и подготовляла спектакль, соблюдая строгую тайну[43]) Особенно торжественно давались театральныя представленія въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ имянины (29 Іюня) и въ день рожденія (20 Сентября) великаго князя; они сопровождались обыкновенно иллюминаціей сада и фейерверкомъ, которыми завѣдывалъ С. И. Плещеевъ. Въ этихъ случаяхъ Марія Ѳеодоровна обдумывала заранѣе всѣ подробности предположеннаго плана праздника, вступала въ дѣятельную переписку съ его устроителями и, даже, боясь малѣйшаго отступленія отъ ея приказаній, собственноручно писала для нихъ подробныя инструкціи[44]). Въ самый день праздника гостепріимствомъ великой княгини въ Павловскѣ пользовались не одни лишь придворные, но и простые горожане; только однажды она выразила свое неудовольствіе, когда, по недоразумѣнію, открытъ былъ доступъ постороннимъ лицамъ въ ея тихое Шале́, этотъ скромный пріютъ въ глубинѣ сада, куда она часто уединялась для занятій.

---

[42]) Павловскъ, 56—57.

[43]) Долгорукій: Капище моего сердца.

Гости, которые часто по необходимости должны были оставаться ночевать въ Павловскѣ, получали помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ дворца или въ оранжерейномъ флигелѣ.

Мирное, тихое теченіе жизни великокняжеской семьи вскорѣ, однако, было нарушено: виной этому была рѣзкая перемѣна въ отношеніи Павла Петровича къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Характеръ великаго князя, всегда неровный и раздражительный, окончательно измѣнился къ худшему, когда раздались первые раскаты грозной Французской революціонной бури и Павелъ Петровичъ, не находя вокругъ себя твердой умственной опоры, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новыхъ явленій, столь противорѣчившихъ его міросозерцанію, окончательно потерялъ голову. Французская революція еще въ самомъ началѣ своемъ встрѣчена была въ Павловскѣ, въ Августѣ 1789 года, слѣдующей кантатою, спѣтой хоромъ въ одной разыгранной интермедіи:

Какая фурія изъ ада
Зажгла свѣтильникъ блѣдный свой,
И гдѣ наукъ цвѣла отрада,
Заразъ пизвергла дымъ густой.
Неужли адъ, прервавши узы,
Главою пагубной Медузы
Окаменилъ весь Галловъ умъ,
Къ законамъ оглушивъ вниманье
Чрезъ буйно—„вольность“—восклицанье
Пустилъ обманчивый свой шумъ?
Вольность обманчивый есть шумъ
И дымъ пустой!

Евгеній Шумигорскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРИГОРІЯ ДМИТРІЕВИЧА ЩЕРБАЧЕВА *)

I.

По пріѣздѣ моемъ изъ Севастополя въ Москву въ началѣ Января 1855 года, радость свиданія съ близкими родными такъ цѣлебно подѣйствовала на мое здоровье, что головныя боли, которыми я страдалъ, совершенно прошли, и зрѣніе, пострадавшее отъ контузіи въ голову, вполнѣ возстановилось. Но не такъ легко я избавился отъ нервнаго разстройства, возбужденнаго во мнѣ картинами смерти и страданій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ осажденномъ городѣ. Въ Москвѣ случалось со мною, иногда ночью, что я вскакивалъ съ постели, какъ будто слыша выстрѣлы, и затѣмъ не могъ заснуть до утра; я отвѣчалъ невпопадъ на предлагаемые мнѣ вопросы, воображая себя на Николаевской батареѣ, говорящимъ съ Карповымъ или съ Маіевскимъ. Помню, что когда, по приказанію коменданта, я поѣхалъ въ Успенскій Соборъ присягать, по случаю восшествія на престолъ Императора Александра II и когда, во время самой присяги, упалъ съ Ивана Великаго колоколъ, пробившій всѣ этажи колокольни и раздавившій людей, тамъ жившихъ, я не могъ, выходя изъ церкви, удержаться отъ смѣха: мнѣ казалось почему-то очень комичнымъ положеніе лицъ, которыхъ колоколъ накрылъ и увлекъ внизъ. Смѣхъ мой былъ, конечно, послѣдствіемъ нервнаго разстройства. Причиною паденія колокола, какъ говорили, было халатное отношеніе къ своимъ обязанностямъ лицъ завѣдывавшихъ церковными постройками; пять лѣтъ передъ тѣмъ замѣчено было, что балки, на которыхъ держался колоколъ, подгнили. По этому поводу возбуждена была переписка, но колоколъ не дождался ея окончанія, упалъ и раздавилъ немало людей. Въ паденіи колокола нѣкоторые видѣли дурное предзнаменованіе для царствованія новаго Императора.

Проживъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ, я уѣхалъ въ Петербургъ ранѣе срока отпуска, даннаго мнѣ княземъ Меншиковымъ. Въ

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1890 года, кн. 1-я.

то время Великій Князь Михаилъ Николаевичъ не вступалъ еще въ должность генералъ-фельдцейхмейстера; артилеріей управлялъ инспекторъ всей артиллеріи баронъ Николай Ивановичъ Корфъ, который предложилъ мнѣ быть при немъ личнымъ адьютантомъ. Я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, такъ какъ, съ одной стороны, баронъ Николай Ивановичъ былъ отличный человѣкъ, съ которымъ пріятно было служить, а съ другой стороны новое мое назначеніе избавляло меня отъ обязанности вернуться въ Севастополь. Я желалъ остаться на службѣ въ Петербургѣ, потому что, полюбивъ въ Москвѣ одну молодую дѣвушку, я долженъ былъ въ скоромъ времени жениться. Свадьба моя была въ Москвѣ.

Когда мы переѣхали въ Петербургъ, баронъ Николай Ивановичъ, его жена и дочь (вышедшая вскорѣ замужъ за Моренгейма, въ настоящее время нашего посла въ Парижѣ) отнеслись съ такимъ вниманіемъ и такой любезностью ко мнѣ и моей женѣ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю время, когда я былъ у барона Корфа адьютантомъ. Благородное сердце и искренность чувствъ составляли главныя черты его характера.

Начальникомъ штаба у него былъ генералъ-адьютантъ Безакъ, человѣкъ недюжиннаго ума, но довольно сухой, непривѣтливый и, за исключеніемъ своихъ родныхъ, рѣдко исполнявшій просьбы, обращенныя къ нему его подчиненными. Мнѣ не разъ приходилось совѣтовать офицерамъ, получившимъ отъ него отказъ въ ихъ просьбахъ, обратиться къ Николаю Ивановичу, который, не отмѣняя рѣшеній Безака, умѣлъ удовлетворить ихъ желанія другимъ путемъ. Былъ напримѣръ такой случай. Одинъ артилерійскій офицеръ, служившій въ бригадѣ, которая стояла въ Харьковской губерніи, женился на дѣвушкѣ, у которой имѣніе было въ Тверской губерніи. Чтобы поближе быть къ имѣнію своей жены, онъ просилъ Безака перевести его въ бригаду, стоявшую въ Тверской губерніи; Безакъ отказалъ по неимѣнію вакансіи. Офицеръ просилъ меня передать его просьбу барону Корфу. Я исполнилъ желаніе офицера и при этомъ придумалъ такую комбинацію. Зная, что, одинъ изъ офицеровъ, служащихъ въ Тверской губерніи, долженъ быть въ скоромъ времени прикомандированъ къ гвардейской артилеріи и что ему было совершенно безразлично въ какой бы бригадѣ не считаться по спискамъ, до прикомандированія его къ гвардіи, я предложилъ ему помѣняться мѣстомъ своей службы съ офицеромъ, желавшимъ служить въ Тверской губерніи. Онъ согласился; я доло-

жилъ объ этомъ барону, и офицеры были перемѣщены, согласно ихъ желанію.

Въ параллель къ этому случаю, я могу впрочемъ привести другой, когда Николай Ивановичъ не исполнилъ просьбы офицера. Было это такимъ образомъ. Пріѣхалъ ко мнѣ какой-то конно-артилерійскій подполковникъ, котораго я не зналъ (фамилія его была, сколько помню, Штосъ) и умолялъ меня попросить барона Корфа принять его наединѣ, такъ какъ онъ имѣлъ передать его высокопревосходительству весьма важное дѣло о какихъ то несправедливостяхъ начальника артиллеріи въ одномъ изъ корпусовъ. Зная доброту Николая Ивановича, я сказалъ Штосу, чтобы онъ заѣхалъ къ Корфу на другой день послѣ общаго пріема и тогда я, какъ дежурный въ этотъ день адъютантъ, доложу о немъ и надѣюсь, что онъ будетъ тотчасъ принятъ. Штосъ пріѣхалъ. Оставивъ его въ пріемной комнатѣ, я пошелъ къ Николаю Ивановичу въ кабинетъ и объяснилъ ему желаніе Штоса; но едва я произнесъ эту фамилію, какъ Николай Ивановичъ вскочилъ съ мѣста и рѣзко мнѣ сказалъ: «Чтó вы дѣлаете! Знаете ли вы, кто этотъ Штосъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю его. «Штосъ - сумашедшій, у котораго вынуждены были отнять батарею, и онъ, считая себя жертвою несправедливости, ѣздитъ ко всѣмъ отыскивать правосудія. Это—второй Богдановъ. Велите ему удалиться; я его не приму». Послѣ этихъ словъ, я, конечно, посовѣтовалъ Штосу не пріѣзжать болѣе къ Николаю Ивановичу, а предложилъ написать письмо или докладную записку, которую я, если онъ желаетъ, могу передать его высокопревосходительству. Штосъ обѣщалъ написать, но почему-то не написалъ. Я не знаю, былъ ли Штосъ дѣйствительно сумашедшій, но помню одну изъ его выходокъ, которая показалась мнѣ весьма странной: сидя у меня въ кабинетѣ и разсказывая исторію его столкновенія съ какимъ-то начальникомъ, онъ пришелъ въ такой азартъ, что началъ бранить этого начальника, употребляя выраженія, которыя можно слышать только въ кабакахъ, и при этомъ такъ возвысилъ голосъ, что еслибы моя жена была дóма, то непремѣнно услышала бы его, сидя за двѣ комнаты отъ моего кабинета. Послѣ этой выходки я не велѣлъ его принимать къ себѣ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что онъ дѣйствительно былъ не въ своемъ умѣ, но сошелъ съ ума не до отнятія у него батареи, а послѣ.

Я сказалъ выше, что Корфъ, отказавшись принять Штоса, выразился про него, что это второй Богдановъ. Считаю небезъинтереснымъ разсказать исторію этого Богданова, съ которымъ я случайно познакомился на пароходѣ, ѣхавъ семь или восемь лѣтъ передъ тѣмъ изъ

Петербурга въ Шлиссельбургъ. Богдановъ въ то время былъ отставной полковникъ Корпуса путей сообщенія. Сидя рядомъ со мной на палубѣ, онъ началъ разговоръ съ того, что предложилъ мнѣ за 1 р. 50 к., которые онъ заплатилъ за мѣсто на пароходѣ, купить у него 3000 десятинъ земли. Такое предложеніе меня чрезвычайно удивило; чтобы уяснить его, онъ мнѣ разсказалъ нѣкоторые эпизоды изъ его служебной дѣятельности, а позже я узналъ всѣ подробности его жизни отъ другихъ лицъ. Послѣднее мѣсто служенія Богданова была должность начальника дистанціи по дорогѣ отъ Петербурга въ Новую Ладогу. Въ то время чины Министерства Путей Сообщенія, во главѣ котораго стоялъ графъ Клейнмихель, извѣстны были своимъ умѣніемъ собирать незаконные доходы. Мѣсто начальника дистанціи, которое занималъ Богдановъ, было одно изъ самыхъ доходныхъ мѣстъ; но какъ честный человѣкъ, онъ не только уничтожилъ всѣ поборы, которые дѣлались съ судовъ, проходящихъ по Невѣ и по каналамъ въ Петербургъ, но и педантично слѣдилъ за своими подчиненными, чтобы они не брали взятокъ. Такая честность, какъ несогласная съ порядками, существовавшими въ Министерствѣ Путей Сообщенія, не могла, конечно, не возбудить къ нему ненависти не только его подчиненныхъ, но и лицъ окружавшихъ графа Клейнмихеля. Начались жалобы, наговоры, доносы. Богдановъ не обращалъ на нихъ вниманія, продолжалъ работать и преслѣдовать взятки; наконецъ, онъ напечаталъ какую-то брошюру, которая заслужила вниманіе ученаго міра. Тогда графъ Клейнмихель рѣшился его наградить и далъ ему въ полное и потомственное владѣніе 3000 десятинъ земли въ тундрахъ Архангельской губерніи. Эту то землю онъ и предлагалъ мнѣ купить за 1 р. 50 к. Получивъ такую награду, которую Богдановъ счелъ за насмѣшку, онъ сошелъ съ ума, и первымъ проявленіемъ его сумашествія была слѣдующая выходка. Надѣвъ полную парадную форму, онъ отправился на гауптвахту и потребовалъ именемъ Государя двухъ часовыхъ. Въ караулѣ стоялъ молодой офицеръ, который, видя передъ собою полковника грозно приказывающаго Высочайшимъ именемъ, не рѣшился ему отказать и далъ требуемыхъ часовыхъ съ ефрейторомъ. Онъ повелъ ихъ къ дому, гдѣ жилъ графъ Клейнмихель, поставилъ у дверей и велѣлъ никого не впускать и никого не выпускать изъ квартиры его сіятельства. Затѣмъ онъ поѣхалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому, велѣлъ доложить, что желаетъ видѣть министра по весьма важному дѣлу, и когда графъ Перовскій принялъ его у себя въ кабинетѣ, онъ объяснилъ, что вся Россія благодарна его сіятельству за то, что онъ энергически преслѣдуетъ воровъ и мошенниковъ и что, сочувствуя его благимъ стремленіямъ, онъ пріѣхалъ къ нему указать на самаго глав-

наго вора, къ задержанію котораго онъ принялъ уже мѣры. На вопросъ графа Перовскаго, кто этотъ воръ, Богдановъ отвѣчалъ: графъ Клейнмихель и, вынувъ изъ кармана пистолетъ, прибавилъ, что этотъ воръ отъ него не уйдетъ. Графъ Перовскій, понявъ, что онъ имѣетъ дѣло съ сумашедшимъ, сказалъ, что для этого вора у него есть другое оружіе и, указавъ на нагайку, висѣвшую на стѣнѣ въ числѣ принадлежностей охоты, взялъ у Богданова пистолетъ. Затѣмъ его арестовали и отправили въ сумашедшій домъ, гдѣ онъ просидѣлъ два года. По выздоровленіи ему дали небольшой пенсіонъ, дочерей опредѣлили въ одинъ изъ институтовъ, и онъ поселился съ семействомъ гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Когда я съ нимъ познакомился на пароходѣ, онъ былъ вполнѣ въ здравомъ умѣ, бранилъ только графа Клейнмихеля и разсказалъ мнѣ, какой онъ придумалъ способъ для преслѣдованія своего бывшаго начальника. Встрѣтившись съ графомъ гдѣ-то случайно, онъ замѣтилъ, что встрѣча эта произвела на графа весьма непріятное впечатлѣніе; вслѣдствіе этого онъ рѣшился каждый день приходить на Дворцовую набережную, гдѣ обыкновенно гулялъ графъ Клейнмихель и, увидавъ его, онъ становился за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ и шелъ не отставая, куда бы графъ ни повернулъ. Хоть этимъ способомъ, прибавилъ онъ, буду мстить ему за все зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ.

Вскорѣ по назначеніи меня адъютантомъ къ барону Корфу, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, вступилъ въ исправленіе должности генералъ-фельдцейхмейстера, а баронъ Корфъ назначенъ былъ товарищемъ генералъ-фельдцейхмейстера, причемъ государю угодно было, по просьбѣ барона Корфа, оставить при немъ двухъ его адъютантовъ: меня и Рота (бывшаго впослѣдствіи директоромъ Артилерійской Академіи и Артилерійскаго Училища). Въ день пріема артилеріи отъ барона Корфа, Его Высочество съ своимъ адъютантомъ, а баронъ Корфъ со мной объѣхали разныя артилерійскія учрежденія, причемъ изъ словъ, сказанныхъ Великимъ Княземъ представлявшимся ему чинамъ Артилерійскаго Департамента, уяснилось, что въ личномъ составѣ артилеріи предстоятъ большія перемѣны. И дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени, начальникомъ штаба генералъ-фельдцехмейстера былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Баранцевъ, директоромъ Артилерійскаго Департамента – генералъ-адъютантъ Лутковскій, а Безакъ получилъ 4-й пѣхотный корпусъ. При перемѣнѣ высшихъ артилерійскихъ начальниковъ, штабъ генералъ-фельдцейхмейстера остался въ томъ же составѣ; но изъ Ар-

тилерійскаго Департамента нѣкоторые низшіе чины должны были уйти. Къ реформѣ этой въ артилеріи отнеслись весьма сочувственно.

Вскорѣ послѣ паденія Севастополя заключено было перемиріе, и хотя всѣ ожидали, что за перемиріемъ послѣдуетъ миръ, но военныя приготовленія шли своимъ чередомъ. Для обороны Кронштата сухопутное артилерійское вѣдомство заказало Александровскому чугунно-литейному заводу въ Петрозаводскѣ около ста 60-ти фунтовыхъ пушекъ и поставило условіемъ изготовить ихъ непремѣнно къ 1-му Марта 1856 года. Для ускоренія отливки пушекъ и доставки ихъ въ Петербургъ Его Высочеству генералъ-фельдцейхмейстеру угодно было командировать меня на заводъ. Это было въ Январѣ 1856 года.

По пріѣздѣ въ Петрозаводскъ, я объяснилъ цѣль моей командировки начальнику завода; но, оказалось, что не только не отлито, но и не можетъ быть отлито къ условленному сроку ни одного орудія, такъ какъ заводъ, находясь въ вѣдѣніи Морскаго Министерства, считалъ себя обязаннымъ исполнить, прежде всего, заказъ этого министерства и въ то время занятъ былъ изготовленіемъ орудій для Балтійскаго флота. Такимъ образомъ нашъ Балтійскій флотъ, запертый въ Кронштадтѣ, получилъ бы къ открытію навигаціи орудія, изъ которыхъ ему не пришлось бы стрѣлять; а наши Кронштатскія укрѣпленія, имѣвшія цѣлью защищать Кронштатъ и флотъ отъ непріятельскихъ судовъ, остались бы безъ дальнобойныхъ орудій! Когда я донесъ объ этомъ штабу генералъ-фельдцейхмейстера, мнѣ предписано было войти въ соглашеніе съ заводомъ объ ускореніи изготовленія морскихъ орудій посредствомъ отмѣны фризъ и обточки орудій, а затѣмъ, по пріѣздѣ капитана 1-го ранга Посьета (занимавшаго въ недавнее время постъ министра путей сообщенія), командированнаго генералъ-адмираломъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ для надзора за отливкою орудій, передать все дѣло ему, опредѣливъ въ точности, сколько орудій можетъ быть изготовлено къ 1-му Марта для сухопутной артилеріи.

Въ Петрозаводскѣ прожилъ я болѣе мѣсяца и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Губернаторомъ былъ Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ *), который, какъ оказалось, нѣсколько зналъ меня по наслышкѣ отъ брата своего Николая Николаевича, бывшаго въ то время Амурскимъ генералъ-губернаторомъ (Николай Николаевичъ, уѣзжая въ Сибирь въ началѣ 1850 года, предлагалъ мнѣ перейти къ нему на

---

*) Отецъ нынѣшняго прокурора Московской Судебной Палаты.

службу чиновникомъ по особымъ порученіямъ; но я не рѣшился разстаться съ Петербургской жизнію; онъ взялъ съ собой молодого офицера Семеновскаго полка, своего родственника и моего хорошаго знакомаго Михаила Семеновича Корсакова, который послѣ смерти Муравьева сдѣланъ былъ на его мѣсто генералъ-губернаторомъ). Валерьянъ Николаевичъ былъ такъ внимателенъ и любезенъ, что далъ мнѣ помѣщеніе въ губернаторскомъ домѣ и предложилъ ежедневно у него обѣдать. Будучи вдовцомъ, онъ любилъ говорить о своей покойной женѣ и съ такой душевной теплотой вспоминалъ о своей прошлой семейной жизни, что не могъ не вызвать во мнѣ искренней къ нему симпатіи и душевнаго уваженія. Только что женившись и не испытавъ еще всѣхъ треволненій семейной жизни, я съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ его, когда онъ говорилъ, что единственное прочное счастіе на землѣ, это—счастье семейное.

На другой день моего пріѣзда въ Петрозаводскъ со мной былъ такой случай. Пріѣхавъ вечеромъ, я занялъ квартиру, въ которой печи не были топлены; я приказалъ ихъ затопить, провелъ всю ночь не раздѣваясь и только къ утру, когда комнаты нѣсколько согрѣлись, легъ спать; но не прошло и двухъ часовъ, какъ я уснулъ, лакей меня разбудилъ и объявилъ, что меня желаетъ видѣть жандармскій полковникъ князь Мышецкій. Я хотѣлъ одѣться, но полковникъ просилъ меня убѣдительно тотчасъ же его принять по весьма важному дѣлу. Будучи въ то время въ чинѣ капитана, я немало былъ удивленъ, увидавъ передъ собой полковника въ полной парадной формѣ, но удивился еще болѣе, когда онъ мнѣ сказалъ, что счелъ долгомъ ко мнѣ явиться, чтобы, прежде чѣмъ я увижу губернатора, разсказать мнѣ подробно дѣло о плѣнномъ Англичанинѣ, о которомъ губернаторъ можетъ сообщить мнѣ невѣрныя свѣдѣнія. Выслушавъ эту тираду, я невольно подумалъ, что передо мной стоитъ сумашедшій и ожидалъ, что онъ, или какъ Штосъ станетъ браниться, или, какъ Богдановъ, предложитъ мнѣ арестовать губернатора. Я просилъ его сѣсть, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Одинъ, взятый въ плѣнъ въ Финляндіи, морской Англійскій офицеръ былъ присланъ на жительство въ Петрозаводскъ; по распоряженію губернатора ему дано было помѣщеніе на чугунно-литейномъ заводѣ у помощника начальника завода полковника Фелькнера, который, будучи самъ Англійскаго происхожденія, не только дозволялъ Англичанину осматривать заводъ, но и самъ сообщалъ ему подробныя свѣдѣнія о нашемъ пушечномъ производствѣ. Такія измѣнническія дѣйствія Фелькнера вынудили князя Мышецкаго сдѣлать о нихъ доносъ 3-му отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи и увѣдомить губер-

натора. При этомъ князь Мышецкій разсказалъ, что въ Англичанина влюбилась какая-то барыня, которая, по его наущенію, собирала различныя свѣдѣнія о нашихъ военныхъ силахъ, что Англичанинъ успѣлъ уже составить записку о всемъ имъ узнанномъ и вѣроятно, съ помощью Фелькнера, отправилъ ее въ Англію. Выслушавъ князя Мышецкаго, я спросилъ его: съ какою цѣлью онъ мнѣ передалъ собранныя о плѣнномъ Англичанинѣ свѣдѣнія? На это онъ отвѣчалъ, что изъ моей подорожной, которую онъ видѣлъ въ полиціи, ему извѣстно, что я—адъютантъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера и что я пріѣхалъ на заводъ для разслѣдованія дѣйствій Фелькнера, а потому онъ счелъ долгомъ уяснить мнѣ измѣнническое направленіе этого лица, зная, что отъ губернатора, находящагося съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, я правды не узнаю. Понявъ ошибку князя Мышецкаго, я его поблагодарилъ за все имъ разсказанное и прибавилъ, что я не смѣю сомнѣваться въ истинѣ собранныхъ имъ свѣдѣній о плѣнномъ Англичанинѣ, но что свѣдѣнія, которыя онъ имѣетъ обо мнѣ и о причинѣ моего пріѣзда совершенно невѣрны: я не имѣю чести быть адъютантомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера и пріѣхалъ на заводъ вовсе не для разслѣдованія дѣйствій Фелькнера. При этомъ я подалъ ему подорожную, которую мнѣ только что принесли изъ полиціи, и просилъ повнимательнѣе ее прочесть. Князь Мышецкій очень сконфузился, извинился и уѣхалъ. Я надѣлъ полную парадную форму и отдалъ ему визитъ. Проживъ нѣкоторое время въ Петрозаводскѣ, я узналъ, что князь Мышецкій былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и постоянно дѣлалъ на него доносы. Чѣмъ окончилось дѣло по доносу о плѣнномъ Англичанинѣ, я не знаю. Надобно сказать, что въ то время отношенія между губернаторомъ и жандармскими штабъ-офицерами въ губерніяхъ были престранныя: будучи независимы другъ отъ друга, они должны были доносить о всемъ, что̀ дѣлается въ губерніи, каждый своему начальству. Отъ этого нерѣдко бывали между ними столкновенія, но такое двоевластіе имѣло для населенія ту хорошую сторону, что, сдерживая порывы начальническаго произвола, оно заставляло обѣ власти осмотрительнѣе и добросовѣстнѣе относиться къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, служба моя при баронѣ Корфѣ состояла только въ томъ, что я ѣздилъ съ нимъ на разводы и смотры. На одномъ изъ разводовъ былъ такой случай. Когда всѣ адъютанты собрались вокругъ коменданта для полученія пароля, комендантъ назначилъ г. Изюмъ и передалъ его на ухо рядомъ съ

нимъ стоящему адъютанту; этотъ передалъ другому, другой третьему и, наконецъ, когда пароль дошелъ до послѣдняго адъютанта, то этотъ сказалъ коменданту не Изюмъ, а Черносливъ. Комендантъ страшно разсердился; но въ виду того, что при отдачѣ пароля соблюдается полная тишина и всѣ держатъ руку подъ козырекъ, онъ долженъ былъ сдержать свой гнѣвъ и передалъ пароль Изюмъ въ другой разъ; на этотъ разъ пароль дошелъ вѣрно. Говорили, что адъютанта, который сошкольничалъ, нашли и посадили подъ арестъ. Это былъ одинъ изъ полковыхъ адъютантовъ гвардейской пѣхоты.

Наконецъ перемиріе окончилось, и 18-го Марта 1856 года заключенъ былъ миръ, окончившій кровопролитную и славную, но неуспѣшную для насъ войну. Россіи, привыкшей къ побѣдамъ, тяжело было потерять Черноморскій флотъ и часть владѣній; но всѣ понимали, что миръ былъ необходимъ и съ благодарностью отнеслись къ императору Александру II, даровавшему его.

По заключеніи мира баронъ Корфъ предположилъ лѣто 1856 года провести за границей и вернуться къ коронаціи, которая была назначена на 26 Августа. Я просилъ также заграничнаго отпуска для пользованія моей жены минеральными водами. Въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Николаевской, а потому мы съ женой должны были отправиться моремъ въ Штетинъ. Путешествіе наше на пароходѣ *Владиміръ*, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ, продолжалось около пяти дней. Всѣ ѣхавшіе на пароходѣ страдали отъ морской болѣзни, кромѣ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, который съ особеннымъ вниманіемъ ухаживалъ за больными дамами, лежавшими на палубѣ и въ палубной каютѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались слабые женскіе голоса, обращенные къ принцу: «Monseigneur, donnez moi mon châle... Monseigneur, faites moi apporter un verre d'eau и т. п., и Его Высочество ни одной просьбы не оставлялъ безъ вниманія. Я хотя также чувствовалъ непріятныя ощущенія отъ качки, но крѣпился и помогалъ, сколько могъ, принцу исполнять желанія дамъ. На пароходѣ ѣхалъ Бельгіецъ Капельмансъ, которому наше правительство поручило редакцію Брюссельскаго журнала «Le Nord», долженствовавшаго служить нашимъ печатнымъ органомъ за границей. Капельмансъ мнѣ не понравился вслѣдствіе своихъ рѣзкихъ и подчасъ несправедливыхъ сужденій о Россіи. Онъ выражалъ даже сомнѣніе въ доблести нашего солдата, говоря, что тамъ, гдѣ царствуетъ кнутъ и палка, люди невольно обращаются въ животныхъ, а у животныхъ не можетъ быть ни самолюбія, ни чести и чувства долга; храбрость нашего солдата

онъ объяснялъ равнодушіемъ его къ жизни, полной страданій, которымъ подвергаютъ его военныя власти. О молодомъ нашемъ императорѣ онъ говорилъ съ особеннымъ восторгомъ, предвѣщая ему славное царствованіе и пророча Россіи блестящую страницу въ ея исторіи. Возмущаясь парадоксальными сужденіями Капельманса о нашемъ солдатѣ и о всемъ Русскомъ, я не понималъ, какимъ образомъ могли поручить лицу съ такимъ направленіемъ быть нашимъ адвокатомъ передъ Европой.

Изъ Штетина мы поѣхали съ женой по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Одинъ изъ Нѣмцевъ, сидѣвшихъ съ нами въ вагонѣ, узнавъ, что мы Русскіе путешественники, совѣтовалъ намъ остановиться въ Берлинѣ въ новооткрытой гостиницѣ «Черниговъ» (Tchernigof's Hôtel), восхваляя ее до небесъ. Мы послушались этого совѣта и горько раскаялись. Докторъ Ромбергъ, приглашенный женой для совѣта, очень удивился, найдя насъ въ гостиницѣ, хуже которой, какъ онъ говорилъ, нѣтъ во всемъ Берлинѣ. Мы тотчасъ же переѣхали въ гостиницу «Римъ», считавшуюся въ то время лучшею. Ромбергъ, извѣстный спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, предписалъ моей женѣ лѣченіе ваннами въ Шлангенбадѣ, куда мы и отправились. Берлинъ произвелъ на меня не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе; онъ имѣлъ мрачный видъ вслѣдствіе окраски домовъ въ темный цвѣтъ.

Шлангенбадъ (въ буквальномъ переводѣ: Змѣиная Баня) получилъ свое названіе отъ большаго количества змѣй, которыя тамъ водятся. Онъ состоялъ въ то время изъ 20—25 домовъ, построенныхъ въ ущеліи, между небольшими горами, у источника воды, которую всѣ пили какъ простую (такъ она была безвредна) и изъ которой дѣлались ванны для нервно-больныхъ. Шлангенбадъ получилъ нѣкоторую извѣстность послѣ того, какъ въ немъ провела лѣтній сезонъ императрица Александра Θеодоровна. Докторъ Бертранъ, единственный въ Шлангенбадѣ, носилъ всегда въ петличкѣ на сюртукѣ орденъ св. Станислава 3-ей степени, который ему пожаловалъ императоръ Николай I за лѣченіе императрицы. При источникѣ воды былъ кургаузъ съ помѣщеніями для ваннъ и небольшой паркъ, гдѣ иногда играла довольно плохая музыка; другихъ развлеченій не было; не было даже библіотеки. Пріѣзжихъ въ этомъ году было много. Изъ Русскихъ мы познакомились съ семействомъ Серно-Соловьевичъ, состоявшимъ изъ матери и двухъ сыновей, только что окончившихъ курсъ въ Петербургѣ въ Александровскомъ Лицеѣ. Эти молодые люди, о которыхъ я буду еще говорить, получили впослѣдствіи весьма печальную извѣстность; но въ то время они по-

литикой не занимались и своимъ умомъ и образованіемъ умѣли внести оживленіе въ тихую и однообразную жизнь Шлангенбада. Мы познакомились еще съ однимъ Французскимъ семействомъ, состоявшимъ изъ мужа и жены; оба были молоды и красивы. M-me Daguin была хорошенькая брюнетка, любившая пококетничать, а мужъ ея, помѣщикъ изъ Нормандіи, думалъ, кажется, о своемъ хозяйствѣ болѣе, чѣмъ о своей женѣ. По вечерамъ мы ходили гулять въ паркъ, или ѣздили на ослахъ въ горы. Помню, что, проходя одинъ разъ по площадкѣ, на которой стояли ослы, одна наша Петербургская знакомая К. М. Туманская спросила у одного изъ погонщиковъ, много ли тутъ ословъ; онъ ей съ большой наивностью отвѣчалъ: столько, сколько пріѣзжихъ иностранцевъ. Всѣ разсмѣялись этой остротѣ, хотя по добродушному виду погонщика, надобно было думать, что она была неумышленная.

Моя жена и m-me Daguin брали ванны иногда въ одинъ часъ; я же и m-r Daguin, въ ожиданіи нашихъ женъ, садились и бесѣдовали о политикѣ. Говоря одинъ разъ о вышедшей въ то время брошюрѣ: «Napoléon le Petit par Victor Hugo» я спросилъ моего собесѣдника, какъ смотрятъ на Наполеона III во Франціи? Онъ мнѣ отвѣчалъ такой фразой: «Oh! c'est un homme d'esprit; nous l'aurons encore, certes, pour dix ans» (О, это человѣкъ умный; намъ его хватитъ, вѣрно, еще на десять лѣтъ). О Крымской кампаніи онъ говорилъ, что Французамъ было, конечно, пріятно получать бюллетени о побѣдахъ надъ Русскими, но съ неменьшимъ удовольствіемъ читались во Франціи извѣстія объ успѣхахъ Русскихъ надъ Англичанами, хотя эти послѣдніе были ихъ союзники. Про *Тьера* Дагенъ выразился такъ: «C'est un homme d'état manqué» (это неудавшійся государственный человѣкъ), а про Виктора Гюго: «C'est un poëte, qui cherche ses inspirations dans les bas fonds» (это поэтъ, который ищетъ свое вдохновеніе въ низменностяхъ). Вообще Дагенъ былъ человѣкъ ничѣмъ недовольный и подвергалъ все и всѣхъ критикѣ. Про свое хозяйство онъ говорилъ, что оно идетъ хорошо, но шло бы еще лучше, если бы на престолѣ Франціи былъ не искатель приключеній (aventurier), а законный Французскій король изъ дома Бурбоновъ. Если Дагенъ былъ, какъ видно, легитимистъ, то нельзя сказать, чтобы его партія имѣла въ немъ виднаго представителя. Тьера онъ не любилъ въ особенности за то, что Тьеръ принадлежалъ въ то время къ Орлеанской партіи.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Шлангенбадъ, сидя у окна, я увидѣлъ огромную фуру, подъѣхавшую къ нашему дому. Когда фуру начали выгружать, меня удивило, что въ числѣ вещей были огромные утюги

той формы, какая употребляется въ Россіи; но я еще болѣе удивился, когда услыхалъ, что люди, пріѣхавшіе съ фурой, говорили по-русски. На вопросъ мой у горничной, намъ служившей, кто были эти Русскіе, она мнѣ отвѣчала, что привезенныя вещи принадлежали Русской графинѣ, а пріѣхавшіе люди были служащіе при ней. Вскорѣ подъѣхала коляска, и изъ нея вышла дама среднихъ лѣтъ въ элегантномъ костюмѣ. Увидавъ ее, я тотчасъ же узналъ Мину Ивановну, извѣстную въ то время всему Петербургу силу, дававшую мѣста, ордена и устроительницу служебной карьеры для лицъ, къ ней обращающихся. Но къ чести ея надобно сказать, что она это дѣлала по душевной добротѣ, а не изъ-за денегъ, какъ многія ей подобныя женщины. Красота Мины Ивановны уже поблекла, ей было около 40 лѣтъ; покровитель ея выдалъ ее замужъ за одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, который не имѣлъ графскаго титула, а потому она могла называться генеральшей, но не графиней. Отчего она носила этотъ титулъ и даже на всемъ своемъ бѣльѣ поставила мѣтки съ графскимъ вензелемъ, я не знаю. Помѣщеніе, ею занятое, было роскошное. Она ежедневно приходила гулять въ паркъ; но Русскіе, бывшіе въ Шлангебадѣ, съ ней не знакомились, и кружокъ ея составился изъ нѣсколькихъ Нѣмцевъ и Нѣмокъ.

На Французской границѣ насъ заставили открыть чемоданы; но когда увидали, что на верху моихъ вещей лежала военная фуражка, то просили тотчасъ же закрыть, не подвергая осмотру. Поѣздъ нашъ пришелъ въ Парижъ около 12 часовъ ночи. Когда я хотѣлъ получить вещи изъ багажа, мнѣ ихъ не дали, говоря, что онѣ должны быть осмотрѣны городской таможней; оказалось, что въ Парижѣ существуетъ octroi, то есть акцизъ на привозимые въ городъ колбасы и свиные продукты, вслѣдствіе чего всѣ вещи пасажировъ подвергаются осмотру: это на подобіе нашихъ бывшихъ винныхъ откуповъ, когда у каждой заставы находились откупные досмотрщики, которые останавливали всѣхъ проѣзжающихъ и совали свои желѣзные щупы въ ихъ сундуки, чтобы убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ водки. Моего чемодана я никакъ не могъ открыть: ключъ испортился. Тогда я объяснилъ досмотрщику, что колбасы у меня нѣтъ, такъ какъ я не колбасный торговецъ, а Русскій офицеръ и при этомъ показалъ ему мой паспортъ *), въ которомъ было сказано, что я уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, происшедшей отъ контузіи въ голову. Досмотрщикъ, какъ оказалось,

*) Прежніе заграничные паспорты писались по-русски и по-нѣмецки. Досмотрщикъ былъ Эльзасецъ, а потому зналъ Нѣмецкій языкъ.

былъ солдатомъ въ Севастополѣ и, выйдя въ отставку послѣ войны, поступилъ на службу въ octroi. Онъ схватилъ у меня руку, пожалъ ее и съ удареніемъ сказалъ: Oh! Je connais les Russes; vous êtes un brave monsieur. Prenez vos colis et filez (О, я знаю Русскихъ; вы храбрый офицеръ, берите ваши сундуки и проходите). Добродушное, хотя грубовато выраженное сочувствіе къ Русскимъ бывшаго солдата меня разсмѣшило; я понялъ, что контузія моя мнѣ пригодилась на что нибудь: безъ нея пришлось бы, или ломать замокъ въ чемоданѣ, или ночевать въ воксалѣ желѣзной дороги.

Передъ отъѣздомъ за границу, баронесса Корфъ, жившая долгое время въ Парижѣ, рекомендовала намъ остановиться въ меблированныхъ комнатахъ «rue de Provence». Взявъ свои вещи, мы поѣхали туда въ огромномъ омнибусѣ въ часъ ночи. Намъ дали очень хорошее помѣщеніе въ двѣ комнаты по 10 франковъ въ день; содержательница этихъ комнатъ была очень милая особа, употреблявшая всѣ усилія чтобы намъ угодить. Разскажу два случая, бывшіе со мной, которые могутъ служить иллюстраціей вѣжливости Французовъ второй имперіи. Проходя мимо какой-то лавочки, я замѣтилъ выставленную у окна коробочку въ родѣ пепельницы. Коробочка мнѣ понравилась, и я спросилъ у лавочника, стоявшаго съ сигарой во рту у открытой на улицу двери, сколько она стоитъ; онъ мнѣ отвѣчалъ—два франка; тогда я пожелалъ знать изъ бронзы она, или нѣтъ. При этомъ вопросѣ лавочникъ покраснѣлъ до ушей и, возвысивъ голосъ, сказалъ мнѣ, что я не имѣю права предлагать ему вопросъ, который можетъ означать, что я подозрѣваю торговца въ воровствѣ, такъ какъ только одинъ воръ можетъ продавать такія бронзовыя вещи по два франка, что если у меня есть глаза, то я могу видѣть, что коробка сдѣлана изъ папье-маше. Выходка этого лавочника, къ которому я отнесся вполнѣ вѣжливо, меня удивила. Другой случай былъ слѣдующій. Я поѣхалъ въ «Jardin des Plantes» и, выходя изъ экипажа, сказалъ извощику, чтобы онъ меня дожидался; но извощикъ грозно мнѣ крикнулъ, чтобы я вернулся и его расчелъ, иначе онъ обѣщалъ позвать полицейскаго комиссара. Отчего извощикъ разгнѣвался на меня, я рѣшительно не понимаю. Эти два случая нѣсколько охладили мою симпатію къ Французамъ; но вину такихъ нахальныхъ выходокъ Французскихъ bourgeois того времени я приписываю правленію Наполеона III-го, который, желая упрочить свой престолъ и пріобрѣсти популярность, поощрялъ развитіе въ народѣ тщеславія и другихъ дурныхъ чувствъ, вслѣдствіе чего люди малообразованные прониклись самодовольствомъ и самохвальствомъ; считая себя выше всѣхъ, они думали поддерживать свое верховенство

грубостью и нахальствомъ. Къ развитію въ нихъ высокаго о себѣ мнѣнія не мало содѣйствовала и слава, пріобрѣтенная Наполеономъ послѣ Крымской кампаніи. Невѣжливость Французскаго средняго сословія проявлялась даже въ мелочахъ. Такъ, войдя въ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ, я увидѣлъ прикащиковъ, безъ сюртуковъ вслѣдствіе бывшей жары и въ однихъ жилетахъ, говорившихъ съ приходившими дамами; въ другой разъ жена моя хотѣла купить альбомъ въ одномъ изъ магазиновъ въ Палероялѣ (Palais Royal) и, не замѣтивъ выставленную въ магазинѣ этикетку: «prix fixe» предложила за выбранный ею альбомъ болѣе дешевую цѣну, чѣмъ ей объявила продавщица. Эта послѣдняя чрезвычайно разсердилась и грубо замѣтила, что въ магазинѣ, который продаетъ безъ запроса, не слѣдуетъ торговаться, а между тѣмъ, когда жена хотѣла уйти, она уступила альбомъ за предложенную цѣну. Послѣ 1856 года я былъ въ Парижѣ два раза, когда имперіи уже не было, и ничего подобнаго я не видалъ, что̀ и даетъ мнѣ право думать, что нахальныя выходки Французскихъ bourgeois обязаны были своимъ происхожденіемъ развращающей системѣ правленія Наполеона III. Въ настоящее время никто не сомнѣвается, конечно, что въ Наполеонѣ III не было ни геніальности Наполеона I, ни особеннаго государственнаго ума; но въ то время, о которомъ я говорю, стоя на верху своей славы, онъ считался великимъ человѣкомъ: вся Франція ему кланялась и рукоплескала. Однакожъ и въ то время попадали въ печать весьма нелестныя о немъ сужденія. Я помню, что въ Брюсселѣ я прочелъ въ какой-то книгѣ описаніе разговора о немъ двухъ «bourgeois», когда избраніе его было подвергнуто всеобщему голосованію. Est-ce que vous l'auriez pris pour votre garçon de caisse? спросилъ одинъ другаго.—Jamais, il me volerait; mais comme Empereur, il sera bien: je voterai pour lui *), отвѣчалъ другой.

Домой возвращались мы черезъ Варшаву, гдѣ купили дормезъ, и на почтовыхъ пріѣхали въ Москву недѣлю послѣ коронаціи. Изъ коронаціонныхъ празднествъ мы застали только фейерверкъ, который былъ спущенъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и на которомъ присутствовали вся императорская фамилія и всѣ иностранные гости. Отъ фейерверка ожидали чудесъ; его приготовлялъ генералъ-маіоръ Константиновъ. Въ день фейерверка десятки тысячъ народа собрались на полѣ передъ Кадетскимъ Корпусомъ, всѣ окна корпуса были заняты зрителями; но пошелъ дождь, и фейерверкъ потерпѣлъ полное фіаско. Импе-

---

*) Взяли бы вы его къ себѣ въ кассиры?—Никогда, онъ обокралъ бы меня; но какъ императоръ, онъ будетъ хорошъ, и я подамъ голосъ за него.

ратрица Марія Александровна зажгла птицу, которая, двигаясь по проволокѣ, должна была воспламенить всѣ фейерверочныя чудеса; но птица не послушалась императрицы. Тогда начали зажигать руками разныя колеса, щиты, ракеты; все это шипѣло, трещало, бросало огненные языки и наконецъ тухло. Вину неудачи фейерверка свалили на дождь.

Изъ Москвы мы пріѣхали въ Петербургъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и я снова вступилъ въ исправленіе моей должности адъютанта при баронѣ Корфѣ.

II.

Человѣколюбивое направленіе, просвѣщенный умъ и освободительныя стремленія императора Александра II-го извѣстны были всѣмъ. По восшествіи его на престолъ, Россія предвидѣла начало новой эры въ своей государственной жизни, а Европа привѣтствовала новаго монарха выраженіемъ самыхъ горячихъ къ нему симпатій. Но въ то время, когда императоръ Александръ II-й принялъ бразды правленія, Россія, неустроенная внутри и обезсиленная внѣшней войной, была въ самомъ печальномъ положеніи. Императоръ Николай I-й въ теченіи 30-ти лѣтняго своего царствованія заботился почти исключительно о поддержаніи военнаго могущества Россіи; посвящая значительную часть своего времени занятіямъ объ устройствѣ арміи, онъ придалъ ей блестящій наружный видъ, назначая же на высшія государственныя должности военныхъ генераловъ, привлекъ на службу въ ея рядахъ лучшія силы нашего дворянства. Но усилія его не имѣли успѣха. Съ паденіемъ Севастополя пало военное обаяніе Россіи, ослабла ея внѣшняя сила, прикрывавшая внутреннюю слабость; обнажились такія язвы на всемъ ея организмѣ, которыя требовали немедленнаго лѣченія, немедленныхъ реформъ. Императоръ Александръ II-й сознавалъ это; но прежде чѣмъ приступить къ внутреннимъ реформамъ, необходимо было окончить внѣшнюю войну; война же, давшая перевѣсъ надъ нами нашимъ врагамъ, не могла быть окончена безъ пожертвованій. Вопросъ заключался только въ томъ, какъ велики могутъ быть пожертвованія. По заключеніи перемирія, Австрія предложила свое посредничество для веденія мирныхъ переговоровъ; оказалось, что жертвы, потребованныя отъ Россіи, не были такъ велики. Императоръ Александръ II-й могъ легко на нихъ согласиться, такъ какъ онъ не былъ нравственно отвѣтственъ ни за начало войны, ни за ея безуспѣшность. Наконецъ, къ общей радости всѣхъ друзей человѣчества, миръ былъ заключенъ въ Парижѣ 18-го Марта 1856 года.

Окончивъ, такимъ образомъ, войну, императоръ рѣшился приступить къ реформамъ и прежде всего къ уничтоженію крѣпостнаго права, которое и въ нравственномъ отношеніи и въ экономическомъ служило тормазомъ къ развитію всѣхъ силъ Россіи. Хотя всѣмъ извѣстно было, что молодой монархъ былъ сторонникомъ идеи освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости; но, въ первый годъ его царствованія, война поглощала общее вниманіе, и лица, несочувствовавшія идеѣ государя, успокоились, полагая, что отъ идеи до приведенія ея въ исполненіе очень далеко, тѣмъ болѣе, что въ манифестѣ о восшествіи на престолъ не было сдѣлано ни малѣйшаго намека на намѣреніе императора приступить къ крестьянской реформѣ. Императоръ Александръ I-й, говорили эти лица, выражалъ также желаніе освободить крестьянъ, но не рѣшился сдѣлать эту реформу въ Россіи, ограничившись только уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ Остзейскихъ губерніяхъ. Императоръ Николай I-й, въ свою очередь, пытался улучшить положеніе крѣпостныхъ, но освободить ихъ совершенно отъ власти помѣщиковъ онъ находилъ невозможнымъ. При этомъ разсказывали случай, бывшій въ въ Москвѣ, во время коронованія императора Николая I *). На Ходынскомъ полѣ устроенъ былъ народный праздникъ, на который собрались массы народа. Для лицъ, желавшихъ видѣть этотъ праздникъ, устроена была двухъярусная галлерея, которая вся наполнилась зрителями. По пріѣздѣ государя столы были открыты, и Его Величество крикнулъ народу, что все тутъ находящееся онъ даетъ ему. Въ одно мгновеніе всѣ бросились къ бочкамъ съ водкой и къ столамъ и по уничтоженіи всего стоявшаго кинулись ломать галерею, говоря, что государь имъ отдалъ все, слѣдовательно и галерею. Сидѣвшіе на ней, въ страшномъ испугѣ, стали выходить; но нѣкоторые не успѣли спуститься по лѣстницѣ и попадали внизъ съ подрубленными столбами. Разсказывавшіе объ этомъ случаѣ прибавляли, что императоръ Николай I-й и всѣ иностранные гости, видѣвшіе эти буйства, убѣдились, что народъ Русскій отличается отъ другихъ народовъ такими звѣрскими инстинктами, которые дѣлаютъ освобожденіе его изъ крѣпостной зависимости столько же опаснымъ, сколько опасно освобожденіе львовъ и тигровъ изъ клѣтокъ въ зоологическихъ садахъ. Многіе съ увѣренностію говорили, что императоръ Александръ II-й не рѣшится уничтожить крѣпостное право и потому еще, что этимъ нарушено было бы право собственности дворянъ, которые всегда были и должны быть опорой престола и государства.

*) О случаѣ этомъ я слышалъ въ моемъ дѣтствѣ отъ отца.

Итакъ первый годъ новаго царствованія прошелъ спокойно для помѣщиковъ, но на второмъ году обнародованный манифестъ по случаю заключенія мира и слова государя Московскимъ дворянамъ о томъ, что лучше начать сверху, нежели ожидать, чтобы движеніе началось снизу, внесли сильную тревогу въ помѣщичій лагерь и убѣдили всѣхъ въ твердомъ намѣреніи государя приступить къ освобожденію крестьянъ. Съ этого времени всѣ слои нашего общества какъ бы пробудились отъ сна; крестьянскій вопросъ наэлектризовалъ умы всѣхъ; не было дома въ Петербургѣ, въ которомъ не говорили бы о крестьянскомъ вопросѣ; не было кружка лицъ, гдѣ не обсуживали бы его со всѣхъ сторонъ. Люди сердца и мысли, интеллигентная молодежь и печать восторженно привѣтствовали намѣреніе государя уничтожить рабство; наши же крѣпостные, съ твердымъ упованіемъ на царя, нетерпѣливо ожидали счастливаго дня ихъ освобожденія и вѣрили каждому нелѣпому слуху, къ нимъ проникавшему. Для примѣра могу разсказать такой случай. Мы жили въ Петербургѣ въ своемъ домѣ; приходитъ ко мнѣ дворникъ и проситъ позволенія сходить въ Сенатскую типографію купить указъ о волѣ. Не понимая, какой могъ быть этотъ указъ, я поѣхалъ самъ въ типографію и увидалъ множество народа, стоявшаго на Исакіевской площади и сдерживаемаго полиціей; у входа же въ типографію стояли городовые и пропускали въ дверь по одному и по два человѣка. Протиснувшись черезъ толпу, я пріобрѣлъ этотъ указъ и, прочитавъ его, съ трудомъ понялъ, въ чемъ заключалось дѣло: до того его редакція была мало понятна. Указъ былъ такъ озаглавленъ: «По вопросу о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ». Текстъ его былъ слѣдующій: «Гражданскія палаты, немедленно по полученіи указовъ Правительствующаго Сената объ увольнительныхъ договорахъ помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные, водворенные на собственныхъ земляхъ, вносятъ сіи договоры въ крѣпостныя свои книги, и затѣмъ, оставляя подлинный договоръ для храненія въ палатѣ, выдаютъ участвующимъ сторонамъ списки съ тѣхъ договоровъ за подписью присутствующихъ и скрѣпою секретаря палаты, съ учиненіемъ надлежащей о совершеніи договора публикаціи». Безграмотный людъ, конечно, ничего не понялъ въ указѣ, но слыша слова: помѣщикъ, увольненіе, приписка, принялъ его за указъ о волѣ.

Общее воодушевленіе, охватившее наше общество и восторгъ, съ которымъ были приняты слова государя, сказанныя въ Москвѣ, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Служа въ Петербургѣ, я никогда не размышлялъ о горькомъ положеніи, въ которомъ находятся наши

крѣпостные; но тѣмъ не менѣе я вполнѣ сознавалъ, что крѣпостное право было пятномъ, лежавшимъ на Россіи и унижавшимъ ее передъ образованнымъ міромъ. Мысль, что это пятно будетъ скоро снято и что 20-ти милліонное Русское населеніе получитъ человѣческія права, возбудила во мнѣ какое-то особенное чувство умиленія и благодарности къ императору Александру II. Я такъ заинтересовался вопросомъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, что сталъ читать все, что̀ о немъ писалось, и съ наслажденіемъ слушалъ, что̀ о немъ говорилось. У меня мало-по-малу составился мой собственный взглядъ на рѣшеніе крестьянскаго вопроса, вслѣдствіе чего я слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми сторонами его развитія.

Въ началѣ 1857 года, встрѣтивъ случайно на Невскомъ проспектѣ старшаго брата Николая Серно-Соловьевича, котораго я не видалъ послѣ нашего отъѣзда изъ Шлангенбада, я съ нимъ разговорился и узналъ отъ него, что, для обсужденія мѣръ по устройству быта крестьянъ, учрежденъ былъ секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ императора. Въ составъ комитета были назначены членами: князь Орловъ предсѣдатель государственнаго совѣта, съ правомъ предсѣдательствовать въ комитетѣ въ отсутствіе государя; министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, Блудовъ, Чевкинъ, Брокъ, князь Долгорукій, князь П. П. Гагаринъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ, баронъ М. А. Корфъ, М. Н. Муравьевъ и Я. И. Ростовцевъ. Производителемъ дѣлъ комитета назначенъ былъ Бутковъ, который, будучи родственникомъ Серно-Соловьевича, взялъ его къ себѣ въ видѣ секретаря, для занятій по письменной части. Серно-Соловьевичъ отзывался о всѣхъ членахъ комитета, за исключеніемъ Ланскаго и Ростовцева, какъ о лицахъ не сочувствовавшихъ дѣлу, къ рѣшенію котораго они призваны, и полагалъ, что всѣ работы комитета окончатся какими-либо пустыми мѣропріятіями для облегченія крѣпостной зависимости крестьянъ, или что дѣло освобожденія будетъ отложено въ долгій ящикъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ указывалъ на первое постановленіе комитета, признавшее, что *освобожденіе крестьянъ должно быть постепенное*, *безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ*. Слово *постепенное* и слова *безъ крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ* давали самое неопредѣленное понятіе о времени и способахъ приведенія въ исполненіе воли государя. Но, прибавилъ онъ, все будетъ зависѣть отъ настойчивости, съ которой государь поведетъ дѣло. Россія велика; въ ней найдутся люди, которые съумѣютъ обнаружить передъ нимъ несочувствіе его сановниковъ къ освобожденію крестьянъ и окажутъ безкорыстное содѣйствіе къ исполненію его священной воли. Въ послѣднихъ словахъ Серно-Соловьевича я видѣлъ только фразу,

но впослѣдствіи смыслъ ея мнѣ уяснился. Работая у Буткова, какъ секретарь, онъ, конечно, зналъ подробно весь ходъ дѣлъ въ комитетѣ и убѣжденія всѣхъ его членовъ. Главными противниками уничтоженія крѣпостнаго права были князь Орловъ и М. Н. Муравьевъ; Бутковъ, будучи съ ними однихъ мыслей, старался имъ помогать, затягивая дѣлопроизводство. Серно - Соловьевичъ, возмущаясь противодѣйствіемъ комитета волѣ государя, составилъ подробную записку, въ которой изложилъ взгляды Комитета на крестьянскій вопросъ и употребилъ всю силу логики, чтобы доказать невѣрность этихъ взглядовъ. Составивъ эту записку, которая, какъ мнѣ говорили (я самъ не читалъ), была очень умно и дѣльно написана, онъ рѣшился представить ее государю и поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ въ то время жила вся императорская фамилія. Занявъ случайно мѣсто въ одномъ вагонѣ съ шефомъ жандармовъ княземъ Долгорукимъ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: какимъ образомъ и гдѣ онъ можетъ представиться государю, чтобы лично ему передать записку, имъ составленную, о крестьянскомъ вопросѣ. Князь Долгорукій, удивленный этимъ вопросомъ, сказалъ, что государь его не приметъ, а записку онъ можетъ представить не иначе, какъ чрезъ него, шефа жандармовъ. Серно-Соловьевичъ записки ему не далъ, а по пріѣздѣ въ Царское Село успѣлъ пробраться рано утромъ въ паркъ, въ которомъ государь гулялъ обыкновенно въ 8 часовъ утра. Хотя постороннихъ въ паркъ не пускали, но Серно-Соловьевичъ нашелъ какое-то средство обойти запрещеніе и въ то время, когда государь шелъ по одной изъ аллей, онъ смѣло пошелъ къ нему на встрѣчу, держа въ рукахъ записку. Увидавъ его, государь остановился и, нахмуривъ брови, спросилъ: кто онъ и чтó ему нужно? Серно-Соловьевичъ назвалъ свою фамилію и, подавъ записку, умолялъ государя прочесть ее лично самому, а не передазать ее другому лицу; къ этому онъ прибавилъ, что въ этой запискѣ изложены мысли по крестьянскому вопросу. Государь взялъ записку, положилъ въ карманъ и сказалъ: «хорошо, ступай». Серно-Соловьевичъ не безъ страха ожидалъ результата своего смѣлаго поступка. На другой день пріѣхалъ къ его матери братъ ея (кажется Кирилинъ), занимавшій довольно высокій постъ и бывшій съ Бутковымъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и объявилъ ей, что сынъ ея Николай сошелъ съ ума, что, по словамъ Буткова, онъ будетъ вѣроятно посаженъ въ сумашедшій домъ за дерзость, съ которой онъ ворвался въ паркъ при Царскосельскомъ дворцѣ и подалъ государю какую - то глупую записку. Мать съ отчаянія занемогла. Прошло нѣсколько дней въ томительномъ ожиданіи; наконецъ, получилось предписаніе Николаю Серно-Соловьевичу явиться къ князю Орлову въ извѣстный день и часъ. Онъ поѣхалъ. Князь Орловъ

вышелъ къ нему и громко сказалъ: «Мальчишка, знаешь ли что̀ сдѣлалъ бы съ тобой покойный государь Николай Павловичъ, если бы ты осмѣлился подать ему записку? Онъ упряталъ бы тебя туда, гдѣ не нашли бы и костей твоихъ»... Затѣмъ, помолчавъ, онъ прибавилъ: «А государь Александръ Николаевичъ такъ добръ, что приказалъ тебя поцѣловать. Цѣлуй меня»!...

Этотъ случай съ Серно-Соловьевичемъ извѣстенъ былъ многимъ, мною же слышанъ онъ отъ его матери, съ которой я изрѣдка видался. Что́ стало послѣ этого съ Серно-Соловьевичемъ, остался ли онъ на службѣ у Буткова или нѣтъ, я не знаю; но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и я прочиталъ въ газетахъ объявленіе, что по какому-то экономическому вопросу назначается публичный диспутъ въ пассажѣ графа Стенбока; представителями двухъ различныхъ мнѣній явятся Полетика и Серно-Соловьевичъ, а суперарбитромъ, то есть рѣшителемъ спора, приглашенъ Ламанскій. Публика допускается по билетамъ. Я поѣхалъ и вынесъ весьма грустное впечатлѣніе изъ этого диспута. Скандалъ былъ полный. Вмѣсто хладнокровнаго обсужденія вопроса, Серно-Соловьевичъ позволялъ себѣ самыя рѣзкія выходки и остроты о противной сторонѣ; Полетика отвѣчалъ ему тѣмъ же; началась брань; никто не хотѣлъ слушаться суперарбитра, который долженъ былъ руководить преніями; наконецъ, этотъ послѣдній, выведенный изъ терпѣнія крикомъ и гамомъ, воцарившимся въ залѣ, произнесъ надѣлавшую въ то время много шуму фразу: «Мы еще не дозрѣли» и оставилъ свое мѣсто. Многія газеты, подвергая обсужденію происшедшее на диспутѣ, напали на Ламанскаго за произнесенную имъ фразу, считая ее оскорбительною для Русскаго самолюбія; другія же приняли его сторону. Во всякомъ случаѣ диспутъ кончился ничѣмъ; онъ былъ первымъ и послѣднимъ. Слушая Серно-Соловьевича на диспутѣ, я былъ удивленъ перемѣнѣ, которая въ немъ произошла: изъ скромнаго вѣжливаго до утонченности и вполнѣ приличнаго молодого человѣка, какимъ я зналъ его въ Шлангенбадѣ, онъ обратился въ самоувѣреннаго, дерзкаго и даже нахальнаго оратора, забывшаго всѣ приличія и уваженіе къ публикѣ. Послѣдующія обстоятельства его жизни извѣстны. Увлекшись псевдо-либеральными идеями, онъ сталъ проповѣдывать революціонные принципы и былъ сосланъ, сколько помнится, на каторжныя работы. Въ чемъ заключались обвиненія противъ него, въ точности никто не зналъ; говорили, что онъ завелъ книжный магазинъ, въ которомъ можно было читать всевозможныя запрещенныя книги; указывали на его участіе въ изданіи, въ Петербургѣ, подпольнаго журнала «Великоруссъ»; но вѣрныхъ свѣдѣній о совершенныхъ имъ преступле-

ніяхъ въ печать не проникло. Младшій его братъ Александръ избѣгъ ссылки только потому, что успѣлъ заблаговременно уѣхать за границу.

До учрежденія комитета по крестьянскому вопросу, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской говорилъ съ предводителями дворянства, во время коронаціи, о желаніи государя отмѣнить крѣпостное право; но предводители сочувствія къ этой реформѣ не выказали. Сговорчивѣе другихъ оказались предводители трехъ Западныхъ губерній (Виленской, Ковенской и Гродненской), которые, подъ давленіемъ на нихъ генералъ-губернатора Назимова, переговорили съ дворянами и рѣшились оказать содѣйствіе правительству къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Назимовъ донесъ объ этомъ государю черезъ министра внутреннихъ дѣлъ; государь отвѣчалъ ему рескриптомъ отъ 20-го Ноября 1857 года, въ которомъ, одобряя намѣреніе дворянъ составить проектъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, повелѣлъ учредить въ каждой изъ трехъ губерній Комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей дворянства. Въ число членовъ должны были вступить по одному отъ каждаго уѣзда по выбору дворянъ и два лица по назначенію генералъ-губернатора. Проекты положеній, составленные губернскими комитетами, должны были поступить на разсмотрѣніе и окончательное заключеніе особой Комиссіи, учрежденной въ Вильнѣ изъ членовъ по два отъ каждаго губернскаго комитета, одного отъ генералъ-губернатора и одного отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ рескриптѣ указаны были главныя основанія, которыми должны были руководствоваться комитеты; развитіе же этихъ основаній изложено было въ особой инструкціи, составленной министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ первый шагъ, оффиціально сдѣланный правительствомъ къ осуществленію крестьянской реформы. Радость лицъ, ей сочувствовавшихъ, доходила до восторга. Всѣ были увѣрены, что примѣру дворянъ трехъ Западныхъ губерній послѣдуютъ дворяне другихъ губерній и что первая, которая откликнется на призывъ государя, будетъ Московская губернія; но оказалось, что первою была Петербургская, второю Нижегородская, а Московская была только третьею. На такой поздній отзывъ государь обратилъ вниманіе, и рѣчь, съ которой онъ обратился къ Московскимъ дворянамъ въ 1858 г., онъ началъ въ такомъ смыслѣ: «Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство; но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и, къ сожалѣнію, благодарить теперь васъ я не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣ-

нію крѣпостнаго права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что Московское дворянство первое отзовется; но отозвалось Нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что я родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ Наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю. Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для вашей же пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ»... Рѣчь государь окончилъ такъ: «Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность». Москва опоздала откликнуться на призывъ государя, потому что въ Москвѣ въ то время генералъ-губернаторомъ былъ графъ Закревскій, извѣстный крѣпостникъ, который, будучи другомъ князя Орлова, увѣрялъ дворянъ, что затѣя освободить крестьянъ окончится ничѣмъ, что онъ имѣетъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія изъ Петербурга. Въ параллель съ холоднымъ отношеніемъ Московскихъ дворянъ къ крестьянской реформѣ, нельзя не указать на восторженность, съ которой она была принята въ Москвѣ людьми мысли и прогресса: 28-го Декабря 1857 года состоялся обѣдъ по подпискѣ, на который собралось до 180 лицъ разныхъ сословій, принадлежавшихъ къ Московской интеллигенціи. На обѣдѣ тосты за государя императора сопровождались восторженными рѣчами; воодушевленіе дошло до того, что многіе плакали отъ избытка чувствъ. Первую рѣчь сказалъ Катковъ. Объ этой рѣчи и о рѣчахъ Кокорева, Павлова и Кавелина много говорили въ Петербургѣ. Обѣдъ этотъ не могъ не возбудить неудовольствія графа Закревскаго: по его представленію обѣды подобные этому были запрещены, и Кокоревъ *) получилъ выговоръ.

*) Кокоревъ сказалъ довольно длинную рѣчь; онъ началъ ее такъ: „Свѣтъ и тьма въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, вянетъ дѣло, поетъ духъ, умаляется сила народная. Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта; но за то сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II-го. Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи Царя вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся Русская земля“...

Въ началѣ 1859 года, при крестьянскомъ комитетѣ образованы были двѣ Редакціонныя Комиссіи, слившіяся, въ скоромъ времени, въ одну. Предсѣдателемъ Комиссіи назначенъ былъ Я. И. Ростовцевъ. Цѣль Комиссіи заключалась въ разсмотрѣніи проектовъ губернскихъ комитетовъ, начертаніи Положенія объ освобожденіи крестьянъ и представленіи его на обсужденіе въ Крестьянскій Комитетъ. Членами Комиссіи должны были состоять по два депутата отъ губернскихъ комитетовъ каждой губерніи, нѣкоторые члены земскаго отдѣла Министерства внутреннихъ дѣлъ и лица по приглашенію Я. И. Ростовцева, которыхъ назвали членами экспертами.

Не вдаваясь въ подробное объясненіе хода работъ въ Редакціонной Комиссіи, укажу на составъ нашего общества того времени и на отношеніе его къ работамъ Комиссіи, а также и на участіе, которое принимала печать въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса.

Общество наше раздѣлилось на двѣ партіи. Одна, не сочувствовавшая освобожденію крестьянъ, употребляла всѣ усилія, чтобы крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ исключительно съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ. Сначала она требовала выкупа за личную свободу крестьянъ, затѣмъ она предлагала освободить ихъ безъ земли; наконецъ, когда появились рескрипты губернаторамъ, въ которыхъ указаны были главныя основанія, на которыхъ должно состояться освобожденіе, партія эта обрадовалась, что помѣщикамъ предоставлялась полицейская власть надъ крестьянами и хотѣла такъ расширить эту власть, чтобы крѣпостное право оказалось отмѣненнымъ только на бумагѣ, а на дѣлѣ крестьяне остались бы въ той же зависимости отъ помѣщиковъ, какъ и прежде. Для достиженія своихъ цѣлей, она употребляла мѣры застращиванія: увѣряла, что бывшія волненія между крестьянами служили наилучшимъ доказательствомъ неподготовленности ихъ къ свободѣ, что уничтоженіе помѣщичьей власти можетъ отдать крестьянъ въ руки демагоговъ и повести Россію къ демократической революціи и т. п. Нѣкоторыми извѣстными лицами была составлена даже записка объ ужасной опасности, которая грозитъ спокойствію Россіи отъ уничтоженія крѣпостнаго права; записка эта была представлена государю черезъ шефа жандармовъ, но никакого вліянія на ходъ крестьянскаго вопроса она не оказала. Къ вышеуказанной партіи принадлежали большинство помѣщиковъ и большинство членовъ Крестьянскаго Комитета. Печатнымъ органомъ ей служилъ «Журналъ Землевладѣльцевъ» издаваемый въ Москвѣ Казанскимъ помѣщикомъ Желтухинымъ. Другая партія, стремившаяся, съ отмѣной крѣпостнаго права, уничтожить всякую возможность къ его проявленію въ какомъ

бы то ни было видѣ, желала поставить крестьянъ въ такое положеніе, чтобы они съ полнымъ сознаніемъ могли понять, что ихъ бытъ улучшенъ. Этимъ способомъ устранялся всякій поводъ къ какимъ бы то ни было волненіямъ. Для достиженія этой цѣли она предлагала освободить крестьянъ съ землей, допустить выкупъ, въ которомъ бы участвовали всѣ сословія, и устранить помѣщиковъ отъ вотчинной полиціи и отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ; она сознавала, что отъ такого устройства могутъ пострадать, на первое время, помѣщичьи интересы; но благо государства она ставила выше частныхъ выгодъ. Къ этой партіи принадлежали всѣ интеллигентные люди и довольно большое меньшинство помѣщиковъ; ей сочувствовали министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и большинство членовъ Редакціонной Коммиссіи. Печатными органами ея была вся Русская печать, за исключеніемъ «Журнала Землевладѣльцевъ»; лучшія въ то время періодическія изданія, какъ напримѣръ «Русскій Вѣстникъ» подъ редакціей Каткова и «Сельское Благоустройство» подъ редакціей Кошелева, постоянно наполнялись статьями, защищавшими и разработывавшими требованія нашей либеральной партіи. Между нашими литераторами было такое единодушіе, что крѣпостническая партія, желая основать свой органъ въ Петербургѣ, вынуждена была отказаться отъ этого намѣренія, потому что не могла найти редактора для своего журнала. Борьба партій велась и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Покровителямъ крѣпостниковъ мы были обязаны такими цензурными стѣсненіями, смыслъ которыхъ совершенно непонятенъ; такъ напримѣръ, въ началѣ возникновенія крестьянскаго вопроса, запрещено было употреблять слово *освобожденіе*, замѣнивъ его выраженіемъ *улучшеніе быта крестьянъ*; затѣмъ не дозволено было входить въ критическое обсужденіе главныхъ основаній, указанныхъ въ рескриптахъ къ губернаторамъ; наконецъ наложено было *veto* на разсмотрѣніе вопроса о выкупѣ, въ первое время, какъ онъ былъ возбужденъ губернскими комитетами Калужской и Тверской губерній. Ланской вынужденъ былъ вести постоянную борьбу съ врагами гласности. Сознавая, что главною причиною крестьянскихъ волненій было незнаніе крестьянами положенія, въ которомъ находится крестьянскій вопросъ и вслѣдствіе того явившіеся между ними кривотолки объ ожидаемой ими свободѣ, онъ приказалъ разсылать рескрипты губернаторамъ во всѣ волостныя правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра не мало содѣйствовала къ успокоенію крестьянъ; но крѣпостники продолжали раздувать ничтожные безпорядки между крестьянами, придавая имъ значеніе грозныхъ возстаній. Ланской и въ этомъ случаѣ оказалъ услугу дѣлу освобожденія, доказавъ государю донесеніями губернаторовъ невѣрность свѣ-

дѣній, собираемыхъ крѣпостниками; въ подтвержденіе спокойнаго ожиданія крестьянами обѣщаннаго имъ освобожденія, онъ привелъ слѣдующій фактъ: до возбужденія крестьянскаго вопроса, среднее число помѣщиковъ убитыхъ ихъ крѣпостными въ годъ было—13; по возбужденіи же этого вопроса не было ни одного убитаго помѣщика *).

Какъ бы то ни было, но при твердой волѣ государя, вопросъ объ свообожденіи крѣпостныхъ подвигался къ своему рѣшенію довольно быстро. Цензура мало по малу дѣлала уступки общественному мнѣнію, дозволяя журналамъ обсуждать много такихъ вопросовъ, на которыхъ прежде лежало *veto*. Редакціонная Комиссія работала безъ устали и, не смотря на оппозицію депутатовъ губернскихъ комитетовъ, измѣнила, съ разрѣшенія государя, главныя основанія, указанныя въ рескриптахъ губернаторамъ. Въ такомъ положеніи 1860-й годъ засталъ крестьянскій вопросъ.

Вспоминая то время нельзя не удивляться той энергіи, съ которой государь велъ крестьянское дѣло. Въ Россіи, всякое желаніе царя находило всегда полную поддержку въ лицахъ его окружающихъ; въ крестьянскомъ же вопросѣ государь встрѣтилъ въ своихъ сановникахъ не поддержку, а противодѣйствіе, и мотивами къ этому противодѣйствію они выставляли не нарушеніе помѣщичьихъ интересовъ, а высокое чувство патріотизма, заставлявшее ихъ стремиться къ устраненію опасности, которая грозитъ Россіи. На этомъ инструментѣ играли всѣ крѣпостники, а Желтухинъ основалъ на немъ даже цѣлую систему освобожденія крѣпостныхъ, увѣряя, что для пользы государства слѣдуетъ, въ переходное время, надѣлить крестьянъ землей не болѣе одной десятины на душу, а по истеченіи этого времени обезземелить ихъ, сохранивъ барщинный трудъ. Одинъ историкъ, описавшій то время, говоритъ: «Въ исторіи крестьянской реформы повторилось хорошо извѣстное исторіи народовъ явленіе. Ближайшіе совѣтники верховной власти, консерваторы всякихъ оттѣнковъ, противятся реформѣ ради охраненія порядка, предупрежденія смуты, не вѣдая того, что именно своимъ противодѣйствіемъ назрѣвшему въ соціальной жизни движенію они вызываютъ смуту. Громадная заслуга императора Александра II-го передъ Россіей и исторіей заключается въ томъ, что онъ понялъ требованіе времени, понялъ своихъ сановниковъ и въ пятилѣтній періодъ времени умѣлъ совершить такую громадную реформу какъ уничтоженіе трехъ-вѣковаго рабства. Не странно ли, послѣ этого

---

*) Фактъ этотъ могъ быть истолкованъ иначе: можетъ быть, въ ожиданіи скораго уничтоженія крѣпостнаго права, помѣщики сдерживали свой дикій произволъ и не давали крестьянамъ повода къ совершенію преступленій надъ ними.

видѣть, что нѣкоторыя наши комиссіи, какъ напримѣръ, паспортная, работаютъ десятки лѣтъ и не могутъ окончить дѣла, имъ порученнаго»?

III.

Прослуживъ по одному году въ чинѣ штабсъ-капитана и капитана, я былъ произведенъ въ полковники въ 1856 году. Въ чинѣ полковника я не могъ оставаться адьютантомъ у барона Корфа и по моей просьбѣ былъ прикомандированъ къ образцовой конной батареѣ, какъ кандидатъ на полученіе батареи. Я не чувствовалъ никакого призванія къ строевой службѣ и вовсе не желалъ командовать батареей, но прикомандировался къ образцовой конной батареѣ единственно для того, чтобы остаться на службѣ въ Петербургѣ, полагая, что очередь для полученія батареи дойдетъ до меня нескоро. Къ сожалѣнію не прошло и полугода, какъ мнѣ предложили принять батарею гдѣ-то на Югѣ, я отказался; прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и я снова получилъ предложеніе вступить въ командованіе батареей, квартировавшей въ Твери. Мнѣ всѣ совѣтовали принять эту батарею, такъ какъ она считалась одной изъ лучшихъ въ полевой конной артиллеріи, и по строевому образованію, и въ хозяйственномъ отношеніи, и по мѣсту стоянки; но, сознавая себя мало способнымъ къ командованію батареей, я откровенно сказалъ Баранцеву (начальнику штаба генералъ фельдцейхмейстера), что я никакой батареей командовать не желаю и останусь въ прикомандированіи къ образцовой конной батареѣ весьма не долго, до пріисканія другаго рода службы, или до выхода въ отставку.

Въ это время крестьянскій вопросъ былъ въ полномъ разгарѣ; мой интересъ къ нему росъ не по днямъ, а по часамъ. На сколько служба батарейнымъ командиромъ казалась мнѣ мало привлекательной, хотя въ то время она давала хорошія средства къ жизни, на столько велико было мое желаніе принять какое либо участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Чтобы быть ближе къ источнику, изъ котораго исходили всѣ распоряженія по крестьянскому вопросу, я рѣшился поѣхать къ Ланскому, запасшись нѣкоторыми рекомендаціями, и просилъ его прикомандировать меня къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Ланской изъявилъ согласіе, и я былъ зачисленъ въ число состоящихъ при министерствѣ военныхъ чиновъ. Лица, состоящія при министерствѣ, не получали содержанія, но наиболѣе бѣдныя изъ нихъ выхлопатывали себѣ командировки, которыя вознаграждались довольно щедро и давали имъ нужныя средства къ жизни. Вступивъ въ министерство, я продол-

жалъ дорожить моей жизнію въ Петербургѣ, а потому не искалъ командировокъ во внутреннія губерніи, которыхъ такъ желали другіе состоящіе. Даваемыя министерствомъ командировки были большею частію самыя пустыя, а подчасъ онѣ создавались въ угоду лицъ, пользовавшихся покровительствомъ директора Департамента Общихъ Дѣлъ Гвоздева. Гвоздевъ пользовался полнымъ довѣріемъ Ланскаго и распоряжался въ министерствѣ, какъ полновластный хозяинъ; онъ назначалъ по своему усмотрѣнію губернаторовъ, перемѣщалъ ихъ и увольнялъ. Говорили, что во всѣхъ своихъ назначеніяхъ онъ преслѣдовалъ корыстныя цѣли; но правда-ли это? Я не знаю. Знаю только то, что онъ взялъ въ одной изъ внутреннихъ губерній винный откупъ подъ чужимъ именемъ и назначилъ туда губернаторомъ близкаго себѣ человѣка, который смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣлаемыя откупными агентами злоупотребленія. Вскорѣ Гвоздевъ былъ удаленъ отъ должности и, ѣхавши по Николаевской желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, бросился съ площадки вагона, на которой онъ стоялъ, на рельсы. Этотъ родъ самоубійства былъ въ первый разъ примѣненъ въ Россіи Гвоздевымъ.

Состоя при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, я не имѣлъ никакихъ служебныхъ занятій. Просить, чтобы мнѣ ихъ дали, я не хотѣлъ, такъ какъ на подобныя просьбы смотрѣли какъ на желаніе пріобрѣсти деньги; кромѣ того, чтобы подобныя просьбы могли быть удовлетворены, нужно было умѣть пріобрѣсти благосклонность разныхъ начальственныхъ лицъ, а умѣніемъ этимъ я не обладалъ. Я предпочелъ заняться моими собственными дѣлами: купилъ известковый и плитный заводъ, завелъ типографію. Не вдаваясь въ подробное описаніе моихъ предпріятій, скажу только, что всѣ они, при моей неопытности и слишкомъ большой довѣрчивости, пробили немалую брешь въ моихъ финансовыхъ дѣлахъ. Затѣмъ, имѣя въ Петербургѣ свой домъ, я былъ избранъ гласнымъ въ Городскую Думу, и при постоянномъ посѣщеніи всѣхъ засѣданій, мнѣ неразъ приходилось принимать участіе въ разныхъ комиссіяхъ. Одно мое заявленіе въ Думу (копія котораго у меня сохранилась) по вопросу о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для улучшенія нашей прислуги, я позволю себѣ привести здѣсь, полагая, что оно можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и въ настоящее время, такъ какъ прислуга наша нисколько не стала лучше, чѣмъ она была около 30 лѣтъ назадъ. Текстъ моего заявленія былъ слѣдующій: «Въ засѣданіи Общей Думы отъ 13 Ноября обсуживался проектъ положенія о наемной прислугѣ въ С.-Петербургѣ, представленный гласнымъ П. В. Жуковскимъ. Хотя проектъ этотъ и былъ принятъ въ общихъ основаніяхъ, но, находя въ немъ много недостатковъ, дѣлающихъ его совер-

шенно непрактичнымъ, я позволю себѣ предложить новую мысль о началахъ, которыми, по моему мнѣнію, слѣдуетъ руководствоваться для обезпеченія нанимателя отъ недобросовѣстности нанимаемаго. Регламентація, которую узаконяетъ проектъ гласнаго Жуковскаго, никогда не давала и не можетъ дать хорошихъ результатовъ; въ особенности она противна Русскому простолюдину. Подъ вліяніемъ ея и другихъ историческихъ причинъ, онъ научился неуваженію къ закону, и въ немъ развилось недовѣріе ко всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя хотятъ влить жизнь въ заранѣе придуманныя формы. Казалось бы, что можетъ быть удобнѣе и полезнѣе расчетныхъ книжекъ, заведенныхъ въ настоящее время при волостяхъ для сельскихъ рабочихъ? Между тѣмъ книжки эти остаются безъ всякаго требованія, и конечно, нанимателю, которому хотѣлось бы заставить работника запастись подобной книжкой, пришлось бы остаться безъ работника, или нанять дурнаго; хорошій же работникъ и самъ не беретъ книжки, да никто отъ него и не требуетъ ея. Очень вѣроятно, что таже участь постигнетъ и книжки предлагаемыя проектомъ *). Кромѣ того, отзываясь съ дурной стороны о наемной прислугѣ, мы не должны забывать, что многіе наниматели не лучше ея; книжки же, при безграмотности и неразвитости нашихъ служителей, могутъ дать поводъ этимъ нанимателямъ опредѣлять въ нихъ самыя тягостныя условія найма, которыя повели бы къ спорамъ, и мировому судьѣ ихъ разбирающему пришлось бы, при рѣшеніи дѣлъ, или руководствоваться нравственнымъ убѣжденіемъ и тѣмъ уронить значеніе книжныхъ условій, или придерживаться ихъ въ ущербъ интересовъ служителей и тѣмъ подорвать кредитъ служительскихъ обществъ.

Проектъ гласнаго Жуковскаго указываетъ еще на необходимость выдавать служителямъ денежныя пособія или пенсіоны и видитъ средства къ этому въ суммахъ, поступающихъ въ Думу отъ адреснаго сбора и въ ежегодныхъ вносахъ отъ служительскихъ обществъ.

Финансовыя средства города находятся въ настоящее время въ такомъ дурномъ положеніи, что извлечь изъ доходовъ на улучшеніе

---

*) Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ, въ концѣ царствованія императора Александра II, былъ возбужденъ вопросъ о тѣхъ убыткахъ, которые наноситъ нашимъ землевладѣльцамъ недобросовѣстность сельскихъ рабочихъ, которые, забравъ деньги впередъ, уходятъ въ рабочую пору отъ своихъ хозяевъ и нанимаются у другихъ за болѣе высокую плату. Иски, которые представляются къ этимъ рабочимъ мировому судьѣ, нисколько ихъ не страшатъ, такъ какъ, не имѣя никакаго имущества, они не въ состояніи заплатить даже самаго ничтожнаго штрафа, а потому ихъ недобросовѣстность остается безнаказанною. Объяснивъ вредъ отъ этого происходящій для нашего сельскаго хозяйства, собранія ходатайствовали передъ правительствомъ объ изданіи такихъ правилъ, которыя бы могли удержать рабочихъ отъ ихъ недобросовѣстныхъ дѣйствій. Въ числѣ этихъ правилъ Калужское губернское земское собраніе, по моему предложенію, указало на одно, которое, по моему мнѣнію, могло бы имѣть весьма важное значеніе, это—облагать штрафами не только рабочихъ, но и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые ихъ наняли, зная, что они ушли отъ своихъ хозяевъ. Правительство вняло ходатайствамъ собраній, разработало и издало правила, регулирующія отношенія рабочихъ къ нанимателямъ; но въ этихъ правилахъ, какъ оказалось, стоитъ на первомъ планѣ таже разсчетная книжка, которая была введена около 30 лѣтъ назадъ. Я живу каждое лѣто въ деревнѣ въ Калужской и Харьковской губерніяхъ, имѣю много рабочихъ и годовыхъ, и лѣтнихъ, и мѣсячныхъ, но ни разу не видалъ введенной рабочей книжки.

прислуги адресный сборъ, составляющій болѣе 160 тысячъ рублей, едва ли возможно. Надобно только желать, чтобы фискальное его назначеніе, существующее de facto, было узаконено. Сборъ же съ служителей, хотя бы и по 1 рублю въ годъ, можетъ служить для нихъ немалымъ препятствіемъ къ поступленію членами въ общества. Польза отъ этого сбора такъ отдаленна и неясна для людей неразвитыхъ, привыкшихъ жить только настоящимъ, что едва ли найдется много желающихъ пожертвовать для нея какой бы то ни было частью своей заработанной платы. На указаніе гласнаго Жуковскаго, что побужденіемъ къ поступленію въ служительскія общества можетъ служить запросъ нанимателей на лица, записанныя въ нихъ членами,—я отвѣчу, что большинство нанимателей состоитъ изъ людей бѣдныхъ, которые всегда будутъ обращать болѣе вниманія на величину жалованья, требуемаго нанимающимся, чѣмъ на ярлыкъ или номеръ, который носитъ служитель и, если членъ общества запроситъ хотя бы 10 копѣекъ дороже другаго члена, то нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній будетъ предпочтенъ первому.

Вообще учрежденіе служительскихъ обществъ обусловливается, по моему мнѣнію, такой степенью нравственнаго и умственнаго развитія, котораго наша прислуга не имѣетъ въ настоящее время и, если найдется нѣсколько сотенъ лицъ, желающихъ поступить въ эти общества, то этимъ доставится нѣкоторое удобство нанимателямъ богатымъ; всѣмъ же другимъ служительскія общества едва ли принесутъ какую-либо пользу.

Переходя теперь къ разъясненію моей мысли о мѣрахъ, которыя нужно принять для улучшенія нашей прислуги, я считаю нужнымъ обратить вниманіе на причины, по которымъ наша прислуга находится въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи.

Причины эти, по моему мнѣнію, слѣдующія:

1. Историческія, которыя объяснены въ докладѣ состоящихъ при Общей Думѣ постоянныхъ коммиссій. Подъ вліяніемъ их наша прислуга дошла до самой низкой степени нравственнаго упадка; но измѣнить нравственность настоящаго поколѣнія прислуги мы не имѣемъ никакой возможности; мы можемъ только дѣйствовать на развитіе будущаго поколѣнія, чему лучшимъ средствомъ представляется учрежденіе народныхъ школъ.

2. Безнаказанность прислуги за всѣ тѣ мелкіе проступки, которые составляютъ ея неотъемлемое свойство. Разбирать жалобы нанимателей и налагать взысканія за проступки входитъ въ кругъ дѣйствія правительственной власти, которая, нѣтъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на этотъ важный вопросъ и при, введеніи новой судебной реформы, дастъ надлежащія инструкціи мировымъ судьямъ.

3. Беззаботность и равнодушіе къ своимъ пользамъ самихъ нанимателей. Адресный билетъ даетъ намъ въ нѣкоторой степени средство высказывать наше мнѣніе о находящихся у насъ въ услуженіи; но большинство нанимателей не только не пользуется этимъ средствомъ, но выдаетъ иногда письменные атестаты лицамъ, которыя вовсе ихъ не заслуживаютъ. Мнѣ не разъ случалось посылать за справкой о нанимаемомъ мной служителѣ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ; отзывъ о немъ

давали обыкновенно хорошій, на повѣрку же выходило, что онъ вовсе его не стоилъ. Многіе изъ нанимателей дѣлаютъ это по какому-то худо понятому стемленію къ филантропіи; Богъ съ нимъ, говорятъ они, за что̀ его лишать мѣста, позабывая, что вредъ, приносимый подобнымъ разсужденіемъ самому служителю, гораздо сильнѣе вреда, происходящаго отъ неполученія имъ мѣста.

4. Недостатокъ въ поощрительныхъ средствахъ и наградахъ за хорошее поведеніе служителей. Ежедневный опытъ насъ убѣждаетъ, что служители, получающіе большое жалованіе (я говорю относительно) ведутъ себя лучше тѣхъ, которые получаютъ малое; и это не потому чтобы нравственность первыхъ была лучше послѣднихъ, а потому что, при боязни потерять мѣсто, матеріальный интересъ заглушаетъ въ нихъ порочныя побужденія.

Кромѣ этихъ главныхъ причинъ есть много второстепенныхъ, но уничтожить ихъ можетъ только время и прогрессъ въ нравственномъ развитіи нашего общества.

На основаніи вышеизложеннаго, я полагаю, что если мы не можемъ перевоспитать настоящаго поколѣнія прислуги, то-есть внушить ей истинное пониманіе нравственныхъ началъ, то отъ насъ зависитъ поставить ее въ такое положеніе, чтобы матеріальный ея интересъ вполнѣ зависилъ отъ добросовѣстнаго исполненія возложенныхъ на нее обязанностей. Вотъ цѣль, къ которой, по моему мнѣнію, мы должны стремиться и для возможнаго достиженія которой я имѣю честь предложить слѣдующее:

1. Обязать нанимателей, при наймѣ служителей, дѣлать взносъ отъ 25 коп. до 2-хъ рублей, смотря по роду должности, къ которой предназначается служитель.

2. Капиталъ, составленный изъ этихъ взносовъ, опредѣлить на выдачу наградъ и пособій служителямъ, которые проживутъ не менѣе двухъ или трехъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ и получатъ отъ лица, у котораго жили, удостовѣреніе въ хорошемъ поведеніи.

3. Завести книжки для вписыванія въ нихъ наградъ, которыя получилъ служитель и атестацій нанимателей. Неимѣніе у служителя книжки должно служить доказательствомъ, что онъ не получалъ наградъ.

4. Выдача наградъ и пособій должна производиться на первое время въ наивозможно-большихъ размѣрахъ, чтобы внушить довѣріе къ нимъ служителей. При производствѣ выдачъ не слѣдуетъ требовать никакихъ формальностей, какъ напр. подаваніе прошеній, или представленіе свидѣтельствъ о личности; слѣдуетъ только, во избѣжаніе злоупотребленій, требовать, чтобы подпись руки нанимателя была засвидѣтельствована полиціей.

5. Храненіе денегъ, раздача наградъ и пособій, а также контроль надъ всѣми поступающими и расходуемыми суммами должны лежать на обязанности Общей Думы.

6. Съ этой цѣлью необходимо завести алфавитныя книги для вписыванія именъ всѣхъ служителей, которые получили награды. Кромѣ того, хорошо было бы завести и другія книги для записи тѣхъ изъ

нихъ, которые въ данное время находятся безъ мѣста. Какъ тѣ, такъ и другія книги должны быть открыты для всѣхъ желающихъ.

Эти главныя основанія моего предложенія требуютъ, конечно, тщательной разработки, но они достаточно поясняютъ мою мысль. Я не думаю, чтобы сборъ съ нанимателей могъ быть для нихъ обременителенъ, но во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ, чтобы за удобства жизни платили тѣ, которые хотятъ ими пользоваться. Осуществленіе моего предложенія не должно служить помѣхою къ учрежденію служительскихъ обществъ, которыхъ пользы я не отрицаю, но сомнѣваюсь въ ихъ своевременности. Желаю впрочемъ, чтобы я въ этомъ ошибался.

Вскорѣ послѣ подачи этого заявленія, я долженъ былъ выйти изъ состава гласныхъ, такъ какъ мы продали нашъ Петербургскій домъ.

Полковникъ Лавровъ, извѣстный нашъ эмигрантъ, бывшій въ то время профессоромъ Артиллерійской Академіи, долженъ былъ прочесть въ Пассажѣ три публичныя лекціи о разныхъ философскихъ системахъ; я, конечно, какъ любитель философскихъ вопросовъ, былъ на всѣхъ трехъ лекціяхъ. Рядомъ со мной сидѣлъ какой-то господинъ, который по видимому былъ чиновникъ, такъ какъ у него не было ни усовъ, ни бороды, а между тѣмъ въ петлицѣ его жакетки висѣлъ Георгіевскій крестъ. Разговорившись съ нимъ, я нашелъ его весьма умнымъ и симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Затѣмъ я его встрѣтилъ у одного моего знакомаго; оказалось, что это былъ Александръ Александровичъ Оболонскій, служившій прежде на Кавказѣ при князѣ Воронцовѣ, а въ то время состоявшій на службѣ чиновникомъ въ 4-мъ отдѣленіи Канцеляріи Его Императорскаго Величества. Онъ былъ помѣщикъ Полтавской губерніи и такъ сочувствовалъ крестьянскому вопросу, что желалъ бы быть чемъ нибудь полезнымъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нашего знакомства, онъ заѣхалъ какъ-то ко мнѣ и съ лицемъ, сіяющимъ отъ удовольствія, сказалъ, что онъ придумалъ средство сослужить службу Русскому простонародью и пріѣхалъ мнѣ предложить принять въ немъ участіе. На мой вопросъ какое это средство, онъ объяснилъ, что, съ паденіемъ крѣпостнаго права, образованіе и развитіе народа становятся первымъ и необходимымъ дѣломъ; что содѣйствовать этому развитію можно, давая народу такія книги, чтеніе которыхъ соединяло бы полезное съ пріятнымъ; что на этомъ основаніи онъ рѣшился издавать журналъ спеціальный для простолюдиновъ и, зная мое сочувствіе къ крестьянскому вопросу, пріѣхалъ предложить мнѣ принять участіе въ изданіи и редакціи его журнала. Предложеніе А. А. Оболонскаго меня чрезвычайно обрадовало. Я конечно согласился, и мы стали вдвоемъ составлять программу бу-

дущаго журнала и обдумывать средства къ скорѣйшему его осуществленію. Прежде всего мы рѣшили, что журналъ долженъ быть дешевъ, такъ какъ онъ назначается для чтенія лицамъ, имѣющимъ самыя ограниченныя средства; затѣмъ, чтобы онъ могъ достигнуть цѣли, къ которой мы стремились, мы нашли необходимымъ пригласить къ участію въ немъ всѣхъ нашихъ лучшихъ литераторовъ, въ особенности тѣхъ, которые близко знакомы съ бытомъ и характеромъ нашего народа; наконецъ, не заботясь о денежныхъ выгодахъ, а желая только сводить концы съ концами, мы считали нужнымъ приложить все стараніе, чтобы журналъ имѣлъ наибольшее распространеніе, такъ какъ этимъ способомъ мы могли значительно понизить подписную цѣну. Но удешевленіе журнала немало зависѣло и отъ удешевленія почтовой пересылки, которая была въ то время 1 р. 50 к. въ годъ со всѣхъ періодическихъ изданій. Обдумавъ хорошенько, я рѣшился обратиться къ Великому Князю Михаилу Николаевичу съ просьбой оказать журналу свое высокое покровительство для уменьшенія платы за пересылку до 10 коп. за годовой экземпляръ. Его Императорское Высочество былъ такъ добръ, что, во имя благой цѣли журнала, поддержалъ мое ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія, и вскорѣ мы получили разрѣшеніе платить за пересылку въ годъ по 10 коп. вмѣсто 1 р. 50 к. [1])

Достигнувъ такимъ образомъ удешевленія пересылки, мы рѣшились начать изданіе журнала съ 1 Января 1859 года, назвавъ его «Народное Чтеніе». Онъ долженъ былъ выходить книжками по одной въ два мѣсяца съ платою въ годъ по 2 рубля съ пересылкой. Составляя расходный бюджетъ журнала, мы назначили плату за статьи по 100 рублей за листъ [2]).

Трудъ приглашенія сотрудниковъ мы раздѣлили съ Оболонскимъ пополамъ, причемъ на мою долю выпало поѣхать въ Москву, гдѣ я

---

[1]) Въ отзывѣ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ 15 Февраля 1858 года за N 155, которымъ поддержано мое ходатайство объ изданіи журнала *„Народное Чтеніе“*, между прочимъ сказано: „Находя предположенное изданіе полковника Щербачева несомнѣнно полезнымъ и принимая въ немъ особое участіе, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство ускорить по возможности производствомъ этого дѣла, испросить у Государя Императора всемилостивѣйшее соизволеніе на прошеніе полковника Щербачева и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ“.

[2]) Цифра эта въ дѣйствительности измѣнилась: мы платили по 100 рублей за листъ только Марку Вовчку, Кулишу, Бѣляеву, Киттарѣ, Разину и, кажется, Н. Успенскому; другимъ же мы платили по 80 и даже по 60 рублей за листъ. Стихотворенія намъ стоили дороже, чѣмъ мы предполагали: такъ напримѣръ Мей получалъ по 3 руб. за строчку.

познакомился съ Погодинымъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Бѣляевымъ, Павловымъ и другими; всѣ они выразили полное сочувствіе къ нашему журналу и обѣщали доставлять статьи, но къ сожалѣнію не всѣ исполнили данное обѣщаніе.

Первый мой визитъ Михаилу Петровичу Погодину произвелъ на него не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Произошло слѣдующее. Надѣвъ полковничій мундиръ съ эполетами и аксельбантами, которые были присвоены всѣмъ окончившимъ курсъ въ Академіи, я пріѣхалъ къ нему довольно рано утромъ; онъ жилъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ своемъ домѣ, при которомъ былъ довольно большой садъ. Лакей мнѣ сказалъ, что Михаилъ Петровичъ въ саду, и предложилъ мнѣ туда идти. Я пошелъ и увидалъ на лужайкѣ стоящаго ко мнѣ спиной какого то господина, читавшаго книгу. Это былъ Погодинъ. Подойдя къ нему, я ударилъ нечаянно саблей о шпору; онъ обернулся и, увидавъ меня, съ громкимъ восклицаніемъ, выражавшимъ испугъ, отъ меня отскочилъ. Я не понималъ, чѣмъ я могъ его испугать; но когда мы съ нимъ познакомились, и я объяснилъ ему причину моего пріѣзда, онъ мнѣ сказалъ, что, увидавъ передъ собой совершенно незнакомаго ему полковника съ аксельбантомъ, онъ вообразилъ, что я жандармскій штабъ-офицеръ, а къ жандармамъ, прибавилъ онъ, я чувствую инстинктивный страхъ.

Изъ Петербургскихъ литераторовъ, я познакомился, между прочими, съ Панаевымъ и Некрасовымъ, которые издавали «Современникъ» и жили на дачѣ близъ Стрѣльны.

Когда я пріѣхалъ къ нимъ около 10 часовъ утра, лакей мнѣ предложилъ, какъ у Погодина, войти въ садъ, гдѣ они пили чай. Подойдя къ бесѣдкѣ, я услыхалъ веселый женскій и два мужскіе голоса; это были Панаевъ, Некрасовъ и молодая красивая женщина, жена Панаева, какъ мнѣ сказалъ лакей. Всѣ встрѣтили меня очень любезно, выразили сочувствіе къ журналу назначенному для народа и обѣщали свою поддержку; «но, сказалъ мнѣ Панаевъ, вамъ предстоитъ ужасная борьба съ цензурою; приготовьтесь къ ней. Цензоры не только вычеркиваютъ изъ учебниковъ Исторіи имена великихъ людей, республиканцевъ древнихъ Рима и Греціи, но не дозволяютъ даже писать въ поваренныхъ книгахъ о тѣхъ кушаньяхъ, которыя слѣдуетъ приготовлять въ вольномъ духѣ». При этомъ было разсказано много другихъ цензурныхъ курьезовъ, о которыхъ я уже слышалъ прежде. Причиною ихъ была правительственная система, которая безпощадно карала цензоровъ за пропускъ какого нибудь пустаго слова, но не дѣлала имъ никакого замѣчанія, если строгость

цензуры переходила въ глупость. «Лучше слыть глупымъ, говорилъ одинъ изъ Московскихъ цензоровъ, да сохранить свое мѣсто, чѣмъ слыть умнымъ, да потерять его».

О наибольшемъ распространеніи журнала хлопоталъ Оболонскій, у котораго было много знакомыхъ. Ему представился такой случай. Будучи хорошо знакомъ съ Шереметевымъ, женатымъ на дочери Михаила Николаевича Муравьева, бывшаго въ то время министромъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ, онъ познакомился съ этимъ послѣднимъ въ домѣ его дочери и разсказалъ ему о нашемъ намѣреніи издавать журналъ для народа. Муравьевъ заинтересовался журналомъ и сказалъ, что *онъ забросаетъ крестьянъ нашими книжками* *), если только редакція приметъ его условія. Оболонскій поѣхалъ къ нему; условія имъ предложенныя заключались въ томъ, чтобы въ редакціи участвовалъ чиновникъ имъ назначенный и чтобы ни одна статья не печаталась въ журналѣ безъ согласія этого чиновника. На эти условія Оболонскій отвѣчалъ положительнымъ отказомъ; переговоры прекратились, но въ скоромъ времени они опять возобновились. Муравьевъ согласился предоставить намъ вполнѣ веденіе журнала согласно нашимъ убѣжденіямъ, но выразилъ желаніе, чтобы въ редакціи правительственнаго отдѣла, въ которомъ предполагалось излагать мотивы къ явившимся правительственнымъ распоряженіямъ, участвовалъ его чиновникъ. Оболонскій рѣшился сдѣлать уступку и согласился на это послѣднее предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы чиновникъ былъ назначаемъ по нашему выбору. На этомъ окончились переговоры. Муравьевъ сдѣлалъ докладъ на Высочайшее имя, прося разрѣшеніе взять изъ какого-то капитала нужную сумму денегъ для выписки журнала «Народное Чтеніе». Государь изъявилъ согласіе, и Муравьевъ намъ объявилъ, что онъ возметъ до 100 тысячъ экземпляровъ, если журналъ ему понравится; но на первое время онъ предложилъ намъ печатать для Министерства Государственныхъ Имуществъ не болѣе 25 тысячъ экземпляровъ. Мы его поблагодарили и выразили желаніе, чтобы чиновникомъ для участія въ редакціи правительственнаго отдѣла былъ назначенъ П. А. Валуевъ, бывшій въ то время директоромъ одного изъ департаментовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; съ Валуевымъ же мы предварительно переговорили и заручились его согласіемъ.

Переговоры съ Муравьевымъ велись во второй половинѣ 1858 г. Мы рѣшили начать изданіе съ 1 Января 1859 года и запасались ма-

*) Собственное выраженіе Михаила Николаевича Муравьева.

теріаломъ, который поступалъ въ редакцію въ большомъ количествѣ. Въ объявленіяхъ о журналѣ, напечатанныхъ во всѣхъ газетахъ, цѣна ему назначена была за шесть книгъ въ годъ 2 рубля съ пересылкой; но мы хотѣли, когда Муравьевъ возметъ у насъ 25,000 экземпляровъ, уменьшить ее до 1 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы тѣмъ подписчикамъ, которые уплатили два рубля, высылать журналъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, намѣреніямъ нашимъ не суждено было осуществиться.

Первая книжка журнала «Народное Чтеніе» вышла въ концѣ Декабря 1858 г. Содержаніе ея было слѣдующее: I. Правительственныя распоряженія. II. Разсказы изъ Русской Исторіи С. Максимова. III. Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое, П. Небольсина. IV. Надежа, Марки Вовчка. V. Отставной солдатъ, Маева. VI. Разсказъ за чаемъ, Н. Успенскаго. VII. Ѳедоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ, Н. Михайлова. VIII. Радость и кручина, И. Никитина. Два стихотворенія Цыганова.

По выходѣ первой книжки, всѣ напечатанныя въ ней статьи показались Муравьеву слишкомъ либеральными; но главное вниманіе онъ обратилъ на заглавную виньетку, представлявшую внутренность крестьянской избы, въ которой за столомъ сидѣли крестьяне и крестьянки, а отставной солдатъ читалъ имъ книгу. Впереди избы виднѣлся мальчикъ съ топоромъ въ рукѣ, которымъ онъ хотѣлъ разрубить кнутъ; но старуха, увидавши это, грозила ему пальцемъ. Конечно, виньетка эта имѣла мысль, но далеко не ту, которую ей придали Муравьевъ и лица его окружавшія; одно то, что она прошла черезъ самую строгую цензуру и была ею разрѣшена, служитъ доказательствомъ ея невинности. Какъ бы то ни было, Муравьевъ страшно разсердился на нашъ журналъ и, заставивъ насъ напечатать первую книжку въ 25 тысячахъ экземпляровъ, не только ихъ не взялъ, но и запретилъ Палатамъ Государственныхъ Имуществъ подписываться на «Народное Чтеніе» для крестьянъ. Хотя отказъ Муравьева былъ непріятенъ, но мы рѣшились твердо держаться принятаго направленія и разослали первую книжку, какъ образецъ, губернаторамъ архіереямъ, начальникамъ военныхъ частей и въ редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ; отсюда были получены сочувственные отзывы. Число подписчиковъ дошло до 6 тысячъ въ 1859 году, а въ 1860 году было нѣсколько болѣе; подписной суммы намъ не только доставало на расходы по изданію, но и былъ небольшой остатокъ въ видѣ чистаго дохода.

Вспоминая то время, я долженъ сказать, что если мы имѣли много хлопотъ съ цензурой, то съ сотрудниками было немало столкновеній. Цензура, имѣя въ виду назначеніе нашего журнала для низшихъ

сословій, не пропускала иногда такихъ статей, которыя легко находили себѣ мѣсто въ другихъ журналахъ. Историческія статьи Кулиша и въ особенности Бѣляева бывали такъ испещрены краснымъ карандашомъ цензора, что теряли значительно въ своемъ достоинствѣ. Мы вели постоянную борьбу съ цензурой; на цензора жаловались Цензурному Комитету, на Цензурный Комитетъ жаловались Главному Управленію цензуры, а на это послѣднее министру народнаго просвѣщенія; но ни разу наши жалобы не были удовлетворены. Одинъ разъ меня хотѣли даже отдать подъ судъ (Оболонскаго не было въ то время въ Петербургѣ) за то, что я напечаталъ извѣщеніе о смерти Я. И. Ростовцева въ черной рамкѣ. Текстъ этого извѣщенія былъ посланъ цензору и, хотя неохотно, но былъ имъ пропущенъ; черную же рамку я сдѣлалъ не испрашивая его разрѣшенія, полагая, что для рамокъ нѣтъ цензуры. Текстъ извѣщенія былъ слѣдующій: «Шестаго Февраля скончался предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи по составленію положеній для освобожденія крестьянъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Онъ, послѣдніе три года своей жизни, посвятилъ всего себя великому дѣлу улучшеніа быта помѣщичьихъ крестьянъ».

«Ростовцевъ горячо дѣйствовалъ для освобожденія крестьянъ. Какія были его личныя цѣли, это не наше дѣло; этого доищется Богъ. Мы знаемъ, что предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи Яковъ Ивановичъ окружилъ себя сотрудниками, которыхъ указалъ ему говоръ, похожій на общественное мнѣніе. Онъ сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной службѣ, не по рекомендаціи. Это было нововведеніе многознаменательное и не безъ будущности. Ростовцевъ сошелъ въ могилу во время пламеннаго служенія лучшимъ надеждамъ его отечества, освобожденію крестьянъ. Мы находимъ справедливымъ, съ этой точки зрѣнія, причислять его смерть къ разряду общественныхъ бѣдствій. Хотя бы въ настоящее время милліоны голосовъ не были нашего мнѣнія, мы всетаки увѣрены, что впослѣдствіи явятся, тоже во множествѣ, иные судьи, болѣе отрѣшенные отъ вліянія текущихъ событій, болѣе независимые, и дай Богъ, чтобы потомство повторяло имя Ростовцева не въ укоризну другихъ».

«Графу В. Н. Панину высочайше повѣлено быть предсѣдателемъ Редакціонной Комиссіи по крестьянскому дѣлу».

Цензору не нравилось, что назначеніе графа Панина стояло вслѣдъ за выраженіемъ *не въ укоризну другимъ*; читателю, по его мнѣнію, могло показаться, что между ними есть связь.

Мы имѣли хлопоты и съ сотрудниками. Одни обѣщали и не присылали своихъ статей; другіе присылали такія статьи, которыя не

могли быть напечатаны, а деньги за статьи были уплачены; наконецъ, третьи обижались, отчего статьямъ другихъ авторовъ давалось предпочтеніе передъ ихъ статьями однороднаго съ первыми содержанія. Нужно было имѣть немало такта, терпѣнія и, прибавлю, денегъ, чтобы умѣть примирять нравственные и матеріальные интересы сотрудниковъ съ интересами журнала.

Мы имѣли нѣсколько кореспондентовъ изъ крестьянъ, письма которыхъ печатались иногда въ «Народномъ Чтеніи». Одинъ изъ наиболѣе сочувствовавшихъ нашему журналу былъ государственный крестьянинъ Курганскаго уѣзда *Ивановъ*, въ письмахъ котораго заключались большею частію сѣтованія на полицію и описаніе злоупотребленій, дѣлаемыхъ различными властями. Конечно, письма эти не пропускались въ печать цензурою; изъ нихъ печатались только самыя безцвѣтныя.

Послѣ двухлѣтняго существованія журнала, крестьянскій вопросъ близился къ своему рѣшенію. Оболонскій рѣшился выйти въ отставку и уѣхать въ свое имѣніе Полтавской губерніи, полагая, что онъ можетъ быть тамъ полезнѣе, чѣмъ живя въ Петербургѣ. Мнѣ же такъ надоѣли непріятныя хлопоты по редакціи, и, при моемъ впечатлительномъ характерѣ, я такъ волновался отъ неудачъ, постигавшихъ журналъ, что ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ продолжать изданіе безъ Оболонскаго, вслѣдствіе чего мы рѣшились продать журналъ. Въ то время одинъ молодой человѣкъ Лермонтовъ, только что окончившій курсъ на Училищѣ Правовѣдѣнія, открылъ книжный магазинъ въ Караванной улицѣ и, сочувствуя направленію нашего журнала, предложилъ намъ купить его за 18 тысячъ, съ уплатою денегъ по частямъ въ теченіи шести лѣтъ. Мы охотно согласились, но денегъ получили всего три тысячи, такъ какъ Лермонтовъ вскорѣ обанкрутился, и кредиторы его получили по 5 копѣекъ за рубль. Хотя послѣ банкротства Лермонтова право изданія «Народнаго Чтенія» снова вернулось къ намъ, но мы отказались отъ него, и журналъ нашъ прекратился на всегда.

IV.

У всѣхъ народовъ и во всѣ историческія эпохи, наболѣвшее зло производило такую реакцію въ государственномъ организмѣ, которая, оздоровляя организмъ, возбуждала въ немъ нѣкоторые временные болѣзненные припадки. Эти болѣзненные припадки, въ эпоху освобожденія крестьянъ, выразились въ Россіи образованіемъ кружка лицъ, которые думали достигнуть свободы не мирнымъ путемъ, указаннымъ императоромъ Александромъ II, а путемъ насилія, путемъ возбужденія

ненависти въ однихъ классахъ общества противъ другихъ. Громя проклятіями произволъ и деспотизмъ въ лагерѣ своихъ противниковъ, они проповѣдывали тотъ же произволъ и тотъ же деспотизмъ въ средѣ своихъ единомышленниковъ и служили такимъ образомъ не свободѣ, во имя которой они думали дѣйствовать, а врагамъ свободы, давая имъ наилучшее оружіе для противодѣйствія освободительнымъ стремленіямъ правительства. Такихъ людей было, конечно, немного; но нашъ консервативный лагерь, какъ называли себя крѣпостники, умышленно указывалъ на нихъ какъ на представителей либеральнаго направленія и тѣсно связывалъ съ ихъ появленіемъ близившееся освобожденіе крестьянъ. Какъ ни твердо было намѣреніе государя уничтожить крѣпостное право, но эти непрошенные радѣтели о благѣ народа служили все-таки нѣкоторымъ тормазомъ для его освобожденія. Ненормальныя явленія въ общественной жизни Петербурга, которыя приписывали этимъ лицамъ, заключались, въ то время, въ появленіи подпольнаго журнала «*Великоруссъ*» и разныхъ печатныхъ прокламацій, печатавшихъ такой сумбуръ, который изобличалъ въ авторахъ не только людей не знавшихъ Россіи и нашего народа, но какихъ-то малолѣтокъ, которые, нахватавшись верхушекъ прочитанныхъ ими революціонныхъ сочиненій, хотѣли щеголять болѣе остроуміемъ, чѣмъ логикой. Такъ напримѣръ, въ прокламаціи «*Къ молодому поколѣнію*», авторомъ которой считали *Михайлова* (сосланнаго впослѣдствіи въ каторжныя работы), была такая фраза: «*помните, что если разбить генеральскій носъ, то изъ него потечетъ такая же кровь, какъ и изъ мужицкаго носа*». Конечно, люди здравомыслящіе и либеральные въ истинномъ смыслѣ этого слова были очень опечалены этими выходками и отъ души жалѣли молодыхъ людей, которые ими увлекались, зная, что увлеченія эти не имѣли эгоистической подкладки, а происходили исключительно отъ недоразвитія и незнанія жизни. Въ государствахъ Западной Европы, которыя давно уже живутъ политической жизнью, подобныя увлеченія были бы менѣе возможны, чѣмъ въ Россіи. На Западѣ есть печать, которая разоблачаетъ политическія ухищренія и ратуетъ противъ нихъ. У насъ же печать не смѣла даже помянуть о журналѣ «Великоруссъ» и о прокламаціяхъ, которыя разсылались въ огромномъ числѣ экземпляровъ и читались всѣми. На Западѣ всѣ люди интеллигентные имѣютъ свои убѣжденія и не скрываютъ ихъ, такъ какъ знаютъ, что всѣ убѣжденія уважаются, и что законъ караетъ только за дѣйствія, а не за убѣжденія; высказывая же ихъ, они вызываютъ возраженія, которыя даютъ возможность каждому выводить заключенія, согласныя съ здравымъ смысломъ. У насъ даже въ интеллигентныхъ слояхъ общества царитъ безпринципность, которая, съ одной стороны, представляетъ самую

лучшую почву для увлеченій, а съ другой, готовитъ хамелеоновъ, принимающихъ окраску, требуемую ихъ эгостическими стремленіями. Въ то время, о которомъ я говорю, былъ большой спросъ на либераловъ, и они явились; но большинство этихъ лицъ были либералами только по имени, изъ подражанія, ради моды, готовые сдѣлаться, при перемѣнѣ вѣяній, и консерваторами, и ретроградами, и чѣмъ угодно. Людей же съ твердыми либеральными убѣжденіями, любившихъ свое отечество безкорыстно и выше своихъ личныхъ выгодъ, было немного. Къ числу этихъ послѣднихъ должны быть причислены дорогія имена Русскому народу: Н. А. Милютина, Кавелина, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкасскаго, В. В. Тарновскаго, А. Н. Татаринова и многихъ другихъ членовъ Редакціонной Комиссіи.

Либералы-хамелеоны, какъ впослѣдствіи оказалось, были и въ печати; но читающая публика ихъ знаетъ, а потому говорить о нихъ не буду. Изъ общественнной же среды мнѣ пришлось встрѣтиться съ тремя такими либералами. Два изъ нихъ были мировые посредники перваго призыва; одинъ считался краснѣйшимъ изъ красныхъ, а другой старался брать ему въ тонъ. Дѣйствія перваго съ помѣщиками доходили до нахальства: такъ, пріѣзжая въ помѣщичье имѣніе, онъ не входилъ въ домъ помѣщика, а требовалъ его къ себѣ и дозволялъ крестьянамъ на общественныхъ сходахъ говорить помѣщику всевозможныя дерзости. Другой же представлялъ изъ себя Молчалина и, чтобы не раздражать крестьянъ, молчалъ даже и въ то время, когда крестьяне, вслѣдствіе незнанія Положенія 19-го Февраля, говорили чушь. Третій изъ мной указанныхъ лицъ былъ и учителемъ, и фабрикантомъ, и помѣщикомъ. Мнѣ случилось лѣтъ 18 назадъ слышать его сужденія о соціализмѣ; начитавшись Прудона, Маркса, онъ выражалъ полное сочувствіе къ этому ученію и вѣроятно поэтому отданъ былъ подъ надзоръ полиціи. Чтóже сдѣлалось теперь съ этими корифеями либерализма, трудно себѣ представить: всѣ они въ палкахъ и розгахъ видятъ единственное спасеніе отъ всѣхъ золъ и восхищаются мудростью «*Домостроя*»; одинъ изъ нихъ совѣтуетъ даже сѣчь дворянъ за ихъ политическія убѣжденія, если они не согласны съ правительственными указаніями.

Для характеристики одного изъ подобныхъ либераловъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, я разскажу слѣдующій случай. Одинъ мой знакомый, Николай Васильевичъ Михно, служившій чиновникомъ въ какомъ-то министерствѣ и бывшій редакторомъ театральнаго журнала «*Русская Сцена*», встрѣтилъ у кого-то на вечерѣ одного изъ

своихъ сослуживцевъ, который любилъ щеголять своими либеральными взглядами; по окончаніи вечера, Михно и этотъ господинъ поѣхали домой на одномъ извощикѣ; дорогой либеральный господинъ вступилъ въ разговоръ съ извощикомъ и, узнавъ, что онъ изъ крѣпостныхъ, спросилъ его, скоро ли ихъ освободятъ? Извощикъ отвѣчалъ конечно незнаніемъ; тогда онъ ему сказалъ: «Чтоже вы смотрите? развѣ вамъ даны топоры только для того, чтобы дрова рубить; взяли бы ихъ, да и маршъ къ Зимнему Дворцу». Извощикъ молчалъ. Былъ уже четвертый часъ ночи; фонари были потушены, но въ концѣ Знаменской улицы, по которой ѣхали, виднѣлся огонекъ. Либералъ спросилъ у извощика что это за огонь? Извощикъ, не запинаясь, отвѣчалъ: «тамъ собираются наши, чтобы идти къ Зимнему Дворцу». Либералъ сконфузился: ему дѣйствительно показалось, что около огня ходятъ люди; подъѣхавъ поближе, онъ сказалъ извощику: «поверни-ка направо въ переулокъ». Извощикъ громко расхохотался. «Вишь баринъ, болтать ты умѣешь, сказалъ онъ, а враковъ мужика не умѣлъ разобрать, да еще и испугался». Оказалось, что фонарь горѣлъ около ямы, которая была вырыта для исправленія какой-то подземной трубы. Этотъ случай ясно указываетъ не только на глупыя выходки либераловъ того времени, но и на здравый смыслъ нашего мужика, котораго наши консерваторы считали чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и животнымъ.

1858 годъ ознаменовался въ Петербургѣ страшными пожарами, которые общественное мнѣніе приписывало поджогамъ. Съ какой цѣлью дѣлались поджоги, никто не зналъ; но случалось, что полиція получала анонимныя письма, извѣщавшія что и гдѣ будетъ горѣть, и дѣйствительно пожаръ случался тамъ, гдѣ былъ указанъ. Позднѣе, о пожарѣ Апраксина двора знали изъ анонимныхъ писемъ, что онъ будетъ въ Духовъ день. Въ этотъ день бываетъ обыкновенно въ Лѣтнемъ саду гулянье, на которое являются массы купеческихъ дочекъ и купеческихъ сыновей для выбора невѣстъ. Къ тремъ часамъ дня всѣ лавки на Апраксиномъ дворѣ были закрыты, и въ виду обѣщаннаго пожара число сторожей было удвоено. Пожаръ считали невозможнымъ; но я помню, только что мы сѣли обѣдать въ этотъ день, на каланчѣ Литейной части, наискось отъ которой мы жили, взвился флагъ, и раздался колоколъ, призывавшій пожарную команду. Я послалъ узнать, гдѣ пожаръ; мнѣ сказали, что горитъ Апраксинъ дворъ. Едва успѣвъ пообѣдать, я поѣхалъ на пожаръ и за домомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ почти до Чернышева моста увидалъ море пламени: всѣ лавки горѣли; жара отъ огня была такая, что стекла лопались даже въ Театральной Школѣ,

а у дома Министерства Внутреннихъ Дѣлъ едва можно было стоять. Масса народа, окружавшая пожаръ, кричала, что поджигаютъ студенты и если бы не полиція, то одинъ изъ нихъ, явившійся на пожаръ, былъ бы непремѣнно брошенъ въ огонь. Волненіе народа было такъ сильно, что на помощь полиціи были присланы команды пѣхотныхъ солдатъ. Апраксинъ дворъ состоялъ въ то время изъ нѣсколькихъ сотенъ деревянныхъ ветхихъ лавокъ, скученно-построенныхъ между Садовой и Фонтанкой; всѣ онѣ были охвачены огнемъ, и ни одной нельзя было спасти. Я бывалъ на многихъ пожарахъ; но такого пожара, гдѣ бы одновременно горѣли постройки на протяженіи болѣе чѣмъ полуверсты, я не видалъ. Трудно себѣ представить, какой ужасный былъ жаръ отъ этого громаднаго костра.

Паническій страхъ отъ пожаровъ развилъ такую подозрительность въ Петербургскомъ населеніи, что полиція брала въ часть и мальчиковъ, торговавшихъ спичками, и маляровъ, несшихъ краски, и полотеровъ, шедшихъ съ мастикой: думали, что у нихъ есть такой составъ, которымъ стоитъ только помазать стѣну, чтобы она загорѣлась отъ дѣйствія на нее лучей солнца. Вслѣдствіе подозрительности былъ такой случай. Шла очень высокая ростомъ Нѣмка по Торговой улицѣ; плохо говоря по русски, она спросила у дворника, стоявшаго у воротъ дома (дворники или ихъ помощники должны были день и ночь находиться у воротъ домовъ), не живетъ ли тутъ ея знакомая и при этомъ назвала какую-то трудную фамилію. Дворникъ отвѣчалъ, что нѣтъ; она обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ дворнику сосѣдняго дома, этотъ далъ ей тоже отрицательный отвѣтъ; но когда она подошла къ дворнику третьяго дома, городовой, слышавшій ея вопросы, рѣшилъ въ своемъ умѣ, что это должна быть не женщина, а переодѣтый мущина и повелъ ее въ полицію для освидѣтельствованія; хотя она оказалась женщиной, но тѣмъ не менѣе просидѣла въ кутузкѣ до слѣдующаго дня. Нѣмка эта была гувернантка, которую зналъ одинъ мой знакомый, разсказавшій мнѣ о бывшемъ съ ней приключеніи. Въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ 1858 года, взято было полиціей по подозрѣнію въ поджигательствѣ около 2000 лицъ; слѣдствіе поручено было особо составленной Комиссіи. Одинъ изъ членовъ Комиссіи, котораго я зналъ, говорилъ мнѣ, что никто изъ взятыхъ полиціей не былъ уличенъ въ поджигательствѣ, а потому никто не былъ преданъ суду; многіе высланы были только изъ Петербурга административнымъ порядкомъ. Итакъ съ формальной стороны поджигателей не оказалось, а между тѣмъ Петербургъ горѣлъ ежедневно: не проходило дня, чтобы не было двухъ-трехъ пожаровъ. Всѣ были увѣрены, что существуетъ шайка

поджигателей, которую полиція не умѣетъ или не хочетъ открыть. Я, какъ домовладѣлецъ, получилъ также анонимное письмо съ предупрежденіемъ, что черезъ три дня будетъ горѣть Сергіевская улица, на которой былъ нашъ домъ; но я не дождался обѣщаннаго дня: застраховавъ всю движимость, мы уѣхали съ женой на другой день въ Гапсаль, гдѣ провели все лѣто. Впослѣдствіи оказалось, что на Сергіевской улицѣ не было ни одного пожара.

V.

Въ началѣ второй половины 1859 года всѣ губернскіе комитеты, обсуждавшіе мѣры къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, окончили свои занятія, составили проекты положеній объ освобожденіи крестьянъ и выбрали депутатовъ для участія въ работахъ Редакціонной Комиссіи. Проекты комитетовъ имѣли крѣпостническій характеръ; но наиболѣе имъ отличавшіеся были проекты Костромской, Петербургской, а затѣмъ Московской и Симбирской губерній. Члены меньшинства комитетовъ составили также свои проекты положеній, въ которыхъ выразилась забота не объ однихъ помѣщичьихъ интересахъ, но и о крестьянскихъ. За составленіе этихъ проектовъ, члены большинства комитетовъ такъ озлобились противъ членовъ меньшинства, что угрожали этимъ послѣднимъ побоями, вслѣдствіе чего Кошелевъ, членъ Рязанскаго комитета, долженъ былъ обратиться къ правительству съ просьбою о защитѣ его; Самаринъ, членъ Самарскаго комитета, запасся револьверомъ и окружилъ себя тѣлохранителями; а князь Черкасскій, членъ Тульскаго комитета, на дворянскихъ выборахъ, бывшихъ, по закрытіи комитета, съ трудомъ выбрался изъ залы Дворянскаго Собранія, гдѣ дворяне хотѣли нанести ему побои (Мат. для ист. упразд. крѣп. сост. т. I, глава V). Такое явное несочувствіе дворянъ къ справедливому освобожденію крестьянъ не могло внушить довѣріе членамъ Редакціонной Коммиссіи къ депутатамъ присланнымъ губернскими комитетами въ Петербургъ; съ другой стороны, и депутаты, зная, что Редакціонная Коммиссія взяла на себя защиту крестьянскихъ интересовъ и что членами-экспертами ея назначены многія лица изъ меньшинства комитетовъ, стали въ самое непріязненное къ ней отношеніе и рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы дискредитировать ее. въ глазахъ государя. Но государь, зная, съ одной стороны, каждое слово, которое говорилось въ Коммиссіи и каждое ея постановленіе, а съ другой стороны, прочитавъ сводъ крѣпостническихъ рѣшеній губернскихъ комитетовъ, не могъ не стать на сторону первой и всѣ представляемыя ему записки и разные документы, имѣвшіе цѣлью подорвать его довѣріе къ

Коммиссіи, передавалъ на разсмотрѣніе Главнаго Комитета. Однимъ изъ первыхъ документовъ, разсмотрѣнныхъ Комитетомъ, была записка Безобразова, въ которой, уличая членовъ Коммиссіи въ замыслахъ погубить Россію, авторъ доказывалъ, что единственное спасеніе заключается въ обращеніи государя къ дворянству и въ порученіи ему крестьянскаго дѣла. За эту записку Безобразовъ уволенъ былъ отъ службы и высланъ изъ Петербурга. Въ это же время появилось письмо графа Орлова-Давыдова къ Ростовцеву, написанное въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ на Французскомъ языкѣ и разосланое разнымъ лицамъ. Читалась также всѣми записка графа Шувалова и князя Паскевича, написанная въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія на одно изъ постановленій Редакціонной Коммиссіи. Во всѣхъ этихъ документахъ проводилась одна и таже мысль, мысль о политической неблагонадежности членовъ Редакціонной Коммиссіи. На самомъ же дѣлѣ, суть заключалась въ томъ, что крѣпостническая партія хотѣла дать крестьянамъ какъ можно менѣе земли, а Редакціонная Коммиссія настаивала на сохраненіи существующаго крестьянскаго надѣла; крѣпостническая партія хотѣла поставить во главѣ вотчинной полиціи помѣщиковъ, а Редакціонная Коммиссія въ интересахъ крестьянъ находила это невозможнымъ. Кромѣ этихъ главныхъ спорныхъ вопросовъ, были и другіе, въ которыхъ Редакціонная Коммиссія не сходилась съ мнѣніями депутатовъ. Но политическихъ тенденцій никакихъ не было. Если же крѣпостники хотѣли придать этимъ спорамъ подкладку неблагонадежности, то потому, что склонить государя на свою сторону другимъ путемъ они считали невозможнымъ. Оказалось, что избранный ими путь былъ также неудаченъ.

Одновременно съ этими доносами на Редакціонную Коммиссію, очередныя дворянскія собранія губерній: Рязанской, Тверской, Ярославской и Владимирской, бывшія въ 1859 году, представили государю адресы, въ которыхъ, на основаніи статей закона, дозволявшихъ дворянамъ обращаться прямо къ государю съ объясненіемъ своихъ пользъ и нуждъ, просили о введеніи другихъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ напримѣръ о дарованіи суда присяжныхъ, объ учрежденіи хозяйственно-распорядительнаго управленія, основаннаго на выборномъ началѣ, объ ограниченіи произвола администраціи и т. п. За всѣ эти адресы, губернскіе предводители дворянства получили выговоры, а Тверской губерніи предводитель дворянства Унковскій былъ смѣщенъ съ должности и сосланъ административнымъ порядкомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кажется въ Вятскую; въ одно время съ нимъ сосланы были и главные его единомышленники Головачевъ и Европеусъ.

Депутаты губернскихъ комитетовъ были раздѣлены на двѣ очереди, или два призыва. Депутаты перваго призыва пріѣхали въ Петербургъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1859 г. и пробыли тамъ до Декабря; послѣ ихъ отъѣзда, пріѣхали депутаты втораго призыва. Не вдаваясь въ описаніе всѣхъ столкновеній, бывшихъ между Редакціонной Коммиссіей и депутатами, изложу въ короткихъ словахъ историческій ходъ дѣла. По пріѣздѣ депутатовъ перваго призыва, они представились министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, Ростовцеву, князю Орлову и, наконецъ, государю. Затѣмъ они были приглашены въ засѣданіе Редакціонной Коммиссіи, которое началось тѣмъ, что Ростовцевъ прочелъ имъ инструкцію, для нихъ составленную и утвержденную государемъ, изъ которой видно было, что депутаты должны были отвѣчать только на тѣ вопросы, которые будутъ имъ предложены Редакціонной Коммиссіей и отъ нихъ потребуется выраженіе ихъ мнѣній только по примѣненію общихъ началъ къ мѣстнымъ условіямъ, но что участія въ обсужденіи Положенія объ освобожденіи крестьянъ они не будутъ принимать. Такое низведеніе ихъ изъ депутатовъ на степень экспертовъ, имъ конечно не понравилось и показалось обиднымъ. Чтобы уяснить свое положеніе, они написали письмо Ростовцеву, въ которомъ просили доложить государю, что они находятъ весьма полезнымъ для дѣла собираться и обсуживать вмѣстѣ всѣ вопросы, относящіеся до освобожденія крестьянъ, а потому просятъ разрѣшить имъ эти собранія. Государь приказалъ имъ объявить, что они могутъ собираться гдѣ и какъ хотятъ, но собранія эти должны быть частныя, и мнѣнія по вопросамъ Редакціонной Коммиссіи должны быть представляемы каждымъ депутатомъ отдѣльно, но не коллективно. Огорченные той ролью, которая была имъ указана, они приступили къ занятіямъ, и многіе изъ нихъ старались излить свою желчь въ рѣзкости отвѣтовъ, данныхъ ими на вопросы Редакціонной Коммиссіи. Къ 10 Ноября занятія ихъ были окончены, и они получили разрѣшеніе возвратиться къ себѣ. На мѣсто ихъ прибыли депутаты втораго призыва. Въ это время Ростовцевъ заболѣлъ и хотя онъ былъ здороваго организма, но, вслѣдствіе несвоевременнаго вскрытія карбункула, у него сдѣлался антоновъ огонь, и онъ умеръ 6 Февраля 1860 года. Государь постоянно его навѣщалъ во время болѣзни и даже присутствовалъ при его смерти. Говорятъ, что послѣднія слова Ростовцева, обращенныя къ государю, были: «не бойтесь, не бойтесь». Смерть Ростовцева очень обрадовала помѣщичью партію и депутатовъ втораго призыва: явилась надежда повернуть дѣло на сторону помѣщиковъ. Друзья же народа, огорченные потерей лица, преданнаго душой интересамъ крестьянъ, ждали съ нетерпѣніемъ назначенія новаго предсѣдателя Редак-

ціонной Коммиссіи, чтобы судить по этому назначенію о направленіи, которое приметъ крестьянское дѣло. Къ удовольствію помѣщиковъ и къ ужасу членовъ Редакціонной Коммиссіи, назначенъ былъ графъ Панинъ, извѣстный своими крѣпостническими тенденціями. Между нимъ и Ростовцевымъ не было ничего общаго; это были два противоположные полюса во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ чего государь, такъ любившій Ростовцева и даже плакавшій о немъ послѣ его смерти, назначилъ ему преемникомъ Панина,—никто не могъ понять; предполагали, что это была уступка, сдѣланная крѣпостнической партіи.

Изъ депутатовъ втораго призыва, въ Москвѣ, возлагали большія надежды на депутата Пензенской губерніи Горсткина, который, въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ, при всѣхъ, съ увѣренностью говорилъ, что при помощи графа Панина онъ похоронитъ всѣ труды Коммиссіи. На дѣлѣ вышло однакожъ не то. Графъ Панинъ, какъ ловкій царедворецъ и какъ человѣкъ понимавшій то, чего желаетъ Государь, хотя и высказывалъ свои крѣпостническія мнѣнія въ Редакціонной Коммиссіи; но если большинство рѣшало вопросъ несогласно съ его мнѣніемъ, онъ молчалъ и подписывался вмѣстѣ съ большинствомъ. Горсткинъ, въ свою очередь, познакомившись съ членами Редакціонной Коммиссіи, не только не явился ихъ грознымъ опонентомъ, но предлагалъ даже депутатамъ дать обѣдъ членамъ Коммиссіи. Обѣдъ этотъ не состоялся; но былъ данъ обѣдъ Херсонскимъ депутатомъ Касимовымъ, на который были приглашены нѣкоторые члены Коммиссіи, многіе депутаты и лица трудившіяся по крестьянскому вопросу. Обѣдъ этотъ ознаменовался небольшимъ скандаломъ, о которомъ много говорили въ то время въ Петербургѣ и о которомъ узналъ государь. Скандалъ заключался въ слѣдущемъ. На обѣдѣ, въ числѣ приглашенныхъ, былъ членъ Редакціонной Коммиссіи Булгаковъ; о Булгаковѣ знали только, что онъ былъ губернаторомъ въ Калугѣ и, кажется, Тамбовѣ, а за тѣмъ, по ходатайству военнаго министра Сухозанета, сдѣланъ былъ генералъ-провіантмейстеромъ. Каковы были его убѣжденія въ крестьянскомъ дѣлѣ, о томъ никто не говорилъ; но надобно думать, что они были согласны съ взглядами Ростовцева, такъ какъ онъ былъ не только членомъ Редакціонной Коммиссіи, но и въ отсутствіи Ростовцева замѣщалъ его на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Послѣ тостовъ за здоровье членовъ Редакціонной Коммиссіи и за здоровье депутатовъ, депутатъ Калужской губерніи князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за здоровье всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ числѣ ихъ назвалъ Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ, сидѣвшій недалеко отъ князя Оболенскаго, обратился къ своимъ сосѣдямъ и сказалъ въ пол-

голоса: «Ужъ если пить, то лучше бы начать сначала, съ перваго кто трудился за крестьянъ, съ Пугачева». Узнавъ объ этихъ словахъ Булгакова, государь чрезвычайно разсердился; но Булгаковъ объяснилъ, что, зная Кавелина и Унковскаго за людей неблагонадежныхъ, онъ сравнилъ ихъ съ Пугачевымъ, чтобы заклеймить тостъ, предложенный за ихъ здоровье. Такая ли была мысль Булгакова или иная—сказать трудно; но что фактъ былъ, это—несомнѣнно: мнѣ разсказывалъ о немъ товарищъ мой Хлюстинъ, о которомъ я говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ «*Двенадцать лѣтъ молодости*». Хлюстинъ вскорѣ послѣ Крымской кампаніи вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и, будучи присланъ депутатомъ отъ Орловской губерніи, былъ изъ числа присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ.

Редакціонная Коммиссія окончила свои занятія къ 10 Октября 1860 года. Старанія графа Панина измѣнить главныя основанія положеній, выработанныхъ при Ростовцевѣ, не имѣли успѣха; но онъ не терялъ надежды передѣлать Положеніе въ Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ и на вопросъ, ему предложенный однимъ депутатомъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга: какого можно ждать окончанія крестьянскаго дѣла? онъ отвѣчалъ: «во всякомъ случаѣ не въ томъ видѣ, въ какомъ предложено Редакціонной Коммиссіей». Наконецъ, 11 Октября все дѣло было передано въ Главный Комитетъ. Въ это время предсѣдатель Комитета князь Орловъ былъ разбитъ параличемъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Какъ только объ этомъ узнала великая княгиня Елена Павловна, принимавшая горячее участіе въ освобожденіи крестьянъ, она тотчасъ написала Милютину, пользовавшемуся ея расположеніемъ: Je suis chargée de vous annoncer une bonne nouvelle, secrète encore, c'est que le Grand-Duc Constantin est nommé président du Grand Comité et qu'à son retour, l'Empereur présidera lui-même. Avais-je raison, ce matin, de croire à une Providence spéciale pour la Russie et pour vous tous?» H. 8 Octobre 1860 года (Revue des Deux Mondes, 1888 *).

При разсмотрѣніи въ Главномъ Комитетѣ Положеній, составленныхъ Редакціонной Коммиссіей, за всѣ статьи Положеній стояли предсѣдатель и три члена: Блудовъ Ланской и Чевкинъ; противъ же Положеній, по 29 вопросамъ, мнѣнія членовъ такъ раздѣлились, что четыре голоса

---

*) Мнѣ поручено сообщить вамъ пріятную новость, но еще секретную: предсѣдателемъ Главнаго Комитета назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а по возвращеніи, Государь самъ будетъ предсѣдательствовать Не права ли я была, думая сегодня утромъ, что есть особое Провидѣніе, покровительствующее Россіи и вамъ всѣмъ? 8 Октября 1860 года.

защитников Положений являлись большею частію относительным большинством. Наконец, после трех-месячнаго разсмотренія в Комитете, Положенія поступили в Государственный Совет. В первом заседаніи председательствовал сам государь. В речи, с которой его величество обратился к Совету была выражена, между прочим, такая мысль: «Вам известно происхожденіе крепостнаго права. Оно у нас прежде не существовало; право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля». Следующія заседанія Государственнаго Совета были под председательством Блудова; разсмотреніе Положений продолжалось $2^1/_2$ недели. После каждаго заседанія государю представлялся журнал, который его величество утверждал, большею частію, согласно с мненіем меньшинства. Изменений в Положеніях, с которыми государь согласился, было сделано только два: 1) Уменьшены были в некоторых местностях maximum и minimum наделов и 2) введен был даровой надел.

17 Февраля 1861 года было последнее заседаніе Государственнаго Совета, а 19 Февраля государь подписал Положенія.

Таким образом совершилась громадная реформа: пало трехвековое позорное рабство. Слава императора Александра II прогремела по всей вселенной; а в Россіи не было уголка, где бы крепостной люд не возсылал самыя теплыя молитвы ко Всевышнему за своего обожаемаго царя-освободителя.

По подписаніи Государем Положений, нужно было время, чтобы их напечатать; а потому объявленіе манифеста об освобожденіи крестьян отложено было до 5 Марта. Положенія печатались в сотнях тысячах экземплярах в типографіи Втораго Отделенія Собственной Его Величества Канцеляріи и в двух частных типографіях, которым было объявлено, что если через кого либо из служащих в народ проникнет слух о печатаемых Положеніях, то типографія будет закрыта и служащій подвергнется ссылке. Не смотря на такую угрозу, слух проник в народ, в чем я мог убедиться из следующаго обстоятельства. У нас в доме жил кавалергардскій офицер, который присылал мне деньги за квартиру обыкновенно с своим бывшим дядькой из крепостных. В конце Февраля пришел ко мне этот дядька с деньгами и, зная, что я интересуюсь крестьянским делом, объяснил, что Положенія уже печатаются, что у него есть родственник-наборщик, который дал ему прочесть даже несколько корректурных листов. Я был немало удивлен этим изве-

стіемъ, такъ какъ ни отъ кого не слыхалъ еще объ окончаніи крестьянскаго дѣла. Случилось и тутъ, какъ всегда бываетъ, что чѣмъ строже секретъ, тѣмъ скорѣе онъ проникаетъ въ ту среду, отъ которой хотятъ сохранить тайну. Двухъ дворниковъ, какъ я слышалъ, высѣкли даже въ полиціи за то, что они говорили въ трактирѣ о подписанной государемъ волѣ и, странное стеченіе обстоятельствъ, ихъ высѣкли въ тотъ самый день, когда манифестъ былъ объявленъ.

5 Марта, въ Воскресенье, послѣдній день масляницы, я пошелъ къ обѣднѣ въ Сергіевскій Соборъ, чтобы услышать чтеніе манифеста и посмотрѣть, какое онъ произведетъ впечатлѣніе. Манифестъ написалъ, какъ говорили, Московскій митрополитъ Филаретъ; слогъ его былъ тяжелъ и мало понятенъ для простаго народа; читалъ манифестъ протоіерей Духовской весьма невнятно. Когда окончилось чтеніе и всѣ стали выходить изъ церкви, я замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какое-то недоумѣніе, въ родѣ вопросительнаго знака. Сначала шли молча, но выйдя на улицу въ разныхъ мѣстахъ составились кучки человѣкъ по 5 или 6, и начались оживленные разговоры........ Въ 2 часа я поѣхалъ на Царицынъ лугъ, гдѣ было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали послышались крики ура! Государь ѣхалъ съ развода; по мѣрѣ того какъ онъ приближался, крики ура! становились громче и громче; наконецъ, когда государь подъѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое ура! отъ котораго, казалось, земля затряслась. Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего царя-свободителя. Я счастливъ, что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію!

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава VIII.

Разладъ съ военнымъ министромъ по поводу новаго Положенія объ управленіи арміею въ военное время.—Записка фельдмаршала по этому предмету и объясненія Военнаго Министерства.

Со вступленіемъ Д. А. Милютина въ должность военнаго министра (1861 г.), какъ извѣстно, начались важныя преобразованія въ военномъ вѣдомствѣ, по всѣмъ его отраслямъ. И организація арміи для мирнаго и военнаго времени, и всѣ административно-хозяйственныя управленія, и военно-учебныя заведенія, и военно-судная часть, все подверглось коренной реформѣ. Да и пора была: многое въ этомъ старомъ зданіи, которое долго не провѣтривалось, требовало освѣженія и примѣненія къ измѣнившимся, во всѣхъ отношеніяхъ, условіямъ.

Въ числѣ многихъ военныхъ лицъ, не вполнѣ раздѣлявшихъ нѣкоторые взгляды и соображенія военнаго министра, былъ фельдмаршалъ князь Барятинскій. Не взирая на дружеское расположеніе къ Д. А. Милютину, онъ не во всемъ соглашался съ основаніями его реформъ, особенно, какъ ему казалось, съ ихъ слишкомъ бюрократическимъ характеромъ. 14 Ноября 1864 года изъ Дессау онъ писалъ Милютину слѣдующее: «Не получая отъ васъ никакихъ извѣстій, я огорчаюсь мыслью, что добрыя наши отношенія могутъ если не перемѣниться, то по крайней мѣрѣ получить невольное охлажденіе. Опасеніе это вынуждаетъ меня вызвать отъ васъ хотя

нѣсколько дружескихъ строкъ, чтобы извѣстить (меня) о васъ, о Натальи Михайловнѣ и о любезномъ вашемъ семействѣ. Я знаю, насколько вы заняты и потому не претендую на частую переписку, но изрѣдка хотя давайте о себѣ вѣсточку. Много новаго у васъ, особенно по вашему управленію; много сдѣлано прекраснаго, безсмертнаго. Иногда, сознаюсь, хотѣлось мнѣ очень начать съ вами полемику по нѣкоторымъ нововведеніямъ, которымъ я не вполнѣ сочувствую; но я бросалъ перо, сознавая невозможность въ такомъ отдаленіи вступать въ споръ: для этого требуется живой обмѣнъ мыслей, возможный только при личномъ свиданіи, и то при тѣхъ условіяхъ взаимнаго уваженія, дружбы и любви къ дѣлу, которыя всегда обоими нами руководили. По несчастью, состояніе здоровья моего сокрушительно; иногда надежда, хоть и слабо, но все-таки озаряетъ мою будущность, а потомъ исчезаетъ вдругъ всякая возможность и думать о возвращеніи въ Россію, въ особенности жить въ Петербургѣ».

Наилучшія отношенія между обоими достойными сотрудниками на Кавказѣ носили характеръ полнѣйшей искренности. Д. А. Милютинъ въ цѣломъ рядѣ писемъ (кромѣ уже напечатанныхъ въ II-мъ т.) поддерживалъ эти отношенія *).

На выше приведенное письмо отъ 14 Ноября 1864 г. Милютинъ отвѣчалъ 1/13 Января 1865 года, и послѣ выраженій удовольствія за расположеніе и проч. добавилъ: «Съ удовольствіемъ увидѣлъ я изъ вашего письма, что, не смотря на отдаленіе, ваше с-во слѣдите внимательно за перемѣнами, совершающимися у насъ въ военномъ вѣдомствѣ. Прискорбно мнѣ однакоже, что не все заслужило ваше одобреніе, и въ этомъ отношеніи еще болѣе сожалѣю о вашемъ отсутствіи. Вопервыхъ, я могъ бы о многомъ получить отъ васъ добрый совѣтъ, которымъ всегда дорожилъ и дорожу; а вовторыхъ, можетъ быть, при личномъ объясненіи, многое представилось бы вамъ иначе, чѣмъ оно кажется издали. Утѣшаю себя тою мыслью, что я могъ бы словесно разъяснить многія недоразумѣнія, неизбѣжныя въ каждомъ дѣлѣ, о которомъ свѣдѣнія не полны и основаны только на письменныхъ извѣстіяхъ. Беру смѣлость

*) Выдержки изъ этихъ писемъ будутъ помѣщены въ приложеніяхъ.

только сказать, что всѣ сдѣланныя въ послѣднее время реформы въ военномъ управленіи и перемѣны въ организаціи арміи принялись весьма успѣшно, и что боевая сила наша удвоилась противъ прежняго, тогда какъ нормальный (мирный) бюджетъ нашъ нисколько не увеличился. Постараюсь въ непродолжительномъ времени доставить вашему сіятельству секретный отчетъ мой за 1864 г., заключающій въ себѣ не только краткій очеркъ тѣхъ мѣръ, которыя уже исполнены, но и предстоящихъ впереди важнѣйшихъ вопросовъ».

Не взирая на такія отношенія, продолжавшіяся послѣ приведенной переписки еще болѣе трехъ лѣтъ, между кн. Барятинскимъ и Д. А. Милютинымъ возникли крупныя недоразумѣнія, правильнѣе серьозная борьба, по существу дѣла едва ли требовавшая такихъ размѣровъ и такой страстности; борьба, безъ всякаго сомнѣнія, крайне непріятная обоимъ и вредная пользамъ государства, которому, напротивъ, нужна была служба этихъ двухъ противниковъ, но въ согласіи, въ единствѣ стремленій въ цѣли, какъ это было на Кавказѣ въ 1856—1860 гг., гдѣ она увѣнчалась такимъ блистательнымъ успѣхомъ.

Ни время, ни обстоятельства не позволяютъ еще коснуться этого разлада во всѣхъ его подробностяхъ. Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но это слишкомъ короткій срокъ не только для живыхъ участниковъ, но и для памяти людей покинувшихъ нашу юдоль скорби.

Да и не въ этихъ подробностяхъ и лицахъ главный интересъ; важна сущность спора, приводимые обѣими сторонами доводы и опроверженія; важна, для военнаго читателя преимущественно, различная точка зрѣнія компетентныхъ лицъ на организацію полеваго управленія арміи въ военное время и, затѣмъ, возможность судить о достоинствахъ и недостаткахъ реформы Милютина, коснувшейся Положенія о полевомъ управленіи арміи въ сравненіи съ тѣми въ ней измѣненіями, какія требовались княземъ Барятинскимъ и нѣкоторыми другими лицами, раздѣлявшими его взгляды,—измѣненіями, совершившимися впослѣдствіи, частью еще при самомъ Д. А. Милютинѣ, и затѣмъ въ новѣйшемъ «Положеніи», изданномъ въ 1890 г.

Графъ Милютинъ, приступая къ составленію «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», въ замѣнъ

Устава 1846 года, разослалъ въ Маѣ 1865 г. записку, заключавшую въ себѣ главныя основанія Положенія, къ 106-и высшимъ военнымъ начальникамъ и лицамъ, которыхъ считалъ достаточно опытными и могущими высказать свое мнѣніе о дѣлѣ. Чрезъ два года, въ Маѣ 1867 г., разработанный на основаніи полученныхъ по первоначальной запискѣ мнѣній текстъ проекта Положенія былъ опять разосланъ 177-ми лицамъ; затѣмъ, передъ внесеніемъ въ Военный Совѣтъ, исправленный и дополненный, на основаніи вновь полученныхъ замѣчаній, проектъ былъ подвергнутъ еще пересмотру въ Варшавѣ, въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго тамъ войсками гр. Берга, при участіи нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу бывшаго главнаго штаба 1-й арміи. Наконецъ, 17-го Апрѣля 1868 года, Положеніе утверждено Государемъ.

Нужно же было такъ случиться, что фельдмаршалъ кн. Барятинскій ни въ первую, ни во вторую разсылку, записки и проекта новаго Положенія не получалъ [1]). Онъ по частнымъ свѣдѣніямъ зналъ о готовящейся реформѣ и оставался, конечно, въ полной увѣренности, что, безъ предварительнаго спроса его мнѣнія, не дадутъ Положенію окончательной обработки и тѣмъ болѣе но подвергнутъ Высочайшему утвержденію. Не только какъ единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ, какъ недавній главнокомандующій Кавказскою арміею, но и какъ близкій человѣкъ къ особѣ Государя, наконецъ, бывшій въ столь дружескихъ отношеніяхъ съ военнымъ министромъ, князь имѣлъ полное право на такую увѣренность. Если проекты новыхъ положеній по управленію арміею имъ до того не получались, то онъ могъ считать это за признакъ, что они еще не выработаны въ окончательной формѣ [2]).

---

[1]) Графъ Д. А. Милютинъ говорилъ мнѣ, что и если посылка не дошла до кн. Барятинскаго, то нѣтъ въ этомъ ничего удивительнаго, при безпрерывныхъ переѣздахъ фельдмаршала за границею и при нашихъ почтовыхъ порядкахъ относительно заграничныхъ посылокъ. — Надобно при томъ принять къ соображенію, что тогда по нѣскольку мѣсяцевъ не знали въ Петербургѣ мѣстопребываніи фельдмаршала. Въ теченіи 1865 и 1866 годовъ не было отъ него *ни одного* письма".

[2]) „Военное Министерство, съ своей стороны, не получивъ отвѣта отъ фельдмаршала на разосланныя въ первый разъ предположенія, приписало его молчаніе тяжкому болѣзненному состоянію, не позволявшему заниматься дѣлами и даже поддерживать переписку." (Замѣчаніе графа Милютина).

Въ Маѣ 1868 г. фельдмаршалъ возвращался въ Россію. Какъ уже упомянуто въ предыдущей главѣ, въ пограничномъ Прусскомъ городѣ Диршау, гдѣ князь остановился ночевать, прибывшій изъ Петербурга фельдъегерь доставилъ ему пакетъ отъ военнаго министра, съ экземпляромъ Высочайше утвержденнаго «Положенія о полевомъ управленіи войскъ», при слѣдующемъ письмѣ: «17 Апрѣля сего года Высочайше утверждено новое Положеніе о полевомъ управленіи войсками, составленное въ замѣнъ прежняго положенія о дѣйствующей арміи. Считаю долгомъ представить при семъ вашему сіятельству экземпляръ этого Положенія, съ объяснительною къ нему запискою, въ которой кратко изложена сущность новаго узаконенія и указаны причины или соображенія, побудившія ввести довольно значительныя измѣненія противъ прежняго положенія (1812 г. передѣланнаго въ 1846 году). Думаю, что предметъ этотъ заслужитъ вниманіе вашего сіятельства и, въ случаѣ, еслибы, просматривая новое Положеніе, вы изволили встрѣтить какія-либо неясности или сомнѣнія, я почту за особое удовольствіе представить дополнительныя поясненія».

На первой страницѣ проекта Положенія былъ отпечатанъ списокъ 106-ти лицъ, которымъ проектъ былъ предварительно посылаемъ, и въ числѣ этихъ 106-ти значилось имя князя Барятинскаго, что̀ его, само собою, крайне удивило, такъ какъ онъ ничего не получалъ. Князь обратился къ ѣхавшему съ нимъ адъютанту своему В. А. Кузнецову съ вопросомъ, не помнитъ ли онъ о полученіи чего-нибудь на этотъ счетъ; но и Кузнецовъ, на обязанности котораго лежало получать, докладывать и въ порядкѣ хранить всѣ получаемыя княземъ бумаги, подтвердилъ, что до сего времени ничего не получалось.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, князь Барятинскій, при первомъ же свиданіи съ военнымъ министромъ, выразилъ свое недоумѣніе по поводу сказаннаго обстоятельства. Дмитрій Алексѣевичъ утверждалъ, что проектъ былъ въ свое время посылаемъ князю и для убѣжденія въ этомъ, при письмѣ отъ 30 Мая 1868 г., послалъ ему копію съ своего письма отъ 11 Октября 1866 года, слѣдующаго содержанія: «Въ началѣ минувшаго 1865 г., составлена была въ Военномъ Министерствѣ записка о главныхъ основаніяхъ для пересмотра существующихъ

законоположеній о полевомъ управленіи войскъ въ военное время. Разосланная на обсужденіе воинскихъ начальниковъ и другихъ лицъ, служебное поприще которыхъ ставило ихъ въ соприкосновеніе съ разсматриваемыми вопросами, записка эта возбудила со стороны сихъ лицъ замѣчанія, послужившія весьма полезнымъ матеріаломъ для предстоящей законодательной работы [1]). Для бо̀льшаго удобства въ разсмотрѣніи этихъ замѣчаній составленъ былъ изъ нихъ прилагаемый при семъ систематическій сводъ. За симъ первоначальныя предположенія министерства, вмѣстѣ съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями, подвергнуты были совокупному обсужденію въ особой коммиссіи, заключенія которой, 24 Ноября минувшаго года, удостоились Высочайшаго одобренія и послужили основаніемъ для начертанія проекта «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время». Препровождая этотъ проектъ къ вашему с—ву, на случай еслибы вамъ угодно было сдѣлать на него какія либо замѣчанія, считаю долгомъ увѣдомить, что окончательное обсужденіе составленнаго положенія отложено до 1-го Декабря сего года, т. е. до полученія заключеній лицъ, къ коимъ проектъ этотъ нынѣ препровождается» [2]). На счетъ того, когда именно и какимъ путемъ пакетъ съ запискою и проектомъ были отправлены за границу къ фельдмаршалу, военный министръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы была наведена самая подробная справка и объ оказавшемся обѣщалъ увѣдомить князя. Однакоже ни вышеприведеннаго письма отъ 11 Октября 1866 г., ни самаго проекта князь такъ и не получалъ, и дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ пакета не имѣется [3]). А между тѣмъ, прочитавъ новое «Положеніе объ управленіи войскъ въ военное время» и найдя въ немъ важныя противорѣчія своимъ взглядамъ, фельдмаршалъ,

---

[1]) Противъ этого мѣста на копіи письма кн. Барятинскій сдѣлалъ замѣтку: „поэтому, кажется, я болѣе другихъ имѣлъ право быть спрошеннымъ“.

[2]) Противъ этого фельдмаршалъ замѣтилъ: „сколько же бы мнѣ осталось времени чтобы дать слѣдующее мнѣніе?“ Графъ Милютинъ (осенью 1890 г.), замѣтилъ мнѣ на это мѣсто: „Обсужденіе началъ проекта должно было только *начаться* 1-го Декабря. Если бы замѣчанія фельдмаршала получены были и позже, они все-таки были бы приняты во вниманіе“.

[3]) Графъ Милютинъ замѣчаетъ по этому поводу, что „оказалось невозможнымъ добиться положительной справки на почтѣ“.

не взирая, что Положеніе было уже за мѣсяцъ до его пріѣзда въ Петербургѣ утверждено, счелъ долгомъ доложить Государю свое мнѣніе, особенно по поводу нѣкоторыхъ параграфовъ, касающихся правъ и положенія главнокомандующаго арміею и главнаго полеваго штаба во время войны.

Государь, выслушавъ доводы князя, повелѣлъ ему представить подробную записку, которая и была представлена имъ только 20-го Марта 1869 года.

Записка эта, съ собственноручными замѣчаніями Государя противъ каждаго пункта, была передана военному министру, который и представилъ свои объясненія. Затѣмъ все это было послано Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ и главнокомандующему въ Варшавѣ графу Бергу, съ просьбою сообщить ихъ мнѣніе о томъ: слѣдуетъ ли подвергнуть новому пересмотру изданное въ 1868 году «Положеніе» и дополнить его согласно указаніямъ фельдмаршала князя Барятинскаго?

Отъ Великаго Князя Николая Николаевича отвѣта не послѣдовало; графъ Бергъ отозвался, что не находитъ нужнымъ подвергать «Положеніе» пересмотру; а Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, тогда главнокомандующій на Кавказѣ, отвѣчалъ, что хотя по нѣкоторымъ пунктамъ онъ и не раздѣляетъ взглядовъ кн. Барятинскаго и не придаетъ такого важнаго значенія указаннымъ имъ недостаткамъ «Положенія», однакоже полагаетъ необходимымъ подвергнуть оное пересмотру и дополненію по тѣмъ замѣчаніямъ фельдмаршала, съ которыми Его Высочество согласенъ.

По этому поводу военный министръ представилъ Государю докладъ, опровергавшій доводы о необходимости пересмотра «Положенія», и дѣло осталось безъ послѣдствій.

Чтобы читатель могъ составить себѣ ясное понятіе о происшедшемъ между кн. Барятинскимъ и Д. А. Милютинымъ разногласіи и вывести свое заключеніе, необходимо прочитать записку фельдмаршала и объясненія Воен. Министерства, имѣя подъ рукою и самое «Положеніе» 1868 года. Кромѣ того, въ архивѣ кн. Барятинскаго сохранились еще и замѣчанія, сдѣланныя имъ на объясненія министерства; онѣ гораздо подробнѣе развиваютъ его доводы, чѣмъ въ самой запискѣ, во мно-

6*

томъ дополняютъ указанныя въ ней отступленія отъ основныхъ принциповъ нашей военной организаціи и опровергаютъ доказательства, приведенныя въ объясненіяхъ министерства; но я не нашелъ нигдѣ указаній, были ли эти замѣчанія фельдмаршала представлены Государю или остались только какъ проектъ. Вѣрнѣе, что не были представлены; ибо тогда они, безъ сомнѣнія, были бы опять переданы военному министру, и отъ сего послѣдняго явились бы новыя опроверженія. Поэтому я счелъ себя не въ правѣ приводить ихъ въ печати и помѣщаю здѣсь только пункты записки князя съ объясненіями министра [1]).

Съ своей стороны воздерживаюсь отъ какого-либо опредѣленія. Какъ біографъ князя Барятинскаго, признающій въ немъ замѣчательнаго военнаго человѣка, боюсь увлечься невольнымъ пристрастіемъ. Къ тому же, стоитъ только прочитать пункты новѣйшаго «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», Высочайше утвержденнаго 26 Февраля 1890 года, чтобы видѣть, какъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, и послѣ опыта нашей послѣдней войны 1877—78 гг., нашли нужнымъ сдѣлать измѣненія, во многомъ возстановляющія именно то, на что указывалъ кн. Барятинскій, и съ чѣмъ не приминулъ теперь согласиться самъ графъ Д. А. Милютинъ, которому посылался на разсмотрѣніе проектъ новѣйшаго «Положенія» 1890 года [2]). Мнѣ остается только повторить крайнее сожалѣніе о самомъ столкновеніи, имѣвшемъ вредныя послѣдствія для государства, о чемъ тогда, конечно, можетъ быть никто не думалъ, да и теперь большинству неясно. Въ одномъ только нѣтъ никакого сомнѣнія: гр. Милютинъ въ своихъ реформахъ руководствовался

[1]) Записка и замѣчанія—совмѣстная работа Р. А. Фадѣева и бывшаго Кавказскаго интенданта И. Г. Колосовскаго, разумѣется, писавшихъ по указаніямъ самого фельдмаршала. По словамъ близкаго къ князю Барятинскому лица, онъ остался недоволенъ редакціею и приписывалъ отчасти этому неуспѣхъ записки. Я, однако думаю, что та или другая редакція здѣсь не могла играть особенной роли: причина неуспѣха лежала въ самомъ способѣ веденія борьбы, въ слишкомъ страстномъ характерѣ нападенія и еще болѣе въ несвоевременности, послѣ столь недавняго Высочайшаго утвержденія „Положенія“.

[2]) Графъ Милютинъ по этому замѣтилъ мнѣ нижеслѣдующее: „Существенныя измѣнія въ Положеніи 1890 года относятся вовсе не къ тѣмъ статьямъ прежняго Положенія, на которыхъ почти исключительно сосредоточивалась критика фельдмаршала (т. е. мнимое умаленіе значенія и власти главнокомандующаго), а къ организаціи всего механизма административнаго на театрѣ войны, въ особенности тыловыхъ учрежденій, переустройство которыхъ признавалось необходимымъ еще до начала войны 1877—1878 гг. Эту необходимость показалъ опытъ войны Франко-Прусской 1870—1871 годовъ“.

мыслью о благѣ государства, о созданіи арміи, соотвѣтствующей потребностямъ Россіи, къ защитѣ ея интересовъ, ея достоинства и притомъ съ наименьшими, по возможности, расходами и жертвами. Тоже, конечно, было стремленіемъ князя Барятинскаго. Цѣли у обоихъ государственныхъ людей были однѣ, они расходились лишь въ средствахъ и формахъ исполнительныхъ органовъ.

Сколько горечи должна была оставить эта безплодная борьба въ сердцахъ обоихъ противниковъ! И какъ не жалѣть объ этомъ, когда очевидно, что, идя другъ другу навстрѣчу, они могли бы придти къ соглашенію и безъ этой непріятной борьбы достигнуть удовлетворительнаго результата.

Пункты записки фельдмаршала и объясненія Военнаго Министерства *).

Въ первомъ пунктѣ князь Александръ Ивановичъ повторялъ, что, до полученія утвержденнаго «Положенія», онъ не зналъ ни взглядовъ руководившихъ редакціей «Положенія», ни даже того, что главныя основанія передавались на обсужденіе 106 генераловъ и штабъ-офицеровъ, въ числѣ которыхъ ошибочно показано его имя.

Военное Министерство объяснило, что и проэктъ, и пояснительная записка были посылаемы фельдмаршалу за границу; но почему онъ не получилъ—министерству неизвѣстно.

2. При чтеніи «Положенія» я тотчасъ былъ пораженъ особенностями, противорѣчащими преданіямъ, до сихъ поръ свято хранившимся въ нашей славной арміи. Прежде всего остановился я на вопросѣ: зачѣмъ учрежденія военнаго времени истекаютъ изъ учрежденій мирныхъ? Такъ какъ армія существуетъ для войны, и выводъ долженъ быть обратный. Опытнымъ для насъ къ тому примѣромъ служитъ уже Уставъ 1846 года. Императоръ Николай Павловичъ дополнилъ только закономъ о мирномъ времени Учрежденіе императора Александра I-го, оставивъ его неприкосновеннымъ во всемъ, что́ касалось верховнаго командованія Государя на войнѣ, а въ отсутствіи Его Величества—значенія и власти его представителя. Покойный Государь считалъ эти параграфы основою военнаго устройства.

2. Предположеніе, будто бы устройство полевыхъ управленій военнаго времени, установленное Положеніемъ 17 Апрѣля 1868 года, истекаетъ изъ организаціи мирныхъ учрежденій,

*) Пункты и объясненія слѣдуютъ здѣсь одни за другими.

не имѣетъ основанія. Прототипомъ этого устройства послужила прежняя организація полевыхъ управленій по Уставу 1846 года. Новое Положеніе, не измѣняя основныхъ началъ этой организаціи, стремилось только упростить ее. Въ этихъ видахъ сдѣланы, напримѣръ, слѣдующія перемѣны въ составѣ полеваго управленія арміи: бывшія управленія генералъ-полиціймейстера, генералъ-гевальдигера и генералъ-вагенмейстера замѣнены однимъ комендантскимъ управленіемъ; управленіе дежурнаго генерала и генералъ-квартимейстера слиты въ общемъ составѣ полеваго штаба арміи; прежнія провіантскія и коммиссаріатскія управленія также слиты въ составѣ одного управленія — интендантскаго, при чемъ положено главныхъ полевыхъ коммиссій, провіантской и комиссаріатской, вовсе не формировать при арміи, а исполнительныя ихъ обязанности возложены на мѣстныя интендантскія управленія театра войны, а въ крайнихъ случаяхъ, на чиновъ самаго полеваго интендантства и вновь учрежденныхъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и отрядныхъ интендантствъ. Все *это* *) опасенія за перемѣны, которыя имѣютъ исключительною цѣлью упростить прежній сложный механизмъ управленія арміею.

Затѣмъ, если въ новомъ Положеніи объяснена степень подчиненія полевому управленію арміи мѣстныхъ управленій театра войны, а равно и обязанности этихъ послѣднихъ управленій въ военное время, если выяснена связь соотношенія между полевыми и мѣстными управленіями, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы организація управленій военнаго времени была заимствована изъ учрежденія мирнаго, или какъ-бы насильственно къ нимъ принаровлена, о чемъ нѣсколько разъ упоминается въ запискѣ.

3. Уставъ 1846 года не допускалъ несообразности предположенія, что на одномъ и томъ же театрѣ могутъ быть нѣсколько равноправныхъ главнокомандующихъ. Подобнаго рода противорѣчіе военному смыслу вызвало, какъ всѣмъ извѣстно, Учрежденіе 1812 года и Уставомъ положительно устранено.

Въ тѣхъ же видахъ возвышенія значенія главнокомандующаго установленъ былъ и главный штабъ арміи, въ отличіе прочихъ штабовъ: частныхъ армій, корпусовъ, отрядовъ и проч.

Уставъ 1846 года для управленія арміями составляетъ образцовое произведеніе. Частности этого устава могутъ подлежать измѣненіямъ вслѣдствіе новыхъ потребностей времени; но его основныя положенія устанавливаютъ опредѣлительно коренныя условія военнаго дѣла, выработанныя вѣковымъ опытомъ. Этотъ опытъ доказываетъ,

---

*) То-есть замѣчанія фельдмаршала.

что успѣхъ войны зависитъ отъ вѣрности относительнаго расчета между распорядительными и исполнительными дѣйствіями, что безусловная нераздѣльность этихъ двухъ родовъ дѣйствій, въ высшемъ значеніи выраженія, составляетъ основу власти главнаго вождя арміи *).

3. Образованіе изъ дѣйствующихъ на театрѣ войны войскъ одной или нѣсколькихъ армій указывается не уставами или положеніями, а обстоятельствами или планомъ военныхъ дѣйствій. Во всѣ бывшія войны мы имѣли нѣсколько армій; такъ было и въ послѣднюю войну 1854—55 г. Да въ самомъ Уставѣ 1846 г. (§ 32), также какъ и въ Учрежденіи 1812 г., упоминается о командующихъ частными арміями; слѣдовательно предположеніе о сформированіи нѣсколькихъ армій не было устранено ни въ Уставѣ, ни въ Учрежденіи.

4. А какъ такая нераздѣльность во всей полнотѣ своей принадлежитъ только верховной власти, то, для сохраненія ея во всякое время, непосредственнымъ вождемъ арміи считался у насъ самъ Государь. Наши военныя учрежденія развились изъ этой мысли; главнокомандующій же только временно, въ виду сохраненія принципа, облекался властію Государя за его отсутствіемъ, вслѣдствіе чего самостоятельность боеваго командованія была у насъ всегда полная и выразилась такъ ясно въ Уставѣ императора Николая Павловича.

Всѣ отношенія поставлены такимъ образомъ, чтобы армія и каждый ея органъ осуществляли быстро и точно мысли главнокомандующаго. Оттого Русская армія, въ теченіи послѣднихъ 56 лѣтъ, крѣпко сроднившаяся съ своимъ военнымъ положеніемъ, не можетъ не скорбѣть, видя ниспроверженіе его. Меня же лично огорчило рѣшеніе военнаго министра, безъ совѣщанія со мною, испросить у Вашего Императорскаго Величества (24 Ноября 1865 года) исключеніе всѣхъ параграфовъ Устава 1846 года, такъ мудро опредѣлявшихъ нѣсколькими словами эти начала. Это было для меня необъяснимо, тѣмъ болѣе, что именно этому полномочію, которымъ Вашему Величеству угодно было меня облечь, приписываю я успѣхъ мой на Кавказѣ, преимущественно передъ всѣми другими условіями; что это убѣжденіе, конечно, раздѣляютъ со мною всѣ служившіе въ арміи, которою я имѣлъ честь командовать; военный же министръ занималъ при мнѣ должность начальника главнаго штаба и лучше всѣхъ зналъ образъ моихъ мыслей. Хотя мнѣніе мое не было спрошено, онъ былъ обязанъ доложить о немъ Вашему Величеству, тѣмъ болѣе, что я былъ тогда единственный фельдмаршалъ Вашей арміи.

Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести во мнѣ первое знакомство съ Положеніемъ!

4. Новое Положеніе о полевомъ управленіи войскъ нигдѣ не отвергаетъ основнаго начала, которое до сихъ поръ нигдѣ

---

*) Въ „Положеніи 1890 года тоже оставлены командующіе арміями, но они подчинены одному главнокомандующему (§ 1-й, раздѣлъ 1-й). Главнокомандующій же представляетъ лицо Императора и облекается чрезвычайною властью“ (§ 18-й, раздѣлъ 2-й).

такъ ясно не было выражено какъ въ первой статьѣ новаго Положенія о Военномъ Министерствѣ, гдѣ сказано: «верховное начальствованіе надъ всѣми сухопутными силами Имперіи сосредоточивается въ особѣ Государя Императора». Въ новомъ изданіи свода военныхъ постановленій статья эта постановлена во главѣ этого сборника всѣхъ нашихъ военныхъ законовъ.

5. Съ прискорбіемъ увидѣлъ я: 1) Исключеніе дорогихъ для насъ параграфовъ, означавшихъ присутствіе Государя на войнѣ. 2) Униженіе военнаго начала предъ административнымъ, основаннымъ у насъ теперь на двойственной полуподчиненности и на оскорбительномъ чувствѣ взаимнаго недовѣрія, несвойственныхъ военному духу.

Послѣ такого заключенія, тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ и еще до доклада Вашему Императорскому Величеству, я познакомился съ подробностями этого дѣла и просилъ отъ военнаго министра объясненій. Изъ нихъ увидѣлъ я, что онъ считаетъ власть главнокомандующаго не только не нарушенною, но даже и расширенною; онъ указывалъ мнѣ на нѣкоторыя приращенія власти.

5. Невѣрность этихъ предположеній объяснена будетъ ниже.

6. Изъ того же разговора заключилъ я, что онъ считаетъ основной параграфъ, по которому главнокомандующій представляетъ лицо Императора и облекается властію Его Величества, не болѣе какъ дѣломъ редакціи, выражающейся такимъ или другимъ образомъ, хотя конечно трудно вѣрить, чтобъ такіе Государи, какъ почившіе Императоры Александръ I-й и Николай I-й считали дѣломъ редакціи параграфъ, на которомъ они основали весь военный уставъ.

6. Въ § 16 Устава 1846 года, заимствованномъ изъ 81 Учрежденія 1812 г., сказано: «главнокомандующій арміею представляетъ лицо Императора и облекается властію Его Величества». Параграфъ этотъ не вошелъ въ новое Положеніе, потому что онъ представляетъ явное противорѣчіе со всѣми послѣдующими параграфами, опредѣляющими степень и предѣлы власти главнокомандующаго. Такъ напримѣръ, власть главнокомандующаго относительно наградъ ограничена правомъ производства унтеръ-офицеровъ въ первый офицерскій чинъ, и только на полѣ сраженія, за военные блистательные подвиги—до капитана арміи включительно. Далѣе (§ 21) главнокомандующій не входитъ въ управленіе губерній и областей, объявленныхъ на военномъ положеніи, по частямъ судебной и хозяйственной; по § 25 онъ назначаетъ военныхъ губернаторовъ и правителей сихъ губерній и областей, представляя о томъ на высочайшее утвержденіе; по § 29 въ переговоры о мирѣ не можетъ входить безъ особеннаго на то Высочайшаго полномочія. По § 3 прежняго устава права главнокомандующаго по утвержденію въ должностяхъ ограничиваются только командирами не

отдѣленныхъ баталіоновъ. Всѣ эти ограниченія прямо противорѣчатъ § 16, ибо власть Его Величества не ограничена.

Устранивъ это, такъ сказать, редакціонное противорѣчіе, новое Положеніе ни мало не уменьшило въ сущности власти главнокомандующаго противъ Устава 1846 года. По статьѣ 18 Положенія, заимствованной изъ § 17 Устава 1846 г., всѣ повелѣнія главнокомандующаго исполняются въ войскахъ ему ввѣренныхъ, въ подчиненныхъ военныхъ округахъ, губерніяхъ и областяхъ, входящихъ въ районъ военныхъ, дѣйствій, какъ Высочайшія повелѣнія. Этимъ уже сказано все: за тѣмъ § 16 Устава представляется одною только фразою, невѣрною въ основаніи, противорѣчающею многимъ другимъ статьямъ и ненужною при существованіи статьи 18-й Положенія.

7. Я даже усумнился тогда, не смѣшиваетъ ли министръ военное положеніе съ мирнымъ? Онъ упорствовалъ, что выше приведенный параграфъ Уставомъ 1846 года исключенъ. Ежели съ такою легкостію могло быть представлено подобное объясненіе мнѣ, многократно прошедшему на дѣлѣ каждую главу Устава, а потому по одной практикѣ твердо его знающему (особенно во всемъ, что касается значенія и власти главнокомандующаго), то понятно, что я уже не могъ думать безъ опасенія, какъ превратно могъ быть составленъ докладъ объ этомъ знаменательномъ дѣлѣ, долженствовавшемъ рѣшить боевую судьбу нашей арміи. Я изумился, всмотрѣвшись въ Положеніе, съ какимъ отсутствіемъ практическаго взгляда (какъ будетъ изложено въ заключеніи) была совершена и представлена Вамъ, Государь, эта основная работа.

Тогда же я рѣшился пересмотрѣть подробно Положеніе и испросилъ дозволенія Вашего Императорскаго Величества представить особое мнѣніе.

До сихъ поръ наше мирное положеніе было основано на военномъ; оттого армія сохраняла въ мирное время тотъ исключительно военный характеръ, которымъ всякій гордился. Въ 1815 году императоръ Александръ I-й, послѣ умиротворенія Европы, далъ Сенату указъ отъ 12 Декабря: «Трехлѣтній опытъ благополучно оконченной послѣдней войны, въ продолженіе которой лично присутствовалъ я при войскахъ, явилъ ощутительную пользу изданнаго въ 1812 году Учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи. Находя необходимымъ тотъ же порядокъ и въ мирное время по управленію всѣмъ вообще военнымъ департаментомъ, призналъ я за полезное дать оному новое устройство, примѣненное въ главныхъ основаніяхъ къ упомянутому Учрежденію».

Въ тотъ же день изданъ другой указъ въ такомъ же смыслѣ. Въ немъ говорится:

«Учрежденіе 1812 г. издано въ томъ намѣреніи, чтобы оно служило и впредь коренным законом при составленіи арміи и при каждомъ открытіи военныхъ дѣйствій. Очевидная польза, отъ онаго

проистекающая, убѣждаетъ насъ, для сохраненія желаннаго порядка въ войскахъ, для ближайшаго попеченія надъ ними и для охраненія расходовъ государственныхъ, оставить арміи наши въ настоящемъ образованіи ихъ и имѣющими однихъ мѣстныхъ начальниковъ въ лицѣ главнокомандующихъ, которые посредствомъ штабовъ своихъ управляли бы арміями.

Въ 1832 г. 1 Мая въ указѣ о преобразованіи Военнаго Министерства, говорится: § 2 «Званіе начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества въ мирное время упраздняется, собственно при Его Величествѣ состоитъ главный штабъ изъ слѣдующихъ лицъ» и проч.

Военному министру ввѣренъ былъ главный штабъ Его Величества, а должность начальника главнаго штаба Его Величества сохранена только для военнаго времени и Уставомъ 1846 г. присвоена главнокомандующему.—§ 66. Въ присутствіи Императора главнокомандующій исполнялъ при лицѣ Государя должность начальника главнаго штаба, сохраняя впрочемъ всѣ обязанности званія главнокомандующаго, кромѣ правъ показанныхъ въ §§ 31 и 66, заключающихъ въ себѣ одни царскіе атрибуты. Порядокъ этотъ сохранялся до нынѣшняго преобразованія и только прошлаго года уничтоженъ новымъ Положеніемъ.

7. Параграфъ этотъ, со времени самаго Учрежденія 1812 года, на практикѣ никогда не примѣнялся.

8. Главный штабъ арміи означаетъ учрежденіе исключительно присвоенное главному командованію; оно состояло только при повелителѣ арміи, Государѣ Императорѣ, или при томъ кого Государь, въ своемъ отсутствіи, уполномочивалъ представлять свое лицо. Нынѣ значительнымъ для всѣхъ Русскихъ воиновъ титуломъ начальника главнаго штаба называется въ арміи одинъ старшій докладчикъ военнаго министра.

8. Названіе главныхъ управленій присвоено нынѣ отдѣламъ или частямъ Военнаго Министерства, какъ центральнаго управленія, общаго для всѣхъ войскъ Имперіи; управленія арміею, формируемыя только въ военное время, получили при семъ болѣе свойственное имъ названіе полевыхъ, въ отличіе отъ мѣстныхъ управленій военныхъ округовъ. Отъ подобнаго болѣе логичнаго и систематическаго распредѣленія названій, присвоенныхъ нынѣ каждому роду управленій, сущность дѣла никакъ пострадать не можетъ.

Главный штабъ арміи и прежде не былъ учрежденіемъ присвоеннымъ верховному командованію. У насъ и прежде и въ послѣдніе годы, даже въ мирное время, состояло нѣсколько армій и нѣсколько главныхъ штабовъ. Такъ 1-я армія имѣла свой главный штабъ въ Варшавѣ, а Кавказская въ Тифлисѣ. Учрежденіями исключительно присвоенными верховному командованію, какъ выражено въ запискѣ, эти главные штабы быть не могли. Значеніе это имѣлъ, хотя только номинально, су-

ществовавшій прежде главный штабъ Его Императорскаго Величества, въ составъ котораго входили лица двухъ родовъ: 1, состоящіе при Его Величествѣ генералъ-адъютанты и проч.; 2, нѣкоторыя должностныя лица Военнаго Министерства, какъ напримѣръ дежурный генералъ (онъ же директоръ Инспекторскаго Департамента), генералъ квартирмейстеръ (онъ же директоръ Департамента Генеральнаго Штаба), генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ инспекторъ инженеровъ. Въ случаѣ отправленія Государя Императора къ арміи (какъ напр. въ Варшаву въ 1849 г.) лица этой послѣдней категоріи оставались при своихъ должностяхъ въ Петербургѣ.

Въ настоящее время бывшій главный штабъ Его Величества замѣненъ главною квартирою, исключительно изъ лицъ состоящихъ при Государѣ Императорѣ. Названіе же главнаго штаба осталось за тѣмъ отдѣломъ Военнаго Министерства, гдѣ сосредоточивается переписка по тѣмъ же дѣламъ, какъ и въ другихъ штабахъ—дивизіонныхъ, окружныхъ и т. д. Названіе же главнаго присвоено этому штабу, какъ выше сказано, наравнѣ съ другими отдѣлами центральнаго военнаго управленія.

9. Глубоко обдуманною системою военнаго управленія почившаго Государя самъ Императоръ подразумѣвалъ свое присутствіе въ войскахъ, и армія оживлялась тою же увѣренностію; ибо Государь могъ всегда удобно, безъ новыхъ приготовленій или нарушенія установленныхъ порядковъ, находиться, гдѣ надобность укажетъ, въ дѣйствующей арміи или, для общаго наблюденія, въ центральномъ управленіи. Присутствіе его ознаменовалось вездѣ. Онъ жилъ всегда съ арміею. Государь и войско всегда были готовы къ войнѣ; одна только главная квартира, принадлежащая исключительно къ главному штабу Его Величества, но не къ Военному Министерству, слѣдовала за Императоромъ. Наименованіе начальника главнаго штаба было сохранено только для начальника штаба снаряженной для войны арміи, именно потому, что въ данную минуту, если Государю самому неугодно принять начальство надъ нею, то главнокомандующій долженъ былъ представлять тамъ лицо Императора. Государь чрезъ него узнавалъ уже тогда, чего арміи не достаетъ и могъ содѣйствовать ей соотвѣтственно съ ходомъ войны, предоставляя своему личному сужденію направлять дѣйствія Военнаго Министерства къ ея истиннымъ пользамъ и нуждамъ. Такимъ образомъ войска́ сохраняли всегда прямой доступъ къ Государю, а административный элементъ удерживалъ въ отношеніи къ нимъ подобающій ему характеръ содѣйственный. Присутствіе Императора олицетворялось въ войскахъ чрезъ достойныхъ представителей, избранныхъ и опытныхъ мужей, и до послѣдняго солдата всѣ знали и разумѣли, что единый Государь командуетъ войсками; потому что между ними и Государемъ существовала живая связь, а не канцелярское учрежденіе, къ которому войска́ всегда остаются равнодушными.

Боевой духъ арміи необходимо изчезаетъ, если административное начало, только содѣйствующее, начинаетъ преобладать надъ началомъ составляющимъ честь и славу военной службы. Во избѣжаніе сего, въ нѣкоторыхъ первокласныхъ державахъ, гдѣ армія проникнута превосходнымъ боевымъ духомъ, военный министръ избирается изъ гражданскихъ чиновъ, чтобы не допустить его до возможности играть роль въ командированіи. Отъ военнаго министра не требуется военныхъ качествъ; онъ долженъ быть хорошій администраторъ. Оттого у насъ онъ чаще назначается изъ людей неизвѣстныхъ арміи, въ военномъ дѣлѣ мало или вовсе опыта неимѣющихъ, а иногда не только въ военное, но и въ мирное время, совсѣмъ солдатами не командовавшихъ. Впрочемъ неудобства отъ этого быть не можетъ, если военный министръ строго ограниченъ установленнымъ для него кругомъ дѣйствій.

Вождь арміи избирается по другому началу. Онъ долженъ быть извѣстенъ войску и отечеству своими доблестями и опытомъ, чтобы въ военное время достойно и надежно исполнять должность начальника главнаго штаба при своемъ Государѣ или въ данномъ случаѣ замѣнять Высочайшее присутствіе.

Уставъ 1846 г. воспроизвелъ главныя положенія изъ Учрежденія 1812 г. о большой дѣйствующей арміи, а императоръ Александръ I привелъ только въ систему правила, которыми непрерывно руководились Русскіе государи со временъ творца нашей арміи, Великаго Петра. Въ Воинскомъ Уставѣ 1716 г. сказано:

«Въ небытіи же своемъ (Государя) оный команду надъ всѣмъ даетъ своему фельдмаршалу, либо самовластно поступать, какъ онъ за благоизобрящетъ, Государю своему въ томъ отвѣтъ дать можетъ, или съ военнымъ совѣтомъ».

Ничто не измѣнило этого и въ настоящее время. Государь Императоръ продолжаетъ по прежнему руководить ежедневно дѣятельностью всѣхъ военныхъ управленій, всѣ коренныя преобразованія послѣднихъ лѣтъ совершены по непосредственной инициативѣ и указаніямъ Его Величества. Новое положеніе о полевомъ управленіи войскъ не поставляетъ никакой перегрworld, никакого посредствующаго учрежденія между главнокомандующимъ и Государемъ Императоромъ: статьми 20, 22, 23, 26, 29, 33, 44 Положенія 17 Апрѣля 1868 г. главнокомандующій, какъ и по прежнему Уставу, уполномочивается входить съ представленіями на непосредственное Высочайшее воззрѣніе. Военный же министръ остается, какъ и прежде, лишь докладчикомъ представленій главнокомандующаго.

10. Хотя Уставъ 1846 г. былъ составленъ по Учрежденію 1812 г., оставшемуся неприкосновеннымъ въ своемъ основаніи, тѣмъ не менѣе, изъ осторожности, Государю удобно было услышать, предъ окончательнымъ его утвержденіемъ, опытное мнѣніе своей арміи, что выразилось въ рескриптѣ военному министру отъ 5 Декабря того же года. «По истеченіи трехъ лѣтъ практическаго наблюденія надъ дѣйствіемъ Устава,

представить намъ всѣ замѣчанія какія будутъ сдѣланы какъ главными начальниками войскъ, такъ и ввѣреннымъ вамъ министерствомъ и испросить наше повелѣніе объ окончательномъ утвержденіи Устава». Правила эти упрочили за нашимъ оружіемъ явное преимущество надъ непріятельскимъ въ теченіи всего XVIII столѣтія; онѣ выражаются въ двухъ словахъ: «единство и полномочіе командованія».

Въ то время когда Европейскія державы выставляли нѣсколько армій на своей границѣ и стѣсняли военачальниковъ всевозможными совѣтами, со стороны Россіи на театрѣ войны дѣйствовала одна воля, и Русской арміей всегда начальствовалъ безраздѣльно самъ Государь; потому что, когда Государь не былъ при войскахъ, онъ ставилъ вмѣсто себя полководца, представлявшаго его лицо и облеченнаго его довѣріемъ и властію, зависимаго только отъ него и отвѣтственнаго ему одному. Такимъ образомъ начальствовали Минихъ и Румянцевъ, Потемкинъ и Суворовъ.

Русскіе вѣнценосцы хранили свой законъ также свято на дѣлѣ, какъ и въ буквѣ его.

Когда Кутузовъ отдалъ Москву непріятелю, Императоръ высказалъ въ письмѣ къ нему печальныя послѣдствія этой мѣры, какъ ихъ понимали въ ту минуту, но не коснулся его полномочія, не упомянулъ даже о своемъ собственномъ мнѣніи. Блаженной памяти императоръ Николай I, какъ извѣстно, глубоко чтилъ неприкосновенность этихъ основаній.

10. Новое положеніе о полевомъ управленіи войскъ, какъ выше объяснено, подвержено было двукратному обсужденію, сначала въ главныхъ основаніяхъ, а потомъ и въ подробностяхъ, до представленія его на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

11. Въ продолженіи многихъ войнъ прошедшаго царствованія, Государь, даже оставаясь недоволенъ веденіемъ дѣлъ, никогда не думалъ устанавливать надъ дѣйствіями и выборами главнокомандующаго какой-нибудь контроль со стороны центральныхъ учрежденій. Также точно Ваше Императорское Величество ограждали дарованную Вами власть. Въ случаѣ неудовольствія, покойный Государь и потомъ Ваше Величество смѣняли главнокомандующаго, утратившаго довѣріе; но пока главнокомандующій стоялъ въ главѣ арміи, онъ былъ полнымъ хозяиномъ ея.

11. Новое Положеніе не вводитъ со стороны центральныхъ управленій никакого контроля надъ выборами главнокомандующаго; напротивъ того, оно расширяетъ его права въ этомъ отношеніи противъ прежняго, предоставляя ему не только избирать, но и утверждать собственною властію въ должностяхъ: а) командировъ полковъ и другихъ отдѣльныхъ частей войскъ и б) военныхъ губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и правителей въ областяхъ, занятыхъ по праву войны.

12. Уставъ 1846 г. разрѣшаетъ великую задачу, какъ примѣнять измѣнчивыя потребности времени къ нашимъ органическимъ военнымъ законамъ. Хотя надобно было привести въ систему узаконенія, дополнить ихъ и свести въ одно военное и мирное положеніе, но покойный Императоръ не считалъ возможнымъ жертвовать правилами войны удобствамъ администраціи. Онъ удержалъ буквальный текстъ главныхъ пунктовъ Учрежденія 1812 года.

Такимъ образомъ Русская военная сила руководилась истинными правилами войны, сознанными у насъ яснѣе чѣмъ гдѣ нибудь.

12. Удобства администраціи никогда не могутъ противорѣчить условіямъ успѣшнаго веденія войны; чѣмъ лучше, чѣмъ практичнѣе устроена администрація, тѣмъ удобнѣе управлять арміею на войнѣ. Уставъ 1846 г. признано было необходимымъ пересмотрѣть и измѣнить, потому только, что рѣшено было не имѣть въ мирное время армій и корпусовъ, а потому заключавшіяся къ Уставѣ постановленія объ управленіи арміями и корпусами въ мирное время оказались анахронизмомъ. Та же часть Устава, которая относится до управленія арміями въ военное время, послужила главнымъ основаніемъ при разработкѣ новаго Положенія.

13. Военное Министерство завѣдывало матеріалами, изъ которыхъ слагается армія и за тѣмъ всецѣло передавало ее въ руки главнокомандующаго, избираемаго Государемъ изъ самыхъ доблестныхъ и надежныхъ людей отечества. Главнокомандующій отвѣтствовалъ одному Государю и нуждался только въ его одобреніи.

13. Все это осталось въ полной силѣ и въ настоящее время.

14. Онъ вносилъ въ армію единство власти, начальствуя безраздѣльно на театрѣ войны, хотя бы ввѣренныя ему силы были раздѣлены на нѣсколько частей; для этого онъ былъ названъ главнокомандующимъ въ отличіе отъ командующихъ частными арміями. Онъ былъ полномоченъ, потому что представлялъ лицо Императора и облекался властію Его Величества. Поэтому распорядительная и исполнительная власти оставались у него нераздѣльно; онъ содержалъ армію тѣми способами, какіе считалъ наилучшими (что̀ на войнѣ зависитъ всегда отъ удобства минуты), самъ наблюдая за исполненіемъ, не стѣсняемый никакими положеніями.

14. Опытъ всѣхъ прошлыхъ войнъ, какъ уже сказано выше, показываетъ, что при всякой оборонительной войнѣ намъ приходилось формировать по нѣскольку армій, не частныхъ, а вполнѣ самостоятельныхъ; каждая изъ нихъ имѣла своего главнокомандующаго, облеченнаго властію присвоенною этой должности по закону. Затѣмъ никакого общаго главнокомандующаго мы не имѣли. Общее верховное руководство

военными дѣйствіями на всѣхъ предѣлахъ Имперіи всегда сосредоточивалось въ лицѣ Государя Императора.

15. Подчиненные повиновались ему слѣпо и смѣло, такъ какъ приказаніе его снимало съ нихъ всякую отвѣтственность. Одна мысль и одна воля руководили императорскими Всероссійскими силами. При такой постановкѣ распоряженіе войною оставалось дѣйствительно, и не по названію только, въ рукѣ Монарха. Передъ нимъ стоялъ единый и прямой отвѣтчикъ. Государь ввѣрялъ исполненіе своей воли лицу, представлявшему его самаго, удерживая только верховный атрибутъ власти смѣнить или предать суду главнокомандующаго, не оправдавшаго довѣріе.

Въ этомъ духѣ боевое положеніе понималось полтора столѣтія, установилось въ Учрежденіи 1812 г. и окончательно дополнилось въ Уставѣ императора Николая I-го, составляя завѣщаніе цѣлаго ряда побѣдоносныхъ государей. Эти начала новымъ Положеніемъ 1868 г. уничтожены. Потребности арміи во время войны пожертвованы заботѣ сохранить характеръ мирныхъ учрежденій, т. е. цѣль средству.

17 Апрѣля 1868 г. въ приказѣ военнаго министра сказано:

«Послѣ коренныхъ преобразованій, введенныхъ въ послѣднее время въ устройствѣ военныхъ управленій мирнаго времени и въ самой организаціи нашей арміи, Уставъ 1846 г. во многомъ уже не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ и не примѣнимъ на практикѣ. Въ объяснительной же запискѣ того Положенія военный министръ выражается такъ:

«Военному Министерству предстояло начертать правила для управленія войсками при соединеніи въ составѣ армій, корпусовъ и отрядовъ въ военное время. Дѣйствовавшій доселѣ Уставъ 1846 г. объ управленіи арміями въ мирное время оказывается для сего недостаточнымъ».

Стало быть, новое военное Положеніе вышло изъ нынѣшняго мирнаго, послужившаго ему вмѣстѣ и основою, и рамкою, а Уставъ 1846 г. къ нему лишь отчасти приспособленъ. Тутъ только уясняется вопросъ, для чего, при составленіи военнаго Устава, указывалось на уставъ мирнаго времени, когда рѣчь шла о войнѣ. На нашъ военный уставъ никто не жаловался, напротивъ военными людьми всего свѣта онъ признанъ за совершенство. Но въ немъ именно заключались та основа и тотъ завѣтный смыслъ нашего военнаго бытія, которые препятствовали соглашенію новаго военнаго Положенія съ окружною системою. Требовалось прежде всего обойти эту перегради.

15. Прискорбные примѣры Крымской войны показываютъ, что, прикрываясь § 28 Устава 1846 года, по которому приказаніе главнокомандующаго о выдачѣ и употребленіи ввѣренныхъ ему суммъ слагало всякую отвѣтственность съ чиновниковъ исполняющихъ, они дѣйствовали иногда слишкомъ смѣло. Открытыя слѣдствіями и по суду явныя злоупотребленія чиновниковъ остались безъ преслѣдованія, дабы не поколебать авторитета власти главнокомандующаго. Вопросъ объ отмѣнѣ этого узаконенія, путемъ расширенія правъ ближайшихъ со-

трудниковъ главнокомандующаго, завѣдующихъ хозяйственными отдѣлами полеваго управленія, возникъ еще въ 1858 г., и по зрѣломъ обсужденіи привелъ къ введенію въ новое Положеніе статьи 43, по которой предписаніе главнокомандующаго о производствѣ какого либо расхода слагаетъ всякую отвѣтственность съ лицъ исполняющихъ. Но если таковыя предписанія послѣдовали по представленію начальниковъ отдѣловъ полеваго управленія арміи, то эти лица отвѣтствуютъ какъ за вѣрность фактовъ и справокъ, такъ и за изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, на которыхъ главнокомандующій основывался въ своемъ рѣшеніи. При разсмотрѣніи проектированнаго Положенія въ военномъ совѣтѣ, статья эта подвергалась особому подробному обсужденію и редактирована окончательно по соглашенію многихъ разнорѣчивыхъ мнѣній.

16. Учрежденіе 1812 г. и военный Уставъ Императора Николая Павловича намѣренно присвоиваютъ Государю значеніе верховнаго вождя на войнѣ, для безусловной нераздѣльности распорядительной и исполнительной власти, полагая этотъ принципъ въ незыблемое основаніе всего военнаго зданія.

Уставъ же мирнаго времени естественно о войнѣ не говоритъ, а потому новое Положеніе, руководствуясь имъ, вовсе уже не предполагаетъ присутствія Государя въ арміи и не дало силы параграфамъ 31 и 66-му, постоянно до сихъ поръ обнадеживавшимъ войска, во время войны, прямымъ начальствованіемъ Государя. Названіе главнаго штаба Вашего Императорскаго Величества по положенію 1868 г. даже и во время войны не существуетъ. Главнокомандующій, мужъ выбора и довѣрія, лишенъ также, силою новаго закона, права и счастія служить въ военное время начальникомъ штаба при своемъ Государѣ.

16. О томъ, что Государь Императоръ есть не только въ военное, но и въ мирное время, верховный вождь арміи, сказано въ статьѣ, постановленной въ главѣ нашихъ военныхъ законовъ. Но будетъ ли Государь находиться при арміи или нѣтъ, это уже зависитъ отъ благоусмотрѣнія Его Величества, а не отъ такой или иной редакціи устава.

17. Послѣдовательно тому устранены также параграфы 16 и 17; первый опредѣлявшій въ отсутствіи Его Величества значеніе и власть его представителя, а второй—*облекавшій его приказанія силою именныхъ Высочайшихъ повелѣній.* Исключенъ даже § 67 мирнаго времени, опредѣлявшій непосредственное подчиненіе главнокомандующаго одному Государю Императору. Послѣ разрушенія этихъ краеугольныхъ камней нашего военнаго завѣтнаго зданія, стало уже легко довершить уничтоженіе самостоятельности главнокомандующаго устраненіемъ или передѣлкою всѣхъ прочихъ параграфовъ Устава 1846 г., касавшихся его власти и значенія.

17. Параграфъ 17-й не исключенъ; въ немъ-то и заключается сущность дѣла, т. е., что приказанія главнокомандующаго исполняются какъ высочайшія повелѣнія; исключено здѣсь только слово «*именныя*», потому что наши законы не устанавливаютъ никакой разницы въ исполненіи Высочайшихъ повелѣній, именныхъ или неименныхъ [1]).

18. Исключенъ § 32 Устава, установившій положительнымъ образомъ разницу между главнокомандующимъ и командующими частными арміями. Кромѣ разницы въ самыхъ названіяхъ, Уставъ избѣгалъ присвоивать симъ послѣднимъ какое либо опредѣленное значеніе или права. По этому параграфу власть командующихъ частными арміями, по какому-либо случаю назначаемыхъ, опредѣлялась каждый разъ въ Высочайшемъ указѣ о ихъ назначеніи.

18. Въ § 32 Устава 1846 года, заимствованномъ изъ § 3 Учрежденія 1812 г., говорится о какихъ-то командующихъ частными арміями, по какому либо случаю назначаемыхъ; но въ той же статьѣ сказано, что власть этихъ командующихъ арміями опредѣляется каждый разъ особымъ Высочайшимъ указомъ и вовсе не говорится о подчиненіи ихъ одному общему главнокомандующему. Въ новомъ Положеніи статьи 1, 11, 20 и 22 прямо опредѣляютъ взаимныя отношенія главнокомандующихъ армій, дѣйствующихъ самостоятельно на сосѣднихъ театрахъ войны. Такимъ образомъ столкновенія нѣсколькихъ армій и нѣсколькихъ главнокомандующихъ на одномъ и томъ же театрѣ войны можно было опасаться при столкновеніи тѣхъ частныхъ армій, о которыхъ упоминается въ прежнихъ Уставахъ; и дѣйствительно подобный случай видимъ въ началѣ Отечественной войны при соединеніи на одномъ и томъ же театрѣ армій Багратіона и Барклая [2]).

19. Въ коренное противорѣчіе этому параграфу и въ замѣнъ его, статьями 1, 11, 20 и 22 Положенія, всѣ начальники частныхъ армій

---

[1]) Однако въ новѣйшемъ „Положеніи“ 1890 г. сказано: „§ 23-й. Повелѣнія главнокомандующаго исполняются въ войскахъ ему ввѣренныхъ, въ подчиненныхъ военныхъ округахъ, губерніяхъ и областяхъ театра войны какъ Высочайшія *именныя* повелѣнія, всѣми мѣстами и лицами, военными и гражданскими, всѣхъ вѣдомствъ“.

[2]) Въ „Положеніи“: утвержденномъ въ 1890 году, напротивъ, командующіе арміями вполнѣ подчинены главнокомандующему. § 34: онъ имѣетъ право измѣнять по своему усмотрѣнію составъ армій. Пунктъ 5-й того же §: онъ во время войны избираетъ и допускаетъ къ исправленію должностей командующихъ арміею. § 102: Командующій арміею подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ непосредственно главнокомандующему. Никакое другое лицо или правительственное мѣсто не даетъ ему предписаній и не можетъ требовать отъ него отчетовъ. § 8-й: Главнокомандующій *арміями* даетъ командующимъ отдѣльными арміями общія указанія относительно веденія военныхъ дѣйствій... наблюдая за дѣятельностью командующихъ арміями по всѣмъ отраслямъ управленія, онъ даетъ имъ общія въ этомъ отношеніи указанія и т. д.

сравнены между собою правами и названы главнокомандующими. Число главнокомандующихъ можетъ быть неограничено. Составителямъ Учрежденія 1812 г. и Устава 1846 г. не приходила даже на мысль возможность подобной толкотни главнокомандующихъ на одномъ военномъ театрѣ.

Но какъ всѣ они не могутъ быть руководителями одного и того же дѣла и какъ высшая власть и значеніе предварительно съ нихъ уже сняты, то естественно становятся они черезъ это только исполнителями объединяющей ихъ воли, т. е. тѣмъ же самымъ, чѣмъ были командующіе частными арміями въ отношеніи къ своему главнокомандующему. Потребное одному главнокомандующему легко понадобится другому, а въ такомъ случаѣ военный министръ по необходимости станетъ судьею между ними. Однимъ словомъ, общимъ руководителемъ войны становится неизбѣжно центральное военное управленіе, тотъ же гофсъ-кригсъ-ратъ, чтó уже достаточно испытано и осуждено всеобщею исторіею войны.

19. Посредникомъ между главнокомандующими армій, дѣйствующихъ на смежныхъ театрахъ войны, всегда былъ и есть самъ Государь Императоръ. Изъ новаго Положенія нигдѣ не видно, чтобы на центральномъ управленіи или Военномъ Министерствѣ лежало общее руководство веденіемъ войны, а потому никакихъ гофъ-кригсъ-ратовъ тутъ нѣтъ.

20. Къ довершенію умаленія власти главнокомандующаго, статьей 37-й указывается на положеніе о взысканіяхъ дисциплинарныхъ. Лицо, представлявшее доселѣ Императора, облеченное властію Его Величества, въ объяснительной запискѣ названное верховнымъ вождемъ арміи (ст. 9), утверждающее смертные приговоры надъ полковниками, можетъ въ военное время арестовать офицера на столько дней, и ни часомъ болѣе.

20. Замѣчаніе это выходитъ уже изъ области Положенія о полевомъ управленіи войскъ; оно относится къ военно-уголовному уставу. Въ прежнихъ положеніяхъ не могло быть и рѣчи о правахъ главнокомандующаго по наложенію взысканій дисциплинарныхъ, такъ какъ законъ не различалъ и самыхъ дисциплинарныхъ преступленій. Во всякомъ случаѣ ссылка на дисциплинарное положеніе никакъ не можетъ унизить значеніе главнокомандующаго, такъ какъ въ этомъ положеніи ему присвоена самая высшая степень власти. Тѣже преступленія, которыя выходятъ изъ этой нормы, преслѣдуются уже не дисциплинарными взысканіями, а военнымъ судомъ.

21. Новое Положеніе, исключивъ или измѣнивъ параграфы 16, 17, 28, 31, 32, 66, 67, 78, 81 и 85 Устава, опредѣлявшіе до сихъ поръ значеніе и власть главнокомандующаго, замѣняетъ ихъ статьею 21-ю, по которой «въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, когда дѣла, требующія Высочайшихъ разрѣшеній, не могутъ быть отлагаемы безъ важ-

наго вреда для войскъ или государственнаго ущерба, главнокомандующій уполномочивается дѣйствовать всѣми ввѣренными ему способами, не ожидая сихъ разрѣшеній, но обязанъ доносить въ тоже время о принятыхъ имъ мѣрахъ и о причинахъ ихъ настоятельности».

Эта статья, составляющая по Положенію крайнюю степень полномочія главнокомандующаго, есть ни что иное какъ буквально перепечатанный § 12 Устава изъ его правъ въ мирное время. Въ общемъ смыслѣ это право должно бы относиться не только къ главнокомандующему, а ко всякому служащему и даже ко всякому вѣрноподданному. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда предвидится положительный вредъ или ущербъ для государства, всякій ротный командиръ, всякій чиновникъ долженъ взять на себя отвѣтственность дѣйствія.

Ни одно изъ коренныхъ правъ, предоставленныхъ главнокомандующему Уставомъ военнаго времени, не введено въ Положеніе, кромѣ распоряженія занятымъ непріятельскимъ краемъ, перемирія и регламентаціи о наградахъ, совершенно безполезныхъ, усиливающихъ внѣшнія права главнокомандующаго на равнѣ съ главнокомандующимъ Кавказской арміи.

21. О причинахъ исключенія изъ новаго Положенія § 16, 28, 31, 32 и 66 объяснено выше. § 17 объ исполненіи приказаній главнокомандующаго, какъ Высочайшихъ повелѣній, цѣликомъ вошелъ въ статью 18-го Положенія.

§ 81 и 85 не включены въ новое Положеніе, потому что сущность ихъ подразумѣвается сама собою и что при кодификаціи новыхъ положеній въ Военномъ Министерствѣ принято въ настоящее время за общее правило избѣгать подобныхъ этимъ параграфамъ статей, ничего не объясняющихъ и не имѣющихъ никакого практическаго примѣненія. Содержаніе этихъ параграфовъ слѣдующее: § 81 Устава 1846 г. «Отвѣтственность главнокомандующаго соразмѣряется его власти»; § 85 «онъ отвѣтствуетъ за оставленіе своей власти безъ дѣйствія». При томъ же отвѣтственность всѣхъ должностныхъ лицъ опредѣляется въ военно-судебномъ уставѣ. § 67 и 78, опредѣлявшіе отношенія главнокомандующаго, не включены въ Положеніе, потому что, по вновь принятой системѣ кодификаціи, вообще признано болѣе удобнымъ отношенія должностныхъ лицъ объяснять въ статьяхъ о правахъ и обязанностяхъ. Во всякомъ случаѣ исключеніе этихъ статей никоимъ образомъ не могло повести къ уменьшенію правъ и власти главнокомандующаго.

Предположеніе, что статьею 21-ю новаго Положенія замѣнены всѣ 10 параграфовъ прежняго Устава совершенно невѣрно. Статья эта буквально повторяетъ § 12 прежняго Устава. Предоставленіе главнокомандующему, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, дѣйствовать не стѣсняясь даже тѣми обширными пре-

дѣлами власти, которыя опредѣлены закономъ, конечно есть весьма важный атрибутъ его должности, не предоставляемый никому другому.

22. По другому изъ такихъ пунктовъ о расширеніи безполезныхъ правъ главнокомандующаго, затрогивается одинъ прямо царскій атрибутъ, который Государь не можетъ уступить никому; это назначеніе полковыхъ командировъ. Прàва этого нельзя отнять, такъ точно какъ нельзя у полковаго командира отнимать прàва производить въ унтеръ-офицеры. На этихъ двухъ началахъ зиждется вся духовная сила арміи. Одинъ только Государь довѣряетъ полковнику свои знамена. Онъ передаетъ его храненію славу, честь и вѣрность полка. Сей послѣдній становится чрезъ это въ императорской арміи высшимъ нравственнымъ звѣномъ цѣпи, связующей Государя съ войскомъ.

Полковой командиръ олицетворяетъ собою полкъ, а армія составлена изъ полковъ; отъ этого и установлено правило, что полковничій патентъ подписывался уже всегда собственноручно Государемъ. Я и теперь живо помню торжество и военную гордость, которыми преисполнилось мое сердце, увидѣвши въ первый разъ грамоту на этотъ чинъ подписанную Государемъ лично для меня. Съ тѣхъ поръ я прошелъ всѣ ступени военной іерархіи, достигъ до самыхъ высшихъ военныхъ почестей и скажу теперь: не знаетъ тотъ настоящаго военнаго величія, кто не командовалъ самъ полкомъ или не понимаетъ значенія этого командованія; не знаетъ онъ даже того, чтó называется духовною силою арміи, безъ чего нѣтъ ни побѣдъ, ни геройскихъ подвиговъ, рѣшающихъ участь войны.

Послѣ уничтоженія высокаго и обширнаго значенія сана главнокомандующаго, послѣдовательно проведено новымъ Положеніемъ коренное измѣненіе и всего существовавшаго доселѣ порядка.

22. Правила этого и прежде не существовало. О назначеніи въ полковые командиры объявляется въ Высочайшемъ приказѣ, и никакого патента за собственноручнымъ подписаніемъ Государя Императора не выдавалось. Ст. 29 введена въ Положеніе по предварительномъ испрошеніи Высочайшаго соизволенія особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Установленное этою статьею для главнокомандующаго право назначенія собственною властію полковыхъ командировъ предоставлено ему во вниманіе тѣхъ неудобствъ, которыя могутъ встрѣчаться въ военное время отъ промедленія въ замѣщеніи убитыхъ или убылыхъ командировъ отдѣльныхъ частей *).

---

*) По „Положенію“ 1890 г. § 34 пунктъ 3-й, главнокомандующій назначаетъ своею властію командировъ полковъ. Въ этомъ отношеніи взглядъ кн. Барятинскаго и теперь не былъ раздѣляемъ.—Чтó же касается патента, то князь говорилъ о патентѣ *на чинъ полковника*, а не на должности полковаго командира, которую однако можно было получить только будучи произведеннымъ въ полковники.

23. Составъ главнаго штаба арміи, утвержденный Учрежденіемъ 1812 г. и Уставомъ 1846 г., вросшій въ понятія Русской арміи, оправданный столькими войнами, не вызвавшій до сихъ поръ никакого возраженія со стороны полководцевъ, испытавшихъ его на дѣлѣ,—уничтоженъ; даже названіе его отмѣнено. Упразднены или измѣнены также и штабныя должности, представлявшія каждому военному строю очерченное понятіе о правахъ и обязанностяхъ, устаповлявшихъ для каждаго привычное пониманіе дѣла, составляющее па войнѣ одинъ изъ важныхъ залоговъ порядка.

23. Примѣры всѣхъ послѣднихъ войнъ говорятъ скорѣе противъ прежней организаціи главнаго штаба арміи, чѣмъ оправдываютъ ее. Сколько пререканій и неудовольствій возбуждало уже одно положеніе начальника главнаго штаба и неопредѣленность его отношеній къ генералъ-интенданту, начальникамъ артилеріи и инженеровъ и въ особенности къ директору канцеляріи главнокомандующаго. Сколько было при главномъ штабѣ лишнихъ управленій, какъ напр. управленіе генералъ-гевальдигера, генералъ-вагенмейстера; какъ неудовлетворительно было устроено управленіе госпитальною частію, подчиненною и дежурному генералу, и директору госпиталей, и генералъ-интенданту. Всѣ эти недостатки въ устройствѣ управленія арміи и самая сложность ея организаціи, а равно слишкомъ многочисленный составъ ея, уже заявляемы были неоднократно.

24. Главнокомандующій до сихъ поръ имѣлъ разнородныхъ помощниковъ для дополненія себя, выбранныхъ имъ самимъ, по совершенному знанію свойствъ, достоинствъ, дарованій, характера и опытности каждаго изъ нихъ и по взаимному сочувствію къ пользамъ ввѣренной ему арміи. Равноправными между собою и непосредственными его подчиненными были, каждый по своей части, начальникъ главнаго штаба, генералъ-интендантъ, начальники артилеріи и инженеровъ, а также и директоръ канцеляріи.

Ближайшій помощникъ главнокомандующему по управленію арміей, по приведенію ея въ движеніе и по сохраненію въ ней подлежащаго порядка—былъ начальникъ главнаго штаба съ подчиненными ему генералъ-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ. Главными дѣятелями по обезпеченію армій довольствіемъ и матеріалами артилерійскими и нженерными—стояли генералъ-интендантъ, начальникъ артилеріи и начальникъ инженеровъ. Отъ нихъ главнокомандующій получалъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для своихъ соображеній. Они были безусловными исполнителями его повелѣній.

24. Все это нимало не измѣнено въ новомъ Положеніи. Напротивъ того, права̀ и кругъ дѣятельности интенданта ар-

міи, а равно и начальниковъ артилеріи и инженеровъ, значительно расширены, чѣмъ предоставлено имъ болѣе средствъ быть дѣятельными сотрудниками главнокомандующаго, каждому по своей части.

25. Директоръ канцеляріи сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю переписку по предметамъ особаго довѣрія, не касающимся до вышеупомянутыхъ управленій, или по тѣмъ изъ нихъ, которые главнокомандующій, по личному своему соображенію или изъ предосторожности, находитъ нужнымъ временно или постоянно оставить подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ.

25. Прежняя канцелярія главнокомандующаго по новому Положенію замѣнена канцеляріею начальника штаба арміи, въ которой между прочимъ ведется переписка по дѣламъ секретнымъ. Къ измѣненію этому привело убѣжденіе въ томъ неопредѣленномъ, несоотвѣтственномъ положеніи, въ которомъ находилась прежняя канцелярія главнокомандующаго относительно прочихъ, въ особенности хозяйственныхъ частей управленія арміею. Директоръ оной, избиравшійся почти всегда изъ гражданскихъ чиновниковъ, пользовался правомъ наравнѣ съ начальникомъ главнаго штаба сообщать всѣмъ подчиненнымъ главнокомандующему мѣстамъ и управленіямъ его приказанія, не исключая даже и самого начальника главнаго штаба. Хозяйственныя управленія арміи находились въ большой зависимости отъ канцеляріи; въ ней было особое наградное отдѣленіе, начальникъ котораго имѣлъ отдѣльный личный докладъ у главнокомандующаго. Вслѣдствіе этого канцелярія главнокомандующаго пользовалась иногда вліяніемъ, выходившимъ изъ круга ея легальной дѣятельности. Трудно объяснить, почему же въ будущемъ въ арміи не будутъ всѣ знать начальника штаба арміи, его помощника и интенданта арміи и проч.

26. На Кавказѣ канцелярія главнокомандующаго замѣнялась особымъ учрежденіемъ, гдѣ сосредоточивались военныя и гражданскія дѣла, исходившія изъ личнаго моего начинанія или требовавшія близкаго моего наблюденія, какъ то: составленіе всеподданнѣйшихъ отчетовъ по обоимъ управленіямъ, разные проекты и проч. Въ этомъ учрежденіи и въ моихъ всеподданнѣйшихъ письмахъ въ собственныя руки Вашему Императорскому Величеству преимущественно заключались главныя мои занятія.

Теперь все управленіе арміей понижено въ значеніи. Начальникъ главнаго штаба названъ просто начальникомъ штаба; однимъ его помощникомъ замѣнены должности генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала; генералъ-интендантъ называется просто интендантомъ. Для

людей, сжившихся съ бытомъ арміи, одна перемѣна этихъ названій не пустой звукъ. Начальника главнаго штаба, генералъ-квартирмейстера, дежурнаго генерала и генералъ интенданта, какъ единственныхъ лицъ подъ этими названіями, знали въ арміи всѣ. Подъ новыми названіями начальникъ штаба съ своимъ помощникомъ и интендантъ затеряются между множествомъ такихъ же названій: окружныхъ, корпусныхъ, дивизіонныхъ, отрядныхъ, артилерійскихъ и инженерныхъ, и ихъ съ трудомъ будетъ отыскивать въ обширномъ лагерѣ пріѣхавшій изъ авангарда или изъ другаго мѣста адъютантъ, или прискакавшій съ аванпоста казакъ.

Титулъ начальника главнаго штаба замѣненъ названіемъ начальника штаба арміи, но въ тоже время Положеніе облекаетъ его, относительно главнокомандующаго, въ самостоятельность вредную и небывалую. По статьѣ 68 Положенія онъ одинъ докладываетъ главнокомандующему по всѣмъ частямъ и присутствуетъ при его совѣщаніяхъ. По статьямъ 129, 204 и 255, интендантъ и начальники инженеровъ и артилеріи арміи, хотя подчиняются одному главнокомандующему непосредственно, не могутъ однако имѣть съ нимъ сношеній ни письменныхъ, ни личныхъ, иначе какъ черезъ начальника штаба или въ его присутствіи. Фактически они поставлены теперь къ послѣднему въ подчиненіе болѣе опредѣленное, чѣмъ къ самому главнокомандующему. Успѣхъ по должности каждаго изъ нихъ выкажетъ теперь не его заслуги, цѣнителемъ которыхъ былъ одинъ главнокомандующій, а заслуги начальника штаба, руководящаго его дѣйствіями; а потому нельзя будетъ ожидать въ прежней мѣрѣ благороднаго соревнованія къ совершенію трудныхъ служебныхъ подвиговъ; скорѣе занимать его будетъ одна забота: въ случаѣ неудачи, обезпечить себя отъ отвѣтственности. Въ виду такой двойственной полу-подчиненности всякій генералъ, чувствующій свои способности и достоинство, предпочтетъ такому назначенію самую скромную службу во фронтѣ.

26. Такъ было всегда на самомъ дѣлѣ. Тотъ же порядокъ существовалъ и въ главномъ штабѣ Кавказской арміи во время командованія ею фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ главнокомандующаго непремѣнно долженъ быть одинъ, хорошо знакомый со всѣмъ, чтó дѣлается въ каждой изъ частей сложнаго управленія арміей, и на обязанности котораго лежало бы постоянное поддержаніе связи и единства распоряженій по всѣмъ частямъ. На кого же болѣе возложить поддержаніе этой связи какъ не на начальника штаба арміи? За интендантомъ арміи, равно и за начальниками артилеріи и инженеровъ, оставлено прежнее право личныхъ докладовъ главнокомандующему (ст. 129); но при семъ постановлено условіемъ, чтобы при докладахъ этихъ присутствовалъ начальникъ штаба, съ тою именно цѣлію, чтобы ему извѣстно было всякое распоряженіе главнокомандующаго по каждой части полеваго управленія арміи.

27. По предметамъ снабженія и довольствія арміи будетъ заботиться уже не главнокомандующій, а начальникъ штаба, который можетъ быть къ этому дѣлу вовсе неспособенъ, такъ какъ для сего избирается спеціальное лицо. Онъ облеченъ теперь правомъ прямо отъ себя требовать отъ другихъ отдѣловъ свѣдѣній и объясненій (ст. 82) и приглашать къ себѣ для совѣщаній интенданта и начальниковъ артилеріи и инженеровъ, когда ему заблагоразсудится (ст. 83).

Такимъ образомъ, важнѣйшій въ обязанностяхъ главнокомандующаго предметъ, стяжавшій безсмертную славу фельдмаршалу Паскевичу и многимъ другимъ, — обезпеченіе довольствія армій, будетъ обсуждаться уже безъ участія главнокомандующаго; ему предоставляется довольствоваться только тѣми донесеніями интенданта, начальниковъ артилеріи и инженеровъ, какія доложитъ ему начальникъ штаба по личному своему, иногда можетъ быть, весьма ошибочному умозрѣнію.

Канцелярія, бывшая собственнымъ органомъ главнокомандующаго, условливающая самостоятельность личныхъ его распоряженій, уничтожена и слита съ канцеляріей начальника штаба.

27. Начальнику штаба арміи не предоставлено относительно продовольствія арміи никакихъ правъ. Напротивъ того, интендантъ облеченъ весьма широкими правами и поставленъ полнымъ хозяиномъ своей части. Начальникъ штаба всегда пользовался правомъ требовать свѣдѣнія. Право это предоставлено было прежде даже директору канцеляріи главнокомандующаго. Что же касается до представляемаго начальнику штаба арміи новымъ Положеніемъ права приглашать для совѣщаній интенданта и начальниковъ артилеріи и инженеровъ, то оно установлено также для поддержанія связи въ дѣйствіяхъ разныхъ вѣдомствъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ правъ нѣтъ ничего унизительнаго для начальниковъ другихъ отдѣловъ полеваго управленія арміи.

При существованіи бывшаго главнаго штаба Кавказской арміи, къ начальнику главнаго штаба являлись генералъ-интендантъ, начальники артилеріи и инженеровъ съ докладами.

28. Выпущено примѣчаніе къ § 96 Устава, по которому начальникъ штаба представляетъ главнокомандующему нераспечатанными секретные пакеты и конверты съ надписью «въ собственныя руки». Новое Положеніе не допускаетъ главнокомандующаго имѣть тайны передъ своимъ начальникомъ штаба. Нѣтъ сомнѣнія, что начальникъ главнаго штаба арміи иногда пользовался даже большою властію, но власть эта была не правомъ, а слѣдствіемъ извѣстныхъ главнокомандующему личныхъ его качествъ или спеціальныхъ его способностей; относительно того дарилъ онъ его соразмѣрнымъ своимъ довѣріемъ. Единство командованія отъ того не разрывалось: начальникъ главнаго штаба выражалъ своими дѣйствіями только мнѣніе и волю главнокомандующаго. Нынѣшій же начальникъ штаба, по правамъ ему

предоставленнымъ, станетъ въ арміи вторымъ главнокомандующимъ; а ихъ и безъ того уже будетъ много.

28. Примѣчаніе къ § 96 Устава 1846 г. выпущено только потому, что во всѣхъ новыхъ законодательныхъ работахъ исключаются вообще всякія излишнія подробности, составлявшія въ прежнемъ нашемъ законодательствѣ мелочную регламентацію. Конечно отъ главнокомандующаго зависитъ отдать приказаніе, какіе конверты представлять ему прямо въ руки нераспечатанными.

29. Отношенія главнокомандующаго къ военному министру по Уставу 1846 г. изложены были въ нѣсколькихъ строкахъ и заключались:

1) Въ сношеніяхъ объ испрошеніи Высочайшихъ разрѣшеній и всеподданнѣйшемъ докладѣ дѣлъ, представляемыхъ на Высочайшее усмотрѣніе (кромѣ случаевъ, когда главнокомандующій считалъ нужнымъ писать въ собственныя руки Его Величества).

2) Въ сношеніяхъ по дѣламъ управленія арміею, требовавшихъ содѣйствія Военнаго Министерства.

Теперь же цѣлымъ рядомъ статей главнокомандующій поставленъ въ совершенную зависимость отъ военнаго министра. По ст. 24 передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій главнокомандующій входитъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ, какъ о составѣ арміи, такъ и о нормѣ личнаго состава полевыхъ управленій. До сихъ поръ полководецъ испрашивалъ нужныя ему средства у Государя, теперь въ первый разъ въ нашей исторіи вносится въ дѣло войны запросъ на согласіе военнаго министра. Основавъ съ самаго начала устройство арміи на соглашеніи съ военнымъ министромъ, Положеніе рядомъ статей даетъ министру доступъ къ вмѣшательству во всѣ распоряженія главнокомандующаго.

29. Здѣсь разумѣется вѣроятно статья 24 Положенія, по которой главнокомандующій, прежде открытія военныхъ дѣйствій, входитъ въ соглашеніе съ Военнымъ Министерствомъ, какъ о составѣ арміи, такъ и о нормѣ личнаго состава полевыхъ управленій. О соглашеніяхъ этихъ представляется на Высочайшее благоусмотрѣніе; о согласіи же военнаго министра въ этой статьѣ ничего не говорится. Дѣло идетъ здѣсь о предварительныхъ соображеніяхъ по составу арміи, при которыхъ главнокомандующій и прежде не могъ обойтись безъ соглашенія или переговоровъ съ Военнымъ Министерствомъ. Окончательное же рѣшеніе по этому предмету и прежде и теперь можетъ подлежать только Государю Императору.

30. По статьѣ 13 военно-окружныя управленія, хотя и подчиняются главнокомандующему, но сохраняютъ съ военнымъ министромъ установленныя для мирнаго времени постоянныя сношенія, непосредственныя и подчиненныя.

30. Въ статьѣ 13-й военно-окружныя управленія, подчиненныя главнокомандующему, сохраняютъ съ Военнымъ Министерствомъ (а не съ военнымъ министромъ) установленныя для мирнаго времени постоянныя сношенія (а не подчинены), и по какимъ же дѣламъ? По укомплектованію арміи и по доставленію всѣхъ тѣхъ предметовъ довольствія войскъ, которыя отправляются къ арміи изъ внутреннихъ округовъ. Изъ статьи этой же не видно никакого вмѣшательства военнаго министра въ распоряженія главнокомандующаго.

31. По статьѣ 12 военно-окружныя управленія, по выполненіи ими распоряженій главнокомандующаго и полеваго управленія арміи по хозяйственной части, отдаютъ отчетъ министерству.

31. Военное Министерство отдаетъ само отчетъ государственному контролю; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно было подчинено ему. Военному Министерству необходимы отчеты окружныхъ управленій для составленія общихъ балансовъ всѣхъ расходовъ, безъ чего министерству опять нельзя будетъ свести счеты, какъ послѣ Восточной войны.

32. Новое Положеніе оставляетъ за главнокомандующимъ только распорядительную власть, исполнительная же часть, т. е. снабженіе арміи всѣми средствами жизни и войны изъята изъ подъ его власти и остается въ окружныхъ управленіяхъ.

32. Въ новомъ Положеніи нигдѣ не сказано, чтобы дѣйствія окружныхъ управленій были изъяты изъ власти главнокомандующаго. Напротивъ того, управленіямъ этимъ поставлено въ обязанность быть исполнителями распоряженій главнокомандующаго. На самомъ главнокомандующемъ никогда и прежде не лежала и не могла лежать часть исполнительная. По снабженію арміи это возлагалось прежде на полевыя коммиссіи—провіантскую, комиссаріатскую, остававшіяся всегда въ тылу арміи. Теперь обязанности этихъ коммиссій будутъ исполнять окружныя интендантскія управленія театра войны, гораздо болѣе прежнихъ коммиссій знакомыя съ мѣстными средствами и гораздо прочнѣе ихъ организованныя.

33. Но вліяніе министра на армію не ограничивается подчиненіемъ ему органовъ исполнительной власти; власть распорядительная, т. е. полевое управленіе, самый штабъ главнокомандующаго, также поставлены въ зависимость отъ министра, который по статьѣ 43-й повѣряетъ правильность дѣйствій начальниковъ отдѣловъ полеваго управленія.

По § 28 Устава, главнокомандующій могъ располагать всѣми ввѣренными ему суммами, и приказанія его слагали отвѣтственность

съ лицъ исполняющихъ. Новое Положеніе (43) къ сему параграфу добавляетъ: «Но если таковыя предписанія послѣдовали по представленію начальниковъ отдѣловъ полеваго управленія арміи, то эти лица отвѣтствуютъ какъ за вѣрность фактовъ и справокъ, такъ и за изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, на которыхъ главнокомандующій основывался въ своемъ рѣшеніи.

33. Изъ статьи 43-й никакъ нельзя выводить подобнаго заключенія; тамъ ни слова не упоминается о какой бы то ни было повѣркѣ дѣйствій начальниковъ отдѣловъ полеваго управленія Военнымъ Министерствомъ.

34. Добавленіе это подрываетъ уже въ самомъ корнѣ всю власть главнокомандующаго надъ его подчиненными.

34. Добавленіе это не только не подрываетъ власти главнокомандующаго, но напротивъ должно придать распорядительности его бо̀льшую энергію, освобождая его отъ отвѣтственности въ томъ случаѣ, если распоряженіе его было основано на неправильномъ докладѣ одного изъ его ближайшихъ сотрудниковъ.

35. Военному министру предоставляется право оцѣнивать распоряженія главнокомандующаго въ самое время дѣйствій.

35. Этого нигдѣ въ Положеніи не сказано.

36. Уставъ сознательно не дѣлаетъ этой оговорки, предвидя, къ чему она поведетъ. Главнокомандующему недостаточно рѣшиться лично; надобно еще, чтобъ органы, чрезъ которые онъ дѣйствуетъ, считали рѣшеніе его правильнымъ. Въ разгарѣ войны, посреди внезапныхъ, часто измѣняющихся мѣръ, факты и справки могутъ быть только приблизительными, а изложеніе обстоятельствъ составляетъ при этомъ не фактъ, а мнѣніе.

36. Отчеты хозяйственныхъ отдѣловъ полеваго управленія арміи и прежде и теперь не могли подлежать засвидѣтельствованію главнокомандующаго. Власть интенданта, по новому Положенію, такъ широка, что въ большей части случаевъ ему придется только примѣнять ее въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ ему въ Положеніи, не безпокоя главнокомандующаго испрашиваніемъ разрѣшенія и не имѣя нужды прикрываться этимъ разрѣшеніемъ отъ мнимой придирчивости министерства.

37. Начальники отдѣловъ полеваго управленія, съ которыхъ утвержденіе главнокомандующаго не снимаетъ отвѣтственности, будутъ представлять ему только о тѣхъ предметахъ и исполнять его волю лишь въ той степени, на сколько, по ихъ соображеніямъ, то и другое можетъ быть одобрено министромъ. Словомъ, ст. 43-я обращаетъ бли-

жайшихъ помощниковъ главнокомандующаго въ прямыхъ агентовъ министерства, а самаго главнокомандующаго ставитъ въ невозможность, по предмету снабженія арміи, сохранить самостоятельность.

37. Начальникъ отдѣла окружнаго управленія и будетъ въ этомъ случаѣ главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ.

38. Если по нерадѣнію или по безпечности одного изъ управленій округовъ, даже прямо подчиненныхъ главнокомандующему, въ арміи не останется ни одного сухаря или ни одного ядра, то онъ не имѣетъ права удалить командующаго округомъ; онъ можетъ только по ст. 40-й смѣнить одного изъ начальниковъ отдѣловъ окружнаго управленія, и то безъ права замѣщенія его другимъ, такъ какъ выборъ и назначеніе новаго лица по ст. 30-й остается въ зависимости отъ военнаго министра.

Тутъ является невольное сравненіе. Въ нынѣшнемъ устройствѣ мирнаго времени всѣ виды власти, распорядительная, исполнительная, даже инспекторская и командная, слиты безраздѣльно въ окружномъ управленіи, подчиненномъ непосредственно военному министру; въ военное же время, когда необходимо единство, оно исчезаетъ.

Какъ только главнокомандующій дѣлается хозяиномъ одного изъ округовъ, единство власти разрывается: одинъ становится распорядителемъ, другой исполнителемъ, каждый равноправно. Легко вообразить послѣдствія такого порядка. Война немыслима безъ единой и нераздѣльной власти; поэтому главный вождь арміи всегда считался полнымъ хозяиномъ ея, а начальники отдѣловъ полеваго управленія помощниками его, каждый по своей части, единственно и вполнѣ отъ него зависящими.

38. Въ законахъ нашихъ нигдѣ не сказано, чтобы главные начальники военныхъ округовъ и въ мирное время подчинялись военному министру. Они подчиняются одному Государю Императору; только отчетъ не можетъ миновать Военнаго Министерства и Государственнаго Контроля; но можно ли заключить изъ этого, чтобы обязанность представленія отчетовъ обратила начальниковъ хозяйственныхъ отдѣловъ полеваго управленія въ прямыхъ агентовъ военнаго министра? Послѣ этого можно сказать, что всѣ министры суть агенты государственнаго контролера. При этомъ нельзя не замѣтить, что одно засвидѣтельствованіе главнокомандующаго о томъ, что такое-то экстренное, выходящее изъ законнаго порядка распоряженіе, передержка въ суммахъ и пр. произошло отъ такихъ-то неотвратимыхъ обстоятельствъ, снимаетъ уже съ начальниковъ хозяйственныхъ отдѣловъ полеваго управленія всякую отвѣтственность. При томъ интенданту арміи, даже при его огромныхъ оборотахъ, весьма рѣдко придется обращаться къ подобному рѣзрѣшенію.

Окружныя управленія въ мирное время представляютъ о превышеніи власти министру, въ военное же время въ округахъ, входящихъ въ районъ дѣйствія арміи, главнокомандующему. Гдѣ же тутъ раздѣльность властей? Обращеніе въ военное время мѣстныхъ хозяйственныхъ управленій въ исполнительные органы полеваго управленія арміи не есть у насъ новость. По Учрежденію 1812 (часть III, образованіе интендантскихъ управленій, § 7) коммиссіи провіантскія и комиссаріатскія въ пограничныхъ губерніяхъ исполняютъ всѣ требованія генералъ-интенданта и доносятъ объ оныхъ своему начальству. Отношенія эти очень похожи на установленныя новымъ Положеніемъ отношенія окружныхъ управленій театра войны къ интенданту, съ тою разницею, что онъ подчиняется ему вполнѣ, какъ непосредственному въ военное время начальнику. Чтоже касается до распредѣленія дѣятельности распорядительной и исполнительной между различными лицами и ступенями военной іерархіи, то систематическое указаніе круга дѣятельности каждаго рода управленія никакъ не можетъ разрушить единства власти, а поведетъ только къ водворенію порядка въ администраціи. Власть можетъ быть только распорядительная, а не исполнительная. Главный начальникъ распоряжается, подвѣдомственныя управленія исполняютъ.

39. Нѣтъ сомнѣнія, что главнокомандующій, съ своимъ полевымъ управленіемъ, одинъ только въ состояніи преслѣдовать злоупотребленія и, что важнѣе всего, по возможности предупреждать ихъ. Но для того въ его рукахъ должны сосредоточиваться и всѣ средства къ тому.

39. Въ составѣ полевыхъ управленій онъ имѣетъ къ тому совершенно достаточныя средства.

40. Статья 9-я новаго Положенія говоритъ: «полевое управленіе принимаетъ непосредственное участіе въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ по хозяйственной части только тогда, когда главнокомандующій признаетъ это нужнымъ», между тѣмъ какъ, по общему смыслу Положенія, главнокомандующій обязанъ военному министру отчетомъ за каждое подобное разрѣшеніе (ст. 44); кромѣ того полевое управленіе, для полнаго своего дѣйствія, лишено Положеніемъ необходимыхъ органовъ.

40. Главнокомандующій не обязывается давать военному министру никакихъ отчетовъ. Отчеты о службѣ войскъ и дѣйствіяхъ полевыхъ управленій по ст. 23-й представляются имъ Государю Императору. Отчеты же по хозяйственнымъ операціямъ идутъ изъ подлежащихъ управленій тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ прежнее время. По ст. 44-й требуются по этимъ отчетамъ только заключенія главнокомандующаго, которыя преимущественно должны относиться къ подтвержденію тѣхъ

обстоятельствъ, въ которыхъ находилась армія. Въ той же статьѣ оговорено, что отчеты въ израсходованіи экстраординарной суммы представляются главнокомандующимъ Государю Императору непосредственно.

41. Ограниченность состава хозяйственныхъ отдѣловъ полеваго управленія арміи не дозволяетъ на практикѣ прибѣгать къ прямымъ заготовленіямъ.

41. Для экстренныхъ заготовленій въ вѣдѣніи интенданта арміи состоятъ чиновники особыхъ порученій, корпусные, дивизіоные и отрядные интенданты. Текущія же заготовленія въ тылу арміи и прежде производились не самымъ полевымъ интендантствомъ, а подвѣдомственною ему главною полевою провіантскою коммиссіею, теперь же будетъ производиться подвѣдомственнымъ окружнымъ интендантствомъ.

42. Причины расхищенія государственныхъ средствъ въ Крымскую войну произошли преимущественно отъ отсутствія въ началѣ кампаніи какой нибудь организаціи по хозяйственному управленію наскоро собранныхъ войскъ, при которыхъ также наскоро былъ устроенъ только небольшой штабъ. Впослѣдствіи нужно было поспѣшно снабжать войска и формировать интендантское управленіе изъ первыхъ попадавшихся подъ руку людей, стекавшихся со всѣхъ концовъ Россіи за поискомъ добычи, ни по нравственности, ни по способностямъ неизвѣстныхъ. Отсюда произошли извѣстныя послѣдствія.

42. Въ Крыму армія не имѣла никакихъ административныхъ средствъ, потому что при прежней централизаціи управленія все было сосредоточено въ Петербургѣ и Варшавѣ. Тамъ же оставались и чины главнаго штаба. При нынѣшней же организаціи управленій, дѣйствующая армія нашла бы и въ Крыму, какъ и повсюду, прочно организованныя мѣстныя управленія по всѣмъ частямъ военнаго вѣдомства, которыя, будучи знакомы со средствами края, являлись бы надежными исполнителями распоряженій полеваго управленія арміи, даже при самомъ ограниченномъ составѣ сего послѣдняго.

43. Можно удостовѣриться сличеніемъ отчетовъ, что содержаніе во время Восточной войны Кавказской арміи, не смотря на болѣе отдаленную доставку запасовъ, обошлось значительно дешевле сравнительно съ Крымскою, и тамъ не происходило подобныхъ злоупотребленій потому только, что на Кавказѣ война была встрѣчена съ постояннымъ дѣйствовавшимъ, не наскоро набраннымъ, какъ въ Крыму, полевымъ управленіемъ.

43. Дѣйствующія войска встрѣтятъ теперь повсюду тѣже административныя средства, какъ и на Кавказѣ, въ 1854—55 г.

Основная идея учрежденія военно-окружныхъ управленій заимствована изъ устройства тѣхъ мѣстныхъ управленій, которыя давно уже существовали у насъ на Кавказѣ и на другихъ окраинахъ имперіи.

44. Въ объяснительной запискѣ къ Положенію на страницахъ 8 и 9, высказано между прочимъ, что весь вышеизложенный порядокъ устанавливается съ цѣлію избавить главнокомандующаго отъ множества заботъ по довольствію и снабженію войскъ, чтобы сохранить всю свободу мысли и духа, необходимую для успѣшнаго веденія войны.

44. Никакъ нельзя отрицать, чтобы при прежнемъ порядкѣ главнокомандующій не былъ обремененъ массою кабинетной работы.

45. Никогда не одинъ главнокомандующій не жаловался на обремененіе занятіями, о которыхъ идетъ рѣчь. Ни одинъ планъ атаки или обороны, ни одно сраженіе, ни даже второстепенная операція или секретное движеніе, не могутъ быть предприняты главнокомандующимъ безъ личнаго его соображенія объ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ арміи.

45. Не совсѣмъ понятно, почему соображенія эти не могутъ быть подготовлены для главнокомандующаго интендантомъ арміи.

46. Какимъ же образомъ главнокомандующій можетъ быть освобожденъ отъ занятія этими важнѣйшими предметами, неотдѣлимыми отъ военныхъ предпріятій и составляющими всѣ задачи его соображеній?

46. Новое Положеніе вовсе не освобождаетъ главнокомандующаго отъ *распоряженій* по продовольствію арміи; трудъ его только облегченъ расширеніемъ правъ интенданта арміи.

47. Переписка главнокомандующаго до сихъ поръ преимущественно ограничивалась донесеніями Государю Императору и повелѣніями своимъ подчиненнымъ. При новой постановкѣ и нынѣшнихъ разнородныхъ отношеніяхъ главнокомандующаго, онъ будетъ занятъ болѣе всего бумажною войною. Переписка съ военнымъ министромъ, съ другими главнокомандующими, съ окружными управленіями и проч. несомнѣнно нарушитъ желаемое для него спокойствіе духа.

47. Переписка эта велась и въ прежнее время, при настоящемъ же устройствѣ управленій можно ожидать значительнаго ея сокращенія.

48. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что изъ всѣхъ лицъ, составляющихъ армію, одинъ только главнокомандующій сдѣлался излишнимъ

на войнѣ. Армія, съ своей стороны, не имѣетъ болѣе прямаго доступа къ Государю. Военное Министерство заслоняетъ отъ войскъ лицо Монарха.

Обезсиленіе главнокомандующаго совершено; власть ему оставленная не иное что, какъ отраженіе власти военнаго министра, вмѣсто того чтобъ быть отраженіемъ власти Государя. Главнокомандующій дѣйствительно поставленъ въ тѣже отношенія къ военному министру, въ какихъ командующій частною арміею находится къ своему главнокомандующему.

Поэтому прошу Ваше Императорское Величество дозволить мнѣ обратить вниманіе Ваше на стр. 8 объяснительной записки, гдѣ сказано, что главнокомандующему предоставлена новымъ Положеніемъ вся та власть, которая принадлежала ему по Уставу 1846 г. Можетъ ли быть какое-нибудь сходство между этимъ лицомъ и бывшимъ главнокомандующимъ, представлявшимъ лицо Монарха, облеченнымъ его властію, отвѣтственнымъ ему одному, непосредственно Государю подчиненнымъ, дававшимъ именныя Высочайшія повелѣнія, снимавшимъ своимъ приказаніемъ всякую отвѣтственность съ подчиненныхъ лицъ?

Главнокомандующій носилъ званіе исключительное, учрежденное для такого же исключительнаго времени, когда требуется безраздѣльная власть. Такой главнокомандующій не могъ ссылаться ни на постороннію администрацію, отчасти независимую, отчасти только полузависимую отъ него, ни на равноправныхъ предводителей другихъ армій, на томъ же военномъ театрѣ, недостаточно ему содѣйствующихъ.

Ни Учрежденіе 1812 г., ни Уставъ 1846 г. не допускали возможности указывать главнокомандующему въ подробности, какимъ образомъ, черезъ какія учрежденія, въ присутствіи какихъ лицъ и въ какой послѣдовательности, онъ долженъ проводить свои дѣйствія.

Армія на войнѣ подобна кораблю на океанѣ, снаряженному сообразно указанной ему цѣли; онъ заключаетъ въ самомъ себѣ всѣ средства существованія и успѣха. Какъ корабль, армія составляетъ независимое цѣлое, довѣренное главнокомандующему на тѣхъ же основаніяхъ самостоятельной отдѣльности, какъ корабль отдается капитану, посылаемому вокругъ свѣта. Въ этомъ уподобленіи заключается та непогрѣшимая и священная истина, которая до сихъ поръ служила основою нашего устройства на войнѣ.

48. Всѣ эти выводы совершенно произвольны.

49. При составленіи новаго Положенія военному министру слѣдовало прежде всего оградить эту основу отъ всякаго посягательства. Вмѣсто того, въ задачу составителямъ Положенія поставлено было: сохранить прежде всего неприкосновенность отношеній, установленныхъ для мирнаго времени между министерствомъ и арміею. Значитъ, съ самаго же начала было нарушено должное отношеніе между главными сторонами дѣла. Нельзя примѣнять, во что бы то ни стало, незыблемое къ условному.

49. Тутъ вовсе не было въ виду неприкосновенности отношеній къ Военному Министерству войскъ и управленій въ мир-

ное время; по новому Положенію полевыя войска, вошедшія въ составъ арміи, выходятъ изъ подчиненія главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ и подчиняются главнокомандующему, при чемъ раздѣляются имъ на корпуса и отряды той же силы и состава, какъ онъ признаетъ нужнымъ; мѣстныя управленія округовъ театра войны подчиняются непосредственно главнокомандующему, становясь исполнителями его распоряженій; всѣ его приказанія, какъ въ войскахъ такъ и въ мѣстныхъ управленіяхъ, исполняются какъ Высочайшія повелѣнія. Чѣмъ же уменьшена власть главнокомандующаго противу прежняго и гдѣ же говорится о нѣсколькихъ арміяхъ на одномъ театрѣ войны?

50. До рѣшенія этого знаменательнаго преобразованія, Вашему Императорскому Величеству, какъ видно, тоже угодно было знать мнѣнія опытныхъ людей Вашей арміи, вслѣдствіе чего военный министръ спросилъ мнѣнія 106 лицъ. Большая часть спрошенныхъ не принадлежатъ къ строевому составу арміи. Нѣкоторые состоятъ въ гражданскихъ чинахъ Военнаго Министерства, другіе въ хозяйственномъ управленіи арміи, многіе спеціалисты, а большая часть—генеральнаго штаба (изъ послѣднихъ 18 полковниковъ и подполковниковъ). Между тѣмъ не спрошенъ ни одинъ полковой командиръ, хотя полковымъ командирамъ ввѣрено благосостояніе полковъ и, конечно, ближе всѣхъ извѣстны потребности войскъ. Вообще не обращено должнаго вниманія на мнѣнія испытанныхъ лицъ строеваго состава арміи; мало изъ нихъ спрошено. Къ назначенному сроку получено только 47 отзывовъ; для оцѣнки ихъ уважительности, они отданы были на судъ коммиссіи, зависящей отъ военнаго министра; за тѣмъ изъ этихъ отзывовъ составленъ произвольно сокращенный сводъ. Такимъ образомъ Военное Министерство сдѣлалось судьею собственнаго своего предположенія. Оно однакоже сознается, что находило эти мнѣнія столь разнообразными и заключающими въ себѣ столько самостоятельныхъ мыслей и взглядовъ (стр. 3), что нашлось вынужденнымъ сблизить ихъ между собою, чтобы изъ самаго этого разнорѣчія вывести тѣ начала, которыя оно рѣшилось представить на одобреніе Вашего Величества. Въ этихъ словахъ обнаруживается то насилованіе представленныхъ мнѣній, которое измѣнило основу бывшаго Устава. Изъ 47 отвѣчавшихъ лицъ по главному вопросу о значеніи и власти главнокомандующаго, о 25 въ сводѣ мнѣній вовсе не упоминается; а остальные 22, наиболѣе значительные по своему авторитету въ арміи, единогласно не находятъ нужнымъ въ правахъ главнокомандующаго дѣлать какія-либо измѣненія, (стр. 175 свода мнѣній). Одно изъ нихъ полагаетъ отмѣнить только § 16 Устава. Однакоже, не взирая на это, главнѣйшія права главнокомандующаго, предоставленныя ему Уставомъ 1846 г., измѣнены или уничтожены. Послѣ того трудно понять смыслъ заявленія объяснительной записки (стр. 2, 3 и 4), что заключенія коммиссіи, представленныя 24 Ноября 1865 г. на одобреніе Вашего Императорскаго Величества, были основаны либо на большинствѣ полученныхъ мнѣній, либо на

уважительности соображеній, заявленныхъ наиболѣе опытными и свѣдущими людьми. Непонятно также увѣреніе, что начала предстоящаго новаго закона подвергнуты зрѣлому и всестороннему обсужденію, въ правильности котораго должны были служить порукою боевая и административная опытность лицъ, способствовавшихъ Военному Министерству въ работѣ. Развѣ подобнаго рода представленіе можно называть мнѣніемъ цѣлой арміи, высказаннымъ Вашему Императорскому Величеству? Такое представленіе, выражающее одно мнѣніе Военнаго Министерства, нельзя считать зрѣлымъ и всестороннимъ обсужденіемъ вопроса, въ особенности когда идетъ рѣчь объ уничтоженіи нашего кореннаго военнаго закона и о новыхъ началахъ, ему противоположныхъ.

Хотя большинство представившихъ мнѣнія и принадлежитъ преимущественно къ разряду административной спеціальности, все-таки даже въ сокращенныхъ извлеченіяхъ этихъ мнѣній видно ясное противорѣчіе самому смыслу новаго Положенія. Всѣ почти высказываются противъ нарушеній основаній Устава 1846 г. и сильно стоятъ за непосредственное подчиненіе одному главнокомандующему всего что входитъ въ районъ арміи, и за нераздѣльность распорядительныхъ и исполнительныхъ дѣйствій.

Армія создана для войны; этимъ только объясняется и обусловливается существованіе войска и въ мирное время. По этому военный министръ, заявляя о необходимости для Русской арміи новаго военнаго Положенія, весьма правильно замѣчаетъ, что Уставъ 1846 г. мирнаго времени не достаточенъ; но почему Уставъ военнаго времени покойнаго Государя для войны не годится — о томъ министръ не говоритъ, онъ даже умалчиваетъ о его существованіи. Но военный Уставъ 1846 г. препятствовалъ нарушенію нераздѣльности распорядительной и исполнительной власти, не допускалъ возможности называть начальниковъ частныхъ армій главнокомандующими и не дозволялъ уничтожить главный штабъ верховнаго вождя арміи. Забота же министра видимо состояла въ примѣненіи, во что бы то ни стало, новаго военнаго Положенія къ нынѣшнему мирному управленію войсками, т. е. къ окружной системѣ, и подвергнуть, какъ онъ выражается, обсужденію нѣкоторые основные вопросы относительно той организаціи, которую должны принять штабы и управленія армій и корпусовъ въ военное время, при настоящемъ устройствѣ войскъ мирнаго времени (стр. 2).

50. Военное Министерство считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ всякаго упрека въ торопливомъ веденіи или незрѣломъ обсужденіи работы по составленію Положенія, удостоившагося 17 Апрѣля 1868 г. Высочайшаго утвержденія. Въ теченіи $3^1/_2$ лѣтъ проектъ этого Положенія разсылался на обсужденіе дважды. Въ первый разъ главныя основанія проекта были разосланы на обсужденіе 106 лицъ, а именно:

Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

Генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго.

21 полныхъ генераловъ.

41 генералъ-лейтенантовъ.
18 генералъ-маіоровъ.
5 высшихъ гражданскихъ чиновъ.
13 полковниковъ.
5 подполковниковъ.

Въ числѣ этихъ 106 лицъ 51 дѣйствительно принадлежали къ генеральному штабу, но въ числѣ ихъ было 5 полныхъ генераловъ, 18 генералъ-лейтенантовъ, 10 генералъ-маіоровъ и только 18 штабъ-офицеровъ. При выборѣ этихъ лицъ Военное Министерство не могло не руководствоваться преимущественно опытностію и знаніями ихъ въ дѣлѣ военнаго *управленія*; оттого въ младшихъ чинахъ перевѣсъ оказался на сторонѣ лицъ, принадлежащихъ къ составу штабовъ и управленій, которые въ этомъ случаѣ могли быть лучшими судьями, чѣмъ строевые штабъ-офицеры. Большинство же спрошенныхъ принадлежитъ къ числу лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ управленія арміи изъ многолѣтняго боеваго опыта.

Второй разъ разосланъ былъ уже самый текстъ проекта «Положенія» на обсужденіе 177 лицъ, а именно:

Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

Двухъ генералъ-фельдмаршаловъ.

21 членовъ Военнаго Совѣта.

11 главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ, 5 ихъ помощниковъ.

77 начальниковъ отдѣловъ военно-окружныхъ управленій, 6 ихъ помощниковъ, и сверхъ того:

12 полныхъ генераловъ.
19 генералъ-лейтенантовъ.
16 генералъ-маіоровъ.
6 полковниковъ.
} Не занимающихъ выше упомянутыхъ должностей.

Кромѣ того, какъ выше сказано, проектъ подвергался обсужденію особаго комитета подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго войсками Варшавскаго военнаго округа. До какой степени Военное Министерство свободно отъ упрека въ произвольномъ сокращеніи полученныхъ мнѣній и въ оставленіи ихъ безъ вниманія, доказать могутъ весьма существенныя и важныя измѣненія въ организаціи полевыхъ управленій, сдѣланныя въ самомъ текстѣ проекта, противу первоначально разосланныхъ (въ Маѣ 1865 года) предположеній.

Что же касается до правъ главнокомандующаго, то, согласно большинству мнѣній, въ новомъ Положеніи права эти ни

мало не ограничены противу Устава 1846 г.; устранено только противорѣчіе однихъ параграфовъ съ другими и исключены параграфы, заключающіе въ себѣ общія мѣста, не могущія имѣть никакого практическаго примѣненія.

51. Я болѣе не останавливаюсь на разборѣ подробностей новаго Положенія, потому что они послѣдовательно истекаютъ изъ этихъ неправильно постановленныхъ началъ. Должно полагать, что военный министръ не предвидѣлъ послѣдствій предположеннаго имъ преобразованія, ниспровергнувшихъ завѣтныя основанія нашего военнаго бытія.

Въ первый разъ съ 1716 года въ Русскомъ военномъ Уставѣ о Государѣ не упоминается. Нѣтъ даже и представителя Монарха на войнѣ; вслѣдствіе чего единство командованія неизбѣжно сосредоточилось въ министерствѣ.

51. Несогласіе этихъ нареканій съ прямымъ разумомъ новаго Положенія доказывается вышеприведенными объясненіями *).

---

*) Напечатано по испрошеніи предварительнаго на то согласія у графа Д. А. Милютина.

Глава IX.

Посѣщеніе Шамиля.—Отъѣздъ въ Италію.—Празднество столѣтія Георгіевскаго ордена.—Затрудненія по устройству имѣнія.—Пожалованіе въ пользованіе Скерневицъ.—Зачисленіе въ Гатчинскій полкъ.—Рескрипты Государя съ Кавказа.—Переписка объ общинномъ землевладѣніи. — Мысль о колонизаціи Закавказья Западно-Европейскими горцами.

Въ концѣ 1868 года, князь Барятинскій былъ очень обрадованъ посѣщеніемъ своего знаменитаго Кавказскаго противника Шамиля, который по ходатайству князя былъ переведенъ изъ Калуги къ Кіевъ на жительство, а за тѣмъ уволенъ въ Мекку къ мусульманскимъ святымъ мѣстамъ. Этимъ исполнилось завѣтное желаніе имама, мечта, лелѣянная имъ всю жизнь. Изъ писемъ его (см. приложенія къ III т.) читатель можетъ видѣть, съ какою искреннею благодарностью, съ какимъ высокимъ уваженіемъ относится «бѣдный рабъ Божій, старецъ Шамиль» къ своему побѣдителю. Замѣчательное оправданіе пророчества въ гороскопѣ! (см. томъ I-й, стр. 3).

Въ 1869 году князь Александръ Ивановичъ уѣхалъ опять за границу и поселился на время въ Италіи, въ Пизѣ.

26 Ноября 1869 г., въ Петербургѣ, съ особою торжественностію праздновалось столѣтіе учрежденія Императрицею Екатериною ордена св. Георгія. Государь повелѣлъ извѣстить объ этомъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ, на случай, еслибы кто либо пожелалъ пріѣхать въ Петербургъ ко дню празднованія. Военный министръ, сообщая объ этомъ 18 Октября фельдмаршалу, просилъ увѣдомить: угодно ли ему пожаловать къ 26 Ноября? Но письмо было получено въ Пизѣ тринадцатью днями позже самаго празднованія. Впрочемъ, едвали князь Барятинскій, по состоянію его здоровья, и могъ бы предпринять путешествіе, особенно зимою.

27 Ноября Государь послалъ фельдмаршалу слѣдующую телеграмму: «Сердечно благодарю за поздравленіе; очень сожа-

лѣю о возобновленіи вашихъ страданій и что не могъ видѣть васъ возлѣ себя на совершившемся празднествѣ. Слова, съ которыми я обратился къ кавалерамъ, удостовѣрятъ васъ, что я не забываю вашихъ заслугъ. Да хранитъ васъ Богъ» [1]).

Въ письмѣ отъ Декабря князь выразилъ свои чувства благодарности за оказанную ему честь, радовался, что Государь, первый послѣ Императрицы Екатерины, явился въ лентѣ Георгія 1-й степени, какъ и должно великому магистру ордена и, между прочимъ, коснулся своихъ частныхъ дѣлъ. Для улучшенія оставленнаго ему графомъ Толстымъ имѣнія, чтобы оно съ теченіемъ времени могло увеличить свою доходность, князь израсходовалъ уже значительныя суммы; но цѣль далеко не была достигнута, даже въ возможныхъ удобствахъ жизни въ Деревенькахъ, въ чемъ Государь, удостоившій князя своимъ посѣщеніемъ тамъ, могъ лично убѣдиться [2]). Для этого требовался значительный капиталъ, котораго на сносныхъ условіяхъ князь достать не могъ, а ссуды банковъ подвергли бы опасности самую принадлежность ему имѣнія. Поэтому князь просилъ особой милости, и по бывшимъ уже подобнымъ примѣрамъ, принять имѣніе залогомъ подъ ссуду изъ казны. Результатъ этого ходатайства выразился въ томъ, что князю, при свиданіи съ Государемъ въ Эмсѣ въ 1870 году, было предоставлено въ пожизненное пользованіе имѣніе Скерневицы, близъ Варшавы. (Князь находился при Государѣ въ Эмсѣ при самомъ разгарѣ столкновеній Наполеона съ Пруссіею изъ за кандидатуры Гогенцоллернскаго принца на Испанскій престолъ).

Прибывъ въ Скерневицы въ началѣ Августа 1870 года, князь, въ письмѣ отъ 8 числа, повергалъ предъ Государемъ безпредѣльную благодарность за предоставленный ему пріютъ и за оказанный ему, по волѣ Его Величества, почетный пріемъ. Главнокомандующій въ Варшавѣ фельдмаршалъ гр. Бергъ встрѣтилъ князя на станціи желѣзной дороги при почетномъ караулѣ отъ л.-гвардіи Литовскаго полка, а маршалъ Велепольскій, какъ начальникъ дворцоваго правленія, въ Скерневицахъ.

---

[1]) Вотъ слова, съ которыми обратился Государь къ Георгіевскимъ кавалерамъ: „Сожалѣю, что не всѣ кавалеры могли явиться къ сегодняшнему нашему военному семейному празднику, начиная съ фельдмаршала кн. Барятинскаго; *но я не забываю, что ему я обязанъ покореніемъ Кавказа*". При этомъ же торжествѣ, по ходатайству князя, генераламъ Базину и Баженову были пожалованы Георгіевскіе кресты 3 степени за ихъ службу на Кавказѣ, въ свое время, недостаточно вознагражденную.

[2]) Въ 1869 году и покойная Императрица Марія Александровна съ Августѣйшими дѣтьми удостоила князя посѣщеніемъ и имѣла ночлегъ въ Деревенькахъ.

Путешествіе изъ Италіи, во избѣжаніе Германскихъ желѣзныхъ дорогъ, занятыхъ тогда исключительно военными поѣздами, князь совершилъ чрезъ Mont Cénis на Тріестъ и Вѣну. Здѣсь, во время разговора со старыми друзьями, онъ былъ печально удивленъ, до какой степени была поколеблена популярность Австрійскаго двора послѣдними успѣхами короля Прусскаго. Всѣ Австрійскіе Нѣмцы, не исключая самой Вѣны, мечтали о Нѣмецкомъ единствѣ, а остальное населеніе старой Имперіи было не прочь возстановить свое величіе расширеніями ко вреду намъ... (изъ письма къ Государю отъ 8 Августа).

Какъ скоро стали оправдываться пророчества князя Барятинскаго, разсказанныя Кокоревымъ! Чрезъ четыре года послѣ разгрома Австріи, Пруссія уже громила Францію, а черезъ шесть лѣтъ таже Австрія безъ выстрѣла овладѣла Босніею и Герцеговиною, вытѣснивъ насъ, побѣдителей Турціи, изъ Балканскаго полуострова... Свѣжо преданіе!

Въ Апрѣлѣ 1871 года въ день тридцатилѣтія своего супружества, покойный Государь зачислилъ фельдмаршала въ кирасирскій ея величества полкъ (Гатчинскій) и извѣстилъ его объ этомъ слѣдующей телеграмой: Aujourd'hui à notre trente anniversaire de mariage, je vous ai inscrit dans le régiment des cuirassiers de l'Impératrice, dans lequel vous avez commencé votre service et dans l'uniforme duquel vous fîtes vos premiers armes et fûtes attaché à ma personne. J'espère que vous y verrez une nouvelle preuve de mon amitié et de ma reconnaisance pour les services éminents, que vous m'avez rendus. Императрица Марія Александровна тогда же удостоила князя своимъ привѣтствіемъ: Le régiment et son chef vous souhaitent le bonheur, fiers de vous compter dans ses rangs, où vous avez commencé un service, si glorieusement continué.

Осень 1871 года князь проводилъ въ Деревенькахъ и здѣсь опять былъ осчастливленъ полученіемъ самыхъ лестныхъ, милостивыхъ словъ отъ путешествовавшаго тогда по Кавказу Императора. 10 Сентября Государь телеграфировалъ: «Съ высоты Гуниба повторяю тебѣ мое душевное спасибо за услуги твои, оказанныя Россіи, покореніемъ всего Восточнаго Кавказа и плѣненіемъ самаго Шамиля. Сожалѣю только, что не могу тебя здѣсь лично обнять, что̀ исполняю мысленно. Я вполнѣ всѣмъ доволенъ и въ восхищеніи отъ новыхъ дорогъ. Погода самая благопріятная». А на другой день съ фельдъегеремъ отправленъ слѣдующій рескриптъ: «Князь Александръ Ивановичъ. Предпринявъ давно желанное путешествіе на Кав-

казъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю о всей службѣ вашей въ этомъ краѣ, и въ особенности о трудахъ, посвященныхъ вами управленію онымъ и командованію войсками, покрывшими себя неувядаемою славою. Посѣщая нынѣ мирный Дагестанъ, столь долгое время подверженный кровавымъ битвамъ съ непокорными горцами, стоившимъ столь много жертвъ и усилій, я съ чувствомъ истиннаго уваженія обращаюсь къ вамъ изъ Гуниба, гдѣ покореніемъ и плѣненіемъ Шамиля, предводителя враговъ нашихъ и его скопищъ, вы положили начало умиротворенію всего Кавказа, плоды коего свидѣтельствуютъ о высокихъ доблестяхъ вашихъ и незабвенныхъ заслугахъ отечеству. Желая вновь почтить оныя при нынѣшнемъ посѣщеніи моемъ края, съ коимъ навсегда связаны имя ваше и воспоминанія о посвященныхъ вами его устройству заботахъ, коимъ вы принесли въ жертву собственныя силы и здоровье, мнѣ особенно пріятно повторить вамъ неоднократно выраженную признательность мою къ высокимъ заслугамъ вашимъ. Пребываю къ вамъ искренно васъ любящій и благодарный».

16 Сентября Государь, извѣщая князя изъ Воздвиженской (на Аргунѣ) по телеграфу о блистательномъ состояніи, въ которомъ представился Кабардинскій имени князя Барятинскаго полкъ и о проѣздѣ чрезъ Дагестанъ и Чечню съ однимъ конвоемъ изъ туземной милиціи, еще разъ повторилъ, что съ благодарностью вспоминаетъ о немъ.

Въ это время фельдмаршалъ, живя въ Деревенькахъ, вѣроятно возобновилъ свои наблюденія надъ состояніемъ сельскаго населенія и утвердился въ убѣжденіи, что взгляды его на общинное землевладѣніе совершенно правильны. 24 Августа онъ писалъ Государю на Кавказъ, что не раздѣляетъ установившагося мнѣнія о необходимости такой формы землевладѣнія (общинной), основаннаго яко бы на исторической послѣдовательности; онъ, напротивъ, находитъ между прежде существовавшимъ общиннымъ пользованіемъ и установленнымъ со времени освобожденія крестьянъ общиннымъ владѣніемъ существенную разницу и съ оттѣнкомъ политическимъ (доктринеры только прикрывались въ этомъ случаѣ исторіею). Посылая при настоящемъ письмѣ копію съ своего анонимнаго письма къ А. Е. Тимашеву [1]), князь повторялъ, что по внимательному наблюденію общинное владѣніе и круговая порука служатъ лишь къ ободренію праздности, къ развращенію кре-

[1]) Напечатано въ главѣ VI-й.

стьянъ и къ задержкѣ всякаго прогресса. Ссылаясь на свое письмо къ Государю по этому же предмету отъ 17 Ноября 1868 года (слѣдовательно въ одно время съ письмомъ къ генералу Тимашеву), князь Александръ Ивановичъ повторилъ приведенные тамъ доводы и добавилъ, что, конечно, было весьма мудро, при великой, безпримѣрной въ исторіи реформѣ, придерживаться существующихъ фактовъ и не измѣнять разомъ всего; но теперь (1871 г.) всѣ ожидаютъ, что рука, воздвигнувшая зданіе, дастъ и ключъ къ нему. Послѣднее слово реформы, прибавилъ князь, будетъ сказано, когда полное освобожденіе Русскаго народа дойдетъ до отдѣльной личности; поощрите частную собственность крестьянъ, и вы задушите зародыши коммунизма, упрочите семейную нравственность и поведете страну по пути прогресса. Нѣтъ прочнѣе гарантіи для законнаго преуспѣянія, какъ собственность и свобода личности».

Графъ Шуваловъ, шефъ жандармовъ, сопровождавшій тогда Государя въ путешествіи по Кавказу, 11 Сентября изъ Гуниба писалъ князю слѣдующее (съ Французскаго): «Государь Императоръ отправляетъ къ вамъ фельдъегеря по поводу вашихъ великихъ подвиговъ, о которыхъ невозможно было составить себѣ точнаго представленія, пока мы воочію не убѣдились въ тѣхъ сверхъ-человѣческихъ препятствіяхъ, которыя вы съумѣли преодолѣть. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы отвѣчать на ваше письмо, полученное мною въ Москвѣ. Я сдѣлалъ изъ него употребленіе согласно нашему обсужденію въ Эмсѣ. Воспользовавшись досугомъ во время нашего плаванія по Волгѣ, чтобы подкрѣпить идеи выраженныя въ анонимномъ письмѣ, я счастливъ, что могу съ настоящей минуты предсказать серьезную будущность великой, полезной идеѣ, вами покровительствуемой, т. е. упраздненію втораго рабства, быть можетъ худшаго, чѣмъ крѣпостное, общиннаго пользованія землею. Его Величество, сочувствуя содержанію вашего письма, повелѣлъ мнѣ написать министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ, во время своего путешествія, выслушавъ нѣсколько жалобъ по этому поводу, желаетъ, чтобы дѣло было подвергнуто обсужденію Комитета Министровъ, не въ предсѣдательствѣ Государя, но тотчасъ по его возвращеніи въ Петербургъ. На мой взглядъ, этого достаточно, чтобы дать намъ возможность взять дѣло въ свои руки; а чтобы не придать этому важному вопросу характеръ партійной борьбы даже въ средѣ правительственной, я представилъ Государю, какъ полезно было бы въ настоящемъ случаѣ совѣщаніе съ земскими собраніями, въ виду преимущественнаго экономическаго

значенія вопроса, что̀ и входитъ въ кругъ дѣятельности земства. Я не сомнѣваюсь, что значительное большинство собраній выскажется въ смыслѣ вашихъ взглядовъ, и тогда дѣло будетъ выиграно, вопреки всѣмъ Петербургскимъ «краснымъ», которые при этомъ случаѣ не приминутъ дать большое сраженіе, такъ какъ всѣ ихъ будущія надежды погибнутъ съ уничтоженіемъ этой соціальной и соціалистической язвы. Къ оффиціальному сообщенію министру я приложилъ и частное письмо, чтобы обратить все его вниманіе на поднятый Государемъ важный вопросъ. Очень благодаренъ за данныя лично вами наставленія, до путешествія Государя относящіяся; я имъ слѣдую и надѣюсь, что мы оставимъ за собою людей довольными».

19 Сентября, князь, выражая чувство своей безпредѣльной благодарности за рескриптъ, просилъ у Государя позволенія присоединиться къ нему во время проѣзда чрезъ Льговъ и проводить до Орла, чтобы имѣть возможность провести при немъ нѣсколько часовъ и изъ его устъ услышать, какія впечатлѣнія вынесъ Государь изъ своего путешествія по прекрасному Кавказу, въ которомъ князь такъ долго питалъ надежду самому его принять, но, къ несчастію, надежду, которой не суждено было осуществиться. Телеграммой изъ Тифлиса отъ 25 Сентября, Государь соизволилъ на это, ожидая съ удовольствіемъ свиданія съ княземъ. Встрѣча произошла въ Нѣжинѣ.

Какъ высоко цѣнилъ Государь заслуги фельдмаршала, можно судить потому, что кромѣ приведенныхъ телеграммъ и рескрипта, приказомъ 26 Октября того же 1871 года, назначилъ его шефомъ 2-го стрѣлковаго баталіона, расположеннаго въ Скерневицѣ, повелѣвъ батальону именоваться именемъ фельдмаршала князя Барятинскаго; себя же зачислилъ въ списки Кабардинскаго полка, спросивъ объ этомъ предварительно согласія князя.

А между тѣмъ сильное разстройство здоровья не оставляло преслѣдовать князя Александра Ивановича. Чуть явится благодѣтельный перерывъ, чуть блеснетъ лучъ надежды на возможность, если неполнаго выздоровленія, то, по крайней мѣрѣ, сноснаго существованія, безъ частыхъ сильныхъ страданій, вдругъ опять является припадокъ, опять мучительныя боли, приковывающія къ постели, къ бездѣйствію, къ мрачному настроенію. Но, не взирая на такое состояніе, мысль постоянно работала, и въ немощномъ тѣлѣ не терялась сила духа. Предъ умственнымъ взоромъ князя Александра Ива-

новича безпрерывно разстилалась панорама обширной Имперіи, нуждавшейся вездѣ, на всѣхъ своихъ границахъ, во всѣхъ отрасляхъ жизненной дѣятельности, въ энергической созидательной работѣ. Самъ привыкшій на Кавказѣ безъ потери времени и продолжительныхъ обсужденій, съ свойственною ему энергіею, осуществлять свои предположенія, князь Барятинскій также предавался и увлекавшей его силѣ воображенія, готовый на немедленное воплощеніе мысли въ дѣло. И какъ это всегда бываетъ съ людьми, одаренными пылкимъ воображеніемъ, когда у нихъ нѣтъ вблизи человѣка болѣе флегматическаго, «тяжелаго на подъемъ», человѣка медленно, но всесторонне обсуждающаго вещи,—князь не избѣгалъ увлеченій, поддаваясь иногда потоку собственныхъ идей, не давая себѣ времени подвергнуть ихъ хладнокровной критической оцѣнкѣ. Такъ, напримѣръ, увлекался онъ мыслію превратить Пятигорскъ въ Баденъ-Баденъ, повести пароходство по Кубани до Прочнаго Окопа и т. д. Но это были все, по самой сущности, предметы мѣстные, не особенно важные. Впослѣдствіи, какъ мы видѣли, князя занимали вопросы прямо государственные: Польскія дѣла, резиденція въ Кіевѣ, наша внѣшняя политика, реформы армій, общинное землевладѣніе. Во всѣхъ этихъ, первостатейной важности, вопросахъ, хотя бы мы не вполнѣ соглашались съ окончательными выводами, нельзя не признать взглядовъ истинно-государственнаго человѣка. Его можно было оспаривать, убѣдить отказаться отъ нѣкоторыхъ частей его предположеній, измѣнить какую-нибудь подробность, но нельзя исключить изъ ряда выдающихся людей, не только оказавшихъ, но и безъ всякаго сомнѣнія, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, могшихъ оказать еще много великихъ услугъ государству, и не только на одномъ военномъ поприщѣ.

Осенью 1871 года князь Барятинскій былъ увлеченъ новою идеею. Встрѣтивъ Государя, на возвратномъ пути съ Кавказа и Крыма, въ Нѣжинѣ, князь развилъ предъ нимъ свои мысли о средствахъ скорѣйшаго упроченія благосостоянія Кавказа, а чрезъ это и всей Россіи. Пріѣхавъ въ Скерпевицы, князь 9 Ноября писалъ между прочимъ слѣдующее (съ Французскаго).

«Возвращаясь къ моей Нѣжинской запискѣ *), прошу пожертвовать нѣсколько минутъ вниманія предмету, занимавшему

*) Записки этой къ сожалѣнію я не нашелъ.

меня въ теченіи многихъ лѣтъ. Вы собственными глазами, Государь, могли убѣдиться въ прогрессѣ, достигнутомъ Кавказомъ въ двадцатилѣтній срокъ. Вы оказали мнѣ милость, сказавъ, что я этому содѣйствовалъ и осыпали меня наградами; но я осмѣливаюсь повторить еще разъ мое убѣжденіе, что успѣхъ покоренія этого края исключительно принадлежитъ Вамъ. Къ счастію, Россія съ любовію и чувствомъ религіознаго довѣрія усвоиваетъ идеи, которыя она считаетъ принадлежащими Государю. Вы знаете Кавказъ, Вы могли судить о моихъ представленіяхъ; все зависѣло отъ ихъ оцѣнки. Убѣдившись въ ихъ истинѣ, Вы устраняли затрудненія, Вы заставляли молчать всякую опозицію. Буду ли я также стастливъ теперь; получатъ ли мои сужденія такую же оцѣнку?»

«Считаю настоящій моментъ подходящимъ, чтобы говорить о послѣдствіяхъ программы, которую я предположилъ представить Вашему мудрому обсужденію, когда настанетъ къ тому время. Рѣчь идетъ объ извлеченіи изъ Кавказа тѣхъ экономическихъ и просвѣтительныхъ результатовъ, которые Вы въ правѣ отъ него требовать, для вознагражденія жертвъ, принесенныхъ Россіею».

«Возвратите, Государь, Востоку національности, вышедшія изъ его нѣдръ; онѣ дадутъ ему узрѣть его собственный свѣтъ, укрѣпленный цивилизаціею Запада. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо можно примѣнить къ разнымъ народамъ Европы столь часто повторяемое сравненіе о пчелахъ, создающихъ въ своихъ ульяхъ медъ, собранный съ разныхъ цвѣтовъ. Кавказскій перешеекъ, своею религіею и географическимъ положеніемъ, соотвѣтствуетъ своимъ историческимъ указаніямъ: онъ призванъ перенести свѣтъ цивилизаціи и христіанской нравственности до крайнихъ предѣловъ Востока. На Россіи лежитъ обязанность облегчить ему эту миссію. Нужно приступить къ колонизаціи Кавказа въ самыхъ большихъ размѣрахъ, примѣняя ее къ мѣстности, т. е. всякій участокъ земли долженъ получить колонистовъ, привыкшихъ къ его культурѣ. Вы такимъ способомъ избѣгнете потери времени, необходимаго чтобы повести край къ быстрому преуспѣянію. Старое общество не нуждается въ обученіи; оно передвигается со всѣми своими познаніями и обычаями. Предоставте полную независимость національности и культа, особенно для заселенія горъ и Закавказья. Пусть обращаютъ вниманіе лишь на полезныя качества колониста. Сѣверная часть Кавказа, сама собою, должна быть заселена Русскими; но Западные горцы (т. е. горцы Западной Евро-

ны?) болѣе соотвѣтствуютъ Дагестану, чѣмъ обитатели нашихъ равнинъ. Человѣкъ превращается въ горца лишь вѣками; нужно нѣсколько поколѣній, чтобы создать людей, привычныхъ производить вино, шелкъ, рисъ или марену и т. п. Однимъ словомъ, чтобы обработывать плодоносныя части Кавказа, необходимо поощрять переселенія съ самымъ внимательнымъ примѣненіемъ къ качествамъ земли. Въ нѣсколько дней паръ, вооруженный всѣми облегченіями, соединитъ центръ этихъ областей съ остальнымъ просвѣщеннымъ міромъ, а электрическая проволока уже устранила жестокость разстояній и разлуки. Условія эмиграціи, ни нравственно, ни матеріально уже не тѣ, которыя были нѣсколько лѣтъ тому назадъ; мысль уже не знаетъ разстояній, и исполненіе можетъ слѣдовать въ слѣдъ за мыслію. Чтò требовало столѣтія, какъ В. В. могли сами видѣть, то совершается теперь въ какое-нибудь двадцатилѣтіе; ни война, ни преуспѣяніе, ни упадокъ государства или городовъ, ничто не мѣряется теперь какъ въ былое время. Согласясь съ взглядами, которые я позволяю себѣ представлять, В. В. сами еще, въ этомъ я вполнѣ увѣренъ, можете увидѣть этотъ край столько же просвѣщеннымъ и обработаннымъ, какъ самыя счастливыя страны свѣта. Полагаю, что въ нынѣшнемъ положеніи Европы ни одинъ государь не можетъ не быть одушевленъ къ поддержанію земельной собственности. Предоставленный на волю законовъ природы, земледѣлецъ по своей натурѣ принадлежитъ къ здоровой части человѣчества; промышленникъ, напротивъ, незнающій ненарушимой собственности, не признающій ни препонъ, ни предѣловъ, основывающійся на собственномъ починѣ и на своихъ силахъ, питаетъ дерзкія начинанія. Въ соблюденіи размѣровъ этого послѣдняго элемента состоитъ наука управленія. Въ Россіи, къ счастію, нѣтъ еще пока этой несоразмѣрности. Правильная промышленность есть ничто иное, какъ послѣдствіе естественнаго состоянія земледѣлія; обезпеченіе общества лежитъ въ ихъ реальной пропорціональности; при колебаніи равновѣсія, общество теряетъ свои основы. Франція собственными жертвами даетъ намъ доказательство этой политической аксіомы: излишество народонаселенія—эта болѣзненная несоразмѣрность государства, въ интересахъ собственнаго существованія, всегда старается развращать нравы; а въ разстройствѣ—всегда промышленность, создающая роскошь, мать упадка бодрости и зависти. Война противъ богатыхъ и права наслѣдованія, противъ капитала, собственности, даже противъ семьи, и всѣ прочія теоріи коммунизма, все это неопровергаемые признаки потеряннаго равновѣсія между промышленностію и земледѣліемъ. Америка въ теченіе долгаго

времени даетъ выходъ этому разливу; но бурная громада океана съ опасеніями перебраться черезъ эту даль, не даетъ ей, къ сожалѣнію, возможности удовлетворительно выполнить эту роль. Закавказье, объявленное portofranco, съ большею колонизаціею, снабженное банкомъ, гарантированнымъ правительствомъ, основаннымъ для успѣха хорошо обдуманной системы ирригаціи, привлекло бы земледѣльцевъ изъ всѣхъ странъ».

«Откройте же имъ, Государь, ворота Кавказа и, содѣйствуя цивилизаціи Востока, Вы, быть можетъ, будете споспѣшествовать экономическому равновѣсію всей Европы».

Какіе широкіе горизонты развивались передъ умственнымъ взоромъ автора этого письма! Какъ, увлекаемый своимъ воображеніемъ, представлялъ онъ себѣ цвѣтущій Закавказскій край, изливающій, подобно рогу изобилія, на весь міръ свои щедрые дары, обогащающій Россію, возвращая ей сторицею всѣ потраченныя въ теченіе столѣтія жертвы на завоеваніе и устройство этого края!

Но, нельзя не сказать, это были мечты, хотя и прекрасныя, но все таки мечты. И стоило только самому князю на короткое время отрѣшиться отъ дѣйствія воображенія, давъ трезвому анализу вступить въ свои права, онъ не могъ бы не разочароваться и не увидѣть, что его идея, не говоря о трудности провести ее въ дѣйствительную жизнь, едва ли когда-нибудь принесла бы тѣ плоды, которыхъ онъ отъ нея ожидалъ. Отправлялся онъ отъ совершенно вѣрной точки зрѣнія—преимущественной важности земледѣлія и необходимости равновѣсія между нимъ и промышленностію, усиленіе коей въ ущербъ перваго порождаетъ подрывы правильному, здоровому существованію общества, вызывая завистливые инстинкты и озлобленіе; но предложенныя средства, какъ мнѣ кажется, были едвали дѣйствительнымъ лѣкарствомъ противъ вѣрно опредѣленной болѣзни. Предполагаемый переворотъ, обѣщавшій такое заманчиво-блестящее будущее, долженъ былъ совершиться посредствомъ широко привлеченной колонизаціи Западныхъ горцевъ т. е. Швейцарцевъ, Тирольцевъ, Нѣмцевъ изъ горной Баваріи, или Итальянцевъ изъ горной части Ломбардіи, однимъ словомъ иноземцевъ, полунищихъ на родинѣ (богатыхъ эмигрантовъ вѣдь не много найдется), обогащаемыхъ за тѣмъ на Русскій счетъ. Поселить ихъ на лучшихъ мѣстахъ, Русскою кровью, Русскимъ потомъ завоеванныхъ! Развѣ уже мало примѣровъ такихъ попытокъ у насъ предъ глазами? Развѣ на томъ же Кавказѣ нѣтъ Нѣмецкихъ колоній, три четверти вѣка тому

назадъ приведенныхъ изъ Швабіи на Русскія средства, широко поселенныхъ на отличныхъ земляхъ? И что же, какую пользу принесли они краю? Отлично устроились, разжились, многіе оказались капиталистами, но остались тѣми же Нѣмцами, смотрящими съ высоты своего величія на все Русское—отъ человѣка до его языка, до его вѣрованій; ничему они туземца не научили и на развитіе края, если не считать снабженіе Тифлисскихъ чиновниковъ свѣжимъ масломъ, имѣли такое же вліяніе, какое имѣла Крыловская муха, сѣвшая на рога вола, запряженнаго въ плугъ... Ни участія въ интересахъ, ни въ радости, ни въ скорби своего новаго отечества; но сильнѣйшая привязанность къ фатерланду предковъ.

Да и вообще развѣ Западный человѣкъ надѣленъ отъ природы особыми высшими способностями, превосходящими Русскаго? Развѣ Англичанинъ, переселясь въ землю Кафровъ на крайнемъ Югѣ, или Американецъ на Аляску, къ Сѣверному полюсу, не умѣетъ въ короткое время примѣниться къ мѣстнымъ условіямъ, обрабатывая тропическіе продукты, или занимаясь котиковымъ промысломъ и извлекая богатства, хотя въ своемъ отечествѣ ни тотъ, ни другой тѣмъ не занимались? Почему же Русскій человѣкъ не можетъ сдѣлать того же, поселясь хотя бы въ горахъ Дагестана или въ жаркихъ долинахъ Закавказья? Онъ не приготовленъ къ такой находчивой самодѣятельности, какъ Англичанинъ или другой Западный человѣкъ, правда; но онъ ли виноватъ въ этотъ? Дайте ему тѣже средства и льготы, которыми такъ щедро надѣляли чужеземцевъ, дайте хорошихъ учителей-спеціалистовъ, администрацію какъ можно меньше вмѣшивающуюся, но какъ можно больше содѣйствующую, дайте образованныхъ пастырей, хорошія школы и т. д., и этотъ Русскій колонизаторъ, потомокъ тѣхъ богатырей, что́ своими костями усѣяли ущелья и лѣса Кавказа, при его врожденной смѣтливости и выносливости, сдѣлаетъ гораздо больше для своего государства, чѣмъ любой чужеземецъ—естественный противникъ всего Русскаго, по всему своему духовному складу. Да и въ политическомъ отношеніи могутъ представляться сомнѣнія отъ такого наводненія чужеземными элементами окраины, далеко еще не избавленной отъ возможныхъ опасностей, элементами, тяготѣющими, какъ мы видимъ, къ своимъ прежнимъ соотечественникамъ послѣ многихъ десятилѣтій пребыванія въ благосостояніи на Русской почвѣ. Наконецъ, если бы даже колонизація Русскими людьми и потребовала больше времени и средствъ, пока достигнуты бы были предположенные культурные и экономиче-

скіе результаты, то справедливость—одна изъ важнѣйшихъ добродѣтелей христіанской морали—уже заслуживала бы бо́льшаго вниманія къ Русскимъ; а справедливость была бы на сторонѣ Русскаго народа, руками и жертвами котораго завоеванъ Кавказъ.

На эту тему можно было бы много и многое еще сказать; но я не разборъ и опроверженіе проекта (въ подробностяхъ намъ неизвѣстныхъ) имѣлъ въ виду, высказывая мой личный взглядъ. Я только хотѣлъ показать, какъ сильно было развито у князя Барятинскаго воображеніе и какъ, поддавшись ему, онъ могъ упускать изъ вида то, что̀ и самъ конечно, при болѣе хладнокровномъ обсужденіи, себѣ же возразилъ бы. Но цѣли у него были всегда самыя высокія съ преобладающею мыслію о благѣ Россіи, о славѣ царствованія Самодержца, дарившаго его своимъ довѣріемъ и дружбой, о процвѣтаніи Кавказа - этой истинной родины его сердца. Если же тутъ могло примѣшиваться желаніе еще болѣе упрочить въ памяти потомства свои заслуги отечеству, то ктоже можетъ упрекнуть его въ такомъ естественномъ, благородномъ самолюбіи?

Какъ отнесся Государь къ вышеприведенной идеѣ князя Барятинскаго, остается неизвѣстнымъ; нигдѣ никакихъ указаній я не нашелъ. Милостивое же расположеніе къ нему осталось повидимому неизмѣннымъ. Такъ, ко дню рожденія фельдмаршала, 2 Мая 1872 года, Государь прислалъ ему при особенно любезномъ письмѣ свой портретъ въ мундирѣ Кабардинскаго полка, подарокъ принятый княземъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

ДВА ПИСЬМА КАНЦЛЕРА ГРАФА Н. П. РУМЯНЦОВА КЪ ОРЛОВСКОМУ ПОМѢЩИКУ Н. М. ЗИНОВЬЕВУ.

1.

Гомель, 14 Мая 1822 г.

Позвольте вас просить, милостивый государь мой, не имѣете ли вы короткаго знакомаго въ городѣ Козельскѣ, который хотя и въ чужой губерніи, но близокъ отъ васъ. Если вы тамъ имѣете пріятеля, вы меня премного одолжите, ежели его отъ меня попросите освидѣтельствовать у тамошняго купеческаго головы находящееся рукописное древнее Евангеліе на пергаменѣ, которое мнѣ предлагаютъ продать.

Сей осмотръ должно расположить по нижеслѣдующимъ статьямъ: 1) Въ томъ, какъ оно расположено, по Евангелистамъ ли, или по Седмицамъ; 2) Нѣтъ ли при концѣ точно обозначено, въ какомъ году писано, кѣмъ и для кого? 3) Въ Евангелистѣ Матѳеѣ, въ зачалѣ 109-мъ какъ прописано и *абіе пѣтелъ возгласи*. Вмѣсто пѣтела не написано ли *куръ*? Да въ томъ же Евангеліи Матѳеевомъ въ зачалѣ 104-мъ какъ написано *коснящу жениху*? Не написано ли *мудящу жениху*, какъ то находится въ древнихъ рукописныхъ Евангеліяхъ? Осмотрѣть также слѣдуетъ, нѣтъ ли на поляхъ нѣкоторыхъ листовъ самаго Евангелія какого обозначенія, кому оное принадлежало, и въ какую церковь дано было вкладомъ; по окончаніи всего Евангелія нѣтъ ли мѣсяцослова, или иного чего? Покорно васъ прошу, когда случится вамъ свѣдать, что у кого либо находится очень древняя Русская рукопись, особливо на пергаменѣ, духовнаго или свѣтскаго содержанія, тотчасъ меня объ этомъ увѣдомить: къ таковымъ бумагамъ я большое пристрастіе имѣю.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего высокоблагородія покорнымъ слугою «графъ Николай Румянцовъ».

2.

Петербургъ, 2 Августа 1822 г.

Изъ двухъ писемъ, каковыми меня удостоить изволили, отъ 28 Маія и 6 Іюля, я съ благодарностью усмотрѣлъ, какое вы неусыпное стараніе приложили, дабы преподать мнѣ свѣдѣнія о продающемся въ Козельскѣ рукописномъ Евангеліи. Сличеніе ему, сдѣланное протоіереемъ Пашковымъ, очень удовлетворительно, честь ему дѣлаетъ и точно показываетъ, что сія рукопись не очень древняя; онъ судитъ, что вся цѣна ей пятьдесятъ рублей, и статься можетъ кладетъ цѣну справедливую; но я готовъ дать за нее сто рублей ассигнаціями, однакоже не болѣе. Продолжайте быть ко мнѣ благосклонны. «Графъ Николай Румянцовъ».

ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ ИВАНУ АНТОНОВИЧУ ПУКАЛОВУ.

Въ продолжительное отсутствіе императора Александра Павловича изъ Россіи, внутренними текущими дѣлами у насъ завѣдывалъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго Государева наставника графа (позднѣе князя) Николая Ивановича Салтыкова. Въ числѣ близкихъ къ нему лицъ былъ Иванъ Антоновичъ Пукаловъ (стариннаго рода, происходившій отъ боярина Пука, упоминаемаго Карамзинымъ въ Исторіи Государства Россійскаго). Онъ былъ женатъ на Варварѣ Петровнѣ Мордвиновой. Въ 1796 году, служа въ Иностраной Коллегіи, онъ ѣздилъ въ Персію, при Павлѣ служилъ оберъ-секретаремъ въ Св. Синодѣ и въ 1801 году исправлялъ должность оберъ-прокурора. Затѣмъ видимъ его въ Департаментѣ Герольдіи. Графъ Аракчеевъ былъ постоянно друженъ съ этимъ семействомъ и велъ переписку съ И. А. Пукаловымъ. Внукъ, его Валерьянъ Платоновичъ Пукаловъ владѣетъ нѣкоторыми любопытными его бумагами, въ томъ числѣ нижеслѣдующими заграничными письмами графа Аракчеева, которыя любезно сообщены имъ въ „Русскій Архивъ". Тонъ писемъ графа Аракчеева иной разъ напоминаетъ Щедринскаго Іудушку. П. Б.

1.

Марта 20 1813 г. г. Калишъ.

Ваши письма, милостивой государь Иванъ Антоновичъ, мнѣ приносятъ самое большое удовольствіе при полученіи оныхъ, какъ по дружбѣ вашей ко мнѣ, такъ и по уму вашему; но естли я не на всякое отвѣчаю, то скажу вамъ откровенно, что съ отдаленіемъ нашимъ отъ васъ не знаю и самъ отчего, но кажется день сталъ больше: ибо я чувствую оное потому, что свободнаго времени у меня меньше, а можетъ быть и отъ того, что старѣе становлюсь, слѣдовательно не мочнѣе и лѣнивѣе.

Ахъ, я съ вами очень согласенъ, что надобно всѣмъ Русскимъ желать, чтобы воспѣть «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ»; но, кажется, оное одному Богу только извѣстно.

Я всегда въ ономъ несчастливъ, что обо мнѣ дурно думаютъ и всегда считаютъ, будто я хочу колкости писать, говорить и даже думать; но я въ молодыхъ лѣтахъ онымъ пренебрегалъ, бывъ чистъ въ своей совѣсти, а нынѣ со старостью, хоть и больно уже оное слышать, но бывъ правъ, такъ оставляю въ покоѣ. Я, любезной другъ, на васъ самихъ сошлюсь; на что мнѣ нынѣ писать колкости, ибо я никакою частью не управляю, ни одной души не имѣю у себя въ командѣ, ни за что не отвѣчаю; такъ къ чему же мнѣ и съ кѣмъ можно колкостями переписываться? То по всѣмъ симъ моимъ разсужденіямъ вы меня очень одолжите, если мнѣ отпишите, кто сіи добрые люди, которые мною такъ обижены; я даю вамъ честное слово ничего не утаить и во всемъ чистосердечно признаться, естли я виноватъ былъ.

Теперь скажу вамъ о нашихъ дѣлахъ. Передовыя войска наши на правомъ флангѣ въ Гамбургѣ и Любекѣ, а на лѣвомъ флангѣ въ Дрезденѣ, куда мы, проводивъ Прусскаго короля, выступаемъ; его же величество Прусское идетъ къ намъ въ гости завтрашній день и пробудетъ у насъ только три дня.

Мнѣ большой всегда праздникъ, когда вы мнѣ что препоручаете; я радъ очень господина Мацнева обласкать, но его здѣсь еще нѣту; а какъ пріѣдетъ, то узнаете отъ него самого объ моемъ съ нимъ обхожденіи.

Я благодарить васъ долженъ, что вы даете опять вновь случай платить И. М. Бегичеву, но только надобно намъ о семъ объясниться. Естли онъ въ приказѣ не отданъ, слѣдовательно онъ и не въ службѣ, а находился только въ ополченіи, откуда уволенъ; то чего же онъ хочетъ просить отъ Государя? Естли онъ боится, что его потребуютъ на службу, то пусть спокоенъ будетъ и можетъ ѣхать въ деревню и жить гдѣ угодно; а естли онъ пришлетъ просьбу, то, кажется, это будетъ опять о себѣ напоминать. Но впрочемъ пусть онъ дѣлаетъ, какъ ему угодно; я для васъ все дѣлаю, что̀ только могу.

О нашемъ къ вамъ возвращеніи очень сумнительно и, кажется, хотя и догадываюсь ваше на сей счетъ замѣчаніе, но не думаю, чтобы мы пустились къ вамъ, не покончивъ дѣла; а впрочемъ все на свѣтѣ возможное дѣло.

О духовныхъ дѣлахъ васъ увѣдомляю, что былъ полевымъ здѣсь государевымъ духовникомъ Преображенскаго полка протоіерей Топогрицкій, а вмѣстѣ и моимъ.

Прилагая вамъ здѣшнія военныя газеты, пребуду навсегда съ искреннимъ почтеніемъ вашъ покорный и вѣрный слуга графъ Аракчеевъ.

2.

Получено 19 Апрѣля 1813. Отвѣчено Апрѣля 23.

На границѣ Саксоніи, городъ Бунцлау, 6 Апрѣля 1813.

Писалъ я къ вамъ, милостивой государь Иванъ Антоновичъ, съ Нѣмана, съ Вислы, а теперь пишу уже за Одеромъ, а скоро буду писать и съ Эльбы. Пространство велико, но и времени прошло довольно; сегодня ровно четыре мѣсяца, какъ мы съ вами разстались, а когда увидимся, оное одному Богу извѣстно.

Сіе письмо вы получите уже въ наступившіе дни праздника Христова Воскресенія, о чемъ васъ сердечно и поздравляю; желаю, дабы вы и милостивая государыня Варвара Петровна встрѣтили сей праздникъ благополучно и меня бы отсутствующаго вспомнили въ памяти вашей. Мы надѣемся оный праздникъ встрѣтить въ славномъ городѣ Дрезденѣ, куда мы вступимъ въ Страстную Субботу.

Передовые наши корпуса находятся уже въ Лейпцыгѣ.

Посылаю вамъ нашъ приказъ, писанный государственнымъ секретаремъ, о соединеніи съ нами господъ Пруссаковъ, а равно и копію указа о роспускѣ Московскаго и Смоленскаго ополченія; дай Боже, чтобы скорѣе и прочіе были распущены.

Мы къ вамъ посылаемъ печатные журналы, но по скромности нашего Государя все касающееся до его встрѣчъ выкидывается вонъ, которые листочки вамъ и посылаемъ для любопытства вашего.

При переходѣ черезъ Одеръ въ городѣ Штейнау, 2 Апрѣля, насъ опять встрѣчалъ Пруской король и угощалъ обѣдомъ, и потомъ возвратился обратно въ Бреславль, но къ празднику также прибудетъ въ Дрезденъ.

Шлезія земля прекрасная, да и время стоитъ теплое; лѣсъ почти весь одѣлся; но я слышу, что и у насъ въ Петербургѣ погода пріятная и весна ранняя.

Благодарю васъ, что вы, любя меня, любите моихъ и людей; я радуюсь, что крестьяне мои еще менѣе другихъ потерпѣли. Дай Боже, мнѣ поскорѣе съ ними вмѣстѣ жить и пособлять имъ во всѣхъ нуждахъ.

А Степанъ мой бѣдный очень мучится, и я даже теряю надежду его видѣть здоровымъ. Деньги, присланныя господину Вельяминову, посланы исправно, и въ полученіи оныхъ я расписку вамъ доставлю. Прошу и впредь мнѣ препоручать ваши коммиссіи; я очень радъ друзьямъ повиноваться и угождать, что только въ моихъ силахъ.

Общему нашему пріятелю Ст. Пр. Творогову не могъ пособить: Государь не соглашался его перевести изъ флота, но изволилъ при ономъ случаѣ отозваться очень лестно, что онъ тамъ нуженъ. Кн. Ал. Иван. Горчаковъ получилъ орденъ 1 степени Владимера. Вотъ каково быть министромъ старинному князю, коего скорѣе награждаютъ, нежели нашего брата, простаго дворянина.

Прошу васъ принять на себя трудъ поздравить съ наступающимъ праздникомъ графа Николая Ивановича Салтыкова; а я остаюсь вашъ вѣрный и покорный слуга графъ Аракчеевъ.

3.

Франкфуртъ на Майнѣ, 1-е Ноября 1813 года.

Дружескія ваши письма отъ 6 и 10 чиселъ протекшаго Октября мною получены въ славномъ здѣшнемъ городѣ, за которыя я приношу мою вамъ, милостивой государь, благодарность. Я увѣренъ въ дружбѣ вашей, слѣдовательно увѣренъ и въ томъ, что вы помните меня не только въ день моего ангела, но и всегда.

Вы теперь все радуетесь успѣхамъ общихъ дѣлъ, а мы здѣсь живемъ и отдыхаемъ. Множество коронованныхъ и старыхъ владѣтельныхъ лицъ наѣхало. Сегодня былъ обѣдъ у Государя; былъ Австрійской императоръ, братъ его, великій герцогъ Вирцбурской, и потомъ протчіе владѣтельные князья и князьки, всѣхъ числомъ до 18 человѣкъ. А Пруского короля еще нѣту: онъ поѣхалъ изъ Лейбцыха въ Берлинъ, а оттуда проѣхалъ въ Бреславль, и его сюда ожидаютъ всякій день. А равно на сихъ дняхъ будутъ сюда короли Баварской и Виртенбергской. Вотъ мы какъ здѣсь живемъ: иначе никого не видимъ какъ королей и князей. Пріятель нашъ, дорогой Наполеонъ, сказываютъ, въ Мецѣ находится, куда требуетъ къ себѣ изъ Парижа весь свой сенатъ. Дай Богъ, чтобы Богъ даровалъ общій миръ.

Присланное письмо и деньги Долгорукову [1]) самъ отдалъ, для чего и послалъ за нимъ. О меньшомъ Долгоруковѣ скажу вамъ что, если жаль къ намъ отпускать, то можете его въ резервную армію прислать къ Лобанову; въ разсужденіе же вопроса вашего о производствѣ его прямо въ артилерію гвардейскую, то оное не всегда бываетъ. Но я уже оное буду стараться сдѣлать, дабы вамъ, любезному другу, чѣмъ-

[1]) Это были родственники супругѣ графа Н. И. Салтыкова, ур. княжнѣ Долгоруковой. П. Б.

нибудь показать свою услугу. Хорошо сдѣлалъ м. ф. [2]), что отправилъ нарочнаго ходака; я думаю, что итоги къ окончанію года будутъ несходны, а къ началу года надобно еще болѣе припасать денегъ.

О Даниловѣ я буду жалѣть, естли онъ будетъ безъ куска хлѣба; а если дадутъ оный, то пора его усмирить. Я, любезной Иванъ Антоновичъ, очень радъ препорученія графа Николая Ивановича [3]) исполнять; но успѣху не надѣюсь: ибо чтò пишется прямо на высочайшее лице, то непремѣнно прочитаютъ, а чтò ко мнѣ, то долго будетъ лежать безъ исполненія, ибо я съ дѣлами очень рѣдко призываюсь. То мой совѣтъ написать прямо, а ко мнѣ особо прислать копію съ онаго. Аренды нашему брату не принадлежатъ; объ этомъ и въ умъ царевъ никогда не взойдетъ; а я знаю сіе и дѣлалъ надъ собою нѣсколько опытовъ для точнаго увѣренія; о семъ же и не думаю, а молю только Бога, дабы окончить общее дѣло и даровалъ бы покойную жизнь въ углу своемъ; ибо, право, скучно. Скучно мнѣ бываетъ потому болѣе, что всѣ ошибаются въ моемъ положеніи, ибо другой бы на моемъ мѣстѣ давно бы уже то сдѣлалъ чтò я думаю сдѣлать по окончаніи войны. Вашъ вѣрный другъ и слуга гр. Аракчеевъ.

4.

Франкфуртъ на Майнѣ, 19 Ноября 1813 г.

Благодарю васъ, милостиваго государя и любезнаго друга Ивана Антоновича, за дружескія и пріятно-умныя ваши письма отъ 24 и 27 Октября, а еще болѣе за сообщеніе возставшихъ злыхъ каверзъ на почтеннаго намъ знакомаго пастыря. Я не упущу случая воспользоваться, дабы нѣсколько словъ на сей счетъ сказать. Дай Боже только бы мнѣ удалось примѣтить удобный къ оному часъ; ибо я такого всегда правила, что надобно сказать въ такое время, которое видишь, что посѣянныя слова произведутъ плодъ, а безъ онаго лучше ждать чѣмъ пустословить.

Новости наши узнаете изъ прилагаемыхъ газетъ, кои я взялся уже къ вамъ регулярно доставлять.

Графъ Николай Ивановичъ удостоилъ меня собственноручнымъ письмомъ, на которое я сегодня же отвѣчаю моей благодарностью.

Долгоруковъ вашъ опять отъ меня нѣсколько удалился, ибо онъ находится въ корпусѣ графа Витгенштейна, который подвинулся отъ

---

[2]) Салтыкова. П. Б.

[3]) Т. е. министръ финансовъ Д. А. Гурьевъ. П. Б.

насъ ближе къ Швейцаріи; но оное не мѣшаетъ вамъ доставлять ко мнѣ его письма, которыя будутъ вѣрно доставляемы.

Съ истинною и неизмѣнною дружбою пребуду всегда вашъ покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Прилагаю вамъ копію съ рапорта Французскаго, сдѣланнаго за сутки до вступленія нашего въ Лейбцыхъ, изъ коего вы увидите число больныхъ взятыхъ нами въ ономъ городѣ.

Получ. Февр. 18, отвѣчалъ 19 числа.

5.

Францыя, городъ Баръ-Сюръ-Сепъ, 25 Генваря (1814).

Вотъ, любезной другъ Иванъ Антоновичъ, мы вамъ доставили побѣду и въ самой уже Франціи. Благодарите Бога и просите скорѣе конца, дабы намъ возвратиться на матушку родину.

Я очень порадовался, что Ивана Борисовича [4]) посадили въ комитетъ; онъ вѣрно въ немъ будетъ работать, а не молчать. О комитетѣ же для вольныхъ хлѣбопашцевъ я въ первый разъ слышу; прошу меня объ ономъ вразумить яснѣе, тѣмъ болѣе что я врагъ сему роду людей.

Марко Константиновичъ нашъ пожалованъ сенаторомъ, о чемъ я къ нему пишу и копію съ указа посылаю: вотъ онъ опять долженъ будетъ подарить зеленой краски для крашенія Грузинскихъ [5]) крестьянскихъ домовъ. Прошу оное къ нему доставить.

Къ преосвященному Ѳеофилакту съ нынѣшнимъ же курьеромъ писалъ я письмо, въ отвѣтъ на его ко мнѣ писанное 6 Декабря.

Ахъ, любезной другъ, какъ дурна Франція! Она у насъ всѣ глаза выѣла дымомъ: на что въ прошлую зиму имѣли мы худыя квартеры въ Польшѣ, но здѣсь сто разъ хуже оныхъ. Представьте себѣ комнату холодную съ одинокими рамами, множество дверей и большой каминъ, который всегда дымится; у камина жарко, а отойдешь отъ него, то тепла въ комнатѣ не болѣе 8 градусовъ, и со всѣхъ сторонъ сквозной вѣтеръ, и страшная нечистота. Я нѣсколько дней мучусь флюсомъ, болью зубовъ и колотьемъ въ ухѣ, а все отъ проклятыхъ каминовъ.

---

[4]) Пестеля, тогдашняго генералъ-губернатора Восточной Сибири, при Павлѣ почтъ-директора. См. его бумаги въ Р. Архивѣ 1875. П. Б.

[5]) Т. е. въ Новгородскомъ помѣстьи графа Аракчеева, знаменитомъ Грузинѣ. П. Б.

Долгоруковъ вашъ здоровъ. Поповы въ томъ же положеніи; гусарской не идетъ, а артилерійской еще не прибылъ изъ командировки, ибо онъ оставался въ Саксоніи съ ротою, которая тамъ вновь формировалась.

Съ истинною дружбою и истиннымъ почитаніемъ пребуду всегда вашъ покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Мы уже пьемъ изъ той же рѣки воду, которая даетъ оную и господамъ Парижскимъ жителямъ.

6.

Городъ Шомонъ, Февраля 21 дня 1814.

Получилъ Марта 15-го 1814. Отвѣтствовано на сіе письмо подробнѣйшимъ образомъ 17 Марта 1814 чрезъ домъ гр. Ал. А.

Благодарю васъ, любезной другъ Иванъ Антоновичъ, за письма ваши; а я ваше препорученіе мнѣ исполнилъ: князь вашъ Долгорукій произведенъ въ офицеры и прямо въ гвардію. Я очень радъ, что скоро могъ выполнить вашу волю; прошу о семъ сказать его родителю и его сіятельству графу Николаю Ивановичу Салтыкову. Надобно князю-отцу прислать денегъ; я ему на обмундированіе дамъ взаймы своихъ; но деньги отецъ пускай ко мнѣ присылаетъ, а не прямо къ нему: ибо деньги молодыхъ людей балуютъ; деньги же присылать одними червонцами, а не другою какою монетою.

Бѣдной Тиманъ потерялъ большаго своего сына: онъ умеръ горячкою. Я выпросилъ меньшаго въ отпускъ, дабы хоть этимъ утѣшить старика.

Отъ Василія Степановича Попова получилъ очень учтивое письмо, за что васъ покорно благодарю, а я ему не отвѣчалъ для того, что дѣти его по сіе время не идутъ ко мнѣ, даже за письмами его; но я однако какъ нибудь ихъ къ себѣ приманю и потомъ уже буду ему отвѣчать.

Въ одномъ письмѣ кн. Долгоруковъ пишетъ къ отцу своему навѣрно о вояжѣ послѣ заключенія мира со мною, то я хочу на оной счетъ сказать вамъ, любезному другу, по секрету одному: я дѣйствительно хочу отстать отъ двора и посмотрѣть Италію, Римъ, Неаполь, Голландію и Англію. Думаю имѣть двѣ пользы: одну въ оныхъ мѣстахъ побывать, а другую, можетъ быть, и важнѣе первой. Далѣе въ лѣсъ, болѣе дровъ; состарѣхся и изнемогохъ, то и надобно честь знать.

Особенно въ оное время, гдѣ зачнутъ дѣлать много новаго: то молчать грѣхъ, а говорить, такъ согрѣшить можешь.

Прошу оное имѣть для вашего свѣдѣнія, а отцу Долгорукова сказать въ такомъ тонѣ, что естли-де графъ поѣдетъ, то хорошо. А сына я съ охотою возьму съ собою: онъ человѣкъ молодой и мнѣ можетъ дѣлать услугу въ вояжѣ. Но я поѣду не подъ своимъ именемъ, а подъ именемъ маіора Грузинова.

По естли Долгорукой поѣдетъ со мной, то надобно ему имѣть кредитивъ на деньги. Я имѣю свой на банкира Бетмана въ Франкфуртѣ на Майнѣ.

Съ истинною дружбою и неизмѣннымъ почитаніемъ пребуду навсегда вашъ покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Получ. 28 Марта 1814 наканунѣ Свѣтлаго праздника.

7.

Городъ Шомонъ, 25 Февраля 1814.

Взгляните, любезной другъ Иванъ Антоновичъ, на бумагу, такъ увидите, что мы во Франціи, ибо и тутъ проклятой Наполеонъ.

Дружескія ваши письма отъ 7 и 9 Февраля я получилъ, за которыя васъ, милостиваго государя, и благодарю; присланную вашу записку при моемъ письмѣ отправилъ съ курьеромъ къ генералу Кологривову, просилъ его, чтобы онъ г. Геннесена поскорѣе произвелъ въ офицеры и меня бы объ немъ увѣдомилъ; тогда его письмо къ вамъ отправлю въ оригиналѣ. Маленькія мы дѣла скоро дѣлаемъ, а за большія по слабому старому воспитанію не беремся, и такъ свою жизнь ведемъ; а большую половину уже прожили, то и остальную также намѣрены коротать. Радуюсь, что вы послѣдніе два мѣсяца весело провели; видно, вы захотѣли свою Варвару Петровну совершенно утѣшить и тѣмъ заключить Масляницу, но не пишите, не уговорила ли она васъ и Нѣмецкую Масляницу также проводить, что́ очень желаю знать.

Долгорукову прогонныя деньги пріѣхали кстати къ его производству; а теперь онъ будетъ ждать кредитиву на вояжъ его со мною; а я оное не шутками затѣялъ, и въ вправду хочу еще помедлить къ вамъ, дабы все поусѣлось и отстоялось.

Василью Степановичу Попову прошу прилагаемое письмо доставить. Сына артилериста его я насилу къ себѣ залучилъ. Молодецъ прекрасной; я его очень обласкалъ, дабы онъ ко мнѣ ходилъ. Не знаю, что̀ будетъ.

P. S. *Секретно.* Оной молодецъ имѣлъ на сихъ дняхъ дуэль съ морскимъ Лермантовымъ, офицеромъ, на пистоляхъ. Поповъ цѣлъ остался; а Лермантова ранилъ онъ въ голову изрядно; но сіе ничего не произвело и произвести не можетъ. Дѣло нынѣ военное, то сраженія не наказываются. Оное извѣстіе для васъ, а не для отца; а послѣдствіевъ, кажется, никакихъ не будетъ, и Лермантовъ, говорятъ, будетъ живъ, хотя онъ его очень изрядно задѣлъ. А дѣло вышло, говорятъ, изъ за квартиры: одинъ у другаго хотѣлъ квартиру отбить.

Если не трудно, то прошу его сіятельству милостивому государю графу Николаю Ивановичу Салтыкову мое высокопочитаніе донести. Увѣдомьте меня, чтò каково винные откупы идутъ; будетъ пожива кому? Письмо почтеннаго медика Каменецкаго получилъ и непремѣнно ему буду отвѣчать.

Пишутъ ко мнѣ изъ деревни, что сосудъ мой отправили его высокопреосвященству въ соборъ мой деревенской.

Писалъ бы болѣе, да знаю, что я складу и ладу не имѣю: то для тѣхъ, кто читаютъ, вѣрно чѣмъ короче, тѣмъ лучше будетъ. И такъ съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣнною дружбою пребуду на всегда покорный слуга г. Аракчеевъ.

2 Марта, городъ Труа.

8.

Парижъ. 12 Апрѣля 1814.

Получилъ Маія 8 дня 1814 года, а отвѣчалъ въ Парижъ 10-го Маія.

Благодарю васъ, любезнаго друга, за письма ваши отъ 17, 21, 23, 25, 27 Февраля и отъ 3, 7, 9, 19 и 17 Марта, которыя я всѣ вдругъ получилъ черезъ посыльнаго изъ Парижа курьера за фельдъегерями, которые оставались въ Базелѣ, въ Швейцаріи.

Вы теперь уже, любезной другъ, знаете о всѣхъ счастливыхъ окончаніяхъ войны, слѣдовательно и радость ваша должна быть чрезмѣрна.

Обѣщанную табакерку изъ Парижа при семъ къ вамъ посылаю; желаю, дабы она была крѣпка и прочна и напоминала бы вамъ, что я вездѣ васъ помнилъ и вами былъ помнимъ, чтó мнѣ большое приносило удовольствіе. Прошу васъ принять на себя трудъ прилагаемое письмо мое и табакерку вручить Осипу Кирилловичу Каменецкому; я нарочно медлилъ ему отвѣтомъ на его письмо, дабы отвѣчать ему изъ

Парижа. Равномѣрно прошу прилагаемое письмо отослать и къ князю Долгорукову отъ сына и сказать ему, что я 200р и письмо его получилъ и отвѣчать ему буду, но съ нынѣшнимъ курьеромъ никакъ не успѣлъ, ибо много писемъ скопилось писать къ другимъ. Господ. Ушакову письмо ваше лично отдалъ, насильно его къ себѣ вытребовавъ. Вотъ чудная мнѣ участь въ знакомыхъ вашихъ: они всѣ меня чуждаются, а я насильно съ ними знакомлюсь.

Радуюсь, что Николушка вашъ, мой любовникъ, здоровъ и привыкаетъ; скажите ему, что я или пришлю или привезу ему хорошую игрушку, и для того, чтобы онъ не забывалъ меня; а мнѣ теперь будетъ перепутье ѣхавши изъ Грузинской пустыни: буду привозить къ вамъ отъ него грамотки и поклоны.

Ѳедоръ Егоровичъ въ Польшѣ дѣйствительно убитъ, а бумаги всѣ отысканы и къ намъ присланы, гдѣ и ваше одно письмо отъ 19 Ноября прошлаго года было, и я очень радъ, что оно до меня дошло, о чемъ поговоримъ ниже сего.

Видно, вамъ со мною одна участь; я всегда на оное счастливъ, что все относятъ ко мнѣ что́ я и во снѣ не вижу, а узнаю уже послѣ всѣхъ. Но чтоже дѣлать, когда оному пособить нечѣмъ? Другіе же, напротивъ того, очень счастливы, дѣлая исподтишка, и про то никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Вотъ добрый вашъ, да и я его люблю, Ал. Ив. Горчаковъ очень много съ Сангленомъ своимъ писалъ противу откупщиковъ и много участвовалъ во всемъ нынѣ происходящемъ по сей части; но кто про оное знаетъ? Никто, да и не повѣрятъ еще оному.

Благодарю васъ, милостиваго государя, что вы вспомнили о братѣ Ан. Анд. Онъ бѣдный, несчастливъ, боленъ, живетъ въ Бременѣ въ присмотрѣ добраго моего друга Ф. О. Бухмеера. Естлибы онъ и здоровъ былъ, то его въ коменданты въ С.-Петербургъ не сдѣлаютъ. Вотъ меньшой братъ П. Анд. находится въ Кіевѣ, сдѣлался боленъ отъ поѣздки Эрфуртской; но и объ немъ никогда ни словомъ не вспомнятъ. Произвели бездну генераловъ, а объ немъ ни слова нѣту. Естлибы нельзя, казалось, его произвести самого за себя, то неужели я оное по сіе время не выслужилъ? Въ первой разъ отъ роду похвасталъ; вездѣ въ другомъ государствѣ я выслужилъ бы оное, но въ Россіи, видно, честность за ничто считается. Полно, я лишнее наболталъ...

Почтенному Ивану Борисьевичу мое почтеніе; желаю ему, чтобы онъ писалъ Государю, но прошу ко мнѣ не присылать; ибо я всѣ бу-

маги изъ дѣлъ находящіяся отсылаю по министрамъ. Пускай они докладываютъ сами.

Естли у васъ говоруновъ много, то ихъ и здѣсь бездна; когда же дастъ Богъ, по окончаніи нынѣ здѣсь дѣлъ, говоруны здѣшніе соединятся съ вашими, то и выйдетъ изъ онаго осенняя туча воронъ и галокъ, коихъ я думаю и вамъ случалось видѣть и слышать, какъ онѣ много кричатъ, а понять никто не можетъ. Кончится же тѣмъ, какъ устанешь ихъ крикъ слушать, то прійдешь въ комнату теплую и сядешь одинъ спокойно.

Наконецъ, любезной другъ, я долженъ васъ очень и очень много благодарить за письмо ваше отъ 17 Марта; оно дѣйствительно дружеское, и я его цѣню по своему манеру, потому что вы писали ко мнѣ не по просьбѣ моей, а по собственнымъ чувствамъ, что̀ самое есть дѣло добрыхъ пріятелей.

Позвольте мнѣ на сіе письмо сдѣлать мой отвѣтъ. Сказанное вами о одиночествѣ моемъ очень справедливо; и признаюсь, что свою сторону очень люблю и вѣрю вамъ, любезному другу, что мнѣ будетъ скучно долго оставаться за границей. Но какъ я намѣренъ только во первыхъ остаться здѣсь, дабы быть на водахъ и поправить свое здоровье, ибо дѣйствительно нервы мои такъ слабы стали, что они всякое дѣйствіе принимаютъ съ большою чувствительностью; а во вторыхъ, я ясно и торжественно могу сказать, что прошусь у Государя нашего милостиваго совсѣмъ прочь отъ дѣлъ, которыя мнѣ наскучили, и я чувствую, что они тяготятъ мое здоровье по прямому моему характеру. Здѣсь вы, любезной другъ, погрѣшили, сказавъ обо мнѣ, что я къ двору очень привыкъ; вижу изъ онаго, что и умные люди иногда могутъ ошибаться. Знайте, любезной другъ, и повѣрьте послѣ мною сказанное: я двора никогда не любилъ, и онъ мнѣ всегда былъ въ тягость; а заблужденіе мое было, признаюсь въ томъ, что я думалъ, будто честный человѣкъ можетъ дѣлать общую пользу. Оно можетъ быть и возможное дѣло, но въ государствѣ маленькомъ, а въ нашемъ пространномъ колоссѣ оное есть заблужденіе. Касательно же толковъ людскихъ, то на оное смотрѣть не должно; да они и ничего важнаго не сдѣлаютъ. Вспомните толки 1812 года и сравните теперешніе о тѣхъ же людяхъ, то вы ужаснетесь отъ онаго; слѣдовательно публика либо тогда, либо теперь, но все несправедлива.

Повѣрьте же мнѣ, что я могу жить очень спокойно одинъ и никогда не поскучавъ, что давно не обѣдалъ при дворѣ; ибо кто чистъ

сердцемъ и душею, тотъ всегда доволенъ будетъ. Въ названіи моемъ вы справедливы; естли надобно будетъ взять другое имя, то буду Волковъ, а не Грузиновъ. Да теперь я думаю, и въ ономъ надобности не будетъ, ибо сіе болѣе нужно было для Парижа, а для другихъ мѣстъ все равно.

Письмо ваше отъ 19 Марта подкрѣпляетъ мое намѣреніе. Для чего человѣкъ сотворенъ? Дабы дѣлать полезное; но какъ я онаго не могу, ибо я бы желалъ, дабы старики почтенные были давно утѣшены, но не могу, а все сему не вѣрятъ; буду же въ Грузинѣ, то всѣ будутъ вѣрить, что я живу смирно и спокойно.

Приложенная вами записка къ письму 19 Ноября, конечно, странна вамъ кажется, а мнѣ оная не странна. Я ничего не знаю по тайнамъ, а знаю по моимъ собственымъ догадкамъ и заключеніямъ, что все вами въ запискѣ написанное очень можетъ быть правда, даже съ прибавленіемъ можетъ быть къ оному и меня собственно. Прочитавши оное, остановитесь, подумайте и заключите: лучше быть въ Грузинѣ, нежели на воображаемомъ моемъ благополучіи.

Время болѣе все объяснитъ и, можетъ быть, умные и добрые скажутъ, что и я дальновиденъ, хотя по французски болтать не умѣю.

Прощайте, кланяйтесь графу Николаю Ивановичу и пишите ко мнѣ, а я всегда былъ и буду вашъ покорнѣйшій и вѣрный слуга Г. Ар.

9.

Парижъ, Апрѣля 25 дня 1814

Получ. Мая 13 1814.

Дружескія ваши письма, Иванъ Антоновичъ, отъ 31 Марта и 4 Апрѣля, получилъ, за которыя васъ и благодарю покорно.

Барановъ вашъ здоровъ, но письма вашего ему еще не отдалъ нарочно для того, дабы онъ самъ ко мнѣ пришелъ, и уже имѣю отъ него увѣдомленіе, что обѣщается быть завтра. Посылаю вамъ еще нѣсколько Монитеровъ о здѣшнихъ происшетвіяхъ и обрядахъ.

Г. Шуваловъ возвратился, проводя Бонапарта до моря; разсказываетъ тьму про него анекдотовъ; между прочимъ, что въ одной деревнѣ его хотѣли мужики убить, и они его одѣли въ цесарской мундиръ и посадили верхомъ между конвоя, а въ его мундиръ одѣли Шувалова адъютанта, и такъ его вывезли. Онъ больно не хочетъ умирать; видно, поступаетъ по-христіански: ибо по нашей вѣрѣ, кажется,

запрещается искать смерти самому, что онъ въ точности наблюдаетъ читаетъ Французскія газеты, разсуждаетъ объ нихъ, одно хвалитъ, а другое опровергаетъ, а наконецъ, сказать то, что, кажется, онъ помѣшался. Да и есть съ чего: перемѣна чувствительна!

Естли вамъ не трудно, то прошу вновь принять мою коммиссію и изъявить мое почитаніе его сіятельству графу Николаю Ивановичу и ихъ высокопревосходит. Василію Степановичу и Ивану Борисьевичу

Государь, кажется, по всему видно, не долго проживетъ здѣсь и скоро изволитъ отправиться въ Англію; а я надѣюсь ѣхать въ Ахенъ къ водамъ, дабы полѣчиться и возвратиться спокойнѣе въ любезное свое отечество.

Долгорукой посылаетъ при семъ письмо къ отцу; онъ уже находится по высочайшему повелѣнію при мнѣ; дай Богъ, чтобы сей молодой человѣкъ не испортился, а болѣе я ничего не желаю, ибо благодарность нынѣ въ свѣтѣ исключена изъ службы.

Я послалъ сегодня сосудъ для моего собора, сдѣланной въ Парижѣ; прикажите Степану его къ себѣ принести, естли вамъ угодно посмотрѣть. Съ истинною и неизмѣнною дружбою пребуду навсегда покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Госп. Маіорову письмо отъ Ивана Ивановича доставлено, и отъ него принесенной отвѣтъ прилагаю; прошу отъ меня свидѣтельствовать почтеніе и сказать, что я жениху говорилъ, дабы онъ невѣстѣ гостинцы послалъ, но онъ жалуется на недостаточность денегъ.

10.

Парижъ, 23 Мая (1814).

Съ душевною прискорбностью пишу къ вамъ, любезной другъ Иванъ Антоновичъ, сіе письмо, ибо я остался здѣсь въ суетной и модной столицѣ одинъ одинехонекъ, ибо и канцелярія уѣхала въ Лондонъ сего утра, и людей своихъ со всѣми покупками отправилъ въ Гавръ, гдѣ они погрузятся на фрегатъ и поплывутъ въ любезное отечество; а я съ Даллеромъ и къ княземъ Долгорукимъ выѣзжаю завтра рано поутру *въ Ахенъ*, куда переѣзду моего 60 Французскихъ миль. Я беру четырехъ лошадей, чего меньше уже нельзя; онѣ будутъ стоить каждую милю 12 франковъ, а всякій франкъ здѣсь стоитъ 1 рубль 10 коп. ассигнаціями; кажется, не дешево.

Благодарю за коротенькое ваше письмо отъ 6-го Мая. Пишите пожалуста, любезной другъ, ко мнѣ и къ больному, какъ къ здоровому; ибо я увѣренъ, что дружба ваша будетъ одинакова.

Я получилъ съ послѣднимъ курьеромъ письмо самое дерзкое отъ Казанскаго протопопа. Онъ пишетъ ко мнѣ, что онъ боленъ и что для его здоровья нужно жить въ деревнѣ два мѣсяца, то онъ выбралъ мое Грузино и туда ѣдетъ. Я думаю, его посылаютъ туда шпіономъ, дабы моихъ людей настроить на что нибудь странное. Но я, любезной другъ, писалъ въ деревню свою, дабы его оттуда выпроводили вонъ. Это страшная дерзость.

Я, любезной другъ, далъ взаймы здѣсь Бакунину сыну тысячу франковъ. Меня пугаетъ Василій Романовичъ Марченко, что я ихъ не получу; но это я не думаю. Какъ можно это сдѣлать за благодарность мою, что я его сына здѣсь выручилъ изъ бѣды, а безъ онаго ему бы и выѣхать было не съ чѣмъ. Прошу ему при случаѣ оное сказать.

Бѣднякъ князь Долгорукой послѣднія деньги издержалъ на покупки и послалъ подарокъ въ домъ. Онъ мнѣ очень нравится; но батюшка его очень скупъ. Я велѣлъ ему послать вчерашній счетъ нашего обѣда, состоящаго въ супѣ, рыбѣ, котлетахъ и жаркой курицы и четырехъ чашекъ чайныхъ съ яичницею нашею, вина двѣ бутылки; ибо насъ обѣдало четверо: я, Даллеръ, князь и г. Маюровъ (зять будущій Кушелева), и заплатилъ я за сіе четыре червонца.

Маюровъ, кажется, мною доволенъ: онъ ласкается ко мнѣ. Теперь я чистъ, остался безъ адъютантовъ, ибо Клейнмихель опредѣленъ въ флигель-адъютанты; а Тизенгаузенъ на мѣсто Касторскаго.

Еще обида бѣдному нашему князю Горчакову: сего 18-го Маія, въ день заключенія мира, произведенъ въ полные генералы баронъ Меллеръ Закомельскій. Естли удастся, дамъ ему почувствовать, что я тутъ не виноватъ; я за него и такъ часто бранивался.

Посылаю вамъ послѣдніе здѣшніе Монитеры. Прошу васъ, не забывайте меня и пишите ко мнѣ, вѣря, что я навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію пребуду вашъ и пр.

Графу Разумовскому я отвѣчаю, что я получилъ послѣ выѣзда отсюда Государя, но письмо его отправилъ вѣрно черезъ канцелярію къ Государю; но участвовать уже въ ономъ дѣлѣ не могу. Чудныя дѣла на свѣтѣ: уже Сенатъ и противу министровъ возстаетъ!

Сейчасъ ходилъ смотрѣть церемонію: король открываетъ законодательное собраніе; но дождь страшный пошелъ, обмочилъ. Третій часъ,

а церемонія еще не начинается. Такъ и возвратился мокрой домой, купивъ только вамъ у разносчиковъ пункты трактата, хотя они и въ Монитерѣ есть, и еще о Николушкѣ Бонапартѣ.

11.

Экс-ла-Шапель, 30 Мая 1814.

Завтра начну употреблять ванны. Дай Богъ, чтобы онѣ поправили мое здоровье, которое очень разстроилось. Я особенно очень часто чувствую жестокія спазмы въ желудкѣ. Здѣсь очень дорого квартира стоитъ, $13^1/_2$ рублей въ сутки; столъ, заключающійся въ четырехъ блюдахъ и бутылкѣ вина для трехъ особовъ и двухъ нашихъ людей, слишкомъ 20 рублей; каждая ванна три рубля. Но все это есть ничто противу того желанія, какое я чувствую скорѣе возвратиться въ любезное отечество.

Бывшій мой адъютантъ, г. Клейнмихель, спасибо, пріѣхалъ самъ собою навѣстить меня здѣсь, проѣздомъ своимъ въ С.-Петербургъ. Я его просилъ сходить ко всѣмъ моимъ знакомымъ, сказать мое истинное почтеніе, что̀ онъ мнѣ и обѣщалъ. Я также просилъ его съѣздить къ графу Ник. Ив. Салтыкову съ моимъ высокопочитаніемъ, что̀ и васъ прошу ему объявить. Съ его роднею кн. Долгорукимъ мы знакомимся и, кажется, другъ друга любимъ.

Занимаясь цѣлое утро устройствомъ своего хозяйства, предъ обѣдомъ прошелъ въ здѣшніе ряды, гдѣ увидалъ каррикатуры на господина Бонапарта; посылаю къ вамъ оныя.

12.

Возвращаю при семъ второй портфель съ письмами кн. Потемкина; надѣюсь, что вы первый уже получили. Приношу вамъ, милостивой государь, мою благодарность за доставленіе мнѣ способа сіи рѣдкіе пакетики прочитать.

Грузино.
3 Августа 1815.

ДВѢ ДЕПЕШИ БАРАНТА[1]).

1.

9 Декабря 1835 г. Берлинъ.

Великая герцогиня, сестра Русскаго императора, приняла меня благосклонно. Говоря о возложенномъ на меня порученіи она сказала, что убѣждаетъ меня не привозить въ Россію предразсудковъ, которые, можетъ быть, господствуютъ во Франціи относительно этой страны, но судить о ней по своимъ личнымъ и безпристрастнымъ наблюденіямъ. Я увѣрилъ Ея Императорское Высочество, что у меня нѣтъ предубѣжденія, которое слѣдовало бы отстранить, что во Франціи всѣ расположены поддерживать съ Россіею въ настоящее время дружескія отношенія, какъ и прежде, что между Парижскимъ и Петербургскимъ обществомъ существуетъ взаимное общее расположеніе, которое не можетъ исчезнуть.

Нѣсколько времени спустя, взошелъ великій герцогъ[2]) и тотчасъ же началъ спрашивать у меня извѣстій о королѣ. Затѣмъ пространно и какъ-то скороговоркою вдался онъ въ необыкновенныя похвалы нраву, мудрости и способностямъ нашего государя и выражалъ сожалѣніе, что не знаетъ его лично. Затѣмъ онъ сталъ говорить любезности касательно королевы и воспитанія, даннаго королемъ своимъ сыновьямъ,—словомъ, нельзя показать бо́льшаго благорасположенія. Великій герцогъ больше чѣмъ не уменъ: онъ зачастую нелѣпъ и не знаетъ мѣры. Я зналъ впередъ, что его рѣчь странна и несвязна; меня предупредили о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ безпрестанно причиняетъ великой герцо́гинѣ, тонкій вкусъ и благородныя манеры которой онъ оскорбляетъ и насилуетъ. Во время всего этого заявленія дружескихъ чувствъ къ королю и Франціи она не принимала никакого участія въ разговорѣ но, будучи глухо-

---

[1]) Изъ 10-го выпуска Revue d'Histoire Diplomatique 1890, стр. 373 и далѣе. Барантъ, съ Воспоминаніями котораго знакомы читатели „Русскаго Архива" 1890 года, ѣхалъ въ Петербургъ на свое посольство. П. Б.

[2]) Карлъ Фридрихъ, великій герцогъ Саксенъ-Веймаръ-Ейзенахскій, старшій сынъ в. г. Карла Августа, родился въ 1783 году. 1804 года онъ получилъ руку Великой Княжны Маріи Павловны. Въ 1828 году вступилъ на престолъ, скончался въ 1853 году. Ю. Б.

вата, она могла не разслышать того, что великій герцогъ говорилъ довольно быстро и невнятно. За тѣмъ неоднократно по поводу покушенія 28 Іюля *), возбудившаго большой интересъ и любопытство за границей, она выражалась вполнѣ достойно и не только сожалѣла о совершившемся преступленіи, но и воздавала должныя похвалы мужеству короля, распрашивая о подробностяхъ этого печальнаго дня.

За обѣдомъ я сидѣлъ возлѣ великой герцогини, и она соизволила пригласить меня прійти 2 часа спустя на вечеръ. Такъ какъ она не любитъ игры, то посадила меня возлѣ себя. Бесѣда была долгая и разнообразная. Очевидно, что она очень умна; но ея глухота, союзъ съ мужемъ, который ей такъ не ровенъ, жизнь въ провинціальномъ городкѣ, тогда какъ она всѣмъ своимъ существомъ чувствуетъ и потребность, и привычку къ большому двору и возвышенному поприщу, все это придаетъ ей оттѣнокъ грусти и унынія. 32 года подобной жизни повидимому не внушили ей покорности судьбѣ. Казалось, что это печаль и скука перваго дня. Съ такимъ настроеніемъ она смотритъ на все и судитъ обо всемъ. Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, духъ народовъ, теченіе идей, господствующія мнѣнія, характеръ литературы безпрестанно, въ общихъ выраженіяхъ, были предметомъ ея презрительныхъ и горькихъ замѣчаній. Это были не сужденія любезности, а скорѣе впечатлѣнія умной женщины, которая, не развивая, не одушевляясь, скорѣе съ отвращеніемъ, чѣмъ съ живостью роняла ихъ съ высоты своего положенія принцессы. Бесѣдѣ этой придавало нѣкоторый интересъ то обстоятельство, что она лишь въ виду была отвлеченна; все въ ней намекало на Русскаго императора, на его положеніе по отношенію къ Европѣ, на то, какъ объ немъ думаютъ, какъ мало помощи находитъ онъ для предположенной имъ задачи. Несправедливость народныхъ предубѣжденій, затруднительное положеніе людей, которыми онъ управляетъ, невозможность заставить націю понять то добро, которое онъ хочетъ сдѣлать—вотъ не выраженныя мысли, которыя можно было усмотрѣть въ каждомъ словѣ великой герцогини. И она не могла все время ограничиваться этой непрямой и полной намековъ рѣчью. Она должна была предаться чувству нѣжности и восхищенія къ своему брату. Она начала говорить о всѣхъ его преимуществахъ, великихъ достоинствахъ, умѣ, благородствѣ и чистотѣ намѣреній. Она нарисовала его живой и воодушевленный портретъ. И когда я, поддерживая тонъ этого разговора, началъ прославлять мужество и твердость Русскаго императора, она отвергла такую похвалу

*) Покушеніе Фіески. Корсиканецъ Фіески (род. 1790) пытался 28 Іюля 1835 года, во время смотра національной гвардіи и Парижскаго гарнизона, убить короля Людовика-Филиппа и его семью. Для этого онъ устроилъ многоствольное ружье въ домѣ на бульварѣ Тампль, и выстрѣломъ, когда король со свитой проѣзжали по бульвару, было убито 18 человѣкъ, а король, обрызганный кровью жертвъ, спасся почти чудомъ. Фіески вмѣстѣ съ своими помощниками былъ казненъ. Злодѣяніе произвело взрывъ негодованья въ обществѣ, и результатомъ явились Сентябрьскіе законы. Ю. Б.

„Многіе государи были мужественны и тверды, но мой братъ справедливъ и добръ“, сказала она, дѣлая удареніе на словѣ „добръ“, и такъ какъ разговоръ относительно этого предмета окончился, то она черезъ нѣкоторый промежутокъ, прежде чѣмъ перейти къ другому, повторила: „Необыкновенная доброта, вотъ его особенность“. Дѣло шло, какъ видно, совсѣмъ не объ общемъ сужденіи; мы ясно заговорили о Варшавской рѣчи и о журнальныхъ статьяхъ по этому поводу.

Вообще разговоръ велся въ благосклонномъ тонѣ, и было ясное намѣреніе показать, что я найду хорошій пріемъ въ Петербургѣ. Много ласковыхъ и обязательныхъ словъ сказано было мнѣ, когда я получилъ отпускъ отъ великаго герцога и великой герцогини.

2.

10-го Января 1835 года Барантъ вручилъ императору Николаю Павловичу свои вѣрительныя грамоты. Вотъ разсказъ его объ ихъ первой бесѣдѣ. (Депеша изъ Петербурга 12-го Января 1836 г.).

Я былъ привезенъ и введенъ во дворецъ при соблюденіи всего обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ этикета. Я предполагалъ при врученіи своихъ грамотъ произнести передъ Императоромъ нѣсколько если не торжественныхъ, но по крайней мѣрѣ оффиціальныхъ словъ, но онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ одинъ на одинъ. Лишь взошелъ я, какъ увидѣлъ себя возлѣ него, и тотчасъ онъ заговорилъ со мною вполнѣ ласково и просто. Его легкая и изящная, скорая рѣчь не дала мнѣ никакой возможности сказать то, чтó я предполагалъ. Разговоръ начался съ чисто, личныхъ любезностей. Императоръ увѣрялъ, что онъ помнитъ, какъ видѣлъ меня въ Парижѣ (чтó дѣйствительно не невозможно), говорилъ объ должностяхъ, которыя я занималъ, о Вандейской префектурѣ, объ обязанностяхъ, которыя я несъ, какъ аудиторъ. Разговоръ постоянно велся такой, какой онъ желалъ. Затѣмъ онъ заговорилъ о дипломатіи, что она не похожа на бывшую прежде. „Теперь все высказывается; всѣ имѣютъ одно намѣреніе, всѣ желаютъ мира, и онъ приноситъ счастье Европѣ. Вы видѣли, какъ имъ наслаждается Германія и какъ она желаетъ его сохранить (онъ идетъ въ прокъ). Здѣсь тоже самое, чтó бы тамъ ни думали и чтóбы ни говорили. Россія также нуждается въ мирѣ. Она вела четыре войны въ продолженіе двадцати лѣтъ, онѣ ей стоили многихъ милліоновъ и, чтó болѣе печально, жизни трехсотъ или четырехсотъ тысячъ людей. Наступило время заниматься лишь благосостояніемъ народовъ. Вы видите, что я говорю съ вами откровенно и не имѣю никакой задней мысли“. Затѣмъ, пожимая мою руку: „Говорятъ о войнѣ; она производится или въ силу необходимости или вслѣдствіе желанія: теперь въ ней нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ нѣтъ никакихъ запутанныхъ дѣлъ. Что же касается до желанія, то ни я, никто другой ея не желаетъ“. Во время этой рѣчи я

вставилъ нѣсколько словъ отъ себя, напирая на то, что̀ въ словахъ Императора казалось полезнымъ замѣтить; я придавалъ вещамъ оттѣнокъ, который лучше подходилъ къ нашей Французской политикѣ и нашему положенію. Однако я боялся, какъ бы эта аудіенція не прошла такъ, что о королѣ не будетъ сказано ни слова. Это было важно. Мнѣ даже показалось, что, желая избѣжать этого, Императоръ придалъ разговору такую живость, а также и характеръ дружественной бесѣды. Я выжидалъ случая; такъ какъ я держалъ въ рукѣ свои грамоты, то онъ взялъ ихъ у меня со словами: „слѣдуетъ освободить васъ отъ этого“ и положилъ на столъ. Затѣмъ я сказалъ, что по таковой своей милости онъ лишилъ мое представленіе всякаго характера этикета, и я совсѣмъ не могъ обратиться къ нему съ оффиціальною рѣчью и принести увѣреніе въ чувствахъ короля. Фраза этому предшествующая относилась къ желанію мира, такъ что слово *чувства* могло быть принято въ его политическомъ значеніи. Тогда Императоръ уступилъ благосклонно, безъ затрудненія и натянутости, но и безъ всякой охоты; онъ заговорилъ о королѣ, о томъ какъ Европа обязана ему сохраненіемъ мира, о трудной задачѣ, которую онъ предпринялъ, и объ успѣшномъ ея выполненіи, объ его умѣньи и мудрости.

Я прилагалъ стараніе, чтобы такая бесѣда продолжалась. Затѣмъ онъ говорилъ о 28 Іюлѣ вполнѣ подобающимъ образомъ, правда съ ужасомъ, но съ неизмѣнною холодностью, не вспоминая ни о спокойствіи и мужествѣ короля, ни о томъ, что̀ должна была испытать королева, такъ что ничего не было похожаго на то, что̀ я слышалъ въ Берлинѣ. Потомъ онъ прибавилъ: „Это преступленіе раскрыло всѣмъ глаза и, благодаря ему, положеніе дѣлъ у васъ стало лучше“. Я упомянулъ о законахъ *) и объ ихъ полномъ соотвѣтствіи съ общественнымъ мнѣніемъ. „Требуются и другіе законы“, сказалъ Императоръ, „и вы ихъ достигните“.—„Когда представится случай и будетъ общее желаніе“, отвѣчалъ я; „и при нашей формѣ правленія и въ нашемъ положеніи слѣдуетъ ждать, пока всѣ будутъ хорошо знать обстоятельства дѣла, такъ что достоинство правительства заключается въ умѣньи ловить минуты“. Продолжая говорить по этому поводу, ему пришлось признать наше хорошее положеніе, и онъ сказалъ мнѣ: „Но продолжится ли это?“—„Нѣтъ никакого основанія сколько-нибудь безпокоить-

*) Сентябрьскіе законы 1835 года имѣли своею цѣлью усилить власть короля и ослабить представительство. 4 Августа былъ внесенъ проектъ этихъ законовъ; они сводились къ слѣдующему: государственные прокуроры въ политическихъ процессахъ могутъ сокращать формальности и удалять изъ залы суда безчинствующихъ; большинство голосовъ присяжныхъ, нужное для осужденія, сводится съ 8 на 7; оскорбленіе короля и принципа правительства въ печати влечетъ за собой заключеніе на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму и штрафы до 50.000 франковъ; запрещается высказывать желаніе объ отмѣнѣ монархіи, собирать деньги для покрытія штрафовъ за преступленія противъ законовъ о печати; возстановляется цензура для театральныхъ представленій и карикатурныхъ изображеній; залогъ для издателей газетъ возвышается съ 40.000 до 100.000 франковъ. Въ Сентябрѣ проектъ былъ принятъ и утвержденъ. Ю. Б.

ся по этому поводу", отвѣчалъ я очень холодно. Только это и было сказано такимъ тономъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, можно ли что-нибудь услыхать отъ него о герцогѣ Орлеанскомъ. Какъ видно по ходу дѣла, во время такой долгой и разнообразной бесѣды мнѣ было легко заговорить объ Алжирѣ; къ этому мы пришли, говоря о Французской арміи. Императоръ сказалъ, что маршалъ Мезонъ (его имя онъ часто упоминалъ съ полнымъ благоволеніемъ) долженъ быть хорошимъ военнымъ министромъ, твердымъ и строгимъ относительно дисциплины. „Съ нашимъ братомъ военнымъ надо обращаться прямо и строго". Я замѣтилъ, что Французская армія привыкла къ хорошей и правильной дисциплинѣ, что́ и послужило мнѣ поводомъ къ разговору объ Алжирѣ. „Эта маскарская экспедиція была настойчиво ведена и хорошо выполнена", воскликнулъ Императоръ; „у васъ былъ тамъ умный человѣкъ, искусный генералъ, маршалъ Клозель (Clauzel)". У него, какъ видно, было почти явное намѣреніе не называть герцога Орлеанскаго, ничего не говорить о его храбрости и о тѣхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергалъ себя.

По поводу характера дипломатіи, который она имѣетъ и должна имѣть, Императоръ сказалъ, безъ всякаго съ моей стороны повода, что ради этого онъ и смѣнилъ графа Поццо. „Это человѣкъ старой дипломатіи, я совсѣмъ не нуждаюсь ни въ хитрости, ни въ лукавствѣ; мы не могли другъ друга понимать. Въ свое время онъ могъ оказывать большія услуги, но конечно вслѣдствіе того, что имъ пользовались при негласныхъ порученіяхъ, онъ выработалъ себѣ такія привычки, которыя мнѣ не пригодны". Я защищалъ какъ можно лучше графа Поццо и, такъ какъ я сказалъ, что онъ хорошо зналъ Францію, Императоръ мнѣ отвѣчалъ: „Да, Францію, но вовсе не Россію. Въ ней онъ прожилъ всего на всего 4 мѣсяца. Я призвалъ его, чтобы онъ немного ознакомился съ Россіей и со мной, но увидѣлъ, что мы никогда не поймемъ другъ друга". Затѣмъ онъ заговорилъ о графѣ Паленѣ: „Это человѣкъ моего выбора, онъ будетъ заниматься дипломатіей, какъ я ее понимаю, какъ истый военный служака. Я ему признателенъ за то, что онъ уступилъ моимъ настояніямъ и принялъ эту должность. Вы мнѣ доставляете большое удовольствіе, говоря, что его цѣнятъ въ Парижѣ. Съ его стороны вамъ нечего опасаться интригъ: онъ и приняться-то за нихъ не умѣетъ". Императоръ спросилъ у меня, знаю ли я лорда Дургэма (Durham). „Когда онъ немного побѣдитъ свою скорбь *), и вамъ можно будетъ его видѣть, вы убѣдитесь, что онъ вовсе не похожъ на то, какъ его представляютъ; я не знаю, каковъ онъ относительно своей страны, но онъ вполнѣ разсудителенъ и смотритъ правильно на положеніе Европейскихъ дѣлъ, не предаваясь никакимъ мечтаніямъ и подозрѣніямъ".

*) У него умиралъ сынъ.

Вообще ничего не было мнѣ сказано объ Англіи, хотя я предвидѣлъ, что, пожелай я, онъ сказалъ бы кое-что о ея внутреннемъ состояніи и безпокойномъ характерѣ ея политики; но я предпочелъ, чтобъ эти мысли, вскользь обозначившіяся, не были развиваемы.

Наши дѣла съ Соединенными Штатами были также предметомъ разговора; когда я сказалъ, что не произведетъ никакого безпокойства и затрудненія, если мы не заключимъ договора съ собраніемъ, подверженнымъ всевозможнымъ демократическимъ воздѣйствіямъ, то Императоръ видимо съ удовольствіемъ слушалъ меня и остановился на томъ, что̀ представляетъ изъ себя теперь эта республика, которую такъ часто ставили въ примѣръ. И тѣмъ не менѣе, никакого намека, даже отдаленнаго, не было сдѣлано относительно того, что̀ происходитъ у насъ.

Разговоръ принялъ болѣе положительный характеръ, когда дѣло коснулось положенія Греціи. И тутъ опять починъ разговора принадлежалъ Императору. Мнѣ казалось, что въ настоящее время онъ болѣе всего занятъ тѣмъ, чтобы противиться всякой попыткѣ установить конституцію и представительныя учрежденія и тѣмъ не менѣе полагаетъ, что относительно этого найдется мало сопротивленія со стороны Петербургскаго кабинета. Императоръ ни во что не ставитъ графа д' Армсперга и Баварцевъ.—„Король Баварскій хочетъ туда пріѣхать; вы полагаете, что изъ того ничего не выйдетъ путнаго, да и я такъ думаю. Я не благодаренъ относительно Баварскаго короля, а онъ осыпаетъ меня проявленіями своей дружбы; онъ полагаетъ, что нѣкогда въ Парижѣ мы были дружны, а я этого вовсе не помню. При всякомъ случаѣ онъ старается оказать мнѣ свою привязанность. Я его считаю немного глупымъ. А въ Грецію онъ посылаетъ людей, отъ которыхъ самъ желаетъ избавиться, напримѣръ д'Армсперга. Это не хорошо.“ „Мы въ особенности замѣтили, „сказалъ я Императору,“ и утверждаемъ, что управленіе въ Греціи дурно, расточительно, дѣла ведутся безъ толку и правильности; можно расходиться во взглядахъ и мнѣніяхъ на извѣстныя политическія формы, но касательно управленія хорошее и дурное очевидно и неоспоримо. Три державы изыскивали, какія употребить мѣры, чтобы Греція была лучше управляема; ясно, что страна находящаяся въ опекѣ у трехъ великихъ державъ, не можетъ принадлежать ни къ какой политической системѣ; надлежитъ заняться лишь тѣмъ, чтобы доставить ей спокойствіе и благосостояніе; и по нашему мнѣнію, въ Греціи были въ достаточной степени способные люди для того, чтобы имъ можно было поручить веденіе дѣлъ ихъ родины.—„Они мало знаютъ свою родину“, отвѣчалъ Императоръ. — „Я видѣлъ здѣсь князя Суццо; онъ показался мнѣ прекраснымъ человѣкомъ, очень разсудительнымъ; но онъ, такъ сказать, иностранецъ для Греціи. Одно изъ затрудненій представляетъ то обстоятельство, что многіе изъ тѣхъ, которые получили воспитаніе за границей, выработали тамъ себѣ привычки и

образъ мыслей, приносятъ ихъ на родину, гдѣ они не могутъ быть примѣнены".

Общій тонъ всего этого разговора былъ ласковый и обходительный; видно было желаніе показать полную откровенность и сильное желаніе мира. Повидимому его заявленія были обращены не только къ Франціи, но къ общему мнѣнію Европы. Никакого шага къ сближенію съ нами не было сдѣлано, но Императоръ чувствуетъ необходимость разсѣять распространенные предразсудки о его нравѣ, характерѣ, и увѣрить въ неосновательности опасеній, которыя могли возникнуть по этому поводу; очевидно, что это намѣреніе преобладаетъ у него.

Вотъ смыслъ всѣхъ разговоровъ, которые со всѣми держащими сторону Императора я велъ отъ Веймара до Петербурга. Ложное мнѣніе составленное о Русскихъ и ихъ правительствѣ—это первыя слова которыя мнѣ говорятъ здѣсь. Императоръ желаетъ изгладить это впечатлѣніе; этимъ объясняется его предупредительное и очаровательное обхожденіе съ иностранными дипломатами, которое выпало и на мою долю, такъ что я не придаю этому особеннаго значаченія. Напримѣръ, во время аудіенціи онъ часто бралъ мою руку и съ чувствомъ ее пожималъ. Онъ заявилъ, что онъ пріѣдетъ къ моей женѣ, и выказалъ живой интересъ по поводу легкаго нездоровья, которое замедляетъ на нѣсколько дней ея представленіе ко двору. Это любезничанье, это стараніе нравиться не имѣетъ другаго объясненія, и въ немъ нечего искать какого-либо инаго смысла.

КНЯГИНЯ Е. И. ГОЛИЦЫНА.

Княгиня Евдокія Ивановна Голицына, извѣстная въ общественныхъ и литературныхъ преданіяхъ подъ именемъ *Княгини Ночной* или *Княгини-Полуночницы* (Princesse Nocturne, Princesse Minuit), родилась, воспиталась и провела жизнь въ богатой обстановкѣ, посреди всяческой знати. Но богатство и знать не удовлетворяли высокой души ея, постоянно обращавшейся и занятой помыслами о благѣ общественномъ, дѣятельною любовью къ отечеству, къ знаніямъ, искусствамъ, къ поэзіи. Въ этомъ отношеніи она мало имѣла сходства съ умершею въ одинъ съ нею годъ (1848) сестрою своею, графиней Ириной Ивановной Воронцовой, женщиною властнаго характера, которая болѣе извѣстна была какъ отличная хозяйка, пріумножившая свое достояніе. Можетъ быть, восторженное настроеніе придано княгинѣ, какъ это бываетъ, противоположнымъ настроеніемъ сестры. Отецъ ихъ Иванъ Михайловичъ Измайловъ († 1787), нѣкогда командиръ Невскаго Кирасирскаго полка, въ самый день воцаренія Екатерины, исключенъ былъ изъ службы за вѣрность Петру III-му. Мать ихъ, Александра Борисовна, была урожденная княжна Юсупова, родная сестра князя Николая Борисовича, воспѣтаго Пушкинымъ, этого друга Музъ, и герцогини Курляндской, Екатерины Борисовны Биронъ. Обѣ сестры рано осиротѣли и воспитывались въ домѣ своего бездѣтнаго дяди, послѣдняго при Екатеринѣ Московскаго главнокомандующаго, Михаила Михайловича Измайлова, человѣка несомнѣнно просвѣщеннаго, такъ какъ онъ завѣдывалъ постройками въ Кремлѣ и въ другихъ мѣстахъ Москвы, этими величавыми памятниками Екатерининскаго зодчества.

Княгиня Евдокія Ивановна родилась 1780 года 4-го Августа. Она получила въ домѣ дяди своего многостороннее образованіе. Судя по сохранившемуся портрету ея (на которомъ она изображена еще въ ранней молодости въ профиль, съ корзинкою цвѣтовъ на головѣ), равно по разсказу академика Буняковскаго, который зналъ ее лично, и по нѣкоторымъ описаніямъ, она была красавицею съ чрезвычайно-выразительнымъ, симпатичнымъ, хотя и строгимъ лицемъ.

Вотъ какъ отзывается о ней одинъ изъ близкихъ ея знакомыхъ, князь П. А. Вяземскій, въ своей «Старой Записной Книжкѣ»:

Княгиня Голицына была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ Петербургскомъ обществѣ. Она была очень красива, и въ

красотѣ ея выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этимъ преимуществомъ. Не знаю, какова была она въ первой своей молодости; но и вторая и третья молодость ея плѣняли какою-то свѣжестью и цѣломудріемъ дѣвственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плеча извивистыми локонами, южный матовый колоритъ лица *), улыбка добродушная и граціозная; придайте къ тому голосъ, произношеніе необыкновенно-мягкіе и благозвучные — и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея. Вообще красота ея отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее Греческое изваяніе. Въ ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротивъ, въ ней было что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное. По обезпеченному состоянію своему, по обоюдно-согласному разрыву брачныхъ отношеній, она была совершенно независима. Вслѣдствіе того устроила она жизнь свою, не очень справляясь съ уставомъ свѣтскаго благочинія, которому подчинилъ себя нѣсколько чопорный и боязливый Петербургъ. Но эта независимость, это свѣтское отщепенство держались въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благоприличія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злословія, не отемняли чистой и свѣтлой свободы ея. Можетъ быть, старожилы, укоренившіеся на почвѣ прежнихъ порядковъ, и старовѣры осуждали нѣкоторыя странности этой жизни, освободившейся отъ крѣпостной зависимости; другіе, можетъ быть, исподтишка и смѣялись надъ подобными эксцентричностями: общество назидательно обсуждаетъ, или себялюбиво предаетъ осмѣянію все, что́ осмѣливается перешагнуть на сторону со столбовой дороги, которую проложило оно себѣ. Все это въ порядкѣ вещей. Все это могло выпасть, и вѣроятно, пало на долю княгини; но, повторимъ еще, доброе имя ея, и при этой общественной цензурѣ, осталось безупречно-неприкосновеннымъ. При всемъ этомъ, не могла же такая личность проходить безслѣдно и не пробуждать нѣжныхъ сочувствій въ томъ или другомъ сердцѣ. Такъ и было. Она, на молодомъ вѣку своемъ, внушила нѣсколько глубокихъ и продолжительныхъ приверженностей, почти поклоненій. До какой степени сердце ея, въ чистотѣ своей, отвѣчало на эти жертвоприношенія, и отвѣчало ли оно, или только благосклонно слушало, все это остается тайною.

Въ числѣ извѣстныхъ поклонниковъ княгини назовемъ двухъ особенно отличавшихся умственными и нравственными достоинствами. Одинъ изъ нихъ — М. Ѳ. Орловъ, рыцарь любви и чести, который не былъ бы неумѣстнымъ и лишнимъ въ той исторической порѣ, когда рыцарство почиталось признаніемъ и удѣломъ возвышенныхъ натуръ. Другой—князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, одна изъ блестящихъ, но рано угасшая надежда царствованія императора Александра I-го. Говорили, что въ отношеніи къ послѣднему со стороны княгини были попытки и домогательства

---

*) Юсуповская Татарская кровь. П. Б.

освободить себя путемъ законнаго развода; но упрямый мужъ не соглашался на расторженіе брака. Какъ бы то ни было, смерть доблестнаго князя Долгорукова неожиданно разорвала недописанные листы этого романа.

Домъ ея, на Большой Милліонной, былъ артистически украшенъ кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ Русскихъ художниковъ. Хозяйка сама хорошо гармонировала съ такою обстановкою дома. Тутъ не было ничего изъ роскошныхъ принадлежностей и прихотей своенравной и скороизмѣнчивой моды. Во всемъ отражалось что-то изящное и строгое. По вечерамъ, немногочисленное, но избранное общество собиралось въ этомъ салонѣ: хотѣлось бы сказать въ этой храминѣ, тѣмъ болѣе, что и хозяйку можно было признать не обыкновенною свѣтскою барынею, а жрицею какого-то чистаго и высокаго служенія. Вся постановка ея, вообще туалетъ ея, болѣе живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нея собиравшемуся, что-то не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было бы думать, что тутъ собирались не просто гости, а и посвященные. Выше сказали мы: собирались по вечерамъ. Найдется и тутъ поправка: можно было бы сказать—собирались médianoche, въ полночь *). Княгиню прозвали въ Петербургѣ La Princesse Nocturne (Княгиня Ночная). Впрочемъ собирались къ ней не поздно, но долго засиживались. Княгиня не любила рано спать ложиться, и бесѣды длились обыкновенно до трехъ и четырехъ часовъ утра. Лѣтомъ живала она на дачѣ своей на Невѣ. Прозрачныя и свѣтлыя Невскія ночи еще болѣе благопріятствовали этимъ продолжительнымъ всенощнымъ. Даже свирѣпствовавшая холера не мѣшала этимъ сходкамъ вѣрныхъ избранныхъ.

Событія 1812 г. живо расшевелили патріотическую струну княгини. Помнится, вскорѣ по окончаніи войны, явилась она въ Москвѣ, на обыкновенный балъ Благороднаго Собранія, въ сарафанѣ и кокошникѣ, оплетенномъ лаврами. Невозмутимо и съ нѣкоторою храбростью прохаживалась она по залѣ и посреди дамъ въ обыкновенныхъ бальныхъ платьяхъ; съ недоумѣніемъ, а можетъ быть, и съ насмѣшливымъ любопытствомъ смотрѣли онѣ на эту возрожденную Мароу Посадницу.

Желая устроить судьбу Евдокіи Ивановны, императоръ Павелъ приказалъ ей выйти замужъ за князя Голицына, 25-ти лѣтняго камеръ-юнкера Сергѣя Михайловича. Повидимому князь питалъ къ Евдокіи Ивановнѣ искреннее и грубокое чувство, и это, кажется, побудило императора быть сватомъ; но это были два существа совсѣмъ разныя. Свадьба совершилась 12 Іюня 1799 года.

Извѣстно, что князь Сергѣй Михайловичъ, при громадномъ богатствѣ, высокомъ общественномъ положеніи и добромъ сердцѣ, отличался

---

*) Médianoche, посреди ночи, Испанское выраженіе, перешедшее и въ другіе западноевропейскіе языки. Имъ означается полуночный пиръ, особенно послѣ постнаго дня. П. Б.

доходившею до наивности ограниченностью ума и вовсе непривлекательною наружностью.

Въ слѣдующемъ году молодой супругъ подвергся за что-то гнѣву Павла Петровича и долженъ былъ спасаться поѣздкою за границу. Супруги жили въ Дрезденѣ, когда вступилъ на престолъ Александръ Павловичъ. Князь счелъ долгомъ поспѣшить въ Петербургъ съ поздравленіемъ, но поѣхалъ одинъ. Княгиня Евдокія Ивановна, оставшись въ Дрезденѣ, написала ему оттуда письмо, что, такъ какъ бракъ ея былъ вынужденный, то она больше не потерпитъ совмѣстнаго житія, которое съ новымъ царствованіемъ перестало быть для нея обязательнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ она влюбилась въ молодаго храбраго гвардейца князя Долгорукова и просила у князя С. М. Голицына развода, чтобы выдти за него замужъ, но получила отказъ.

Съ этихъ поръ начинается ея самостоятельная, крайне-оригинальная, но полная умственнаго интереса жизнь.

Обстоятельсто, заставившее ее перемѣнить образъ жизни и подавшее поводъ къ названію «Ночной Княгини», относится къ ея малолѣтству. Какая-то Цыганка, гадая о судьбѣ ея, предрекла ей смерть ночью. Съ этого времени страхъ заставилъ ее бодрствовать по ночамъ. Днемъ Евдокія Ивановна обыкновенно спала, а къ ночи собирались къ ней друзья и знакомые, и она проводила съ ними время въ бесѣдахъ, особенно объ отвлеченныхъ предметахъ; а чтобы гости не скучали, разнообразила долгія бесѣды всевозможными удовольствіями, въ числѣ которыхъ физическіе и химическіе опыты играли не послѣднюю роль. Гостями въ Петербургскомъ ея домѣ бывали по большей части извѣстные ученые и писатели, и вообще у нея собирался цвѣтъ тогдашней умственной жизни. Карамзинъ называлъ ее Пиѳіей.

Какъ относились къ княгинѣ Евдокіи Ивановнѣ, видно изъ слѣдующихъ строкъ Пушкина, одно время бывавшаго постояннымъ ея посѣтителемъ:

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душею благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?
Отечество почти я ненавидѣлъ;
Но я вчера Голицыну увидѣлъ
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

Въ 1814 году княгиня обратилась къ Петербургскому дворянству съ предложеніемъ воздвигнуть въ Москвѣ памятникъ избавленію Россіи отъ иноземнаго нашествія и приготовила для этого памятника знамя, которое до сихъ поръ должно храниться въ Александроневской Лаврѣ. Отмѣнно-любопытная большая записка ея о томъ помѣщена въ XXXVI й книгѣ «Архива Князя Воронцова» (стр. 482—488).

Въ этой запискѣ она между прочимъ говорила:

Въ то время, когда Наполеонъ подвигалъ Россію къ отысканію дотолѣ неизвѣстныхъ ей способовъ, которыхъ употребить всѣхъ Россія не имѣла еще нужды, въ то время онъ бросалъ отчаянные взоры на прекрасныя страны, опустошенныя революціею, и долженъ былъ навсегда потерять мечтательную надежду истребить въ Россіи столько силы и добродѣтелей. Онъ долженъ былъ видѣть, что война, состоящая въ набѣгахъ, требуетъ безчисленныхъ издержекъ и ускоряетъ паденіе его владычества. Онъ призываетъ нынѣ мщеніе всѣхъ народовъ на злосчастную Францію, которая по своимъ заблужденіямъ болѣе достойна нашего сожалѣнія, чѣмъ ненависти. Россіяне, не упиваясь ядомъ злобы, задушили въ сердцѣ имперіи своей гидру соблазновъ и нечестія. Такавая слава превыше всякія славы; одинъ блескъ ея уничтожилъ Наполеоновы полчища, и наше непобѣдимое воинство превознесло съ торжествомъ самую побѣду. И такъ изнуренная Европа можетъ ли теперь противустать Россіи, сему юному исполину, озаренному силою и добродѣтелью, имѣющему крестъ щитомъ своимъ, и котораго ангелъ-губитель вооружаетъ крушительнымъ мечемъ своимъ? Да сохранитъ насъ Богъ отъ всякихъ внутреннихъ неустройствъ, и тогда никакая иноземная власть не возможетъ поколебать толикаго могущества. Буде же императоръ Александръ намѣренъ нынѣ спасти отъ Французскаго ига для собственнаго ихъ благополучія тѣ самые народы, которые противу насъ вооружались, то сколь славно споспѣшествовать таковымъ намѣреніямъ и послужить примѣромъ цѣлому міру!

На стѣнахъ Кремлевскихъ, тамъ, гдѣ возносилось знамя вражеское, да водрузится нынѣ сіе священное знамя во славу Христа Спасителя и въ воспоминаніе добродѣтели и торжества великаго народа Русскаго. Итакъ, основаніемъ сего христіанскаго памятника будутъ стѣны Кремлевскія, которые да возвысятся нынѣ съ новою славою, и на нихъ имена всѣхъ тѣхъ, которыя прославились воинскими или прочими знаменитыми подвигами или высокою добродѣтелью. Всѣ сіи имена, столь любезныя, столь драгоцѣнныя отечеству, будутъ вырѣзаны на бронзовыхъ доскахъ съ описаніемъ ихъ подвиговъ. Такія же бронзовыя доски останутся безъ надписей для изображенія впередъ на всякое время именъ тѣхъ, которые окажутъ дѣйствіе высокой добродѣтели или отличныхъ подвиговъ. Преисполненные таковыми чувствами будутъ всегда поддерживать силу, законы, благоустройство государства и возвеличатъ славу Россіи.

Здѣсь всѣ сословія должны быть смѣшаны. Хотя дворянство имѣетъ особенное отличіе, но какъ никакіе происки и богатство не должны бы да-

вать право на сіе возвышенное званіе, и такъ дворянство съ должнымъ уваженіемъ принимаетъ въ нѣдра свои тѣхъ, которые сіе преимущество запечатлѣли отличными заслугами и добродѣтелями... то и здѣсь имена ихъ должны быть соединены... И потому послѣдній изъ крестьянъ можетъ симъ воспользоваться. Казаки должны имѣть также сіе преимущество: они раздѣлили славу нашу и способствовали возвышенію оной и, исповѣдая одинакую вѣру, составляютъ одинъ народъ съ Россіянами.

Я предлагаю, чтобы никакое имя иностранное не являлось на семъ памятникѣ; ибо невозможно, чтобы иностранцы были движимы одинакими съ нами чувствами, и потому одинаковаго права имѣть не могутъ. Что же касается до тѣхъ, которые здѣсь поселились по какимъ-нибудь гнуснымъ видамъ своимъ, то весьма бы для насъ было счастливо, еслибы таковыхъ отечество наше навсегда отъ себя отвергло. Я не называю иностранцами тѣхъ, которые не носятъ имени Русскаго, когда они заслужили преимущество быть Русскими не только тѣмъ, что избрали своимъ отечествомъ Россію, но посвятили ей свою жизнь, свои дарованія и добродѣтели. Тогда не почитать ихъ Русскими есть обида тому народу, который долженъ гордиться ими.

Не только пламенная душа великаго поэта находила для себя живительную среду въ обществѣ княгини Евдокіи Ивановны, но и строгіе ученые того времени. Такъ въ замѣткѣ Ѳ. Н. Глинки на ея сочиненіе, помѣщенной въ Москвитянинѣ 1843 года (№ 12 стр. 538—543). разсказано, съ какимъ удовольствіемъ и какъ поучительно проводились вечера у нея. Въ числѣ другихъ гостей ея Ѳ. Н. Глинка видѣлъ математика Остроградскаго, который, кажется, былъ любимымъ ея собесѣдникомъ.

«Княгиня обнаружила такой, собственно ей принадлежащій взглядъ «на вещи, который не можетъ не показаться крайне новымъ и вмѣстѣ «справедливымъ по глубокомысленнымъ выводамъ ея. Природа основана на силахъ. Далѣе къ слову о бытіи и жизни: «Все въ природѣ жизнь и сила, ничтожества нѣтъ. Вообразимъ треугольникъ и въ немъ параллельныя одной сторонѣ линіи. Подходя къ вершинѣ, параллельныя уменьшаются, обращаясь наконецъ въ точку; но стоитъ только перевернуть треугольникъ на той же точкѣ, къ которой подходишь, и уже параллельныя постепенно возрастаютъ». Другой рецензентъ (Библіотека для Чтенія 1837 г. № 12, т. 25, отдѣлъ 6, стр. 72—74) заключаетъ о книгѣ Е. И. Голицыной: «Это замѣчательный подвигъ мышленія!»

Рѣчь идетъ о сочиненіи княгини «L'Analyse de la force» *), на которое оффиціальную рецензію написалъ извѣстный академикъ Буняковскій. Какъ строгій и точный критикъ, онъ отнесся къ сочиненію Голицыной по существу и нашелъ: «Голицына барыня умная, но въ со-

*) Анализъ силы, соч. княгини Е. И. Голицыной. Спб. 1837 года.

«чиненіяхъ своихъ, къ сожалѣнію, не обнаруживаетъ ничего математи-«ческаго. Мнѣ предписано было разсмотрѣть ея сочиненіе и сдѣлать «сообщеніе. Я поставилъ Евдокіи Ивановнѣ два вопроса, на которые «она не сумѣла дать отвѣта. Это занесено было въ протоколъ, и «математика не обогатилась новыми идеями. Сказать правду, я удру-«жилъ ей такими вопросами, на которые, увѣренъ былъ, что она не «отвѣтитъ, потому что барыня хватила чрезъ край».

Изъ сопоставленія этихъ отзывовъ можно прійдти къ заключенію, что это сочиненіе княгини Голицыной многихъ поражало смѣлостью, широтою идей, глубиною философской мысли, но что оно не выдержало строгой критики математика-академика.

De l'Analyse de la force. Spb. 1835 года. 8°. 1-ère partie du 1-er livre съ эпиграфомъ «Ангелъ Господень ополчится окрестъ боящихся его и избавитъ ихъ». 2-de partie Spb. 1837. 8°.

Второе изданіе того же сочиненія съ тѣмъ же эпиграфомъ. Три части. Изданы въ Парижѣ въ 1844—1845 годахъ.

Сенъ - Бёфъ въ предисловіи къ изданію «Valérie», баронессы Крюднеръ, называетъ княгиню Голицыну charmante princesse и сообщаетъ, что княгиня Евдокія Ивановна, послѣ прочтенія ей романа «Valérie», отъ сильнаго впечатлѣнія тотчасъ уѣхала домой, не пожелавъ остаться съ нею ужинать; баронесса къ слѣдующему разу приготовила ей окончаніе (гдѣ Густавъ воскресаетъ), чтобы только не разстроить княгиню вторично и провести съ нею весь вечеръ.

Уже совсѣмъ старухою, княгиня Голицына все еще радѣла общему благу. Свидѣтельствомъ того служитъ нижеслѣдующій:

Приказъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ. Февраля 28 дня 1850 г. № 1164.

Г. военный министръ генералъ-адъютантъ князь Чернышевъ отношеніемъ отъ 20 Февраля сего года за № 1677 меня увѣдомилъ, что по всеподданнѣйшему докладу Государю Императору записки *о денежныхъ наградахъ завѣщанныхъ покойною княгинею Евдокіею Ивановною Голицыною, въ поощреніе и воздаяніе отличной службы на военномъ поприщѣ,* четыремъ кандидатамъ изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, Его Величество изволилъ съ признательностію Высочайше одобрить благія намѣренія завѣщательницы.

При семъ генералъ-адъютантъ князь Чернышевъ препроводилъ ко мнѣ и копію съ записки объ означенныхъ наградахъ, завѣщанныхъ княгинею Голицыной. Въ запискѣ этой сказано:

1. Согласно съ желаніемъ покойной княгини Евдокіи Голицыной назначаются четыре денежныхъ награды, каждая по 6857 рублей серебромъ, въ поощреніе и воздаяніе отличной службы на военномъ поприщѣ.

2. Для полученія сихъ наградъ избираются изъ четырехъ кадетскихъ корпусовъ, какіе будутъ назначены Его Императорскимъ Высочествомъ, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, по одному кадету, преимущественно изъ сиротъ, или дѣтей родителей недостаточнаго состоянія, православной вѣры, которые, при выпускѣ въ 1850 году, получатъ болѣе баловъ за поведеніе и успѣхи въ наукахъ.

3. Избранные кандидаты, поступивъ на службу, пользуются съ завѣщаннаго капитала процентами, доколѣ службою, или особыми военными подвигами, не пріобрѣтутъ правъ на полученіе капитала.

4. Право на полученіе капитала пріобрѣтается:

a) Безпорочною службою, награжденною орденомъ Св. Георгія за 25 лѣтъ.

b) Подвигами храбрости, награжденными шпагою или саблею за храбрость или орденомъ.

c) Полученными въ сраженіи ранами, хотя бы по причинѣ ихъ кандидатъ долженъ перейти въ гарнизонъ или отставку.

5. Если кандидатъ, находясь въ сраженіи, будетъ убитъ, или, получивъ раны, умретъ отъ нихъ, то на полученіе капитала имѣютъ право жена и дѣти, если таковыя будутъ.

6. Право кандидата на полученіе пенсіи и капитала прекращается, если онъ, не оказавъ ни одного изъ подвиговъ въ ст. 4.,

a) Оставитъ службу. b) Подвергнется взысканію по суду. c) Умретъ.

Во всѣхъ сихъ случаяхъ право на полученіе капитала переходитъ на новаго кандидата, который избирается изъ отличнѣйшихъ кадетъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ по назначенію Его Императорскаго Высочества и согласно съ 2-ю статьею сихъ правилъ—и

7. Пожертвованныя на сіи награды суммы, отправляются въ С.-Петербургскую Сохранную Казну подъ названіемъ: *вклады княгини Евдокіи Голицыной, для награжденія за службу и подвиги на военномъ поприщѣ.* Четыре билета на сіи вклады хранятся въ штабѣ главнаго военно-учебнаго управленія, отъ котораго зависитъ употребленіе пожертвованныхъ суммъ, сообразно съ сими правилами.

Назначая завѣщанныя княгинею Голицыной награды воспитанникамъ, имѣющимъ быть выпущенными въ семъ 1850 году изъ кадетскихъ корпусовъ: 1-го, 2-го, Павловскаго и 1-го Московскаго, на точномъ основаніи предсмертной воли завѣщательницы, объявляю о семъ по военно-учебнымъ заведеніямъ съ тѣмъ, чтобы отличія и условія каждаго изъ сихъ четырехъ воспитанниковъ были послѣ выпускнаго экзамена обсуждены въ совѣтѣ о военно-учебныхъ заведеніяхъ, по

представленіямъ воспитательныхъ комитетовъ означенныхъ четырехъ корпусовъ. Подписалъ: генералъ адъютантъ Александръ.

Съ подлиннымъ вѣрно: начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Ростовцевъ.

*

Княгиня Голицына скончалась 18 Января 1850 года, проживъ безъ малаго 70 лѣтъ. Прахъ ея покоится въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской Лаврѣ, на лѣвой сторонѣ, первая плита и памятникъ небольшой. Обращаетъ на себя вниманіе надпись: «Прошу православныхъ «Русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы «услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для «сохраненія духа Русскаго»

Съ молитвою о духѣ Русскомъ оставила княгиня Евдокія Ивановна этотъ міръ. Пусть каждый, кому дорого сохраненіе «духа Русскаго», помянетъ эту замѣчательную женщину.

Приводимъ имена извѣстныхъ намъ фельдфебелей выпущенныхъ кадетскихъ корпусовъ въ полки Лейбъ-Гвардіи прапорщиками и воспользовавшихся завѣщаніемъ княгини Голицыной:

1-го Кадетскаго корпуса Петрушевскій въ Лейбъ-Гвардіи Литовскій полкъ. 2-го кадетскаго корпуса – Трамбецкій, въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ. Павловскаго кадетскаго корпуса, Лѣсниковъ, въ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскій и 1-го Московскаго кадетскаго корпуса Ежовъ въ Лейбъ-Гваріди Гренадерскій полкъ.

Насколько намъ извѣстно, одинъ изъ нихъ и понынѣ живъ и состоитъ на службѣ командиромъ 4-го армейскаго корпуса. Это генералъ-лейтенантъ Петрушевскій.

С. Д.

ОСТРОЕ СЛОВО К. В. ЧЕВКИНА.

К. В. Чевкинъ, человѣкъ большаго ума, великаго трудолюбія и обширныхъ познаній, былъ очень малаго роста и притомъ горбатъ. (Его называли ежомъ въ мундирѣ.) Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода (Рязанской губерніи, Ряжскаго уѣзда), своимъ возвышеніемъ обязанъ онъ былъ собственнымъ трудамъ и дарованіямъ, и конечно кололъ собою глаза многимъ дѣятелямъ, занимавшимъ важныя мѣста главнѣйше потому, что они знатны и богаты. Въ 1829 году Чевкинъ былъ присланъ графомъ Дибичемъ съ донесеніемъ къ Государю объ Адріанопольскомъ мирѣ. Онъ дожидался, когда его позовутъ въ царскій кабинетъ. Увидѣвъ его, кто-то изъ сановниковъ имѣлъ неосторожность сказать: Pourquoi laisse-t-on entrer ici un Ésope? До Чевкина долетѣли эти слова, и онъ мгновенно подошелъ къ остряку и отвѣчалъ: C'est pour faire parler les bêtes, monsieur le comte *).

*) Зачѣмъ пускаютъ сюда Эзопа?—Чтобы заставить говорить животныхъ, ваше сіятельство.

какого-то Орловскаго канцеляриста, по пріѣздѣ, остановился у извѣстнаго стряпчаго Григорьева, великаго поклонника Бахусу, который началъ его образованіе тѣмъ, что повелъ въ Кремль взглянуть на Ивана Великаго, царь-пушку и большой колоколъ. Проходя по Тверской мимо трактира мадамъ Шню, Григорьевъ приказалъ Корнильеву подождать его на улицѣ, а самъ забѣжалъ въ трактиръ выпить рюмку водки. По возвращеніи Григорьева, юноша спросилъ его, что̀ это за домъ, куда заходилъ онъ.—«Домъ сумасшедшихъ», возразилъ безъ запинки Корнильевъ.—«Да какъ же васъ оттуда выпустили?» Боборыкинъ узналъ объ остромъ отвѣтѣ мальчика и взялъ его на свое попеченіе. Бѣднякъ удачнымъ словомъ проложилъ себѣ дорогу, а то, можетъ-быть, и долго прошатался бы безъ опредѣленія на службу.

2 Мая, Середа. Вчера прошатался цѣлый день на гуляньѣ въ Сокольникахъ и видѣлъ почти всѣхъ знакомыхъ. Что-то многіе опять начинаютъ толковать о войнѣ, а нѣкоторые и нетерпѣливо ея желаютъ. Въ палаткѣ главнокомандующаго было пропасть гостей, но самъ онъ не былъ, по случаю нездоровья. Поѣздъ графа Орлова также былъ наряденъ, какъ и въ прошломъ году; но въ нынѣшній разъ онъ не сдѣлалъ на меня такого уже впечатлѣнія: люди одни и тѣже, одинъ и тотъ же порядокъ и тоже убранство; самыя лошади тѣже; впрочемъ ко всему присмотрѣться можно, даже со временемъ и къ жизни. Nil admirari. Это, можетъ-быть, и очень покойно, но чтобъ весело было—не думаю. Въ палаткѣ Е. Е. Ренкевича дымъ коромысломъ: весь городъ, начиная отъ губернатора и оберъ-полицеймейстера до вральмана Бородулина. Кушаютъ мороженое, пьютъ Шампанское и закусываютъ бисквитами. Не токмо всякому приходящему, но и мимо-идущему предлагается чашка чаю, рюмка вина, или какое-нибудь лакомство. Палатка Ренкевича точно пріемная трапеза какого-нибудь древняго болярина: милости просимъ всякаго безъ разбора.

Ренкевичъ сказывалъ, что тесть его, Пашковъ, великій охотникъ до разныхъ рѣдкихъ птицъ, получилъ недавно изъ Англіи пару черныхъ лебедей, которые въ самой Англіи считаются еще рѣдкостью; они привезены чуть ли не изъ Австраліи, а теперь плаваютъ по садовому пруду противъ дома Пашкова *), на Моховой, гдѣ всякій день можно ихъ видѣть. Завтра непремѣнно взгляну на нихъ.

Мамзель Соломони-старшая, которая такъ хорошо играетъ на скрипкѣ, выходитъ замужъ за извѣстнаго каретника купца Петрова,

---

*) Этотъ домъ, нынѣ Румянцевскій Музей, изящнѣйшее зданіе въ Россіи, принадлежалъ въ 1793 году гвардіи капитанъ-поручику Петру Егоровичу Пашкову (см. „Указатель Москвы“ 1793). Имя геніальнаго зодчаго и время постройки намъ неизвѣстны. П. Б.

который получилъ недавно золотую медаль на голубой лентѣ, мимо всѣхъ медалей низшаго класса. Чтó сдѣлалъ этотъ Петровъ и какія оказалъ услуги—это для меня покрыто мракомъ неизвѣстности; но знаю только, что онъ будетъ имѣть хорошенькую, умную и талантливую жену, и что я буду пировать у него на свадьбѣ, потому что всѣ Соломони меня приглашали. Младшей я не совѣтовалъ бы выходить замужъ, чтобъ не потерять прекрасный, рѣдкій талантъ, который требуетъ еще развитія; а оно едва-ли возможно при домашнихъ хлопотахъ и заботахъ супружеской жизни. Я увѣренъ, что старшую сестрицу черезъ годъ мы не узнáемъ: забудетъ скрипку и фортепьяно, обопьется чаю, растолстѣетъ, облѣнится—и мамзель Соломони поминай какъ звали! Итальянская Сильфида превратится въ жирную купчиху.

6 Мая, Воскресенье. Сейчасъ со скачки. Скакало восемь лошадей; выигралъ рыжій жеребецъ *Витязь*, принадлежащій Мосоловымъ и собственнаго ихъ завода. Славная лошадь! Отъ *Юби*. По окончаніи перваго гита, когда стали взвѣшивать ѣздока и обтирать лошадь, графъ Орловъ сходилъ съ эстрады и долго любовался побѣдителемъ. Послѣ перескачки, которую Витязь опять выигралъ легко, графъ Орловъ подозвалъ къ себѣ Мосоловыхъ и поздравлялъ ихъ. Сказывали, что онъ только съ ними держитъ заклады на деньги, съ другими же охотниками бьется на одни калачи. Братья Мосоловы очень умные люди, знающіе охотники и ведутъ дѣла свои аккуратно. И въ этотъ разъ Цыгане также пѣли и плясали, а напослѣдокъ былъ и кулачный бой. Побѣдителемъ явился курятникъ изъ Охотнаго Ряда *Сычовъ*, съ трехъ ударовъ уничтожившій своего противника. Ему накидали денегъ чуть не полную шляпу и поили виномъ; но и побѣжденный не былъ забытъ: достались и ему пригоршни двѣ серебряныхъ рублей. Князь Хилковъ, секретарь скачекъ, сказывалъ, что Цыгане записаны были прежде крѣпостными крестьянами графа Орлова и единственно его попеченію обязаны были тѣмъ, чѣмъ теперь сдѣлались; а до того времени были, какъ и всѣ кочующіе Цыгане, просто гадки. Графъ, по возращеніи уже изъ чужихъ краевъ, даровалъ имъ свободу и записалъ въ мѣщане.

8 Мая, Вторникъ. Нынѣшнею ночью былъ такой морозъ, что хоть бы въ Октябрѣ. Думаю, что пострадаютъ всѣ фруктовыя деревья, и Москва останется безъ яблокъ, грушъ и вишенъ.

Вчера ѣздилъ въ Русскій театръ. Давали «Наталью, боярскую дочь», Глинки. Я скучалъ и зѣвалъ: никакъ не могу привыкнуть къ этимъ драмамъ, взятымъ изъ повѣстей Карамзина. Эти повѣсти сами

по себѣ восхитительны, а на сценѣ до крайности утомительны и скучны. Отчего же? Право не понимаю. Кромѣ неискусства передѣлывателей, должна быть и еще какая-нибудь другая причина. И «Лиза» Ѳедорова скучна, а «Наталья», по моему, еще скучнѣе. Персонажи всѣ на ходуляхъ, несутъ такую пошлость, что мочи нѣтъ. Какой-то острословъ попотчивалъ автора эпиграммою, которую повторяютъ всѣ, хотя она вовсе не задорна:

„Наталью“ видѣлъ ли?—„Изрядная новинка“.
„Фарфоръ или фаянсъ?—„О нѣтъ, простая глинка“.

Я небольшой охотникъ до эпиграммъ, но не люблю ничего неестественнаго и напыщеннаго, не люблю этихъ сценическихъ проповѣдей, которыя никого не трогаютъ и не исправляютъ. Вотъ, напримѣръ такъ драма: «Отецъ семейства», въ которой такъ превосходенъ Померанцевъ. Нравоученіе проистекаетъ изъ дѣйствія и потому трогаетъ и врѣзывается въ душу. Морализировать на сценѣ безполезно: не будешь моралистомъ лучше Соломона и Сираха. Кто захочетъ учиться, тотъ будетъ читать ихъ, а нашимъ драматургамъ и во снѣ не мечталось такого знанія сердца человѣческаго.

14 Мая, Понедѣльникъ. Сегодня опять скачка. Какъ ни хочется видѣть ее, но я не поѣду: Петербургскіе гости мои прибыли и завтра отправляются въ Липецкъ; а сегодня повезу ихъ въ Нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ маленькую оперу «Der Schatzgräber». Послѣ спектакля иллюминація въ саду, воксалъ и балъ.

Иванъ Николаевичъ *) проѣхалъ на дняхъ, а длинный Иванъ Кузьмичъ давно уже распоряжается на водахъ. Я выѣду дней черезъ десять въ деревню, а оттуда вмѣстѣ съ своими въ Липецкъ. Альбини сказывалъ, что опредѣленіе мое послѣдуетъ непремѣнно чрезъ мѣсяцъ, а много, недѣль чрезъ шесть. Эйнбродтъ хлопочетъ, и тесть его, почтенный Гасконецъ Лабатъ, не даетъ ему покоя. Добрые люди! Къ 10-му будущаго мѣсяца пришли мнѣ въ Липецкъ одного Дурака, какого хочешь—для меня все равно, а за это вотъ тебѣ вчерашній анекдотъ.

Алябьевъ, поссорившись за картами съ Яковлевымъ, вызвалъ его на дуэль. «А на чемъ ты хочешь драться?» спросилъ послѣдній. «Разумѣется, на сабляхъ» отвѣчалъ Алябьевъ.—«Не могу».—«Почему же не можешь? Я обиженъ и имѣю право назначать оружіе».—«Воля твоя, не могу».—«Ну, такъ на шпагахъ».—«О, ни за что́ не могу! Я наслѣдовалъ отъ короля Іакова I-го, отъ имени котораго фамилія моя происходитъ, врожденную антипатію къ обнаженному оружію, и не

*) Новосильцовъ, директоръ Липецкихъ водъ. П. Б.

могу смотрѣть на него». Всѣ засмѣялись, Алябьевъ также—и Шампанское примирило противниковъ.

18 Мая, Пятница. Вотъ послѣднее мое донесеніе и послѣднія сплетни изъ Москвы. Не хотѣлось и пера брать въ руки, а пришло время ложиться спать, такъ и потянуло къ конторкѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ. Альбини сказывали, что въ Петербургѣ только и разговоровъ чтó о войнѣ, и думаютъ, что фельдмаршалъ графъ Каменскій будетъ начальствовать войсками. Въ Петербургскомъ обществѣ господствуетъ самый воинственный духъ и явное нерасположеніе къ Французамъ. Это замѣтно, кажется, еще болѣе здѣсь. Тѣ охотники до новостей, которые не разъѣхались еще по деревнямъ, бѣгаютъ, рыщутъ и толкуютъ о какомъ-то проектѣ для составленія многочисленной арміи. Я слышалъ, что всѣ отставные генералы и офицеры, бывшіе нѣкогда въ походахъ и сраженіяхъ, будутъ приглашены вступить опять въ службу. И. И. Дмитріевъ утверждаетъ, что Государь не допуститъ Россію до униженія и, во чтò бы ни стало, начнетъ новую борьбу съ Наполеономъ; но, впрочемъ, говоритъ: «заботиться нè о чемъ; нужна только довѣренность къ правительству». Онъ совѣтовалъ мнѣ заняться въ деревнѣ чѣмъ-нибудь серьёзнымъ. Я самъ давно объ этомъ думалъ и рѣшился приступить къ сочиненію трагедіи. Сюжетъ у меня есть: изъ исторіи древнихъ Персовъ. Имя героя громкое—«Артабанъ». Иной насмѣшникъ превратитъ его въ барабанъ; но къ этому готовиться должно, и насмѣшекъ не избѣжишь. Впрочемъ, надобно точно написать что-нибудь путное, чтобъ было съ чѣмъ пріѣхать въ Петербургъ. Рекомендательныхъ писемъ у меня будетъ немного, и тѣ, которые на нихъ вызывались прежде, вѣроятно, откажутся, когда придется приняться за перо. Но пусть будетъ, чтò будетъ: во всякомъ случаѣ, лучше надѣяться на себя. Петръ Ивановичъ радуется моей рѣшимости и увѣряетъ, что трагедія выдетъ превосходная. Добрая душа! Онъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что мы скоро разстанемся; и въ случаѣ, еслибъ я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ одинъ, то непремѣнно хочетъ проводить меня и пожить со мною хотя недѣльку въ новомъ городѣ.

Былъ въ Иславскомъ у И. П. Архарова: веселый пріютъ! Чтò за добрѣйшее семейство! Радушно, привѣтливо, ласково, а о гостепріимствѣ нечего и толковать. Кокошкинъ снаряжаетъ у нихъ домашній спектакль—драму «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», и самъ играть будетъ Мейнау. Предлагали мнѣ роль простяка Петруши, да мнѣ не до того: рѣчь идетъ о подмосткахъ другаго рода. Славное село подмосковное Иславское! Вопервыхъ, на рѣкѣ, садъ боярскій, аллеи съ трехъ

концовъ, оранжереи и пропасть разныхъ затѣй. Иванъ Петровичъ обѣщалъ мнѣ дать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нѣкоторымъ Петербургскимъ своимъ знакомымъ: надѣюсь, что они не будутъ заключать въ себѣ такой же рекомендаціи, какою снабдилъ онъ одного своего сосѣда. Вотъ она:

«Любезный другъ Петръ Степановичъ! Добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дуракѣ: запиши его въ свою канцелярію и, при случаѣ, не оставь наградить чинкомъ или двумя, если захочешь—мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому-что онъ его не стоитъ; да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей».

Вслѣдствіе этой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина.

23 Мая, Среда. О высылкѣ Дурака я къ тебѣ писалъ, но совсѣмъ забылъ упомянуть о ружьѣ: снабди меня своимъ широкодульнымъ старбусомъ.

«Впродолженіе шести недѣль мы видѣлись съ Дарьею Егоровною ежедневно» говорилъ Граве: «вмѣстѣ играли, рѣзвились, шутили, болтали всякій вздоръ, а я ни разу не замѣтилъ, чтобъ она когда-нибудь покраснѣла».—«И немудрено» отвѣчалъ старикъ Рѣдькинъ: «она до сихъ поръ едва-ли знаетъ, когда ей краснѣть должно».

Сказано умно и справедливо: для невинной души все невинно.

Я завтра выѣзжаю и, къ сожалѣнію, одинъ. Прошлогодніе товарищи мои сбились съ толку: Литхенсъ публиковалъ свой отъѣздъ въ чужіе края; да я увѣренъ, что онъ не поѣдетъ,

Потому-что очарованъ
И къ ногамъ ея прикованъ;

а на Ѳедора Павловича нашла страсть заниматься въ своей экспедиціи. «Mais de quoi s'occupe-t'on chez vous?» спросилъ его Затрапезный. «Mais on ne fait rien, ou on fait des riens» отвѣчалъ Граве, и это, кажется, сущая правда. Спасибо, что не умничаетъ подобно другимъ, которые, переписавъ какую-нибудь бумагу, думаютъ, что они уже предѣловые люди, на которыхъ должно быть обращено вниманіе цѣлой Россіи.

29 Мая, Вторникъ. Тула городокъ—Москвы уголокъ. Это также справедливо, какъ справедливы большею частью и всѣ народныя замѣчанія и поговорки. Тула точно можетъ назваться Замоскворѣчьемъ,

по своимъ каменнымъ зданіямъ, красивымъ улицамъ, по движенію на нихъ народа, по своей торговлѣ и промышенности; одинъ оружейный заводъ стòитъ иного города. Я ходилъ взглянуть на этотъ заводъ. Начальникъ его, генералъ Чичеринъ, ласковый и привѣтливый, далъ мнѣ въ проводники заводскаго ńристава, Капитона Карловича Шультена, который все показалъ мнѣ въ подробности и обстоятельно, старался меня вразумить въ заводское производство. На заводѣ встрѣтилъ и директора П. Г. Цвиленева. Онъ, между прочимъ, сказывалъ, что мастеровые, работающіе на этомъ заводѣ, составляютъ какую-то особенную касту, такъ что всякаго изъ нихъ всегда отличить можно отъ другихъ мастеровыхъ по ухваткамъ, походкѣ и по образу изъясненія. Цвиленевъ утверждалъ, что Тульскіе оружейники отличаются неимовѣрною бойкостью въ поведеніи и смышлёностью въ своемъ дѣлѣ, необыкновенно понятливы и переимчивы: имъ стòитъ одинъ разъ только взглянуть на какую бы то ни было вещь, чтобъ ее сдѣлать; но за то съ ними надобно умѣть ладить и держать ухо востръ̀, иначе тотчасъ сядутъ тебѣ на голову. «Конечно», присовокупилъ Цвиленевъ, «они не дошли еще до степени плутовства Вошанскихъ ямщиковъ *), однакожъ есть изъ нихъ такіе, которые, какъ говорится, въ одно ухо влѣзутъ, а въ другое вылѣзутъ, такъ что и не услышишь. Такъ, поэтому, не даромъ одинъ проѣзжій, выведенный, видно, изъ терпѣнія медлительною починкою своего экипажа и вынужденною за нее огромною платою, написалъ къ нимъ на стѣнѣ *общественнаго* трактира, гдѣ я останавливался, слѣдующія вирши:

О вы мастеровые Тулы!
Вы настоящія акулы.
Мнѣ съ вами времени и деньгамъ лишь изъянъ.
Всѣ молодцы вы на посулы,
А только смòтрите въ карманъ. В. Б—ъ.

Желалъ бы я знать, кто этотъ В. Б—ъ, и подозрѣваю близкаго сосѣда. Нѣкоторые купцы, давно знакомые съ нашимъ домомъ, приглашали меня къ себѣ и, между прочимъ, знаменитый нѣкогда торговецъ лошадьми и поставщикъ ихъ ко двору, старикъ Гаврило Рожковъ, котораго я посѣтилъ съ удовольствіемъ, пилъ у него чай и пуншевалъ съ нимъ. Въ благодарность за *компанію*», какъ онъ выразился, «и въ воспоминаніе моего дѣтства» подарилъ онъ мнѣ прекрасную старинную Голландскую картину, изображающую конный заводъ, и заставилъ стар-

*) Село Вошаны, близъ Тулы, извѣстное въ тогдашнее время удалыми и плутоватыми своими ямщиками. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

шаго сына Ивана тряхнуть стариной, то есть, спѣть нѣсколько Русскихъ пѣсенъ. Этотъ сынъ его, Иванъ, проживавшій прежде по торговлѣ своей въ Петербургѣ, былъ славенъ въ свое время прекраснымъ голосомъ. Онъ до такой степени былъ мастеръ пѣть Русскія пѣсни, что вошелъ въ пословицу: «поетъ какъ Рожковъ», говорили про пѣвца, котораго похвалить хотѣли. По этому случаю многія знатныя особы приглашали его на Аѳинскіе вечера; онъ бывалъ еженедѣльно у кн. Безбородко или у пріятельницы его, которая послѣ вышла замужъ за статскаго совѣтника Ефремова. Но даръ пѣсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главнымъ были необыкновенныя удальство и смѣлость, которыя доставили ему покровительство тогдашнихъ знаменитыхъ гулякъ, графа В. А. Зубова и Л. Д. Измайлова. Они держали за него извѣстный огромный закладъ, въ тысячу рублей, состоявшій въ томъ, что Рожковъ верхомъ на Сибирскомъ своемъ иноходцѣ взъѣдетъ въ четвертый этажъ одного дома въ Мѣщанской; и Рожковъ не только взъѣхалъ, но, выпивъ залпомъ бутылку Шампанскаго не слѣзая съ лошади, тою же лѣстницею съѣхалъ обратно на улицу. Тысяча выигранныхъ рублей были наградою Рожкову. Бѣдный Иванъ Гавриловичъ не можетъ забыть этого подвига и, несмотря на свои 45 лѣтъ и почти лысую голову, съ такимъ энтузіазмомъ описываетъ прелести гостепріимной Аспазіи, что невольно возбуждаетъ въ васъ любопытство. «Когда я взъѣхалъ къ ней въ фатеру, окружили меня гости, особъ до десяти будетъ, да и кричатъ: «Браво, Рожковъ! Шампанскаго!» И вотъ ливрейный лакей подаетъ мнѣ на подносѣ налитую рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила не поморщась, примолвивъ: «Это за твое здоровье, а тебѣ подадутъ цѣлую бутылку».

Здѣшній губернаторъ Н. П. Ивановъ человѣкъ преобходительный, и его очень любятъ; а прокуроръ Василій Петровичъ Гурьевъ человѣкъ чрезвычайно свѣтскій и большой острякъ. У него жена красавица, очень образована и, кажется, большая кокетка. Мнѣ случилось обѣдать съ ними у губернскаго предводителя князя Петра Сергѣевича Вадбольскаго, тестя Александра Матвѣевича Муромцова, содержателя нынѣшней въ Москвѣ Нѣмецкой труппы: предобрый и прекрасный человѣкъ, очень сожалѣетъ, что зять его взялся не за свое дѣло.

4 Іюня, Понедѣл. С. Ивановское. Сижу себѣ на балконѣ да почитываю разсужденіе Шлёцера «О причинахъ безпрерывно возрастающей въ Россіи дороговизны на произведенія сельскаго хозяйства и о средствахъ къ ограниченію возвышенія на нихъ цѣнности». Вотъ, думаю, еслибъ я прочиталъ это разсужденіе до покупки своихъ винныхъ за-

пасовъ, то не спрашивалъ бы, отчего Русское вино возвысилось въ цѣнѣ наравнѣ съ Французскимъ. Причины, изложенныя профессоромъ, по моему, основательны; но справедливы ли предлагаемые способы къ отвращенію возвышенія цѣнъ на наши продукты—этого рѣшить не умѣю. Я слышалъ, что министръ коммерціи, графъ Румянцовъ, не того мнѣнія, чтобъ изыскивать средства къ уменьшенію цѣнности на произведенія сельскаго хозяйства, а напротивъ, радуется, если цѣны на нихъ возвышаются; потому что тогда, говоритъ онъ, оплачивается трудъ сельскаго хозяина, помѣщика или крестьянина—все равно, а сверхъ того возвышается и цѣна на земли. П. С. Молчановъ отзывается о графѣ Румянцовѣ, какъ о необыкновенно-умномъ и просвѣщенномъ человѣкѣ и, сверхъ того, настоящемъ патріотѣ.

У насъ дымъ коромысломъ отъ сборовъ въ Липецкъ. Одинъ обозъ отправили, другой отправляется завтра, а сами выѣдемъ 8 или 9 числа. Еслибъ не совѣстно было оставить домашнихъ, я бы полетѣлъ сейчасъ.

Есть у насъ сосѣдка Пелагея Петровна Владыгина, мать моего соученика, тоторый отличался въ пансіонѣ талантомъ рисованія. Она изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, но такая хозяйка, какихъ нескоро встрѣтить можно. Доходы получаетъ огромные, а между тѣмъ крестьяне въ наилучшемъ положеніи, и сама живетъ барынею, не скряжничая. Я удивился, когда взглянулъ на ея хозяйство: рогатаго скота много, и весь претучный; мелкаго также пропасть; при мнѣ загоняли птицу: вереницѣ гусей нѣтъ конца, утокъ стадà, а индѣекъ и куръ, право, столько же, сколько на гумнѣ воробьевъ. Есть у ней про добраго гостя и бутылка хорошаго вина, и Московское пивцо, и домашнее Шампанское изъ смородины—словомъ, все есть въ лучшемъ видѣ; а едва ли она знаетъ грамотѣ. Мнѣ приходитъ иногда въ голову: на чтò же эта грамота?

14 Іюня, Четвергъ, Липецкъ. Какъ ни хотѣлось мнѣ скорѣе быть въ Липецкѣ, но я въѣхалъ въ него съ какимъ-то стѣсненіемъ сердца. Мы остановились попрежнему въ домѣ Вишневскихъ, и я попрежнему занялъ туже прошлогоднюю свою камору, только на этотъ разъ одинъ и не такъ уже радостенъ:

Нѣтъ ни Литхенса, ни Граве,
Да и самъ я весь не свой:
Все мечтается о славѣ,
Путь къ безсмертью предо мной.
Голова моя въ туманѣ;
Мысль одна: объ „Артабанѣ".

Кромѣ шутокъ, я желалъ бы написать что-нибудь путное; но едва ли удастся, потому что предвижу развлеченія безпрерывныя. Впрочемъ, увидимъ: трудъ не пойдетъ на ладъ, такъ мы его и бросимъ.

Ежедневное наше общество составляютъ И. Н. Новосильцовъ съ неотлучнымъ своимъ Иваномъ Кузьмичомъ, который также комплиментируетъ по прошлогоднему; Ѳ. Ѳ. Кернъ, одинъ изъ героевъ Прагскаго штурма, прекрасный человѣкъ, умный оригиналъ съ Сократовской физіономіей; М. К. Рѣдькинъ, Ив. Егор. Штейнъ, И. Н. Лодыгинъ и Альбини. Домашніе мои утромъ ѣздятъ къ водамъ, но я не ѣзжу; за то вечеромъ являюсь въ галлерею на отдыхъ отъ борьбы съ Персидскимъ моимъ пострѣломъ и на болтовню съ милыми знакомками.

20 Іюня, Середа. Мы только что возвратились съ Штейномъ съ охоты. Трое сутокъ прорыскали въ полѣ верстъ за 20 отъ Липецка, за крупною полевою дичью: стрепетами, драхвами, дикими гусями и журавлями. Брали съ собою большихъ ястребовъ, которые чрезвычайно насъ тѣшили. Привезли всякой птицы чуть не цѣлый возъ; словомъ, веселились напропалую.

А между тѣмъ и «Артабанъ» мой помаленьку подвигается впередъ. Остовъ готовъ, надобно облекать его въ тѣло и кожу. И съ этимъ надѣюсь сладить; но буду ли умѣть вдохнуть въ него душу—это дѣло другое.

Пріѣхавшій губернаторъ Д. Р. Кошелевъ получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ всѣ продолжаютъ толковать о войнѣ и что приготовленія къ ней дѣлаются въ огромныхъ размѣрахъ. Ему даютъ чувствовать, чтобъ онъ былъ дѣятельнѣе и, на всякій случай, предупредилъ помѣщиковъ своей губерніи, отъ которыхъ, вѣроятно, потребуются, по важности случая, многія пожертвованія. Все это не новость, потому что и въ Москвѣ только о томъ и толку, и всѣ желаютъ войны; но жаль одного, что Москва, кажется, лишится добраго своего начальника, который рѣшительно проситъ увольненія. Если это случится, то послѣдуютъ и другія перемѣны во властяхъ, которыя для ней чувствительны быть могутъ.

25 Іюня, Понедѣльникъ. Губернатору данъ былъ въ галлереѣ великолѣпный обѣдъ по подпискѣ. Общій угодникъ Пріори распоряжался мастерски, и ни въ чемъ не было недостатка. Мы заплатили по 5 рублей съ персоны и проводили почетнаго гостя съ честью. Онъ поѣхалъ въ Лебедянскій уѣздъ осматривать деревню, которую купить намѣренъ, сельцо Кузьминку, принадлежащее Петру Петровичу Бибикову; оно будетъ продано съ аукціона за долги. Имѣніе устроенное и отличное во всѣхъ отношеніяхъ. Я бывалъ въ Кузьминкѣ еще въ дѣтствѣ и помню прекрасное ея мѣстоположеніе и барскій домъ.

Жду не дождусь своего опредѣленія въ службу. Альбини утверждаетъ, что непремѣнно все скоро сдѣлается и чтобъ я не тревожился; но, зная, что man versucht in der Welt so manches und es gelingt einem nicht *), не могу не тревожиться. Хорошо, что есть еще добрые люди, которые пекутся обо мнѣ, какъ родные, и почитаю великимъ счастіемъ, что ѣду въ Петербургъ не одинъ, а съ Альбини, и что есть уже у меня тамъ знакомое семейство старика Лабата; а то, пожалуй, пришлось бы сказать вмѣстѣ съ Бородулинымъ:

Пріѣхалъ въ городъ новый.
Ну, точно лѣсъ сосновый,
И запахъ непріятный.
Какой народъ невнятный!

Я встрѣтилъ старика Сазонова, который коротко былъ знакóмъ съ преосвященнымъ Тихономъ Задонскимъ. Онъ много разсказывалъ о подвигахъ святителя, о его трудахъ, смиреніи, кротости и милосердіи. Сазоновъ говорилъ, что преосвященный былъ простосердеченъ, какъ дитя, и что онъ не допускалъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ обмануть его или солгать передъ нимъ. Живя въ Задонскѣ на покоѣ, онъ не имѣлъ никакихъ доходовъ и былъ бѣденъ; однакожъ никто изъ нищей просящей братіи не отходилъ отъ него, не получивъ чего-нибудь: если не имѣлъ денегъ, то давалъ просвиру, ломоть хлѣба, лоскутъ холстины или сукна; а однажды, зимою, отдалъ одному юродивому свое полукафтанье, чтобъ сколько-нибудь согрѣть бѣдняка. Преосвященный Симонъ Рязанскій былъ другомъ Тихона и нерѣдко снабжалъ его многими вещами для раздачи бѣднымъ. *Таковъ подобаше намъ архіерей!*

30 Іюня, Субота. Вотъ примѣръ дружбы въ прежнее время. Въ 1771 году двадцати-трехлѣтній маіоръ, красавецъ Александровъ, женился по любви и противъ воли родителей своихъ на дочери небогатаго помѣщика Чирикова. Молодые супруги жили счастливо цѣлый годъ, т.-е до тѣхъ поръ, покамѣстъ было чѣмъ жить; но небольшія средства ихъ скоро истощились; наступило время жестокой нужды, тяжкихъ заботъ и лишеній всякаго рода; а между тѣмъ Богъ даровалъ имъ дочь, и недостатокъ въ потребностяхъ жизни сталъ еще ощутительнѣе. Горе овладѣло юною четою, а отъ сильнаго горя до тяжкой болѣзни одинъ шагъ. Молодая женщина занемогла; мужъ не зналъ, чтò дѣлать; писалъ къ отцу и къ матери, умолялъ ихъ о пособіи, но письма оставались безъ отвѣта. Къ кому прибѣгнуть и на чтó рѣшиться въ такой крайности? Вступить опять въ службу не было случая; да и могъ ли служить онъ, вовсе не зная службы? Чины получалъ онъ, жи-

*) На свѣтѣ дѣлаются разныя попытки, и кое-кому не удаются.

вучи дома, будучи еще въ пеленкахъ записанъ сержантомъ гвардіи въ Преображенскій полкъ; лѣтъ черезъ восемнадцать произведенъ въ прапорщики и тотчасъ выпущенъ въ армію капитаномъ, а чрезъ годъ уволенъ отъ службы съ чиномъ секундъ-маіора. Дѣлать онъ ничего не умѣлъ, а женитьба противъ воли родителей лишила его уваженія и всякаго довѣрія въ цѣлой губерніи. Словомъ, положеніе Александрова было безвыходное и ужасное.

Но вотъ бывшій школьный его товарищъ и другъ Нетунахинъ, служившій въ Петербургѣ въ генералъ-прокурорской канцеляріи и очень любимый начальствомъ за свою грамотность, расторопность по службѣ и незазорное поведеніе, узнавъ о бѣдственномъ состояніи Александрова, выпросилъ себѣ кратковременный отпускъ и отправился въ Тамбовскую губернію навѣстить своего друга. Онъ нашелъ его въ отчаяніи, а жену изнемогавшую отъ изнурительной болѣзни. «Милые друзья мои», сказалъ онъ имъ, «не время разсуждать намъ о причинахъ бѣдственнаго вашего положенія: прошедшее невозвратимо; но вспомните, что отчаяніе смертный грѣхъ и что у Бога милости много. Вотъ нѣсколько сотенъ рублей, скопленныхъ мною на дѣятельной службѣ. Ты, Петръ, начни съ того, чтобъ поскорѣе добыть все нужное для больной жены твоей и бѣдной малютки: эти хлопоты тебя разсѣятъ. А вы, сударыня, вмѣсто того, чтобъ день и ночь крушиться и плакать, займитесь, хотя чрезъ силу, маленькимъ хозяйствомъ вашимъ: устройте такъ, чтобъ мы въ свое время пили чай, обѣдали и ужинали; а тамъ, недѣльки черезъ двѣ, когда Богъ порадуетъ меня вашимъ спокойствіемъ, я предложу вамъ средство избавиться навсегда отъ зависимости нуждъ и всѣхъ скорбей, которыя неразлучны съ ними. Итакъ, за дѣло! Что́ было, то прошло; что́ будетъ—увидимъ».

Сказано—сдѣлано. На деньги, данныя Нетунахинымъ, мужъ исправилъ всѣ домашнія потребы, а жена слегка озаботилась хозяйствомъ. Прошло нѣсколько дней; надежда оживила увядшія лица молодой четы: она стала спокойнѣе. Время проходило въ дружескихъ бесѣдахъ; когда изсякли разговоры о прошедшемъ, стали толковать о будущемъ и дѣлали разныя предположенія. Мужъ хотѣлъ идти въ управители къ какому-нибудь богатому помѣщику другой губерніи, не имѣя ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ. Жена его совѣтовала лучше искать какой-нибудь губернской должности. Нетунахинъ молчалъ и давалъ волю ихъ предположеніямъ, а между тѣмъ тайно написалъ письмо къ родителямъ Александрова, въ которомъ, изложивъ все бѣдственное положеніе ихъ сына, заключилъ тѣмъ, что хотя между родителями и дѣтьми можетъ быть судьею одинъ только Богъ, но что онъ, руководимый человѣколюбіемъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать

передъ ними за провинившагося сына; что всякому гнѣву есть предѣлъ, и что въ этомъ отношеніи нехудо вспомнить выраженіе Священнаго Писанія, которымъ обѣщается *судъ безъ милости несотворшему милости.* Въ ожиданіи же отвѣта на свое письмо, онъ продолжалъ жить съ друзьями своими по прежнему и скоро имѣлъ несказанное удовольствіе замѣчать иногда улыбку на лицахъ молодыхъ страдальцевъ и рѣшительное, хотя и постепенное, возвращеніе здоровья молодой женщины. Наконецъ, ожидаемый отвѣтъ полученъ. Старики Александровы рѣшительно объявили, что они не хотятъ слышать объ ослушномъ сынѣ и что онъ можетъ почитать себя счастливымъ, если дотолѣ они не предали его проклятію за неблагодарность и ослушаніе. Такая жестокость очень огорчила Нетунахина, но онъ скрылъ огорченіе отъ друзей своихъ и на другой же день, за чаемъ, объявилъ имъ, что онъ составилъ планъ будущей ихъ жизни: что они должны ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ найдетъ имъ занятіе; и хотя для маіорскаго чина нелегко найти соотвѣтственную должность, но что онъ надѣется чрезъ своихъ покровителей уладить все къ лучшему, а до тѣхъ поръ они будутъ жить съ нимъ вмѣстѣ. Ахнули бѣдные супруги отъ такого рѣшенія ихъ друга. Ѣхать въ Петербургъ! Но какъ, съ чѣмъ и зачѣмъ? «Это не ваше дѣло, мои милые», возразилъ Нетунахинъ: «Тотъ, Кто внушилъ мнѣ мысль пріѣхать сюда къ вамъ, внушитъ мнѣ и средства устроить васъ. Въ Петербургѣ или въ Америкѣ—все равно, только я твердо вѣрю, что добрыя намѣренія не остаются безъ исполненія. Будьте покойны и сбирайтесь въ дорогу».

Сборы были непродолжительны: старый чемоданъ съ платьемъ, небольшой ларецъ съ бѣльемъ и узелъ съ дорожными припасами составляли весь скарбъ семейства эмигрантовъ. Они отправились въ простой ямской повозкѣ. Мать, съ дочерью на рукахъ, сидѣла внутри, а молодые люди расположились по облучкамъ. Такъ ѣхали они всю дорогу до Петербурга, въ который прибыли послѣ пятинедѣльнаго путешествія. Первымъ дѣломъ Нетунахина, по возвращеніи въ Петербургъ, было явиться къ своему начальнику и откровенно объяснить ему несчастное положеніе своего друга. «А что́ же онъ думаетъ дѣлать?» спросилъ его начальникъ. «Искать какой-нибудь должности», отвѣчалъ Нетунахинъ. «Должности? Но человѣка въ его чинѣ, который нигдѣ не служилъ, куда опредѣлить можно?» Нетунахинъ молчалъ. «Еслибъ онъ, по крайней мѣрѣ, былъ мало-мальски расторопенъ, то, конечно, нашлась бы ему должность; но, сколько я изъ словъ твоихъ понять могу, онъ едва ли на что̀ другое способенъ, какъ только обниматься съ женою, и потому я едва ли буду умѣть придумать, куда и какъ пріютить его». Нетунахинъ молчалъ. «Развѣ въ директоры экономіи,

если онъ человѣкъ честный?» Нетунахинъ все молчалъ. «А ручаешься ли ты за его честность?» — «О, что̀ касается честности», подхватилъ Нетунахинъ, «то я за него ручаюсь, какъ самъ за себя».—«Ну, хорошо, ступай съ Богомъ и прикажи своему пріятелю читать всѣ узаконенія и постановленія, касающіяся должности директора экономіи. Послѣ увидимъ». Словомъ, Александровъ вскорѣ былъ опредѣленъ въ должность директора экономіи, которую, при содѣйствіи Нетунахина, исправлялъ семь лѣтъ въ Тамбовской губерніи, къ полному удовольствію начальства. Успѣхи его по службѣ обратили къ нему сердца престарѣлыхъ его родителей, которые не только простили его, но и отдали ему все принадлежащее имъ имѣніе. Онъ вышелъ въ отставку, а чтобъ не сидѣть поджавши руки, вошелъ въ откупа, разбогатѣлъ, нажилъ въ короткое время огромное состояніе, изъ котораго половину отдалъ своему другу, который, служа вѣрой и правдой, съ безкорыстіемъ примѣрнымъ, достигъ до званія сенатора, но, въ заботахъ о чужихъ дѣлахъ, забылъ собственныя свои и ровно имѣлъ столько, чтобъ не умереть съ голоду. Вотъ копія съ дарственной записи, подаренная мнѣ старикомъ М. К. Рѣдькинымъ, который коротко зналъ обоихъ друзей и разсказалъ мнѣ ихъ исторію.

4 Іюля, Среда. Петръ Ивановичъ порадовалъ меня письмомъ въ два листа. Увѣдомляетъ, что публичное торжество въ Университетѣ было самое блистательное и что всѣ диссертаціи и рѣчи необыкновенно любопытны, обѣщается доставить мнѣ ихъ тотчасъ по напечатаніи и чрезвычайно хвалитъ слово Малиновскаго, которымъ торжество было открыто. Страховъ остается ректоромъ и на слѣдующій годъ. Слава Богу! Послѣ Харитона Андреевича назначеніе всякаго другаго ректоромъ было бы чувствительно для всего Университета, для студентовъ и профессоровъ. Между прочимъ, мой Петръ Ивановичъ, ни съ того ни съ другаго, вдругъ вздумалъ безъ меня ѣздить въ театръ, и 22-го Іюня былъ въ «Русалкѣ», которую играла Носова. Пишетъ, что ея физіономія ему очень приглянулась, и что, смотря на нее, онъ вспоминалъ обо мнѣ. Вотъ онъ каковъ, нашъ цѣломудренный Іосифъ! Пишу къ нему, что напрасно онъ лучше не съѣздилъ, въ мое воспоминаніе, въ Нѣмецкій театръ; пошелъ бы за кулисы и поболталъ съ мад. Шредеръ или съ Кафкою: тогда бы на опытѣ увидѣли стоицизмъ его.

9 Іюля, Понедѣльникъ. Вотъ прекрасные стихи, присланные изъ Петербурга молодымъ Эллизеномъ къ сестрѣ. Онъ пишетъ, что актеръ Кудичъ говорилъ ихъ на сценѣ и произвелъ восторгъ неописанный:

Für seinen König muss das Volk sich opfern;
Das ist das Schicksal und Gesetz der Welt;
Nichts-würdig ist die Nation, die nicht
Ihr alles freudig setzt an ihre Ehre! *)

Этотъ восторгъ доказываетъ общее желаніе борьбы съ западнымъ исполиномъ. А вотъ игра въ вопросы и отвѣты, которая въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ обществахъ входитъ въ моду. Она производится такимъ образомъ, что одна половина участвующихъ въ ней лицъ пишетъ на лоскуткахъ бумаги вопросы, а другая—отвѣты, по произволу. Эти вопросы и отвѣты скатываются и кладутся каждые въ особый ящикъ, корзинку, хоть, пожалуй, въ стаканъ—все равно. Затѣмъ всѣ поочередно вынимаютъ прежде вопросъ, а послѣ отвѣтъ и читаютъ ихъ вслухъ. Нынче обыкновенно назначаютъ бо̀льшею частью вопросы и отвѣты политическіе. Эллизенъ пишетъ, что на вечеринкѣ у придворнаго доктора Торсберга играли въ эту игру, и нѣкоторые отвѣты изумительно согласовались съ нынѣшними обстоятельствами. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые я перевелъ для своихъ:

1. Вопросъ. Кто будетъ побѣдителемъ въ предстоящей войнѣ?—Отвѣтъ. Тотъ, кто добрѣе.—2. Вопросъ. Кто будетъ союзникомъ нашего Государя?—Отвѣтъ. Мужество и терпѣніе.—3. Вопросъ. Много ли намъ нужно войскъ для побѣды?—Отвѣтъ. Россія.—4. Вопросъ. Можемъ ли мы твердо надѣяться на своихъ сосѣдей?—Отвѣтъ. Наша сила въ Богѣ.

А знаешь ли, что̀ сдѣлалъ твой, или вѣрнѣе, нашъ Куракъ? Вчера, видно, отъ скуки, ушелъ одинъ къ озеру и, завидѣвъ по срединѣ стадо утокъ, отправился за ними вплавь. Лодыгинскіе люди, замѣтивъ, что фаворитъ ихъ поплылъ (Дуракъ—общій фаворитъ въ Липецкѣ) одинъ, вышли на берегъ ожидать результата этой продѣлки. Что-жъ? Дуракъ, распугавъ старыхъ утокъ, которыя съ крикомъ улетѣли, давай гоняться за молодыми позднышами, и, передушивъ ихъ нѣсколько штукъ, благополучно возвратился на берегъ съ одною парою въ зубахъ, которую и принесъ домой, торжественно провожаемый и превозносимый людьми Лодыгина. Что̀-то дѣлаетъ у тебя его братецъ?

13 Іюля, Пятница. Кажется, Буало сказалъ, что писать стихи должно въ городѣ, а не въ деревнѣ, и я начинаю чувствовать справедливость словъ угрюмаго старика. Два дѣйствія «Артабана» почти готовы, а прочитать ихъ некому и не съ кѣмъ размѣняться мыслями. Я попробовалъ было прочитать ихъ старшей сестрѣ, да не впопадъ:

*) Подданные должны жертвовать собою для короля; таковы судьба и законъ на свѣтѣ. Ничего не стоитъ народъ, который за честь свою радостно не отдаетъ всего что у него имѣется.

«Охота тебѣ, братецъ, душиться въ твоей каморѣ и заниматься пустяками, когда на дворѣ такая прекрасная погода! Лучше бы поѣхалъ прокатиться съ Дарьей Егоровной верхомъ. А вотъ и Михайло Константиновичъ говоритъ: «Надъ чѣмъ это вашъ философъ коптитъ такъ пристально? Этакъ онъ и съ ума спятитъ»». Одолжила голубушка! А чуть ли она не права: въ лучшее время года сидѣть взаперти и низать рифмы, можетъ-быть, для того только, чтобъ послѣ служить посмѣшищемъ людямъ—прекрасная будущность! Впрочемъ, безъ билета въ маскарадъ не пускаютъ, а мой «Артабанъ» долженъ мнѣ служить билетомъ для входа въ маскарадъ свѣта; послѣ, пожалуй, его хоть въ печку—туда и дорога!

Сказывали, что сюда прибудетъ на дняхъ труппа актеровъ, принадлежащихъ Лебедянскому помѣщику Танѣеву. Если это именно та, которую я видѣлъ нѣкогда въ моемъ дѣтствѣ на Лебедянской ярмаркѣ, то сердечно радъ буду взглянуть на нее и сравнить тогдашнія мои ощущенія съ нынѣшними. Эта труппа давала тогда въ Лебедянѣ оперу «Добрые солдаты», и я до сихъ поръ не могу забыть музыки одного хора:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно.
Наши зажегъ ты сердца,
Видимъ въ тебѣ мы отца.

Стишки какъ будто нашего издѣлія.

Пишутъ изъ Москвы, что Московскій Французскій театръ съ будущаго Ноября причисленъ будетъ, такъ же какъ и Русскій, къ дирекціи театральныхъ зрѣлищъ. Актеры получатъ названіе «императорскихъ», и труппа будетъ пополнена. Нѣкоторые сюжеты уже пріѣхали и, между прочимъ, какой-то monsieur Lanneau, который имѣетъ репутацію хорошаго актера. Но мнѣ кажется, что не въ актерахъ дѣло, а въ актрисахъ. До сихъ поръ на Московской Французской сценѣ мы видѣли только преужасныя женскія хари, съ которыми никакая пьеса не могла имѣть настоящаго успѣха. Дарованіе дарованіемъ, но въ женщинѣ красота, или, по крайней мѣрѣ, пріятная физіономія—не послѣднее дѣло на сценѣ. Какая можетъ быть иллюзія, когда вдругъ какую-нибудь Агнесу играетъ сорокалѣтнее и красноносое пугало? Ужъ, конечно, лучше видѣть бездарную, но хорошенькую мадамъ Кремонъ и слушать, какъ пропищитъ она:

Lorsque dans une tour obscure, или
Jeunes filles qu'on marie и проч.,

чѣмъ видѣть и слышать беззубую старуху, madame Lavandaise въ роли кокетки Селимены, или рыжую madame Duparay въ роли На-

нины. Кстати о безобразіи женщинъ. Разъ какъ-то въ театрѣ молодой Тютчевъ сдѣлалъ очень смѣшное замѣчаніе. Онъ увѣрялъ, что изъ пожилыхъ женщинъ всѣхъ націй старыя француженки самыя безобразныя. «Возьмите», говорилъ онъ, «нашу Русскую старуху, Нѣмку, Англичанку, Голландку, Итальячку: всѣ болѣе или менѣе имѣютъ видъ неотвратительный; старыя же Француженки, напротивъ, всякая похожа на Бабу-Ягу; разумѣется, есть исключенія, но они рѣдки». Поди ты съ нимъ!

17 Іюля, Вторникъ. Вчера у отца-протопопа пилъ я чай съ однимъ старикомъ, купцомъ Силинымъ, который былъ прежде крестьяниномъ Нарышкина, но внесъ за себя 5000 рублей, получилъ увольненіе отъ помѣщика, записался въ купцы и теперь торгуетъ лѣсами, скотомъ и саломъ на полмильйона. Это человѣкъ очень здравомыслящій, но чрезвычайно-оригинальный въ своихъ объясненіяхъ. Какъ бы предметъ разговора ни былъ серьёзенъ, онъ не можетъ удержаться, чтобъ не пересыпать его разными прибаутками на виршахъ своего издѣлія. Разсуждая о торговлѣ, онъ утверждалъ, что для Русскаго малограмотнаго человѣка внутренняя торговля, и особенно сельскими хозяйственными произведеніями, есть самая благонадежная. «Если отъ нея», говоритъ онъ, «не будешь мильйонщикомъ въ одинъ годъ, то не будешь тотчасъ и *банкрутомъ*, то-есть *плутомъ*. Торговать же съ Нѣмцами у *порта* все равно, что ловить за хвостъ *чорта*. Нѣмцы торговлю свою ведутъ по *газетамъ*, да по *примѣтамъ*, а намъ нѣтъ прибыли въ *этомъ*». Я спросилъ его, не помѣшаетъ ли война нашей торговлѣ и не ожидаетъ ли онъ себѣ убытковъ? «Ничего, батюшка», отвѣчалъ онъ: «что война, что *миръ*, а купцу все *пиръ*. Вотъ изволишь видѣть, сударикъ ты мой, убытки-то нашему брату не отъ войны, а отъ того, что иные или не по силѣ *забираются*, или не по карману *проживаются*, на войну только *ссылаются*, а на повѣрку выходитъ, что если *купецъ* не *глупецъ*, такъ не пустъ и *ларецъ*». Очень также забавны выходки его противъ Наполеона, доказывающія, какая глубокая ненависть поселилась къ нему во всѣхъ классахъ нашего народа. «На Москвѣ», говоритъ онъ, «народъ больно ершиться сталъ: купцы въ городѣ калякаютъ, что мы-де лавки побросаемъ и всѣ поголовно пойдемъ, а ужъ этого *врага* прицѣпимъ чорту *на рога*». Нескладно, да ладно.

Отецъ-протопопъ сказывалъ, что онъ священствуетъ около 40 лѣтъ и въ продолженіе долгаго своего священства замѣтилъ, что во время военное бываетъ враждающихся болѣе, чѣмъ въ мирное, и сверхъ-того менѣе больныхъ и умирающихъ. «Это говорю я вамъ не облыжно», прибавилъ онъ, «и намедни въ проѣздъ свой въ Москву останавливавшійся

у меня помѣщикъ изъ Конь-Колодезя, Г. А. Синявинъ, сказывалъ, что и онъ сдѣлалъ такое же замѣчаніе. Отчего это происходитъ—Господь одинъ вѣдаетъ; только событіе не подвержено сомнѣнію». Вотъ задача для физіологовъ, если только эти люди чувствуютъ себя способными разрѣшать тайны Провидѣнія. Но едва ли.

22 Іюля, Воскресенье. Почтенный старикъ Н. А. Алферьевъ разсказывалъ, что въ молодыхъ зажиточныхъ людяхъ, жившихъ въ Москвѣ въ совершенной праздности, было какое-то стремленіе къ разврату всякаго рода, и что онъ самъ вовлеченъ былъ этимъ потокомъ въ непростительныя шалости. «Какъ Богъ вынесъ изъ этой бездны, въ которую мы погружались», говорилъ старикъ, «я до сихъ поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперь, любезный, чтобъ молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей, и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда—прости имъ Господи—бывало, суются туда же! Кто неразвратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ; а всему виною были праздность и Французскіе учители. Да и какъ было не быть празднымъ? Молодой человѣкъ, записанный въ пеленкахъ въ службу, въ двадцать лѣтъ имѣлъ уже чинъ майора и даже бригадира, выходилъ въ отставку, имѣлъ достаточные доходы, жилъ бариномъ, привольно, и заниматься, благодаря воспитанію, ничѣмъ не умѣлъ. Такъ поневолѣ приходила въ голову какая-нибудь блажь». - Алферьевъ разсказывалъ также много койчего объ Иллюминатахъ-алхимикахъ, которыхъ секта была дѣйствительно вредна, потому что состояла изъ явныхъ обманщиковъ. Эти плуты, подъ предлогомъ обогащенія другихъ, наживались сами, разоряя въ конецъ своихъ адептовъ. Иллюминаты-алхимики употребляли многіе непозволительные способы для достиженія своихъ цѣлей: они прибѣгали къ разнымъ одуряющимъ куреніямъ и напиткамъ и заклинаніямъ духовъ для того, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать на слабоуміе ввѣрившихся ихъ руководству; но, что всего хуже и опаснѣе было, они умѣли привлекать къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію. Для этихъ людей ничего не было невозможнаго, потому что не было ничего священнаго, и они не гнушались никакими средствами, какъ бы они преступны ни были, чтобъ исполнить свои преднамѣренія. Главою этихъ гнусныхъ и, къ счастію, немногочисленныхъ въ Москвѣ людей, былъ Французъ *Перренъ*, мужчина лѣтъ сорока, видный собою,

ловкій, вкрадчивый, мастеръ говорить и выдававшій себя какимъ-то Баярдомъ, великодушнымъ, щедрымъ, сострадательнымъ и готовымъ на всякое доброе дѣло; но это былъ лицемѣръ перваго разряда, развратившій не одно доброе семейство и погубившій многихъ молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій. Я былъ съ нимъ знакомъ. Этотъ молодецъ квартировалъ на Мясницкой въ домѣ Левашова, но только для виду; а настоящее его логовище было за Москвою рѣкою, въ Кожевникахъ, въ домѣ Мартынова, или Мартьянова, куда собирались къ нему адепты обоего пола. Однакожь *Перренъ* не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ могъ продолжать свои операціи и, благодаря ревнивому характеру одного богатаго мужа, слѣдившаго за своею женою, мошенничества его были, наконецъ, открыты; лицемѣра изобличили, уличили и спровадили за границу со всѣми его соумышленниками и помощниками: Мезеромъ, Курбе, Гофманомъ, мадамъ Пикé и мамзель Шевато. Странное дѣло, нашлись люди, которые объ этихъ подлецахъ сожалѣли и даже хлопотали, чтобъ оставить ихъ въ Москвѣ.

Но это сказаніе слишкомъ пространно, и я сообщу его когда-нибудь послѣ, потому что теперь зоветъ меня къ себѣ «Артабанъ». Свой своему поневолѣ другъ.

26 Іюля, Четвергъ. Пресмѣшное происшествіе! Ѳ. Г. Вишневскому собака откусила носъ! Это приключеніе составляетъ теперь предметъ разговоровъ цѣлаго Липецка и всѣхъ его окрестностей.

Ѳ. Г. Вишневскій, Московскій баринъ, добрый, прекрасный, гостепріимный старикъ, имѣетъ страсть щупать все, чтó ни увидитъ и чтò ни попадется ему подъ руку: идетъ ли по улицѣ мимо какого-нибудь новаго дома, онъ ощупаетъ всѣ углы и стѣны; войдетъ ли въ домъ, ощупаетъ всѣ мёбели; увидитъ люстру, или гардины—подставитъ стулъ и полѣзетъ щупать гардины и люстру. Но съ этой страстью щупать вещи неодушевленныя онъ соединяетъ другую въ отношеніи къ людямъ и животнымъ: онъ ихъ щупаетъ и цалуетъ. Мужчины и пожилыя дамы не сердятся на него за эту привычку, но дѣвицы бѣгаютъ его какъ чумы. Чуть только зазѣвается какая нибудь барышня, Ѳ. Г. тутъ какъ тутъ: обхватитъ пальцами шейку и тотчасъ чмокъ въ затылокъ или въ плечо. Что же касается кошекъ и собакъ, то сколько бы ихъ ему ни встрѣтилось, онъ перещупаетъ и перецалуетъ всѣхъ, отъ первой до послѣдней. Не проходитъ дня, чтобъ жена его, старуха свѣтская и умная, не напоминала ему о неприличіи такихъ поступковъ, и чтобъ дочери его, дѣвицы чрезвычайно-образованныя, не упрашивали его быть осторожнѣе и не заставлять ихъ краснѣть за него; не тутъ-то было: онѣ еще не успѣютъ кончить нравоученія, а Ѳ. Г—чъ, смотри и спроказитъ что-нибудь.

Третьягодня въ галлереѣ собралось пропасть посѣтителей. Ѳ. Г—чъ, по обыкновенію, расхаживалъ и щупалъ все, что̀ ни попало; ощупавъ галерейную мебель, забрался въ буфетъ и ощупалъ всю посуду; вышелъ въ садъ—ощупалъ всѣ деревья и всѣ камешки и кирпичи, приготовленные для садовыхъ дорожекъ; перещупалъ и перецаловалъ всѣхъ лошадей, привезшихъ матеріалы для нѣкоторыхъ построекъ; словомъ, онъ былъ въ необыкновенномъ припадкѣ щупанья; наконецъ, попалась ему мордашка И. А. Лихонина, прекрасивая, но и презлая собачонка, купленная имъ съ медвѣжьей травли и очень привязанная къ своему хозяину. Ну, какъ же Ѳ. Г—чу обойтись безъ того, чтобъ не пощупать и не поцаловать такое сокровище? Вотъ онъ и началъ ухаживать за нею. «Моська, моська, сюда, сюда!» Мордашка ни съ мѣста; но Ѳ. Г—чъ не плохъ: набралъ въ буфетѣ бисквитовъ и давай приманивать мордашку бисквитами; бросилъ ей одинъ — съѣла, бросилъ другой—проглотила, третьимъ приманилъ къ себѣ и далъ ей съѣсть его изъ рукъ. Вотъ, кажется, и познакомились. Ѳ. Г—чъ погладилъ мордашку—терпитъ; за такое снисхожденіе еще бисквитъ; онъ взялъ ее на руки и сѣлъ съ нею на стулъ—мордашка расположилась на колѣняхъ и опять получила бисквитъ. Дѣло идетъ совсѣмъ на ладъ; остается только пощупать шейку да поцаловать въ мордочку и—подвигъ конченъ. Ѳ. Г—чъ обхватилъ шею и уже нагнулся, чтобъ поцаловать мордашку, но послѣдняя операція не удалась: неблагодарная вдругъ всею пастью впилась ему въ носъ и, какъ піявка, повисла на немъ. Кровь брызнула фонтаномъ. Ѳ. Г—чъ заревѣлъ бѣлугой, и всѣ бывшіе въ галереѣ бросились на помощь къ паціенту. Лихонинъ схватилъ графинъ воды и ну отливать свою мордашку, словомъ, шумъ и гамъ, кончившіеся тѣмъ, что бѣднаго щупателя или щупальщика, ни живаго, ни мертваго, посадили въ карету съ истерзаннымъ носомъ и отправили домой въ сопровожденіи встревоженнаго его семейства. Удивительный оригиналъ! Меньшая дочь его утверждаетъ, что это происшествіе нисколько не отучитъ ея папеньку отъ несчастной страсти къ щупанью и поцалуямъ. Прекрасная перспектива!

30 Іюля, Понедѣльникъ. Вотъ продолженіе исторіи о Перренѣ. Не подумай, чтобъ это былъ вымыслъ — нѣтъ: это настоящее событіе, о которомъ, по свидѣтельству многихъ, немало говорено было въ свое время. Я только сократилъ и выпустилъ нѣкоторыя грязныя подробности разсказа Алферьева; иначе, пришлось бы исписать цѣлую десть бумаги.

Нѣкто Глѣбовъ, очень богатый человѣкъ, будучи бездѣтнымъ вдовцомъ, немолодыхъ лѣтъ, скучалъ своимъ одиночествомъ. Въ карты иг-

рать онъ не любилъ, псовымъ охотникомъ не былъ, въ винѣ не находилъ никакого вкуса, а умственныя занятія были не по его способностямъ; слѣдовательно онъ, естественно, долженъ былъ умирать со скуки. Въ тогдашнее время, публичныхъ развлеченій было немного. Представленія на театрѣ были рѣдки, маскарады еще рѣже, да и новый содержатель театральной труппы Н. С. Титовъ (1776) не умѣлъ еще приманить публику въ Головинскій театръ свой, стоявшій на концѣ города: не всякому охота была тащиться такую даль и по такимъ сквернымъ дорогамъ, какія въ то время существовали, чтобъ позѣвать на плохихъ актёровъ.

Итакъ, Глѣбовъ скучалъ. Перренъ узналъ, что такой-то богатый баринъ сильно скучаетъ и, на этомъ основаніи, тотчасъ же задумалъ построить зданіе своего благосостоянія. Въ этомъ намѣреніи онъ, чрезъ пріятеля своего молодаго князя, знакомится съ Глѣбовымъ и при первомъ свиданіи очаровываетъ его своею любезностью, разсказываетъ ему свои путешествія, смѣшитъ разными анекдотами и заставляетъ его удивляться такимъ событіямъ и принимать участіе въ такихъ приключеніяхъ, въ которыхъ не было ни на волосъ истины. Послѣ двухъ или трехъ посѣщеній проворный Французъ сдѣлался почти необходимъ Глѣбову. Послѣдній прежде скучалъ, а теперь вдвое сталъ скучать безъ Перрена; словомъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, Перренъ совершенно овладѣлъ Глѣбовымъ; но за то Глѣбовъ пересталъ скучать и, по совѣту своего друга, рѣшился вступить въ супружество.

Но на комъ жениться Глѣбову? Пожилой невѣсты онъ взять за себя не захочетъ, а молодая не будетъ любить его. «Мсьё Перренъ, какъ помочь горю?» — «Мсьё Глѣбовъ, вы должны жениться на дѣвушкѣ молодой, прекрасной собою, образованной и, главное на сиротѣ, чтобъ не навязывать родныхъ жены вашей себѣ на шею. Такая дѣвушка есть: вы ее нѣсколько разъ видѣли и говорили съ нею у мадамъ Пикѐ, когда мы съ вами вмѣстѣ пили у нея чай; скажу болѣе: по ея вопросамъ и разспросамъ о васъ я замѣтилъ, что вы ей приглянулись и, какъ я послѣ слышалъ отъ мадамъ Пике́, она точно къ вамъ неравнодушна. Чего же лучше? Отъ васъ зависитъ быть счастливымъ».

Глѣбовъ развѣсилъ уши. Дѣвушка была точно хороша собою, и хотя была иностранка, но могла объясняться нѣсколько по-русски; а иностранное произношеніе придавало разговору ея особенную пріятность. «Но она не нашего вѣроисповѣданія», замѣтилъ Глѣбовъ. — «Она такъ расположена къ вамъ, что завтра же, если захотите, приметъ вашу религію», отвѣчалъ Перренъ. Глѣбовъ задумался. «Мсьё Перренъ, я ревнивъ. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, я ревновалъ

жену свою ко всѣмъ знакомымъ; но, женившись теперь, я могу сдѣлаться Туркомъ! Мсьё Перренъ, я чувствую, что буду любить жену свою, потому что она мила; а любовь безъ ревности не существуетъ». — «И хорошо сдѣлаете, мсьё Глѣбовъ. Любите жену вашу и ревнуйте ее, сколько хотите: это придастъ разнообразіе вашей жизни, и вы не впадете въ апатію. Ревность молодитъ человѣка».

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Глѣбовъ поѣхалъ предложить руку мамзель Рабо̀, 19-ти лѣтней сиротѣ, уроженкѣ Марсельской и крестницѣ мадамъ Пикѐ. Разумѣется, эта рука съ 40,000 рублей годоваго дохода была принята съ однимъ только условіемъ, чтобъ обращеніе въ Православную вѣру мамзель Рабо́ оставалось для всѣхъ тайною, а вѣнчаніе происходило въ какой-нибудь деревенской церкви, въ которой, кромѣ священника и церковно-служителей, другихъ присутствующихъ при бракѣ никого не было. Причиною такого требованія была необыкновенная стыдливость невѣсты, которая прежде не могла безъ ужаса и отвращенія помыслить о бракѣ, и если теперь побѣдила этотъ ужасъ и отвращеніе, то единственно по какому-то невольному влеченію сердца. Къ этому требованію прибавлена была еще просьба: оставить у нея въ услуженіи ея горничную, мамзель Шевато́, къ которой она такъ привыкла, что не могла равнодушно подумать о разлукѣ съ нею. Глѣбовъ согласился на всѣ условія; а чтобъ еще болѣе угодить своей невѣстѣ, принялъ къ себѣ въ должность дворецкаго, Француза Курбѐ, рекомендованнаго ему Перреномъ. По крайней-мѣрѣ, думалъ онъ въ первое время нашего супружества жена моя будетъ имѣть человѣка, съ которымъ объясниться можетъ.

Бракъ состоялся: мамзель Рабо̀ обращена въ Марью Петровну Глѣбову. Она была весела, довольна, счастлива, обнимала и цаловала безпрестанно своего мужа, не сходила у него съ колѣнъ, трепала его по щечкамъ, называла его самыми нѣжными именами: mon tout, mon choux, mon bijou, mon âme, mon ange и проч. и проч., словомъ, забыла о своей застѣнчивости. Мужъ былъ въ восторгѣ; но этотъ восторгъ продолжался недолго: на четвертый же день брака онъ сдѣлался, въ свою очередь, застѣнчивъ, задумчивъ, молчаливъ и даже равнодушенъ къ ласкамъ жены своей. Мсьё Перренъ и мадамъ Пикѐ посѣщали молодыхъ почти ежедневно, но Глѣбовъ принималъ ихъ не съ такимъ уже удовольствіемъ, какъ прежде, и видимо избѣгалъ какого-то съ ними объясненія, хотя оно, казалось, и готово было сорваться у него съ языка.

Тѣмъ временемъ многочисленные знакомые Глѣбова, узнавъ о неожиданномъ его бракѣ, безпрестанно пріѣзжали съ нему; но, подъ предлогомъ болѣзни мадамъ Глѣбовой, одни не были принимаемы, дру-

гіе принимаемы на короткое время и не очень охотно, такъ, что любопытство Москвичей видѣть молодую и узнать о подробностяхъ брака не могло быть вполнѣ удовлетворено. Изъ этого, разумѣется, произошли толки, изъ толковъ развились предположенія и заключенія, а изъ этихъ послѣднихъ, какъ водится, родились сплетни, которыя чуть-чуть не остановились на томъ, что Глѣбовъ женился непремѣнно на уродѣ и стыдится показать ее своимъ знакомымъ; но Перренъ опровергалъ эти слухи. «Помилуйте», говорилъ онъ, «кто могъ принудить Глѣбова жениться на безобразной женщинѣ? Напротивъ, это ангелъ красоты и нѣжности. А какъ умна, какъ образована, какъ привлекательна и какъ любитъ своего мужа! Къ-несчастію, этотъ мужъ слишкомъ ревнивъ, слишкомъ самолюбивъ и себялюбивъ, и хочетъ наслаждаться своимъ счастіемъ въ тишинѣ уединенія одинъ, и даже меня, своего друга, допускаетъ къ себѣ рѣдко, и то на минуту, какъ будто я въ состояніи былъ похитить его сокровище!» Вотъ Москва и загудѣла: Глѣбовъ ревнивецъ, Глѣбовъ тиранъ; онъ держитъ въ заперти красавицу-жену, на которой женился по взаимной любви; да это настоящее истязаніе для молодой женщины, и Глѣбова надобно принудить жить открытѣе или отдать въ опеку.

А между тѣмъ, пока Москва гудѣла, на сердцѣ Глѣбова лежала глубокая тайна: страшное подозрѣніе закралось въ его душу и не давало ему покоя ни днемъ, ни ночью; онъ безпрестанно вертѣлъ въ рукахъ записку, которую нашелъ въ комнатѣ жены своей, и какъ ни плохо разумѣлъ Французскій языкъ, но столько понять могъ, что въ этой запискѣ заключались какія-то наставленія и разные способы...

Сейчасъ принесли съ почты пакетъ изъ С. Петербурга. Добрый старикъ Лабатъ премилымъ письмомъ, въ которомъ столько же нѣжностей, сколько и грамматическихъ ошибокъ, извѣщаетъ, что 14-го числа сего мѣсяца я опредѣленъ въ Коллегію, и приглашаетъ пріѣхать скорѣе въ Петербургъ. Домашніе мои въ восторгѣ; но есть и недомашніе, которые, сверхъ чаянія моего, столько же радуются. Итакъ студенчество мое, благодаря Бога, кончилось. Завтра у насъ большой обѣдъ для всего Липецка; скоро, можетъ быть, отправятъ меня въ Москву, откуда, попрежнему, писать буду и доскажу окончаніе Перреновыхъ плутней.

Умнаго Дурака отправятъ въ твое Никольское сохранно. Прости!

ДНЕВНИКЪ ЧИНОВНИКА.

Москва. 25 Августа 1806 года. Субота. Я въ Москвѣ съ 16-го числа. Меня протурили изъ Липецка по разнымъ дѣламъ; а признаюсь, грустно было оставить милый городокъ, съ которымъ соединено столько пріятныхъ воспоминаній; mais le devoir avant tout *). Впрочемъ, какъ ни настаиваютъ мои покровители о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, я полагаю, что еще нескоро туда попаду. Альбини рѣшительно хочетъ отвезти меня самъ, и домашніе мои тому рады; но Альбини, прежде окончанія сезона водъ, оставить Липецка не можетъ, слѣдовательно ближе Октября, или даже Ноября, я Петербурга не увижу.

И. И. Дмитріевъ пожалованъ сенаторомъ; я ѣздилъ его поздравить и нашелъ у него Н. Н. Бантыша-Каменскаго, которому онъ меня рекомендовалъ, объявивъ, что я изъ студентовъ и записанъ уже въ Иностранную Коллегію. Каменскій вспомнилъ, что видѣлъ меня въ прошломъ году у графа Остермана, дозволилъ мнѣ пріѣхать къ себѣ и обѣщалъ дать рекомендательное письмо къ оберсекретарю Иностранной Коллегіи, И. К. Вестману.

Чтó говорили, то и случилось: власти въ Москвѣ другія. Новаго губернатора Ланскаго очень хвалятъ; но о генералъ-губернаторѣ Тутолминѣ не говорятъ ничего и, кажется, его не знаютъ. Онъ пріѣхалъ 19-го числа и вступилъ въ должность. Сожалѣютъ объ Александрѣ Андреевичѣ, которому болѣзнь воспрепятствовала продолжать быть пестуномъ древней столицы. Я недавно только узналъ, что Беклешовъ тоже былъ не главнокомандующимъ, а только генералъ-губернаторомъ.

Ждутъ не дождутся манифеста о войнѣ. Всѣ умы въ волненіи пуще, нежели были въ прошломъ году. Князь Одоевскій опять занялъ квартиру свою противъ воротъ Почтамта, чтобъ скорѣе получать новости. Монета въ цѣнѣ возвышается: рубль ходитъ уже 1 рубль 32 коп., а червонецъ—4 рубля 10 коп. и, говорятъ, будетъ еще дороже.

---

*) Но долгъ прежде всего.

На другой день пріѣзда былъ въ Русскомъ театрѣ. Давали *Купца Бота*, въ роли котораго Плавильщиковъ такъ хорошъ. Послѣ комедіи играли оперу *Служанка-госпожа*. Вотъ настоящая роль Сандуновой: ломайся себѣ сколько угодно, все будетъ хорошо; Итальянскія оперы по характеру ея игры и пѣнія.

29 Августа, Среда. Былъ у Н. Н. Бантыша-Каменскаго. Да это не человѣкъ, а сокровище. Съ виду неказистъ: такъ, старичишечка лѣтъ 70-ти, маленькій и худощавенькій; а что за бездна познаній! Принялъ благосклонно и удивлялся, отчего я не просился на службу въ Архивъ, какъ то дѣлаютъ всѣ Московскіе баричи. Въ томъ-то и дѣло, сказалъ я, что я не Московскій баричъ, и мнѣ нужна служба дѣятельная. Онъ похвалилъ, но прибавилъ, что кто желаетъ быть полезнымъ, тотъ найдетъ всюду дѣло. Онъ говорилъ большею частью о Московской старинѣ, объ эпохѣ чумы и Пугачевскаго бунта. Желая повѣрить разсказъ Алферьева о *Перренѣ*, я осмѣлился спросить его, точно ли этотъ Французъ, и особенно исторія его съ Г., обратили на себя такое вниманіе тогдашняго Московскаго начальства? «Помнится, что-то похожее было», отвѣчалъ мнѣ Николай Николаевичъ, «но я мало занимался этимъ вздоромъ; впрочемъ, послѣ чумы на Москву напала другая зараза: Французолюбіе. Много Французовъ и Француженокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные. Не одному Г. подсунули Французскую шлюху: много Москвичей и познатнѣе его были жертвами обмана; только случаи эти не могли быть мнѣ въ подробности извѣстны, потому что я велъ очень уединенную жизнь, занимаясь дѣлами Архива». В. И. Богдановъ сказывалъ, что Каменскій очень друженъ съ митрополитомъ Платономъ и чрезвычайно уважаемъ всѣми духовными.

6 Сентября, Четвергъ. Наконецъ, манифестъ отъ 30-го Августа о войнѣ съ Французами полученъ. Записные политиканы наши, по словамъ Дмитріева,

И ѣдутъ, и плывутъ,
И скачутъ, и ползутъ,

чтобъ сообщить другъ другу слышанныя или полученныя ими изъ Петербурга по сему случаю новости. Я не очень знаю, что̀ говорится и дѣлается въ высшемъ кругу; но что̀ касается до круга моихъ знакомыхъ, то они всѣ радуются рѣшимости Государя, и всѣ вообще готовы не токмо на какое пожертвованіе, но и на всякое самоотверженіе. Намедни новый губернаторъ какъ нельзя лучше выразился насчетъ этого общаго любопытства и толковъ о предстоящихъ событіяхъ. «Да, ска-

залъ онъ; *заговорило сердце Русское!*» Теперь еще покамѣсть Москва пуста, только нѣкоторые знатные Москвичи возвращаются изъ подмосковныхъ; но какъ скоро всѣ съѣдутся, то я увѣренъ, что пойдетъ дымъ коромысломъ. Новый генералъ-губернаторъ открыто говоритъ, что необходимо поголовное вооруженіе, и что надобно однимъ разомъ уничтожить врага, а для этого нужны сильныя средства. Въ манифестѣ есть ссылка на указъ 1-го Сентября прошлаго года; въ этомъ указѣ сказано, что Государь не можетъ равнодушно смотрѣть на опасности, угрожающія Россіи, и что безопасность имперіи, достоинство ея, святость союза и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль его составляющее, водворить на прочныхъ основаніяхъ миръ въ Европѣ, заставили его (тогда) подвинуть войска за границу. Кажется, лучшихъ причинъ къ войнѣ и теперь быть не можетъ. Благослови Господь!

Фельдмаршалъ графъ Каменскій въ Петербургѣ и будетъ, кажется, командовать арміею. Опытные люди говорятъ, что онъ всегда извѣстенъ былъ за отличнаго тактика, а съ Бонапарте это качество нелишнее; храбрость храбростью, да и военныя соображенія необходимы: они сберегаютъ солдатъ. А между тѣмъ, покамѣстъ еще фельдмаршалъ не передъ войскомъ, онъ присутствовалъ 1-го числа на празднествѣ Академіи Художествъ и подарилъ нѣсколькимъ ученикамъ, которыхъ ему рекомендовали за отличнѣйшихъ, по сту рублей. Я самъ сегодня читалъ письмо архитектора Бушуева къ матери, въ которомъ онъ описываетъ бывшее празднество и вмѣстѣ великодушіе стараго воина. Черта похвальная; но меня-то зачѣмъ онъ обидѣлъ въ прошломъ году грубымъ пріемомъ? Впрочемъ, Богъ съ нимъ! Лишь бы посчастливилось ему скрутить Французскаго забіяку.

10 Сентября, Понедѣльникъ. Сегодня неожиданно посѣтилъ меня пріѣхавшій изъ Петербурга Бахертъ, чиновникъ очень порядочный, который, по страстной любви къ мадамъ Кафка, намѣренъ на ней жениться и вступить въ актёры. Нечего сказать, охота пуще неволи! Сезонъ Нѣмецкаго театра открывается 14-го числа 2-ю частью «Русалки», въ которой главную роль будетъ занимать нареченная невѣста. Не думаю, однакожъ, чтобъ Бахертъ сдѣлалъ глупость жениться на актрисѣ, и еще на какой? На актрисѣ par excellence. Потолкуютъ— и будетъ съ нихъ.

Я рѣшительно ненамѣренъ болѣе ѣздить въ Нѣмецкій театръ иначе, какъ въ дни представленія большихъ оперъ. Драмы и комедіи безъ Штейнсберга, при настоящихъ распоряженіяхъ, будутъ похожи на площадныя игрища. Игра свѣчъ не стоитъ. Правду сказать, и давно бы пора перестать кулисничать. Времени потеряно много, а польза неве-

лика. Впрочемъ, я ошибаюсь—польза есть: никогда не научился бы я ни съ кѣмъ такъ болтать по-нѣмецки, какъ съ этими Нѣмками, и не полюбилъ бы такъ Нѣмецкихъ поэтовъ, какъ люблю ихъ теперь. Они— *отрада души моей,* какъ выражается князь Шаликовъ.

13 Сентября, Четвергъ. Въ Англійскомъ клубѣ разсказываютъ, что 7-го числа торжественно поднесено было отъ Сената Государю благодареніе, по случаю изданнаго 30-го Августа манифеста. Депутатами были князь Н. И. Салтыковъ и графъ А. С. Строгановъ. Вотъ такъ славно! Расцаловалъ бы того, кому такая мысль пришла въ голову. Въ прошедшее Воскресенье Лютеранской церкви пасторъ старикъ Бруннеръ, въ поученіи своемъ, сказалъ: «Какая награда можетъ быть Государю за тѣ неимовѣрные труды и попеченія, которые онъ подъемлетъ для блага и спокойствія своихъ подданныхъ, кромѣ искренней ихъ признательности? И потому, любезные слушатели, въ полномъ сознаніи дѣйствительности его благодѣяній, будемъ ему признательны, будемъ любить его и молиться за него Тому, въ Чьей рукѣ сердце Государя и собственный нашъ жребій». Прекрасно!

Погода стоитъ удивительная. Небо такъ ясно, такъ безоблачно, хоть бы въ Маѣ. Говорятъ, что это плохой знакъ для будущаго урожая озимыхъ хлѣбовъ; но на людей Богъ не угодитъ: то молятся о дождѣ, то о вёдрѣ, то-есть всякій молится о томъ, что́ ему нужно въ частности, а объ общемъ итогѣ не думаетъ. Мнѣ случилось встрѣтиться съ однимъ помѣщикомъ, который чрезвычайно негодовалъ на дождь потому только, что онъ мѣшалъ ему кончить строеніе. Ѳ. С. Мосоловъ замѣтилъ, что строеніе кончить можно и послѣ, а дождь случился такъ вòвремя, что для хозяина и земледѣльца онъ сущій кладъ. «Да у меня все имѣніе на оброкѣ», возразилъ помѣщикъ съ неудовольствіемъ и— тѣмъ порѣшилъ дѣло.

16 Сентября, Воскресенье. Вчерашній день, по случаю празднества коронаціи, въ Успенскомъ соборѣ было необыкновенное стеченіе народа. Преосвященный викарій Августинъ служилъ соборомъ и произнесъ прекрасное слово. Благодаря нѣкоторымъ знакомымъ священникамъ, я пробрался до самаго почти алтаря и, стоя на клиросѣ, могъ разсмотрѣть всѣ власти Московскія—видъ великолѣпный! Между прочимъ, замѣтилъ и оберъ-полицеймейстера А. Д. Балашева, котораго, говорятъ, И. И. Дмитріевъ сосваталъ на одной своей родственницѣ Бекетовой.

Въ Русскомъ театрѣ давали трагедію «Титово Милосердіе». Плавильщиковъ игралъ Тита хорошо. О прочихъ актерахъ говорить не-

чего: ниже посредственности. Публики было много, и она не сидѣла поджавши руки; аплодисменты не прерывались; всякій стихъ, имѣющій какое нибудь отношеніе къ Государю, заглушаемъ былъ рукоплесканіями. Въ партерѣ встрѣтился со старикомъ Алферьевымъ, пріѣхавшимъ съ Липецкихъ водъ. Звалъ меня къ себѣ покалякать. Онъ остановился у Баца, на Тверской, и пробудетъ здѣсь съ недѣлю. Непремѣнно у него буду: не разскажетъ ли еще что-нибудь?

П. П. Бекетовъ и князь А. А. Урусовъ пожертвовали Университету своими собраніями дорогихъ камней и чучелъ разныхъ птицъ и животныхъ. Спасибо! Еслибъ нашлось поболѣе такихъ жертвователей, то университетскій музеумъ вскорѣ бы обогатился; къ несчастью, они рѣдки.

22 Сентября, Субота. Домашніе мои пишутъ, что у нихъ начались безпрерывныя полеванія. Я завидую тѣмъ, кто въ нихъ участвуетъ, потому что, какъ тебѣ извѣстно, у меня страсть къ охотѣ наслѣдственная. Не знаю, какъ у васъ; но говорятъ, что въ нашей сторонѣ нынѣшній годъ бездна всякой дичи и звѣрей всякаго рода. Какъ бы я желалъ теперь вспомнить блаженныя времена моего дѣтства и попрежнему порыскать

По полямъ, и по лѣсамъ,
И по мхамъ, и по болотамъ,
По долинамъ и буграмъ,
И сказать: прости—заботамъ!

Мнѣ разсказывали, что лѣтъ 10-ть или 12-ть назадъ, въ Москвѣ существовала Англійская парфорсная охота, которой главная квартира находилась прежде на Воробьевыхъ горахъ, а послѣ въ селѣ Троицкомъ. Директорами этой охоты были Н. М. Гусятниковъ, превеликій англоманъ и человѣкъ очень аккуратный, и какой-то богатый Англичанинъ, которые содержали ее насчетъ общества охотниковъ великолѣпно: гончія собаки были настоящія Англійскія, равно и пикёры, тоесть ловчій и доѣзжачій, были Англичане и ѣздили на Англійскихъ гунтерахъ. Нѣсколько времени все шло какъ нельзя лучше, и всѣ были довольны; но послѣ нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ иные богатые маменькины дѣтки и бабушкины внучки чуть не посломали себѣ шей, перепрыгивая по Англійскому обычаю

Черезъ пни, черезъ кочки и колоды,
Черезъ заборы, рвы и воды,

на такихъ лошадяхъ, которыя умѣли не прыгать, а только піафировать, вдругъ на бѣдную охоту и ея директоровъ возстало страшное гоненіе: она подверглась общему негодованію въ Московскихъ салонахъ, и, къ сожалѣнію, надобно было ее уничтожить. А жаль! Эти охоты,

содержимыя на общій счетъ желающихъ ими пользоваться, чрезвычайно удобны для охотниковъ всякаго состоянія. Заплатилъ одинъ разъ въ годъ извѣстную небольшую сумму—и ѣзди себѣ бариномъ, не заботясь рѣшительно ни о чемъ.

25 Сентября, Вторникъ. Знаменитая панорама Парижа, принадлежавшая архитектору Кампорези, снята, и самое строеніе продается въ сломку на дрова. Sic transit gloria mundi! [1]) А какая прелестная была эта панорама! Говорили, что хотятъ снять панораму Москвы съ колокольни Ивана Великаго. Если это правда, то архитекторъ или живописецъ, который съ сей точки снимать ее будетъ, ошибется въ разсчетѣ: онъ потеряетъ лучшій point de vue—Кремль. По мнѣнію знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, напримѣръ Тончи, Молинари и др., лучшимъ пунктомъ для снятія Москвы могутъ быть Воробьевы горы, съ которыхъ вся Москва видна какъ на ладони, или Сухарева башня. Если же бы захотѣли представить Москву въ отдаленіи пейзажемъ, то надобно рисовать ее съ Поклонной горы, или съ возвышенностей с. Черкизова.

На будущей недѣлѣ фехтовальный учитель Севенаръ съ сыномъ будутъ держать публичный assaut съ другимъ, такимъ же фехтовальщикомъ, какъ и они сами, сэромъ Сибертомъ. Посмотримъ, кто изъ нихъ проворнѣе и ловчѣе. Я учился у Севенара и прежде у Сиво въ пансіонѣ Ронка́ и, къ сожалѣнію, не могу похвастаться ихъ отзывами. На вопросъ Ронка́ Сиво, надѣется ли онъ, что я успѣю сколько-нибудь въ искусствѣ, послѣдній отвѣчалъ: «Monsieur, je n'ai jamais vu de flandrin plus gauche que celui-la» [2])—и справедливо: я было выкололъ ему глазъ. Танцованье и фехтованье дались мнѣ еще менѣе, чѣмъ математика.

29 Сентября, Субота. Альбини пріѣдутъ въ Москву не прежде, какъ въ концѣ будущаго мѣсяца; слѣдовательно и думать нечего быть въ Петербургѣ ближе Ноября. Петръ Ивановичъ восхищается моимъ «Артабаномъ», котораго 4-е дѣйствіе я почти кончилъ; но я не очень ему довѣряю. Когда совершенно кончу, покажу Мерзлякову и Буринскому, а тамъ рѣшусь показать Плавильщикову, котораго попрошу сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе и дать совѣтъ насчетъ расположенія сценъ. Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть!

Не помню, на чемъ остановилась исторія о «Перренѣ» [3]); кажется, на запискѣ, найденной мужемъ въ комнатѣ жены своей. Изъ этой

---

[1]) Такъ проходитъ слава на свѣтѣ.

[2]) М. г., никогда не видалъ я коротышки косолапѣе этого.

[3]) См. выше подъ 30 Іюля.

записки, заключавшей въ себѣ наставленія и средства, какъ скрыть нѣкоторыя обстоятельства, предосудительныя для чести мамзель Рабó, Глѣбовъ получилъ понятія, хотя и не совсѣмъ ясныя, что онъ могъ быть жертвою обмана, и потому рѣшился надзирать за женою и за окружавшими ее Французами молча и скрѣпя сердце. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и однакожъ не представилось ни одного случая, который бы далъ возможность Г. убѣдиться или въ справедливости, или въ неосновательности своего подозрѣнія. Онъ страдалъ, потерялъ аппетитъ и сонъ, ослабѣлъ и похудѣлъ, сдѣлался равнодушнымъ ко всему, кромѣ одной идеи: подстеречь жену свою, которая между тѣмъ съ каждымъ днемъ становилась къ нему нѣжнѣе, оказывала ему наивозможныя ласки, пеклась о немъ и тысячью мелочныхъ предупрежденій, которыхъ тайна извѣстна однимъ только женщинамъ, старалась разсѣять мрачныя мысли своего мужа и возвратить его нѣжность.

Наконецъ случай, такъ нетерпѣливо ожидаемый Глѣбовымъ, представился. Однажды ночью услышалъ онъ, что чуть-чуть скрипнула дверь, ведущая изъ спальни въ корридоръ, въ глубинѣ котораго находилась комната мамзель Шеватò, и что съ этимъ скрипомъ жена его, вставъ съ постели, тихонько на цыпочкахъ пошла въ корридоръ, и затѣмъ, какъ ему почудилось, въ комнату своей горничной. Г. сдѣлалъ тоже самое: всталъ и также на цыпочкахъ отправился за женою, остановился у дверей Шеватó, притаилъ дыханіе, приложилъ ухо къ дверямъ и сталъ слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ комнатѣ начался уже разговоръ шопотомъ. «Да отчего же ты, несчастная, до сихъ поръ ничего еще не умѣла сдѣлать ни для себя, ни для насъ? Ты видишь, мужъ твой олухъ; чтó можешь ты извлечь изъ него однѣми ласками и угожденіями, когда нужны характеръ и настойчивость. Надобно подъ-часъ и возвысить голосъ. Ласки твои были кстати для начала; но теперь, когда ты видишь, чтò за человѣкъ твой мужъ, который какъ будто пренебрегаетъ твоими ласками, надобно взяться за него другимъ образомъ: надобно у него просить, требовать и надоѣдать ему. Гдѣ брильянты первой жены его? Они всѣ должны бы давно принадлежать тебѣ и намъ. Да отчего онъ такъ перемѣнился вскорѣ послѣ свадьбы? Этой загадки ты не умѣла разрѣшить мнѣ до сихъ поръ; сдѣлала ли ты именно все то, о чемъ я говорилъ тебѣ и даже далъ письменное наставленіе? Я всегда зналъ, что ты глупа, но до сихъ поръ не думалъ, чтобъ ты была глупа до такой степени». Этой выходки говорящаго достаточно было для Г., чтобъ узнать въ немъ Перрена; съ этой минуты все для него было ясно. Онъ возвратился на постель свою, закашлялъ и какъ будто ненарочно, въ просонкахъ, уронилъ со стола табакерку, чтобъ прекратить ночное свиданіе и вы-

звать жену, которая точно возвратилась, но ужъ не на цыпочкахъ, и хотя тихо, но обыкновенною своею походкою и спокойно, какъ будто выходила за чѣмъ-нибудь другимъ. Мужъ не обратилъ вниманія на приходъ жены и притворился спящимъ, но между тѣмъ обдумывалъ планъ, который на другой же день и хотѣлъ привести въ исполненіе.

Утромъ Марья Петровна разливала чай, но была печальнѣе обыкновеннаго; Г. же, напротивъ, казался спокойнѣе и былъ разговорчивѣе. «Нынѣшнею ночью мнѣ снились престранныя вещи», сказалъ онъ; между прочимъ, приснилось мнѣ, что ты—не ты и что, вмѣсто тебя, я обнималъ змѣю». Жена посмотрѣла ему пристально въ глаза. «Сонъ твой удивителенъ, милый другъ; но мой сонъ еще удивительнѣе: мнѣ пригрезилось, что какой-то злой духъ точно обратилъ меня въ змѣю, и я жалила и кусала тебя, но, побѣжденная твоимъ терпѣніемъ, я опустила голову; ты хотѣлъ раздавить меня и однакожъ не раздавилъ, а великодушно предоставилъ меня судьбѣ моей». Г. изумился. «Такъ поэтому ты догадываешься, о чемъ я говорить намѣренъ?»—«Не только догадываюсь, но знаю и два мѣсяца ищу случая броситься къ ногамъ твоимъ и открыть тебѣ всѣ адскіе противъ тебя замыслы, которыхъ хотѣли меня сдѣлать орудіемъ.»—«Кто жъ ты, несчастная?»—«Я бѣдная сирота, воспитывавшаяся изъ милости въ одномъ богатомъ Парижскомъ домѣ и обольщенная Перреномъ. Фамилія моя точно Рабо́, но мнѣ не 19-ть лѣтъ, какъ хотѣли въ томъ увѣрить тебя, а 24. Я долго отказывалась отъ участія въ замыслахъ злодѣя, но меня къ тому принудили почти силою и угрозами, а сверхъ того представили такія блестящія надежды въ будущемъ, что онѣ въ несчастномъ, отчужденномъ моемъ положеніи вскружили мнѣ голову. Я сказала все; остальное ты самъ узнать можешь. Теперь дѣлай со мною, что̀ хочешь. Совѣсть мучитъ меня, и я готова искупить мое заблужденіе и, если хочешь преступленіе, такими наказаніями, какія ты придумаешь; подвергаюсь имъ безусловно: какъ бы они жестоки ни были, но будутъ все легче теперешняго невыносимаго моего положенія». Кончивъ признаніе, она зарыдала. Г. обомлѣлъ и погрузился въ размышленіе. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ подалъ ей руку и сказалъ, что ее прощаетъ, но что она должна все сказанное ему подтвердить передъ тѣмъ лицомъ, которое онъ привезетъ съ собою; а между тѣмъ, чтобъ до тѣхъ поръ весь разговоръ сохранялся въ тайнѣ отъ Перре́на, Шевато́ и Курбе́.

У Г. былъ пріятель, начальникъ разыскной экспедиціи, князь Николай Ѳедоровичъ Барятинскій. Онъ поѣхалъ къ нему, открылъ ему всю подноготную и просилъ совѣта и наставленія, что̀ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ.—«Что́ дѣлать?» сказалъ ему Барятинскій; «да главное ты уже сдѣлалъ, то-есть простилъ жену свою и поступилъ

умно иначе вышла бы огласка, а насмѣшники не были бы на твоей сторонѣ. Пусть эта раскаявшаяся женщина въ поступкахъ своихъ отдастъ теперь отчетъ Богу; но разбойниковъ преслѣдовать должно. Поѣдемъ сейчасъ къ Архарову, а ужъ онъ по своей обязанности будетъ умѣть распорядиться какъ слѣдуетъ».

Тогдашній оберъ-полицiймейстеръ, бригадиръ Н. П. Архаровъ, имѣлъ репутацію мастера своего дѣла. Его иначе не называли, какъ Русскимъ де-Сартиномъ; насчетъ его догадки и проницательности ходило въ народѣ множество анекдотовъ, которые—были справедливы или нѣтъ—но доказывали, однакожъ, что Архаровъ обладалъ большими способностями для своего назначенія. Онъ терпѣливо выслушалъ обоихъ друзей, нѣсколько подумалъ и потомъ громко свистнулъ. На этотъ свистъ явился дежурный полицейскій, котораго онъ тотчасъ же отправилъ за однимъ изъ помощниковъ своихъ, Максимомъ Ивановичемъ Шварцомъ. «Это малой ловкій и дѣльный», сказалъ Архаровъ, «хотя душонка-то у него такая же, какъ и его фамилія».

Шварцъ не замедлилъ явиться. «Знаешь ли ты, Максимъ Иванычъ, Француза Перрена?»—«Какъ не знать, ваше высокородіе! Это самый тотъ, который возлюбленную свою выдалъ недавно замужъ за одного богатаго помѣщика.»—«Это, братецъ, не наше съ тобою дѣло; всякій воленъ жениться на комъ похочетъ; а вотъ видишь ли: у этого Перрена должны быть другіе замыслы, такъ надобно сегодня же о нихъ поразвѣдать и узнать покороче, чѣмъ онъ промышляетъ, какіе и откуда имѣетъ доходы, съ кѣмъ водится, и нѣтъ ли у него какихъ товарищей и пособниковъ. На этого Француза жалобъ никогда не бывало, и видишь ли, онъ принятъ въ хорошихъ домахъ; однакожъ мнѣ нужно узнать въ подробности весь его домашній бытъ. Такъ ты собери-ка немедленно всѣ свѣдѣнія, да завтра же утромъ и представь ихъ мнѣ. Теперь ступай съ Богомъ!» Отпустивъ Шварца, Архаровъ распростился также съ княземъ Барятинскимъ и Глѣбовымъ наказавъ послѣднему не отлучаться на другой день изъ дома, потому что въ продолженіе дня онъ побываетъ у него самъ, инкогнито.

А покамѣстъ прости; на досугѣ доскажу окончаніе этой исторіи.

4 Октября, Четвергъ. У Алферьева видѣлъ я старика Дмитрія Өедоровича Алфимова, который нѣкогда служилъ товарищемъ Московскихъ губернаторовъ, прежде И. И. Юшкова, а потомъ графа Өедора Андреевича Остермана, брата канцлера (1771—1778), вмѣстѣ съ Никитою Ивановичемъ Бестужевымъ. Ему давно за 70 лѣтъ, а до сихъ поръ такъ живъ, такъ разговорчивъ и такую имѣетъ память, что нельзя не удивляться. Это неисчерпаемый источникъ разныхъ сказаній

о современныхъ ему событіяхъ. За завтракомъ—nota bene, весьма невкуснымъ, стряпни г. Баца – послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, которыя развязали ему языкъ, онъ забросалъ насъ анекдотами о нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ сослуживцахъ, которые, видно, были препорядочные оригиналы. Такъ, напримѣръ, разсказывалъ о губернаторѣ Остерманѣ, котораго необыкновенная разсѣяность извѣстна всѣмъ по преданіямъ, какъ онъ однажды принялъ одного знатнаго посѣтителя за одну барыню, обличалъ его въ мотовствѣ и распутствѣ и грозилъ отдать въ опеку; и какъ въ одномъ пріятельскомъ домѣ онъ хотѣлъ поднять хозяина на руки вмѣсто внука его, удивляясь, отчего мальчикъ въ недѣлю такъ потяжелѣть могъ. Между прочимъ смѣшилъ онъ насъ разсказомъ о процессѣ тогдашняго прокурора Тимоѳея Григорьевича Миславскаго, извѣстнаго подъ скромнымъ названіемъ Тимоши, съ ассесоромъ Розыскной Экспедиціи Вележевымъ, за корову, процессѣ, продолжавшемся лѣтъ восемь и кончившемся тѣмъ, что корова признана не принадлежащею ни тому, ни другому; наконецъ, pour la bonne bouche разсказалъ о двухъ братьяхъ Михиныхъ (изъ которыхъ одинъ служилъ секретаремъ), женившихся въ одинъ день и часъ на бабушкѣ и внучкѣ. Эти Михины имѣли нѣкоторое состояніе и были очень дружны между собою, но до женитьбы такъ скупы, что вся цѣль ихъ брака, кромѣ надежды на приданое невѣстъ, состояла въ томъ, чтобъ не платить работницамъ. Однакожъ они обманулись въ разсчетѣ и, вмѣсто предполагаемой экономіи, вовлечены были въ излишнія издержки, о которыхъ толковали ежеминутно съ самою плачевною физіономіею. Алферьевъ подтвердилъ исторію о Перренѣ со всѣми ея подробностями и, старики другъ передъ другомъ въ запуски вспоминали о минувшихъ годахъ своего молодечества, удивляясь, какъ могло все такъ легко сходить имъ съ рукъ, и еще болѣе тому, что прежняя ихъ жизнь не оставила на нихъ никакихъ слѣдовъ, и они до сихъ поръ пользуются совершеннымъ здоровьемъ. Жаль, что пришедшіе не въ пору къ Алферьеву другіе посѣтители помѣшали мнѣ кончить мои разспросы у словоохотливыхъ стариковъ о происшествіяхъ, бывшихъ во время чумы, и особенно о томъ участіи, которое принималъ въ уничтоженіи заразы присланный отъ Императрицы князь Г. Г. Орловъ. Впродолженіе моихъ разспросовъ я замѣтилъ, до какой степени всѣ эти старики были проникнуты уваженіемъ къ памяти императрицы Екатерины: ни одинъ изъ нихъ не могъ произнести имени Великой, не вздохнувъ глубоко и не прибавивъ къ нему фразы: *блаженной памяти*!

9 Октября, Вторникъ. Мало-по-малу Москвичи начинаютъ возвращаться изъ деревень, и общества становятся гораздо оживленнѣе.

Въ клубѣ возникаютъ толки и разныя предположенія касательно наступающихъ военныхъ дѣйствій; а между тѣмъ вчера Общество Испытателей Природы праздновало день своего основанія. Президентствовалъ графъ А. К. Разумовскій, у котораго въ его селѣ Горенкахъ такая богатая коллекція разныхъ заморскихъ растеній, собранныхъ съ неимовѣрными трудами и издержками во всѣхъ частяхъ свѣта. Были Ив. Ив. Дмитріевъ, графъ Хвостовъ, оберъ-полиціймейстеръ Балашовъ, Бекетовъ, много другихъ особъ, и между прочимъ докторъ Фрезъ или Фрезе, состоящій членомъ общества. Безъ этого Фреза ни одинъ достаточный Москвичъ ни выздоровѣть, ни умереть не смѣетъ: это оракулъ всѣхъ богатыхъ домовъ. Кромѣ того, что онъ, по званію своему медика, полновластно распоряжается здоровьемъ своихъ паціентовъ,—онъ ихъ совѣтникъ, опекунъ и въ одномъ лицѣ своемъ соединяетъ всѣ эти важныя и тягостныя обязанности. Говорятъ, что онъ человѣкъ умный и благонамѣренный; должно быть такъ, если умѣлъ снискать такое общее благорасположеніе. Нынѣшнею весною за кузину нашу М. Ф. В. сватался женихъ, и партія, казалось, была очень выгодная; но тетка не могла рѣшиться безъ согласія Фреза, который этого согласія, къ прискорбію невѣсты, почему-то не далъ, и жениху отказали. Какъ хочешь суди, а нельзя безъ положительныхъ достоинствъ добиться такого вліянія на семейства: мы не Гуроны же какіе-нибудь.

Помѣщикъ Кологривовъ, родственникъ полиціймейстера Ивашкина, пріѣхавшій по дѣламъ въ Москву, привезъ борзую собаку такой неслыханной рѣзвости, что у всѣхъ охотниковъ только и разговоровъ, что объ этомъ феноменѣ. Говорятъ, что Л. Д. Измайловъ предлагалъ за нее двѣ тысячи рублей; но Кологривовъ отклонилъ предложеніе, сказавъ, что, будучи самъ охотникомъ, онъ не отдастъ ея ни за какія деньги; отказъ его изумилъ многихъ и еще болѣе возвысилъ достоинство собаки въ мнѣніи охотниковъ. Всѣ наперерывъ ѣздятъ на садку взглянуть на Вихря, но только рѣдкимъ удалось видѣть его; потому что Кологривовъ вывозитъ свое сокровище не въ назначенное время, а какъ случится.

12 Октября, Пятница. На этихъ дняхъ, послѣ разгульнаго обѣда у А. Ѳ. Воейкова, Мерзляковъ, заспорившій съ амфитріономъ объ истинномъ краснорѣчіи, спросилъ у него: «Да знаешь ли самъ ты, чтó составляетъ настоящую силу краснорѣчія?» Воейковъ захохоталъ. «Это знаетъ всякій школьникъ, Алексѣй Ѳедорычъ: «умъ, логика, познанія, даръ слова, звучный и пріятный органъ и ясное произношеніе составляютъ оратора».—«Не на вопросъ отвѣтъ, Александръ Ѳедо-

рычъ. Я спросилъ, что̀ составляетъ *настоящую* силу краснорѣчія?»— Да что же другое можетъ составлять его, какъ не тѣ качества, которыя я уже назвалъ?»—«Эхъ, любезный, да развѣ простой мужикъ имѣетъ какое-нибудь понятіе о логикѣ? Развѣ онъ учился чему-нибудь? Развѣ произношеніе его ясно и правильно? А между тѣмъ мы видимъ часто очень краснорѣчивыхъ людей изъ простонародья. Нѣтъ, Александръ Ѳедорычъ, дѣйствительная сила краснорѣчія заключается единственно въ собственномъ неколебимомъ убѣжденіи того, въ чемъ другихъ убѣдить желаешь. Не знай ничего, имѣй какой хочешь органъ и выговоръ, но будь проникнутъ своимъ предметомъ, и тогда будешь имѣть успѣхъ; иначе со всѣми твоими качествами ты останешься только простымъ школьнымъ риторомъ».

Воейковъ объявилъ, что хочетъ написать поэму.—«Мѣтишь въ Хераскова, любезный!» сказалъ Мерзляковъ. «Лучше напиши хорошую пѣсню: скорѣе доплетешься до безсмертія. До Гомера или Виргилія достигнуть мудрено; да и при нашемъ образѣ мыслей и жизни, при нашихъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ, какой вымыселъ можетъ подѣйствовать на душу твоихъ читателей? Къ тому же, принимаясь за дѣло, надобно прежде соразмѣрить съ нимъ свои силы. Ты человѣкъ умный и долженъ знать, что страсть къ большимъ литературнымъ трудамъ— несомнѣнный признакъ мелкаго таланта, точно такъ же, какъ и страсть къ необдуманнымъ колоссальнымъ предпріятіямъ — рѣзкій признакъ мелкой души: то и другое доказываетъ только неясное сознаніе своей цѣли и заблужденіе самолюбія».

Мерзляковъ обѣщался просмотрѣть моего «Артабана».—«Но зачѣмъ принялся ты за трагедію?» сказалъ онъ мнѣ: «развѣ не нашелъ занятія болѣе по твоимъ силамъ? Озеровъ всѣхъ васъ свелъ съ ума». Я откровенно признался ему, что сочиняю «Артабана» въ томъ только намѣреніи, чтобъ проложить себѣ дорогу въ общество Петербургскихъ литераторовъ, зная самъ, что трагедія моя не будетъ имѣть никакихъ сценическихъ достоинствъ; но по крайней мѣрѣ нѣкоторые порядочные въ ней стихи могутъ служить доказательствомъ моей грамотности.—«Ну, это дѣло другое, и выдумка недурная», улыбаясь сказалъ Мерзляковъ; «посмотримъ твоего *барабана*».

16 Октября, Вторникъ. Вчера выѣхалъ военный губернаторъ въ Петербургъ. Нашлись люди, которые чрезвычайно озабочены тѣмъ, что онъ отправился въ *Понедѣльникъ*: какая-де надобность выѣзжать въ Понедѣльникъ? Вѣдь въ недѣлѣ семь дней. Истина неоспоримая!

А между тѣмъ въ клубѣ толкуютъ, что Тутолминъ поѣхалъ точно не даромъ и что поголовное вооруженіе должно состояться непремѣнно.

Странное дѣло: поголовнаго вооруженія желаютъ болѣе тѣ люди, отъ которыхъ нельзя было ожидать какой-нибудь воинственности; это старики или отставные, давно живущіе на покоѣ.

Въ дѣтствѣ моемъ случалось мнѣ видать извѣстную Катерину Прокофьевну Трощинскую, необыкновенную красавицу во всѣхъ отношеніяхъ, которая въ Москвѣ съ ума сводила молодыхъ и стариковъ, знатныхъ и незнатныхъ, и которую нарочно ѣздили смотрѣть въ тѣ общества и собранія, гдѣ встрѣтить ее предполагали. Она обыкновенно каждую весну и осень, по дорогѣ изъ Москвы въ деревню и обратно, заѣзжала съ мужемъ къ моей бабкѣ и отдыхала у насъ цѣлые сутки, а иногда и болѣе. Она очень ласкала меня и всегда привозила какой-нибудь гостинецъ. Первая книга гражданской печати, которую я читалъ, *Свѣтъ зримый въ лицахъ*, съ картинками, была послѣднимъ ея подаркомъ; послѣ я не видѣлъ ея болѣе, но сохранилъ о ней самое пріятное и даже ясное воспоминаніе.

Намедни въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, отслушавъ обѣдню и подходя ко кресту, я пораженъ былъ сходствомъ одной старицы съ Катериною Прокофьевною: тотъ же ростъ, тѣже черты лица, только похудѣвшаго и пожелтѣвшаго; тѣже глаза, только угасшіе и впалые; тѣже ямочки на щекахъ и тоже кроткое выраженіе физіономіи. Я на нее смотрю пристально, и она на меня также смотритъ; я смѣшался и однакожъ не могъ свести съ нея глазъ. Она улыбнулась и, указывая на меня, что-то сказала послушницѣ, стоявшей съ нею на клиросѣ. Та подошла ко мнѣ. «Мать Екатерина приказала спросить васъ: вы не сынъ ли Александры Гавриловны?»—«Точно такъ. Но скажите, неужто же это Катерина Прокофьевна?» «Да-съ. Мать Екатерина проситъ васъ, если что̀ не мѣшаетъ вамъ, зайдти къ ней въ келью». «Съ радостью! Скажите матушкѣ, съ величайшей радостью», отвѣчалъ я: и точно, я такъ былъ счастливъ, что готовъ былъ заплакать отъ удовольствія. Первымъ словомъ Катерины Прокофьевны, по входѣ моемъ въ ея келью, было:—«Ты ли это, Стёпушка? Боже мой, какъ похожъ на мать! Еслибъ не твое сходство съ нею, я никогда бы тебя не узнала». —«Но я бы узналъ васъ, Катерина Прокофьевна, не смотря на черное одѣяніе ваше и эту высокую шапку».—«Да», сказала она. «Богъ привелъ меня къ тихому пристанищу; не знаю, какъ благодарить Его за то душевное спокойствіе, которое я нашла въ этихъ стѣнахъ. Теперь молюсь объ одномъ, чтобъ кончина моя была такъ же тиха и безмятежна; что̀ же принадлежитъ до жизни загробной, то буди Его святая воля! Я вѣрую во спасеніе, потому что и на мнѣ также есть капля крови Христовой». Тутъ пошли взаимные вопросы и разспросы; я разсказалъ ей о своихъ, о себѣ, о моихъ надеждахъ и предположе-

ніяхъ и проч. и просилъ ее разсказать мнѣ свою исторію. «Она коротка», отвѣчала она: «я овдовѣла; успѣхи въ обществахъ, которые я имѣла, никогда не прельщали меня, и этотъ коварный свѣтъ не владѣлъ моимъ сердцемъ. Я размыслила: что̀ я буду дѣлать въ обществѣ одна, безъ связей, безъ сердечныхъ привязанностей? Быть цѣлью искательствъ бездушныхъ людей или предметомъ злословія... Богъ съ нимъ, этимъ обществомъ! И вотъ рѣшилась идти въ монастырь, продала свои сто душъ и столько же оставленныхъ мнѣ мужемъ, построила себѣ эту келью, шесть лѣтъ жила на послушаніи, пять лѣтъ какъ пострижена, половину капитала отдала монастырю, меня пріютившему, остальной— родственникамъ покойнаго мужа, которые снабжаютъ меня всѣмъ нужнымъ превыше моихъ надобностей, и живу, какъ я сказала тебѣ, въ ожиданіи безмятежной кончины. Я рада была тебя видѣть, потому что знала тебя ребенкомъ, но другихъ старыхъ знакомыхъ рѣдко принимаю: они напоминаютъ мнѣ такое время и такія обстоятельства, которыя я стараюсь забыть, и Господь помогаетъ мнѣ слагать съ себя ветхаго человѣка и мало по малу облекаться въ новаго».

Напившись, по обыкновенію монастырскому, чаю, я оставилъ Катерину Прокофьевну съ неизъяснимымъ чувствомъ умиленія и покорности Провидѣнію. Она напутствовала меня благословеніями. Богъ вѣсть, удастся ли опять видѣться съ нею?

21 Октября, Воскресенье. Перестань выть, любезный: вотъ тебѣ требуемое окончаніе исторіи о Перренѣ. Проклятый надоѣлъ мнѣ смертельно. У меня недоставало духу передать тебѣ въ подробности всѣхъ продѣлокъ этого мерзавца, и потому долженъ былъ сокращать и очищать записанный мною буквально разсказъ Алферьева; а это стоитъ труда и отвлекаетъ меня отъ «Артабана». Ну, слушай!

Архаровъ, по обѣщанію своему, точно на другой день вечеромъ пріѣхалъ къ Глѣбову и привезъ съ собою Шварца. Оба прибыли въ партикулярныхъ платьяхъ и подъ другими фамиліями. Г. представилъ ихъ, какъ стародавнихъ пріятелей, женѣ и просилъ ее разсказать имъ откровенно все то, въ чемъ она ему наканунѣ созналась, и вмѣстѣ пояснить многія другія обстоятельства, о которыхъ они спрашивать ее будутъ. Г. представилъ ей, что этого требуетъ обоюдное ихъ спокойствіе, и чтобъ она не имѣла за себя никакого опасенія. Марья Петровна сначала нѣсколько смѣшалась, но потомъ, тотчасъ же оправившись, объявила, что она не намѣрена ничего скрывать и, рѣшившись однажды сдѣлать признаніе мужу, не имѣетъ причины утаивать проступка своего отъ его пріятелей, тѣмъ болѣе, что онъ самъ того желаетъ. За симъ, подтвердивъ Архарову и Шварцу все сказанное мужу,

она кончила свою исповѣдь тѣмъ, что изъявила готовность отвѣчать на всѣ другіе вопросы, какіе ей сдѣланы будутъ.

Русскій де-Сартинъ съ своимъ помощникомъ остались довольны дальнѣйшими показаніями Марьи Петровны. Изъ нихъ открылось, что Дюкро, одинъ изъ извѣстныхъ Парижскихъ искателей приключеній, не поладивъ съ Парижскою полиціею, отправился, подъ фамиліею Перрена, физика, химика и механика, въ Вѣну, въ которой хотѣлъ основать свою резиденцію и общество алхимиковъ; однакожъ, не встрѣтивъ въ разсчетливыхъ Нѣмцахъ ни того радушія, ни того любопытства и легковѣрія и особенно той щедрости, какія для успѣховъ его операцій были необходимы, онъ бросился въ Петербургъ и прожилъ тамъ около года, втираясь въ высшій кругъ общества и составляя себѣ нужныя знакомства; какъ вдругъ, послѣ одного свиданія съ какимъ-то богатымъ человѣкомъ, онъ тотчасъ рѣшился ѣхать въ Москву, принявъ къ себѣ въ услуженіе фокусника Мезера, слесаря Курбѐ, кондитера Гофмана, бывшую надзирательницу въ одномъ пансіонѣ мадамъ Пикѐ и швею Шеватѐ. По прибытіи въ Москву, нанялъ онъ для себя квартиру на Мясницкой, въ домѣ Левашова, а для своей колоніи въ отдаленной части города, въ домѣ Мартьянова, въ которомъ водворилъ мадамъ Пикѐ полною хозяйкою, выдавъ ее за вдову одного Французскаго полковника, оставившаго ей по смерти хорошее состояніе, и за крестную мать сироты Рабѐ; прочіе же Французы и Нѣмецъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, исполняли должности—первый домашняго друга, а послѣдніе разныхъ служителей, разумѣется, только при гостяхъ; но безъ постороннихъ людей они были такими же господами, какъ и сама хозяйка. Откуда Перренъ получалъ деньги, Марья Петровна сама не знала; но ей извѣстно было, что въ деньгахъ онъ никогда не нуждался, щедро платилъ своимъ агентамъ и давалъ ей самой болѣе, нежели сколько было нужно, непремѣнно требуя, чтобъ она всегда была щегольски одѣта.—«Я имѣю свои виды», говорилъ онъ ей, «и хочу сдѣлать твое счастіе; это счастіе можетъ заключаться только въ замужествѣ съ богатымъ человѣкомъ, и я увѣренъ, что оно скоро удастся; но для этого ты должна войти въ мои намѣренія и способствовать имъ всѣми твоими силами и способностями. Обратись покамѣстъ, такъ-сказать, въ машину, которую я буду двигать по своей волѣ. Доселѣ я могъ быть виноватъ предъ тобою; но что̀ было, то прошло, и воспоминаніе прошедшаго не должно препятствовать твоей будущности. Мы находимся въ такой странѣ, въ которой съ умомъ и ловкостью всего достигнуть можно. Итакъ вотъ роль, которую ты на себя принять должна: ты, крестница мадамъ Пикé, сирота, воспитанная ею; тебѣ девятнадцать только лѣтъ; первому мужчинѣ, котораго я укажу тебѣ, ты должна

оказывать возможныя ласки и стараться влюбить его въ себя, показывая къ нему сердечную склонность; и еслибъ успѣхъ увѣнчалъ наше намѣреніе, то, разумѣется, ты должна раздѣлить съ нами все то, чтò пріобрѣсть можешь отъ его нѣжности и щедрости. Въ противномъ же случаѣ я долженъ буду бросить тебя на произволъ судьбы, потому что средства мои почти совершенно истощились; и если какой-нибудь благопріятный случай не поправитъ моихъ обстоятельствъ, то чрезъ шесть мѣсяцевъ я буду въ Лондонѣ или Мадридѣ». Такимъ образомъ Марья Петровна волею и неволею приняла на себя роль невинной дѣвушки и ежедневно исполняла ее сообразно намѣреніямъ Перрена, стараясь нравиться тѣмъ посѣтителямъ, которыхъ онъ привозилъ къ мадамъ Пике́, и завлекать ихъ въ свои сѣти; но старанія ея были безуспѣшны до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтилась съ Глѣбовымъ, которому, наконецъ, она понравилась, и вышла за него замужъ.

«Но скажите, сударыня», спросилъ ее Архаровъ: «чтò дѣлали посѣтители въ то время, когда они вамъ не строили куръ?» — «Чтò дѣлали?» отвѣчала Марья Петровна. «Нѣкоторые пили и играли въ карты или кости, а другіе занимались съ Перреномъ въ особомъ кабинетѣ, въ который ни я, ни мадамъ Пике́, ни мамзель Шеватò, не имѣли позволенія входить. Въ чемъ состояли эти занятія, происходившія всегда почти послѣ ужина, мнѣ неизвѣстно; но полагаю, что въ физическихъ опытахъ». Архаровъ продолжалъ свои разспросы: въ какую игру чаще всего играли гости? Если въ фараонъ, то кто металъ банкъ? Всѣ ли вообще занимались игрою? Кто именно былъ въ числѣ гостей? По какимъ днямъ происходили собранія? Были ли для нихъ назначаемы особые дни, или всякій имѣлъ право пріѣзжать ежедневно? Какія роли занимали мадамъ Пике́ и Шеватò? И, наконецъ, нѣтъ ли у Перрена какихъ-нибудь другихъ знакомствъ и связей съ подобными ему авантюристами? Марья Петровна объяснила, что гости большею частью играли въ фараонъ, и Мезеръ, въ качествѣ домашняго друга, держалъ банкъ; что не всѣ посѣтители играли, но нѣкоторые молодые люди занимались ею, или слушали разсказы Перрена, а люди пожилые большею частью отправлялись съ нимъ въ кабинетъ; но чтò тамъ дѣлали— она сказать не умѣла; что пріѣздъ къ нимъ былъ ежедневный, но не иначе, какъ по приглашенію, такъ что между посѣтителями никогда не встрѣчалось людей другъ съ другомъ незнакомыхъ; а для нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ для ея мужа, назначалось всегда особое время, въ которое, кромѣ одного приглашеннаго, никого не принимали. Мадамъ Пике́ играла роль хозяйки дома; но эта роль измѣнялась смотря по обществу, которое у нихъ собиралось: то представлялась она, также какъ и Шеватó, очень серьезною, добродѣтельною и набожною жен-

щиною, то, напротивъ, старалась казаться легкомысленною, безъ всякихъ правилъ и понятія о благонравіи; словомъ, какъ низко она сама ни упала, но стыдится объяснить все то, на что̀ эти женщины рѣшались и на что́ способны рѣшиться. Что̀ касается до связей и знакомствъ Перрена съ такими же, какъ и онъ, искателями приключеній, то ей извѣстно, что онъ имѣетъ ихъ много и находится съ ними въ безпрестанной перепискѣ, но что къ мадамъ Пике́ они не являются, и если видятся съ Перреномъ, то въ его квартирѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Въ заключеніе своего объясненія Марья Петровна, поименовавъ всѣ тѣ лица, которыя ѣздили къ мадамъ Пике́, призналась, что, если она со времени замужества никого принимать не хотѣла, такъ это изъ опасенія встрѣтить кого-нибудь изъ прежнихъ своихъ знакомцевъ, бывшихъ свидѣтелями ея непроизвольнаго кокетства.

Дальнѣйшихъ подробностей разсказывать нечего; кончу тѣмъ, что Архаровъ допросомъ Марьи Петровны хотѣлъ только убѣдиться въ ея чистосердечіи и повѣрить всѣ свѣдѣнія, собранныя Шварцомъ. Въ тотъ же вечеръ у Перрена и мадамъ Пике́, въ одно и тоже время, произведенъ былъ обыскъ. У перваго найдена была огромная корреспонденція, доказавшая, что онъ имѣлъ обширные виды на карманы многихъ Русскихъ баръ и барынь, а въ домѣ послѣдней, въ особомъ кабинетѣ, небольшая лабораторія, собраніе разныхъ физическихъ и оптическихъ инструментовъ, порядочное количество книгъ и рукописей по части алхиміи, астрологіи и магіи, и наконецъ нѣсколько тетрадей съ разными рецептами и средствами къ сохраненію молодости, красоты, обновленію угасшихъ силъ, возбужденію сердечной склонности, и проч. и проч. У Мезера найдены всевозможные аппараты для произведенія фокусовъ и, сверхъ того, большое количество фальшивыхъ и крапленыхъ картъ и поддѣланной зерни; у Курбе́—цѣлыя связки разной величины и разныхъ формъ ключей, съ нѣсколькими слесарными инструментами; у Гофмана—пропасть стклянокъ съ разными настойками и другими неизвѣстными жидкостями, множество заготовленныхъ на разныхъ составахъ конфектъ; словомъ, мошенники захвачены со всѣми орудіями ихъ плутней, и всѣ, начиная съ Перрена до Шевато̀, обличены, уличены и высланы за границу.

А Марья Петровна? Болѣе года жила она въ дальней деревнѣ, куда отправилъ ее мужъ, оплакивая свои несчастія и заблужденія. По прошествіи же сего времени, Г. поѣхалъ къ ней самъ и, узнавъ о скромной ея жизни, искренно примирился съ нею, взялъ обратно съ собою въ Москву и представилъ ее всѣмъ своимъ знакомымъ, которыхъ любовь и уваженіе она впослѣдствіи снискать умѣла любезностью, не-

укоризненнымъ поведенiемъ и нелицемѣрной привязанностью къ мужу. Глѣбовъ со слезами признавался послѣ Архарову, что онъ совершенно счастливъ. «Ну, конечно, чего на свѣтѣ не бываетъ!» отвѣчалъ хладнокровно нашъ де-Сартинъ.

27 Октября, Субота. Къ 10-му или 15-му числу будущаго мѣсяца, по первому санному пути, я ожидаю въ Москву моихъ домашнихъ, которые прiѣдутъ проводить меня. Альбини должны прiѣхать нѣсколькими днями прежде. Я приготовилъ для нихъ помѣщенiе.

Я кончилъ моего «Артабана» и показывалъ его Мерзлякову. «Галиматья, любезный!» сказалъ онъ мнѣ безъ церемонiй; «да нужды нѣтъ: читай его Петербургскимъ словесникамъ самъ, да погромче, оглуши ихъ—и дѣло съ концомъ. Есть славные стихи, только не у мѣста». Вотъ одолжилъ! Я не сержусь за правду, потому что она оскорбляетъ только глупцовъ и малодушныхъ, а я ни тѣмъ, ни другимъ быть не хочу; но долженъ признаться, что сердце какъ-то невольно щемитъ. Попробую иное перемѣнить, а другое сократить; такъ авось лучше будетъ.

Съ горя ѣздилъ вчера смотрѣть на Плавильщикова въ ролѣ Досажаева въ «Школѣ Злословiя», и нынче только узналъ, что эта комедiя переведена Иваномъ Матвѣевичемъ Муравьевымъ - Апостоломъ, который былъ кавалеромъ при Государѣ во время его малолѣтства, а теперь находится посланникомъ въ Мадридѣ. Роль Досажаева, говорятъ, была лучшею ролью Дмитревскаго; но и Плавильщиковъ въ ней отмѣнно хорошъ.

Мнѣ показалось, что въ театрѣ меньше слушали пьесу, чѣмъ говорили о политикѣ. Я вслушался въ разговоры сидѣвшихъ возлѣ меня въ креслахъ Н. И. Баранова и А. М. Лунина, не дождавшихся конца пьесы и уѣхавшихъ въ Англiйскiй клубъ; говорили, что всѣ съ нетерпѣнiемъ ожидаютъ возвращенiя военнаго губернатора, который будто-бы долженъ привезти съ собою какiя-то особыя и очень важныя повелѣнiя Государя на счетъ приготовленiя къ войнѣ; думаютъ, что скоро послѣдуетъ еще манифестъ, объясняющiй наши отношенiя къ прочимъ государствамъ и настоящее положенiе дѣлъ въ Европѣ. Между прочимъ, какой-то господинъ разсказывалъ своему сосѣду, что Александръ Андреевичъ вышелъ въ отставку оттого, что онъ носилъ званiе не главнокомандующаго, а только военнаго губернатора. Не думаю; это сущiй поклёпъ на почтеннаго вельможу-стоика: въ настоящее время выйдти въ отставку по такой пустой причинѣ въ званiи Беклешова все равно, чтò бѣжать съ поля сраженiя; да если онъ и не носилъ званiя главнокомандующаго, такъ въ сущности былъ имъ. Это сплетни, и вѣрить имъ не должно.

1 Ноября, Четвергъ. Покамѣстъ, отъ скуки, я опять началъ таскаться по театрамъ. Князь М. А. Долгоруковъ, у котораго я сегодня обѣдалъ, пригласилъ меня съ собою въ ложу. Давали *Эдипа* и комедію *Алхимистъ*, въ бенефисъ Мочалова. Плавильщиковъ игралъ еще лучше нежели когда-нибудь, и Воробьева въ роли Антигоны была очень недурна. Въ комедіи Сандуновъ являлся въ семи разныхъ персонажахъ и очень смѣшилъ публику. Это настоящій Протей: удивительно, какъ ловко и скоро перемѣняетъ онъ костюмы и мастерски гримируется. Конечно, при пособіи другихъ перемѣнить кафтанъ и парикъ можно и скоро; но какимъ образомъ изъ молодаго румянаго парня превратиться вдругъ въ дряхлаго старика съ морщинистымъ лицомъ, а еще болѣе изъ мужчины въ женщину—я, право, не постигаю. Штейнсбергъ былъ также величайшій мастеръ на эти штуки и, бывало, морилъ насъ со смѣху въ подобныхъ пьесахъ; но для Штейнсберга ненужно было выводить себѣ морщинъ закопченой пробкой: ему только стоило по своему искривить лицо, приподнять нижнюю челюсть, прищурить глаза— и вы его примете за старика. Бѣдный Штейнсбергъ! *Nun lebe, lebe wohl!* [1]) какъ сказалъ пасторъ Гейдеке въ концѣ надгробнаго ему слова, при его отпѣваніи. А вѣдь это *lebe wohl*, обращенное къ мертвецу, для мыслящаго человѣка не *nonsens* [2]), и мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ, долженствовавшихъ вылиться изъ сердца, заключается многое, чтò можетъ познакомить насъ съ духовнымъ міромъ.

5 Ноября, Понедѣльникъ. Снѣгъ валитъ хлопьями. Я радуюсь, потому что чѣмъ скорѣе установится зимній путь, тѣмъ скорѣе прибудутъ наши, и тѣмъ скорѣе послѣдуетъ отъѣздъ мой въ Петербургъ. Теперь я какъ будто самъ не свой: тѣломъ здѣсь, мыслями тамъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ быть въ неопредѣленномъ положеніи; а между тѣмъ получаю безпрерывныя понужденія о скорѣйшемъ прибытіи къ должности.

За обѣдомъ у Л—хъ, П. И. Аверинъ разсказывалъ, между прочимъ, что при началѣ Французской революціи императрица Екатерина, разсуждая съ Сегюромъ о тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ во Франціи, изъявила опасеніе, чтобъ всѣ принятыя королемъ мѣры къ успокоенію народа не были скорѣе гибельны, нежели спасительны для монархіи. Сегюръ умолялъ ее изложить по этому случаю свои мысли на бумагѣ и дозволить ему сообщить ихъ, хотя неоффиціально, королю. Императрица отвѣчала, что она неохотно вмѣшивается въ чужія дѣла; но если онъ считаетъ, что мнѣніе ея можетъ имѣть какой-нибудь вѣсъ

---

[1]) Lebe wohl по-нѣмецки значитъ и „прощай", и „живи здорово".

[2]) Безсмыслица.

и принести отечеству его пользу, то она съ удовольствіемъ напишетъ для него записку, содержаніе которой, въ видѣ простаго разговора, онъ можетъ передать своему королю. Аверинъ присовокупилъ, что у него есть отрывокъ изъ этой записки съ Русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ по приказанію графа Безбородко, для кого-то изъ тогдашнихъ вельможъ, не знавшихъ Французскаго языка. Послѣ обѣда я просилъ Аверина подѣлиться со мною этимъ сокровищемъ и, признаюсь, не надѣялся на его снисхожденіе. «Изволь, мой милый», отвѣчалъ онъ: «пріѣзжай завтра ко мнѣ утромъ, и я дамъ тебѣ списать что̀ захочешь». Вотъ этотъ отрывокъ; кажется, онъ составляетъ заключеніе записки; переводъ плоховатъ, но при оригиналѣ въ немъ нужды нѣтъ, и я его не посылаю.

«Ainsi, monsieur, le résumé de notre conversation est qu'un roi «est perdu, lorsqu'il transige avec son inviolabilité. Il faut que l'auto-«rité d'un souverain soit un principe vital pour ses sujets, autrement «l'autorité n'existe plus; car ce qui constitue la monarchie, c'est la con-«fiance réciproque du souverain et de la nation. C'est à tort que l'Assemb-«lée Nationale pense qu'elle peut relever cette monarchie avec toutes «les restrictions qu'elle veut imposer au pouvoir royal, et c'est encore «plus à tort qu'elle croit pouvoir faire parvenir plus facilement la vé-«rité aux oreilles du roi par le mode qu'elle employe à présent. Il n'en «sera rien, monsieur. Pour que la vérité soit efficace, il faut que le «souverain la comprenne, ou paraisse la comprendre par lui-même et «se l'attire, sans qu'on là lui impose. Quant à la monarchie, il n'y a «qu'une seule chose qui puisse la sauver dans les circonstances actuel-«les: c'est la fermeté du roi et sa résolution inébranlable de ne pas ac-«céder aux propositions de tuteurs, que dans un excès de bonté il s'est «donnés lui-même. Mais avant tout le roi devrait faire ce que Jésus-«Christ a fait à Jérusalem: prendre un fouet et chasser les marchands «du temple. et si par impossible le salut de là monarchie dépendait du «concours de pareilles gens, la nécessité où serait le roi de le subir, «serait le plus grand malheur qui puisse lui arriver, ainsi qu'à la «nation» [1]).

---

[1]) И такъ, милостивый государь, бесѣда наша сводится къ тому, что монархъ погибъ, коль скоро входитъ въ сдѣлки относительно своей неприкосновенности. Надобно, чтобы власть монарха была жизненнымъ началомъ для его подданныхъ, иначе этой власти нѣтъ; ибо сущность монархіи состоитъ во взаимномъ довѣріи между государемъ и народомъ. Напрасно Національное Собраніе полагаетъ возможнымъ поднять монархію посредствомъ всяческихъ ограниченій, которыя оно хочетъ наложить на королевскую власть, и еще болѣе напрасно думать, что, благодаря тѣмъ средствамъ, которыя оно теперь употребляетъ, истина скорѣе будетъ доходить до короля. Изъ этого, милостивый государь, ничего не выйдетъ. Истина только тогда дѣйственна, когда самъ государь ее постигаетъ или даетъ видъ, что постигаетъ, когда онъ ея самопроизвольно ищетъ. Что̀ касается

Если въ окончаніи записки находится столько истинъ и премудрой прозорливости, то что же должна была заключать въ себѣ цѣлая записка? Какъ жаль, что такое сокровище можетъ быть утрачено для насъ и для исторіи великой Монархини!

П. И. Аверинъ дозволилъ мнѣ списать также составленную имъ исторію Сената со времени его учрежденія въ 1711 году до 1801 года, съ комментаріями и со включеніемъ замѣчательныхъ мнѣній и голосовъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, пріобрѣтшихъ извѣстность умомъ своимъ и знаніемъ дѣлъ. Это сочиненіе составляетъ два огромные фоліанта. Не знаю, успѣю ли я воспользоваться его дозволеніемъ вполнѣ, но, во всякомъ случаѣ, постараюсь сдѣлать хотя нѣкоторыя выписки.

9 Ноября, Пятница. Наконецъ всѣ мои собрались; гости и домашніе прибыли почти въ одно время. Они удивились, что въ Москвѣ такъ недавно выпалъ снѣгъ, когда у нихъ санной путь установился еще до 1-го числа. Альбини ѣздилъ съ визитами и привезъ намъ кучу разныхъ новостей, изъ которыхъ, однакожъ, какъ самъ говоритъ, многія сомнительны; но что достовѣрно, такъ это—народное вооруженіе. Утверждаютъ, что въ продолженіе текущаго мѣсяца послѣдуетъ манифестъ. Наши нувеллисты распустили слухъ, что Государь самъ изволитъ прибыть въ Москву; но еслибъ это была правда, военный губернаторъ вѣрно бы зналъ о томъ, а онъ ничего не знаетъ, хотя и недавно возвратился изъ Петербурга: слѣдовательно, это пустая выдумка.

Я успѣлъ вчера свозить своихъ въ Нѣмецкій театръ. Давали *Die Schwester von Prag.* Смѣялись до сыта; но портной *Какаду* ужъ не прежній, *Коропъ* плохъ; но послѣ Штейнсберга играть его больше некому. Бывало, одинъ выходъ незамѣнимаго комика съ этой глупой и пошлой аріею:

Ich bin der Schneider Kakadu,
Gereist durch aller Welt,
Und bin von Kopfe bis zum Schuh'
Ein Bügeleisen - Held;
Gerade komm ich von Paris etc. etc.

заставлялъ хохотать до слезъ. Что за фигура и костюмъ, что за мимика, какая веселость и увлеченіе! Это умора, «умориссима», какъ

монархіи, она можетъ быть спасена, при настоящихъ обстоятельствахъ, только твердостью короля и непоколебимою его рѣшимостью не склоняться на предложенія опекуновъ, которыхъ, по излишней добротѣ, онъ самъ себѣ назначилъ. Но прежде всего королю слѣдуетъ поступить, какъ поступилъ Іисусъ Христосъ въ Іерусалимѣ: взять бичъ и выгнать изъ храма торговцевъ. И если бы (что не мыслимо) спасеніе монархіи зависѣло отъ сборища подобныхъ людей, то необходимость подчиняться имъ была бы для короля, какъ и для народа, величайшимъ бѣдствіемъ.

говоритъ капельмейстеръ Керцелли. Но Штейнсбергъ игралъ и пѣлъ не одно только то, что̀ находилось въ роли; онъ импровизировалъ самъ стихами или прозою—для него было все равно. Видя его внѣ сцены всегда серьёзнымъ и задумчивымъ, нельзя было подумать, чтобъ онъ могъ быть такъ уморителенъ на театрѣ. Впрочемъ, это не первый примѣръ: Мольеръ и Шекспиръ внѣ сцены были также важны, серьёзны и задумчивы; а эти молодцы стоятъ многихъ Штейнсберговъ, бывшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Петръ Ивановичъ, стакнувшись съ моими, понуждаетъ меня заранѣе хлопотать о рекомендательныхъ письмахъ, которыя мнѣ обѣщали графъ Остерманъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій и И. П. Архаровъ. Но я раздумалъ: не возьму ни отъ кого. М. И. Невзоровъ утверждаетъ, что всякое рекомендательное письмо подвергаетъ насъ двойной обязанности: къ тому, кто его далъ и къ кому оно дано; лучше положиться на собственныя свои силы; если жъ ихъ не достанетъ, такъ Богъ помощникъ; въ противномъ случаѣ ничто не удастся. Максимъ Ивановичъ пустаго слова не скажетъ. Сосѣдка наша, старуха Силина, Московка чистой породы, пресерьезно говоритъ: «Батюшка, есть о чемъ заботиться! Были бы деньги, такъ протекція сама сыщется». Денегъ-то у меня много не будетъ, но я вѣрую въ трудъ.

12 Ноября, Понедѣльникъ. Сборы мои въ дорогу уже начались. Меня обшиваютъ и надѣляютъ то тѣмъ, то другимъ для домашняго обихода. Матушка, разсуждая съ Альбини о Петербургскомъ житьѣ-бытьѣ и не имѣя ни малѣйшаго о немъ понятія, изъявила желаніе, чтобъ я нанялъ себѣ *порядочный домъ*. Петербургскіе гости расхохотались. «А сколько же онъ (то-есть я) будетъ получать отъ васъ на прожитокъ?»—«Ужъ конечно не меньше тысячи рублей въ годъ; а сверхъ того стану по зимамъ посылать къ нему въ Петербургъ муку, крупу, ветчину, разную живность, варенье и проч., точно также, какъ все посылала и въ Москву; къ тому жъ прислуга своя. Кажется, можно прилично жить». Разумѣется, можно жить, когда другіе живутъ и ничего не имѣя. По одёжкѣ протягивай ножки и, сидя на рогожѣ, не говори о соболяхъ.

Не смотря на скверную погоду, снѣгъ и вѣтеръ, дѣдушка *), по обычаю своему, притащился объявить мнѣ, что послѣ завтра будутъ давать «Дидону», въ которой Плавильщиковъ играетъ роль Ярба. Если что̀ не помѣшаетъ, то не только поѣду самъ проститься съ Москов-

---

*) Василій Алексѣевичъ Буловъ, отставной суфлеръ. См. выше, подъ 23-го Февраля 1805 года.

скимъ театромъ, но повезу и всѣхъ своихъ въ этотъ прощальный спектакль, о которомъ извѣщу тебя прощальнымъ же письмомъ изъ Москвы. Дѣдушка разсказывалъ, что у Сандуновыхъ между собою начинаетъ быть неладно подъ предлогомъ обоюдной невѣрности, но что настоящая причина ссоры заключается въ томъ, что мужъ, выстроивъ на общій капиталъ бани, записалъ ихъ на свое имя. По сему случаю жена прибѣгла къ покровительству князя Юрія Владимировича Долгорукаго и просила его посредства. Любопытно знать, чѣмъ все это кончится; а вѣдь они женились по страстной любви! Неужто же Карамзинъ сказалъ правду, что

Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, но тонкій волосокъ;
Дохнетъ ли рѣзвый вѣтерокъ,
Порхнетъ ли бабочка межъ ними—
Всему конецъ, и связи нѣтъ!

Впрочемъ, тутъ ужъ не бабочка и не вѣтерокъ, а преогромныя бани. Te voilà, pauvre humanité *)!

16 Ноября, Пятница. Мы предполагали выѣхать 19-го числа, но оказалось неодолимое препятствіе: это число пришлось въ Понедѣльникъ, и потому выѣзжаемъ днемъ прежде, то-есть послѣ завтра. Прощальные мои визиты почти кончены; рекомендательныхъ писемъ я ни отъ кого не взялъ, потому что не просилъ, а обѣщавшіе сами напомнить о нихъ не догадались. Пишу къ тебѣ послѣднее письмо изъ Москвы; а чтобъ оно было несовсѣмъ безъ интереса, такъ вотъ отчетъ о «Дидонѣ». Плавильщиковъ (Ярбъ) поразилъ меня: это рыкающій левъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли, и особенно въ концѣ втораго дѣйствія, онъ такъ былъ страшенъ, что даже у меня, привыкшаго къ ощущеніямъ театральнымъ, невольно билось сердце и застывала кровь; а о сестрахъ я уже не говорю: бѣдняжки до смерти перепугались. По возвращеніи изъ театра, я записалъ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ показался мнѣ превосходнѣе. Семейство князя Михаила Александровича, къ которому я входилъ въ ложу во время антракта, встрѣтило меня радостнымъ вопросомъ: «А каковъ нашъ Лекень?» — «Нечего и говорить», отвѣчалъ я: «превосходенъ!» — «Вотъ то-то же! А у васъ только и на языкѣ, что Штейнсбергъ да мамзель Штейнъ!» Княжны не могутъ простить мнѣ сравненія послѣдней съ Сандуновою.—Въ Понедѣльникъ открывается Французскій театръ, причисленный уже къ Императорскимъ

---

*) Вотъ ты гдѣ, бѣдное человѣчество!—Имя Сандунова, какъ артиста, немногимъ теперь извѣстно; а Сандуновскія бани до сихъ поръ славятся въ Москвѣ! П. Б.

театрамъ; въ это время я буду далеко отъ Москвы, и *задняя забывая, простираться впредъ.* Однакожъ, какъ ни доволенъ я отъѣздомъ, а грустно разстаться съ своими, и невольно думается: когда-то, гдѣ и какъ Богъ приведетъ опять свидѣться? До сихъ поръ я былъ не одинъ; тепло было мнѣ на свѣтѣ, и вотъ чрезъ нѣсколько дней я вдругъ какъ будто осиротѣю и буду одинъ... нѣтъ, виноватъ, я не буду одинъ:

Erinnerung und Hoffnung blühn
Den Herzen, die von Freundschaft glühn *).

Прости: изъ Петербурга я не могу писать къ тебѣ такъ часто, какъ доселѣ писалъ; но можешь быть увѣренъ, что будешь получать раза два или три въ мѣсяцъ ежедневный и подробный журналъ моего житья-бытья и моихъ похожденій на чужой сторонѣ. Привычка—вторая натура: я не могу заснуть безъ того, чтобъ не записать всего, что видѣлъ, слышалъ или чувствовалъ впродолженіе прожитаго дня. Побереги Дураковъ моихъ; и если они произведутъ достойныхъ себѣ потомковъ, то прикажи воспитать ихъ нѣсколько для меня на всякій случай.

*

С.-Петербургъ, 24 Ноября 1806. Субота. Послѣ пятисуточнаго путешествія, мы наконецъ дотащились до Петербурга, и вотъ другой день, какъ я дышу воздухомъ Петербургскимъ и—дома сумасшедшихъ, въ которомъ мы остановились. Почтенный Эллизенъ, тесть Альбини и главный докторъ Обуховской больницы умалишенныхъ, пріютилъ насъ до того времени, какъ успѣемъ пріискать себѣ квартиры. Это умный, искусный врачъ и добрый человѣкъ. Онъ никакъ не допустилъ меня переѣхать въ гостинницу, увѣряя, что онъ давно уже знакомъ со мною; а съ старымъ знакомымъ не церемонятся, и потому онъ арестуетъ меня до пріисканія помѣщенія, которое у него есть уже въ виду, въ домѣ друга его, придворнаго доктора Торсберга, у Каменнаго моста. У Эллизена есть сынъ (такой же красавецъ въ мужчинахъ, какъ въ женщинахъ дочь), который служитъ въ Иностранной же Коллегіи коллежскимъ ассесоромъ и весною долженъ ѣхать въ Америку въ званіи секретаря посольства. Итакъ, волею-неволею, я долженъ прожить нѣкоторое время въ домѣ сумасшедшихъ и, признаюсь, не смотря на ласку и привѣтливость хозяина и на доказательства истинно-братской дружбы Альбини, мужа и жены, я чувствую себя не очень покойнымъ и мысленно тревожусь какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ: не суждено

*) Воспоминаніе и надежда цвѣтутъ для сердецъ, горящихъ чувствомъ дружбы.

ли мнѣ кончить Петербургское мое поприще въ томъ же домѣ, въ которомъ я его началъ? Впрочемъ, воля Божія!

Утромъ явился я къ одолжителю моему, старику Лабату, который встрѣтилъ меня съ восхищеніемъ и тотчасъ же пригласилъ обѣдать. Я отговаривался подъ разными предлогами, но напрасно. Упрямый уроженецъ Гасконіи не выпустилъ меня изъ своего кабинета до самаго обѣда и не приказалъ сказывать о пріѣздѣ моемъ ни старухѣ женѣ своей, ни дочерямъ (изъ которыхъ младшая, Катерина, сегодня именинница), желая неожиданно представить имъ меня предъ са́мымъ обѣдомъ. Но вотъ наступилъ часъ этого обѣда, и дамы вышли въ гостиную; старикъ, оставивъ меня за ширмами, завелъ обо мнѣ рѣчь и съ негодованіемъ жаловался на мое неприбытіе; дамы стали что-то говорить въ мою защиту, какъ вдругъ онъ, толкнувъ меня изъ-за ширмъ, «le voici votre grand flandrin»! вскричалъ онъ: «étouffez le de vos embrassements!» *) Разумѣется, дамы ахнули отъ удовольствія, и буквально чуть не задушили меня своими объятіями. Странное дѣло: болѣе года прошло съ того времени, какъ мы разстались и, слѣдовательно, я долженъ былъ бы показаться имъ годомъ старѣе—вышло напротивъ; я помолодѣлъ для нихъ пятью годами; онѣ обошлись со мною какъ съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ и рѣшительно взяли подъ свою опеку. Тѣмъ лучше! Скоро наѣхали гости, большею частью старые Французскіе эмигранты: маркизъ де-Лаферте, за отсутствіемъ графа Блакаса повѣренный въ дѣлахъ Лудовика XVIII; графъ де-Монфоконъ, маркизъ де-Мастенъ, шевалье де-Ла-Моттъ, генералъ ле-Брёнъ, знаменитый корабельный строитель, состоящій въ нашей службѣ; гвардіи капитаны: Шапъ де-Растиньякъ, графъ де-Бальменъ, Дамасъ, графъ де-Местръ, сочинитель прекрасной книги: «Voyage autour de ma chambre», настоятель церкви Мальтійскаго ордена аббатъ Локманъ, и другіе; но изъ Русскихъ было только двое: я и прелюбезный молодой человѣкъ, Филипъ Филиповичъ Вигель, съ которымъ мы тотчасъ и познакомились. Лабатъ живетъ въ правомъ флигелѣ Михайловскаго за́мка, котораго онъ при покойномъ государѣ былъ кастеланомъ. Теперь эта должность упразднена, и онъ, для проформы, переименованъ въ смотрители Зимняго дворца, съ оставленіемъ при немъ всего жалованья и содержанія.

Вскорѣ послѣ обѣда пріѣхалъ Иванъ Петровичъ Эйнбродтъ, лейбъ-хирургъ императрицы Маріи Θеодоровны, не поспѣвшій къ обѣду по служебнымъ своимъ занятіямъ при дворѣ; меня тотчасъ же ему представили, и я не зналъ, какъ выразить ему благодарность за его хлопоты и заботы о моемъ опредѣленіи. Это прекраснѣйшій человѣкъ. Онъ

---

*) Вотъ онъ, вашъ великій коротышка; задушите его въ вашихъ объятіяхъ.

женатъ на старшей дочери Лабата, вдовѣ генерала Лукашевича, отъ котораго у нея осталось двое дѣтей: сынъ, оставившій службу и находящійся въ деревняхъ своихъ, и дочь, воспитывавшаяся въ институтѣ и живущая у дѣда: дѣвушка преумная и предобрая, но дурная собою и, къ несчастью, тоскующая о томъ безпрерывно. Едва познакомились мы съ ней—и какъ будто цѣлый вѣкъ были знакомы: она тотчасъ успѣла повѣрить мнѣ свое горе и свои жалобы на природу, отказавшую ей въ красотѣ. Aimez moi un peu, monsieur, et je serai une tendre soeur pour vous; je ne puis être rien autre chose pour personne; car vous voyez, je suis si laide *). Бѣдная Марья Лукинична!

Долго продержали меня добрые Лабаты, разспрашивая о томъ о семъ и давая такія подробныя наставленія на счетъ моего поведенія, что, слушая ихъ, я едва удержался отъ смѣха. Они отпустили меня подъ однимъ только условіемъ, чтобъ всякій день у нихъ обѣдать. Поздно возвратился я въ свой домъ сумасшедшихъ, гдѣ радушный мой хозяинъ и милая Дарья Егоровна начинали уже о мнѣ безпокоиться. Я успокоилъ ихъ, сказавъ, что нанялъ славнаго извощика по тридцати рублей въ мѣсяцъ, и продержу его до тѣхъ поръ, пока не узна́ю самъ всего Петербурга.

25 Ноября, Воскресенье. Ныньче слушалъ обѣдню у Спаса на Сѣнной. По окончаніи службы читанъ былъ манифестъ отъ 16-го числа о войнѣ съ Французами. Удивительно, какъ пришелся кстати апостолъ: «Братіе, облецытеся во вся оружія Божія и шлемъ спасенія воспріимите и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій» (ко Ефесеемъ, зачало 233).

По рекомендаціи Эллизена, былъ у Торсберга и нанялъ квартиру въ три комнаты съ небольшою кухнею, по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ. Этотъ Торсбергъ человѣкъ замѣчательной наружности, лѣтъ пятидесяти, маленькій, кругленькій пузанчикъ съ такою открытою физіономіею, такой румяный и такого веселаго нрава, что совсѣмъ непохожъ на доктора. Я началъ съ нимъ говорить по-нѣмецки и очаровалъ его такъ, что онъ, кажется, готовъ былъ бы отдать мнѣ квартиру даромъ, звалъ къ себѣ по Четвергамъ, объявивъ, что въ этотъ день собираются у него пріятели, бываетъ музыка, играютъ и поютъ, иногда танцуютъ, послѣ ужинаютъ и всѣ проводятъ время чрезвычайно весело. Да, этотъ безподобный Herr Doctor—сущая находка!

Альбини также наняли себѣ квартиру и почти насупротивъ дома Торсберга, такъ что изъ окошекъ моихъ видны окошки ихъ квартиры.

---

*) Любите меня немного, сударь, а я буду вамъ нѣжною сестрою; инымъ чѣмъ я не могу быть ни для кого, потому что вы видите, какъ я дурна собою.

Послѣ завтра мы переѣдемъ каждый въ свое гнѣздо, а завтра отправлюсь явиться къ начальству.

26 Ноября, Понедѣльникъ. Утромъ былъ у оберъ-секретаря Иностранной Коллегіи, Ильи Карловича Вестмана; принялъ меня какъ нельзя благосклоннѣе, но пенялъ, отчего такъ долго не являлся я къ должности; разспрашивалъ, чѣмъ занимался прежде и чѣмъ намѣренъ заниматься теперь, хочу ли дѣйствительно служить или служить только для того, чтобъ, какъ многіе, за выслугу лѣтъ получать чины. Я отвѣчалъ, что занимаюсь литературою, легко могу заниматься переводами, если нужно, и что желаю служить дѣйствительно, зачѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ; иначе старался бы опредѣлиться въ Московскій Архивъ.—«Да», сказалъ онъ мнѣ съ усмѣшкою, «для переводовъ комедій Коцебу, подъ дирекціею Малиновскаго». Я возразилъ, что и въ Архивѣ Николай Николаичъ Бантышъ-Каменскій нашелъ бы дѣло желающему.—«Правда», сказалъ онъ, «но дѣло-то Николая Николаича требуетъ труда и усидчивости, а потому охотниковъ на него не находится». Илья Карловичъ велѣлъ позвать экзекутора, С. К. Константинова, и поручилъ ему представить меня, когда явлюсь къ должности, секретарю В. А. Полѣнову и познакомить съ членами Казеннаго Департамента, а между тѣмъ назначить и въ дежурство. «Если же вы, по пріѣздѣ, еще не устроились», присовокупилъ Вестманъ, «такъ можете съ недѣлю и не ходить въ Коллегію». Я сказалъ, что съ благодарностью воспользуюсь его предложеніемъ и употреблю нѣсколько дней на обмеблированіе квартиры и обзаведеніе себя всѣмъ нужнымъ.

Послѣ обѣда заѣзжалъ на короткое время къ Лабатамъ. Нашелъ у нихъ шталмейстера Ададурова съ женою: сидѣли у камина, болтая всякій вздоръ. Звали съ собою во Французскій театръ, въ которомъ имѣютъ постоянную ложу; но я просилъ уволить меня до будущей недѣли отъ всякаго развлеченія. Анна Ивановна Ададурова, которой меня рекомендовали, молодая женщина, очень любезная и словоохотливая, приглашала къ себѣ. Хорошо; но прежде надобно осмотрѣться. Купилъ мебель и посуду, всего рублей на полтораста, и перевезъ на квартиру, въ которой завтра же и ночевать буду.

27 Ноября, Вторникъ. Альбини непремѣнно хотѣлъ меня представить знаменитому доктору, лейбъ-медику Франку, который былъ его наставникомъ въ медицинѣ и котораго почитаетъ онъ своимъ благодѣтелемъ. Я согласился ѣхать съ нимъ единственно въ угодность ему, потому что знакомство съ Франкомъ ни къ чему мнѣ служить не могло; но между тѣмъ послѣ чрезвычайно доволенъ былъ, увидѣвъ это замѣ-

чательнѣйшее лицо въ лѣтописяхъ современной медицины. Франку на видъ около семидесяти лѣтъ; но какое прекрасное старческое лицо, какой умный и живой разговоръ! Онъ спросилъ меня, какими предметами наукъ я занимался въ Университетѣ и не имѣю ли намѣренія продолжать занятія по какой нибудь специальной части для составленія себѣ карьеры. Этотъ вопросъ смутилъ меня: *предметы наукъ, специальная часть*! Этого никогда мнѣ и въ голову не приходило, и Франкъ, кажется, полагалъ, что говоритъ съ *Нѣмецкимъ студентомъ*. Однакожъ, къ счастью, мнѣ пришло на мысль сказать, что я больше занимался словесностью, которую считалъ полезнѣйшею для избраннаго мною рода службы. Тутъ заговорилъ онъ о Гёте, Шиллерѣ, директорѣ нашего Кадетскаго Корпуса Клингерѣ, Гуфландѣ и проч., исчислялъ ихъ творенія и кончилъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ словесностью не худо бы заниматься и какою-нибудь специальною наукою, потому что одна словесность не составляетъ знанія и не можетъ развить въ человѣкѣ способность мышленія въ степени, сообразной съ требованіями современнаго просвѣщенія. Ахъ, правда, правда, Herr Franck, и слава Богу, что вы не замѣтили, какъ я, слушая васъ, краснѣлъ за свое невѣжество! Все это пишу я въ новой своей квартирѣ, на новомъ столѣ, сидя на новомъ стулѣ и обмакивая новое перо въ новую чернильницу. Словомъ, у меня все почти новое, даже и новыя мысли; стараго только и осталось, что полное чувства сердце да двѣ физіономіи моихъ челядинцевъ.

28 Ноября, Среда. Заѣзжалъ въ Коллегію и неожиданно встрѣтился съ пансіонскими соучениками моими, А. Н. Хвостовымъ и П. А. Азанчевскимъ, которые также служатъ въ Коллегіи. Степанъ Константиновичъ, по порученію Вестмана, представилъ меня Василью Алексѣевичу Полѣнову, который уже зналъ обо мнѣ отъ самаго Вестмана и обѣщалъ дать занятіе. Умный, прекраснѣйшій человѣкъ! Потомъ рекомендовалъ экспедитору, М. В. Веньяминову, предоброму и очень живому старику, который болѣе сорока лѣтъ занимается однимъ и тѣмъ же изготовленіемъ кувертовъ для отправляемыхъ бумагъ и запечатываніемъ ихъ. Эти куверты дѣлаетъ онъ мастерски, безъ ножницъ, по принятому въ Коллегіи обычаю, и поставляетъ въ томъ свою славу. «Вотъ, батюшка», сказалъ онъ, «милости-ка просимъ къ намъ: выучимъ тебя дѣлать кувертики, выучимъ на славу». Потомъ Степанъ Константиновичъ повелъ меня въ такъ называемый Департаментъ Казенныхъ Дѣлъ и представилъ членамъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ Н. В. Яблонскому, приставу при Грузинскихъ царяхъ и царицахъ; Маркову, занимающемуся составленіемъ книги «Всеобщій

Стряпчій»; контролёру Ѳ. Д. Иванову, высокому, худощавому старику въ рыжемъ парикѣ, состоящему церковнымъ старостою при одной изъ церквей, объ украшеніи которой заботится онъ непрестанно, и наконецъ казначею, статскому совѣтнику Борису Ильичу Юкину, страстному любителю ружейной охоты. Все это узналъ я почти тотчасъ отъ моего разговорчиваго вожатаго и частью отъ нихъ самихъ, потому что всѣ они, кажется, добрые, простосердечные люди и любятъ поговорить; очень обласкали меня.

У входа въ Секретную Экспедицію, въ которой давно уже нѣтъ никакихъ секретовъ, замѣтилъ я сторожа, худощаваго и невысокаго роста старика, обвѣшеннаго медалями. Посмотрѣвъ на него, я удивился, что въ его лѣта волосы у него черны какъ смоль. «А сколько, слышь ты, дашь ему лѣтъ?» спросилъ меня экзекуторъ. «Я полагаю», отвѣчалъ я наобумъ, «что ему должно быть лѣтъ 70».—«Эхъ-ма, слышь ты, далеко за 90! Государя Петра І-го помнитъ. Ты потолкуй съ нимъ; учнетъ, слышь ты, разсказывать, что̀ твоя книга».—«Ужъ конечно, батюшка Степанъ Константинычъ, потолкую, да и еще и какъ!» Это такая пожива, какія нашему брату встрѣчаются не всякій день.

Я назначенъ въ дежурство надворнаго совѣтника И. А. Лазарева, вмѣстѣ съ переводчикомъ Н. И. Хмѣльницкимъ и М. И. Кусовниковымъ. Скучно тѣмъ, что надобно ночевать въ Коллегіи.

29 Ноября, Четвергъ. Обѣдалъ у Лабата. Онъ, сверхъ страсти своей къ гостепріимству, имѣетъ еще и другое качество—быть отличнымъ знатокомъ поваренннаго искусства. Всѣ кушанья приготовляются у него по его приказаніямъ, отъ которыхъ поваръ не смѣетъ отступить ни на волосъ. Эти кушанья такъ просты, но такъ вкусны, что нельзя не ѣсть, хотя бы и не хотѣлось. Александръ Львовичъ Нарышкинъ, величайшій гастрономъ своего времени, отзывался о его *cuisine bourgeoise* *), что она несравненно вкуснѣе затѣйливой и прихотливой собственной его кухни. Графъ Монфоконъ ежедневный гость за столомъ Лабата. Онъ очень полюбилъ меня, особенно за то, что я небольшой охотникъ до Вольтера, котораго онъ ненавидитъ, приписывая его ученію бѣдствія своего отечества. Старики любятъ поспорить, да и все семейство, кажется, отъ того не прочь, кромѣ внучки, которая мало мѣшается въ горячіе споры.

Вечеромъ были во Французскомъ спектаклѣ. Давали Мольерова *Донъ-Жуана*, переложеннаго въ стихи Томасомъ Корнелемъ, и маленькую оперку *La maison à vendre*. Я удивился совершенству, съ какимъ

*) Мѣщанская кухня.

играли актеры: какіе таланты и какой ансамбль! Дюранъ, Калланъ, Деглиньи, Дюкроаси—это первоклассные артисты. Какая естественность и какъ говорятъ стихи; прелесть и только! Въ оперѣ участвовали актеры Андріё, Сенъ-Леонъ, Клапаредъ, Флоріо, Меесъ, и актрисы Филлисъ-Андріё и сестра ея, Филлисъ-Бертенъ. Вотъ это такъ спектакль! Богъ дастъ, пообживусь, буду попристальнѣе слѣдить за Французскими спектаклями. У мадамъ Филлисъ-Андріё отличный голосъ; но, сверхъ того, какая очаровательная актриса!

30 Ноября, Пятница. Сегодня объявленъ манифестъ о милиціи. Благодареніе Богу! Все наконецъ объяснилось, и противъ общаго врага приняты мѣры сильныя и дѣйствительныя. Въ Коллегіи толкуютъ объ огромныхъ пожертвованіяхъ, которыя всѣ состоянія въ Петербургѣ изъявляютъ готовность принести въ даръ отечеству. Я воображаю, что, по полученіи сего манифеста, произойдетъ въ Москвѣ, и какіе толки произведетъ онъ въ Англійскомъ клубѣ! Кого-то выберутъ начальствующимъ Московскою милиціею: это очень любопытно знать. Тамъ столько старыхъ, отличныхъ Екатерининскихъ генераловъ: графъ А. Г. Орловъ, князь А. А. Прозоровскій, князь Ю. В. Долгорукій, Марковъ и проч. А богачи Московскіе? За ними то ужъ вѣрно дѣло не станетъ: если они такъ щедры и податливы тамъ, гдѣ эти качества не могутъ имѣть достойной оцѣнки, то какъ, воображаю, распояшутся они теперь, когда этой щедрости потребуютъ отъ нихъ общественная нужда и сохраненіе славы отечества.

Въ ожиданіи служебнаго занятія я только и дѣлаю, что знакомлюсь съ своими сослуживцами, и ныньче больше часа протолковалъ въ Казенномъ Департаментѣ о всячинѣ, въ которой, разумѣется, важнѣйшимъ предметомъ были Бонапарте и его дерзостныя покушенія противъ Россіи. Но Богъ вѣсть какимъ образомъ, отъ Бонапарте перешли мы вдругъ въ Троянской войнѣ. Не знаю, почему-то сдѣлалось извѣстно, что я *studiosus*, пишу стихи и, слѣдственно, долженъ быть смыслящъ въ древней исторіи. «До сихъ поръ понять не могу распредѣленія чиновъ Греческой арміи», говорилъ Ѳедоръ Даниловичъ Ивановъ: «замѣчаю въ ней большую неурядицу и отсутствіе всякой субординаціи; вижу, напримѣръ, что Агамемнонъ былъ главнокомандующимъ, то-есть въ родѣ нашего фельдмаршала, слѣдовательно прочіе, какъ-то Ахиллесъ, Аяксы, Діомедъ, Улиссъ, должны были, какъ будто, быть корпусными или дивизіонными командирами, а между тѣмъ они своего фельдмаршала ни во что не ставятъ, особенно этотъ забіяка Ахиллесъ, который называетъ его публично пьяницей; да я бы тотчасъ же велѣлъ его заметать дротиками, коли ружья не были еще вы-

думаны. Растолкуйте, пожалуйста, отчего все это происходило?» На этотъ вопросъ я рѣшительно не нашелся чтò отвѣчать и, къ предосужденію своей учености, предоставилъ другимъ собесѣдникамъ разрѣшить недоумѣніе добраго контролёра. Мнѣ сказывали, что Троянская война, въ мирное время, всегда была главнымъ предметомъ разсужденій членовъ Казеннаго Департамента, въ который приходилъ ежедневно ораторствовать переводчикъ В. А. Викулинъ, сынъ богатаго откупщика Викулина, прозванный Гамбургскою газетою.

Возвращаясь изъ Коллегіи, встрѣтился съ Кистеромъ, который преблагополучно поживаетъ здѣсь съ мадамъ Штейнсбергъ и квартируетъ вмѣстѣ съ Гебгардомъ. Онъ хотѣлъ зайти ко мнѣ разсказать многое о здѣшнемъ Нѣмецкомъ театрѣ и вмѣстѣ узнать, чтò дѣлается у Нѣмцевъ въ Москвѣ. Буду радъ, потому что одному иногда бываетъ скучно, а надоѣдать Альбини и Лабату безпрерывными посѣщеніями какъ-то совѣстно, хотя они не только желаютъ, но даже требуютъ, чтобъ я какъ можно чаще былъ у нихъ.

На-дняхъ думаю представиться Державину съ моимъ «Артабаномъ». Великій поэтъ, въ эпоху губернаторства своего въ Тамбовѣ, былъ друженъ съ дѣдомъ моимъ, который, послѣ увольненія отъ должности Вятскаго губернатора, жилъ въ Тамбовской деревнѣ и, любя чтеніе, былъ однимъ изъ усердныхъ поклонниковъ пѣвца Фелицы.

1 Декабря, Субота. Утро просидѣли у меня Нѣмцы. Кистеръ привелъ Гебгарда, который чрезвычайно былъ радъ познакомиться со мною и принесъ поклонъ отъ жены своей, бывшей мамзель Штейнъ, доброй моей пріятельницы. Они разсказали мнѣ всю подноготную о здѣшнемъ Нѣмецкомъ театрѣ и зазвали въ сегодняшній спектакль. Проводивъ ихъ, я пошелъ обѣдать въ гостинницу Лондонъ, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, и познакомился тамъ съ князьями Вадбольскими, братьями В. П. Муромцовой, жены теперешняго содержателя Московской Нѣмецкой труппы. Они отлично играютъ на бильярдѣ. Послѣ сытнаго обѣда, за который заплатили по 2 р. 50 к. съ персоны, мы отправились вмѣстѣ въ Нѣмецкій театръ. Давали Kabale und Liebe. Гебгардъ игралъ Фердинанда, Кудичъ—президента, Боркъ—Вурма, Брюкль,—музыканта, мадамъ Эвестъ—жену его, мамзель Лёве—леди Мильфортъ, а мадамъ Гебгардъ-Штейнъ—Луизу. Послѣднюю въ роли Луизы я видѣлъ уже въ Москвѣ; она попрежнему превосходна, если еще не превосходнѣе. Вся пьеса была обставлена и разъиграна мастерски. Не говорю о Гебгардѣ: роль Фердинанда лучшая изъ его ролей; но какъ хорошо, естественно играла мадамъ Эвестъ, какой талантъ у этого Борка для представленія такихъ хладнокровныхъ

злодѣевъ, каковъ Вурмъ; съ какою величавостью и достоинствомъ играла эта *полногрудая* красавица мамзель Лёве—право заглядѣнье! Я вышелъ изъ спектакля вполнѣ очарованный и талантами актеровъ, и ансамблемъ всей пьесы, и спѣшилъ передать сдѣланное на меня ими впечатлѣніе милой своей Schwester Dorchen, которая покамѣстъ сидитъ одна, занимаясь уборкою новаго своего жилища: мужъ началъ ѣздить по своимъ больнымъ.

2 Декабря, Воскресенье, Сегодня, наконецъ, Богъ привелъ увидѣть Государя. Сколько дней ходилъ я всюду, чтобъ гдѣ-нибудь встрѣтить его, и никакъ не удавалось; но за-то нынѣшній день насмотрѣлся на него вдоволь. Какая величавая наружность, какой красавецъ, и ко всему этому—какая душа! Я увидѣлъ его въ то время, когда онъ съ парада изволилъ идти гулять на Дворцовую набережную, и слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи; когда же, дойдя до Троицкаго моста, онъ оборачивался назадъ, я отходилъ въ сторону и не спускалъ съ него глазъ; онъ два раза останавливался и благосклонно изволилъ разговаривать съ какими-то генералами... Что̀ за ангельское лицо и плѣнительная улыбка!

Когда, за обѣдомъ, я объявилъ семейству Лабата, что видѣлъ Государя, оно было въ восхищеніи. Эти добрые люди такъ ему преданы и такъ его любятъ, что не могутъ иначе говорить о немъ, какъ съ величайшимъ восторгомъ и почти со слезами. «Кромѣ того, что онъ примѣрный государь», говорятъ они, «но вмѣстѣ и благодѣтель нашъ; и если мы имѣемъ средства жить, такъ этимъ всѣмъ ему обязаны». Я недавно въ Петербургѣ, а ужъ не отъ нихъ однихъ слышу подобные отзывы о благости Государя.

4 Декабря, Вторникъ. Нынѣшнюю ночь я ночевалъ на дежурствѣ въ Коллегіи, и отъ того въ дневникѣ моемъ будетъ пропускъ. Я предполагалъ провести эту ночь скучно и неловко, но вышло напротивъ: товарищи мои, Кусовниковъ и Хмѣльницкій, ребята славные и веселые; послѣдній большой любитель литературы, много читаетъ и занимается самъ переводомъ трагедіи «Зельмира», но жалуется, что плохо идетъ: не ладитъ съ рифмами. Я узналъ отъ него, что онъ сынъ того Хмѣльницкаго, который сочинилъ книгу «Свѣтъ зримый въ лицахъ», и что извѣстный Эминъ, авторъ комедіи въ стихахъ «Знатоки», женатъ на родной его сестрѣ и находится теперь губернаторомъ въ Выборгѣ. Радъ сердечно: c'est une connaissance à cultiver *).

---

*) Это знакомство надо поддерживать.

Получилъ письмо отъ своихъ и отъ Петра Ивановича, который продолжаетъ и безъ меня жить у насъ и обѣщается не оставлять моихъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ его не прогонятъ; слѣдовательно онъ останется надолго. Пишетъ, что сестры очень тупы и лѣнивы, и вмѣсто того, чтобъ слушать логику и риторику, забавляются, болтая съ нимъ всякій вздоръ. Я узнаю милыхъ сестрицъ моихъ; да что до того? Вѣдь не всѣмъ же быть барышнями Скульскими и Извѣковою *).

5 Декабря, Среда. Былъ у Державина и до сихъ поръ не могу прійдти въ себя отъ сердечнаго восхищенія. Съ именемъ Державина соединено было все въ моемъ понятіи, все, чтò составляетъ достоинство человѣка: вѣра въ Бога, честь, правда, любовь къ ближнему, преданность къ государю и отечеству, высокій талантъ и трудъ безкорыстный... и вотъ я увидѣлъ этого мужа,

Кто, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ!

Сильно билось у меня сердце, когда въѣхалъ я на дворъ невысокаго дома на Фонтанкѣ, находящагося невдалекѣ отъ прежней моей квартиры въ домѣ умалишенныхъ. Вхожу въ сѣни съ «Артабаномъ» подъ мышкою и спрашиваю дремавшаго на стулѣ лакея: «Дома ли его высокопревосходительство и принимаетъ ли сегодня?» — «Пожалуйте-съ», отвѣчалъ мнѣ лакей, указывая рукой на деревянную лѣстницу, ведущую въ верхнія комнаты. — «Но, голубчикъ, нельзя ли доложить прежде, что вотъ пріѣхалъ С. П. Ж.; а то, можетъ быть, его высокопревосходительство занятъ.» — «Ничего-съ, пожалуйте; енаралъ въ кабинетѣ одинъ.» — «Такъ проводи же, голубчикъ.» — «Ничего-съ, извольте идти сами-съ, прямо по лѣстницѣ; а тамъ и дверь въ кабинетъ, первая налѣво». Я пошелъ, или скорѣе, поплелся; ноги подгибались подо мною, руки тряслись, и я весь былъ самъ не свой: меня била лихорадка. Взойдя наверхъ и остановившись предъ стеклянною дверью, первою налѣво, завѣшенною зеленою тафтою, я не зналъ, чтò мнѣ дѣлать — отворить ли дверь, или дожидаться покамѣстъ кто-нибудь случайно отворитъ ее. Я такъ былъ смѣшанъ и такъ смѣшонъ! Къ счастью, явилась мнѣ неожиданная помощь въ образѣ прелестной дѣвушки, лѣтъ 18-ти, которая, пробѣжавъ мимо меня и, вѣроятно, замѣтивъ мое смущеніе, тотчасъ остановилась и, добродушно спросивъ: «вы вѣрно къ дядюшкѣ?» безъ церемоніи отворила дверь, примолвивъ: «войдите». Я вошелъ. Старецъ лѣтъ 65-ти, блѣдный и угрюмый, въ бѣломъ кол-

*) См. выше подъ 13 Апрѣля 1805.

пакѣ, въ бѣличьемъ тулупѣ, покрытомъ синею шелковою матеріею сидѣлъ въ креслахъ за письменнымъ столомъ, стоявшимъ посрединѣ кабинета, углубясь въ чтеніе какой-то книги. Изъ-за пазухи у него торчала головка бѣлой собачки, до такой степени погруженной въ дремоту, что она и не замѣтила моего прихода. Я кашлянулъ. Державинъ—потому что это былъ онъ – взглянулъ на меня, поправилъ на головѣ колпакъ и, какъ будто съ просонья зѣвнувъ, сказалъ мнѣ: «Извините, я такъ зачитался, что и не замѣтилъ васъ. Чтó вамъ угодно?» Я отвѣчалъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ я первою обязанностью поставилъ себѣ быть у него съ данью того искренняго уваженія къ его имени, въ которомъ былъ воспитанъ; что онъ, будучи такъ коротко знакомъ съ дѣдомъ, конечно не откажетъ и внуку въ своей благосклонности. Тутъ я назвалъ себя. «Такъ вы внукъ Степана Данилыча? Какъ я радъ! А зачѣмъ сюда пріѣхали? Не опредѣляться ли въ службу?» и, не давъ мнѣ времени отвѣчать, продолжалъ: «Если такъ, то могу попросить князя Петра Васильича (Лопухина) и даже графа Николая Петровича (Румянцова)». Я объяснилъ ему, что я уже въ службу опредѣленъ и что ни въ комъ и ни въ чемъ покамѣстъ надобности не имѣю, кромѣ его благосклонности. Онъ сталъ расспрашивать меня, гдѣ я учился, чѣмъ занимался, какое наше состояніе и проч., и когда я удовлетворилъ всѣмъ его вопросамъ, онъ, какъ будто спохватившись, сказалъ: «Да чтожъ вы стоите? Садитесь».—Я взялъ стулъ и подсѣлъ къ нему. «Ну а это чтó у васъ за книга?» Я отвѣчалъ, что это трагедія моего сочиненія «Артабанъ», которую я желалъ бы посвятить ему, если только она того стóитъ. «Вотъ какъ! Такъ вы пишите стихи, хорошо! Прочитайте-ка что-нибудь». Я развернулъ моего «Артабана» и прочиталъ ему сцену изъ 3-го дѣйствія, въ которой впавшій въ опалу и скитающійся въ пустынѣ царедворецъ Артабанъ повѣряетъ стихіямъ свою скорбь и негодованіе, пылая мщеніемъ. Державинъ слушалъ очень внимательно, и когда я пересталъ читать, онъ, ласково и съ улыбкою посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Прекрасно. Оставьте, пожалуйста, трагедію вашу у меня; я съ удовольствіемъ ее прочитаю и скажу вамъ свое мнѣніе». Я былъ въ восторгѣ; у меня развязался языкъ, и откуда взялось краснорѣчіе! Я сталъ говорить о его сочиненіяхъ, многія цитировалъ цѣликомъ; разсказалъ о знакомствѣ моемъ съ И. И. Дмитріевымъ, о его къ нему посланіи, начинающемся такъ: *Бардъ безъимянный, тебя ль не узнаю*, которое прочиталъ отъ начала до конца; распространился о нѣкоторыхъ Московскихъ литераторахъ, особенно о Мерзляковѣ и Жуковскомъ, которые были ему вовсе неизвѣстны; словомъ, сдѣлался чрезвычайно смѣлъ. Державинъ все время слушалъ меня съ видимымъ удо-

вольствіемъ и потомъ, нѣсколько призадумавшись, сказалъ, что онъ желалъ бы, чтобъ я остался у него обѣдать. Я объяснилъ ему, что съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ бы его волю, еслибъ не далъ уже слова обѣдать у прежняго своего хозяина, доктора Эллизена. «Ну такъ милости просимъ послѣ завтра; потому что хотя завтра и праздникъ, но у насъ день невеселый: память по Николаѣ Александровичѣ Львовѣ». Я поклонился, въ знакъ согласія. «Да прошу впередъ безъ церемоніи ко мнѣ жаловать всякій день, если можно. Вѣдь у васъ здѣсь знакомыхъ, должно быть, немного».

И вотъ послѣзавтра я буду обѣдать у Державина! Напишу о томъ къ своимъ. Боюсь, что не повѣрятъ моему благополучію. Воображаю, что̀ скажетъ Петръ Ивановичъ, и какъ выросту я въ его мнѣніи.

6 Декабря, Четвергъ. Слушалъ обѣдню въ церкви Николы Морскаго, въ которой сегодня храмовый праздникъ. Литургію совершалъ митрополитъ Амвросій съ синодальными членами: преосвященными Псковскимъ Иринеемъ и Иверскимъ Меѳодіемъ. Какая величавая наружность у митрополита! Какой ростъ и какая осанка! Служитъ просто, но съ большою важностью. Меня поразилъ придворный протодьяконъ, Алексѣй Григорьевичъ Воржскій, приглашенный на сегодняшнее служеніе по случаю праздника. Что̀ у него за голосъ—вообразить себѣ нельзя, и какое мастерское произношеніе! Вѣрное, чистое, ясное; всякое слово выкатывалось жемчугомъ; а еще болѣе меня удивило то, что, при чтеніи Евангелія, онъ соблюдалъ надлежащую интонацію, дѣлалъ ударенія на тѣхъ словахъ, которыя для бо́льшаго уразумѣнія того требовали, и возвышалъ или понижалъ голосъ сообразно смыслу возглашаемой рѣчи. Онъ при дворцовой церкви считается, по старшинству, въ пятыхъ, но по достоинству—первый. У старшаго протодьякона, Ивана Александровича, голосъ еще сильнѣе, но не обработанъ; онъ также великъ ростомъ и еще дороднѣе Воржскаго, но не имѣетъ ни этой благородной осанки, ни этого необыкновеннаго мастерства въ чтеніи. Воржскій, какъ разсказывалъ мнѣ послѣ обѣдни дьячекъ Иванъ Филипповичъ—очень неглупый человѣкъ, привезенъ сюда Ярославскимъ архіереемъ Павломъ, бывшимъ синодальнымъ членомъ; преосвященный любилъ великолѣпіе церковной службы и самъ сформировалъ какъ Воржскаго, такъ и отличныхъ пѣвчихъ, изъ которыхъ многіе взяты въ придворный пѣвческій хоръ.

7 Декабря, Пятница. Къ Гавріилу Романовичу пріѣхалъ я, по назначенію, въ 3 часа. Домашніе его находились уже въ большой гостинной, находящейся въ нижнемъ этажѣ, и сидѣли у камина; а самъ

онъ, въ томъ же синемъ шелковомъ тулупѣ, но въ парикѣ, задумчиво расхаживалъ по комнатамъ и по временамъ гладилъ головку собачки, которая также, какъ и вчера, высовывалась у него изъ-за пазухи. Лишь только я успѣлъ войти, какъ онъ тотчасъ же представилъ меня своей супругѣ, Дарьѣ Алексѣевнѣ. «Вотъ, матушка, С. П. Ж., о которомъ я тебѣ говорилъ. Прошу полюбить его: онъ внукъ стариннаго Тамбовскаго моего пріятеля». Потомъ, обратившись къ племянницамъ, продолжалъ: «вамъ рекомендовать его нéчего; сами познакомитесь». И тутъ же, совершенно перемѣнивъ вчерашній учтивый со мною тонъ, съ большою живостью началъ говорить объ «Артабанѣ». «Читалъ я, братецъ, твою трагедію и, признаюсь, оторваться отъ нея не могъ: ну, право, прекрасно! Да откуда у тебя талантъ такой? Все такъ громко, высоко; стихи такіе плавные и звучные, какіе рѣдко встрѣчалъ я даже у Шихматова». Я остолбенѣлъ: мнѣ пришло на мысль, что онъ вздумалъ морочить меня. Однакожъ, думаю: нѣтъ; изъ чего бы ему, Державину, говорить мнѣ комплименты, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ въ трагедіи моей не было никакихъ достоинствъ? «Я отвѣчалъ, что съ малолѣтства напитанъ былъ чтеніемъ Священнаго Писанія, книгъ пророческихъ и его сочиненій; что едва только выучился лепетать, какъ зналъ уже наизустъ нѣкоторыя его оды, какъ-то «Бога», «Вельможу», «Мой Истуканъ», «На смерть князя Мещерскаго» и Къ Фелицѣ», и что, эти стихотворенія служили для меня лучшимъ руководствомъ въ нравственности, нежели всѣ школьныя наставленія. Кажется, онъ остался очень доволенъ моимъ объясненіемъ.

За обѣдомъ посадили меня возлѣ хозяйки, которая была ко мнѣ чрезвычайно ласкова и внимательна. «Пожалуйста бывайте у насъ чаще; мы всякій день обѣдаемъ дома и по вечерамъ никуда почти не выѣзжаемъ. Будьте у насъ какъ у родныхъ». Державинъ за столомъ былъ неразговорчивъ; напротивъ, прелестныя племянницы его говорили безпрестанно, мило и умно. Племянниковъ не было, а мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ ними. Старшій, Леонидъ, служитъ въ Иностранной Коллегіи и недавно пріѣхалъ изъ Мадрида, гдѣ онъ былъ при посольствѣ. Но время не ушло.

Послѣ обѣда Гаврила Романовичъ сѣлъ въ кресла за дверью гостинной и тотчасъ же задремалъ. Вѣра Николаевна сказала мнѣ, что это всегдашняя его привычка. «А что это за собачка», спросилъ я, «которая торчитъ у дядюшки изъ-за пазухи, только жмуритъ глаза да глотаетъ хлѣбные катышки изъ руки дядюшкиной?» — «Это воспоминаніе добраго дѣла», отвѣчала мнѣ В. Н. «Къ дядюшкѣ ходила по временамъ за пособіемъ одна бѣдная старушка, съ этой собачкой на рукахъ. Однажды, зимою, бѣдняжка притащилась, окоченѣвшая отъ хо-

лода и, получивъ обыкновенное пособіе, ушла, но вскорѣ возвратилась и со слезами умоляла дядюшку взять себѣ эту собачку, которая всегда къ нему такъ ласкалась, какъ-будто чувствовала его благодѣяніе. Дядюшка согласился, но съ тѣмъ, чтобъ старушка получала отъ него по смерть свою пансіонъ, который она и получаетъ; только она по дряхлости своей не ходитъ за нимъ, а дядюшка заноситъ его къ ней самъ, во время своихъ прогулокъ. Съ тѣхъ поръ собачка не оставляетъ дядюшку ни на минуту, и если она у него не за пазухой, или не вмѣстѣ съ нимъ на диванѣ, то лаетъ, визжитъ и мечется по цѣлому дому». При этомъ разсказѣ у меня навернулись на глазахъ слезы, и я не стыдился ихъ; потому что, по словамъ его же, неистощимаго и неисчерпаемаго Державина,

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство
Какого Крезъ не собиралъ!

Покамѣстъ нашъ бардъ дремалъ въ своемъ креслѣ, я разсматривалъ извѣстный портретъ его писанный Тончи. Какая идея! Какъ написанъ, и какое до сихъ поръ еще сходство! Мнѣ хотѣлось видѣть его бюстъ, изваянный Рашетомъ и такъ имъ прославленный въ стихотвореніи *Мой Истуканъ*; но онъ, по желанію поэта, находился наверху, въ диванной его супруги:

А ты, любезная супруга,
Межъ тѣмъ возьми сей истуканъ,
Спрячь для себя, родни, для друга
Его въ серпянный свой диванъ.

Проснувшись, Гаврила Романовичъ опять, между прочимъ, повторилъ предложеніе дать мнѣ на всякій случай рекомендательныя письма къ князю Лопухину и къ графу Румянцову, и даже настоялъ на томъ, чтобъ я къ нимъ представился. «Князь Лопухинъ», сказалъ Гаврила Романовичъ, «человѣкъ стариннаго покроя и не тяготится принять и приласкать молодаго человѣка, у котораго нѣтъ связей; да и Румянцовъ человѣкъ обходительный и покровительствуетъ людямъ талантливымъ и ученымъ. Правду молвить, и всѣ-то *они* (разумѣя министровъ) большею частью люди добрые; вотъ хоть бы и графъ Петръ Васильичъ, хотя и не можетъ до сихъ поръ забыть моего Беатуса. Да какъ быть!»

Я откланялся, обѣщая бывать у Гаврила Романовича такъ часто, какъ только могу, и конечно сдержу свое слово, лишь бы не надоѣсть.

8 Декабря, Субота. В. А. Полѣновъ далъ мнѣ работу. Я думалъ и Богъ-вѣсть какая важность, анъ гора родила мышь: перевести два листика

съ Французскаго! Я тутъ же перевелъ въ одинъ присѣстъ, да и бумага-то не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго. Послѣ ушелъ въ любезный Казенный Департаментъ болтать о Троянской войнѣ. Борисъ Ильичъ, однако, настоящій Немвродъ. Узнавъ, что и я такой же охотникъ, какъ онъ самъ, и что еще недавно охотился въ Липецкѣ, онъ съ любопытствомъ распрашивалъ меня о всѣхъ подробностяхъ, касающихся до охоты въ нашемъ краю: какія въ немъ мѣста для стрѣльбы, болотистыя, гористыя или кустарники; есть ли рѣки и озера; какого сорта больше дичь; какой породы у меня подружейныя собаки, и прочее. И когда я обстоятельно разсказывалъ ему, что есть и болота, и кустарники, рѣки и озера, что всякой дичи бездна, куликовъ, дупельшнеповъ, вальдшнеповъ и гаршнеповъ; что дикихъ гусей и утокъ мильоны и, сверхъ того, множество дичи степной, кроншнеповъ, драхвъ, стрепетовъ и журавлей; что у меня двѣ собаки, которыхъ хотя и кличутъ *дураками*, но, что въ сущности это первыя собаки въ свѣтѣ для всякаго дѣла: Борисъ Ильичъ ахалъ отъ удивленія и, наконецъ, всплеснувъ руками, съ горестью вскричалъ: «Хоть бы одинъ денекъ поохотился въ такомъ раю; а то вѣдь, не повѣрите, возьмешь коллежскій катеръ, поѣдешь на взморье, таскаешься, таскаешься, да и убъешь *чирка*. Вотъ, сударь, наше положеніе!»

Познакомился съ Васильемъ Михайловичемъ Өедоровымъ, авторомъ драмы: «Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія». Онъ служитъ въ Коллегіи надворнымъ совѣтникомъ. У него свой домикъ въ Мѣщанской, недалеко отъ моей квартиры. Сказывалъ, что знакомъ со всѣми почти Русскими актёрами и особенно съ Яковлевымъ; звалъ къ себѣ и обѣщалъ съ нимъ познакомить.

Между разговорами, Өедоровъ сдѣлалъ замѣчаніе, которое показалось мнѣ новымъ и чрезвычайно-основательнымъ. «Литераторы и даже простые любители литературы», сказалъ онъ, «какъ масоны, узнаютъ другъ друга по какой-то особенности, которая ихъ характеризуетъ. Ничто не сводитъ такъ скоро и такъ коротко людей, какъ поклоненіе Музамъ. Вотъ, напримѣръ, мы съ вами только-что познакомились, а какъ будто уже давно вмѣстѣ жили. Я не могу разъяснить, отчего это происходитъ: отъ однихъ ли и тѣхъ же вкусовъ и наклонностей и одинаковаго воззрѣнія на предметы; но есть что-то таинственное, что̀ влечетъ одного литератора къ другому; разумѣется, бываютъ исключенія, но они рѣдки».

9 Декабря, Воскресенье. Ѣздилъ сегодня съ визитомъ къ Аннѣ Ивановнѣ Ададуровой и попалъ очень кстати, потому что она имянинница. Къ ней наѣхало множество знакомыхъ съ поздравленіями и,

между прочимъ, прелестная Катерина Петровна Воеводская съ мужемъ; толстая графиня Морелли, по первому браку Байкова, съ дочерью, полковникъ Протасовъ, который считается у Ададуровыхъ домашнимъ другомъ, семейство Лазаревыхъ и проч. Хозяйка приняла меня очень ласково и тотчасъ рекомендовала Воеводской, единственной особѣ въ этомъ обществѣ, которой я желалъ быть представленнымъ. Алексѣй Петровичъ, мужъ хозяйки, человѣкъ очень добрый и тихій, приглашалъ меня на вечеръ, но я, не давая слова, только что откланивался: разумѣй, какъ знаешь. Онъ большой охотникъ до нюхательнаго табаку, и я замѣтилъ, что знаетъ въ немъ толкъ, потому что долго и съ важностью толковалъ объ искусствѣ стирать его. «Всякое дѣло мастера боится», подумалъ я: «если шталмейстеръ такой же знатокъ въ лошадяхъ, какъ и въ табакѣ, то конюшенная часть при дворѣ должна быть въ порядкѣ».

Обѣдалъ у Лабата съ графомъ Монфокономъ и Ф. Ф. Вигелемъ. Зашла рѣчь о Французскихъ трагикахъ. Старый эмигрантъ утверждалъ, что, послѣ Корнеля и Расина, первое мѣсто по справедливости принадлежитъ Кребильону, и что его «Радамистъ» несравненно выше всѣхъ трагедій Вольтера; но Вигель, опровергая его мнѣніе, доказывалъ, что всѣ трагедіи Вольтера, за исключеніемъ написанныхъ имъ въ глубокой старости, превосходятъ не только другія трагедіи Кребильона, но самого «Радамиста», въ которомъ роль Фарасмана—слабая копія съ Расинова «Митридата». Слово-за-слово завязался такой горячій споръ, что мы не знали куда дѣваться. По какому-то безотчетному чувству, я не очень люблю Вольтера; но въ настоящемъ случаѣ, по мнѣнію моему, Вигель совершенно правъ. Несмотря на молодость свою, онъ очень свѣдущъ во Французской литературѣ, знаетъ Французскій языкъ въ совершенствѣ и пишетъ на немъ свободно.

10 Декабря, Понедѣльникъ. Наконецъ, успѣлъ побывать и въ Русскомъ театрѣ. Давали «Эдипа», въ которомъ роль Эдипа игралъ Шушеринъ, Тезея—Яковлевъ, Креона—Сахаровъ, Полиника—Щениковъ, Антигону—Семенова. Шушеринъ восхитилъ меня чувствомъ и простотою игры своей. Какъ хорошъ онъ былъ во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ своей роли, и особенно въ сценѣ проклятія сына! Онъ играетъ Эдипа совершенно другимъ образомъ, нежели Плавильщиковъ, и придаетъ своей роли характеръ какого-то убожества, вынуждающаго состраданіе. Во всей первой сценѣ втораго дѣйствія съ дочерью онъ былъ, по мнѣнію моему, гораздо выше Плавильщикова. Раздумье о настоящемъ бѣдственномъ положеніи, воспоминаніе о невольныхъ преступленіяхъ и обращеніе къ Киѳерону—всѣ эти мѣста роли исполнены

имъ были мастерски, съ горестною мечтательностью, живо и естественно; но въ сценахъ съ Креономъ Плавильщиковъ, какъ мнѣ показалось, игралъ съ бо́льшимъ достоинствомъ. О Яковлевѣ можно сказать тоже, что̀ Карамзинъ сказалъ о Ларивѣ: *это царь на сценѣ.* Кажется, что природа надѣлила его всѣми возможными дарами, чтобы занимать первое мѣсто на трагической сценѣ. Какая мужественная красота, какая величавость и какой органъ! Но роль Тезея едва ли должна быть по сердцу знаменитому актеру: она слишкомъ ничтожна для этой великолѣпной натуры. Семенова прелестна; въ первый разъ въ жизни удается мнѣ видѣть въ актрисахъ Русской сцены такое прекрасное явленіе: молода, красавица и играетъ съ большимъ чувствомъ. Щениковымъ я недоволенъ: выученная кукла, на фандарахъ, и не производитъ никакого впечатлѣнія; но Сахаровъ—актеръ опытный: дикція вѣрная, голосъ ясный, на сценѣ какъ дома, и стихи произноситъ мастерски.

Спектакль кончился прелестнымъ дивертисментомъ. Прежде танцовали pas de trois танцовщикъ Дютанъ съ танцовщицами Сенъ-Клеръ и Новицкою, въ Турецкихъ костюмахъ, живо, быстро, восхитительно. За ними появились въ pas de deux балетмейстеръ Дидло Аполономъ и воспитанница Иконина--Діаною. Этотъ Дидло признается теперь лучшимъ современнымъ хореографомъ въ Европѣ, но по наружности своей онъ вѣрно послѣдній. Худой, какъ остовъ, съ преогромнымъ носомъ, въ свѣтлорыжемъ парикѣ, съ лавровымъ на головѣ вѣнкомъ и съ лирою въ рукахъ, онъ, не смотря на искусство, съ какимъ танцовалъ свое *pas,* скорѣе былъ похожъ на каррикатуру Апполона, чѣмъ на самаго свѣтлаго бога пѣснопѣній. За то Діана—такъ ужъ настоящая Діана: какой чудесный станъ, какая возвышенная грудь, какіе пріемы и какая грація! Но такъ какъ совершенства на свѣтѣ нѣтъ, то и грація Діаны-Икониной показалась мнѣ нѣсколько холодновата: никакой игры и жизни въ физіономіи. Наконецъ, pour la bonne bouche *), танцовщикъ Огюсть съ знаменитою Колосовою попотчивали публику Русскою пляскою подъ музыку и напѣвъ хоромъ пѣсни: *Я по цвѣтикамъ ходила..*. Нечего сказать, очаровательно! Колосова исполнена граціи одушевленной и безискусственной:

Ступитъ ли ножкой,
Кивнетъ ли головкой,
Вздернетъ ли плечикомъ—
Словно рублемъ подаритъ!

Огюстъ красавецъ: настоящій Русскій парень, съ умной, очаровательной физіономіей. Я узналъ отъ сидѣвшаго возлѣ меня въ пар-

---

*) На закуску.

терѣ чиновника Панина, повидимому страстнаго любителя театра и знакомаго съ артистами, что настоящая фамилія Огюста—Пуаро и что онъ родной братъ знаменитой нѣкогда актрисы мадамъ Шевалье, бывшей любовницы графа Кутайсова. Панинъ прибавилъ, что Огюстъ, въ эпоху славы сестры своей, былъ такимъ же добрымъ малымъ, какъ и теперь, и чрезъ посредство сестры успѣлъ оказать безкорыстно многимъ дѣйствительныя услуги. Онъ очень любимъ всѣми.

11 Декабря, Вторникъ. Обѣдалъ у Гаврила Романовича. Это не человѣкъ, а воплощенная доброта; ходитъ себѣ въ своемъ тулупѣ съ Бибишкой за пазухою, насупившись и отвѣсивъ губы, думая и мечтая, и повидимому не занимаясь ничѣмъ, что̀ вокругъ его происходитъ. Но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притѣсненіе, или, напротивъ, какой-нибудь подвигъ человѣколюбія и доброе дѣло—тотчасъ колпакъ на бекрень, оживится, глаза засверкаютъ, и поэтъ превращается въ оратора, поборника правды, хотя, надо сказать, ораторство его не очень краснорѣчиво, потому что онъ недостаточно владѣетъ собою: слишкомъ горячится, путается въ словахъ и голосъ имѣетъ довольно грубый; но со всѣмъ тѣмъ въ эти минуты онъ очень увлекателенъ и живописенъ. Кажется, что мое чтеніе ему понравилось, потому что онъ заставлялъ меня читать нѣкоторыя прежнія свои стихотворенія и слушалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы они были для него новостью и не его сочиненія. Меня поразило въ немъ то, что онъ не чувствовалъ настоящихъ превосходныхъ красотъ въ своихъ стихотвореніяхъ, и ему нравились въ нихъ именно тѣ мѣста, которыя менѣе того заслуживали.

Гаврила Романовичъ настоялъ, чтобъ я непремѣнно представился съ рекомендательными его письмами князю Лопухину и графу Румянцову; эти письма далъ онъ мнѣ за открытыми печатями, которыя очень ловко смастерилъ кривой его секретарь. Я вижу такія печати въ первый разъ въ жизни и, право, не понимаю, для чего онѣ дѣлаются. Спрошу у М. В. Веньяминова, который долженъ обстоятельно знать все, что̀ касается до пакетовъ и печатей, потому что все прочее для него трынъ-трава.

12 Декабря, Середа. Нынѣшній день, по случаю дня рожденія Государя, въ Казанскомъ соборѣ былъ большой съѣздъ всѣхъ властей и чиновъ, къ которымъ присовокупилось огромное стеченіе народа. Такая была давка и духота, что многимъ дѣлалось дурно, и нѣкоторыхъ выводили и выносили. Благодарственное молебствіе совершено съ колѣнопреклоненіемъ. Митрополитъ читалъ молитву такъ внятно и явственно,

что во всѣхъ концахъ церкви было слышно, можетъ быть и отъ того что вмѣстѣ съ колѣнопреклоненіемъ вдругъ водворилась глубокая, необыкновенно-торжественная тишина: всякій ловилъ каждое слово молитвы, заключавшей въ себѣ прошеніе о здравіи Государя и о дарованіи ему побѣды надъ проклятымъ зажигою Бонапарте. Въ молебствіи участвовалъ опять Воржскій, и при возглашеніи многолѣтія, возвышая постепенно голосъ, на послѣднихъ словахъ «многая лѣта», кончилъ такимъ громовымъ восклицаніемъ, что удивилъ всѣхъ.

После обѣда ходилъ взглянуть на вновь строющійся архитекторомъ Воронихинымъ огромный соборъ. Зданіе будетъ великолѣпное: подраженіе собору Св. Петра въ Римѣ. Воронихинъ былъ дворовый человѣкъ графа Строганова, за талантъ отпущенъ имъ на волю и записанъ въ службу; онъ строилъ *) для государя Павла Петровича Михайловскій зàмокъ, въ два съ небольшимъ года достигъ до чина надворнаго совѣтника, а теперь уже коллежскій. Одинъ изъ его помощниковъ, котораго я случайно встрѣтилъ, сказывалъ, что новый соборъ долженъ достроиться года черезъ четыре, и что могъ бы готовъ быть и прежде, еслибъ не останавливалъ недостатокъ въ деньгахъ, по случаю военныхъ обстоятельствъ.

13 Декабря, Четвергъ. Человѣкъ располагаетъ—Богъ опредѣляетъ! Хотѣлъ было сегодня утромъ ѣхать представиться князю Лопухину, а вечеромъ быть на вечеринкѣ у своего хозяина, но сильно простудился и не поѣхалъ ни туда, ни сюда. У князя Лопухина побывать успѣю; но чтò подумаетъ Торсбергъ, на ласковое приглашеніе котораго я не явился? Впрочемъ, я написалъ ему записку по-нѣмецки, и онъ можетъ самъ меня освидѣтельствовать. Альбини увѣряетъ, что если я не выѣду и не объѣмся чего-нибудь, то дня черезъ три болѣзнь пройдетъ сама собою. Дай Богъ! Одному сидѣть скучно. Принялся читать: «Ossian's und Sined's Lieder».

14 Декабря, Пятница. Графъ Монфоконъ навѣстилъ меня: приходилъ узнать, чтò со мною дѣлается и отчего не видать меня въ *пагильйонѣ*, то-есть у Лабатовъ. Спасибо ему за посѣщеніе, а пуще за разные разсказы *о добромъ старомъ времени* во Франціи. Онъ былъ нѣкогда неизмѣннымъ посѣтителемъ Французскаго театра, коротко зналъ Лекеня, Бризара, Превиля, Моле, Монвеля, актрисъ Дюмениль, Клеронъ и Дюкло, которой былъ, кажется, счастливымъ обожателемъ. Монфоконъ предобрый человѣкъ, но все принимаетъ къ серцу, всему придаетъ какую-то важность, говоритъ всегда такъ, какъ будто сердится,

*) Т.-е. вѣроятно участвовалъ въ постройкѣ. П. Б.

и оттого говоритъ дурно. Сколько я замѣтить могъ, это недостатокъ всѣхъ знатныхъ эмигрантовъ, которыхъ упорные характеры раздражены несбывшимися надеждами и продолжительнымъ несчастіемъ: они не терпятъ противорѣчія. Впрочемъ, мой графъ Монфоконъ, какъ ни спутанно говоритъ, но умѣетъ объяснить мнѣ всѣ придворныя и закулисныя интриги своего времени. Я узналъ отъ него весь тогдашній Парижъ съ его временщиками и временщицами, съ его любезностью и легкомысліемъ, съ его талантами и отсутствіемъ здраваго смысла.

15 Декабря, Субота. П. О. Вейтбрехтъ, оставившій на время службу въ Коллегіи и опредѣлившійся въ канцелярію генерала Татищева, учрежденную по случаю формированія милиціи, сказывалъ, что тамъ съ часу на часъ ожидаютъ извѣстія о сраженіи, которое графъ Каменскій предполагалъ имѣть съ Французами. Говорятъ, что старый фельдмаршалъ поклялся не уступать Бонапарте ни шагу, хотя бы армія его была вдвое многочисленнѣе нашей. Но больному не до политики, да и нечего загадывать преждевременно: что̀ произойдетъ, узнаемъ въ свое время изъ оффиціальныхъ объявленій.

Гебгардъ съ Н. И. Хмѣльницкимъ поподчивали меня анекдотами. Первый, между прочимъ, разсказывалъ о продѣлкахъ актрисы мадамъ Дальбергъ съ своими покровителями, какъ, напримѣръ, умѣла она заставить покровителя своего № 1, С. С. П., платить за подарки, дѣлаемые ей покровителемъ № 2, Б.; а сей давалъ жалованье и содержаніе ея покровителю № 3, Л. Это прекрасный сюжетъ для комедіи. Хмѣльницкій же морилъ меня со смѣху, разсказывая объ одномъ сановникѣ, который нѣкогда имѣлъ большую значительность и съ необыкновенною добротою души и ничѣмъ невозмущаемымъ хладнокровіемъ соединялъ страсть говорить афоризмами. Онъ принималъ многочисленныхъ просителей своихъ весьма привѣтливо, выслушивалъ ихъ терпѣливо, но никогда не могъ объясниться съ ними положительно и всегда оставлялъ ихъ въ недоумѣніи. Напримѣръ, одному заслуженому чиновнику, ходатайствовавшему о пенсіи, онъ никакъ не могъ сказать просто, что пенсія ему назначена, но на вопросъ старика: не послѣдовало-ли милостивой резолюціи на его просьбу, и что̀ онъ надѣется на просимую милость, сановникъ отвѣчалъ: *надежда доставляетъ человѣку истинныя радости, а иногда и большія огорченія* —«Но, ваше превосходительство, я служилъ вѣрою и правдою, и мнѣ кажется, что имѣю нѣкоторое право утруждать васъ; иначе у меня не достало бы на это духа».—*Когда не достаетъ духу поддерживать право свое, оно навсегда потеряно.*—«Такъ неужели, ваше превосходительство, я такъ несчастливъ, что мнѣ отказано, и какъ долженъ я судить объ этомъ отка-

зѣ?»—*Судить о томъ, чего мы не знаемъ, есть большое заблужденіе.*—«Слѣдовательно, ваше превосходительство можете обѣщать мнѣ исполнить мою просьбу?»—*Люди обѣщаютъ по своимъ намѣреніямъ и держатъ обѣщанія по обстоятельствамъ*... Въ другой разъ, прочитавъ просьбу одной очень богатой провинціальной вдовы, которая добивалась какого-нибудь почетнаго званія для того, чтобъ открыть роскошный домъ и, какъ выражалась она, *покормить Петербургъ*, онъ спросилъ ее: какого же именно званія она желаетъ?—«Да мнѣ хочется быть при дворѣ», отвѣчала вдова; «напримѣръ, хоть бы фрейлиною.»—*Фрейлиною?* возразилъ озадаченный сановникъ, но потомъ, спохватившись, сказалъ: *впрочемъ, на милость образца нѣтъ.* Вотъ настоящій дипломатъ!

16 Декабря, Воскресенье. Послѣ завтра Альбини обѣщалъ выпустить меня изъ клѣтки, и я мысленно наслаждаюсь будущею моею свободою; теперь же покамѣстъ довольствуюсь и тѣмъ, что нѣкоторые знакомые не оставляютъ посѣщать меня. Не знаю, какъ узналъ старый соученикъ мой Левандовскій, что я въ Петербургѣ и занемогъ, и тотчасъ же навѣстилъ меня. Онъ большой пріятель съ Анастасевичемъ, плохимъ переводчикомъ «Федры», который живетъ почти противъ меня, и предлагалъ познакомить съ нимъ; но я не хочу заводить большаго знакомства, пока не пообживусь въ Петербургѣ.

Я посылалъ отъискать знакомца моего, живописца Т. Ф. Дурнова *), который такъ заинтересовалъ меня въ прошедшемъ году въ Липецкѣ хвастовствомъ своимъ. Онъ явился самъ, съ возвратившимся человѣкомъ, и мы оба взаимно другъ другу обрадовались: онъ, вѣроятно, потому что нашелъ случай передъ кѣмъ прихвастнуть, а я, съ своей стороны, потому что въ теперешнемъ болѣзненномъ моемъ одиночествѣ такой человѣкъ, какъ онъ, сущій кладъ. Сказывалъ, что пишетъ картину, которой сюжетомъ *Убіеніе младенцевъ* **). «Это не картина, а чудо!» говорилъ онъ; «наглядѣться нельзя, не оторвешься отъ ней; три фигуры: мать, ребенокъ и воинъ; но какъ исполнены — ужъ не Пуссену чета!» Между прочимъ, разсказывалъ, что живописцы Егоровъ, Шебуевъ и Боровиковскій занимаются изготовленіемъ образовъ для Казанской церкви. «Да что?» примолвилъ онъ, «плохо дѣло подвигается. Вотъ кабы поручили нашему брату, такъ мы бы имъ показали, какъ должно писать иконы; а между тѣмъ дай-ка я спишу съ васъ портретъ: такой сдѣлаю, что и на Вандика послѣ смотрѣть не

---

*) См. выше 23 Іюня 1805.

**) Эта картина находится въ Академіи Художествъ—и точно хороша. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

захочешь». Любезный Рафаэль-Дурновъ просидѣлъ до 9-ти часовъ вечера, выпилъ дюжины двѣ чашекъ чаю и оставилъ меня съ сожалѣніемъ, обѣщая возвратиться скоро и потолковать о портретѣ.

17 Декабря, Понедѣльникъ. Приходилъ Александръ Васильевичъ Приклонскій съ разными вѣстями. Въ канцеляріи министра и въ Коллегіи толковъ и разговоровъ не оберешься по случаю полученнаго извѣстія, что графъ Каменскій 13-го числа вдругъ отказался отъ командованія арміею и, сдавъ ее старшему по себѣ генералу, Бенигсену, уѣхалъ самопроизвольно въ какое-то мѣстечко; а между тѣмъ непріятель въ виду, и сраженіе должно было произойти на другой день. Всѣ недоумѣваютъ о причинѣ такого непонятнаго и неслыханнаго поступка, который можно отнести только къ внезапному помѣшательству; да иначе и толковать его нельзя, потому что невозможно подумать, чтобъ графъ Каменскій, *оставшій мечъ Екатерины, булатъ, обдержанный въ бояхъ*, какъ назвалъ его Державинъ, бѣжалъ съ мѣста сраженія. Еслибъ даже и подлинно, какъ предполагаютъ, графъ Каменскій имѣлъ несчастіе узнать, по неосторожности одного изъ подчиненныхъ ему генераловъ, о недовѣрчивости Государя къ его распоряженіямъ, по случаю преклонности его лѣтъ (недовѣрчивости, столь естественной въ настоящихъ важныхъ обстоятельствахъ), то и тогда бы слѣдовало ему не сѣтовать, а по суворовски доказать противное, разбивъ на голову Бонапарте и аггеловъ его*).

18 Декабря, Вторникъ. Сегодня въ первый разъ вышелъ на воздухъ, прогулялся по тротуарамъ и затѣмъ отдохнулъ у своихъ сосѣдей, которыхъ не знаю какъ благодарить за нѣжныя попеченія о моемъ сиротствѣ. Хотѣлъ начать свои выѣзды, но Альбини уговорилъ отложить ихъ до завтра; причемъ Schwester Dorchen премило напомнила мнѣ о Русской пословицѣ: *бережонаго Богъ бережетъ.*

А между тѣмъ въ городѣ носятся слухи, что сраженіе съ Французами происходитъ, если уже не произошло, и съ часу на часъ ожидаютъ курьера съ обстоятельнымъ донесеніемъ Государю. Помоги Богъ!

Чтò за прелестныя вещи нашелъ я въ «Sined's Lieder»! Маленькая поэма «die October-Nacht», по мнѣнію моему, ни въ чемъ не уступаетъ поэмамъ Оссіановымъ: тоже воображеніе, таже неопредѣленность образовъ и, если дозволено такъ выразиться, таже привлекательная заоблачность. Прекрасно! Но я увѣренъ, что Sined не понравился бы положительному нашему Алексѣю Ѳедоровичу. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя: онъ и «Артабана» моего назвалъ, какъ я предчувствовалъ, барабаномъ и ахинеею, а между тѣмъ Гаврила Романовичъ его хвалитъ.

---

*) Любопытно, что наблюдать за графомъ Каменскимъ поручено было графу П. А. Толстому. П. Б.

19 Декабря, Среда. Выѣздъ мой какъ нельзя болѣе удаченъ и счастливъ: всюду радость, и на всѣхъ веселыя лица. Курьеръ изъ арміи прибылъ и привезъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной генераломъ Бенигсеномъ при Пултускѣ, на другой же день отъѣзда графа Каменскаго изъ арміи. Сраженіе было кровопролитное. Французы дрались храбро, напирали отчаянно, но мы устояли и побѣдили. Конечно, потеря въ людяхъ и съ нашей стороны велика, но за то Французовъ легло вдвое болѣе. Илья Карловичъ говоритъ, что дѣло, однакожъ, не кончено, и Бенигсенъ не остановится на этой побѣдѣ, а пойдетъ впередъ. Что̀ будетъ, то будетъ; по крайней мѣрѣ мы дали себя знать, и первый блинъ не комомъ!

За обѣдомъ у Лабата старый іезуитъ, аббатъ Пингелли, пользующійся общимъ уваженіемъ и домашній другъ дюка де-Серра-Капріола, сказывалъ, что есть слухи, будто-бы въ Парижѣ неочень спокойно и ежедневно открываютъ сношенія роялистовъ съ нѣкоторыми тамошними капиталистами; но что министръ полиціи, Фуше, который все знаетъ, *не обо всемъ* и *не о всѣхъ* сообщаетъ Бонапарте, во избѣжаніе огласки, а довольствуется только безгласнымъ уничтоженіемъ замысловъ королевской партіи. Потому думаютъ, что Фуше едва ли не бьетъ на всякій случай на обѣ руки.

20 Декабря, Четвергъ. Гаврила Романовичъ спрашивалъ меня, былъ ли я у князя Лопухина и графа Румянцова, и на отвѣтъ мой, что, по болѣзни, быть еще не успѣлъ, сказалъ: «Экой ты братецъ! Да поѣзжай къ нимъ, и особенно къ князю; только снорови къ нему утромъ, часу въ десятомъ; я предувѣдомилъ его, и онъ радъ будетъ принять тебя». Завтра поѣду.

За обѣдомъ А. В. Казадаевъ (кажется, директоръ или командиръ Горнаго Корпуса) очень умный, знающій и начитанный человѣкъ, сказывалъ, что есть положительныя свѣдѣнія изъ Сибири о нахожденіи тамъ вновь золотой руды, почти на поверхности земли, въ видѣ песка, и что мѣста̀, гдѣ руда эта находится, давно уже извѣстны мѣстнымъ жителямъ, но они содержатъ ихъ въ тайнѣ не только отъ начальства, но и отъ самихъ купцовъ, производящихъ съ ними мѣновую торговлю, единственныхъ людей, имѣющихъ сношенія съ отдаленными народами.

Да, у хозяина моего вечера̀ превеселые! Много хорошенькихъ, миловидныхъ Нѣмочекъ и молодыхъ людей, очень порядочныхъ, изъ которыхъ многіе были расфранчены въ пухъ. Что̀ касается до собратій Эскулаповыхъ, то были нѣкоторые изъ самыхъ именитѣйшихъ. Я повстрѣчалъ лейбъ-медиковъ Фрейганга и Бека, докторовъ Симпсона, Рюля, Сутгофа, Штофрегена и другихъ; болѣе всѣхъ мнѣ пришлись по

сердцу Штофрегенъ и глухой Сутгофъ: въ этихъ людяхъ много учености и еще болѣе добродушія. Несмотря на свое значеніе, они совсѣмъ не на ходуляхъ, какъ бо́льшая часть такихъ людей, которымъ неожиданно улыбнулось счастье. Штрофрегенъ уроженецъ Рижскій; онъ здѣсь одинъ изъ первыхъ послѣдователей Месмера, и хотя негласно, но пользуетъ иныхъ больныхъ посредствомъ магнетизма. Пожилые люди занимались игрою въ бостонъ, а молодые бренчали на фортепьяно и пѣли Французскіе романсы и Нѣмецкія пѣсни. Послѣднія напомнили мнѣ Москву и много потраченнаго даромъ времени. Я слушалъ ихъ не отходя отъ фортепьяно, пока не ударило 11 часовъ, и всѣ не пошли за ужинъ, отъ котораго я отказался, подъ предлогомъ недавняго выздоровленія, и вотъ въ одинокой своей кельѣ записываю на сонъ грядущій

„Едва ли не даромъ еще прожитый день!"

21 Декабря, Пятница. Въ 10 часу явился я къ князю П. В. Лопухину. Меня впустили безъ доклада, потому что, кажется, и всѣхъ безъ доклада принимали. Какой-то молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: Что́ вамъ угодно?—«Ничего», отвѣчалъ я: «хочу только вручить его свѣтлости вотъ это письмо отъ Г. Р. Державина». Юноша предложилъ мнѣ отнести письмо къ князю, но, увидѣвъ, что оно за открытою печатью, спохватился и сказалъ, что князь занимается съ директоромъ Салтыковымъ и экспедиторами Столыпинымъ и Ниловымъ, но чрезъ полчаса будетъ свободенъ, и тогда онъ обо мнѣ доложитъ. Я покамѣстъ сѣлъ на истертый, вѣроятно просителями, диванъ и прождалъ около часу. По выходѣ директора съ экспедиторами, молодой человѣкъ побѣжалъ доложить обо мнѣ и, тотчасъ же возвратившись назадъ, объявилъ мнѣ съ улыбкою и чрезвычайно ласково, что князь проситъ меня пріѣхать къ нему въ часъ пополудни. Я отправился покамѣстъ въ Коллегію, и ровно въ часъ былъ опять въ той же пріемной залѣ. Вскорѣ меня пригласили въ кабинетъ министра. Князь сидѣлъ на диванѣ, опершись обѣими руками на столъ и поддерживая ими голову—прекрасную голову мужчины лѣтъ 55-ти съ чѣмъ-нибудь, и читалъ книгу, кажется, Французскую энциклопедію. Я подалъ ему письмо, которое, прочитавъ и положивъ на столъ, «садись, братецъ», сказалъ онъ: «что́ дѣлаетъ Г. Р., и давно ли ты знако́мъ съ нимъ?» Я разсказалъ ему исторію нашего знакомства и прибавилъ, что я никогда бы не осмѣлился безпокоить его свѣтлость, еслибъ Г. Р. настоятельно того не потребовалъ. «Почему жъ и не такъ?» сказалъ онъ. «Да ты опредѣлился ужъ куда-нибудь?» Я отвѣчалъ, что опредѣлился въ Иностранную Коллегію. «Похлопочи, чтобъ тебя перевели въ кан-

целярію министра, а то въ Коллегіи столько васъ, что ни до чего не добьешься». – «Но у меня нѣтъ никакого случая», сказалъ я. «Да, нечего таить грѣха», молвилъ онъ со вздохомъ: «безъ случая всегда и вездѣ плохо». Тутъ доложили ему о приходѣ какого-то толстенькаго г. Розенкампфа, который и вошелъ вслѣдъ за докладчикомъ, раскланиваясь и прижимая къ груди шляпу. Князь, кажется, былъ радъ его приходу, потому что, сколько я замѣтилъ, едва ли онъ не тяготился мной. Я всталъ и сталъ откланиваться. «Княгиня моя по утрамъ только выѣзжаетъ», сказалъ онъ, отпуская меня, «а по вечерамъ всегда бываетъ дома. Приходи: я познакомлю тебя съ ней».

Воспользуюсь милостивымъ приглашеніемъ при случаѣ, но теперь что̀ могу сказать о князѣ министрѣ, кромѣ того, что я никого не встрѣчалъ въ его лѣта съ такими прекрасными, правильными чертами лица, и что онъ снисходительно принимаетъ даже и тѣхъ людей, которые, не имѣя къ нему никакихъ опредѣленныхъ отношеній, ни надобности, попали въ кабинетъ его, можетъ быть, несовсѣмъ во̀ время?

Одна коммиссія сошла съ рукъ, остается представиться графу Румянцову; но этотъ подвигъ можно отложить и до праздниковъ.

23 Декабря, Воскресенье. Третьяго дня былъ я у человѣка, который повидимому равнодушенъ ко всему, ни въ чемъ не принимаетъ участія и у котораго на прекрасномъ лицѣ какъ будто напечатано Нѣмецкое: abgelebt [1]). Смотря на него, я думалъ, какъ должно быть тяжело тому, кому все наскучило! И вотъ сегодня встрѣтился съ человѣкомъ такихъ же лѣтъ, но совершеннымъ его антиподомъ: живой, пламенный ученый, но примѣнившій ученость свою къ практикѣ, необыкновенно-здравомыслящій и одаренный такимъ простымъ Русскимъ краснорѣчіемъ, что я невольно его заслушался. Этотъ человѣкъ—врачъ, Осипъ Кирилловичъ Каменецкій, похожій фигурою и даже образомъ изъясненія на нашего Невзорова. Гаврила Романовичъ очень уважаетъ его; и не мудрено: кажется, у нихъ свойства одинаковыя—любятъ истину и не боятся ее выражать всякій по своему.

Въ числѣ утреннихъ посѣтителей у Гаврила Романовича находился, возвратившійся изъ чужихъ краевъ, Дмитрій Ивановичъ Павловъ, человѣкъ очень достаточный и принадлежащій по службѣ къ оберъ-егермейстерскому вѣдомству [2]). Онъ принятъ прекрасно въ домѣ А. Л. Нарышкина, своего начальника, и особенно на половинѣ Марьи Антоновны. Онъ заговорилъ о заграничной жизни и о ея удобствахъ,

---

[1]) Отжито.

[2]) Дѣдъ графа Д. А. Толстаго съ материнской стороны. П. Б.

о дешевизнѣ мануфактурныхъ произведенiй и жизненныхъ припасовъ, о ловкости служителей и, между прочимъ, довольно рѣзкимъ тономъ сталъ утверждать, что для него всегда странно казалось смотрѣть на огромное количество дворовыхъ слугъ, которые составляютъ принадлежность домашняго быта не только нашихъ баръ, но и самыхъ небогатыхъ помѣщиковъ, что это совершенно безполезная роскошь, и что достаточно, какъ это бываетъ въ чужихъ краяхъ, двухъ или трехъ человѣкъ для услугъ самаго богатаго дома. Къ этому присовокупилъ онъ, что давно бы пора приняться за умъ: ввести у насъ такой же порядокъ и уничтожить всю эту дворню, которая съѣдаетъ половину доходовъ нашихъ.—«А, позвольте вамъ сказать», возразилъ Каменецкiй: «не напрасно ли вы слишкомъ вооружаетесь противъ этой многочисленной прислуги нашихъ помѣщиковъ? Дворня ваша составлена не вами, а вашими предками, и вы наслѣдовали ее отъ нихъ вмѣстѣ съ ихъ привычками и вкусами, съ ихъ образомъ жизни и даже, большею частью, образомъ ихъ мыслей. Этотъ образъ жизни, какъ прежде былъ основанъ на мѣстныхъ условiяхъ, такъ остался и теперь. Иному кажется, что наступило другое время, что свѣтъ измѣнился, люди тоже; а ничего не бывало: и время, и люди сходны межъ собою. Настоящiе Русскiе помѣщики, не исключая и васъ—такiе же, какими они были за сто лѣтъ назадъ, за исключенiемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ понятiй, которыя, съ постепеннымъ и непримѣтнымъ развитiемъ образованности, должны были необходимо измѣниться въ нихъ. Давнымъ давно придумываютъ средства, какъ бы уменьшить дворню и даже совсѣмъ освободиться отъ нея, но до сихъ поръ еще ничего не придумали. Графъ Ѳ. Г. Орловъ, который былъ, что называется *Русская здоровая голова*, говорилъ: «Хотите, чтобъ помѣщикъ не имѣлъ дворни. Сдѣлайте, чтобъ онъ не былъ ни псовымъ, ни конскимъ охотникомъ, уничтожьте въ немъ страсть къ гостепрiимству, обратите его въ купца или мануфактуриста, и заставьте его заниматься однимъ—ковать деньги». Скажутъ, что можно быть псовымъ и конскимъ охотникомъ и гостепрiимнымъ хозяиномъ безъ того, чтобъ не прислуживали вамъ двадцать человѣкъ—справедливо; но тогда вы должны будете прибѣгнуть къ найму спецiальныхъ людей, которыхъ количество хотя будетъ и втрое меньше, но содержанiе ихъ будетъ стоить втрое дороже; а сверхъ того что они не могутъ представить никакого обезпеченiя въ своей исправности, куда дѣвать своихъ? Обратить въ крестьянъ, завести фабрику? Съ первымъ способомъ будетъ сопряжено насилiе, и оно не удастся; потому что эти люди понатерлись около васъ, болѣе или менѣе образованы по вашей мѣркѣ, охотно за соху не примутся, и употребить ихъ въ такую работу, къ которой они не чувствуютъ ни склонности, ни спо-

собности, и которую почитают для себя униженіемъ- жестоко и несправедливо. Фабрики же не помѣщичье дѣло и рѣдко могутъ быть выгодны для купца. Да и зачѣмъ вамъ жаловаться, что васъ съѣла дворня? Пусть ѣстъ; чѣмъ ея у васъ больше, тѣмъ больше къ вамъ уваженія: это вывѣска, что живете не для одного себя, а кормите и пòите другихъ. Не походить же намъ на Англичанъ, у которыхъ только и правилъ, что взаимныя услуги: служишь—плачу тебѣ; отслужилъ—со двора долой. Эхъ-ма! За службу сына корми отца, и за службу отца воспитывай сына; а то все фабрики да заведенія, глядишь—и разорился: ни фабрикъ, ни заведеній! За двумя зайцами не гоняться: либо дворянинъ, либо купецъ—что-нибудь одно».

Правъ или неправъ почтенный Осипъ Кирилловичъ, я опредѣлять не берусь; но во всякомъ случаѣ спасибо ему за урокъ молодцу, который самъ не можетъ обойтись безъ двухъ камердинеровъ, десятка офиціантовъ и лакеевъ и двухъ десятковъ конюховъ, псарей, доѣзжачихъ и охотниковъ, чтò и составляетъ его заслуги по егермейстерской части. Не спорю, что заводить многочисленную дворню тому, у кого ея нѣтъ, было бы безразсудно; но если она уже есть—какъ быть! Сноси терпѣливо сопряженныя съ нею невыгоды за тѣ выгоды, которыя она тебѣ доставляетъ.

24 Декабря, Понедѣльникъ. Сегодня обрадованъ я былъ встрѣчею съ землякомъ моимъ, П. Н. Кобяковымъ. Онъ служитъ здѣсь въ Военной Коллегіи и нѣсколько занимается театральною литературою. Добрый малый! Я зазвалъ его къ себѣ на чашку чаю, и мы натолковались вдоволь. Онъ сказывалъ, что очень знакòмъ со всѣми Русскими актерами, особенно съ Воробьевымъ и семействомъ Самойловыхъ, для которыхъ перевелъ Французскую оперку *Les Amants Protées*, подъ названіемъ *Оборотни*; всѣ аріи въ этой оперѣ переводилъ для него, въ кратковременную здѣсь бытность, А. Ѳ. Воейковъ. Кобяковъ признался, что стиховъ писать вовсе не умѣетъ, и просилъ меня перевести для него нѣсколько арій изъ какой-то новой оперы, которую онъ намѣренъ отдать своимъ пріятелямъ для ихъ бенефиса, а за эту услугу обѣщалъ познакомить меня съ ними. Это, чтò называется, загребать жаръ чужими руками; но дѣлать нечего—земляку помочь надобно.

Чѣмъ болѣе я вглядывался въ Кобякова, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ сходства съ отцомъ его, который находится въ такой связи съ Рязанскимъ нашимъ магогомъ, Л. Д. Измайловымъ, что, во время бывающихъ у него оргій, имѣетъ право садиться къ нему на колѣни и говорить ему *ты*: такой же маленькій и кругленькій, такой же охотникъ переливать изъ пустаго въ порожнее и въ разговорахъ обыкно-

венно также растопыриваетъ пальцы. Онъ очень любитъ разсуждать о театрѣ, въ который ходитъ ежедневно даромъ. Сказывалъ, что Воробьевъ отличный пѣвецъ, музыкантъ и актеръ, особенно въ операхъ, переведенныхъ съ Итальянскаго, и что терпѣть не можетъ музыку такихъ оперъ, какъ *Новое Семейство, Ѳедулъ съ дѣтьми, Два Охотника* и проч., называя ее *Англійскою музыкою*; по словамъ его, Воробьевъ человѣкъ очень невоздержанный, но невоздержанность не мѣшаетъ ему исполнять свою обязанность рачительно и добросовѣстно, потому что въ тотъ день когда играетъ, онъ ничего не пьетъ, кромѣ воды, и никого къ себѣ не пускаетъ. Кобяковъ прибавилъ, что Русская пословица: *пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ*, какъ будто нарочно сложена для Воробьева.

25 Декабря, Вторникъ. Вотъ мои сегодняшніе утренніе визиты: былъ у Державина, князя Лопухина, Ададурова, Вестмана, Эллизена, А. И. Корсакова и князя Дундукова-Корсакова. Къ Будбергу нечего было и ѣздить: онъ не принимаетъ; старичка своего Лабата поздравилъ у него за обѣдомъ, у А. И. Корсакова пробылъ болѣе часу, потому что онъ преблагосклонно позволилъ мнѣ полюбоваться безподобною своею картинною галлереею. Какія сокровища! Онъ совершенный знатокъ въ картинахъ; между прочимъ, сказалъ, что бо́льшая ихъ часть пріобрѣтена имъ за безцѣнокъ при разныхъ случаяхъ, какъ-то иногда у незнающихъ охотниковъ, а иногда у мѣнялъ, и даже на рынкахъ у продавцовъ всякой ветхой рухляди. Въ кабинетѣ у него я замѣтилъ пяльцы съ вышитымъ по канвѣ изображеніемъ Богоматери. Мнѣ показалось искусство необычайнымъ: точно миньятюрная живопись. Я думалъ, что это работа какой-нибудь дамы; но А. И. объявилъ мнѣ, что въ свободное время онъ вышиваетъ самъ и очень любитъ это занятіе. Я изумился и едва могъ повѣрить, чтобъ этотъ почтенный человѣкъ могъ быть такой великій искусникъ на женскія рукодѣлья; однакожъ, за обѣдомъ у Лабата, Иванъ Петровичъ Эйнбродтъ подтвердилъ мнѣ справедливость словъ его и при этомъ разсказалъ, какъ это необыкновенное искусство его въ вышиваньѣ однажды было поводомъ къ очень забавному недоразумѣнію. Алексѣй Ивановичъ поднесъ ея величеству императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ вышитую картину своей работы, которая могла назваться чудомъ искусства и терпѣнія. Императрица, не думая, чтобъ такое превосходное шитье могло быть дѣломъ мужчины, и особенно такихъ лѣтъ, какихъ былъ Корсаковъ, приняла эту картину за приношеніе которой нибудь изъ ближнихъ его родственницъ и, по добротѣ души своей, благоволила послать ему, въ знакъ своего удовольствія, *брильянтовыя серьги.* Анекдотъ распростра-

нился съ разными прибавленіями и комментаріями; но дѣло было такъ, а не иначе.

26 Декабря, Среда. Съ удовольствіемъ читалъ Высочайшій рескриптъ Пашкову за уступку дома на Моховой, для помѣщенія театра. Старику это будетъ пріятно, а съ нимъ вмѣстѣ порадуются и хлѣбосолы Ренкевичевы. Несмотря что я далеко отъ Москвы, сердце невольно прыгаетъ отъ радости при всякомъ добромъ извѣстіи изъ Бѣлокаменной, и вообще все, что̀ до нея касается, возбуждаетъ во мнѣ какое-то неизъяснимо-живое участіе. Москва мнѣ не родина, но сдѣлалась больше чѣмъ родина, потому что въ ней научился я мыслить и чувствовать. Люди родятся дважды: физически и нравственно; въ послѣднемъ отношеніи я уроженецъ Московскій.

А каковъ мой Снѣгирь-Немо? *) Получилъ отъ него предлинное и премилое письмо, которымъ, между прочимъ, извѣщаетъ, что въ прошедшую Суботу, 22-го числа, онъ ѣздилъ во Французскій спектакль, единственно въ мое воспоминаніе и для того, чтобъ сообщить мнѣ что нибудь о Московскомъ театрѣ и, *къ счастію*, попалъ, какъ онъ выражается, *на казусъ*. Давали *La Petitte Ville* Пикара и *Les Fausses Confidences*. Первая пьеса прошла благополучно, но въ послѣдней произошла сумятица за кулисами по случаю драки двухъ участвовавшихъ въ пьесѣ актеровъ. Престрашная оплеуха, полученная Девремономъ, раздалась на весь театръ, произвела смятеніе въ актерахъ, и пьеса доиграна была кое-какъ отъ несвоевременнаго выхода задорныхъ персонажей на сцену.

Землякъ мой Кобяковъ принесъ мнѣ либретто Итальянской оперы *Impressario in Angustio* и проситъ перевести въ ней всѣ аріи, а речитативы берется перевести самъ прозою. Чудакъ! Речитативовъ во всей оперѣ, по обычаю Итальянцевъ, не наберется и трехъ страницъ, а все дѣйствіе заключается въ пѣніи, то-есть аріяхъ, дуэтахъ, терцетахъ и огромномъ финалѣ, составляющемъ почти половину всей пьесы. Это ужъ не игрушка, а работа. Постараюсь отъ ней избавиться, но едва ли успѣю. Малышъ Кобяковъ говоритъ, что Воробьевъ и Самойловъ будутъ сами о томъ просить меня.

27 Декабря, Четвергъ. Во Французскомъ спектаклѣ видѣлъ «Лодоиску»: отлично обставлена, и музыка прекрасная. Тирана игралъ Андріё, любовника—Сенъ-Леонъ, Лодоиску—мадамъ Бертенъ, а Татарина Титзикана—Меесъ. Послѣдній великолѣпенъ, всѣмъ взялъ: фигу-

---

*) См. выше, 12 Апрѣля 1805.

рой, игрою и голосомъ—такимъ огромнымъ, но пріятнымъ басомъ, что заслушаешься. Гунніусъ, конечно, одинъ изъ лучшихъ театральныхъ басовъ въ Европѣ, но съ Меесомъ не можетъ идти въ сравненіе. Конечно, послѣдній поетъ только Французскую музыку; а каково бы онъ спѣлъ партіи *Ассура*, *Зороастра*, *Лепорелло* или *Хорасмисна*—еще неизвѣстно; но какъ бы то ни было, Меесъ пѣвецъ отличный, а какъ актеръ—нечего и говорить! Арію съ

Sachez que les Tartares
Ne sont barbares
Qu'avec leurs ennemis

хоромъ пропѣлъ онъ увлекательно, и публика была въ восхищеніи. Въ игрѣ этого человѣка пропасть энергіи; да, сверхъ того, онъ и комикъ отличный. Сенъ-Леонъ, молодой пѣвецъ и актеръ, очень пріятной наружности, и голосъ имѣетъ симпатическій. Онъ изъ хорошей дворянской фамиліи и пріѣхалъ сюда за мадамъ Бертенъ, въ которую былъ влюбленъ страстно. Теперь, говорятъ, эта страсть угасла, и онъ возвращается къ семейству, какъ только кончится срокъ контракта. Но мадамъ Бертенъ не останется вдовою, и мѣсто его при ней занимаетъ, если ужъ не занялъ, капельмейстеръ Боельдьё, сочинитель прелестной музыки *Багдадскаго Калифа*; а на сценѣ замѣститъ его какой-то Жозефъ. Въ началѣ спектакля давали Мольерову комедію *Les Précieuses Ridicules*, въ которой Фрожеръ въ роли слуги, переодѣтаго бариномъ, заставлялъ хохотать до слезъ. Это актеръ преуморительный. Правда, онъ игралъ нѣсколько каррикатурно; но что̀ до того, если и самая роль ничто иное, какъ каррикатура? Театръ былъ полонъ. Въ антрактахъ я глазѣлъ на ложи перваго яруса и очень былъ радъ увидѣть красавицу Марью Антоновну. Она нѣсколько полна, но что за ангельская голова и какія роскошныя плечи!...

28 Декабря, Пятница. Заходилъ къ Петру Александровичу Рахманову, пріѣхавшему сюда съ намѣреніемъ вновь поступить въ военную службу. «Надоѣло», говоритъ онъ, «таскаться по чужимъ краямъ; запасшись знаніями, надобно приложить ихъ къ дѣлу». Очень умный человѣкъ и гораздо умнѣе, чѣмъ показался онъ мнѣ прежде, когда встрѣтилъ я его въ первый разъ въ Москвѣ у К. А. Муромцовой. Тогда разсуждалъ онъ о всевозможныхъ предметахъ, начиная съ математики, спеціальной его части, до музыки и даже танцевъ, такъ опредѣлительно и свысока, что поневолѣ должно было принять его за педанта, желающаго блеснуть своими свѣдѣніями; теперь нахожу, что если говоритъ онъ много, такъ это потому, что очень откровененъ и со-

общителенъ. Нашелъ у него еще одного нашего Москвича, В. Ѳ. Вельяминова-Зернова, съ которымъ Рахмановъ покамѣстъ, отъ нечего дѣлать, переводитъ оперу *Орфей*, музыка сочиненія Глука, отъ которой онъ въ восторгѣ. Я выразилъ ему свое удивленіе, что такой великій математикъ занимается операми и любитъ музыку. «Чтó вы говорите!» отвѣчалъ онъ, «да я природный музыкантъ и самъ сочиняю симфоніи и квартеты; а вотъ сочинилъ и балетъ», и съ этимъ словомъ указалъ онъ мнѣ на претолстую тетрадь съ нотами. «Ну», подумалъ я, «теперь, послѣ такихъ двухъ примѣровъ, какъ Рахмановъ и нашъ Гаврило Ивановичъ Мягковъ, математикъ-арфистъ, безполезно утверждать, что математики не могутъ быть музыкантами и даже поэтами. Вельяминовъ-Зерновъ служитъ по Министерству Юстиціи, но жалуется, что почти не имѣетъ занятій и не получаетъ никакого жалованья. Онъ малый очень неглупый и со свѣдѣніями, но, кажется, стѣсненъ обстоятельствами.

Математикъ-музыкантъ, въ продолженіе разговоровъ своихъ, попалъ на одну идею, которая поразила меня своею справедливостью. «При началѣ всякой карьеры», сказалъ онъ, «молодому человѣку надобно заботиться только о томъ, чтобъ *угадать свое призваніе*. Попалъ онъ въ свою колею—дѣло сдѣлано и, несмотря на всѣ препятствія, онъ непремѣнно достигнетъ своей цѣли; въ противномъ случаѣ, батюшка, ни ваши таланты, ни ваши протекціи ничего не сдѣлаютъ: получишь чинокъ-другой, а все-таки кончится тѣмъ, что поѣдешь въ Саратовскую губернію planter vos choux *); или пóрскать подъ гончими и хлопать арапникомъ.

29 Декабря Субота. Графъ Румянцовъ настоящій министръ: какая осанка и вѣжливая обходительность, какъ говоритъ краснорѣчиво и умно! Онъ обворожилъ меня милостивымъ своимъ пріемомъ, спрашивалъ о моемъ воспитаніи, о настоящихъ занятіяхъ, о знакомствѣ съ Гавриломъ Романовичемъ и кончилъ тѣмъ, что дозволилъ мнѣ, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ или намѣреній моихъ на счетъ службы, обратиться къ нему, и что онъ тогда не откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Я вышелъ изъ пріемной залы совершенно имъ очарованный. Графу Румянцову не болѣе 55 лѣтъ и, если судить по бюсту отца его, который я видѣлъ у И. И. Дмитріева, то онъ долженъ быть очень похожъ лицомъ на героя Кагульскаго.

Дожидаясь выхода министерскаго въ аудіенцъ-залу, я съ любопытствомъ разсматривалъ толпу окружавшихъ меня чиновниковъ, между которыми замѣтилъ директора графской канцеляріи, Ѳ. П. Львова, род-

*) Сажать капусту.

ственника Гаврила Романовича, и экспедитора П. А. Словцова, извѣстнаго необыкновенными своими способностями. Въ одномъ чиновникѣ узналъ я Панина, который съ такою благосклонностью разсказывалъ мнѣ въ театрѣ объ Огюстѣ и мадамъ Шевалье. Онъ подошелъ ко мнѣ и очень снисходительно разговорился со мною. Сказывалъ, что служитъ въ канцеляріи графа столоначальникомъ, и спрашивалъ, какую я имѣю до графа надобность. Я объяснилъ ему, что собственно не имѣю никакой, но что Г. Р. Державину угодно было, чтобъ я представился графу. Онъ удивился. «Такъ почему-жъ», сказалъ онъ, «Г. Р. не поручилъ Львову представить васъ? Онъ пользуется благосклонностью графа и самъ обязанъ мѣстомъ своимъ рекомендаціи Гаврила Романовича» *). Между прочимъ Панинъ разсказалъ мнѣ, что онъ рекомендованъ графу П. С. Молчановымъ и, узнавъ отъ меня, что я также былъ нѣсколько знакомъ съ нимъ въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ о скоромъ его пріѣздѣ сюда, по окончаніи возложенныхъ на него изслѣдованій о злоупотребленіяхъ въ Псковской и Саратовской губерніяхъ, и что, вѣроятно, онъ при первомъ удобномъ случаѣ получитъ какое нибудь важное назначеніе; потому что князь Куракинъ и графъ Румянцовъ, имѣя большое довѣріе къ его способностямъ и знанію дѣлъ, успѣли обратить на него вниманіе Государя. Онъ присовокупилъ, что экспедиторъ Словцовъ старинный пріятель какъ ему, такъ и М. М. Сперанскому; потому что они, какъ изъяснился Панинъ, *всѣ однокашники.*

30 Декабря Воскресенье. Кобяковъ, приходившій за своими аріями, сказывалъ, что на театрѣ разучиваютъ новую трагедію Озерова: «Дмитрій Донской». Говоритъ, что это произведеніе геніальное и является очень кстати въ теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что наполнено множествомъ патріотическихъ стиховъ, которые во время представленія должны произвести необыкновенный эффектъ. Кобяковъ говорилъ, что въ трагедіи участвуютъ всѣ лучшіе актеры, и что Яковлевъ въ ней особенно превосходенъ. Я не очень довѣряю знанію и вкусу моего земляка; но, быть можетъ, онъ и правъ. Посмотримъ это чудо драматической поэзіи.

Гаврила Романовичъ хотѣлъ на этихъ дняхъ представить меня А. Н. Оленину и О. П. Козодавлеву. «Тотъ и другой», сказалъ онъ, «очень добрые люди. Первый имѣетъ очень много должностей, очень занятъ и обязанъ безпрестанно выѣзжать; но за то жена домосѣдка и очень любезная женщина, радушно принимаетъ своихъ знакомыхъ ежедневно по вечерамъ. У нихъ очень нескучно.

Гаврила Романовичъ сказывалъ, что пріятель и родственникъ его, В. В. Капнистъ, написавъ комедію «Ябеда», неоднократно читалъ ее

*) Графъ Румянцовъ былъ тогда министромъ комерціи. П. Б.

при многихъ посѣтителяхъ у него, у Н. А. Львова и у А. Н. Оленина, и когда въ городѣ заговорили о неслыханной дерзости, съ какою выведена въ комедіи безнравственность губернскихъ чиновниковъ и обнаружены ихъ злоупотребленія, Капнистъ, испугавшись, чтобъ благонамѣренность его не была перетолкована въ худую сторону и онъ не былъ очерненъ во мнѣніи Императора, просилъ совѣта, что́ ему дѣлать. «Тоже, что́ сдѣлалъ Мольеръ съ своимъ Тартюфомъ», сказалъ ему Н А. Львовъ: «испроси позволеніе посвятить твою комедію самому Государю». Капнистъ послѣдовалъ совѣту, и всѣ толки умолкли. Тѣ же самые люди, которые сначала такъ сильно вооружались противъ Капниста, вдругъ перемѣнили свое мнѣніе и стали находить комедію превосходною. «Ябеда» была представлена на театрѣ въ бенефисъ актера Крутицкаго, который отлично выполнилъ роль предсѣдателя. Г. Р. прибавилъ, что, конечно, комедія Капниста очень живо представляетъ взяточниковъ, эту язву современнаго общества, но въ послѣдствіяхъ своихъ совершенно безполезна и, къ сожалѣнію, не обратитъ ихъ на путь истинный. Не постигаю пристрастія Державина къ Боброву. Я читалъ и читаю его съ величайшимъ вниманіемъ, стараясь отыскать въ немъ что-нибудь, что̀ бы затронуло душу—ничего, рѣшительно ничего! Воображеніе не только что мрачное, какъ у Юнга, но какое то безпорядочное, и въ картинахъ не нахожу никакой вѣрности. При утомительномъ многословіи мыслей мало; правда, грому много, но этотъ громъ театральный и не поражаетъ. Вотъ ужъ можно сказать: *много шуму изъ пустяковъ*.

31 Декабря Понедѣльникъ. Набожный контролеръ нашъ, Ѳ. Д. И. замѣтилъ, что день Пултуской побѣды, 14-го числа, пришелся въ день памяти св. шести мученикъ Ѳирса, Аполлонія, Леввія и проч., въ который, по уставу церковному, поется слѣдующій кондакъ: *Благочестія вѣры поборницы злочестиваго мучителя оплевавше, обличисте звѣрообразное его кровопролитіе и побѣдисте того яростное противленіе, Христовою помощію укрѣпляеми.* Странный случай! Этотъ кондакъ очень кстати обращенъ быть можетъ къ нашимъ воинамъ, участвовавшимъ въ кровопролитной Пултусской битвѣ, какъ оставшимся въ живыхъ, такъ и павшимъ за отечество. Я сказалъ: случай; но, можетъ быть, и не случай, а только намъ такъ кажется.

Былъ въ маскарадѣ и въ первый разъ отъ роду видѣлъ такую многочисленную и блестящую публику. Кромѣ разнородныхъ комически-наряженныхъ масокъ, танцовавшихъ, прыгавшихъ, дурачившихся и бѣсившихся напропалую, было много великолѣпно-разодѣтыхъ кадрилей, очень чинно расхаживавшихъ съ нѣкоторыми изъ сидѣвшихъ въ ло-

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., домъ № 7, кв. № 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты **Библіографа** за **1885, 1886, 1887, 1888** и **1889** гг. продаются по **5** р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ.

Редакторъ **Н. М. Лисовскій.**

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива" 1891 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ дня.

Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 ч. утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**

29-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава X.

Совѣщаніе 1873 года о мѣрахъ къ усиленію арміи.—Рѣчь князя Барятинскаго.—Коммиссія подъ его предсѣдательствомъ.—Результатъ ея изслѣдованій.—Объясненія Военнаго Министерства на замѣчанія коммиссіи.

По окончаніи Франко-Прусской войны 1870—71 гг. образовалась могущественная Германская имперія, политическое положеніе Европы измѣнилось, всѣ государства пришли къ заключенію о необходимости увеличить свои военныя силы и оборонительныя средства. Тѣмъ болѣе нужно было подумать объ этомъ Россіи въ виду ея особаго положенія и ближайшаго сосѣдства съ новымъ могуществомъ.

Д. А. Милютинъ представилъ покойному Государю докладъ, излагавшій предположенія о способахъ усиленія нашихъ вооруженныхъ силъ. Вслѣдствіе сего Императоръ повелѣлъ образовать подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ совѣщаніе для обсужденія вопросовъ, возникавшихъ изъ необходимости, не ограничиваясь уже, какъ прежде, палліативными мѣрами, устранить, во что бы то ни стало, всѣ препятствія, особенно съ финансовой стороны, и развить армію до размѣровъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительной потребности.

Членами совѣщанія, кромѣ Великихъ Князей, были фельдмаршалъ князь Барятинскій, главнокомандующій въ Варшавѣ графъ Бергъ, военный министръ Д. А. Милютинъ, канцлеръ князь Горчаковъ и министръ финансовъ Рейтернъ. Всѣмъ чле-

намъ была роздана программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, и сообщены другія относящіяся къ предмету свѣдѣнія. Первое совѣщаніе состоялось 28 Февраля 1873 года.

Въ архивѣ фельдмаршала находится рѣчь, приготовленная имъ для прочтенія въ засѣданіи 28-го Февраля. Она отвѣчала на первый вопросъ, подлежавшій обсужденію: достаточны ли наши военныя силы въ случаѣ Европейской войны и если эти силы будутъ признаны недостаточными, то насколько рѣшеніе этого вопроса обусловливается цифрою нынѣшняго военнаго бюджета?

Въ этой рѣчи фельдмаршалъ проводилъ мысль, что бюджетъ достаточенъ, а военныхъ силъ мало, что много денегъ затрачивается непроизводительно, что можно было бы сдѣлать немало сбереженій, что бюрократизмъ преобладаетъ надъ боевымъ началомъ, что много офицеровъ отвлекается отъ фронта къ письменнымъ занятіямъ въ ущербъ строевымъ частямъ и т. п., въ чемъ повторялись обвиненія военнаго управленія, созданнаго реформами Д. А. Милютина. Но когда было открыто совѣщаніе, князь Александръ Ивановичъ, по необъяснимой причинѣ, вмѣсто чтенія приготовленной рѣчи, началъ говорить изустно. Непривычка ли говорить въ большомъ обществѣ, нѣкоторая робость (въ этой слабости онъ самъ сознавался) или, быть можетъ, недугъ, внезапно напомнившій о себѣ припадкомъ сильной боли, были причиною, что рѣчь вышла безсвязною, съ недомолвками, неясною и не произвела ожидаемаго впечатлѣнія. Князь замолчалъ, очевидно не докончивъ слова... Тогда военный министръ доложилъ Государю, что то, о чемъ заговорилъ фельдмаршалъ, вовсе не входило въ программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію; что это повтореніе все тѣхъ же прежнихъ обвиненій Военнаго Министерства, дѣйствія котораго, однако, совершаются съ одобренія и утвержденія Его Величества. Затѣмъ во всѣхъ бывшихъ совѣщаніяхъ (послѣднее 8 Апрѣля) фельдмаршалъ хотя и присутствовалъ, но уже не принималъ участія въ преніяхъ.

Въ журналѣ послѣдняго совѣщанія Государь приказалъ добавить, что такъ какъ князь Барятинскій заявилъ о возможности изъ бюджета Военнаго Министерства извлечь значительные ресурсы для увеличенія арміи, то съ цѣлью выяснить

этотъ вопросъ, назначается особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала, изъ членовъ генералъ-адъютантовъ Дрентельна, Грейга, Хрущова, князя Голицына, графовъ Шувалова, Баранова, Игнатьева и свиты генералъ-маіора Свистунова, при дѣлопроизводителѣ ген.-маіор. Яковлевѣ. Послѣ двухмѣсячныхъ занятій, комиссія представила журналъ (въ Іюнѣ 1873 года), какъ результатъ своихъ изслѣдованій. Это объемистая записка, на которую Военное Министерство дало подробныя объясненія. Помѣщеніе ихъ здѣсь цѣликомъ было бы неудобно, и потому я ограничиваюсь извлеченіями по болѣе существеннымъ пунктамъ. Такимъ образомъ, представляется возможность выслушать обѣ стороны.

Комиссія находила, что главнѣйшимъ доводомъ въ пользу совершившагося въ 1864 г. преобразованія нашей военно-административной системы, по словамъ министерства, послужила необходимость исправить недостатки управленія, происходившія отъ излишней его централизаціи, лишавшей административные органы надлежащей самостоятельности, стѣснявшей ихъ мелочною опекою высшихъ властей: централизація парализовала фактическій контроль послѣднихъ надъ подвѣдомственными имъ мѣстами и лицами. Такимъ образомъ, предполагалось достигнуть двухъ основныхъ цѣлей: децентрализаціи управленія и усиленія мѣстнаго фактическаго контроля. Ближайшими послѣдствіями должны были оказаться: 1, значительное сокращеніе и упрощеніе дѣлопроизводства, 2, соотвѣтственное уменьшеніе личнаго состава управленія, 3, возможность на остающіяся денежныя сбереженія значительно усилить содержаніе остающихся чиновниковъ и 4, достигнуть еще бо́льшихъ сбереженій по хозяйственнымъ операціямъ вслѣдствіе улучшенія нравственности служащихъ въ министерствѣ лицъ, лучше обставленныхъ матеріально. Комиссія нашла однако, что цѣли эти не были достигнуты, хотя со времени введенія реформы прошло десять лѣтъ.

На это министерство отозвалось, что всѣ цѣли, предположенныя въ преобразованіи 1864 г., достигнуты: сокращено и упрощено дѣлопроизводство, уменьшенъ личный составъ управленія, усилено содержаніе чиновниковъ и сдѣланы сбереженія

11*

по хозяйственнымъ операціямъ, вслѣдствіе улучшенія нравственности служащихъ.

Комиссія писала, что чиновниковъ предполагалось сократить на 439 человѣкъ, а между тѣмъ, даже противъ штатовъ окончательно утвержденныхъ въ 1868 году, ихъ содержалось въ военно-окружныхъ управленіяхъ 1692 человѣка, на 379 человѣкъ свыше штата. Въ одныхъ главныхъ управленіяхъ министерства, вмѣсто штатныхъ 509, состояло 777 и такимъ образомъ всего 647 чиновниковъ сверхъ штатовъ, за пять лѣтъ предъ тѣмъ лишь утвержденныхъ. Общее же возрастаніе по военному вѣдомству административнаго элемента оказалось еще поразительнѣе: не считая массы военныхъ офицеровъ, занимавшихъ штатныя должности въ администраціи, число гражданскихъ чиновниковъ было къ 1 Января 1871 года 7184, а къ 1 Января слѣдующаго года уже 7992, увеличившись въ течени года на 808 человѣкъ. Кромѣ того, въ разныхъ должностяхъ столоначальниковъ, письмоводителей, бухгалтеровъ, смотрителей складовъ и т. п. находилось до 700 генераловъ и офицеровъ, что̀ справедливо считалось большимъ зломъ; ибо отвлекало ихъ отъ строя, въ которомъ и безъ того былъ недостатокъ офицеровъ, а въ случаѣ войны приходилось принимать даже выгнанныхъ изъ службы *); къ тому же офицеры, попавшіе въ администрацію, пользовались и лучшимъ содержаніемъ и болѣе скорымъ движеніемъ въ чинахъ, возбуждая вполнѣ справедливый ропотъ въ строевыхъ офицерахъ, обязанныхъ болѣе тягостной службой.

На это министерство объяснило, что цыфры приведенныя комиссіею совершенно произвольны; въ дѣйствительности же въ 1873 г., чрезъ 9 лѣтъ послѣ реформы и послѣ усилившихся занятій и образованія новаго военнаго округа (Туркестанскаго), чиновниковъ было менѣе противъ состоявшихъ до реформы на 846 человѣкъ; что сверхштатные чиновники большею частью молодые люди, готовящіеся къ занятію штатныхъ должностей; что немало писарей, производимыхъ, по предоставлен-

---

*) Къ этому графъ Д. А. Милютинъ замѣтилъ мнѣ (осенью 1890 г.), что если бы не было даже ни одного офицера внѣ строя, то невыгода, указываемая комиссіею, нимало ни устранилась бы: ибо въ строю содержалось лишь штатное число офицеровъ по мирному положенію.

ному имъ закономъ праву, за выслугу лѣтъ въ классные чины, считаются въ числѣ чиновниковъ, оставаясь по прежнему при писарскихъ занятіяхъ; что многіе сверхштатные вовсе не получаютъ жалованья; что во всѣхъ вѣдомствахъ есть сверхштатные и т. д. А что̀ касается увеличенія будто бы въ теченіи одного года чиновниковъ на 808 человѣкъ, то это просто коректурная ошибка, вкравшаяся въ литографированные экземпляры всеподданнѣйшаго доклада 1 Января 1873 года; 700 же военныхъ офицеровъ въ главныхъ военныхъ управленіяхъ Военнаго Министерства вовсе не громадная цифра: она составляетъ менѣе одной трети всѣхъ служащихъ.

Комиссія утверждала, что письменное дѣлопроизводство тоже не уменьшилось; росло количество распорядительныхъ циркуляровъ, непомѣрно увеличивалось число дѣлъ, передаваемыхъ на рѣшеніе Военнаго Совѣта. Первыхъ, напримѣръ, въ 1862 году было издано 152, въ 1871—376; вторыхъ въ 1858 г. поступило въ Военный Совѣтъ 1560, въ 1867 г. 2805, въ 1869-мъ г. 3026, въ 1872 г. 2750. По количеству этихъ дѣлъ можно судить о степени расширенія хозяйственной дѣятельности министерства. Замѣчательныя свѣдѣнія были доставлены комиссіи главнымъ почтовымъ управленіемъ, которое вычислило, что для военнаго вѣдомства безплатно пересылается по почтѣ ежегодно, среднимъ числомъ, пакетовъ до 9,126,300 и посылокъ 198,000; вѣсъ ихъ составляетъ до 85 тысячъ пудовъ; стоимость пересылки этой корресподенціи, при оплатѣ наравнѣ съ частною, равнялась бы 3,763,000 руб. въ годъ.. . Невыносимою тяжестію канцелярскаго труда были подавлены лица, стоявшія во главѣ распорядительныхъ отдѣловъ министерства и безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ самъ министръ; но попытки упростить формы письменныхъ сношеній ни къ чему не вели, потому что источникъ многописанія лежалъ въ самой сущности дѣла и въ его направленіи, а не въ формахъ.

Министерство, напротивъ, доказывало, что письменное дѣлопроизводство, благодаря мѣрамъ, имъ принятымъ, значительно сократилось. Съ 1863 по 1871 годъ число входящихъ и исходящихъ бумагъ уменьшилось на 41%, тогда какъ, напримѣръ, въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ, за этотъ же періодъ, число бумагъ увеличилось на 100%. Циркуляры же вовсе не нала-

гаютъ на войска лишнюю работу: въ нихъ сообщаются только разныя полезныя и необходимыя для войскъ свѣдѣнія, или указываются неправильности, замѣчаемыя въ исполненіи существующихъ постановленій и т. п.; увеличеніе числа циркуляровъ доказываетъ лишь усиленную дѣятельность министерства, слѣдящаго за исполненіемъ законовъ и не ведущаго дѣла спустя рукава. Чтò касается числа дѣлъ, разсматриваемыхъ Военнымъ Совѣтомъ, то за годы 1861, 62 и 63 цифры приведены комиссіею невѣрныя; хотя по годамъ является значительное колебаніе, однако это не даетъ повода заключать, будто въ Военномъ Совѣтѣ на много увеличилось дѣлопроизводство противъ прежняго; нужно имѣть въ виду, что съ учрежденіемъ округовъ и упраздненіемъ общихъ присутствій въ департаментахъ Военнаго Министерства совершенно измѣнилось распредѣленіе дѣлъ между военными коллегіальными учрежденіями. Всѣ дѣла, разсматривавшіяся прежде во многихъ присутствіяхъ коммиссаріатскихъ, провіантскихъ, департаментскихъ и проч., распредѣляются теперь между военно-окружными совѣтами и Военнымъ Совѣтомъ. Чрезъ это дѣлá приняли болѣе стройное и строгое направленіе. Казалось бы, что слѣдовало бы такой результатъ, какъ увеличеніе дѣлъ въ Совѣтѣ, поставить скорѣе въ заслугу, чѣмъ въ порицаніе; а цифры, приведенныя почтовымъ вѣдомствомъ, доказываютъ только обширность и сложность военно-административной машины.

Журналъ комиссіи говорилъ, что расходы на содержаніе всѣхъ учрежденій и управленій Военнаго Министерства росли въ такой же прогрессіи; они составляли въ 1861 г. 1,736,540 р., 1862 г. 2,180,010, въ 64-мъ 3,126,290, въ 68-мъ 3,988,468 р.; а по смѣтѣ на 1873 г. требовалось 4,642,850 р., передержки противъ 1861 г. 2,906,310 р. И этой суммѣ предстояло еще приращеніе на производство квартирныхъ денегъ чинамъ военноокружныхъ управленій! Кромѣ отпусковъ на канцелярскіе расходы, на сверхштатныхъ чиновниковъ, курьеровъ и тому подобное, достигшихъ 530,000 р., весьма значительный расходъ составляли издержки на разъѣзды чиновъ военнаго вѣдомства, депеши, эстафеты и т. п.; въ 1873 году предполагалось на этотъ предметъ израсходовать 2,330,550 р. т. е. вдвое болѣе противъ 1861 г.; между тѣмъ прежнія военно-административныя

учрежденія, признанныя слишкомъ централизованными, имѣли по видимому болѣе основаній для командированія своихъ агентовъ; войскъ содержалось тогда болѣе, желѣзные пути были рѣдки, депеши дороги. На награды и пособія военному вѣдомству изчислялось по 500,000 р. въ годъ, но посредствомъ экстренныхъ ассигнованій постоянно расходовались сверхъ смѣты значительныя суммы, именно въ 1866 г. 250,000, въ 67-мъ 160,000, въ 68-мъ 215,000, въ 69-мъ 108,000, въ 1870-мъ 140,000, въ 1871-мъ 477,000, и въ 72 и 1873-мъ 500,000 руб. кромѣ спеціальныхъ суммъ, какъ то пожалованныхъ Государемъ въ пособіе офицерамъ гвардіи и арміи, нижнимъ чинамъ за смотры и парады и т. п. Вообще же содержаніе административныхъ управленій, съ ихъ разъѣздными, наградными и проч., обходилось болѣе 8 милліоновъ рублей.

Министерство всѣ эти исчисленія комиссіи признало вполнѣ ошибочными. Комиссія брала для сравненія цифры 1861 г., когда еще существовали совершенно другіе порядки составленія смѣтъ и отчетностей; если же бы взяли изъ цифръ 1863 г., то и результатъ былъ бы другой. Министерство не затруднилось бы привести совершенно другія цифры, но для этого потребовалось бы очень много труда и времени, такъ какъ всѣ докутенты хранятся въ архивахъ. Между тѣмъ, тогда-то и оказазалась бы вся разница между дѣйствительнымъ расходомъ 1861—62 г. и показанными комиссіею. Чтó же касается другихъ расходовъ на разъѣзды, награды, пособія и проч., то суммы вносятся въ смѣту въ размѣрѣ дѣйствительной надобности; гадательно сокращать ихъ нельзя, тѣмъ болѣе, что постоянно возникаютъ ходатайства объ увеличеніи этихъ суммъ. Во всякомъ случаѣ значительнаго сбереженія тутъ получить нельзя.

Далѣе комиссія находила, что по хозяйственной части, не взирая на значительное увеличеніе расходовъ, которые по нѣкоторымъ предметамъ удвоились и утроились, матеріальное обезпеченіе войскъ и многія потребности солдатъ удовлетворялись недостаточно или несовершенно. Введенный способъ долгосрочныхъ контрактовъ, безъ торговъ, на различныя поставки какъ продовольственныхъ, такъ и вещевыхъ припасовъ, ока-

зался неоправдавшимъ надеждъ министерства, создавъ классъ посредниковъ, преимущественно Евреевъ, сомнительныхъ достоинствъ. Основанія заключаемыхъ контрактовъ были такъ шатки, что одинъ изъ поставщиковъ *пять разъ получалъ удовлетвореніе своимъ домогательствамъ* объ измѣненіи первоначальныхъ условій, сразу на сотни тысячъ, конечно, въ пользу подрядчика.

Приварочное довольствіе войскъ вызывало также необходимость мѣръ для улучшенія и болѣе справедливаго распредѣленія; бывали случаи, когда роты расположенныя казарменнымъ порядкомъ, на своемъ продовольствіи, истратили всѣ свои прежнія запасныя суммы до послѣдней копѣйки, и продовольствіе ихъ поддерживалось займами изъ другихъ суммъ; между тѣмъ части войскъ, оставшіяся, по старому, на обывательскихъ приваркахъ, тратили отпускаемыя деньги на другіе предметы, ничего общаго съ довольствіемъ неимѣющіе.

Обмундированіе грѣшило неменьшими недостатками: заведенныя, съ значительными затратами, обмундировальныя мастерскія ставили такіе сапоги, отъ которыхъ, послѣ двухъ недѣль употребленія, оставались одни голенища; войска ихъ не стали принимать, и сапоги эти отпускались исключительно молодымъ солдатамъ, при поступленіи на службу, а у этихъ большею частію была своя собственная обувь, и они кое-какъ могли обойтись. Техническій комитетъ при главномъ интендантскомъ управленіи, спеціалистъ по части технологіи, самъ сознавалъ, что не могъ найти какія-либо средства для предохраненія сапогъ отъ порчи въ складахъ. Каково же однако съ такими запасами обуви въ случаѣ войны?.... Комиссія, замѣчанія которой я извлекалъ изъ журнала ея, вывела, что *одно содержаніе* обмундировальныхъ мастерскихъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ стоило 1,391,000 р. не считая стоимости помѣщенія и % на затраченный капиталъ. Шесть мастерскихъ изготовляли среднимъ числомъ до 130 т. комплектовъ обмундированія, такъ что одно шитье каждаго комплекта обмундированія въ мастерской обходилось около 3 р. 40 к.; а если прибавить къ этому содержащихся при резервныхъ частяхъ болѣе 4000 штатныхъ портныхъ и сапожниковъ, для обмундированія тѣхъ же молодыхъ солдатъ, на что расходовалось до 350,000 р.

ежегодно, то оказывалось, что *стоимость одного шитья* одежды для каждаго молодаго солдата, въ первый годъ службы, обходится около 6 р. 25 к., тогда какъ войскамъ, по нормальнымъ табелямъ на этотъ предметъ, отпускается только 95 к. на полное обмундированіе и въ томъ числѣ на сапоги, т. е. министерство тратило въ $6\frac{1}{2}$ разъ болѣе.

Вотъ объясненіе министерства на этотъ пунктъ. Дѣлаются упреки, что, не взирая на значительное увеличеніе расходовъ, удвоившихся и утроившихся по нѣкоторымъ предметамъ, матеріальное обезпеченіе войскъ и многія потребности солдатъ удовлетворялись недостаточно. Упрекъ этотъ болѣе чѣмъ несправедливъ и даже довольно страненъ послѣ всего, что было сдѣлано въ минувшее царствованіе для улучшенія содержанія войскъ. Въ журналѣ комиссіи исчислялось все то, въ чемъ желательно улучшить содержаніе солдата; но это-то улучшеніе и обходится дорого. Комиссія желала бы улучшенія продовольствія, а между тѣмъ на приварокъ въ 1862 году отпускалось 9 р. 75 к. на человѣка, а въ 1873 году уже 18 р. 71 к. Столь же несправедливо отвергаемое улучшеніе въ одеждѣ солдата, тѣмъ болѣе, что одѣты не одни лишь наличные люди, содержимые въ мирное время, но была готова одежда на всю армію по военному положенію. Стоимость приготовленія одежды и обуви показана комиссіею невѣрно; они обходились лишь по 1 р. 70 к., а не 3 р. 40 к. на человѣка; для молодыхъ же солдатъ не 6 р. 25 к., а только 2 р. 20 к. Нельзя сравнивать цѣны работъ въ обмундировальныхъ мастерскихъ съ деньгами, отпускаемыми дѣйствующимъ войскамъ на обмундированіе; въ послѣднихъ мастеровые тѣ же строевые солдаты, а въ мастерскихъ совсѣмъ особые штаты. О долгосрочныхъ поставкахъ въ журналѣ комиссіи повторяются уже давно слышанныя рутинныя сужденія лицъ, немогущихъ отстать отъ старыхъ традицій и ищущихъ во всякомъ новомъ порядкѣ только невыгодныхъ сторонъ. Вопросъ этотъ не разъ подвергался обсужденію, и долгосрочныя поставки еще не получили права гражданства и испытывались съ большою осторожностію. Вообще, возможно ли требовать во всемъ совершенства? Инспекторскіе смотры для того и назначаются, чтобы открывать и исправлять недостатки. Какъ усмотрѣть, чтобы въ милліонной арміи не

проскользнулъ дурной сапогъ или испорченный куль муки? Но дѣлать изъ этого общій выводъ о неудовлетворительности отпускаемыхъ войскамъ вещей можно только при желаніи, во что бы ни стало, обвинять. Между тѣмъ лица, инспектировавшія войска, постоянно свидѣтельствовали о доброкачественности всѣхъ предметовъ.

Наконецъ, комиссія указала на систему доставки войскамъ вещей изъ складовъ, чрезъ что̀ являлось передвиженіе массы вещей въ склады изъ складовъ и постепенное увеличеніе расходовъ на перевозку. Такъ, напримѣръ, за періодъ 1862—65 г. на этотъ предметъ израсходовано около 3-хъ милліон. руб., а съ 1866 по 1871-й 7,302,000, слѣдовательно съ 747,600 р. дошло до 1,217,00 въ годъ.

Въ заключеніе комиссія признавала заслуживающими особаго вниманія нижеслѣдующіе предметы. 1-е, чрезмѣрное письменное производство, обременяющее центральную и мѣстную администрацію и войска, и даже почту, и увеличеніе чрезъ то личнаго состава администраціи и расходовъ на оную. 2-е, неудобства нѣкоторыхъ правилъ по пріему войсками предметовъ снаряженія и лишнихъ при этомъ расходовъ на перевозку сихъ предметовъ. 3-е, дороговизну работъ интендантскихъ обмундировальныхъ мастерскихъ и негодность приготовляемыхъ въ нихъ вещей, особенно обуви. 4-е, невыгодность долгосрочныхъ контрактовъ, явствующая изъ условій контракта на поставку провіанта и фуража войскамъ Петербургскаго округа.

Противъ этого министерство высказывало слѣдующее. Положеніе о доставкѣ вещей въ войска клонится къ тому, чтобы предоставить войскамъ безусловную возможность принимать вещи только вполнѣ доброкачественныя, причемъ всякая отвѣтственность даже за неправильную браковку съ войска снимается. Какія при этомъ остались для войска нравственныя неудобства—непонятно; неужели фельдмаршалъ предпочитаетъ старый порядокъ, когда пріемщики брали взятки съ чиновниковъ комиссаріата, а сіи съ подрядчиковъ? Расходы на перевозку увеличились въ послѣдніе годы вовсе не отъ тѣхъ причинъ, какія показаны въ журналѣ, а отъ возвышенія цѣнъ на все: на хлѣбъ, на фуражъ и проч. Кромѣ того, въ послѣдніе годы удовлетворены многія новыя потребности, вы-

звавшія увеличеніе расхода на перевозку; образованы 119 военновременныхъ госпиталей; развезено по войскамъ опредѣленное количество вещей въ розницу между кадровымъ и усиленнымъ составомъ; въ Киргизскихъ степяхъ возведены укрѣпленія, командированы туда отряды; комплектованіе войскъ Туркестанскаго округа и др.: все это такіе расходы, въ прежнее время не существовавшіе, которые пали на статью по перевозкѣ. Военное Министерство не могло ихъ предотвратить, а между тѣмъ одни отряды въ Киргизскую степь поглощали на перевозку до 300 т. рублей въ годъ.

Наконецъ, Военное Министерство, имѣя въ виду собранныя фельдмаршаломъ обвиненія и выраженныя на нихъ вкратцѣ членами комиссіи въ 4-хъ пунктахъ заключенія, выразило слѣдующее мнѣніе. Комиссія была учреждена съ тою цѣлью, чтобы войти въ ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ сокращеній, какія могутъ быть сдѣланы въ настоящихъ военныхъ расходахъ. Исполнила-ли она возложенную на нее задачу? Указалъ-ли фельдмаршалъ тѣ матеріалы, которые будто-бы находились въ его рукахъ для открытія въ смѣтѣ Военнаго Министерства источника, чтобъ покрыть новые расходы на улучшеніе арміи и развитіе нашихъ военныхъ силъ? Все сказанное въ вышеприведенномъ журналѣ есть повтореніе тѣхъ же упрековъ, которые много разъ имъ уже были дѣланы и даже являлись въ печати. Все что̀ сдѣлано въ 12 лѣтъ для улучшенія арміи въ личномъ составѣ и въ матеріальной обстановкѣ какъ бы не существуетъ въ глазахъ фельдмаршала; онъ ищетъ только недостатковъ. Онъ сравниваетъ иные теперешніе расходы съ прежними, но нигдѣ не говоритъ на сколько сдѣлано улучшеній противъ прежняго; онъ выставляетъ только то, что̀ еще не сдѣлано, но что̀ не сдѣлано и что̀ нужно сдѣлать, потребуетъ новыхъ расходовъ, а не поведетъ къ сокращеніямъ. Гдѣ-же тѣ десятки милліоновъ, которые предполагалось отыскать въ смѣтѣ Военнаго Министерства? Полагаетъ-ли фельдмаршалъ найти ихъ въ уменьшеніи работы въ полковыхъ канцеляріяхъ, или въ уменьшеніи приварочнаго довольствія? Въ снабженіи войскъ теплою одеждою и лучшими сапогами? Думаетъ-ли онъ, что если бы не было долгосрочныхъ контрактовъ, то были бы сбережены многіе милліоны? Но доказано, что этого не было бы, а если бы

даже и было, то развѣ въ прошедшемъ, а не въ будущемъ. Наконецъ, полагаютъ-ли найти милліоны, уменьшая производительность нашихъ арсеналовъ, оружейныхъ и патронныхъ заводовъ, пріостанавливая усовершенствованіе нашихъ крѣпостей, нашей артилеріи? Если-бы министерство не заботилось объ увеличеніи содержанія служащихъ въ строю и въ управленіяхъ, объ улучшеніи продовольствія, одежды, вооруженія и помѣщенія, объ образованіи полныхъ запасовъ всѣхъ нужныхъ на случай войны предметовъ, о постройкѣ новыхъ обозовъ, объ усиленіи военно-судной части, однимъ словомъ, если бы Военное Министерство предоставило дѣло обыкновенному теченію и не искало ничего лучшаго, то оно не затруднилось-бы достигнуть уменьшенія расходовъ. Но поступая такимъ образомъ, оставляя въ небреженіи наисущнѣйшія потребности, вытекающія изъ повсемѣстнаго, постояннаго развитія военнаго дѣла, оно не исполнило бы указаній Государя и не заслуживало бы высокаго монаршаго довѣрія.

Упомянувъ вкратцѣ содержаніе журнала комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала, въ которомъ заключалось положительное обвиненіе министерства, я, само собою, счелъ обязанностью, такъ сказать, выслушать противную сторону и привелъ въ извлеченіи и объясненія министерства. Читатель самъ можетъ судить на которой сторонѣ болѣе основательности, хотя, въ такомъ случаѣ, напримѣръ, какъ цифровыя данныя, слѣдовало бы услышать оправданія дѣлопроизводителя комиссіи генерала Яковлева; ибо очевидно, что не фельдмаршалъ могъ заниматься самъ собираніемъ подобныхъ данныхъ: онъ долженъ былъ положиться на покойнаго генерала Яковлева, не только какъ на докладчика, но и какъ на человѣка, пользовавшагося извѣстностью, достойнаго, честнаго и способнаго офицера, который, впрочемъ, могъ увлечься предвзятостью нѣкоторыхъ идей и сгустить краски.

Такъ или иначе, этотъ второй актъ разлада между княземъ А. И. Барятинскимъ и Д. А. Милютинымъ тоже остался безъ всякихъ послѣдствій. Раздраженія, огорченія, непріятности совершенно напрасныя, принесшія несомнѣнный вредъ дѣламъ государства.

Глава XI.

Назначеніе шефомъ Прусскаго гусарскаго полка.—Усиленіе болѣзни.—Милости Государя и членовъ Императорскаго дома во время послѣдней Восточной войны. — Предложеніе своихъ услугъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Послѣдніе дни жизни.—Кончина и погребеніе.

1873 и 1874 годы фельдмаршалъ проводилъ въ Скерневицахъ; никакихъ данныхъ для подробнаго очерка жизни его за это время у меня нѣтъ. Выдающимся событіемъ для князя было назначеніе шефомъ Прусскаго № 14 гусарскаго полка. Императоръ Германскій Вильгельмъ I-й 4 Мая 1873 года, объявилъ князю Барятинскому объ этой высокой, оказываемой ему почести слѣдующимъ рескриптомъ (съ Нѣмецкаго):

«Уважаемый генералъ-фельдмаршалъ! Мнѣ доставляетъ живѣйшее удовольствіе, съ соизволенія Императора Русскаго, выполнить сегодня давнишнее мое желаніе назначеніемъ васъ шефомъ 2-го Гессенскаго гусарскаго № 14 полка. Сердечно и съ радостію привѣтствую васъ среди моей арміи, которая съ величайшимъ удовольствіемъ причислитъ къ своимъ имя ваше, столь прославленное во всѣхъ военныхъ кругахъ. Я повелѣлъ гусарскому № 14 полку представить вамъ рапортъ съ спискомъ офицеровъ. Съ особымъ уваженіемъ вашъ благосклонный Вильгельмъ».

Полкъ этотъ былъ расположенъ въ Касселѣ. Командовалъ имъ подполковникъ фонъ-Мейерингъ, а старшимъ эскадроннымъ командиромъ былъ родной племянникъ князя Барятинскаго, ротмистръ князь Саинъ-Витгенштейнъ. Полкъ привѣтствовалъ своего новаго шефа весьма почтительно, любезнымъ письмомъ; а князь, съ свойственною ему щедростью, послалъ полку въ подарокъ тысячу червонцевъ. Затѣмъ офицеры полка поднесли альбомъ своихъ карточекъ, князь же отправилъ свой портретъ. Неизвѣстно, удалось ли ему видѣть полкъ въ короткое время своего шефства.

Въ Февралѣ слѣдующаго 1874 года императоръ Австрійскій также пожелалъ оказать фельдмаршалу свое расположеніе и пожаловалъ ему высшую степень ордена Св. Стефана.

Годъ этотъ казался сначала довольно благопріятнымъ для здоровья князя: онъ часто охотился въ Скерневицкихъ лѣсахъ и вообще казался бодрѣе обыкновеннаго. Сужу объ этомъ по одному изъ писемъ его секретаря и библіотекаря Круповича, къ адъютанту фельдмаршала А. А. Зубову. Но съ осени сильнѣйшіе припадки подагры участились и стали касаться легкихъ, такъ что были случаи, когда казалось остается нѣсколько часовъ до конца. Бывшій при князѣ докторъ Ждановичъ искусно боролся съ атаками болѣзни, устранялъ опасность и даже вызывалъ временныя облегченія, но долженъ былъ, наконецъ, признать невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Скерневицахъ. 20 Декабря 1874 г. князь обратился къ Государю съ просьбой разрѣшить ему отправиться за границу, на Югъ Европы, что̀ еще болѣе оказывалось необходимымъ вслѣдствіе усилившейся болѣзни и его супруги. Само собою, разрѣшеніе было дано, и князь поспѣшилъ выѣхать. Изъ Бреславля онъ повергъ предъ Государемъ чувства своей признательности, особенно за удовлетвореніе ходатайства о награжденіи доктора Ждановича арендою.

Вообще не могу не повторить: милостивое, сердечное расположеніе Государя Александра Николаевича къ князю Барятинскому не ослабѣвало, не взирая на нѣкоторыя неудачныя попытки его провести свои идеи, вызывавшія охлажденіе, или скорѣе ослабленіе довѣрія къ авторитетности князя. Императоръ не только не забывалъ близкаго адъютанта своего въ молодости, сопутника въ пріятныхъ путешествіяхъ по Европѣ, участника въ радостяхъ семейныхъ, но высоко цѣнилъ въ князѣ его беззавѣтную преданность престолу и отечеству, его блестящее мужество въ юности, его замѣчательную распорядительность въ командованіи отрядами въ Чечнѣ въ пятидесятыхъ годахъ и въ войнѣ съ Турками въ 1854-мъ г., наконецъ, его безсмертную заслугу покоренія Кавказа. Никакія преходящія разнорѣчія и даже временныя охлажденія не могли серьезно

повліять на отношенія, основанныя на такихъ побужденіяхъ. Тутъ было нѣчто большее, чѣмъ расположеніе монарха къ заслуженному подданному: тутъ была прямая дружба, выражавшаяся не въ рескриптахъ, звѣздахъ и проч.. а въ самыхъ, какъ бы незначительныхъ проявленіяхъ; но именно они-то и даютъ основу оцѣнкѣ дѣйствительныхъ отношеній. Примѣровъ, кромѣ уже приведенныхъ, можно бы привести еще множество. Такъ, въ 1860 году, Государь съ Великими Князьями и Княгинями, желая представить князю Барятинскому предметъ, могущій служить ему для воспоминанія о почившей родительницѣ ихъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, назначилъ ему принадлежавшій ей портретъ матушки князя. Вниманіе сердечно трогательное. Въ 1874 году покойный Государь 1 Мая пріѣхалъ въ Англію и на другой день не забылъ послать фельдмаршалу изъ Виндзора въ Скерневицы слѣдующую терераммy: «Mes félicitations les plus sincères pour votre anniversaire. Suis arrivé ici hier soir, en pensant à notre séjour avec vous en 1839. Reine s'est souvenue de vous, rejouit de vous revoir bientôt» [1]).

Или, въ 1862—63 году, когда князь Александръ Ивановичъ, выѣхавъ изъ Петербурга, такъ заболѣлъ, что долженъ былъ пролежать нѣкоторое время въ городишкѣ Витебской губерніи Рѣжицѣ, а за тѣмъ въ Вильнѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, Государь почти каждый день по телеграфу спрашивалъ его о здоровьѣ и требовалъ самыхъ точныхъ извѣстій о положеніи больнаго отъ генералъ-губернатора Назимова [2]). 6 Января, въ день полковаго праздника Кабардинскаго полка, Государь нѣсколько разъ телеграфировалъ князю: «Поздравляю Кабардинскаго шефа съ нашимъ полковымъ праздникомъ. Собираю къ обѣду всѣхъ находящихся здѣсь старыхъ Кабардинцевъ, и будемъ пить за твое здоровье». Или: «Поздравляю шефа Кабардинскаго съ праздникомъ его славнаго полка. Горжусь, что состою въ спискахъ полка». Такихъ телеграммъ, по разнымъ

---

[1]) *Переводъ*: „Искреннія поздравленія ко дню вашего рожденія. Я пріѣхалъ сюда вчера вечеромъ, вспоминая наше съ вами пребываніе здѣсь въ 1839 году Королева объ васъ вспоминала, радуется вскорѣ васъ увидѣть“.

[2]) Въ приложеніи привожу нѣсколько телеграммъ генералъ-адъютанта Назимова и другія, сообщеніемъ коихъ я обязанъ графу Д. А. Милютину.

случаямъ, отъ Государя и Императрицы сохранилось до полутораста за время 1861—1879 годовъ.

Въ 1875 году князь возвратился въ Скерневицы, но въ слѣдующемъ году опять уѣхалъ въ Германію, чтобы попытать лѣченія у какой-то прославленной тогда Wunderfrau (знахарки), куда Ихъ Величества телеграфировали ему съ пожеланіемъ выздоровленія. О результатѣ искусства этой волшебницы свѣдѣній нѣтъ; вѣроятно оно оказалось такимъ же шарлатанствомъ, какъ и Италіянскій гротъ Monsumano, гдѣ князь тоже пробовалъ лѣчиться. Въ Августѣ однако онъ уже возвратился въ Скерневицы, гдѣ 2-го числа получилъ телеграмму, что Государь выразилъ желаніе 22 числа посѣтить его, быть у него на охотѣ и вечеромъ въ домашнемъ театрѣ. Тогда же посѣтилъ князя и Наслѣдникъ Цесаревичъ съ супругой. Время было проведено самымъ пріятнымъ образомъ, и всѣ остались чрезвычайно довольны. Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь нашъ, по возвращеніи въ Царское Село, 8 Сентября, телеграммою благодарилъ князя. А Государь 17 Сентября тоже благодарилъ за гостепріимство и выразилъ князю сердечную скорбь по поводу кончины сестры его, графини Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой.

Нечего говорить, что всѣ члены Императорскаго дома относились къ князю всегда съ высокимъ уваженіемъ и удостоивали его самаго дружескаго расположенія. Множество телеграммъ и писемъ по разнымъ случаямъ, въ особенности съ желаніемъ знать о здоровьѣ, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Немало получалъ князь Барятинскій доказательствъ такого же расположенія къ нему и отъ иностранныхъ эрцъ-герцоговъ, принцевъ и другихъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна, находясь въ 1860 году въ Ниццѣ, 28 Января писала князю слѣдующее (съ Французскаго): «Находясь вдали отъ Петербурга и лишенная удовольствія васъ тамъ видѣть, я желаю, по крайней мѣрѣ, этими нѣсколькими строками выразить вамъ живѣйшую радость по поводу пожалованія васъ въ фельдмаршалы. Эта высокая награда показываетъ, что Государь оцѣнилъ громадные успѣхи, достигнутые вами на Кавказѣ. Пусть эти успѣхи послужатъ къ окончанію кровавой борьбы, веденной до настоящаго времени нашими войсками съ такою энергіею, самоотверже-

ніемъ и героизмомъ. Умиротворить и благоустроить обширныя отдаленныя страны, вами покоренныя, значитъ прибавить еще новый блескъ къ столь справедливо пріобрѣтенной вами славѣ. Отъ всего сердца желаю, чтобы Всевышній помогъ вамъ довершить дѣло, столь великое, столь славное. Я думаю о вашей матушкѣ,—какъ была бы она счастлива васъ видѣть»!

Приведенные документы достаточно показываютъ, какія отношенія существовали со стороны Государя и членовъ Императорской семьи къ князю Александру Ивановичу, и можно съ полною увѣренностью повторить, что основывались эти отношенія, выражавшія столько расположенія, на оцѣнкѣ его качествъ и какъ человѣка, и какъ слуги государства.

—

Уже съ 1875 года замѣтно было броженіе на Балканскомъ полуостровѣ, усилившееся послѣ поѣздки Австрійскаго императора по пограничнымъ мѣстностямъ его владѣній. Въ воздухѣ запахло гарью, на горизонтѣ появились черныя точки... Но, увы, это былъ уже не 1866-й годъ! Тогда мы могли воспользоваться обстоятельствами и руководить ихъ направленіемъ, а черезъ десять лѣтъ насъ втягивали въ искуственно-создаваемыя обстоятельства, которыми руководили наши противники и явно, и тайно.

Какъ относился къ положенію дѣлъ князь Барятинскій, сказать не могу: переписка его за это время недоступна пока. Должно однако думать, что онъ былъ не противъ поддержки Славянъ полуострова, когда дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія съ Турками. Р. А. Фадѣевъ снабжалъ князя пространными записками по поводу возникшихъ тогда событій и, очевидно, онѣ читались имъ съ большимъ интересомъ.

Наконецъ, Россія сочла нужнымъ выступить на защиту подавленныхъ Турецкой силой Сербовъ и Болгаръ. Часть арміи была мобилизована, и главнокомандующимъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ, котораго вскорѣ постигла тяжкая болѣзнь. Это чрезвычайно безпокоило князя Александра Ивановича, и онъ съ искреннимъ сочувствіемъ слѣдилъ за ходомъ болѣзни, съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій, и когда Государь извѣстилъ его телеграммой о выздоровленіи брата, князь Александръ Ивановичъ, 3 Февраля 1877 года, самымъ душевнымъ образомъ поздравилъ Великаго Князя, поже-

лавъ ему «прочнаго здоровья на счастіе и славу Государя и всѣхъ, такъ сердечно выказавшихъ ему сочувствіе во время болѣзни».

Началась вторая Восточная война. Государь извѣстилъ фельдмаршала объ удовольствіи, съ какимъ онъ увидѣлъ войска въ Кишиневѣ, оказавшіяся въ отличномъ состояніи. Удачная переправа черезъ Дунай была блестящимъ началомъ кампаніи. Великій Князь главнокомандующій по телеграфу увѣдомилъ объ этомъ князя Барятинскаго. По всему могло казаться, что насъ ожидаетъ успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣсномъ смыслѣ удачной войны, если не въ результатахъ политическихъ, въ которыхъ люди опытные не могли предвидѣть успѣха....

Послѣдовали быстрыя движенія впередъ за Балканы. Но я пишу не очеркъ хода военныхъ дѣйствій 1877 года и потому возвращаюсь къ своему предмету. Князь, само собою, слѣдилъ за дѣлами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и не переставалъ твердить: «а фланги, фланги наши обезпечены?» Какъ смотрѣлъ онъ на ходъ собственно-военныхъ предпріятій за Дунаемъ и за Кавказомъ, документальныхъ данныхъ у меня нѣтъ; но я знаю положительно, что князь выразилъ мысль: съ открытіемъ войны выставить на Австрійской границѣ отъ 350 до 400 тысячъ, а въ Турцію вступить *съ такимъ же количествомъ*. Того же взгляда были, кажется, графъ П. Е. Коцебу и Э. И. Тотлебенъ. Какъ извѣстно, ни перваго, ни втораго сдѣлано не было.

Постигшія насъ подъ Зевиномъ и Плевною неудачи и напрасное кровопролитное выступленіе генерала Гурко за Балканы поразили князя Барятинскаго жестоко. Очень легко себѣ представить, что́ долженъ былъ чувствовать человѣкъ въ положеніи князя, когда на насъ всѣхъ, обыкновенныхъ смертныхъ, извѣстія эти дѣйствовали такимъ страшнымъ, удручающимъ образомъ!

Наконецъ, наступили лучшіе дни: Кавказцы разбили Турокъ на Авліарѣ, палъ Карсъ, пала и Плевна, разбили Сулеймана и т. д. Государь каждый разъ извѣщалъ телеграммами князя Александра Ивановича объ этихъ блестящихъ успѣхахъ, а на возвратномъ пути съ театра войны въ Петер-

бургъ, изъ Крыжополя, благодарилъ за письмо (содержаніе неизвѣстно) и выразилъ желаніе видѣть князя въ Петербургѣ. Здоровье однако не позволило ему предпринять поѣздку зимою.

За тѣмъ военные успѣхи слѣдовали быстро одни за другими. Армія наша удержала Шипкинскій перевалъ, при условіяхъ едва вѣроятныхъ, едвали встрѣчающихся во всемірной исторіи, совершила баснословный переходъ чрезъ занесенныя снѣгомъ Балканы; непріятель былъ вездѣ разбитъ и десятками тысячъ взятъ въ плѣнъ. Мы заняли Адріанополь и двигались къ Стамбулу. Но въ дали показались дымки Англійскихъ броненосцевъ, а въ Мальтѣ высадилось нѣсколько тысячъ Индійскихъ сипаевъ. Мы остановились въ С. Стефано и, по выраженію Кокорева, «взглянули издали на башни и куполы Царяграда»....

Узнавъ объ этомъ, князь Барятинскій, по словамъ очевидца, въ буквальномъ смыслѣ слова заплакалъ. Не знаю, какъ кому; но мнѣ понятны эти слезы, эта страшная скорбь...

Было заключено перемиріе, наконецъ и миръ, хотя не вполнѣ соотвѣтствующій принесеннымъ жертвамъ и одержаннымъ побѣдамъ, но достаточный для спокойствія Россіи и Европы на болѣе или менѣе долгій періодъ времени. Дѣло только въ томъ, что съ заключеніемъ мира оказалось, что для насъ успѣхи военные еще не составляютъ успѣховъ политическихъ, реальныхъ. Европа потребовала насъ на судъ, и въ Берлинѣ собрался конгрессъ, угрожавшій намъ войной уже не съ Турціей, а съ коалиціей. Пришлось готовиться къ встрѣчѣ надвигавшейся грозы.

Тогда только фельдмаршалъ счелъ своимъ долгомъ откликнуться и выйти изъ пассивнаго положенія. 18 Апрѣля 1878 г. онъ послалъ Государю слѣдующее письмо: «Sire, quand le commandement des armées Impériales était confié à Messeigneurs Vos Augustes Frères, il aurait été ridicule d'y prétendre; mais aujourd'hui, que les particuliers sont entrés en lice pour cet honneur, Votre Majesté daignera admettre que je vienne déposer à ses pieds l'expérience et le zéle, dont je me sens capable pour sa gloire et celle de mon pays. Peut-être, ma santé ne paraît-elle pas suffisament rétablie pour affronter ce service. A fin

de rectifier cette erreur, je me permets, Sire, de vous adresser ces lignes». (Переводъ). Государь, когда командованіе Императорскими войсками было ввѣрено Вашимъ Августѣйшимъ Братьямъ, было бы смѣшно претендовать на это. Но теперь, когда на это почетное поприще вступили частныя лица, позвольте повергнуть къ стопамъ Вашего Величества опытъ моего усердія, на которое я чувствую себя способнымъ для славы Вашей и моего отечества. Быть можетъ, мое здоровье кажется не вполнѣ удовлетворительнымъ; но для устраненія этого ошибочнаго мнѣнія я и позволилъ себѣ адресовать Вамъ, Государь, эти строки».

Вотъ отвѣтъ Государя по телеграфу отъ 22 Апрѣля: Ai pris connaissance du contenue de votre lettre du 18 april avec grande satisfaction. Si votre santé le permet, voudrais que vous arriverez ici. (Содержаніе вашего письма отъ 18 Апрѣля принялъ съ большимъ удовольствіемъ. Если здоровье ваше позволяетъ, желалъ бы, чтобы вы прибыли сюда).

Къ этому времени относится еще письмо князя Барятинскаго къ канцлеру князю Горчакову, черезъ возвращавшагося изъ Скерневицъ графа Орлова-Давыдова, съ препровожденіемъ записки барона Торнау о весьма дѣйствительномъ способѣ удовлетворить давнишнее стремленіе Персіи и тѣмъ привлечь ее на нашу сторону, и другое письмо къ Государю, въ которомъ фельдмаршалъ, напоминая о своемъ разговорѣ съ Его Величествомъ въ Эмсѣ, при свиданіи въ 1876 году, предлагалъ, на случай столкновенія съ Англіею, двѣ мѣры: 1) снаряженіе каперовъ въ моря, по которымъ идетъ главная торговля Англичанъ, и 2) союзъ съ Персіей для прохода нашихъ войскъ къ Авганистану. О первомъ, считая себя некомпетентнымъ, князь не распространялся, о второмъ же вошелъ въ подробности, неудобныя пока въ печати.

Князь Горчаковъ, 29 Мая, до отъѣзда въ Берлинъ на конгрессъ, отвѣчалъ фельдмаршалу слѣдующее: Je vous remercie, cher prince, pour les lignes amicales, que vous m'avez adressée à l'occasion du retour du comte Orlow-Davidow. J'ai aussitôt remis à l'Empereur le mémoire de m-r Tornau. Nous sommes ici au plus haut de la crise. Je ne connais pas le prophète qui puisse en prédire l'issue. Quant a moi, j'écarte toute considération personelle. Теперь не до насъ, а до Россіи. Mais

je ne vous dissimulerai pas, que ce fardeau est bien lourd, peut-être, trop lourd pour les épaules d'un octogénaire». (Переводъ) Благодарю васъ, дорогой князь, за дружескія строки, присланныя мнѣ съ возвращавшимся графомъ Орловымъ-Давыдовымъ. Я немедленно представилъ Государю записку г-на Торнау. Теперь мы находимся на самой высотѣ кризиса. Я не знаю пророка, могущаго предсказать его исходъ. Что̀ касается до меня, то я устраняю всякіе личные разсчеты. Теперь не до насъ, а до Россіи. Но не скрою отъ васъ, что бремя это очень тяжело, слишкомъ, быть можетъ, тяжело для плечъ восмидесятилѣтняго старика».

Въ началѣ Іюня 1878 г. фельдмаршалъ пріѣхалъ въ Петербургъ и помѣстился въ Зимнемъ дворцѣ. Изъ Военнаго Министерства ему были доставлены всѣ необходимыя свѣдѣнія, общая дислокація всѣхъ войскъ, предположенія командующаго войсками въ Варшавѣ графа П. Е. Коцебу и планъ дѣйствій на случай войны съ Австріею и Англіею.

Полагаю, всякому читателю понятно, что излагать здѣсь подробности невозможно; а потому мнѣ простятъ краткость и даже нѣкоторую неясность изложенія.

Разсмотрѣвъ всѣ представленныя ему бумаги, фельдмаршалъ составилъ краткую записку и въ пяти пунктахъ изложилъ свой взглядъ на положеніе нашихъ наличныхъ военныхъ средствъ и на планъ предположенныхъ дѣйствій. Планъ этотъ онъ находилъ хорошимъ, но многія изъ поставленныхъ имъ цѣлей неосуществимыми. Оборонительную войну князь считалъ для насъ гибельною, а наступательную едвали можно было начать даже къ Августу мѣсяцу. Фельдмаршалъ прежде всего требовалъ создать боевую армію въ размѣрахъ соотвѣтствующихъ положенію дѣла *).

Между тѣмъ въ Берлинѣ собрался конгрессъ, исторію котораго повторять здѣсь нѣтъ надобности. Мы совершили дипломатическое отступленіе и при посредствѣ «честнаго ма-

*) Въ это время Государь предложилъ князю взять съ Кавказа весь Кабардинскій полкъ въ составъ арміи, имѣвшей поступить подъ его начальство; но онъ отказался отъ этого, сказавъ: Кавказскіе горцы, пожалуй, подумаютъ, что у насъ въ Россіи такъ мало войскъ, что пришлось оттуда полкъ брать, и это можетъ имѣть вредное вліяніе на расположеніе тамошняго населенія. Кромѣ того, передвиженіе цѣлаго полка, имѣющаго на мѣстѣ прочное устройство, было бы сопряжено съ большими жертвами, особенно для офицеровъ, у которыхъ тамъ свои дома, хозяйство и проч.

клера» подчинились приговору Европейскаго ареопага. Война съ коалиціею была предотвращена.

Князю Барятинскому нечего было больше дѣлать въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ въ Скерневицы, а черезъ нѣкоторое время въ Женеву, гдѣ и остался на зиму 1878—79 года. Время проходило, по обыкновенію, то въ болѣзненныхъ припадкахъ, то во временныхъ улучшеніяхъ здоровья; но съ первыхъ дней Февраля 1879 года князь уже рѣдко вставалъ съ постели, иногда лишь, чтобы навѣстить жену, или сѣсть въ кресло. Наружно за послѣднее время онъ измѣнился ужасно и имѣлъ видъ совершеннаго старика. Глядя на портретъ фельдмаршала въ гусарской формѣ, приложенный къ настоящему тому, и вспоминая какимъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Тифлисѣ въ 1860 году, могу положительно сказать, что измѣнился онъ почти до неузнаваемости. Въ этихъ строгихъ чертахъ, нѣсколько обрюзглыхъ, ничто не напоминаетъ не только того красавца, котораго видѣлъ Кавказъ въ 1845 году на Андійскихъ высотахъ, но и того привлекательно-представительнаго главнокомандующаго, котораго въ 1856 году встрѣчали ликующія толпы Кавказскаго населенія.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ-трехъ недѣль своей жизни, князь проводилъ большею частію ночи весьма плохо, безпокойно и томительно.

Днемъ бывали періоды большой слабости, но онъ иногда могъ много говорить и даже съ большимъ оживленіемъ. Ихъ Величества и Россія были для него предметомъ постоянной заботы, что́ и высказывалось неоднократно въ его словахъ. Сердце его обливалось кровью при мысли о глубокомъ горѣ, которое причиняли Ихъ Величествамъ преступленія, совершаемыя тогда въ Россіи анархистами. Иной разъ предметомъ заботливости князя было здоровье Государя, и онъ нѣсколько разъ выражалъ опасеніе, что Его Величество могъ простудиться либо на парадѣ, либо на какой-нибудь церемоніи. Будущее положеніе супруги также очень тревожило фельдмаршала, и онъ съ сильнѣйшимъ безпокойствомъ спрашивалъ себя, что́ съ нею будетъ, когда его не станетъ. Въ общемъ состояніе фельдмаршала не казалось серьознѣе чѣмъ раньше, когда оно сопровождалось частыми припадками; и къ тому же сила его воли

способствовала ему превозмогать слабость, которая, безъ сомнѣнія, постоянно увеличивалась. Такимъ образомъ всѣ далеки были отъ мысли, что конецъ его такъ близокъ и будетъ такъ скоропостиженъ.

За три дня до смерти казалось даже было небольшое улучшеніе, такъ какъ ночь была исключительно хороша, и онъ чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что въ то утро, т. е. въ Пятницу 23 Февраля, могъ подняться въ верхній этажъ къ жившему въ той же гостиницѣ пріятелю своему г-ну Сергѣеву. Ему хотѣлось прочесть вслухъ статью изъ Revue des Deux Mondes, и дѣйствительно онъ прочелъ даже двѣ, какъ казалось, безъ особеннаго утомленія. Это были статьи по поводу книги князя Васильчикова о крестьянской общинѣ и о перепискѣ Фридриха II-го. Въ этотъ день голосъ фельдмаршала былъ особенно ясенъ и звучалъ съ извѣстнымъ всѣмъ, знавшимъ его, прежнимъ очарованіемъ.

На другой день въ Субботу, рано по утру, подагра снова схватила его такъ, что онъ прибѣгнулъ къ лѣкарству Лавилля, котораго выпилъ большую дозу, а затѣмъ принялъ паровую ванну, послѣ которой почувствовалъ облегченіе и могъ даже добраться до кровати безъ посторонней помощи. Такъ какъ кровать эта показалась ему не довольно удобной и хорошо установленной, онъ приказалъ принести себѣ другую и попросилъ прибить календарь такъ, чтобы ему легко было видѣть его. Среди томительныхъ страданій, фельдмаршалъ не хотѣлъ пропустить день рожденія Наслѣдника Цесаревича и еще за недѣлю приказалъ подчеркнуть, какъ можно явственнѣе, число, предшествующее этому дню (25 Февр.). Поздравительная депеша должна была быть отправлена въ Воскресенье вечеромъ; но не суждено ему было дожить до этого вечера. Въ теченіе Субботы бывали довольно продолжительныя минуты онѣмѣнія; онъ желалъ однако, чтобы возлѣ него постоянно кто-нибудь находился, и даже высказывалъ, что не можетъ остаться ни на минуту одинъ. Нежеланіе это остаться одному давно уже подозрѣвали въ немъ; но онъ въ томъ не сознавался, не желая быть кому-либо въ тягость.

Въ ночь съ Субботы на Воскресенье, князь былъ очень озабоченъ, не проявлялъ однако большаго волненія. Быть мо-

жетъ, онъ сознавалъ всю опасность своего положенія, потому что послалъ за княгиней; а отъ этого онъ въ послѣднее время воздерживался, дабы не причинять ей, больной, безпокойства. Княгиня вскорѣ оставила его, поговоривъ съ нимъ о маловажныхъ вещахъ. Позже фельдмаршалъ по очереди послалъ за княжной Варварой и княгиней Еленой Шервашидзе *), но говорилъ съ ними мало; онѣмѣніе, казалось, усиливалось, и сонъ овладѣлъ имъ совершенно. Въ сущности ночь съ 24-го на 25 была нехороша, хотя не представляла еще исключительныхъ явленій. Къ концу ночи князь снова прибѣгнулъ къ грозному лѣкарству, котораго онъ принялъ сильную дозу. Въ 8 часовъ онъ попросилъ чаю и, какъ казалось, пилъ его съ удовольствіемъ.

Вскорѣ послѣ того, пришедшій къ нему докторъ Биné нашелъ его въ очень веселомъ и сообщительномъ настроеніи духа. Въ продолженіи получаса фельдмаршалъ бесѣдовалъ съ нимъ съ свойственной ему увлекательностію и, не смотря на упреки доктора, горячо отстаивалъ пользу, принесенную ему этимъ осуждаемымъ лѣкарствомъ Лавилля. Въ полдень, какъ обыкновенно, князь завтракалъ, и вскорѣ княгиня и княжна Шервашидзе навѣстили его. Около 2-хъ часовъ князь, какъ казалось, заснулъ глубокимъ сномъ, и слышали, какъ проснувшись онъ сказалъ: «я сплю крѣпко, я совсѣмъ кончаюсь». Въ ½ 6-го фельдмаршалъ проснулся, приподнялся вдругъ на кровати и вскрикнулъ, что онъ слабъ и умираетъ; однако послалъ за бульономъ и вскорѣ просилъ вторично позвонить, чтобы приказаніе его скорѣе исполнилось. Затѣмъ онъ всталъ на ноги, чтобъ выпить бульону и съѣсть немного хлѣба, но тутъ же упалъ назадъ и лишился чувствъ. Обморокъ продолжался очень недолго; очнувшись, фельдмаршалъ опять всталъ и сказалъ: «коли умирать, такъ умирать на ногахъ!» Но пришлось его поддержать и опустить въ кресло. Въ эту минуту лица, состоявшія при немъ, находились въ той же комнатѣ или въ смежной. Онъ снова попросилъ бульону; ибо, чувствуя, что слабѣетъ, надѣялся такимъ образомъ подкрѣпить свою все усиливающуюся слабость, но уже не былъ болѣе въ состояніи

*) Супруга его адъютанта, сына бывшаго владѣтеля Абхазіи.

ѣсть: желудокъ не переносилъ пищи. Къ тому же лѣкарство Лавилля продолжало сильно дѣйствовать, а это изнуряло его и мучило. Ему дали каплей мятнаго спирта и рисовой воды, до прибытія доктора Бине́, который вскорѣ пріѣхалъ.

Было 6½ часовъ. Докторъ нашелъ князя въ томительномъ безпокойствѣ, безъ пульса; сердце еле билось. Фельдмаршалъ, увидѣвши его, воскликнулъ: «Докторъ, все кончено!» Онъ было приподнялся на минуту, но снова сѣлъ. Докторъ хотѣлъ выслушать сердце, но князь отстранилъ его руку, повторяя: «все кончено, вы больше ничего не можете сдѣлать!» Онъ обводилъ окружающихъ отчаянными взорами, пока докторъ старался всячески его оживить, давая ему пить водку и прикладывая горчичники на грудь; но въ эту минуту фельдмаршалъ опустился. По приказанію доктора, его поспѣшно положили на кровать, и онъ тотчасъ же скончался. Докторъ Бине́, предполагая, что это только сильный обморокъ, въ теченіи цѣлаго часа употреблялъ всѣ отвлекающія наружныя средства призвать князя къ жизни. Наконецъ, тѣло было галванизировано въ теченіи 25 минутъ безъ результата.

Докторъ Бинѐ высказалъ мнѣніе, что подагрическое состояніе князя постоянно ухудшалось съ Декабря мѣсяца и, къ сожалѣнію, фельдмаршалъ настойчиво отказывался отъ новаго лѣченія, тогда какъ, съ другой стороны, не смотря на усиленныя увѣщанія, продолжалъ принимать лѣкарство Лавилля, къ которому прибѣгалъ вообще слишкомъ неумѣренно за послѣднія 12 лѣтъ. По словамъ доктора Бинѐ и его товарищей, участвовавшихъ при бальзамированіи, причиною внезапной смерти должно было быть прекращеніе кровообращенія, вызванное ожирѣніемъ сердца.

25 Февраля 1879 года смерть унесла въ могилу замѣчательнаго Русскаго человѣка на 64 году его жизни. Въ газетахъ появилось нѣсколько краткихъ некрологовъ. Общество было тогда еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ горькаго урока, даннаго намъ Берлинскимъ конгрессомъ, и поглощено тревожными внутренними дѣлами. Это было смутное время неслыханно-дерзкихъ преступленій нашихъ анархистовъ и поразительнаго, теперь едва вѣроятнаго сумбура, царствовавшаго въ большинствѣ общества; время, когда украшенные звѣздами высшіе

сановники, въ вицъ-мундирахъ, присутствуя въ судѣ на разбирательствѣ дѣла Вѣры Засуличъ, рукоплескали защитнику ея, громившему представителей власти, рукоплескали (буквально) оправдательному вердикту....

Очень быть можетъ, это и было главною причиною, что кончина фельдмаршала прошла мало замѣченною; а можетъ быть и обычная наша забывчивость и равнодушіе ко всему своему, при поклоненіи всему иностранному.

Тѣло скончавшагося было привезено въ село Ивановское Курской губерніи для погребенія въ родовомъ склепѣ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ царствующій Императоръ, почтилъ погребеніе Своимъ присутствіемъ; съ Кавказа явились депутаціи отъ Кабардинскаго имени фельдмаршала полка и туземныхъ народностей, съ генераломъ княземъ Чавчавадзе во главѣ; въ церкви Зимняго дворца отслужена панихида...

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XI ГЛАВѢ.

Телеграммы 1862 года.

1) Отъ кн. Барятинскаго военному министру, изъ Рѣжицы, 20 Октября: Прошу в. пр. доложить Государю Императору, что нога у меня до того разболѣлась, что я принужденъ былъ на сегоднишній день остаться въ Рѣжицѣ.

2) Отъ ген.-ад. Назимова военному министру, изъ Вильны 23 Октября: Фельдмаршалъ, пріѣхавъ сюда вчера, въ 11 часовъ вечера, всю ночь страдалъ болью въ лѣвомъ колѣнѣ, остался до завтра.

3) Отъ ген.-ад. Назимова военному министру, изъ Вильны, 24 Октября: Фельдмаршалъ провелъ вчерашній день очень дурно, не сходилъ съ постели отъ сильныхъ страданій. Къ ночи жаръ усилился, и былъ бредъ.

4) Отъ ген.-ад. Назимова Государю Императору, изъ Вильны, 25 Октября: Въ Вильнѣ и прочихъ мѣстахъ спокойно. Великая княгиня выѣхала вчера въ 11 часовъ вечера.

Здоровье фельдмаршала все въ томъ же положеніи. Былъ консиліумъ, и медики полагаютъ, что прежде двухъ недѣль онъ не можетъ тронуться съ мѣста.

5) Отъ ген.-ад. Назимова военному министру, изъ Вильны 10 Ноября: Здоровье фельдмаршала весьма въ слабомъ положеніи. Сильныя страданія въ теченіе этихъ двухъ недѣль совершенно его разстроили. Боль

хотя уменьшилась, но лихорадочное состоянiе продолжается. Онъ еще не можетъ встать съ постели.

6) Отъ Великаго Князя Михаила Николаевича военному министру, изъ Вильны, 12 Ноября:

Нашелъ фельдмаршала похудѣвшимъ и ослабѣвшимъ; голова совершенно свѣжа. Докторъ не можетъ опредѣлить, когда въ состоянiи будетъ выѣхать.

7) Отъ ген.-ад. Назимова военному министру, изъ Вильны, 13 Ноября:

Я передалъ Великому Князю содержанiе депеши вашей. Его Высочество пробылъ у фельдмаршала около двухъ часовъ; также и Ея Высочество посѣтила его. Здоровье князя все въ дурномъ положенiи.

8) Отъ ген.-ад. кн. Гр. Дм. Орбельяни военному министру, изъ Тифлиса 15 Ноября (по телеграфу изъ Новочеркаска, 20 Ноября):

Прошу увѣдомленiя о фельдмаршалѣ. Съ 24 Октября не имѣю о немъ извѣстiя. Долженъ ли я ожидать скораго его возвращенiя?

9) Отъ военнаго министра, на телеграфную станцiю въ Новочеркаскѣ, для отправленiя въ Тифлисъ ген.-ад. князю Орбельяни, 20 Ноября:

Фельдмаршалъ еще въ Вильнѣ, серьезно боленъ. Какъ слышно, онъ самъ телеграфировалъ вашему сiятельству о намѣренiи своемъ вскорѣ продолжать путь въ Тифлисъ; но, судя по свѣдѣнiямъ о его здоровьѣ, весьма сомнительно, чтобы эта надежда осуществилась.

Глава XII.

Окончаніе біографіи.—Недостатокъ характеристики, какъ частнаго человѣка.—Нѣкоторыя черты по воспоминаніямъ Д. И. Романовскаго.—Необходимость вкратцѣ повторить очеркъ жизни князя Барятинскаго.

Трудъ мой оконченъ. На сколько условія времени и количество матеріаловъ позволяли, я старался ничего не упустить для возможно-полнаго очерка жизни князя Барятинскаго, преимущественно какъ дѣятеля на поприщѣ государственной службы. По обычаю, установленному для біографій, слѣдовало бы коснуться и другихъ сторонъ жизни, не одной только общественной, служилой: такого виднаго человѣка, какъ покорителя Кавказа, можетъ быть, желательно было бы знать ближе, въ домашнемъ быту, въ обществѣ; но, къ сожалѣнію, удовлетворить такому желанію я не въ состояніи, и не только потому, что не чувствую въ себѣ способности къ подобнаго рода описаніямъ, но еще главнѣйше потому, что для того у меня нѣтъ почти никакихъ данныхъ. Самъ я слишкомъ короткое время былъ при князѣ Александрѣ Ивановичѣ. Такую задачу могъ бы выполнить только близкій человѣкъ, въ теченіи многихъ лѣтъ безотлучно при немъ находившійся, имѣвшій возможность наблюдать и отмѣчать характерныя черты, записывать для памяти выдающіяся слова, поступки и т. п. Или же это дѣло, такъ сказать, коллективное, многихъ лицъ, сообщающихъ о данномъ человѣкѣ свои воспоминанія и наблюденія, которыя біографъ могъ бы собрать въ одно. Но о князѣ Барятинскомъ въ печати почти ничего въ этомъ родѣ не встрѣчалось и, если есть чьи нибудь мемуары (въ чемъ я не сомнѣваюсь), то появленія ихъ вѣроятно придется ожидать еще долго. Единственное заслуживающее вниманія, что̀ я встрѣтилъ въ печати, это очеркъ

покойнаго Д. И. Романовскаго, въ «Русской Старинѣ», (1881 г. Февраль).

Въ этомъ очеркѣ разбросано нѣсколько характерныхъ чертъ и замѣтокъ, которымъ придаю значеніе, потому что Романовскій былъ человѣкъ умный и одно время довольно близкій къ князю Барятинскому. Привожу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ его очерка. Стр. 271: «Вообще покойный фельдмаршалъ былъ одна изъ тѣхъ сильныхъ и добрыхъ Русскихъ натуръ, которыя въ своихъ увлеченіяхъ всегда искренни и которыя въ людяхъ ищутъ не столько сходства личныхъ убѣжденій съ своими собственными, сколько искреннихъ убѣжденій. Не разъ случалось мнѣ слышать отъ самаго покойнаго: для меня не такъ важно, какихъ убѣжденій держится человѣкъ, аристократическихъ, демократическихъ, либеральныхъ или ретроградныхъ, какъ важно то, чтобы человѣкъ имѣлъ дѣйствительно убѣжденія и не мѣнялъ ихъ какъ перчатки. Для меня нѣтъ хуже и опаснѣе людей, какъ тѣ, которые сегодня либералы, а завтра ретрограды, сегодня Якобинцы, а завтра Мольеровскіе дворяне».

«Вообще искренность князь высоко цѣнилъ и всегда былъ расположенъ много извинять тѣмъ, въ комъ находилъ это свойство. Къ соблюденію напр. приличій, какъ служебныхъ, такъ и свѣтскихъ, князь относился весьма строго, можно сказать даже педантически; но и въ этомъ отношеніи искренности онъ много извинялъ. Вообще, едва ли князь не считалъ искренность самою первою людскою добродѣтелью, которою онъ очень дорожилъ и которою прежде всего руководился въ оцѣнкѣ человѣческаго достоинства. Людей, не ошибающихся въ другихъ, на свѣтѣ нѣтъ; но, припоминая всѣ, хорошо мнѣ извѣстныя отношенія покойнаго фельдмаршала къ людямъ за всѣ 32 года, которые я его имѣлъ честь знать, не могу не сказать, что ошибокъ въ этомъ отношеніи было немного. Были, конечно, примѣры, что люди ловкіе весьма искусно принимали на себя видъ искренній и успѣвали втираться въ довѣренность, но большею частію мистификація при князѣ не была продолжительна». Стр. 272: «Необходимо указать на одну особенную черту характера покойнаго, которая лично для него не была полезна. Всякому случалось, конечно, въ своей жизни встрѣчать людей, особенно изъ числа занимающихъ болѣе или менѣе замѣтныя положенія въ обществѣ, которые любятъ казаться болѣе занятыми и озабоченными, нежели они есть на самомъ дѣлѣ. У князя была совершенно противоположная слабость. На самомъ дѣлѣ князь занимался очень много; но каж-

дое дѣло, въ которомъ онъ принималъ нравственное участіе, очень принималъ къ сердцу и, прежде чѣмъ дѣйствовать, изучалъ и обдумывалъ его самымъ тщательнымъ образомъ. Но всѣ эти его занятія и думы были хорошо извѣстны только людямъ, весьма къ нему близкимъ, да и тѣ не всегда про нихъ знали. Когда князь начиналъ какое-нибудь дѣло, его особенно интересовавшее, онъ предварительно перечитывалъ не только всѣ существовавшія у насъ по этому предмету законоположенія, но съ большимъ вниманіемъ знакомился и съ постановленіями, существовавшими по тому же предмету за границею. Основательное знаніе языковъ, Нѣмецкаго, Французскаго и Англійскаго, частыя поѣздки за границу, положеніе и связи въ обществѣ, все это, безъ сомнѣнія, облегчало ему основательное изученіе. Но все это обыкновенно князь дѣлалъ какъ бы по секрету; иногда казалось даже, что князь какъ бы стыдился столь продолжительнаго и основательнаго изученія предмета. Во всякомъ случаѣ занятія съ другими, даже близкими людьми, онъ начиналъ не ранѣе, какъ составивъ уже себѣ опредѣленное, ясное понятіе о дѣлѣ. Занятія эти обыкновенно состояли или въ диктовкѣ имъ своихъ предположеній, или въ диктовкѣ имъ же самимъ составленной записки. Большею частію такія занятія происходили по ночамъ и весьма часто длились не только до разсвѣта, но до часа, когда у князя начинался пріемъ, или онъ самъ долженъ былъ куда нибудь ѣхать. Въ эту минуту, особенно когда показывался кто-нибудь не изъ очень приближенныхъ лицъ, князь мгновенно измѣнялся, и даже тѣмъ, кто занимался съ нимъ и которымъ нужно было бы иногда для него же самаго передать нѣкоторыя свѣдѣнія, сдѣлать это было уже не легко, вплоть до начала слѣдующаго усиленнаго занятія. Объяснить такую странность въ характерѣ покойнаго я затрудняюсь; но что она дѣйствительно существовала, это хорошо извѣстно всѣмъ, дѣйствительно близко стоявшимъ къ князю. По моему, всего скорѣе объяснить это отвращеніемъ и даже ненавистью правдивой натуры князя ко всякому шарлатанству».

Стр. 274: «Предметъ, сильно занимавшій князя, Кавказская война, находился въ это время (1847 г.) въ томъ хроническомъ состояніи, при которомъ обыкновенно самые лучшіе доктора ограничиваются мѣрами паліативными. Все что можно было найти въ литературѣ о Кавказѣ, князь не только читалъ, но лучшія изъ тогдашнихъ сочиненій постоянно находились въ его библіотекѣ, а нѣкоторые, какъ напр. Voyage autour du Caucase par Dubois de Montperreux, составляли его настольныя книги. Ходившія въ то время по рукамъ разныя

записки, какъ напр. записки Пассека, Бюрно, Невѣровскаго, также принадлежали къ его настольной библіотекѣ. Но вообще тогдашнія сужденія о Кавказской войнѣ какъ князя, такъ и всѣхъ, ограничивались большею частію общими мѣстами. Служившіе въ то время въ Кабардинскомъ полку и имѣвшіе случай слушать сужденія, по этому предмету, князя, не могутъ однако не засвидѣтельствовать, что главныя начала, послужившія впослѣдствіи князю основаніемъ для покоренія Кавказа, были имъ для себя еще въ то время какъ бы намѣчены. Не разъ тогда еще говорилъ покойный фельдмаршалъ, что онъ удивляется тому предпочтенію, которое отдается Дагестану предъ Чечнею для покоренія Кавказа. По мнѣнію князя Барятинскаго, заставить горцевъ положить оружіе могла только одна крайность—голодъ; а крайность эта для восточныхъ горцевъ могла наступить только съ потерею Чечни, а не Дагестана».

Стр. 276: «По сдачѣ Кабардинскаго полка князь Александръ Ивановичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и оставался здѣсь до Іюля 1850 года. Въ это именно время я имѣлъ случай близко узнать взгляды покойнаго фельдмаршала на Кавказъ и на Кавказскую войну и долгомъ считаю свидѣтельствовать, что много изъ того, что́ было имъ исполнено, когда онъ сдѣлался главнокомандующимъ, было мнѣ хорошо извѣстно еще въ то время, т. е. болѣе чѣмъ за семь лѣтъ впередъ».

Стр. 279: «Мнѣнія свои о болѣе раціональныхъ способахъ веденія войны на Кавказѣ князь высказывалъ вообще не въ видѣ осужденія принятыхъ тогда порядковъ. Въ этомъ отношеніи, въ особенности во всемъ, что́ прямо касалось тогдашняго главнокомандующаго князя Воронцова, покойный фельдмаршалъ говорилъ съ особенной осторожностью. Видно было, что онъ его очень любилъ и уважалъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, видно было также, что на способы веденія Кавказской войны онъ смотрѣлъ совершенно своеобразно и во многомъ далеко несогласно съ большинствомъ мнѣній, принимавшихся тогда за лучшія, какъ напримѣръ мнѣнія о безцѣльности и вредѣ военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ лѣтомъ онъ находилъ положительно невѣрными. Когда же случалось, что его убѣжденія не производили должнаго впечатлѣнія на слушателя, или князь чувствовалъ себя утомленнымъ, онъ обыкновенно говорилъ: вѣрьте мнѣ, что большею частію сложные и запутанные вопросы имѣютъ весьма простыя и ясныя рѣшенія; но къ сожалѣнію иногда даже умные и добрые люди дѣлаютъ много зла изъ простаго упрямства, считая какъ бы своимъ долгомъ слѣдовать своимъ предвзятымъ мыслямъ».

Стр. 305: «Въ жизни мнѣ не разъ случалось встрѣчать людей, получившихъ весьма важныя назначенія, вполнѣ соотвѣтствующія ихъ личнымъ видамъ. Подобныя назначенія всегда дѣлаютъ каждаго болѣе или менѣе счастливымъ и болѣе или менѣе, по крайней мѣрѣ на первое время, располагаютъ относиться благодушнѣе ко всѣмъ и ко всему. Но то, чтó я нашелъ и видѣлъ въ князѣ въ то время (при назначеніи намѣстникомъ на Кавказъ) никакъ не можетъ равняться съ тѣмъ, чтó я видѣлъ когда нибудь прежде или послѣ. Князь какъ бы предчувствовалъ тѣ блестящіе успѣхи, какіе онъ будетъ имѣть на Кавказѣ, приведя въ исполненіе ту систему военныхъ дѣйствій, о которой онъ давно мечталъ; онъ какъ бы видѣлъ Шамиля въ плѣну въ Петербургѣ, куда тотъ и попалъ дѣйствительно чрезъ три года. Увѣренность его въ исполнимости предпринимаемаго весьма сложнаго дѣла была по истинѣ замѣчательна. Замѣчательно также при этомъ, что прежній любимый его разговоръ о покореніи Кавказа для него въ это время уже какъ бы не существовалъ. Онъ, конечно, вполнѣ сознавалъ, что для разговоровъ по этому предмету время миновало, что теперь онъ вполнѣ хозяинъ дѣла, а потому не разговаривать, а дѣйствовать минута для него настала. Князь, какъ во время пребыванія въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ на коронаціи, былъ чрезвычайно занятъ. Кромѣ заботъ по своему назначенію, по сдачѣ прежней должности командира резервнаго гвардейскаго корпуса, князь имѣлъ тогда немало заботъ по частнымъ и по общественнымъ дѣламъ. Всѣ эти дѣла его очень занимали, для нихъ онъ много работалъ; тѣмъ не менѣе для большинства, если не для всѣхъ, кромѣ близко при немъ находившихся, князь казался весьма мало озабоченнымъ и какъ бы занимавшимся всѣмъ слегка. Между тѣмъ, я, какъ жившій въ его домѣ, подъ его кабинетомъ, хорошо знаю, что ему дѣйствительно стоили эти занятія *слегка*».

Стр. 308: «Поѣздка изъ Москвы въ Тифлисъ въ 1856 году, чрезъ Нижній-Новгородъ, Астрахань, Петровскъ, Темиръ-Ханъ-Шуру, Дербентъ, Нуху и Закаталы составляла безпрерывный рядъ самыхъ радушныхъ, шумныхъ встрѣчъ и привѣтствій, какъ со стороны войскъ, такъ и со стороны мѣстныхъ правителей. Независимо отъ личныхъ симпатій къ князю Александру Ивановичу, на Кавказѣ каждый былъ какъ бы поощренъ уже тѣмъ однимъ, что новый начальникъ края былъ выбранъ изъ ихъ среды. Торжественныя и шумныя встрѣчи на Кавказѣ—дѣло не необыкновенное. При всемъ томъ, самые старѣйшіе изъ туземцевъ и служившихъ говорили, что ничего

подобнаго встрѣчѣ князя Барятинскаго не припомнятъ. Само собою разумѣется, все это радушіе и всѣ эти оваціи не могли не производить сильнаго дѣйствія на впечатлительную натуру покойнаго фельдмаршала и служили какъ бы поощреніемъ его рѣшимости на великій подвигъ. Какъ человѣкъ, тогда близко стоявшій къ князю, я долгомъ считаю свидѣтельствовать, что, не смотря на оглушающее дѣйствіе всѣхъ этихъ овацій, покойный князь ни на одну минуту не забывалъ главной цѣли, для которой ѣхалъ въ край. Слова «покореніе Кавказа, которыхъ даже произнесенными за все время мнѣ не случалось слышать, въ душѣ онъ какъ бы постоянно имѣлъ предъ собою, и все что могло, такъ или иначе, содѣйствовать скорѣйшему осуществленію его любимой мечты, онъ преслѣдовалъ съ рѣдкимъ постоянствомъ и не упускалъ ни одного подходящаго для того случая. Заботливость главнокомандующаго доходила иногда до такихъ подробностей, которыя для людей, мало знающихъ край, могли казаться даже мелочными, но которыя въ сущности имѣли большое значеніе. Такъ, напримѣръ, проѣзжая части края, сосѣднія съ Шамилевскими владѣніями и гдѣ покорность и преданность туземцевъ была не очень старая, князь обращалъ особенное вниманіе не только на пріемъ и разговоры съ жителями, но иногда лично самъ выбиралъ для нихъ подарки изъ экстраординарныхъ вещей, а иногда даже лично самъ ихъ раздавалъ, или разбрасывалъ золотыя и серебряныя монеты, и, надо отдать ему справедливость, дѣлалъ это съ необыкновеннымъ искусствомъ. Князь хорошо зналъ, какъ все, что происходитъ на подобныхъ пріемахъ, да и самые подарки, если не въ тотъ же день, то весьма скоро будутъ извѣстны Шамилю и произведутъ на него такое или иное дѣйствіе. Разумѣется, чѣмъ благопріятнѣе для насъ было впечатлѣніе туземцевъ, тѣмъ сильнѣе оно озабочивало главу правовѣрныхъ. Раздача подарковъ и разбрасываніе золотыхъ и серебряныхъ монетъ производили необыкновенный эфектъ *). При этомъ, какъ завѣдывавшій въ то время экстраординарными суммами и подарками, я могу положительно сказать, что хотя разбрасываніемъ денегъ мы занимались довольно часто при проѣздѣ селеній, какъ въ Дагестанѣ, такъ и на Лезгинской линіи, однакоже вся сумма, израсходованная на этотъ собственно предметъ, со включеніемъ даже золотыхъ монетъ, не превышала, сколько помню, двухъ тысячъ рублей».

---

*) Читатель знаетъ, что я не раздѣляю этого взгляда. См. 12 гл. II тома, стр. 456—57. Бывало такъ, что получившій подарокъ тотчасъ же подносилъ его Шамилю...

Стр. 314. «По моему глубокому убѣжденію, съ 1859 года въ натурѣ князя произошла большая перемѣна. Опредѣлить точно эту перемѣну и объяснить ея причины я не берусь, но знаю, что такое личное мое мнѣніе о князѣ раздѣляется людьми, близко до конца жизни оставшимися при фельдмаршалѣ. Повидимому, и послѣ 1859 года покойный князь для людей, не близко его знавшихъ и наблюдавшихъ, оставался какъ бы прежнимъ. Для такихъ людей князь могъ казаться даже выше прежняго: ореолъ военной славы всегда обаятеленъ. Вообще въ главнѣйшихъ душевныхъ свойствахъ, до самаго конца жизни, замѣтныхъ перемѣнъ въ князѣ какъ бы не было; тѣмъ не менѣе лично преданные князю люди высказанное мною личное мое мнѣніе вполнѣ раздѣляютъ. Послѣ 1859 года, какъ мнѣ кажется, съ княземъ случилось что-то напоминающее перемѣну въ императорѣ Александрѣ I по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ. По моему, наиболѣе яснымъ признакомъ происшедшей въ князѣ перемѣны можетъ служить отсутствіе въ немъ той сосредоточенности и энергіи въ достиженіи ясно опредѣленной себѣ цѣли жизни, какими князь замѣтно отличался до 1859 года. Справедливо или нѣтъ мое мнѣніе, но передать его на соображеніе будущаго біографа я считаю долгомъ, такъ какъ оно также искренно, какъ все написанное въ предлагаемомъ очеркѣ. Что же касается до главныхъ причинъ въ такой перемѣнѣ князя послѣ 1859 года, то ихъ найдется конечно много. Между прочимъ одною изъ главныхъ, какъ мнѣ кажется, было то душевное утомленіе, какого не могъ не испытывать князь послѣ своей напряженной усиленной дѣятельности съ 1856 по 1859 годъ и въ продолженіе которой какое-то особенное нервное возбужденіе постоянно его не оставляло и было весьма замѣтно для всѣхъ, близко при немъ находившихся. Самъ я съ конца 1857 года при князѣ не находился и видѣлъ его только въ Петербургѣ въ 1859 году, когда, предъ началомъ своего знаменитаго похода въ Дагестанъ, князь пріѣзжалъ для личнаго доклада Государю. Въ этотъ пріѣздъ я видѣлъ князя весьма короткое время; но все же для меня было ясно, что особое нервное состояніе князя продолжалось. Затѣмъ мнѣ случалось видѣть князя не разъ послѣ 1859 года, а въ 1867 году я имѣлъ удовольствіе провести вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Женевѣ. Прежняго нервнаго возбу денія тогда не замѣчалось. Что же касается до объясненія причинъ такого нервнаго возбужденія въ князѣ съ 1856 по 59 годъ, то это сдѣлать весьма нетрудно. Какъ ни твердо былъ увѣренъ князь въ вѣрности и удобоисполнимости своего плана, все же онъ конечно хорошо понималъ рискъ, въ военномъ дѣлѣ все-

гда неизбѣжный; а при существовавшемъ въ то время недовѣріи ко вводимому имъ новому способу дѣйствій, если не всеобщемъ, то существовавшемъ въ большинствѣ, князь не могъ конечно не опасаться тяжкихъ послѣдствій, какъ лично для себя, такъ въ особенности и для своего имени. Говорю все это съ убѣжденіемъ, потому что по моимъ тогдашнимъ служебнымъ занятіямъ мнѣ не разъ приходилось имѣть подробныя объясненія съ противниками мнѣній князя А. И. Барятинскаго, и считаю долгомъ прибавить, что въ числѣ противниковъ были и люди весьма почтенные, которые въ своихъ сужденіяхъ вовсе не руководствовались какими бы то не было личными симпатіями или антипатіями къ князю, а думали и говорили единственно на основаніи твердо вкоренившихся въ нихъ прежнихъ понятій о Кавказской войнѣ». «Что же касается до опасеній, существовавшихъ въ самомъ князѣ, то эти сомнѣнія для меня особенно ясны сдѣлались послѣ разговоровъ съ фельдмаршаломъ въ Женевѣ въ 1867 году. Чувства особой душевной признательности къ барону А. Е. Врангелю за его геройскую переправу чрезъ Койсу и чувства особаго расположенія къ Р. А. Фадѣеву, бывшему тогда адъютантомъ фельдмаршала, за точную и своевременную передачу приказаній главнокомандующаго объ этой переправѣ, не оставляли сомнѣній, что именно эту переправу князь считалъ самымъ опаснымъ и самымъ важнымъ дѣломъ въ своемъ знаменитомъ походѣ 1859 года и что въ переправѣ этой было много риску».

Я довольно долго остановился на статьѣ Романовскаго, потому что она дѣйствительно даетъ немало мотивовъ къ сужденію о князѣ Барятинскомъ.

Замѣчанія Романовскаго, что съ 1859 г. въ натурѣ князя произошла перемѣна, вѣрно; но чтобы одною изъ главныхъ причинъ было душевное утомленіе послѣ напряженной дѣятельности съ 1856 по 1859 годъ, съ этимъ я не совсѣмъ согласенъ. Если въ тѣ три года возбужденіе происходило отъ опасеній за результатъ предпринятыхъ имъ, по его собственному плану, дѣйствій на Восточномъ Кавказѣ, то такія же опасенія за результатъ предстоявшаго покоренія Западнаго Кавказа должны бы вызвать такое же нервное возбужденіе. Ни Государь, ни люди, сознательно судившіе о значеніи Кавказа для Россіи, ни самъ князь Александръ Ивановичъ не могли давать преимущественнаго значенія покоренію той или другой части

края. Покореніе нужно было полное, всего Кавказскаго перешейка безъ изъятій: безъ того дѣло не могло считаться рѣшеннымъ, и первая война съ Европой, вторженіе непріятельскаго флота въ Черное море, при непокорности Черкескихъ племенъ, ставило бы насъ въ опасное положеніе, даже въ отношеніи уже покореннаго Восточнаго Кавказа. Такимъ образомъ, одинаковыя причины должны были бы вызвать одинаковыя слѣдствія.

Я, съ своей стороны, скорѣе полагаю, что перемѣна произошла болѣе физическая, чѣмъ нравственная: сильные и частые подагрическіе припадки, при усиленныхъ пріемахъ ядовитаго средства Colchicum, потрясали организмъ. Вспомнимъ одно изъ писемъ князя къ Д. А. Милютину изъ-за границы, гдѣ онъ говоритъ о своихъ ужасныхъ страданіяхъ во время похода, особенно въ день переправы въ Тлохъ, страданіяхъ, о которыхъ кромѣ Дмитрія Алексѣевича никто не зналъ и даже никто не догадывался: съ такою желѣзною силою воли князь ихъ скрывалъ и продолжалъ верхомъ дѣлать утомительные переходы по горнымъ ущельямъ. Какой бы крѣпкій организмъ ни былъ, но наконецъ и онъ долженъ сломиться при такихъ условіяхъ и отозваться на всемъ настроеніи человѣка. Кромѣ того, какъ мнѣ кажется, чрезвычайное вліяніе на нравственное состояніе князя должны были имѣть волновавшія его чувства къ страстно любимой особѣ, впослѣдствіи супругѣ князя. Зная его рыцарски-благородный характеръ, можно себѣ представить, какъ дѣйствовали на него препятствія, казавшіяся неодолимыми и впослѣдствіи лишь устраненныя.

Конечно, все это мое личное мнѣніе, очень можетъ быть и ошибочное. Наконецъ, и еще одно: по словамъ одного изъ близкихъ и пользовавшихся особымъ расположеніемъ князя лицъ, фельдмаршаломъ нерѣдко выражались мысли той философіи, которая признаетъ въ этомъ мірѣ все суетою-суетъ, и онъ иронически отзывался о почестяхъ и славѣ. Читалъ-ли онъ Шопенгауера, не знаю; но философія его отражалась въ сужденіяхъ князя Александра Ивановича.

Въ первыхъ двухъ томахъ біографіи разбросано нѣсколько характерныхъ чертъ изъ частной жизни князя Барятин-

скаго. Группируя все сказанное, можно повторить, что онъ былъ пріятный собесѣдникъ въ тѣсномъ кругу близкихъ людей, отличался немалымъ остроуміемъ, былъ очень добръ и даже чувствителенъ: онъ всегда искренно сожалѣлъ объ убитыхъ въ сраженіи, долго не забывалъ кровавыхъ происшествій, столь частыхъ въ его времена на Кавказѣ, и повторялъ соболѣзнованія о пострадавшихъ, съ большими усиліями рѣшался утверждать смертные приговоры, даже отчаяннымъ разбойникамъ, и въ этомъ отношеніи имѣлъ свой очень характерный взглядъ. Онъ былъ весьма внимателенъ къ просьбамъ о помощи и покровительствѣ, очень щедръ, любилъ давать блестящіе праздники, окружать себя обществомъ женщинъ, среди которыхъ пользовался большимъ расположеніемъ. Въ этомъ отношеніи можно бы собрать обильный матеріалъ для занимательной хроники. Но вездѣ и во всемъ вельможа, не допускавшій фамильярности, умѣвшій однимъ взглядомъ остановить любаго человѣка на неумѣстномъ, по мнѣнію его, словѣ и смутить его на долго; держалъ себя важно, съ достоинствомъ, умѣлъ импонировать и внушать къ себѣ почтительное уваженіе, что̀ и не удивительно при его власти и силѣ, но безъ страха и усиленнаго сердцебіенія подчиненныхъ, какіе испытывались нерѣдко передъ другими начальственными лицами, гораздо ниже князя стоявшими.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ князь проявлялъ излишнюю наклонность обставлять себя атрибутами величія. Напримѣръ, въ учрежденіи нѣсколькихъ департаментовъ вмѣсто одной канцеляріи намѣстника генералъ-губернаторовъ, въ самой церемоніи пріемовъ представлявшихся ему лицъ и просителей, въ выѣздахъ по вечерамъ съ факелами и т. п. Было ли это слѣдствіемъ нѣкотораго тщеславія, естественнаго въ человѣкѣ, достигнувшемъ въ 40 лѣтъ такого высокаго положенія, какъ намѣстникъ Императора и главнокомандующій трехсотъ-тысячною арміею, или убѣжденіемъ, что въ этомъ положеніи, на Азіатской окраинѣ, слѣдуетъ такими средствами декорировать свое значеніе, сказать не берусь. Полагаю, что было отчасти и то, и другое. Но такія слабости никакого вреда дѣлу не причиняли и вызывали не упреки, а лишь у нѣкоторыхъ людей улыбки, и если я упоминаю объ этомъ, то именно въ видахъ

совершеннаго безпристрастія. Великія достоинства выступаютъ еще рельефнѣе, когда на портретѣ будутъ и тѣни, безъ которыхъ не было и не будетъ человѣка.

Съ бо́льшимъ правомъ можно бы упрекнуть князя Барятинскаго въ недостаточно-строгомъ отношеніи къ расходамъ казенныхъ денегъ, особенно при жалкомъ состояніи финансовъ государства въ тѣ времена, о чемъ я уже говорилъ во второмъ томѣ. Упрекъ этотъ впрочемъ вовсе не относится къ расходамъ, на которые указывали изъ Петербурга: на содержаніе лишнихъ войскъ, усиленныя военныя дѣйствія, на проложеніе дорогъ и т. п; эти расходы, хотя и затрудняли бы казначейство, но служили источникомъ большихъ прибылей, потому что вели къ окончанію войны, стоившей непомѣрныхъ издержекъ; слѣдовательно, государству былъ прямой разсчетъ не отказываться отъ такихъ расходовъ. Дѣло окончательнаго покоренія Кавказа было однимъ изъ тѣхъ, первостепенной важности, дѣлъ для будущности Русскаго государства, при которомъ мудрая Англійская пословица «время—деньги» играла первую роль. Въ Петербургѣ какъ будто не совсѣмъ понимали это. Военный министръ Сухозанетъ силился вывести съ Кавказа дивизіи, непринадлежавшія къ составу Кавказскихъ войскъ; канцлеръ князь Горчаковъ убѣждалъ дѣйствовать переговорами и найти какой-нибудь modus vivendi съ Шамилемъ; Великій Князь Константинъ Николаевичъ убѣждалъ заняться гражданскими дѣлами благоустройства Грузіи и (вмѣсто роли блестящаго главнокомандующаго) принять роль скромнаго губернатора; многія высокопоставленныя особы обоихъ половъ вторили этимъ голосамъ, добиваясь одобренія Государя... И только силѣ характера, твердому убѣжденію князя Барятинскаго въ необходимости кончить безъ промедленія взятое имъ на себя великое дѣло, его увѣренности въ несомнѣнномъ, быстромъ успѣхѣ Россія обязана, что всѣ эти Петербургскія попытки парализовать его дѣятельность не удались. Временныя затрудненія государственнаго казначейства такъ или иначе пережиты, и мы видимъ въ настоящее время счастливое возстановленіе здоровья финансовъ государства. А было ли бы это такъ, еслибы Кавказъ не былъ покоренъ? И вѣдь стоило бы въ 1856—62 го-

дахъ быть на Кавказѣ главнокомандующимъ не князю Барятинскому, а кому нибудь другому, и отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежалъ бы сомнѣнію; не былъ бы покоренъ Кавказъ, и Богъ знаетъ чѣмъ кончилась бы вторая Восточная война. Въ моихъ глазахъ это вѣрно, какъ дважды два четыре, уже потому только, что никто другой, кромѣ князя Барятинскаго, не былъ бы въ силахъ побороть—не горцевъ, а Петербургскія настоянія.

Упрекъ, о которомъ я говорю, относится къ расходамъ мелкимъ, расплывавшимся по рукамъ разныхъ служащихъ лицъ, умѣвшихъ снискать благорасположеніе князя, или на предпріятія недостаточно зрѣло обдуманныя и, во всякомъ случаѣ, не требовавшія поспѣшности. Конечно, всѣ подобные расходы въ пропорціи къ милліонамъ, затрачивавшимся тогда государствомъ на Кавказъ, были, такъ сказать, каплею въ морѣ; но при безденежіи слѣдуетъ беречь всякую тысячу, да важенъ принципъ, важенъ примѣръ, совершающій отраженіе сверху внизъ, важенъ поводъ къ критикѣ и обсужденію главнаго начальника.

Все въ томъ же желаніи быть безпристрастнымъ, я къ приведеннымъ слабостямъ или недостаткамъ могу прибавить: увлеченіе иногда слишкомъ пылкимъ воображеніемъ, (чему примѣры уже приведены въ предшествовавшихъ главахъ III тома) да выдвиганіе иногда по службѣ разныхъ ничтожествъ, ради забавы или каприза, и тогда весь мой запасъ отрицательныхъ сторонъ князя Александра Ивановича будетъ исчерпанъ. Я, по крайней мѣрѣ, никакихъ другихъ не знаю, и никто данныхъ для этого мнѣ не доставилъ. Всѣ, имѣвшіе случай быть близкими къ князю Барятинскому, не иначе вспоминаютъ о немъ, какъ съ искреннею симпатіею, отдавая полную справедливость его уму, его характеру, его душевнымъ качествамъ. Въ немъ очевидно соединялись доброта, мягкость, даже чувствительность и наружная красота, какъ наслѣдіе отъ дѣда и отъ прекрасной, всѣми любимой и почитаемой матери, съ большимъ природнымъ умомъ, беззавѣтною отвагою и смѣлостью, щедростью, широтою натуры и нѣкоторымъ презри-

тельнымъ отношеніемъ ко всему на свѣтѣ, какъ принадлежностью Великоросса.

Но какое же эти приведенные мелкіе недостатки могутъ имѣть значеніе въ сравненіи съ значеніемъ князя Александра Ивановича Барятинскаго, какъ дѣятеля на поприщѣ службы государству? Чтó намъ, массѣ Русскихъ людей, ставящихъ на первый планъ величіе, преуспѣяніе государства, до частностей въ характерѣ и привычкахъ того или другаго государственнаго человѣка? Намъ важны его дѣла, давшія ощутительные результаты въ моментъ ихъ совершенія, служащіе основаніемъ, исходной точкой постепеннаго развитія пользъ государства. Намъ интересно знать, какъ совершилъ онъ эти дѣла, какими соображеніями руководствовался, въ чемъ и въ комъ находилъ помощь, въ чемъ препятствія, и какими способами онъ преодолѣвалъ эти препятствія. Намъ важно знать его взгляды на тѣ или другіе вопросы, связанные съ высшими интересами государства. Тогда только мы и можемъ судить, заслуживаетъ ли описываемый дѣятель имени историческаго, создалъ ли онъ себѣ право на признательность соотечественниковъ, на памятникъ, какъ увѣковѣченіе его заслугъ въ потомствѣ.

Съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ я на біографію. Она приняла обширные, быть можетъ, слишкомъ обширные размѣры; читатель легко могъ потерять нить послѣдовательности въ разсказѣ, и я поэтому нахожу нелишнимъ изложить вкратцѣ ходъ событій въ жизни князя Барятинскаго, въ надеждѣ облегчить читателямъ, желающимъ уяснить себѣ личность его, возможность разобраться въ разнорѣчіяхъ. О князѣ А. И. Барятинскомъ мало писали, но много говорили и весьма разнорѣчиво, больше не въ его пользу; потому что его мало знали, еще меньше понимали.

НАПОЛЕОНЪ О ПОЖАРѢ МОСКВЫ.

На „знойномъ островѣ заточенія“ великій Наполеонъ вспоминалъ про Москву, но по привычкѣ своей увлекался Корсиканскимъ воображеніемъ и хвастовствомъ. Приводимъ выписку изъ записанныхъ его отзывовъ. П. Б.

(Mémorial de S-te Hélène, par Las-Cases. 1824, t. 2, стр. 19 и слѣд.)

Jamais, en dépit de la poésie, toutes les fictions de l'incendie de Troie n'égalèrent la réalité de celle de Moscou. La ville était de bois, le vent était violent, toutes les pompes avaient été enlevées. C'était littéralement un océan de feu. Rien n'en avait été soustrait: tant notre marche avait été rapide et notre entrée soudaine. Nous trouvâmes jusqu'à les diamans sur la toilette des femmes: tant elles avaient fui avec précipitation. Elles nous écrivèrent à quelque temps de là, qu'elles avaient cherché à échapper aux premiers momens d'une soldatesque dangereuse, qu'elles recommandaient leurs biens à la loyauté des vainqueurs, et ne manqueraient pas de reparaître sous peu de jours pour solliciter leurs bienfaits et leur apporter leur reconnaissance.

Тамъ же, т. 2, стр. 210.

Les Russes s'y montrèrent des troupes excellentes qu'on n'a jamais retrouvées depuis. L'armée russe d'Austerlitz n'aurait pas perdu la bataille de la Moscova.

Переводъ. Вопреки поэзіи, вымыслы о пожарѣ Трои никогда не могли сравняться съ дѣйствительностью пожара Москвы. Городъ былъ деревянный, вѣтеръ сильный, всѣ трубы увезены. Это былъ буквально огненный океанъ. Ничего не было увезено: такъ походъ нашъ былъ быстръ и вступленіе внезапно. Мы находили даже бриліанты на туалетахъ женщинъ: съ такою поспѣшностью онѣ бѣжали. Черезъ нѣсколько времени онѣ намъ писали, что боялись первыхъ минутъ страшной солдатчины, что онѣ поручаютъ свое имущество честности побѣдителей и не замедлятъ вскорѣ возвратиться, чтобы просить ихъ благодѣяній и выразить имъ свою признательность.—Русскіе выставили превосходныя войска, какихъ потомъ у нихъ никогда не встрѣчалось. Русская армія, какая была подъ Аустерлицемъ, не проиграла бы сраженія подъ Москвою.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КНЯЗЯ М. Л. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА СМОЛЕНСКАГО КЪ ЕГО ДОЧЕРИ П. М. ТОЛСТОЙ.

1812 года.

(Печатается съ подлинниковъ)

15 Сентября.

1.

Мой другъ Парашенька! Я васъ никогда не забываю и недавно къ вамъ отправилъ курьера. Теперь и впредъ, надѣюсь, въ Данковѣ безопасно. А ежели бы приблизились (на что еще никакихъ видимостей нѣтъ), тогда можно, вѣдь, далѣе уѣхать. Я баталію выигралъ прежде Москвы, но надобно сберегать армію, и она цѣлехонька. Скоро всѣ наши арміи, то есть [1] , Витгенштейнъ и еще другіе станутъ дѣйствовать къ одной цѣли, и Наполеонъ долго въ Москвѣ не пробудетъ. Боже васъ всѣхъ благослови! Вѣрный другъ

Михайла Г. Ку(тузовъ).

2.

1 Октября.

На Калужской дорогѣ.

Парашенька мой другъ, съ Матвѣемъ Өедоровичемъ [2] и съ дѣтьми здравствуй!

Я, слава Богу, здоровъ. Стоимъ уже болѣе недѣли на одномъ мѣстѣ и съ Наполеономъ смотримъ другъ на друга: каждый выжидаетъ время; между тѣмъ маленькими частями деремся всякій день и, конечно, вездѣ удачно; всякій день беремъ въ полонъ человѣкъ по триста и теряемъ такъ мало, что почти нечего. Кудашевъ разбойничаетъ также съ партіей и два хорошихъ дѣла имѣлъ. Отъ Катерины Ильинишны [3] получилъ письмо сегодня. Всѣ наши здоровы. Боже васъ благослови! Вѣрный другъ

Михайла Г. Ку(тузовъ).

Въ Рязани можете быть спокойны: къ вамъ никакой Французъ не пойдетъ.

---

[1]) Слово не разобрано.

[2]) М. Ө. Толстой, супругъ старшей дочери Кутузова, Прасковьи Михайловны. П. Б.

[3]) Т. е. отъ супруги своей (ур. Бибиковой). Она жила въ Петербургѣ. П. Б.

3.

8 числа Октября.

Парашенька мой другъ, Матвѣй Ѳедоровичъ и дѣти, здравствуйте! Шестаго числа была баталія при *Чернишнѣ*; я атаковалъ непріятеля; вотъ копія съ реляціи. Евреиновъ сейчасъ пріѣхалъ. Благодарю за хлѣбъ-соль. Я здоровъ. Боже васъ благослови! Вѣрный другъ

Михайла Г. Ку(тузовъ).

4.

17 Октября.

Парашенька, мой другъ съ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ и съ дѣтками, здравствуй! Я, слава Богу здоровъ, но эти дни совсѣмъ покою нѣтъ. Непріятель бѣжитъ изъ Москвы и мечется во всѣ стороны, и вездѣ надобно поспѣвать. Хотя ему и очень тяжело, но и намъ за нимъ бѣгать скучно. Теперь ужъ онъ ударился на Смоленскую дорогу. Теперь вы далеко отъ театра войны, и будьте покойны. Боже васъ сохрани! Вѣрный другъ

Михайла Г. Кутузовъ.

5.

21 Октября.

За одну версту отъ Вязьмы.

Парашенька мой другъ, съ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ и съ дѣтьми, здравствуй! Ѳадей вамъ скажетъ, что я, слава Богу, здоровъ и гонюсь за Французами. Боже васъ благослови! Вѣрный другъ

Михайла Г. Кутузовъ.

6.

15 Декабря.

Вильна.

Парашенька, мой другъ, съ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ и съ дѣтками, здравствуй! Посылаю къ вамъ того же офицера, который былъ у васъ въ деревнѣ; отъ него услышите обо всемъ. Я, слава Богу, здоровъ и въ удивленіи, что какая-то невидимая сила перенесла меня сюда, въ тотъ же домъ въ туже спальню, на туже кровать, гдѣ я жилъ невступно два года назадъ [1]. 22 Августа засталъ я армію, скрывающуюся отъ непріятеля, и 6 Декабря непріятель съ бѣдными остатками бѣжалъ за границу нашу. Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Боже васъ всѣхъ благослови! Вѣрный другъ

Михайла Г. Кутузовъ.

12 Декабря Государь надѣлъ на меня первой классъ Георгія.

---

[1]) Будучи Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. П. Б.

Трагическій случай прошлаго вѣка.

Съ 1834 по 1837 годъ я учился въ Таганрогской гимназіи и жилъ въ пансіонѣ директора ея, Андрея Кондратьевича Бабичева. Во все это время я велъ дневникъ, гдѣ, между прочимъ, записывалъ мысли изъ прочитанныхъ мною книгъ, а иногда, если статья нравилась, и самую статью въ сокращеніи. Дневникъ свой я посылалъ въ деревню къ родителямъ моимъ каждую недѣлю. Отецъ мой, Алексѣй Антиповичъ Корсуновъ (род. въ 1780, ум. въ 1852 г.), на поляхъ дневника дѣлалъ замѣтки, а иногда писалъ цѣлыя страницы. Большая часть моего дневника сгорѣла въ пожаръ, бывшій въ моемъ деревянномъ домѣ въ началѣ 1863 года; а потому слѣдующій разсказъ моего отца пишу съ памяти.

Въ дневникѣ у меня было записано о томъ, что я читалъ повѣсть М. П. Погодина объ одной дѣвицѣ-преступницѣ. Не помню названія повѣсти; но хорошо помню, что она мнѣ очень понравилась и, *какъ истинное происшествіе*, была у меня написана въ извлеченіи. Отецъ пришилъ къ тетрадѣ моей листъ и написалъ слѣдующій разсказъ.

*

Эта повѣсть написана дѣйствительно объ истинномъ событіи. Дѣло идетъ о знатной особѣ, дочери извѣстнаго генерала Черткова, чтó былъ когда-то Азовскимъ губернаторомъ. Я слышалъ справедливый разсказъ объ этомъ происшествіи. Вотъ онъ.

У генерала Черткова, вдовца, была единственная дочь, дѣвица, прекрасная собою. Полюбила она одного изъ адьютантовъ своего отца, молодаго человѣка, красавца-майора, и сама ему очень понравилась.

Майоръ, премьеръ или секундъ, не знаю, былъ человѣкъ прекрасныхъ правилъ, образованный, знатной фамиліи, но небогатый. Это-ли, другое-ли чтò было причиною, но когда онъ формально посватался у генерала на его дочери, генералъ, человѣкъ чрезвычайно богатый, отказалъ ему наотрѣзъ. Можетъ-быть, онъ хотѣлъ только испытать. Поводомъ къ такому заключенію можетъ служить то, что онъ не отказалъ отъ мѣста и дома майору, а оставилъ его при себѣ. Молодые люди приняли близко къ сердцу свое горе, но не обезкуражились. Такъ-какъ они были оба души благородной и твердыхъ правилъ, то и въ голову имъ не могло прійдти бѣжать и тайно обвѣнчаться, какъ это теперь зачастую дѣлается. Они любили взаимно другъ друга любовью чистою, какъ говорятъ писатели, платоническою, и не могли жить другъ безъ друга. Они надѣялись, что генералъ, наконецъ, сжа-

лится надъ ними: онъ былъ настоящій вельможа какъ по роду, такъ и по великодушію, а снисхожденіе и любовь суть непремѣнныя принадлежности каждой высокой души. Надѣялись они да и позволили себѣ нѣкоторую вольность, доведшую ихъ обоихъ до несчастія.

Они довольно часто, по вечерамъ, оставались наединѣ, разумѣется тайно отъ отца, у нея въ комнатахъ, въ верхнемъ этажѣ дома, и именно въ спальной ея комнатѣ Объ этомъ, и то лишь по необходимости, знала изо всего дома одна горничная. Все шло благополучно; но вотъ кто-то изъ прислуги донесъ генералу объ этихъ ночныхъ свиданіяхъ.

Рѣшился генералъ поймать преступниковъ, или, лучше сказать, удостовѣриться въ справедливости извѣта. Въ одинъ вечеръ сказалъ онъ дочери, что ѣдетъ къ кому-то по дѣлу и что возвратится поздно, чтобъ она его не ждала къ ужину, и уѣхалъ.

Не упустили воспользоваться случаемъ наши молодые люди: сошлись въ обычномъ мѣстѣ. Сидятъ себѣ, читаютъ, разговариваютъ, изъясняются во взаимныхъ чувствахъ, можетъ, уже въ милліонный разъ, надѣятся на лучшее... А горе ждетъ изъ-за угла! Вдругъ, какъ сумасшедшая, вбѣгаетъ дѣвушка:—Генералъ идетъ!

Думать долго не было времени. Въ спальной стоялъ большой сундукъ съ бѣльемъ... Крышка открыта. Майоръ влѣзъ въ сундукъ. Крышка заперта на-ключъ.

Только-что кончилась эта процедура, входитъ генералъ. А я, дочка, къ тебѣ. Рѣшено дѣло рано; вотъ и задумалъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ: потихоньку пробрался прямо къ тебѣ въ свѣтелку. Рада гостю?

— Очень благодарна, папенька, за вниманіе! поцѣловала у него руку и пригласила его присѣсть.

Генералъ сѣлъ на тотъ самый сундукъ, гдѣ былъ спрятанъ майоръ. А такъ-какъ генералъ былъ немного сконфуженъ тѣмъ, что могъ повѣрить столь гнусной клеветѣ о своей дочери; то, желая загладить сколько-нибудь и чѣмъ-нибудь свой нравственный проступокъ передъ нею, оставался у нея довольно долго, можетъ быть даже цѣлый часъ. Простился, наконецъ, и ушелъ.

Къ сундуку... Майоръ умеръ—задохнулся.

Барышня въ слезы, въ обморокъ... Горничная не потерялась: и барышню привела въ чувство, и доказала ей, что надо поскорѣе *прятать концы въ воду*. Барышня согласилась на все, Тотчасъ сбѣгала горничная за кучеромъ, крѣпостнымъ генерала. Кучеръ, здоровенный мужичина, явился. Ему сказали, что надобно вынести трупъ и сдѣлать съ нимъ что̀ слѣдуетъ: спрятать куда, что ли. Пошелъ кучеръ съ

майорскимъ тѣломъ и, въ самомъ дѣлѣ, спряталъ концы въ воду, то-есть бросилъ его въ рѣку. Кучеру насыпали серебромъ полную шляпу, а не шапку, потому что дѣло дѣлалось лѣтомъ, а не зимою, и взяли съ него клятву передъ иконою, что онъ все это сохранитъ въ глубокой тайнѣ.

На другой день полиція нашла на берегу Днѣпра трупъ. Наружныхъ знаковъ насилія не оказалось. Тѣло предано землѣ не на общемъ кладбищѣ, а, по тогдашнему, на распутьи, какъ тѣло самоубійцы. Многіе знали объ отказѣ майору, и всѣ догадывались, что бѣднякъ отверженный наложилъ на себя руки.

Прошло много времени, годъ или два. Генералъ задумывается: дочь его съ каждымъ днемъ хирѣетъ больше и больше. Горничная дѣвушка молчитъ. Кучеръ началъ пить, часто приходить къ барышнѣ за деньгами и обращаться съ нею, особенно подъ пьяную руку, не совсѣмъ почтительно.

Одинъ разъ, зимою, сидитъ хмѣльной кучеръ въ кабакѣ, сидитъ на почетномъ мѣстѣ и угощаетъ большую компанію. Когда всѣ уже деньги у него вышли, онъ посылаетъ кабацкаго мальчика въ господскій домъ: вызови, дескать, дѣвушку, положимъ Дуняшу, и скажи ей, чтобы мнѣ прислала сейчасъ *столько-то* рублей денегъ.

Это, впрочемъ, дѣлывалось и прежде; всѣ «кабацкіе завсегдатели» думали, что онъ въ связи съ Дуняшею, которая каждый разъ присылала ему требуемое серебромъ или бумажками. На этотъ разъ вышло иначе: принесъ мальчишка деньги золотомъ, а золота у горничныхъ не полагалось.

Собесѣдники удивились. Угощеніе возобновилось. Кучеръ расходился: началъ похваляться. — Да что̀ мнѣ деньги! Мнѣ деньги ни по чемъ! Я и не то еще могу сдѣлать, коли захочу!—А что̀ же ты еще можешь сдѣлать?—А вотъ что!—Эй, ты, кабацкая затычка! обратился онъ къ тому же мальчику. Ступай *къ нимъ*, да скажи Дуняшѣ, чтобъ она вызвала къ тебѣ барышню; а барышнѣ скажи, что молъ кучеръ проситъ васъ пожаловать *въ такой-то* кабакъ: очение молъ нужно.

Всѣ ужаснулись; да и было отчего. Какъ? Осмѣлиться звать въ кабакъ благородную барышню, да еще какую! Самую первую барышню не только въ городѣ, но и въ цѣлой губерніи.

— Что̀ ты, братъ, съ ума спятилъ? закричалъ на него сидѣлецъ, который даже испугался послѣдствій такой радикальной выходки... Дѣло было въ послѣднюю половину царствованія Екатерины Великой.—Не твое дѣло! огрызнулся кучеръ. Дѣлай, что̀ велятъ, крикнулъ онъ на мальчишку.

Дѣлать нѐчего: побѣжалъ.

Всѣ были увѣрены, что за кучеромъ прійдутъ, возьмутъ его, раба Божьяго, и учинятъ съ нимъ законное распоряженіе, то-есть: вздують на всѣ на четыре стороны.

Прошло съ полчаса времени; мальчика нѣтъ. Въ кабакѣ начинаютъ посмѣиваться, подтрунивать надъ кучеромъ. Кучеръ хладнокровенъ, суровъ и самоувѣренъ. Отворяется дверь. Вбѣгаетъ мальчикъ и не закрываетъ двери: входитъ барышня, а вслѣдъ за нею Дуняша.

Поклонилась барышня привѣтливо по-русски всей честной компаніи, потомъ подошла къ кучеру и спрашиваетъ его: — Что̀ тебѣ угодно *такой-то такой-то — вичъ?* величаетъ по имени и отчеству.

— А вотъ что, барышня! Много благодарны на вашей ласкѣ, что призрили на раба своего: попотчуйте, сударыня, ваше превосходительство, изъ своихъ боярскихъ ручушекъ!

Барышня велитъ Дуняшѣ взять водки у сидѣльца и начинаетъ собственноручно поить честную компанію — всѣхъ: и гостей, и хозяевъ; только, на всякій случай, приказала запереть извнутри наружную дверь въ кабакѣ, *чтобы лишніе люди не мѣшали.*

Пили, пили и перепились до безчувствія, до положенія ризъ: всѣ свалились съ ногъ, какъ снопы, всѣ уснули мертвымъ сномъ.

Тогда барышня съ горничною начиняютъ дѣйствовать: онѣ захватили съ собою изъ дому тряпья съ разными горючими матеріалами; размѣстили эти матеріалы по приличнымъ мѣстамъ; кстати на кабакѣ была тростниковая, чуть ли даже не соломенная крыша. Дуняша поджигаетъ, а барышня схватила груднаго ребенка сидѣльцева изъ колыбельки и вынесла его изъ кабака. Когда онѣ выбѣжали вонъ, кабакъ охватило пламя: всѣ, пировавшіе въ немъ, сгорѣли, съ кучеромъ включительно.

Честь дѣвицы Чертковой была спасена.

Полиція, по тщательномъ изслѣдованіи этого происшествія нашла, что кабакъ сгорѣлъ отъ неизвѣстной причины. При осмотрѣ мѣста найдено *столько-то* обгорѣвшихъ труповъ. Резолюція извѣстна: «Предать волѣ Божіей, *пока дѣло само собою разъяснится*».

Такимъ образомъ, *тамъ* концы спрятаны *въ воду*, а *здѣсь* — *въ огонь.*

*

Прошелъ еще годъ, другой. Барышня вянетъ и сохнетъ не по днямъ, по часамъ.

Пріѣхала Государыня въ Екатеринославъ.

Барышня, съ разстроеннымъ здоровьемъ, лишившаяся счастія жизни и спокойствія совѣсти, рѣшилась исповѣдать тяжкій грѣхъ свой Государынѣ, обласкавшей ее.

Великая выслушала преступницу и простила ее, какъ раскаявшуюся нарушительницу закона, потому больше, говорили, что она спасла жизнь сидѣльцеву ребенку, котораго, какъ подкидыша, воспитывала; но повелѣла ей вступить въ монастырь и молитвою искупить тяжкій грѣхъ свой. А Дуняшу простила безусловно: она, раба, должна была безпрекословно исполнять волю госпожи своей и не обязана была доносить на нее... Да и кому бы донесла она? Дуняша, однакожъ, не покинула своей барышни и пошла съ нею въ тотъ же монастырь.

Каково-то было отцу узнать обо всемъ этомъ!?

Такъ оканчивается разсказъ моего покойнаго отца.

Я позволю себѣ прибавить желаніе, чтобы кто нибудь изъ Екатеринославскихъ читателей «Русскаго Архива» занялся изложенннымъ событіемъ: въ архивѣ тамошняго окружнаго суда, вѣроятно, можно было бы отыскать что-нибудь по этому предмету въ связкахъ за 1780—1787 годы.

Александръ Корсуновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ДМИТРІЕВИЧА ЩЕРБАЧЕВА *).

VI.

По рѣшеніи крестьянскаго вопроса, служба моя въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ дѣлалась безцѣльною; карьера быть чиновникомъ, хотя бы и вицъ-губернаторомъ, меня нисколько не прельщала, я сталъ думать какъ бы снова вернуться на службу въ артилерію. Въ это время вмѣсто Ланскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Валуевъ. О происшедшей перемѣнѣ министровъ я узналъ изъ газетъ, живя съ семействомъ въ Гапсалѣ. Вскорѣ по назначеніи Валуева министромъ, я получилъ предписаніе явиться къ нему по дѣламъ службы. Не понимая, зачѣмъ я ему понадобился, я тотчасъ же пріѣхалъ изъ Гапсаля. Валуевъ принялъ меня очень любезно. «Я очень радъ», сказалъ онъ, «что вы состоите при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Я хочу дать вамъ командировку; но прежде всего я прошу васъ быть со мной откровеннымъ и сказать мнѣ, дозволяютъ ли вамъ ваши домашнія обстоятельства уѣхать на нѣкоторое время изъ Петербурга? Я вамъ предлагаю этотъ вопросъ, потому что твердо убѣжденъ, что дѣятельность подчиненнаго можетъ быть полезна только тогда, когда онъ вноситъ въ нее желаніе и добрую волю, а не дѣйствуетъ по принужденію.» Слова Валуева меня крайне удивили; я говорилъ уже, съ какимъ трудомъ давались командировки лицамъ, состоявшимъ при министерствѣ; мнѣ же предлагаетъ дать порученіе, о которомъ я не просилъ и не хлопоталъ, самъ министръ и не говоритъ, какое это порученіе. Конечно, я былъ бы очень доволенъ взять командировку, соотвѣтственно моей склонности и въ не отдаленной мѣстности отъ Петербурга, но ѣхать куда нибудь въ Сибирь для производства какого нибудь скандальнаго слѣдствія—я вовсе не желалъ; спросить же у министра куда и зачѣмъ онъ хочетъ меня послать, мнѣ казалось неловкимъ. А потому я рѣшился узнать прежде черезъ брата моей жены, состоявшаго

*) См. выше стр. 29.

при немъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, какая командировка мнѣ предстоитъ и тогда уже дать ему отвѣтъ. «Если ваше высокопревосходительство дозволяете мнѣ быть откровеннымъ», сказалъ я, «то въ виду того, что моя жена лѣчится въ Гапсалѣ и должна на дняхъ вернуться въ Петербургъ, я желалъ бы прежде ее повидать и тогда дать отвѣтъ». «Хорошо», сказалъ онъ, «я согласенъ отсрочить вамъ отвѣтъ, но опредѣлите срокъ». «Черезъ недѣлю», отвѣчалъ я, и затѣмъ, прощаясь со мной, онъ прибавилъ: «и такъ, черезъ недѣлю пріѣзжайте ко мнѣ на дачу въ 7 часовъ вечера». Въ теченіе этой недѣли я узналъ слѣдующее. Въ то время начались уже волненія въ Царствѣ Польскомъ, которыя отразились и въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Литвы явились Польскіе революціонеры, пропагандировавшіе возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года и увлекавшіе Польскую шляхту къ возстанію. Губернаторы не знали, что̀ дѣлать: одни ограничивались только донесеніями, а другіе принимали мѣры, которыя Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не нравились. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Валуевъ рѣшилъ послать въ Западныя губерніи своихъ чиновниковъ, преимущественно военныхъ, съ тѣмъ, чтобы они, состоя при губернаторахъ, доносили ему о всемъ, что̀ дѣлается въ губерніяхъ и о всѣхъ распоряженіяхъ губернаторовъ, то есть, другими словами, чтобы они были въ родѣ министерскихъ шпіоновъ надъ дѣйствіями губернаторовъ. Такого рода командировку мнѣ хотѣли дать въ Гродненскую губернію. Я рѣшился отъ нея отказаться. Получивъ въ то время извѣстіе о безнадежной болѣзни моей матери, я поѣхалъ къ Валуеву и объяснилъ ему, что мнѣ необходимо ѣхать въ Москву къ умирающей матери, а потому просилъ отъ командировки меня освободить и дать мнѣ отпускъ на 28 дней. Валуевъ отпускъ мнѣ разрѣшилъ, но сказалъ, что время командировки терпитъ, что онъ подождетъ моего возвращенія и тогда онъ надѣется, что я отъ нея не откажусь. Уѣхавъ тотчасъ въ Москву, я узналъ передъ отъѣздомъ, что открывается вакансія на должность состоящаго по особымъ порученіямъ штабъ-офицера при Артилерійскомъ Департаментѣ. Желая занять эту должность, я просилъ директора департамента генералъ-адъютанта Лутковскаго зачислить меня на открывающуюся вакансію и получилъ его согласіе.

Умерла черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Москву мать моя. Послѣ нея я получилъ въ наслѣдство имѣніе ея, состоящее въ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ которое рѣшился немедленно отправиться, чтобы вступить во владѣніе и, если срокъ отпуска дозволитъ, то составить съ крестьянами уставную грамоту. Это было

въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1861 года, то есть черезъ полгода по объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Въ Калугѣ губернаторомъ въ то время былъ Арцымовичъ. По пріѣздѣ въ Калугу, я заѣхалъ къ одной моей знакомой М. В. Толстой, которая наговорила мнѣ ужасы про дѣятельность Арцымовича и мировыхъ посредниковъ; по словамъ ея, помѣщики такъ угнетаются администраціей, что не только ихъ имущество, но даже и жизнь находятся не въ безопасности; крестьяне же дѣлаютъ, что̀ хотятъ, будучи поддержаны въ своихъ антипомѣщичьихъ дѣйствіяхъ мировыми посредниками. Она думала, что я напрасно хочу вступить въ переговоры съ крестьянами, такъ какъ не добьюсь никакихъ результатовъ; между ними распространено мнѣніе, которое посредники не стараются опровергнуть, что вся земля ихъ и что они имѣютъ даже право выгнать помѣщиковъ изъ усадебъ. Не смотря на всѣ разсказанные ужасы, которые произвели на меня тяжелое впечатлѣніе, я нанялъ землемѣра и поѣхалъ съ нимъ въ имѣніе. Оказалось совершенно противное тому, что́ мнѣ пророчили: въ теченіе одной недѣли, я не только перевелъ крестьянъ съ барщины на оброкъ и сдѣлалъ разверстаніе угодій, но и составилъ по обоюдному съ крестьянами соглашенію двѣ уставныя грамоты въ селѣ Башутинѣ и въ сельцѣ Ширяевѣ: это были первыя уставныя грамоты въ Калужской губерніи. Могутъ предположить, что я сдѣлалъ много уступокъ крестьянамъ, но этого положительно не было; я уступилъ, сколько я помню, всего полдесятины луга крестьянамъ села Башутина, на которую они не имѣли права на основаніи Положеній 19-го Февраля. Вообще я убѣдился, что посредники дѣйствовали и законно, и энергично, и если помѣщики были противъ нихъ возстановлены, то единственно потому, что всѣ они твердо стояли на почвѣ Положеній 19 Февраля.

Съ однимъ изъ посредниковъ Лихвинскаго уѣзда, Николаемъ Павловичемъ Щепкинымъ, котораго въ особенности не любили помѣщики, я познакомился при слѣдующихъ обстоятельствахъ. По окончаніи дѣла съ крестьянами села Башутина и сельца Ширяева, я поѣхалъ въ имѣніе моей сестры Лихвинскаго уѣзда, желая и тамъ вступить въ соглашеніе съ крестьянами и составить уставную грамоту; но имѣніе это было въ исключительныхъ условіяхъ: крестьяне владѣли землей въ количествѣ, значительно превышавшемъ высшій надѣлъ, и платили сравнительно-небольшой оброкъ; по Положенію 19-го Февраля, моя сестра имѣла право отрѣзать у нихъ $^1/_3$ находившейся въ ихъ пользованіи земли, причемъ оброкъ ихъ долженъ былъ уменьшиться на ничтожную цифру, вслѣдствіе чего положеніе ихъ, сравнительно съ прежнимъ, должно было ухудшиться, а не улучшиться. Ожидая встрѣтить съ ихъ сто-

роны сильную опозицію вслѣдствіе незнанія ими ихъ правъ на землю, мы рѣшились съ сестрой заѣхать къ посреднику Щепкину, очень уважаемому крестьянами, и просили его присутствовать при нашихъ переговорахъ съ крестьянами и объяснить имъ статьи Положенія 19-го Февраля, до нихъ относящіяся. Когда мы пріѣхали къ Щепкину, котораго ни я, ни сестра не только не знали, но никогда не видали, мы застали у него много гостей: были крестины его ребенка. Не смотря на свой семейный праздникъ, онъ тотчасъ съ нами поѣхалъ и два дня прожилъ въ имѣніи сестры, уговаривая крестьянъ согласиться на весьма выгодныя для нихъ условія, предложенныя сестрой. Видя его энергію и вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей, я не могъ понять, какимъ образомъ онъ могъ вооружить противъ себя одного помѣщика до такой степени, что тотъ пріѣхалъ къ нему съ револьверомъ. Щепкинъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ заключалось это дѣло. На основаніи Положеній 19-го Февраля, дворовые люди должны были оставаться въ услуженіи своихъ господъ два года, считая со дня манифеста; крестьяне же, исполнявшіе домашнюю службу у помѣщиковъ, имѣли право тотчасъ же ихъ оставить, еслибы пожелали. У жены, или какой-то родственницы, помѣщика, пріѣхавшаго съ револьверомъ, былъ кучеръ изъ крестьянъ, просившій помѣщицу отпустить его; но помѣщица не согласилась, и тогда онъ обратился съ жалобой къ Щепкину, который, на основаніи Положеній не могъ его не уволить; это-то увольненіе и было причиной озлобленія помѣщика. Я познакомился также и съ другимъ посредникомъ Перемышльскаго уѣзда Рихтеромъ, одинаково нелюбимымъ помѣщиками, котораго я видѣлъ два раза у Тинькова, бывшаго директора Орловскаго кадетскаго корпуса. Изъ разговора съ Рихтеромъ я убѣдился, что нападки помѣщиковъ на посредниковъ имѣли туже подкладку, какъ нападки членовъ крестьянскаго комитета на членовъ Редакціонной Комиссіи. Наконецъ, борьба помѣщиковъ съ посредниками такъ обострилась, что Калужскій губернскій предводитель дворянства Щукинъ лично принесъ жалобу государю на Арцимовича и хотя, по произведенной ревизіи, ни одинъ изъ пунктовъ жалобы не оправдался, тѣмъ не менѣе Арцимовичъ получилъ другое назначеніе. Было ли это уступкой помѣщичьей партіи, или желаніемъ расширить кругъ дѣятельности Арцимовича, обладавшаго недюжинными административными способностями—я не знаю; вѣрно только то, что, при введеніи Положенія 19-го Февраля въ Калужской губерніи не было ни одного безпорядка между крестьянами, въ другихъ же губерніяхъ они были.

По возвращеніи моемъ изъ отпуска въ Петербургъ, приказъ о назначеніи меня по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Депар-

таментѣ уже состоялся; я не поѣхалъ откланяться Валуеву, но слышалъ, что онъ обвинялъ меня въ неоткровенности съ нимъ.

Вступивъ въ мою новую должность, я имѣлъ много порученій; опишу одно изъ нихъ, чтобы охарактеризовать взяточническое направленіе того времени. Въ предписаніи ко мнѣ директора Артилерійскаго Департамента отъ 16-го Октября 1862 года за № 12953 сказано было слѣдующее: «По Высочайше утвержденному 2 го Сентября сего года положенію Военнаго Совѣта проданы купцу Фронштейну старыя ружья изъ разныхъ атилерійскихъ складовъ, въ томъ числѣ и изъ С.-Петербургскаго Арсенала, съ тѣмъ, чтобы эти ружья вывезены были изъ предѣловъ Россіи для продажи внѣ Европы за океаномъ. На этомъ основаніи Фронштейну отпущено за деньги изъ С.-Петербургскаго Арсенала до 57.680 экз. ружей, которыя нагружены имъ у Арсенала въ кронверкѣ на два судна для подвоза къ идущему въ море пароходу, который принимать будетъ грузъ на Васильеостровской пристани противъ 10-й линіи, или въ Кронштатѣ, смотря по состоянію воды. Для удостовѣренія въ точномъ исполненіи условій контракта относительно вывоза ружей изъ предѣловъ Россіи, Артилерійскій Департаментъ, по приказанію военнаго министра, предлагаетъ вамъ наблюсти за погрузкою въ С.-Петербургѣ или Кронштатѣ на мореходное судно отправляемаго отсюда за границу Фронштейномъ оружія и представить вѣдомость количеству тюковъ съ показаніемъ: сколько въ каждомъ уложено ружей и числа ящиковъ съ принадлежностями». Для исполненія мнѣ предписаннаго, я долженъ былъ ѣхать въ Кронштатъ и находился все время при перегрузкѣ проданныхъ ружей на три мореходные парохода, которые при мнѣ вышли въ море. Перегрузкой распоряжался какой-то прикащикъ Фронштейна, который по отплытіи пароходовъ подошелъ ко мнѣ и, подавая мнѣ сторублевую бумажку, объяснилъ, что хозяинъ проситъ меня принять эту благодарность за мои хлопоты и въ возмѣщеніе моихъ расходовъ по поѣздкѣ въ Кронштатъ. Я нисколько не разсердился, бумажки не взялъ, но просилъ его сказать мнѣ откровенно, за что онъ предлагаетъ мнѣ взятку? Моя обязанность заключалась только въ томъ, чтобы всѣ принятыя въ Арсеналѣ ружья были нагружены на мореходные пароходы и чтобы пароходы эти вышли въ море. Хозяинъ его исполнилъ эти условія въ точности; слѣдовательно, если бы я хотѣлъ даже, то не могъ бы ни въ чемъ его притѣснить. Какой же смыслъ имѣетъ предлагаемая имъ взятка? Видя мое равнодушіе и насмѣшливый тонъ, онъ очень сконфузился и заикаясь отвѣчалъ: «Какже-съ намъ не благодарить, отъ того мы и назначили мало, что въ точности исполнили контрактъ...» и затѣмъ мнѣ показалось, что онъ лѣзетъ въ карманъ, вѣроятно, за другой сторуб-

левкой. Тутъ я разсердился, крикнулъ на него и уѣхалъ *). Было и еще порученіе по исполненіи котораго мнѣ предлагали взятку, но не денежную, а въ видѣ завтрака съ Шампанскимъ. Я конечно отказался и уѣхалъ; но архитекторъ, которому было поручено вмѣстѣ со мной осмотрѣть строительные матеріалы, остался на завтракѣ. Сознаюсь откровенно, что служба при такихъ условіяхъ въ Артилерійскомъ Департаментѣ, завѣдывавшемъ хозяйственной частью артилеріи, мнѣ не нравилась. Чтобы нравственно отдохнуть, а также вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія моей жены, которой доктора совѣтовали Карлсбадскія и Франценбадскія минеральныя воды, я рѣшился поѣхать за границу. На тѣ же самыя воды и почти одновременно съ нами поѣхали помощникъ Баранцева генералъ-маіоръ Якимахъ, больной старикъ и отличный человѣкъ, и генералъ-адъютантъ Ефимовичъ, инспекторъ пороховыхъ заводовъ.

Съ Якимахомъ въ Карлсбадѣ и Франценбадѣ разыгрался престранный романъ. Одинъ изъ товарищей Якимаха генералъ-маіоръ К., управлявшій однимъ изъ пороховыхъ заводовъ, умеръ; вдова его, молодая, красивая и очень бойкая особа, должна была послѣ смерти мужа сдавать заводъ, что̀, въ то время, было дѣло не легкое, требовавшее значительной приплаты денегъ. Якимахъ, какъ товарищъ ея покойнаго мужа, принялъ въ ней участіе и какъ помощникъ Баранцева успѣлъ ей помочь сдать заводъ безъ приплаты. Она была такъ благодарна, что предложила Якимаху сопровождать его за границу и быть при немъ сестрой милосердія; но онъ на отрѣзъ ей отказалъ и, не зная иностранныхъ языковъ, взялъ съ собой Русскаго Нѣмца, который исполнялъ при немъ обязанности лакея и вмѣстѣ съ тѣмъ переводчика. Не смотря однакожъ на отказъ Якимаха, г-жа К.... поѣхала въ Карлсбадъ, остановилась съ нимъ въ одной гостинницѣ и преслѣдовала его своимъ вниманіемъ и своей любезностью до того, что Якимахъ не имѣлъ

---

*) Въ комиссаріатскомъ и провіантскомъ вѣдомствахъ безъ взятки нельзя было шага сдѣлать; отъ этого, въ особенности, страдали лица, сдававшія въ эти вѣдомства какое либо воинское имущество. Казначей гвардейской конной артилеріи князь В. В. Волконскій разсказывалъ мнѣ, что, по расформированіи гвардейской запасной конной батареи, ему пришлось сдавать нѣкоторое ея имущество въ комиссаріатскую коммиссію. Зная, что безъ взятки оно не будетъ принято, онъ поторговался съ пріемщикомъ, условился въ цифрѣ взятки и, разорвавъ кредитные билеты пополамъ, далъ ему условленную сумму половинками разорванныхъ билетовъ, а другія половинки обѣщалъ отдать по полученіи квитанціи. Князь Волконскій находилъ этотъ способъ обезпеченія въ исполненіи договореннаго условія наилучшимъ, такъ какъ половинки кредитныхъ билетовъ, находясь въ рукахъ разныхъ лицъ, не имѣли никакой стоимости, онѣ получали значеніе денежныхъ знаковъ только по переходѣ въ руки одного лица; слѣдовательно ни сдававшему, ни принимавшему не было никакого интереса нарушать условіе.

ни одной минуты покоя отъ нея. Едва онъ выходилъ изъ гостинницы гулять, К... уже ждала его и шла съ нимъ, куда бы онъ ни пошелъ; возвращался ли онъ въ свой номеръ, она являлась къ нему и всячески за нимъ ухаживала. Нерѣдко она входила къ нему въ комнату, не постучавшись въ дверь и не спросивъ, можетъ ли онъ ее принять. Помню былъ такой случай: Якимахъ, вслѣдствіе сильной жары, хотѣлъ перемѣнить бѣлье и въ то время, когда онъ былъ въ костюмѣ Адама, къ нему вошла К.... Конечно она сконфузилась, но тѣмъ не менѣе продолжала его посѣщать по прежнему.

Встрѣчая Якимаха постоянно съ К., я невольно подумалъ, что старый холостякъ ухаживаетъ за хорошенькой вдовой и что безъ свадьбы не обойдется. Я также былъ съ ней знакомъ еще при жизни ея мужа и даже пользовался ея расположеніемъ. Въ одинъ прекрасный день, мнѣ приносятъ отъ нея раздушенную записку, въ которой она, напоминая наше старое знакомство, проситъ ей помочь въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе двухъ лицъ, а съ однимъ изъ этихъ лицъ я нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ. Для переговоровъ объ этомъ она приглашаетъ меня тотчасъ же къ ней придти. Я конечно пошелъ. «Я васъ просила къ себѣ», сказала она, «потому что знаю ваше доброе сердце и вашу готовность помочь каждому къ вамъ обращающемуся; я увѣрена, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ.» Послѣ этого предисловія, она мнѣ разсказала слѣдующее. Когда умеръ ея мужъ, она обратилась къ Якимаху, который оказалъ ей большія услуги; но она поняла, что дѣйствія Якимаха были не безкорыстны, что онъ заботился о ней потому, что любовь запала въ его сердце, и дѣйствительно, не прошло полугода, какъ онъ просилъ ея руки, но потеря мужа была еще такъ свѣжа въ ея памяти, что она не рѣшилась отвѣчать согласіемъ на его предложеніе. Послѣ этого прошелъ годъ, сердце ея успокоилось, она поняла, что она не можетъ быть несчастлива, имѣя мужемъ такого прекраснаго человѣка, какъ Якимахъ; въ ней зародилась къ нему симпатія, и она рѣшилась сама предложить ему свою руку; но Якимахъ, оскорбленный ея первымъ отказомъ, теперь отказывается отъ нея. «Я вижу», сказала она, «какъ онъ страдаетъ отъ этой борьбы любви съ самолюбіемъ, но сдѣлать ничего не могу; вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, постарайтесь его убѣдить, что я его люблю и съумѣю сдѣлать его счастливымъ; устройте нашу свадьбу, и я буду вѣкъ вамъ благодарна». Я обѣщалъ ей тотчасъ же отправиться къ Якимаху и заранѣе поздравилъ ее невѣстой, такъ какъ былъ увѣренъ, что чувство любви не можетъ не взять верхъ надъ самолюбіемъ. Но едва я передалъ Якимаху все мной слышанное

отъ К...., съ нимъ сдѣлалось что-то въ родѣ нервнаго припадка. «Никогда я не думалъ дѣлать ей предложенія. Я слишкомъ старъ, чтобы жениться», сказалъ онъ въ волненіи; «она и въ Петербургѣ, и за границей до такой степени надоѣдаетъ мнѣ своею любовью, что лѣченіе идетъ не въ прокъ. Передайте ей», прибавилъ онъ, «что если она меня дѣйствительно любитъ, то пусть она уѣдетъ отсюда и дастъ мнѣ возможность лѣчиться; если же она не уѣдетъ, то я уѣду». Пораженный этимъ отвѣтомъ Якимаха, я передалъ его въ смягченной формѣ К....ой. «Вотъ видите», сказала она, «до чего этотъ человѣкъ самолюбивъ; онъ не хочетъ даже сознаться, что онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе; но я его люблю и знаю мой долгъ; онъ можетъ говорить что хочетъ, но я его не оставлю одного, на попеченіи лакея». Черезъ два дня послѣ этого, мы уѣхали съ Якимахомъ въ Франценбадъ; онъ былъ очень счастливъ, что избавился отъ К....; но не прошло трехъ дней, какъ К.... явилась въ Франценбадъ и наняла квартиру рядомъ съ домомъ, гдѣ онъ жилъ. Возобновивъ свои преслѣдованія, она довела старика до того, что онъ заболѣлъ разстройствомъ нервъ, пересталъ ходить въ паркъ, чтобы съ ней не встрѣчаться и не велѣлъ лакею пускать ее къ себѣ. Якимаха лѣчилъ докторъ Мейсль, который бывалъ и у К.... Разсказавъ доктору туже исторію, какъ и мнѣ, она просила его подѣйствовать на Якимаха своимъ докторскимъ вліяніемъ, увѣривъ его, что женитьба будетъ для него наилучшимъ лѣкарствомъ. При первыхъ словахъ доктора, Якимахъ такъ взволновался, что просилъ его прекратить разговоръ о К...., о которой онъ не хотѣлъ ничего слышать. Мейсль лѣчилъ также мою жену; разсказывая намъ о странной настойчивости К..., онъ удивлялся, какимъ образомъ она могла влюбиться въ больнаго старика. По моему же мнѣнію, въ ней не было ни малѣйшей привязанности къ Якимаху; она дѣйствовала по одному разсчету: зная, что Якимахъ имѣетъ хорошее состояніе и что онъ не долговѣченъ, она думала выходомъ за него замужъ поправить свои дѣла, которыя были совершенно разстроены. Неуспѣхъ доктора не остановилъ ея преслѣдованій; она отыскала какого-то ксендза, который согласился обвѣнчать ее съ Якимахомъ по католическому обряду, въ виду того, что въ Франценбадѣ не было православнаго священника. По просьбѣ ея ксендзъ отправился съ этимъ предложеніемъ къ Якимаху. Тутъ переполнилась чаша страданій бѣднаго старика: онъ уѣхалъ въ тотъ же день изъ Франценбада и чтобы скрыть отъ К.... направленіе, которое онъ принялъ, онъ поѣхалъ въ противоположную сторону. Впослѣдствіи мы встрѣтились съ нимъ въ Висбаденѣ въ Русской церкви; онъ говорилъ съ особенчымъ удовольствіемъ, что наконецъ-то избавился отъ К....; но каково было наше удивленіе, когда, въ концѣ обѣдни, въ церковь вошла К..... Увидѣвъ

Якимаха, она подошла къ нему съ особенной развязностью и выражала удовольствіе, что наконецъ-то его нашла. Якимахъ вышелъ изъ церкви и когда я заѣхалъ къ нему послѣ обѣдни въ гостинницу, мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ на желѣзную дорогу. Послѣ этого мы не встрѣчались болѣе за границей, ни съ Якимахомъ, ни съ К....; но по возвращеніи въ Петербургъ, Якимахъ мнѣ разсказалъ конецъ его исторіи съ К.... Она вернулась въ Петербургъ ранѣе его возвращенія изъ за границы и, отправившись къ Баранцеву, объявила, что Якимахъ на ней женится и поручилъ ей устроить казенную квартиру, которую онъ занимаетъ, для ихъ будущей семейной жизни, а потому просила Баранцева приказать отдать ей ключи отъ квартиры. Баранцевъ конечно исполнилъ бы ея просьбу, если бы вернувшійся изъ за границы Ефимовичъ не разсказалъ ему о всѣхъ похожденіяхъ К.... Баранцевъ ей отвѣчалъ, что безъ письменнаго разрѣшенія Якимаха, она ключей получить не можетъ. Наконецъ возвратился и Якимахъ; первымъ его приказаніемъ денщику было не пускать къ нему К....; но она имѣла нахальство вступить въ драку съ деньщикомъ и ворвалась насильно къ Якимаху въ кабинетъ. Тутъ Якимахъ уже не поцеремонился, велѣлъ вѣстовымъ вывесть ее за дверь и объявилъ, что, если она еще разъ вернется, то онъ пошлетъ за полиціей и будетъ просить посадить ее въ сумашедшій домъ. Что̀ стало съ ней послѣ этого, я не знаю; былъ слухъ, что, имѣя хорошій голосъ, она ѣздила по губернскимъ городамъ и давала концерты *).

Въ эту поѣздку за границу мы выѣхали съ женой изъ Петербурга въ Іюнѣ мѣсяцѣ, когда Польское возстаніе было въ полномъ разгарѣ и когда появились банды въ нашихъ Литовскихъ губерніяхъ. Отъ Петербурга до Вильны мы доѣхали спокойно; но отъ Вильны со всѣми поѣздами отправляли караулы солдатъ съ заряженными ружьями въ отдѣльныхъ открытыхъ вагонахъ, а ночью по сторонамъ дороги горѣли костры, стояли часовые и ходили патрули; мѣры эти принимались для отраженія Польскихъ бандъ, которыя иногда нападали на поѣзда́. По пріѣздѣ нашемъ въ Вильну, разсказывали, что поѣздъ, шедшій изъ Варшавы, имѣлъ перестрѣлку съ повстанцами. Такое путешествіе имѣло для меня интересъ, но жена моя ужасно боялась и всю ночь не могла заснуть. На одной изъ станцій я видѣлъ небольшой отрядъ пѣхоты, который, преслѣдуя банду, разбилъ ее и только что вернулся изъ своей экспедиціи; у нѣкоторыхъ солдатъ въ рукахъ были

*) Живя это лѣто въ деревнѣ въ Харьковской губерніи, я случайно встрѣтилъ одного знакомаго К....ой, который мнѣ сказалъ, что она находится въ сумашедшемъ домѣ.

отбитыя ими косы, а на головѣ одного солдатика красовалась конфедератка, возбуждавшая общее любопытство и смѣхъ. Желая разсмотрѣть хорошенько косу (оружіе повстанцевъ, о которомъ немало писали иностранные журналы), я взялъ ее изъ рукъ одного солдата; она была довольно тяжела и вовсе не похожа на обыкновенную косу: это былъ толстый, продолговатый кусокъ желѣза, нѣсколько отточенный съ одной стороны и насаженый на деревянную рукоятку подъ очень тупымъ угломъ; при такой формѣ оружія было довольно трудно наносить имъ удары противнику.

Переѣхавъ границу въ Вержболовѣ, мы пересѣли на Прусскій поѣздъ въ Эйдкуненѣ; таможенный осмотръ продолжался не болѣе четверти часа: насъ просили открыть чемоданы, но вовсе ихъ не осматривали. Мы заняли отдѣленіе вагона, состоявшее изъ 8 мѣстъ; въ тоже отдѣленіе сѣли трое: какой-то учитель Французскаго языка изъ Петербурга, его жена и сынъ. Черезъ нѣсколько станцій къ намъ вошелъ ксендзъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ; сначала онъ занялъ мѣсто рядомъ съ женой Французскаго учителя; но, увидавъ мою военную шинель, которую я надѣлъ на штатское платье (такъ какъ было довольно холодно), онъ быстро пересѣлъ ко мнѣ и обратился съ какимъ-то вопросомъ на Польскомъ языкѣ. Жена моя, сидѣвшая противъ меня, зная ненависть Поляковъ къ Русскимъ офицерамъ, заподозрила его въ какомъ-нибудь дурномъ намѣреніи и со страхомъ на него смотрѣла. Я отвѣчалъ ему по-французски, что я не знаю Польскаго языка; тогда онъ сталъ разсказывать по-нѣмецки что-то о Варшавѣ, въ которой онъ жилъ долгое время и о Русскихъ офицерахъ, съ которыми былъ знакомъ. Жена, слѣдившая за нимъ все время, замѣтила, что онъ во время разсказа порывисто опустилъ руку въ боковой карманъ, вынулъ оттуда что-то и поднесъ ко мнѣ. Убѣжденная, что это былъ револьверъ, она вскрикнула и вскочила съ своего мѣста; Француженка, не зная въ чемъ дѣло, тоже закричала; а учитель и сынъ его, удивленно посматривая на всѣхъ, встали, чтобы оказать помощь, но кому и въ чемъ—не знали. Сцена вышла очень комичная. Оказалось, что ксендзъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ любезность: онъ вынулъ изъ кармана табатерку и предложилъ мнѣ понюхать изъ нея. Во время этого переполоха поѣздъ подошелъ къ станціи; жена заявила оберъ-кондуктору, что у насъ сидитъ пьяный ксендзъ; его взяли въ другой вагонъ, а къ намъ посадили какого-то очень порядочнаго молодаго человѣка, съ которымъ я вскорѣ разговорился: это былъ Познанскій помѣщикъ, владѣвшій имѣніемъ на границѣ съ Россіей. Онъ разсказывалъ, что Польскій народный ржондъ, засѣдающій въ Варшавѣ,

обложилъ налогомъ всѣхъ Познанскихъ помѣщиковъ и посылаетъ своихъ агентовъ для сбора его; помѣщики не рѣшаются отказывать въ платежѣ, такъ какъ былъ случай, что одинъ помѣщикъ, не заплатившій налога и арестовавшій агента, былъ найденъ въ полѣ убитымъ съ плакатомъ на груди, на которомъ было написано *«измѣнникъ»*. По его словамъ Польское возстаніе въ Россіи пользуется въ Познани сочувствіемъ только одной шляхты; помѣщики же и крестьяне не только относятся къ нему холодно, но даже тяготятся имъ и очень радуются, когда Прусскія войска обезоруживаютъ повстанцевъ, переходящихъ изъ Россіи въ Прусскія владѣнія. Польша, прибавилъ онъ, должна искать свое спасеніе не въ физической, а въ нравственной силѣ, передъ которой безсильны штыки; Россія можетъ быть и готова была бы возстановить Варшавское герцогство, но ей не дозволятъ этого сдѣлать Австрія и Пруссія; бороться же съ тремя сильнѣйшими военными государствами въ мірѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, Польша, конечно, не можетъ; но подчинить ихъ своему нравственному вліянію, при ея народномъ геніѣ, для нея не только возможно, но составляетъ не болѣе какъ вопросъ времени. Согласиться съ такимъ высокимъ мнѣніемъ о Польшѣ Польскаго помѣщика конечно нельзя было; по крайней мѣрѣ исторія Польши его не подтверждаетъ.

Во Франкфутъ на Одерѣ мы пріѣхали вечеромъ. Чтобы можно было ночью спокойно заснуть, я просилъ кондуктора помѣстить меня съ женой въ отдѣльный купе, чтò тотъ и исполнилъ, получивъ за это талеръ. Подъ утро, когда мы спали самымъ сладкимъ сномъ, мы почувствовали такой толчекъ, отъ котораго я чуть не свалился съ дивана; послѣ толчка поѣздъ уменьшилъ ходъ и вскорѣ остановился. Оказалось, что какая-то веселая компанія Нѣмцевъ возвращалась съ увеселительной прогулки въ большой фурѣ; всѣ дремали; дорога, по которой они ѣхали, пересѣкала рельсовый путь; шлагбаумъ не былъ опущенъ и въ то время когда они въѣхали на полотно дороги, на нихъ наскочилъ нашъ поѣздъ, разбилъ въ дребезги фуру и разбросалъ людей. Кондукторъ мнѣ сказалъ, что убитыхъ было пять человѣкъ; но, по пріѣздѣ нашемъ въ Берлинъ, тотъ же самый кондукторъ, разсказывая при мнѣ какому-то желѣзнодорожному служащему объ этомъ случаѣ, увѣрялъ, что убито было 10 человѣкъ, между тѣмъ какъ фура была запряжена въ одну лошадь и едва ли въ ней могло помѣститься болѣе шести человѣкъ. Видно, стремленіе преувеличивать кроется въ человѣческой натурѣ независимо отъ національности. Нѣмецъ, какъ Русскій, Французъ, какъ Англичанинъ,—всѣ способны говорить неправду, не ради какой либо цѣли, а такъ... чтобы произвести, вѣро-

ятно, болѣе сильное впечатлѣніе на слушающаго. На другой день, въ Берлинскихъ газетахъ было напечатано, что убитъ былъ одинъ человѣкъ, а двое получили увѣчья, лошадь же осталась цѣла.

Въ Берлинѣ мы пробыли три дня. Здѣсь я встрѣтилъ Ольгу С..., о которой говорилъ въ моихъ Воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ: «*Двѣнадцать лѣтъ молодости*». Она мнѣ сказала, что окончательно разошлась съ своимъ мужемъ и просила, по возвращеніи въ Россію, взять въ мое завѣдываніе ея имѣніе Ярославской губерніи и, если можно, то его продать. Я обѣщалъ исполнить ея просьбу.

Изъ Берлина мы отправились въ Карлсбадъ, гдѣ были уже Якимахъ и г-жа К... Выше я описалъ исторію, которая между ними разыгралась. Въ бытность нашу въ Карлсбадѣ, туда пріѣхалъ Прусскій король (впослѣдствіи Германскій императоръ) Вильгельмъ I-й съ своимъ министромъ Бисмаркомъ. Помню, что, на другой день послѣ ихъ пріѣзда, мы пошли съ женой, какъ дѣлали это каждый день, пить утренній чай въ Hôtel de Saxe и сѣли за столикъ въ паркѣ противъ этого ресторана; публики было немного. Видимъ мы, что идутъ два очень высокіе ростомъ господина, одинъ сѣдой съ военной осанкой, въ круглой черной шляпѣ, а другой въ сѣрой шляпѣ; проходя мимо насъ, сѣдой господинъ очень вѣжливо приподнялъ шляпу и намъ поклонился, а его спутникъ, не кланяясь, бросилъ на меня строгій взглядъ; на поклонъ я отвѣчалъ, конечно, поклономъ и увидалъ, что всѣ пившіе чай и кофе, при приближеніи ихъ, вставали и снимали шляпы; это были король Вильгельмъ I-й и Бисмаркъ, которыхъ до этого времени я никогда не видалъ.

Въ Карлсбадъ съѣхалось очень много Поляковъ, и нашъ Французскій посланникъ герцогъ Грамонъ, который почти ежедневно сходился съ Поляками въ одномъ ресторанѣ въ горахъ и велъ разговоры о дипломатическомъ заступничествѣ Наполеона III-го за Польшу; тутъ разсказывались разныя небылицы о страданіяхъ, которымъ Россія будто бы подвергаетъ Поляковъ, и Грамонъ, придавая имъ вѣру, выражалъ свое сочувствіе и обѣщалъ (не знаю, по собственной ли иниціативѣ, или по порученію своего правительства), что дипломатическое заступничество Наполеона III-го будетъ поддержано Французскимъ оружіемъ. Такъ можетъ быть и случилось бы, если бы Англія не отказалась слѣдовать за Наполеономъ. Совѣщанія Поляковъ съ Грамономъ въ ресторанѣ происходили обыкновенно поздно вечеромъ; Русскіе, бывшіе въ Карлсбадѣ, не ходили въ этотъ ресторанъ.

Изъ Карлсбада мы поѣхали въ Франценбадъ, а изъ Франценбада моя жена, по совѣту докторовъ, должна была ѣхать на морскія купанья, но куда именно?—вопросъ этотъ мы оставили нерѣшеннымъ до Парижа. Въ Парижѣ мы встрѣтили извѣстнаго Московскаго доктора Варвинскаго со всѣмъ его семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей, и по совѣту его отправились всѣ вмѣстѣ въ Нормандію въ небольшой городокъ *Luc sur mer*, находившійся на берегу Атлантическаго океана. Сначала время шло довольно пріятно; наше общество въ особенности оживляла Варвинская молодая и веселая женщина, жившая нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и воспитывавшая тамъ своихъ дочерей. Кромѣ насъ никого Русскихъ не было; мы садились обыкновенно обѣдать за отдѣльный столъ, и смѣхъ, возбуждаемый разными разсказами Варвинской, не прекращался ни на минуту. Французы, сидѣвшіе за общимъ столомъ, обратили, наконецъ, на насъ вниманіе и были такъ деликатны, что, браня Русское правительство за притѣсненіе Поляковъ, они старались говорить въ полголоса, такъ чтобы мы не слыхали. Вскорѣ я познакомился и очень сошелся съ однимъ Французомъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ, по профессіи адвокатомъ; фамилія его была *Courcy*. Встрѣчаясь съ нимъ почти ежедневно на берегу океана во время морскихъ купаній, я не рѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о политикѣ, которая меня очень интересовала. Говоря о положеніи, въ которомъ находилась въ то время Франція, Курси увѣрялъ, что вся Наполеоновская администрація составлена изъ лакеевъ, лично ему служащихъ, но мало заботящихся о благѣ государства, что деморализація охватила всю страну, что подкупъ и казнокрадство получили общее распространеніе, вслѣдствіе чего всѣ честные люди вынуждены молчать и держаться въ сторонѣ, чтобы избѣжать административныхъ преслѣдованій. При такой системѣ, по мнѣнію Курси, Наполеонъ не могъ долго держаться; ему должны вырыть яму не тѣ, которыхъ онъ преслѣдовалъ, а тѣ, которыхъ онъ считалъ своими друзьями. Для уясненія этой развращающей системы, онъ мнѣ разсказалъ случай, бывшій въ Тулузѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ. Одинъ богатый помѣщикъ, пользовавшійся нѣкоторымъ вліяніемъ на жителей той мѣстности, гдѣ было его имѣніе, поѣхалъ въ Парижъ и явился въ какомъ-то общественномъ собраніи съ красной ленточкой Почетнаго Легіона въ петличкѣ, между тѣмъ какъ онъ вовсе не имѣлъ этого ордена. Тулузскій префектъ узналъ объ этомъ и, по возвращеніи помѣщика изъ Парижа, пригласилъ его къ себѣ и объявилъ, что онъ подлежитъ суду за ношеніе ордена, котораго не имѣетъ, но что онъ, префектъ, готовъ не возбуждать противъ него дѣла, если онъ примкнетъ въ Законодательномъ Корпусѣ (Corps Légis-

latif) къ правительственной партіи и откажется отъ своей опозиціи Наполеону; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, префектъ обѣщалъ даже дать ему орденъ Почетнаго Легіона, чтобы онъ могъ носить его не самовольно, а по праву. Помѣщикъ подумалъ и изъ легитимиста сдѣлался бонапартистомъ. Выборы въ Законодательный Корпусъ, въ которомъ было въ то время всего девять депутатовъ, принадлежавшихъ къ опозиціи, представляли комедію очень искусно разыгрываемую префектами и ихъ агентами. Не было ухищреній, къ которымъ не прибѣгала бы администрація, чтобы дать перевѣсъ на выборахъ правительственнымъ кандидатамъ; употреблялись и подкупы, и застращиванія, а иногда возбуждались судебныя преслѣдованія противъ опозиціонныхъ кандидатовъ, чтобы уронить ихъ во мнѣніи избирателей и лишить электоральныхъ правъ; такъ одинъ опозиціонный депутатъ былъ преданъ суду за подлогъ векселя, выданнаго ему другимъ лицемъ, между тѣмъ какъ подлогъ сдѣлалъ не депутатъ, а лицо, которое выдало вексель и которое было агентомъ полиціи. Вообще, не было такихъ безнравственныхъ дѣйствій, къ которымъ не прибѣгала бы администрація, чтобы угодить Наполеону и поддержать его *régime*. Если такая правительственная система держалась во Франціи довольно долго, то съ одной стороны потому, что блескъ военной славы и первенствующій голосъ Франціи въ Европейской дипломатіи льстили Французскому тщеславію, а съ другой стороны потому, что Наполеонъ умѣлъ къ себѣ привлечь симпатіи низшихъ сословій, давая имъ громадные заработки; одна перестройка Гаусманомъ Парижа стóила около миліарда; затѣмъ шоссированіе всѣхъ проселочныхъ дорогъ поглотило вѣроятно еще бóльшую сумму. Но по законамъ, которыми управляется вселенная, никакое зло не можетъ вести къ благу; послѣдовалъ Седанскій погромъ, и Франціи пришлось дорого заплатить за мишурный блескъ Наполеоновскаго царствованія.

Luc sur mer находится въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города Канъ, который былъ столицей Нормандіи во время владычества Англичанъ; но въ настоящее время главнымъ городомъ Нормандіи считается Руанъ. Нормандцы славятся съ одной стороны честностью, а съ другой—грубостью. Относительно первой я ничего не могу сказать въ подтвержденіе; что относится же до грубости Нормандской прислуги въ Luc sur mer, я могу привести разительные примѣры. Въ одной гостинницѣ съ нами жила очень болѣзненная Француженка; у ея окна висѣлъ колоколъ, звономъ въ который собирали всѣхъ къ завтраку и къ обѣду. При ея разстроенныхъ нервахъ, неожиданно раздававшійся звонъ колокола у ея окна производилъ на нее потрясающее дѣйствіе;

иногда у нея дѣлался сильный нервный припадокъ; она умоляла хозяина гостинницы, или перевести ее въ другой номеръ подалѣе отъ колокола, или приказать прислугѣ предупреждать ее передъ тѣмъ, какъ начнутъ звонить. Оказалось, что другаго номера не было, но просьба ея объ извѣщеніи о звонѣ въ колоколъ была исполнена хозяиномъ; прислуга каждый разъ предупреждала ее о часахъ завтрака и обѣда, въ которые звонятъ, но въ тоже время она находила особенное удовольствіе ударять въ колоколъ въ другіе часы дня. Больная конечно вздрагивала, иногда вскрикивала, а у окна ея раздавался громкій хохотъ прислуги. Кончилось тѣмъ, что эта несчастная женщина вскорѣ совсѣмъ уѣхала изъ Luc sur mer, такъ какъ другой сколько нибудь порядочной гостинницы не было. У моей жены было также столкновеніе съ прислугой; произошло это слѣдующимъ образомъ. Помѣстившись въ гостинницѣ, жена условилась съ хозяиномъ, что вмѣсто завтрака за общимъ столомъ въ 10 часовъ, ей должны приносить каждый день въ 12 часовъ въ ея номеръ чашку говяжаго бульона. Сначала горничная приносила аккуратно условленный бульонъ, но потомъ она стала опаздывать, и мнѣ приходилось ей напоминать; наконецъ, въ одинъ прекрасный день, она принесла сквернѣйшій бульонъ изъ баранины, отъ котораго жена заболѣла. Я пошелъ къ хозяину гостинницы и объяснилъ ему, что если онъ не приметъ мѣръ, чтобы жена моя аккуратно получала обѣщанный ей говяжій бульонъ, то мы вынуждены будемъ уѣхать изъ его гостинницы. Онъ очень извинялся и обѣщалъ, что случая этого не повторится. На другой день послѣ этого разговора, горничная приноситъ женѣ чашу бульона. Жена спрашиваетъ, какой это бульонъ? Горничная съ насмѣшкой на лицѣ отвѣчаетъ, что бульонъ приготовленъ изъ баранины. При этомъ отвѣтѣ я страшно разсердился и снова пошелъ къ хозяину гостинницы, но тотъ далъ мнѣ честное слово, что въ этотъ день въ гостинницѣ вовсе нѣтъ бараньяго мяса и чтобы убѣдиться въ этомъ просилъ меня пойти съ нимъ въ кухню. На вопросъ мой повару, какой бульонъ онъ послалъ моей женѣ, онъ отвѣчалъ—*говяжій*. Я просилъ хозяина позвать горничную и спросить ее, отчего она сказала моей женѣ, что бульонъ былъ изъ баранины, тогда какъ онъ изъ говядины. Горничная, при этомъ вопросѣ, расхохоталась и очень наивно отвѣчала: «J'ai voulu fâcher un peu madame» (Я хотѣла немного посердить барыню). Разскажу еще случай. На берегу океана былъ построенъ сарай, въ которомъ хранились стулья, которыя раздавала въ наемъ молодая 16-ти лѣтняя дѣвушка лицамъ, желавшимъ сидѣть на берегу моря. Я и жена абонировали себѣ два стула по 2 франка въ недѣлю. Когда мы сидѣли одинъ разъ на этихъ стульяхъ, къ намъ подошла Варвинская; я всталъ

и уступилъ ей мое мѣсто. Только что хранительница стульевъ увидала, что на моемъ мѣстѣ сидитъ Варвинская, она подбѣжала, схватила рукой за спинку стула и грубо сказала Варвинской, чтобы она встала, такъ какъ она не имѣетъ права сидѣть на стулѣ, абонированномъ другимъ лицемъ; если же хочетъ сидѣть, то можетъ сама себѣ нанять стулъ; при этомъ начала тащить его изъ подъ нея. Такая дерзкая выходка и много другихъ подобныхъ ей побудили меня, Курси и нѣкоторыхъ другихъ пріѣхавшихъ на морскія купанья, заявить колективную жалобу антрепренеру, завѣдывавшему купаньями, прося его перемѣнить составъ прислуги, ради спокойствія больныхъ, пріѣхавшихъ лѣчиться; но антрепренеръ ничего не сдѣлалъ и откровенно намъ сказалъ, что во всей Нормандіи нѣтъ людей лучше тѣхъ, которые имъ наняты. Въ паралель съ грубостью прислуги, я долженъ отмѣтить и такой фактъ, который говоритъ въ ея пользу: горничная, которая хотѣла посердить мою жену, какъ она сама выразилась, провожала насъ со слезами и на прощанье принесла женѣ букетъ цвѣтовъ.

Варвинская не долго осталась въ Luc sur mer; она поѣхала въ Трувиль, самое веселое мѣсто для морскихъ купаній, куда, въ то время, съѣзжался весь Парижъ, ищущій удовольствія и весь Парижскій полусвѣтъ. Мы же прожили въ Luc sur mer около мѣсяца и уѣхали въ Парижъ, а изъ Парижа направились въ обратный путь черезъ Вѣну. Вѣна мнѣ чрезвычайно понравилась; нигдѣ я не видалъ столько хорошенькихъ женщинъ, какъ въ Вѣнѣ; по оживленію и характеру жителей она похожа болѣе на Парижъ, чѣмъ какой либо другой городъ. Бывши въ Вѣнѣ, мы поѣхали съ женой въ какой-то балетъ, о которомъ прокричали всѣ журналы. Дѣйствительно обстановка и декораціи были великолѣпныя, но меня болѣе всего поразилъ коръ-де-балетъ, въ которомъ не было ни одной танцовщицы, которую можно было назвать хорошенькой: всѣ были красавицы въ полной мѣрѣ. Пробывъ въ Вѣнѣ около недѣли, мы вернулись въ Петербургъ.

VII.

Черезъ два года по назначеніи меня по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Департаментѣ, этотъ послѣдній соединили съ штабомъ генералъ-фельдцейхмейстера въ одно учрежденіе, подъ названіемъ *Главное Артилерійское Управленіе*, при чемъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ, состоящихъ по особымъ порученіямъ при департаментѣ, долженъ былъ остаться за штатомъ. Я думалъ, что найдутъ лишнимъ меня, такъ какъ я всегда держалъ себя далеко отъ начальства и никогда и

ни въ чемъ ему не угождалъ; но оказалось, что оставленъ былъ за штатомъ другой штабъ-офицеръ Безсоновъ, а я былъ назначенъ по особымъ порученіямъ при Главномъ Артилерійскомъ Управленіи. Здѣсь характеръ порученій, которыя мнѣ давали, былъ совершенно другой.

На первый случай меня назначили въ экзаменаціонную коммиссію, въ которой держали экзаменъ фейерверкеры, производимые въ офицеры. Затѣмъ, по приказанію военнаго министра, я былъ назначенъ членомъ двухъ комитетовъ: одного по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства подъ предсѣдательствомъ начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Исакова; а другаго—по пересмотру постановленій о правахъ и преимуществахъ нестроевыхъ унтеръ-офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ директора Канцеляріи Военнаго Министерства, генералъ-адъютанта Кауфмана. Занятія мои въ этихъ комитетахъ продолжались довольно долго и имѣли для меня немалый интересъ. Чтобы сознательно обсуждать всѣ возбуждаемые въ комитетахъ вопросы, я къ нимъ готовился, знакомясь со всѣми существующими положеніями и статистическими данными; но особенное стараніе я приложилъ къ изученію педагогическихъ вопросовъ, которыхъ касался комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Исакова. Я читалъ все что̀ писалось въ то время по части воспитанія, полюбилъ его, и мнѣ казалось, что нѣтъ почтеннѣе и благороднѣе дѣятельности, какъ дѣятельность воспитательная. Знакомясь болѣе и болѣе со взглядами и направленіемъ генерала Исакова и другихъ членовъ комитета, служившихъ большею частію въ военноучебномъ вѣдомствѣ, я невольно пришелъ къ мысли оставить службу въ артилеріи и перейти въ Военно-учебныя заведенія. Желаніе мое вскорѣ исполнилось; но прежде чѣмъ говорить о томъ, я скажу нѣсколько словъ о дѣятельности помянутыхъ комитетовъ.

Училища военнаго вѣдомства, въ которыя принимались дѣти лицъ всѣхъ сословій, имѣли своимъ назначеніемъ выпускать своихъ воспитанниковъ, по окончаніи ими курса, писарями въ войска, съ обязательствомъ прослужить 12 лѣтъ до производства въ офицерскій или классный чинъ. Училища состояли изъ четырехъ классовъ. Курсъ въ нихъ былъ такъ великъ, что только наиболѣе способные мальчики могли окончить его съ успѣхомъ; громадное же большинство, учась многому, знало очень немного (такъ всегда бываетъ), вслѣдствіе чего въ войскахъ были недовольны писарями; а писаря, изъ которыхъ большая часть принадлежала къ дворянскому сословію, были еще менѣе довольны служить въ этой должности 12 лѣтъ безъ права производства и безъ права отставки. До какой степени развитые воспитанники старшаго класса

были недовольны ожидавшей ихъ писарской карьерой, можно видѣть изъ случая, бывшаго въ С.-Петербургскомъ училищѣ военнаго вѣдомства и разсказаннаго мнѣ начальникомъ его, полковникомъ Носовичемъ. Одинъ изъ лучшихъ по поведенію и успѣхамъ воспитанниковъ пришелъ къ нему, предъ окончаніемъ курса, и просилъ уволить его изъ заведенія по его личной просьбѣ; (родителей же, которые бы могли объ этомъ просить, у него не было) если же, сказалъ онъ, просьба его не можетъ быть исполнена, то онъ сдѣлаетъ такой проступокъ, за который должны будутъ выгнать его изъ заведенія. И дѣйствительно, на другой же день онъ сдѣлалъ дерзость учителю, ушелъ изъ заведенія, пропадалъ два дня и достигъ своей цѣли—исключенія изъ училища, которое онъ счелъ за высшую себѣ награду. Точно также дѣйствовали и многіе другіе воспитанники, имѣвшіе родителей: они умоляли этихъ послѣднихъ не оставлять ихъ въ училищахъ до окончанія курса и, переходя въ послѣдній классъ, бросали учиться. Такое ненормальное положеніе училищъ не могло не обратить на себя вниманія военнаго министра; онъ ихъ передалъ въ вѣдѣніе начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Исакова, подъ предсѣдательствомъ котораго составленъ былъ комитетъ для ихъ преобразованія. Одновременно съ преобразованіемъ училищъ, необходимо было улучшить положеніе писарей, и съ этой цѣлью учрежденъ былъ другой комитетъ, о которомъ я уже говорилъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана. Въ первыхъ же засѣданіяхъ обоихъ Комитетовъ мной сдѣланы были предложенія, изложенныя письменно: въ комитетѣ Кауфмана я указалъ, что 12-ти лѣтній срокъ службы въ писарской должности за полученное образованіе въ училищахъ военнаго вѣдомства слишкомъ продолжителенъ; что справедливость требуетъ значительно его сократить и, опираясь на цифры стоимости этого образованія и стоимости содержанія казеннаго писаря, я старался доказать, что за одинъ годъ воспитанія въ училищѣ слѣдуетъ назначить никакъ не болѣе 1½ года обязательной службы въ войскахъ. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ комитетъ согласился. Въ комитетѣ Исакова я также сдѣлалъ предложеніе, но согласія на него комитета не послѣдовало. Текстъ моего предложенія былъ слѣдующій.

«Настоящее положеніе училищъ военнаго вѣдомства неудовлетворительно: писаря, выпускаемые въ войска, не только безграмотны, но и въ нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже писарей, формируемыхъ войсками; кондукторы, чертежники, топографы, фельдшера получаютъ въ училищахъ самую слабую подготовку къ прохожденію своихъ спеціальныхъ предметовъ; педагогическая часть находится въ рукахъ лицъ, не только мало свѣдущихъ, но и не имѣющихъ никакого

спеціальнаго по этой части образованія. Всѣ эти недостатки требуютъ, по мнѣнію вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, кореннаго преобразованія училищъ, или ихъ уничтоженія.

Комитетъ, учрежденный въ прошломъ году для улучшенія положенія нестроевыхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія, обсуживая служебное положеніе писарей, положилъ оставить на обязанности училищъ военнаго вѣдомства комплектованіе писарями только штабовъ и управленій Военнаго Министерства; войскамъ же предоставилъ формировать себѣ писарей изъ нижнихъ чиновъ строеваго состава. На предъявленное мною и другимъ членомъ комитета мнѣніе замѣнить обязанныхъ писарей наемными, комитетъ, не отрицая достоинствъ наемныхъ писарей, выразилъ однакожъ опасеніе, чтобы, при маломъ распространеніи у насъ грамотности въ низшихъ слояхъ общества, не встрѣтился недостатокъ въ лицахъ, желающихъ занять мѣста писарей и подходящихъ подъ бюджетныя условія Военнаго Министерства; а потому онъ съ мнѣніемъ нашимъ не согласился и положилъ писарей, выпускаемыхъ изъ училищъ военнаго вѣдомства, обязать 6-ти лѣтней службой за воспитаніе, которое они получаютъ въ четырехъ классахъ училищъ.

Такое постановленіе комитета имѣетъ чрезмѣрную важность для училищъ военнаго вѣдомства; оно обусловливаетъ ихъ существованіе и опредѣляетъ рамки, въ которыя училища должны быть замкнуты. Но какъ постановленіе это не утверждено еще высочайшей властью, то оно не должно имѣть для насъ обязательнаго значенія; оно можетъ быть взято только въ соображеніе, а никакъ не въ руководство для основанія сужденій о необходимости существованія училищъ военнаго вѣдомства.

Училища военнаго вѣдомства имѣютъ въ настоящее время по штату 6950 воспитанниковъ, на воспитаніе и содержаніе которыхъ расходуется ежегодно милліонъ рублей, не считая въ томъ числѣ даровыхъ помѣщеній, которыя имѣютъ училища въ казенныхъ зданіяхъ. Какъ ни громадна эта цифра, она оказывается однакожъ недостаточной, такъ что дурное состояніе училищъ приписывается, какъ видно изъ отчета начальника военно-учебныхъ заведеній, ограниченности денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе училищъ. Хотя при предположенномъ назначеніи училищъ—комплектовать писарями только штабы и управленія, штатъ воспитанниковъ долженъ уменьшиться до 4000 или 4500 мальчиковъ; но, имѣя въ виду необходимость увеличить содержаніе служащихъ въ училищахъ и улучшить какъ учебную, такъ и педагогическую обстановку, а также въ виду признанной недостаточности средствъ при прежнемъ положеніи, расходы на училища едва ли уменьшатся, а если уменьшатся, то на весьма незначительную цифру. И такъ, за милліонъ рублей государство будетъ имѣть, по преобразованіи училищъ военнаго вѣдомства, ежегодно до 700 грамотныхъ людей, способныхъ занять мѣста писарей. Но писарь, по своему положенію, не есть спеціалистъ; умѣть читать, писать, знать Грамматику,

Ариѳметику, Географію, Исторію, составляетъ предметъ реальнаго образованія, которое дается во всѣхъ начальныхъ школахъ, входящихъ въ составъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Училища же военнаго вѣдомства, находясь въ вѣдѣніи Военнаго Министерства и имѣя единственное назначеніе образовать писарей, не могутъ назваться специальными заведеніями, а потому легко могутъ быть замѣнены уѣздными народными, приходскими, городскими школами, въ которыхъ уровень образованія стоитъ, нѣтъ сомнѣнія, не ниже современныхъ требованій науки и общества, и по всей вѣроятности онъ будетъ всегда стоять выше, чѣмъ въ заведеніяхъ, входящихъ въ составъ Военнаго Министерства. Для этого послѣдняго образовательная часть составляетъ предметъ второстепенной важности; для Министерства же Народнаго Просвѣщенія всестороннее изученіе какъ педагогической, такъ и учебной части составляетъ насущную потребность и единственную цѣль, къ которой оно должно стремиться и которою обусловливается самое существованіе министерства. Вотъ первая причина, по которой я полагаю полезнымъ передать училища военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы они были переформированы на тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты для двухъ или трехъклассныхъ школъ этого министерства. Есть еще другая причина, самая важная—финансовая. Статистическія данныя, которыя я представляю, взяты мной изъ оффиціальныхъ источниковъ. Восемнадцать училищъ Военнаго Вѣдомства съ 6950 воспитанниками стоятъ государству милліонъ рублей, между тѣмъ какъ 1714 начальныхъ школъ различныхъ наименованій съ 85193 учащимися обходятся Министерству Народнаго Просвѣщенія всего 1.195.089 р. 81¼ к.; то-есть сумма, потребная для воспитанія одного ученика въ училищахъ военнаго вѣдомства, достаточна для образованія десяти въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цифры эти такъ ясно говорятъ за себя, что не требуютъ никакихъ поясненій.

Основываясь на всемъ вышеизложенномъ, передача училищъ военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія можетъ дать слѣдующіе результаты, польза которыхъ, съ государственной точки зрѣнія, очевидна:

1) Средства для образованія въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія почти удвоятся.

2) Число грамотныхъ увеличится, и устранится опасеніе въ недостаткѣ лицъ, желающихъ занять мѣста писарей.

3) Возможно будетъ замѣнить обязательныхъ писарей наемными, которыхъ превосходство, какъ показалъ опытъ Морскаго Министерства, несомнѣнно.

4) Наемная плата вольнымъ писарямъ, вслѣдствіе увеличившагося числа грамотныхъ, уменьшится и, можетъ быть, совпадетъ даже съ стоимостью казеннаго писаря.

Результаты эти получатся, конечно, только въ будущемъ, хотя и не въ далекомъ; въ настоящемъ же переходъ къ наемнымъ писарямъ

можетъ представить денежныя или другія затрудненія, устранить которыя, мнѣ кажется, нетрудно. Можно совершить этотъ переходъ, по моему мнѣнію, или постепенно, передавая училища военнаго вѣдомства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія по мѣрѣ возможности, или, передавъ ихъ одновременно, поставить условіемъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія давало ежегодно, въ теченіе извѣстнаго времени, опредѣленное число лицъ, обязанныхъ служить писарями» [1]).

Одновременно съ учрежденіемъ комитетовъ, въ которые я былъ назначенъ членомъ по приказанію военнаго министра, оканчивалъ свои занятія комитетъ по преобразованію Кадетскихъ Корпусовъ въ Военныя Гимназіи. Многіе изъ членовъ этого послѣдняго комитета были членами комитета по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства, а потому, встрѣчаясь съ ними, я зналъ отъ нихъ, въ какомъ печальномъ положеніи находились Корпуса и какъ шло дѣло по ихъ преобразованію. Они говорили, что военному министру очень хорошо была извѣстна несостоятельность Корпусовъ въ дѣлѣ воспитанія; но, не приступая къ ихъ преобразованію, онъ, ради осторожности, спросилъ прежде мнѣнія о Корпусахъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и разныхъ другихъ ему извѣстныхъ лицъ. Всѣ полученные отзывы, которыхъ было до 400, не сказали ни одного слова въ пользу Корпусовъ, а согласны были въ томъ, что эти заведенія требуютъ немедленной реформы. Тогда только былъ учрежденъ комитетъ для ихъ преобразованія. Въ составъ комитета вошли членами лица съ выдающимися педагогическими способностями, какъ напримѣръ генералъ-адъютантъ Даниловичъ, состоящій въ настоящее время при Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ-Цесаревичѣ. Если взять во вниманіе, что военный министръ Милютинъ, обладая недюжиннымъ умомъ, образованіемъ и способностями, заботился исключительно о пользѣ дѣла и что онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ не угожденія его взглядамъ, а откровеннаго выраженія мнѣній, къ которымъ, какія бы они ни были, онъ всегда относился съ уваженіемъ и вниманіемъ: то вѣрность отзывовъ, данныхъ спрошенными лицами, изъ которыхъ большая часть сами получили воспитаніе въ Корпусахъ, не можетъ подлежать сомнѣнію [2]).

---

[1]) Хотя мое предложеніе не было принято комитетомъ, но въ послѣдствіи изъ училищъ военнаго вѣдомства были сформированы Военныя Прогимназіи, которыхъ назначеніе было выпускать своихъ воспитанниковъ не писарями, а вольноопредѣляющимися въ полки. Писарей же въ настоящее время готовятъ себѣ сами войска.

[2]) Въ Воспоминаніяхъ моихъ подъ заглавіемъ: *Двѣнадцать лѣтъ молодости*, въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 года, я привелъ много фактовъ изъ жизни Корпусовъ, которые наилучшимъ образомъ подтверждаютъ вѣрность отзывовъ.

По возвращеніи нашемъ изъ за границы, здоровье жены моей не улучшилось: врачи единогласно объявили, что для нея вреденъ Петербургскій климатъ и что мы должны уѣхать въ центральныя губерніи Россіи. Почувствовавъ въ то время особый интересъ къ воспитательному дѣлу и изучивъ его, сколько могъ, теоритически (чему немало способствовали мои занятія въ комитетѣ по преобразованію училищъ военнаго вѣдомства) я рѣшился поѣхать къ генералу Исакову и просить его дать мнѣ мѣсто въ военно-учебномъ вѣдомствѣ. Его превосходительство предложилъ назначить меня начальникомъ Воронежскаго училища военнаго вѣдомства. Я согласился и черезъ два мѣсяца, не окончивъ моихъ занятій въ комитетахъ, уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Воронежъ.

VIII.

Приступая къ описанію моей педагогической дѣятельности, я долженъ сказать, что, не бывши никогда преподавателемъ, ни воспитателемъ, я не имѣлъ никакой опытности въ дѣлѣ воспитанія; но теоритически я успѣлъ съ нимъ ознакомиться по лучшимъ въ то время педагогическимъ сочиненіямъ. Я зналъ, что лица, съ которыми мнѣ придется служить въ училищѣ военнаго вѣдомства, не имѣютъ никакого понятія о воспитаніи и что мнѣ предстоитъ упорная борьба съ рутиной и кантонистскими преданіями; но, обладая достаточной энергіей, я боялся не борьбы, а не имѣлъ увѣренности въ себѣ. Докторъ Комбъ сказалъ: «Если хочешь воспитывать, то сдѣлайся прежде самъ тѣмъ, чѣмъ желаешь сдѣлать своего питомца». Песталоци всю жизнь свою посвятилъ дѣлу воспитанія, и на памятникѣ, ему воздвигнутомъ въ Ивердюнѣ и открытомъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, для лучшей его характеристики, сдѣлана надпись: «Всё для другихъ, ничего для себя». Если только при этихъ условіяхъ, думалъ я, можно ожидать успѣха въ дѣлѣ воспитанія, то въ состояніи ли я буду его имѣть? Мысль эта меня немало тревожила; но я старался успокоить себя тѣмъ, что отъ меня всегда зависитъ выйти въ отставку и уступить свое мѣсто болѣе меня способному. Многіе не совѣтовали мнѣ оставлять службу въ артилеріи, гдѣ я прослужилъ около 25 лѣтъ; а генералъ Баранцевъ сказалъ мнѣ, что онъ очень сожалѣетъ, что я ухожу отъ него; но судьба моя была рѣшена: я чувствовалъ неодолимое желаніе испытать себя на педагогическомъ поприщѣ и уѣхалъ изъ Петербурга безъ всякаго о немъ сожалѣнія.

По пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ я принялъ училище и нашелъ его въ такомъ ужасномъ положеніи, котораго не ожидалъ даже. Оно занимало три дома. Въ двухъ казенныхъ домахъ, находившихся на горѣ, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, помѣщены были роты; а третій домъ, подъ горой, нанимавшійся для классныхъ помѣщеній, отстоялъ отъ ротныхъ домовъ болѣе чѣмъ на полверсты. Такимъ образомъ воспитанники должны были ежедневно и во всякую погоду ходить въ классы за полверсты и возвращаться назадъ; мостовой въ то время не было; нерѣдко случалось, что грязь была чуть не по колѣна и воспитанники, придя въ классы, сидѣли все время съ мокрыми ногами. Если прибавить къ этому, что классный домъ находился въ болотистой мѣстности, гдѣ постоянно свирѣпствовали лихорадки, то станетъ понятно, отчего лазаретъ былъ всегда полонъ больными воспитанниками. Но умирать въ лазаретѣ имъ воспрещалось: приказано было всѣхъ больныхъ отправлять въ городскую больницу, гдѣ они находились безъ всякаго надзора и гдѣ подчасъ, выздоравливая отъ одной болѣзни, заражались другою *). Училище состояло изъ 300 воспитанниковъ, раздѣленныхъ на двѣ роты, которыми завѣдывали ротные командиры; кромѣ ротныхъ командировъ въ каждой ротѣ было по одному офицеру. Въ то время, когда я принялъ училище, болѣе $^1/_3$ воспитанниковъ были изъ дворянъ, большею частію выгнанныхъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній; изъ числа же не-дворянъ было немало семинаристовъ, исключенныхъ изъ семинарій. При той неблестящей карьерѣ, которую давали училища военнаго вѣдомства, конечно, нельзя было ожидать лучшаго состава воспитанниковъ. Учителями были бывшіе воспитанники училищъ, окончившіе курсъ въ учительскихъ классахъ и считавшіеся въ унтеръ-офицерскомъ званіи; они получали въ мѣсяцъ по пяти рублей жалованья, нѣкоторые изъ нихъ были женатые; по прослуженіи въ должности учителя опредѣленнаго числа лѣтъ (какого?— не помню) ихъ производили въ классные чины, и тогда жалованье имъ увеличивалось. Въ то время, когда я принялъ училище, изъ 12 учителей было только три чиновника, изъ которыхъ двумъ было около 70 лѣтъ. На пищу воспитанниковъ, кромѣ солдатскаго пайка, состоявшаго изъ муки и крупы, отпускалось по 5 копѣекъ въ день на каж-

---

*) Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ, у одного воспитанника открылась рана на ногѣ; его отправили въ больницу и положили въ камеру больныхъ сифилисомъ, отъ которыхъ онъ заразился этой болѣзнью. Случай этотъ такъ меня возмутилъ, что я самъ сталъ ѣздить въ больницу, чтобы слѣдить за лѣченіемъ воспитанниковъ и кромѣ того посылалъ туда почти ежедневно казначея училища Турскаго, человѣка очень добраго и исполнительнаго, который сообщалъ мнѣ всѣ сдѣланныя имъ замѣчанія о положеніи воспитанниковъ въ больницѣ.

даго. На освѣщеніе зданій ничего не отпускалось, но приказано было освѣщать ихъ изъ экономіи отъ дровъ, которыя получались натурою отъ земства. Требованіе освѣщать зданія изъ экономіи отъ дровъ было ужасной нелѣпостью; оно заставляло училище торговать дровами; а между тѣмъ земство заявило, что оно обязано отпускать дрова не по положенію (одну однополѣнную сажень на печку), а по дѣйствительному расходу, и требовало ежемѣсячно сообщать Управѣ о дѣйствительномъ расходѣ дровъ; такимъ образомъ приходилось или лгать земству, увеличивая цифру расхода дровъ, или оставлять зданіе безъ освѣщенія. Вообще все положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства, учрежденныхъ по закрытіи кантонистскихъ школъ, было составлено такъ, что точное и добросовѣстное его исполненіе было невозможно. Бывшій при мнѣ инспекторъ классовъ Буйновскій говорилъ мнѣ, что такое положеніе создано было не случайно, а намѣренно, съ тою цѣлью чтобы начальниковъ училищъ, которые не будутъ давать взятокъ управленію училищъ, держать подъ страхомъ преданія суду за неисполненіе правилъ высочайше утвержденнаго положенія. На расходы по классной части, то есть на покупку учебниковъ, бумаги, чернилъ, перьевъ, грифельныхъ досокъ и пр., отпускалось около 1 р. 50 к. въ годъ на каждаго воспитанника, вслѣдствіе чего учебниковъ покупалось очень мало и давалось по одному на 10 учениковъ.

Изъ прошлой жизни училищъ, до передачи ихъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, Буйновскій разсказывалъ мнѣ много курьезныхъ случаевъ. Приведу здѣсь одинъ изъ нихъ. Училища составляли отдѣльное вѣдомство, котораго начальникъ пользовался огромными правами: его всѣ боялись и не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы ему угодить. Объѣзжая училища, онъ громилъ начальниковъ училищъ, называя ихъ чуть не дураками, говорилъ имъ *ты*, заставлялъ зимою ходить съ нимъ по всѣмъ помѣщеніямъ, находящимся на дворѣ въ однихъ мундирахъ и т. п. Вообще онъ былъ грозою своихъ подчиненныхъ; но менѣе всего онъ обращалъ вниманіе на учебную часть. Чтобы уяснить, до чего доходило раболѣпство передъ нимъ служащихъ, Буйновскій разсказалъ мнѣ такой эпизодъ. Наканунѣ своего пріѣзда въ Воронежъ, онъ далъ знать, что будетъ смотрѣть училище на другой день. Встревоженные этимъ извѣстіемъ и не зная, въ которомъ часу онъ пріѣдетъ, такъ какъ желѣзныхъ дорогъ въ то время не было, всѣ принялись за самыя спѣшныя приготовленія къ его пріему; между прочимъ вымыли полы и, боясь, что они не успѣютъ высохнуть до его пріѣзда, начальникъ училища приказалъ раздѣть голыми воспитанниковъ и положить ихъ на сырые полы, полагая, что отъ животной

теплоты они скорѣе просохнутъ. Трудно повѣрить подобному безобразію; но разсказъ Буйновскаго мнѣ подтвердили нѣкоторые учителя, бывшіе свидѣтелями этого распоряженія.

По пріемѣ училища я обратилъ вниманіе прежде всего на воспитательную и учебную части. Все воспитаніе, какъ оказалось, основано было на розгахъ, другихъ наказаній не было; изъ приказной книги я узналъ, что сѣкли почти каждый день, о чемъ отдавалось въ приказахъ по училищу. Учебная часть была ниже всякой критики; изъ учителей я нашелъ только четыре человѣка нѣсколько развитыхъ и съ нравственной стороны весьма хорошихъ; остальные ничего не знали и не понимали. Такъ напримѣръ, въ классѣ Географіи одинъ учитель при мнѣ объяснялъ воспитанникамъ, что въ Австріи господствующая религія Лютеранская. Когда я ему замѣтилъ, что это объясненіе не вѣрно, онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ: «Австрія входитъ въ составъ Германской Имперіи, а всѣ Нѣмцы—Лютеране; такъ какая же можетъ быть религія въ Австріи, какъ не Лютеранская?» Въ классѣ Русскаго языка, учитель, поправляя диктантъ воспитанника, написалъ *свѣдѣніе* съ буквою *е* послѣ д.; когда я ему сказалъ, что слѣдуетъ писать *ѣ*, а не *е*, онъ мнѣ возразилъ, что *паденіе* пишется съ буквою *е*, слѣдовательно и свѣдѣніе должно писаться съ тою же буквой. Подъ диктовку воспитанники писали обыкновенно не на бумагѣ, которой давалось очень мало, а на грифельныхъ доскахъ; чистописаніе, на которое бы слѣдовало обратить особенное вниманіе въ школахъ, готовящихъ писарей, было весьма плохо; грифельныя доски портили почеркъ воспитанниковъ, а на бумагѣ они писали рѣдко въ виду ея сбереженія. Когда я пожелалъ видѣть учебники, которыхъ давалось по одному на 10 человѣкъ, то нѣкоторыхъ не нашли, а другіе были съ вырванными листами. Вообще впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ перваго знакомства съ училищемъ, было весьма тяжелое. Хозяйственная часть была не лучше учебной и воспитательной. Мундировъ у воспитанниковъ было по пяти, изъ которыхъ два совершенно новые лежали въ цейхгаузѣ; сапогъ же было по двѣ пары, изъ которыхъ одну они носили въ заплатахъ. Столъ былъ весьма плохъ, чаю вовсе не давали; экономіи отъ муки, отпускавшейся по солдатскому положенію, было весьма мало, а безъ этой экономіи, при отпускѣ по 5 коп. въ день на воспитанника, невозможно было улучшить пищу воспитанниковъ. Экономіи отъ муки было мало, потому что всѣ служащіе въ училищѣ получали хлѣбъ съ кухни воспитанниковъ; а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ ротные каптенармусы, откармливали имъ своихъ свиней.

Уяснивъ себѣ въ подробности грустное положеніе училища, я рѣшился, не ожидая предстоящаго преобразованія, принять мѣры къ улучшенію воспитательной и учебной частей заведенія, о чемъ предупредилъ инспектора классовъ, прося его помочь мнѣ въ этомъ. Инспекторъ классовъ былъ человѣкъ развитой, но лѣнивый и болѣзненный; вся его помощь мнѣ выразилась въ полномъ одобреніи моихъ взглядовъ и въ обѣщаніи не противодѣйствовать мнѣ; вліянія же на служащихъ онъ никакого не имѣлъ.

Составляя планъ моихъ будущихъ дѣйствій, я совершенно неожиданно получилъ оффиціальное извѣщеніе, что въ скоромъ времени пріѣдетъ, для ревизіи училища, бывшій начальникъ училищъ военнаго вѣдомства, генералъ-лейтенантъ Р....., который въ то время занималъ должность инспектора военно-учебныхъ заведеній и состоялъ при военномъ министрѣ. Зная по разсказамъ Буйновскаго, до какой степени Р..... бывалъ грубъ и дерзокъ съ начальниками училищъ, я боялся, что не въ состояніи буду себя сдержать и стану отвѣчать такими же дерзостями, которыя могутъ повести меня къ преданію суду. Я ожидалъ со страхомъ его пріѣзда и былъ, наконецъ, извѣщенъ, что онъ пріѣхалъ, остановился въ гостинницѣ и желаетъ меня видѣть. Я надѣлъ полную форму и тотчасъ же поѣхалъ къ нему съ рапортомъ. Входя въ волненіи въ его номеръ и обдумывая, какъ я долженъ поступить, если онъ мнѣ скажетъ ты, я рѣшился отвѣчать ему тѣмъ же; но немало было мое удивленіе, когда, увидавъ меня, онъ протянулъ мнѣ руку и самымъ любезнымъ образомъ выразилъ мнѣ удовольствіе со мной познакомиться и свое сожалѣніе, что я не хотѣлъ къ нему заѣхать въ Петербургѣ, когда былъ назначенъ начальникомъ Воронежскаго училища; затѣмъ онъ просилъ меня прислать къ нему для письменныхъ занятій адъютанта училища и назначилъ смотръ училищу на другой день въ 9 часовъ утра. За часъ до его пріѣзда я былъ уже въ 1-й ротѣ, гдѣ были построены всѣ воспитанники въ новыхъ мундирахъ. Буйновскій мнѣ говорилъ, что бывшіе начальники училищъ встрѣчали Р....го обыкновенно у воротъ; но въ виду сильнаго холода въ этотъ день и за неимѣніемъ въ законѣ никакого указанія, гдѣ я долженъ былъ его встрѣчать, я остался въ ротѣ и встрѣтилъ его при входѣ въ комнату у дверей; онъ снова подалъ мнѣ руку, поздоровался съ воспитанниками и велѣлъ имъ раздѣться голыми. По исполненіи его приказанія, онъ велѣлъ ихъ снова построить и, подходя по очереди къ каждому, осматривалъ внимательно все тѣло и затѣмъ заставлялъ открывать рты и оскаливать зубы. Обойдя всѣхъ воспитанниковъ и осмотрѣвъ ихъ рты, онъ спросилъ меня: чистятъ ли они зубы поро-

шкомъ? Вопросъ этотъ поставилъ меня въ тупикъ. Я ему сказалъ, что, принявъ недавно училище, я не успѣлъ еще обратить вниманіе на чистку зубъ и не знаю, какъ они ихъ чистятъ. Тогда онъ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ командиру первой роты; этотъ отвѣчалъ ему, что да. Приказавъ воспитанникамъ одѣваться, онъ подозвалъ къ себѣ дядьку и сказалъ ему, чтобы онъ принесъ ему порошокъ. Дядька, вытянувшись въ струнку, выпучилъ глаза и спросилъ: «какой прикажете, ваше превосходительство?» Тотъ, которымъ воспитанники чистятъ зубы, отвѣчалъ Р... ой. «Такого у насъ нѣтъ, ваше превосходительство». Эти слова дядьки вызвали потокъ брани ротному командиру, такъ что я рѣшился, наконецъ, за него заступиться и объяснилъ Р. ...му, что я виноватъ не менѣе ротнаго командира тѣмъ, что не сдѣлалъ никакого распоряженія о покупкѣ порошка для чистки зубъ. Генералъ смягчился и сказалъ мнѣ, что онъ давно знаетъ этого ротнаго командира и что если бы онъ остался начальникомъ училищъ военнаго вѣдомства, то непремѣнно его выгналъ бы изъ училища.

Не буду описывать дальнѣйшихъ подробностей осмотра генерала Р....го; скажу только, что, кромѣ этого случая, онъ всѣхъ хвалилъ, всѣмъ оставался доволенъ и заѣхалъ даже ко мнѣ съ визитомъ, говоря, что онъ пріѣхалъ меня поблагодарить за отличное состояніе училища и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ моей женой, отца которой, сенатора Мороза, онъ очень хорошо зналъ. Я его пригласилъ къ себѣ обѣдать, и мы разстались друзьями. Передъ его отъѣздомъ, онъ мнѣ прислалъ копію съ его отчета военному министру объ осмотрѣ училища. Въ отчетѣ было столько мнѣ похвалъ, что я не понимаю, какимъ образомъ онъ могъ найти что либо хорошее въ училищѣ, когда въ немъ было все дурно; а еще болѣе меня удивило, что все найденное имъ хорошее онъ приписалъ мнѣ, тогда какъ я принялъ училище не болѣе двухъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Впослѣдствіи, когда я былъ директоромъ Орловской Военной Гимназіи, онъ былъ проѣздомъ въ Орлѣ и заѣхалъ ко мнѣ, увѣряя, что онъ очень меня любитъ. Затѣмъ я его видѣлъ еще одинъ разъ въ Петербургѣ, въ пріемной военнаго министра, когда, бывши уже въ отставкѣ, я былъ избранъ Калужскимъ дворянствомъ для ходатайства объ открытіи въ г. Калугѣ Военной Гимназіи, и тутъ онъ меня встрѣтилъ съ распростертыми объятіями. Престранный былъ этотъ человѣкъ! Если бы онъ былъ женщиной, то на немъ исполнились бы стихи Пушкина:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей.

Особенное вниманіе и благосклонность ко мнѣ генерала Р.....го значительно возвысили мой авторитетъ въ глазахъ служащихъ въ училищѣ; они предположили во мнѣ такую силу, которой противостоять невозможно и отъ которой зависитъ ихъ судьба. Воспользовавшись такимъ настроеніемъ моихъ подчиненныхъ, я пригласилъ ихъ въ педагогическій комитетъ и объяснилъ, что я хорошо знакомъ съ тѣми реформами, которыя ожидаютъ училища военнаго вѣдомства, но въ виду печальнаго положенія Воронежскаго училища я считаю необходимымъ ввести нѣкоторые изъ этихъ реформъ прежде ихъ узаконенія. Затѣмъ я объяснилъ, что я долженъ обратить ихъ вниманіе главнымъ образомъ на тѣлесныя наказанія, которыя, по моему мнѣнію, не только не исправляютъ нравственности воспитанниковъ, но портятъ ее. Человѣкъ, сказалъ я, живетъ не однимъ тѣломъ; онъ живетъ тѣломъ и духомъ, и главное вниманіе воспитателя должно быть обращено на развитіе душевныхъ силъ. Можетъ ли же розга развивать эти силы? Розга можетъ только возбудить страхъ и тѣмъ заставить воспитанника не дѣлать того, что́ запрещено; но уничтожить въ немъ стремленіе къ запрещенному и возбудить желаніе его не дѣлать она не въ силахъ; нравственность же заключается именно въ томъ, чтобы человѣкъ былъ хорошъ не изъ боязни къ палкѣ, а изъ отвращенія ко всему дурному; если же въ немъ нѣтъ этого отвращенія, то палка можетъ сдѣлать его іезуитомъ, но никакъ не честнымъ человѣкомъ. Нельзя назвать не-воромъ того человѣка, который не крадетъ, потому что не имѣетъ возможности воровать, а того, кто гнушается воровства и кто ставитъ уваженіе къ себѣ выше всѣхъ благъ міра. Развивъ болѣе подробно высказанныя мной мысли, я вывелъ заключеніе, что тѣлесныя наказанія составляютъ зло, которое должно быть уничтожено въ училищѣ; прибѣгать къ нему, по моему мнѣнію, можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда неразвитость мальчика вслѣдствіе его возраста или другихъ причинъ исключаетъ возможность примѣнить къ нему другія воспитательныя средства. Инспекторъ классовъ поддержалъ мой взглядъ и нѣсколько сказанныхъ имъ словъ окончилъ такъ: «Русская пословица говоритъ: за битаго двухъ небитыхъ даютъ; но ее надобно понимать въ томъ же смыслѣ, который имѣютъ и нѣкоторыя другія Русскія пословицы, какъ напримѣръ: что́ за честь, когда нечего ѣсть, или: изъ чести шубы не сошьешь и т. п.» По окончаніи засѣданія комитета, въ которомъ никто не возражалъ ни мнѣ, ни инспектору классовъ, я замѣтилъ, что одинъ изъ ротныхъ командировъ остался очень недоволенъ моимъ рѣшеніемъ прекратить сѣченіе розгами. На другой день онъ явился ко мнѣ и объявилъ, что 25 воспитанниковъ ушли безъ спроса изъ училища и неизвѣстно, гдѣ находятся. Я спро-

силъ его: какая можетъ быть причина такого страннаго явленія? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что они дозволили себѣ сдѣлать это своеволіе, потому что узнали о моемъ рѣшеніи уничтожить тѣлесныя наказанія. Изъ этихъ словъ я понялъ, что уходъ воспитанниковъ былъ демонстраціей противъ меня, можетъ быть, имъ же подготовленною, и потому сказалъ ему, что ротнаго командира, который не можетъ справиться съ своей ротой безъ помощи розги, я считаю неспособнымъ командовать ротой, о чемъ и донесу начальству, если подобный проступокъ воспитанниковъ повторится въ другой разъ. Ознакомившись ближе съ всѣми ротными командирами, я убѣдился, что они, за исключеніемъ командира 2-й роты, неспособны быть воспитателями и будутъ служить мнѣ тормазами въ дальнѣйшемъ развитіи придуманныхъ мной мѣръ улучшенія, вслѣдствіе чего я рѣшился расширить кругъ дѣятельности учителей, поручивъ имъ воспитательскія обязанности; ротнымъ же командирамъ я предоставилъ только строевыя занятія.

Выбравъ изъ учителей восемь наиболѣе развитыхъ и порядочныхъ молодыхъ людей, я раздѣлилъ обѣ роты на восемь отдѣленій и каждому изъ нихъ поручилъ по отдѣленію.

Воспитанники ходили въ домъ, гдѣ находились классы, только по утру; послѣ же обѣда они проводили все время въ ротахъ, гдѣ не было отдѣлено помѣщеній для приготовленія ими уроковъ и гдѣ, находясь безъ всякаго надзора, они шумѣли, кричали, прыгали и тѣмъ лишали возможности даже самыхъ прилежныхъ изъ нихъ заняться своими уроками; если же прибавить къ этому, что учебники, раздаваемые на 10 человѣкъ по одному, нерѣдко совсѣмъ изчезали или приходили въ негодность, то станетъ понятнымъ, отчего учебная часть не могла идти хорошо; выпускаемые писаря не только подчасъ плохо писали, но нѣкоторые съ трудомъ даже могли читать.

Раздѣливъ роты на отдѣленія, отъ 35 до 45 человѣкъ въ каждомъ, я назначилъ отдѣльныя комнаты въ ротныхъ домахъ для приготовленія уроковъ и обязалъ учителей являться каждое послѣ-обѣда въ свое отдѣленіе и, въ теченіе не менѣе двухъ часовъ, заниматься съ воспитанниками приготовленіемъ уроковъ, требуя въ это время полной тишины.

Учителя, какъ я выше сказалъ, получали въ мѣсяцъ жалованья всего по пяти рублей; конечно они не могли жить на эти деньги и, чтобы пополнить свой расходный бюджетъ, давали въ городѣ уроки, По собраннымъ мной свѣдѣніямъ оказалось, что только одинъ изъ нихъ

получалъ за частные уроки около 15 рублей въ мѣсяцъ *); остальные же не выручали и 10 рублей. Возложивъ на учителей лишнія обязанности и необязательный для нихъ трудъ, я этимъ лишалъ ихъ чуть не куска хлѣба, который они зарабатывали частными уроками. Въ виду этого, я имъ назначилъ по 10 рублей въ мѣсяцъ добавочнаго жалованья изъ суммъ училища, которыя, я надѣялся, останутся въ экономіи по нѣкоторымъ статьямъ расходной смѣты; при этомъ я обѣщалъ значительно его увеличить тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ съ наибольшимъ успѣхомъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Учителя были въ восторгѣ отъ моего распоряженія, имѣя возможность, не бѣгая по городу для розыска частныхъ уроковъ, получать въ опредѣленное время ту сумму, которую они считали maximum своего заработка. Ротные же командиры были мной недовольны, потому что, расширивъ дѣятельность учителей, я этимъ выразилъ болѣе довѣрія къ этимъ послѣднимъ, чѣмъ къ нимъ; но еще болѣе они вознегодовали, когда надзоръ за занятіями учителей, которыхъ они считали ротными унтеръ-офицерами имъ подчиненными, я поручилъ не имъ, а инспектору классовъ. Для пользы дѣла, я не могъ поступить иначе. Командиръ 2-й роты Соколовскій, молодой человѣкъ, переведенный въ училище изъ Петербурга, понялъ это и отнесся ко мнѣ съ сочувствіемъ, но два субалтернъ-офицера вскорѣ оставили службу въ училищѣ. Я не нашелъ нужнымъ представлять другихъ лицъ къ замѣщенію ихъ должностей въ виду ожидаемаго въ скоромъ времени преобразованія училищъ, при которомъ военный строй заведеній долженъ былъ значительно измѣниться. Для дальнѣйшихъ улучшеній учебной части необходимо было увеличить отпускъ бумаги для занятій и купить учебники въ такомъ количествѣ, чтобы каждый воспитанникъ имѣлъ свою книгу. Наконецъ, я нашелъ нужнымъ улучшить и хозяйственную часть и началъ съ того, что приказалъ давать воспитанникамъ ежедневно чай по утру и вечеромъ.

Всѣ сдѣланныя мной улучшенія потребовали конечно немало денегъ. Разсматривая бюджетъ училища, я полагалъ возможнымъ сберечь нужную сумму для этихъ расходовъ изъ слѣдующихъ статей: 1) У воспитанниковъ, какъ я говорилъ, было по пяти мундировъ, изъ которыхъ два лежали новые въ цейхгаузѣ, слѣдовательно шить имъ еще мундиръ въ этомъ году не представлялось никакой надобности; сбереженіе это должно было составить около двухъ тысячъ рублей.

*) Калашниковъ, дававшій уроки въ домѣ губернскаго акцизнаго начальника Сафонова.

2) Выходъ двухъ офицеровъ изъ училища и незамѣщеніе ихъ другими офицерами долженъ былъ образовать остатокъ отъ личнаго состава около 1000 рублей. 3) Я получалъ въ безотчетное распоряженіе, на мелкій ремонтъ зданій, 1200 рублей въ годъ, а считалъ возможнымъ израсходовать не болѣе 500 рублей. Кромѣ этихъ статей могли быть остатки и отъ дровъ, и отъ холста, котораго отпускали воспитанникамъ для шитья бѣлья болѣе чѣмъ нужно было, и отъ найма прислуги, которая въ Воронежѣ была очень дешева въ то время. Сообразивъ предстоящіе расходы и экономію, которая могла быть сдѣлана, я нашелъ, что ея будетъ совершенно достаточно для предположенныхъ мной улучшеній и даже можетъ быть остатокъ, который я рѣшилъ употребить на награды лучшимъ воспитанникамъ. Но всѣ мои соображенія остановлены были препятствіемъ, о которомъ я забылъ и котораго не принялъ во вниманіе. По положенію училищъ я не имѣлъ права переводить расходы изъ одной статьи смѣты въ другую; власть эта принадлежала Управленію Военно-учебныхъ Заведеній. Хотя я былъ почти увѣренъ, что мнѣ не откажутъ въ санкціи сдѣланныхъ мной распоряженій, такъ какъ они клонились исключительно къ пользѣ заведенія, но тѣмъ не менѣе я рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы лично объяснить необходимость предположенныхъ мной мѣръ.

По упраздненіи Управленія Училищъ Военнаго Вѣдомства, всѣ дѣла были переданы въ Управленіе Военно-учебныхъ заведеній. Во главѣ этихъ дѣлъ стоялъ какой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ, переведенный изъ Управленія училищъ и привыкшій смотрѣть на начальниковъ училищъ свысока. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я узналъ, что генерала Исакова въ Петербургѣ нѣтъ, и явился къ его помощнику генералу Корсакову, который, выслушавъ мои объясненія, послалъ меня для переговоровъ къ вышесказанному дѣйствительному статскому совѣтнику. Этотъ господинъ, прочитавъ мой рапортъ, въ которомъ я просилъ о переводѣ по смѣтѣ расхода изъ одной статьи въ другую, очень важно замѣтилъ, что начальники училищъ, въ особенности тѣ, которые только что назначены, не должны умничать. Я ему отвѣчалъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ начальниковъ училищъ, которые считаютъ своимъ долгомъ заботиться о пользѣ заведенія, имъ ввѣреннаго и если онъ такія заботы называетъ умничаньемъ и тѣмъ лишаетъ меня возможности исполнить мой долгъ, то я на такой службѣ оставаться не могу. Сказавъ это, я ушелъ отъ него и рѣшился подать въ отставку; но, увидавъ полковника Лалаева, который состоялъ при генералѣ Исаковѣ и завѣдывалъ училищами, я перемѣнилъ мое намѣреніе, такъ какъ въ теченіе трехъ дней все мной просимое было исполнено. Передъ

отъѣздомъ изъ Петербурга, я накупилъ массу учебниковъ, которые привезъ въ Воронежъ на радость инспектора классовъ и учителей.

Ободренный первымъ успѣхомъ въ моей педагогической дѣятельности, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, по возвращеніи въ Воронежъ, что всѣ сдѣланныя мной реформы даютъ хорошіе результаты. Уничтоженіе тѣлеснаго наказанія не только не увеличило числа проступковъ, но значительно ихъ уменьшило; учителя занимаются съ воспитанниками безупречно хорошо; родители же воспитанниковъ не знаютъ какъ меня благодарить за улучшеніе содержанія ихъ дѣтей. Только командиръ 1-й роты смотритъ на меня угрюмо и сердито; но воспитанники его роты не уходятъ болѣе безъ спроса.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Говоря одинъ разъ съ инспекторомъ классовъ, я узналъ, что нѣкоторые учителя очень интересуются изученіемъ педагогики и хотятъ просить меня дать имъ для прочтенія какое-нибудь педагогическое сочиненіе по моему выбору. Такая любознательность учителей меня очень порадовала и внушила мнѣ мысль самому бесѣдовать съ ними о воспитаніи и изложить главныя основанія Педагогики. Инспекторъ классовъ одобрилъ мою мысль; я назначилъ для моихъ бесѣдъ одинъ вечеръ въ недѣлю, по Субботамъ, и предложилъ всѣмъ желающимъ приходить меня слушать въ назначенное мной для этого помѣщеніе. Бесѣды мои продолжались около трехъ мѣсяцевъ; я изложилъ въ нихъ главныя основанія Педагогики и далъ общія понятія о Дидактикѣ. Приноравливаясь къ тогдашнимъ понятіямъ о воспитаніи, я старался указать въ моихъ бесѣдахъ, что наказывать и награждать значитъ дресировать, а не воспитывать, что воспитаніе разумныхъ существъ требуетъ иныхъ мѣръ, иныхъ средствъ, дресировка же безъ помощи этихъ мѣръ губитъ нравственно дѣтей. Передъ началомъ моихъ бесѣдъ, я просилъ моихъ слушателей останавливать меня, если имъ покажется что либо мной сказанное непонятнымъ, и затѣмъ предлагать мнѣ вопросы и дѣлать возраженія. Желаніе мое было исполнено. Помню, что на одной изъ бесѣдъ, учитель Ѳедоровъ, только что переведенный изъ Сибирскаго училища, спросилъ меня: можетъ ли и долженъ ли сынъ уважать отца, который не заслуживаетъ уваженія? Затѣмъ тотъ же Ѳедоровъ предложилъ мнѣ такой вопросъ: какъ долженъ поступить воспитатель, если воспитанникъ не сознается въ своемъ проступкѣ и если нѣтъ явныхъ уликъ, что онъ его сдѣлалъ? Вопросы эти были весьма важны; категорическаго отвѣта на нихъ нельзя было дать, вслѣдствіе этого возбудились пренія, въ которыхъ приняли участіе и другіе учителя. Я былъ очень доволенъ слушать эти

пренія, такъ какъ я могъ изъ нихъ уяснить себѣ взгляды и степень развитія говорившихъ. Желая придать моимъ бесѣдамъ съ учителями семейный характеръ, я приказалъ подавать чай и просилъ всѣхъ курить.

Впослѣдствіи, когда я вышелъ въ отставку, читанныя мной *Бесѣды о воспитаніи* были напечатаны отдѣльной книжкою. Состоя членомъ и одно время предсѣдателемъ Мещевскаго Училищнаго Совѣта, я пожертвовалъ всѣ напечатанные экземпляры въ пользу народныхъ школъ этого уѣзда и передалъ ихъ бывшему въ то время Мещевскому предводителю дворянства Николаю Васильевичу Рагозину.

IX.

Скажу нѣсколько словъ о Воронежскомъ обществѣ того времени. Губернаторомъ былъ князь Трубецкой, котораго всѣ любили за его любезность и за общительный, всегда веселый характеръ. Жена его, урожденная Пещурова, была женщина умная, но довольно болѣзненная и рѣдко посѣщавшая общество. Они жили очень тихо и скромно. Затѣмъ была въ Воронежѣ очень богатая особа (кажется вдова, не имѣвшая дѣтей) А. И. Шеле, которая поставила себѣ задачей соединять, угощать и веселить все общество. У нея почти ежедневно бывали вечера или обѣды. Радушіе и гостепріимство, съ которыми она всѣхъ принимала, пріобрѣли ей общія симпатіи. Какъ женщина вполнѣ добрая, она желала сдѣлать всѣмъ пріятное; такъ напримѣръ, приглашая на свои маленькіе вечера нѣсколько семействъ, она непремѣнно выбирала тѣ, которыя были между собой короче знакомы. Если пріѣзжало въ Воронежъ новое лице, она дѣлала тотчасъ большой вечеръ и знакомила это лице со всѣмъ Воронежскимъ обществомъ. Конечно, у нея были нѣкоторыя странности, какъ напримѣръ, зная довольно плохо по французски, она любила писать Французскія записки, и написала одинъ разъ моей женѣ приглашеніе *на чашку чая* такимъ образомъ: «Venez chez moi *pour une tasse de thé*». Разсказывали также, что, дѣлая большіе обѣды, она сажала за столъ по чинамъ, и передъ тѣми лицами, которыя сидѣли выше, ставились вина болѣе дорогія, чѣмъ въ концѣ стола. Но какъ бы то ни было, этой добрѣйшей женщинѣ Воронежъ былъ обязанъ веселой и пріятной жизнью, которой въ другихъ губернскихъ городахъ не было.—Другія лица, съ которыми я болѣе коротко познакомился были: жандармскій полковникъ Кавалинскій, добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, котораго любилъ весь Воронежъ за то добро, которое онъ дѣлалъ; къ нему обращались со всевозможными просьбами, и не было случая, когда бы онъ отказалъ принять просьбу; но надоб-

но сказать, что, пользуясь его добротой, ему предъявлялись иногда престранныя просьбы. Такъ напримѣръ, при мнѣ пришли къ нему нѣсколько крестьянъ пригородной слободы и объяснили, что священникъ не хочетъ вѣнчать свадьбы, требуя 10 рублей, а они не могутъ дать болѣе 5 рублей, между тѣмъ женихъ убилъ уже барана, и они боятся, чтобы отъ долгаго лежанія баранъ не испортился. Кавалинскій тотчасъ поѣхалъ къ архіерею, и свадьба состоялась въ тотъ же день. Въ другой разъ, къ нему является жена одного чиновника и проситъ развести ее съ мужемъ, говоря, что мужъ согласенъ на разводъ. Кавалинскій, какъ онъ мнѣ говорилъ, зналъ, что причина просьбы о разводѣ была самая пустая, а потому, желая помирить мужа съ женой, онъ объяснилъ ей, что разводъ возможенъ, но съ тѣмъ, чтобы она уѣхала въ Архангельскъ, а мужъ въ Иркутскъ; если же они на это не согласны, то должны при немъ помириться. Конечно миръ состоялся въ тотъ же день.—Затѣмъ, въ числѣ нашихъ знакомыхъ, съ которыми мы видались очень часто, были семейства комисаріатскаго полковника Штакельберга, уѣзднаго предводителя дворянства Сапрунова, предсѣдателя губернской Земской Управы Астафьева, помѣщиковъ Бедряги, Муравьева и, наконецъ, директора Воронежской Военной Гимназіи Винклера.

Разскажу нѣкоторые эпизоды изъ Воронежской жизни, которые остались у меня въ памяти.

У насъ былъ вечеръ, на который собрался весь нашъ кружокъ. Муравьевъ, будучи спиритомъ, съ паѳосомъ разсказывалъ, какъ онъ вызвалъ Пальмерстона, который въ то время только что умеръ, и объяснялъ намъ, что именно онъ говорилъ съ нимъ. Въ концѣ разговора вошелъ Штакельбергъ. Когда Муравьевъ окончилъ свой разсказъ, Штакельбергъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Я зналъ, что Потаповъ былъ проѣздомъ въ Воронежѣ, но о томъ, что Пальмерстонъ посѣтилъ нашъ городъ я ни отъ кого не слыхалъ». Всѣ расхохотались.

Кавалинскій былъ большой шутникъ, а подчасъ и насмѣшникъ. Познакомившись у А. И. Шеле съ женой чиновника Д.., только что назначеннаго по особымъ порученіямъ къ губернатору, онъ замѣтилъ, что у нея былъ огромный носъ, такой же какъ у него. Дѣлая на другой день визиты, онъ заѣхалъ къ намъ и объявилъ, что онъ очень опечаленъ. «До сихъ поръ, сказалъ онъ, въ Воронежѣ не было соперника моему носу, но, увидавъ вчера г-жу Д...., я долженъ сознаться, что ея носъ перещеголялъ мой.» Разсказъ этотъ разошелся по городу и былъ

причиною, что между супругами Д........ и Кавалинскимъ установились холодныя отношенія.

Со мной и архіереемъ былъ такой случай. Преосвященный Серафимъ имѣлъ обыкновеніе не давать цѣловать свою руку лицамъ, которымъ онъ хотѣлъ выказать свое вниманіе: обыкновенно онъ ихъ цѣловалъ въ губы. Въ Воронежѣ было въ то время четыре полковника, всѣ довольно старые и сѣдые, мнѣ же былъ 41 годъ, и я казался моложе этихъ лѣтъ. Всѣ полковники пользовались привиллегіей цѣловать архіерея въ губы, мнѣ же онъ подносилъ свою руку прямо къ губамъ; кромѣ того всѣмъ полковникамъ онъ дѣлалъ визиты и приглашалъ къ себѣ на завтраки, которые онъ устраивалъ во всѣ большіе праздники, меня же приглашать онъ посылалъ монаха. Такое неравенство отношеній архіерея ко мнѣ и къ другимъ полковникамъ мнѣ показалось страннымъ, и я пересталъ ѣздить къ нему на завтраки. Прошло около двухъ лѣтъ какъ совершенно неожиданно я получилъ телеграмму о производствѣ меня въ генералъ-маіоры. Слухъ объ этомъ распространился по городу тотчасъ же, а на другой день, къ удивленію моему, я увидалъ у моего подъѣзда карету архіерея. Онъ вошелъ ко мнѣ, держа икону въ рукахъ, благословилъ ею, поздравилъ съ производствомъ и напечатлѣлъ на моихъ губахъ очень крѣпкій поцѣлуй. Тутъ я понялъ, какъ пріятно быть генераломъ.

Въ Воронежѣ былъ кружекъ спиритовъ, во главѣ котораго стоялъ корпусный командиръ генералъ Безобразовъ; но въ то время когда мы пріѣхали, Безобразова уже не было, нѣкоторые другіе члены также разъѣхались; остался только Муравьевъ, который, для пополненія своего кружка, знакомился со всѣми новопріѣзжими и употреблялъ всѣ усилія, чтобы увлечь ихъ въ спиритизмъ. По пріѣздѣ нашемъ онъ сталъ къ намъ ѣздить почти каждый день, привозилъ толстыя тетради и читалъ то что ему говорили разные покойники. Въ то время у насъ гостила моя сестра, пріѣхавшая изъ Москвы. Замѣтивъ, что она кашляетъ, онъ предложилъ ей вызвать какаго-то знаменитаго доктора, не за долго передъ тѣмъ умершаго и спросить, какое онъ посовѣтуетъ ей лѣкарство. Она согласилась. Онъ пріѣхалъ на другой день и объявилъ, что вызванный имъ докторъ совѣтуетъ ей пить ежедневно по чашкѣ липоваго цвѣту, но не горячаго, холоднаго. Она его поблагодарила и разсмѣялась. Въ тоже время онъ бывалъ часто у одного помѣщика Нечаева, жившаго въ Воронежѣ и только что женившагося на молодой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ, на которую разсказы Муравьева производили сильное впечатлѣніе. Мужъ, боясь, чтобы она не увлеклась спиритиче-

скими бреднями, предложилъ ей испытать правдивость Муравьева. Увидавъ его, она притворилась очень огорченною письмомъ, увѣдомлявшимъ ее о смерти одной подруги, которую она очень любила; при этомъ она описала Муравьеву эту подругу, какъ дѣвушку серьозную, удалявшуюся отъ свѣтскихъ удовольствій и занимавшуюся спиритизмомъ. На самомъ же дѣлѣ, эта дѣвушка была была очень веселаго характера, любила свѣтъ, надъ спиритизмомъ смѣялась и вовсе не думала умирать. Выслушавъ Нечаеву, Муравьевъ уѣхалъ домой и въ тотъ же день пріѣхалъ снова и объяснилъ Нечаевой, что онъ вызывалъ ея подругу, говорилъ съ ней очень много и между прочимъ, она просила передать своей милой Annette (такъ звали Нечаеву), что она была очень счастлива въ жизни, и этимъ счастьемъ обязана была тому, что занималась спиритизмомъ, вслѣдствіе чего она умоляетъ Annette, которую любила и любитъ всей душой, послѣдовать ея примѣру. При этихъ словахъ мужъ Нечаевой вошелъ въ комнату и подалъ женѣ письмо отъ подруги, которую она считала умершей, но о смерти которой ее извѣстили ошибочно. Муравьевъ сконфузился, уѣхалъ и, кажется, прекратилъ свои визиты Нечаевымъ.

На званыхъ вечерахъ въ Воронежѣ пили обыкновенно очень много вина; случалось, что и высшіе губернскіе сановники уѣзжали домой въ весьма веселомъ расположеніи духа. Съ однимъ изъ этихъ сановниковъ былъ такой случай. Уѣзжая съ вечера, онъ сѣлъ въ свою карету, задремалъ и, когда карета остановилась у его подъѣзда, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Кучеръ, бывшій въ свою очередь на веселѣ, постоялъ нѣсколько секундъ у подъѣзда и, думая, что его баринъ вышелъ, въѣхалъ на дворъ, вдвинулъ карету въ сарай и, заперевъ его, ушелъ спать. Каково же было удивленіе сановника, когда онъ проснулся къ утру и увидалъ себя запертымъ въ своемъ собственномъ сараѣ! Этотъ случай составилъ на долго тему для городскихъ пересудовъ.

Въ Воронежѣ жилъ богатый помѣщикъ Вигель. У него была огромная коллекція фотографическихъ карточекъ всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ людей и всѣхъ дамъ полусвѣта во всевозможныхъ видахъ и позахъ. Коллекцію эту онъ составилъ за границей и продолжалъ ее пополнять въ Россіи. Вскорѣ послѣ Каракозовскаго покушенія, Бедряга долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Вигель просилъ его достать ему непремѣнно карточку Каракозова. Бедряга обѣщалъ, но карточки не досталъ и, по возвращеніи, ради шутки, далъ ему свою карточку, увѣряя, что это карточка Каракозова. Вигель очень обрадовался и, вглядываясь въ карточку, съ злобой сказалъ: «Какое звѣрское лице;

такъ и видно, что злодѣй!» Всѣ расхохотались. Вигелю шутка эта не понравилась; но онъ вполнѣ успокоился, когда Бедряга подарилъ ему карточку очень декольтированной женщины, на которой было написано: Diane de Poitier.

Каракозовское покушеніе произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ Воронежскихъ жителей. Какъ только извѣстіе объ этомъ злодѣйскомъ умыслѣ распространилось по городу, всѣ церкви наполнились молящимися, служились благодарственныя молебствія, на всѣхъ улицахъ толпился народъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышались звуки народнаго гимна и крики: Ура! Нѣкоторымъ лицамъ изъ нашего кружка пришла въ голову мысль отпраздновать чудесное спасеніе царя-освободителя народнымъ праздникомъ. Тотчасъ же предложена была подписка, выбраны были распорядители и составлена программа праздника. По подпискѣ собрано было, сколько я помню, около трехъ тысячъ рублей; распорядителями избрали Сафонова (губернскаго акцизнаго начальника), Сапрунова (уѣзднаго предводителя дворянства), Астафьева (предсѣдателя губернской Земской Управы), Бедрягу, меня и еще кого-то. Рѣшено было устроить праздникъ на плацу близъ Кадетскаго Корпуса. Въ три или четыре дня всѣ приготовленія были окончены: на плацу поставлены столы съ пирогами и мясными закусками, привезены бочки съ водкой, врыты столбы для призовъ, наняты два оркестра музыки, которые должны были играть цѣлый день, устроенъ театръ съ маріонетками и съ какимъ-то фокусникомъ; для интеллигентной же публики разбита была большая палатка, взятая въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ которой былъ приготовленъ завтракъ и Шампанское. Праздникъ назначенъ былъ въ Воскресенье; собрались толпы народа не только изъ городскихъ жителей, но и изъ сосѣднихъ деревень. Ура! гремѣло цѣлый день; водки выпито было огромное количество, но особенно пьяныхъ не было: распорядители оставались на плацу до вечера и слѣдили за порядкомъ; народъ съ пѣснями сталъ расходиться только тогда, когда начало темнѣть. Я пріѣхалъ домой разбитый отъ усталости; праздникъ продолжался отъ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера. За завтракомъ было выпито много Шампанскаго, и передъ каждымъ тостомъ произносились спичи; мнѣ пришлось сказать спичъ и предложить тостъ за здоровье Государя Наслѣдника Цесаревича.

X.

Принимая мѣры къ улучшенію положенія училища, я имѣлъ много занятій; но эти занятія не мѣшали мнѣ поддерживать связи знакомства съ Воронежскимъ обществомъ. Мой день распредѣлялся обыкновенно такимъ образомъ: въ 10 часовъ утра я шелъ въ канцелярію, гдѣ адъютантъ дѣлалъ мнѣ докладъ; послѣ доклада я собиралъ довольно часто хозяйственный комитетъ для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ; изъ комитета я ходилъ въ классы и къ тремъ часамъ возвращался домой. Въ это время къ намъ пріѣзжали знакомые, или я уѣзжалъ дѣлать визиты. Послѣобѣденное время было совершенно свободное; я посвящалъ его чтенію газетъ, журналовъ и семейнымъ дѣламъ. Вечеромъ, если мы съ женой не были куда-нибудь приглашены и если у насъ никого не было, я заѣзжалъ на полчаса на занятія учителей съ воспитанниками, или въ больницу, если тамъ были больные воспитанники, и затѣмъ отправлялся въ клубъ, гдѣ я былъ выбранъ старшиной-распорядителемъ. Изъ клуба я возвращался не позднѣе 12 часовъ и до 2-хъ часовъ занимался чтеніемъ серьозныхъ книгъ или писалъ мои Бесѣды о воспитаніи. Такая дѣятельная жизнь была вполнѣ по моему характеру; я былъ ею доволенъ какъ потому, что сознавалъ пользу мной приносимую, такъ и потому, что не только служащіе въ Училищѣ, но и все Воронежское общество относилось ко мнѣ съ сочувствіемъ и съ расположеніемъ.

Воронежскій Статистическій Комитетъ избралъ меня своимъ членомъ и прислалъ мнѣ дипломъ. Чтобы отблагодарить комитетъ за честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, я взялъ на себя очень трудную и сложную работу, о которой будетъ сказано ниже.

15 Августа 1866 года въ Воронежѣ открылась сильная холера и продолжалась ровно два мѣсяца до 15 Октября. Бывало, до 10 и болѣе похоронъ сталкивались на перекресткахъ улицъ. Городъ впалъ въ уныніе, доктора потеряли голову; въ особенности поразила всѣхъ смерть молодой женщины 20 лѣтъ, только что вышедшей за мужъ за прокурора, котораго фамиліи не припомню. Въ восьмомъ часу вечера она гуляла здоровая и веселая въ Ботаническомъ саду, окруженная большимъ обществомъ, которое пригласила къ себѣ пить чай; во время чая почувствовала боли въ желудкѣ, а въ 11 часовъ ея уже не было на свѣтѣ. Въ то время говорили, что многихъ воспитанниковъ Военной Гимназіи вылѣчили отъ холеры Шампанскимъ; какъ только заболѣла молодая женщина, ее стали поить этимъ виномъ, но оно не по-

могло, и послѣ ея смерти увѣряли, что она умерла отъ того, что выпила много Шампанскаго. Похоронныя процессіи, встрѣчаемыя ежедневно на всѣхъ улицахъ, возбудили такой страхъ передъ холерой, что нѣкоторые съ убѣжденіемъ говорили, будто половина городскихъ жителей сдѣлалась ея жертвой. Говоря объ этихъ преувеличенныхъ толкахъ съ губернаторомъ и замѣтивъ его желаніе опредѣлить точнымъ образомъ число умершихъ отъ холеры, я предложилъ ему, какъ членъ Статистическаго Комитета, взять этотъ трудъ на себя. Два мѣсяца я собиралъ свѣдѣнія о всѣхъ умершихъ. Прежде всего я обратился ко всѣмъ священникамъ приходскихъ церквей и просилъ ихъ дозволить моему писарю сдѣлать выписку изъ ихъ книгъ о скончавшихся отъ холеры. Писарь составилъ мнѣ имянной списокъ, который я провѣрилъ по книгамъ кладбищенской церкви; затѣмъ я просилъ всѣ правительственныя учрежденія, учебныя заведенія, монастыри, больницы, военныя части и полицію доставить мнѣ списки умершихъ отъ холеры; наконецъ, я объявилъ, что тотъ дворникъ дома, который явится ко мнѣ и сообщитъ, кто въ его домѣ умеръ холерой, тотъ получитъ отъ меня отъ 20 до 40 коп., смотря по разстоянію дома отъ моей квартиры. Получивъ такимъ образомъ массу именныхъ списковъ (въ которыхъ нѣкоторые покойники были записаны не одинъ разъ), я просидѣлъ около мѣсяца надъ ихъ провѣркой и распредѣлилъ ихъ въ категоріи по полу, возврасту и сословіямъ. Оказалось, сколько я помню, умершихъ отъ холеры, нѣсколько болѣе 2000 человѣкъ, что̀ при 40 тысячномъ населеніи города составляетъ 5%. Губернаторъ остался очень доволенъ и выразилъ мнѣ благодарность отъ имени Статистическаго Комитета.

Въ концѣ зимы 1866 года меня извѣстили изъ Петербурга, что новое положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства, которыя предположено было назвать Военными Начальными Школами, уже составлено и въ скоромъ времени послѣдуетъ распоряженіе о введеніи его въ дѣйствіе. Ожидая съ нетерпѣніемъ этого распоряженія, я былъ, какъ громомъ пораженъ, получивъ изъ Управленія Военно-учебныхъ Заведеній увѣдомленіе, что Воронежское училище должно быть въ скоромъ времени закрыто, а воспитанники его будутъ переведены въ другія заведенія того же типа. Причинами закрытія училища выставлялись невозможность оставить его въ тѣхъ неудобныхъ зданіяхъ, которыя оно занимало и неимѣніе денегъ для постройки новаго дома; ротные же дома училища рѣшено было отдать Министерству Юстиціи, для устройства въ нихъ помѣщенія для Окружнаго Суда, который долженъ былъ открыться черезъ годъ. Извѣстіе о закрытіи училища мнѣ было не-

пріятно не потому, что мнѣ предстояло остаться безъ мѣста (я былъ уже не разъ въ такомъ положеніи и никогда о томъ не горевалъ), но потому что, видя въ училищѣ (въ то́мъ видѣ какъ оно было) созданіе моего труда, мнѣ было горько съ нимъ разстаться; горько было думать что всѣ мои заботы и хлопоты о немъ должны безслѣдно пропасть; наконецъ, мнѣ жаль было разстаться съ воспитанниками и служащими, которыхъ довѣріемъ и расположеніемъ я пользовался и для дальнѣйшей судьбы которыхъ я ничѣмъ не могъ быть полезенъ. Вскорѣ изъ Управленія Военно-учебныхъ Заведеній я получилъ другую бумагу съ подробнымъ объясненіемъ распоряженій, которыя должны быть сдѣланы по поводу закрытія училища. Нѣкоторое имущество воспитанниковъ, какъ желѣзныя кровати, предписано было передать въ Воронежскую Военную Гимназію, а другое ихъ имущество должно быть продано по оцѣнкѣ, сдѣланной городскими оцѣнщиками; канцелярію же со всѣми дѣлами и архивомъ велѣно было сдать въ управленіе губернскаго воинскаго начальника. Воспитанники подлежали переводу въ другія училища, преимущественно въ Псковское, куда я долженъ былъ ихъ отправить въ концѣ лѣта партіями; партіи съ дядьками и всѣми вещами воспитанниковъ должны были ѣхать на подводахъ въ сопровожденіи учителей или офицеровъ по моему назначенію.

Всѣ эти распоряженія сдѣланы были Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній, (которое въ это время было переименовано въ Главное Управленіе Военно-учебныхъ Заведеній) въ началѣ лѣта 1866 года. Въ это время воспитанники находились въ лагерѣ, а я жилъ на дачѣ въ Ботаническомъ саду, рядомъ съ лагеремъ. Служащіе были очень опечалены предстоявшимъ закрытіемъ училища, такъ какъ они должны были остаться за штатомъ на общемъ основаніи, а родители воспитанниковъ были въ отчаяніи растаться съ своими сыновьями, не зная что̀ ихъ ожидаетъ; нѣкоторые изъ нихъ приходили ко мнѣ и со слезами просили, чтобы я не оставлялъ ихъ дѣтей. Но что̀ же я могъ для нихъ сдѣлать? Я конечно утѣшалъ родителей, а самому было очень грустно.

Въ одно Воскресенье я сидѣлъ въ саду у себя на дачѣ. Вижу, идетъ ко мнѣ мужикъ съ окровавленной головой. Я спросилъ что̀ ему нужно? Ваши воспитанники меня убили, отвѣчалъ онъ грубымъ и пьянымъ голосомъ. Изъ распросовъ оказалось, что онъ былъ караульщикомъ орѣшника, принадлежавшаго городу и прилегавшаго одной стороной къ лагерю. Три воспитанника, по его словамъ, забрались въ орѣшникъ и когда онъ на нихъ закричалъ, они бросились на него и палкой проломили голову. Я тотчасъ же пошелъ въ лагерь; дежурный учитель

сидѣлъ въ своей палаткѣ и ничего не зналъ о случившемся. Приказавъ построить роты, я сдѣлалъ перекличку; оказалось, что всѣ были на лице. Зная, какъ трудно добиться сознанія виновныхъ, когда они могутъ скрыться за массой, я тѣмъ не менѣе рѣшился поговорить съ воспитанниками и, подойдя къ нимъ, сказалъ, что, завѣдуя училищемъ болѣе 1$^1/_3$ года, я сдѣлалъ все что̀ могъ, чтобы улучшить ихъ положеніе и облагородить ихъ сердца; теперь отъ нихъ зависитъ доказать, что они поняли меня и что мои попеченія о нихъ не остались безслѣдны. Затѣмъ я объяснилъ имъ, что не только малолѣтніе, но и взрослые бываютъ подвержены слабостямъ и увлеченіямъ, но что обязанность каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы сознаваться въ этихъ слабостяхъ и увлеченіяхъ; а потому я выразилъ надежду, что, прощаясь со мной, они не захотятъ меня огорчить и не откажутся сказать, кто билъ сторожа? Говоря это, я былъ такъ взволнованъ, что голосъ мой дрожалъ и слезы навертывались на глаза. Едва я кончилъ говорить, какъ три воспитанника, плача навзрыдъ, подошли ко мнѣ и объявили, что они были въ орѣшникѣ, что пьяный сторожъ схватилъ одного изъ нихъ и сталъ бить; тогда, они желая отнять у сторожа своего товарища, ударили его палкой по головѣ. Это сознаніе меня такъ обрадовало, что я готовъ былъ расцѣловать сознавшихся; но, руководствуясь, принципомъ, что сознаніе должно имѣть смыслъ раскаянія, а не расчета на безнаказанность, я ихъ отправилъ подъ арестъ, но впослѣдствіи отъ души ихъ поблагодарилъ за то удовольствіе, которое они мнѣ сдѣлали своимъ сознаніемъ. И такъ, если въ теченіе 1$^1/_3$ года, я достигъ въ дѣлѣ воспитанія такихъ блестящихъ результатовъ, то, по моему убѣжденію, я былъ обязанъ этимъ уничтоженію постыднаго тѣлеснаго наказанія и развитію въ сердцахъ воспитанниковъ того благороднаго самолюбія, которое служитъ наилучшимъ средствомъ для нравственнаго развитія.

Наканунѣ отбытія воспитанниковъ въ другія училища, я сдѣлалъ имъ и служащимъ обѣдъ и пригласилъ нѣкоторыхъ моихъ городскихъ знакомыхъ, какъ напримѣръ Кавалинскаго, Бедрягу и другихъ. Обѣдъ былъ самый задушевный; я былъ глубоко тронутъ расположеніемъ, которое мнѣ выражено было служащими и воспитанниками; эти послѣдніе донесли меня на рукахъ изъ лагеря, гдѣ былъ обѣдъ, до моей дачи. Наконецъ училище опустѣло, все имущество было продано, и я остался безъ всякаго дѣла, ожидать приказа объ оставленіи меня за штатомъ.

Въ это время въ Воронежской губерніи вводились мировыя учрежденія. Губернскій предводитель дворянства Сомовъ и нѣкоторые влія-

тельные земцы выразили мнѣ желаніе, чтобы я остался въ Воронежѣ и обѣщали полное свое содѣйствіе къ избранію меня участковымъ мировымъ судьей.

Эта новая предстоящая мнѣ дѣятельность была для меня не непріятна. Разсчитывая на обѣщанное мнѣ избраніе, я нанялъ домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго предположилъ сдѣлать камеру судьи, а въ верхнемъ этажѣ помѣстился съ семействомъ; затѣмъ, купивъ Судебные Уставы, началъ ихъ изучать.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Въ Воронежъ пріѣхалъ, для осмотра Воронежской Военной Гимназіи, генералъ Исаковъ, пригласилъ меня къ себѣ и спросилъ: что̀ я имѣю въ виду дѣлать по оставленіи меня за штатомъ? Я ему высказалъ откровенно мои намѣренія и просилъ его, если возможно, произвести меня въ генералъ-маіоры, передъ увольненіемъ въ отставку. Онъ мнѣ отвѣчалъ уклончиво. По отъѣздѣ его, я вскорѣ заболѣлъ корью, а жена моя коклюшемъ. (Престранное дѣло, что у меня и у жены приключились болѣзни, которыя бываютъ только въ дѣтскомъ возрастѣ). Едва оправившись, я получилъ совершенно неожиданно телеграмму, что я произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ скоромъ послѣ того времени, ко мнѣ заѣхалъ губернаторъ князь Трубецкой и передалъ мнѣ письмо ко мнѣ отъ генерала Исакова. Привожу это письмо дословно.

«3-го Января 1867 года. Милостивый государь Григорій Дмитріевичъ! Директоръ Орловской Военной Гимназіи генералъ-маіоръ Бушенъ получаетъ другое назначеніе. Заведеніе доведено имъ до такого состоянія, что я бы желалъ его ввѣрить, съ особой осторожностью, лицу вполнѣ и искренне привязанному къ дѣлу воспитанія юношества и раздѣляющему мое воззрѣніе на цѣль нашей работы. Я предлагаю это мѣсто вамъ; если вы согласны, прошу мнѣ телеграфировать вашъ отвѣтъ.

«Самое замѣщеніе должно совершиться въ концѣ Января; вамъ нужно будетъ, не теряя времени, отправиться частнымъ образомъ въ Орелъ, пожить тамъ дней 10 и ознакомиться хорошенько съ внутренней жизнью заведенія. Генералъ-маіоръ Бушенъ теперь здѣсь и черезъ 10 дней будетъ въ Орлѣ и, зная о предположеніи моемъ, натурально все вамъ объяснитъ въ подробности и со всѣми познакомитъ. Оттуда вы проѣдете чрезъ Москву, гдѣ ознакомитесь подробно со 2-й Московской Военной Гимназіей, генералъ-маіоръ Мезенцовъ вамъ вполнѣ будетъ содѣйствовать; осмотрѣвъ также и 1-ю гимназію, пріѣдете въ Пе-

тербургъ, гдѣ нужно будетъ ознакомиться со здѣшними заведеніями и переговорить со мной. Все вы сдѣлаете какъ частное лицо, и конечно съ такимъ характеромъ вы не встрѣтите нигдѣ препятствій.

«Ожидая телеграфическаго извѣщенія отъ васъ, каково бы ни было ваше рѣшеніе на мое предложеніе, прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности. Н. Исаковъ».

Письмо генерала Исакова меня очень обрадовало, какъ потому, что я видѣлъ изъ него, что мои труды были оцѣнены, такъ и потому, что, любя дѣло воспитанія, я имѣлъ возможность продолжать мою педагогическую дѣятельность. Изъявивъ телеграммой согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе и исполнивъ все, чтò мнѣ было указано въ письмѣ генерала Исакова, я уѣхалъ изъ Воронежа въ Орелъ со всѣмъ моимъ семействомъ въ концѣ Февраля 1867 года.

XI.

Описаніе моей дѣятельности, какъ директора Орловской Бахтина Военной Гимназіи представляетъ для меня нелегкую задачу. Хвалить все чтò было я не могу по совѣсти, а выражать неодобреніе нѣкоторымъ существовавшимъ порядкамъ и лицамъ, которыя большею частію живы, должно неминуемо возбудить ихъ неудовольствіе; тѣмъ не менѣе я рѣшился выполнить эту задачу съ той правдивостью и искренностью, которыя свойственны моему характеру, и пусть будутъ мной недовольны, но никто меня не упрекнетъ въ отступленіи отъ истины.

Трудно было найти человѣка съ болѣе честнымъ и благороднымъ направленіемъ, какъ Николай Васильевичъ Исаковъ, поставленный во главѣ Военно-учебныхъ Заведеній. Онъ имѣлъ самыя благія намѣренія и хорошо понималъ, что учебныя заведенія, въ которыхъ царствуютъ ложь и обманъ снизу до верху, не могли развивать въ сердцахъ юношей тѣ благородныя чувства, которыми долженъ быть преисполненъ каждый честный гражданинъ и офицеръ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на выборъ лицъ, которымъ должно быть ввѣрено воспитаніе молодаго поколѣнія. Учредивъ должности воспитателей, онъ дѣлалъ все, чтò могъ для улучшенія ихъ персонала; начальниками же учебныхъ заведеній онъ старался назначать лицъ, сочувствовавшихъ его направленію и любившихъ дѣло воспитанія. Но къ сожалѣнію вы-

боръ лицъ, служившихъ въ его центральномъ управленіи, былъ не совсѣмъ удаченъ; между ними были такія личности, которыя не только не сочувствовали взглядамъ Николая Васильевича, но и критиковали его дѣйствія и своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу тормозили самыя благія его начинанія. Одно изъ этихъ лицъ говорило мнѣ съ досадою, что генералъ Исаковъ видитъ въ немъ не больше какъ старшаго писаря и вслѣдствіе этого дѣлаетъ престранныя распоряженія. Другія лица, хотя и выражали сочувствіе взглядамъ главнаго начальника В. У. З.; но сочувствіе это крылось не въ ихъ убѣжденіяхъ, а въ желаніи угодить начальнику. Отъ этого происходило не разъ явное противорѣчіе между словами генерала Исакова и требованіями его Главнаго Управленія. Всѣ относились съ полнымъ уваженіемъ къ Николаю Васильевичу Исакову, но никто не любилъ его Главнаго Управленія. Директоръ одной изъ Московскихъ военныхъ гимназій заболѣлъ довольно серьезно; всякое волненіе считали для него опаснымъ, и потому, прежде всего ему запретили читать бумаги, получаемыя изъ Главнаго Управленія.

Нельзя также отнестись съ похвалами и къ нѣкоторымъ лицамъ, пріѣзжавшимъ инспектировать Военныя Гимназіи. Они высказывали не рѣдко самыя противоположныя мнѣнія; такъ напримѣръ одинъ изъ ревизоровъ расхвалилъ до небесъ въ Орловской Военной Гимназіи учителя Русскаго языка Жижина, а другой нашелъ его никуда негоднымъ; одному ревизору не понравилось, что воспитанники даютъ театральныя представленія, а другой одобрилъ этотъ родъ развлеченій. Былъ случай, что одинъ ревизоръ, желая ближе ознакомиться съ дѣятельностью директора, разспрашивалъ о немъ его подчиненныхъ, говоря съ каждымъ по секрету; а другой, сказавъ директору, что онъ служитъ 28 лѣтъ и не видалъ заведенія, въ которомъ была бы лучше поставлена воспитательная часть, какъ въ томъ которымъ онъ завѣдуетъ, по возвращеніи въ Петербургъ, перемѣнилъ свое мнѣніе и говорилъ другое. Если бы ревизоры, инспектируя Военныя Гимназіи, выражали одни и тѣже взгляды и предъявляли одинаковыя требованія, то инспекціи ихъ были бы очень полезны для заведеній: директоры могли бы сообразоваться съ сдѣланными замѣчаніями и исправлять все дурное и ошибочное; кромѣ того правильныя и безпристрастныя инспекціи могли бы единобразить прохожденіе курса въ разныхъ гимназіяхъ, а то выходило, что въ каждой гимназіи было свое распредѣленіе курса по классамъ, и воспитанникъ, переведенный изъ одной гимназіи въ другую, не имѣлъ въ томъ же классѣ знаній, требуемыхъ въ этой послѣдней гимназіи. Въ особенности рѣзко выражалось раз-

личіе программъ въ преподаваніи естественныхъ наукъ. Въ одной гимназіи Ботаника и Зоологія преподавались параллельно въ одномъ и томъ жъ классѣ; а въ другой гимназіи Ботаника преподавалась въ одномъ классѣ, а Зоологія въ другомъ. Вообще, учебное дѣло въ Военныхъ Гимназіяхъ было поставлено такъ, что заставляло многаго желать. Скажу по этому поводу еще нѣсколько словъ.

Программы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какими были Военныя Гимназіи, должны быть составлены, по моему мнѣнію, такъ, чтобы проходимый въ нихъ курсъ былъ по силамъ мальчикамъ съ средними способностями. Если же предоставить оканчивать курсъ только самымъ способнымъ, а остальныхъ, которыхъ очень много, выбрасывать изъ заведеній, то отъ этого былъ бы вредъ и для Военнаго Министерства, которое, затрачивая огромныя деньги, получало бы мало офицеровъ, и для исключаемыхъ мальчиковъ, которые, будучи возвращаемы родителямъ, не по ихъ винѣ, составили бы бремя, какъ для этихъ послѣднихъ, такъ отчасти и для государства. Предположимъ даже, что нѣкоторые юноши, не обладающіе большими способностями, но особенно прилежные, могли бы кое-какъ слѣдить за курсомъ и дотянуть до офицерскаго чина; но это было бы въ въ ущербъ ихъ здоровью, и изъ нихъ вышли бы офицеры, неспособные къ физическому труду, который требуется отъ военнослужащихъ. Казалось бы, что такая истина не можетъ подлежать спору; между тѣмъ для Военныхъ Гимназій составлены были программы, расширенныя сравнительно съ программами кадетскихъ корпусовъ, и для прохожденія всего курса назначено было шесть лѣтъ. Конечно невозможность пройти такой громадный курсъ обнаружилась очень скоро. Главное Управленіе, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же прибавить одинъ классъ, или уменьшить курсъ, стало дѣлать опыты для исправленія своихъ ошибочныхъ программъ. Сначала предложено было Военнымъ Гимназіямъ учредить два третьихъ класса, одинъ для болѣе способныхъ учениковъ, а другой для безуспѣшныхъ; затѣмъ дозволено было открыть приготовительный классъ. Распоряженія эти не имѣли обязательнаго характера, а предоставлялись усмотрѣнію гимназій, отъ этого явилась еще бòльшая рознь въ прохожденіи курса въ разныхъ гимназіяхъ. Наконецъ, главное управленіе дѣлало иногда такія перемѣны въ классныхъ программахъ, которыя не могли не отразиться вредно на преподаваніи. Такъ напримѣръ оно перенесло, не предупредивъ гимназіи, прохожденіе одной части Географіи изъ высшаго класса въ нижній; отъ этого произошло, что воспитанники, перешедшіе въ этомъ году изъ низшаго класса въ верхній, не могли пройти этой части Географіи ни въ томъ классѣ, изъ кото-

раго были переведены, ни въ томъ классѣ, въ который перешли. Такая неустойчивость и шаткость во взглядахъ Главнаго Управленія на учебное дѣло немало вредили успѣхамъ преподаванія, и прискорбно было то, что, только послѣ 8-ми лѣтнихъ опытовъ, сдѣлано было наконецъ то, съ чего слѣдовало бы начать а именно: изъ 6-ти классныхъ Военныя Гимназіи обращены были въ 7-ми классныя. Много еще указаній я могъ бы сдѣлать на причины, тормозившія учебное дѣло, но приведу два, изъ которыхъ объ одномъ я заявлялъ лицу, инспектировавшему Орловскую Военную Гимназію, а о другомъ представлялъ Главному Управленію Военно-учебныхъ Заведеній. Первое заключалось въ слѣдующемъ. Преподаватели Военныхъ Гимназій получали плату по числу уроковъ, а потому стремились взять какъ можно болѣе уроковъ; большинство изъ нихъ имѣли по 30 часовъ въ недѣлю, то есть по пяти въ день. Хотя нѣкоторые изъ нихъ сохраняли достаточно физическихъ и умственныхъ силъ, чтобы не утомляться и вести преподаваніе съ такой же энергіей на пятомъ урокѣ, какъ на первомъ, но его были исключенія; вообще же я замѣчалъ на пятомъ урокѣ такую вялость преподаванія, которая не могла не отразиться вредно на успѣхахъ учащихся. Въ Орловской Военной Гимназіи одинъ учитель такъ утомлялся, что, войдя въ классъ на пятомъ урокѣ, черезъ десять минутъ уходилъ въ лазаретъ и возвращался въ классъ передъ самымъ звонкомъ, служившимъ сигналомъ окончанія занятій. Другой учитель, читая воспитанникамъ вслухъ на пятомъ урокѣ, зѣвалъ и не обращалъ вниманія, что никто его не слушаетъ. Это утомленіе и постоянное смотрѣніе на часы учителей передавались невольно ученикамъ и наводили на нихъ не только скуку, но подчасъ и сонъ. Наблюденія эти я дѣлалъ, не сидя въ классѣ, такъ какъ учитель не могъ бы, въ присутствіи директора, вести вяло преподаваніе, а наблюдая затѣмъ, что дѣлается въ классахъ въ стеклянныя двери, выходившія въ корридоръ. Другое замѣчаніе, мной сдѣланное, относилось до переутомленія *) мальчиковъ. Въ Орловской Военной Гимназіи, а вѣроятно и въ другихъ Военныхъ Гимназіяхъ, по росписанію назначено было пять часовъ классныхъ занятій поутру и три часа послѣ обѣда для приготовленія уроковъ (изъ этихъ трехъ часовъ часть времени удѣлялась танцамъ, гимнастикѣ и строевымъ занятіямъ); такимъ образомъ воспитанники должны были сидѣть ежедневно на одномъ мѣстѣ 7—8 часовъ; большая же часть сидѣла гораздо долѣе, такъ какъ не успѣвала въ положенные часы приготовлять заданныхъ уроковъ. При подвижности дѣтской натуры, такое долгое си-

*) Въ то время, когда я завѣдывалъ Орловской Военной Гимназіей, терминъ этотъ не существовалъ; но былъ фактъ, на который никто не обращалъ вниманія.

дѣніе не могло не отразиться вредно на здоровьѣ воспитанниковъ, въ чемъ я убѣдился, разсматривая лазаретныя вѣдомости за все время существованія Кадетскаго Корпуса и Военной Гимназіи: оказалось, что смертныхъ случаевъ и заболѣваній нѣкоторыми болѣзнями, сравнительно, было болѣе въ Гимназіи, чѣмъ въ Корпусѣ. Обстоятельство это мнѣ показалось весьма важнымъ и, приписывая его переутомленію дѣтей, я предложилъ педагогическому комитету обсудить мѣры, которыя слѣдуетъ принять. Комитетъ, согласившись со мной, что одной изъ причинъ этого явленія была продолжительность умственной работы воспитанниковъ, призналъ весьма полезнымъ уменьшить для 1-го и 2-го классовъ число уроковъ съ 5 на 4. Уменьшеніе же классныхъ занятій и числа часовъ, назначенныхъ для приготовленія уроковъ въ верхнихъ классахъ, было невозможно вслѣдствіе громадности курса. Журналъ рѣшеній педагогическаго комитета былъ мной отправленъ въ Главное Управленіе, но никакихъ послѣдствій онъ не имѣлъ.

Указывая на недостатки учебной части, справедливость требуетъ сказать, что воспитательная часть Военныхъ Гимназій была поставлена очень высоко.

Громадная заслуга генерала Исакова заключалась въ томъ, что онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на дѣло воспитанія въ Военныхъ Гимназіяхъ. Во время его управленія тысячи юношей, окончившихъ курсъ въ Военныхъ Гимназіяхъ, обязаны были ему, что они вступили въ самостоятельную жизнь съ самыми честными и благородными стремленіями, усвоенными ими въ заведеніи ихъ воспитавшемъ. Зная, что, въ нравственномъ воспитаніи, хорошій примѣръ служитъ наилучшимъ средствомъ воспитанія, онъ старался уничтожить въ средѣ, окружающей воспитанниковъ, всякую ложь и обманъ, требуя отъ директоровъ полной съ нимъ откровенности и сознанія тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлались и которыхъ онъ никогда не ставилъ въ вину, понимая, что всякое дѣло рукъ человѣческихъ не можетъ быть совершенно. Дѣлая осмотры гимназіямъ и желая видѣть не показную, а вседневную жизнь заведеній, онъ не придавалъ своимъ посѣщеніямъ никакой оффиціальности, ходилъ по классамъ, разспрашивалъ о нуждахъ заведенія, интересовался самыми мельчайшими подробностями, относящимися къ дѣлу воспитанія, но не обращалъ вниманія на внѣшнюю форму. Такъ, напримѣръ, по вступленіи моемъ въ должность директора Орловской Военной Гимназіи, я разрѣшилъ дежурнымъ воспитанникамъ быть въ сюртукахъ и не надѣвать оружія; его превосходительство не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ нововведеніи, которое я сдѣлалъ, можетъ

быть, не имѣя на то права. Во всѣхъ дѣйствіяхъ генерала Исакова было видно благородство чувствъ и честное отношеніе къ дѣлу. Конечно, его примѣру не могли не слѣдовать директоры военно-учебныхъ заведеній, и если между ними были лица, которыя не могли отрѣшиться отъ традиціонныхъ порядковъ прежняго времени, то во всякомъ случаѣ не могло быть и рѣчи о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя дѣлались въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ. Недавно мнѣ разсказывали, что у одного начальника воспитательнаго заведенія жена живетъ въ одномъ этажѣ занимаемаго имъ казеннаго дома, а любовница въ другомъ этажѣ. Подобный фактъ былъ бы невозможенъ при Исаковѣ. При немъ былъ случай, что одинъ директоръ вступилъ въ связь съ невинной молодой дѣвушкой, и онъ былъ тотчасъ же смѣненъ. Невозможенъ былъ бы и отвѣтъ воспитанника, на вопросъ, который я ему сдѣлалъ: доволенъ ли онъ и его товарищи своимъ директоромъ? «Да, сказалъ онъ, мы очень довольны: онъ никогда почти къ намъ не приходитъ». Воспитанники Военныхъ Гимназій не радовались, а печалились, если не видятъ своего директора. Такъ было при директорахъ: Бушенѣ, Мезенцовѣ, Слуцкомъ, Симашкѣ, Носовичѣ и другихъ.

Высказавъ мой общій взглядъ на положеніе Военныхъ Гимназій, перейду къ описанію моей дѣятельности въ Орловской Военной Гимназіи.

Пріѣхавъ въ Орелъ, я съ первыхъ же дней убѣдился, что мнѣ труднѣе будетъ вести дѣло въ Орловской Военной Гимназіи, чѣмъ я велъ его въ Воронежскомъ училищѣ. Въ гимназіи всѣ служащіе были люди развитые, съ установившимися взглядами и не менѣе меня опытные въ дѣлѣ воспитанія. Желая исключительно пользы заведенія, я не хотѣлъ дѣйствовать начальническими пріемами на тѣхъ изъ нихъ, которые уклоняются отъ моихъ взглядовъ, но не желалъ также поступаться моими убѣжденіями. Весь штатъ воспитателей и преподавателей былъ сформированъ моимъ предмѣстникомъ Бушеномъ, который, будучи назначенъ директоромъ Пажескаго Корпуса, обѣщалъ нѣкоторымъ изъ нихъ перевести ихъ въ свой корпусъ; слѣдовательно служба въ Гимназіи ихъ нисколько не интересовала. Другіе, зная, какимъ высокимъ мнѣніемъ пользуется Бушенъ у генерала Исакова, дорожили болѣе своими хорошими отношеніями къ бывшему ихъ начальнику, чѣмъ ко мнѣ— ихъ настоящему директору, и думали, что въ словахъ: «такъ было при Бушенѣ» должна была заключаться обязательная для меня сила. Къ довершенію моего неудовольствія, инспекторъ классовъ, который могъ бы быть наилучшимъ посредникомъ между мною и служащими, расходился со мною во многихъ взглядахъ

и сталъ ко мнѣ въ опозицію. Поставленный такимъ образомъ въ весьма трудное положеніе, я не разъ сожалѣлъ, что не остался въ Воронежѣ между людьми, ко мнѣ расположенными, а взялъ на себя обязанности директора Гимназіи, гдѣ, какъ я ясно видѣлъ, меня хотятъ заставить плясать по чужой дудкѣ; но я такъ былъ убѣжденъ въ вѣрности моихъ педагогическихъ принциповъ, что твердо рѣшился провести ихъ въ жизнь заведенія, или... выйти въ отставку.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго приведу слѣдующіе факты.

Первый мѣсяцъ моего завѣдыванія Гимназіей я проводилъ большую часть дня въ Гимназіи, слѣдилъ за всѣмъ что́ дѣлается, читалъ штрафные журналы, разспрашивалъ воспитателей о характерѣ ихъ воспитанниковъ, сидѣлъ на лекціяхъ, говорилъ съ учителями, но ни во что́ не вмѣшивался и ни на кого не производилъ никакого давленія: я желалъ только ближе ознакомиться съ жизнью заведенія и съ характеромъ лицъ, руководившихъ воспитанниками. Придя, одинъ разъ, въ классъ воспитателя, котораго Бушенъ мнѣ отрекомендовалъ съ отличной стороны, я узналъ, что въ классѣ было накурено. Докладывая мнѣ объ этомъ, воспитатель сказалъ, что, въ виду того, что никто изъ воспитанниковъ не сознался въ куреніи, онъ отправилъ въ карцеръ того воспитанника, у котораго были наиболѣе дурныя отмѣтки въ поведеніи и объявилъ ему, что онъ будетъ сидѣть въ карцерѣ до тѣхъ поръ, покуда не скажетъ кто курилъ, если курилъ не онъ, и откуда взяты папиросы. Я сказалъ воспитателю, что мѣру имъ принятую я считаю непедагогичною, но не вмѣшиваюсь въ его распоряженіе, интересуясь знать, какой получится результатъ. Прошло десять дней, воспитанникъ сидѣлъ въ карцерѣ и не сознавался; наконецъ, воспитатель пошелъ къ нему и узналъ отъ него, что онъ курилъ окурокъ, который онъ нашелъ въ коридорѣ. Конечно это было не сознаніе, а ложь, къ которой мальчикъ прибѣгнулъ, чтобы не выдать кого-либо изъ своихъ товарищей. Итакъ, мѣра, принятая воспитателемъ, не только не послужила къ исправленію воспитанника, но, заставивъ его прибѣгнуть къ обману, внесла нравственную порчу въ его сердце.

Для обсужденія серьезныхъ педагогическихъ вопросовъ и для постановки воспитанникамъ баловъ изъ поведенія, а также для назначенія наказаній за крупные проступки, въ Гимназіи существовалъ педагогическій комитетъ, состоявшій изъ всѣхъ воспитателей, преподавателей и врачей; но кромѣ этого комитета, каждый Понедѣльникъ собирались воспитатели, которые, по предложенію директора, обсуживали мелкіе проступки воспитанниковъ, совершенные въ теченіи недѣли,

разсматривали мѣры, принятыя воспитателями и составляли общія правила, для руководства ими какъ воспитателей, такъ и воспитанниковъ. Эти еженедѣльныя совѣщанія, которымъ не велось журналовъ, имѣли частный характеръ и назывались воспитательскими комитетами. Въ одномъ изъ этихъ комитетовъ я предложилъ обсудить, правильна ли мѣра воспитателя, требовавшаго отъ воспитанника, чтобы онъ указалъ своего товарища, виновнаго въ куреніи? При этомъ я объяснилъ, что, по моему мнѣнію, мы должны не уничтожать, а развивать товарищеское чувство въ воспитанникахъ, такъ какъ исправленіе дурныхъ мальчиковъ можетъ совершиться гораздо вѣрнѣе подъ вліяніемъ ихъ товарищей, чѣмъ какими либо другими мѣрами; вслѣдствіе чего я полагалъ, что главная наша забота должна заключаться въ томъ, чтобы дать массѣ хорошее направленіе, достигнуть же этого мы могли только, требуя отъ нея того, чтó честно и благородно, а не выдачи своего товарища. Относительно же мальчика, посаженнаго въ карцеръ, я указалъ, что мѣру, принятую воспитателемъ, я считаю въ высшей мѣрѣ не педагогическою; его подвергли истязанію (десятидневное одиночное заключеніе я не могу назвать иначе) не за какое либо преступленіе, а за то, что онъ не хотѣлъ выдать своего товарища; я нахожу, что за такое дѣйствіе ему скорѣе нужно прибавить балъ изъ поведенія, а не сбавить его, какъ желаетъ воспитатель. Первымъ мнѣ возражалъ инспекторъ классовъ. Онъ указалъ, что въ настоящее время вводятся новые суды, которымъ сочувствуетъ вся Россія, что эти суды требуютъ отъ каждаго честнаго человѣка не скрывать преступленій, а обнаруживать ихъ, а потому мы должны внушать эти понятія ввѣреннымъ намъ воспитанникамъ. Я ему объяснилъ, что между преступленіемъ и проступкомъ, не затрогивающимъ чести человѣка, а выражающимъ только его легкомысліе, есть большая разница; что если честный человѣкъ не долженъ скрывать вора, то едва ли можно считать его обязаннымъ доносить на товарища, которому случайно попала въ руки запрещенная книга; вообще понятія объ укрывательствѣ и отказѣ отъ показанія на товарища никакъ не совмѣстимы; даже и суды не требуютъ свидѣтельскихъ показаній отъ лицъ, близкихъ къ подсудимому. Нѣкоторые воспитатели приняли сторону инспектора классовъ. Я прекратилъ пренія, довольствуясь тѣмъ, что я узналъ лицъ, которыхъ взгляды были несогласны съ моими убѣжденіями.

Въ слѣдующій Понедѣльникъ я прочелъ въ комитетѣ записку, въ которой изложилъ всѣ сдѣланныя мной замѣчанія относительно дѣйствій воспитателей въ теченіи недѣли и подвергъ эти дѣйствія критическому разбору. Записка эта вызвала бурныя пренія и вынудила ме-

ня, вслѣдствіе неумѣстнаго заявленія одного воспитателя, закрыть засѣданіе комитета. Помню, что инспекторъ классовъ сказалъ мнѣ въ этомъ комитетѣ въ видѣ упрека: «Вы управляете Гимназіей уже нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ ни одного воспитанника не посадили подъ арестъ» (!?)....

Читая журналы педагогическихъ комитетовъ, я нашелъ въ нихъ одно постановленіе, обязывавшее воспитателей читать переписку воспитанниковъ съ их родителями. Признавая подобное правило безнравственнымъ, я рѣшился предложить комитету отмѣнить его. Я объяснилъ, что если мы признаемъ, что въ нравственномъ воспитаніи примѣръ окружающей среды служитъ не только главнымъ, но почти единственнымъ средствомъ воспитанія, то мы всѣ должны строго держаться нравственныхъ принциповъ. Какимъ же образомъ воспитатель, читая письма воспитанниковъ, можетъ имъ внушать, что чтеніе чужихъ писемъ не честно? Нѣтъ сомнѣнія, что такой воспитатель, у котораго дѣло расходится съ словомъ, неминуемо потеряетъ уваженіе воспитанниковъ, а безъ уваженія успѣхъ въ дѣлѣ воспитанія невозможенъ. Возраженія, сдѣланныя мнѣ инспекторомъ классовъ и нѣкоторыми воспитателями, сводились къ слѣдующимъ тезисамъ. Для успѣха воспитанія, воспитатель долженъ знать хорошо характеръ своихъ воспитанниковъ, а лучшимъ средствомъ для этого можетъ служить чтеніе ихъ писемъ; и затѣмъ, что воспитатель долженъ стоять такъ близко къ своимъ воспитанникамъ, чтобы у этихъ послѣднихъ не было ни одной тайной мысли отъ него. Я замѣтилъ моимъ опонентамъ, что если черезъ чтеніе писемъ воспитанниковъ они думаютъ знакомиться съ ихъ характерами, то цѣли этой они не достигнутъ, такъ какъ воспитанникамъ очень легко направить свою переписку не черезъ Гимназію, а черезъ своихъ товарищей, ходящихъ по праздникамъ въ отпускъ *); слѣдовательно воспитатели будутъ читать только тѣ письма, которыя имъ дадутъ сами воспитанники. Кромѣ того, одинъ воспитанникъ въ письмѣ къ своему отцу расхвалилъ своего воспитателя, зная, что онъ прочтетъ это письмо. Итакъ чтеніе писемъ воспитанниковъ не только не поведетъ воспитателей къ знакомству съ характерами воспитанниковъ, но можетъ развить въ сердцахъ этихъ послѣднихъ безнравственныя стремленія. Что относится до близости воспитателя къ воспитанникамъ, то я полагаю, что воспитатель—не духовникъ, но что если онъ сумѣлъ поставить себя такъ близко къ воспитанникамъ, что они

*) Я зналъ одного воспитанника, который посылалъ и получалъ письма черезъ посредство своего товарища-экстерна.

ничего не скрываютъ отъ него, то и безъ существованія какого-либо правила, они могутъ давать ему читать свои письма. Послѣ трехъ-часовыхъ преній мое предложеніе было принято большинствомъ одного голоса.

Послѣ этого комитета, въ Орелъ пріѣхалъ состоявшій при генералѣ Исаковѣ и присланный имъ для осмотра Военной Гимназіи дѣйствительный статскій совѣтникъ В. В. Авиловъ, человѣкъ очень умный и образованный. Я счелъ себя обязаннымъ высказать ему мои взгляды и противодѣйствіе, которое я встрѣчаю въ инспекторѣ классовъ. В. В. Авиловъ горячо принялъ мою сторону и въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ доказалъ инспектору классовъ ошибочность его сужденій. Поддержка, оказанная мнѣ Авиловымъ, цѣлебно подѣйствовала на мое здоровье, которое начало разстраиваться отъ постоянныхъ нравственныхъ волненій; я удвоилъ энергію и, послѣ двухъ лѣтняго завѣдыванія Гимназіей, могъ съ увѣренностью сказать, что сдѣлался полнымъ хозяиномъ заведенія, не поступившись ни однимъ моимъ убѣжденіемъ. Къ удовольствію моему, въ этотъ промежутокъ времени вышли изъ Гимназіи нѣкоторые воспитатели, составлявшіе мнѣ опозицію, а впослѣдствіи и инспекторъ классовъ былъ переведенъ въ другую Гимназію. Вновь назначенные мной, на мѣсто выбывшихъ воспитателей, имѣли полное ко мнѣ довѣріе,, и дѣло воспитанія пошло превосходно. Объ одномъ изъ новопоступившихъ воспитателей, Алексѣѣ Ивановичѣ Филатовѣ, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Одно изъ отдѣленій 1-го класса было поручено мной воспитателю инженерному подполковнику Иванову, человѣку очень хорошему, окончившему курсъ въ Инженерной Академіи, но болѣзненному, раздражительному и не имѣвшему никакого призванія къ воспитательной дѣятельности. Отдѣленіе, ему порученное, состояло изъ только что поступившихъ въ Гимназію мальчиковъ, очень рѣзвыхъ, несдержанныхъ и неумѣвшихъ себя держать. Ивановъ ничего не могъ съ ними сдѣлать и былъ въ отчаяніи; щедро расточая наказанія, онъ думалъ ими исправить своихъ питомцевъ, но и наказанія не помогали. Приходя въ его классъ, я постоянно видѣлъ, что нѣсколько мальчиковъ стоятъ на штрафу; затѣмъ, нѣкоторыхъ онъ оставлялъ безъ обѣда. Когда я ему замѣтилъ, что я не могу одобрить его системы воспитанія, онъ меня умолялъ взять у него это отдѣленіе и дать ему другое болѣе взрослое *). Въ

*) Получивъ отдѣленіе болѣе взрослыхъ воспитанниковъ, Ивановъ едва могъ съ нимъ справляться, заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

это время, въ Гимназію поступилъ новый воспитатель Алексѣй Ивановичъ Филатовъ, который окончилъ курсъ въ Академіи Генеральнаго Штаба и служилъ воспитателемъ въ одной изъ Московскихъ военныхъ гимназій; будучи Орловскимъ помѣщикомъ, онъ просилъ меня ходатайствовать о переводѣ его въ Орелъ. На предложеніе мое Филатову взять отдѣленіе Иванова, онъ охотно согласился. Прошло не болѣе 1½ года, отдѣленіе это стало лучшимъ во всей Гимназіи; преподаватели не знали, какъ нахвалиться прилежаніемъ и успѣхами воспитанниковъ; по 10 учениковъ изъ 28 имѣли въ среднемъ выводѣ 10 баловъ и получали ежегодно награды. Дежурные воспитатели были также очень довольны воспитанниками этого отдѣленія и, сколько я помню, ни одинъ изъ воспитанниковъ не былъ записанъ въ штрафную книгу. Достигъ Филатовъ такихъ блестящихъ результатовъ не наказаніями (въ теченіи 4-хъ лѣтъ, которыя Филатовъ пробылъ въ Гимназіи, онъ не наказалъ ни одного мальчика), а особенной любовью, которую умѣлъ внушить мальчикамъ. Проводя большую часть дня въ своемъ отдѣленіи, онъ постоянно былъ окруженъ своими питомцами, занималъ ихъ разными разсказами, принималъ участіе въ ихъ играхъ, читалъ имъ вслухъ, и всѣ слушали его съ особеннымъ вниманіемъ. Уѣхавъ одинъ разъ на три дня въ свою деревню, онъ меня просилъ не поручать его отдѣленія другому воспитателю, такъ какъ его воспитанники обѣщали, что они будутъ себя вести также хорошо въ его отсутствіи, какъ при немъ. По возвращеніи его, надо было видѣть радость всего отдѣленія. Одинъ только мальчикъ (сколько помню, Трубчаниновъ) былъ очень печаленъ при встрѣчѣ съ своимъ воспитателемъ; это потому, что въ его отсутствіи онъ не выдержалъ и ударилъ какого-то товарища. Филатовъ покачалъ только головой, и мальчикъ залился горькими слезами, прося прощенія. Въ отдѣленіи Филатова былъ мой сынъ, а потому я зналъ это отдѣленіе лучше другихъ. За такую выдающуюся полезную педагогическую дѣятельность, Филатовъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, получилъ, по моему представленію, Владимира 4-й степени.

Для указанія, какіе отличные результаты получились въ нравственномъ развитіи воспитанниковъ, позволю себѣ привести нѣсколько случаевъ изъ жизни Орловской Военной Гимназіи въ послѣдній годъ моего завѣдыванія ею.

Послѣ обѣда воспитанниковъ 1-го и 2-го возрастовъ (болѣе 200 человѣкъ) буфетчикъ собралъ серебряныя ложки и, когда ихъ стали мыть, онъ замѣтилъ, что одна изъ нихъ была надломана. Экономъ принесъ мнѣ эту ложку; я передалъ ее воспитателямъ и просилъ узнать,

кто изъ воспитанниковъ ее надломалъ. Воспитатели объявили воспитанникамъ о моемъ желаніи, и виновный тотчасъ же сознался, за что просидѣлъ нѣсколько часовъ подъ арестомъ.

Другой случай былъ слѣдующій.

Въ Гимназію пріѣхало для инспекціи одно лицо изъ Главнаго Управленія. Живя въ Орлѣ около двухъ недѣль, этотъ инспекторъ пріѣзжалъ въ Гимназію въ разные часы дня. Пріѣхавъ одинъ разъ послѣ обѣда, когда не было никакихъ занятій, онъ вошелъ во второй возрастъ и услыхалъ, что кто-то свистнулъ. Подозвавъ дежурнаго воспитателя, онъ приказалъ ему узнать, кто свистѣлъ; воспитатель объявилъ объ этомъ воспитанникамъ, и виновный тотчасъ же вышелъ. Воспитатель хотѣлъ послать его подъ арестъ, но инспекторъ простилъ его. Меня не было въ то время въ Гимназіи; когда я пришелъ, инспекторъ сказалъ мнѣ, что онъ служитъ 28 лѣтъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній и въ первый разъ видитъ заведеніе, въ которомъ такъ хорошо поставлено воспитаніе. Затѣмъ былъ и такой случай, который можетъ указать, что воспитанники умѣли дѣлать различіе между пустымъ проступкомъ своего товарища и его безнравственнымъ дѣйствіемъ, которое они считали себя обязанными не скрывать, а обнаружить.

Артистка Леонова давала въ Орлѣ, въ Дворянскомъ Собраніи, концертъ и прислала 50 входныхъ билетовъ для воспитанниковъ. Воспитанники, большею частію старшаго возраста, отправились въ концертъ съ воспитателемъ. Возрасты въ Гимназіи были совершенно отдѣлены одинъ отъ другаго, такъ что изъ одного возраста въ другой воспитанники ходили по отпускнымъ билетамъ. Воспитатели дежурили по возрастамъ и знали только воспитанниковъ того возраста, къ которому принадлежало ихъ отдѣленіе. Одинъ воспитатель младшаго возраста поѣхалъ въ концертъ и, подъѣзжая къ Дворянскому Собранію, увидалъ стоящаго у подъѣзда воспитанника съ папироской во рту. Не зная въ лице этого воспитанника (такъ какъ онъ былъ старшаго возраста) онъ спросилъ его фамилію и приказалъ ему передать своему отдѣленному воспитателю, что онъ курилъ (у насъ былъ принятъ такой порядокъ). Воспитанникъ назвалъ себя Михайловымъ. Когда на другой день я пришелъ въ старшій возрастъ, дежурный воспитатель объяснилъ мнѣ, что въ старшемъ возрастѣ оказался воспитанникъ какой-то Михайловъ, котораго никто не знаетъ. Въ то время, какъ я говорилъ съ этимъ воспитателемъ, подошелъ другой и сказалъ, что воспитанники его отдѣленія просили мнѣ доложить о недостойномъ поступкѣ ихъ товарища, который позволилъ себѣ назваться чужой фа-

миліей, желая скрыть свой проступокъ. Оказалось, что этотъ псевдо-Михайловъ былъ сынъ какого-то полицейскаго чиновника, не задолго передъ тѣмъ поступившій въ Гимназію. Такое строгое къ нему отношеніе товарищей такъ на него подѣйствовало, что онъ заболѣлъ и отправленъ былъ въ лазаретъ.

Описаніемъ вышеизложенныхъ фактовъ я хотѣлъ еще разъ подтвердить вѣрность взгляда, что для нравственнаго развитія юношей требуются не кары, а нравственныя мѣропріятія и что молодыя сердца легко воспринимаютъ все честное и благородное; а розга не только не можетъ облагородить чувствъ, но, уничтожая самоуваженіе, губитъ нравственность. Что генералъ Исаковъ, какъ личность высоконравственная, понималъ это и раздѣлялъ мои гуманные взгляды, я имѣю на то нѣкоторыя указанія. Во первыхъ, посѣщая Орловскую Гимназію почти ежегодно, онъ никогда не высказывалъ мнѣ критики на систему воспитанія, которой я держался и которой онъ не могъ не знать, такъ какъ я никогда ничего отъ него нескрывалъ. Потомъ былъ такой случай. Въ послѣднемъ классѣ Гимназіи былъ воспитанникъ весьма грубый, неловкій, неуклюжій и притомъ страдавшій печенью; имѣя хорошія способности, онъ учился недурно, но по поведенію онъ проявлялъ иногда грубыя выходки, дѣлавшія его неудобнымъ для воспитанія и для воспитателей. Будучи врагомъ системы исключенія изъ заведенія неудобныхъ для воспитанія мальчиковъ и считая, что возвратъ родителямъ ихъ сыновей долженъ лежать на нравственной отвѣтственности заведенія, которое не умѣло ихъ исправить, я всегда его защищалъ въ педагогическихъ комитетахъ, и онъ кое-какъ дошелъ до старшаго класса. Тутъ онъ сдѣлалъ скверную выходку. Не любя танцевъ, онъ не хотѣлъ дѣлать какія-то па, которыхъ требовалъ отъ него танцмейстеръ. Воспитатель приказалъ ему исполнить требованіе танцмейстера, или отправиться въ карцеръ. Онъ предпочелъ послѣднее и, проходя мимо воспитателя, громко и при всѣхъ сказалъ ему: Чортъ! Для поддержанія дисциплины въ массѣ, къ такому проступку нельзя было отнестись снисходительно; я тотчасъ собралъ педагогическій комитетъ, который рѣшилъ отправить его вольноопредѣляющимся въ полкъ. Какъ мнѣ ни жаль было мальчика, которому оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, но для пользы массы я согласился съ комитетомъ и сдѣлалъ представленіе о переводѣ его въ полкъ. Въ это время пріѣхалъ для осмотра Гимназіи генералъ Исаковъ. Воспитателю стало также жаль мальчика, который былъ въ отчаяніи. Онъ научилъ его, съ моего разрѣшенія, обратиться къ ген. Исакову съ просьбой о прощеніи и о приказаніи оставить его въ Гимназіи до окончанія курса. Маль-

чикъ послушался совѣта воспитателя, а я предупредилъ ген. Исакова о просьбѣ, съ которой къ нему обратится воспитанникъ. Его превосходительство согласился исполнить просьбу воспитанника только съ тѣмъ условіемъ, чтобы воспитатель поручился за его хорошее поведеніе до окончанія курса. Конечно, воспитатель поручился, воспитанникъ окончилъ курсъ, и изъ него вышелъ хорошій офицеръ; я слышалъ, что въ бывшую Болгарскую кампанію онъ получилъ Георгіевскій крестъ. Наконецъ, немалымъ доказательствомъ тому, что генералъ Исаковъ одобрялъ мою гуманную систему воспитанія, можетъ служить обиліе наградъ мной полученныхъ. Прослуживъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній семь лѣтъ, я получилъ пять наградъ: четыре ордена и чинъ генералъ-маіора.

Изо всего мной разсказаннаго видно, какую я велъ борьбу за мои педагогическіе взгляды по назначеніи меня директоромъ Орловской Военной Гимназіи. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что было бы проще и спокойнѣе, если бы я дѣйствовалъ на моихъ подчиненныхъ не убѣжденіемъ, а властью директора. Не могу съ этимъ согласиться, такъ какъ сила ведетъ всегда къ обману, а обманъ къ деморализаціи. Начальническіе пріемы способны вызвать въ средѣ подчиненныхъ не хорошія чувства, а дурныя, какъ напримѣръ: лесть, низкопоклонство, укрывательство и всякаго рода ложь. Проявленіе же такихъ чувствъ въ глазахъ воспитанниковъ можетъ повести ихъ къ нравственной порчѣ. По моему мнѣнію, только нравственная сила директора, основанная на уваженіи къ нему, можетъ держать воспитательное заведеніе на той высотѣ, которая необходима для успѣха воспитанія. Результаты моей дѣятельности доказали мнѣ вполнѣ вѣрность моихъ взглядовъ. Хотя я немало перенесъ нравственныхъ страданій, но вниманіе и расположеніе ко мнѣ не только служащихъ и воспитанниковъ, да и всего Орловскаго общества, вполнѣ вознаградили меня за тѣ дурныя минуты, которыя я испыталъ. Считаю долгомъ благодарить всѣхъ, въ особенности служившихъ со мной, за ихъ сочувствіе и за душевные проводы, которые они мнѣ сдѣлали при прощаніи со мной, а равно и за стипендію моего имени, которую они учредили. Приношу также мою искреннюю благодарность тѣмъ родителямъ воспитанниковъ, которые почтили меня своими сочувственными письмами съ выраженіемъ благодарности за попеченіе объ ихъ дѣтяхъ; нѣкоторымъ изъ нихъ я не могъ отвѣчать по незнанію ихъ адреса*).

---

*) Я не отвѣтилъ господамъ Исаевичу и Золотухину.

Прослуживъ около 35 лѣтъ и чувствуя, что послѣдняя моя служба директоромъ Орловской Военной Гимназіи значителено содѣйствовала къ разстройству моего здоровья, я рѣшился выйти въ отставку, чтобы отдохнуть и заняться моими собственными дѣлами, о которыхъ я забывалъ, посвящая все мое время службѣ. Приказъ объ увольненіи меня отъ службы послѣдовалъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1872 года.

XII.

Я ничего не говорилъ объ Орловскомъ обществѣ, потому что зналъ его очень мало: все мое время я проводилъ въ обществѣ служащихъ въ Гимназіи, въ которомъ было немало симпатичныхъ и образованныхъ людей. Въ гимнастическомъ залѣ Гимназіи, находившемся въ нижнемъ этажѣ и совершенно отдѣленномъ отъ помѣщеній воспитанниковъ, бывали каждую недѣлю по Субботамъ вечерà, на которые собирались семейства служащихъ. Вечерà начинались чтеніемъ рефератовъ по какой либо отрасли воспитанія, составленныхъ желающими, при чемъ допускались пренія; затѣмъ одинъ преподаватель, слѣдившій за политическими событіями въ теченіи недѣли, разсказывалъ сжато всѣ прочтенныя имъ въ газетахъ новости изъ внѣшней и внутренней политики, чтò имѣло особый интересъ для тѣхъ, которые, по недостатку времени, не могли слѣдить за газетами. Послѣ серьезнаго отдѣла вèчера, нѣкоторые садились играть въ карты, а другіе разговаривали и, случалось, танцовали подъ фортепьяно, которое стояло въ залѣ; иногда же одинъ изъ учителей музыки игралъ на скрипкѣ. Вечеръ оканчивался самымъ скромнымъ ужиномъ, который дѣлался на складчину всѣхъ бывшихъ на вечерѣ. Вечера эти очень оживляли гимназическое общество и, кромѣ удовольствія, имѣли свою долю пользы. На первомъ вечерѣ я прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для инструкціи воспитателямъ». Вскорѣ, какъ дополненіе къ этому реферату, одинъ изъ преподавателей, не помню который, изложилъ свое мнѣніе о зависимости нравственнаго развитія отъ умственнаго. Серьозные вопросы, затронутые этими рефератами, дали немало пищи разговорамъ и сужденіямъ, касавшимся воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ. На одинъ изъ такихъ вечеровъ пріѣхалъ случайно бывшій въ Орлѣ, помощникъ генерала Исакова генералъ Корсаковъ; но рефератъ былъ уже прочтенъ: онъ засталъ только разсказъ преподавателя Химеца о текущихъ политическихъ событіяхъ. Кромѣ этихъ вечеровъ, для воспитанниковъ давались балы, на которые приглашались семейства воспитанниковъ; на балахъ игралъ лучшій въ городѣ

оркестръ музыки; танцы продолжались иногда до 2 часовъ ночи; танцовали обыкновенно 40 и болѣе паръ. На балахъ подавались фрукты, конфекты, аршадъ и лимонадъ, но ужиновъ не дѣлалось. Наконецъ, въ большомъ залѣ Гимназіи устраивались иногда музыкальные и литературные вечера въ пользу благотворительныхъ учрежденій г. Орла. На этихъ вечерахъ игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ воспитанниковъ; чтеніе производилось служащими; я прочелъ разъ мои воспоминанія о Кулибинѣ, по поводу пятидесятилѣтней годовщины послѣ его смерти. Вообще нельзя сказать, чтобы жизнь въ Гимназіи шла скучно и однообразно; дѣлалось все, что̀ можно было, чтобы ее оживить и соединить пріятное съ полезнымъ.

*

По выходѣ моемъ въ оставку, я поѣхалъ съ женой за границу для пользованія Эмскими минеральными водами и вмѣстѣ съ тѣмъ для содѣйствія моей тещѣ къ скорѣйшему окончанію судебныхъ процесовъ, которые у ней были въ Лозаннѣ и Парижѣ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы я поселился въ Москвѣ. Первое время, беззаботная жизнь, которую я велъ, мнѣ была очень пріятна: я считалъ себя счастливымъ, что могу вставать нерано, ложиться спать поздно, читать и ѣздить когда и куда хочу. Но мало по малу мнѣ стало скучно отъ бездѣятельности. Прежде всего я рѣшился заняться хозяйствомъ, и затѣмъ принялъ участіе въ дѣлахъ земскаго самоуправленія Калужской губерніи, гдѣ я былъ помѣщикомъ. Имѣніе мое въ хозяйственномъ отношеніи я устроилъ вполнѣ удовлетворительно, въ земскихъ же дѣлахъ я принималъ участіе въ теченіи 15 лѣтъ, какъ уѣздный и губернскій гласный, какъ предводитель дворянства *), какъ членъ Губернскаго Училищнаго Совѣта и какъ почетный мировой судья.

Привычка къ дѣятельности была такъ сильна во мнѣ, что я находилъ особенное удовольствіе изучать земскіе вопросы и, работая надъ ними мѣсяцы и годы, являлся въ земскія собранія подготовленнымъ и съ установившимися взглядами, а не какъ пѣшка, которую можно двигать куда угодно. Трудясь для земства совершенно безкорыстно, такъ какъ я не занималъ ни одной платной должности, я узналъ его хорошо и могъ бы многое о немъ сказать, но не сдѣлаю этого; потому что описать голые факты я считаю недостаточнымъ, а привести къ нимъ мотивы и освѣтить ихъ мнѣ не позволяютъ многія независящія

---

*) Предводителемъ дворянства Мещовскаго уѣзда я былъ недолго, въ виду того что по моимъ семейнымъ обстоятельствамъ я не могъ жить постоянно въ деревнѣ.

отъ моей воли обстоятельства; къ тому же, время, которому я могъ бы сдѣлать оцѣнку, слишкомъ еще близко, чтобы можно было отнестись къ нему безстрастно, съ холоднымъ вниманіемъ историка. Все что я считаю возможнымъ сдѣлать, это высказать, въ нѣсколькихъ словахъ, мой общій взглядъ на земскія учрежденія, къ которымъ такъ неблаговолятъ всѣ ихъ не знающіе и всѣ ими забалотированные.

Всякое учрежденіе выборное или административное можетъ быть хорошо только въ томъ случаѣ, когда лица въ немъ служащія хороши; но если лица дурны, то какъ бы совершенно не было организовано учрежденіе, оно не дастъ хорошихъ результатовъ. Это—первая истина, которая по моему мнѣнію не можетъ подлежать спору. Вторая истина слѣдующая: чѣмъ почетнѣе и выше стоитъ въ общественномъ мнѣніи какая либо должность, тѣмъ бо̀льшее число людей честныхъ и достойныхъ желаютъ ее занять.*) Обѣ эти истины были приняты во вниманіе законодателемъ, давшимъ намъ земскія учрежденія. И дѣйствительно въ первое время земскія учрежденія были вполнѣ хороши; самые лучшіе люди въ уѣздахъ считали за честь быть избранными въ гласные и, сознавая свое самостоятельное положеніе, работали исключительно для пользы дѣла; въ то время не было растратъ земскихъ денегъ, не существовало выраженія: «*откушать земскаго пирога*». Но когда часть нашего общества и нѣкоторые органы нашей печати начали свои наѣзды на земство, крича во всеуслышаніе, что всѣ земскіе дѣятели—нигилисты, что они преслѣдуютъ антиправительственныя цѣли и стремятся къ политическому самоуправленію, тогда составъ земства не могъ не измѣниться къ худшему: одни стали уходить изъ земства, понимая, что ихъ независимый образъ мыслей, какъ бы онъ ни былъ невиненъ, можетъ навлечь на нихъ подозрѣніе въ политической неблагонадежности; другіе начали уклоняться отъ выбора въ гласные, видя, что главнымъ основаніемъ всѣхъ выборныхъ интригъ служатъ не ихъ личныя

*) Въ подтвержденіе мной сказаннаго, укажу на слѣдующее обстоятельство. При освобожденіи крестьянъ, учреждены были мировые посредники, которые вынесли эту реформу на своихъ плечахъ и которымъ Россія была обязана тѣмъ, что реформа прошла тихо и спокойно. Эти же мировые посредники, которые послужили прототипомъ учрежденія въ настоящее время земскихъ начальниковъ, по истеченіи 12 лѣтъ, признаны были правительствомъ негодными и въ 1873 году замѣнены крестьянскими присутствіями. Такая рѣзкая перемѣна въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ перваго призыва и ихъ преемниковъ имѣла причиной ухудшеніе ихъ личнаго персонала. Первые мировые посредники были назначены съ особой разборчивостью и считали за честь занимать эту должность; но впослѣдствіи, когда губернаторы стали относиться къ мировымъ посредникамъ почти также какъ къ становымъ приставамъ, лучшіе люди не хотѣли служить въ этой должности, и пришлось назначать въ нее лицъ заботившихся болѣе о личномъ угожденіи губернатору, чѣмъ о пользѣ крестьянскаго населенія, которому призваны были служить, вслѣдствіе чего дѣятельность ихъ упала ниже всякой критики. Да послужитъ этотъ отвѣтъ прошлаго назиданіемъ для будущаго.

достоинства, а политика, о которой они вовсе не думаютъ; наконецъ, третьи впали въ апатію и махнули рукой на все, отчаявшись, чтобы ихъ честный голосъ могъ быть услышанъ искателями *земскаго пирога*. Я давно уже прекратилъ мою земскую дѣятельность и не знаю, каковъ теперь составъ земства; но думаю, что онъ долженъ быть очень дуренъ, если правительство, въ новомъ Земскомъ Положеніи, нашло нужнымъ ввести § 60, назначающій кары гласнымъ за неявку ихъ въ земскія собранія. Прежде, гласные, служа безвозмездно и по совѣсти, знали когда ихъ присутствіе нужно въ собраніи и когда нѣтъ *); они знали также, что гласный, пріѣзжающій въ собраніе не изъ интереса къ дѣлу, а боясь кары, не можетъ быть его полезнымъ членомъ, а потому не считали нужнымъ подвергать его карѣ, но не удостоивали его избранія въ гласные на слѣдующее трехлѣтіе. Прискорбно думать, что настало такое время, когда честность и добросовѣстность находятъ нужнымъ внушать страхомъ наказанія, но...... Въ Калужской губерніи два предсѣдателя земскихъ управъ растратили земскія деньги, а между тѣмъ не пропустили ни одного земскаго собранія во все время своей службы гласными!...

Описавъ съ полной откровенностью всю мою жизнь, я не могу не благодарить Бога за то, что Онъ помогъ мнѣ пройти мой жизненный путь не безъ пользы для другихъ и сохранить подъ старость вѣру въ тѣ идеалы, къ которымъ я стремился во дни моей молодости.

---

*) Вспоминая мою дѣятельность въ Калужскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, я долженъ сказать, что я не поѣхалъ одинъ разъ въ собраніе по особенной причинѣ, которую законъ конечно не можетъ признать уважительною. Дѣло было въ слѣдующемъ. Я предложилъ губернскому земскому собранію учредить въ Калужской губерніи земскую эмеритальную кассу для служащихъ. Собраніе приняло мое предложеніе и просило меня разработать главныя основанія кассы и составить уставъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ я собиралъ статистическія данныя, дѣлалъ вычисленія, знакомился съ уставами всѣхъ существующихъ кассъ и наконецъ, составивъ уставъ, предложилъ его собранію. Въ этотъ промежутокъ времени, собраніе измѣнилось въ своемъ составѣ; въ него вступило болѣе половины новыхъ губернскихъ гласныхъ, которые, не входя въ разсмотрѣніе представленнаго мной устава, рѣшили, что для Калужскаго земства вовсе не нужно пенсіонной кассы. Конечно, это постановленіе собранія мнѣ было непріятно, но не потому что пропали мои двухлѣтніе труды, а потому, что я былъ убѣжденъ въ пользѣ кассы для служащихъ и искренне желалъ ея учрежденія. Полагая, что состоявшееся постановленіе было слѣдствіемъ партійной борьбы, я не поѣхалъ, въ слѣдующемъ году, въ очередное губернское земское собраніе, думая, что мое отсутствіе будетъ замѣчено и что вопросъ о кассѣ будетъ вновь поставленъ на очередь. Не знаю, правъ ли я былъ такъ думать; но, живя въ Москвѣ, я получилъ изъ Калуги телеграмму отъ губернскаго предводителя дворянства слѣдующаго содержанія: „Калуга 9 Января 1882 года. Вопросъ объ эмеритурѣ, благодаря вашимъ трудамъ, прошелъ единогласно. Собраніе постановило принести вамъ телеграммой искреннюю благодарность. Предсѣдатель Е. фонъ-Розенбергъ.“ Этотъ фактъ по моему мнѣнію, можетъ служить указаніемъ, что отсутствіе гласныхъ изъ собранія не всегда должно быть наказуемо; бываютъ случаи, когда гласные не пріѣзжаютъ изъ желанія пользы дѣлу.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА КЪ Ѳ. Я. РЕПНИНСКОМУ *).

1.

† Милостивый государь Ѳеодоръ Яковлевичъ!

Наконецъ пришлось отвѣчать на занимательное и любезное письмо ваше. Но теперь болѣе занимаетъ меня то, что̀ вы чувствуете въ настоящемъ, нежели то, что̀ думаете о древле-прошедшемъ. Болѣзнь вашей дщери есть гіероглифъ, въ которомъ, чтобы найти желаемый смыслъ, вы отказались бы конечно отъ всѣхъ тайнъ Египетскихъ гіероглифовъ. Для сего гіероглифа не легко найти толкователя, который бы разрѣшилъ оный до конца; но мнѣ думается, что можно показать вамъ отчасти начальный смыслъ онаго. Смыслъ сего гіероглифа есть: *посѣщеніе Божіе*. Вы довольно имѣете познанія для удостовѣренія, что сіе толкованіе правильно. Держитесь же вѣрующимъ сердцемъ сего духа представляющагося вамъ гіероглифа, и не попускайте себѣ много смущаться тѣмъ, что̀ въ немъ остается темнымъ. *Богъ, открываяй тайны*, да открываетъ вамъ паче и паче сокровенныя въ дѣйствіяхъ Его судебъ: Его милосердіе, любовь и спасеніе и для временной жизни, и для вѣчной.

Открытія г. Гульянова подлинно достойны вниманія, потому особенно, что показываютъ въ таинственномъ мракѣ просто мракъ, а не мрачный свѣтъ, которымъ хотѣли ослѣпить насъ пристрастные почитатели Египетской мудрости. Думаю, что я долженъ возвратить вашу выписку, которая вамъ стоила немалаго труда и которая въ моей кочевой жизни могла бы утратиться.

Душевнаго мира и здравія вамъ, такъ какъ и дщери вашей, усердно желаю. Филаретъ м. Московскій. Марта 14-го 1828.

2.

† Милостивый государь Ѳеодоръ Яковлевичъ!

Письмо ваше и притомъ подарокъ перевода примѣчаній на третію книгу Ездры получилъ я съ благодарностію, но при томъ и съ заботою и съ нѣкоторымъ стыдомъ: съ заботою о томъ, что вы для меня такой трудъ предприняли; со стыдомъ отъ того, что вы только примѣченной моей нуждѣ столь обязательно и скоро удовлетворили, а

---

*) Печатаются съ подлинниковъ. Отставной гвардіи капитанъ Ѳ. Я. Репнинскій и родственница его памятная многимъ Екатерина Сергѣевна Герардъ, благочестивые Москвичи, были друзьями митрополита Филарета. П. Б.

я на вопросъ, вами мнѣ предложенный, ѐдва чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ могъ представить мой отвѣтъ. Довольно счастливо для уменьшенія моей вины, что отвѣтъ мой оконченъ въ тотъ самый день, въ который и вашъ переводъ оконченъ.

Вамъ кажутся многія примѣчанія слабыми, а мнѣ многія довольно занимательными. Правда, что они часто не удовлетворяютъ; но иногда сему виною не толкователь, а книга; иногда онъ удерживается говорить болѣе, чтобы менѣе казаться страннымъ для людей различныхъ образовъ мыслей: потому что видъ странности можетъ препятствовать книгѣ распространяться и распространять то, чтò въ ней есть полезнаго.

Что́ касается до прибавленія, взятаго изъ Арабскаго перевода, и до вопроса въ немъ о моленіи за другихъ, мнѣ кажется, надобно всмотрѣться въ вопросъ, чтобы не спѣшить осудить отвѣтъ. — «Позволено ли будетъ праведнику *въ день суда* молить у Всевышняго за грѣшника?» — Слова *въ день суда* могутъ служить въ защиту отрицательнаго отвѣта. Ходатайство имѣетъ мѣсто, пока производится слѣдствіе судебное и не насталъ день приговора, называемый *днемъ суда.* Когда судія приходитъ произнести приговоръ, уже не время допускать адвоката. Впрочемъ я не защитникъ Арабской статьи.

Повторяю благодарность мою; желаю, чтобы трудъ вашъ не оставилъ по себѣ утомленія. Благословеніе Божіе на васъ и добрыя занятія ваши усердно призываю. Филаретъ м. Московскій. Іюля 28-го 1829 г.

3.

† Господь Воскресшій и Воскреситель нашъ взоромъ свѣта и жизни да призритъ на сердце ваше, отверзающееся радостію Воскресенія, для общенія и съ ближними въ сей радости. Да исходитъ выну отъ взора Солнца правды въ сердце ваше, подобно какъ отъ взора естественнаго солнца непрерывно исходятъ въ міръ жизнь, веселіе и благолѣпіе. Естьли и облачно, не смутимся: солнце зритъ и сквозь облако и дѣйствуетъ благотворно, не бывъ видимо. Сіе дѣйствіе ощущается иногда, хотя ясно и не созерцается, и даже пріемлется иногда, хотя ясно не ощущается. Симъ не объясняется ли и то, что вы находите страннымъ, что человѣкъ не можетъ высказать словами, хотя имѣетъ, чтò желалъ бы высказать?

Благодареніе Богу, что здоровье ваше возстановилось. Душа, не отягчаемая съ сей стороны, да употребитъ свою силу, или лучше подаваемую отъ Бога силу, на благоустроеніе своей собственной области, подчиненной свободѣ ея. Благо есть уповати на Господа; но надобно употребить намъ и наши малыя свободныя усилія, чтобы принять даруемую отъ Него силу и ею воспользоваться. Надобно дѣлать въ своемъ вертоградѣ, хотя возращаетъ его единъ Богъ.

Естьли княжнѣ приходитъ крестъ послѣ того, какъ она желала взять крестъ, то не должно ли заставлять себя благодушествовать, потому что исполняется желаніе, хотя не тѣмъ образомъ, какъ думали? Впрочемъ Верховный Крестоносецъ да поможетъ ей нести крестъ свой и Пріявшій помощь въ несеніи креста да подастъ ей помощь, естьли она изнеможетъ. Болящей и благословляющей Бога охотно призываю бла-

гословеніе Божіе; да продолжитъ она благословлять Бога, вѣдущаго что́ творитъ и, по скорбяхъ и терпѣніи, утѣшенія Божія да возвеселятъ ее.

Помышляю во своя. Благодарю, что напоминаете о пути семъ. Филаретъ м. Московскій. Апрѣля 15-го 1832.

4.

† Уже нѣсколько дней, милостивый государь Ѳеодоръ Яковлевичъ, раздѣлялъ я сердцемъ вашу печаль, прежде нежели могъ раздѣлить словомъ: навѣдывался, встрѣтились ли вы съ нею; заботился, какъ вы ее примите; предварительно призывалъ вамъ утѣшеніе. Теперь слышу, что вы приняли посѣщеніе Божіе со слезами и непрекословно. Онѣ надобны родительскому сердцу печальному, и да облегчатъ онѣ его. Естьлибы завтрашній день не представлялъ мнѣ занятія, которое попрепятствуетъ мнѣ свободно распорядить и прочими частями дня, я постарался бы васъ увидѣть, чтобы удовлетворить, естьли не вашему утѣшенію, то моему въ скорби вашей участію.

Не думая, чтобы мои слова могли въ семъ случаѣ имѣть силу, какая нужна, я обращаю къ вамъ слова Святаго Василія Великаго, писанныя къ Нектарію по случаю смерти сына его: *Прошу тебя, какъ ревностнаго подвижника, стать противу величія удара, не вдаваться въ жестокую печаль и не унывать духомъ, будучи увѣрену, что хотя причины Промысломъ бываемыхъ происшествій намъ неизвѣстны, однако то что́ отъ Премудраго и Любящаго насъ ниспослано принимать должно, хотя бы оно было намъ въ тяжесть; тѣмъ наипаче, что Богъ вѣдаетъ, какимъ образомъ каждому распредѣлить полезное, и почему Онъ неравные полагаетъ жизни нашей концы.* Прибавлю: помыслите, что утѣшеніе ваше нужно между прочимъ для тѣхъ, которые могутъ и должны быть вамъ въ утѣшеніе. Паки призываю оное вамъ отъ Отца щедротъ и Бога всякаго утѣшенія.

Филаретъ м. Московскій. Авг. 17-го 1834.

5.

† Довольно виноватъ я, что долго не пишу, особенно, когда въ содержаніи вашего письма отъ 20 Декабря есть предметы, требующіе отвѣта. Это также, какъ бываетъ въ дѣлѣ нашего исправленія. Такъ уже и быть, что нынѣшній день пройдетъ: завтра! *Завтра* значитъ одинъ день; но оно можетъ унести цѣлую жизнь, какъ и у меня унесло два мѣсяца послѣ вашего письма.

Тяжело и заботливо долго быть въ борьбѣ съ ветхимъ Адамомъ, видѣть его еще въ силѣ или возобновляющимъ силу свою послѣ низложенія и еще не видѣть довольно рѣшительной побѣды новаго человѣка. Но вы хорошо разрѣшили сіе затрудненіе. Естьли бы все сдѣлалось легко, скоро, одною поданною помощію, почти безъ усилія и попеченія насъ самихъ: то гдѣ была бы брань и подвигъ? И такъ не надобно унывать, что брань продолжается; но надобно взирать на Вождя, на Господа Іисуса, слѣдовать за Нимъ, при Его помощи употреблять внимательно Имъ подаваемое оружіе, и силу или даже немощь упо-

треблять, какъ оружіе; замѣчать откуда и какъ нападаетъ врагъ и, смотря по тому, брать предосторожности, не полагаться на частную побѣду и не дремать послѣ ея. Вождь видитъ, когда изнемогаемъ не отъ нашего нерадѣнія и не отчаяваемся при отчаянномъ нападеніи врага и по сему усмотрѣнію подаетъ дивную помощь, возвышаетъ побѣду, украшаетъ вѣнецъ.

Опасеніе о князѣ Грузинскомъ кончилось ли и чѣмъ, не знаю. Что скорбитъ о семъ княжна – естественно; а чтобы скорбь не была чрезмѣрна, въ семъ да поможетъ ей молитва, размышленіе и вниманіе къ разсужденіямъ другихъ, которые смотрятъ на сіе съ человѣколюбіемъ и могутъ лучше разобрать дѣло, нежели умъ, возмущенный скорбію. Въ чемъ состоитъ бѣдствіе? Въ лишеніи богатства? Развѣ не живутъ люди въ бѣдности? Естьли иные избираютъ ее добровольно, какъ полезное для христіанина оружіе: почему не принять ее съ миромъ, когда она приходитъ путемъ Провидѣнія? Но трудно перенести сію перемѣну человѣку, не готовившемуся къ ней и находящемуся въ преклонныхъ лѣтахъ. Это правда. Но трудно, а не невозможно: потому что Богъ не даетъ искуситися паче еже мощи. Чтоже? Надобно ли дочери скорбѣть до крайности, разстроить тѣмъ себя, и тѣмъ увеличить несчастіе отца? Не лучше ли крѣпче держаться вѣрою и надеждою за благость Божію, и вмѣсто занятія безполезною и вредною въ излишествѣ скорбію, съ умѣренною скорбію обращаться прилежнѣе къ молитвѣ, которая можетъ принести пользу и ей, и отцу? Прискорбно видѣть отца осуждаемымъ. И это правда. Но судъ человѣческій не рѣшитъ судьбы человѣка, а Божій. Естьли осужденъ невинно, получитъ воздаяніе цѣннѣе земнаго богатства и земной славы. Естьли по винѣ, лучше пусть она очистится здѣшнимъ лишеніемъ и изгладится до грядущаго суда; пусть разсыпаніе земныхъ благъ поможетъ ревностнѣе обратиться къ взысканію небесныхъ. Подобными симъ разсужденіями можетъ человѣкъ сражаться съ мыслями скорбными и побѣдить кровію Агнчею, кротостію и терпѣніемъ Христовымъ, созерцаемыми въ Его примѣрѣ и усвояемыми благодатію и вѣрою.

Впрочемъ желаю, чтобы дѣло князя было и окончилось лучше, нежели опасались.

На сихъ дняхъ писалъ я къ Агриппинѣ Петровнѣ, по ея желанію, получивъ извѣстіе о ея болѣзни, и мнѣ пришла при томъ мысль, которой я не написалъ, но которая и теперь приходитъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, кои отъ нея мнѣ извѣстны, кажется мнѣ, что хозяйственныя дѣла ея находятся теперь въ неоконченномъ положеніи; посему не надобно ли подумать о распоряженіи и завѣщаніи, которое не мѣшаетъ завѣщателю долго жить, но его успокоиваетъ и отвращаетъ будущія затрудненія и искушенія? Естьли вы думаете, что не излишне сказать ей сіе, то не скажете ли отъ меня? Миръ вамъ отъ Господа. Филаретъ м. Московскій. 1842 года Февраля 20.

Третьяго дня здѣсь опять видно было сѣверное сіяніе. Я, вышедъ на дворъ, видѣлъ только дугу, фигурою и цвѣтомъ подобную молодой лунѣ, а величиною радугѣ, и въ глазахъ моихъ она иззубрилась и исчезла.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ФАДѢЕВА.

Андрей Михайловичъ Фадѣевъ принадлежалъ къ Русской дворянской семьѣ, для которой, по преданію, военная служба считалась какъ бы обязательной. Прадѣдъ его, Петръ Михайловичъ Фадѣевъ, убитъ въ чинѣ капитана въ битвѣ подъ Полтавой; дѣдъ его Илья Петровичъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, умеръ полковникомъ отъ ранъ, полученныхъ въ Турецкой войнѣ, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны. Отецъ, Михаилъ Ильичъ, служилъ въ Псковскомъ драгунскомъ полку и впослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу. Одинъ изъ братьевъ убитъ въ Отечественную войну 1812 года. Только Андрей Михайловичъ составилъ исключеніе изъ общаго, по обычаю тогдашняго времени, правила. Зачисленный въ гражданскую службу при своемъ отцѣ, одинадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ затѣмъ проходилъ разнообразныя должности. Въ семнадцать лѣтъ онъ былъ уже титулярнымъ совѣтникомъ. Служить ему приходилось въ разныхъ городахъ. Такъ, отъ 1817 года по 1834 годъ, онъ былъ управляющимъ конторой иностранныхъ поселенцевъ и жилъ въ Екатеринославѣ; потомъ переведенъ членомъ комитета иностранныхъ поселенцевъ южнаго края Россіи, въ Одессу; вскорѣ послѣ того, назначенъ въ Астрахань главнымъ попечителемъ кочующихъ народовъ, откуда переведенъ въ Саратовъ управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ, тамъ же назначенъ губернаторомъ и пробылъ семь лѣтъ на этомъ мѣстѣ. Здоровье Андрея Михайловича, сильно пострадавшее отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и заботъ, сопряженныхъ въ то время съ этою должностью, и отъ незаслуженныхъ непріятностей и гоненій по службѣ, заставило его выйти въ отставку; но чрезъ нѣсколько дней, онъ былъ приглашенъ намѣстникомъ Кавказскимъ княземъ М. С. Воронцовымъ, хорошо знавшимъ и цѣнившимъ его, поступить снова на службу въ его управленіе. Андрей Михайловичъ былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ Закавказскаго края. Въ этой послѣдней должности онъ оставался съ 1846 г. до конца жизни, т. е. до 1867 года.

Гдѣ ни служилъ Андрей Михайловичъ Фадѣевъ, куда служба его ни заносила, вездѣ онъ оставилъ по себѣ свѣтлую, признательную память. Въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ Новороссійскаго края и Таврической губерніи, въ Астраханскихъ степяхъ, между дикими племенами ко-

чующихъ Калмыковъ, въ Саратовской губерніи, тогда еще не раздѣленной и вмѣщавшей въ себѣ народонаселеніе по количеству равное цѣлому Баварскому королевству; въ Закавказскомъ краѣ, среди переселенцевъ Русскихъ и инородныхъ,—многіе годы и десятки лѣтъ, имя Андрея Михайловича Фадѣева не произносилось иначе какъ съ глубокою благодарностью и любовью, за его высокую справедливость, за строгую внимательность къ нуждамъ, за посильныя старанія о его пользѣ и благосостояніи населенія и за безукоризненныя честность и безкорыстіе. Даже теперь, когда второе и третье поколѣнія смѣнили тѣхъ людей, которыя лично пользовались благотворнымъ вліяніемъ Андрея Михайловича, внуки и правнуки, во множествѣ семей разнородныхъ племенъ съ задушевнымъ чувствомъ признательности и уваженія передаютъ разсказы о добромъ начальникѣ, благодѣтелѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ.

Н. Ф.

Мои воспоминанія.

Я родился 31 Декабря 1789 года, въ городѣ Ямбургѣ Петербургской губерніи, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ коемъ служилъ отецъ мой. Поступивъ въ военную службу еще въ 1762 году въ Псковскій драгунскій полкъ, отецъ мой служилъ въ немъ во все время своей военной службы, тридцать два года, до 1794 года. Онъ считался хорошимъ офицеромъ и вышелъ въ отставку въ чинѣ маіора, по притязаніямъ извѣстнаго въ то время строптивымъ характеромъ полковаго командира графа Димитрія Александровича Толстаго. Въ 1795 г. онъ вступилъ въ гражданскую службу, по вѣдомству путей сообщенія, что̀ тогда называлось управленіемъ водяныхъ комуникацій, и продолжалъ ее въ различныхъ должностяхъ: былъ начальникомъ Боровицкихъ и Волховскихъ пороговъ, а потомъ въ Минской губерніи директоромъ Огинскаго канала, до 1816 года, когда вышелъ въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника. Умеръ онъ въ 1824 году.—Мать моя была родомъ изъ Лифляндіи, урожденная фонъ-Краузе, добрая и попечительная о дѣтяхъ женщина и истинная христіанка. У моего отца было восемь сыновей и двѣ дочери. Двое старшихъ сыновей, Иванъ и Александръ, воспитывались въ сухопутномъ корпусѣ что̀ нынѣ кадетскій; четверо, Павелъ, Константинъ, Петръ и Михаилъ, въ тогдашнемъ артилерійскомъ, что̀ нынѣ 2-й. Замѣчательно, что всѣ послѣдніе четыре брата опредѣлены въ корпусъ одновременно. Отецъ мой, по выходѣ изъ военной службы, затрудняясь какъ ихъ воспитывать и не имѣя никакой протекціи, обратился къ правителю канцеляріи князя Зубова (тогда всесильнаго фаворита) Овечкину, котораго вовсе не зналъ. Овечкинъ, убѣдясь въ дѣйствительности затруднительнаго положенія моего отца, выпросилъ у князя приказаніе принять ихъ всѣхъ

прямо, въ одно время. Седьмой сынъ—я; а восьмой - Николай, умершій въ дѣтствѣ. Изъ всѣхъ братьевъ моихъ одинъ, болѣе всѣхъ мною любимый, Павелъ, служилъ съ успѣхомъ, былъ артилерійскимъ генералъ-лейтенантомъ и умеръ въ Петербургѣ въ 1855 году. Сестра Екатерина, бывшая въ замужествѣ за инженернымъ полковникомъ Сливицкимъ, и братья Иванъ, Александръ, Петръ и Михаилъ, померли гораздо раньше. Послѣдній служилъ въ Павловскомъ гренадерскомъ полку довольно удачно, убитъ въ Отечественную войну. Теперь, (1859 годъ), въ живыхъ остались только я, братъ Константинъ, проживающій въ отставкѣ въ Минской губерніи, и сестра Марія, вдова, бывшая въ замужествѣ за чиновникомъ Едаловымъ.

Изъ всѣхъ братьевъ я одинъ только не воспитывался ни въ какомъ учебномъ заведеніи: по особенной привязанности ко мнѣ, родители не хотѣли никакъ разлучиться со мною. Но вслѣдствіе того, при малыхъ средствахъ, особенно въ то время, къ домашнему воспитанію, оно было весьма недостаточно, или лучше сказать, не было почти никакого. Нѣмецкому языку выучила меня мать, а для Французскаго при мнѣ находился нѣсколько лѣтъ учитель, старикъ Французъ Виртманъ, бывшій нѣкогда камердинеромъ у знаменитаго Польскаго князя Радзивила въ Несвижѣ. Этотъ Французъ былъ полезенъ мнѣ только тѣмъ, что, не зная по-русски, болталъ со мною безпрестанно по-французски, и заставлялъ меня такимъ образомъ волею неволею практиковаться во Французскомъ языкѣ, разумѣется вкривь и вкось. Гораздо правильнѣе я этому научился у бывшаго помощника отца моего, чиновника Макарова, знавшаго хорошо Французскій языкъ. Къ счастію, я при хорошей памяти имѣлъ съ дѣтства большую наклонность къ чтенію, интересовался бесѣдою съ людьми, имѣвшими нѣкоторыя познанія и почти все мое тогдашнее образованіе пріобрѣлъ наиболѣе этими двумя средствами.

Въ 1795 г. отецъ мой, по рекомендаціи бывшаго когда-то его полковаго командира Ивана Ѳедоровича Мамонова тогдашнему главному начальнику водяныхъ комуникацій Николаю Петровичу Архарову, былъ опредѣленъ начальникомъ дистанціи между Вышнимъ Волочкомъ и Боровицкими порогами и имѣлъ пребываніе на Кошкинской пристани въ Тверской губерніи, въ 50 верстахъ отъ Вышняго Волочка. Въ сосѣдствѣ находилось много помѣщиковъ, но почти всѣ столь же мало образованные, какъ описываетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ дворянъ-помѣщиковъ Тамбовской губерніи 18 столѣтія. Изъ нихъ выдавались, какъ лучшіе еще: Хвостовъ, Ладыгинъ, Тыртовъ и Чоглоковъ, къ которымъ отецъ мой часто возилъ меня въ гости. Чоглоковъ, хотя и камергеръ, былъ такъ суевѣренъ, что бѣгалъ отъ поповъ въ домахъ и на улицахъ, какъ отъ чумы. Но всѣ они были доб-

рые люди и великіе хлѣбосолы. Помню извѣстіе о кончинѣ императрицы Екатерины, привезенное отцу моему помѣщикомъ Тыртовымъ, и сколько толковъ и тревоги произвело это событіе.

Въ 1798 году, когда главнымъ директоромъ водяныхъ комуникацій былъ назначенъ графъ Сиверсъ, отца моего перевели на Волховскіе пороги съ назначеніемъ пребыванія на Гостинопольской пристани, выше пороговъ, въ тридцати верстахъ отъ Новой Ладоги. Здѣсь я видѣлъ этого графа, пріѣзжавшаго обозрѣвать пороги и проектировать ихъ уничтоженіе. Помню его какъ теперь, высокаго, худощаваго, сѣдаго старика, во фракѣ песочнаго цвѣта, съ голубою лентою по камзолу и звѣздами, въ букляхъ и вмѣсто косы съ огромнымъ кошелькомъ назади. Это былъ замѣчательный государственный человѣкъ. Помню я, какъ удивлялись всѣ въ то время его терпѣнію, дѣятельности и той подробности, съ которою онъ во все входилъ. Но имѣлъ онъ большое пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ Нѣмцамъ, и не скрывалъ своего мнѣнія, что всякій Нѣмецкій чиновникъ честнѣе Русскаго. Я былъ тогда девятилѣтнимъ мальчикомъ; онъ спросилъ меня, знаю ли я по-нѣмецки, и, получивъ отвѣтъ что знаю, очень нѣжно обласкалъ меня; этого оказалось довольно, чтобъ ему понравиться. Другая его страсть состояла въ преобразованіяхъ и проектахъ всѣхъ родовъ, что справедливо и замѣтилъ Державинъ въ своихъ Запискахъ. Стремленіе дѣлать второй шагъ, прежде чѣмъ сдѣланъ первый, или, какъ выразился Жуковскій, перескакивать изъ Понедѣльника въ Среду, не пройдя Вторника,— было, да кажется есть и теперь, слабостію многихъ нашихъ государственныхъ людей. Самые благонамѣреннѣйшіе изъ нихъ, начиная отъ Петра Великаго и даже до настоящаго времени, не постигали, или не хотѣли постигнуть, какъ мало еще у насъ людей (особенно какъ мало ихъ было въ прежнее время) способныхъ къ исполненію ихъ благихъ преднамѣреній.

Составивъ огромные штаты своему новому управленію водяными сообщеніями, графъ Сиверсъ учредилъ вмѣсто одного чиновника при Волховскихъ порогахъ — четырехъ. Вся обязанность этого управленія заключалась въ наблюденіи, дабы прибрежные лоцмана̀ не дѣлали притѣсненій судопромышленникамъ при проходѣ ихъ судовъ чрезъ пороги. А притѣсненія состояли въ томъ, что лоцмана̀ проводили чрезъ пороги тѣхъ, кто имъ платилъ больше, не наблюдая, какъ слѣдовало, очереди по времени прибытія судопромышленниковъ. Директоромъ Сиверсъ назначилъ Нѣмца Свенсона, а отца моего опредѣлилъ первымъ къ нему помощникомъ, кажется, единственно потому только, что Свенсонъ былъ Нѣмецъ, а отецъ мой Русскій. Блумъ въ своихъ Запискахъ о графѣ Сиверсѣ (II томъ, отъ стр. 407 до 418), распространяется объ

этомъ Свенсонѣ, какъ о геніальномъ шлюзномъ мастерѣ; но на этомъ мѣстѣ никакого техническаго искусства не требовалось: все дѣло состояло въ недопущеніи лоцмановъ своевольничать, къ чему Свенсонъ не имѣлъ никакой способности. Ему было уже болѣе семидесяти лѣтъ. Все занятіе его состояло въ искусной разрисовкѣ лакированныхъ ящиковъ, кои онъ разсылалъ въ подарокъ своимъ Петербургскимъ патронамъ, а бумаги подписывалъ не читая того, что̀ ему подавалъ писарь. Дѣятельность его службы заключалась въ томъ, что три или четыре раза въ лѣто, при проходѣ каравановъ, онъ выходилъ изъ своей квартиры на берегъ, въ ситцево халатѣ и въ треугольной шляпѣ съ плюмажемъ. Въ этомъ нарядѣ онъ красовался, какъ павлинъ, и балагурилъ съ лоцманами, которые надъ нимъ подшучивали. Безпорядки и притѣсненія судопромышленникамъ, при этомъ порядкѣ вещей, не только не прекратились, но даже усугубились. Отецъ мой не могъ смотрѣть на это равнодушно, а Свенсонъ, въ добавокъ къ своей бездѣятельности былъ упрямъ и своенравенъ, и никого не хотѣлъ слушать; а потому отецъ мой и просилъ графа Сиверса развести его съ нимъ, вслѣдствіе чего отца командировали для очистки Невскихъ пороговъ. Въ продолженіе сего порученія онъ жительствовалъ на дворцовой мызѣ Пеллѣ, находящейся на берегу Невы, тридцать верстъ выше Петербурга, куда и меня взялъ съ собою. Эту мызу императрица Екатерина основала при рожденіи великаго князя Александра Павловича; тогда же заложенъ великолѣпный дворецъ, оставшійся недостроеннымъ и находившійся уже въ развалинахъ. А пороги, по недостатку средствъ остались неочищенными.

Когда очищеніе пороговъ рѣшили отложить, то графъ Сиверсъ, кажется, единственно для того, чтобы не сводить отца моего вновь съ Свенсономъ, поручилъ ему устройство бичевника по рѣкѣ Волхову, отъ мѣста пороговъ вверхъ по рѣкѣ до Новгорода. Два лѣта я провелъ съ отцомъ въ разъѣздахъ по этой рѣкѣ; съ тѣхъ поръ у меня остались въ памяти всѣ красивыя и замѣчательныя мѣста по обоимъ берегамъ Волхова, въ коихъ мы квартировали по нѣскольку дней и недѣль, какъ-то: Званка Державина, Сосницкая пристань, Грузино, и нѣкоторые монастыри.

Въ Мартѣ 1801-го года послѣдовала кончина императора Павла. Обстоятельства, сопровождавшія ее, тотчасъ разгласились и сдѣлались извѣстны даже между простымъ народомъ, но только съ разными прибавленіями и коментаріями.

Въ 1802 г. отецъ мой былъ опредѣленъ директоромъ экономіи на Огинскій каналъ, въ Минской губерніи. Меня радовало продолжительное путешествіе при переѣздѣ туда. Сохранилось у меня въ памяти

нѣсколько-дневное пребываніе наше въ Полоцкѣ, посѣщеніе тамъ іезуитскаго монастыря и его кабинетныхъ рѣдкостей; изъ нихъ особенно заинтересовала меня картинная галлерея, которую показывалъ намъ услужливый іезуитъ.

Каналъ Огинскій, основанный гетманомъ этого имени, еще во время существованія Польши, соединялъ Днѣпровскую систему водъ съ Нѣманомъ и считался потому соединяющимъ Балтійское море съ Чернымъ, но принесъ, да и теперь, кажется, приноситъ мало пользы, главнѣйше отъ того, что для сбереженія издержекъ строили кое-какъ, отпускали деньги несвоевременно, а со стороны мѣстныхъ и главныхъ начальниковъ (какъ впослѣдствіи, такъ и теперь), преобладали злоупотребленія и превладычествовало шарлатанство. Строилось все для показу, безъ заботы о прочности. Отецъ мой съ семействомъ жилъ при самомъ этомъ каналѣ, въ имѣніи же Огинскаго, Минской губерніи Пинскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Телеханахъ. Тамъ еще существовали огромныя постройки покойнаго гетмана, пріѣзжавшаго туда часто охотиться; въ нихъ-то помѣщались и всѣ чиновники, принадлежавшіе къ управленію надъ каналомъ. Впрочемъ мѣстоположеніе и окрестности незавидныя; онѣ состояли, во всѣ стороны, изъ болотъ, озеръ и лѣсовъ, нѣкогда огромныхъ, но уже и тогда отъ безпорядочнаго управленія сильно опустошенныхъ. Однако дикихъ звѣрей всякаго рода водилось еще много.

Мнѣ едва минуло двѣнадцать лѣтъ, когда меня уже зачислили на службу. Тогда такое опредѣленіе не было сопряжено ни съ какими формальностями, или, по крайней мѣрѣ, ихъ обходили безъ всякаго опасенія: не требовалось ни метрическихъ выписокъ о рожденіи, ни свидѣтельствъ о происхожденіи, никакихъ атестатовъ объ обученіи. Меня опредѣлили подъ начальство отца моего, сперва какимъ-то смотрительскимъ помощникомъ, потомъ бухгалтеромъ, письмоводителемъ и наконецъ чиновникомъ мастерской бригады 17-го округа путей сообщенія. Дѣлъ у меня было по всѣмъ этимъ должностямъ очень мало, и главнымъ образомъ я занимался чтеніемъ и письмоводствомъ подъ диктовку отца моего, который, во все время служебнаго прохожденія моего по этимъ должностямъ до выхода моего изъ службы по части путей сообщенія, былъ и моимъ начальникомъ. Общество мое состояло, кромѣ семейнаго круга, изъ чиновниковъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, отъ коихъ ничему доброму научиться я не могъ. Впрочемъ между ними находилось нѣсколько порядочныхъ людей, примѣру и вліянію которыхъ я былъ обязанъ, что не сдѣлался негодяемъ

Служебныя дѣла занимали меня немного, а потому я проводилъ время большею частію въ чтеніи книгъ, съ жадностью читая все, что

мнѣ попадалось подъ руку. Случайно имѣлъ я книги хорошія, изъ библіотеки служившаго въ то время членомъ управленія надъ каналомъ, Степана Ивановича Лесовскаго, незаконнаго сына князя Н. В. Репнина; онъ служилъ тамъ единственно для устройства своего имѣнія близъ самыхъ Телеханъ, выдѣленнаго изъ конфискованнаго имѣнія гетмана Огинскаго, которое было пожаловано князю Репнину, вмѣстѣ съ шестью тысячами душъ крестьянъ; изъ нихъ четыреста душъ князь Репнинъ подарилъ Лесовскому. Ему досталась и большая часть библіотеки покойнаго князя, состоявшей изъ избранныхъ Французскихъ книгъ. Тамъ я читалъ и «Histoire de Catherine II par Casterà», и этотъ экземпляръ особенно заинтересовалъ меня тѣмъ, что въ немъ на пробѣлахъ книги были сдѣланы отмѣтки карандашомъ, рукою князя, о томъ, что̀ въ немъ сказано справедливаго и что̀ солгано. Лесовскій былъ въ послѣдствіи Курскимъ губернаторомъ, а потомъ окружнымъ жандармскимъ генераломъ, кажется, въ Москвѣ.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что въ концѣ 1802-го года много ходило толковъ о совершившемся тогда преобразованіи въ государственномъ управленіи учрежденіемъ восьми министерствъ, которое тогда сильно критиковали. По этому случаю даже сочинены стихи подъ названіемъ: «*Игра Бостонъ*», игра, сдѣлавшаяся тогда въ Россіи всеобщею. Чтобы показать, какъ тогда оцѣнивали вновь назначенныхъ министровъ, помѣщаю здѣсь эти стихи.

Игра Бостонъ открылась снова,
Ее Совѣтъ апробовалъ.
Въ Москву сослали Беклешова [1])
За то, что ею презиралъ.
А Воронцовъ, король бубновой,
Доволенъ сей премѣной новой,
Сталъ Чарторижскому подъ масть.
Товарищъ сей не помогаетъ:
Онъ вѣчно на свои играетъ;
Топить,—его охота, страсть.

*

Grand souverain [2]) въ рукахъ имѣя
Весь Кочубей объемлетъ свѣтъ,
Но разыграть же не умѣя
Поставить можетъ онъ лабетъ;
Не кстати козыря подложитъ,
Ренонсъ онъ также сдѣлать можетъ,
И станетъ масти проводить.
Съ нимъ, правда, Строгановъ играетъ;

---

[1]) Бывшаго при Павлѣ генералъ-прокуроромъ.

[2]) Такъ называлась тогда въ Бостонѣ игра на тринадцать въ козыряхъ.

Но козырей сей графъ не знаетъ,
Съ чего не знаетъ подходить.

*

Бостона правила извѣстны!
Державинъ, самъ ты написалъ,
И сколь въ игрѣ должны быть честны,
Стихами, прозою сказалъ.
Но карты въ руки,—и забылся:
Ремизы ставить ты пустился,
Чужія фишки подбирать,
И доказалъ тѣмъ очень ясно,
Что можно говорить прекрасно,
Но трудно дѣломъ исполнять.

*

Трощинскій, взявшись за удѣлы,
Къ себѣ всѣ фишки подхватилъ;
Когдабъ не женщины-пострѣлы
Игрокъ большихъ онъ былъ бы силъ.
Но люди созданы всѣ слабы!
Имъ овладѣли дѣвки, бабы;
Тащатъ все у него изъ рукъ.
Безъ нихъ онъ могъ бы безъ лабету
На пользу цѣлому быть свѣту,
Но чтожъ,— кто бабушкѣ не внукъ!

*

Румянцевъ носится съ мизеромъ,
Хотя за все двойной платежъ;
И хочетъ собственнымъ примѣромъ
Въ рублѣ ходить заставить грошъ.
Давно по свѣту слухъ промчался,
Что женщинъ онъ всегда боялся *),
И потому относитъ дамъ.
Игру онъ худо разумѣетъ,
И карты лишь въ рукахъ имѣетъ,
Играть велитъ секретарямъ.

*

А ты холопъ виновой масти,
Вязмитиновъ, какой судьбой,
Забывши прежнія напасти,
Ты этой зáнялся игрой?
Ты человѣкъ, сударь, не бойкій,
Знавали мы тебя и двойкой;
Теперь, сударь, фигура ты!
Но не дивимся мы ни мало:
Всегда то будетъ и бывало,
Что въ гору лѣзутъ и кроты.

Сатира на Вязмитинова совсѣмъ несправедлива. Правда, что онъ происходилъ не изъ бояръ, а былъ сынъ бѣднаго Курскаго дворянина, но несомнѣнно былъ человѣкъ правдивый, честный и отмѣнно усерд-

*) На эту черту графа Н. П. Румянцева позднѣе намекалъ и Наполеонъ. П. Б.

ный въ службѣ. Доказательствомъ тому служитъ, что онъ, безъ всякихъ происковъ и протекціи, достигъ высшихъ государственныхъ должностей и былъ, по своему времени, очень хорошій военный министръ. Въ этомъ отдавалъ ему справедливость и Аракчеевъ, котораго нельзя упрекнуть въ щедрости на похвалы. Впрочемъ, дабы дать понятіе, какъ тогда и серьезные люди оцѣнивали личности, занявшія званія министровъ, привожу выписку изъ письма 1802 года отъ одного значительнаго административнаго лица. «Изъ нашихъ новыхъ столбовъ мы только на двухъ «опираемся (кажется, здѣсь подразумѣвались Воронцовъ и Кочубей); «прочіе или худо построены, или недоложены; еще хуже есть нѣкото«рые безобразы.—Судите, какая польза цѣлому зданію! Противно смо«трѣть, и не хотѣлось бы ихъ видѣть; но они какъ на зло всегда «первые въ глазахъ. Часто смѣюсь симъ карикатурамъ, но иногда «бѣшенство беретъ, когда видишь, какъ они искажаютъ строеніе. Го«ворятъ, что скоро министромъ будетъ Мордвиновъ; дай только Богъ, «чтобы опыты его исправили: онъ больно затѣйливъ».

Въ продолженіе десятилѣтней службы моей въ вышесказанныхъ должностяхъ, меня посылали три раза въ Петербургъ подъ разными служебными предлогами, гдѣ я и проживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Тамъ мнѣ представлялись случаи видѣть всю императорскую фамилію и всѣ знаменитости тогдашняго времени, какъ напримѣръ: посланника Наполеонова, Коленкура, графа Деместра, канцлера графа Воронцова, графа Николая Петровича Румянцова и проч. Ознакомился я съ высшимъ служебнымъ міромъ и былъ дружески принятъ тогдашними членами департамента коммуникацій. Одинъ изъ нихъ, Герардъ особенно благоволилъ къ отцу моему, и потому я неоднократно обѣдалъ у этого 86-ти лѣтняго старика, тайнаго совѣтника и члена департамента водяныхъ коммуникацій. Онъ считался искуснымъ гидравликомъ, и лучшія по этой части сооруженія, въ царствованіе императрицы Екатерины II-й, исполнены по его начертаніямъ и руководству; изъ пяти его сыновей, четыре были уже генералами, и двѣ дочери также генеральши, именно г-жи Германъ и Мейдеръ. Всѣ они жили въ одномъ домѣ, всѣ дѣлали складчину на домашніе расходы и жили одной семьей. На нихъ указывали въ Петербургѣ, какъ на примѣръ родственнаго согласія и любви. Тогда же я ознакомился ближе и съ литературою Французскою, воспользовавшись случаемъ къ чтенію полезныхъ книгъ, по руководству нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ.

Такимъ образомъ я провелъ мое юношество и молодые годы до двадцати двухъ лѣтъ, т.-е. до 1812 года. Еще въ 1811 году, особенно въ началѣ 1812 года, начали носиться слухи о предстоящей политической бурѣ. Непрестанное передвиженіе войскъ, говоръ, съ

трудомъ скрываемое нетерпѣніе между Поляками, и разныя другія событія, явно предвѣщали эту бурю. Надобно сказать, что мѣстечко Телеханы расположено въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и въ разстояніи отъ города Слонима (Гродненской губ.) всего на двѣнадцать миль (84 версты). Въ этомъ городѣ находилось пребываніе окружнаго начальника VI округа путей сообщенія, генерала Фальконн, къ завѣдыванію коего принадлежалъ Огинскій каналъ; а также въ Слонимъ въ то время была переведена корпусная квартира и потомъ штабъ 2-й арміи. Начальникомъ артилеріи этой арміи былъ генералъ-лейтенантъ баронъ Левенштернъ, а старшимъ адъютантомъ при немъ, и можно сказать его правою рукою, братъ мой Павелъ. По этой связи баронъ Левенштернъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ и, предвидя продолжительную войну, на случай, еслибы театръ этой войны открылся внѣ Россіи, рѣшился помѣстить семейство свое (состоявшее изъ жены и двухъ дѣтей), подъ покровительство отца моего въ Телеханахъ, гдѣ просторнаго помѣщенія въ опустѣлыхъ строеніяхъ гетмана Огинскаго было много. Левенштернъ часто изъ Слонима навѣщалъ семейство свое и проживалъ у насъ по нѣскольку дней.

При первомъ извѣстіи о вступленіи непріятеля въ наши границы въ началѣ Іюня, такъ какъ Левенштернъ уже зналъ, что наши арміи будутъ отступать, онъ пріѣхалъ въ Телеханы, чтобы взять съ собою семейство свое и отправить его во внутрь Россіи. Разсказывая о положеніи дѣлъ отцу моему, онъ въ тоже время сталъ его убѣждать, чтобы онъ, забравъ всѣхъ чиновниковъ, команду (состоявшую слишкомъ изо ста человѣкъ) и все изъ казеннаго и своего имущества, что́ только можно забрать, отправился бы на казенныхъ баркахъ въ Кіевъ. Отецъ мой былъ строгій блюститель дисциплины и не постигалъ, какъ онъ можетъ это сдѣлать, не имѣя на то ни отъ кого повелѣнія, и какъ возможно, чтобы начальство позабыло само сдѣлать о томъ распоряженіе. Не взирая на всѣ доводы Левенштерна, что теперь не то время, чтобы соблюдать регламентаціи, что главному начальству теперь не до того, чтобы заботиться о спасеніи горсти чиновниковъ и солдатъ и нѣсколько-тысячнаго имущества казеннаго и частнаго, а что дѣло идетъ о спасеніи собственномъ, что каждый долженъ думать самъ о себѣ,—отецъ мой не согласился послѣдовать его совѣту, но рѣшился однакоже послать меня съ отъѣзжавшимъ въ тотъ же день Левенштерномъ обратно въ Слонимъ, для испрошенія приказаній отъ окружнаго генерала, что́ ему дѣлать. Пріѣхавъ съ Левенштерномъ на другой день въ Слонимъ, я нашелъ тамъ ужаснѣйшую суматоху: часть штаба 2-й арміи уже выступила по направленію отступленія, остальная часть должна была очистить городъ того же дня.

А генералъ Фальконп, къ которому меня послали, какъ только услыхалъ о приближенiи непрiятеля, то немедленно съ своимъ семействомъ удралъ по дорогѣ въ Россiю, неизвѣстно куда, не спросясь ни у кого. Можетъ статься, что Русскаго генерала отдали бы за это подъ судъ; но Фальконп былъ землякъ генерала де-Воланта, бывшаго тогда правою рукою у главнаго директора путей сообщенiя принца Ольденбургскаго, и потому по окончанiи кампанiи, за предусмотрительность въ спасенiи якобы команды и казеннаго имущества, получилъ Владимира на шею.

При такихъ обстоятельствахъ, Левенштернъ далъ мнѣ слѣдующiй совѣтъ: какъ можно скорѣе отправиться обратно и передать отцу моему, чтобы онъ, не теряя ни минуты, отправилъ нарочнаго къ главнокомандующему 2-ю армiею князю Багратiону (уже выѣхавшему изъ Слонима), по прямой дорогѣ въ Несвижъ за приказанiями что̀ ему дѣлать; ибо за отступленiемъ армiи по этому направленiю, мѣстность Огинскаго канала уже находилась въ районѣ непрiятельскаго занятiя. Я немедленно собрался въ путь, но затрудненiе состояло въ томъ, на чемъ мнѣ ѣхать и какъ добраться: почтовыя лошади на всѣхъ станцiяхъ, находившихся на пути ретирады, забирались армiею; вольныхъ же ни за какiя деньги невозможно было нанять. Я рѣшился, до мѣстечка Жировичи, въ десяти верстахъ отъ Слонима (гдѣ унiатскiй монастырь и знаменитый образъ Божiей Матери) идти пѣшкомъ. Къ счастiю еще, что и Русская, и непрiятельская армiи, слѣдуя по извѣстному направленiю, двигались огненною лавою по большому тракту, не прикасаясь къ побочнымъ мѣстностямъ далѣе какъ за версту или за двѣ, такъ что жители часто ничего не знали о происходившемъ у нихъ вблизи, въ моментъ событiя. Добравшись до Жировичъ, я нашелъ Еврея, который меня отвезъ въ Телеханы. Отецъ мой рѣшился послѣдовать совѣту Левенштерна и, отправивъ офицера за разрѣшенiемъ къ князю Багратiону въ Несвижъ, распорядился тотчасъ же о нагрузкѣ на барки и лодки казеннаго имущества и команды. Вскорѣ полученный отвѣтъ отъ князя Багратiона содержалъ предписанiе: забравъ чиновниковъ, команду и все, что̀ можно отъ казеннаго имущества спасти, отправиться какъ можно скорѣе водою внизъ до города Мозыря и тамъ получить отъ начальника резервныхъ войскъ генерала Запольскаго приказанiе: оставаться ли тамъ, или продолжать путь далѣе, и куда именно. При всеобщемъ стремленiи всѣхъ Русскихъ избѣгнуть непрiятельскаго плѣна, мы собрались съ неимовѣрною скоростiю. Къ счастiю, мѣстные жители нисколько тому не препятствовали, сами не зная навѣрное, что̀ все это значитъ.

Чрезъ нѣсколько дней мы достигли Мозыря, гдѣ командовалъ генералъ Запольскій. Маленькій городокъ Мозырь былъ переполненъ мелкими отрядами разныхъ ретировавшихся командъ и чиновниковъ, и потому Запольскій, нѣсколько дней спустя, отправилъ насъ въ Кіевъ. Онъ предлагалъ мнѣ поступить къ нему въ адъютанты. Сначала это предложеніе мнѣ понравилось, но узнавъ, что Запольскій почти постоянно пьянъ, я отказался отъ него. Погода стояла хорошая, и наше медленное путешествіе могло бы назваться даже пріятнымъ, еслибы не отравляла мысль о причинѣ его. По пути, на ночлегахъ, насъ принимали береговые жители и помѣщики очень гостепріимно. Помню радушные пріемы Брозина, Гольста и графини Хоткевичъ въ мѣстечкѣ Черноболь. Это была почтенная восьмидесятилѣтняя старушка, мать княгини Любомирской, казненной въ Парижѣ во время революціи и извѣстной тогда во Франціи подъ именемъ *la Belle Polonaise.* Тамъ еще носились только темные, неопредѣленные слухи о вступленіи непріятеля въ наши границы, и сынъ графини Хоткевичъ даже увѣрялъ насъ, что вся война окончится на перьяхъ.

Недѣли черезъ три доѣхали мы до Кіева. Военнаго губернатора графа Милорадовича ужъ не застали: онъ отправился въ Калугу формировать резервную армію. Главнымъ начальникомъ, за отсутствіемъ его, оставался комендантъ генералъ Массе, 80-тилѣтній старикъ, извѣстный тѣмъ, что до смерти своей (а жилъ онъ, кажется, около ста лѣтъ), слылъ неисправимымъ волокитою и еще славился своимъ безсознательнымъ лганьемъ, въ чемъ почти равнялся съ знаменитымъ Германцемъ барономъ Мюнхаузеномъ. Массе, вдвоемъ съ жившею въ Кіевѣ такихъ же лѣтъ какъ и онъ, генеральшею Репнинскою, потѣшали Кіевъ своими забавными разсказами. Вотъ два маленькіе образчика. Массе разсказывалъ, что когда онъ состоялъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ бомбардирскимъ капраломъ, то въ его капральствѣ служилъ бомбардиръ, большой силачъ и пьяница, который одинъ разъ снесъ на плечахъ въ кабакъ и пропилъ двѣ пушки. А Репнинская разсказывала, что она видѣла двухъ близнецовъ, сросшихся спинами и благополучно выросшихъ такимъ образомъ; когда же они достигли совершеннолѣтняго возраста, то мальчикъ пошелъ въ военную службу, а дѣвушка въ монастырь. Замѣчательнѣе всего то, что они сердились, если кто не вѣрилъ ихъ разсказамъ. Каждый день они между собой ссорились и каждый день мирились.

Кіевъ, еще болѣе чѣмъ Мозырь, былъ переполненъ разными частями войскъ и разнымъ чиновничествомъ, уходившимъ отъ непріятеля. Свободныхъ квартиръ рѣшительно не находилось, тѣмъ болѣе, что, только за годъ передъ тѣмъ, бо́льшая и лучшая часть Кіева выгорѣла.

Поэтому насъ, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ, отправили на квартированіе внизъ по Днѣпру въ мѣстечко Ржищево, въ 70 верстахъ отъ Кіева. Это мѣстечко, принадлежавшее тогда графинѣ Дзялынской, расположено на берегу Днѣпра, въ хорошемъ мѣстоположеніи; тамъ мы нашли спокойное и удобное пребываніе.

Въ Ржищевѣ я познакомился съ княжной Еленой Павловной Долгорукой, моей будущей женой. Она жила тамъ у бабушки своей, вдовы генералъ-поручика Елены Ивановны де-Бандре-дю-Плесси. Здѣсь надобно сказать о нихъ обѣихъ нѣсколько подробнѣе.

Бабушка Елена Ивановна, урожденная Бриземанъ - фонъ - Неттигъ, родомъ изъ Лифляндіи, была въ замужествѣ за генералъ-поручикомъ Адольфомъ Францовичемъ де-Бандре-дю-Плесси. Онъ былъ по происхожденію Французъ; фамилія его съ титуломъ маркиза принадлежала къ старому Французскому дворянству и раздѣлилась на двѣ вѣтви: Бандре-дю-Плесси и Морне-дю-Плесси. (Послѣдняя до сихъ поръ существуетъ во Франціи). Дѣдъ его, сдѣлавшись Гугенотомъ, вынужденный удалиться изъ своего отечества во время религіозныхъ гоненій, поселился въ Саксоніи, гдѣ занималъ важное служебное мѣсто. Самъ Адольфъ Францовичъ въ ранней молодости служилъ въ Саксонской военной службѣ и, въ чинѣ капитана, по приглашенію изъ Россіи, перешелъ въ Россійскую военную службу въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II-й. Участвовалъ онъ почти во всѣхъ войнахъ ея царствованія, командовалъ полкомъ, а впослѣдствіи и корпусомъ во время Крымской кампаніи, былъ очень любимъ Суворовымъ, отъ котораго сохранились письма къ нему. Кромѣ военной дѣятельности, онъ занимался и дипломатическими дѣлами, которыя часто поручались ему, особенно въ Польшѣ и Крыму. Онъ находился подъ особеннымъ покровительствомъ графа Никиты Ивановича Панина; былъ человѣкъ умный и отлично образованный. Около 1790 года онъ по болѣзни вышелъ въ отставку и поселился на жительство въ Могилевской губерніи въ своемъ имѣніи Низкахъ, конфискованномъ у Польскаго помѣщика Чудовскаго и высочайше ему пожалованномъ, частью же и имъ самимъ прикупленномъ. Но вѣроятно, по его незнанію законовъ и тогдашняго крючкотворства, при покупкѣ этого имѣнія вкрались какія нибудь упущенія въ формальностяхъ; потому что по смерти де-Бандре, въ 1793 году, бывшіе владѣльцы имѣнія начали со вдовою его самый беззаконный процессъ, основанный на подкупахъ и похищеніи документовъ, вслѣдствіе чего въ 1796 году она должна была оставить это имѣніе и переселиться въ Кіевъ *).

*) Управлявшій ея дѣлами, бывшій адъютантъ ея мужа, Ворочонокъ, подкупленный Чудовскимъ, передалъ имъ всѣ документы по имѣнію, и потомъ, испугавшись своей мошеннической сдѣлки, отравился.

Покойные де-Бандре имѣли всего одну дочь Генріету Адольфовну (мать княжны Елены Павловны); она выдана въ замужество въ 1787 году за бывшаго въ то время полковникомъ князя Павла Васильевича Долгорукаго. Замѣчательная красотою своею, но нѣсколько легкомысленнаго и своеобразнаго характера, она любила свѣтъ и его удовольствія, что̀ и послужило причиной несогласій ея съ мужемъ, человѣкомъ серьезнымъ, и послѣ нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ супружества, продолжительной жизни съ нимъ въ розвь. Только за три года до своей смерти она снова съ нимъ сошлась и умерла въ 1812 г. Отъ сего брака остались двѣ дочери; старшая изъ нихъ, княжна Елена Павловна, родилась 11 Октября 1789 года, въ домѣ родителей матери своей, въ то время какъ отецъ ея командовалъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ подъ Очаковымъ. Дѣдъ и бабка горячо привязались къ внучкѣ своей, не хотѣли слышать о разлукѣ съ нею, оставили у себя и никуда ее отъ себя не отпускали; у нихъ она выросла и воспитывалась. Когда умеръ дѣдъ ея де-Бандре, ей было всего четыре года и, несмотря на малолѣтній возрастъ, смерть эта глубоко потрясла ее, и въ теченіе всей послѣдующей жизни, спустя многіе десятки лѣтъ, даже въ преклонныхъ годахъ, она не могла вспомнить о немъ безъ особеннаго чувства любви и умиленія. Взаимная привязанность бабушки и внучки также была неограниченная. Все состояніе первой заключалось, послѣ потери имѣнія, въ 30 тысячахъ рублей ассигнаціями и въ 500 рублей пенсіи, которую она получала до смерти своей отъ благодѣтельницы въ то время многихъ вдовъ и сиротъ, императрицы Маріи Ѳеодоровны. Небольшой свой капиталъ Елена Ивановна употребила на переѣздъ въ Кіевъ, на покупку дома, а потомъ на взятіе во владѣніе аренды въ мѣстечкѣ Ржищевѣ въ закладъ (по польски въ заставу), состоявшій въ домѣ съ участкомъ земли и нѣсколькими крестьянами. Небогатыми своими средствами она дала своей внучкѣ наилучшее воспитаніе, въ соединеніи съ серьезнымъ, многостороннимъ образованіемъ. Родители ея заботились о ней мало, полагаясь на любовь и попеченія о ней ея бабки. Они жили уже въ несогласіи между собою: отецъ ея, вышедъ въ отставку въ чинѣ генералъ-маіора еще въ началѣ царствованія императора Павла, проживалъ въ небольшомъ своемъ имѣніи въ Пензенской губерніи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по переѣздѣ Елены Ивановны де-Бандре въ Ржищевъ, помѣщица графиня Дзялынская выкупила заложенное ей имѣніе, но, по доброму расположенію и дружбѣ къ Еленѣ Ивановнѣ, предоставила ей по смерть жить въ мѣстечкѣ Ржищевѣ и пользоваться безвозмездно домомъ съ участкомъ земли.

Въ такомъ положеніи жили онѣ въ Ржищевѣ въ 1812 году, когда я, прибывъ туда, познакомился съ генеральшей де-Бандре и внучкой ея княжной Еленой Павловной Долгорукой. Княжна была въ то время въ траурѣ по случаю смерти матери ея княгини Генріеты Адольфовны. Общая наша склонность къ чтенію, къ литературнымъ занятіямъ сблизила насъ; мы вмѣстѣ читали, переводили, и наконецъ—искренно полюбили другъ друга. Я, по взаимному нашему согласію, сталъ просить у бабки руки ея, и разумѣется, въ началѣ, встрѣтилъ со стороны бабушки довольно сильное сопротивленіе; потому что наша задушевная рѣшимость произошла безотчетно: никакія соображенія о нашей будущности, о средствахъ къ жизни, намъ и въ голову не приходили. Маленькаго состоянія бабки, давно уже завѣщаннаго ею внучкѣ, только доставало на скромное удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ, и Елена Павловна по деликатности своей, никогда не хотѣла, пока бабушка жива, получать отъ нея помощь. Отецъ ея, князь Павелъ Васильевичъ, тогда находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ по причинѣ разстройства своего состоянія и, живя почти одною пенсіею, ничего не могъ удѣлить ей *). А я, съ моимъ небольшимъ жалованьемъ, при небогатомъ состояніи отца, жившаго единственно службой, которою долженъ былъ содержать многочисленное семейство,—тоже далеко не представлялъ обезпеченнаго положенія. Но любовь бабушки къ внучкѣ, объявившей, что если она бракъ ея со мною не благословляетъ, то она не станетъ противиться волѣ ея, но уже ни за кого въ мірѣ, никогда не выдетъ за́мужъ,—преодолѣла ея несогласіе. Этому помогла родственница жены моей, жившая въ 30 верстахъ отъ Ржищева, помѣщица Елисавета Михайловна Селецкая, рожденная княжна Долгорукая, родная сестра князя Ивана Михайловича Долгорукаго, извѣстнаго въ свое время поэта. Она представила бабушкѣ, что при твердой рѣшимости княжны Елены Павловны и при моихъ хорошихъ якобы качествахъ и способностяхъ (я ей весьма понравился), сопротивляться нашему браку, по причинѣ одной бѣдности, несовсѣмъ благоразумно, предсказывая, что мы не пропадемъ. И Богъ оправдалъ эту ея надежду. Къ Селецкой присоединились и нѣкоторые сосѣдніе Польскіе помѣщики, которые очень уважали и любили и генеральшу де-Бандре, и Елену Павловну. Такимъ образомъ, съ благословеніемъ бабушки, князя Павла Васильевича и моихъ родителей, бракъ нашъ совершился въ домашней церкви Селецкой, въ имѣніи ея Коваляхъ, 9 Февраля 1813 года, и я водворился на общемъ жительствѣ въ домѣ бабушки. Во время женитьбы моей все мое состояніе заключалось изо ста рублей въ карманѣ.

*) Князь П. В. Долгорукій (1755-1837) — внукъ обезглавленнаго въ 1739 году въ Новгородѣ князя Сергѣя Григорьевича и бар. Мареы Петровны Шафировой. П. Б.

Между тѣмъ, по изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, въ началѣ 1813 года, отцу моему съ находившеюся при немъ командою было приказано возвратиться на Огинскій каналъ, а мнѣ подъ какимъ то служебнымъ предлогомъ дозволили оставаться до весны въ Ржищевѣ, гдѣ я и провелъ такимъ образомъ la lune de miel. Въ Маѣ мѣсяцѣ однако и мнѣ пришлось ѣхать и, оставивъ жену мою съ бабушкой, отправился туда же. На Огинскомъ каналѣ я прожилъ два мѣсяца съ моими родителями и братомъ Павломъ, который по причинѣ болѣзни находился тамъ въ отпуску. Много я въ это время наслышался отъ него разсказовъ о разныхъ событіяхъ 1812 года, въ арміи, и о той ненависти, до которой были доведены наши крестьяне и солдаты нашествіемъ и неистовствами Французовъ. Помню слѣдующій случай. Братъ мой послѣ Бородинскаго сраженія сильно заболѣлъ. Онъ пробылъ два мѣсяца до излѣченія въ Калугѣ и по выздоровленіи отправился догонять армію почти по слѣдамъ отступавшей непріятельской арміи и преслѣдовавшихъ ея нашихъ войскъ. Между Можайскомъ и Бородинымъ онъ увидѣлъ близъ дороги раненнаго Француза-офицера, изнемогавшаго отъ страданій и умолявшаго взять его съ собою; братъ мой позволилъ ему сѣсть къ себѣ въ коляску, чтобы довезти его куда нибудь до походнаго лазарета. Они повстрѣчались съ однимъ изъ казачьихъ отрядовъ, которые шныряли повсюду и безпрестанно по дорогѣ; увидѣвъ Француза, казаки остановили коляску и, узнавъ отъ брата кто онъ, потребовали, чтобы онъ имъ отдалъ Француза и, не взирая на всѣ его увѣщанія, объявили брату, что если онъ не выдастъ имъ его, то они будутъ стрѣлять въ Француза и не отвѣчаютъ, чтобы не убить его самого, или кого либо изъ его спутниковъ, сидѣвшихъ въ коляскѣ. Французскій офицеръ понявшій въ чемъ дѣло, выскочилъ самъ изъ коляски и былъ въ туже минуту заколотъ казацкими пиками.

Для устройства своихъ дѣлъ по поводу новыхъ обстоятельствъ жизни, я сначала взялъ отпускъ, а потомъ вышелъ въ отставку съ намѣреніемъ перемѣнить родъ службы; потому что, по взаимной привязанности Елены Павловны и бабки другъ къ другу, онѣ поставили мнѣ непремѣннымъ условіемъ при нашей женитьбѣ, чтобы я пріискалъ себѣ должность или въ Кіевѣ, или гдѣ либо по близости, куда бы и бабушка могла переселиться для общаго съ нами сожительства. Это такъ и сдѣлалось. Осенью того же года я возвратился въ Ржищевъ, гдѣ и оставался до начала 1814 года. Въ этомъ году 14 Января, родилась у меня старшая дочь Елена,—будущая мадамъ Ганъ. Нѣтъ надобности говорить, что это время я провелъ очень пріятно, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, которые проболѣлъ воспаленіемъ въ горлѣ.

Этой болѣзни я подвергался часто въ моей молодости; никакія медицинскія средства не предотвращали періодическаго возвращенія ея по два раза въ годъ, и такъ продолжалось до двадцатыхъ годовъ, когда я излѣчился отъ нея страннымъ способомъ, но по крайней мѣрѣ для меня, по полувѣковому почти опыту, совершенно вѣрнымъ. Въ Екатеринославѣ, директоръ казенной суконной фабрики статскій совѣтникъ Адлербергъ присовѣтовалъ мнѣ, какъ симпатическое средство, носить на шеѣ, никогда не снимая, черную саржевую ленточку. Я сдѣлалъ это,—и вотъ уже тридцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ ни разу не подвергался этому недугу.

Въ 1814 и 1815 годахъ, во время моего проживанія въ Ржищевѣ, я довольно часто ѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ, чрезъ бабушку и жену мою, познакомился съ ихъ хорошими пріятелями, какъ-то: генералами Бѣгичевымъ, Сутгофомъ и проч. У перваго я иногда встрѣчалъ нашего извѣстнаго партизана Д. В. Давыдова и съ любопытствомъ слушалъ его энергичные разсказы о военныхъ событіяхъ за послѣдніе четыре года; у Сутгофа я любовался сыномъ его, прекраснымъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, подававшемъ много надежды и попавшимъ впослѣдствіи въ декабристы. Мнѣ пришлось вновь увидѣть его чрезъ сорокъ пять лѣтъ на Кавказѣ, уже сѣдаго старика въ чинѣ подпоручика.

Въ началѣ 1814 года наступила пора, когда ужъ слѣдовало подумать, какъ бы устроить себя на должности сообразно желанію жены и бабушки. По общему нашему совѣту мы рѣшили, чтобы мнѣ для этого отправиться въ Петербургъ, куда въ Февралѣ мѣсяцѣ я и поѣхалъ. Меня снабдили большимъ числомъ рекомендательныхъ писемъ къ вельможамъ и сильнымъ въ Петербургскомъ мірѣ лицамъ, между коими ко многимъ родственникамъ и старымъ знакомымъ бабушки, а главное, письмомъ къ близкому родственнику тестя моего, покойному фельдмаршалу князю Николаю Ивановичу Салтыкову, въ то время предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Мнѣ было тогда всего двадцать четыре года, я былъ не болѣе какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника, опытности имѣлъ мало, денегъ еще меньше, и потому, не взирая на довольно благосклонные пріемы князя Салтыкова, трехъ сыновей его и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, прожилъ въ Петербургѣ четыре мѣсяца почти безуспѣшно. Должности въ Кіевѣ не представлялось. Сынъ покойнаго фельдмаршала, князь Александръ Николаевичъ, бывшій уже въ то время членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ, сказалъ мнѣ однажды, что у тогдашнихъ министровъ скорѣе можетъ добиться опредѣленія къ должности какой-либо негодяй, посредствомъ камердинеровъ чрезъ подкупъ, нежели порядочный человѣкъ по

рекомендаціи отца его. Но тогдашній министръ полиціи Вязмитиновъ желалъ, однакожъ, исполнить рекомендацію князя Николая Ивановича обо мнѣ. Онъ и самъ хорошо зналъ бабушку и дѣда жены моей. Покойный генералъ де-Бандре находился при фельдмаршалѣ князѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышовѣ въ тоже время какъ Вязмитиновъ состоялъ при немъ генеральсъ-адъютантомъ. Вязмитиновъ предложилъ мнѣ мѣсто ассесора въ Нижегородскомъ Губернскомъ Правленіи. Служба этого рода для меня была совершенно новая, мѣсто незавидное и не по характеру моему; жалованье малое, всего 600 р. ассигнаціями, и вообще о гражданской службѣ я почти понятія не имѣлъ. Но дѣлать было нечего, потому что и проживаться въ Петербургѣ уже не приходилось. Служба въ Нижнемъ представляла мнѣ случай познакомиться съ отцомъ жены моей, съ другою бабкою ея, княгинею Анастасьею Ивановной Долгорукой и прочими родными, по недальнему разстоянію отъ Пензы. Поэтому я и рѣшился принять это предложеніе на первое время.

Въ четырехъ-мѣсячную бытность мою въ Петербургѣ я познакомился съ нѣсколькими хорошими людьми, какъ то: съ коллежскимъ совѣтникомъ Ячевскимъ, Кіевскимъ помѣщикомъ, служившимъ въ Иностранной Коллегіи, Анастасевичемъ, посредственнымъ литераторомъ, но пріятнымъ и добрымъ человѣкомъ, и съ нѣкоторыми другими; дружескія связи и переписка съ ними продолжались у меня до ихъ смерти.

По опредѣленіи на службу въ Нижній, я возвратился въ Іюнѣ мѣсяцѣ въ Ржищево. Грустно было и женѣ моей, и бабушкѣ ея разлучаться и разъѣхаться въ первый разъ въ жизни на довольно далекое разстояніе; но мы рѣшили, что это мѣра временная и что я постоянно долженъ буду имѣть въ виду стараться о перемѣщеніи своемъ на службу въ Кіевъ, или по близости его. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ мы отправились въ сопровожденіи бабушки нашей до Могилева Бѣлорусскаго, гдѣ братъ бабушки, Вилимъ Ивановичъ Бриземанъ-фонъ-Неттигъ, генералъ-маіоръ, былъ окружнымъ начальникомъ внутренней стражи. Мы ѣхали на долгихъ и имѣли разныя перепутья у старыхъ знакомыхъ бабушки, изъ которыхъ самое замѣчательнѣйшее посѣщеніе было въ мѣстечкѣ Чечерскѣ, у крестной матери жены моей, фельдмаршальши и статсъ-дамы графини Анны Родіоновны Чернышовой, извѣстной своими оригинальными причудами и страннымъ образомъ жизни. Послѣ смерти мужа она жила тридцать лѣтъ въ совершенномъ затворничествѣ, въ одной комнатѣ, въ которой была устроена и ея церковь; день она обращала въ ночь, а ночь въ день, и кромѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ никого не принимала. Бабушка и жена

моя гостили у нея, а мнѣ въ это время приносили отъ нея обѣды и ужины *).

---

*) Считаемъ не безъинтереснымъ помѣстить здѣсь любопытныя свѣдѣнія о графинѣ Чернышовой, почерпнутыя изъ записанныхъ разсказовъ Елены Павловны Фадѣевой.

„Я ѣздила иногда къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ въ Кіевъ и Чечерскъ, съ моей бабушкой (Еленой Ивановной Бандре-дю-Плесси), которая была въ большой дружбѣ съ графиней и очень ею любима. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Чечерскъ, мы застали нѣсколько гостей, въ томъ числѣ г-жу Энгельгардтъ и Оленину. Графиня намъ много разсказывала о своихъ семейныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ. Особенно меня заняло странное событіе съ ея матерью г-жей Ведель. Годъ тому назадъ, графиня ѣздила въ первый разъ въ деревню своего отца, бывшею подъ управленіемъ его стараго адъютанта (генералъ Ведель былъ губернаторомъ, кажется, въ Казани, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; мать графини была урожденная Пассекъ). Она спросила, не осталось ли послѣ ея отца какихъ нибудь бумагъ, и ей сказали что сохранился одинъ сундукъ съ старыми бумагами, который она велѣла принесть къ себѣ, и разобрала все что̀ въ немъ находилось. Всѣ бумаги оказались совершенно сгнившими; одно только письмо, испорченное и подгнившее въ иныхъ мѣстахъ, настолько уцѣлѣло, что его можно было свободно прочитать. Письмо было отъ тетки ея, княгини Софіи Кантемиръ, къ отцу ея Веделю съ сообщеніемъ о смерти его жены. Разсказывая намъ это, графиня Анна Родіоновна по обыкновенію лежала въ постели; доставъ изъ стоявшаго возлѣ нея стола портфель, она вынула изъ него старое, пожелтѣвшее отъ времени письмо и подала его мнѣ, приказывая громко прочитать, какъ самой молодой изъ всѣхъ присутствовавшихъ. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Изъ содержанія письма было видно, что г-жа Ведель была нездорова и поѣхала съ своей сестрой княгиней Кантемиръ и дѣтьми, двумя маленькими дочерьми, въ Ахтырку на богомолье. Княгиня писала въ этомъ письмѣ, какъ онѣ пріѣхали, пошли въ церковь, служили молебны, молились предъ чудотворной иконой Божіей Матери, и какъ въ первую же ночь по пріѣздѣ, не помню во снѣ или на яву, г-жѣ Ведель представилась въ видѣніи Богородица и сказала, чтобы она готовилась къ смерти, что скоро, чрезъ нѣсколько дней, она умретъ, и чтобы всѣ деньги, которыя при ней были, роздала бѣднымъ. Г-жа Ведель отвѣчала, что, не бывъ очень богата, если роздастъ все бѣднымъ, что̀ же останется ея дѣтямъ? Матерь Божія сказала: „не безпокойся о дѣтяхъ, я сама беру ихъ подъ свой покровъ и внушу сильнымъ міра сего имѣть попеченіе о нихъ“. Г-жа Ведель тотчасъ же сообщила объ этомъ видѣніи сестрѣ своей и въ точности исполнила повелѣніе свыше: приготовилась христіанскимъ напутствіемъ къ кончинѣ, роздала всѣ свои деньги бѣднымъ, и хотя болѣзнь ея повидимому не усилилась, но на четвертый день послѣ видѣнія она умерла. Этимъ заканчивалось письмо. Когда я его дочитала, графиня воскликнула: „что же, не исполнила ли Матерь Божія своего обѣщанія?“ И начала разсказывать намъ свою исторію. „Тетка моя“, говорила она, „по смерти матери, отвезла насъ обратно къ отцу. Спустя нѣсколько времени послѣ того, однажды ночью пришли разбудить меня (мнѣ было не болѣе десяти лѣтъ) и сестру мою, и позвали къ отцу, который прислалъ звать насъ къ себѣ. Мы нашли его въ постели, онъ сидѣлъ чрезвычайно взволнованный и держалъ въ рукахъ икону Богородицы, которою благословилъ насъ, а на слѣдующій день принялъ Православіе (онъ былъ лютераниномъ). Поэтому мы увѣрены, что въ ту ночь съ нимъ произошло что нибудь необыкновенное, и хотя онъ ничего не сказалъ, но былъ подъ вліяніемъ особеннаго потрясенія. Навѣрно ему было тоже видѣніе, какъ и матери. Чрезъ два дня онъ поѣхалъ въ Петербургъ и насъ взялъ съ собою. Тамъ отецъ представилъ насъ императрицѣ (Елисаветѣ Петровнѣ), которая приняла насъ очень благосклонно и была ко мнѣ и сестрѣ моей очень милостива, а вскорѣ затѣмъ, онъ умеръ. Мы остались при дворѣ, насъ помѣстили во дворцѣ, гдѣ мы и жили. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда мы уже стали взрослыми,

Погостивъ недѣли двѣ, въ Могилевѣ у добраго старика Бриземана, мы разстались съ бабушкой, и я съ женою и маленькою дочерью отправился далѣе. Путь нашъ пролегалъ въ Москву, слѣдовательно чрезъ всѣ мѣста, разоренныя непріятелемъ за два года предъ тѣмъ. Города и селенія были еще почти въ томъ видѣ, какъ тотчасъ послѣ нашествія. Грустно было смотрѣть на слѣды разоренія: Гжатскъ, Вязьма, Дорогобужъ и пр. представляли кучу развалинъ, и нищета въ деревняхъ была повсемѣстная. На полѣ Бородинскаго боя жена моя собрала своеручно нѣсколько пуль, которыя, кажется, и теперь хранятся у насъ. Въ Москвѣ мы пробыли нѣсколько дней, остановившись погостить у брата моего Петра, бывшаго членомъ въ Московской Удѣльной Конторѣ; онъ съ женою оставался во время нашествія непріятеля въ Москвѣ; они разсказывали намъ многое о событіяхъ этого печальнаго времени. Братъ мой, съ семействомъ, успѣлъ тогда, по какой-то протекціи, найти себѣ убѣ-

---

началъ за мною сильно ухаживать великій князь Петръ Ѳедоровичъ и такъ, что я принуждена была обратиться къ Государынѣ съ просьбой защитить меня. Государыня предложила мнѣ выдать меня замужъ за графа Захара Григорьевича Чернышова, сказавъ впрочемъ, что онъ для меня старъ, и потому быть можетъ я не соглашусь. Но я, не колеблясь, объявила, что готова исполнить приказаніе Государыни, лишь бы избавиться отъ преслѣдованій ея августѣйшаго племянника. Тогда же я осмѣлилась попросить Императрицу и о сестрѣ своей, которая могла подвергнуться такимъ же преслѣдованіямъ. Добрая Государыня милостиво выслушала меня и, какъ истинная наша благодѣтельница, удостоила вникнуть въ наше сиротское положеніе. Немного времени спустя, она выдала насъ обѣихъ замужъ, меня за фельдмаршала графа Чернышова, а сестру мою за графа Панина. Вотъ какая судьба вышла намъ въ удѣлъ! И кто же могъ такъ устроить нашу жизнь, какъ не Пресвятая Богородица, по своему обѣщанію нашей матери, принявшая насъ подъ Свой святый покровъ?"

Графиня А. Р. Чернышова была крестной матерью императора Александра Павловича, и всегда пользовалась большими милостями при дворѣ. Когда великій князь Павелъ Петровичъ, съ супругой Маріей Ѳеодоровной, ѣздилъ за границу, то нарочно заѣхалъ въ ихъ имѣніе Чичерскъ (Чернышовъ въ то время былъ Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ) и пробылъ у нихъ нѣсколько дней. Чернышовы устраивали для нихъ разныя празднества, и между прочимъ спектакль, гдѣ главною актрисой была родственница графини, Пассекъ, въ послѣдствіи Рахманова, извѣстная своей странною жизнью въ Кіевѣ. Давали также одну феерическую піесу съ превращеніями, въ которой волшебница, мановеніемъ жезла, перемѣняетъ четыре времени года. Эту роль играла съ большимъ успѣхомъ моя мать, которой было тогда всего двѣнадцать лѣтъ. Она была очень хороша собой и всѣмъ чрезвычайно понравилась. Пять лѣтъ спустя, она была уже замужемъ за отцомъ моимъ княземъ Павломъ Васильевичемъ Долгорукимъ и, пріѣхавъ съ нимъ въ Петербургъ, представлялась великой княгинѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ, которая сейчасъ ее узнала и, обратясь къ великому князю Павлу Петровичу, сказала: „узнаёшь ли ты нашу маленькую фею, которая въ Чичерскѣ перемѣняла времена года?" И оба очень обласкали ее. Графиня Чернышова вскорѣ потомъ овдовѣла. Смерть графа Захара Григорьевича Чернышова произошла въ слѣдствіе особеннаго случая. У графа на войнѣ былъ пробитъ черепъ, и задѣланъ серебрянной бляхой, уже съ давнихъ поръ. Онъ ѣхалъ съ женой изъ Бѣлоруссіи въ Петербургъ и хотѣлъ заѣхать погостить въ деревню къ моему дѣдушкѣ (Бандре-дю-Плесси), но такъ какъ это составляло крюкъ, то графиня уговорила его

жище въ Воспитательномъ Домѣ, который, какъ извѣстно, былъ огражденъ Наполеономъ отъ вторженія войскъ, и только закупоренные тамъ безвыходно могли быть безопасны. Однажды братъ вышелъ за ворота, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; мимошедшій Французскій солдатъ присталъ къ нему, схватилъ за руку и принялся снимать у него съ пальца вѣнчальное кольцо, а такъ какъ оно туго сидѣло на пальцѣ, то онъ едва не отсѣкъ ему ножомъ пальца. Братъ съ трудомъ отъ него отбился и поскорѣе убрался къ себѣ въ Воспитательный Домъ.

Намъ показывали Москву, возили по замѣчательнѣйшимъ окрестностямъ, а сама Москва, за исключеніемъ соборовъ, монастырей и немногихъ оправленныхъ зданій, также представляла несмѣтную груду развалинъ. Между прочимъ, братъ мой возилъ насъ въ село Коломенское, гдѣ жили удѣльные крестьяне, и показывалъ намъ огромные чаны, въ которыхъ крестьяне обыкновенно квасили капусту на продажу въ

ѣхать прямо, потому что спѣшила въ Петербургъ по важнымъ дѣламъ. Дорога въ одномъ мѣстѣ была выложена круглыми бревнами, отъ которыхъ экипажъ подвергался сильнымъ толчкамъ. Въ каретѣ, въ верху, была придѣлана сѣтка (чтобы класть вещи), прикрѣпленная шрубами. Одинъ изъ шрубовъ, вѣроятно отъ движенія, выдвинулся, при толчкѣ стукнулся въ голову графа, пробилъ серебряную бляху черепа и вонзился въ мозгъ, что́ и было причиною немедленной его смерти".

„По смерти мужа графиня Анна Родіоновна оставила совсѣмъ дворъ и большой свѣтъ, ѣздила по церквамъ и жила очень уединенно, по большей части въ Чичерскѣ, гдѣ у нея были заведены свои особенные порядки, и даже была своя полиція и полицеймейстеръ. Въ послѣдній мой пріѣздъ въ Чечерскъ, она не принимала никого; въ это время у нея гостила только генеральша Ледуховская, большая богомолка. Я пріѣхала съ мужемъ, бабушкой и полугодовою дочерью. Бабушка велѣла доложить черезъ полицеймейстера о своемъ пріѣздѣ, и графиня сейчасъ же прислала просить бабушку и меня съ дочерью къ себѣ, исключивъ моего мужа, которому входъ былъ закрытъ, какъ мужчинѣ. Графиня обѣдала обыкновенно въ 12 часовъ ночи. Мы пошли къ ней въ шесть часовъ пополудни. Чтобы достигнуть до дома въ которомъ она жила, надобно было перейти черезъ три двора; въ первомъ находился караулъ изъ мужчинъ, а въ остальныхъ двухъ изъ женщинъ, и мужчины не смѣли туда показываться. Этотъ уставъ соблюдался тогда съ большою строгостію, и ни для кого не дѣлалось исключеній. Графиня приняла насъ очень привѣтливо, радушно, какъ и всегда, и повидимому была очень довольна нашимъ посѣщеніемъ. Она лежала на софѣ; спинка софы была устроена такъ, что сверху, во всю длину софы, была сдѣлана деревянная полоса, въ родѣ полки, которая была вся уставлена въ рядъ маленькими образами одинаковой величины. Когда въ комнату внесли мою маленькую дочь, графиня взяла ее на руки, сняла съ полки одинъ образокъ и благословила ее имъ. Обѣдали мы ровно въ полночь, а бесѣда и разговоры наши продолжались почти до утра. Бабушка моя разсказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ, стала жаловаться на свое здоровье, и что начинаетъ замѣтно слабѣть и часто болѣть. Графиня ей возразила: „Это отъ того, Елена Ивановна, что ты въ молодости очень любила танцовать и цѣлыя ночи протанцовывала, такъ что, я помню, у тебя иногда ноги бывали въ крови; а вотъ я не любила танцовать и не танцовала иначе какъ по указу Государыни, такъ вотъ хоть десять лѣтъ и старше тебя, а смотри какъ еще здорова и крѣпка." Она оставила насъ ночевать у себя и на другой день никакъ не хотѣла отпустить, уговаривая погостить хоть недѣльку. Мы едва могли убѣдить ее, что намъ необходимо ѣхать".

Москву. Въ 1812-мъ году, при непріятельскомъ погромѣ, они лишились этого дохода по причинѣ истребленія ихъ капусты Французами. Въ отмщеніе имъ за то, когда Французы выходили, а Русскія команды еще не вступали, крестьяне вытащили изъ находившагося въ селѣ Коломенскомъ лазарета нѣсколько больныхъ Французовъ, бросили ихъ въ чаны и искрошили вмѣсто капусты. Кровь такъ въѣлась въ стѣнки и дно чановъ, что слѣды ея еще были видны.

Изъ Москвы мы отправились далѣе на Владиміръ и Арзамасъ. Елена Павловна никогда еще до того времени не бывала внутри Россіи, и потому всѣ мѣста, чрезъ которыя мы проѣзжали, чрезвычайно ее интересовали. Прибывъ въ Нижній, мы наняли небольшую, но порядочную квартирку, и я познакомился съ почетнѣйшими изъ тамошней знати. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ былъ губернскій предводитель дворянства, князь Георгій Александровичъ Грузинскій, человѣкъ добрый и смышленый, но въ высшей степени взбалмошный и самодуръ, проказы котораго долго еще будутъ передаваться Нижегородцами изъ рода въ родъ. Затѣмъ слѣдовалъ губернаторъ Быховецъ, коренной подъячій, по всеобщей молвѣ большой взяточникъ; а за нимъ вице-губернаторъ Крюковъ, человѣкъ благородный и честный (отецъ двухъ декабристовъ бывшихъ гвардейскими офицерами, сосланныхъ въ цвѣтѣ лѣтъ на каторгу). Прочіе всѣ, и дворянство, и духовенство, и чиновничество того времени, съ малыми исключеніями, были погружены въ заботы о злобѣ дня, преданы обжорству и пьянству, а чиновничество кромѣ того еще и взяточничеству.

Служба въ Нижегородскомъ Губернскомъ Правленіи мнѣ скоро опротивѣла. О несостоятельности этихъ правленій и теперь много пишутъ, а въ прежнее время это были почти повсемѣстно просто помойныя ямы. Губернаторъ направлялъ дѣла, какъ хотѣлъ; второстепенными дѣлами заправлялъ одинъ совѣтникъ, который въ этомъ же правленіи и службу началъ; а мы, всѣ прочіе, подписывали то, что̀ намъ давали подписывать. Два раза назначали меня въ командировки. Одна состояла въ томъ, чтобы отыскать въ Нижегородскомъ уѣздѣ золото, по извѣту одного преступника, содержавшагося въ острогѣ; золота, разумѣется, не нашлось. Преступники при подобныхъ извѣтахъ имѣли въ виду, не представится ли при этомъ случай уйти. Другая командировка была мнѣ дана по собственному моему желанію, въ Пензенскую губернію, для пріисканія между Пензенскими винокурами желающихъ принять поставку трехмѣсячной пропорціи вина, на слѣдующій годъ, въ Нижегородскую губернію, по случаю предстоявшихъ новыхъ откуповъ. Но это порученіе было мнѣ дано для одного предлога, такъ какъ у кого купить вино, было уже рѣшено губернаторомъ.

Я же былъ очень радъ этому обстоятельству, предоставлявшему мнѣ случай познакомиться и жену познакомить съ ея родными. Мы отправились въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Ѣхали на Арзамасъ, гдѣ остановились на нѣсколько дней, посѣтили знаменитую Арзамасскую женскую обитель, запаслись работами и рукодѣліями тамошнихъ отшельницъ и въ окрестностяхъ города, по рекомендаціи моего тестя, заѣзжали къ двумъ его старымъ знакомымъ, помѣщикамъ Безсонову и Полчанинову. У перваго мы нашли во всемъ образецъ благоустроеннаго хозяйства, прекраснаго порядка и въ домѣ наилучшаго комфорта; а у Полчанинова, проживавшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Безсонова, во всемъ совершенный безпорядокъ, цѣлое полчище оборванной дворни, по двадцати блюдъ за обѣдомъ, одно другаго сквернѣе, и отвратительную музыку.

Родные наши проживали въ остаткахъ своихъ прежнихъ большихъ имѣній, въ 50-ти верстахъ отъ Пензы, Мокшанскаго уѣзда, въ селѣ Знаменскомъ. Семья ихъ состояла изъ слѣдующихъ лицъ. Княгиня Анастасія Ивановна Долгорукая, восьмидесятилѣтняя бабушка жены моей, рожденная Лодыженская, родная внучка князя-кесаря Ромодановскаго, уже слабая и полуслѣпая, нѣкогда красавица, блиставшая при дворахъ императрицъ Елисаветы и Екатерины II-й. При выходѣ ея замужъ за князя Василія Сергѣевича Долгорукаго, она получила въ приданое болѣе восьми тысячъ душъ и жила съ нимъ когда-то очень широко въ своемъ богатомъ Московскомъ домѣ, къ сожалѣнію, часто не соображая своихъ хотя и большихъ доходовъ съ превышавшими ихъ расходами. Какъ они легко обращались съ своимъ состояніемъ, доказываетъ слѣдующій характерный случай изъ ихъ тогдашней жизни. Заболѣлъ у нихъ одинъ изъ сыновей скарлатиной, находился въ опасности, но выздоровѣлъ; доктору, лечившему его, въ благодарность за леченіе, они подарили прекрасное подмосковное имѣніе съ четырьмя стами душъ. Немудрено, что, вслѣдствіе такаго неосмотрительнаго обращенія съ имуществомъ, оно наконецъ совсѣмъ разстроилось, и княгиня Анастасія Ивановна на старости лѣтъ должна была ограничиваться очень умѣренными средствами, доставлявшимися однимъ уцѣлѣвшимъ имѣніемъ въ нѣсколько сотъ душъ, полуразоренныхъ и обремененныхъ долгами. Она однако была очень умная, любезная, свѣтская старушка, съ большимъ образованіемъ и начитанностію, особенно по части Французской литературы. Покойный мужъ ея, князь Василій Сергѣевичъ Долгорукій, былъ сынъ князя Сергѣя Григорьевича, долго находившагося посланникомъ въ Варшавѣ, потомъ сосланнаго при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, за противодѣйствіе Бирону, въ Березовъ, гдѣ, пробывъ восемь лѣтъ, былъ онъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ посломъ въ Лондонъ и наканунѣ

отъѣзда схваченъ, препровожденъ въ Новгородъ и тамъ казненъ обезглавленіемъ, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, мужемъ извѣстной Натальи Борисовны, урожденной графини Шереметевой. Громадныя ихъ имѣнія и все имущество были конфискованы. До сихъ поръ въ Московской Грановитой Палатѣ находятся драгоцѣнныя старинныя вещи съ ихъ гербами. У князя Сергѣя Григорьевича, отъ супружества съ дочерью вице-канцлера барона Шафирова, осталось два сына; при отправленіи его въ ссылку, старшаго сына Петра (бывшаго въ послѣдствіи генералъ-поручикомъ, убитаго при взятіи Хотина) послали солдатомъ въ Азовъ, а младшаго, Василія (мужа княгини Анастасіи Ивановны), тогда еще малолѣтняго, отдали въ ученье кузнецу, у котораго онъ пробылъ восемь лѣтъ, вслѣдствіе чего отлично изучилъ кузнечное мастерство, но никогда не могъ научиться хорошо писать. Со смертію Анны Іоанновны, опала на это семейство Долгорукихъ кончилась; но ихъ имѣнія не были возвращены, потому что были розданы въ разныя руки. По семейному преданію, до конфискаціи у нихъ было 200 тысячъ душъ крестьянъ. Князь Василій Сергѣевичъ потомъ служилъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку бригадиромъ и умеръ въ 1803-мъ году *).

Старшій ихъ сынъ, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій (овдовѣвшій уже отецъ Елены Павловны) скромно проживалъ по сосѣдству отъ родителей въ своемъ небольшомъ имѣньицѣ изо ста душъ крестьянъ. Онъ былъ пожалованъ офицерскимъ чиномъ еще въ колыбели, служилъ всегда въ военной службѣ, участвовалъ почти во всѣхъ походахъ и военныхъ дѣлахъ того времени и могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, еслибы не вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-маіора, въ началѣ царствованія императора Павла, не желая брать на себя выполненіе тогда вводимыхъ строгостей по отношенію къ подчиненнымъ и разныхъ суровыхъ мѣръ въ военной дисциплинѣ,—чѣмъ возбудилъ неудовольствіе императора, который его очень любилъ и зналъ съ дѣтства. Потомъ кн. П. В. неоднократно получалъ приглашенія продолжать снова службу, но уже не желалъ возобновлять ее. Онъ былъ человѣкъ далеко не заурядный, отличавшійся высоко-просвѣщен-

*) У кн. Василія Серг. было три сестры: Марія, въ замужествѣ за кн. Вяземскимъ, дѣдомъ извѣстнаго поэта; Анна за кн. Голицынымъ и Анастасія за кн. Щербатовымъ. А у княг. Анастасіи Ивановны была сестра Анна замужемъ за кн. Трубецкимъ, и братъ Николай Ив. Лодыженскій. Мать ихъ была урожденная княжна Ромодановская, послѣдняя изъ этого дома, а потому (какъ значится въ ихъ родословной) сыну ея, Николаю Ив. Лодыженскому, были переданы титулъ и имя угасшаго рода Ромодановскихъ, и онъ назывался княземъ Лодыженскимъ-Ромодановскимъ, также какъ и сынъ его Александръ Николаевичъ, умершій бездѣтнымъ, кажется въ ранней молодости, и съ нимъ окончательно прекратились родъ и имя князей Ромодановскихъ.

нымъ умомъ и многосторонними, спеціальными познаніями, пользовавшійся большимъ уваженіемъ людей знавшихъ его. Все свое свободное время проводилъ онъ за серьезными занятіями въ своей громадной библіотекѣ, составленной преимущественно изъ книгъ ученаго содержанія, по всѣмъ отраслямъ знанія и всякихъ языковъ. Онъ хорошо зналъ нѣсколько древнихъ и новыхъ языковъ и совершенно свободно изъяснялся на нихъ. Деревенская жизнь не прервала его отношеній къ большому свѣту; близкія, родственныя и дружескія связи его съ знатнѣйшими домами обѣихъ столицъ поддерживались постоянными сношеніями и перепиской. Затрачивая значительную часть своихъ умѣренныхъ доходовъ на книги и разные научные предметы, онъ долженъ былъ ограничивать себя во всемъ остальномъ: одѣвался очень просто, даже бѣдно, что̀ подавало иногда поводъ къ довольно забавнымъ ошибкамъ. Такъ, однажды, станціонный смотритель ближайшей почтовой станціи, давно извѣстный князю, пригласилъ его крестить у себя сына. Князь согласился и въ назначенный день отправился къ смотрителю. Крестить должны были въ двѣ пары; вскорѣ явился и второй кумъ, молодой помѣщикъ Бахметевъ, недавно пріѣхавшій изъ Петербурга, великій франтъ, разодѣтый щеголемъ, раздушонный и припомаженный. Смотритель отлучился изъ комнаты, и Бахметевъ, увидѣвъ пожилаго человѣка въ старенькомъ военномъ сюртучкѣ, вѣроятно принялъ его за какого-нибудь отставнаго унтера и приступилъ къ разговору съ нимъ: «Что̀, братецъ, служилъ въ военной службѣ?»—«Служилъ».—«Долго служилъ?»—«Порядочно».—«Много воевалъ?»—«Воевалъ.»—«Ну что жъ, теперь находишься на побывкѣ или въ отставкѣ?»—«Въ отставкѣ»—»Есть семья, жена, дѣти?»—«Я вдовецъ, и семья у меня небольшая: всего двѣ дочери».—«Ну а въ отставкѣ, съ какимъ чиномъ, фельдфебелемъ или вахмистромъ?»—«Генералъ - маіоромъ».—«Что? Какъ!»—Князь повторилъ свой отвѣтъ. Бахметевъ сильно озадачился и сконфуженно спросилъ: «Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?—«Я князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій». Бахметевъ окончательно растерялся, забормоталъ невнятныя извиненія и напустился на вошедшаго смотрителя, какъ онъ смѣлъ не предупредить его, какой у него сидитъ гость. Князь долженъ былъ заступиться за смотрителя и едва могъ успокоить молодого человѣка. Такіе случаи бывали не разъ и очень забавляли князя.

За нимъ, въ ряду членовъ семейства Долгорукихъ, слѣдовалъ братъ его, Екатерининскій бригадиръ кн. Сергѣй В., человѣкъ добрый, но слабый и болѣзненный, управлявшій Знаменскимъ и всѣми ихъ хозяйственными дѣлами. Далѣе, сестра ихъ, Екатерина Васильевна Кожина, воспитанница Смольнаго монастыря и бездѣтная вдова, женщина умная,

но нѣсколько причудливая и неподатливая; ея состояніе было несравненно въ лучшемъ положеніи, нежели у братьевъ и матери; но за то разсчетливость ея, или даже скупость, составляя отличительную черту ея характера, служила источникомъ многихъ курьезныхъ анекдотовъ, вѣроятно до сихъ поръ памятныхъ въ Пензѣ. Разъ въ годъ, на свои имянины, въ Екатерининъ день, она давала въ Пензѣ балъ, на которомъ не было другихъ конфектъ, какъ собранныя ею въ продолженіи цѣлаго года на другихъ балахъ, для чего она носила всегда огромный ридикюль. На одномъ изъ такихъ ея баловъ, въ числѣ угощеній, на подносѣ съ конфектами красовался большой сахарный ракъ, который тотчасъ же былъ узнанъ прежнимъ его владѣльцемъ, княземъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, такъ какъ былъ присланъ ему съ другими конфектами, выписанными изъ Москвы для его бала за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ. Голицинъ подошелъ къ подносу, взялъ своего рака и съ торжественнымъ возгласомъ: «мое, ко мнѣ!» снова принялъ его въ свое владѣніе. Эта продѣлка хотя нѣсколько сконфузила хозяйку, но ни чуть не исправила. У нея былъ въ Москвѣ на Пречистенкѣ домъ; понадобилось перекрасить крышу. Кожиной хотѣлось выкрасить крышу особенной минеральной краской, фабрикуемой изъ какихъ-то камней довольно цѣнныхъ. Въ это время въ Москвѣ проживалъ одинъ горный генералъ, старый холостякъ, имѣвшій большую коллекцію именно такихъ камней, вывезенныхъ имъ изъ Сибири. Кожина (бывшая тогда еще княжной Долгорукой, хотя далеко уже не первой молодости) узнала объ этомъ, познакомилась съ нимъ и принялась такъ его заискивать и ухаживать за нимъ, что генералъ, прельщенный ея любезностію и слухами о ея богатствѣ, не замедлилъ предложить ей руку и сердце. Екатерина Васильевна, не давая ему рѣшительнаго отвѣта, начала ему безпрестанно толковать о своей будто бы страсти къ минераламъ и желаніи составить коллекцію и особенномъ влеченіи къ такимъ-то камнямъ, и какъ была бы счастлива еслибъ могла ихъ пріобрѣсть въ большомъ количествѣ. Генералъ дорожилъ своими камнями, но, чтобы вынудить скорѣе согласіе на свое предложеніе, разсчитывая, что послѣ свадьбы камни отъ него не уйдутъ, останутся ихъ общимъ достояніемъ, и онъ опять ихъ приберетъ къ рукамъ, съ готовностію поспѣшилъ ей преподнесть все собраніе своихъ минераловъ. Екатерина Васильевна приняла ихъ очень благосклонно, выразила свое большое удовольствіе, но въ тотъ же день отказала генералу и, немедленно распорядившись на счетъ краски изъ камней, выкрасила свою крышу и уѣхала въ Пензу. Въ Пензѣ у нея былъ тоже хорошій, большой домъ. Городское управленіе заставляло ее построить около дома тротуаръ. Екатерина Васильевна долго отговаривалась и

отбивалась отъ этого разорительнаго нововведенія всѣми силами, но понуждаемая полиціей должна была уступить и построила деревянный тротуаръ. Тогда, въ видахъ его сохраненія, сбереженія и огражденія отъ поврежденій, дабы не подвергнуться злополучію его починять или вновь строить, она приставила караульщиковъ, которые денно и нощно должны были оберегать тротуаръ, не позволять никому ходить по немъ и прогонять прохожихъ. Тетушка Екатерина Васильевна энергично, и бдительно наблюдала изъ оконъ дома за неупустительнымъ исполненіемъ ея распоряженія, а часто и сама выходила на улицу для личнаго командованія своимъ карауломъ. Въ то время, да еще такой почтенной, высокопоставленной въ Пензенскомъ обществѣ дамѣ, такія продѣлки были весьма возможны и позволительны, и потому она долго упражнялась въ этомъ оригинальномъ занятіи. Замужество ея уже въ пожилыхъ годахъ совершилось единственно изъ разсчета, въ которомъ она горько ошиблась. Старый помѣщикъ Кожинъ слылъ за богатаго человѣка, жилъ роскошно, давалъ балы, пиры, держалъ свой оркестръ музыки, домашній театръ съ труппою изъ крѣпостныхъ людей, увеселялъ и удивлялъ губернскую публику своей широкой жизнію, которая ввела въ заблужденіе и нашу тетушку, составившую себѣ преувеличенное понятіе о его состояніи. Вслѣдствіе этого заблужденія случился неожиданный результатъ: княжна Екатерина Васильевна Долгорукая пожелала присоединить богатства помѣщика Кожина къ своему, хотя неособенному, но довольно кругленькому имуществу. Кожинъ же, разстроивъ совершенно свои дѣла, раззоренный,—чего никто не подозрѣвалъ,—считая княжну Екатерину Васильевну скупой, богатой женщиной, гораздо богаче нежели она была въ дѣйствительности, желалъ ея состояніемъ поправить свое. Такъ они и поженились, съ строжайшимъ условіемъ съ ея стороны жить на разныхъ половинахъ и абсолютно въ братскихъ отношеніяхъ; это, въ ихъ пожиломъ возрастѣ, не могло конечно составить особенной жертвы. Кожинъ оказался почти безъ всякихъ средствъ, а его супруга разумѣется не дала ему ни копѣйки для поправленія оныхъ. Послѣдовало обоюдное разочарованіе. Но, какъ дама съ характеромъ и энергіей, она не упала духомъ и немедленно приняла рѣшительныя мѣры: разогнала музыкантовъ и актеровъ, уничтожила всю роскошную обстановку его прежней жизни, прекратила безвозвратно всѣ увеселительныя продѣлки, прибрала къ рукамъ все что́ было возможно, и главнѣйшимъ образомъ его самого. Затѣмъ, Кожинъ, недолго насладившись счастіемъ супружеской жизни, поспѣшилъ оставить ее вдовой, о чемъ она нисколько не горевала. Много исторій въ этомъ родѣ разсказывали о Кожиной, что́ не мѣшало однако ей быть по своему ласковой, привѣтливой, умной, вполнѣ свѣт-

ской, гостепріимной, словомъ, очень пріятной старушкой, хотя въ отношеніи денегъ крайне неподатливой *).

Семейство Долгорукихъ заканчивалось сестрой моей жены Анастасіей Павловной Сушковой, замѣчательно красивой женщиной, извѣстной въ свое время въ высшемъ Московскомъ кругу подъ названіемъ «la belle Dolgorouky»; мужъ большой кутила и игрокъ, тогда находился въ отсутствіи на службѣ въ милиціи.

Много мы съ женой наглядѣлись и наслушались для насъ любопытнаго и забавнаго, а подъ часъ и страннаго въ теченіе четырехъмѣсячнаго нашего пребыванія въ Знаменскомъ. Во всемъ было какое-то смѣшеніе родовой гордости и простоты, остатковъ прежняго величія и богатства съ недостаткомъ обыкновеннѣйшихъ предметовъ для удобства жизни. Огромнѣйшій деревянный домъ о сорока комнатахъ съ нѣкоторыми признаками бывшей роскоши и боярства, какъ то: фамильными портретами, образами въ богатыхъ окладахъ и кіотахъ, шпалерами и занавѣсами изъ дорогихъ матерій, утратившихъ отъ времени первобытный цвѣтъ, и старинной мебелью съ рѣзьбой и инкрустаціями, когда-то очень цѣнной, но тогда уже попорченной и обветшалой. Обширный, засорившійся садъ съ запущенными аллеями и дорожками заросшими сорной травой; безчисленная дворня, составлявшая едва ли не четверть числа душъ всего имѣнія, и въ числѣ ихъ нѣсколько шутовъ, дураковъ и дуръ. Оркестръ музыки изъ дворовыхъ людей, далеко незавидный, и хоръ пѣвчихъ еще незавиднѣе. Порядка въ хозяйствѣ и управленіи домомъ и имѣніемъ было почти незамѣтно: каждый изъ членовъ семейства имѣлъ свои привычки, своеобразности, повѣрья и причуды, хотя они были умные, образованные и вполнѣ свѣтскіе люди. Всѣ они любили хорошо поѣсть, и столъ у нихъ былъ прекрасный; повара́ ихъ, которыхъ было съ дюжину, дѣйствительно могли назваться мастерами своего дѣла и артистами кулинарнаго искусства; на ихъ обученіе обращалось особенное вниманіе. Эта часть хозяйственнаго отдѣла была безупречна. Насъ очень занимали разсказы родныхъ о прежнемъ добромъ, старомъ времени, о событіяхъ и превратностяхъ ихъ жизни, о ихъ семейныхъ преданіяхъ, о людяхъ съ историческимъ значеніемъ близко имъ извѣстныхъ. Много мы узнали новаго и интереснаго, и время проходило

*) Во второмъ томѣ Записокъ Ф. Ф. Вигеля описывается тогдашнее Пензенское общество, и между прочимъ авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ разсказамъ о Е. В. Кожиной, хотя отчасти и юмористическимъ, но тоже и очень сочувственныхъ, благосклонно отзываясь о ея „добрѣйшемъ сердцѣ“, „радушіи“, „оригинальныхъ выходкахъ“. Вигель называетъ ее *„отрадою своей Пензенской жизни“*, что особенно выдѣляетъ Кожину изъ общаго погрома, за малыми исключеніями, которымъ Вигель безпощадно разноситъ это, общество.

для насъ пріятно и занимательно. Часто пріѣзжали гости, сосѣди по имѣнію и знакомые изъ Пензы.

По окончаніи моего проформеннаго порученія, я возвратился всего на нѣсколько дней въ Нижній, одинъ, оставивъ жену у родныхъ, съ намѣреніемъ выхлопотать себѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ, необходимый для устройства моихъ дѣлъ; потомъ, заѣхавъ за ней въ Знаменское, отвезти ея въ Ржищево, а самому отправиться вновь въ Петербургъ для попытки добиться, наконецъ, перемѣщенія на какую-либо должность, если не въ самомъ Кіевѣ, то вблизи его, чтобы соединиться и жить вмѣстѣ съ бабушкою жены моей, чего онѣ болѣе всего желали. Отпускъ мнѣ дали безъ затрудненія. Губернаторъ же, знавшій, что я не могъ имѣть о немъ хорошаго мнѣнія и что у меня есть связи и знатные родные въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ предлагалъ мнѣ занять какое-то имѣвшее открыться по его представленію мѣсто, кажется, управляющаго водяною судною расправою, присовокупивъ къ тому, что на этомъ мѣстѣ можно получать въ годъ дохода отъ 8 до 10 тысячъ р. Но я поблагодарилъ и отказался.

Возвратясь въ Знаменское, мы съ женою, въ началѣ Января 1815 года, отправились въ Ржищево. Зима была холодная съ вьюгами и мятелями. Много мы натерпѣлись въ эту дорогу съ маленькимъ груднымъ ребенкомъ. Въ продолженіи дороги, лучшее перепутье нашли въ Курскѣ у отставнаго унтеръ-офицера, служившаго нѣкогда въ полку князя Павла Васильевича и крайне обрадовавшагося случаю оказать гостепріимство его дочери. Въ его маленькомъ, но чистенькомъ домикѣ мы отдыхали лучше и пріятнѣе, нежели у нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ.

Пробывъ съ мѣсяцъ у бабушки, я отправился въ Петербургъ. У князей Салтыковыхъ я нашелъ тотъ же радушный пріемъ и готовность помочь мнѣ, какъ и въ первую поѣздку. Князь Николай Ивановичъ былъ тогда, за отсутствіемъ Государя за границу, первымъ лицомъ въ Петербургѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать по два раза каждую недѣлю, и тамъ я встрѣчалъ всю аристократію тогдашняго времени, какъ то: князей Куракиныхъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, графа Моркова, и проч. Князь Салтыковъ отрекомендовалъ меня бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ Осипу Петровичу Козодавлеву. Въ Запискахъ Державина сказано, что Козодавлевъ слылъ человѣкомъ довольно тупымъ, но это напрасно; онъ былъ уменъ и смышленъ, но какъ человѣкъ незнатнаго рода и небогатый, онъ для своихъ видовъ поддѣлывался и угождалъ всѣмъ, въ комъ могъ найти покровительство и поддержку, особенно же Аракчееву. Императоръ Александръ Павловичъ не очень его жаловалъ. По предстательству за меня князя

Салтыкова, Козодавлевъ выказалъ всевозможную готовность исполнить его желаніе: черезъ два мѣсяца я былъ переведенъ и назначенъ членомъ Новороссійской конторы иностраныхъ поселенцевъ, находившейся въ Екатеринославѣ. Жалованье было хотя и небольшое, но все же вдвое противъ Нижегородскаго: 800 рублей въ годъ.

Екатеринославъ отъ Ржищева въ разстояніи всего съ небольшимъ на 300 верстъ; туда можно было перевезти водою по Днѣпру все имущество, пожитки и дворовыхъ людей, которыхъ было немало, душъ до сорока. Рѣшено было, чтобы мнѣ съ Еленою Павловною отправиться прежде однимъ, предварительно осмотрѣться, пріискать къ покупкѣ удобный, просторный домъ, а также небольшое имѣньице по близости отъ Екатеринослава, которое бы, доставляя жизненныя потребности для дома, было подспорьемъ небогатымъ средствамъ нашей жизни; а потомъ уже, весною, переѣхать и бабушкѣ.

Такъ все и было сдѣлано. Домъ съ садомъ мы купили на слѣдующій же годъ по пріѣздѣ. Для пріисканія имѣньица близъ Екатеринослава, мнѣ приходилось разъѣзжать; но сдѣлки съ помѣщиками все какъ-то не удавались. Помню двухъ изъ нихъ, по фамиліямъ Стараго и Левенса. У перваго была небольшая деревенька на берегу Днѣпра, за 60 верстъ выше Екатеринослава, въ хорошемъ мѣстоположеніи. Старой, человѣкъ простодушный и откровенный, сказалъ мнѣ, что продаетъ деревню единственно по причинѣ дурнаго сосѣда, нѣкоего Сошина, отставнаго и буйнаго гусара жившаго отъ него всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, который не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, своими собаками, шумомъ и всевозможными безчинствами. Я тотчасъ отъ этой покупки отказался, помня пословицу: не купи деревню, а купи сосѣда. Другой, Левенецъ, тоже въ 60 верстахъ отъ Екатеринослава, въ степи, продавалъ владѣніе свое по частямъ, не имѣя въ томъ ни надобности, ни искренняго желанія продать, а только для того чтобы заманивать къ себѣ посѣтителей, дѣлать новыя знакомства и узнавать о новостяхъ; цѣны назначалъ онъ непомѣрно высокія. Это былъ человѣкъ достаточный, имѣлъ болѣе пяти сотъ душъ крестьянъ и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли; одинокій, для пріѣзжихъ гостей имѣлъ онъ порядочное помѣщеніе, а самъ жилъ въ Малороссійской хатѣ, но былъ на свой манеръ гастрономъ и радушный хозяинъ для всякаго гостя. Тогда въ Новороссійскихъ степяхъ водилось много такихъ оригиналовъ въ различныхъ видахъ между помѣщиками.

Новороссійскій край до тѣхъ поръ былъ мнѣ вовсе незнакомъ. По дорогѣ отъ Кременчуга до Екатеринослава, на протяженіи 140 верстъ, встрѣчалось не болѣе пяти или шести селеній, правда большихъ, но раскинутыхъ каждое на шесть или на семь верстъ со

всѣмъ привольемъ для степнаго хозяйства. Во всемъ видно было довольство поселянъ, богатство нивъ, покосовъ и скота.

Екатеринославъ тогда представлялъ, почти также какъ и теперь *), болѣе видъ какой-то Голандской колоніи нежели губернскаго города. Одна главная улица тянулась на нѣсколько верстъ, шириною шаговъ въ двѣсти, такъ что былъ просторъ не только для садовъ и огородовъ, но даже и для пастбища скота на улицѣ, чѣмъ жители пользовались безъ малѣйшаго стѣсненія. На горѣ красовались развалины Екатеринскаго собора и Потемкинскаго дворца. Первому императрица Екатерина предполагала дать размѣры собора Св. Петра въ Римѣ, и потому успѣла только положить фундаментъ алтарю; это пространство сдѣлалось въ послѣдствіи достаточнымъ для построенія на немъ всего сокращеннаго собора (уже при императорѣ Николаѣ), а дворецъ былъ выстроенъ, но тоже въ уменьшенномъ противу первоначальнаго плана размѣрѣ. Я засталъ его уже съ поврежденною крышею, безъ оконъ, безъ дверей; одна комната была завалена бумагами, составлявшими Потемкинскій архивъ при управленіи его Новороссійскимъ краемъ. Никто объ этомъ архивѣ не заботился, и даже при дворцѣ не было ни одного караульнаго. Я, изъ любопытства, нѣсколько разъ рылся въ этой громадѣ бумагъ и находилъ интересныя черновыя письма, писанныя самимъ княземъ Потемкинымъ къ разнымъ лицамъ, переписку его секретарей съ губернаторами, и проч. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, этой груды бумагъ, въ которой конечно можно было найти много любопытнаго, уже вовсе тамъ не существовало, а только клочки валялись разсѣянные по саду, окружавшему дворецъ.

Въ то время, жизненныя потребности были очень дешевы въ этомъ краѣ, особенно же въ степныхъ и отдаленныхъ отъ почтовыхъ дорогъ поселеніяхъ, по которымъ я часто проѣзжалъ для обозрѣнія колоній; помню, одинъ разъ, при перемѣнѣ лошадей у зажиточнаго хуторянина, въ воскресный день, за обѣдъ для меня и человѣка, состоявшій изъ славнаго борща̀ съ пирогами, жаренаго поросенка, каши со сливками и прекраснаго арбуза,—съ меня потребовали цѣлый гривенникъ!

Общество въ Екатеринославѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ личностей, было весьма первобытное; достаточные помѣщики, проживавшіе въ городѣ, были почти всѣ вышедшіе въ дворянство, или достигшіе значенія по своему состоянію, изъ приказныхъ, откупщиковъ, подрядчиковъ, лакеевъ и всякой челяди Потемкинской и его фаворитовъ, какъ напримѣръ Попова, Фалѣева и проч., а нѣкоторые даже изъ

---

*) По свѣдѣніямъ 1862 года, нѣсколько улучшился, но немного.

цѣловальниковъ (кромѣ губернскаго предводителя дворянства Дмитрія Ларіоновича Алексѣева, человѣка достойнаго и образованнаго, но болѣзненнаго и большаго мистика). Обхожденіе многихъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами и дворовыми людьми было самое безчеловѣчное; приведу одинъ примѣръ. Сенаторша Б*** сѣкла своихъ людей своеручно до полусмерти, заутюживала своихъ дѣвокъ, и проч. и проч. Но что̀ ужъ говорить о подобныхъ жестокостяхъ въ тѣ времена въ провинціяхъ, когда въ 1803 году произошло въ самомъ Петербургѣ слѣдующее происшествіе. Одна бѣдная вдова-чиновница дошла до такой крайности, что была принуждена заложить свою крѣпостную дѣвушку дворянкѣ дѣвицѣ Рачинской. Эта Рачинская мучила дѣвушку всякими истязаніями; однажды она ея тузила до того, что та свалилась безъ дыханія; обморокъ ли съ ней сдѣлался, или лишилась жизни,—неизвѣстно. Рачинская испугалась. Чтобы выпутаться изъ бѣды, она рѣшилась ее разрѣзать по частямъ и сжечь въ печкѣ. Надобно знать, что все это она дѣлала сама, собственноручно, и начала́ съ того, что распорола животъ, вынула внутренности и бросила въ печь, но такъ какъ печь не топилась, то засунувъ тѣло подъ кровать, позвала слугу, приказала ему принести дровъ и затопить печь. Слуга принесъ дровъ, началъ класть, почувствовалъ какой-то странный запахъ, оглядѣлся, увидѣлъ кровь; положилъ однакожъ дрова, пошелъ будто бы за огнемъ, и побѣжалъ дать знать полиціи. Привели квартальнаго, обыскали и нашли трупъ дѣвушки подъ кроватью.

Губернаторомъ тогда въ Екатеринославѣ былъ нѣкто Гладкій, сынъ простаго Малороссійскаго крестьянина; выучившись читать и писать, онъ пошелъ въ приказное званіе и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ достигъ губернаторства, посредствомъ угодливости и чрезъ нее покровительства начальствующихъ лицъ, начиная отъ секретарей. Чиновничество, почти все такого же происхожденія, разумѣется, раболѣпствовало предъ Гладкимъ. Образъ ихъ жизни былъ самый забулдыжный: карты, обжорство, пьянство, пустая болтовня и сплетни, занимали все ихъ свободное время. Купечество состояло изъ нѣсколькихъ разбогатѣвшихъ мелкихъ торгашей и цѣловальниковъ съ примѣсью небольшаго числа Жидовъ. Для процвѣтанія торговли и го̀рода не существовало никакихъ элементовъ; развитіе промышленности могло бы послѣдовать только съ условіемъ уничтоженія препятствій къ судоходству по Днѣпру, представляемыхъ порогами. Надъ этой задачей трудились болѣе полустолѣтія, потратили много денегъ, принимались производить работы въ разныхъ видахъ, но ничего, кажется, и до сихъ поръ не сдѣлано.

Генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края тогда все еще состоялъ герцогъ Ришелье, находившійся (въ 1815 году) на Вѣнскомъ

конгрессѣ, одинъ изъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей и администраторовъ, какихъ въ Россіи и до нынѣ насчитывается очень мало. Всему что̀ въ краѣ есть хорошаго, основаніе было положено имъ; весь край душевно соболѣзновалъ, когда герцогъ окончательно и тоже съ большимъ сожалѣніемъ оставилъ его.

Самой почтенной личностію въ Екатеринославѣ былъ предсѣдатель конторы иностранныхъ колоній, въ которую я былъ опредѣленъ членомъ, статскій совѣтникъ Самуилъ Христіановичъ Контеніусъ. Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ людей, какихъ мнѣ удавалось знать въ теченіе моей жизни, и одинъ изъ немногихъ иностранцевъ, принесшихъ существенную пользу Россіи, на томъ служебномъ поприщѣ, которое онъ проходилъ. Сынъ бѣднаго Вестфальскаго пастора, окончивъ свое образованіе въ университетѣ, онъ пріѣхалъ въ молодыхъ лѣтахъ въ Россію, былъ учителемъ въ одномъ знатномъ домѣ, потомъ служилъ по дипломатической части и съ 1799 года управлялъ Новороссійскими колоніями *). Неутомимо и съ безпредѣльнымъ терпѣніемъ онъ трудился надъ устройствомъ и благосостояніемъ этихъ колоній и, сколько было это возможно при тѣхъ препятствіяхъ, какія онъ встрѣчалъ, достигъ вполнѣ своей цѣли. Онъ былъ другомъ герцога Ришелье и покойнаго сенатора Габлица, извѣстнаго примѣрною въ свое время службою, дѣйствительно полезною и дѣльною. Огромныя кипы ихъ писемъ къ нему, въ коихъ много поучительнаго и интереснаго, Контеніусъ оставилъ мнѣ, и они до сихъ поръ хранятся у меня. Замѣчательнымъ служеніемъ своимъ онъ обратилъ на себя вниманіе и пользовался особеннымъ благоволеніемъ императора Александра I-го. Скончался Контеніусъ въ 1830 г., любимый и уважаемый всѣми достойными людьми его знавшими, въ глубокой старости, на рукахъ жены моей, закрывшей ему глаза. Онъ любилъ наше семейство и дѣлалъ сколько могъ добра; особенно же былъ мнѣ полезенъ примѣромъ своей образцовой жизни и служебной дѣятельности.

Что̀ сказать о прочихъ сослуживцахъ? За небольшимъ исключеніемъ, это были люди, изъ коихъ только лучшіе имѣли нѣкоторый лоскъ образованности, но и тѣ не имѣли никакихъ истинныхъ до-

*) Такъ онъ говорилъ самъ о своемъ происхожденіи; по общій голосъ утверждалъ, что онъ былъ эмигрантъ и гораздо высшаго происхожденія, которое тщательно скрывалъ, что жизнь его до пріѣзда въ Россію была непроницаемой тайной и что вообще онъ былъ совсѣмъ не то лицо, за которое себя выдавалъ. Впослѣдствіи, да и тогда уже, многіе авантюристы выдавали себя за Французскаго дофина Людовика XVII; но Контеніуса невозможно было причислить къ ихъ сонму, такъ какъ онъ еще при жизни дофина, въ 1790 годахъ, уже взрослымъ человѣкомъ находился въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, общественное мнѣніе облекало добраго Контеніуса таинственнымъ покровомъ, которому не совсѣмъ не довѣрялъ и самъ Андрей Михайловичъ Фадѣевъ. Н. Ф.

стоинствъ; почти всѣ они были пустѣйшіе люди, большіе антагонисты Контеніуса, завидовавшіе ему и поставлявшіе ему всевозможныя преграды въ его дѣйствіяхъ на пользу общую.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о духовной іерархіи. Епархіальнымъ архіереемъ былъ въ то время архіепископъ Іовъ, замѣчательный человѣкъ не по своимъ архипастырскимъ добродѣтелямъ, а по оригинальности своихъ похожденій. Родомъ Смоленскій дворянинъ, по фамиліи Потемкинъ, родственникъ свѣтлѣйшаго князя, онъ въ молодости находился въ военной службѣ, былъ лихимъ кавалеристомъ, большимъ шалуномъ, дрался на дуели, убилъ одного изъ своихъ сослуживцевъ и, вынужденный по этому случаѣ бѣжать, скрылся въ Молдавію, постригся въ монахи и проживалъ тамъ въ какомъ-то монастырѣ, въ горахъ, довольно долгое время. Когда же онъ узналъ о возвышеніи своего родственника на степень любимца Императрицы и когда этотъ послѣдній уже предводительствовалъ арміею на Турецкой границѣ, то Іовъ ушелъ изъ монастыря, явился къ Потемкину и былъ имъ милостиво принятъ подъ его покровительство. Вскорѣ онъ получилъ повышеніе въ санъ архимандрита, а затѣмъ назначенъ викарнымъ архіереемъ во вновь устроенную Екатеринославскую эпархію. Въ послѣдствіи онъ переведенъ въ Минскъ, гдѣ, въ проѣздъ Павла, не взирая на свое родство съ княземъ Потемкинымъ, понравился ему своимъ служеніемъ. И дѣйствительно, это служеніе болѣе походило на военную экзерцицію, нежели на богослуженіе: всякій шагъ, всякое движеніе духовенства, было опредѣлено по темпамъ, съ неминуемымъ и немедленнымъ слѣдованіемъ наказанія за малѣйшее нарушеніе установленнаго порядка, иногда тутъ же, въ церкви, пощечинами и толчками изъ рукъ самаго архипастыря. Іовъ получилъ тогда отъ императора Александровскую ленту, оставался еще довольно долго въ Минскѣ и въ 1811 году переведенъ въ Екатеринославъ уже архіепископомъ. Образъ его жизни былъ самый аскетическій: постничалъ до изнеможенія, но въ тоже время дрался своеручно съ своими мелкими подчиненными и прислужниками; скряжничалъ и копилъ деньги, которыя раздавалъ въ займы, часто безвозвратно, высоко поставленнымъ лицамъ изъ знатной аристократіи, дабы пріобрѣсти ихъ пріязнь и поддержать расположеніе, а бѣдныхъ прогонялъ отъ себя. Внутри дома велъ онъ жизнь отшельническую, но внѣ его щеголялъ богатыми рясами, экипажами и дорогими лошадьми, о коихъ больше заботился, чѣмъ о своей паствѣ.

Въ противоположность ему, въ семинаріи былъ намѣстникомъ и, кажется, потомъ ректоромъ, архимандритъ Макарій, истинный монахъ, исполненный христіанскихъ добродѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокихъ

познаній. Разумѣется, что такія двѣ разнокачественныя личности не могли долго вмѣстѣ ужиться: Макарія вскорѣ перевели (помнится, въ Алтайскую миссію), а Іовъ остался въ Екатиринославѣ, гдѣ и пребывалъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1821-мъ году. Воспоминаніе онъ оставилъ о себѣ въ паствѣ своей только своими причудами, а у духовенства непомѣрною строгостію и побоями.

Скажу теперь нѣсколько словъ о моемъ новомъ родѣ службы. Мнѣ конечно пріятнѣе было находиться и заниматься въ этой должности нежели въ Нижегородскомъ Губернскомъ Правленіи: меньше крючкотворства и взяточничества; но безполезнаго бумагомаранія, формальности и безпорядковъ, особенно въ ходѣ веденія счетоводства, оказалось въ томъ же изобиліи. Главный предметъ отдѣльнаго управленія надъ колоніями, устройство переселенцевъ и введеніе между ними разныхъ новыхъ отраслей хозяйства краю свойственныхъ, былъ отъ вѣдомства конторы отдѣленъ и порученъ въ непосредственное завѣдываніе и управленіе Контеніусу, котораго отъ занятій бюрократіей въ конторѣ герцогъ Ришелье съ самаго начала совершенно освободилъ. Это благоразумное распоряженіе дало почтенному старику возможность оказать содѣйствіе въ благоустройствѣ Нѣмецкихъ колоній, во сколько это по мѣстнымъ обстоятельствамъ было тогда возможно.

Колоніи, находившіяся въ завѣдываніи Новороссійской конторы иностранныхъ поселенцевъ во всѣхъ губерніяхъ Новороссійскаго края (Екатеринославской, Таврической и Херсонской) были трехъ родовъ: Нѣмецкія, которыя подраздѣлялись, по ихъ вѣроисповѣданіямъ, на Менонистовъ и Нѣмецкихъ переселенцевъ лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданій. Это различіе въ вѣроисповѣданіяхъ имѣло вліяніе на различіе ихъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Менонисты были лучшей нравственности, единодушнѣе, болѣе любившіе порядокъ нежели всѣ прочіе Нѣмецкіе колонисты, а потому и болѣе расположены къ устройству во всѣхъ хозяйственныхъ видахъ. Затѣмъ слѣдовали колоніи Болгарскія ,Еврейскія и Русскія. Послѣднія поручались завѣдыванію колонистскаго управленія только на время льготы, отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, до приведенія ихъ въ устройство.

Переселеніе Менонистовъ въ Новороссійскій край, начавшееся еще при мператрицѣ Екатеринѣ въ 1787 году, возобновилось и продолжалось во все царствованіе императора Александра I-го. Всѣ они переселились изъ Прусскихъ владѣній. Водвореніе ихъ сосредоточивалось въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ, на Молочныхъ Водахъ, а кромѣ того, одна колонія изъ ихъ же единомышленниковъ, Гернгутеровъ, находилась въ Черниговской губерніи. Прочіе Нѣмецкіе колонисты вышли изъ всѣхъ странъ Германіи, почти всѣ въ большой

бѣдности; мало изъ нихъ было порядочныхъ хозяевъ, и нѣкоторое улучшеніе между ними оказалось только въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

Вообще въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ много писалось въ нашихъ журналахъ о Нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи. Преобладающее мнѣніе заключалось въ томъ, что основаніе и распространеніе Нѣмецкихъ колоній въ Россіи составляло ошибку правительства, такъ какъ этимъ нанесенъ ущербъ Русскимъ земледѣльцамъ, лишившій ихъ, при размноженіи народонаселенія, простора къ переселенію. Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Если въ финансовомъ отношеніи, по причинѣ данныхъ переселенцамъ большихъ льготъ (особенно Менонистамъ) правительство и не имѣетъ отъ ихъ водворенія прямыхъ выгодъ, то въ замѣнъ того, въ введеніемъ разныхъ отраслей хозяйства и промышленности и самымъ примѣромъ хозяйственнаго ихъ устройства, Нѣмецкіе колонисты для Россіи не безполезны. Ихъ примѣръ, сколько ни спорятъ о томъ, хотя и медленно, но имѣетъ вліяніе не только на Русскихъ поселянъ, но даже и на магометанскихъ. Это доказали и Ногайцы въ Крыму, и Татары въ Закавказскомъ краѣ, перенявъ у Нѣмцевъ повозки, посѣвы картофеля, и въ иныхъ мѣстахъ даже лучшій образъ построенія домовъ. По обширности же Россіи, занятіе колонистами около двухъ милліоновъ десятинъ земли не составляетъ еще значительнаго уменьшенія средствъ къ надѣленію землями потомства туземныхъ поселянъ. Но правительство поступило благоразумно, исключивъ изъ числа льготъ, даруемыхъ иностраннымъ поселенцамъ, освобожденіе отъ военной повинности. Это преимущество возбуждало главнѣйше сѣтованіе сосѣднихъ съ Нѣмецкими колонистами Русскихъ поселянъ.

Болгары начали передвигаться въ Россію еще съ 1803 года и водворены большею частію въ окружностяхъ Одессы и Бессарабіи. Это народъ трудолюбивый, хорошей нравственности; но существенно, по крайней мѣрѣ въ первые десятки лѣтъ поселенія ихъ въ Россіи, они мало принесли пользы, потому что, хотя производили много пшеницы, имѣвшей въ то время въ нашихъ портахъ на Черномъ морѣ большую цѣнность, но или зарывали выручаемыя деньги въ землю, или уходили обратно въ Турцію, не улучшая нисколько ни своего образа жизни, ни хозяйства.

Еврейскія колоніи были основаны въ Херсонской губерніи. Поводомъ къ тому было желаніе правительства уменьшить ихъ вредную многочисленность въ нашихъ Польскихъ провинціяхъ и направить ихъ дѣятельность къ полезнѣйшему труду. Но въ возможности къ достиженію этой послѣдней цѣли правительство, кажется, совершенно ошиблось. Евреи поселялись (за небольшими исключеніями) вовсе не съ намѣреніемъ предаться новому для нихъ труду, но единственно для того только,

чтобы воспользоваться льготами и продолжить свой прежній образъ жизни и занятій, находя выгодный источникъ къ пропитанію и наживѣ въ отдачѣ надѣленныхъ имъ въ изобиліи земель въ наймы Русскимъ сосѣднимъ поселянамъ, которымъ наносили много вреда обманами, плутовствомъ и всевозможными ухищреніями.

Русскіе переселенцы переведены изъ Смоленской губерніи по причинѣ крайней скудости у нихъ земель; также Бѣлоруссы изъ Могилевской губерніи, выведенные изъ Бобылецкаго староства, по распоряженію графа Аракчеева, чтобы очистить это староство для военныхъ поселеній. Ихъ водворили около Николаева, на совершенно безводной и безплодной степи. Они находились, до самаго времени моего выѣзда изъ Новороссійскаго края, въ самомъ жалкомъ состояніи.

Наконецъ, неизлишнимъ считаю упомянуть о фантастическихъ колоніяхъ въ Екатеринославской губерніи, около Маріуполя, которыя вздумалъ основать покойный князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, въ пылу разгара своихъ благочестивыхъ стремленій. Онъ вообразилъ, что будетъ очень спасительно и душеполезно основать общество *Израильскихъ Христіанъ*. Для этой цѣли было отведено близъ Азовскаго моря 24 тысячи десятинъ самой лучшей, плодоносной земли; тамъ онъ предположилъ водворять обращающихся въ Православіе Евреевъ. Имъ были предназначены большія льготы, былъ назначенъ управляющій надъ ними съ большимъ содержаніемъ. Слишкомъ двадцать лѣтъ эта земля, въ ожиданіи обитателей изъ погибшихъ и возвратившихся на путь истины сыновъ Израиля, оставалась въ пустѣ; казна издержала многіе десятки тысячъ рублей на содержаніе управленія, но переселенцевъ въ двадцать лѣтъ нашлось одно семейство, да и то изъ спекуляціи, чтобы торговать землею. Только въ тридцатыхъ годахъ земля возвращена въ казенное вѣдомство.

Конецъ 1815 года я провелъ въ ознакомленіи съ моими новыми служебными занятіями. Съ этого же года, къ несчастію, начало разстраиваться до тѣхъ поръ цвѣтущее здоровье моей жены. Всѣ предостереженія доктора Карла Ивановича Роде, жившаго тогда въ Екатеринославѣ и оставившаго по себѣ память своимъ искусствомъ и безкорыстною готовностію на помощь страждущимъ, не принесли пользы. Роде былъ человѣкъ замѣчательный. Почти въ теченіи полувѣка онъ благодѣтельствовалъ страждущему человѣчеству и, при своихъ небольшихъ средствахъ, лѣчилъ всѣхъ и богатыхъ, и бѣдныхъ безвозмездно, а бѣдныхъ снабжалъ отъ себя лѣкарствами, и никому ни въ какое время дня и ночи не отказывалъ въ своей помощи. Послѣ того, мнѣ никогда не случалось встрѣчать такого добродѣтельнаго и благодѣтельнаго врача.

Съ 1816 года начались мои путешествія по колоніямъ. Первое мое обозрѣніе я направилъ въ Черниговскую губернію, въ колонію Радичево. Эта колонія состояла изъ братства, подобнаго Гернгутерскому, Сарептскому, только съ тою разницею, что послѣдователи этой секты должны были жить *едино-семейственно*, подобно христіанамъ первыхъ вѣковъ церкви. Они клятвенно отрекались отъ всякой частной собственности, предаваясь совершенно своему обществу, обращая всѣ плоды трудовъ своихъ и пріобрѣтеній, какого бы рода они ни были, въ общее имущество братства и пользуясь уже отъ него всѣмъ необходимымъ къ содержанію каждаго съ семействомъ своимъ. Предки этихъ сектантовъ были Тирольцы. По причинѣ притѣсненій за вѣру, они переселились сначала въ Валахію, а потомъ въ 1772 году, по убѣжденію фельдмаршала Румянцова Задунайскаго, перешли въ Россію, на земли ему принадлежавшія въ Черниговской губерніи при имѣніи его Вишенкахъ. Въ 1799 году, по ихъ желанію, они переселены на казенныя земли на рѣкѣ Деснѣ, находившіяся вблизи отъ имѣнія графа Румянцова. Въ продолженіи почти двадцати лѣтъ, они, въ числѣ до пятидесяти семействъ, жили тамъ очень хорошо, составляя замѣчательную общину по устройству и благосостоянію. Я любовался этою колоніею въ 1816 году по ея оригинальной организаціи. Старшиною у нихъ былъ тогда восьмидесятилѣтній старецъ Вальднеръ, съ предлинною сѣдою бородою, осанистый, весьма благочестивый, но только большой фанатикъ, убѣжденный душою, что лишь при этомъ образѣ жизни можетъ существовать истинное христіанство. Но сѣмя раздора и стремленіе къ независимой жизни частными хозяйствами уже возникало: не далѣе какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, половина изъ колонистовъ переселилась на Молочныя Воды въ сожительство къ Менонистамъ; остальные же хотя и остались на прежнемъ мѣстѣ жительства, но также отдѣльными семействами и съ раздѣленіемъ земли по числу ихъ. Теперь, кажется, нѣтъ уже и слѣда у нихъ прежняго образа жизни.

Лѣтомъ того же 1816 года, я въ первый разъ сопутствовалъ Контеніусу для обозрѣнія ближайшихъ къ Екатеринославу колоній и на Молочныя Воды. Тогда я въ первый разъ узналъ административныя способности, терпѣніе и благонамѣренность этого почтеннаго человѣка. Въ то время главнѣйшее его вниманіе, по устройству колоній, обращалось на основаніе и распространеніе въ нихъ Испанскаго овцеводства, шелководства и садоводства. При терпѣніи и настойчивости онъ, наконецъ, достигъ того, что Испанское (употребительнѣе «Шпанское») овцеводство составило и составляетъ главный источникъ благосостоянія Нѣмецкихъ поселенцевъ во всей Екатеринославской губерніи и во всей степной части Таврической. Шелководство также было и есть

подспорьемъ благосостоянія колонистовъ въ этихъ двухъ губерніяхъ. Иныя колоніи (какъ напримѣръ Іозефсталь близъ Екатеринослава) постоянно уплачивали всѣ подати доходами отъ этой отрасли хозяйства. Но доходы, конечно, не могли быть столь значительны какъ отъ Испанскаго овцеводства, и самое распространеніе шелководства не могло быть настолько всемѣстно и прибыльно, по причинѣ часто бывающихъ въ Новороссійскомъ краѣ раннихъ морозовъ и засухъ. Что̀ касается до садоводства, то оно въ частности довольно прибыльно въ Молочанскихъ колоніяхъ, гдѣ, также, по старанію и убѣжденіямъ Контеніуса, разведены и лѣсныя плантаціи столь полезныя въ степныхъ мѣстахъ, отдѣльныхъ отъ участковъ заселенія. Кстати о садоводствѣ: считаю нелишнимъ упомянуть, что улучшенію и распространенію и этой отрасли хозяйства въ Новороссійскомъ краѣ много содѣйствовалъ Контеніусъ тѣмъ, что, по убѣжденію герцога Ришелье, принялъ въ свое непосредственное завѣдываніе Екатеринославскій казенный садъ. Подъ этотъ садъ занято среди города обширное пространство съ предназначеніемъ быть разсадникомъ садоводства въ губерніи; но, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, для достиженія этой цѣли ничего не сдѣлали. Съ поступленіемъ сада въ завѣдываніе Контеніуса, были приняты надлежащія къ тому мѣры, и въ слѣдующія пятнадцать лѣтъ, благоразумными распоряженіями и неусыпными попеченіями его, цѣль эта вполнѣ была достигнута. Не только въ Екатеринославской губерніи, но частію въ Херсонской, на Молочныхъ Водахъ въ Таврической, и у помѣщиковъ, и поселянъ, и въ городахъ, вновь устраиваемые сады наполнились деревцами и прививками всѣхъ родовъ изъ Екатеринославскаго сада. Многіе изъ жителей, распространеніемъ и улучшеніемъ своихъ садовъ, улучшили и свое состояніе. Для систематическаго устройства городскаго сада былъ учрежденъ особый комитетъ, называвшійся «помологическимъ», въ которомъ и я состоялъ членомъ. Немного я могъ принести ему пользы и однакожъ за участіе въ этомъ дѣлѣ получилъ въ 1834 году корону на орденъ Св. Анны 2-й ст. По моемъ выѣздѣ изъ Екатеринослава садъ уничтожился обращеніемъ его въ казенную, оброчную статью; но цѣль его заведенія уже достигла своего назначенія.

Осенью того же года, я въ первый разъ отправился въ Крымъ. Крымъ составлялъ любимую мечту Елены Павловны: побывать въ Крыму, проѣхаться по южному берегу, было съ дѣтства страстнымъ желаніемъ ея. Она столько наслышалась о красотахъ его природы отъ бабушки своей, которая провела тамъ все время войны 1770-хъ годовъ, сопровождая мужа своего покойнаго де-Бандре, командовавшаго частью войскъ дѣйствовавшаго отряда. Путь нашъ мы направили на Мо-

лочанскія колоніи, а отъ нихъ, ближайшею дорогою въ Крымъ по чумацкому тракту, чрезъ Геничейской проливъ и Арабатскую стрѣлку. Эта стрѣлка, образующая узкую полосу земли между Азовскимъ и Гнилымъ морями, длиною въ 110 верстъ, а шириною отъ 200 саженъ до двухъ верстъ, состоитъ большею частію изъ безплодной, песчаной земли, возвышающейся надъ уровнемъ моря весьма немного, такъ что во время сильныхъ вѣтровъ волны плещутъ на самую дорогу. Но на ней встрѣчаются хорошія пастбища и въ трехъ мѣстахъ здоровая ключевая вода. Въ этихъ-то оазисахъ и пріютились хутора для пристанища во время бурь и непогоды.

Два изъ такихъ хуторовъ были обитаемы въ то время замѣчательными личностями. Владѣлецъ одного изъ нихъ, полковникъ Тревогинъ, храбрый офицеръ, обвѣшанный крестами, изуродованный ранами, бывшій нѣкогда любимецъ Суворова, подъ конецъ своего военнаго поприща былъ комендантомъ въ Өеодосіи, но, наскучивъ гарнизонною службою, вышелъ въ отставку съ небольшою пенсіею и избралъ мѣстомъ жительства одинъ изъ этихъ хуторовъ, построилъ себѣ домикъ, завелъ хозяйство и считалъ себя совершенно счастливымъ человѣкомъ. Тогда по этой дорогѣ, кромѣ чумаковъ, проѣзжающихъ было мало, и потому Тревогинъ радовался каждому проѣзжему, принималъ всякаго съ радушіемъ и гостепріимствомъ, только отъ нихъ и узнавая что̀ дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Другой жилецъ на Стрѣлкѣ былъ старикъ, Малороссійскій казакъ, зашедшій въ Өеодосію еще въ царствованіе Екатерины, занявшійся тамъ чумачествомъ и хлѣбною торговлею и нажившій порядочное состояніе. Когда въ 1812-мъ году ему прочитали манифестъ о вторженіи Французовъ и призывѣ всѣхъ на пособіе и защиту отечества, этотъ старикъ явился къ коменданту и объявилъ, что онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ тысячъ рублей денегъ, нѣсколькихъ сотъ четвертей пшеницы и нѣсколькихъ десятковъ паръ воловъ—и идетъ сражаться съ врагомъ самъ, съ тремя своими взрослыми сыновьями. Предложеніе было принято. Онъ сдалъ имущество въ казну и отправился на войну съ тремя сыновьями; двое изъ нихъ были убиты, а съ остальнымъ сыномъ, по окончаніи войны, онъ возвратился—ни съ чѣмъ. Изъ сострадaнія къ нему, ему предоставили поселиться на одномъ изъ хуторовъ на Стрѣлкѣ, гдѣ онъ проживалъ въ большой бѣдности. Къ счастію его, на второй годъ его переселенія на хуторъ, проѣзжалъ чрезъ Стрѣлку изъ Россіи на южный берегъ бывшій государственный контролеръ баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ, считавшійся въ свое время замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, извѣстный по своимъ познаніямъ и патріотизму, но во многомъ оригинальный и своеобраз-

ный. Онъ отпросился у Государя въ отпускъ для ознакомленія съ Россіею, и для лучшаго въ томъ успѣха ѣхалъ всю дорогу на долгихъ. Проѣзжалъ онъ чрезъ Стрѣлку въ Октябрѣ; тамъ его застала бурная, ненастная осенняя ночь, и радъ онъ былъ найти отъ нея убѣжище въ хижинѣ чумака. Чумакъ, смышленый и въ своемъ родѣ краснорѣчивый старикъ, разсказалъ ему всѣ событія своей жизни и настоящее свое бѣдственное положеніе. Баронъ записалъ у себя объ этомъ и сказалъ, что будетъ ходатайствовать о немъ у Государя, но что онъ лучше всего сдѣлаетъ, если найдетъ средство какъ нибудь въ слѣдующемъ году, самъ добраться до Петербурга, явиться къ нему и быть отъ него представленнымъ Государю. Чумакъ такъ и сдѣлалъ; пробрался коекакъ въ Петербургъ и явился къ барону Кампенгаузену, который попросилъ дозволенія его представить Государю. Чумакъ, человѣкъ находчивый, не оробѣлъ, упалъ въ ноги Государю и смѣло разсказалъ всю свою исторію. Баронъ подтвердилъ правдивость его разсказовъ, убѣдившись въ истинѣ ихъ распросами и справками въ бытность свою въ Крыму. Государь прежде всего надѣлъ на старика золотую медаль и спросилъ, чего онъ хочетъ за свое примѣрное самоотверженіе во время войны. Чумакъ прямо попросилъ, чтобы ему отдали Арабатскую Стрѣлку, какъ никому ненужную и безполезную. Баронъ Кампенгаузенъ заявилъ, что это едвали возможно: ибо хотя Стрѣлка теперь пустое и почти безплодное пространство, но въ послѣдствіи очень можетъ пригодиться для свободнаго солевозничества. Ему дали денегъ на обратный путь и приказали явиться къ Таврическому губернатору Бороздину, предписавъ этому послѣднему сообразить, можно ли просьбу чумака привести въ исполненіе безъ вреда общественному интересу. Исполнить его просьбу дѣйствительно было можно, съ извѣстными условіями о нестѣсненіи солевознаго промысла. Но Бороздинъ состоялъ губернаторомъ только по имени, а всѣми дѣлами заправлялъ у него его секретарь У.....цъ, который долго водилъ чумака за носъ въ ожиданіи отъ него хорошей подачки. Чумакъ наконецъ соскучился и сказалъ Бороздину: «Э, мабуть права пословица, *що Царь жалуе, а псарь не жалуе*!» Затѣмъ отвѣтъ въ Петербургъ послѣдовалъ отрицательный. Бѣдный чумакъ остался бы не причемъ, еслибы, какъ кажется, не вошелъ въ его положеніе графъ Воронцовъ; по крайней мѣрѣ тогда только чумаку, наконецъ, пожаловали пятьсотъ десятинъ въ Перекопской степи, и тѣмъ увѣнчались его многолѣтнія мытарства.

(*Продолженіе будетъ*).

ПОЭТЪ БАТЮШКОВЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ.

Ты уже вѣрно будешь знать о нашемъ ужасномъ несчастіи, когда получишь это письмо. Александра нѣтъ на свѣтѣ! По сію пору кажется это какимъ-то страшнымъ сномъ, и не умѣешь никакъ понять смыслъ этихъ словъ. Извѣстіе о потерѣ нашей поразило насъ какъ неожиданный громъ. Не успѣли обдумать ея возможность, а уже все кончилось; даже ни на минуту не успѣли обмануть себя надеждою. Всѣ плачутъ; горесть у всѣхъ искренняя. Чувство, которое наполняетъ и давитъ душу, есть какое-то неизъяснимое сиротство. Теперь одно только *прекрасное* жизни его памятно и видимо сердцу; все прочее забыто. Видишь предъ собою прекраснаго генія, котораго такъ радостно встрѣчали въ 1801-мъ году; видишь славнаго царя, которому Россія обязана 1813 и 1814 годами; видишь утѣшителя народа послѣ наводненія прошлогодняго; видишь привѣтливаго доброжелательнаго человѣка, который такъ былъ любезенъ въ сношеніи личномъ. Ахъ, въ душѣ его было много идеальнаго, прекраснаго! Онъ искренно желалъ добра, онъ любилъ добро, онъ постигалъ его.

*

Найдено въ бумагахъ князя Григорія Ивановича Гагарина (нашего посланника въ Мюнхенѣ). Писано рукою К. Н. Батюшкова и несомнѣнно имъ самимъ. Несчастный поэтъ въ 1825 году, во время кончины Государя, находился въ Саксоніи, въ Зоненштейнѣ, уже больной, но еще съ свѣтлыми промежутками, въ которые (какъ видно изъ превосходной его біографіи, написанной академикомъ Л. Н. Майковымъ) возвращалось къ нему его удивительное дарованіе. Проза Батюшкова, по своей выразительности и какой-то величавой простотѣ, едва ли не выше его чудесныхъ стиховъ. Припомнимъ показаніе его друга князя П. А. Вяземскаго о томъ, что въ 1814 году, послѣ взятія Парижа, Батюшковъ выражалъ мысль, чтобы тогда же, изъ занятой непріятельской столицы, возвѣщена была отмѣна крѣпостнаго права въ Россіи. П. Б.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАШКОВЪ.

Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, изъ дворянъ Рязанской губерніи, родился въ 1788 году Декабря 25-го дня въ Москвѣ [1]). Одаренный отъ природы особенными способностями, Дашковъ, несмотря на ограниченное состояніе родителей своихъ [2]), получилъ отличное воспитаніе. Первоначально обучался онъ дома, потомъ поступилъ въ пользовавшійся тогда извѣстностію Университетскій Благородный пансіонъ, въ которомъ занимался съ такимъ успѣхомъ, что былъ награжденъ двумя серебряными медалями, а имя его написали на доску золотыми буквами. Въ 1801 мъ году, въ день коронаціи Государя Императора Александра, молодой Дашковъ получилъ званіе дѣйствительнаго студента Императорскаго Московскаго Университета и въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года поступилъ на службу юнкеромъ въ Московскій Главный Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и оставался въ продолженіи цѣлыхъ 9-ти лѣтъ. Уволенный наконецъ въ 1810-мъ году съ чиномъ коллежскаго ассессора для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, онъ въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года поступилъ къ Министру Юстиціи, гдѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника и орденомъ Св. Князя Владимира 4-й степени. 13 Іюня 1815 года переведенъ онъ въ канцелярію статсъ-секретаря Молчанова; но здѣсь служба его была непродолжительна: въ слѣдующемъ же году (27 Сентября 1816 года) онъ снова поступилъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Съ этихъ поръ открывается для Дашкова болѣе обширное поле дѣятельности: отличными дарованіями и своею постоянною ревностію въ занятіяхъ онъ обратилъ на себя особенное вниманіе начальства, такъ что на слѣдующій же годъ былъ причисленъ къ Константинопольской миссіи, а 14 Іюля 1818 года, въ чинѣ статскаго совѣтника, сдѣланъ вторымъ совѣтникомъ при Турецкомъ посольствѣ.

Отозванный 3-го Генваря 1820 года къ дѣламъ Коллегіи, Дашковъ въ продолженіи сего года и по Мартъ мѣсяцъ слѣдующаго ревностно

---

[1]) У Дашковыхъ былъ собственный домъ въ Москвѣ на Пречистенкѣ; мать его ур. Кашинцова.

[2]) За Дашковымъ по формулярному его списку показано родоваго имѣнія въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи 162 души и за матерью его 54 души.

занимался по порученію начальства обозрѣніемъ и приведеніемъ въ устройство Россійскихъ консульствъ въ Левантѣ; за особыя заслуги, оказанныя имъ при исполненіи этого порученія, пожалованъ онъ (5 Ноября 1821 года) орденомъ Св. Князя Владимира 3-й степени, а 30 Іюля 1822 года высочайше повелѣно ему управлять дѣлами Константинопольской миссіи. На слѣдующій годъ (14 Августа) Дашковъ опредѣленъ членомъ въ Совѣтъ Коммиссіи составленія законовъ съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ Иностранной Коллегіи.

Еще къ болѣе раннему времени можно отнести его сближеніе со многими тогдашними учеными и литераторами, какъ-то: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ и другими. Находясь издавна въ частыхъ и дружескихъ сношеніяхъ съ этими замѣчательными людьми своего времени, Дашковъ невольно увлекся ихъ примѣромъ и самъ взялся за перо. Не имѣя должной опытности, онъ однако въ своихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ нѣкоторыхъ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ, обнаружилъ сильный талантъ, ставившій его на ряду замѣчательнѣйшихъ тогдашнихъ писателей. Въ особенности любопытна его статья, помѣщенная въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»: «Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ», въ числѣ коихъ находился и самъ авторъ [3]).

Въ вѣдомствѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Дашковъ оставался по 16-е Генваря 1825 года. Награжденный чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденомъ Св. Князя Владимира 2-й степени онъ (5 Декабря 1826 года) высочайше назначенъ состоять статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества и вмѣстѣ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ [4]). Пожалованный орденомъ Св. Анны 1-й степени, онъ въ 1828 году назначенъ былъ слѣдовать за Его Императорскимъ Величествомъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи. По возвращеніи оттуда Дашковъ опредѣленъ товарищемъ министра юстиціи (26 Марта 1829 года) и награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника. Вслѣдъ затѣмъ, на время отсутствія статсъ-секретаря Блудова, Дашковъ получилъ повелѣніе (24 Апрѣля) быть въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а за отсутствіемъ управляющаго Министерствомъ Юстиціи, князя А. А. Долгорукаго, повелѣно ему вступить въ управленіе тѣмъ министерствомъ.

---

[3]) Сѣв. Цвѣты 1826 г. стр. 214 и 283. Тамъ же помѣщенъ отрывокъ: Еще нѣсколько словъ о Серальской Библіотекѣ, стр. 283—296.

[4]) Вспомнимъ, что на слѣдующій день, 6 Декабря 1826 года, учрежденъ негласный комитетъ для внутреннихъ преобразованій и упраздненія крѣпостнаго права. Д. В. Дашковъ былъ тутъ дѣятелемъ. Ему же принадлежитъ тогдашій разумный Цензурный Уставъ. П. Б.

Такая разнообразная и полезная дѣятельность Дашкова не могла не обратить на себя вниманія справедливаго Монарха. Высочайшимъ рескриптомъ (отъ 22 Сентября 1829 года) изъявлено было ему, по случаю заключенія въ Адріанополѣ мира съ Портою, совершенная признательность Императора за труды, подъятые на пользу отечества. Спустя два мѣсяца, снова объявлено ему монаршее благоволеніе за отличное усердіе и точность по исполненіи возложенной на него обязанности по главному управленію духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. 6 Января 1832 года Дашковъ награжденъ былъ орденомъ Бѣлаго Орла и вслѣдъ затѣмъ (Февраля 2) довѣренностію Монарха призванъ къ занятію должности министра юстиціи (съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря). Здѣсь, въ управленіи однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ министерствъ государства, вполнѣ обнаружились всѣ блестящія способности и неутомимая дѣятельность Дашкова. Пожалованный за отличную службу орденомъ Александра Невскаго (31 Декабря 1832 года), онъ съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сдѣланъ былъ въ 1839 году членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ по Департаменту Законовъ. Это была его послѣдняя служба отечеству. Тяжкій недугъ свелъ его въ могилу. Дашковъ умеръ въ томъ же 1839 году Ноября 26-го дня, еще не достигши старости, на 52 году своей жизни, и похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ [1]).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИЗДАТЕЛЯ.

(*Слышано отъ князя П. А. Вяземскаго*).

До 1830 года всѣ важныя дѣла посылались въ копіяхъ въ Варшаву къ Великому Князю Константину Павловичу, и не только дѣла внутреннія, но и дипломатическія. Повстанцы 1830 года захватили эти бумаги, и вотъ происхожденіе извѣстнаго изданія *Portofolio.*

Великій Князь Константинъ Павловичъ постоянно удерживалъ свободолюбивыя начинанія своего державнаго брата.

Князь Лопухинъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, становился предъ Николаемъ Павловичемъ на колѣни, умоляя повременить освобожденіемъ крестьянъ. Николай Павловичъ вводилъ выборное начало. У него была мысль, чтобы и сенаторы были выбранные.

---

[1]) Взято изъ послужнаго списка и частныхъ свѣдѣній. Сообщено покойнымъ М. А. Дмитріевымъ. Пушкинъ высоко цѣнилъ Д. В. Дашкова и называлъ его *бронзою*, въ противоположность другому министру, котораго звалъ онъ *тѣстомъ*. П. Б.

ЗАМѢТКА.

Въ Январьской книжкѣ „Русскаго Архива" сего года, въ статьѣ г. Шумигорскаго, подъ заглавіемъ: „Императрица Марія Ѳеодоровна", на стр. 24, читаю я, между прочимъ, слѣдующее: „Душою этихъ развлеченій „были всегда, вмѣстѣ съ г-жею Бенкендорфъ, весельчакъ Лафермьеръ, предан„ный Великой Княгинѣ и поддерживавшій репутацію Французовъ въ умѣ„ніи оживлять общество, тогда какъ товарищъ его, *сухой Нѣмецъ Николаи*, „рѣдко посѣщалъ эти маленькія собранія, погруженный въ денежныя дѣла „великокняжескаго двора, довѣренныя ему Павломъ Петровичемъ".

На сколько готовъ я присоединиться къ сочувственному отзыву о любезныхъ общественныхъ достоинствахъ г. Лафермьера (память о которомъ съ любовью хранится въ семействѣ его ближайшаго друга, Николаи), на столько же считаю оскорбительнымъ для памяти сего послѣдняго противупоставляемое презрительное, совершенно-несправедливое обвиненіе его въ *сухости*, очевидно направленное противъ его нравственной природы.

Какія ни были различія между характерами Лафермьера и Николаи, но подобнаго контраста между этими двумя личностями не существовало. Были они не только соотечественники, но и одногорожане, оба родомъ изъ Страсбурга, города въ то время уже испытавшаго вліяніе своего присоединенія къ Франціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившаго и по составу своего населенія (большею частью Нѣмецкаго), и въ муниципальномъ своемъ устройствѣ, воспоминаніе о недавней еще тогда принадлежности къ числу вольныхъ городовъ Священной Римско - Германской имперіи. Самая тѣсная дружба, съ ранней молодости, соединяла Лафермьера и Николаи; прибывъ ранѣе своего друга въ Россію, Лафермьеръ немало способствовалъ и приглашенію его ко двору Великаго Князя Павла Петровича, при которомъ, служа вмѣстѣ и одинаково преданные своимъ покровителямъ, они одинаково пользовались милостью и благорасположеніемъ, въ особенности Великой Княгини, впослѣдствіи Императрицы Маріи Ѳедоровны.

Совмѣстное служеніе еще болѣе скрѣпило узы дружбы; выразилась она, между прочимъ, и въ состоявшемся между обоими соглашеніи, въ силу котораго они условились, что тотъ изъ нихъ, который переживетъ другаго,

унаслѣдуетъ библіотеку ранѣе умершаго. Въ силу такого соглашенія библіотека Лафермьера перешла къ пережившему его Николаи; книги, входившія въ ея составъ, и теперь хранятся въ библіотекѣ, въ Монрепо́, носящей особую надпись: „*Bibliothèque des deux amis*". Послѣ кончины Лафермьера, Императрица Марія Ѳеодоровна, которой дружба, соединявшая два одинаково ею облагодѣтельствованныя лица, была вполнѣ извѣстна, прислала проживавшему тогда уже въ отставкѣ, въ имѣніи своемъ, Монрепо, Николаи мраморный памятникъ покойному его другу, на которомъ, по приказанію ея, начертана надпись: „*Monument d'estime confié à l'amitié*" *). Памятникъ этотъ и теперь занимаетъ мѣсто въ приморскомъ паркѣ Монрепо, недалеко отъ могилы Николаи.

Такія теплыя, сердечныя отношенія, въ теченіи цѣлой жизни связывавшія двѣ личности, уже одни могли бы служить доказательствомъ, что между ними не могла существовать та противуположность нравственнаго склада, на которую указывается въ статьѣ г. Шумигорскаго; въ особенности же, что тотъ, который былъ способенъ къ подобной дружбѣ, не могъ быть только „*сухимъ Нѣмцемъ*".

Что Николаи не участвовалъ часто въ вечернихъ собраніяхъ въ Павловскѣ, которыя Лафермьеръ (какъ повѣствуетъ г. Шумигорскій) оживлялъ своею веселостью, не оспаривается за неимѣніемъ доказательствъ, этотъ фактъ опровергающихъ; но отсутствіе это, независимо отъ обязанностей довѣріемъ Великаго Князя на Николаи возложенныхъ, достаточно бы объяснялось, съ одной стороны тѣмъ, что Николаи, въ описываемое время, былъ уже болѣе десяти лѣтъ семьяниномъ, каковымъ его другъ никогда не сдѣлался; съ другой, что онъ пріобрѣлъ незадолго передъ тѣмъ имѣніе Монрепо́, близъ Выборга, и часто туда ѣздилъ, занимаясь его первоначальнымъ устройствомъ. Посѣщавшіе созданный имъ, въ дикой Финской природѣ, садъ, или случайно прочитавшіе сочиненное имъ же, въ 1804 году, стихотворное описаніе онаго, едва ли бы признали какъ въ его созданіи, такъ и въ описаніи онаго, — „*сухаго Нѣмца*".

Николаи былъ поэтъ. Свидѣтельствуютъ о томъ восемь томовъ его сочиненій, большею частью стихотвореній, пользовавшихся, въ свое время, похвальною извѣстностію. Испыталъ онъ двойственное вліяніе мѣста своей родины: какъ писатель, онъ принадлежитъ Германіи, въ которой получилъ свое образованіе; въ домашней же своей жизни и въ частныхъ сношеніяхъ онъ давалъ предпочтеніе Французскому языку. Когда Петербургъ, вслѣдствіе Французской революціи, сдѣлался убѣжищемъ многихъ представителей лучшихъ фамилій Франціи, домъ Николаи былъ гостепріимно открытъ многимъ изъ нихъ, признававшимъ его какъ бы домомъ соотечественника.

---

*) Памятникъ уваженія, довѣренный дружеству.

Былъ Николаи поэтомъ и, въ матеріальной своей жизни мало отдаваясь прозаической расчетливости, забота о которой была предоставлена его супругѣ.

До послѣдняго дня своей жизни (скончался онъ 18 Ноября 1820 г., 83-лѣтъ отъ роду) Николаи неизмѣнно пользовался благоволеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны; свидѣтельствуютъ о томъ письма, хранящіяся въ семейномъ архивѣ, въ Монрепо́. Не охладилось это благоволеніе и завершившимъ жизнь Николаи 17-лѣтнимъ пребываніемъ вдали отъ двора, въ деревенскомъ уединеніи, когда онъ лишь изрѣдка и на короткое время пріѣзжалъ въ столицу.

Столь постоянной, распространявшейся и на дѣтей его, милостью Государыни, высоко цѣнившей въ людяхъ сердечныя качества, едва ли могъ бы пользоваться *„сухой Нѣмецъ“*.

Завѣщалъ онъ своимъ потомкамъ благоговѣйное уваженіе къ памяти своей благодѣтельницы и воспоминаніе объ его другѣ, Лаферьерѣ. Оба эти чувства свято хранятся.

Возстановленіе истины, относительно характера моего дѣда, не препятствуетъ мнѣ относиться съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ добросовѣстному труду г. Шумигорскаго; воскрешаетъ онъ въ памяти Русскихъ черты одной изъ прекраснѣйшихъ царственныхъ личностей, украшавшихъ престолъ Россіи.

Баронъ Николаи.

Тифлисъ
Январь 1891.

*

Въ подтвержденіе вышесказаннаго укажемъ также на дружескія отношенія, соединявшія Андрея Львовича Николаи съ графомъ С. Р. Воронцовымъ. Памятникомъ этой дружбы служитъ XXII-я книга „Архива Князя Воронцова“, въ которой собраны живыя черты нрава и образа мыслей этого достопамятнаго человѣка (нѣкогда президента Императорской Академіи Наукъ) и изъ которой видно, что Николаи былъ человѣкъ сосредоточеннаго характера, но горячаго, любящаго сердца. Нагляднымъ свидѣтельствомъ его художественнаго чувства остается чудесное его Монрепо́ съ „кумирами боговъ, съ гробницами друзей“. П. Б.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869· Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ"

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. Кокорева.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № $^{16}/_{17}$, и въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ, т. е. **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для Германіи—**одиннадцать рублей**; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ. Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" П. Бартеневъ.

29-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

3.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XIII.

Краткій очеркъ государственной дѣятельности.—Важное значеніе Кавказа и покоренія его.—Планъ составленный княземъ Барятинскимъ.—Наивный отзывъ журнала „Русская Старина."—Роль графа Евдокимова въ дѣлѣ покоренія Кавказа.—Сравненіе съ Потемкинымъ.—Заключеніе.

Отецъ князя Барятинскаго, человѣкъ обширнаго образованія, замѣчательный сельскій хозяинъ, думалъ и первенцу своему дать такое же направленіе къ политико-экономической дѣятельности. Въ І-мъ томѣ приведена пространная программа предполагавшагося образованія, съ прекрасными наставленіями и совѣтами для руководства на жизненномъ пути. Но смерть унесла князя Ивана Ивановича въ могилу, когда сынъ Александръ достигалъ десятилѣтняго возраста. Предположеніе осталось неосуществленнымъ. Попытка хотя отчасти послѣдовать программѣ серьезнаго образованія (для чего юношу помѣстили въ Москвѣ къ лучшимъ учителямъ) не увѣнчалась успѣхомъ: слишкомъ живой, шаловливый мальчикъ, не выказывавшій къ ученію прилежанія, какъ это большею частію и бываетъ съ способными дѣтьми, стремился къ военной службѣ, всегда заманчивой для юношей, особенно высшихъ, достаточныхъ классовъ общества. Два года пребыванія въ юнкерской школѣ, само собою, ничего не могли прибавить къ образованію. Затѣмъ служба въ полку, пустыя свѣтскія развлеченія и шалости... Такъ достигъ князь Александръ Ивановичъ 21 года, и у него явилась потребность болѣе серьезной жизни.

Онъ уѣхалъ на Кавказъ, выказалъ тамъ замѣчательную личную храбрость и за первый урокъ въ военномъ дѣлѣ заплатилъ тяжелой раной. Этотъ случай послужилъ поворотной точкой во всей судьбѣ князя Барятинскаго. Назначенный адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, онъ сблизился съ будущимъ Императоромъ. Красавецъ собой, лихой ѣздокъ, ловкій и любимый въ обществѣ, съ большимъ тактомъ въ обращеніи, умный собесѣдникъ, легко усвоивавшій читаемое и прослушанное, съ характеромъ самостоятельнымъ, онъ не могъ не полюбиться Великому Князю; отношенія становились все ближе и, наконецъ, перешли въ дружбу.

Въ 1845 году князь уѣхалъ вторично на Кавказъ и на глазахъ главнокомандующаго князя Воронцова и всего отряда совершилъ блистательный подвигъ, сдѣлавшій имя его извѣстнымъ въ военныхъ кругахъ, давшій ему Георгіевскій крестъ— этотъ символъ храбраго человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣлъ расположеніе и вѣрную оцѣнку такого человѣка, какъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, который вскорѣ и предложилъ ему командованіе Кабардинскимъ полкомъ.

Въ промежуткахъ кн. Барятинскій совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Западной Европѣ, свелъ знакомство со многими замѣчательными людьми, пополнялъ свое образованіе, много читалъ и наблюдалъ. Но самый серьезный толчекъ въ развитіи его, какъ военнаго человѣка, и спеціально для Кавказской войны, дало ему командованіе полкомъ. Тутъ-то и обнаружилось, что для выдающихся природныхъ способностей достаточно небольшаго срока практической дѣятельности, чтобы стать твердо на пути къ изученію и уразумѣнію того, что́ необходимо для болѣе обширныхъ, самостоятельныхъ дѣйствій.

Произведенный вскорѣ въ генералы, получивъ въ командованіе особые отряды, затѣмъ начальствованіе цѣлымъ раіономъ, въ которомъ происходили важнѣйшія операціи того періода Кавказской войны, и когда у него уже находились въ распоряженіи значительныя силы и средства, онъ обнаружилъ дѣйствительный военный талантъ и главнѣйшія качества полководца: личное мужество, рѣшимость, быстроту соображенія и исполненія безъ особаго страха предъ отвѣтственностію, умѣніе увлекать за собой войска̀, находить хорошихъ помощ-

никовъ и возбуждать въ нихъ энергію къ дѣлу, съ привязанностію къ нему лично; наконецъ, внушать уваженіе, довѣріе вмѣстѣ со страхомъ, туземцамъ, умѣющимъ, при всей своей кажущейся дикости, очень тонко оцѣнивать людей.

Въ I-мъ томѣ я особенно подробно описалъ этотъ періодъ военно-административной дѣятельности кн. Барятинскаго (1851—1853), заслужившей авторитетную оцѣнку князя Воронцова. Если результаты ея не съ достаточною реальностію выказались тогда же, то помимо обстоятельствъ, зависѣвшихъ отъ общаго положенія дѣлъ на Кавказѣ и взглядовъ князя Воронцова. Вспыхнувшая Восточная война отвлекла и наши силы, и самого князя Барятинскаго въ другую сторону.

Маститый вождь Кавказа былъ тогда уже старъ, и въ виду близкой войны съ Турціею и ея союзниками, нуждался въ энергическомъ помощникѣ. Онъ избралъ князя Александра Ивановича своимъ начальникомъ штаба. И въ этой должности, какъ разсказано въ I-мъ томѣ, хотя не приготовленный къ ней, князь Александръ Ивановичъ все же оказалъ важныя заслуги, особенно во время краткаго командованія войсками въ Александрополѣ и еще болѣе въ Кюрюкъ-Даринскомъ сраженіи, въ которомъ, совершенно безпристрастно говоря, князь былъ главнымъ виновникомъ блистательнаго успѣха. Упрекнуть князя Барятинскаго, въ періодъ его дѣятельности въ званіи начальника штаба, можно развѣ въ его слишкомъ преувеличенныхъ опасеніяхъ за Закавказскій край и за алармистскія предположенія оставить Дагестанъ и проч. (Объ этомъ подробности въ гл. XX-ой I-го тома). Но многое въ этомъ случаѣ зависило отъ отсутствія настоящаго хозяина въ краѣ, управляемомъ ген. Реадомъ, человѣкомъ новымъ и не соотвѣтствовавшимъ положенію. Впрочемъ, предположенія не были приведены въ исполненіе, и все обошлось благополучно.

Съ новымъ главнокомандующимъ Н. Н. Муравьевымъ князь Барятинскій не сошелся, да и не могъ сойтись: это были не только совершенно-различные характеры, но, можно сказать, люди разныхъ эпохъ,—эпохи, доживавшей тогда свои послѣдніе дни, и эпохи, нарождавшейся съ новымъ царствованіемъ. Князь уѣхалъ въ Петербургъ, пробылъ цѣлый годъ при Государѣ, посѣтилъ съ нимъ Севастополь, командо-

валъ нѣкоторое время резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ и имѣлъ достаточно времени развить передъ вѣнценоснымъ другомъ свои взгляды на Кавказскія дѣла и на средства скорѣе окончить вѣковую борьбу. Государь долженъ былъ окончательно убѣдиться, что его любимый адъютантъ не только безгранично преданный ему человѣкъ, но и государственный дѣятель, могущій оказать Россіи великія услуги. Въ этомъ убѣжденіи онъ могъ не стѣсняться традиціонными правами старшинства и высшихъ чиновъ и неизбѣжными нареканіями, предоставляя князю Барятинскому высокое назначеніе своего намѣстника и главнокомандующаго, съ огромными правами и средствами, съ удовлетвореніемъ всѣхъ его представленій. Кажется, теперь вполнѣ очевидно, что это не было слѣдствіемъ только личнаго расположенія Государя (какъ принято было доказывать), а дѣйствительной оцѣнкою развитыхъ княземъ Александромъ Ивановичемъ плановъ, выработанныхъ имъ не кабинетными размышленіями, а на практикѣ, въ теченіе Кавказской службы 1847—1855 годовъ.

Такое высокое назначеніе, съ производствомъ тогда же въ полные генералы, въ сравнительно-молодые годы, не могло не затронуть многихъ самолюбій и не вызвать шипѣнія зависти въ средѣ многихъ старыхъ служакъ, которые были генералами, когда князь Барятинскій еще учился въ юнкерской школѣ, и среди которыхъ онъ не пользовался извѣстностью со стороны серьезныхъ служебныхъ достоинствъ. Само собою, такой взглядъ распространялся въ обществѣ и, не встрѣчая замѣтнаго опроверженія, утвердился до того, что сохранился чуть не до нашего времени. Между тѣмъ, ближайшія событія, послѣ даннаго князю назначенія, доказали ясно, кто былъ правъ: Государь ли въ своемъ выборѣ, хулители ли въ своихъ порицаніяхъ, или большинство общества въ своемъ попугайскомъ болтаніи, съ чужаго голоса о томъ, чего вовсе не понимало.

Итакъ, 1856-й годъ поставилъ князя Барятинскаго въ положеніе, съ котораго человѣкъ уже долженъ или попасть въ исторію, или сойти со сцены и смѣшаться съ толпой, исчезающей безслѣдно для потомства. Онъ уѣхалъ на Кавказъ, съ котораго ему не было другаго возврата, какъ со щитомъ или на щитѣ, со славой или нравственной кончиной...

А задача предстояла трудная: нужно было окончательно сломить вѣковое сопротивленіе милліоннаго горскаго населенія и покорить, занять прочно, навсегда, громадный край отъ Керченскаго пролива до береговъ Каспійскаго моря. Какъ ни казалось уже многое подготовленнымъ, какъ ни тягостно было положеніе горцевъ, боровшихся столько дѣсятилѣтій съ Русскою Имперіею, но до конечнаго удара, до паденія къ ногамъ Русскаго царя всего Кавказскаго перешейка было еще далеко.

Между тѣмъ, совершить этотъ ударъ было нужно и нужно какъ можно скорѣе. Только что оконченная тогда несчастная Восточная война показала, что̀ значитъ Кавказъ для судебъ Русскаго государства. Упираясь въ Черное и Каспійское моря, Россія географическимъ положеніемъ и всѣми своими экономическими условіями поставлена въ неизбѣжную необходимость имѣть эти моря своими внутренними озерами и потому должна владѣть Кавказомъ, который командуетъ этими морями, не говоря о защитѣ христіанскаго населенія Грузіи и своихъ собственныхъ южныхъ предѣловъ. Враждебный намъ Западъ отлично понималъ эти условія нашего государственнаго бытія, и немудрено, что радовался неуспѣшности нашей войны на Кавказѣ, желая ея вѣчнаго продолженія, какъ источника истощенія и безпокойства Россіи.

Когда на Западномъ Кавказѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, совершались послѣднія судорожныя движенія защитниковъ Черкесской независимости, Англійскій посланникъ въ Константинополѣ говорилъ: «Европа не можетъ равнодушно видѣть покореніе Кавказа. Независимый Кавказъ для нея также желателенъ, какъ была бы желательна независимая Польша. Независимость Кавказа могла бы даже сильно содѣйствовать, въ удобную минуту, независимости Польши». Но мы, къ счастію, не справлялись въ этомъ случаѣ съ желаніями Европы и почти одновременно довершили покореніе Кавказа съ подавленіемъ послѣдняго Польскаго возстанія.

До какой степени озлобляли Кавказскія событія нашихъ Западныхъ противниковъ можно судить по тому, что въ 1859 году былъ поданъ королевѣ Викторіи адресъ, съ многочисленными подписями, обвинявшій Британское министерство въ из-

мѣнѣ за то, что оно покинуло Шамиля, защищавшаго доступъ въ Азію! Ожесточеннымъ возгласамъ, воплямъ и клеветамъ газетъ въ Англіи, Франціи и Австріи, митингамъ и потоку проклятій не было конца. Этого одного отчасти достаточно, чтобы сознать важное значеніе для Россіи обладанія Кавказскимъ перешейкомъ. «Дѣлай то что̀ не желательно твоему врагу». Въ настоящемъ случаѣ мы, впрочемъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, послѣдовали этому мудрому правилу.

Было бы слишкомъ мно́го, да едва ли и умѣстно, излагать здѣсь подробно все значеніе для Россіи владѣнія Кавказомъ; полагаю, что читатели, интересующіеся такими книгами, какъ біографіи нашихъ государственныхъ дѣятелей, имена которыхъ связаны съ Кавказомъ, безъ сомнѣнія обладаютъ достаточными на этотъ счетъ свѣдѣніями*). Спѣшу возвратиться къ личности князя Барятинскаго, такъ быстро и блистательно разрѣшившаго великую задачу.

Въ Европѣ, да и въ Россіи, не понимали причинъ нескончаемости Кавказской войны. Всѣмъ казалось удивительнымъ, что такое могущественное государство, какъ Россія, въ теченіе 60 лѣтъ, не можетъ сладить съ незначительнымъ числомъ варваровъ; что, продолжая непрерывно и настойчиво наступленія, мы не можемъ, хоть шагъ за шагомъ, достигнуть цѣли. Но, минуя условія мѣстности, климата, пространства, трудности борьбы съ цѣлымъ поголовно вооруженнымъ населеніемъ, дѣло именно въ томъ, что ни безпрерывнаго, ни настойчиваго систематическаго наступленія вовсе не было. Первую попытку придать дѣйствіямъ нѣкоторую систему сдѣлалъ Ермоловъ; но у него было мало средствъ, а въ его время приходилось дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ еще въ Имеретіи, Нухѣ, Карабахѣ, слѣдовательно объ исключительномъ наступленіи на горцевъ не могло быть рѣчи; да и о полномъ покореніи ихъ никто не думалъ. Ермоловъ покорилъ нѣкоторыя предгорія и

---

*) Въ этомъ отношеніи могу указать на прекрасныя письма Р. А. Фадѣева въ Москов. Вѣдомостяхъ 1864—65 г. Вполнѣ солидарный почти со всѣми приведенными талантливымъ авторомъ взглядами (о чемъ мы съ нимъ немало говорили еще задолго до его писемъ), я въ дальнѣйшей оцѣнкѣ дѣйствій князя Барятинскаго при покореніи Кавказа многое привожу изъ писемъ покойнаго Фадѣева, ибо ничего другаго и сказать бы не могъ.

плоскости, устрашилъ нѣкоторыя менѣе воинственныя племена, устроивъ нѣкоторыя важныя сообщенія и опорные пункты и т. п. Это его несомнѣнная заслуга. Но при немъ же зародилось фанатическое ученіе мюридизма, не обратившее на себя его серьезнаго вниманія; онъ не понялъ, что это искра, отъ которой должно было вспыхнуть пламя жестокой, многолѣтней войны не съ отдѣльными разрозненными толпами, разсыпáвшимися врозь отъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, а съ компактной массой всего населенія Восточной части Кавказа, подчиненной непреклонной волѣ одного человѣка. Въ этомъ и кроется разгадка того, казавшагося для многихъ непостижимымъ, обстоятельства, почему при А. П. Ермоловѣ было довольно двухъ ротъ тамъ, гдѣ послѣ было мало двухъ-трехъ баталіоновъ.

Промежутокъ въ 20 лѣтъ между А. П. Ермоловымъ и княземъ М. С. Воронцовымъ можно считать совершенно безсистемнымъ: дѣйствовали то вдругъ лишь на одномъ Западномъ, то на одномъ Восточномъ концѣ края, и то день-за день, какъ случится, или совсѣмъ останавливались; предпріятія были какія-то не вполнѣ выясненныя, съ туманными результатами. То нѣсколько лѣтъ съ настойчивостью учреждали Черноморскую береговую линію—безплодную трату средствъ и времени, могилы для гарнизоновъ; то истощались въ овладѣніи укрѣпленными горскими аулами, которые тутъ же бросали; то разбрасывались по горнымъ трущобамъ мелкими укрѣпленіями, желая вездѣ запереть проходы, ограждать переправы и т. д., пока непріятель въ 1843 году однимъ ударомъ не уничтожилъ всѣхъ этихъ жалкихъ загоновъ, со всѣми ихъ гарнизонами.

Наконецъ, князь Воронцовъ, въ 1845 году, послѣ неудачной попытки вызвать Шамиля на большое сраженіе и, поразивъ его полчища въ полѣ, занявъ его резиденцію, достигнуть тѣмъ конца борьбы,—перешелъ къ дѣйствіямъ систематическимъ отчасти, но недостаточно рѣшительнымъ. Иначе и быть не могло: ему нужно было знакомиться съ мѣстными условіями и препятствіями; нужно было подготовить и помощниковъ, могущихъ усвоить его взгляды, разъясняя ему то, чтó невольно ускользало изъ глазъ, обращенныхъ въ одно время на такой громадный театръ военныхъ дѣйствій, при обширныхъ къ тому же занятіяхъ по гражданской части. Когда же наступило вре-

мя, что князь Воронцовъ, неутомимыми разъѣздами по краю, опытомъ восьми лѣтъ, могъ сознать и ошибочныя стороны первыхъ дѣйствій, и опредѣлить вѣрный путь къ достиженію конечнаго результата: онъ сталъ уже дряхлѣть, энергія исчезла и, въ довершеніе, началась внѣшняя война, отвлекшая его вниманіе и средства отъ горъ. Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что систематическое, непрерывное наступленіе, съ твердою волею кончить войну на Кавказѣ, началось только осенью 1856 года и заключилось въ Маѣ 1864 года, безусловнымъ покореніемъ всѣхъ горцевъ, продолжавшимся всего съ небольшимъ семь лѣтъ и, должно надѣяться, этого исхода уже не передѣлаютъ никакія случайности будущаго.

Однакоже нужно и то сказать, что въ 1856 году въ самой Кавказской арміи едва ли было нѣсколько человѣкъ, которые бы вѣрили въ возможность близкаго покоренія горъ; большинство даже вообще сомнѣвалось въ такой возможности, по крайней мѣрѣ съ трудомъ могло себѣ представить совершенное прекращеніе сопротивленія.

Не далѣе какъ въ 1855 году, такъ сказать наканунѣ готовившагося владычеству Шамиля послѣдняго удара, одинъ изъ лучшихъ, способныхъ офицеровъ Кавказской арміи, баронъ Л. П. Николаи, командиръ Кабардинскаго полка и начальникъ Кумыкской плоскости, хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ во всемъ краѣ, еще полагалъ очень полезнымъ внушить Шамилю мысль о возможности заключить съ Россіею миръ и получить званіе владѣтельнаго князя Дагестанскаго, подобно владѣтелямъ Мингреліи и Абхазіи. Все это изложено барономъ Николаи въ интересномъ, подробномъ письмѣ къ князю Барятинскому, отъ 24 Марта 1855 г. На этомъ письмѣ, посланномъ княземъ для прочтенія Н. Н. Муравьеву, послѣдній написалъ: C'est avec raison que j'ai témoigné le regret de n'avoir pas fait la connaisance du baron Nicolaï lors de mon passage par le flanc gauche *). Извѣстно, что Муравьевъ совершенно раздѣлялъ такой взглядъ, представлялъ объ этомъ въ Петербургъ, гдѣ тоже придавали подобному исходу важное значеніе...

---

*) Не даромъ выразилъ я сожалѣніе о томъ, что не познакомился съ б. Николаи въ проѣздъ мой по лѣвому флангу.

Самъ генералъ Евдокимовъ весною 1856 года полагалъ, что, дѣйствуя настойчиво, съ усиленными средствами, можно лѣтъ черезъ десять прорваться за лѣсной поясъ Чечни, т. е. стать на свободный доступъ въ тылъ Дагестана *).

Конечно, покореніе Кавказа совершено длиннымъ рядомъ военныхъ подвиговъ; но судьбу его рѣшило вѣрное, настойчиво-энергическое направленіе, данное дѣламъ княземъ Барятинскимъ, поддержанное затѣмъ въ томъ же направленіи въ западной части Кавказа его августѣйшимъ замѣстителемъ. Плѣнъ Шамиля и покореніе Прикаспійскихъ горъ избавило насъ отъ опасности, которую въ отношеніи къ Кавказу можно было назвать домашнею: вооруженный непріятель стоялъ среди подвластнаго намъ мусульманскаго населенія, ему сочувствующаго; мы не были обезпечены ни въ одномъ днѣ спокойствія и вынуждены напрягать силы цѣлой большой боевой арміи, чтобы только сдерживать покушенія этого непріятеля.

Достигнувъ этого изумительнаго результата менѣе чѣмъ въ три года, мы оказались въ возможности перебросить въ западную часть края массу войскъ, для устраненія другой внѣшней опасности: нужно было сломить Черкесовъ, земли которыхъ манили враговъ Россіи, какъ открытые ворота, въ сердце Кавказа. И тутъ въ три съ половиною года было все покончено.

Покореніе Кавказа въ такой короткій срокъ требовало великаго таланта, необычайной энергіи со стороны руководителей, мужества, опытности, безграничнаго самоотверженія со стороны войскъ. Въ сущности мы въ 1856 году стояли почти въ томъ же положеніи, за исключеніемъ небольшой части по теченію Сунжи и въ среднемъ Дагестанѣ, въ какомъ застала насъ Персидская война 1826 года; даже отчасти въ худшемъ, ибо безъ подкрѣпленій изъ Россіи мы не могли бы выставить въ 1855 году отряда даже противъ Персіи. Непріятель же, напротивъ, за это время сдѣлалъ немалые успѣхи, развилъ силы и смѣлость предпріятій, какихъ въ немъ въ двадцатыхъ годахъ вовсе не предполагали, слился въ одну массу, организованную для рабскаго подчиненія желѣзной волѣ одного человѣка, пріобрѣлъ артилерію, нѣкоторую опытность въ войнѣ

*) Романовскій, „Очеркъ", въ Русск. Стар. Февраль 1881.

съ регулярными войсками и увѣренность въ себѣ. Хотя преимущества эти были поколеблены дѣйствіями нашими въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Чечнѣ, но внезапный перерывъ этихъ дѣйствій, Крымская война съ ея неудачами на Черномъ морѣ, поддержали духъ Шамиля, и онъ еще не терялъ надежды устоять въ борьбѣ, до перемѣны обстоятельствъ, благопріятныхъ въ его пользу.

Всѣ раздававшіеся толки о судьбѣ, объ утомленіи непріятеля, о громадныхъ средствахъ, никогда еще на Кавказѣ не бывавшихъ, о слѣпомъ счастіи князя Барятинскаго и тому подобное были только голословные приговоры—ясные признаки малаго знакомства съ дѣломъ и, еще болѣе, слѣдствіе желанія умалить заслуги дѣйствительнаго виновника успѣха.

Говорю это положительно, какъ участникъ дѣйствій, имѣвшій возможность сравнивать ихъ относительные результаты съ 1842 года по 1864 годъ. Я убѣжденъ, что подтвердятъ это и всѣ живые участники тѣхъ дѣйствій; да подтверждаютъ и документы, въ достаточномъ количествѣ мною приведенные.

Въ 1856—59 г. горцы сопротивлялись не хуже прежняго, только случаевъ имъ къ тому почти не давали; скопища ихъ были даже многочисленнѣе, но ихъ проводили ловко маскируемыми движеніями; войскамъ приходилось одолѣвать препятствія и нести труды не легче, если не тяжелѣе прежнихъ. Если же съ 1858 года сопротивленіе стало ослабѣвать, а въ 1859 горскимъ населеніемъ почти овладѣла паника, и оно сдавалось массами, то потому именно, что голодомъ, всяческимъ истощеніемъ и безнадежностью положенія было доведено до невозможности защищаться. Это и было основаніемъ всего плана князя Барятинскаго, его системою «безпрерывнаго наступленія». Если же бы мы дѣйствовали тогда, какъ дѣйствовали въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ, Кавказъ еще очень долго не былъ бы покоренъ, хотя бы и не переставали усиливать тамъ составъ арміи.

Графъ Д. А. Милютинъ, авторитетнымъ словамъ котораго мы не можемъ не придавать особой цѣны, 26 Января 1863 г. на Кавказскомъ вечерѣ, въ рѣчи своей, въ присутствіи новоназначеннаго главнокомандующаго Великаго Князя Михаила Николаевича, между прочимъ, сказалъ: «Шесть лѣтъ тому на-

задъ я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ восторгомъ Кавказъ встрѣчалъ молодаго, но давно ему извѣстнаго намѣстника; въ продолженіе четырехъ лѣтъ фельдмаршалъ князь Барятинскій сдѣлалъ болѣе, чѣмъ прежде дѣлалось въ десятки лѣтъ. Во всей восточной половинѣ Кавказа водворились миръ и спокойствіе; въ тѣхъ горныхъ трущобахъ, гдѣ прежде лилась Русская кровь, теперь устроено правильное управленіе, открыты суды, прокладаются великолѣпныя дороги; хищные Лезгины, бросивъ оружіе, предались страстно земледѣлію, торговлѣ и начали учиться впервыя читать и писать на своихъ мѣстныхъ языкахъ. Сосѣднія съ Дагестаномъ части Закавказья вздохнули свободно послѣ вѣковыхъ опасностей и тревогъ. Такой быстрый переворотъ въ краѣ поставилъ имя князя Барятинскаго въ число знаменитыхъ именъ историческихъ».

Самъ Императоръ Александръ Николаевичъ, помимо рескриптовъ, во всѣхъ своихъ частныхъ письмахъ къ князю Александру Ивановичу (къ крайнему сожалѣнію печатаніе ихъ теперь невозможно) выражалъ, что считаетъ искючительно его дѣломъ покореніе Кавказа. Въ собственноручной запискѣ 1860 года, по поводу необходимости, ради финансовыхъ затрудненій, уменьшить число войскъ, Государь выразился: «Блистательные результаты, достигнутые съ Божіею помощью и благодаря дѣльнымъ распоряженіямъ князя Барятинскаго, въ особенности въ 1859 году, вполнѣ оправдали и, могу по совѣсти сказать, превзошли мои надежды. Власть Шамиля сокрушена, онъ самъ въ нашихъ рукахъ, и война, стоившая намъ столько крови, кончена, надѣюсь, навсегда».

М. Я. Ольшевскій, Д. И. Романовскій, старые Кавказцы, хорошо знакомые съ ходомъ событій, высказывали тотъ же взглядъ, т. е. что покореніемъ Кавказа Россія обязана исключительно князю Барятинскому. И паденіе Западнаго Кавказа, главнѣйшимъ образомъ, было подготовлено имъ же, чтò конечно вовсе не уменьшаетъ славы довершителя этого дѣла, Великаго Князя Михаила Николаевича.

Не слѣдуетъ забывать, что до 1856 года на Западѣ Кавказа мы только подвинулись съ Кубани на Лабу, да и эту рѣку заняли далеко не всю. При князѣ Воронцовѣ выдвинуто одно укрѣпленіе, Бѣлорѣчинское, впередъ; въ нижней же ча-

чти Закубанья, все занятое еще въ тридцатыхъ годахъ было потеряно во время Крымской войны. Съ 1856 года и здѣсь дѣло пошло скорѣе, но имѣло видъ подготовительной работы. Покуда не была окончена война на Восточномъ Кавказѣ, поглощавшая ⅘ всей арміи, за Кубанью необходимо было обходиться мѣстными средствами и устроивать лишь основанія для будущихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Это и было исполнено въ три года, такъ что двинутыя туда въ началѣ 1860 г. сильныя подкрѣпленія уже могли приступить къ тѣмъ рѣшительнымъ, непрерывнымъ дѣйствіямъ, которыя и довершили окончательное завоеваніе Кавказскаго края, съ тѣмъ вдобавокъ важнымъ преимуществомъ, что Западная его часть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ поселеній туземцевъ, исподоволь уходившихъ въ Турцію, занята сплошнымъ Русскимъ населеніемъ. Система, установленная княземъ Барятинскимъ для дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ и передача ея исполненія въ руки графа Евдокимова, вполнѣ съ этою системою солидарнаго, не оставляла никакого сомнѣнія въ успѣхѣ.

Великій Князь ни въ чемъ не измѣнилъ плана войны, составленнаго его предмѣстникомъ и служившаго основаніемъ всѣмъ послѣдовавшимъ съ 1863 г. дѣйствіямъ. Главная идея этого плана заключалась въ томъ, чтобы подвигаться впередъ съ плоскости къ главному хребту паралельно, а не перпендикулярно, какъ это прежде дѣлалось, въ надеждѣ запереть выходы изъ ущелій. Обрѣзывая же паралельнымъ движеніемъ край въ длину, мы лишали горцевъ возможности сѣять въ тылу проводимыхъ просѣкъ хлѣбъ, содержать скотъ, вообще жить. Имъ приходилось, какъ Чеченцамъ, уходить все дальше и дальше въ горы, терпѣть нужду въ продовольствіи, наконецъ, очутиться на морскомъ берегу въ томъ ужасномъ положеніи, которое уже много разъ описано и достаточно извѣстно.

«Съ назначеніемъ Его Высочества главнокомандующимъ всѣ ожидали измѣненій; многіе желали ихъ; голосовъ противъ системы князя Барятинскаго было даже больше, чѣмъ за нее. Не только въ противоположность этихъ ожиданій, но какъ едвали еще поступалъ какой-либо полководецъ, поступилъ новый главнокомандующій: онъ принялъ чужой планъ, признавъ его самымъ лучшимъ; онъ отказался отъ сла-

бости, свойственной даже и высокопоставленнымъ лицамъ, облеченнымъ большою властію, относиться недоброжелательно ко всѣмъ предположеніямъ и мѣрамъ предмѣстника и непремѣнно избрать свою новую дорогу, а не идти по старой, хотя бы она и была хорошая. Великій Князь показалъ въ этомъ случаѣ вѣрный взглядъ и высокія качества благородства, чуждаго личныхъ побужденій въ дѣлахъ государственной важности. Развитіемъ плана князя Барятинскаго и удержаніемъ въ опытныхъ рукахъ графа Евдокимова исполненія великой задачи, новый главнокомандующій и достигъ того изумительнаго результата, что, менѣе чѣмъ въ полтора года послѣ прибытія въ край, могъ озадачить Европу извѣстіемъ, что весь Кавказъ покоренъ окончательно и ни одной непокоренной души въ немъ не осталось» *). Вся разница въ осуществленіи плана и предположеній проявилась только въ томъ, что князь Барятинскій опредѣлялъ окончаніе войны къ осени 1863 года, Великій Князь же нашелъ невозможнымъ совершить это ранѣе Мая 1864 года; особаго значенія это, само собою, имѣть не можетъ: въ вѣковомъ дѣлѣ нѣсколько мѣсяцевъ уже не играютъ большой роли.

До сихъ поръ я говорилъ объ одной сторонѣ дѣятельности князя Александра Ивановича Барятинскаго,—военной; но и административная, вообще гражданская часть немало обязана ему на Кавказѣ своимъ развитіемъ и успѣхами. Вспомнимъ его устройство въ Чечнѣ народнаго суда, а послѣ общаго управленія горцами, его учрежденіе общества возстановленія православнаго христіанства, при участіи всей Россіи; созданіе прочной, безопасной, при всякихъ случайностяхъ, связи центра Россіи съ Закавказьемъ посредствомъ Волги и Каспія и перенесеніе базы для войскъ Закавказья съ Военно-Грузинской дороги, подверженной случайностямъ, на путь внутренній, вполнѣ обезпеченный; учрежденіе общества «Кавказъ и Меркурій»; его указанія на важность Закаспійскаго края и тамошней политики нашей, указанія хотя исполненныя гораздо позже, но главнѣйше по толчку, данному княземъ въ 1856 году. А его настоянія и пріуготовительныя работы къ

*) Р. А. Фадѣевъ, „Письма съ Кавказа“.

проведенію желѣзнаго пути между Каспійскимъ и Чернымъ морями, его Военно-Грузинская дорога—это образцовое шоссе черезъ главный хребетъ, многіе другіе улучшенные пути, устройство порта въ Петровскомъ, поднятіе значенія Баку, учрежденіе пароходства по Ріону, гидрографическія и межевыя работы, устройство управленія Мингреліею, улучшеніе судебной части, опредѣленіе сословныхъ правъ за Кавказомъ, украшеніе Тифлиса, развитіе женскихъ училищъ и многое другое, болѣе подробно изложенное въ предшествовавшихъ главахъ настоящаго тома! Конечно, гражданская дѣятельность, въ такой короткій срокъ и рядомъ съ военною, давшею покореніе Кавказа, уже по самому существу своему, не могла выразиться съ такимъ блескомъ, какъ вторая: въ ней были и увлеченія и ошибочныя стороны; но ни одинъ безпристрастный человѣкъ не поставитъ ихъ противувѣсомъ всему дѣйствительно-полезному, осуществленному въ намѣстничество князя Барятинскаго, и тѣмъ менѣе противувѣсомъ общимъ его заслугамъ.

Въ Русскомъ обществѣ сложилось мнѣніе, повидимому переходящее какъ бы наслѣдственно отъ временъ первой молодости князя Александра Ивановича, что онъ былъ только «баловень счастья». Безъ всякой провѣрки, безъ малѣйшей попытки узнать насколько вѣрно такое опредѣленіе, повторяютъ его люди не только на словахъ, но даже въ печати. Не далѣе какъ въ Декабрьской книжкѣ «Русской Старины» 1889 г., стр. 859, встрѣчаю напримѣръ такія строки: «Эта личность (графа Евдокимова) долго стояла въ тѣни, теряясь въ лучахъ славы «баловня фортуны» князя А. И. Барятинскаго, хотя Барятинскій съ большимъ умомъ и благородствомъ, отличавшими этого человѣка, всячески выдвигалъ своего сподвижника» и т. д. Стр. 860: «Евдокимову окончательно отведено подобающее мѣсто въ пантеонѣ людей, оказавшихъ громадныя услуги нашему отечеству и благодарному Русскому народу. Остается отнынѣ поставить въ *покоренномъ умомъ и дарованіями Евдокимова краѣ надлежащій памятникъ ему, какъ покорителю Кавказа,* причемъ конечно должно явиться бронзовое изваяніе и «баловня счастія» князя А. И. Барятинскаго» (?!).

Редакція историческаго журнала «Русская Старина» безпрестанно повторяетъ, что она руководствуется лишь истиною

и только для истины открываетъ свои страницы. Прекрасно; и особенно слѣдовало бы ожидать этого отъ строкъ, принадлежащихъ самой редакціи. Но въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, желательно было бы знать, когда печаталась истина: въ 1880 году въ статьѣ М. Я. Ольшевскаго, въ 1881 въ «Очеркѣ» Д. И. Романовскаго, или въ выше приведенныхъ строкахъ 1889 г.? Въ первыхъ двухъ покорителемъ Кавказа мы видимъ князя Барятинскаго, а графа Евдокимова главнымъ исполнителемъ его приказаній, иногда подвергающимся даже замѣчаніямъ за недостаточную настойчивость и энергію дѣйствій, но большею частью заслуживающимъ безпристрастную оцѣнку, благодарность и награды со стороны князя; а въ послѣднихъ онъ уже настоящій покоритель Кавказа, князь же Барятинскій только «баловень счастія», которому редакція съ благодушнѣйшею снисходительностію, какъ къ балованному ребенку, готова разрѣшить поставить «бронзовое изваяніе» при памятникѣ графу Евдокимову.

Послѣ трехъ томовъ біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго, въ которыхъ немало мѣста отведено графу Евдокимову, послѣ всего сказаннаго на послѣднихъ страницахъ и сказаннаго съ документами и фактами въ рукахъ, мнѣ, само собою, нѣтъ надобности вступать въ полемику съ «Русской Стариной» и доказывать ошибочность и легкость ея взглядовъ, ея незнакомство съ ходомъ Кавказскихъ дѣлъ, о которыхъ она однако такъ категорически высказывается. Я позволю себѣ заявить, что если бы графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ былъ живъ, онъ возмутился бы такимъ гиперболическимъ восхваленіемъ, въ которомъ онъ вовсе не нуждается. Онъ былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы не понимать, что его заслуги несомнѣнно очень велики; никто ихъ такъ высоко не цѣнилъ, никто ихъ такъ офиціально и въ частной переПискѣ съ Государемъ не огласилъ, какъ самъ князь Барятинскій; но покорителемъ Кавказа онъ не могъ быть уже по одному тому только, что покореніе совершалось совокупными дѣйствіями всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ раіоновъ края, окружавшихъ непокорныя горы, однимъ изъ которыхъ, въ самой важной части, былъ графъ Евдокимовъ. Руководить дѣйствіями, направлять ихъ къ одной цѣли, распредѣлять имъ

средства и т. д. могъ только главнокомандующій, и именно такой, который самъ создалъ весь планъ, всю систему до подробностей организаціи самихъ раіоновъ, гораздо ранѣе даже самаго назначенія Евдокимова на тотъ постъ, на которомъ онъ оказался такимъ дѣятельнымъ и полезнымъ помощникомъ князя Барятинскаго. Самъ графъ Евдокимовъ, какъ бы блистательно онъ ни выполнялъ въ Чечнѣ главную часть общей програмы, не могъ бы, безъ содѣйствія со стороны Дагестана, безъ отвлеченія туда значительныхъ силъ непріятеля, достигнуть съ такою быстротою результатовъ, не говоря о томъ, что роковой, смертельный ударъ владычеству Шамиля былъ нанесенъ въ 1859 году переправою барона Врангеля чрезъ Койсу. Это было поводомъ массовой покорности Аваріи и всѣхъ Дагестанскихъ обществъ, послѣ чего Шамилю уже ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать съ остаткомъ приверженцевъ на Гунибъ, гдѣ онъ былъ взятъ уже безъ участія войскъ графа Евдокимова, одними Дагестанскими войсками, графу неподчиненными.

Въ какомъ-нибудь отдѣльномъ сраженіи, хотя бы командовалъ самъ главнокомандующій, бываютъ случаи, когда безъ ущерба истинѣ можно сказать: «побѣдой обязаны такому - то генералу». Но въ такомъ предпріятіи, какъ покореніе Кавказа, гдѣ театръ военныхъ дѣйствій раскинутъ на пространствѣ 1000 верстъ, раздѣленъ на отдѣльныя самостоятельныя командованія, одному изъ частныхъ начальниковъ можно приписывать наибольшую долю содѣйствія конечному достиженію результата, можно сказать, что онъ былъ главнымъ исполнителемъ предположеній главнокомандующаго, наконецъ, что безъ его разумныхъ, энергическихъ, вообще замѣчательныхъ дѣйствій дѣло потребовало бы больше времени и усилій (все это и приписывается графу Евдокимову); но ни одинъ благоразумный человѣкъ, хотя поверхностно понимающій суть дѣла, не скажетъ такой, говоря деликатно, наивности, что графъ Евдокимовъ—покоритель Кавказа.

Полагаю, что немалая честь и заслуга быть и вторымъ лицомъ въ этомъ историческомъ, первостепенной важности событіи для Русскаго государства.

Выше была приведена выписка изъ очерка покойнаго Романовскаго, изъ которой видно, что, за нѣсколько мѣсяцевъ до

пріѣзда князя Барятинскаго на Кавказъ, графъ Евдокимовъ полагалъ возможнымъ въ 10 лѣтъ прорваться только за лѣсной поясъ. И онъ, съ точки зрѣнія того положенія, въ которомъ мы тогда находились, и тѣхъ средствъ, которыми обладали, былъ правъ. Онъ не зналъ тѣхъ плановъ, которые давно созрѣли въ умѣ князя Барятинскаго, о непрерывности и безпощадности наступленія, тѣхъ средствъ, той власти, той энергіи и того знакомства со всѣми мѣстными условіями, съ которыми приступилъ къ дѣлу новый главнокомандующій; и потому о возможности, черезъ три года послѣ разговора съ Романовскимъ, вести разговоръ съ плѣннымъ Шамилемъ на Гунибѣ, ему и на мысль не могло придти.

Въ концѣ 1857 года графъ Евдокимовъ, въ разговорѣ съ княземъ Д. И. Мирскимъ, тогда командиромъ Кабардинскаго полка, развивая планъ предстоявшихъ дѣйствій, заключилъ слѣдующими словами: «такимъ образомъ я надѣюсь, что года черезъ три-четыре мы съ Шамилемъ покончимъ». Это было послѣ того, какъ Малая и почти вся Большая Чечня уже были покорены, Аухъ тоже. Затѣмъ, когда было занято Аргунское ущелье, всѣ попытки Шамиля взволновать покоренное населеніе не удались, и онъ терпѣлъ все только пораженія, предстояло несомнѣнное взятіе Веденя, т. е. чрезъ два съ половиною года послѣ разговора съ Романовскимъ и чрезъ годъ послѣ бесѣды съ княземъ Мирскимъ: графъ Евдокимовъ увидѣлъ, что уже можно двигаться въ Андію, при содѣйствіи Дагестанскихъ войскъ, о чемъ и писалъ Д. А. Милютину; а 28 Сент. 1858 г., въ письмѣ къ самому князю Барятинскому, подробнѣе высказывалъ предположенія о дѣйствіяхъ въ 1859 г., считая весьма важнымъ занятіе линіи по Андійскому Койсу, такъ какъ тогда Шамиль между этимъ и Аварскимъ Койсу *«уже долго держаться не могъ»*. Слѣдовательно, окончаніе войны сейчасъ, въ 1859 году, графъ все же не считалъ возможнымъ, хотя, въ виду утраты Шамилемъ его прежняго вліянія и обаянія на горцевъ, не сомнѣвался въ его близости, при условіи, что не будутъ жалѣть средствъ и усилій. Кромѣ того, графъ Николай Ивановичъ не совсѣмъ вѣрилъ въ возможность такого быстраго, полнаго крушенія Шамилевскаго зданія, потому что не могъ предвидѣть ни переправы у Сагрытло, ни безкровнаго

овладѣнія Бетлинскими высотами, повлекшимъ за собою массовую покорность населенія, ни сверхъестественнаго овладѣнія Гунибомъ, для чего уже предлагалась правильная осада, противъ которой графъ не возражалъ...

Только князь Барятинскій, хотя само собою, тоже не предвидѣвшій означенныхъ удачныхъ эпизодовъ, но увѣренный въ непреложности принятыхъ имъ основаній дѣйствія, съ картою въ рукахъ, еще весною 1859 года вполнѣ увѣрилъ и Государя, что этотъ годъ есть финалъ борьбы на Восточномъ Кавказѣ. Тутъ не было игры случая; тутъ былъ зрѣло обдуманный планъ. И все равно: бѣжалъ ли бы Шамиль на Гунибъ, или въ какой-нибудь трущобный аулъ самаго дикаго ущелья главнаго хребта, или наконецъ, какъ опасались, въ Турцію, результатъ былъ бы тотъ же. Дагестанъ покорился бы также, какъ покорилась Чечня; сопротивленіе горцевъ противъ системы наступленія, принятой съ 1856 года, дальше продолжаться не могло. Планъ этотъ былъ съ рѣдкимъ искусствомъ приведенъ въ исполненіе, благодаря преимущественно Д. А. Милютину и Н. И. Евдокимову; и если послѣдній опаздывалъ на нѣсколько лѣтъ въ предположеніяхъ объ окончаніи войны, то это ни чуть не уменьшаетъ его заслугъ, но и не производитъ его въ «покорителя Кавказа».

Говорятъ, будто одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей нашихъ назвалъ князя Барятинскаго *Потемкинымъ XIX столѣтія*. Чтожъ, если откинуть неподдающійся аналогіи случай возвышенія Потемкина съ случаемъ приведшимъ князя Александра Ивановича къ сближенію съ Государемъ, я не особенно возстаю противъ такого сравненія. Потемкинъ былъ замѣчательный Русскій человѣкъ, и Екатерина не даромъ относилась къ нему до самой смерти совсѣмъ иначе, чѣмъ къ другимъ людямъ случая, въ ея царствованіе; а ей едва ли можно отказать въ умѣніи понимать и оцѣнивать общественныхъ дѣятелей. Но есть и большая разница между Потемкинымъ и кн. Барятинскимъ: покореніе Кавказа нельзя ставить на одну доску съ взятіемъ Очакова, съ основаніемъ Екатеринослава, вообще съ дѣлами Потемкина, хотя и заслуживающими не быть забытыми въ исторіи роста и развитія Русской Имперіи. Объ этомъ едва ли можно спорить. Общее же между этими двумя

лицами можно найти преимущественно въ ихъ личныхъ качествахъ, отчасти въ характерѣ, присущемъ большинству Русскихъ людей. Оба были награждены всѣми дарами природы: здоровы, сильны, ловки, привлекательны, умны, щедры, добры и безстрашны; оба получили поверхностное образованіе; оба были баловнями женщинъ, широко пользовались ихъ расположеніемъ и вели образъ жизни во вредъ своему здоровью. Но Потемкинъ былъ лѣнивъ, по временамъ проводилъ цѣлыя недѣли въ совершенной праздности; Потемкинъ не безпристрастно относился къ заслугамъ подчиненныхъ: онъ боялся, что ихъ подвиги затмятъ его славу, онъ хотѣлъ приписывать все себѣ. Ничего подобнаго о князѣ Барятинскомъ сказать нельзя: этотъ вовсе не былъ лѣнивъ, напротивъ, занимался очень много, не взирая на частое нездоровье; онъ не только не ревновалъ своихъ помощниковъ, но всѣми мѣрами старался выставить ихъ заслуги, ходатайствовалъ о самыхъ щедрыхъ наградахъ для нихъ и въ частныхъ письмахъ къ Государю, можно сказать, даже съ нѣкоторыми преувеличеніями, расточалъ имъ хвалы.

И Потемкинъ, и князь Барятинскій любили потѣшаться (князь А. И. впрочемъ менѣе Потемкина)—да главное—вдругъ, неожиданно, среди самыхъ серьезныхъ дѣлъ, даже какъ будто по поводу ихъ, такъ что иной разъ трудно было рѣшить, продолжается ли потѣха, или это серьезное отношеніе къ дѣлу. Напримѣръ, отношенія князя къ извѣстному въ свое время на Лѣвомъ Флангѣ Ильченкѣ, о которомъ я разсказалъ въ I-мъ томѣ. Нельзя же допустить, чтобы грубыя хохлацкія выходки его могли обмануть такого человѣка, какъ князь Александръ Ивановичъ? Очевидно, онъ потѣшался, показывая всегда будто вѣритъ; но съ другой стороны выдвигалъ его по службѣ слишкомъ щедро, сравнительно съ заслугами; говорилъ, что непремѣнно выведетъ его въ генералы... фельдфебеля Ильченку, съ его безобразнымъ, красносинимъ носомъ! И, наконецъ, въ разговорѣ съ Погодинымъ, какъ видно изъ письма послѣдняго (см. приложенія) выставилъ Ильченку, наровнѣ съ графомъ Евдокимовымъ, какимъ-то необыкновеннымъ въ своемъ родѣ человѣкомъ, тоже самородкомъ... Были другіе въ этомъ же родѣ люди, пользовавшіеся незаслуженнымъ фаворомъ князя.

Даже въ знаменательные дни 1859 года, когда взятъ былъ въ плѣнъ Шамиль, когда вѣковое сопротивленіе Дагестана смирилось предъ Русскимъ оружіемъ и свершилось событіе, озадачившее Европу, князь Барятинскій не приминулъ потѣшаться. Онъ придавалъ всему дѣлу какой-то полушуточный колоритъ, часто вспоминалъ, какъ онъ заранѣе произвелъ своего адъютанта Тромповскаго въ генералы и распекалъ его за то, что онъ не захватилъ съ собою форменныхъ красныхъ панталонъ и т. п. Нѣсколько разъ повторялъ, какъ онъ все предвидѣлъ и разчитывалъ, какой эффектъ произведетъ извѣстіе о взятіи Гуниба, полученное въ Петербургѣ, именно 30 Августа, какъ будутъ огорчены его враги и проч. Со стороны, само собою, не могло не казаться страннымъ такое отношеніе князя къ великому, только что совершившемуся, благодаря ему, событію... «Чужая душа потемки», говоритъ мудрая пословица. Къ душѣ князя Барятинскаго она вполнѣ примѣнима.

Можно бы привести много разныхъ мелкихъ дурачествъ, потѣшавшихъ князя; но къ чему это? Еще разъ повторяю: развѣ всѣ такія мелочи и слабости могутъ что-нибудь умалить въ значеніи его, какъ государственнаго дѣятеля? Даже и въ характеристикѣ его, какъ человѣка, что̀ значатъ двѣ-три черты, хотя бы и заслуживавшія порицанія, въ сравненіи съ десятками, заслуживающими самаго искренняго уваженія? Его доброта, чувствительность, щедрость, незлопамятство, нѐмстительность, его же незабываніе оказанныхъ ему услугъ или доказательствъ дружбы, его вниманіе къ нуждамъ другихъ, его обаяніе, производимое на людей, особенно на массы; его умѣніе поощрять людей, вызвать ихъ готовность къ самоотверженной дѣятельности, наконецъ его готовность къ самопожертвованію: все это въ немъ было искренно, въ широкой мѣрѣ.

И, напримѣръ, такая черта характера. Съ 1867 на 1868 г. князя Барятинскаго въ Женевѣ посѣтилъ князь Д. И. Мирскій и провелъ съ нимъ довольно много времени въ ежедневныхъ бесѣдахъ. Состояніе здоровья и особенно духа князя произвело на Дм. Ив. самое отрадное впечатлѣніе. Онъ какъ-то созрѣлъ, установился, говоритъ князь Мирскій. Сближеніе со многими замѣчательными людьми Западной Европы имѣло на него развивающее благотворное вліяніе. *Онъ много читалъ и, мож-*

но сказать, даже учился. Любя вести безконечныя бесѣды о прошломъ, онъ ни о чемъ ни сожалѣлъ. Въ немъ сильно развился всегда на днѣ его души тлѣвшій зародышъ философскаго воззрѣнія на вещи; онъ смотрѣлъ на событія жизни и человѣческой дѣятельности повыше ихъ удачи или неудачи.

Одно изъ близкихъ, отлично знавшихъ князя Барятинскаго лицъ, человѣкъ большаго ума и образованія, въ воспоминаніяхъ, непредназначенныхъ пока къ печати, набросалъ чрезвычайно мѣткую характеристику его, въ которой между прочимъ говоритъ: «Окружающіе князя не имѣли на него никогда дурнаго вліянія; онъ имъ не поддавался, но нуждался въ хорошихъ помощникахъ и окружающихъ для пополненія и парализированія своихъ собственныхъ недостатковъ. Его незнаніе нуждалось въ помощи знанія; его слишкомъ сильное воображеніе, доходившее иногда до фантазіи, требовало отрезвляющаго, сдерживающаго вліянія; внѣ этихъ условій, онъ могъ вовлекаться въ большія ошибки. Такимъ образомъ, и по этой причинѣ, онъ пошатнулъ въ покойномъ Государѣ довѣріе къ его способностямъ и благоразумію, вопервыхъ, слишкомъ страстно и не совсѣмъ основательно нападая на военнаго министра по поводу реформы военной организаціи арміи, а затѣмъ еще болѣе своимъ формальнымъ предложеніемъ о перенесеніи столицы въ Кіевъ».

«Если геній», заключаетъ авторъ приведенныхъ строкъ, «какъ мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать то, что̀ современникамъ кажется невозможнымъ, то нельзя отказать князю Барятинскому въ извѣстной долѣ генія».

Можно къ этому прибавить, что каждый человѣкъ вообще всегда почти сынъ своего вѣка и еще болѣе продуктъ того общества, среди котораго онъ выростаетъ. Но разъ человѣкъ своими дѣлами, взглядами составляетъ исключеніе изъ этой среды, возносится надъ нею до высоты, большинству, такъ сказать, почти невидимой: онъ если и не геній, то замѣчательный, рѣзко выдающійся человѣкъ, вліяющій на событія. Припомнимъ теперь Николаевскую эпоху, высшее общество, преимущественно военное 30 — 40 годовъ, къ которому принадлежалъ князь Барятинскій, и мы должны положительно сказать, что онъ именно одинъ изъ тѣхъ, которые возносятся

надъ толпой и получаютъ право на признаніе замѣчательными, выдающимися людьми.

—

Позволяю себѣ думать, что всего, мною написаннаго, совершенно достаточно, чтобы признать въ фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ лицо историческое, пріобрѣтшее право на благодарность соотечественниковъ и на памятникъ для увѣковѣченія его заслугъ въ потомствѣ. Пора понять, что безсмысленно повторяемыя слова: «баловень счастія» — пустыя слова, весьма мало умѣстныя въ примѣненіи къ князю, и не забывать извѣстныхъ Суворовскихъ словъ, что «сегодня счастіе, завтра счастіе, помилуй Богъ, нужно немножко и ума».

Когда получена была въ Петербургѣ неожиданная и прискорбная вѣсть о кончинѣ князя, я подъ впечатлѣніемъ такой жестокой, безвременной утраты, посвятилъ памяти его нѣсколько строкъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 53 отъ 3 Марта 1879 года). Перечитывая теперь, черезъ двѣнадцать лѣтъ, эти строки, я вижу, что мой взглядъ на этого замѣчательнаго человѣка былъ вѣренъ и нисколько не измѣнился, не взирая на то, что за это время случай доставилъ мнѣ возможность изучить князя Барятинскаго по самымъ вѣрнымъ, никому прежде недоступнымъ документамъ и что я посвятилъ пять лѣтъ труда на собраніе матеріаловъ и на составленіе его біографіи, предлагаемой теперь благосклонному вниманію читателей, къ сожалѣнію, съ весьма важными пробѣлами.

Я не могу лучше закончить моего труда, какъ повтореніемъ нѣкоторыхъ строкъ изъ упомянутой замѣтки моей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

«Здѣсь не мѣсто и не время для подробнаго критическаго обзора управленія князя Барятинскаго краемъ; объ этомъ рѣчь впереди. Подъ впечатлѣніемъ грустнаго извѣстія о преждевременной кончинѣ, я, одинъ изъ тысячи его бывшихъ подчиненныхъ, имѣвшій случай одно время стоять къ нему довольно близко, счелъ долгомъ взяться за перо, чтобы сказать нѣсколько словъ въ память о государственномъ дѣятелѣ, оказавшемъ своей странѣ громадную, трудно оцѣнимую услугу:

онъ покорилъ Кавказъ! Каковы бы ни были мнѣнія объ умѣ и дарованіяхъ покойнаго князя, какой бы критикѣ ни подвергались его дѣйствія какъ намѣстника, какъ главнокомандующаго, какъ человѣка, наконецъ,—намъ довольно этихъ трехъ словъ: онъ покорилъ Кавказъ. Этимъ сказано такъ много, что объ остальномъ едва ли уже стоитъ и распространяться».

«Сколько бы ни старались приписывать результаты, достигнутые княземъ Барятинскимъ, единственно щедрости предоставленныхъ въ его распоряженіе средствъ, все равно: какъ уже сказано выше, заслуга покоренія Кавказа остается за нимъ, великое историческое событіе навсегда связано съ его именемъ. Да и не одними щедрыми средствами достигаются важные результаты. Въ 1844—1845 годахъ на Кавказѣ тоже были немалыя средства (кромѣ мѣстныхъ войскъ, весь 5-ый пѣхотный корпусъ), но результаты оказались самые плачевные. Средствами нужно умѣть распорядиться и дать имъ правильное направленіе».

«Итакъ, 25 Февраля угасъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ, истыхъ Кавказцевъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, беззавѣтно храбрый, рѣшительный, привлекательный и всѣхъ къ себѣ привлекающій, даже непріязненныхъ туземцевъ; искренно любившій край, отлично знавшій его, душевно сроднившійся съ нимъ и особенно со старыми Кавказскими войсками, готовыми идти съ нимъ въ огонь и воду; связавшій навсегда имя свое съ однимъ изъ старѣйшихъ боевыхъ полковъ — Кабардинскимъ, въ которомъ главнѣйшимъ образомъ и проникся покойный тѣмъ истымъ Кавказскимъ духомъ, выразившимся впослѣдствіи во всѣхъ его военныхъ предпріятіяхъ. Назначеніе шефомъ Кабардинскаго полка князь Александръ Ивановичъ считалъ одною изъ самыхъ дорогихъ наградъ, когда-либо имъ полученныхъ».

Съ княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ угасъ исчезающій уже теперь типъ истаго Русскаго барина, въ лучшемъ значеніи этого слова: рыцарски великодушный, деликатный, любезный, щедрый, съ замѣчательнымъ природнымъ умомъ и проницательностью, умѣньемъ узнавать людей и давать имъ соотвѣтствующее назначеніе, умѣньемъ награ-

ждать и привлекать ихъ къ дѣлу; иногда полный самыхъ увлекательныхъ фантазій, всегда готовый спѣшить ихъ исполненіемъ, не теряющійся при неудачахъ, въ полномъ смыслѣ знатный Русскій баринъ, но безъ малѣйшей жесткости и безчеловѣчности, отличавшихъ нерѣдко нашихъ вельможъ старыхъ временъ: напротивъ, мягкій, снисходительный ко всѣмъ и вездѣ, отъ наружности и манеръ до служебныхъ и частныхъ отношеній, аристократъ самой чистой крови.

Таковъ былъ покойный князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Такимъ мы знали его на Кавказѣ. Но совершенства въ мірѣ нѣтъ и не было, и усопшій имѣлъ свои недостатки, какъ имѣетъ ихъ всякій смертный. Въ свое время правдивая исторія эпохи его управленія Кавказомъ, безъ сомнѣнія, подробно разскажетъ и хорошее, полезное и неудачное. Но во всякомъ случаѣ покоритель Кавказа заслужилъ себѣ памятникъ на мѣстѣ его дѣйствій, и обязанность наша увѣковѣчить великое событіе, связанное съ его именемъ.

Теперь исторія дѣятельности князя Барятинскаго написана; для суда потомства часъ насталъ; дальнѣйшее отсутствіе памятника было бы памятникомъ неблагодарности и равнодушія Россіи къ заслугамъ одного изъ замѣчательныхъ ея сыновъ. Какъ былъ бы я счастливъ, какъ щедро считалъ бы себя награжденнымъ, еслибы мой посильный трудъ хотя въ слабой мѣрѣ содѣйствовалъ къ устраненію этого равнодушія!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ГРАФА Д. А. МИЛЮТИНА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ А. И. БАРЯТИНСКОМУ.

1.

Отъ глубины души приношу поздравленіе съ новымъ знакомъ монаршаго вниманія къ высокимъ заслугамъ вашимъ. Въ лицѣ вашего сіятельства награждена цѣлая армія Кавказская за все, чтó исполнено ею въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Слухи въ Тифлисѣ о пожалованіи вамъ званія генералъ-фельдмаршала предупреждали нѣсколькими днями прибытіе фельдъегеря съ официальнымъ извѣстіемъ. Весь городъ былъ обрадованъ этою вѣстію; всѣ поздравляли другъ друга съ тѣмъ сочувствіемъ, которое только здѣсь можно видѣть къ начальнику.

Приказы, написанные вашимъ сіятельствомъ по этому случаю, были напечатаны и разосланы безотлагательно. Приказъ Кабардинскому имени вашего полку, по прежнему примѣру, отправленъ въ полкъ отдѣльными оттисками, независимо отъ объявленій его въ приказахъ по арміи. На всякій случай представляются при семъ означенные печатные приказы въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Изъ полученнаго мною съ тѣмъ же фельдъегеремъ письмà отъ генерала Филипсона видно, что онъ глубоко тронутъ полученною имъ наградою и одушевленъ неограниченнымъ желаніемъ исполнить все согласно съ вашею волею. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ Абадзехскою депутаціею онъ пріобрѣлъ полную надежду на достиженіе видовъ вашего сіятельства.

На возвратномъ пути моемъ изъ ст. Прохладной, я прожилъ во Владикавказѣ два дня. Время это было употреблено съ пользою, и мы подробно переговорили съ графомъ Николаемъ Ивановичемъ обо всѣхъ предметахъ, какіе требовали нашего совѣщанія. Имѣю честь представить при семъ составленный общими силами проектъ правилъ на случай переселенія туземцевъ въ Азіатскую Турцію сухимъ путемъ. Быть можетъ, предположеніе это пригодится при вашихъ разговорахъ съ княземъ Горчаковымъ, или при докладѣ Государю.

Поѣздка моя въ Алагирское ущелье оставила во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе, какъ въ отношеніи прекрасной дороги, которую мы будемъ вскорѣ имѣть въ этомъ направленіи чрезъ главный хребетъ, такъ и въ отношеніи къ горнозаводскому производству въ Алагирѣ и Садонѣ. Не будучи спеціалистомъ въ этомъ дѣлѣ, не смѣю высказывать

никакого мнѣнія на счетъ будущности завода и вѣрности разсчета ожидаемыхъ отъ него выгодъ; скажу только, что все видѣнное мною отличается обдуманностію плана, прочностію построекъ, значительнымъ размѣромъ произведенныхъ уже подземныхъ работъ и, сколько мнѣ показалось, благонамѣренностію направленія. По приказанію вашего сіятельства, спѣшу довести до вашего свѣдѣнія объ этомъ результатѣ моего осмотра. Подполковникъ Лимановскій представитъ вашему сіятельству нѣсколько бумагъ на подпись и докладныхъ моихъ записокъ. Можетъ быть, угодно вамъ будетъ взглянуть на сдѣланные Горшельдомъ для памятной книжки рисунки, которые я посылаю къ ген. Герштенцвейгу чрезъ Лимановскаго.

Относительно предстоящаго передвиженія войскъ на Правое Крыло, всѣ распоряженія дѣлаются согласно съ послѣдними вашими приказаніями; я надѣюсь, что всѣ части тронутся еще до наступленія весенней распутицы. Съ первымъ за симъ курьеромъ я буду имѣть честь присылать на подпись вамъ бумаги о тѣхъ предметахъ, по коимъ требуются высочайшія разрѣшенія, кромѣ однако же назначенія командировъ сводныхъ стрѣлковыхъ полковъ, такъ какъ распредѣленіе указанныхъ вами лицъ на эти мѣста можетъ быть сдѣлано не прежде, какъ по полученіи отъ гг. командующихъ войсками списковъ избранныхъ ими баталіонныхъ командировъ.

25 Декабря 1859 г.
Тифлисъ.

2.

... Извѣстія изъ Терской области должны были, безъ сомнѣнія, огорчить васъ. Сейчасъ получено отъ графа Евдокимова дополнительное донесеніе, которое имѣю честь представить въ числѣ другихъ офиціальныхъ бумагъ къ докладу. Хотя графъ Николай Ивановичъ въ своихъ донесеніяхъ и письмахъ видимо старается успокоивать, умаляя значеніе происшествій, однакоже пріѣзжающіе говорятъ, что въ окрестностяхъ Владикавказа снова ѣздятъ съ конвоемъ. Всѣ приказанія ваши, переданныя мнѣ полк. Лимановскимъ, сообщены графу Евдокимову. Ваше сіятельство вполнѣ справедливо выразились, что при такихъ обстоятельствахъ перемѣщеніе его было бы крайне неудобно и даже опасно. Онъ, какъ видно, предчувствовалъ то, чтó теперь происходитъ. Дай Богъ, чтобы это не было первою искрою пожара. Но если можно остановить или предупредить этотъ пожаръ, то конечно никто не исполнитъ этого лучше, чѣмъ самъ графъ Николай Ивановичъ. Прошу однако же дозволенія вашего откровенно высказать здѣсь одну мысль, которая меня преслѣдуетъ: мнѣ кажется, что возстаніе народа, особенно

такого, какъ въ Аргунскомъ ущельѣ, не можетъ произойти вдругъ, только отъ какого-нибудь внѣшняго подстрекательства, какъ выставляетъ графъ Евдокимовъ. Нѣтъ ли тутъ болѣе существенной причины, кроющейся въ самой администраціи нашей? Если есть такая причина, то надобно было бы истребить ее въ самомъ корнѣ; но къ сожалѣнію *я весьма сомнѣваюсь, чтобы графъ Евдокимовъ захотѣлъ доискиваться этого корня, особенно когда дѣло идетъ объ Аргунскомъ округѣ* *).

23 Іюня 1860 г. (Тифлисъ).

3.

5 Ноября 1860 г. (С

Не смотря на быстрое и вполнѣ благополучное путешествіе, я прибылъ съ своею семьею въ Петербургъ только 28-го Октября, потому что въ дорогѣ занемогъ и пролежалъ въ Москвѣ 12 дней. Здѣсь я нашелъ особенную, противъ обыкновеннаго, суету по случаю кончины и погребенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Однако же я имѣлъ счастіе немедленно по пріѣздѣ представиться въ Царскомъ Селѣ Государю, видѣлъ уже почти всѣхъ особъ Императорской фамиліи и объѣхалъ главныя власти. Только Государыня Императрица не изволитъ еще принимать послѣ родовъ, а потому ваше письмо и офиціальное представленіе на имя Ея Величества вручены мною самому Государю. Я нашелъ Государя убитымъ горестью и растроеннымъ; однакоже Его Величество удостоилъ меня разговоромъ около получаса, разспрашивалъ о вашемъ здоровьѣ и вообще принялъ меня весьма ласково и милостиво. Я успѣлъ доложить о важнѣйшихъ изъ вашихъ порученій; но къ крайнему сожалѣнію моему, получилъ мало надежды на успѣхъ моихъ убѣжденій и доводовъ. Военный министръ горячо возставалъ какъ противъ всѣхъ денежныхъ требованій, въ томъ числѣ и противъ увеличенія содержанія начальнику Главнаго Штаба, такъ и противъ оставленія далѣе нынѣшняго года настоящаго состава войскъ на Кавказѣ. Самъ Государь въ разговорѣ со мною не изволилъ высказать никакого окончательнаго рѣшенія по тому и другому предмету; однакоже я опасаюсь, что Его Величество будетъ настаивать на исполненіи объявленной прежде Высочайшей воли не только объ отправленіи 18-й и резервной дивизій, но даже и относительно упраздненія пятыхъ батальоновъ Кавказскихъ полковъ. Излишнимъ было бы прибавлять, что я съ своей стороны горячо отстаивалъ пользу Кавказа. Государь замѣтилъ мнѣ даже, что въ новомъ моемъ званіи я долженъ быть безпристрастнымъ и не смотрѣть съ исключительной точки зрѣнія Кавказской. Не знаю еще, чѣмъ кончился докладъ воен-

---

*) Аргунскимъ округомъ тогда управлялъ братъ графини Евдокимовой...

наго министра по означенному предмету; но по всему мнѣ кажется, что вашему сіятельству придется уступить, если не разомъ все требуемое отъ васъ, то по крайней мѣрѣ по частямъ, постепенно. Мое личное мнѣніе было бы слѣдующее: пожертвовать теперь же 18-ю дивизію и донести, что весною 1861 года она будетъ отправлена съ Кавказа въ кадренномъ составѣ; это ослабитъ Кавказскую армію только 5-ю или 6-ю тысячами человѣкъ, ибо остальные люди 18-й дивизіи пойдутъ на необходимое укомплектованіе Кавказскихъ полковъ. О резервной же дивизіи, можетъ быть, скорѣе согласятся оставить ее, по крайней мѣрѣ до осени 1861 года, какъ и прежде разрѣшалось Высочайшимъ повелѣніемъ 1858 года. Что же касается до пятыхъ баталіоновъ Кавказскихъ полковъ, то мнѣ кажется, необходимо отстаивать ихъ сколько можно еще на нѣсколько лѣтъ, то есть до окончанія войны въ Западномъ Кавказѣ. За то можно бы обѣщать теперь же скорое убавленіе еще нѣсколькихъ Донскихъ полковъ, для чего стоитъ только двинуть рѣшительно и быстро предположеніе объ учрежденіи новыхъ земскихъ милицій въ Закавказскомъ краѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ дѣло это будетъ замедляемо обычными формальностями и проволочками гражданскаго хода дѣлъ; но г. Орловскій *), съ своею энергіею и практичностію, можетъ указать средства и для преодолѣнія всѣхъ родовъ препятствій, которыя могутъ представиться для неотлагательнаго осуществленія полезнаго и крайне выгоднаго проекта. Можетъ быть даже, ваше сіятельство рѣшитесь, для спасенія пятыхъ баталіоновъ (составляющихъ въ общей совокупности болѣе обыкновенной пѣхотной дивизіи), скорѣе пожертвовать еще однимъ полкомъ Донскимъ изъ Терской области и другимъ полкомъ изъ числа трехъ, находящихся въ Кубанской области. Въ этой послѣдней части края такая масса мѣстной конницы и регулярной кавалеріи, что въ непродолжительномъ времени откроется вѣроятно возможность, какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не имѣть тутъ Донскихъ полковъ.

4.

10 Ноября 1860 г. (Спб.).

Въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ моимъ изъ Владикавказа, ваше сіятельство изволили выражать мнѣніе, что генералъ-маіору Колосовскому было бы полезно во многихъ отношеніяхъ побывать въ Петербургѣ, хотя на короткое время. Я нахожу, что теперь именно наступила лучшая пора для его прибытія: здѣсь разсматриваются многія изъ важнѣйшихъ дѣлъ Кавказскаго интендантства; самъ военный министръ находитъ, что присутствіе генералъ-интенданта способствовало бы разъ-

*) Тогдашній Тифлисскій губернаторъ.

ясненію многихъ темныхъ вопросовъ и недоразумѣній. Поэтому отъ вашего сіятельства вполнѣ зависитъ камандировать генералъ-маіора Колосовскаго, когда признаете удобнымъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Между прочимъ теперь сильно озаботила военное министерство полученная недавно смѣта Кавказскаго интендантства. Вмѣсто уменьшенія на 1,300,000 р. противъ смѣты 1860 года, какъ выставлено въ рапортѣ генерала Колосовскаго, оказывается по повѣркѣ, что Государственное Казначейство должно на будущій годъ отпустить для Кавказскаго интендантства 2½ милліона болѣе, чѣмъ въ 1860 году. По другимъ смѣтамъ, почти во всей Имперіи и по всѣмъ вѣдомствамъ, большею частію итоги возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Между тѣмъ Главный Финансовый Комитетъ считаетъ положительно невозможнымъ дѣлать какія либо добавленія, а требуетъ настоятельно большихъ сокращеній. Какъ тутъ изворачиваться Военному Министерству?

5.

Пользуюсь отправленіемъ фельдъегеря съ письмомъ Государя Императора, чтобы отвѣчать на два письма́ вашего сіятельства, отъ 18-го Декабря, привезенныя княземъ Трубецкимъ. О главномъ предметѣ заботъ вашихъ—удержаніи 18-й пѣхотной дивизіи, не стану распространяться, такъ какъ вы получите объ этомъ увѣдомленіе отъ самого Государя. Но вѣроятно вы полюбопытствуете узнать, какъ именно происходило дѣло. Письмо ваше Государю было подано княземъ Трубецкимъ во время доклада военнаго министра, въ присутствіи Великаго Князя Константина Николаевича и при мнѣ. Государь немедленно же прочелъ ваше письмо вслухъ, и тутъ же завязался короткій разговоръ. На доводы военнаго министра о необходимости сбереженія расходовъ и избѣжанія новой прибавки къ составленной уже смѣтѣ, я рѣшился возразить прямо, что перемѣщеніе 18-й дивизіи не только не дастъ сбереженія, а напротивъ того, потребуетъ прибавки въ расходѣ, и такъ какъ Николай Онуфріевичъ отвѣчалъ на это съ ироническимъ сомнѣніемъ, то на другой день къ докладу я подалъ записку, съ которой прилагаю при семъ копію; я также представилъ и письмо генерала Филипсона, по поводу котораго военный министръ написалъ свои замѣтки (разумѣется, все въ томъ же смыслѣ, какъ и прежде). Государь, прочитавъ и письмо генерала Филипсона, и всѣ представленныя записки, положилъ собственноручно (на запискѣ военнаго министра) слѣдующую резолюцію: «Я же съ своей стороны, не столько въ виду пользы для Кавказа, сколько въ виду политическихъ обстоятельствъ въ Турціи, признаю оставленіе 18-й дивизіи до осени въ распоряженіи

князя Барятинскаго необходимымъ; ибо вполнѣ раздѣляю мнѣніе Франкини о пользѣ дѣйствій нашихъ въ Малой Азіи, въ случаѣ войны или паденія Турецкаго владычества въ Европѣ. 1 Января 1861». Тутъ я долженъ пояснить, что записка Франкини, на которую сдѣлана ссылка въ высочайшей резолюціи, прислана была незадолго предъ симъ и заключала въ себѣ развитіе той мысли, что, въ случаѣ новой катастрофы въ Турціи или вмѣшательства Европы въ Восточный вопросъ, Россіи нечего дѣлать за Дунаемъ, а слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно въ Азіи. Государь весьма одобрилъ этотъ взглядъ и наотрѣзъ объявилъ, что остается при своемъ мнѣніи, вопреки неоднократныхъ попытокъ военнаго министра оспорить изложенную мысль.

Скажу однакоже при этомъ, что дѣла на Западѣ очень запутываются, особенно броженіе въ Славянскихъ земляхъ озабочиваетъ Государя *). Поэтому всѣ четыре наши передовые корпуса почти уже приведены на военное положеніе, а частію теперь приводятся. Крестьянскій вопросъ также путаетъ многихъ и представляется какимъ-то фантастическимъ пугаломъ. Дѣло это идетъ туго и до сихъ поръ еще не перешло изъ Главнаго Комитета въ Государственный Совѣтъ, гдѣ опять вѣроятно начнутся продолжительныя пренія. Проектъ Редакціонной Комиссіи имѣетъ большое число противниковъ; но они не составляютъ одного мнѣнія, а дробятся на нѣсколько частныхъ мнѣній, не имѣющихъ прочнаго основанія. Между тѣмъ финансовое положеніе не улучшается; при сводкѣ всѣхъ смѣтъ открывается опять огромный дефицитъ (говорятъ до 30 милліоновъ рублей). По всѣмъ министерствамъ смѣты возросли противъ прошлогоднихъ, особенно потому, что теперь уже не имѣется тѣхъ большихъ капиталовъ, которые въ послѣдніе годы пошли въ зачетъ смѣтныхъ суммъ. Ожидаемъ скоро бурныхъ преній въ Государственномъ Совѣтѣ. Отъ военнаго министра, безъ сомнѣнія, потребуютъ положительно большихъ убавленій, а убавлять уже нечего.

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что всякое новое требованіе денегъ, какъ бы оно ни было законно и необходимо, рѣшается на отрѣзъ отказомъ. Подобные отказы въ послѣднее время по многимъ изъ дѣлъ Кавказскихъ безъ сомнѣнія огорчили ваше сіятельство, какъ напримѣръ обращеніе на мѣстные доходы всего содержанія горскихъ управленій. Я осмѣлился было выразить Государю несообразность этого рѣшенія Кавказскаго Комитета; но Его Величество à coupé court, призналъ это рѣшеніе правильнымъ. За то на дняхъ въ Воен-

*) Быть можетъ, теперь были бы очень кстати мысли ваши, высказанныя во Владикавказѣ относительно Польши. Здѣсь подобныхъ мнѣній никто не рѣшается высказать.

номъ Совѣтѣ одобрено съ ничтожнымъ изъятіемъ все предположеніе ваше о преимуществахъ, испрашиваемыхъ для служащихъ по горскимъ управленіямъ.

Нѣсколько разъ я имѣлъ совѣщаніе съ Тат. Бор. Потемкиной по дѣламъ Общества Христіанскаго. Она горячо хлопочетъ, подъ главнымъ руководствомъ самой Императрицы, о сборѣ денегъ для этого Общества. Ея Величество интересуется этимъ дѣломъ и нѣсколько разъ выражала ту мысль, что не надо давать охладиться благому порыву къ доброму дѣлу; между тѣмъ Императрица остается до сихъ поръ въ неизвѣстности о намѣреніяхъ вашихъ и опасается, что, съ потерею времени, предпріятіе совсѣмъ заглохнетъ. Долгомъ считаю все это воззрѣніе довести до вашего свѣдѣнія.

По другому дѣлу, не менѣе интересующему васъ, именно о желѣзной дорогѣ въ Закавказскомъ краѣ, могу также сообщить новое свѣдѣніе. Ко мнѣ приходилъ Самсонъ, тотъ самый, который пріѣзжалъ въ прошломъ году на Кавказъ, показывалъ мнѣ новыя предложенія, которыя онъ намѣренъ представить вашему сіятельству и просилъ меня предварить васъ объ этомъ.

P. S. Вотъ нѣкоторыя изъ самыхъ свѣжихъ новостей: князь Орловъ окончательно уволенъ отъ всѣхъ должностей; въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ предсѣдательствующимъ графъ Блудовъ. Генералъ Гасфордъ, на дняхъ прибывшій сюда, оставляетъ свое мѣсто и ѣдетъ лѣчиться за границу. На мѣсто его имѣютъ въ виду сенатора генерала Дюгамеля.

9 Января 1861 года.
С.-Петербургъ.

6.

Истинно огорчаютъ меня извѣстія о болѣзни вашего сіятельства, и съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ болѣе успокоительныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ, съ пріѣздомъ генерала Колосовскаго, я имѣю случай чаще обыкновеннаго заниматься Кавказскими дѣлами, что̀ доставляетъ мнѣ особенное удовольствіе. На дняхъ будутъ слушаться въ Военномъ Совѣтѣ проекты преобразованія интендантства, условій съ компаніею «Кавказъ и Меркурій», и другія дѣла, при которыхъ присутствіе Ивана Григорьевича можетъ быть полезно. Затѣмъ, въ концѣ будущей недѣли онъ вѣроятно можетъ и выѣхать въ обратный путь. Что̀ же касается до смѣты, то дѣло это, преимущественно обратившее на себя высочайшее вниманіе, уже окончено и доложено Его Величеству. Результатъ достигнутъ весьма удовлетворительный. Сокращенія, предложенныя частью генераломъ Колосовскимъ, частію мини-

стерствомъ и апробованныя имъ, достигли до $1\frac{1}{2}$ милліона; но изъ этого числа 617 тысячъ оставлено въ распоряженіе вашего сіятельства для покрытія расходовъ по водвореніи 9 новыхъ станицъ за Кубанью и на случай, еслибъ сокращенныя въ смѣтѣ ассигнованія оказались совершенно недостаточными. Затѣмъ чистое облегченіе для Государственнаго Казначейства составляетъ до 538 тысячъ рублей, составившіяся преимущественно отъ убавки 50 тысячъ четвертей хлѣба, предназначавшихся для Кавказа изъ внутренняго заготовленія.

При этомъ случаѣ полагаю, что вашему сіятельству будетъ интересно знать общій результатъ военной смѣты на 1861 годъ. Прилагаемая при семъ общая вѣдомость была на дняхъ представлена Государю при объясненіи причинъ оказавшагося опять въ военныхъ расходахъ увеличенія противъ прошлогодней смѣты, не смотря на всѣ придумываемыя убавки въ арміи и содержаніи ея. Ваше сіятельство увидите изъ этой вѣдомости, что она доставила новый случай выказать, что единственною виною возрастанія смѣты есть Кавказъ. Вамъ извѣстно вполнѣ, что на эту тему здѣсь стараются разыгрывать сколь можно чаще.

Въ послѣднее время общее вниманіе здѣсь было занято исключительно крестьянскимъ дѣломъ, которое на дняхъ должно рѣшиться. Вчера было послѣднее засѣданіе въ Государственномъ Совѣтѣ; вѣроятно 19 числа будетъ подписанъ манифестъ, но публиковано будетъ только съ наступленіемъ великаго поста.

14 Февраля 1861 года.
С.-Петербургъ.

Отправленіе фельдъ-егеря было задержано, потому что Государь не успѣлъ ранѣе написать письма. Дѣла Польскія очень озабочиваютъ Его Величество. За то крестьянскій вопросъ, слава Богу, вступилъ, наконецъ, въ законную силу. Въ Воскресеніе, 5 числа, провозглашенъ былъ въ обѣихъ столицахъ манифестъ. На дняхъ вся Россія узнаетъ о великомъ событіи, которое будетъ въ исторіи важнѣйшимъ и прекраснымъ подвигомъ нашего Государя. Смѣю повторить, что пріѣздъ вашего сіятельства сюда крайне необходимъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Особенно дѣла Польскія чрезвычайно важны.

7 Марта 1861 года.

7.

Письмо ваше отъ 2 (14) Февраля изъ Малаги тѣмъ болѣе меня обрадовало, что такъ давно уже никто не получалъ извѣстій отъ вашего сіятельства. Прискорбно только, что болѣзнь все еще не совсѣмъ покинула васъ и вынуждаетъ еще отсрочить возвращеніе на Кавказъ,

гдѣ такъ нетерпѣливо ожидаютъ васъ. По прочтеніи Государю Императору большей части вашего письма, Его Величество изволилъ поручить мнѣ написать вашему сіятельству, что, при всемъ желаніи вашемъ скорѣе возвратиться на Кавказъ, прежде всего необходимо вамъ исполнить требованіе доктора Вальтера, и потому Государь не только разрѣшаетъ, но убѣждаетъ васъ докончить ваше лѣченіе въ Германіи. Его Величество съ живымъ участіемъ выслушалъ ваше письмо и выразилъ душевное прискорбіе о возобновленіи болѣзни. Дай Богъ, чтобы это былъ только кратковременный пароксизмъ.

Я не смѣю писать вамъ о дѣлахъ, чтобы не имѣть на совѣсти упрека, что нарушаю ваше спокойствіе, столь необходимое для вашего исцѣленія.

17 (29) Февраля 1862 года.
С.-Петербургъ.

8.

26 Марта 1862 г. (С. П. Б.).

Полученныя мною, для отправленія къ вашему сіятельству, письма отъ графа Орлова-Давыдова изъ Москвы и пакетъ съ разными письмами и бумагами съ Кавказа, спѣшу препроводить при семъ чрезъ доктора Вальтера, которому должно быть точнѣе извѣстно, куда именно слѣдуетъ адресовать къ вамъ въ настоящую минуту. Сколько мнѣ извѣстно, князь Гр. Дм. Орбельяни проситъ между прочимъ наставленій вашихъ относительно образа дѣйствій въ Абхазіи. Поэтому долгомъ считаю довести до вашего свѣдѣнія, что, по дошедшимъ уже сюда частнымъ свѣдѣніямъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ для приведенія въ исполненіе предположенія о движеніи въ Псху и проложенія туда дороги, особенно же о явномъ разрывѣ между княземъ Михаиломъ Шервашидзе и ген.-лейт. Колюбакинымъ, Государь Императоръ разрѣшить изволилъ князю Орбельяни дѣйствовать въ этомъ отношеніи по ближайшему соображенію обстоятельствъ, не стѣсняясь даннымъ Его Величествомъ положительнымъ повелѣніемъ князю Михаилу: ибо, какъ ни желательно исполненіе означеннаго предположенія, однакоже есть въ краѣ предпріятія еще болѣе важныя и отъ которыхъ было бы жаль отвлекать войска, тѣмъ болѣе, что при настоящей обстановкѣ едвали можно было бы ожидать серьозныхъ результатовъ отъ сбора многочисленнаго отряда въ Абхазіи. Поэтому князю Орбельяни разрѣшено, если онъ признаетъ нужнымъ, отложить до другаго времени предположенное движеніе въ Псху.

Не стану и не смѣю писать вашему сіятельству о другихъ дѣлахъ, зная, какъ вамъ необходимо полное душевное спокойствіе; а еслибъ я сталъ описывать вамъ все, что у насъ дѣлается и говорится, то конечно вы не могли бы остаться равнодушными. Дай Богъ, чтобы

мы скорѣе пережили настоящую эпоху броженія и перелома. Скажу вамъ только, что Государь сохраняетъ вполнѣ свою благоразумную твердость и ангельское терпѣніе. Нельзя не благоговѣть предъ его характеромъ и сердцемъ.

9.

Пользуюсь отъѣздомъ князя Анатолія Ивановича за границу, чтобы вѣрнѣйшимъ способомъ доставить вашему сіятельству прилагаемыя при семъ письма, а вмѣстѣ съ тѣмъ принести мою благодарность за три письма ваши, привезенныя на дняхъ подполковникомъ Фалькенгагеномъ. Письма эти были прочитаны Государемъ Императоромъ. Его Величество съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ваше сіятельство признаёте возможнымъ нынѣ же сдѣлать нѣкоторыя сокращенія какъ въ строевомъ составѣ войскъ на Кавказѣ, такъ и въ военныхъ расходахъ. Основываясь на вашемъ согласіи, Государь Императоръ изволилъ повелѣть генералъ-адъютанту князю Орбельяни представить неотлагательно соображенія о приведеніи въ кадровый составъ 4-хъ и 5-хъ баталіоновъ Кавк. гренадерской, 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій, а драгунскихъ полковъ въ 4-хъ эскадронный составъ. При такихъ сокращеніяхъ, Его Величество соизволяетъ на оставленіе на Кавказѣ резервной дивизіи еще на одинъ годъ. Такимъ образомъ дѣйствія и предпріятія въ Кубанской области могутъ быть продолжаемы безъ малѣйшаго ослабленія; напротивъ того, ген.-ад. графъ Евдокимовъ намѣревается даже всю эту дивизію стянуть въ Закубанскій край, чтобы вести тамъ дѣло еще съ большею энергіею. Въ этомъ отношеніи было бы конечно весьма невыгодно сколько нибудь уменьшать размѣръ переселеній; ибо издержки, употребленныя на это важное дѣло, не суть затраты безплодныя: это капиталъ приносящій огромный процентъ въ будущемъ. Кажется, Государь вполнѣ раздѣляетъ этотъ взглядъ на дѣло и совершенно соглашается съ мнѣніемъ вашего сіятельства, что расходы собственно на переселеніе сокращать не слѣдуетъ. Вопросъ этотъ на дняхъ обсуждался въ Кавказскомъ Комитетѣ, гдѣ, послѣ продолжительнаго пренія, положили предоставить Кавказскому начальству и Военному Министерству ежегодно опредѣлять возможный размѣръ переселеній, сообразно имѣющимся финансовымъ средствамъ и такъ, чтобъ только въ общей сложности достигалось ежегодно уменьшеніе Кавказской смѣты, какими бы то средствами ни было. Такое эластическое постановленіе не стѣснитъ мѣстнаго начальства и не вынудитъ сокращать собственно расходъ на переселеніе, такъ какъ есть возможность съ самымъ развитіемъ переселенія достигать другихъ сбереженій.

9 (21) Мая 1862 г. (С. П. Б.).

10.

Изъ письма вашего сіятельства отъ 18 (30) Мая я увидѣлъ къ крайнему сожалѣнію, что васъ встревожило извѣщеніе мое о данномъ Государемъ Императоромъ повелѣніи относительно переформированія нѣкоторыхъ частей Кавказской арміи. Спѣшу успокоить ваше сіятельство, что повелѣніе это дано согласно съ предположеніями самаго начальства Кавказскаго, которое признало возможнымъ сдѣлать еще болѣе сокращеній, чѣмъ требовалось. Надняхъ получено по этому предмету отъ ген.-ад. князя Орбельяни полное представленіе, которое доставило полное удовольствіе Государю Императору и за которое сообщена мною князю Григорію Дмитріевичу Высочайшая благодарность. Прилагаю при семъ копію съ этого представленія для свѣдѣнія вашего. Изъ него ваше сіятельство изволите увидѣть, что князь Орбельяни призналъ возможнымъ какъ въ гренадерской и 21-й, такъ и въ 20-й пѣх. дивизіяхъ переформировать 4-е баталіоны въ кадровый составъ, а 5-ые совсѣмъ упразднить; но мѣра эта, также какъ и всѣ прочія, будетъ приводиться въ исполненіе только къ осени, лишь бы въ смѣтѣ на будущій 1863 годъ достигнуть обѣщаннаго сокращенія, столь необходимаго при нашемъ финансовомъ положеніи.—Что̀ касается до упоминаемыхъ въ представленіи князя Григорія Дмитріевича проектовъ о новомъ управленіи въ Терской области и заселеніи Кубанской области, то оба эти проекта уже утверждены, и остановки за ними не будетъ. О Кутаисскомъ конно-иррегулярномъ полку проектъ уже одобренъ Военнымъ Совѣтомъ и теперь переданъ въ Кавказскій Комитетъ, гдѣ не будетъ задержки. Заселеніе Кубанскаго края положено продолжать въ прежнемъ размѣрѣ; на будущій годъ можно будетъ водворить опять до 3 тысячъ семействъ новыхъ переселенцевъ. Все это должно совершенно разсѣять опасенія вашего сіятельства. Надобно надѣяться, что дѣла̀ на Кавказѣ будутъ идти все также хорошо къ скорой развязкѣ. Во всякомъ случаѣ ваше сіятельство конечно не сомнѣваетесь, что успѣхи въ этомъ краѣ всегда будутъ также близки мнѣ къ сердцу, какъ и прежде.

У насъ дѣла̀ идутъ весьма неутѣшительно. Ко всѣмъ прежнимъ затрудненіямъ присоединилось новое бѣдствіе: страшные пожары, причиняемые несомнѣнно злоумышленниками и уже опустошившіе многія части города. На дняхъ истреблены весь Щукинъ и Апраксинъ дворы, зданіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нѣсколько кварталовъ между Фонтанкою и Владимірскою. Бѣдствія эти наводятъ ужасъ на весь городъ, тѣмъ болѣе, что дерзость и нахальство злоумышленниковъ возрастаютъ съ каждымъ днемъ.

По дѣламъ Польскимъ начинается новая эра съ назначеніемъ намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича, а помощникомъ ему, по гражданской части, маркиза Велепольскаго. Дай Богъ, чтобъ эта комбинація повела къ болѣе счастливымъ результатамъ, чѣмъ было до сихъ поръ. Съ прибытіемъ Великаго Князя въ Варшаву, 1-я армія и главный штабъ упразднятся, а вмѣсто того образуются новыя отдѣльныя военныя управленія въ Варшавѣ, Вильнѣ и Кіевѣ, устроенныя приблизительно на основаніи тѣхъ идей, которыя изложены въ моемъ проектѣ общаго преобразованія нашего военнаго управленія. Экземпляръ этого проекта при семъ прилагается. Типомъ для новыхъ окружныхъ управленій послужили учрежденныя вашимъ сіятельствомъ на Кавказѣ управленія командующихъ войсками.

30 Мая 1862 г. (С. П. Б.).

11.

Болѣе недѣли уже лежитъ у меня совсѣмъ запечатанный конвертъ на ваше имя, и я не могъ отправить его все въ ожиданіи отъѣзда курьера, котораго Государь намѣренъ послать къ вашему сіятельству по полученіи вашего письма, возвѣщеннаго по телеграфу изъ Лондона. Наконецъ, письмо это получено, и адъютантъ вашъ Брокъ отправляется съ отвѣтомъ Его Величества. Онъ же представитъ вамъ и залежавшійся у меня конвертъ.

Послѣ того письма, которое вложено въ этотъ конвертъ и писано съ недѣлю тому назадъ, уже много совершилось у насъ новаго и весьма неутѣшительнаго. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раскрывается зло, запустившее уже, къ крайнему прискорбію, глубокіе корни. Не знаю, удастся ли теперь разыскать, гдѣ именно настоящій корень, и остановить развитіе яда. Ядомъ этимъ уже заражено большинство нашего молодаго поколѣнія во всѣхъ слояхъ, не исключая и военнаго. Какъ часто вспоминаю я разговоръ съ вами въ Тифлисѣ по предмету дисциплины и воинскаго духа въ нашей арміи, и въ особенности въ гвардіи и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. То, что̀ тогда заботило васъ, только теперь разоблачается для всѣхъ, и въ томъ числѣ для ближайшихъ начальниковъ. Не скрою также, что мнѣ приходитъ на мысль, какъ были бы полезны ваши совѣты и мнѣнія въ настоящую минуту.

Государь изволилъ сказать, что имѣетъ надежду увидѣть здѣсь ваше сіятельство до возвращенія вашего на Кавказъ. Сердечно радуюсь этому. Тамъ дѣла идутъ по прежнему и, кажется, хорошо. Заселеніе края за Кубанью подвигается большими шагами, не смотря на то, что горцы замѣтно расшевелились. Но теперь можно навѣрно на-

дѣяться, что года въ два судьба ихъ порѣшится окончательно. Посылаю вмѣстѣ съ симъ экземпляръ утвержденнаго новаго положенія о порядкѣ заселенія Закубанскаго края. Я съ своей стороны убѣжденъ, что ваше сіятельство можете теперь оставить совершенно всѣ опасенія на счетъ предположеннаго княземъ Григоріемъ Дмитріевичемъ сокращенія численности войскъ на Кавказѣ. Предположенныя имъ и высочайше одобренныя значительныя сбереженія въ смѣтѣ не будутъ имѣть никакого вліянія на ходъ дѣлъ за Кубанью.

12.

Съ глубокимъ прискорбіемъ узналъ я отъ графа А. В. Адлерберга, по возвращеніи его изъ Вильны, о неожиданномъ вашемъ рѣшеніи — не возвращаться болѣе на Кавказъ. Такое рѣшеніе можно объяснить себѣ не иначе, какъ только усиленіемъ болѣзненнаго вашего состоянія; оно заставляетъ опасаться, что вы сами потеряли надежду на скорое выздоровленіе. Дай Богъ, чтобы опасенія эти оказались напрасными; но во всякомъ случаѣ Кавказъ уже понесъ потерю невознаградимую. Я увѣренъ, что весь край будетъ пораженъ скорбію при полученіи такого извѣстія и въ особенности въ то время, когда ежедневно уже ждали вашего возвращенія. Остается одно утѣшеніе, что отнынѣ вы можете вполнѣ предаться лѣченію съ тѣмъ спокойствіемъ духа, которое такъ необходимо для возстановленія вашего здоровья и даже для спасенія жизни. Сохраните себя еще на благо Россіи и на утѣшеніе Государя, такъ любящаго васъ.

5 Декабря 1862 г.
С.-Петербургъ.

13.

13 (25) Января (1863).

Не знаю, дошло ли до васъ свѣдѣніе объ арестованіи князя Михаила Шервашидзе. Онъ упорно противился исполненію нѣсколько разъ повторенныхъ высочайшихъ повелѣній о выѣздѣ его изъ Абхазіи. Въ то время, когда уже прошелъ и послѣдній назначенный ему срокъ, открыта была секретная переписка князя Михаила съ Турецкимъ правительствомъ. Онъ переговаривался о переселеніи своемъ въ Турцію и выселеніи туда всего народа Абхазскаго. Измѣнническій этотъ поступокъ переполнилъ уже мѣру всѣхъ снисхожденій, оказанныхъ ему со стороны Кавказскихъ властей. Онъ былъ арестованъ и перевезенъ въ Ставрополь, гдѣ временно находится въ ожиданіи ближайшаго разслѣдованія дѣла и окончательнаго рѣшенія его участи.

14.

Вчера фельдъегерь Зейфертъ привезъ извѣстіе о вашемъ сіятельствѣ, но, къ крайнему прискорбію извѣстія не такъ благопріятныя, какъ мы желали бы. Надежда на приближающуюся весну, которая возстановитъ ваше здоровье.

Желаніе ваше исполнено: вмѣстѣ съ симъ отправляется къ вашему сіятельству вновь изготовленный и подписанный Государемъ рескриптъ, въ замѣнъ утеряннаго, или лучше сказать, украденнаго.—О фельдъегерѣ Зейфертѣ было мною доложено Его Величеству, и послѣдовало Высочайшее повелѣніе назначить ему денежную награду (300 рублей).

По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Польши дѣла наши тамъ идутъ не такъ дурно, какъ стараются представить иностранныя газеты и Польская партія. Шайки мятежниковъ вездѣ разбиты и разсѣяны, гдѣ только находили ихъ; много народа у нихъ перебито, многіе изъ предводителей также убиты или захвачены. Самъ Мирославскій, какъ пишутъ, бѣжалъ съ поля сраженія за границу, въ Пруссію. Попытки Поляковъ поднять Литву не удаются: народъ вездѣ противъ нихъ и явно показываетъ расположеніе къ правительству и властямъ. При всемъ томъ, мы не убаюкиваемъ себя мечтами и не видимъ дѣла въ розовомъ цвѣтѣ. Смуты могутъ продлиться долго; одними войсками не возможно установить порядокъ и благоустройство, какъ бы ни были велики наши военныя силы.

12 Февраля 1863 г.
С.-Петербургъ.

15.

.... Въ числѣ тѣхъ, которые особенно сожалѣли о болѣзни вашей—былъ старый почитатель вашъ Шамиль. Онъ пріѣзжалъ сюда по случаю торжества въ царской семьѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся еще разъ видѣть великодушнаго своего побѣдителя. Онъ просилъ меня доставить вашему сіятельству прилагаемое при семъ письмо. Шамиль былъ принятъ Государемъ весьма милостиво; представился всѣмъ членамъ Императорской фамиліи и иностраннымъ принцамъ. Вѣроятно вашему сіятельству уже извѣстно, что за нѣсколько времени предъ симъ, вслѣдствіе изъявленнаго имъ самимъ желанія, онъ принесъ присягу на подданство Россійскому Императору вмѣстѣ съ обоими своими сыновьями. Онъ постоянно старается и словомъ, и дѣломъ выразить глубокую свою признательность за всѣ оказанныя ему Государемъ милости. О поѣздкѣ въ Мекку онъ не возобновляетъ рѣчи, хотя я знаю, что не перестаетъ думать объ этой завѣтной мечтѣ...

29 Ноября (11 Декабря) 1866 г.
С.-Петербургъ.

16.

(1868).

.... Нѣсколько уже времени тому назадъ былъ у мéня г-нъ Канщинъ, съ рекомендательнымъ вашимъ письмомъ. Я имѣлъ съ нимъ довольно продолжительный разговоръ, вмѣстѣ съ другими депутатами отъ Екатеринославскаго земства, по поводу предлагаемой ими желѣзно-конной дороги въ Крымъ. Къ сожалѣнію, на успѣхъ этого проекта очень мало надежды: Министерство Финансовъ затрудняется давать новыя концессіи, и если уступаетъ иногда настойчивымъ домогательствамъ, то развѣ только въ пользу какой-либо линіи, имѣющей исключительную важность, или предпринимаемой на особенно-выгодныхъ условіяхъ. Не смотря на этотъ тормазъ со стороны Министерства Финансовъ, ежедневно являются новые проекты; затрудненіе нынѣ уже не отъ недостатка антрепренёровъ, а напротивъ того отъ соперничества нѣсколькихъ конкуррентовъ на каждую линію, и отъ конкурренціи между нѣсколькими проектами и нѣсколькими направленіями. Комитеты не успѣваютъ разсматривать всѣ эти предложенія. Но, слава Богу, дѣло желѣзныхъ дорогъ двинулось у насъ быстрыми шагами. Есть надежда, что уже чрезъ годъ или два мы будемъ имѣть такую сѣть желѣзныхъ путей, которая произведетъ осязательное вліяніе на благосостояніе и промышленное развитіе страны.

Письма фельдмаршала князя Барятинскаго къ Шамилю.

1.

Шамиль Эффендій.

Душевно радъ я, что великій Государь удостоилъ васъ своихъ милостей и далъ вамъ въ Калугѣ спокойный пріютъ. Послѣ столькихъ тревогъ и опасностей вы наконецъ успокоитесь, обезпеченный и окруженный людьми, которые всегда будутъ оказывать вамъ должное уваженіе. Семейство скоро прибудетъ къ вамъ со всевозможнымъ удобствомъ.

Я всегда съ удовольствіемъ узнаю всякую добрую вѣсть о васъ. Продолжайте извѣщать меня о себѣ и пишите прямо по-арабски. При мнѣ есть довольно людей знающихъ основательно этотъ языкъ; они вѣрно передадутъ мнѣ содержаніе вашихъ писемъ, которыя такимъ образомъ будутъ для меня цѣннѣе, ибо они останутся у меня какъ память объ васъ и прямое выраженіе неискаженныхъ вашихъ чувствъ ко мнѣ.

2.

Шамилю Эффендію.

Да благословитъ васъ Богъ и ниспошлетъ вамъ спокойствіе и здоровье!

Мнѣ пріятно было узнать изъ вашего письма, что вы довольны своимъ настоящимъ положеніемъ. Послѣ продолжительной тревожной жизни надобно подъ старость успокоиться, и нигдѣ вы не могли найти лучшаго покоя, какъ подъ сѣнію великаго, милостиваго и внимательнаго къ вамъ Государя, посреди людей къ вамъ расположенныхъ и въ мѣстахъ, какъ мнѣ говорятъ, напоминающихъ собою Чечню.

Богъ все устраиваетъ къ лучшему, и безъ воли Его ничего не дѣлается. Повторяю мое желаніе, чтобы вы провели жизнь вашу въ душевномъ спокойствіи между молитвами и занятіями, которыя найдетъ вашъ любознательный умъ.

Я очень доволенъ, что Грамовъ [1]) умѣлъ угодить вамъ и буду помнить эту заслугу.

Мнѣ остается прибавить, что, принимая въ васъ близкое моему сердцу и всегдашнее участіе, буду радъ получать отъ васъ извѣстія обо всемъ чтò до васъ относится.

Письма Шамиля къ фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому.

(Съ Арабскаго).

1.

Калуга, 11 Октября 1859 г. [2])

Сынъ мой ѣдетъ на Кавказъ за нашимъ семействомъ. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить тебѣ всю мою благодарность и признательность за твое ко мнѣ вниманіе и ласку. Я понимаю и чувствую, что только благодаря тебѣ я былъ принятъ такъ милостиво Государемъ. Онъ совершенно успокоилъ меня, сказавъ, что я не буду раскаяваться въ томъ, что покорился Россіи.

---

[1]) Исай Грамовъ, Армянинъ-переводчикъ, командированный въ Калугу изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

[2]) Чрезъ 47 дней послѣ взятія Гуниба и плѣненія Шамиля письмо это въ свое время отзывалось какимъ-то волшебствомъ! Не успѣли замолкнуть громы пушечныхъ выстрѣловъ 25 Августа 1859 года, и нашъ грозный противникъ изъ Калуги уже описывалъ свои Петербургскія впечатлѣнія.

Государыня, все царское семейство и всѣ главные начальники тоже оказали мнѣ большое вниманіе, и всѣмъ этимъ я обязанъ тебѣ. Государь назначилъ мнѣ мѣстомъ жительства Калугу, и въ этомъ городѣ мнѣ приготовлено удобное, прекрасное помѣщеніе.—Братья твои, которыхъ я видѣлъ въ Петербургѣ, очень были со мною ласковы; я былъ у нихъ въ ложѣ въ театрѣ и получилъ въ подарокъ бинокль.

Сынъ мой Гази-Мухамедъ, съ дозволенія Государя, ѣдетъ въ Шуру, чтобы привезти въ Калугу наше семейство; прошу тебя приказать при отправленіи ихъ съ Кавказа оказать имъ такое же содѣйствіе, какъ было при нашемъ отправленіи.

До меня дошли слухи, что ты боленъ; это меня очень огорчило. Отъ души прошу Бога, чтобы онъ возвратилъ тебѣ здоровье. Я и все мое семейство никогда не забудемъ твоихъ милостей; не забудь и ты насъ, если необходимость заставитъ кого-нибудь изъ насъ обратиться къ тебѣ.—Подписано: бѣдный рабъ Всевышняго Бога, Шамиль.

2.

Калуга, 25 Декабря 1859 г.

Безчисленные поклоны и поздравленія, усердныя молитвы!

Узнавъ что ваше сіятельство получили отъ Государя Императора наивысшій чинъ, мы приняли большое участіе въ вашей радости и вашемъ счастіи и посылаемъ это письмо, чтобы выразить наши чувства и преданность.

При полученіи вашего благосклоннаго письма, содержаніе котораго съ начала и до конца мы вполнѣ уразумѣли, мы ощутили большую радость и удовольствіе. Мы пользуемся весьма удобнымъ пребываніемъ здѣсь и ежедневно молимъ Бога о вашемъ благополучіи. Мы въ ожиданіи пріѣзда нашего семейства и надѣемся, что, благодаря вамъ, они счастливо прибудутъ.—Подпись: Эль-Харибъ *) Шамиль.

3.

Калуга, 24 Августа 1860 г.

Когда сынъ мой Кази-Магома возвратился съ женою съ Кавказа, то я премного остался благодаренъ вашему сіятельству и затѣмъ вознесъ Всевышнему Творцу теплыя молитвы о Государѣ Императорѣ и о васъ. Да вознаградитъ васъ Богъ за всѣ оказанныя вами намъ милости и за то, что вы побѣждаете нашихъ враговъ.—Когда я услышалъ, что ваше сіятельство не вполнѣ здоровы и что вы находитесь

*) Эль-Харибъ по-арабски значитъ: пребывающій вдали отъ родины.

на горячихъ водахъ, то я очень сожалѣлъ объ этомъ и желалъ узнать о вашемъ здоровьѣ и теперь прошу Бога, чтобы Онъ далъ вамъ здоровье. Письмо это я осмѣлился написать вашему сіятельству собственно потому, чтобы выразить вамъ свою благодарность и то, что я за васъ молю Бога.

4.

Великому генералъ-фельдмаршалу, правителю Кавказскихъ областей, князю Барятинскому, да дастъ ему Всевышній Богъ силы и здоровье!

Когда мы услышали, что вы такъ сильно больны, что болѣзнь ваша принуждаетъ васъ, для излѣченія ея ѣхать въ Нѣмецкія государства, то намъ стало такъ грустно и тяжело, какъ если бы былъ боленъ родной братъ или любимый сынъ. Мы и прежде молили Всевышняго, чтобы Онъ продлилъ навсегда здоровье ваше, а теперь молимъ Бога болѣе чѣмъ когда-либо, чтобы Онъ излѣчилъ болѣзнь вашу и возвратилъ васъ снова къ здоровью, такъ чтобы вы скорѣе и совершенно благополучно возвратились въ отечество.

Еще прошу у Бога, чтобы Онъ не изгладилъ изъ ума вашего и памяти воспоминанія обо мнѣ и чтобы Онъ помогъ вамъ сдержать обѣщаніе, данное вами мнѣ въ благословенной Москвѣ въ прошломъ году, а именно, чтобы я могъ видѣться съ вами хоть самое короткое время, ибо мнѣ нужно переговорить съ вами съ полчаса. Когда до насъ дошла вѣсть, что Великій Государь Императоръ повелѣлъ принять сына нашего Мухаммеда-Шефи въ военную службу въ Собственный Его Величества конвой и даже оказалъ ему милость пожалованіемъ офицерскаго чина, мы несказанно обрадовались этому, потому что Государь почтилъ насъ и отличилъ между другими людьми.

Приношу вамъ за это искреннюю и великую благодарность, ибо вы были причиною этого и помогли окончанію этого дѣла, и это мы знаемъ навѣрное, потому что вы въ почетѣ и уваженіи у Государя. Онъ принимаетъ слова ваши и утверждаетъ дѣйствія ваши. Да возвратитъ вамъ Богъ здоровье: это всегдашняя молитва наша о васъ.

Смиренный рабъ Божій Шамиль.

5.

Калуга, 29 Іюля 1863 года.

Его сіятельству знаменитому сердару, повелителю великодушному, обладающему высокимъ умомъ, совершенствами, славою, величіемъ, котораго имя прославляется повсюду, а также между людьми мужественными, котораго санъ высокъ и должность самая возвышенная, эмиру

великаго рожденія, правителю Кавказа, фельдмаршалу князю Барятинскому. Да возвеличится могущество его, и дни его да умножатся!

Молю постоянно Бога Всемилостиваго, да пошлетъ Онъ вамъ здравія и всевозможнаго блага и радости. Я писалъ вашему высокому и благодушному сіятельству уже нѣсколько времени тому назадъ для выраженія вамъ чувствъ моихъ и моей старинной пріязни, въ надеждѣ вызвать съ вашей стороны извѣщеніе о состояніи вашего здоровья, но до сихъ поръ не получилъ отвѣта. Причиною этого можетъ быть отсутствіе въ странѣ, гдѣ вы теперь находитесь, редактора на Арабскомъ языкѣ. Желая узнать о здоровьѣ вашемъ, составляющемъ предметъ моихъ искреннѣйшихъ желаній, я написалъ эти строки; еслибъ вамъ угодно было написать ко мнѣ о себѣ, вы исполнили бы тѣмъ всѣ мои надежды. Бѣдный передъ Богомъ Шамуилъ.

6.

Калуга, 21 Апрѣля 1863 г.

Маяку величія, солнцу на горизонтѣ славы, его сіятельству, генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому. Благоденствіе ваше да не престанетъ увеличиваться, а слава ваша рости и возвышаться!

По отправленіи къ вашему сіятельству письма моего, въ которомъ я просилъ васъ увѣдомить меня о состояніи вашего здоровья и докладывалъ вашему сіятельству, что долгое время не получалъ отъ васъ никакого письма, получено мною нѣсколько вашихъ писемъ. Благодарю васъ за нихъ; они доставили большую радость моему сердцу и дѣлаютъ мнѣ честь, которою я буду гордиться во всю мою жизнь, гдѣ бы ни находился, близко или далеко; потому что письма эти пишутся вами вслѣдствіе постояннаго вашего ко мнѣ расположенія, подъ диктовку вашего сердца; я такъ говорю, потому что мнѣ говоритъ то мое собственное сердце, а какъ извѣстно, сердце сердцу вѣсть подаетъ. Извѣстіе о безпорядкахъ, происходящихъ въ Царствѣ Польскомъ, сильно огорчило меня; потому я постоянно молю Всевышняго о благоденствіи Государя Императора и дарованіи ему побѣды во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Узнавъ изъ послѣдняго вашего письма, что вы почувствовали нѣкоторое облегченіе и что вамъ стало несравненно лучше, я воздалъ хвалу Всещедрому Благодѣтелю Богу и счелъ для себя долгомъ отправить къ вашему сіятельству это письмо, чтобы увѣдомить васъ, что всѣ ваши письма мною получены, и вмѣстѣ съ тѣмъ попросить васъ не оставить меня своимъ увѣдомленіемъ о состояніи вашего здоровья, потому что извѣстія о состояніи вашего здоровья въ высшей степени интересуютъ меня. Бѣдный передъ Богомъ старецъ Шамиль.

7.

Калуга, 14 Февраля 1865 года.

Звѣзда князей, доблестный фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Да возвеличивается ваша слава!

Много ушло воды съ тѣхъ поръ, какъ переписка между нами прекратилась, и я къ истинному огорченію лишенъ возможности знать обо всемъ, до васъ относящемся. Получаемыя прежде извѣстія о вашемъ благополучіи и здоровьи всегда меня успокаивали и радовали; вотъ почему цѣль моего настоящаго письма заключаетъ въ себѣ желаніе получить отъ васъ нѣсколько дорогихъ словъ, извѣщающихъ о вашемъ положеніи.

Отъ души радуюсь великому событію окончательнаго покоренія Кавказа, событію, которое принесетъ для этого края полное спокойствіе и счастіе; быть можетъ въ настоящее время и я удостоюсь осуществленія моей завѣтной и извѣстной вамъ надежды *).

Считаю пріятнѣйшею для себя обязанностью поздравить васъ съ всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ вамъ брильянтовой сабли. Затѣмъ да сохранитъ васъ Богъ отъ огорченій и да исполнятся всѣ ваши ожиданія! Подписано: рабъ Божій, бѣдный старецъ Шамиль.

8.

Калуга, 9-го Сентября 1868 г.

Ваше сіятельство, князь Александръ Ивановичъ!

Пріятное письмо ваше, которымъ вы доставляете мнѣ удовольствіе вторично видѣть лицо вашего сіятельства и засвидѣтельствовать вамъ мое глубокое уваженіе, я получилъ и чрезвычайно обрадовался. Я всегда считалъ своею обязанностію пользоваться каждымъ случаемъ видѣть ваше сіятельство и бесѣдовать съ вами, потому что подобныя минуты для меня рѣдки, и я дорожу ими. И въ настоящемъ случаѣ я сочту для себя счастьемъ посѣтить васъ; но боюсь нарушить ваше спокойствіе своимъ многочисленнымъ семействомъ, посѣщеніе котораго, при мусульманскихъ условіяхъ, какъ извѣстно вашему сіятельству, будетъ сопряжено съ большими неудобствами и затрудненіями.

Я тороплюсь къ переѣзду съ семействомъ въ г. Кіевъ до наступленія холода, и только ожидаю открытія желѣзной дороги до г. Кіева, такъ какъ правительство находитъ удобнымъ ѣхать по желѣзной дорогѣ до самаго г. Кіева, и окончанія ремонтировки дома, избраннаго для

*) То-есть позволенія отправиться на поклоненіе гробу Магомета въ Мекку и въ Медину.

помѣщенія моего семейства въ г. Кіевѣ; какъ дорóга, такъ и домъ будутъ окончены не раньше Октября мѣсяца.

Моля Бога о сохраненіи драгоцѣнныхъ дней вашихъ и питая себя надеждой видѣть ваше сіятельство, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію. Дряхлый старецъ Шамиль.

9.

Г. Кіевъ, 2 Января 1869 г.

Позвольте вопервыхъ пожелать вамъ и вашему семейству отъ Бога полнаго здоровья и душевнаго спокойствія; вовторыхъ, считаю священною обязанностію отъ души поблагодарить ваше сіятельство за вашу доброту и вниманіе, которое вы оказывали мнѣ въ имѣніи вашемъ. Съ восторгомъ вспоминаю тѣ дни, которые я провелъ въ вашемъ домѣ и, пока я живъ, не забуду ихъ. Да вознаградитъ васъ Богъ, ваше сіятельство, и да исполнятся всѣ ваши желанія и намѣренія.

По выѣздѣ изъ вашего имѣнія я благополучно прибылъ въ г. Кіевъ и расположился съ семействомъ въ домѣ, приготовленномъ для меня отъ правительства. Г. Кіевъ я нашелъ однимъ изъ лучшихъ городовъ, которые мнѣ приходилось видѣть въ Россійской имперіи, какъ по хорошему климату, такъ и по красивому мѣстоположенію, которое напоминаетъ мнѣ родину, гдѣ я родился и выросъ. Молю Бога, чтобы оно послужило лѣкарствомъ для моего семейства и было бы исполненіемъ моего душевнаго желанія, извѣстнаго вашему сіятельству.

Письмо о разрѣшеніи отправиться мнѣ ко святымъ мѣстамъ написано мною и отправлено 19-го минувшаго Декабря на имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, содержаніе котораго передастъ вашему сіятельству податель сего, сынъ нашъ Абдуррахимъ.

Прошу ваше сіятельство засвидѣтельствовать мой искренній привѣтъ глубоко-уважаемой супругѣ вашей и поблагодарить ее за вниманіе и расположеніе къ моему семейству. Моля Бога о сохраненіи счастливыхъ дней вашихъ, остаюсь съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности къ вашему сіятельству. Дряхлый старецъ Шамиль.

10.

Г. Кіевъ, 4 Марта 1869 года.

Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить мнѣ, согласно моей просьбѣ, отправиться съ семействомъ въ Мекку, оставивъ въ Россіи сыновей моихъ Гази-Магомета и Магома-Шефи. О таковой монаршей милости и великой для меня радости, полученной письмомъ отъ военнаго министра 1-го сего Марта, спѣшу сообщить

вашему сіятельству. Я прошусь въ С.-Петербургъ, чтобы лично выразить мою глубокую признательность Государю Императору и когда получу разрѣшеніе, то непремѣннымъ долгомъ сочту посѣтить ваше сіятельство и принести вамъ свою искреннюю благодарность за вашъ совѣтъ и участіе, которое вы принимали въ моей просьбѣ.

Прошу ваше сіятельство засвидѣтельствовать отъ меня и отъ моего семейства наше глубокое почтеніе многоуважаемой супругѣ вашей княгинѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ. Моля Бога о сохраненіи счастливыхъ дней вашихъ въ радости съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности. Дряхлый старецъ Шамиль.

11.

Священный городъ Медина, 14 Января 1871 года.

Источнику благодѣяній, осуществителю всѣхъ благихъ надеждъ, великому генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому. Да не уменьшится тѣнь милосердія его между Востокомъ и Западомъ! Аминь.

Вотъ въ чемъ заключается просьба моя къ вашему сіятельству. Со дня прибытія моего въ благословенный городъ Медину, я не встаю болѣе съ постели, удрученный безчисленными недугами, такъ что мысль моя постоянно обращена къ переходу изъ этого бреннаго міра въ міръ вѣчный. Если это совершится, то прошу вашей милости и великодушія не отвратить, послѣ смерти моей, милосердныхъ взоровъ вашихъ отъ моихъ женъ и дѣтей, подобно тому какъ вы уже облагодѣтельствовали меня, чего я никогда не забуду.

Я слышалъ, что Великій Государь Императоръ милостиво разрѣшилъ сыну моему, Гази-Мухаммеду, посѣтить меня, за что и благодарю его глубочайшею благодарностью. Я завѣщалъ женамъ моимъ и сыновьямъ не забывать вашихъ милостей и оставаться вамъ признательными, пока будутъ жить на землѣ *).

Прошу у васъ, какъ великой милости, походатайствовать у Великаго Государя Императора, не перестающаго осыпать меня благодѣяніями, чтобы, въ случаѣ смерти моей, онъ соединилъ вмѣстѣ женъ и дѣтей моихъ, для того чтобы они не остались какъ овцы въ пустынѣ безъ пастыря. Благодарю Государя за всѣ его милости и постоянное вниманіе. Полагаю, что это письмо есть прощальное и послѣднее передъ окончательной разлукой съ вами искренно преданнаго вамъ человѣка, жаждущаго перемѣнить жизнь на смерть, по волѣ Того, Кто сотворилъ и ту и другую.

Больной и слабый Шамиль.

---

*) Старшій сынъ Гази-Магома однако не исполнилъ завѣщанія отца и, вступивъ въ Турецкую службу, явился въ 1877 году въ числѣ войскъ осаждавшихъ Баязетъ.

12.

14 Іюня 1871 года.

От скорбящей Шуанеты.

Его сіятельству, знаменитому фельдмаршалу князю Барятинскому. Да продлятся почетъ и уваженіе, его окружающіе!

Привѣтъ тебѣ и твоей супругѣ! Письмо твое облегчило сердце мое и преисполнило его благодарностью къ твоей особѣ.

Мужъ мой покойный и покойная дочь завѣщали мнѣ не покидать такъ скоро ихъ могилъ. Во всякомъ случаѣ, знаменитый фельдмаршалъ, не забывай меня и удѣли мнѣ мѣсто въ твоихъ благодѣяніяхъ. Поручаю тебѣ любезнаго сына моего Гази-Мухаммеда. Просьбу эту я обращаю къ тебѣ изъ глубины моей скорби. Привѣтствую тебя еще разъ! Скорбная изгнанница Шуанета.

13.

1871 года.

Его сіятельству генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому. Да не перестанетъ распространяться милосердіе Его и облако счастія Его проливать обильный дождь! Аминь.

Мы, жены и семья покойнаго шейха Шамиля, остались въ Хеджазѣ, послѣ смерти его, какъ овцы въ пустынѣ безъ пастыря, въ недоумѣніи, какимъ образомъ устроить дѣла наши, какъ домашнія, такъ и внѣшнія, чтобы имѣть необходимыя средства къ жизни.

Это побудило насъ писать къ вамъ настоящее письмо и ухватиться за полу вашего великодушія, убѣдительно прося васъ, чтобы намъ не прекращали содержанія, назначеннаго милосердіемъ Великаго Государя при жизни покойнаго шейха.

Искренно благодаримъ васъ и прославляемъ за пріѣздъ къ намъ сына нашего, Гази-Мухаммеда, въ самое необходимое для насъ время. Теперь просимъ походатайствовать у Его Величества, чтобы онъ облагодѣтельствовалъ насъ высшимъ благодѣяніемъ, соединивъ съ нами семью Гази-Мухаммеда, который былъ бы для насъ вмѣсто покойнаго отца его въ той странѣ, гдѣ похороненъ праведный его родитель, отъ священной могилы котораго намъ нельзя удалиться.

Просимъ передать наше искренное привѣтствіе вашей многоуважаемой супругѣ, которой память постоянно и неизгладимо сохраняется въ сердцахъ нашихъ. Жены шейха Шамиля: Заидетъ и Шуанетъ.

14.

Мекка, 15 Іюня 1871 года.

Отъ членовъ семейства покойнаго Шамиля. Небо да будетъ ему милосердно! Тому, кто былъ вѣрнымъ другомъ и благосклоннымъ покровителемъ отца нашего, знаменитому фельдмаршалу князю Барятинскому. Да продлятся почетъ и уваженіе, его окружающіе! Аминь!

Мы пользуемся здоровьемъ и совершеннымъ спокойствіемъ, но огорчены потерею матери нашей Хадже-Заидетъ, потеря, которая усугубила печаль нашу.

Между тѣмъ, мы имѣли честь получить твое письмо, наполнившее сердца наши чувствами благодарности и великой радости. Ты приглашаешь насъ къ высокой особѣ своей, что̀, конечно, соотвѣтствуетъ и нашимъ желаніямъ; но покойные родители наши завѣщали намъ не покидать такъ скоро ихъ могилъ, отъ которыхъ поэтому мы и не можемъ удалиться.

Нѣтъ надобности намъ поручать себя твоему сіятельству. Скажи Императору дружеское слово въ нашу пользу; ты тѣмъ исполнишь надежды, которыя мы всегда на тебя возлагали, и послѣднее дѣйствіе твоего покровительства, въ отношеніи насъ, будетъ такимъ образомъ достойно первыхъ твоихъ дѣйствій (на этомъ пути).

Еще разъ привѣтъ тебѣ!

Бѣдная скорбящая Неджабетъ (М. П.), Бахмисидъ (М. П.).

Бѣдный скорбящій Мухаммедъ младшій Давудъ, сынъ Мухаммедъ-Эмина.

Письмо князя Виктора Илларіоновича Васильчикова.

24 Октября 18[illegible]5 г.

Князь Александръ Ивановичъ, пользуясь всегда дружными отношеніями твоими со мною, я льщу себя надеждой, что ты не откажешься оказать мнѣ истинной услуги въ настоящемъ случаѣ. Военный министръ объявилъ мнѣ высочайшую волю, чтобы я доставилъ ему для представленія Его Величеству въ Николаевъ извѣстную записку, которая, какъ полагаютъ, мною уже составлена. Объяснить тебѣ въ письмѣ что̀ именно составляетъ предметъ этой записки считаю я неудобнымъ; но убѣдительно прошу тебя доложить при случаѣ Государю Императору, что я нахожусь въ крайнемъ затрудненіи. Есть много вещей, и предметъ этой записки принадлежитъ къ этому числу, которыя можно объяснить на словахъ, но про которыя писать какъ-то не приходится, собственно потому, что онѣ пріобрѣтутъ посредствомъ письма лишнюю и даже вредную офиціальность. Приниматься-же за подобную работу, имѣя заранѣе намѣреніе не входить

во всѣ подробности, считаю я дѣломъ недобросовѣстнымъ и трудомъ напраснымъ. Всѣ эти обстоятельства вынуждаютъ меня просить у Его Величества позволенія отложить исполненіе сего предположенія, не мною впрочемъ возбужденнаго, до той минуты, когда я буду имѣть счастіе представиться Государю Императору.

Вотъ, любезный другъ, какимъ я дѣломъ рѣшился утруждать тебя, прося представить милостивому вниманію Государя всеподданнѣйшую просьбу того, который съ истиннымъ уваженіемъ остается и пр.

Письма генерала Г. Г. Яковлева.

1.

8 Сентября 1873 г.

Пользуюсь милостивымъ разрѣшеніемъ вашего сіятельства, испрошеннымъ мною передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Царскаго Села, чтобы принести вашему сіятельству повинную въ ошибкѣ случившейся для меня совершенно неожиданно.

Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ вашего сіятельства, я, исполняя желаніе ваше, лично запечаталъ въ пакетъ изготовленную для васъ копію съ журнала Комиссіи и отдалъ его для отправленія въ Скерневице; самъ же отпросился на два мѣсяца въ Финляндію, чтобы оправиться не столько отъ физическаго труда, сколько отъ постояннаго нравственнаго напряженія послѣдняго времени. Каково же было мое удивленіе и досада, когда, по возвращеніи въ Петербургъ, я былъ встрѣченъ напоминаніемъ, переданнымъ черезъ графа П. А. Шувалова. Оказалось, что помощникъ мой, узнавъ изъ газетъ объ отъѣздѣ вашего сіятельства за границу, не рѣшился отправить въ Скерневице пакетъ, адресованный къ вамъ въ собственныя руки.... Исправляя теперь эту ошибку, сердечно прошу ваше сіятельство простить меня, во вниманіе къ моему искреннему сожалѣнію о случившемся.

Это обстоятельство снова возвратило мои воспоминанія къ недавнему эпизоду, который, въ уединеніи Финляндской мызы, началъ принимать какой-то фантастическій оттѣнокъ. Мои работы съ вашимъ сіятельствомъ, вся обстановка, лица, съ которыми я здѣсь впервыя познакомился, самое дѣло, которымъ я занимался—все это представляется мнѣ фантасмогоріею, не имѣющею ничего общаго съ моею теперешнею дѣйствительностью....

Видятъ Богъ и совѣсть моя, что я пошелъ за вашимъ сіятельствомъ безъ всякихъ личныхъ соображеній и разсчетовъ; пошелъ съ искреннею готовностію и радостію, не потому, что ожидалъ личныхъ выгодъ, а потому что видѣлъ въ вашемъ лицѣ воплощеніе тѣхъ идей и принциповъ, въ которые вѣровалъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ пони-

мать военную службу и ея истинныя пользы. Я въ такой степени убѣжденъ въ правотѣ этихъ принциповъ, что высшимъ счастіемъ считалъ-бы для себя возможность защищать ихъ со скамьи подсудимыхъ...

Служеніе правому дѣлу само въ себѣ заключаетъ высокую награду въ нравственномъ убѣжденіи честно выполненнаго долга. Остальное въ рукѣ Царской: если-бы я и былъ счастливъ, то только одною наградою, исходящею прямо изъ державной руки.

Я смѣю думать, что личность моя не чужда Государю: онъ только не помнитъ моей фамиліи. Я 12 лѣтъ служилъ въ Павловскомъ полку, два года былъ полковымъ адъютантомъ; впослѣдствіи служба и работы мои при покойномъ генералъ-адъютантѣ Лауницѣ были замѣчены Государемъ; теперь Его Величество, въ теченіи болѣе 10 лѣтъ, при представленіи различныхъ образцовъ, въ билліардной комнатѣ, почти всякій разъ, милостиво выслушиваетъ мои объясненія, въ такія минуты, когда всѣ окружающіе молчатъ....

Я отъ всей души и отъ искреннѣйшаго сердца благодарю ваше сіятельство за милостивыя ходатайства обо мнѣ передъ Государемъ Императоромъ: уже одно упоминаніе моего имени передъ лицомъ Его Величества я считаю наградою свыше моихъ слабыхъ заслугъ. Я прошу ваше сіятельство вѣрить, что во мнѣ вы прибавили новаго почитателя, очарованнаго вашимъ истинно-рыцарскимъ характеромъ, обаятельною простотою и любезностію обращенія и тою безграничною любовью къ Русскому войску и Русскому солдату, которою согрѣто каждое ваше о нихъ слово.

Да сохранитъ Господь силы ваши на многіе годы и да пошлетъ Онъ вамъ утѣшеніе видѣть осуществленіе тѣхъ идей, представителемъ которыхъ ваше сіятельство были передъ лицемъ Государя Императора.

2.

27 Декабря 1873.

Передъ наступленіемъ Новаго Года, къ массѣ привѣтствій преданныхъ вашему сіятельству людей, прошу позволеніе присоединить и мой тихій, но искренній голосъ: да пошлетъ вамъ Господь полнаго душевнаго спокойствія и совершеннаго возстановленія тѣлесныхъ силъ.

Я имѣлъ счастіе находиться при вашемъ сіятельствѣ въ весьма знаменательныя минуты вашей государственной дѣятельности, и не перестану удивляться вашему гражданскому мужеству, столько же, сколько и военнымъ доблестямъ. Торжество теперешнихъ военно-административныхъ принциповъ эфемерно. Зданіе военно-окружной системы, на́-скоро поддержанное въ послѣднія минуты невозможными подпорками корпусной организаціи, не можетъ долго держаться въ столь

неестественномъ равновѣсіи; оно должно рухнуть неминуемо, увлекая за собою самоувѣренныхъ, но малоопытныхъ строителей и указавъ истинное значеніе тѣхъ стойкихъ голосовъ, которые предъупреждали объ этой катастрофѣ. Дѣло вашего сіятельства не будетъ забыто исторіею, и смѣю надѣяться, что та страница ея, на которой оно запишется, будетъ освящена правдою и согрѣта искреннимъ сочувствіемъ. Уже и теперь я слышу и вижу по самому ходу дѣлъ, что ваши усилія достигаютъ цѣли, такъ какъ, и по хозяйственной, и по административной частямъ, принимаются мѣры, явно свидѣтельствующія о перемѣнѣ направленія. Такимъ образомъ ваше прямое слово отрезвило администрацію отъ самовольства мысли и дѣла, заставило оглянуться повнимательнѣе на свои собственныя дѣянія и послужило для нея въ своемъ родѣ momento mori. Безъ всякаго сомнѣнія, не теперешніе докладчики Государя освѣтятъ Его Величеству факты съ этой стороны.... и на долю лицъ, послужившихъ правому дѣлу, остается одно лишь собственное убѣжденіе въ честно-выполненномъ долгѣ.

Письмо М. Г. Черняева.

Глубоко тронутый вашею обо мнѣ памятью, а также присланнымъ мнѣ вами чрезъ пріѣхавшаго офицера поклономъ и пожеланіями, спѣшу принести вашему сіятельству за оные выраженіе моей искренней признательности.

Не могу не воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы не выразить вамъ, до какой степени трудно настоящее мое положеніе. Будучи съ одной стороны глубоко преданъ интересамъ нашего дорогаго отечества, съ другой будучи поставленъ судьбой во главѣ арміи, долженствующей, съ оружіемъ въ рукахъ, разрѣшить, или, по крайней мѣрѣ, подвинуть къ разрѣшенію вопросъ, столь тѣсно связанный съ политической будущностію Россіи, вопросъ, вызывающій въ Русскихъ людяхъ столь горячее сочувствіе, я вполнѣ сознаю всю тяжесть падающей на меня отвѣтственности, которую несу и предъ моими соотечественниками, и предъ страною, ввѣрившею мнѣ свои вооруженныя силы, а слѣдовательно, до нѣкоторой степени, и свою политическую судьбу. Я не щажу своихъ силъ, чтобы выполнить возложенное на меня дѣло. Но этого еще мало. Для успѣшнаго его завершенія требуются средства, а въ нихъ-то и ощущается крайній недостатокъ. Признаю излишнимъ излагать вашему сіятельству, каковы тѣ вооруженныя силы, кои состоятъ въ моемъ распоряженіи; ибо вамъ хорошо извѣстно, какія требованія могутъ быть предъявлены къ народной милиціи, лишенной, по самому своему существу, тѣхъ необходимыхъ свойствъ, коими единственно обусловливается успѣхъ наступательныхъ

дѣйствій. Я многаго ожидалъ отъ Русскаго общества; между тѣмъ сочувствіе онаго, хотя я и глубоко убѣжденъ въ его искренности, принесло на дѣлѣ еще весьма мало пользы, что̀ отчасти отнесено быть можетъ къ непониманію настоящаго положенія дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Такъ, напримѣръ, я получилъ вчера извѣстіе, что нынѣ формируются въ Россіи весьма значительные кадры изъ охотниковъ, съ цѣлью препровожденія таковыхъ въ Болгарію. Самые факты, всею своею тяжестію обрушившіеся на злосчастную Сербію, доказываютъ съ очевидностью невозможность Болгарскаго возстанія и безполезность всякихъ мѣръ, направленныхъ къ возбужденію и поддержанію онаго. Занявъ еще въ минувшемъ Іюнѣ мѣсяцѣ окрестности Акъ-Паланки, я лично убѣдился въ томъ при раздачѣ мѣстному населенію занятой нами части Болгаріи огнестрѣльнаго оружія, которое, при первомъ появленіи Черкесовъ и Баши-Бузуковъ, передаваемо было Болгарами симъ послѣднимъ, изъ опасенія отвѣтственности предъ Турецкими властями. Такого рода факты должны бы быть извѣстны Русскому обществу, снаряжающему нынѣ значительные кадры волонтеровъ, для отправленія въ Болгарію. Но что́, быть можетъ, въ Россіи и по настоящее время остается неизвѣстнымъ, это то именно значеніе, которое восприняли бы кадры эти въ Сербіи, гдѣ армія, вслѣдствіе непосильной борьбы, а страна вслѣдствіе непосильныхъ жертвъ, недалеко отстоятъ отъ крайнихъ предѣловъ истощенія и гдѣ потому каждый свѣжій контингентъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ неоцѣнимъ.

Я глубоко убѣжденъ въ полномъ сочувствіи вашего сіятельства, какъ истинно-Русскаго, къ Славянскому дѣлу вообще и къ Сербскому дѣлу въ частности. Я совершенно увѣренъ, что для вашего сіятельства яснѣе, чѣмъ для кого-либо въ Россіи, то положеніе, въ которомъ находится нынѣ Сербія и то нравственное право, которое имѣетъ она на пособія изъ Россіи; а потому обращаюсь къ вамъ съ убѣдительною просьбой употребить ваше всесильное на генералъ-маіора Фадѣева и на Славянскій Комитетъ вліяніе, дабы тѣ кадры, кои нынѣ снаряжаются и предназначаются для отправленія въ Болгарію, гдѣ они пропадутъ безслѣдно, направлены были бы въ Сербію, гдѣ они окажутъ огромную пользу и воспримутъ значеніе перваго дѣльнаго пособія, оказаннаго Русскимъ обществомъ Сербскому народу.

29 Августа 1876 года.
Укрѣп. позиція при Делиградѣ.

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ПОЛОЦКАГО СМАРАГДА КЪ И. Ѳ. ГЛУШКОВУ.

1834—1835.

Печатаются съ подлинниковъ, сообщенныхъ покойнымъ И. С. Аксаковымъ. Иванъ Ѳомичъ Глушковъ былъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора Смоленскаго, Витебскаго и Могилевскаго, князя Хованскаго. Смарагдъ Крыжановскій, занимавшій потомъ каѳедры въ Могилевѣ, Астрахани, Орлѣ и наконецъ въ Рязани († 11 Ноября 1863) весьма извѣстенъ въ исторіи нашего церковнаго управленія. Съ 1833 года, будучи епископомъ Полоцкимъ и Виленскимъ онъ содѣйствовалъ возсоединенію уніатовъ, и въ этомъ дѣлѣ былъ предшественникомъ митрополита Іосифа Сѣмашки, который, въ запискахъ своихъ, изданныхъ Императорскою Академіею Наукъ, не одобряетъ только частныхъ и мелочныхъ его пріемовъ въ этой дѣятельности. П. Б.

1.

Ваше высокородіе, милостивый государь и достопочтеннѣйшій благопріятель!

Паки рекомендуя вамъ священника Кнышевскаго, всепокорнѣйше прошу ваше высокородіе посодѣйствовать ему въ назначеніи какого-либо достаточнаго прихода, дабы онъ, будучи до времени унитомъ, могъ болѣе послужить Церкви Православной. Я просилъ князя формальнымъ отношеніемъ о помѣщеніи его, буде возможно, въ *Нищу*, по изложеннымъ мною причинамъ; впрочемъ предоставляю все сіе благосклонному вашему усмотрѣнію. Только въ Нищѣ непремѣнно нужно смѣнить тамошняго каноника, блудно живущаго съ фундушевой крестьянкою православнаго исповѣданія. Я писалъ къ его сіятельству, что, буде невозможно помѣстить Кнышевскаго въ Нищу, то не благоугодно ли будетъ богатый фундушъ отобрать въ казну; но теперь и самъ на послѣднее не согласенъ, потому что съ обращеніемъ Нищанскаго прихода въ Православіе оный выгодный фундушъ можетъ поступить въ пользу православнаго причта. Слава Богу, при вашемъ истинно христіанскомъ содѣйствіи пользамъ Церкви Православной, Унія расползается какъ вѣтхій и дырявый мѣхъ.

Много есть въ виду приходовъ подготовленныхъ къ принятію Православія. Я желалъ бы, чтобы при правленіи князя сія враждебная Унія вовсе истребилась, каковое событіе много украсило бы достойное правленіе сей страны его сіятельствомъ.

7-го числа я ѣду въ Лепель укрѣпить новопріобрѣтенныхъ чадъ глаголами живота вѣчнаго. Чувствую, что и въ Витебскѣ давно не былъ за хлопотами. Нужно бы кое о чемъ и переговорить съ вами, властями нашими гражданскими. Авось, по благополучномъ прибытіи князя въ Витебскъ, не премину лично изъяснить мою искреннѣйшую благодарность за всѣ дѣйствія ваши ко благу Святыя Церкви. Нынѣ же, изъясняя оную сею хартіей, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью вашего высокородія усерднѣйшій слуга Смарагдъ е. Полоцкій.

2.

6 Сент. 1834 г.

Господинъ Говоровичъ *), просящійся въ канцелярію вашу, никакъ не можетъ уволенъ быть до окончанія начавшагося учебнаго года, чему совершенно причиною не я, но семинарское правленіе, которое не находитъ человѣка, могущаго замѣнить мѣсто его въ училищѣ. Всепокорнѣйше прошу вполнѣ наставить Кнышевскаго вашими совѣтами и не оставить содѣйствіемъ въ чемъ можно. А равно прошу сообщить и мнѣ ваши мысли касательно моей къ нему довѣренности. Кажется, онъ могъ бы быть мнѣ полезенъ, оставаясь пока въ унитской формѣ.

На полученныя отъ его сіятельства важныя бумаги, не успѣлъ я отвѣтствовать по нынѣшней почтѣ, а по слѣдующей не премину обо всемъ дать мое мнѣніе.

Обстоятельства по видимому нѣсколько измѣняются, и я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія, что и въ Полоцкой уніатской каѳедрѣ дѣйствительно начинаютъ подумывать о Православіи и уже нѣсколько есть лицъ (высшаго сословія), которыя согласны быть нашими единовѣрцами, не соглашаясь только на внѣшность нашего духовенства; а потому конечно должно и намъ приспособляться къ возрастающему въ нихъ благому расположенію, хотя и сопровождаемому *несносною амбиціей*, о чемъ предварительно благоволите милостивый государь и благопріятель, доложить князю Николаю Николаевичу и при томъ сказать, что если дѣло о Струньскихъ бискупскихъ крестьянахъ никуда не поступало, то я полагалъ бы теперь лучше ограничиться однимъ подъ рукою

---

*) Впослѣдствіи совѣтникъ Витебскаго Губернскаго Правленія. П. Б.

разслѣдованіемъ всего того, что̀ прописано въ моемъ отношеніи отъ 18 Октября подъ № 317 и таковое разслѣдованіе пріобщить къ бывшимъ развѣдываніямъ по сему же предмету, для совокупнаго соображенія съ имѣющими быть (безъ сомнѣнія) безпорядками по Струни. Можетъ быть, дѣйствительно въ оныхъ притѣсненіяхъ крестьянъ виноватъ самъ арендаторъ съ низшими приставниками? И потому, не нарушая добраго согласія между уніатами, можно будетъ другими средствами предотвратить дѣйствительно бѣдственное состояніе тѣхъ бискупскихъ крестьянъ.

Весьма желательно мнѣ вскорѣ лично бесѣдовать съ вами въ Витебскѣ; но что-то мало снѣгу, и потому, сказываютъ и дорога къ вамъ еще плоховата.

1834 г. Ноября 15.

P. S. Бывшій Вревицкій уніатскій священникъ Кнышевскій, о коемъ, помните, писалъ я къ вамъ, поступилъ нынѣ въ Православіе. Человѣкъ, по моему мнѣнію, довольно надежный; да и прочіе сильно колеблются.

3.

Вотъ я уже начинаю и безпокоить васъ; но такое безпокойство, по истинѣ, происходитъ отъ совершенной довѣренности и преданности моей къ вамъ; а между тѣмъ хочу и сообщить вамъ кое о чемъ.

Слышно ли у васъ, что главнѣйшій зачинщикъ и сочинитель акта бывшаго на выборахъ дворянскихъ (объ Уніи) есть Полоцкій маршалекъ Бѣликовичъ и что актъ оный исправляемъ былъ г. Карницкимъ? Да и г-нъ Шадурскій, сказываютъ, есть главный въ той шайкѣ, не смотря на то, что въ имѣніи его Сойнѣ происходило присоединеніе уніатъ самымъ кроткимъ образомъ. У насъ объ этомъ совершенно доказательно говорятъ. Многіе же Поляки хотя и подписывали актъ оный, но на содержаніе онаго теперь не согласны, да и не помнятъ, что̀ подписывали. При томъ же должно взять во вниманіе и то, что г. Бѣликовичъ (коего всѣ отъ мала до велика до небесъ превозносятъ) часто что-то ѣздитъ въ Минскъ и въ Вильну и, мнѣ кажется, что это дѣлается не даромъ..... Слышно также, что Себежскимъ засѣдателямъ Бартошевскому и Жинкѣ въ залѣ собранія всѣ сказали, что они не будутъ имѣть хлѣба за то, что присутствовали при присоединеніяхъ!

У насъ все идетъ по старому. Г-нъ Агатоновъ*) отъѣхалъ зачѣмъ-то въ Динабургъ; а безъ него мы всѣ въ рукахъ Поляковъ, и сіи доказанные враги наши чтò хотятъ, то и дѣлаютъ! Крайне жаль, что никого не имѣемъ изъ Русскихъ чиновниковъ. Изъ Петербурга пишутъ, что каѳедральные уніаты, давшіе подписки на присоединеніе къ Православію, будутъ награждены крестами и орденами, впрочемъ безъ оглашенія настоящей причины. Кажется, рано; ибо, не смотря на всѣ ихъ подписки, усердія къ Православію въ сердцахъ ихъ не видно. Объ нашемъ Лужинскомъ и въ министерствѣ не совсѣмъ выгодно отзываются за его медленность, двоедушіе и крайнее желаніе угодить здѣшнимъ Полякамъ, представляя себя въ тоже время преданнымъ Православію. Мишневицкой мятежницы и въ Петербургѣ никто не похваляетъ, какъ пишетъ ко мнѣ митрополитъ Серафимъ, и она непремѣнно не избѣгнетъ наказанія. Резолюцію о конфискаціи имѣнія ея всѣ похваляютъ, только нужно бы резолюцію сію привесть дѣйствительно въ исполненіе; а безъ того примѣры ослушанія умножатся непремѣнно. Св. Синодъ по высочайшему повелѣнію высылаетъ ко мнѣ 20 ученыхъ священниковъ для дѣла обращенія уніатъ, а потому позаботиться нужно и о приходахъ для нихъ. Кажется, что и Доминиканскій костелъ (пишу секретно) отдадутъ, наконецъ, для помѣщенія моего дома; а Доминиканъ хотятъ перевесть въ упраздненный кляшторъ Францисканскій. Нельзя-ли какъ постараться, чтобы Доминикане вовсе высланы были изъ Полоцка съ водвореніемъ добрыхъ Францискановъ въ ихъ Францисканскомъ монастырѣ?

Если чтó изъ написаннаго здѣсь покажется нужнымъ для доклада князю, то прошу о томъ его сіятельству сообщить. Я же, какъ былъ такъ и впредъ пребуду съ совершенною преданностію и пр.

1835 г. Генв. 29.

Полоцкаго уѣзда помѣщикъ маіоръ Бошнякъ, также обратившій крестьянъ своихъ въ Православіе, безпрерывно проситъ себѣ какого либо мѣста. Нѣтъ-ли гдѣ для него вакансіи? И буде есть, то не оставьте, гдѣ можно, вашимъ за него предстательствомъ, о чемъ усерднѣйше прошу.

P. S. Списокъ съ отношенія моего князю касательно разсужденія дворянъ, бывшаго на выборахъ, я представилъ для свѣдѣнія и Св. Синоду.

---

*) Жандармскій подполковникъ. П. Б.

4.

Узнавъ объ отъѣздѣ г-на подполковника Агатонова въ Витебскъ, не могу не засвидѣтельствовать вамъ, м. г., искреннихъ чувствій моего почтенія и преданности за многія добрыя дѣла ваши, коимъ достойное воздаяніе непремѣнно будетъ на судѣ Христа Спасителя нашего, истиннаго Мздовоздателя всѣхъ благодѣяній нашихъ. Донесеніе духовнаго депутата моего о бывшемъ якобы возмущеніи Вербиловскихъ Базиліанскихъ крестьянъ послалъ я чрезъ почту 7-го Марта и, оное, думаю, уже вы получили. Чудное изволите усмотрѣть переинаценіе обстоятельствъ, для разслѣдованія коихъ необходимо, кажется, послать кого-либо изъ довѣренныхъ чиновниковъ собственной канцеляріи его сіятельства, или же г-на Агатонова, если ему будетъ время. Я думаю, что дѣло сіе возникло и взведено не безъ умысла нашихъ добрыхъ пріятелей Полячковъ здѣшнихъ. У насъ въ Полоцкѣ прямо уже начали писать къ Государю ябедническія бумаги, какъ раскажетъ вамъ случившуюся у насъ сегодня исторію господинъ подполковникъ Агатоновъ. Буди впрочемъ во всемъ воля Господня! А Заборскіе мужички, изъ среды коихъ одинъ, именемъ Лопатка, подалъ теперь Государю просьбу, весьма къ Православію нашему нынѣ усердны.

По моему сердечному увѣренію ябедническая бумага Лопатки къ Государю не могла быть сочинена и подана безъ участія нашего маршалка Бѣликовича. При семъ прилагаю безыменную записку, которую покорнѣйше прошу доложить е. с. при зисвидѣтельствованіи отъ меня глубочайшей преданности и попросить, чтобъ по содержанію оной записки приказано было достовѣрнѣйше развѣдать и виновныхъ наказать. О учиненномъ же Себежскимъ земскимъ исправникомъ Лускиною грабежѣ достовѣрно и подробно знаетъ и г. Агатоновъ.

Здравія и благоденствія желаю и поручаю васъ милости Господней.

Марта 8. 1835 г.

Вербиловское Базиліанское гнѣздо есть самовреднѣйшее для Православія въ Себежскомъ уѣздѣ, и теперь, кажется, есть хорошій случай оное упразднить яко не нужное; ибо монастырь оный со всѣхъ сторонъ верстъ на 20 окруженъ людьми православными, о чемъ прошу доложить его сіятельству.

5.

Чрезъ бывшаго въ Витебскѣ подполковника Агатонова извинялись вы предо мною, что не отвѣчали на предшествовавшія письма мои. Зная, сколь много обременены вы дѣлами на пользу здѣшняго заблудшаго края, я никакъ не могу и не хочу требовать отъ васъ респонсіи на каждое письмо мое, иногда и недѣльное; а особенно на дѣлѣ видя ваше споспѣшествованіе общимъ пользамъ, кромѣ которыхъ я ничего болѣе не ищу и не желаю.

Въ представляемомъ его сіятельству пакетѣ находятся основанія, по которымъ, кажется, уличить можно маршалка Бѣликовича въ написаніи имъ просьбы Бѣльскому крестьянину Лавскому при покушеніи Бѣльскихъ поселянъ къ обратному отпаденію въ Унію. Сей маршалокъ началъ нынѣ отчаянно дѣйствовать противъ Православія. Все, чтó ни дѣлается по Витебской губерніи ко вреду нашей вѣры, не дѣлается безъ Полоцкаго маршалка. На сихъ дняхъ и самъ и чрезъ своихъ агентовъ, наущалъ онъ Полоцкихъ Евреевъ, раскольниковъ, католиковъ и уніатъ, чтобы они отнюдь не избирали градскаго головы изъ числа православныхъ по той именно причинѣ, что православный (какъ внушалъ Бѣликовичъ) будетъ-де споспѣшествовать архіерею въ обращеніи на благочестіе всѣхъ иновѣрцевъ. Злодѣй и успѣлъ въ намѣреніи своемъ: ибо раскольники, Жиды и Римляне положили болѣе шаровъ на католика или, лучше сказать, на уніата переворoченнаго въ католика! О таковомъ зломъ умыслѣ Бѣликовича, по соображеніи доказательствъ, надѣюсь сообщить его сіятельству. Могу увѣрить всѣхъ святительскою совѣстію моею, что пока сей Бѣликовичъ будетъ дѣйствующимъ, нельзя ожидать въ здѣшней губерніи ничего добраго; ибо же онъ лиходѣй бóльшій, нежели какъ о немъ думаютъ. Касательно Бѣльскаго крестьянина Лавскаго не угодно ли будетъ о чемъ-либо распросить у подателя сего письма Кранихфельда? Онъ хочетъ взять на аренду имѣніе *Спасъ*, то прошу ваше высокородіе всевозможно содѣйствовать ему во всемъ: ибо онъ настоящій Русскій, не смотря на то, что Лютеранинъ. Католики наши гдѣ-то навѣдались, что чрезъ посредство меня отданы нѣкоторыя аренды Русскимъ Православнымъ, съ отстраненіемъ негодныхъ Поляковъ, за чтó, слышу, сильнѣйшимъ образомъ озлоблены на меня и готовы причинить мнѣ всякое зло. Чтò дѣлать? Не буду бѣгать отъ овецъ моихъ, яко наемникъ; но аще и умрети мнѣ за нихъ, ей, желаю. Буди воля Божія! Извольте видѣть, я доказалъ Полякамъ и полу-Русскимъ, засѣдающимъ въ Казенной

Палатѣ, что есть православные, коимъ можно отдавать аренды. Ревность дома Божія снѣдаетъ меня, особенно когда вижу небрежность со стороны могущихъ содѣйствовать дѣлу Божію. Но здѣсь и могучіе сдѣлались слабыми предъ кумиромъ корыстолюбія и угожденія злонамѣренной Польшѣ. Стыдъ!...

Кромѣ сего извѣщаю васъ, любезнѣйшій благопріятель, что уніатская консисторія по однимъ просьбамъ помѣщиковъ надъ Ушацкими крестьянами, якобы сіи неправильно присоединены къ Православію, безъ суда, безъ слѣдствія, безъ гражданскаго и Греко-Россійскаго депутатовъ, отчислила *) всѣхъ Ушацкихъ прихожанъ къ сосѣдственной Орѣховской (чтò у помѣщика Гребницкаго) уніатской церкви, оставивъ нашу православную церковь сиротою, безъ одного прохожанина. Каково? Это такъ благопріятно дѣйствуютъ прелаты, давшіе подписки на присоединеніе къ Православію! Между тѣмъ, до сего религіознаго бунта, учиненнаго уніатскою консисторіею, Ушацкіе прихожане, хотя и не совсѣмъ еще утвержденные, крестились, браковѣнчались и попогребались православнымъ священникомъ; въ церковь ходило довольное количество людей. Нынѣ же, слышу, всѣ перестали ходить. Мнѣ кажется, что уніатская консисторія поступила такъ дерзко на свою погибель. Особенно дѣйствуетъ тутъ ассесоръ Игнатовичъ, другъ Бѣликовича. Я послалъ члена въ Ушачъ для подробнаго развѣданія о всемъ и, когда получу донесеніе, не премину объ ономъ дать знать князю Николаю Николаевичу.

Слышу, что по Вирбиловскому дѣлу вышли какія-то клеветничества на мое духовенство. И неудивительно, потому что слѣдователями дѣла были виновники безпорядка. На сихъ дняхъ былъ у меня бывшій засѣдатель Себежскій, Бартошевскій, который на бывшихъ дворянскихъ выборахъ имѣлъ въ свою пользу большее число шаровъ противъ нынѣшняго засѣдателя Жинки (на чтò имѣетъ письменный актъ отъ Себежскихъ помѣщиковъ); но, по интригамъ неблагонамѣреннаго Себежскаго предводителя Медунецкаго, не получилъ засѣдательской должности, именно за участіе въ присоединеніи Вербиловскихъ и Соинскихъ крестьянъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что, при присоединеніи Вербиловскихъ крестьянъ, ничего такого не было, чтò теперь, по истеченіи года, начали выдумывать злобные Полячишки. Между тѣмъ имѣю я свѣдѣніе, что Вербиловскіе крестьяне желаютъ слѣдствія и хотятъ просить верховное

*) Если такъ консисторія сія и впредъ будетъ дѣйствовать, то и коренные благочестивые, при здѣшнемъ преобладаніи Польскаго духа, всѣ пойдутъ въ Унію.

правительство о своей обидѣ, что были безъ суда жестоко наказаны и, никогда не бывъ бунтовщиками, сдѣланы таковыми Себежскими исправникомъ и засѣдателемъ, друзьями ксендза Кулика, коего управители и монахи называли вѣру нашу *Жидовскою*. Бартошевскій нынѣ въ Витебскѣ, стоитъ на квартирѣ у секретаря полиціи Страмковскаго: то не благоугодно ли будетъ его сіятельству или вамъ лично спросить у него объ обстоятельствахъ всего онаго безсовѣстнаго дѣла? А на Бриммера полагаться нечего, ибо всѣ признаю́тъ его за слабаго и притомъ мало-дѣльнаго человѣка. Но о семъ, а равно о весьма, весьма многомъ надѣюсь пространно переговорить съ вами въ Витебскѣ, при поздравленіи васъ съ праздникомъ Св. Пасхи: ибо, аще Богъ поможетъ и живи будемъ, пріѣду къ вамъ непремѣнно по вечеру въ Великій Пятокъ не для гощенія, но по дѣламъ, коихъ довольно накопилось по милости друзей моихъ— католиковъ и уніатъ. Изъ вышеприсаннаго, что́ окажется нужнымъ, прошу доложить его сіятельству и сказать, что наипаче рѣшился я пріѣхать въ Витебскъ потому, что давно не имѣлъ чести и удовольствія лично видѣться съ нимъ. Простите за многословное писаніе. Вспомните слова Христовы: *отъ избытка сердца уста глаголятъ.*

27-го Марта 1835 г.

P. S. Князь Николай Н. спрашивалъ меня о благонамѣренности въ политическомъ отношеніи уніатскаго декана Себежскаго Хруцкаго. Скажите его сіятельству, что я о деканѣ семъ знаю нѣчто важное и такое, что́ лучше объяснить на словахъ. Уніаты наши съ Лужинскимъ ни малѣйше не думаютъ о Правосла́віи и оному сильнѣйшимъ образомъ противодѣйствуютъ, какъ я тоже лично и доказательно объясню вамъ. Полно!

6.

Податель сего письма есть кандидатъ Богословія евангелическаго исповѣданія Генрихъ Гепнеръ *). Изъ Дерптскаго университета онъ пробирается въ С.-Петербургъ для принятія тамъ Православія, поступленія въ монашество и занятія мѣста при Духовной Академіи. Сколько могъ я узнать, онъ имѣетъ отличную нравственность, достаточныя свѣдѣнія въ наукахъ богословскихъ и языкахъ Латинскомъ, Греческомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Польскомъ и при благословеніи Божіемъ можетъ быть великимъ свѣтильникомъ нашей церкви. Это очень рѣдкій и весьма замѣчательный случай! Отношеніемъ сего числа я прошу

*) Впослѣдствіи архимандритъ Августинъ. П. Б.

князя Николая Николаевича о снабжаніи его видомъ для проѣзда въ С.-Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы онъ явился тамъ къ оберъ-прокурору Синода и къ митрополиту Филарету. Васъ же, любезнѣйшій благопріятель, прошу посодѣйствовать, чтобы мое прошеніе уважено было и чтобы оный Гепнеръ могъ отправиться въ С.-Петербургъ въ скоромъ времени. Онъ много знаетъ о Полоцкомъ маршалкѣ Бѣликовичѣ, какъ онъ, бывъ въ Вильнѣ, въ началѣ сего года, разсѣвалъ разныя гнусныя клеветы и вредныя въ политическомъ отношеніи мысли, между тамошними и Минскими Поляками и хотѣлъ оныя посылать въ Германію и Францію для напечатанія въ газетахъ (въ чемъ и успѣлъ), при чемъ въ особенности предъ встрѣчнымъ и поперечнымъ поносилъ мое имя и мою честь чернилъ страшными вымышленными клеветами. Я заблагоразсудилъ представить г-на Гепнера къ князю и къ вамъ, дабы можно было здѣшнему правительству лично отъ него удостовѣриться о мятежническихъ дѣйствіяхъ Бѣликовича, о чемъ я и къ князю пишу.

Еще прося васъ объ оказаніи возможнаго пособія г-ну кандидату Гепнеру, имѣю честь быть и пр.

4-го Сентября 1835 г.
Полоцкъ.

7.

Послѣ послѣдняго моего къ вамъ отзыва, ничего еще изъ Вильны не получилъ, а только пишетъ о. архимандритъ Платонъ, что разысканія жандармовъ о мятежномъ Б—чѣ продолжаются. Сейчасъ же достовѣрнѣйшимъ и неопровержимымъ образомъ дозналъ я, что въ прошедшемъ Мартѣ мѣсяцѣ Б—чъ приводилъ партію Ушацкихъ крестьянъ къ бискупу и подавалъ ему отъ имени ихъ прошеніе. Бискупъ потребовалъ изъ консисторіи журналъ, въ коемъ было отказано Ушацкимъ крестьянамъ о принятіи ихъ паки въ Унію и въ присутствіи Б—ча самъ своею рукою замаралъ журналъ консисторіи и написалъ собственною же рукою: *Причислить всѣхъ Ушацкихъ прихожанъ къ ближайшей Орѣховской церкви.* Послѣ чего Б—чъ, вышедъ изъ комнаты бискупа, поздравлялъ вышеозначенную партію Ушацкихъ крестьянъ, ожидавшую возвращенія его близь каѳедральной уніатской церкви и сказалъ имъ: *не бойтесь, ребята, все будетъ по нашему, и вы останетесь навсегда уніатами.* Я имѣю надежду, что и подлинный журналъ консисторіи, замаранный рукою б—к—па Л—о, доставлю къ вамъ. Вотъ злодѣи! И какъ же теперь вѣрить б—пу? Сами извольте разсудить и доложить е. с. Итакъ, изволите теперь видѣть, кто главныя дѣйствующія лица по Ушацкому дѣлу. Сіе мое открытіе есть важнѣй-

шее, секретнѣйшее и неопровержимое. На многія бумаги офиціальныя еще не далъ отвѣта по нездоровью, отъ коего, слава Богу, поосвободился, и по случившимся важнымъ отпискамъ въ Синодъ. На слѣдующій же почтѣ надѣюсь удовлетворить во всѣхъ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ требованіяхъ е. с. По дѣлу объ охраненіи новоприсоединенныхъ приходовъ отъ враговъ Православія, по моему мнѣнію, не нужно бы чинить столь общихъ распоряженій: ибо начальству можетъ представиться, что у насъ вездѣ по приходамъ важное какое-либо волненіе, между тѣмъ какъ я получаю отзывы почти со всѣхъ сторонъ, что волненія утихаютъ и вездѣ люди становятся привѣтливѣе къ нашему духовенству, исключая развѣ два или три мѣста. Впрочемъ я признаю оныя распоряженія удовлетворительными, о чемъ и увѣдомляю е. с. по слѣдующей почтѣ. Впрочемъ же и я не сплю, но бодрствую здѣсь, соотвѣтствуя всѣмъ истинно-патріотическимъ и единственнымъ распоряженіямъ е. с. и вашимъ примѣрнымъ попеченіямъ о Православіи. Господь все видитъ и воздастъ вамъ сторицею! Я же, вполнѣ чувствуя всю полезность для блага отечества трудовъ вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію есмь и буду вашего высокоблагородія отъ сердца преданнымъ слугою См. е. П. и В.

Окт. 31-го 1835 г.

P. S. Крайне работать у меня нѣтъ кому, и всякое дѣло сколько-нибудь поважнѣе долженъ я обработывать самъ. То мое горе!

8.

Милостивый государь и благопріятель, достопочтеннѣйшій Иванъ Ѳомичъ!

Представляя по сей почтѣ его сіятельству новыя доказательства о злодѣйскихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Б—ча, нужнымъ нахожу, присовокупить, что отъ 3 сего Октября Виленскій жандармскій подполковникъ Трегубовъ, по тщательномъ розысканіи мятежныхъ поступковъ его, сдѣлалъ представленіе своему окружному начальнику и Бенкендорфу, въ коемъ описалъ Б—ча явнымъ врагомъ нашего православнаго отечества. Теперь извольте дѣлать что́ вамъ угодно; только скажу вамъ, что Б—чъ давно всѣмъ проповѣдуетъ, что онъ никакихъ слѣдствій не боится. Это потому, что здѣшніе Поляки сложили ему (какъ слышно) значительную сумму на покрытіе всѣхъ мятежническихъ дѣйствій, какъ общихъ, такъ и его частныхъ. Кромѣ же сего онъ сильно нынѣ надѣется на связи съ г. Х—мъ, коего домъ безъ памяти

отъ мятежнаго Бѣликовича. Потому-то дѣло сіе становится довольно труднымъ; но если Господь поможетъ вамъ обработать его, то великое обрящете возмездіе отъ Христа Спасителя, главы церкви нашей святой: ибо Б—чъ дѣйствуетъ здѣсь не одинъ, а съ цѣлою шайкою. (При чемъ умоляю васъ никакихъ въ настоящемъ случаѣ порученій не дѣлать гражданскому..... по извѣстной вамъ причинѣ) Б—чъ, какъ злый духъ, вездѣ дѣйствуетъ: ни одно дѣло по присоединеніи уніатъ, ни одна ябеда, ни одно подстрекательство, словомъ, ничто безъ него не обходилось и не обходится. Недавно получилъ я въ копіи отъ с. оберъ-прокурора Синода злѣйшую жалобу *) совратницы дворянки Щигельской на Греко-Россійское епархіальное начальство, притѣснявшее яко бы оную при духовныхъ увѣщаніяхъ. Во время увѣщаній Щигельской ходилъ къ ней Б—чъ, давалъ деньги, настроивалъ чтó и какъ говорить и, наконецъ, на насъ же подалъ клеветническую бумагу отъ имени Щигельской. Слогъ, выраженія и мысли ясно показываютъ, что бумагу эту писалъ Б—чъ; да и всѣ вообще совратницы и совратники пользуются открытымъ его покровительствомъ; и Провицкіе, и Лепельскіе, и Ушацкіе жители не безъ его зловреднаго участія противятся Православію. Онъ нынѣ совершенно забылъ Бога и въ гордости думаетъ только о своей непобѣдимости. Имѣетъ тѣсную связь съ бискупомъ и наипаче съ зловреднымъ членомъ у. консисторіи Игнатовичемъ, который, яко непреодолимый, также имѣетъ великую похвалу у Поляковъ. Словомъ, все у Б—ча вопреки насъ придумано, соединено и закуплено, выключая примѣрно-честнаго Агатонова. Почта у него своя, и корреспонденцію онъ имѣетъ съ важными людьми, напр. съ Минскимъ Р.-Католическимъ бискупомъ Липскимъ, губернскими предводителями Виленскимъ, Минскимъ и Витебскимъ и проч Въ канцеляріи его есть разные подозрительные люди, о чемъ я формально сообщилъ е. с. Бумаги его у бабушки его или у отца должны быть важнѣйшія, и прежде суда должно, по моему мнѣнію, захватить ихъ непремѣнно. Тогда многое обнаружится, о чемъ нынѣ только гадать можно. Вотъ съ какимъ человѣкомъ мы имѣемъ дѣло. Но Богъ намъ помощь!

За распоряженіе объ Ушачѣ всенижайше благодарю е. с и васъ, любезнѣйшій благопріятель мнѣ и всей паствѣ моей. Кромѣ сего необходимо, кажется, вызвать въ Витебскъ помѣщика Пылинскаго и управляющаго Ушацкимъ имѣніемъ и поговорить съ ними: ибо безъ всякаго сомнѣнія они будутъ запрещать прихожанамъ ходить въ цер-

*) Сію жалобу въ копіи доставлю е. с. по слѣдующей почтѣ.

ковь, какъ и теперь запрещаютъ, на что имѣются сильнѣйшія доказательства, такія доказательства, коихъ даже и Поляки опровергнуть не могутъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ Ушачъ изъ Вильны камеръ-юнкеръ Плятеръ, коему Марцинкевичъ-Жаба передаетъ Ушацкое имѣніе; и когда къ нему пришелъ командированный въ Ушачъ священникъ нашъ Костецкій и началъ ему учтивѣйшимъ образомъ говорить о непрепятствованіи Ушацкимъ крестьянамъ утверждаться въ Православіи, то Плятеръ разсвирѣпѣлъ, началъ ругать меня и князя, грозилъ подать за неправильное яко бы присоединеніе крестьянъ жалобу прямо къ Императору и, наконецъ, сказалъ: «Если бы не ты, ксендзъ, мнѣ предлагалъ это, то я съ тобой пошелъ бы на дуэль». При таковыхъ помѣщикахъ можно ли утвердить скоро крестьянъ? Сами извольте судить. Впрочемъ и здѣсь надежда на Бога. При томъ Лепельскую и Ушацкую земскую полицію и тамошняго Римскаго ксендза, не служащаго царскихъ молебновъ, нужно непремѣнно обуздать посредствомъ г. Агатонова. Тогда все будетъ хорошо, о чемъ всемъ покорнѣйше прошу доложить его сіятельству.

Впрочемъ, поручая себя всегдашнему вашему благопріятельству, а васъ поручая благословенію Божію, есмь навсегда вамъ отъ сердца преданнымъ Смарагдъ, епископъ Полоцкій и Виленскій.

(Безъ числа.)

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАИЛОВИЧА ФАДѢЕВА *).

Окончивъ служебныя дѣла въ Крыму, я отправился съ женою путешествовать чрезъ Бахчисарай и Севастополь по южному берегу. Проѣзжей экипажной дороги тогда еще тамъ вовсе не существовало. Елена Павловна верхомъ не ѣздила, да и я былъ всегда плохой верховой ѣздокъ. Погода стояла тогда, какъ и обыкновенно на южномъ берегу въ Октябрѣ, прекрасная, а потому мы рѣшились вояжировать пѣшкомъ, à petites journées, и прошли пространство отъ Георгіевскаго монастыря чрезъ Байдары, Балаклаву и т. д. по берегу моря до Судака, верстъ 150, въ десять дней. Странствіе наше было весьма пріятное и даже съ комфортомъ, потому что обѣды и ночлеги мы имѣли почти всегда у помѣщиковъ южнаго берега. Помню изъ нихъ сенатора Андрея Михаиловича Бороздина, бывшаго до тѣхъ поръ губернаторомъ въ Крыму, человѣка недюжиннаго по образованію и даже учености. Онъ воспитывался въ Англіи, въ Кембриджскомъ университетѣ, имѣлъ дипломъ на доктора медицины и писалъ рецепты, занимаясь леченіемъ больныхъ, но былъ плохой губернаторъ, какъ это часто случается съ учеными. Помню также Петра Васильевича Капниста (брата извѣстнаго писателя), почтеннаго, добраго старика, но большаго чудака. Въ молодости онъ слылъ отпѣтымъ кутилою, убилъ на дуэли одного гвардейскаго офицера и, избѣгая наказанія, уѣхалъ за границу, странствовалъ долгое время по всей Европѣ и, возвратясь въ Россію, купилъ на берегу Чернаго моря небольшой участокъ земли, построилъ тамъ уютный домикъ, развелъ садъ и жилъ совершеннымъ анахоретомъ, ходилъ каждый день пѣшкомъ верстъ по двадцати и болѣе и считался благотворителемъ всѣхъ бѣдныхъ въ окружности. Тогда же я познакомился и съ академикомъ Кеппеномъ, человѣкомъ умнымъ, ученымъ и добрымъ; съ нимъ я сохранилъ навсегда пріятельскія отношенія, равно какъ съ извѣстнымъ ботаникомъ Штевеномъ, директоромъ тогда еще заводившагося Никитскаго сада, а въ Судакѣ—съ барономъ Боде.

---

*) См. выше стр. 289.

Южный берегъ Крыма тогда еще не представлялъ взору путешественника ни роскошныхъ дворцовъ, ни великолѣпныхъ садовъ; но за то, въ моихъ глазахъ, онъ выигрывалъ въ своемъ первобытномъ видѣ: я находилъ его несравненно интереснѣе при его дикости, простотѣ и безыскусственныхъ тропинкахъ, доступныхъ только въ то время для пѣшеходовъ, а верхомъ еще не вездѣ можно было проѣхать безъ труда и опасности. Впрочемъ, напрасно иные критикуютъ покойнаго князя Воронцова *) за устройство по южному берегу шоссе. Шоссе по южному берегу оживило его, умножило число Русскихъ помѣщиковъ и содѣйствовало улучшенію состоянія поселянъ. А что по выбытіи князя Воронцова, шоссе разстроилось, это уже не его вина.

На берегу Судака тогда еще существовали остатки Генуэскихъ стѣнъ и башень, украшавшихъ эту живописную мѣстность. Вблизи ихъ находилась небольшая Нѣмецкая колонія, въ которой мы провели нѣсколько дней; а въ послѣдующія наши посѣщенія Крыма мы проживали въ ней иногда по нѣскольку недѣль, въ пріятномъ обществѣ Капниста, барона Боде съ его семействомъ и одного Англичанина Юнга, сына знаменитаго Англійскаго агронома Артура Юнга. Этотъ Крымскій Юнгъ былъ человѣкъ съ большими познаніями, но, также какъ и многіе его соотечественники, своего рода чудакъ. Въ Судацкой долинѣ онъ купилъ участокъ земли съ винограднымъ садомъ, не съ той цѣлью чтобы улучшать винодѣліе, а чтобы откармливать виноградными выжимками отличной породы свиней. Онъ убилъ на это многія тысячи рублей и, увидѣвъ, что въ Крыму такое дѣло не даетъ ожидаемыхъ доходовъ, продалъ за безцѣнокъ свое заведеніе и уѣхалъ въ Англію.

Въ Маѣ этого 1816 года произошло въ Екатеринославѣ знаменательное для него событіе: проѣздъ великаго князя Николая Павловича, совершавшаго свое путешествіе по Россіи. Много было хлопотъ и комическихъ продѣлокъ въ приготовленіяхъ дворянства и чиновничества къ принятію высокаго гостя. Губернаторъ Гладкій не задолго до того былъ отставленъ, и губерніею правилъ вице-губернаторъ Елчаниновъ, человѣкъ недальній и взбалмошный. Тогда въ Екатеринославѣ собора еще не было, такъ какъ основанный Екатериною состоялъ лишь изъ одного фундамента, и то далеко не оконченнаго; а было всего двѣ деревянныя церкви. Архіерей Іовъ предпочиталъ изъ нихъ церковь, казавшуюся на видъ нѣсколько благовиднѣе, и чаще въ ней служилъ, несмотря на то, что она находилась въ дальней части города. Архіерей неоднократно говорилъ Елчанинову, чтобы онъ отъ берега Днѣпра провезъ великаго князя въ эту церковь; но вице-

*) Отечественныя Записки, Апрѣль 1862 г. „Замѣтки о Кавказѣ", Скарятина.

губернаторъ въ суматохѣ и попыхахъ вѣроятно забылъ объ этомъ, и когда при встрѣчѣ великаго князя на берегу Днѣпра, по переправѣ, на вопросъ Елчанинова: «куда его высочество прикажетъ вести себя», послѣдовалъ отвѣтъ: «въ соборъ», — то Елчаниновъ и поѣхалъ на дрожкахъ предъ экипажемъ великаго князя въ старый соборъ. Это происходило уже поздно вечеромъ, было темно, грязно, шелъ дождь, великій князь сильно усталъ отъ дороги. Подъѣхавъ къ церкви, нашли ее запертою; изъ духовенства ни души, да и вообще никого, и встрѣчи никакой: все пусто и мрачно. Духовенство, публика, народъ, ожидали въ другой церкви, находившейся отъ туда болѣе чѣмъ за версту. Елчаниновъ, растерявшись окончательно, послалъ розыскивать духовенство по домамъ. Время проходило, ждали очень долго; наконецъ, узнавъ въ чемъ дѣло, вице-губернаторъ, доложилъ, что архіерей ожидаетъ въ другой церкви. Великій князь, потерявъ терпѣніе, отвѣчалъ: «я хотѣлъ помолиться Богу, а не видѣть архіерея», и приказалъ везти себя на квартиру. Архіерей, взбѣшенный до крайности, прождалъ въ церкви со всѣмъ духовенствомъ и дворянствомъ болѣе шести часовъ и долженъ былъ уѣхать, не видавъ великаго князя. На другой день, на парадномъ представленіи, архіерея, какъ слѣдуетъ, помѣстили въ залѣ первымъ при выходѣ его высочества изъ кабинета, и первыя его слова были: «Простите, ваше высочество, что вчера по глупости вотъ этого господина» (указывая пальцемъ на вице-губернатора) «васъ провезли въ пустую церковь и надѣлали много безпокойства». Великій князь улыбнулся и отошелъ отъ него, обойдя и Елчанинова. Долгое время этотъ забавный случай служилъ неистощимымъ предметомъ разговоровъ. Вице-губернаторъ вслѣдъ затѣмъ былъ отставленъ.

Лѣто 1817 года я провелъ большею частію въ разъѣздахъ по колоніямъ Херсонской губерніи и въ ознакомленіи съ ихъ общимъ состояніемъ. Бабушка и Елена Павловна настаивали, чтобы я ѣхалъ въ Харьковъ экзаменоваться въ университетѣ для полученія слѣдующаго чина, дабы исторгнуться изъ сонма титулярныхъ совѣтниковъ; но я упорствовалъ, потому что считалъ неприличнымъ, будучи уже около тридцати лѣтъ отъ роду, становиться въ рядъ школьниковъ и добиваться чина подкупомъ профессоровъ, какъ это въ то время обыкновенно дѣлалось. Мнѣ кажется, что напрасно баронъ Корфъ въ своемъ сочиненіи «Жизнь графа Сперанскаго» старается оправдать этотъ законъ тѣмъ, что хотя такое постановленіе было сопряжено со многими неудобствами, но все же оказало пользу, подвинувъ къ образованію молодое поколѣніе. Эта цѣль была бы достигнута и тогда, если бы постановленіе распространялось только на

вновь поступающихъ въ службу. Но заставлять проходить школьный курсъ уже служившихъ чиновниковъ, и особенно открывать дорогу къ неблаговидному корыстолюбію профессоровъ, было и неудобно, и неприлично. Въ Харьковъ я не поѣхалъ и слѣдующій чинъ VIII класса получилъ только въ 1823 году, по особенному ходатайству покойнаго князя Кочубея, помимо закона объ экзаменахъ.

Въ концѣ этого же 1817 года, министерство нашло нужнымъ вытребовать меня въ Петербургъ съ денежными отчетами прежняго времени, по поводу издержекъ на переселяющихся колонистовъ. Отчеты дѣйствительно находились въ чрезвычайной запутанности и безпорядкахъ. Я выѣхалъ въ началѣ 1818 года, въ самую распутицу, по дорогамъ непроѣзднымъ отъ дождей, грязи, всякихъ непогодъ, а главное задержекъ на станціяхъ, по причинѣ отсутствія лошадей. Пришлось еще заѣзжать по дѣламъ въ разныя мѣста, также въ колонію Радичево, гдѣ уже начались распри, раздоры и дрязги между сектантами по поводу раздѣловъ земли. Такъ я ѣхалъ до Петербурга болѣе трехъ недѣль и остановился на квартирѣ у брата Павла состоявшаго тогда правителемъ дѣлъ при графѣ Аракчеевѣ. Начальство мое выказало ко мнѣ самое милостивое расположеніе, и всѣ, начиная отъ министра, приняли меня весьма ласково и любезно. Эта поѣздка была мнѣ полезна тѣмъ, что сдѣлала меня ближе извѣстнымъ министру Козодавлеву и бывшему директору департамента по части колонизацій, Степану Семеновичу Джунковскому, человѣку почтенному и смышленому. Фельдмаршала князя Салтыкова уже не было въ живыхъ, но я нашелъ туже неизмѣнную привѣтливость, тоже теплое радушіе въ сыновьяхъ его, особенно въ слѣпомъ князѣ Димитріи Николаевичѣ, который непремѣнно требовалъ, чтобы я каждый день у него обѣдалъ.

Въ бытность мою въ Петербургѣ совершилось новое преобразованіе управленія Новороссійскими и Бессарабскими колоніями. Поводомъ къ тому послужило ходатайство у императора Александра I-го, во время частыхъ поѣздокъ его въ то время заграницу, г-жи Криденеръ и другихъ мистиковъ, о дозволеніи переселиться въ Россію многимъ жителямъ изъ всѣхъ странъ Германіи, состоявшимъ преимущественно изъ піетистовъ, и объ оказаніи имъ особеннаго покровительства. Для этой цѣли были предназначены почти всѣ свободныя земли въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи. Для главнаго управленія эмигрантами учрежденъ попечительный комитетъ, предсѣдателемъ коего назначенъ генералъ Инзовъ, а для мѣстной администраціи учреждены три конторы: Екатеринославская, Одесская и Бессарабская, и сверхъ того еще отдѣльное управленіе надъ Бессарабскими Болгарами. Учрежденіе въ этомъ видѣ могло быть нужно и полезно лишь въ томъ слу-

чаѣ, еслибы дѣйствительно въ Россію повалили изъ Германіи многіе десятки тысячъ Нѣмцевъ; но этого не случилось. Германскія правительства препятствовали переселенію массами; распространеніе піетизма въ большихъ размѣрахъ не совершилось, и вообще, въ послѣдующіе затѣмъ годы, Нѣмцы изъ тѣхъ странъ своего отечества, гдѣ имъ сдѣлалось ужъ слишкомъ тѣсно, предпочли вмѣсто Россіи переселяться въ Америку. Поэтому главное вниманіе Инзова сосредоточилось на Болгарахъ, которые въ числѣ до 10 т. семействъ переселились изъ Турціи и были водворены въ окружностяхъ Измаила. При этомъ новомъ учрежденіи, я получилъ должность предсѣдателя Екатеринославской конторы иностранныхъ поселенцевъ съ содержаніемъ до трехъ тысячъ рублей, чѣмъ матеріальное мое состояніе значительно улучшилось.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ я возвратился изъ Петербурга въ Екатеринославъ. Вскорѣ прибылъ туда и новый мой начальникъ Инзовъ. Личность Ивана Никитича Инзова была очень загадочная по его происхожденію, котораго никто не зналъ и по таинственной обстановкѣ, сопровождавшей его дѣтство. Въ послужномъ спискѣ онъ значился коротко: «изъ дворянъ». Но тогда еще находились въ живыхъ немногіе люди близко знакомые съ Инзовымъ съ самаго ранняго его возраста; они разсказывали объ этихъ странныхъ обстоятельствахъ его жизни слѣдующимъ образомъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, проживалъ въ своемъ имѣніи (кажется, Пензенской губерніи) со всѣмъ своимъ довольно большимъ семействомъ князь Юрій Никитичъ Трубецкой, находившійся въ самой тѣсной и давней дружбѣ съ извѣстнымъ графомъ Яковомъ Александровичемъ Брюсомъ. Однажды, совершенно неожиданно, къ кн. Трубецкому пріѣхалъ изъ Петербурга графъ Брюсъ и привезъ съ собою маленькаго ребенка-мальчика. Къ удивленію кн. Трубецкаго, графъ обратился къ нему съ горячей и настоятельной просьбой взять мальчика къ себѣ, въ свое семейство, заботиться о немъ какъ о своемъ собственномъ ребенкѣ и стараться дать ему самое лучшее воспитаніе и образованіе, какое только возможно; относительно же издержекъ по этому поводу просилъ не хлопотать, такъ какъ всѣ средства для содержанія и воспитанія ребенка будутъ доставляться обильно и своевременно, и дальнѣйшая его участь также не можетъ представлять затрудненій, потому что она заранѣе обезпечена. На вопросъ кн. Трубецкаго: что̀ же это за мальчикъ, кто онъ такой? Брюсъ отвѣчалъ, что это должно оставаться тайною, которую теперь онъ ему открыть не можетъ, а откроетъ только передъ смертью и только ему одному. Трубецкой просилъ сказать по крайней мѣрѣ, какъ мальчика зовутъ, какъ его фамилія? На это Брюсъ ему сообщилъ, что мальчика зовутъ Иванъ, а фамилія его Инзовъ. Мальчикъ остался

на воспитаніи и попеченіи Трубецкихъ. Фамилія *Инзовъ*, очевидно, сокращенная отъ двухъ словъ—*иной зовъ* или *иначе зовутъ*, представляла широкое поле для догадокъ всякаго рода и заставляла предполагать вѣроятное намѣреніе скрыть настоящее имя или происхожденіе. Но загадка такъ и осталась загадкой и никогда ничѣмъ не разъяснилась. Ходили слухи, будто бы онъ былъ сынъ императора Павла до его женитьбы и еще другіе столь же проблематическіе. Многіе десятки лѣтъ спустя, когда Инзовъ былъ уже старикомъ и полнымъ генераломъ, во время проѣзда императора Николая Павловича чрезъ Одессу, Инзовъ обѣдалъ за царскимъ столомъ, и Государь вдругъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Кто былъ вашъ отецъ?» Инзовъ отвѣчалъ просто и спокойно: «Не знаю, Ваше Величество». Государь внимательно посмотрѣлъ на него и умолкъ.

Въ домѣ кн. Трубецкихъ мальчикъ жилъ какъ въ родной семьѣ; его воспитали, учили, ласкали и въ назначенные сроки постоянно получали отъ гр. Брюса весьма щедрыя суммы на его содержаніе. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Вдругъ графъ Брюсъ умеръ внезапно отъ апоплексическаго удара, и вмѣстѣ съ нимъ прекратились и присылки суммъ. Трубецкіе очутились въ очень затруднительномъ положеніи, съ неизвѣстнымъ мальчикомъ на рукахъ и лишившись значительнаго дохода на издержки по его воспитанію. Они потужили, погоревали, но покорились необходимости и продолжали воспитывать мальчика по прежнему, вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Воспитаніе дали они ему хорошее; но затрудненіе ихъ еще увеличилось, когда ему минуло семнадцать лѣтъ,— возрастъ, въ которомъ тогда поступали уже на службу. Не зная, что̀ предпринять, наконецъ, рѣшились повезти его въ Петербургъ, гдѣ князь имѣлъ связи, родныхъ, знакомыхъ при дворѣ; онъ передалъ имъ исторію съ своимъ воспитанникомъ, свои затрудненія и успѣлъ довести все это до свѣдѣнія императрицы Екатерины. Тотчасъ же затѣмъ Инзовъ былъ зачисленъ на службу въ гвардію, опредѣленъ прямо генеральсъ-адъютантомъ къ князю Николаю Васильевичу Репнину, что̀ дало ему съ разу чинъ преміеръ-маіора, и получилъ три тысячи червонцевъ на *обмундированіе* и обзаведеніе. Потомъ служебное его поприще продолжалось довольно успѣшно; за службой его внимательно слѣдили и императрица Екатерина, и послѣ нея императоры Павелъ и Александръ I-й, до самаго назначенія его къ управленію надъ колоніями, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Всѣ эти подробности я узналъ въ Пензѣ отъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой, по первому мужу княгини Гагариной, дочери этого самаго князя Трубецкаго. Инзовъ съ нею вмѣстѣ взросъ и воспитывался въ домѣ отца ея.

Если Инзовъ не сдѣлалъ блестящей, видной карьеры, то единственно по недостатку всякаго стремленія къ тому, по отсутствію честолюбія и претензіи на какія бы то ни было военныя или гражданскія доблести. Хотя служилъ онъ въ военной службѣ, но натура его не содержала въ себѣ ничего воинственнаго. Онъ былъ человѣкъ добрый, съ познаніями, совершенно безкорыстный и особенно весьма благочестивый; въ нравственномъ отношеніи вполнѣ безукоризненный (самъ о себѣ онъ говорилъ, что физически сохранилъ въ неприкосновенности свою дѣвственную невинность и чистоту); но вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый, нерѣшительный, подвергавшійся часто вліянію людей недостойныхъ того, мелочной; говорили, что онъ, когда не было другаго служебнаго занятія, постоянно самъ помогалъ писарямъ пришивать бумаги въ дѣлахъ. Ко мнѣ онъ показывалъ всегда прекрасное расположеніе; только подъ конецъ моей службы съ нимъ, онъ ко мнѣ нѣсколько охладѣлъ за то, что я иногда слишкомъ рѣзко говорилъ ему правду. Предъ кончиною своею (1844) онъ нѣсколько лѣтъ находился въ болѣзненномъ состояніи, разбитый параличомъ, лишился употребленія языка и не вставалъ съ постели, но былъ оставляемъ на службѣ до самой смерти. Вѣчная ему память!

Во время послѣдняго моего пребыванія въ Петербургѣ, императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Новороссійскій край въ Маѣ мѣсяцѣ. Въ Одессѣ онъ удостовѣрился о незабвенныхъ заслугахъ на пользу этого края герцога Ришелье, бывшаго тогда уже первымъ министромъ во Франціи, и послалъ ему при лестномъ рескриптѣ орденъ Андрея Первозваннаго. Изъ Одессы путь Государя пролегалъ въ Крымъ чрезъ Молочанскія колоніи. Предъ этимъ временемъ Контеніусъ только что вышелъ вовсе въ отставку, но поѣхалъ въ Молочанскія колоніи, чтобы благодарить Государя за пожалованный ему пенсіонъ. Государь остался чрезвычайно доволенъ устройствомъ колоній и успѣхъ въ томъ приписалъ главнѣйшимъ образомъ трудамъ и попеченіямъ Контеніуса, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Государь его обласкалъ, расцѣловалъ, заставилъ согласиться снова возвратиться на службу и быть помощникомъ Инзову, на сколько онъ могъ по слабому своему здоровью; и, при выѣздѣ изъ колоніи, надѣлъ на него собственноручно ленту со звѣздой Св. Анны 1-й ст. Эта награда поразила всѣхъ своей необычайностію, такъ какъ Контеніусъ находился всего въ чинѣ статскаго совѣтника: тогда ее имѣли только онъ и Карамзинъ. Она возбудила зависть и негодованіе враждовавшихъ противъ него мелкихъ душъ; но добрый старикъ продолжалъ трудиться и приносилъ пользу своей службой до послѣдняго дня жизни.

За выбытіемъ навсегда изъ Россіи герцога Ришилье, генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края былъ назначенъ графъ Ланжеронъ. Онъ олицетворялъ собою настоящаго chevalier loyal временъ Генриха IV-го: храбрый генералъ, добрый, правдивый человѣкъ, но разсѣянный, большой балагуръ и вовсе не администраторъ. Въ 1818-мъ году въ Одессѣ Государь останавливался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Ланжеронъ, выходя изъ кабинета, заперъ его на ключъ, позабывъ, что въ то время хозяиномъ кабинета былъ Государь, а не онъ. Но правленіе графа Ланжерона, хотя и непродолжительное, прошло не безъ пользы для края, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что въ важнѣйшихъ предметахъ онъ слѣдовалъ постоянно предначертаніямъ герцога Ришилье.

Въ 1818-мъ году посѣтили Новороссійскій край два знаменитыхъ квакера: одинъ Англичанинъ Алленъ, а другой Американецъ Грелье. Цѣль ихъ путешествія состояла въ обозрѣніи тюремъ въ Россіи и въ желаніи удостовѣриться, точно ли наши духоборцы находились въ единомысліи съ ними по вѣрѣ, въ чемъ ихъ увѣряли. Это были люди истинно почтенные и благонамѣренные. Они привезли мнѣ рекомендательныя письма изъ Петербурга, и я съ ними сошелся довольно близко, такъ что по отъѣздѣ своемъ они вели со мной переписку изъ-за границы въ теченіе многихъ лѣтъ. Относительно духоборцевъ они совершенно разочаровались.

Въ 1819-мъ году, я много разъѣзжалъ по колоніямъ; осматривалъ пустопорожнія степи, предназначавшіяся для водворенія вновь большаго числа колонистовъ, чего впрочемъ не состоялось. Пришлось опять заѣхать въ Крымъ. Тамъ я познакомился съ новымъ губернаторомъ, Александромъ Николаевичемъ Барановымъ. Подобнаго губернатора я никогда болѣе не зналъ. Это былъ молодой человѣкъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по своимъ отличнымъ качествамъ императору Александру Павловичу, который узналъ его съ такой хорошей стороны, какъ особенно даровитаго чиновника, что, несмотря на то, что ему было всего двадцать три года отъ роду, назначилъ его губернаторомъ въ Крымъ, собственно для устройства Таврической губерніи, въ коей прежніе неспособные губернаторы надѣлали весьма большіе безпорядки. Своею необыкновенною дѣятельностію, способностію къ дѣламъ и благонамѣренностію онъ оправдалъ вполнѣ довѣріе къ нему Государя, но къ сожалѣнію въ два года убилъ себя непомѣрными трудами и умеръ на двадцать шестомъ году *). Мѣсто его заступилъ Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ, женатый на графинѣ Растопчиной, человѣкъ добрый, но для службы безполезный.

---

*) Это былъ сынъ Московскаго почетнаго опекуна Н. Н. Баранова. П. Б.

Въ этомъ же году я также побывалъ въ Бессарабіи, по случаю переѣзда на жительство генерала Инзова въ Кишиневъ: онъ былъ назначенъ къ исправленію должности намѣстника въ Бессарабіи. Тамъ я познакомился и съ Пушкинымъ, сосланнымъ въ Кишиневъ на покаяніе за свои шалости подъ руководство благочестиваго Инзова, у котораго въ домѣ онъ и жилъ. Шалости онъ дѣлалъ и саркастическіе стихи писалъ и тамъ. Помню, между прочимъ, какъ онъ однажды, поссорившись за обѣдомъ у Инзова съ членомъ попечительнаго комитета Лановымъ, человѣкомъ хорошимъ, но имѣвшимъ претензію на литературныя способности, коими не обладалъ, и къ тому еще толстую, неуклюжую фигуру, обратился къ нему съ слѣдующимъ экспромтомъ:

Кричи, шуми, болванъ болвановъ,
Ты не дождешься, другъ мой Лановъ,
Пощечинъ отъ руки моей.
Твоя торжественная рожа
. . . . такъ похожа,
Что только проситъ киселей.

Инзовъ велѣлъ имъ обоимъ выдти вонъ. Лановъ вызывалъ Пушкина на дуэль, но дуэль не состоялась; Пушкина отправили куда-то, а Лановъ отъ огорченія заболѣлъ.

Возвращаясь изъ Бессарабіи, я объѣзжалъ въ Херсонской губерніи Еврейскія колоніи. Жиды продолжали торговать землею, тайно шинкарствовать и бродяжничать. Бывъ водворены отдѣльно отъ Русскихъ, они сильно враждовали и ссорились между собою; жалобамъ ихъ другъ на друга не было конца. Изъ семи сотъ семей оказалось только три или четыре сносныхъ хозяевъ-земледѣльцевъ, да и то занимавшихся хозяйствомъ не своими руками, а сосѣднихъ Русскихъ поселянъ. Въ одной изъ Еврейскихъ колоній, между Херсономъ и Николаевымъ, я встрѣтился съ помѣщикомъ Акимомъ Степановичемъ Якимовымъ, человѣкомъ весьма почтеннымъ. Съ небольшимъ состояніемъ, заключавшимся всего изъ восьмидесяти душъ, онъ умѣлъ сдѣлаться въ тѣхъ мѣстахъ образцовымъ хозяиномъ. Дѣятельный, толковый и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный, кроткій, онъ мирно проживалъ въ своей деревушкѣ вдвоемъ съ старушкою-женою, такою же доброю какъ и онъ. Они были бездѣтны и очень походили на извѣстную чету, Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, Гоголя, съ тѣмъ преимуществомъ, что, кромѣ гостепріимства и радушія, отличались еще необыкновенною благотворительностію и, несмотря на свои небольшія средства, помогали всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся въ ихъ окрестностяхъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ. Старикъ зналъ хорошо сельскую медицину и снабжалъ безвозмездно лѣкарствами приходившихъ къ нему

больныхъ. Евреи, сосѣдніе съ нимъ своими поселеніями, часто употребляли во зло его добродушіе и надували его разными способами; но онъ только улыбался и продолжалъ имъ благотворить.

Съ 1820-го по 1825-й годъ занятія мои, какъ бюрократическія такъ и по разъѣздамъ, были многочисленны. Не могу пожаловаться, чтобы они оставались безъ вниманія: я получилъ въ это время два креста и нѣсколько денежныхъ награжденій. Генералъ Инзовъ оказывалъ мнѣ тогда особенно свое доброе расположеніе. Семейство мое умножилось рожденіемъ дочери Екатерины въ 1819 году и сына Ростислава въ 1824-мъ *). Домашнихъ хлопотъ всякаго рода было довольно.

Въ Мартѣ 1824-го года скончалась наша бабушка Елена Ивановна Бандре-дю-Плесси.

Въ 1822-мъ году, генералъ Инзовъ, по возникшимъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ касательно водворенія колонистовъ въ южномъ краѣ, нашелъ нужнымъ отправить меня въ Петербургъ для личныхъ по этому предмету объясненій въ министерствѣ. Тогда управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ покойный князь Викторъ Павловичъ Кочубей, замѣчательный государственный человѣкъ. Въ немъ было то большое достоинство что онъ терпѣливо выслушивалъ всѣхъ, даже и возраженія, отъ кого бы то ни было. Заученныхъ отрывочныхъ фразъ, какія я встрѣчалъ у другихъ министровъ впослѣдствіи, фразъ, которыя дѣла не объясняютъ, а только говорятся, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ призванныхъ ими чиновниковъ,

*) Андрей Мих. не упоминаетъ о дочери Анастасіи, родившейся въ 1821-мъ году и умершей нѣсколько мѣсяцевъ спустя. О такомъ ребенкѣ нечего было бы и говорить если бы ея мимолетное существованіе не отмѣтилось однимъ загадочнымъ случаемъ. Въ этомъ году Андрей Мих. провелъ съ семействомъ часть лѣта на южномъ берегу, и на возвратномъ пути, въ одной изъ Нѣмецкихъ колоній, разстался съ своей семьей, отправившись въ свои разъѣзды; а Елена Павл. съ дѣтьми поѣхала обратно въ Екатеринославъ. Андрей Мих. уѣхалъ немного прежде, а вслѣдъ за нимъ Елена Павл., сѣвъ въ экипажъ съ дѣтьми, готовилась тоже ѣхать, какъ къ ней подошла колонистка, жена старшины колоніи и, пожелавъ счастливаго пути, взглянула на ребенка, спавшаго на рукахъ Елены Павл. и вдругъ спросила: „На долго-ли уѣхалъ вашъ мужъ"?—Мѣсяца на полтора, сказала Елена Павл. Нѣмка съ сожалѣніемъ въ голосѣ и какъ бы въ раздуміи проговорила:—„Какъ жаль, что онъ болѣе не увидитъ этого прекраснаго ребенка."—Почему? съ удивленіемъ спросила Елена Павл.—„Онъ его ужъ не застанетъ", объявила колонистка и быстро отошла отъ экипажа. Слова эти очень встревожили Елену Павл., но ребенокъ былъ совершенно здоровъ и не возбуждалъ никакихъ опасеній. Дорогу совершили благополучно, и слова Нѣмки, приписываемыя какому-то бреду, были бы забыты, если бы за недѣлю до возвращенія Андрея Мих. дѣвочка не заболѣла простуднымъ коклюшемъ, который въ два-три дня свелъ ее въ могилу, и Андрей Мих. не засталъ ея. Елену Павл. долго мучила мысль, почему колонистка могла это знать? И когда спустя года два, мужъ этой колонистки, какъ старшина колоніи, пріѣхалъ въ Екатеринославъ къ Андрею Мих. по дѣламъ, Елена Павл. спросила его о томъ. Но колонистъ, видимо смутившись, уклонился отъ отвѣта. Да вѣроятно и не могъ этого объяснить.

у него не было. Я имѣлъ случай сдѣлаться ближе ему извѣстнымъ въ 1823-мъ году, когда онъ, по болѣзни своей дочери, пріѣзжалъ въ Крымъ и провелъ зиму въ Ѳеодосіи. Мы съ Инзовымъ, объѣзжая иностранныя поселенія, заѣхали тогда въ Ѳеодосію, гдѣ прожили болѣе трехъ недѣль и каждый день обѣдали и проводили вечера у князя Кочубея. Тамъ я много слышалъ разсказовъ, сужденій и личныхъ мнѣній князя, всегда здравыхъ, правильныхъ, показывавшихъ большое знаніе Россіи. Весною 1824-го года я его сопровождалъ при посѣщеніи имъ Молочанскихъ колоній, и затѣмъ по его приглашенію гостилъ у него въ Крыму, гдѣ онъ въ то время проживалъ въ имѣніи Бороздина Саблахъ, между Симферополемъ и Бахчисараемъ; а осенью того же года я былъ у него въ прекрасномъ его Малороссійскомъ имѣніи Диканькѣ. О Кочубеѣ судили различно. Всѣ почти отдавали должную справедливость его неоспоримымъ, высокимъ дарованіямъ, какъ государственнаго дѣятеля, но многіе также указывали на его темныя стороны, какъ человѣка. Говорили, что онъ большой эгоистъ, что онъ своекорыстенъ; говорили, будто бы онъ всегда продавалъ свое вино откупщикамъ, а Испанскую шерсть суконнымъ фабрикантамъ дороже обыкновенныхъ цѣнъ, потому что они нуждались въ его покровительствѣ; что онъ обременялъ подчиненныя ему лица порученіями по собственнымъ дѣламъ и проч. и проч. Можетъ быть, была здѣсь и доля правды; но нѣтъ людей безъ слабостей, а князь Кочубей покрывалъ ихъ своими обширными познаніями, благотворною дѣятельностію и высшими административными способностями.

Въ туже свою поѣздку въ Петербургъ, я познакомился съ графомъ Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ, по рекомендаціи тестя моего, давнишняго его пріятеля. Нельзя было не полюбить этого почтеннаго старца, кажется, одного изъ послѣднихъ представителей вельможъ вѣка Екатерины II-й. Я часто у него обѣдалъ и бывалъ запросто. Онъ дома всегда одѣвался въ шлафрокъ со звѣздами и ходилъ въ башмакахъ. Бесѣда его, занимательная, умная и часто поучительная, оставляла очень пріятное впечатлѣніе.

Во время этого пребыванія моего въ Петербургѣ, я имѣлъ случай видѣть, какъ у насъ въ министерствѣ ведутся даже и самыя важныя дѣла. Осенью 1821-го года, переселяли нѣсколько тысячъ семействъ изъ Малороссіи и Харьковской губерніи (кажется, чтобы очистить мѣста для Чугуевскихъ военныхъ поселеній) въ Черноморье, со всѣмъ ихъ имуществомъ. 1821-й годъ случился въ Екатеринославской губерніи неурожайный, и въ кормѣ скота на зиму предстояла крайняя скудость; а скотъ препровождался съ Малороссіянами огромной массой, въ количествѣ многихъ тысячъ. Тогдашній Екатеринославскій губернаторъ Ше-

міотъ представилъ министерству о необходимости закупить на казенный счетъ фуражъ для кормленія всего скота у Малороссіянъ, въ отвращеніе его гибели отъ недостатка корма, и притомъ присовокупилъ смѣту о потребности ассигнованія нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на этотъ предметъ. Надобно знать, что губернаторъ Шеміотъ былъ человѣкъ весьма заботливый о своихъ интересахъ, хотя добрый, неглупый и вполнѣ порядочный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Смѣта его, представленная довольно поздно, залежалась въ министерствѣ, по причинѣ огромности требованія. Помню, какъ теперь, что именно въ Благовѣщеніе, 25-го Марта, директоръ департамента прислалъ меня звать къ себѣ по экстренному дѣлу. Объяснивъ мнѣ это самое дѣло, онъ мнѣ сказалъ, что министръ поручилъ ему просить меня сообщить мое мнѣніе по поводу этой смѣты, не слишкомъ ли она преувеличена противъ дѣйствительной потребности. Я попросилъ его доложить министру, что, по моему мнѣнію, въ настоящее время уже ничего дѣлать не надобно, ибо послѣдовало одно изъ двухъ: или весь скотъ у Малороссіянъ передохъ отъ голода, или же они нашли средство прокормить его сами; а теперь, съ 25-го Марта, въ Новороссійскомъ краѣ, скотъ въ подобныхъ случаяхъ уже начинаютъ выгонять для корма въ степь, и потому ассигнованіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на прокормленіе скота оказывается совершенно излишнимъ. Мнѣніе мое министръ нашелъ вполнѣ резоннымъ, и ходатайство губернатора Шеміота вмѣстѣ со смѣтою принято къ свѣдѣнію.

Въ Петербургѣ меня задержали долѣе нежели я разсчитывалъ: пріѣхалъ недѣли на три, а пришлось прожить болѣе трехъ мѣсяцевъ. Привезенныя мною дѣловыя бумаги министръ просматривалъ не торопясь, затѣмъ представилъ на разрѣшеніе и утвержденіе Государя Императора. Министръ часто призывалъ меня къ себѣ, былъ ко мнѣ по обыкновенію очень благосклоненъ; но для подробнаго разъясненія дѣлъ требовались довольно продолжительныя аудіенціи, слѣдовательно много времени, которымъ онъ не всегда могъ располагать по своему произволу. Нѣсколько разъ онъ назначалъ мнѣ часы, почти всегда вечеромъ, для переговоровъ со мной, и всякій разъ встрѣчалось какое нибудь препятствіе, разстраивавшее дѣло. Большею частію посѣщенія мои ограничивались разговоромъ съ швейцаромъ или секретаремъ, объявлявшимъ мнѣ, что графъ извиняется: долженъ ѣхать во дворецъ или на балъ, и проситъ въ другой день. А если никуда не ѣхалъ, то по какой-то роковой случайности, непремѣнно, внезапно являлся графъ Сперанскій, и когда я уже входилъ въ кабинетъ министра, торопливо перегонялъ меня, и сидѣлъ у него такъ долго, что ничѣмъ нельзя было заняться. Впрочемъ, если бы не разлука съ семействомъ, я бы не ску-

чалъ въ Петербургѣ. Множество знакомыхъ, родныхъ моихъ и жены моей, занятія по дѣламъ, дома и въ министерствѣ, разныя порученія изъ Екатеринослава (преимущественно покупокъ), визиты и разъѣзды по городу, не оставляли минуты свободной. Пріятно проводилъ я время съ добрыми пріятелями: Анастасевичемъ библіотекаремъ Румянцовскаго Музея, Джунковскимъ директоромъ департамента, князьями Салтыковыми, Александромъ и Дмитріемъ Николаевичами, и многими другими. Бывалъ также у извѣстнаго митрополита Сестренцевича, стариннаго, болѣе чѣмъ полувѣковаго друга покойнаго дѣда и бабки Бандре-де-Плесси; онъ все мнѣ разсказывалъ о давно прошедшей красотѣ бабушки Елены Ивановны (она тогда еще была жива), которую зналъ съ самыхъ ея молодыхъ лѣтъ *). По сосѣдству отъ моей квартиры, жила тоже извѣстная г—жа Криденеръ, и каждое Воскресенье у нея происходило нѣчто въ родѣ обѣдень по ея образцу, подъ названіемъ *эдифицій.* На масляницѣ, не бывая въ театрахъ и маскарадахъ, я зашелъ изъ любопытства посмотрѣть на это зрѣлище, и нашелъ, что оно стоило хорошаго спектакля. Такія продѣлки были тогда въ модѣ въ Петербургѣ; замѣчательнѣйшими изъ нихъ считались молитвенныя сборища у нѣкоей Татариновой, сопровождавшіяся такой скандальной обста-

---

*) Елена Павловна де-Бандре въ молодости была очень хороша собой; слухъ о красотѣ ея дошелъ даже до императрицы Екатерины II, которая пожелала ее видѣть и приказала мужу ея, находившемуся тогда въ Крымской кампаніи, немедленно пріѣхать въ Петербургъ *вмѣстѣ съ своей женой.* Они были очень милостиво приняты Императрицей и часто бывали на куртагахъ въ Эрмитажѣ. У правнуковъ ихъ до сихъ поръ хранятся превосходные портреты ихъ прадѣда и прабабки, де-Бандре, писанные масляными красками въ натуральную величину, по поясъ. Елена Ивановна изображена въ пудрѣ, съ розой на груди, въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ представлялась въ первый разъ Императрицѣ. Прадѣдъ—тоже красавецъ, съ благороднымъ, мужественнымъ, родовитымъ лицомъ, въ мундирѣ генералъ-поручика, съ пудрой на головѣ. Въ этомъ портретѣ есть какая-то таинственная особенность, по которой, люди, принадлежащіе къ масонству, узнаютъ въ немъ масона, хотя по наглядности портретъ не заключаетъ въ себѣ рѣшительно никакого знака, и ни малѣйшаго намека на число три. При жизни его никто не зналъ о его принадлежности къ масонству, а послѣ смерти, при разборѣ оставшихся бумагъ, жена его открыла это. Спустя лѣтъ 20, когда Фадѣевы жили въ Екатеринославѣ, туда заѣхалъ Американскій миссіонеръ Алленъ и, находясь у нихъ въ домѣ, обратилъ вниманіе на висѣвшіе въ гостиной по стѣнамъ портреты, причемъ, указавъ на генерала де-Бандре, тотчасъ объявилъ: „это былъ масонъ, и высшей степени!“ На вопросъ Елены Павл. Фадѣевой, почему онъ это знаетъ,—онъ извинился невозможностію отвѣчать и, не смотря на всѣ просьбы, ничего болѣе не сказалъ. Другой разъ, уже въ 40 годахъ, когда Андрей Мих. былъ губернаторомъ въ Саратовѣ, у него обѣдалъ путешествовавшій по Россіи президентъ Лондонскаго географическаго общества извѣстный ученый Мурчисонъ, и тоже, осматривая портреты послѣ обѣда, остановился передъ портретомъ де-Бандре и спросилъ у Елены Павловны, „кто онъ?“ На отвѣтъ, что это ея дѣдъ, Мурчисонъ сказалъ: „а знаете ли вы, что онъ былъ масонъ, и очень высокой степени!“ И также какъ и Алленъ, на отрѣзъ отказался отъ всякихъ объясненій по этому поводу.

новкой, что трудно придумать что нибудь болѣе комическое или безобразное. Конечно я самъ ихъ не видалъ и не имѣлъ къ тому ни малѣйшей охоты. Заходилъ я также въ католическую церковь послушать моднаго проповѣдника Госнера, который ораторствовалъ всегда по Четвергамъ, въ восьмомъ часу вечера. Такъ дни шли за днями, пока наконецъ я, начавъ уже тяготиться долговременностью и тунеядствомъ моего пребыванія въ Петербургѣ, рѣшился атаковать министра просьбою отпустить меня поскорѣе, такъ какъ служебныя дѣла необходимо требуютъ моего обратнаго возвращенія. Онъ обѣщалъ не задерживать меня болѣе и приказалъ въ департаментѣ писать бумаги для моего отправленія. Однако только въ началѣ Апрѣля, послѣ очень любезной аудіенціи, объявивъ, что нѣсколько разъ говорилъ о мнѣ Государю съ отличной для меня стороны, онъ разрѣшилъ мнѣ отправиться къ мѣсту моего служенія.

Выѣхалъ я на Святой, въ дилижансѣ, удобной четырехъ-мѣстной каретѣ и безъ всякихъ остановокъ и препятствій доѣхалъ до Москвы на четвертые сутки. Здѣсь мнѣ надобно было пробыть дня три по нѣкоторымъ дѣламъ и чтобы повидаться съ нѣсколькими лицами. Встрѣтилъ я многихъ старыхъ знакомыхъ, въ томъ числѣ Лазарева, очень богатаго извѣстнаго Армянина, заставившаго меня у себя обѣдать. Въ этотъ день мнѣ пришлось видѣть поразительную разницу между разбогатѣвшей буржуазіей и оскудѣвшею знатностію. У Лазарева я удивлялся богатству дома, великолѣпію убранства комнатъ, роскоши обстановки, гастрономической тонкости обѣда. Передняя была набита лакеями въ раззолоченныхъ ливреяхъ, залы какъ во дворцѣ, безпрестанно пріѣзжали съ визитами генералы, графы и камергеры. А вечеромъ въ тотъ же день, поѣхалъ я къ нашему родственнику и другу князю Ивану Михайловичу Долгорукову нѣкогда извѣстному поэту, и едва отыскалъ его ветхій домъ почти за городомъ. Недостатокъ средствъ проглядывалъ во всемъ, комнаты убраны бѣдно, люди одѣты плохо, а самого его я засталъ въ поношенномъ, старенькомъ тулупчикѣ. Онъ мнѣ очень обрадовался, не отпускалъ до поздней ночи и принудилъ дать слово пріѣхать къ нему завтра на цѣлый день. Къ сожалѣнію, мнѣ невозможно было исполнить это слово, потому что на другой день, покончивъ дѣлá, я поспѣшилъ продолжать свой путь.

Поѣздки въ Петербургъ не мѣшали мнѣ, по возвращеніи, почти немедленно возобновить мои разъѣзды по колоніямъ. Молочанскія колоніи и Крымъ я посѣщалъ ежегодно, и эти путешествія не были лишены для меня интереса и даже иногда удовольствія. Особенно пріятно я всегда проводилъ время въ колоніи Нейзацѣ, находящейся между Симферополемъ и Карасубазаромъ. Кромѣ прекраснаго, живо-

писнаго мѣстоположенія колоніи, меня привлекало туда знакомство съ умнымъ и почтеннымъ аббатомъ Месліотомъ, поселившимся въ одной верстѣ отъ нея. Этотъ аббатъ былъ духовникомъ принца Конде, сопутствовалъ ему во время командованія корпусомъ для дѣйствій противъ революціонной Франціи, много видѣлъ, много читалъ и былъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма любезный Французъ.

Также во время моихъ побывокъ въ Молочанскихъ колоніяхъ, я часто видѣлся съ тогдашнимъ начальникомъ Ногайскихъ поселеній графомъ де-Мезономъ. Это былъ умный и замѣчательный Французъ, отличавшійся настойчивостію и терпѣніемъ, не всѣмъ его соотечественникамъ свойственными. Онъ эмигрировалъ изъ Франціи въ революцію, путешествовалъ по всѣмъ странамъ, по всѣмъ морямъ, и въ бытность герцога Ришелье въ Одессѣ пріѣхалъ къ нему въ гости. Ришелье, съ обычною ему проницательностію, тотчасъ понялъ его способности быть хорошимъ администраторомъ надъ кочующимъ народомъ, предложилъ ему поступить на службу и поручилъ его управленію Ногайцевъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ семей, кочевавшихъ близъ Азовскаго моря по сосѣдству съ Молочанскими колоніями. Графъ де-Мезонъ постарался пріобрѣсть довѣріе Ногайцевъ, справедливостію, терпѣніемъ, внимательностію къ ихъ нуждамъ; когда же въ томъ успѣлъ и довелъ ихъ до сознанія, что осѣдлая жизнь лучше кочевой, то созвалъ ихъ старѣйшинъ и объявилъ имъ, что для ихъ же счастія они должны тотчасъ же приступить къ исполненію этой реформы. Въ тотъ же день всѣ ихъ кибитки были сожжены. Приготовительныя мѣры къ назначенію мѣстъ для ихъ поселеній, обмежеванію и проч. были заблаговременно приняты и уже сдѣланы. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ устроилось нѣсколько десятковъ селеній, основаны сады, мельницы, и Ногайцы благословляли своего добраго и попечительнаго начальника. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ за смертію своею довершить свое полезное предпріятіе; при немъ конечно Ногайцы никогда бы не пожелали переселяться въ Турцію.

Въ этотъ годъ я ѣздилъ еще въ Бессарабію. Въ Кишиневѣ Инзовъ всегда приглашалъ меня останавливаться у него въ домѣ. Домъ былъ не особенно великъ, и во время моихъ пріѣздовъ меня помѣщали въ одной комнатѣ съ Пушкинымъ, что̀ для меня было крайне неудобно, потому что я пріѣзжалъ по дѣламъ, имѣлъ занятія, вставалъ и ложился спать рано; а онъ цѣлыя ночи не спалъ, писалъ, возился, декламировалъ и громко мнѣ читалъ свои стихи. Лѣтомъ онъ разоблачался совершенно и производилъ всѣ свои ночныя эволюціи въ комнатѣ, во всей наготѣ своего натуральнаго образа. Онъ подарилъ мнѣ двѣ свои рукописныя поэмы, писанныя имъ собственноручно, Бахчисарайскій Фонтанъ и

Кавказскій Плѣнникъ. Зная любовь моей жены къ поэзіи, я повезъ ихъ ей въ Екатеринославъ вмѣсто гостинца, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что лучшаго подарка сдѣлать ей не могъ. Я думаю, что Елена Павловна едвали не одна изъ первыхъ признала въ Пушкинѣ геніальный талантъ и назвала его великимъ поэтомъ. Однако великій поэтъ придумывалъ иногда такія продѣлки, которыя выходили даже изъ предѣловъ поэтическихъ вольностей. До переѣзда Инзова въ Кишиневъ Пушкинъ находился при немъ нѣкоторое время въ Екатеринославѣ, впрочемъ не долго: заболѣлъ лихорадкой и уѣхалъ съ генераломъ Раевскимъ лѣчиться на Кавказъ. Въ Екатеринославѣ онъ конечно познакомился съ губернаторомъ Шеміотомъ, который однажды пригласилъ его на обѣдъ. Приглашены были и другія лица, дамы, въ числѣ ихъ моя жена (я самъ находился въ разъѣздахъ). Это было лѣтомъ, въ самую жаркую пору. Собрались гости, явился и Пушкинъ, и съ первыхъ же минутъ своего появленія привелъ все общество въ большое замѣшательство необыкновенной эксцентричностію своего костюма: онъ былъ въ кисейныхъ панталонахъ, прозрачныхъ, безъ всякаго исподняго бѣлья. Жена губернатора, г-жа Шеміотъ, рожденная княжна Гедроицъ, старая пріятельница матери моей жены, чрезвычайно близорукая, одна не замѣчала этой странности. Здѣсь же присутствовали три дочери ея, молодыя дѣвушки. Жена моя потихоньку посовѣтывала ей удалить барышень изъ гостиной, объяснивъ необходимость этого удаленія. Г-жа Шеміотъ, не довѣряя ей и не допуская возможности такого неприличія, увѣряла, что у Пушкина просто лѣтніе панталоны, бланжеваго тѣлеснаго цвѣта; наконецъ, вооружившись лорнетомъ, она удостовѣрилась въ горькой истинѣ и немедленно выпроводила дочерей изъ комнаты. Тѣмъ и ограничилась вся демонстрація. Хотя всѣ были очень возмущены и сконфужены, но старались сдѣлать видъ будто ничего не замѣчаютъ; хозяева промолчали, и Пушкину его продѣлка сошла благополучно.

Въ теченіе 1824 и 1825 годовъ я занимался составленіемъ инструкцій для управленія колоніями. Трудъ этотъ, по данной программѣ, былъ обширный, хотя и мало пригодный. У насъ и теперь, для полезнаго служенія нужны достойные и смышленые люди, а не огромныя инструкціи. Контеніусъ не имѣлъ почти никакихъ инструкцій, а былъ полезнѣе исполнителей обширныхъ начертаній графа Блудова, Киселева и Перовскаго. Возвращаясь въ одномъ изъ этихъ годовъ изъ Бессарабіи, я свернулъ съ дороги и сдѣлалъ маленькое путешествіе по Каменецъ-Подольской губерніи, чтобы повидаться съ братомъ моимъ Павломъ Михайловичемъ, находившимся тогда во второй арміи, при главной квартирѣ, и погостить у него нѣсколько дней. Тамъ я видѣлъ

въ первый разъ генерала Киселева, съ которымъ впослѣдствіи имѣлъ такъ много сношеній; а также встрѣчался и познакомился съ нѣсколькими лицами, сдѣлавшимися вскорѣ важными декабристами. Сужденія ихъ и тогда уже отличались такою смѣлостію и рѣзкостію, что удивляли меня; они повидимому одобрялись высшими людьми, какъ напримѣръ генераломъ Киселевымъ.

Въ этомъ году (1824-мъ) мы съ женой были обрадованы рожденіемъ сына Ростислава, единственнаго нашего сына. И радость наша не обманула насъ: теперь, уже въ старости, могу сказать, что въ немъ Богъ намъ даровалъ добраго сына, достойнаго человѣка и вѣрнаго слугу отечества своего *).

Лѣтомъ 1825-го года, я сопровождалъ генералъ-губернатора Новороссійскаго края графа Воронцова по колоніямъ. Онъ путешество-

---

*) Андрей Михайловичъ и Елена Павловна Фадѣевы дали своему сыну имя *Ростислава* вслѣдствіе особенной причины, которая заслуживаетъ быть переданной здѣсь. Задолго до этого, когда Елена Павловна была еще молоденькой дѣвочкой, почти ребенкомъ, былъ у нея двоюродный дядя князь Григорій Алексѣевичъ Долгоруковъ, старый морякъ, долго и много плававшій по морямъ. Онъ командовалъ кораблемъ и съ нимъ находился въ эскадрѣ графа Орлова-Чесменскаго, когда тотъ совершалъ экспедицію въ Италію для похищенія княжны Таракановой. По совершеніи похищенія, Тараканову посадили на этотъ же самый корабль подъ командой Долгорукаго, который и доставилъ ее въ Кронштадтъ. Кн. Долгорукій любилъ разсказывать своей маленькой племянницѣ, какъ онъ совершалъ это путешествіе съ принцессой Таракановой, какая она была очаровательная женщина, любезная, красивая, отличная музыкантша, какъ прекрасно пѣла; бывало, въ тихую лунную ночь, выдетъ на палубу и начнетъ пѣть, и долго-долго поетъ, и такой у нея голосъ, что проникаетъ въ самую глубь души. И подъ это пѣніе у князя Долгорукаго начинали бродить въ головѣ странныя мысли, въ родѣ того: „А что еслибъ съ'нею куда-нибудь удрать! Что-жъ,—матросы меня любятъ, они меня послушаютъ; взять бы, повернуть корабль, да вмѣсто Кронштадта махнуть въ Америку!.. „А тамъ, что Богъ дастъ!“ Такія мысли конечно продолжались только, пока Тараканова пѣла, и умолкали вмѣстѣ съ ея голосомъ. Такъ онъ ее и довезъ до Кронштадта. Тутъ за нею пріѣхали на корабль, взяли, увезли, и съ тѣхъ поръ кн. Долгорукій ея не видѣлъ, нигдѣ ея не могъ открыть и ничего не могъ узнать. Князь Долгорукій былъ старый безсемейный холостякъ, большую часть жизни проводилъ въ морѣ на своемъ кораблѣ и любилъ его со страстію, какъ свое родное дѣтище. Корабль назывался „Ростиславъ“. Князь Долгорукій говорилъ о немъ съ отеческою нѣжностію, иногда со слезами умиленія и постоянно твердилъ своей племянницѣ: „смотри, Еленушка, когда ты „будешь большая и выдешь замужъ, и будетъ у тебя сынъ, ты его назови Ростисла„вомъ, въ честь и память моего корабля; онъ долженъ быть Ростиславъ, непремѣнно „Ростиславъ; смотри же, помни, не забудь“. Прошло много лѣтъ; маленькая дѣвочка сдѣлалась взрослой дѣвушкой, вышла замужъ, была уже матерью двухъ дочерей. Князь Григорій Алексѣевичъ давно уже разстался съ своимъ Ростиславомъ и съ пучинъ морскихъ сошелъ въ нѣдра земныя; но Еленушка не забыла своего обѣщанія. И вотъ, въ 1824-мъ году, 28-го Марта, Богъ ей даровалъ сына, здороваго, большого мальчика, которому по виду можно было дать два-три мѣсяца. Радостно встрѣтили родители своего перваго и единственнаго сына и при его крещеніи исполнили завѣтное желаніе стараго командира корабля „Ростислава“. Н. Ф.

валъ вмѣстѣ съ графинею; и онъ, и она были тогда еще въ цвѣтѣ лѣтъ, очень любезны и привѣтливы.

По возвращеніи моемъ изъ разъѣздовъ осенью этого года, я узналъ, что императоръ Александръ Павловичъ съ Государыней прибыли въ Таганрогъ, дабы тамъ зимовать, по разстроенному ея здоровью. Десятаго Октября я получилъ эстафету отъ графа Воронцова, въ коей онъ меня извѣщалъ, что Государь ѣдетъ въ Крымъ, будетъ проѣзжать чрезъ Молочанскія колоніи, и потому просилъ меня сдѣлать нужныя приготовленія. Я немедленно отправился и исполнилъ все, что слѣдовало.

Путешествіе Государя было направлено изъ Таганрога чрезъ Маріуполь и Ногайскія поселенія. Съ 21-го на 22-е Октября онъ ночевалъ въ главномъ изъ этихъ поселеній, Обыточной, близъ Азовскаго моря, у графа де-Мезона, въ 40 в. верстахъ отъ колоній, и 22-го Октября прибылъ въ колоніи (ровно за четыре недѣли до своей кончины).

Первое поселеніе Менонистовъ на этомъ пути была ферма Штейнбахъ. Государь прибылъ туда въ 12-мъ часу по полуночи. При выходѣ изъ коляски у подъѣзда, Его Величество былъ встрѣченъ мною со старшинами Менонистовъ; по выслушаніи словеснаго рапорта о благосостояніи колоній и принятіи письменнаго о народонаселеніи въ нихъ и хозяйственномъ обзаведеніи, съ планомъ Молочанскаго округа, онъ изволилъ спросить у меня: «Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?» и, получивъ отвѣтъ, спросилъ: «А гдѣ Контеніусъ?» — «Въ Екатеринославѣ, нездоровъ» и съ этими словами я представилъ Его Величеству письмо отъ него. Потомъ Государь обратился къ старшинамъ и принялъ отъ нихъ съ милостивою улыбкою поздравительное письменное привѣтствіе слѣдующаго содержанія: «Всемилостивѣйшій «Государь! Провидѣніе даровало намъ счастіе видѣть Ваше Император-«ское Величество, нашего всемилостивѣйшаго Государя и отца, вто-«рично посреди насъ. Подъ Твоимъ милосерднымъ правленіемъ, подъ «Твоимъ покровомъ и защитою, мы живемъ здѣсь счастливо и по-«койно. Пріими, всепресвѣтлѣйшій Монархъ, изліяніе чувствъ благо-«дарности, преданности и любви; пріими удостовѣреніе нашей сер-«дечной и всегдашней мольбы ко Всевышнему: да Господь увѣнчаетъ «Тебя, весь Твой августѣйшій домъ и всѣ Твои великія и благодѣ-«тельныя предначинанія благословеніемъ Своимъ». Подписано духовными и свѣтскими старшинами Менонистскаго общества.

Государь вошелъ въ комнаты, призвалъ хозяина и хозяйку и милостиво привѣтствовалъ ихъ. Я удостоился приглашенія къ обѣденному столу. Когда я вошелъ въ столовую комнату, Государь уже сидѣлъ за столомъ. Пригласивъ меня сѣсть Русскимъ изреченіемъ «милости просимъ садиться», Его Величество, обращаясь ко мнѣ, началъ слѣдующій разговоръ *).

*) Разговоры съ Государемъ А. М. Фадѣевъ записывалъ въ тотъ же день. Н. Ф.

—«Чѣмъ боленъ Контеніусъ?»—«Грудною болѣзнію, Ваше Величество».—«А я думаю старостію. Сколько ему лѣтъ?»—«Семьдесятъ шесть».—«Кланяйся ему, братецъ, отъ меня и скажи, что я очень жалѣю, что не могу его видѣть, и особенно о причинѣ, по которой онъ не могъ сюда пріѣхать. Скажи ему, что я душевно бы желалъ снять ему лѣтъ двадцать; но это свыше моей власти».

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько вопросовъ о генералѣ Инзовѣ и о другихъ начальникахъ колоніи, Государь сказалъ:—«Въ этой колоніи только два дома?»

— «Это не колонія, В. В.,» отвѣчалъ я, «но хуторъ, основанный при землѣ, пожалованной Вашимъ Величествомъ бывшему Менонистскому старшинѣ Винцу за его усердное общественное служеніе и за основаніе первой въ здѣшнихъ мѣстахъ лѣсной плантаціи. Теперешній хозяинъ дома, зять его».

Государь, указывая въ окно, спросилъ меня:—«А чьи это маленькіе Малороссійскіе домики?»—«Въ нихъ живутъ работники хозяина».—«А Менонисты, кажется, не строятъ домовъ на этотъ манеръ?»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Величество».—«Сколько вышло Менонистовъ изъ Пруссіи сюда въ прошломъ году?»—«Пять семей».—«Въ чемъ состоятъ главныя упражненія Менонистовъ?»—«Въ улучшенномъ скотоводствѣ, хлѣбопашествѣ, въ разныхъ ремеслахъ».—«Какой у нихъ рогатый скотъ?»—«Большею частію смѣсь Нѣмецкаго съ Малороссійскимъ».—«А лошади?»—«Также; потому что первоначально вышедшіе Менонисты приводили съ собою рогатый скотъ и лошадей изъ Пруссіи».—«Какой они высѣваютъ наиболѣе хлѣбъ?»—«Пшеницу».—«Много ли они потеряли прошлую зиму отъ падежа скота?»—«Пятую часть».—«Была ли у нихъ такъ же, какъ у прочихъ здѣшнихъ жителей въ то время, снята съ крышъ солома на прокормъ скота?»—«У нѣкоторыхъ».—«Бываютъ ли за ними недоимки въ податяхъ?»—«Весьма рѣдко».—«Есть ли фабрики?»—«Одна, небольшая суконная, которую В. В. въ 1818-мъ году изволили удостоить посѣщеніемъ».—«А, помню»!

Лейбъ-медикъ Вилье, находившійся за столомъ, замѣтилъ:—Кажется, что въ 1818-мъ году мы здѣсь не ѣхали.—«Нѣтъ», подтвердилъ Государь, «мы проѣхали изъ духоборческой деревни, гдѣ ночевали, на село Токмакъ, и оттуда прямо въ Маріуполь». Затѣмъ обратился снова ко мнѣ:—«Бываютъ ли между Менонистами важныя уголовныя преступленія?»—«Впродолженіе восьмилѣтняго управленія моего случилось только одно».—«Какое?»—«Одинъ Менонистъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, задавилъ ребенка, переѣхавъ его повозкою на дорогѣ». Государь, сдѣлавъ знакъ головой, сказалъ:—«Это неумышленно! Но развѣ бываютъ между ними наклонные къ пьянству?»—«Весьма рѣдко».

— «Это хорошіе люди». И потомъ Государь шуточно спросилъ у Виле:—N'est-ce pas que vous êtes ici chez vos confrères, en fait de religion?—Non, Sire, отвѣчалъ Виле, je suis de l'église épiscopale.—Et dans quelle église allez-vous à Pétersbourg?—Dans la chapelle anglicane [1]). Государь продолжалъ, обращаясь ко мнѣ: — «Мирно ли они живутъ съ Ногайцами?» — «Ногайцы иногда нѣсколько безпокоятъ ихъ, но мѣстное начальство старается всемѣрно прекращать своевольство Ногайцевъ».

Всѣ окна были усѣяны Менонистками изъ ближайшихъ колоній, въ ихъ праздничныхъ платьяхъ. Началась сильная буря съ дождемъ. Государь, посмотрѣвъ въ окно, сказалъ: — «Шквалъ! Шквалъ! Pauvres femmes seront toutes mouillées» [2]) и потомъ спросилъ меня:—«Всегда ли здѣсь въ Октябрѣ бываетъ такая погода?»—«Напротивъ, Ваше Величество: вѣтры и дожди здѣсь гораздо чаще бываютъ въ Сентябрѣ, прежде и послѣ равноденствія; а въ Октябрѣ большею частію дни ясные, теплые и тихіе, и только по утрамъ и по вечерамъ случаются туманы.

Государь обратился съ вопросомъ къ Виле и генералу Соломкѣ, у кого они ночевали въ Ногайскѣ, и хорошія ли были у нихъ квартиры. Въ это время поваръ Государя, Миллеръ, подалъ блюдо съ зеленью. Государь спросилъ:—Sont-ces légumes d'ici?—Non, sire, отвѣчалъ Миллеръ; mais je les ai trouvé ici [3]).

Государь увидѣлъ костяной ножъ, которымъ Виле рѣзалъ хлѣбъ, поданный ему Миллеромъ изъ другой комнаты и, взявъ его въ руки, посмотрѣлъ на надпись и сказалъ: «Написано «Москва» Латинскими буквами! Наши фабриканты имѣютъ страсть или писать на своихъ произведеніяхъ «Лондонъ и Парижъ», или хотя Москву и Петербургъ, но всегда и непремѣнно Латинскими буквами.»

Виле меня спросилъ, не здѣсь ли сдѣланъ ножъ? Я отвѣчалъ отрицательно.

—«Знаете ли вы», обратился Государь ко мнѣ, Швейцарца поселившагося между Ногайцами?—«Нѣсколько знаю».—«А какъ вы о немъ знаете?» — «Сколько мнѣ извѣстно, онъ кажется хорошей нравственности и имѣетъ добрыя намѣренія».—«Въ чемъ состоятъ они?» — «Въ томъ, что-узнать совершенно характеръ, образъ мыслей, нравы, духъ Ногайцевъ, и сообщить свои свѣдѣнія Базельскимъ миссіонерамъ, имѣющимъ цѣлію обращеніе магометанъ въ христіанскую вѣру, для облегченія имъ въ томъ

---

[1]) Неправда ли, что вы здѣсь у вашихъ собратьевъ по вѣрѣ?—Нѣтъ, Государь, я епископальной церкви.—А въ какую церковь вы ходите въ Петербургѣ?—Въ Англиканскую капеллу.

[2]) Бѣдныя женщины совсѣмъ вымокнутъ.

[3]) Это здѣшнія овощи?—Нѣтъ, Государь, но я ихъ нашелъ здѣсь.

успѣха. —«Да!» сказалъ Государь, «такъ точно: въ Базелѣ есть институтъ, гдѣ воспитываются миссіонеры. Я желаю ему успѣха, но сомнѣваюсь въ томъ».

Государь посмотрѣлъ на часы и всталъ изъ за стола. Кромѣ Государя, за столомъ находились генералы, баронъ Дибичъ, Соломка, лейбъ-медикъ Вилье и я. Послѣ обѣда Его Величество вышелъ въ другую комнату. Чрезъ нѣсколько минутъ позвали Менонистскихъ старшинъ. Государь спрашивалъ ихъ, всѣмъ ли они довольны и не имѣютъ ли какихъ жалобъ? Получивъ въ отвѣтъ, что они счастливы, довольны во всѣхъ отношеніяхъ и что имъ остается только благодарить Государя за всѣ его щедроты и милости, онъ сказалъ имъ: «Я также доволенъ вами за мирную жизнь и трудолюбіе; но желаю, чтобы вы основали лѣсныя плантаціи, особенно изъ Американскихъ акацій, очень успѣшно произрастающихъ въ этихъ мѣстахъ, по $^{1}/_{2}$ десятины на хозяина». Затѣмъ, отпустивъ ихъ, призвалъ вновь хозяина и хозяйку, поблагодарилъ ихъ, щедро одарилъ и вышелъ для отъѣзда.

Получивъ дозволеніе проводить Государя до ночлега, назначеннаго въ послѣдней Менонистской колоніи Альтонау, я поѣхалъ слѣдомъ за Его Величествомъ. Внѣ колоній, которыя встрѣчались по пути, Государь приказывалъ ѣхать очень скоро, въ колоніяхъ же тише. До первой станціи, колоніи Рикенау, въ 17-ти верстахъ отъ Штейнбаха, Государь проѣхалъ чрезъ новыя колоніи, Прагнау, Нейкирхъ и близъ колоніи Лихтерфельдъ. Въ Рикенау Государь разговаривалъ съ хозяиномъ дома, подлѣ котораго перемѣняли лошадей, спросилъ его, довольны ли они всѣмъ и пр. Въ колоніи Орловѣ лошади перемѣнились возлѣ одного Менонистскаго дома, отличавшагося отъ прочихъ обширностью и устройствомъ. Государь вышелъ изъ коляски и пошелъ одинъ въ домъ. Хозяинъ этого дома, ѣхавшій верхомъ, передовымъ предъ экипажемъ Государя, весь промоченный дождемъ и испачканный грязью, побѣжалъ перемѣнить кафтанъ; оробѣвшая хозяйка стояла, прижавшись у переднихъ дверей, а двѣ мои малолѣтнія дочери, пріѣхавшія изъ Екатеринослава съ знакомой дамою, чтобы видѣть Государя, стояли въ другой комнатѣ, дверь которой была отворена. Государь вошелъ въ комнату увидѣвъ ихъ, подошелъ къ нимъ, спросилъ у нихъ: кто онѣ? Затѣмъ милостиво расспрашивалъ маленькихъ дочерей о ихъ матери, есть ли у нихъ братья, сестры, и проч. Возвратясь въ переднюю комнату и узнавъ отъ вошедшаго хозяина, что стоявшая въ углу женщина, жена его, хозяйка дома, Государь подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Хозяйка, думая, что Государь по Менонисткому обычаю хочетъ пожать ей руку, свободно протянула ее; но Государь поцѣловалъ ей руку. Это снисхожденіе, свыше всякаго чаянія, такъ поразило ее, что она отступила нѣсколько шаговъ

назадъ, поблѣднѣла, зашаталась готовая упасть въ обморокъ, и не была въ состояніи произнести ни слова. Его Величество сдѣлалъ хозяину нѣсколько вопросовъ о домѣ его: давно ли построенъ, во что обошелся и, поклонясь, вышелъ изъ комнаты.

Въ сѣняхъ Государь увидѣлъ меня. «Твое семейство здѣсь?» спросилъ онъ ласково.—«Здѣсь, Государь» отвѣчалъ я: «двѣ дочери желающія имѣть счастіе удостоиться лицезрѣнія Вашего Величества».—«А твоя супруга гдѣ?»—«Въ Екатеринославѣ, Государь».—«Дѣти твои мнѣ говорили, что она урожденная княжна Долгорукая?»—«Такъ точно».—Какого Долгорукаго?»—«Князя Павла Васильевича».—«Не того ли что̀ служилъ въ уланахъ?»—«Никакъ нѣтъ. Тесть мой имѣлъ счастіе служить августѣйшей бабкѣ вашего Величества генералъ-маіоромъ, и въ началѣ царствованія родителя Вашего Величества вышелъ въ отставку». Государь поднялъ глаза, припоминая его, и потомъ, пожавъ плечами, сказалъ: «Не помню».

Садясь въ коляску, Его Величество сказалъ мнѣ: «У здѣшняго хозяина домъ лучше чѣмъ у другихъ».—«Онъ достаточнѣе другихъ», отвѣчалъ я.—«А это какой домъ въ концѣ колоніи, противъ школы, отдѣльный?»—«Молитвенный».—«Будетъ ли онъ выштукатуренъ?»—«Въ будущемъ году Менонисты намѣриваются непремѣнно выштукатурить».—«Такъ какъ этотъ?» указывая на домъ, гдѣ онъ изволилъ быть. «Такъ точно». Государь, кивнувъ головой съ улыбкой одобренія, велѣлъ кучеру ѣхать.

По прибытіи въ колонію Альтонау, Государь вошелъ въ домъ, предназначенный для ночлега его, и тотчасъ призвалъ къ себѣ хозяина съ хозяйкой, дѣтей и мать ихъ, говорилъ съ ними, освѣдомлялся о ихъ положеніи, хозяйствѣ, лѣтахъ. Ночью стражу при экипажѣ и квартирѣ Государя составляли, по собственному своему желанію, сами старшины и почетнѣйшіе изъ хозяевъ. На другой день, 23-го Октября, предъ выѣздомъ, узнавъ, что дѣти мои пріѣхали сюда, Государь изволилъ приказать привести ихъ къ нему. Генералъ Соломка, посланный за ними, видя, какія онѣ еще маленькія (старшей было десять лѣтъ, а второй всего шесть), напомнилъ имъ, чтобы онѣ не забыли поклониться Государю, что́ онѣ конечно исполнили. Государь разговаривалъ съ ними очень милостиво, шутилъ, разспрашивалъ подробно о ихъ матери, дѣдѣ, занятіяхъ, ученіи, обласкалъ ихъ, при прощаніи поцѣловалъ у нихъ обѣихъ руки и просилъ поклониться отъ него ихъ матери. Уходя, дѣвочки никакъ не могли отворить двери. Государь ходилъ по комнатѣ и, замѣтивъ ихъ затрудненіе, подошелъ къ нимъ, засмѣялся и, толкнувъ ногою дверь, выпустилъ ихъ. Потомъ онъ призвалъ хозяина и хозайку, поблагодарилъ за ночлегъ и щедро одарилъ деньгами. Соломка мнѣ говорилъ, что

Государь желалъ сдѣлать подарки моимъ дѣтямъ; но оказалось, что въ дорогу ничего не взяли для подарковъ.

Я ожидалъ выхода Государя для отправленія въ путь у дверей дома. Поровнявшись со мною, Его Величество остановился и сказалъ мнѣ:— «Благодарю тебя; я весьма доволенъ, что познакомился съ тобою; кланяйся отъ меня своей супругѣ».—И потомъ, голосомъ отеческаго соучастія: «Скажи мнѣ, счастливъ ли ты въ своемъ семействѣ?» Съ чувствомъ умиленія и благодарности къ истинному Отцу-Государю, произнесъ я совершенно утвердительный отвѣтъ. Его Величество поклонился и сѣлъ въ коляску. Въ это самое время одинъ Ногаецъ сунулъ въ руки барона И. И. Дибича нѣсколько ассигнацій стараго достоинства; Государь, взглянувъ на нихъ, сказалъ: «А, это стараго достоинства! Ихъ вымѣнивать уже запрещено закономъ. А сколько ихъ?» Дибичъ доложилъ: «Двѣсти пятьдесятъ рублей». Государь приказалъ: —«Дать ему»! что́ Дибичъ и велѣлъ исполнить Соломкѣ. Затѣмъ Государь поклонился и отправился въ дальнѣйшій путь.

Въ пяти верстахъ отъ послѣдней колоніи Государь проѣзжалъ чрезъ главное духоборческое селеніе, подъ названіемъ *Терпѣніе*. Духоборческіе старшины ожидали Государя съ хлѣбомъ и солью; но Государь, узнавъ отъ квакеровъ Аллена и Грелье, что духоборцы не признаютъ божественности Христа, и потомъ изъ доходившихъ къ нему донесеній о разныхъ преступленіяхъ и безпорядкахъ между ними, взглянулъ на нихъ съ видомъ негодованія и приказалъ кучеру, не останавливаясь, ѣхать впередъ.

Въ этотъ день Государь обѣдалъ на хуторѣ помѣщика Прудницкаго, около рѣчки Утлюка, отъѣхавъ шестьдесятъ верстъ отъ колоній. Генералъ Соломка, съ которымъ я впослѣдствіи времени видѣлся, говорилъ мнѣ, что за столомъ зашла рѣчь о Менонистахъ. Соломка сказалъ Государю, что просилъ меня о прiисканіи ему семейства Менонистовъ въ его Тамбовскую деревню для управленія ею. Государь на это замѣтилъ:—«Можетъ быть, Фадѣевъ исполнитъ твое желаніе; но я со«мнѣваюсь въ успѣхѣ. Всякой Менонистъ, поселясь здѣсь, ищетъ поло«жить основаніе благосостоянію не только собственному, но и потом«ства своего; въ кругу своихъ собратій онъ находится какъ бы въ «коренномъ отечествѣ своемъ; соотечественники его помогаютъ ему въ «нуждахъ его, знакомятъ его съ мѣстнымъ положеніемъ, обстоятель«ствами и такъ далѣе. А у тебя, въ отдаленіи отъ нихъ, онъ будетъ «лишенъ всѣхъ этихъ удобствъ. Сверхъ того, я не думаю, чтобы ихъ «общество и согласилось отпустить отъ себя хорошаго человѣка, изъ «опасенія чтобы онъ не испортился въ нравственности и не сдѣлалъ «навыка къ обычаямъ и порокамъ, кои до сихъ поръ имъ чужды. А

«въ дурномъ тебѣ мало будетъ пользы.» Послѣдствіе совершенно оправдало это прозорливое заключеніе Государя, такъ какъ, при всемъ моемъ стараніи, я не могъ уговорить ни одного изъ извѣстныхъ мнѣ по хорошимъ качествамъ Менонистовъ принять это предложеніе, даже съ самыми выгодными условіями.

Проводивъ Государя, я немедленно возвратился въ Екатеринославъ и, пославъ генералу Инзову эстафету съ донесеніемъ о всѣхъ подробностяхъ проѣзда Государя чрезъ колоніи, извѣстилъ его о приказаніи Его Величества передать ему, что, по возвращеніи въ Таганрогъ, Государь желаетъ его тамъ видѣть.

Вслѣдствіе этого извѣщенія Инзовъ пріѣхалъ изъ Кишинева въ Екатеринославъ. Времени до возвращенія Государя въ Таганрогъ оставалось еще около двухъ недѣль, и потому Инзовъ не торопился. Онъ, взявъ меня съ собою, отправился, разсчитывая ѣхать потихоньку, чрезъ колоніи лежащія на пути, съ отдыхами и остановками, тѣмъ болѣе, что уже наступила глубокая осень, дорога была дурная. Инзовъ предполагалъ, доѣхавъ до окружности Маріуполя, отправиться въ Таганрогъ не ранѣе какъ по полученіи извѣстія, что Государь туда возвратился. Между тѣмъ уже начали носиться смутные слухи о нездоровьи Государя. Проѣхавъ такимъ образомъ всѣ вновь основанныя колоніи на земляхъ, отобранныхъ отъ Маріупольскихъ Грековъ, мы прибыли обѣдать къ знакомому мнѣ помѣщику Гозадинову, недалеко отъ Маріуполя. Это было 23-го Ноября. Здѣсь мы услышали вѣсть о кончинѣ Государя. Это извѣстіе просто оглушило насъ какъ громомъ: такъ оно было неожиданно, такъ казалось невѣроятно. За нѣсколько дней до того, я видѣлъ Государя здороваго, бодраго, полнаго силъ тѣлесныхъ и душевныхъ; въ моихъ ушахъ еще звучалъ его сердечный голосъ, его милостивыя слова. Особенно былъ пораженъ Инзовъ. Онъ былъ въ смятеніи, не столько отъ скорби, сколько отъ перепуга. Какъ человѣкъ слабый и мнительный, онъ не рѣшался ѣхать далѣе, и остался ночевать у Гозадинова, чтобы имѣть время размыслить, ѣхать ли ему въ Таганрогъ, или возвратиться обратно; и наконецъ рѣшился послать меня впередъ съ письмомъ къ Дибичу, дабы узнать его мнѣніе о томъ.

По прибытіи моемъ въ Таганрогъ, я нашелъ тамъ все въ траурѣ и уныніи, всѣхъ съ угрюмыми и мрачными лицами. Дибичъ не сказалъ мнѣ ничего положительнаго, и я оставался въ недоумѣніи, что̀ мнѣ дѣлать, какъ на другой день пріѣхалъ Инзовъ, сообразивъ, что пріѣздъ его во всякомъ случаѣ не можетъ быть принятъ въ дурную сторону, и съ своими двумя чиновниками, Биллеромъ и Прутченкой, остановился у меня на квартирѣ, хорошей, помѣстительной и теплой. Князь Вол-

конскій и Дибичъ были оченъ довольны прибытіемъ Инзова, какъ помощника въ ихъ хлопотахъ, и пригласили его оставаться до конца. Дибичъ и со мною обошелся очень любезно, а графъ Воронцовъ особенно ласково и внимательно. Соломка, находившійся тамъ съ женою и дѣтьми, встрѣтилъ меня какъ стараго пріятеля и просилъ почаще приходить къ нему. Трудно себѣ представить, въ какомъ всѣ были смущеніи и тревогѣ. Волконскій, Дибичъ и Воронцовъ ходили блѣдные какъ мертвецы, и на панихидахъ, служившихся два раза въ день, при коихъ присутствовали всѣ Таганрогскіе чиновники и почетнѣйшіе изъ гражданъ, все обливалось слезами; а народъ, безпрестанно окружавшій дворецъ, оглашалъ воздухъ воплемъ и рыданіями. Императрица переносила несчастіе съ удивительною твердостію, и здоровье ея, повидимому, поддерживалось удовлетворительно. На панихиды она не выходила. Въ шесть часовъ вечера, 27-го Ноября, перенесли тѣло Государя изъ спальни въ залу, и съ этого часа начался церемоніалъ. Весь слѣдующій день, Инзовъ былъ назначенъ дежурить при тѣлѣ, а затѣмъ ему приходилось дежурить и цѣлыя ночи; я боялся, чтобы онъ не захворалъ, такъ какъ, не смотря на хорошую погоду, было уже холодно, а въ залѣ, гдѣ находилось тѣло, всѣ окна оставляли открытыми.

Судя по нѣкоторымъ словамъ и дѣйствіямъ покойнаго Государя въ теченіе болѣзни, можно было подумать, что онъ какъ бы предчувствовалъ свою смерть и не желалъ предотвратить ее. Камердинеръ его разсказывалъ, что, въ самомъ началѣ болѣзни, войдя въ кабинетъ Государя, онъ увидѣлъ на столѣ зажженную свѣчу,—вѣроятно для запечатыванія писемъ, и потушилъ ее. Государь ему сказалъ: «Для чего ты потушилъ свѣчу? Вѣрно боишься примѣты: говорятъ, если свѣча горитъ днемъ, это предзнаменуетъ покойника въ домѣ». Нѣсколько дней спустя, когда болѣзнь усилилась и опасность сдѣлалась несомнѣнной, Вилье нашелъ нужнымъ поставить піявки; и по мѣрѣ какъ приставляли піявки, Государь, не говоря ни слова, отрывалъ ихъ и бросалъ отъ себя. Быть можетъ, онъ это дѣлалъ безсознательно. Дня за два до кончины, кто-то привелъ во дворецъ старика, Крымскаго Татарина, который отлично лѣчилъ отъ Крымскихъ лихорадокъ, и Татаринъ брался вылѣчить Государя. Приближенныя лица нѣсколько времени колебались, допустить ли его, но не рѣшились и отказали. Татаринъ и самъ не слишкомъ настаивалъ, конечно боясь отвѣтственности въ случаѣ неудачи.

Сначала ожидали прибытія въ Таганрогъ новаго императора или великаго князя Михаила Павловича; но вскорѣ узнали, что этого не послѣдуетъ. Между тѣмъ Таганрогъ началъ наполняться пріѣзжими изъ разныхъ мѣстъ. Мы каждый день по два раза являлись къ тѣлу Госу-

даря на панихиды. Много слышали мы интереснаго отъ находившихся при Государѣ особъ и прибывавшихъ ежедневно изъ Петербурга лицъ. Но вообще время было печальное: всѣ находились въ тревожномъ состояніи, на всѣхъ лицахъ было написано опасеніе и другихъ грустныхъ событій. Доносъ Майбороды и извѣщеніе отъ графа Витта о подозрѣваемомъ заговорѣ многихъ служащихъ въ главномъ штабѣ 2-й арміи, полученные не задолго до кончины Государя, хотя и были извѣстны въ подробности только тремъ находившимся въ Таганрогѣ лицамъ: князю Волконскому, Дибичу и Чернышову, но въ общихъ, хотя неясно опредѣленныхъ чертахъ, о томъ знали почти всѣ въ городѣ.

Пробывъ въ Таганрогѣ недѣли двѣ, я отпросился у Инзова домой и отправился обратно въ началѣ Декабря; а Инзовъ оставался все время, пока тѣло Государя находилось тамъ, и по возвращеніи прожилъ довольно долго въ Екатеринославѣ. Вмѣстѣ съ нимъ мы присягали новому Императору и вслѣдъ затѣмъ узнали о событіяхъ 14-го Декабря. Генералъ Инзовъ, полагавшій, по своему добродушному патріотизму, что возможность подобныхъ событій даже немыслима, хотя о нихъ уже носились положительные слухи, узнавъ о томъ, въ проѣздъ чрезъ Тирасполь, отъ директора карантина, не хотѣлъ вѣрить и повѣрилъ лишь тогда ему показали офиціальный листокъ о убіеніи графа Милорадовича. Инзовъ, нѣсколько апатичный по своей натурѣ, довольно равнодушный къ суетамъ мірскимъ, съ искреннимъ сочувствіемъ занимался естественными и другими науками, особенно нумизматикой, зоологіей и ботаникой; онъ собиралъ коллекціи древнихъ монетъ и насѣкомыхъ и несравненно болѣе интересовался явленіями изъ міра букашекъ и жуковъ, нежели треволненіями человѣческими. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, встрѣтивъ въ моей женѣ, тоже любившей эти науки, сходство со своими вкусами, очень подружился съ ней и многіе часы проводилъ съ ней въ разговорахъ о старыхъ монетахъ, цвѣтахъ, растеніяхъ и бабочкахъ. Изъ многихъ случаевъ приведу одинъ. Въ высокоторжественный день, въ соборѣ у обѣдни, Инзовъ обратился ко мнѣ, указывая на своего адъютанта, поручика Гавриленку, стоявшаго за нимъ:—Скажите пожалуйста, кто этотъ молодой офицеръ?—Гавриленко! отвѣчалъ я, удивившись его вопросу.—«А»! сказалъ Инзовъ тоже съ удивленіемъ. «Я такъ давно его не видалъ, что и не узналъ». Дѣйствительно, Гавриленко, молодой, свѣтскій человѣкъ, танцоръ, любитель общества и развлеченій, по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывалъ глазъ къ своему генералу. Вопросъ Инзова можно бы было принять за ироническій намекъ на невниманіе его адъютанта, еслибы простодушный тонъ вопроса и затѣмъ непритворное удивленіе его не доказывали, что въ

самомъ дѣлѣ генералъ совершенно позабылъ своего собственнаго адъютанта.

Во время управленія моего Екатеринославскою конторою поселенцевъ, сношенія мои съ губернаторами были часты и вообще довольно хороши. Губернаторы смѣнялись также очень часто. Шеміота, человѣка хорошаго, но слабохарактернаго и недѣловаго, удалили еще задолго до кончины императора Александра. Замѣнившій его Свѣчинъ, добрый, но пустой, не долго держался на мѣстѣ. За нимъ слѣдовалъ Донецъ-Захаржевскій, честный, умный, благонамѣренный, но стѣснявшійся формализмомъ и потому скоро оставившій это мѣсто*); и за нимъ баронъ Франкъ, бывшій адъютантомъ графа Воронцова, большой мой пріятель, но вовсе не созданный для того, чтобы быть губернаторомъ, и вскорѣ переведенный въ Таганрогъ; а пріемникъ его, Лонгиновъ, бывшій секретарь графа Воронцова, выставлялся только своею надменностію и высокомѣріемъ. Можно себѣ представить, какъ шли дѣла́ при долговременной послѣдовательности подобныхъ губернаторовъ.

Весной 1826 года я, по обыкновенію, проѣхался въ Кишиневъ для дѣловаго свиданія съ Инзовымъ, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ взялъ отпускъ и отправился съ женою и дѣтьми въ Пензу, для свиданія съ ея родными. Нѣкоторыхъ изъ нихъ ужъ мы не застали въ живыхъ. Бабушка княгиня Анастасія Ивановна и дядя князь Сергѣй Васильевичъ, умерли года за три до нашего пріѣзда. Остальные члены семьи, тесть мой князь Павелъ Васильевичъ, тетка Екатерина Васильевна и находившаяся съ ними сестра моей жены, Анастасія Павловна Сушкова, жили по прежнему, частью въ имѣніи, частью въ Пензѣ. Анастасія Павловна, женщина очень любезная и красивая, но крайне несчастная въ замужествѣ своемъ, жила въ разлукѣ съ мужемъ и дѣтьми и вскорѣ затѣмъ умерла во цвѣтѣ лѣтъ. Мужъ ея Александръ Васильевичъ Сушковъ (родной дядя графини Растопчиной) былъ страшный игрокъ и вообще безшабашнаго характера. Когда ему въ картахъ везло, онъ дѣлалъ себѣ ванны изъ Шампанскаго и выкидывалъ деньги

---

*) Донецъ-Захаржевскій, человѣкъ богатый, ученый, былъ женатъ на графинѣ Самойловой, но разошелся съ нею тотчасъ послѣ свадьбы. Въ Екатеринославѣ онъ велъ жизнь совершенно уединенную и нигдѣ не бывалъ кромѣ Фадѣевыхъ, которыхъ очень любилъ. Съ Андреемъ Мих. онъ сошелся какъ съ человѣкомъ умнымъ, дѣловымъ, образованнымъ, а къ Еленѣ Павловнѣ питалъ особенное уваженіе, какъ къ женщинѣ вполнѣ развитой нравственно и умственно и съ большими познаніями. Онъ жилъ послѣ того очень долго, большею частію въ своемъ Харьковскомъ имѣніи, гдѣ, въ началѣ 1870 г.г., когда ему было уже за девяносто лѣтъ, найденъ мертвымъ въ постелѣ, задушенный своимъ камердинеромъ, по подкупу своего же племянника и наслѣдника, соскучившагося долго ждать наслѣдства дядюшки. Преступленіе доставило племяннику не наслѣдство, а каторгу. Н. Ф

горстями изъ окна на улицу; а когда не шло, онъ ставилъ на карту не только послѣднюю копѣйку, но до послѣдняго носоваго платка своей жены. Нерѣдко его привозили домой всего въ крови, послѣ какой-нибудь дуели или скандала. Понятно, что жизнь молодой женщины при такихъ условіяхъ была по временамъ невыносима и содѣйствовала развитію аневризма, который доканалъ ее. Мужъ ея умеръ скоро послѣ нея, въ острогѣ, куда попалъ за буйство учиненное въ церкви. У нихъ остались двѣ дочери; старшая жила у тетки, сестры отца г-жи Беклешовой, младшая воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. Впослѣдствіи первая вышла замужъ за Хвостова, а вторая за Ладыженскаго *).

Въ это пребываніе наше въ Пензѣ, мнѣ представлялся случай перейти на частную службу. Мнѣ предлагали мѣсто по откупу съ огромнымъ жалованьемъ, что́ заставило меня нѣсколько колебаться; но когда я вздумалъ посовѣтоваться о томъ съ моимъ тестемъ, его старая Рюриковская кровь такъ расходилась, что я не радъ былъ, что сказалъ ему. Онъ мнѣ прямо объявилъ: «Если ты пойдешь служить по откупу, мнѣ ничего болѣе не останется, какъ на старости лѣтъ пустить себѣ пулю въ лобъ; я не перенесу такого униженія, чтобы мой зять, мужъ моей дочери, служилъ въ частной службѣ, да еще по кабацкой части». Это характеризируетъ понятія того времени о частной службѣ вообще и по откупамъ въ особенности. Съ тѣхъ поръ нравы совершенно измѣнились. Сколько потомъ я зналъ людей изъ

*) Александръ Васильевичъ Сушковъ, очень хорошенькій собой, маленькаго роста, но сильный, удалой, придирчивый, всю жизнь свою проводилъ въ скандалахъ, буйствахъ и азартной игрѣ. Иные подвиги его были довольно забавны. Такъ онъ въ Пензѣ, на вечерѣ у кого-то, затѣялъ ссору съ помѣщикомъ Столыпинымъ гигантомъ, громаднаго роста и силачомъ. Мгновенно схвативъ стулъ, Сушковъ подскочилъ къ нему, вскочилъ на стулъ и далъ Столыпину полновѣсную пощечину. Взбѣшенный гигантъ хотѣлъ смять его какъ козявку; но маленькій Сушковъ, проворно проскользнувъ межъ его ногъ, увертывался, какъ вьюнъ, и неуклюжій Столыпинъ, утомившись въ тщетныхъ усиліяхъ чуть не до апоплексіи, ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Дѣло кончилось, кажется, дуелью. Затѣмъ, въ Петербургѣ, пошелъ Сушковъ въ театръ, зашелъ въ буфетъ и по обыкновенію поссорился съ кѣмъ-то изъ присутствующихъ. На столѣ въ буфетѣ стояли разныя закуски и между прочимъ огромная ваза въ родѣ чана, съ вареньемъ. Не долго думая, Сушковъ схватилъ своего противника, поднялъ и сунулъ въ вазу съ вареньемъ. А пока тотъ выбирался изъ вазы, Сушковъ поспѣшилъ убраться изъ буфета. Одно время Сушковы жили въ Москвѣ *домомъ* довольно открыто. Однажды на балѣ у знакомыхъ, Сушковъ сказалъ своей женѣ, что ему необходимо куда-то съѣздить по дѣлу на минутку и что онъ тотчасъ же возвратится. Балъ кончился, гости разъѣхались. Анастасія Павловна не знала, что́ ей дѣлать, такъ какъ супругъ уѣхалъ въ ея каретѣ. Хозяева до́ма приказали заложить экипажъ и отвезти ее. Оказалось, что Сушковъ уѣхалъ съ бала къ пріятелямъ на картежъ, распроигрался въ пухъ и проигралъ свою карету съ лошадьми и кучеромъ. Понятно, что ему не въ чемъ было пріѣхать за женой. Продѣлки такого рода были нескончаемы. Н. Ф.

лучшихъ Русскихъ фамилій, столбовыхъ дворянъ, служившихъ по откупамъ, что́ нисколько не роняло ихъ общественнаго положенія; потому что деньги въ настоящее время главный двигатель всего на свѣтѣ, и нѣтъ такой родовой гордости, которая бы устояла противъ ихъ неотразимаго влеченія. Деньги всегда были великой силой, но прежде не такъ легко имъ жертвовали самолюбіемъ и родословными обычаями. Тесть мой былъ вовсе не врагъ богатства. Сильно возмущенный возможностью моего перехода на службу по откупамъ въ виду большаго содержанія, онъ въ тоже время усиленно хлопоталъ по поводу одного эфемернаго наслѣдства громадныхъ размѣровъ. Это наслѣдство стоитъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ. Я уже упоминалъ о дѣдѣ моего тестя, князѣ Сергѣѣ Григорьевичѣ Долгорукомъ. Въ семействѣ Долгорукихъ упорно хранилось преданіе, которому всѣ они вѣрили, что кн. Сергѣй Григорьевичъ, по прибытіи въ Петербургъ изъ Сибири, не смотря на оказываемыя ему милости и высокое значеніе, не довѣрялъ Аннѣ Іоанновнѣ, а тѣмъ болѣе Бирону; онъ предчувствовалъ или предвидѣлъ въ ихъ будто бы добромъ расположеніи къ себѣ новую для себя гибель. Вслѣдствіе того, за нѣсколько дней до назначеннаго отъѣзда въ Англію, онъ препроводилъ въ Лондонскій государственный банкъ сто тысячъ рублей въ переводѣ на Англійскія деньги, съ тѣмъ чтобы они, съ наростающими на нихъ процентами, оставались въ банкѣ ровно сто лѣтъ, по истеченіи коихъ были бы выданы его прямымъ потомкамъ. Сто лѣтъ приближались теперь къ окончанію. Единственнымъ прямымъ потомкомъ оставался князь Павелъ Васильевичъ. Онъ дѣятельно занимался освѣдомленіями и разъясненіями по этому дѣлу, писалъ въ наше посольство и консульство въ Лондонъ, нашелъ тамъ людей, взявшихся разузнать что̀ возможно. Началась большая переписка. Да и было изъ чего. Сто тысячъ съ процентами за сто лѣтъ, съ накопившимися процентами на проценты, составляли кругленькую сумму милліоновъ въ двадцать. Къ сожалѣнію, ничего добиться было не возможно; всѣ розыски остались безуспѣшны. Послѣ многихъ переговоровъ, князю наконецъ сообщили, что Лондонскій банкъ чрезъ каждыя двадцать лѣтъ публикуетъ перечисленіе хранящихся въ немъ вкладовъ, съ именами вкладчиковъ, и что тогда только можно будетъ узнать правду о наслѣдствѣ. Князь справедливо недоумѣвалъ, почему же не справились въ предъидущихъ публикаціяхъ, и желалъ знать, когда минетъ срокъ текущему двадцатилѣтію. Оказалось также, что и другіе князья Долгорукіе знали о предполагаемомъ вкладѣ и нѣкоторые изъ нихъ уже предварительно наводили справки о немъ. Слухъ о колосальномъ наслѣдствѣ быстро распространился, какъ о совершившемся событіи, породилъ множество разныхъ толковъ, даже

при дворѣ; князь началъ безпрестанно получать поздравительныя письма отъ знакомыхъ и родныхъ, что его немало смущало и досадовало. Между тѣмъ дѣло такъ на этомъ и остановилось и далѣе не подвинулось. Однако князь Павелъ Васильевичъ не оставлялъ своихъ надеждъ до самой смерти, но съ нимъ онѣ сошли въ могилу на вѣки и были погребены окончательно и безвозвратно.

Погостивъ у родныхъ около трехъ мѣсяцевъ, мы возвратились въ Екатеринославъ, и жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Въ день коронаціи этого года я получилъ орденъ Анны 2 ст. вслѣдствіе найденной въ записной книжкѣ покойнаго Императора одобрительной замѣтки обо мнѣ, сдѣланной во время проѣзда его чрезъ колоніи. Вскорѣ по пріѣздѣ я имѣлъ несчастіе потерять отца моего, переселившагося въ Екатеринославъ, чтобы быть поближе ко мнѣ и моему семейству. Честный труженикъ, по совѣсти и мѣрѣ силъ своихъ работавшій на пользу службы и для содержанія семьи своей, онъ подавалъ намъ примѣръ усерднаго и безупречнаго исполнителя служебнаго долга и добраго семьянина. Мать моя осталась на всегда на жительствѣ въ Екатеринославѣ.

Въ 1827-мъ году я много разъѣзжалъ по колоніямъ и проѣхалъ до 3500 верстъ. Въ Симферополѣ я познакомился съ бывшимъ тогда въ Керчи градоначальникомъ Ф. Ф. Вигелемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ по своимъ Запискамъ. Онъ былъ человѣкъ умный, образованный, но во многомъ чрезвычайно странный и строптивый. Мнѣ разсказывалъ адъютантъ графа Воронцова, баронъ Франкъ, впослѣдствіи градоначальникъ въ Таганрогѣ, что, заѣхавъ однажды въ Керчь на Святой недѣлѣ, онъ нашелъ Вигеля нездоровымъ отъ разстройства нервъ. Вигель встрѣтилъ его жалобами и стенаніями по поводу своего несчастнаго положенія, представивъ между прочимъ слѣдующее тому доказательство: подлѣ его квартиры находилась Греческая церковь, въ коей по обыкновенію на Святой недѣли часто трезвонили. Онъ приписывалъ это неудобство злонамѣренности священника который будто бы, не умѣя какъ ему отомстить за какое-то неудовольствіе, и зная, что у него слабые нервы, единственно по этой причинѣ безпокоилъ его цѣлую недѣлю звономъ. Изъ всѣхъ злополучій, отравлявшихъ жизнь Вигеля въ Керчи и переданныхъ имъ барону Франку, важнѣйшимъ оказался этотъ трезвонъ.

Въ этомъ году пріѣзжали ко мнѣ ревизоры изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Кусовниковъ и Джунковскій. Предлогомъ ихъ командировки было порученіе удостовѣриться въ успѣхахъ Испанскаго овцеводства въ колоніяхъ, которые казались министерству неимовѣрными, но были совершенно дѣйствительны вслѣдствіе усиленной заботливости о томъ Контеніуса. Впрочемъ это былъ только предлогъ, потому что оба

ревизора въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслили. Цѣль состояла единственно въ томъ, чтобы доставить имъ награды за эту поѣздку. Кусовниковъ имѣлъ большое состояніе (впослѣдствіи разорился); а Джунковскій, молодой человѣкъ, былъ сынъ директора департамента. Оба они, добрые и любезные малые, нисколько не обременяли насъ своей безполезной ревизіей, и мы съ ними очень пріятно проводили время. Кусовниковъ, необыкновенный оригиналъ, иногда забавлялъ насъ своими неожиданными выходками, особенно выраженіями нетерпѣнія. Онъ былъ до такой степени нетерпѣливъ, что, живя въ Петербургѣ въ нижнемъ этажѣ своего огромнаго дома, когда видѣлъ проходящаго человѣка, съ которымъ желалъ переговорить, то разбивалъ цѣльное стекло въ окнѣ, чтобы скорѣе это сдѣлать. Когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его посѣщенія, я пріѣхалъ въ Петербургъ, то онъ, чтобы отблагодарить меня за гостепріимство въ Екатеринославѣ, предложилъ мнѣ въ одинъ день показать весь Петербургъ со всѣми окрестностями, и дѣйствительно исполнилъ обѣщаніе. Въ Іюньскій день, съ самаго ранняго утра, мы помчались въ коляскѣ, запряженной шестеркою, по Петербургу и окрестностямъ во всѣхъ направленіяхъ, мелькомъ видѣли все, какъ бы въ калейдескопѣ и, отобѣдавъ въ полдень по дорогѣ въ одной гостинницѣ, къ ночи совершили этотъ подвигъ вполнѣ, съ воспоминаніемъ о видѣнномъ какъ бы во снѣ.

1828-й годъ памятенъ для меня путешествіемъ съ генераломъ Инзовымъ по Бессарабіи, продолжавшимся довольно долго. Въ иныхъ мѣстахъ мы заживались по недѣлѣ, а долѣе всего въ Болградѣ, по причинѣ проѣзда чрезъ него въ то время императора Николая Павловича. Государь пробылъ тамъ нѣсколько дней и смотрѣлъ квартировавшій въ Болградѣ пятидесятитысячный корпусъ генерала Рудзевича. Это мѣстечко было основано и устроено Инзовымъ, который соорудилъ въ немъ великолѣпную церковь, гдѣ, по его завѣщанію, его и погребли. Оно представляло тогда видъ хорошо устроеннаго городка и было для нашей арміи въ 1828-мъ и 1829-мъ годахъ очень полезно. Въ немъ сосредоточивались главнѣйшимъ образомъ хозяйственныя запасы, построены огромные каменные магазины, госпиталь и многіе домà, какъ для управленія, такъ и для помѣщенія военныхъ генераловъ и прочихъ начальствующихъ лицъ. Очень жаль, что мы лишились этого городка, стоившаго столько издержекъ, заботъ и попеченій объ устройствѣ его покойному Инзову. По трактату 1856-го года онъ перешелъ во владѣніе Молдавіи *).

---

*) По Берлинскому трактату, какъ извѣстно, онъ снова возвращенъ Россіи. Н. Ф.

Въ это пребываніе Государя въ Болградѣ, Инзовъ исходатайствовалъ мнѣ пожалованіе 1500 рублей прибавочнаго жалованія, кои и до сихъ поръ я получаю.

Мы выѣхали изъ Болграда тотчасъ по отъѣздѣ Государя. Инзовъ былъ очень доволенъ пріемомъ и вниманіемъ, оказаннымъ ему августѣйшимъ посѣтителемъ, съ которымъ онъ находился ежедневно по нѣскольку часовъ, и всюду его сопровождалъ. Генералъ мнѣ передавалъ свои наблюденія и впечатлѣнія впродолженіи этихъ дней; особенно удивлялся онъ необыкновенной памяти Государя относительно лицъ и именъ. Покойный государь Александръ Павловичъ тоже былъ одаренъ удивительной памятью, никогда ничего не забывалъ, ни именъ, ни лицъ, ни мѣстъ. Много случалось слышать разсказовъ по этому поводу; да и мнѣ самому приходилось удостовѣриться въ томъ, какъ онъ помнилъ названія самыхъ незначительныхъ мѣстъ, станцій, деревенекъ, чрезъ которыя когда-то проѣзжалъ, имена людей, которыя когда слыхалъ мелькомъ. Меня тогда поразила эта замѣчательная способность.

Считаю нелишнимъ разсказать здѣсь два случая, доказывающихъ также, съ какимъ характеристическимъ постоянствомъ покойные государи, Александръ и Николай I-е, сохраняли въ памяти своей имена людей, сдѣлавшихся имъ извѣстными по какимъ либо обстоятельствамъ съ дурной стороны. Первый случай былъ съ надворнымъ совѣтникомъ Вильде, служившимъ въ должности помощника смотрителя Волховскихъ пороговъ, Свенсона, о которомъ я упоминалъ выше. Свенсонъ былъ, какъ о немъ я и говорилъ, старъ и слабъ; а потому Вильде, его племянникъ, дѣлалъ за него все, по выбытіи отца моего. Осенью, кажется 1801-го года, на пристани предъ порогами столпились караваны, торопившіеся прибытіемъ въ Петербургъ до замерзанія водъ. Въ караванахъ находились барки, казенныя и частныя. По установленному правилу, казеннымъ судамъ не предоставлялось никакого преимущества, а отправлялись они черезъ пороги по порядку прихода, одно за другимъ: кто стоялъ впереди, тотъ и отправлялся раньше. Были барки съ адмиралтейскими принадлежностями, которыя сопровождалъ морской офицеръ, капитанъ втораго ранга Подкользинъ. Онъ требовалъ отъ Вильде, чтобы его пропустили непремѣнно впередъ, прежде всѣхъ, тогда какъ суда его вѣдомства пришли позже всѣхъ, на что тотъ никакъ не соглашался, и былъ совершенно правъ. Подкользинъ крѣпко разсердился и по прибытіи въ Петербургъ пожаловался управлявшему тогда морскимъ министерствомъ адмиралу Чичагову, выставивъ Вильде взяточникомъ, потворствовавшимъ частнымъ судохозяевамъ за подарки. Чичаговъ доложилъ Государю. Государь приказалъ главному директору водяныхъ коммуникацій графу Румянцову произвести строжайшее изслѣдованіе

при депутатѣ отъ морскаго вѣдомства. Слѣдствіе, произведенное правильно и безпристрастно, доказало, что Вильде ни въ чемъ не виноватъ. о чемъ графъ Румянцовъ конечно доложилъ Государю, который, выслушавъ его съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ, замѣтилъ ему: «Ты все своихъ защищаешь». Дѣло тѣмъ кончилось, и Вильде не подвергся никакому взысканію. На слѣдующій годъ Вильде былъ представленъ вмѣстѣ со многими другими чиновниками, за выслугу лѣтъ, къ повышенію чиномъ. Государь, просматривая представленія, какъ только дошелъ до имени Вильде, взялъ перо и вычеркнулъ это имя. Въ послѣдующій годъ, начальство, хотя и знало это, но, не имѣя повода не вносить его въ списокъ производствъ, вторично представило его, и послѣдовало тоже самое. На третій годъ, при третьемъ представленіи, Государь, снова вычеркнувъ Вильде, написалъ своеручно на сторонѣ: *Пока я живъ, Вильде чина не получитъ*. Такъ и сбылось.

Второй, подобный же случай я знаю при императорѣ Николаѣ. Бывшій мой предмѣстникъ въ началѣ 1840-хъ годовъ, Саратовскій губернаторъ Бибиковъ, былъ большой охотникъ покутить и попировать, въ особенности у богатыхъ гражданъ города. Въ послѣдній день Масляницы онъ пировалъ на заговѣньи у одного купца на блинахъ и, подгулявъ, замѣтилъ въ числѣ гостей богатаго колониста-Нѣмца, тоже купца. Нѣмецъ, надо полагать, напомнилъ ему Нѣмецкую Масляницу, и, потому, подозвавъ къ себѣ члена конторы управлявшей Саратовскими колонистами, Гейне, Бибиковъ обратился къ нему со словами: «Вотъ мы, Русскіе, угощаемъ на заговѣнье другъ друга блинами; а что бы и Нѣмцамъ сдѣлать тоже на ихъ Масляницу во Вторникъ!» Гейне передалъ это внушительное предложеніе колонисту, который, въ видахъ угожденія губернатору, съ величайшей готовностію принялъ его. Домъ колониста находился возлѣ приходской церкви. Во Вторникъ первой недѣли Великаго Поста, Бибиковъ, съ гостями приглашенными по его приказанію, явился на Нѣмецкое пиршество, гдѣ и веселился до утра. Жандармскій штабъ-офицеръ, бывшій не въ ладахъ съ Бибиковымъ, а также враждовавшій противъ Гейне и оскорбившійся тѣмъ, что его не пригласили на пиръ, съ первою же почтою донесъ въ Петербургъ, что Гейне, главный соучастникъ Бибикова во всѣхъ увеселеніяхъ, заставилъ Нѣмца въ Великій Постъ устроить для нихъ празднество, продолжавшееся всю ночь, такъ что, во время отправленія заутрени въ церкви, ликованія и бѣснованія въ сосѣднемъ съ церковью домѣ заглушали церковное пѣніе, мѣшали богослуженію и произвели большой соблазнъ въ народѣ. Объ этомъ дѣлѣ было доложено Государю; но, кажется, оно принято было лишь къ свѣдѣнію, такъ какъ удаленіе Бибикова имѣлось уже въ виду и дѣйствительно вскорѣ приведено въ исполне-

ніе. Спустя года три, когда я уже былъ губернаторомъ въ Саратовѣ, послѣдовало отъ управлявшаго конторою колонистовъ представленіе о наградѣ Гейне орденомъ Владимира 4-й степени. Гейне, чиновникъ очень способный, дѣльный, заслуживалъ поощренія по службѣ, и всѣ официальныя причины къ его награжденію были вполнѣ основательны. Представленіе пошло въ Петербургъ. Гейне былъ помѣщенъ въ списокъ къ годовымъ наградамъ, въ числѣ, какъ мнѣ говорили, до семидесяти человѣкъ. Всѣ удостоенные представленія къ наградамъ получили ихъ, кромѣ одного Гейне, котораго Государь собственноручно вычеркнулъ, и противъ него написалъ: *Гейне развратилъ губернатора Бибикова.* Послѣ этого, разумѣется во все царствованіе императора Николая, Гейне болѣе къ наградамъ не представляли.

21-го Сентября 1829 года родилась у меня послѣдняя изъ дѣтей, дочь Надежда.

Въ Февралѣ 1830-го года, новый министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Закревскій вытребовалъ меня въ Петербургъ, безъ предваренія о томъ даже прямаго моего начальника, Инзова. Сначала я удивился такой необыкновенно-спѣшной надобности во мнѣ и не могъ постигнуть, для чего меня требуютъ; но, по пріѣздѣ, дѣло не замедлило объясниться. Графъ Закревскій, еще по отношеніямъ военной службы, съ давнихъ поръ былъ не въ ладахъ съ Инзовымъ; со времени же его назначенія министромъ, по гордости и чрезмѣрному самолюбію, непріязненность эта усилилась въ слѣдствіе того, что Инзовъ, во время пребыванія Государя по случаю Турецкой войны въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи, неоднократно дѣлалъ доклады Государю прямо, помимо его, Закревскаго, какъ по дѣламъ колонистскаго управленія вообще, такъ и о наградахъ чиновниковъ и колонистскихъ старшинъ въ особенности. Къ этому присоединилось еще стремленіе Закревскаго уменьшать издержки по всѣмъ частямъ подвѣдомственнымъ его министерству, о чемъ начали уже съ того времени повсемѣстно заботиться. Поэтому онъ преднамѣрился сократить штаты колонистскаго управленія и обратить содержаніе его на самыхъ колонистовъ. Штаты, составленные въ 1818-мъ году, дѣйствительно были отчасти слишкомъ обширны, и число чиновниковъ могло быть нѣсколько уменьшено по причинѣ несовершившагося ожиданія о переселеніи Нѣмецкихъ колонистовъ сотнями тысячъ семействъ; но только нѣсколько: потому что устройство тѣхъ колоній, кои уже существовали, разсѣянныя на большихъ пространствахъ, требовало еще съ десятокъ и побольше лѣтъ особенныхъ попеченій и заботливости правительства, если оно хотѣло, чтобы колоніи сдѣлались для Россіи существенно-полезными. Но графъ Закревскій не заботился о будущности, а хотѣлъ переломать все по

своему и выставить себя ярымъ защитникомъ пользъ казны. Онъ приказалъ составить по этому предмету нужныя соображенія и предположенія, въ подходящемъ духѣ, директору департамента по этой части Пейкеру. Пейкеръ былъ ничто иное какъ формалистъ, готовый угождать Закревскому во всемъ; самъ онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не понималъ, и потому, узнавъ, что я могу ему указать эти нужныя имъ соображенія и предположенія, выпросилъ у Закревскаго приказаніе вызвать меня въ Петербургъ. Три мѣсяца я работалъ съ Пейкеромъ и много перенесъ непріятностей. Отъ меня требовали всякихъ сокращеній; я сокращалъ на столько, болѣе чего сокращать безъ вреда пользѣ общественной было невозможно. Закревскій и Пейкеръ на меня гнѣвались, настаивая, чтобъ я дѣлалъ такъ, какъ они хотѣли, и наконецъ, рѣшившись дѣйствовать по своему, отпустили меня обратно, но оставили у себя всѣ мои предположенія. Я ожидалъ, что послѣдуютъ на меня гоненія, но сверхъ чаянія, немного времени спустя, получилъ за мои труды брильянтовый перстень и чинъ коллежскаго совѣтника.

Впрочемъ надобно сказать, что въ личныхъ отношеніяхъ графъ Закревскій и Пейкеръ были со мною очень любезны. Министръ даже не разъ удивлялъ меня своими лестными выраженіями въ обращеніи ко мнѣ; а когда я явился къ нему въ послѣдній разъ предъ выѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ, что по выбытіи Контеніуса я одинъ только могу замѣнить его. Я приписывалъ это милостивое обхожденіе вліянію бывшаго моего начальника, въ то время уже предсѣдателя государственнаго совѣта, князя В. П. Кочубея, который принялъ меня какъ стараго, близкаго знакомаго, часто приглашалъ обѣдать и удерживалъ у себя по нѣскольку часовъ. Къ лѣту онъ переѣхалъ въ Царское Село и оттуда присылалъ мнѣ приглашенія, которыми я не всегда могъ пользоваться по причинѣ дальности поѣздки и служебныхъ занятій. Князь много меня распрашивалъ о Новороссійскомъ краѣ, о новыхъ распорядкахъ, о Контеніусѣ и Инзовѣ, къ дѣлу же иностранныхъ переселенцевъ и управленія колоніями сдѣлался довольно равнодушенъ. Я встрѣчалъ у него за обѣдами и вечерами значительнѣйшихъ людей тогдашняго Петербургскаго общества; случалось слышать любопытные и иногда забавные разговоры. Изъ числа послѣднихъ у меня остался въ памяти слѣдующій курьезъ. Я сидѣлъ съ княземъ у него въ кабинетѣ, куда къ нему пришли Николай Семеновичъ Мордвиновъ и тетка князя г-жа Загряжская, бывшая въ свое время, какъ называлъ Петръ Великій, *бой-бабой*, но тогда уже столь же престарѣлая какъ и Мордвиновъ. Это было въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Поговоривъ немного, она встала, собираясь уйти, и сочла нужнымъ объявить присутствующимъ: «Какъ жарко! Я вся въ поту, пойду перемѣнить рубашку», на что Мордвиновъ отозвался: «Какъ

тебѣ не стыдно, матушка, говорить при мнѣ такія вещи!» А Загряжская, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на него, отвѣчала: «Ce n'est rien; ni toi, ni moi, nous n'avons plus de sexe!»*) и, махнувъ рукой, вышла. Князь засмѣялся, а Мордвиновъ какъ будто немного озадачился такой откровенностію.

Незадолго до отъѣзда моего изъ Петербурга, я получилъ отъ жены письмо, въ которомъ она меня увѣдомляла, что Контеніусъ сильно заболѣлъ. Онъ скончался 30-го Мая. Я потерялъ въ немъ истиннаго друга, потеря котораго была для меня незамѣнима. Но меня удивило одно странное обстоятельство, оставшееся навсегда для меня загадкой. Недѣли за двѣ до своей кончины, онъ прислалъ сказать моей женѣ, что онъ очень боленъ, и проситъ ея пріѣхать къ нему сейчасъ же. Она немедленно поѣхала, нашла его въ постели, сильно измѣнившагося, въ большомъ изнеможеніи; послѣ нѣсколькихъ словъ о болѣзни его, Контеніусъ попросилъ ее затворить дверь и спросилъ: Скоро ли вы ожидаете вашего мужа?—Я думаю, онъ пріѣдетъ недѣли черезъ три, отвѣчала она.—Это еще долго; дай Богъ, чтобы я былъ въ состояніи дождаться его. Едва ли дождусь. И наклонясь къ ней, Контеніусъ продолжалъ, понизивъ голосъ:—Слушайте, что́ я вамъ скажу. Я долженъ, непремѣнно долженъ, открыть ему тайну, чрезвычайно-важную тайну. Но только передъ смертію, и только ему одному. Я не долженъ умереть, не сказавъ ея ему. Но видите, какъ я боленъ; три недѣли для меня большой срокъ. Если мнѣ сдѣлается хуже, если я увижу, что мнѣ не дожить до его пріѣзда, я рѣшился открыть эту тайну вамъ, чтобы вы передали ее ему. Я сдѣлаю это только въ крайности, когда почувствую, что умираю. Тогда я пришлю за вами. Дайте мнѣ слово, что, когда бы я за вами ни прислалъ, днемъ ли, ночью ли, чѣмъ бы вы ни были заняты, вы бросите все, и не медля ни секунды пріѣдете ко мнѣ. Но вы должны мнѣ обѣщать, что *отъ васъ* никто этого не узнаетъ кромѣ одного Андрея Михайловича. Елена Павловна обѣщала ему съ полною готовностію исполнить его просьбу. Затѣмъ прошло недѣли полторы; Елена Павловна зашла къ Контеніусу узнать о его здоровьи. Ему было лучше, онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, казался довольно бодрымъ, веселымъ и долго разговаривалъ съ ней о постороннихъ вещахъ. Когда же она уходила, онъ сказалъ ей очень серьезно: Теперь мнѣ немного получше; я надѣюсь, быть можетъ, Богъ по милости Своей дастъ мнѣ дожить до пріѣзда вашего мужа, и я не буду васъ тревожить. Но помните, если я пришлю за вами, въ какое бы ни было время, что̀ бы ни случилось у васъ, ради Бога, сейчасъ же, безъ ма-

---

*) Это ничего: и ты, и я уже безпо́лые.

лѣйшаго замедленія, не смотря ни на что, спѣшите ко мнѣ скорѣе. Это крайне необходимо. Я *долженъ* сообщить эту тайну Андрею Михайловичу. Но авось я самъ дождусь его. Елена Павловна простилась съ нимъ и ушла домой. Спустя дня три, часовъ въ восемь вечера, прискакалъ на дрожкахъ секретарь Контеніуса Франкъ, жившій у него, съ извѣстіемъ, что ему очень дурно и что онъ проситъ Елену Павловну какъ можно поскорѣе пожаловать къ нему. Она поѣхала въ туже минуту, на тѣхъ же самыхъ дрожкахъ. Въ домѣ ей сказали, что Контеніусъ безпрестанно спрашиваетъ о ней. Когда она вошла въ спальню, Контеніусъ лежалъ на постелѣ умирающій. Услышавъ шаги, онъ повернулъ голову; лицо его какъ бы оживилось; онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы она затворила дверь и подошла къ нему. Исполнивъ это, Елена Павловна, наклонилась къ нему и спросила, не послать ли за докторомъ? Контеніусъ, взглянувъ на нее помутившимися глазами, отвѣчалъ: Одинъ Богъ только можетъ мнѣ помочь. Взялъ ее за руку, крѣпко сжалъ, потянулъ поближе къ себѣ и, съ усиліемъ поднявшись на локтяхъ, внятно сказалъ: «скажите ему что.... что....» —и голова его упала на подушки, ротъ подернулся, глаза закатились, онъ раза два-три вздохнулъ и умеръ. Елена Павловна долго стояла неподвижно, съ напряженнымъ вниманіемъ, не сводя съ него глазъ, думая, что это припадокъ слабости, что это пройдетъ. Наконецъ увидѣвъ, что онъ положительно умеръ, она хотѣла уйти; но рука его сильно сжимала ея руку и быстро холодѣла. Она хотѣла крикнуть, позвать секретаря, находившагося въ сосѣдней комнатѣ, но боялась потревожить едва испустившаго духъ нашего стараго друга. Такъ прошло съ полчаса, пока она почувствовала себя уже не въ силахъ долѣе выдерживать это положеніе, и, съ большимъ трудомъ разжавъ его судорожно сжатые пальцы, высвободила руку и вышла изъ комнаты. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ того Елена Павловна была нервно разстроена, безпрестанно вздрагивала, и ей все казалось, что-то холодное держитъ ее за руку.

Такъ тайна Контеніуса и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Такой достойный, благородный, вполнѣ добродѣтельный человѣкъ не могъ имѣть на совѣсти своей никакого отягчающаго дѣла; да и для чего онъ бы мнѣ его сообщалъ? Онъ бы обратился къ священнику. Одно несомнѣнно, что открытіе этой тайны должно было повлечь за собою какія либо послѣдствія, что нибудь исправить или измѣнить, кому нибудь принести пользу, или отвратить зло; потому что немыслимо, чтобы, при серьезномъ, солидномъ умѣ Контеніуса, онъ такъ настойчиво, можно сказать страстно, желалъ открыть свою тайну, если бы это было безцѣльно. Замѣчательно, что онъ *не хотѣлъ* пережить открытія этой тайны; поэтому онъ и отлагалъ до послѣдней

крайности, до послѣдняго своего вздоха, чтобы вслѣдъ за объявленіемъ ея, сейчасъ же умереть. Можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ не то лицо, за которое себя выдавалъ, какъ многіе говорили, и хотѣлъ это сказать мнѣ. О прошломъ своемъ до пріѣзда въ Россію онъ почти никогда не вспоминалъ; съ тѣхъ же поръ, жизнь его въ теченіе болѣе сорока лѣтъ всѣ знали. Въ ней не было ни одного загадочнаго поступка, ни одного подозрительнаго дѣйствія. Это была чистая, труженическая жизнь честнѣйшаго человѣка, безъ пятна и упрека. Онъ оставилъ мнѣ всѣ свои бумаги. Я ихъ тщательно пересмотрѣлъ, перечиталъ всѣ его старыя письма, замѣтки, рукописи. Ни тѣни чего либо тайнаго или особеннаго въ нихъ не содержалось.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга я ѣздилъ въ Бессарабію по вызову Инзова, которому хотѣлось знать все, о чемъ меня спрашивали и что̀ поручали дѣлать въ Петербургѣ. Бѣдный старикъ былъ огорченъ, но по слабости своего характера не имѣлъ рѣшимости предупредить Государя, что Закревскій хочетъ дѣлать неподходящія вещи.

На возвратномъ пути изъ Бессарабіи, меня задержали на Днѣпрѣ по случаю оказавшейся чумы, и я долженъ былъ просидѣть десять дней въ карантинѣ. Я кое-какъ одолѣвалъ скуку чтеніемъ данныхъ мнѣ на дорогу изъ Кишинева 10 томовъ мемуаровъ Казановы.

Въ этомъ году старшая моя дочь Елена вышла въ замужество за Петра Алексѣевича Гана, артилерійскаго штабсъ-капитана, умнаго, отлично-образованнаго молодаго человѣка. Отецъ его, тогда уже умершій, генералъ-лейтенантъ, родомъ изъ Мекленбурга, принадлежалъ къ старой дворянской Нѣмецкой фамиліи; а мать, имѣя восемь человѣкъ взрослыхъ дѣтей, вышла вторично замужъ за Н. В. Васильчикова, роднаго брата князя Иларіона Васильевича. Мы съ женою очень не охотно согласились на бракъ нашей дочери, по причинѣ ея слишкомъ ранней молодости (ей было всего 16 л.); но я испыталъ многократно въ моей жизни, что того, что̀ опредѣлено Провидѣніемъ, нельзя предотвратить.

Между тѣмъ, какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующемъ 1831 году, я продолжалъ мои разъѣзды по колоніямъ. Въ 1831 году въ первый разъ появилась въ Европѣ холерная эпидемія, распространившаяся повсемѣстно. Болѣзнь эта, не смотря на свои частыя повторенія, и до сихъ поръ мало изслѣдована, и вѣрныхъ средствъ противъ нея никакихъ не открыто; тогда же она еще болѣе устрашала своею малоизвѣстностію. Въ Екатеринославѣ холера свирѣпствовала съ особеннымъ ожесточеніемъ: у насъ въ домѣ въ продолженіе десяти дней умерло шесть человѣкъ дворовыхъ людей. Жена моя оказала самоотверженіе: сама ухаживала за больными людьми, давала имъ лѣкарства, оттирала и

утѣшала ихъ. И за всѣмъ тѣмъ болѣзнь не коснулась ея: все это время она оставалась невредима и совершенно здорова.

Въ 1832 году продолжались тѣже занятія мои, тѣже разъѣзды, какъ и въ предыдущемъ. По поводу отъѣзда графа Воронцова за границу, на время отсутствія его, Новороссійскимъ краемъ и Бессарабіей управлялъ графъ Ѳедоръ Петровичъ Паленъ. Съ его выдающимися способностями, при отличномъ образованіи, онъ могъ быть прекраснымъ администраторомъ; но по безпечности характера и по предвзятому предубѣжденію, что въ Россіи, при томъ направленіи и ходѣ дѣлъ, какое было въ верху, нельзя сдѣлать много внизу, онъ вообще дѣлалъ слишкомъ мало, говоря самъ, что можетъ только «rectifier quelques choses» (поправить кое-что).

Въ 1833 году произошло нѣсколько замѣчательныхъ событій въ моей жизни. Лѣтомъ (которое, мимоходомъ сказать, было въ Новороссійскомъ краѣ весьма печальное всеобщимъ неурожаемъ), я отправился съ женою и дѣтьми въ Пензу, къ тестю моему князю Павлу Васильевичу, убѣждавшему насъ пріѣхать къ нему, чтобы еще разъ увидѣться въ этой жизни. Онъ былъ уже старъ, слабъ и слѣпъ, хотя духомъ и умомъ также бодръ и свѣжъ какъ въ молодости. Онъ передалъ намъ во владѣніе одно изъ своихъ двухъ имѣній, состоявшее изъ двухъ сотъ душъ, въ числѣ коихъ 70 душъ дворни. Имѣніе было малоземельное, къ тому же заложено въ банкѣ. Мы сочли за лучшее продать его, тѣмъ болѣе, что представился покупщикъ, давно желавшій купить его, именно графъ Закревскій. Тесть мой проводилъ свои старые дни почти въ одиночествѣ, частію въ своемъ имѣніи Кутли, частію въ собственномъ домѣ въ Пензѣ, перехоронивъ всю большую семью свою, которую мы нѣкогда застали въ селѣ Знаменскомъ въ первый нашъ пріѣздъ къ нему. Только множество портретовъ, покрывавшихъ стѣны, напоминали о бывшемъ когда-то оживленномъ семейномъ кругѣ его. По счастію, нѣсколько близкихъ, преданныхъ людей внимательно заботились о немъ, вся домашняя прислуга обожала его; а потому мы могли быть покойны въ отношеніи ухода и попеченій о немъ. Не смотря на старческія немощи, аппетитъ у князя сохранился прекрасный. Онъ всегда былъ замѣчательный гастрономъ. Каждый день, послѣ сытнаго, обильнаго обѣда, усѣвшись за чашкой кофе, князь неминуемо обращался къ своей дочери съ вопросомъ: «Ну, Еленушка, а что̀ мы завтра будемъ обѣдать!» и начиналось серьезное, продолжительное совѣщаніе о завтрашнемъ обѣдѣ, которое я старался не слушать, такъ какъ отъ пресыщенія сегодняшнимъ обѣдомъ, противно было думать о какой бы то ни было ѣдѣ. Князь возилъ насъ въ свою деревню Кутлю, старался занимать и увеселять, какъ могъ, каталъ въ линейкѣ по

своимъ борамъ и рощамъ, гдѣ дѣти собирали грибы и костенику. Передъ нашимъ отъѣздомъ, онъ благословилъ насъ и внуковъ старинными родовыми образами въ дорогихъ окладахъ *). Прощаніе наше было грустнѣе прежнихъ, по сомнительности надежды еще увидѣться съ нимъ.

Пробывъ около двухъ мѣсяцевъ, мы возвращались обратно въ Екатеринославъ чрезъ Москву, гдѣ остановились недѣли на три. Однажды, читая газеты, я нечаянно увидѣлъ о послѣдовавшемъ преобразованіи колонистскаго управленія. Конторы иностранныхъ поселенцевъ упразднялись, а оставлялся только одинъ «попечительный комитетъ» подъ предсѣдательствомъ Инзова, съ крайне-ограниченнымъ штатомъ. По пріѣздѣ въ Екатеринославъ, выяснилось, что я былъ опредѣленъ членомъ этого комитета, съ тѣмъ же самымъ содержаніемъ, какое я получалъ. Приходилось переѣзжать на жительство въ Одессу, продавать за безцѣнокъ домъ съ прекраснымъ, огромнымъ садомъ, со всѣми почти двадцатилѣтними обзаведеніями и приспособленіями для нашихъ удобствъ, съ огромной дворней, и перебираться на житье въ городъ, гдѣ все было несравненно дороже, нежели въ Екатеринославѣ, что́ конечно разстраивало нашу жизнь. Но дѣлать было нечего: безъ службы обойтись я не могъ. Мы рѣшились переѣхать, и дабы хоть нѣсколько уменьшить необходимые расходы на жизненныя потребности и хозяйство, я поѣхалъ въ Одессу прежде одинъ и подъискалъ подходящее имѣньице въ 40 в. отъ Одессы, деревню Поликовку, по сосѣдству съ имѣніемъ графа Потоцкаго, Севериновкою.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Въ числѣ этихъ образовъ, какъ драгоцѣнная святыня, хранится у внуковъ князя Павла Васильевича Долгорукаго, серебрянный массивный крестъ съ св. мощами, съ давнихъ поръ принадлежавшій этой вѣтви князей Долгорукихъ, по преданію доставшійся имъ, какъ завѣщанное благословеніе, отъ ихъ предка, великаго князя Св. Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Татарской ордѣ. Н. Ф.

НОВИКОВСКІЯ КНИГИ.

Записка о книжномъ складѣ, цѣною въ 400,000 рублей, и о предложеніи его въ Государственный Ломбардъ надворнымъ совѣтникомъ Григоріемъ Походяшинымъ.

Доложена Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія [1]).

Нѣсколько частныхъ лицъ образовали въ Москвѣ Товарищество, главную цѣль котораго составляло печатаніе и продажа полезныхъ [2]) для общества книгъ. Средства этого Товарищества были таковы: большой каменный домъ, нѣкоторое количество крѣпостныхъ, полная аптека, большая типографія и книжный складъ, по тогдашнимъ цѣнамъ рублей на 900,000.

Обширность предпріятія понудила Товарищество войти въ довольно значительные долги, которые день ото дня становились все тягостнѣе. Главный долгъ представляли изъ себя 80,000 рублей, взятые въ 1786 году изъ Московскаго Ломбарда подъ личное обезпеченіе нѣкоторыхъ участниковъ въ Товариществѣ и подъ залогъ вышеуказаннаго дома и земли съ 350 крестьянами.

Было рѣшено продать кое-что изъ основнаго имущества Товарищества, чтобы расплатиться съ долгами. Для веденія дѣла былъ выбранъ одинъ изъ членовъ, лейтенантъ Новиковъ, который получилъ необходимыя полномочія для составленія полнаго инвентаря, веденія всѣхъ счетовъ, всѣхъ сдѣлокъ съ кредиторами, продажи и заключенія контрактовъ отъ своего имени и т. п.

---

[1]) Переведено съ неизданнаго Французскаго подлинника. П. Б.

[2]) Слово *полезныхъ* имѣетъ здѣсь значеніе относительное, такъ какъ большая часть изданныхъ этимъ Новиковскимъ Товариществомъ книгъ были книги Масонскія, въ которыхъ трудно добиться здраваго смысла. Біографы Новикова и восхвалители его дѣятельности опускаютъ изъ виду это существенное обстоятельство. Изъ его многочисленныхъ изданій едва ли наберется десятокъ дѣйствительно-полезныхъ. Печатаемая нынѣ записка Походяшина свидѣтельствуетъ также, что Новиковъ, задолго до постигшей его кары, разорился и разорилъ другихъ. Отлагаемъ до другаго случая указать, на сколько эта кара могла быть заслужена. П. Б.

Надворный совѣтникъ Походяшинъ, освѣдомившись о состояніи продаваемаго имущества, нашелъ для себя удобнымъ пріобрѣсти его, тѣмъ болѣе, что большинство кредиторовъ изъявили желаніе получить въ уплату 400,000 рублей десятилѣтними облигаціями Государственнаго Банка, которыми владѣлъ Походяшинъ [3]). Онъ вступилъ въ сношенія съ продавцемъ, сошелся относительно цѣны и условій; но во время предварительной сдѣлки нѣкоторые кредиторы потребовали немедленной расплаты; къ тому же пятилѣтній срокъ заема въ Ломбардѣ истекалъ, и управленіе его рѣшило приступить къ продажѣ дома. Чтобы не упустить пріобрѣтенія, которое казалось столь выгоднымъ и считая себя вполнѣ обезпеченнымъ, Походяшинъ нашелъ нужнымъ удовлетворить кредиторовъ частью наличными деньгами, частью векселями на свое имя. Также и въ Ломбардъ, для обезпеченія расплаты послѣ полнаго окончанія сдѣлки, онъ внесъ банковыхъ облигацій на сумму 50,000 рублей.

Послѣ всего этого Походяшину, который, какъ мы видѣли, потратилъ большую часть своего капитала, оставалось лишь совершить купчую крѣпость на законномъ основаніи и вступить во владѣніе, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство разстроило все и лишило его вполнѣ законныхъ правъ на это имущество. Въ Апрѣлѣ 1792 года послѣдовалъ Высочайшій указъ, который гласилъ, чтобы на имущество Товарищества было наложено запрещеніе, а Новикова, какъ владѣльца, хотя и временнаго, арестовали. Приказъ исходилъ изъ тайной канцеляріи, куда Новиковъ и былъ препровожденъ. Было невозможно что-либо узнать о ходѣ дѣлъ и о рѣшеніи, принятомъ относительно секвестрованнаго имущества. Между тѣмъ срокъ векселямъ и обязательствамъ, которые далъ Походяшинъ кредиторамъ, истекалъ, и онъ былъ принужденъ расплатиться съ ними, продавъ съ большою потерею для себя банковыя облигаціи. Лишь по истеченіи 4 лѣтъ Походяшинъ узналъ, что имущество Товарищества, которое сочли принадлежащимъ Новикову, конфисковано и отдано Приказу Общественнаго Призрѣнія съ тѣмъ, чтобы продать его съ публичныхъ торговъ, расплатиться съ долгомъ Ломбарду, а излишекъ употребить на богоугодныя дѣла. Въ силу этого рѣшенія приступили къ продажѣ. Домъ [4]), не смотря на то, что онъ былъ заложенъ въ Ломбардѣ приблизительно за 60 т. рублей, былъ проданъ за 35 т., аптека за 10 т., земля за 15 т., запасъ бумаги за 6 т.; сверхъ того получили 15 т. за вексель графини Чернышовой и присовокупили къ общей суммѣ облигацію въ 50 т. р., отданную предварительно въ Ломбардъ Походяшинымъ; вообще бóльшая часть имущества, продан-

[3]) Покойный графъ Д. Н. Блудовъ разсказывалъ по преданію (вѣроятно отъ Карамзина), что въ одномъ изъ собраній этого Товарищества Н. И. Новиковъ говорилъ такъ горячо и краснорѣчиво, что увлекъ Григорья Максимовича Походяшина къ доставленію нужныхъ денегъ для предупрежденія полной разстройки дѣлъ. П. Б.

[4]) Это огромное зданіе въ Москвѣ, у Красныхъ воротъ на углу Садовой, нѣкогда принадлежавшее графу Гендрикову, нынѣ Спасскія казармы. П. Б.

наго значительно ниже своей настоящей цѣны, была поглощена долгомъ Ломбарду, возросшимъ, благодаря процентамъ, до 162 т. рублей, такъ что Походяшинъ потерялъ всякую надежду вернуть когда-либо обратно свое состояніе.

Восшествіе на престолъ покойнаго Императора Павла дало болѣе счастливый оборотъ этому дѣлу. Благородный Монархъ, давъ свободу Новикову, приказалъ возвратить ему конфискованное имущество; но этотъ послѣдній, убѣдившись, что ему невозможно принять на себя всѣ долги, имѣя лишь остатки совершенно разстроеннаго имущества, отказался отъ него и просилъ оставить его въ распоряженіи Приказа, который завѣдывалъ имъ до сихъ поръ. Е. И. В. Государь соблаговолилъ исполнить эту просьбу и велѣлъ, чтобы Приказъ Призрѣнія окончилъ расплату съ Ломбардомъ и приступилъ бы потомъ, со всѣмъ тѣмъ, что̀ оставалось отъ имущества, къ удовлетворенію другихъ кредиторовъ, въ числѣ которыхъ на одинаковыхъ правахъ былъ и Походяшинъ. Лишь теперь узнали о его претензіи, доходившей до 400 т. р.

Для удовлетворенія Походяшина и другихъ кредиторовъ оставался лишь книжный складъ; но значительная часть книгъ попортилась отъ нерадѣнія при сохраненіи ихъ [5]) и отъ другихъ обстоятельствъ, такъ что уцѣлѣло книгъ на сумму приблизительно около 500,000 р. Правленіе Приказа Призрѣнія, удовлетворивъ вполнѣ Ломбардъ, хотѣло приступить къ продажѣ книгъ, которыя конечно пошли бы за значительно-пониженную цѣну; но Походяшинъ и другіе кредиторы заявили, что они сами желаютъ получить книги. Просьба ихъ была уважена, и Походяшинъ получилъ на свою долю книгъ на 400,000 р.

Таковъ былъ исходъ дѣла, почти совсѣмъ разорившаго Походяшина. Двумя именными указами, однимъ покойнаго Государя Императора Павла, другимъ нынѣ благополучно царствующаго, были утверждены его права, признана справедливость его требованій, и приказано удовлетворить его. Онъ отчасти и удовлетворенъ, но какимъ образомъ? Несчастное предпріятіе стоило ему всего состоянія; уцѣлѣлъ лишь одинъ книжный складъ. Конечно онъ очень цѣненъ, но не даетъ Походяшину возможности привести въ порядокъ свои домашнія дѣла. Розничная продажа, будучи крайне измѣнчивою, въ продолженіе года дастъ средства только для поддержанія склада и его существованія, а владѣльцу будетъ представляться печальное будущее—тратить постепенно и капиталъ, и проценты. Продать книги гуртомъ совершенно невозможно.

---

[5]) По преданію отъ Московскихъ старожиловъ, книги эти помѣщались и гнили въ низкомъ и длинномъ зданіи, между Москворѣцкимъ мостомъ и Воспитательнымъ домомъ, по набережной, гдѣ нынѣ мучныя лавки. П. Б.

Будучи въ такомъ плачевномъ состоянiи, Походяшинъ придумалъ проектъ, который, соединяя благотворительную цѣль съ значительной выгодой для Ломбарда, одинъ можетъ хотя нѣсколько вознаградить его потери.

Онъ дерзаетъ представить этотъ проектъ Ангелу-Хранителю благотворительности въ Россiи. Можетъ быть, обожаемая Мать тысячи сиротъ, Покровительница несчастныхъ, соблаговолитъ, принявъ его, возстановить разстроенное состоянiе мирнаго и ни въ чемъ неповиннаго человѣка и такимъ образомъ увѣнчаетъ дѣло справедливости, начатое Ея Августѣйшимъ Супругомъ.

Походяшинъ предлагаетъ уступить Ломбарду весь книжный складъ цѣною въ 400,000 съ тѣмъ, чтобы Ломбардъ ссудилъ ему на 12 лѣтъ 300,000 безъ процентовъ. Онъ сверхъ того обязуется употребить эти деньги на покупку земли и другихъ недвижимостей, которыя будутъ заложены въ обезпеченiе уплаты ссуженныхъ денегъ по истеченiи 12 годичнаго срока.

Ломбардъ могъ бы очень просто и безъ всякаго риска освободиться отъ склада: ему стóитъ прибѣгнуть къ лотереѣ, раньше того съ подобною же цѣлью предложенной Походяшинымъ и въ свое время одобренной Императоромъ. Согласно этому плану, надо раздѣлить книги на 396,000 жребiевъ, цѣною въ 1 рубль; каждый жребiй (билетъ) выигрываетъ книгу отъ 55 р. до 10 к. Не надо, какъ это дѣлаютъ обыкновенно, распредѣлять всѣ жребiи передъ тѣмъ какъ вынимаютъ билетъ; но взявшiй билетъ тотчасъ же вынимаетъ изъ колеса соотвѣтствующiй выигрышъ и получаетъ книгу немедленно. Съ билетовъ получится 396,000 р., такъ что у Ломбарда останется еще на 4000 р. книгъ учебныхъ для школьнаго употребленiя.

Для ускоренiя и обезпеченiя быстраго разбора билетовъ слѣдуетъ установить, чтобы всѣ тѣ, которые занимаютъ изъ Ломбарда сумму въ 500 р., были обязаны взять билетъ на лотерею.

Предполагая годовой оборотъ Ломбарда въ 33 миллiона, мы видимъ, что этотъ капиталъ представляетъ 66 тысячъ разъ 500 рублей, такъ что каждый годъ будетъ выходить 66 тысячъ лотерейныхъ билетовъ. Такимъ образомъ, *не считая случайной продажи,* всѣ билеты разойдутся чрезъ 6 лѣтъ, и Ломбардъ получитъ къ тому времени

396,000 капитала по 66 т. р. каждогодно и
97,253 р. процентовъ съ этого капитала,
всего 493,253 дѣйствительнаго капитала, проценты съ котораго въ
142,973 р. въ 6 остающихся лѣтъ до означеннаго срока принесутъ
всего 636,226 р. Значитъ, Ломбардъ въ 12 лѣтъ получитъ 636,226, а капиталъ данный Походяшину въ это время дастъ доходу, котораго не получилъ бы Ломбардъ—303,591 р.; слѣд. Ломбардъ получитъ выгоды

$$\begin{array}{r} 636{,}226 \\ -\ 303{,}591 \\ \hline 332{,}635 \end{array}$$

р. и библiотеку, цѣною въ 4000 р.

Походяшинъ, предлагая этотъ планъ, несомнѣнно выгодный для Ломбарда и Воспитательнаго Дома, смѣетъ надѣяться, что соблаговолятъ принять во вниманіе вышеизложенныя печальныя обстоятельства его. Будучи жертвою такого произвольнаго поступка какъ наложеніе запрещенія на все имущество, а не на одну заложенную часть, онъ получилъ вмѣсто значительнаго имущества, на которое имѣлъ самыя неоспоримыя права (такъ какъ уплатилъ большую часть долговъ, лежавшихъ на этомъ имуществѣ), только такого рода собственность, которая, хотя и очень цѣнна, но сводится ни къ чему, если не окажутъ Походяшину просимой имъ помощи.

Ломбардъ, учрежденный съ тою цѣлью, чтобы помогать находящимся въ бѣдѣ и поддерживать своими доходами человѣколюбивыя учрежденія, оказавъ помощь Походяшину, исполнитъ вдвойнѣ свою почтенную и священную цѣль. Съ одной стороны онъ возстановитъ благосостояніе Походяшина, съ другой значительное увеличеніе средствъ позволитъ ему увеличить число благотворительныхъ заведеній, которыя процвѣтаютъ подъ счастливымъ покровительствомъ Ея Величества Императрицы-Матери,— драгоцѣнные памятники, благодаря которымъ даже самое отдаленное потомство будетъ удивляться рѣдкимъ добродѣтелямъ и человѣколюбію этой Августѣйшей Государыни.

ОПЫТЪ УЛУЧШЕНІЯ ЗИМНИХЪ ДОРОГЪ УКАТЫВАНІЕМЪ [1]).

Въ примѣчаніи къ статьѣ, напечатанной мною въ «Московскомъ Сборникѣ» [2]), говорилъ я объ опытѣ, сдѣланномъ однимъ деревенскимъ жителемъ для улучшенія зимнихъ дорогъ. Этотъ опытъ былъ повторенъ мною прошлаго года съ совершеннымъ успѣхомъ. Средства, употребленныя мною, были самыя простыя. Тройка лошадей укатывала дорогу ежедневно не болѣе одного раза простымъ садовымъ каткомъ, въ которомъ было около 3 аршинъ длины и около 40 пудовъ вѣсу; передъ каткомъ привязана была такой же длины борона для разравненія и разлыхленія снѣга. Послѣ большихъ навалокъ снѣга, или во время оттепели, когда прокатываніе каткомъ дѣлалось невозможнымъ отъ упора или налипанія снѣга на катокъ—дорога углаживалась утюгомъ, т. е. станомъ, составленнымъ изъ трехъ полозьевъ, обшитыхъ по наружной сторонѣ лубками и сверхъ того листовымъ желѣзомъ по заголовкамъ. На этотъ станъ накладывался тотъ же самый катокъ, и впереди привязывалась таже самая борона, но такъ, чтобы ея зубья не слишкомъ далеко уходили въ снѣгъ. Прошлаго году пришлось употребить утюгъ не болѣе 10 разъ во всю зиму. Прокатываніе каткомъ началось съ самаго перваго дня и повторялось ежедневно, но не болѣе одного раза въ день. Это условіе необходимо. Дорога выбранная мною, очень торный проселокъ въ три версты длины, съ ложбинами и заборами, къ которымъ прибиваетъ снѣгъ, извѣстна была тѣмъ, что она портилась скорѣе всѣхъ окрестныхъ дорогъ и дѣлалась обыкновенно непроходимою уже въ концѣ Января. Успѣхъ былъ не только совершенный, но почти невѣроятный. Не смотря на глубину снѣга, которая мѣстами доходила до $1\frac{1}{4}$ аршина слишкомъ, не смотря на ежедневный

---

[1]) Эта замѣтка не вошла въ Полное Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова (М. 1878). Она была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1850 года.

[2]) 1847 года. См. въ I-мъ томѣ Полнаго Собранія Сочиненій А. С. Хомякова, стр. 87. П. Б.

проѣздъ отъ 200 до 300 подводъ съ клажею или порожнемъ, на всемъ протяженіи дороги, до самой весны, не оказалось не только ни одного ухаба, но ни малѣйшаго шибня или неровности. Разумѣется, тотъ же опытъ будетъ мною повторенъ и нынѣшній годъ. Хорошо бы было, еслибъ подобные опыты были повторены и другими деревенскими жителями. Успѣхъ доставилъ бы Россіи съ самыми малыми издержками (около 100 р. ассигн. на версту) отличныя зимнія дороги, не уступающія лучшему шоссе, и имѣлъ бы самыя благодѣтельныя послѣдствія для внутренней торговли и для быта поселянъ. Самый неуспѣхъ былъ бы отраднѣе, чѣмъ равнодушіе.

А. Хомяковъ.

ЕЩЕ СТИХОТВОРНАЯ ШУТКА С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Печатая неоднократно шуточные стихи С. А. Соболевскаго, мы уже имѣли случай упоминать, что онъ любилъ подсмѣиваться надъ пріятелемъ своимъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, который обыкновенно самъ не менѣе другихъ забавлялся этими выходками его острословія. Когда князь Одоевскій переѣхалъ сенаторомъ въ Москву, его гостинная нерѣдко пестрѣла самымъ разнообразнымъ обществомъ. Одно время въ ней появлялись студенты-Остзейцы, товарищи молодаго князя Ш—зе, который жилъ у сенатора Колюбакина. Молодыхъ людей этихъ ввелъ къ князю Одоевскому сенаторъ фонъ-деръ Ховенъ. Между тѣмъ постояннымъ посѣтителемъ князя Одоевскаго бывалъ близкій пріятель его, ученый славистъ-филологъ и этнографъ, Я. О. Орелъ-Ошмянцевъ, занятый въ то время составленіемъ карты Славянскихъ народностей. Онъ ходилъ тогда въ Русскомъ платьѣ и уже по одному этому представлялъ обою противоположность тщательно прибраннымъ Нѣмцамъ-студентамъ, въ обращеніи своемъ строго державшимся условій такъ называемаго „фѣшена“ (fashion), т. е. внѣшнихъ свѣтскихъ приличій. П. Б.

Въ Московскіе салоны,
Гдѣ наилучшій тонъ,
Повадились вдругъ фоны.
Одинъ изъ нихъ такъ фонъ!

*
* *

Сего мы фона фонамъ
Всѣмъ ставили въ примѣръ;
При томъ онъ былъ барономъ:
То былъ баронъ фонъ-Беръ.

*
* *

И кто же ему ровенъ?
Фонъ-Роппъ, или фонъ-Реккъ,
Хотя про нихъ фонъ-Ховенъ
Преблагосклонно рекъ.

*
* *

Но лишь Орелъ-Ошмянцевъ
Является въ салонъ,
То всѣхъ Эст-Лиф-Курляндцевъ
Гони метлой хоть вонъ!

*
* *

О Россъ, симъ будь утѣшенъ!
А Нѣмцамъ вотъ урокъ,
Сколь нашъ Россійскій фѣшенъ
Предъ западнымъ высокъ.

жахъ дамъ. Мнѣ очень понравилась одна женская маска, одѣтая разнощицею писемъ. Она интриговала очень многихъ и совала имъ въ руки небольшіе конвертцы; но, по замѣчанію моему, она обращалась только къ извѣстнымъ значительнымъ особамъ, какъ-то: Н. Н. Новосильцову, ходившему объ руку съ княземъ Чарторыжскимъ, къ генералъ-адъютанту Уварову, котораго я видѣлъ въ Москвѣ на праздникѣ, данномъ князю Багратіону; къ Д. Л. Нарышкину и князю Салтыкову, которые, распечатавъ эти конвертцы, очень смѣялись. Я подошелъ къ маскѣ и спросилъ ее, нѣтъ ли ко мнѣ письмеца? Но она, посмотрѣвъ на меня, съ досадою отвѣчала: *Vous êtes encore trop imberbe pour recevoir des lettres de qui que ce soit; quand vous aurez un peu plus de barbe et un peu moins de présomption, je vous en apporterai,* [1]) и съ послѣднимъ словомъ показала мнѣ кукишъ. Нечего сказать, воструха! Вовсе не похожа на моихъ Московскихъ Нѣмокъ, съ которыми встрѣчалъ я въ маскарадѣ истекающій нынѣ годъ.

Я не дождался 12-ти часовъ, когда, обыкновенно, звукомъ трубъ и другихъ духовыхъ инструментовъ, извѣщаютъ о наступленіи новаго года, и поѣхалъ встрѣтить его къ Альбини, у котораго засталъ семейную вечеринку и какъ разъ попалъ къ послѣднему двѣнадцатому удару Державинскаго *глагола временъ.* Поздравивъ Schwester Dorchen со всѣми присутствующими бокаломъ Шампанскаго и мысленно обнявъ всѣхъ своихъ вмѣстѣ съ тобою, мой возлюбленный, я предложилъ тостъ за здравіе общаго нашего благодѣтеля, и мы всѣ хоромъ возгласили:

Willkommen, neues Jahr!
Wir bringen fröhlich dar
Dir unsern Gruss.

Gewähr'uns Ruh und Glück!
Und Herz und Mund und Blick
Preist jauchzend das Geschick
Und segnet dich.

Schütz Alexandern, Gott!
Wenn frech und wild ihn droht
Der Feinde Wuth:
Dann ziehe hoch und hehr
Vor Alexanders Heer
Dein guten Engel her
Und schlage sie!

---

[1]) Вы еще слишкомъ молокососъ, чтобы получать отъ кого бы то ни было письма; когда у васъ побольше отростетъ борода и вы будете не такъ притязательны, я вамъ принесу писемъ.

1807 годъ.

1 Января, Вторникъ. Въ наступившемъ году начинаю дневникъ мой календарнымъ вступленіемъ: *Благословиши вѣнецъ лѣта благости твоея, Господи!* Начинаю имъ потому, что хотя и не очень давно живу на свѣтѣ, но успѣлъ уже убѣдиться, что безъ благословенія свыше никакое начинаніе, какъ бы оно мелко ни было, не будетъ имѣть успѣха.

Отслушавъ обѣдню въ Казанскомъ соборѣ и побывавъ съ поздравленіемъ у почтеннаго Ильи Карловича, я расположился провести цѣлый день дома, но получилъ приглашеніе явиться въ *павильйонъ* къ обѣду и отказаться не смѣлъ. Эти добрые обитатели Михайловскаго павильйона лелѣятъ меня, какъ роднаго сына, и я, право, совѣщусь, что до сихъ поръ не могу ничѣмъ доказать имъ моей признательности. Обѣдъ, по обыкновенію, былъ веселый, то-есть шумный: разговоры и споры не прерывались ни на минуту, и случись тутъ посторонній, незнакомый человѣкъ, онъ подумалъ бы, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь важномъ происшествіи въ семействѣ, а между тѣмъ ничуть не бывало: дочери утверждали, что надобно къ предназначенному балу перекрыть мебель, а старикъ доказывалъ, что этого вовсе не нужно; дочерей поддерживалъ патеръ Локманъ, а старика—графъ Монфоконъ, и вотъ пошелъ дымъ коромысломъ! Наконецъ, споръ кончился тѣмъ, что бывшій кастеланъ, всплеснувъ руками, какъ будто съ горестью воскликнулъ: *O mes filles, mes filles, vous mourrez sur du fumier!* *) и тутъ же, сдѣлавъ плутовскую гримасу, объявилъ, что обойщикъ, три дня назадъ, принесъ матерію, и еслибъ не праздники, то мебель была бы уже обита за-ново. Вотъ это ужъ настоящая гасконнада!

Въ пылу всѣхъ этихъ пустыхъ разговоровъ и споровъ, удалось мнѣ поймать у патера Локмана преумное его истолкованіе одного изреченія, часто употребляемаго въ разговорахъ о внезапно-обогатившихся людяхъ: *Il a vendu son âme au diable* или, по-русски: «онъ чорту душу продалъ». «Эта поговорка (сказалъ Локманъ) имѣетъ свое основаніе. Для пріобрѣтенія богатства—говорю: *богатства,* а не обыкновеннаго достатка—необходимо имѣть черствое сердце, широкую совѣсть и свойство не пренебрегать никакими средствами, противными правиламъ чести и доброй нравственности. Напримѣръ, можно ли обогатиться собственнымъ личнымъ трудомъ?—никогда. Единственный результатъ, который можетъ человѣкъ извлечь изъ личнаго труда, будетъ тотъ, что онъ не умретъ съ голоду; а если пріобрѣтетъ столько, чтобъ

*) О мои дочери, мои дочери, вы умрете въ нищетѣ!

имѣть нѣкоторыя удобства въ жизни, то это должно быть названо уже счастіемъ. Какія же средства къ скорому пріобрѣтенію богатства? Например, служить орудіемъ развитія порочныхъ склонностей и возбудителемъ ихъ, не тоже ли, что̀ *продать душу чорту?* Получить доходное мѣсто, брать взятки и употреблять во зло довѣріе правительства, не значитъ ли также *продать душу чорту?* Войти въ подряды съ казною, брать за поставляемыя вещи или припасы низшаго качества туже цѣну, какъ бы они были высшаго, подкупая пріемщиковъ, развѣ не тоже, что̀ *продать душу чорту?* Наконецъ, набогатиться отдачею денегъ въ ростъ, или чрезмѣрною скупостью, или обращеніемъ труда другихъ въ свою пользу, или угожденіемъ и потворствомъ слабостямъ и страстямъ человѣческимъ, не тоже ли въ самомъ дѣлѣ, что̀ *продать душу чорту*, то-есть отступить отъ правилъ, предписываемыхъ человѣку ученіемъ христіанскимъ? Вотъ и настоящее значеніе этой поговорки, которая, какъ мнѣ извѣстно, существуетъ у всѣхъ народовъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ».

Патеръ Локманъ, не смотря на то, что великій спорщикъ, очень умный человѣкъ,и бесѣды съ нимъ всегда болѣе или менѣе поучительны.

2 Января, Середа. У Державина нашелъ я великаго Дмитревскаго, которому и былъ представленъ въ качествѣ трагика. Пѣвецъ Фелицы заставилъ краснѣть меня похвалами моему «Артабану». Прочитай, братецъ», говорилъ онъ Ивану Аѳанасьевичу, «его трагедію—удивишься: я самъ оторваться отъ нея не могъ. Откуда онъ только выкопалъ такое происшествіе; да и стихи такіе гладкіе, звучные и громкіе, что право не подумаешь, чтобъ это было сочиненіе 18-лѣтняго мальчика. Дай-ка ему посозрѣть, такъ выйдетъ настоящій Бобровъ!» Дмитревскій тотчасъ же просилъ меня доставить ему удовольствіе прослушать мою трагедію и назначилъ мнѣ явиться къ нему завтра утромъ. Не знаю, какъ благодарить Гаврила Романовича и чѣмъ могу заслужить его милости; я едва не пла̀чу отъ восхищенія...

Дѣдушка неправъ, описавъ мнѣ Дмитревскаго какимъ-то притворщикомъ. Конечно, у него манеры стариннаго придворнаго: такая же вѣжливость, и онъ также изъясняется отборными выраженіями; но развѣ это худо? Мнѣ кажется, вся сила въ томъ, что дѣдушка изъ суфлерской дыры своей не могъ изучить обычаевъ высшаго общества и наблюденіе свѣтскихъ приличій принялъ за притворство.

Наружность Дмитревскаго чрезвычайно живописна: сѣдъ какъ лунь, волосы зачесываетъ назадъ, черты лица имѣетъ необыкновенно правильныя, физіономію привлекательную и выразительную, глаза умные съ поволокою, движенія тихія и размѣренныя, и ходитъ, отъ старости,

сгорбившись. Онъ былъ чрезвычайно опрятно одѣтъ: въ суконномъ коричневомъ кафтанѣ Французскаго покроя съ стальными пуговицами, шитомъ шолковомъ жилетѣ, въ брызжахъ и манжетахъ, словомъ, точно походилъ болѣе на стараго царедворца, чѣмъ на стараго актера. Жаль, что голова у него безпрестанно трясется; но прожить 72 года въ безпрерывныхъ трудахъ и опасеніяхъ за себя и другихъ—не бездѣлка: поневолѣ затрясешь головою!

Ѳ. П. Львовъ, разсуждая съ Дмитревскимъ о его путешествіи въ Парижъ, спросилъ его, между прочимъ, справедливо ли, что онъ тамъ игралъ на театрѣ вмѣстѣ съ Гаррикомъ и Лекеномъ? «Никогда», отвѣчалъ онъ, «я не могъ играть съ Гаррикомъ, потому что не знаю Англійскаго языка, а Гаррикъ необыкновенно дурно изъяснялся по-французски. Съ Лекеномъ же мнѣ играть не было возможности по той причинѣ, что наши амплуа были одинаковы, и если я зналъ нѣкоторыя роли изъ Французскихъ трагедій, такъ это тѣже самыя, которыя игралъ и Лекенъ. Впрочемъ, я не такъ былъ и самонадѣянъ, чтобъ состязаться съ этими исполинами театральнаго искусства, и особенно съ Лекеномъ, который былъ геній въ своемъ родѣ. Конечно, и Гаррикъ былъ великій человѣкъ, но скорѣе *комедіантъ*, чѣмъ актеръ, т. е. подражатель природѣ въ обыкновенной нашей жизни, между тѣмъ какъ Лекенъ создавалъ типы персонажей историческихъ. Надобно было видѣть Лекена въ роляхъ Магомета, Танкреда, Оросмана, Замора и Эдипа-царя, чтобъ постигнуть, до какой степени совершенства можетъ быть доведено сценическое искусство, потому что вообразить себѣ этого нельзя. Лекенъ и мадамъ Дюмениль, это настоящія трагическія божества, и въ послѣдней, если было менѣе искусства, то чуть ли еще не больше таланта».

3 Января, Четвергъ. Едва только разсвѣло, какъ я уже былъ на ногахъ, чтобъ бѣжать къ Дмитревскому съ моимъ «Артабаномъ». Но зачѣмъ ходилъ я къ нему, окаянный? Всѣ мечты мои, какъ хрусталь Альнаскара, разлетѣлись въ дребезги, и я разженился съ любимою моею идеею—видѣть когда нибудь «Артабана» на сценѣ. Эту идею, Богъ ему судья, вселилъ въ бѣдную мою голову Гаврило Романовичъ, ангелъ доброты, но въ этомъ случаѣ демонъ-соблазнитель. Не бѣда, что пятимѣсячный трудъ мой невозвратно пропалъ; но бѣда въ томъ, что я потерялъ довѣренность къ самому себѣ и къ своему таланту, и превращаюсь опять въ переводчика и сочинителя разныхъ дюжинныхъ оперъ и пошлыхъ арій. O weh, o weh!

Въ десять часовъ утра я былъ у нашего Росціуса, который принялъ меня необыкновенно ласково. Онъ былъ одѣтъ точно такъ же, какъ и вчера, и сидѣлъ въ большихъ креслахъ. «Очень, очень радъ,

душа», сказалъ онъ, «видѣть васъ и прослушать трагедію вашу. Садитесь сюда въ кресла, а я посижу на диванѣ; но прежде надобно запереться, чтобъ намъ не мѣшали». Онъ всталъ и заперъ дверь. «Ну, теперь начните, да читайте не торопясь: у насъ времени много». Я началъ читать, по наставленію Мерзлякова, громко; но Дмитревскій остановилъ меня, примолвивъ: «лучше потише, душа, а то устанешь». Я перемѣнилъ тонъ и дошелъ до конца 1-го дѣйствія—и что же? Дмитревскій заснулъ! Я остановился; но онъ, вдругъ очнувшись, вскрикнулъ: «Прекрасно! Да на какомъ мы дѣйствіи остановились?» При этомъ вопросѣ у меня опустились руки, и я хотѣлъ сложить тетрадь свою; но Дмитревскій настоялъ, чтобъ я продолжалъ чтеніе. Кое-какъ добрался я до конца пьесы и спросилъ соннаго моего слушателя, что̀ онъ о ней думаетъ, и можетъ ли она быть представлена на театрѣ. Дмитревскій отвѣчалъ, что трагедія точно отличная и прекрасно написана, но что есть нѣкоторыя длинноты, и ужъ слишкомъ страшна, такъ страшна, что, по мнѣнію его, *зрители не усидятъ на мѣстахъ своихъ*; что она сдѣлала бы огромный эффектъ на сценѣ Французскаго театра, потому что Французская публика скорѣе поняла бы и оцѣнила ея красоты и великолѣпіе стиховъ; что, конечно, экспозиція немножко растянута, сюжетъ развивается медленно, что замѣтна нѣкоторая путаница въ расположеніи сценъ, а въ развязкѣ какая-то внезапность, и что самые стихи можно бы смягчить и ближе примѣнить ихъ къ характерамъ персонажей, но что, впрочемъ, все прекрасно, безподобно, восхитительно! Я обомлѣлъ отъ удивленія, слыша отъ Дмитревскаго такія неопредѣленныя похвалы вмѣстѣ съ такими ясными намеками на негодность моей трагедіи, и вспомнилъ слова дѣдушки. Господи Боже мой! Да изъ чего же было все это пустословіе? Чтобъ мнѣ дать почувствовать, что мой «Артабанъ» никуда не годится. Эхъ-ма, старикъ! сказалъ бы напрямки—и дѣло съ концомъ. А то: «все такъ прекрасно, что хоть плюнуть, и все такъ безподобно, что хоть за окошко брось!» Но видно, не я первый, не я и послѣдній.

Чтобъ не обнаружить предъ старикомъ моего огорченія и не показать ему, что я понялъ его намеки, я не вдругъ оставилъ его и завелъ рѣчь о настоящемъ составѣ Русской труппы. «Есть прекраснѣйшіе сюжеты», сказалъ онъ мнѣ, «и съ большими талантами. Совѣтую посѣщать Русскій театръ чаще. Въ трагедіяхъ вы увидите Шушерина и Яковлева, которые могли бы назваться первоклассными актерами, еслибъ не были избалованы нашею публикою и всегда старательно выполняли свои роли. Увидите молодую Семенову, которая подаетъ большія надежды. Что́ касается до актеровъ комическихъ, то мы имѣемъ двухъ-трехъ человѣкъ такихъ, которые могли бы съ честью стоять

наряду съ лучшими комиками прежней Французской сцены; напримѣръ Рыкаловъ и Пономаревъ; первый въ роляхъ à manteaux и въ financiers превосходитъ даже Крутицкаго, а послѣдній—гримъ необыкновенный, потому что не каррикатура, но естественъ и отлично понимаетъ свои роли; жаль только, что память начинаетъ измѣнять ему. Въ операхъ первое мѣсто принадлежитъ Воробьеву: не смотря на утрату голоса, онъ настоящій буфъ, въ родѣ Итальянскихъ буфовъ, только гораздо благороднѣе ихъ и одаренъ удивительно-сообщительною веселостью. Молодые Самойловы также очень хороши; очень жаль, что Самойлова не играетъ въ комедіяхъ: это была бы превосходная субретка, особенно въ комедіяхъ Мольера; живость въ разговорѣ, свобода въ тѣлодвиженіяхъ, очень выразительная, простодушно-плутовская физіономія и необычайная естественность · все обличаетъ въ ней, что ноа могла бы быть великою комическою актрисою; а между тѣмъ она играетъ русалокъ и подобныя роли, которыя будутъ со временемъ гробомъ ея таланта. Да какъ быть? Всему свое время, и русалкамъ также!» Я спросилъ у Дмитревскаго, читалъ ли онъ новую трагедію Озерова. «Слышалъ ее раза два», отвѣчалъ онъ, «и сверхъ того видѣлъ ея репетицію на сценѣ. Нечего сказать, трагедія прекрасная и такъ пришлась теперь кстати: много превосходныхъ патріотическихъ стиховъ, которые публика, конечно, не оставитъ примѣнить къ настоящимъ обстоятельствамъ. О трактаціи сюжета теперь разсуждать не время; поговоримъ послѣ представленія, когда поуменьшится общій интересъ». Дмитревскій проводилъ меня до лѣстницы, взявъ съ меня слово не оставлять его моими посѣщеніями. Но что въ томъ прибыли? Эта учтивость не возвратитъ мнѣ собственнаго моего уваженія къ моему таланту.

4 Января, Пятница. Пожертвованія на составленіе и въ пользу милиціи начались блистательнымъ образомъ. Наши коренные вельможи и знатное духовенство показали достохвальный примѣръ, и за ними послѣдовали и продолжаютъ слѣдовать прочія состоянія народа: всѣ наперерывъ спѣшатъ принести посильные дары свои отечеству, а иной возлагаетъ на алтарь его и послѣднюю лепту, какъ, напримѣръ, бѣдная актриса старуха Вагнерова, жертвующая десятью рублями, то-есть мѣсячнымъ своимъ жалованьемъ.

Вотъ списокъ извѣстнымъ лицамъ, которыя первыя ознаменовали усердіе свое щедрыми приношеніями. Въ главѣ ихъ митрополиты: Амвросій, отъ Лавры, 25,000 рубл. и отъ Новгородскаго архіерейскаго дома 20,000, а всего 45,000, и Платонъ 20,000 рубл.; Александръ Львовичъ Нарышкинъ единовременно 10,000, ежегодно по 6,000 и за 16,000

душъ крестьянъ своихъ, не входящихъ въ составъ милиціи, 32,000, а сверхъ того 4,000 четвертей хлѣба; супруга его, Марья Алексѣевна — столовый серебряный свой сервизъ и такой же туалетъ; Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ 10,000 р. и 2,000 кулей муки; графъ А. С. Строгановъ—40,000 р.; графъ Н. П. Шереметевъ—20 мѣдныхъ пушекъ съ лафетами и 2,000 ружей; графъ Безбородко—10,000 р.; графъ Бобринскій—6,000 р.; А. Н. Оленинъ—2,000 р. и 2 пушки со всѣми снарядами; Н. П. Архаровъ—10,000 р.; дѣйств. ст. сов. Ростовцовъ 100 пудовъ свинцу; адмиралъ Балле—ежемѣсячно по 200 р.; Санктпетербургское купечество—135,000 р.; Московскіе актеры—2,400 р.; балетмейстеръ Валберхъ—500 р.; здѣшніе актеры и актрисы: Шушеринъ, Яковлевъ, Воробьевъ и Рахмановъ—по 200 р.; Сахаровъ, Рыкаловъ, Щениковъ, Пономаревъ, Волковъ, Сахарова, Каратыгина и Семенова—по 100 р.; фигурантъ Аблецъ—100 р.; Бобровъ, Прытковъ и Рожественскій—по 75 р.; Чудинъ, фигурантъ Ивановъ и Алексѣева—по 50 р.; Черникова—30 р., и старушка Вагнерова—10 р.

5 Января, Субота. Чему посмѣешься, тому и поработаешь: вотъ и нашъ Алексѣй Ѳедоровичъ наконецъ облѣпился. Петръ Ивановичъ прислалъ мнѣ оду его на новый годъ по случаю Пултусской побѣды, къ которой такъ и хочется примѣнить стихи Ив. Ив. Дмитріева изъ пьесы его «Чужой толкъ».

Такъ громко, высокó, а все не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!

Готовъ держать закладъ, что эта ода написана имъ по заказу, потому что отъ перваго стиха: *Исполнилось, о вѣстъ златая!* и до послѣдняго, одинъ только наборъ словъ, хотя, впрочемъ, наборъ мастера своего дѣла. Но другая ода на новый же годъ, Василья Колосова, начинающаясь такъ: *Хвала тебѣ, злодѣйствъ каратель!* есть нѣчто диковинное въ своемъ родѣ: въ ней лирикъ воспѣваетъ подвиги графа Каменскаго въ Пултусскомъ сраженіи, между тѣмъ какъ онъ въ немъ и не участвовалъ. Кажется, этотъ Колосовъ долженъ быть человѣкомъ съ воображеніемъ очень пылкимъ: лѣтъ пять назадъ, издалъ онъ лирическое стихотвореніе, подъ названіемъ «Плодъ энтузіазма» —*горькій плодъ заблужденія* на счетъ своего призванія.

6 Января, Воскресенье. Несмотря на шестнадцатиградусный морозъ, Крещенскій парадъ былъ великолѣпный. Въ первый разъ въ жизни вижу столько войска и въ такомъ пышномъ видѣ. Торжественное молебствіе совершено было придворнымъ духовенствомъ въ при-

сутствіи Государя въ нарочно устроенной для того на Невѣ, противу дворца, Іордани. Я изумился, увидѣвъ Государя въ одномъ мундирѣ, и не постигаю, какъ могъ онъ въ такой легкой одеждѣ выносить такую стужу—вотъ прямо Русскій человѣкъ!

Вечеромъ собрались у меня Хмельницкій, Вельяминовъ-Зерновъ и Кобяковъ Послѣдній спѣшитъ переводомъ своей оперы и, по случаю моего уклоненія отъ перевода стиховъ, находится въ престрашныхъ хлопотахъ. Не понимаю, зачѣмъ браться не за свое дѣло? Добро бы эти оперы приносили ему какую выгоду, а то ровно никакой. Спасибо Вельяминову, который, узнавъ въ чемъ дѣло, добродушно обѣщалъ выручить моего земляка и, отъ нечего дѣлать, начинить всѣ его оперы, настоящія и будущія, стихами всевозможныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, Вельяминовъ удивительно легко пишетъ стихи: не болѣе какъ въ четверть часа онъ, для доказательства своей способности, перевелъ одну большую арію изъ оперы «Импрезаріо», надъ которою мой бѣдный Кобяковъ корпитъ столько времени. Этою аріею принадлежащій къ труппѣ стихотворецъ даетъ слѣдующій совѣтъ патрону своему, *импрезаріо*, какъ избѣжать разоренія.

Чтобъ вамъ такъ не разоряться,
Должно правилъ придержаться:
Primo, Крезомъ притворяться
И *secundo*, обѣщать,
Только слова не держать;
Ни актрисамъ, ни актерамъ,
Пѣвчимъ и декоратёрамъ,
Фигурантамъ, машинистамъ,
И портнымъ, и копіистамъ
Должно гроша не давать
И раздѣлываться съ ними
Лишь посулами одними.
Что̀ вамъ стоитъ обѣщать?
Этимъ людямъ не платите:
Лишь ласкайте ихъ, да льстите,
Все сулите, да сулите—
Вотъ и будетъ благодать!
Но уважьте даръ поэта,
Заплатите вы ему:
Это нужно потому,
Что блестящая монета
Блескъ придастъ его уму.

Я списалъ эти вздорные стихи въ память способности Вельяминова писать ихъ; но Кобяковъ въ восторгѣ, а я и подавно, потому что навсегда избавился отъ его докуки.

7 Января, Понедѣльникъ. Цѣлое утро проболтался въ Коллегіи попустому, спрашивая самъ себя: да когда же дадутъ мнѣ какое-нибудь

занятіе? До сихъ поръ я ничего другаго не дѣлаю, какъ только дежурю въ мѣсяцъ разъ, да толкую о Троянской войнѣ; между тѣмъ время идетъ да идетъ, а расходъ времени, какъ говоритъ мой Петръ Ивановичъ, самый невозвратный расходъ.

Гебгардъ принесъ мнѣ книжку: «Züge zu einem Gemähide von Moskwa», сочиненную Вистенгаузеномъ въ 1775 году, и просилъ сказать ему, похожа ли нынѣшняя Москва на прежнюю. Я пробѣжалъ книжку мелькомъ: кажется, родная наша мало измѣнилась, несмотря на то, что постарѣла тридцатью годами. Только гостинницы и трактиры перемѣнились.—Гебгардъ звалъ завтра въ «Разбойниковъ» смотрѣть на него въ Карлѣ Морѣ; Амалію играетъ милая жена его.

Завтра пойду съ пузыремъ-Кобяковымъ знакомиться съ Воробьевымъ, хотя, признаться, хотѣлось бы лучше познакомиться съ Яковлевымъ; но Кобяковъ говоритъ, что теперь, по случаю безпрестанныхъ репетицій трагедіи «Дмитрій Донской», всѣ лучшіе наши трагики заняты по горло, и потому не время.

8 Января, Вторникъ. Были у Воробьева и застали его передъ самымъ обѣдомъ. Онъ радушно пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ трапезу, и Кобяковъ безъ церемоніи усѣлся за столъ, выпивъ предварительно порядочный стаканчикъ травнику; но я отказался, потому что долженъ былъ обѣдать въ павильйонѣ. Воробьевъ малъ ростомъ, довольно плотенъ; движенія его живы и ловки, говоритъ скоро и съ присмѣшкой; лицо имѣетъ нѣсколько багровое, какъ по большей части и всѣ люди, придерживающіеся чарочки. Мнѣ особенно понравились глаза его, черные и быстрые, изъ которыхъ такъ и просвѣчиваются умъ и какая-то добродушная, безпечная веселость. Семейство его состоитъ изъ жены, дородной женщины, на лицѣ которой замѣтны еще остатки прежней красоты, и единственной дочери, премилой дѣвочки лѣтъ восьми или девяти, бѣленькой, румяненькой и очень полненькой, имѣющей въ лицѣ много сходства съ матерью. Я завелъ было рѣчь о здѣшнихъ модныхъ операхъ—куда тебѣ! Воробьевъ и говорить не хотѣлъ. Надоѣли проклятыя! сказалъ онъ: вѣкъ бы не слыхалъ о нихъ; то ломай Тарабара, то Личарду, то Торопку—чортъ знаетъ что такое! Только на потѣху райку», и тутъ же запѣлъ:

„Коль назначено судьбою
Разлучиться намъ съ тобою,
Быть мнѣ вѣрной обѣщай,
Милая моя, прощай“.

Я спросилъ его, справедливо ли, что князь Волконскій, при постановкѣ «Русалки» на Московскомъ театрѣ, присылалъ изъ Москвы

актёра Волкова учиться у него роли Тарабара, или, какъ тогда говорили въ Москвѣ, Тара́барской грамотѣ, и если справедливо, то какъ онъ нашелъ Волкова. «Онъ точно былъ здѣсь», отвѣчалъ Воробьевъ, «и являлся ко мнѣ, будто бы по приказанію Александра Львовича; ну я и сказалъ ему: поди братецъ въ театръ, да смотри на меня и перенимай, какъ знаешь, если тебѣ велѣно. Съ тѣмъ онъ и ушелъ; но передъ отъѣздомъ опять приходилъ и просилъ, чтобъ я прослушалъ, какъ онъ пропоетъ Польской Тарабара:

„На что такъ чудесить,
Къ чему куралесить,
Другихъ обижать?“

Я прослушалъ и сказалъ ему, что хотя онъ и *волкъ*, а все-таки лаетъ *по-собачьи*; тѣмъ дѣло и кончилось. Мужика въ сорокъ лѣтъ не научишь, если до тѣхъ поръ самъ не выучился». Воробьевъ сказывалъ, что Самойловъ съ первыхъ дебютовъ своихъ очень понравился публикѣ, и она снисходительно извиняла не только его неловкость и совершенное незнаніе приличій на сценѣ, но даже самыя неосторожныя его обмолвки, которыя никому другому не прошли бы даромъ.

Гебгардъ въ роли Карла Мора несовсѣмъ мнѣ понравился. Въ игрѣ его нѣтъ того глубокаго чувства, которымъ долженъ быть проникнутъ Карлъ Моръ, жертва неслыханнаго коварства и заблужденій своей молодости. Мой пріятель не постигъ этого характера, о которомъ можно было бы исписать цѣлую книгу; за то Амалія была настоящею Амаліею—чувствительною, любящею, мечтательною Нѣмкою среднихъ вѣковъ. Мадамъ Гебгардъ стала еще лучшею актрисою, чѣмъ была прежде... Франца Мора игралъ Розенштраухъ недурно. Онъ, говорятъ, очень добрый, религіозный человѣкъ и будто бы готовится въ пасторы, но, въ ожиданіи хорошаго пастората, играетъ на театрѣ. Для исполненія роли Франца, слѣдовало бы ему изучить разсужденіе Ифланда объ этой роли, въ которой знаменитый актёръ и писатель былъ, говорятъ, превосходенъ. Въ Германіи роль Франца Мора считается первою ролью, потому что требуетъ большаго изученія, между тѣмъ, какъ для роли Карла достаточно, чтобъ актёръ былъ одаренъ большою чувствительностью и былъ пригожъ собою. Линденштейнъ уморительно игралъ роль Шпигельберга; онъ на сценѣ, какъ дома.

9 Января, Среда. Гаврила Романовичъ представилъ меня А. С. Шишкову, сочинителю «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ», задушевному другу президента Россійской Академіи, Нартова. Съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ я почтенную фигуру этого чело-

вѣка, котораго дѣтскіе стихи получили такую народность, что, кажется, нѣтъ ни въ одномъ Русскомъ грамотномъ семействѣ ребенка, котораго не учили бы лепетать:

„Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и въ стужѣ
Намъ не хуже“, и проч.

Не могу повѣрить, чтобъ этотъ человѣкъ былъ такимъ недоброжелателемъ нашего Карамзина, за какого хотятъ его выдать. Мнѣ кажется, что находящіяся въ «Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ» колкія замѣчанія на нѣкоторыя фразы Карамзина доказываютъ не личное нерасположеніе къ нему Александра Семеновича, а только одно несходство въ мнѣніяхъ и образѣ воззрѣнія на свойства Русскаго языка. Изъ всего, что̀ ни говорилъ Шишковъ—а говорилъ онъ много—я не имѣлъ случая замѣтить въ немъ ни малѣйшаго недоброжелательства или зависти къ кому-нибудь изъ нашихъ писателей; напротивъ, во всѣхъ его сужденіяхъ, подкрѣпляемыхъ всегда примѣрами, заключалось много добродушія и благонамѣренности. Онъ очень долго толковалъ о пользѣ, какую бы принесли Русской словесности собранія, въ которыя бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтенія своихъ произведеній, и предлагалъ Гаврилу Романовичу назначить вмѣстѣ съ нимъ попеременно, хотя по одному разу въ недѣлю, литературные вечера, обѣщая склонить къ тому же Александра Семеновича Хвостова и сенатора Ивана Семеновича Захарова, которыхъ домы и образъ жизни представляли наиболѣе къ тому удобствъ. Богъ вѣсть, какъ обрадовался этой идеѣ добрый Гаврила Романовичъ и просилъ Шишкова устроить какъ можно скорѣе это дѣло.

Между прочимъ, Шишковъ разсказывалъ, что одна изъ родственницъ его супруги, молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, въ прошедшемъ году вылѣчилась радикально отъ чахотки, употребляя, по совѣту О. К. Каменецкаго, по два раза въ сутки угольный порошокъ, распущенный въ рюмкѣ воды, а по утрамъ принимая по полурюмкѣ росы съ цвѣтовъ ромашки, которую собирали для ней ея люди. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ присовокупилъ, что хотя иностранные медики не любятъ Каменецкаго за его безпощадную правдивость и величаютъ его обскурантомъ и эмпирикомъ, но что на это смотрѣть нечего, и его простонародныя средства бываютъ бо̀льшею частью всегда спасительны. Вѣра Николаевна спросила меня за столомъ, отчего я такъ угрюмъ,

все молчу. Я отвѣчалъ: *che quando parla il dottore, il pantalone tace* *); всѣ захохотали, а я тому и радъ, что не даромъ выронилъ слово.

10 Января, Четвергъ. У Лабата встрѣтилъ Александра Тургенева, который въ прошедшемъ году на пансіонскомъ экзаменѣ подшептывалъ мнѣ Нѣмецкую рѣчь. Онъ сказывалъ, что средняго брата отправляетъ доучиваться въ Гёттингенъ, а меньшой останется покамѣстъ въ пансіонѣ до полученія золотой медали. Тургеневъ долженъ быть очень дѣятеленъ и проворенъ; онъ служитъ при статсъ-секретарѣ Новосильцовѣ и вмѣстѣ въ Коммиссіи Составленія Законовъ помощникомъ референдарія. Говорилъ много о графѣ Строгановѣ, о княгинѣ Голицыной и о многихъ другихъ знатныхъ особахъ, у которыхъ принятъ за свой. Не успѣли отобѣдать, какъ онъ ужъ исчезъ, извинившись недосугомъ. Вигель читалъ очень смѣшное рондо, написанное на Тургенева по-французски общимъ ихъ пріятелемъ Блудовымъ; въ этихъ стихахъ много веселости и безобиднаго остроумія.

Графъ Местръ точно долженъ быть великій мыслитель: о чемъ бы ни говорилъ онъ, все очень занимательно, и всякое замѣчаніе его такъ и врѣзывается въ память, потому что заключаетъ въ себѣ идею и сверхъ-того, идею прекрасно выраженную; напримѣръ, говоря о нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ изъ высшаго круга, онъ сказалъ, что очень любитъ и уважаетъ ихъ, а между тѣмъ видится съ ними рѣдко, потому что характеры ихъ, какъ нѣкоторыя химическія тѣла, очень хороши сами по себѣ, но никогда не соединяются съ другими.

11 Января, Пятница. Вотъ что́ называется *и сытъ, и пьянъ.* Обѣдалъ у коммиссара Придворной Конторы А. И. Андреева, стариннаго знакомца нашей фамиліи, которой онъ считаетъ себя почему-то обязаннымъ. Этотъ добрый человѣкъ, узнавъ обо мнѣ, отыскалъ меня и затащилъ къ себѣ на обѣдъ, который давалъ онъ своимъ сослуживцамъ по случаю совершившагося ему шестидесятилѣтія. Пиръ, какъ говорится, былъ на весь міръ. Такую роскошь и излишество встрѣчаю я только въ другой разъ въ своей жизни: обѣдъ Андреева, по количеству и качеству кушанья и напитковъ едва ли не превосходнѣе былъ обѣда, даннаго Московскимъ Англійскимъ клубомъ въ честь героя Багратіона. Гостей было человѣкъ до тридцати, и передъ каждымъ гостемъ было поставлено по бутылкѣ Шампанскаго вмѣсто квасу, а Венгерскимъ и какого-то особеннаго рода Рейнвейномъ обносили по два раза. Подлѣ хозяина сидѣлъ членъ гофъ-интендантской конторы Алек-

*) Когда говоритъ докторъ, пересмѣшникъ молчитъ.

сѣй Григорьевичъ Ходневъ, а подлѣ меня братъ нашего драматурга Н. И. Ильина, Алексѣй Ивановичъ, который служитъ также въ Конторѣ и которому хозяинъ поручилъ меня подчивать. Онъ мастерски исполнилъ порученіе и такъ меня уподчивалъ, что, по окончаніи обѣда, я насилу могъ подняться со стула и не помню, какъ очутился дóма. Люди мои говорятъ, что меня кто-то привезъ, и я, не раздѣвшись, бросился на постель и проспалъ больше трехъ часовъ. Голова и теперь ходитъ кругомъ, и мучитъ сильная жажда: хочется опять Венгерскаго— да гдѣ его взять? удовольствуюсь квасомъ. Андреевъ долженъ быть очень богатъ, а не богатъ, такъ тороватъ. Квартиру онъ занимаетъ весьма небольшую въ казенномъ домѣ на Захарьевской улицѣ; но если изба не богата углами, такъ за то богата пирогами.

Ахъ, Господи! Что жъ это такое? Нѣтъ сна, и все хочется пить:

„Bacchus siehe
Wie ich glühe!
Sieh den leeren Humpen an!
Evoe Bacche! Evoe, Bacche!
Humanam sequimur sortem—
Voluptas nulla post mortem!"

Мнѣ кажется, что я совсѣмъ одурѣлъ.

12 Января, Суббота. Кажется, я вчера порядочно отличился. Не вѣдаю, чтó думаетъ обо мнѣ амфитріонъ Андреевъ; но знаю, что я самъ о себѣ очень невысокаго мнѣнія. До сихъ поръ болитъ голова и самъ весь не свой. Для облегченія совѣсти, я все разсказалъ Альбини, который, насмѣявшись вдоволь моей проказѣ, велѣлъ мнѣ пить Зельцерскую воду: да будетъ она для меня водою забвенія! Хотя бы къ завтрему освѣжиться и не упустить репетиціи «Дмитрія Донскаго», на которую обѣщалъ меня взять Иванъ Аѳанасьевичъ, а тамъ чтó Богъ дастъ!

13 Января, Воскресенье. Я въ восторгѣ! У насъ не слыхано и не видано такой театральной пьесы, какою завтра Озеровъ будетъ подчивать публику. Роль Димитрія превосходна отъ перваго до послѣдняго стиха. Какое чувство и какія выраженія! Въ роляхъ Ксеніи, князя Бѣлозерскаго и Тверскаго есть мѣста восхитительныя, а поэтическій разсказъ боярина о битвѣ съ Татарами Мамая и единоборствѣ Пересвѣта съ Темиромъ и Димитрія съ Челубеемъ превосходитъ все, чтó только есть замѣчательнаго въ этомъ родѣ, и разсказъ Терамена не можетъ идти ни въ какое съ нимъ сравненіе. Оттого ли, что стихи въ трагедіи мастерски приноровлены къ настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, или мы всѣ вообще теперь еще глубже проникнуты чувствомъ

любви къ Государю и отечеству, только дѣйствіе, производимое трагедіею на душу, невообразимо. Стоя у кулисы, къ которой прислонилъ меня, какъ чучелу, пузатикъ Кобяковъ, я плакалъ, какъ ребенокъ; да и не я одинъ: мнѣ показалось, что и самъ Яковлевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей роли какъ будто захлебывался и глоталъ слезы. Это была послѣдняя репетиція трагедіи; завтра утромъ будетъ только одно небольшое повтореніе ролей, чтобъ актёры имѣли время успокоиться и приготовиться къ настоящему представленію.

Я былъ бы теперь въ совершенномъ отчаяніи, еслибъ, по милости пьянственнаго моего окаянства, чуть не уложившаго меня въ постель, не попалъ сегодня на эту репетицію и лишился такого благопріятнаго случая покороче познакомиться съ новою трагедіею и сойтись съ нѣкоторыми актёрами и особенно съ Яковлевымъ, который какъ-то пришелся мнѣ по душѣ. Онъ, говорятъ, иногда куликаетъ, да что до того за дѣло? Можно умѣренно и куликнуть съ человѣкомъ, который умѣетъ такъ сильно чувствовать красоты нашей поэзіи и мастерски передавать ихъ. Хотѣлось мнѣ, чтобъ Иванъ Аѳанасьевичъ представилъ меня князю Шаховскому и Озерову; но старикъ сказалъ: «теперь, душа, не время; видишь очень заняты; а вотъ послѣ». И въ самомъ дѣлѣ, князь Шаховской, очень толстый и неуклюжій человѣкъ, повидимому лѣтъ 35, плѣшивый, съ огромнымъ носомъ и пискливымъ голоскомъ, бѣгалъ и суетился на сценѣ: то училъ нѣкоторыхъ актёровъ, то кричалъ на статистовъ, то дѣлалъ колкія замѣчанія актрисамъ, то разговаривалъ съ Дмитревскимъ, то болталъ по-французски съ нѣкоторыми актерами и, наконецъ, поймавъ въ толпѣ актрису Самойлову, сталъ увѣрять ее, что какъ ни хороша она въ русалкахъ и въ другихъ глупыхъ роляхъ подобнаго рода, но была бы гораздо лучше въ роляхъ служанокъ; словомъ, князь Шаховской, не смотря на свою дородность, показался мнѣ какимъ-то неуловимымъ существомъ: *der Alte überall und nirgends* *). За то Яковлевъ—совершенный его антиподъ: когда, во время антракта, Дмитревскій представилъ меня ему, сказавъ, что мнѣ хочется съ нимъ познакомиться и что я самъ написалъ трагедію, въ которой есть очень хорошіе стихи, Яковлевъ только что улыбнулся, какъ-то искривя ротъ, и спросилъ меня:—«Вы откуда?» —«Изъ Москвы»—отвѣчалъ я.—«Бывали тамъ часто въ театрѣ?»— «Бывалъ, хотя и не такъ часто, какъ бы хотѣлось.»—«А съ Иваномъ Аѳанасьевичемъ гдѣ познакомились?»—«У Г. Р. Державина».—«У Державина? Вотъ что!» Потомъ, какъ бы подумавъ немного, спросилъ:— «Да вы служите гдѣ-нибудь?»—«Служу въ Иностранной Коллегіи съ

*) „Старикъ вездѣ и нигдѣ"—названіе одной изъ тогдашнихъ повѣстей. П. Б.

знакомцемъ вашимъ В. М. Өедоровымъ, который обѣщалъ меня познакомить съ вами.»—Гм... много у васъ дѣла?»—«До сихъ поръ никакого.»—«Гм.. такъ заходите ко мнѣ по вечерамъ; когда не играю, я почти всегда сижу дома».—«Непремѣнно приду».—«Гм.. а съ кѣмъ вы еще знакомы изъ нашихъ?»—«Да недавно Кобяковъ познакомилъ меня съ Я. С. Воробьевымъ».—«Кобяковъ? Гм... а вы охотники до русалокъ?».—«Люблю и русалокъ, если ихъ хорошо играютъ.»—«Гм... ну такъ до свиданія».—И вотъ мой Яковлевъ пошелъ задумавшись опять расхаживать по сценѣ. Ему не болѣе 35 лѣтъ; онъ очень статенъ, лицо выразительное, физіономія задумчивая, голосъ очаровательный, говоритъ какъ бы нехотя и, кажется, вовсе не думаетъ о томъ, о чемъ говоритъ; во всемъ существѣ его есть что-то особенное, но привлекательное, и я увѣренъ, что, не смотря на угрюмость его, онъ долженъ быть одаренъ прекрасными качествами души и сердца. Да иначе и быть не можетъ: безъ теплой души, безъ нѣжнаго сердца, нельзя произнести такъ превосходно и съ такимъ глубокимъ чувствомъ:

„Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ;
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые, и въ память нашихъ дѣлъ
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ!...
Грядущи времена, сокрытыя отъ васъ,
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ!“

или:

„И вы, жестокіе, мнѣ предлагать могли
Безъ дружбы и любви скитаться на землѣ?“

и заставить почти всѣхъ плакать чуть не навзрыдъ. Какъ ни патетиченъ Шушеринъ въ нѣкоторыхъ сценахъ «Эдипа», но никогда не сравнится съ Яковлевымъ въ способности такъ увлекать зрителей, потому что не имѣетъ физическихъ средствъ послѣдняго. Кажется, Яковлевъ вовсе не занимается своимъ туалетомъ. Волосы всклочены, галстухъ завязанъ кой-какъ, черный сюртукъ какъ будто шитъ не по его мѣркѣ: узокъ, и рукава очень коротки, точно онъ изъ него выросъ; изъ кармана торчитъ, вмѣсто носоваго платка, какая-то ветошка... словомъ, въ костюмѣ его замѣтна чрезвычайная небрежность и даже отсутствіе приличія.—Семенова прелестна: совершенный типъ древней Греческой красоты; при дневномъ свѣтѣ она еще лучше, чѣмъ при лампахъ, и повидимому большая щеголиха. Она была окутана въ бѣлую Турецкую шаль; на шеѣ жемчуги, а на пальцахъ брильянтовыхъ колецъ и перстней больше, чѣмъ на иной нашей Московской купчихѣ въ праздничный день. Думая, что съ ней также можно поболтать, какъ и съ милыми моими Нѣмецкими чечотками, я было подбѣжалъ къ ней

съ комплиментами насчетъ игры ея въ роли Антигоны—куда тебѣ! она взгянула на меня такъ презрительно и свирѣпо и такъ свысока промолвила: *чего съ?* что у меня отнялся языкъ, и я бросился поскорѣе назадъ, какъ будто наткнулся на вилы. Шушеринъ, сверхъ того, что талантъ превосходный, долженъ быть еще и очень умный человѣкъ, но едва ли имѣетъ доброе сердце. При всякой ошибкѣ кого изъ актеровъ онъ не упускалъ случая подмигивать кому-нибудь глазами, кивать головою и саркастически улыбаться. Роль свою читалъ онъ прекрасно, но тихо, жалуясь на слабость здоровья. Когда приходила очередь Щеникову читать свою роль князя Тверскаго, авторъ, сидѣвшій на сценѣ у директорской ложи, показывалъ явные знаки нетерпѣнія и неудовольствія, а князь Шаховской морщилъ лицо и одинъ разъ, обратясь къ Озерову, довольно громко сказалъ: «Что жъ дѣлать! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады».

Говорятъ, что Озеровъ чрезвычайно самолюбивъ; вѣрю: въ сознаніи своего превосходства предъ другими онъ имѣетъ все право быть самолюбивымъ; не идіотъ же онъ какой-нибудь, чтобъ не умѣлъ оцѣнить своего дарованія! Впрочемъ, кажется, надобно отличать самолюбіе отъ хвастовства; напр. Трофимъ Ѳедоровичъ Дурновъ, серьезно увѣряющій, что его картины превосходнѣе Рубенсовыхъ—хвастунъ; а Корреджіо, восхищающійся своею картиною и съ восторгомъ восклицающій: «anch'io sono pittore!» только самолюбивъ. Признаюсь, я не очень постигаю и того, почему всякій ремесленникъ, отъ простаго столяра до механика, можетъ, не страшась порицанія за свое тщеславіе, безнаказанно выхвалять доброту и пользу своихъ изобрѣтеній и произведеній, а литераторы, живописцы, ваятели, прославившіеся какими-нибудь произведеніями словесности или художества, лишены этого права, и еслибы захотѣли похвалить свои творенія, то подверглись бы осмѣянію. Это вопросъ, который бы слѣдовало разрѣшить академіи. Въ настоящемъ положеніи нашей литературы, когда никакія сочиненія, какъ бы они превосходны ни были, не приносятъ авторамъ никакой вещественной пользы, можно и должно, мнѣ кажется, извинять ихъ безкорыстное самолюбіе.

15 Января, Вторникъ. Вчера, по возвращеніи изъ спектакля, я такъ былъ взволнованъ, что не въ силахъ былъ приняться за перо, да признаться и теперь еще опомниться не могу отъ тѣхъ ощущеній, которыя вынесъ съ собою изъ театра. Боже мой, Боже мой! Что это за трагедія «Димитрій Донской» и что́ за Димитрій—Яковлевъ! Какое дѣйствіе производилъ этотъ человѣкъ на публику—это непостижимо и невѣроятно! Я сидѣлъ въ креслѣ и не могу отдать отчета въ томъ,

что̀ со мною происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди; меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то апплодировалъ изъ всей мочи, то барабанилъ ногами по полу—словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала, впрочемъ, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблока. Въ ложахъ сидѣло человѣкъ по десяти, а партеръ былъ набитъ биткомъ съ трехъ часовъ пополудни; были любопытные, которые, не успѣвъ добыть билетовъ, платили по 10 р. и болѣе за мѣсто въ оркестрѣ между музыкантами. Всѣ особы высшаго общества, разубранныя и разукрашенныя какъ будто на какое-нибудь торжество, помѣщались въ ложахъ бельэтажа и въ первыхъ рядахъ креселъ, и, не смотря на обычное свое равнодушіе, увлекались общимъ восторгомъ и также апплодировали и кричали *браво*! наравнѣ съ нами.

Въ половинѣ шестаго часа я пришелъ въ театръ и занялъ свое мѣсто въ пятомъ ряду креселъ. Только нѣкоторые нумера въ первыхъ рядахъ и нѣсколько ложъ въ бельэтажѣ не были еще заняты, а впрочемъ всѣ мѣста были уже наполнены. Нетерпѣніе партера ознаменовывалось апплодисментами и стучаньемъ палками; оно возрастало съ минуты на минуту — и не мудрено: три часа стоять на одномъ мѣстѣ не бездѣлка; я испыталъ это истязаніе; всякое терпѣніе лопнетъ. Однакожъ мало по малу наполнились и всѣ мѣста, оркестръ настроилъ инструменты, дирижёръ подошелъ къ своему пюпитру; но шести часовъ еще не било, и главный директоръ не показывался еще въ своей ложѣ. Но вотъ прибылъ и онъ, нетерпѣливо ожидаемый Александръ Львовичъ, въ голубой лентѣ по камзолу, окинулъ взглядомъ театръ, кивнулъ головой дирижеру, оркестръ заигралъ симфонію, и всѣ пріутихли, какъ бы въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго, таинственнаго происшествія. Наконецъ, съ послѣднимъ аккордомъ музыки занавѣсъ взвился, и представленіе началось.

Яковлевъ открылъ сцену. Съ перваго произнесеннаго имъ стиха: «Россійскіе князья, бояре» и проч. мы всѣ обратились въ слухъ, и общее вниманіе напряглось до такой степени, что никто не смѣлъ пошевелиться, чтобъ не пропустить слова; но при стихѣ:

„Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время!"

вдругъ раздались такія рукоплесканія, топотъ, крики *браво* и проч., что Яковлевъ принужденъ былъ остановиться. Этотъ шумъ продолжался минутъ пять и утихъ не надолго. Едва Димитрій, въ отвѣтъ князю Бѣлозерскому, склонявшему его на миръ съ Мамаемъ, произнесъ:

„Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!“

шумъ возобновился съ бо́льшею силою. Но надобно было слышать, какъ Яковлевъ произнесъ этотъ стихъ! Этимъ однимъ стихомъ онъ умѣлъ выразить весь характеръ представляемаго имъ героя, всю его душу и, можетъ-быть, свою собственную. А какая мимика! Сознаніе собственнаго достоинства, благородное негодованіе, рѣшимость—всѣ эти чувства, какъ въ зеркалѣ, отразились на прекрасномъ лицѣ его. Словомъ, еслибы Яковлевъ не имѣлъ и никакой репутаціи, то, прослушавъ, какъ произнесъ онъ одинъ этотъ стихъ, нельзя было бы не признать въ немъ великаго мастера своего дѣла. Я не могу запомнить всѣхъ прекрасныхъ стиховъ въ сценѣ Димитрія съ посломъ Мамаевымъ; однакожъ, благодаря таланту Яковлева, нѣкоторые какъ бы насильно врѣзались въ память, какъ напр.:

„Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу Русскій князь покоренъ одному“;

или:

„Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой!“

Всѣ эти стихи, равно какъ и множество другихъ въ продолженіе всей трагедіи выражаемы были превосходно и производили въ публикѣ восторгъ неописанный; но въ послѣдней сценѣ трагедіи, когда, послѣ побѣды надъ Татарами, Димитрій, израненный и поддерживаемый собравшимися вокругъ него князьями, становится на колѣни и произноситъ молитву:

„Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки, вѣдайте—великъ Россійскій Богъ!“

Яковлевъ превзошелъ самъ себя. Какое чувство и какая истина въ выраженіи! Конечно, ситуація персонажа сама по себѣ возбуждаетъ интересъ, стихи безподобные; но играй роль Димитрія не Яковлевъ, а другой актеръ, я увѣренъ, эти стихи не могли бы никогда такъ сильно подѣйствовать на публику. За то и она сочувствовала великому актёру и поняла его: я думалъ, что театръ обрушится отъ ужасной суматохи, произведенной этими послѣдними стихами. Тотчасъ начались вызовы автора, котораго представилъ публикѣ Александръ Львовичъ изъ своей ложи; потомъ вызванъ былъ и Яковлевъ—неоспоримо главный виновникъ успѣха трагедіи.

О Шушеринѣ въ роли князя Бѣлозерскаго сказать нечего. Эта роль незначительна, и ему не было случаевъ развить своихъ дарованій; но Семенова была прелестна, особенно въ послѣдней сценѣ, когда Ксенія узнаётъ, что Димитрій живъ; она съ такимъ чувствомъ и съ такою естественностью проговорила:

„Оживаю...
И слезы радости я первы проливаю“,

что расцѣловалъ бы ее, голубушку. Я искренно простилъ ей это высокомѣрное и грубое *чего-съ?* которымъ поподчивала она меня на репетиціи. Можетъ быть, и самъ я не правъ, забывъ пословицу: *не спросясь броду, не суйся въ воду*; но все-таки можно было бы сказать мнѣ нѣсколько словъ поучтивѣе.

Сожалѣю, что, не имѣя передъ глазами трагедіи, которая еще не напечатана и появится въ печати только на сихъ дняхъ, я не въ состояніи обстоятельно обозначить тѣ мѣста въ которыхъ главныя дѣйствующія лица были особенно хороши; могу сказать только, что старикъ Сахаровъ превосходно прочиталъ поэтическій разсказъ боярина и мастерски передалъ описаніе единоборства Пересвѣта съ Темиромъ:

„Широкъ, могущъ плечьми, душою бодръ и смѣлъ,
Темира вызвалъ онъ, съ Темиромъ онъ сразился
И такъ, какъ глыба съ горъ, съ нимъ вмѣстѣ мертвъ свалился“;

а послѣдніе прекрасные стихи, изображающіе бѣгство Татаръ и побѣду надъ ними:

„Имъ степь широкая, какъ узкая дорога—
И Русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога!“

передалъ съ такимъ одушевленіемъ и такъ живо и увлекательно, что возбудилъ всеобщій восторгъ. Сахаровъ, говорятъ, въ свое время игралъ первыя роли и почитался очень талантливымъ актеромъ. Не знаю, до какой степени это справедливо, но долженъ сказать, что и теперь онъ чтецъ превосходный.

Я слышалъ, что здѣсь не очень довольны Московскимъ директоромъ театра, П. Н. Приклонскимъ, и опять заговорили о назначеніи В. А. Всеволожскаго. Въ прошедшемъ году полагали, что онъ непремѣнно опредѣленъ будетъ; да и чего бы лучше? Человѣкъ богатый, гостепріимный, живетъ бариномъ, на открытую ногу, страстный охотникъ до музыки, имѣетъ собственный оркестръ, любитель театра и всякихъ общественныхъ увеселеній. Такихъ людей со свѣчей поискать; нѣтъ сомнѣнія, что назначеніе Всеволожскаго оживило бы театръ и ободрило бы актеровъ.

16 Января, Среда. «Дмитрій Донской» надѣлалъ такого шума, что только о немъ и говорятъ. При всякой встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ можешь быть увѣренъ, что встрѣтишь и вопросъ: *что̀, видѣли ли Донскаго?* А каковъ Яковлевъ? Озеровъ Озеровымъ; но мнѣ кажется, что Яковлевъ въ событіи представленія играетъ первую роль. Пожалуй, скажутъ, что это несправедливо, а я такъ думаю напротивъ. Автору воздаяніе впереди—потомство; а послѣ актёра, будь онъ хоть семи пядей во лбу, что̀ останется? Преданіе лѣтъ на пятьдесятъ, да и то преданіе сбивчивое и невѣрное; потому что если онъ и живой подвергается оцѣнкѣ произвольной, то о мертвомъ, какъ толковать ни станутъ, повѣрки не будетъ, а между тѣмъ охотниковъ глодать кости мертвыхъ— многое множество; слѣдовательно, пусть актёръ и наслаждается при жизни преимущественно предъ авторомъ своими успѣхами.

Когда сегодня за обѣдомъ въ павильонѣ я разсказывалъ о произведенномъ на меня впечатлѣніи трагедіею и Яковлевымъ, хозяинъ и хозяйка захохотали. «Mais vous êtes un enfant: une tragédie russe et un Yacovleff!»—Признаюсь, это мнѣ не понравилось.—«Mais avez vous jamais vu Yacovleff?»—«Oh! qui donc ira voir vos saltimbanques?» *)—Я смолчалъ, но у меня какъ будто оборвалось сердце. Графъ Монфоконъ принялъ мою сторону, и такъ какъ, видно, судьбою предназначено, чтобъ ни одинъ обѣдъ не проходилъ безъ горячаго спора, то онъ и начался, какъ говорится, «à couteaux tirés». Я былъ въ отчаяніи, что мнѣніе мое сдѣлалось яблокомъ раздора, но вмѣстѣ былъ и доволенъ, что нашелъ за себя такого неустрашимаго воителя, каковъ былъ старый графъ, который перекричалъ всѣхъ и одержалъ полную побѣду. Патеръ Локманъ какъ-то однажды объявилъ мнѣ, что всѣ эти споры за обѣдомъ предпринимаются единственно для сваренія желудка; я начинаю этому вѣрить, потому что, едва вышли изъ-за стола и помѣстились въ гостиной у камина, междоусобіе прекратилось, и водворилось прежнее сердечное согласіе. Между тѣмъ кстати о трагедіяхъ и трагическихъ актерахъ: Монфоконъ, котораго иногда величаютъ Monsieur de Lyon (потому что настоящій титулъ его Monfaucon, comte de Lyon), за чашкою кофе разсказалъ намъ нѣсколько анекдотовъ о Ларивѣ, изъ которыхъ одинъ довольно занимателенъ.

Ларивъ, играя въ Марсели какую-то роль, въ которой находилось очень поэтическое описаніе Апеннинскихъ горъ, такъ мастерски умѣлъ изобразить всѣ ужасы дикихъ пустынь, страшныхъ пещеръ, глубокихъ пропастей, непроходимость и мракъ лѣсовъ съ ихъ свирѣпыми обита-

---

*) Но вы ребенокъ: Русская трагедія и Яковлевъ!—Но вы когда-нибудь видѣли Яковлева?—О, кто же пойдетъ смотрѣть на ваши балаганы!

телями, медвѣдями и волками, что поразилъ зрителей. Послѣ представленія, одинъ богатый негоціантъ прислалъ ему дюжину стараго Апеннинскаго вина при запискѣ, что, въ уваженіе столь превосходнаго произведенія Апеннинъ, онъ помирится съ страною, столь ужасно имъ изображаемою. Ларивъ нашелъ вино по своему вкусу—и что же? съ тѣхъ поръ онъ никогда не могъ повторить повѣствованія объ Апеннинахъ съ прежнимъ увлеченіемъ и произвести прежнее впечатлѣніе на публику. Онъ признавался, что воспоминаніе о проклятомъ винѣ съ перваго стиха знаменитаго повѣствованія невольно поражало его воображеніе и отнимало у него всю энергію до такой степени, что онъ вынужденъ былъ передать роль другому актёру.

Вотъ еще замѣтка для психологовъ.

17 Января, Четвергъ. Въ Коллегіи толкуютъ, что у насъ будетъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ. Не знаю, каковъ онъ будетъ, если будетъ; но знаю, что объ увольненіи настоящаго *) едва ли кто тужить станетъ. Кажется, между нимъ и его сослуживцами существуетъ взаимное равнодушіе: une parfaite indifférence.

Политики наши высчитали, что учрежденіе милиціи доставитъ государству съ 31-ой губерніи 612,000 охраннаго войска; а о пожертвованіяхъ, которыя такъ охотно предлагаются всѣми состояніями народа, нечего и говорить: увѣряютъ, что денегъ достанетъ и передостанетъ на всѣ потребности и издержки военныя, тѣмъ болѣе, что есть еще губерніи, не вошедшія въ составъ милиціи и обязанныя ставить только провіантъ, фуражъ и разные другіе припасы. Между тѣмъ на сихъ дняхъ учрежденъ особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся до нарушенія общественнаго спокойствія. Слава Богу! Пора обуздать болтовню людей неблагонамѣренныхъ; можетъ быть, иные врутъ и по глупости, находясь подъ вліяніемъ Французовъ; но и глупца унять должно, когда онъ вреденъ. А сверхъ того, не надобно забывать, что нѣтъ глупца, который бы не имѣлъ своихъ подражателей:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire;

слѣдовательно, учрежденіе комитета какъ разъ во-время. Предсѣдателемъ назначенъ князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, а постоянными членами сенаторы Макаровъ и Новосильцовъ; въ случаѣ же нужды, будутъ присутствовать въ немъ Санктпетербургскій главнокомандующій С. К. Вязмитиновъ и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей.

Сказывали, что всѣ Французскіе актёры и другія лица, подданныя Франціи и государствъ отъ нея зависящихъ, принадлежащія къ вѣдом-

*) Андрея Яковлевича Будберга. П. Б.

ству театральной дирекціи, съ величайшею готовностью присягнули въ томъ, что они, на основаніи указа 28-го минувшаго Ноября, во все время настоящей войны, никакихъ сношеній ни съ кѣмъ во Франціи и подвластныхъ ей областяхъ ни подъ какимъ предлогомъ имѣть не будутъ, и что, въ противномъ случаѣ, предаютъ себя безусловно всякому взысканію, какому наше правительство подвергнуть ихъ заблагоразсудитъ. Сверхъ того, они будто бы предлагали даже и принять подданство; но Александръ Львовичъ объявилъ имъ, что Государь не требуетъ отъ нихъ этого пожертвованія.

А каково содержаніе, опредѣляемое Французскимъ плѣннымъ! Генераламъ назначается въ сутки по 3 р., полковникамъ по 1 р. 50 коп., майорамъ по 1 р., прочимъ офицерамъ по 50 коп., унтеръ-офицерамъ по 7 к. и рядовымъ по 5 к.; сверхъ того, послѣдніе нижніе чины будутъ получать пайки противу нашихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Да это такая милость, какой, вѣрно, они не ожидали, и неудивительно будетъ, если наши непріятели охотно будутъ сдаваться въ плѣнъ.

18 Января, Пятница. Возвращаясь изъ Коллегіи, встрѣтилъ Государя, прогуливающагося пѣшкомъ. При взглядѣ на его прекрасное, кроткое и спокойное лицо, много думъ возникаетъ въ головѣ, много чувствованій возрождается въ сердцѣ! Если всякому изъ насъ такъ сладостно быть любиму и однимъ человѣкомъ, то что́ долженъ ощущать онъ, котораго обожаютъ мильоны людей? Я думаю, что никому изъ вѣнценосцевъ не могутъ быть такъ приличны стихи Расина, какъ ему, доброму и мудрому нашему Государю.

Quel bonheur de penser et de dire en soi-même:
Partout dans ce moment on me bénit, on m'aime!
On ne voit point le peuple à mon nom s'alarmer,
Le Ciel dans tous les pleurs ne m'entend point nommer;
La sombre inimitié ne fuit point mon visage,
Je vois voler partout les coeurs à mon passage!

Ей-Богу, кого только ни встрѣтишь изъ порядочныхъ людей, будь онъ Русскій, Французъ, Нѣмецъ, Чухонецъ какой-нибудь, навѣрно услышишь искреннія ему благословенія.

У Гаврила Романовича обѣдали О. П. Козодавлевъ и Дмитревскій. Осипъ Петровичъ, кажется, добрый и привѣтливый человѣкъ, любитъ литературу и говоритъ обо всемъ очень разсудительно; онъ также старый знакомецъ И. И. Дмитріева, распрашивалъ меня о его житьѣ-бытьѣ и, между прочимъ, чрезвычайно интересовался университетомъ; хвалилъ покойнаго Харитона Андреевича, называя его настоящимъ *Русскимъ ученымъ*, и радовался, что Страховъ занялъ его мѣсто, при-

совокупивъ, что лучшаго преемника Чеботареву найти невозможно, и что Михайло Никитичъ *) весьма его уважаетъ. Говорили о «Димитріи Донскомъ», и на вопросъ Гаврила Романовича Дмитревскому, какъ онъ находитъ эту трагедію въ отношеніи къ содержанію и вѣрности исторической, Иванъ Аѳанасьевичъ отвѣчалъ, что, конечно, вѣрности исторической нѣтъ, но что она написана прекрасно и произвела удивительный эффектъ. «Не о томъ спрашиваю»; сказалъ Державинъ: «мнѣ хочется знать, на чемъ основался Озеровъ, выведя Димитрія влюбленнымъ въ небывалую княжну, которая одна одинехонька прибыла въ станъ и, вопреки всѣхъ обычаевъ тогдашняго времени, шатается по шатрамъ княжескимъ да разсказываетъ о любви своей къ Димитрію».— «Ну, конечно», отвѣчалъ Дмитревскій, «иное и не вѣрно, да какъ быть! Театральная вольность, а къ тому же и стихи прекрасные: очень эффектны». Державинъ замолчалъ, а Дмитревскій, какъ бы опомнившись, что не прямо отвѣчалъ на вопросъ, продолжалъ: «Вотъ изволите видѣть, ваше высокопревосходительство, можно бы сказать и много койчего насчетъ содержанія трагедіи и характеровъ дѣйствующихъ лицъ; да обстоятельства не тѣ, чтобъ критиковать такую патріотическую пьесу, которая явилась такъ кстати и имѣла неслыханный успѣхъ. Впрочемъ, надобно благодарить Бога, что есть у насъ авторы, посвящающіе свои дарованія театру безвозмездно, и такихъ людей, особенно съ талантомъ Владислава Александровича, пріохочивать и превозносить надобно; а то, неравно, Богъ съ нимъ, обидится и перестанетъ писать. Нѣтъ, ужъ лучше предоставимъ всякую критику времени: оно возьметъ свое, а теперь не станемъ огорчать такого достойнаго человѣка безвременными замѣчаніями».

Я увѣренъ, что у старика много кой-чего есть на умѣ, да онъ боится промолвиться; а любопытно было бы знать настоящія его мысли о «Димитріи». Яковлева онъ очень хвалитъ, однакожъ всегда не безъ прибавленія своего: *ну, конечно, можно бы и лучше, да какъ быть*! Между прочимъ, разсказывалъ онъ, что въ Парижѣ случилось ему однажды быть свидѣтелемъ любопытнаго состязанія въ искусствѣ декламаціи между актрисою Клеронъ и Гаррикомъ; это произошло на званномъ ужинѣ у первой, которая жила какъ принцесса и принимала у себя великолѣпно все лучшее общество. Гости непремѣнно желали, чтобъ она заставила Гаррика что нибудь продекламировать, но тотъ отказывался подъ разными предлогами; наконецъ, Клеронъ, истощивъ всѣ средства къ понужденію Гаррика удовлетворить желанію ея общества, вдругъ встала съ своего мѣста и, пригласивъ любимца своего

*) Муравьевъ, попечитель Московскаго Университета, жившій въ Петербургѣ. П. Б.

молодаго Ларива отвѣчать ей, продекламировала вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько лучшихъ сценъ изъ «Медеи». Всѣ гости пришли въ восторгъ; а Гаррикъ, подумавъ немного, сказалъ, что онъ понимаетъ, почему великая актриса нарушила обыкновенное свое правило не декламировать ни предъ кѣмъ внѣ театральной сцены, и потому признаётъ себя обязаннымъ отвѣтствовать ей такою же учтивостью. Съ этимъ словомъ онъ всталъ изъ-за стола и продекламировалъ сцену съ привидѣніемъ изъ «Гамлета». Несмотря на то, что многіе изъ присутствовавшихъ не знали по-англійски, онъ навелъ на нихъ ужасъ одною своею мимикою. Мамзель Клеронъ была въ восхищеніи и, въ доказательство своей признательности *къ первому современному актеру*, какъ она его называла (для того, чтобъ уколоть честнаго Лекена, съ которымъ была не въ большихъ ладахъ), безподобно продекламировала монологъ изъ «Альзиры»: Mânes de mon amant, j'ai donc trahi ta foi! Гаррикъ съ своей стороны не захотѣлъ остаться у ней въ долгу и тотчасъ же началъ декламировать извѣстный монологъ Гамлета To be or not to be, съ такою силою, и съ такимъ чувствомъ, что мы были поражены. Такимъ образомъ оба великіе артиста другъ передъ другомъ въ запуски декламировали лучшія сцены изъ своихъ ролей: Клеронъ изъ Герміоны, Шимены и Аменаиды, а Гаррикъ изъ Лира и Макбета. «Я не могу забыть этого вечера», продолжалъ Дмитревскій, «и до сихъ поръ не надивлюсь, какъ эти люди безъ всякихъ пособій къ театральной иллюзіи могли производить такое невѣроятное впечатлѣніе на своихъ слушателей. Правда, все общество составлено было изъ восторженныхъ любителей театра, какихъ теперь мы болѣе не встрѣчаемъ, но между тѣмъ надобно отдать справедливость и увлекательности таланта прежнихъ превосходныхъ актеровъ. Подъ конецъ ужина, мамзель Клеронъ пожелала, чтобъ я продекламировалъ что-нибудь изъ Русской трагедіи; но я рѣшительно отказался, потому что чувствовалъ свое безсиліе и только по неотступной ея просьбѣ дать ей нѣкоторое понятіе о звукахъ и гармоніи Русскаго языка, прочиталъ куплеты Сумарокова: *Время проходитъ, время летитъ* и прочее. Она слушала съ большимъ вниманіемъ; и когда я кончилъ, пресерьезно сказала: je n'y comprend rien, mais cela doit être charmant *). Настоящая Француженка!»

19 Января, Суббота. Сегодняшній вечеръ провелъ у Яковлева. Засталъ его одного. Онъ сидѣлъ задумчиво на диванѣ и читалъ какую-то книгу; на столикѣ лежало нѣсколько другихъ книгъ и стоялъ недо-

---

*) Ничего тутъ не понимаю, но должно быть прелестно!

пятый стаканъ пунша. При входѣ моемъ онъ нѣсколько привсталъ и указалъ мнѣ мѣсто возлѣ себя, примолвивъ довольно сухо: «милости просимъ». Я сѣлъ и ожидалъ отъ него какого-нибудь вопроса, чтобъ начать разговоръ; но онъ молчалъ, вѣроятно ожидая отъ меня перваго слова. Наконецъ, подумавъ, что я пришелъ къ нему не въ молчанку же играть, я рѣшился прекратить это смѣшное безмолвіе. «Не помѣшалъ ли я вамъ?» спросилъ я его, «вы что-то читали?» — «Да», отвѣчалъ онъ, перелистывая книгу; «а передъ тѣмъ читалъ другую, Плутарха. «In varietate voluptas», сказалъ я.— «А это что̀ значитъ?» — «Въ разнообразіи наслажденіе». Яковлевъ посмотрѣлъ на меня и вдругъ спросилъ: «а вы знаете по-латини?» — «Немного знаю», отвѣчалъ я, «но лучше знаю по-славянски» — «Не въ семинаріи ли учились?» — «Нѣтъ, дòма и въ Московскомъ университетѣ».— «Иванъ Аѳанасьичъ, помните, сказывалъ на репетиціи, что вы написали трагедію».— «Написалъ и, кажется, очень плохую». Яковлевъ опять очень выразительно посмотрѣлъ на меня. «Какъ же плохую? Иванъ Аѳанасьичъ при васъ же говорилъ, что въ ней есть стихи очень хорошіе.» — «Въ томъ-то и бѣда, Алексѣй Семенычъ, что одни стихи не составляютъ трагедіи, и я, къ сожалѣнію, догадываюсь о томъ поздно».— «Странно!» – «Ничего не странно, Алексѣй Семенычъ; согрѣшивъ, лучше поскорѣй покаяться, чѣмъ упорствовать въ своемъ заблужденіи.» — «Да вы, я вижу, большой чудакъ! Не хотите ли пуншу?» — «Давайте пуншу; я мало пью, но съ вами выпью стаканъ съ удовольствіемъ». Яковлевъ какъ будто оживился и громко закричалъ: «Семеніусъ!» Вошелъ слуга толстый и неуклюжій. «Принеси пуншу! Да вы какой любите, слабый или покрѣпче?» «Все равно, какой подадутъ, такой пить и буду.» — «Ну, такъ это значитъ: покрѣпче».— «Пожалуй хоть покрѣпче».— «А были ли вы въ Донскомъ?» — «Былъ и отъ души любовался вами: плакалъ какъ дуракъ и неистовствовалъ вмѣстѣ съ другими отъ восторга. Не хочу говорить вамъ комплиментовъ: вы не нуждаетесь въ нихъ; но долженъ сказать, что вы превзошли мои ожиданія. Я восхищался Шушеринымъ и Плавильщиковымъ въ роли Эдипа; но въ роли Димитрія вы совершенно овладѣли всѣми моими чувствами».— «Такъ вы видѣли Эдипа? Я не люблю роли Тезея и всегда играю ее съ неудовольствіемъ».— «Я это замѣтилъ».— «Какъ замѣтили?» — «Да такъ. Вы играли ее, что̀ называется, куды зря, и я не могъ предполагать, чтобъ актеръ съ вашими средствами и съ вашей репутаціей могъ играть такъ небрежно безъ особенной причины.» — «Да вы, я вижу прозорливы. А который вамъ годъ?» — «Осьмнадцатый въ исходѣ».— «А на видъ старше».— «Много прочувствовалъ, Алексѣй Семенычъ».— «Не бойсь, были влюблены?» — «Былъ и есть». Яковлевъ глубоко вздохнулъ и залпомъ осушилъ свой стаканъ

пуншу. «Вы сказали, что знаете хорошо по-славянски, такъ слѣдовательно, хорошо знаете и Библію?»—«Знаю, Алексѣй Семенычъ, отъ книги Бытія до Апокалипсиса, и чувствую всѣ высокія красоты Священнаго Писанія». Тутъ я очутился въ своей сферѣ и, грѣшный человѣкъ, не упустилъ воспользоваться случаемъ пустить пыль въ глаза удивленному Яковлеву, который, вѣроятно думалъ, что онъ одинъ только знаетъ Библію. Я прочиталъ ему наизустъ пѣснь Моисея, лучшія мѣста изъ «Пророковъ», изъ «Притчей», изъ «Премудрости Соломона» и «Сираха», нѣсколько главъ изъ евангелія Іоанна́ Богослова, указалъ на всѣ высокія мѣста въ посланіяхъ апостольскихъ, такъ что мой Яковлевъ слушалъ меня съ величайшимъ изумленіемъ. «Теперь простите (сказалъ я ему), иду домой записывать въ свой журналъ нашу съ вами бесѣду».—«Для чего же это?»—«Для того, что имѣю привычку записывать всѣ ежедневные случаи моей жизни».—«Такъ поэтому вы человѣкъ опасный?»—«Не для васъ, Алексѣй Семенычъ, а скорѣе для себя, потому, что въ запискахъ своихъ не щажу одного только себя».—«Неужто же записываете и грѣшки свои?»—Непремѣнно, если эти грѣшки сопряжены съ ощущеніями души или съ чувствованіями сердца».— «Ну, послушайте, выпьемъ еще по стакану пуншу».—«Согласенъ, только съ условіемъ, чтобъ вы прочитали мнѣ что-нибудь».—«Пожалуй; да что̀ же и зачѣмъ я читать буду? Вы и такъ можете видѣть и слышать меня за мѣдный рубль».—«Прочитайте, что̀ хотите, я люблю вашъ органъ и вашу дикцію: они доходятъ до сердца».—Развѣ что нибудь изъ Державина, напримѣръ «На смерть князя Мещерскаго?»—«Чего же лучше? Давайте, я пожалуй буду суфлировать вамъ».—«Не нужно; я знаю прежняго Державина наизусть». И вотъ Яковлевъ, закричавъ опять: «Семеніусъ—пуншу», пріосанился и началъ: «Глаголъ временъ, металла звонъ» и проч.

Онъ читалъ прекрасно; но когда дошелъ до стиховъ

Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

то произнесъ ихъ съ такою невѣроятно-страшною выразительностью, что меня затрепала лихорадка, и мнѣ показалось, что смерть съ угрожающимъ видомъ точно стоитъ передо мною. Я долго не могъ прійдти въ себя, и только опомнился, когда Яковлевъ кончилъ уже всю оду.

Мы разстались искренними друзьями, давъ другъ другу слово видѣться сколь возможно чаще. На прощаньѣ Яковлевъ сказалъ мнѣ: «вѣдь я и самъ давнишній стихотворецъ; когда-нибудь прочитаю вамъ

и свое мaранье; только прошу не взыскать - самоучка!» Слушать стихи его буду, но пуншу пить не стану: это какой-то ѻмегъ.

20 Января, Воскресенье. Балъ у Воеводскихъ былъ пренарядный; между танцующими я видѣлъ много пригожихъ женщинъ и ловкихъ кавалеровъ; но пригожѣе хозяйки и ловче бывшаго соученика моего въ пансіонѣ Ронка̀, Петра Валуева, никого не замѣтилъ. Въ числѣ гостей находилось много очень извѣстныхъ людей и, между прочимъ, графъ П. В. Завадовскій, общій опекунъ, какъ его называли; Ѳ. А. Голубцовъ [1]); сенаторы: И. А. Алексѣевъ, толстый и угрюмый, Н. А. Беклешовъ, братъ бывшаго Московскаго градоначальника, небольшаго роста старичокъ съ круглымъ добродушнымъ лицомъ и веселою физіономіею; графъ Ильинскій, котораго мнѣніе, данное въ Сенатѣ, такъ сдѣлалось народнымъ; А. А. Саблуковъ, оракулъ Воспитательнаго Дома и А. С. Макаровъ, членъ Новаго Комитета для разсмотрѣнія дѣлъ о нарушеніи общественнаго спокойствія. Эти матадоры играли въ карты. Милая хозяйка приглашала меня танцовать и даже указывала мнѣ дамъ, которыхъ бы я ангажировать могъ; но я рѣшительно отказался, не желая срамить себя и несчастную даму, которая бы имѣла неосторожность взять меня въ свои кавалеры. На отказъ мой безподобная Катерина Петровна шутя спросила меня: «Mais à quoi donc êtes vous bon? Vous ne dansez pas et ne jouez pas».—A vous admirer, madame» [2]), отвѣчалъ я, и такъ вдругъ сконфузился отъ пошлаго своего комплимента семидесятыхъ годовъ, что хоть бы провалиться сквозь землю. Съ отчаянья подсѣлъ я къ А. И. Ададуровой и проболталъ съ нею до самаго ужина. Она пѣняла мнѣ, что вовсе почти у нихъ не бываю, да что же дѣлать? Всюду поспѣть невозможно; а если иногда и поспѣешь, то зачѣмъ? Отъ лишняго разсѣянія черствѣетъ и ржавѣетъ душа.

21 Января, Понедѣльникъ. Въ обращеніи И. К. Вестмана съ нами есть много сходства съ обращеніемъ Антонскаго съ своими пансіонерами. Помидимому, онъ также не обращаетъ большаго вниманія на поведеніе своихъ подчиненныхъ, также ласковъ и снисходителенъ, никогда никому не дѣлаетъ выговоровъ, а умѣетъ держать себя такъ, что всѣ его уважаютъ и даже боятся. Онъ, рѣшительно можно сказать, умный и добрый человѣкъ стараго покроя. Сегодня, проходя изъ Секретной Экспедиціи, онъ встрѣтилъ меня въ бесѣдѣ съ 95-лѣтнимъ сторожемъ Воронинымъ и удивился, о чемъ я могу разговаривать съ сто-

---

[1]) Тогдашній министръ финансовъ. П. Б.

[2]) Такъ на что же вы годны? Вы не танцуете и не играете.—На то, чтобы васъ обожать, сударыня.

рожемъ. Я сказалъ ему, что Воронинъ преинтересное существо и былъ очевидцемъ такихъ происшествій, которыя мы знаемъ только по преданіямъ, и то не всегда вѣрнымъ. Онъ улыбнулся и спросилъ меня, отчего я не хожу въ нашъ архивъ къ П. Г. Дивову, у котораго бы я нашелъ много любопытной старины и, между прочимъ, имѣлъ бы случай изучить наши трактаты съ иностранными державами, что̀ необходимо нужно для человѣка, посвящающаго себя дипломатикѣ. У меня давно вертѣлось въ головѣ ходить, отъ нечего дѣлать, въ архивъ къ Дивову, но боялся потревожить его; потому что нѣтъ ничего несноснѣе для человѣка занятаго дѣлами, какъ посѣщенія людей праздныхъ; но И. К. развязалъ мнѣ руки, и я отправился къ Дивову.

П. Г. Дивовъ умный, образованный и обходительный человѣкъ, и я, право, не знаю, почему я такъ его пугался; развѣ оттого, что онъ такой же начальникъ архива, какъ и Н. Н. Бантышъ-Каменскій, который, Богъ вѣсть почему, прослылъ медвѣдемъ, между тѣмъ какъ, несмотря на его угрюмость (послѣдствіе невѣроятнаго трудолюбія и сидячей, уединенной жизни) онъ одинъ изъ добрѣйшихъ людей въ свѣтѣ. Но Дивовъ даже и неугрюмъ, а имѣетъ всѣ пріемы настоящаго дипломата и большой охотникъ поговорить. Онъ радъ былъ моему приходу и предложилъ мнѣ сообщить все, что́ въ его распоряженіи находится, кромѣ нѣкоторыхъ заповѣдныхъ бумагъ, которыя безъ особаго предписанія никому не сообщаются. Зачѣмъ онъ мнѣ сказалъ о томъ? Отъ этихъ словъ я вдругъ потерялъ всю охоту рыться въ другихъ бумагахъ. Со мною случилось тоже, что́ съ однимъ искателемъ кладовъ, который, найдя корчагу серебряныхъ монетъ, пренебрегъ ею для того, что возлѣ находилась другая, съ золотыми, ему недоступная. Такова натура человѣческая. Впрочемъ, я считаю и то уже настоящимъ кладомъ, что мои утра проходить будутъ не въ однихъ толкахъ о Троянской войнѣ, недостаткѣ дичи по берегамъ Финскаго залива и завидномъ искусствѣ дѣлать конверты безъ пособія ножницъ. Дивовъ, какъ сказалъ я, любитъ поговорить; но онъ не безъ свѣдѣній, и разговоръ его всегда à la hauteur des évènements du jour *), да, сверхъ того, иногда въ немъ проскакиваютъ довольно счастливыя мысли; напримѣръ, разговаривая съ статскимъ совѣтникомъ Званцовымъ, который жаловался на молчаніе одного изъ лучшихъ друзей своихъ, находящагося при посольствѣ въ Неаполѣ, Дивовъ сказалъ, что на такихъ людей, каковъ пріятель Званцова, сѣтовать не должно, потому что свойство ихъ привязываться только къ тѣмъ предметамъ, которые у нихъ передъ глазами. «Они похожи на желѣзные опилки (прибавилъ Дивовъ), которые

---

*) На высотѣ современныхъ событій.

притягиваются магнитомъ только въ близкомъ разстояніи». Говоря о нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ богатыхъ фамилій, состоящихъ на службѣ въ Коллегіи, не занимающихся дѣломъ и ничего не знающихъ, а между тѣмъ почитающихъ себя великими мудрецами, онъ сказалъ, что недостатки ихъ происходятъ оттого, что имъ всѣ льстили съ дѣтства, отъ математическаго учителя до танцовальнаго; и было бы гораздо полезнѣе посылать ихъ учиться въ манежъ, потому что лошадь не льститъ: неумѣлаго тотчасъ сшибетъ, будь онъ богатъ, какъ Крезъ.

22 Января, Вторникъ. Помнится, въ одномъ Московскомъ журналѣ напечатана была, года три назадъ, въ примѣръ высокопарной галиматьи, шуточная ода Пегасу, начинавшаяся такъ:

„Сафиро-храбро-мудро-ногій
Лазурно-бурый конь Пегасъ"

и оканчивавшаяся преуморительнымъ наборомъ словъ. Надняхъ появилась другая ода, уже нешуточная, а серьёзная и пресерьёзная, и не Пегасу, а смѣлому его наѣзднику, В. А. Озерову; эту оду, состряпанную какимъ-то рифмоплётомъ и напечатанную въ театральной типографіи, можно смѣло поставить въ рядъ съ вышеписанной ахинеею. Вотъ ея начало:

„О музъ прелестно-вѣчно-юныхъ
Наперсникъ и усердный жрецъ!
Твои громозвучащи струны
Суть упоенье для сердецъ;
Когда рука твоя пріяла
Свой остро-пламенный рѣзецъ,
Она Эдипа начертала.
Ты нынѣ Дмитрія творецъ".

Окончаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ началу. Вотъ, покамѣстъ, единственный поэтическій вѣнокъ нашему Эврипиду.

Я слышалъ отъ Французскаго актёра Флоріо, что Французскій театръ въ Москвѣ не новость, и что, лѣтъ пятнадцать назадъ, пріѣзжала въ Москву изъ Швеціи Французская труппа подъ дирекціею родственника его, Воланжа, отличнаго актёра. Къ сожалѣнію, эта труппа пробыла недолго, потому что выручка за представленія не покрывала расходовъ. Флоріо сказывалъ, что, кромѣ Воланжа, нѣкоторые сюжеты, какъ то Каронъ и мадамъ Дюплесси, были артисты весьма талантливые. Видно на все мода!

23 Января, Среда. Говорятъ, что генералъ Беннигсенъ, послѣ побѣды надъ Французами при Пултускѣ, теперь покамѣстъ играетъ съ ними въ шахматы, то есть они только маневрируютъ въ ожиданіи

благопріятнаго случая напасть другъ на друга. Въ нѣкоторыхъ стычкахъ Беннигсенъ имѣлъ преимущество и однажды разбилъ Бернадота. Утверждають, однакожъ, что скоро должно ждать рѣшительныхъ вѣстей изъ арміи. Между тѣмъ вся Русь поднимается или, вѣрнѣе сказать, поднялась: милиція сформирована, и всѣхъ, отъ мала до велика, обуялъ какой-то воинственный духъ.

Дирижёръ оркестра въ Нѣмецкомъ театрѣ, Калливода, хорошій и сообщительный человѣкъ, далъ прочитать мнѣ прекрасный эстетическій разборъ всѣхъ твореній Моцарта, изданный подъ заглавіемъ: «Mozart's Geist. Она такъ понравилась мнѣ, что я тотчасъ же отнесъ ее къ математику-музыканту П. А. Рахманову, который не имѣлъ о ней никакого понятія. Онъ былъ въ восторгѣ и немедленно поскакалъ въ книжныя лавки отыскивать для себя эту книгу, которая, по его увѣренію, будетъ у него настольною.

Давича наша Гамбургская газета, Викулинъ, восхищающійся всѣмъ, чтó только пахнетъ Англіею и Англичанами, разсказывалъ, что онъ читалъ какую-то статистическую книгу, въ которой подробно описаны всѣ пути сообщенія въ Англіи, и въ примѣръ необыкновеннаго ума и предпріимчивости Англичанъ приводилъ устройство двухъ каналовъ въ Сутамптонѣ, большаго и маленькаго, называемаго Ребричъ, одного возлѣ другаго, такъ что по одному плаваютъ большія суда, а по другому маленькія. «Умно придумано, сказалъ Приклонскій, и похоже на то, чтò сдѣлалъ одинъ хозяинъ, построивъ амбаръ: онъ прорубилъ въ немъ двѣ лазеи, одну побольше, а другую поменьше: одну для кошекъ, а другую для котятъ». Мы померли со смѣху.

24 Января, Четвергъ. Эйнбродтъ сказывалъ, что старѣйшій изъ лейбъ-медиковъ, докторъ Рожерсонъ, бывшій любимый лейбъ-медикъ Великой Екатерины, находитъ, что кислая капуста, соленые огурцы и квасъ въ гигіеническомъ отношеніи чрезвычайно полезны для нашего Петербургскаго простонародья и предохраняютъ его отъ разныхъ болѣзней, которыя бы въ немъ развиться могли отъ вліянія климата и неумѣреннаго во всѣхъ случаяхъ образа жизни. Рожерсонъ употребляетъ самъ охотно кислую капусту въ сыромъ видѣ и предписываетъ ее своимъ паціентамъ отъ припадковъ желчи; но за то кислую капусту вареную или поджаренную въ маслѣ онъ находитъ чрезвычайно обременительною для желудка и такъ приготовленную не совѣтуетъ употреблять въ пищу. Докторъ Рожерсонъ высокій, худощавый, серьезный старикъ, имѣетъ много опытности и, сверхъ медицинскихъ познаній, пользуется славою ученаго человѣка. Говорятъ, что онъ не очень любитъ Франка, котораго считаетъ за представителя ненавистныхъ ему Нѣмецкихъ теорій въ медицинѣ.

Вечера́ моего хозяина по Четвергамъ, право, очень веселы, и докторъ Торсбергъ мастеръ угощать своихъ знакомыхъ и самъ себя угощаетъ безъ церемоніи. Прелюбезный карапузикъ! Удивляется, что я плачу́ ему за квартиру впередъ и сегодня превозносилъ меня Эллизену и Альбини за то, что я живу тихо и не играю въ карты. Вотъ нашелъ добродѣтель! Это все равно, что уважать человѣка за то, что онъ не воруетъ изъ кармана платковъ.

Впрочемъ, пусть его прославляетъ меня: это все-таки лучше, чѣмъ еслибъ онъ относился обо мнѣ худо. Сколько я въ короткое время пребыванія моего въ Петербургѣ замѣтить могъ, репутацію молодыхъ людей дѣлаютъ, во первыхъ, хозяева домовъ, а послѣ нихъ дворники и сидѣльцы въ мелочныхъ лавочкахъ. Сто́итъ только обратиться къ нимъ, чтобъ узнать въ подробности исторію житья-бытья всякаго жильца: напримѣръ, какого онъ поведенія, есть ли у него деньги и откуда ихъ получаетъ, ходятъ ли къ нему кредиторы, или самъ онъ ходитъ по должникамъ своимъ — словомъ, они разскажутъ вамъ все отъ аза до ижицы. Меня увѣряли, что не одна свадьба не устроилась и не одна разстроилась по милости этихъ фабрикантовъ репутацій.

Литературные вечера назначены по Суботамъ поочередно у Гаврила Романовича, А. С. Шишкова, И. С. Захарова и А. С. Хвостова. Они начнутся съ Суботы 2 Февраля у Шишкова, которому принадлежитъ честь первой о нихъ мысли; вѣроятно, послѣ кто-нибудь изъ извѣстныхъ особъ захочетъ также войдти въ очередь съ нашими меценатами, но покамѣстъ ихъ только четверо. Всѣ литераторы безъ изъятія, представленные хозяину дома кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ, имѣютъ право на нихъ присутствовать и читать свои сочиненія; но молодые люди, болѣе или менѣе оказавшіе успѣхи въ словесности, или подающіе о себѣ надежды, будутъ даже приглашаемы; потому что учрежденіе этихъ вечеровъ имѣетъ главнымъ предметомъ приведеніе въ извѣстность ихъ произведеній.

25 Января, Пятница. Слышно, что скоро на Русской сценѣ появится новая актриса, которая никогда себя не готовила для сцены. Это — дочь балетмейстера Вальберха, прекрасная собою и очень образованная дѣвушка. Говорятъ также, что какой-то молодой человѣкъ, служащій въ банкѣ, по фамиліи Крюковской, входитъ въ состязаніе съ Озеровымъ и пишетъ, или уже написалъ, новую патріотическую трагедію, взявъ сюжетъ изъ эпохи междуцарствія и назвавъ ее «Пожарскій». Павелъ Михайловичъ Арсеньевъ, ежедневный гость у А. Л. Нарышкина, увѣрялъ, что онъ слышалъ нѣкоторыя сцены и стихи, которые могутъ назваться превосходными. Дай Богъ! Кажется, дѣятель-

ность театральныхъ сочинителей увеличивается; обѣщаютъ еще три новыя комедіи извѣстныхъ писателей: князя Шаховскаго, Крылова и П. Сумарокова.

27 Января, Воскресенье. Кто-то сказалъ: On souffre moins de la part des grands que de la part de leurs singes [1]), и я начинаю тому вѣрить. Мнѣ очень хотѣлось представиться Александру Львовичу Нарышкину, и Лабатъ, старинный его знакомецъ и кредиторъ, далъ мнѣ рекомендательное къ нему письмо. Я былъ у него сегодня утромъ, но добрался до него не безъ труда. Какой-то господинъ, котораго называли Александромъ Ильичемъ, толстый, хриповатый и съ опухшимъ лицомъ, встрѣтилъ меня и весьма гордо и даже нѣсколько неучтиво сталъ распрашивать, чтò я за человѣкъ, зачѣмъ пришелъ, отъ кого письмо и какого оно содержанія; говорилъ, что Александра Львовича едва ли можно сегодня видѣть, потому что онъ очень занятъ; что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ пришелъ въ другое время, и прочее тому подобное. Я отвѣчалъ, что письмо отъ Якова Петровича Лабата, который поручилъ мнѣ отдать его Александру Львовичу непремѣнно сегодня, и что если ему теперь нѣтъ времени, такъ я подожду, вмѣстѣ съ другими. Александръ Ильичъ отвернулся отъ меня и насмѣшливо улыбнулся, какъ бы давая мнѣ чувствовать: «ну, братъ, долго же тебѣ дожидаться». Между тѣмъ въ небольшой пріемной комнатѣ было довольно холодновато, и сѣсть было не на чемъ: немногіе стулья были всѣ заняты какими-то просительницами въ шляпкахъ. Я продрогъ и усталъ. Положеніе мое становилось непріятнымъ, но дѣлать было нечего: самъ кругомъ виноватъ; однакожъ скоро вышедшій камердинеръ объявилъ, что Александръ Львовичъ приказалъ принимать всѣхъ, и что онъ сѣлъ чесаться. Меня, какъ подателя письма, впустили перваго. Нарышкинъ сидѣлъ, закутанный въ пудро-мантель; его завивали и пудрили. Я подалъ ему письмо, которое онъ тотчасъ же распечаталъ и мигомъ пробѣжалъ глазами. «Очень радъ познакомиться», сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку и такъ безцеремонно, такъ откровенно и добродушно, что у меня разцвѣла душа. «А что дѣлаетъ старый Гасконецъ?» спросилъ онъ, разумѣя Лабата. Я отвѣчалъ, что онъ довольно здоровъ, хотя попрежнему прихрамываетъ.... «И попрежнему объѣдается», продолжалъ Александръ Львовичъ, «надобно осторожнѣе поступать съ своимъ желудкомъ». Съ послѣднимъ словомъ онъ захохоталъ. «Vous voyez le diable qui prêche la morale [2]); но между нами

---

[1]) Меньше терпятъ отъ вельможъ, чѣмъ отъ ихъ обезьянъ.

[2]) Передъ вами дьяволъ, проповѣдующій о нравственности.

большая разница: я дѣлаю очень много движенія, а онъ сидитъ сиднемъ». Я поздравилъ его съ полученіемъ высочайшаго рескрипта отъ 19 числа. «А читалъ ли ты его, мой милый? Если читалъ, то вѣроятно замѣтилъ, что Государь, по милости своей, открылъ во мнѣ качества, которыхъ я самъ не подозрѣвалъ за собою».—C'est l'économie et l'ordre dans les affaires, dont veut parler votre excellence*), съ улыбкою подхватилъ высокій худощавый старикъ, живописецъ Месъ, какъ кажется, домашній у Нарышкиныхъ человѣкъ. За симъ Александръ Львовичъ приглашалъ меня обѣдать у него, когда только мнѣ вздумается, и поручилъ тому самому толстому господину, который такъ невѣжливо прежде говорилъ со мною, представить меня отъ его имени супругѣ его, Марьѣ Алексѣевнѣ, если я приду въ тѣ часы, когда она принимаетъ, и не застану его самого дома. Я откланялся; толстый хрипунъ проводилъ меня гораздо вѣжливѣе, чѣмъ встрѣтилъ и, на разставаньѣ, объявилъ мнѣ, что его зовутъ А. И. Сенъ-Никласъ, что онъ считается секретаремъ при его высокопревосходительствѣ, но завѣдываетъ домашними его дѣлами. «Ну такъ позвольте мнѣ, сказалъ я ему, явиться къ вамъ въ такое время, какъ вы сами назначите, и быть вамъ обязаннымъ моимъ представленіемъ Марьѣ Алексѣевнѣ». — «Да какую имѣете вы надобность до Марьи Алексѣевны?» возразилъ Сенъ-Никласъ. «Она небольшая охотница до новыхъ знакомствъ и всегда сѣтуетъ на Александра Львовича, что онъ рекомендуетъ ей молодыхъ людей, когда они ненужны для баловъ, а баловъ теперь не предвидится». Я отвѣчалъ, что бывать у Александра Львовича и не быть представленнымъ его супругѣ было бы очень странно и неучтиво. «Помилуйте!» подхватилъ Сенъ-Никласъ. «Марья Алексѣевна не знаетъ и половины гостей, которые ѣздятъ къ Александру Львовичу; да и самъ-то онъ едва ли помнитъ имена ихъ: войдутъ, поклонятся—а тамъ и дѣлай, что̀ хочешь. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, я всегда къ вашимъ услугамъ».

Не знаю, какъ приметъ меня Марья Алексѣевна; но что̀ касается до Александра Львовича, то я вышелъ отъ него вполнѣ довольный и счастливый. Это настоящій Русскій баринъ. Онъ не думалъ унизить своего достоинства, протягивая дружелюбно руку незначительному чиновнику и предлагая ему приборъ за столомъ своимъ. Говорятъ, что онъ легкомысленъ; а какое кому до того дѣло? Онъ не путается въ дѣла государственныя, не беретъ на себя тяжелой обязанности быть

*) Ваше высокопревосходительство изволите разумѣть бережливость и порядокъ въ дѣлахъ.—Слич. въ XXXVI-й книгѣ „Архива Князя Воронцова", стр. 41. П. Б.

рѣшителемъ судьбы людей и довольствуется своимъ жребіемъ быть счастливымъ и по возможности счастливить другихъ.

Я видѣлъ Александра Львовича въ прошломъ году въ Москвѣ, на клубномъ обѣдѣ, данномъ князю Багратіону, и мнѣ въ мысль не приходило, чтобъ онъ былъ такъ доступенъ и привѣтливъ. Напишу или переведу какую-нибудь пьеску и посвящу ему: можетъ быть, добьюсь и я безплатнаго входа въ театръ.

28 Января, Понедѣльникъ. Видѣлъ здѣшняго оберъ-полиціймейстера Эртеля. Прежде онъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Москвѣ и нагналъ такой страхъ на Москвичей, что всѣ его боялись пуще Архарова. Теперь онъ тихъ и скроменъ; генералъ старѣетъ, а старѣющій человѣкъ, естественно, долженъ чувствовать болѣе нужды въ людяхъ и потому быть съ ними обходительнѣе. Я слышалъ, что его не очень уважаютъ въ обществѣ, хотя и отдаютъ справедливость его расторопности.

Графъ Монфоконъ сказывалъ, что онъ въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ нѣсколько разъ извѣстную въ исторіи прелестницу Маріонъ де-Лормъ, которой тогда было уже около 130 лѣтъ; давно пережила она всѣхъ своихъ современниковъ и даже біографовъ и находилась въ бѣдности. Родители Монфокона и другіе извѣстные люди ей помогали. Сколько Монфоконъ могъ себѣ припомнить, Маріонъ была преотвратительная старуха и совсѣмъ почти выжила изъ ума и памяти. Единственнымъ предметомъ ея разговоровъ былъ кардиналъ де-Ришельё: имъ только она и бредила. Sic transit gloria mundi!

29 Января, Вторникъ. Н. Челищевъ доставилъ мнѣ письма отъ моихъ домашнихъ и малую толику деньжонокъ, въ которыхъ я начиналъ чувствовать нужду. Какъ быть! Въ два съ половиною мѣсяца я издержалъ около 500 рубл. Деньгамъ радъ, но право столько же радъ и посланію Петра Ивановича: онъ пишетъ, что Москва *гуляетъ* во всю Ивановскую, ополчаясь на силу вражію, на могучаго забіяку Бонапарта—могучаго, какъ онъ выражается, и существенными силами своихъ полчищъ, и тѣмъ нравственнымъ очарованіемъ, какое придаютъ ему военныя его удачи. Мой добрый Петръ Ивановичъ всегда свысока, и не можетъ написать страницы безъ затѣйливыхъ фразъ.

Челищевъ разсказывалъ, что, съ пробужденіемъ воинственнаго духа, показался въ Москвѣ такой приливъ денегъ, какого старики не запомнятъ; но за то вмѣстѣ съ нимъ появились и азартныя игры въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какихъ также не запомнятъ старики. Всѣ прежнія любимыя увеселенія, какъ-то: собранія, балы, спектакли

и разнаго рода охоты, предоставлены теперь мелкой сошкѣ, а богачи пустились искать ощущеній сильнѣйшихъ за карточными столами. Банкъ во всемъ разгарѣ: проигрываютъ и выигрываютъ неимовѣрныя суммы. Нѣчто подобное начиналось уже въ запрошломъ году, и мнѣ очень памятны эти физіономіи банкометовъ, тощія и страдальческія, физіономіи, которыя я не желалъ бы встрѣчать часто въ жизни; эти дрожащія руки, закрывающія карты принадлежащей имъ стороны и послѣ медленно ихъ вскрывающія съ такимъ трепетомъ, какъ будто бы вскрывали они роковой жребій свой на жизнь или смерть... Страшно смотрѣть!

31 Января, Четвергъ. Вопросъ: можно ли проспать сутки не просыпаясь? *Отвѣтъ:* можно. Я проспалъ 25 часовъ; и еслибы меня изъ сожалѣнія не разбудили, то, можетъ-быть, проспалъ бы и долѣе. Альбини ужаснулся, а хозяинъ мой, добрый Торсбергъ, разсказывая сегодня гостямъ своимъ о такомъ необыкновенномъ случаѣ, непремѣнно настаивалъ на консультацію. Однакожъ я ничего не чувствую, и милыя Нѣмочки, кромѣ опухшихъ глазъ и оплывшаго лица, никакой другой перемѣны во мнѣ не замѣтили. Мы пѣли до самаго ужина, и я такъ славно вторилъ Schwester Dorchen въ дуэтѣ изъ «Волшебной Флейты», что заслужилъ общее одобреніе: такъ и заливался!

Mann und Weib, und Weib und Mann
Reichen an die Gottheit an!

Въ концѣ ужина пріѣхавшій изъ дворца дежурный лейбъ-медикъ Бекъ объявилъ, что въ 9 часу прибылъ изъ арміи курьеръ съ какими-то важными извѣстіями, о которыхъ объявлено будетъ только по прибытіи другаго курьера, ожидаемаго завтрашній день.

1 Февраля, Пятница. Славный мнѣ выдался день! Только-что успѣлъ я продрать глаза, какъ явились Альбини съ Торсбергомъ и какимъ-то придворнымъ цирюльникомъ; оба медика стали уговаривать меня пустить себѣ кровь для того, чтобъ предупредить послѣдствія вчерашней спячки. По несогласію моему, они готовы были прибѣгнуть къ насилію, и Торсбергъ серьёзно доказывалъ, что Альбини обязанъ заставить меня рѣшиться на кровопусканіе, во избѣжаніе отвѣтственности передъ моими домашними, которые повѣрили меня ему на руки. Сначала я отшучивался просто, но вдругъ пронялъ меня такой истерическій смѣхъ, что мои эскулапы и стоявшій въ молчаніи цирюльникъ не знали, что̀ подумать, и стали переглядываться между собою. Мнѣ вообразилось, что мы разыгрываемъ сцену изъ Мольерова «Пурсоньяка», а Торсбергу, что предусмотрительность его оправдалась, и я вдругъ спя-

тилъ съ ума. Насилу могъ я избавиться отъ неугомонныхъ моихъ попечителей, давъ имъ честное слово принять такія лекарства, какія прописать для меня имъ вздумается, съ тѣмъ только, чтобъ освободили меня отъ кровопусканія.

Вечеромъ былъ во Французскомъ спектаклѣ. Давали комедію «Le Bourru Bienfaisant», торжество Лароша, и оперку «Le déjeuner des garçons», въ которой такъ хороши мадамъ Филисъ и Сенъ-Леонъ, отъѣзжающій скоро въ Парижъ. Но актёры играли и пѣли для слѣпыхъ и глухихъ: никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія, никто не слушалъ ни комедіи, ни оперы, потому что всѣ смотрѣли на Ставицкаго, присланнаго генераломъ Бенигсеномъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау. Подполковникъ Ставицкій, флигель-адъютантъ, сидѣлъ въ ложѣ графини Строгановой и что-то съ жаромъ разсказывалъ входившимъ безпрестанно въ ложу разнымъ особамъ. Въ креслахъ и партерѣ между зрителями слышался какой-то невнятный говоръ: одни шептались, другіе переговаривались громче, а нѣкоторые вставали съ мѣстъ своихъ и, подходя къ ложамъ, дѣлали вопросы знакомымъ дамамъ, но, вмѣсто отвѣтовъ, были въ свою очередь осыпаемы только вопросами. Не смотря на все напряженное вниманіе, я не могъ уловить ни одной опредѣленной фразы и только могъ различить слова: «Une victoire complète, une bataille sanglante, beaucoup de blessés, le comte Osterman, Toutschkoff, Koutaisoff», и тому подобное; въ такомъ волненіи публики прошелъ весь спектакль, подъ конецъ котораго въ ложѣ Александра Львовича столько набралось его знакомыхъ, что онъ, кажется, не зналъ, куда отъ нихъ дѣваться. Впрочемъ, и во всѣхъ ложахъ, особенно у Катерины Ильиничны Кутузовой, Марьи Антоновны Нарышкиной и такой же красавицы, княгини Суворовой, столпилось много посѣтителей и посѣтительницъ, и было такъ шумно, какъ бы въ домашнихъ гостиныхъ.

Возвращаясь изъ театра, я замѣтилъ, что большею частію всѣ дома, мимо которыхъ я проѣзжалъ, были освѣщены необычайно свѣтло, а у иныхъ подъѣздовъ стояло много экипажей и простыхъ саней. Это не даромъ: общихъ праздниковъ нѣтъ, о балахъ не слыхать; слѣдовательно, городскіе обыватели собираются для передачи другъ другу полученныхъ вѣстей. Завтра въ Коллегіи узнаю и я о всѣхъ подробностяхъ бывшаго сраженія, но дорого бы далъ, чтобъ узнать о нихъ теперь, на сонъ грядущій, потому что неудовлетворенное любопытство не въ ладахъ съ Морфеемъ.

2 Февраля, Субота. Кажется, надъ нами сбылась народная поговорка: *наша взяла, а рыло въ крови.* Илья Карловичъ, бывшій утромъ

у министра, слышалъ отъ него, что однихъ только нашихъ Русскихъ осталось на мѣстѣ сраженія около 30,000 человѣкъ, а о Пруссакахъ ничего еще неизвѣстно. Бой продолжался двои сутки съ попеременнымъ успѣхомъ, но мы наконецъ одолѣли. Въ самомъ городѣ Эйлау, который князь Багратіонъ взялъ приступомъ, была ужасная рѣзня: мы били Французовъ по улицамъ, какъ поросятъ; къ сожалѣнію, не могли его оставить за собою, потому что какой-то генералъ, желая собрать разсѣянныхъ солдатъ, приказалъ несвоевременно бить сборъ, и они поспѣшили на призывъ, не успѣвъ совершенно вытѣснить непріятеля. Родофиникинъ и Дивовъ увѣряютъ, что, по соображенію знающихъ людей, это сраженіе вовсе не оканчиваетъ дѣла и есть только начало другихъ битвъ, хотя, можетъ быть, и не столь кровопролитныхъ, и что оно важно только въ отношеніи къ нравственному вліянію, какое можетъ имѣть на духъ нашихъ войскъ, считавшихъ доселѣ Бонапарта непобѣдимымъ. Теперь мы доказали, что онъ несовсѣмъ такъ непобѣдимъ, какъ утверждали, и что можно бороться съ нимъ не безъ успѣха.

Что-то будутъ говорить сёгодня за обѣдомъ у Гаврила Романовича и на литературномъ вечерѣ у Шишкова? Очень желаю слышать толки и сужденія людей благомыслящихъ о теперешнихъ нашихъ военныхъ обстоятельствахъ и, признаюсь, столько же хочется знать, что̀ происходить будетъ на первомъ литературномъ вечерѣ, на который многіе собираются по приглашенію почтеннаго хозяина.

3 *Февраля, Воскресенье.* Поздно вчера возвратился я отъ А. С. Шишкова веселый и довольный. Общество собралось не такъ многочисленное, какъ я предполагалъ: человѣкъ около двадцати, не больше. Гаврила Романовичъ, И. С. Захаровъ, А. С. Хвостовъ, П. М. Карабановъ, князь Шихматовъ, И. А. Крыловъ, князь Д. П. Горчаковъ, флигель-адъютантъ Кикинъ, котораго я видѣлъ въ Москвѣ у К. А. Муромцовой, полковникъ Писаревъ, А. Ѳ. Лабзинъ, В. Ѳ. Тимковскій, П. Ю. Львовъ, М. С. Щулепниковъ, молодой Корсаковъ, Н. И. Язвицкій, сочинитель *Букваря*, Я. А. Галинковскій, авторъ какой-то книги *для прекраснаго пола*, подъ заглавіемъ *Утренникъ* (въ которой, по отзыву Щулепникова, лучшими статьями можно почесть: *Любопытныя познанія для счисленія временъ* и *Бѣлые листы для записокъ на 12 мѣсяцевъ*) и наконецъ я, не сочинившій ни букваря, ни бѣлыхъ листовъ для записокъ на 12 мѣсяцевъ, но пріѣхавшій въ одной каретѣ съ Державинымъ, что̀ стоитъ *букваря* и *бѣлыхъ листовъ для записокъ.* Долго разсуждали старики о кровопролитіи при Эйлау и о послѣдствіяхъ, какія отъ нашей побѣды произойти могутъ. Одни говорили, что Бонапарту нужно нѣкоторое время, чтобъ оправиться отъ полученнаго имъ

перваго въ его жизни толчка; другіе утверждали, что если разстройство во Французской арміи велико, то и мы потерпѣли немало, что наша побѣда стоитъ пораженія и обошлась намъ дорого, потому что изъ 65,000 человѣкъ, бывшихъ подъ ружьемъ, выбыла изъ строя почти половина. Слово за слово, завязался споръ. Кикинъ и Писаревъ, какъ военные люди, съ жаромъ доказывали, что надобно продолжать войну, и что мы кончимъ непремѣнно совершеннымъ истребленіемъ Французской арміи и самого Бонапарта; а Лабзинъ съ Хвостовымъ возражали, что теперь-то именно и должно хлопотать о заключеніи мира, потому что, имѣя въ двухъ сраженіяхъ поверхность надъ Французами, мы должны воспользоваться благопріятнымъ случаемъ выйти съ честью изъ опасной борьбы съ сильнымъ непріятелемъ. Хозяинъ рѣшилъ споръ тѣмъ, что какъ продолженіе войны, такъ и трактація о мирѣ зависятъ отъ благопріятнаго оборота обстоятельствъ, а своимъ произволомъ ничего не сдѣлаешь, и что бываютъ случаи, повидимому, очень маловажные, которые имѣютъ необыкновенно важное вліяніе на происшествія, уничтожая наилучше составленные планы или способствуя имъ. «Возьмемъ, напримѣръ», сказалъ серьезный старикъ, «хотя бы и послѣднее сраженіе: отчего погибъ корпусъ Ожеро́? Оттого, что внезапно поднялась страшная метель и снѣжная вьюга прямо Французамъ въ глаза; они сбились съ настоящей дороги и неожиданно наткнулись на главныя наши батареи. Конечно, разсчетъ разсчетомъ и храбрость храбростью; но положеніе дѣлъ таково, что надобно дѣйствовать осторожно и не спѣша рѣшаться какъ на продолженіе войны, такъ и на заключеніе мира; а впрочемъ, Государь знаетъ, что̀ должно дѣлать».

Время проходило, а о чтеніи не было покамѣстъ и рѣчи. Наконецъ, по слову Гаврила Романовича, ходившаго задумчиво взадъ и впередъ по гостинной, что пора бы приступить къ дѣлу, всѣ усѣлись по мѣстамъ. «Начнемъ съ молодёжи», сказалъ А. С. Хвостовъ, «у кого что̀ есть, господа?» Мы, сидѣвшіе позади, около стѣнъ, переглянулись другъ съ другомъ и почти всѣ въ одинъ голосъ объявили, что ничего не взяли съ собой. «Такъ не знаете ли чего наизустъ?» смѣясь продолжалъ Хвостовъ. «Какъ же это вы идете на сраженіе безъ всякаго оружія?» Щулепниковъ отвѣчалъ, что можетъ прочитать стихи свои къ «Трубочкѣ».—«Ну хоть къ «Трубочкѣ!» подхватилъ И. С. Захаровъ, меценатъ Щулепникова, «стишки очень хорошіе». Щулепниковъ подвинулся къ столу и прочиталъ десятка три куплетовъ къ своей *Трубочкѣ*, но не произвелъ никакого впечатлѣнія на слушателей.—«Пахнетъ табачнымъ дымкомъ», шепнулъ толстый Карабановъ Язвицкому.—«Какъ быть!» отвѣчалъ послѣдній, «первую пѣсенку зардѣвшись спѣть». Гаврила Романовичъ, видя, что на молодёжь пока-

мѣстъ надѣяться нечего, вынулъ изъ кармана свои стихи: *Гимнъ Кротости* и заставилъ читать меня. Я прочиталъ этотъ гимнъ къ полному удовольствію автора и, кажется, заслужилъ репутацію хорошаго чтеца. Разумѣется, всѣ присутствующіе были, или казались въ восторгѣ, и похваламъ Державину не было конца. За этимъ всѣ пристали къ Крылову, чтобъ онъ прочиталъ что-нибудь. Долго отнѣкивался остроумный комикъ, но наконецъ разрѣшился баснею изъ Лафонтена «Смерть и Дровосѣкъ», въ которой, сколько припомнить могу, есть прекрасные стихи:

. . . . „При томъ жена и дѣти,
А тамъ боярщина, подушныя, оброкъ,
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хоти одинъ мнѣ радостный денекъ?“

а заключительный смыслъ разсказа выраженъ съ такою простотою и вѣрностью:

„Что какъ на свѣтѣ жить ни тошно,
Но умирать еще тошнѣй.“

Это стоитъ Лафонтенова стиха:

„Plus tôt souffrir que mourir“.

Казалось, что послѣ Крылова, никому не слѣдовало бы отваживаться на чтеніе стиховъ своихъ, каковы бы они ни были; однакожъ князь Горчаковъ, по приглашенію пріятелей своихъ, Кикина и Карабанова, рѣшился на этотъ подвигъ и, вынувъ изъ-за пазухи довольно толстую тетрадь, обратился ко мнѣ съ просьбою прочитать его посланіе къ какому-то *Честану* о *Клеветѣ*. Какъ ни лестно было для меня это приглашеніе, однакожъ я долго отговаривался, извиняясь тѣмъ, что, не зная стиховъ, невозможно хорошо читать ихъ, потому что легко дать имъ противомысленную интонацію; но Гаврила Романовичъ съ нетерпѣніемъ сказалъ: «Э, да ну, братецъ, читай! Что ты за педантъ такой?» И вотъ я, покраснѣвъ отъ стыда и досады, взялъ у Горчакова тетрадь и давай отбояривать:

„Свершилось наконецъ, и ты, Честанъ, и ты
Предметъ злословья сталъ и жертвой клеветы.
Чудовища сіи кого не поражали?
Когда и на кого свой ядъ не извергали?
Ты молодъ и пригожъ, ты честенъ и богатъ,
Ты добродѣтеленъ—такъ ты и виноватъ.
Предъ свѣтомъ виненъ тотъ, кто зависти достоинъ:
Въ немъ трусомъ прослыветъ побѣдоносный воинъ,
Безмезднаго судью мздоимцемъ нарекутъ,
Невинную красу къ распутницамъ причтутъ!

Что̀ хочешь ты скажи, лишь злое кстати слово—
И общество его превозносить готово.
Зови того глупцомъ, кто кротокъ или благъ;
Кто жъ строгъ и справедливъ—людей и Бога врагъ,
Свѣтъ будетъ повторять: онъ щедръ на порицанья".

Далѣе не припомню, но все посланіе въ томъ же тонѣ; немножко длинновато, и стихи идутъ попарно вереницею, бьютъ въ тактъ, какъ два молота объ наковальню, но въ нихъ мѣстами довольно силы и есть мысли—читать можно. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ и, по окончаніи чтенія, А. С. Хвостовъ сказалъ, кивая на князя Горчакова, съ которымъ, какъ видно, онъ изстари друженъ: *это нашъ Ювеналъ*.

Очередь дошла до Карабанова. Онъ также членъ Россійской Академіи и, повидимому, очень уважается, потому что писалъ и переводилъ много всякой всячины, отъ театральныхъ пьесъ до книгъ духовнаго содержанія. Щулепниковъ говорилъ, что изъ всѣхъ его сочиненій лучшими почитаются шуточныя стихотворенія, которыхъ, къ сожалѣнію, напечатать нельзя. Мнѣ показалось очень страннымъ, что такой толстый, пухлый и серьёзный человѣкъ занимается бездѣльемъ, и я думалъ, что сочинитель куплетовъ къ *Трубочкѣ* подшучиваетъ надо мною; однакожъ многіе подтвердили слова Щулепникова, прибавивъ, что эти стихотворенія, какъ-то «Пахарь», «Казакъ» и проч., написаны легко, остроумно и прекраснымъ языкомъ. Карабановъ прочиталъ лирическую пѣснь на манифестъ о милиціи, которою всѣхъ болѣе восхищался полковникъ Писаревъ, повторявшій при окончаніи каждой строфы, состоящей изъ двѣнадцати шестистопныхъ стиховъ: «прекрасно, прекрасно!» Карабановъ читаетъ внятно, но такъ протяжно, монотонно и вяло, что невольно одолѣваетъ дремота: такъ читалъ я Псалтирь по дѣдушкѣ. Я могъ запомнить только нѣсколько стиховъ изъ послѣдней строфы, въ которой авторъ обращается къ Государю:

. . . . Тебѣ защитой будь
Неколебимая Россіянъ вѣрныхъ грудь;
И вѣруетъ вся Русь, что днесь въ охрану трона
Возстанетъ самъ Господь отъ горняго Сіона.

А. С. Шишковъ приглашалъ князя Шихматова прочитать сочиненную имъ недавно поэму въ трехъ пѣсняхъ: «Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ»; но онъ не имѣлъ ея съ собою, а наизусть не помнилъ, и потому положили читать ее въ будущую Субботу, у Гаврилы Романовича. Морякъ Шихматовъ, необыкновенно благообразный молодой человѣкъ, ростомъ малъ и вовсе не красавецъ, но имѣетъ такую кроткую и свѣтлую физіономію, что, кажется, ни одно нечистое помышле-

ніе никогда не забиралось къ нему въ голову. Признаюсь въ грѣхѣ, я ему позавидовалъ: въ эти годы снискать такое уваженіе и быть на порогѣ въ Академію... За ужиномъ, обильнымъ и вкуснымъ, А. С. Хвостовъ съ Кикинымъ начали шутя нападать на Шихматова за отвращеніе его отъ миѳологіи, доказывая, что это непобѣдимое въ немъ отвращеніе происходитъ отъ одного только упрямства, а что, вѣрно, онъ самъ чувствуетъ и понимаетъ, какимъ огромнымъ пособіемъ могла бы служить ему миѳологія въ его сочиненіяхъ. «Избави меня Боже!» съ жаромъ возразилъ Шихматовъ, «почитать пособіемъ вашу миѳологію и пачкать вдохновеніе этой бѣсовщиной, въ которой, кромѣ постыднаго заблужденія ума человѣческаго, я ничего не вижу. Пошлыя и безстыдныя бабьи сказки—вотъ и вся миѳологія. Да и самая-то древняя исторія, до временъ христіанскихъ, Египетская, Греческая и Римская, сущія бредни, и я почитаю, что поэту-христіанину неприлично заимствовать изъ нея уподобленія не только лицъ, но и самыхъ происшествій, когда у насъ есть исторія библейская, неоспоримо-вѣрная и сообразная съ здравымъ разсудкомъ. Славныя понятія имѣли эти Греки и Римляне о божествѣ и человѣчествѣ, чтобъ перенимать нелѣпыя ихъ каррикатуры на то и другое и усвоивать ихъ нашей словесности!»

Образъ мыслей молодаго поэта, можетъ быть, и слишкомъ одностороненъ; однакожъ въ словахъ его есть много и правды.

Послѣ ужина Гаврила Романовичъ пожелалъ, чтобъ я продекламировалъ что-нибудь изъ «Артабана», котораго онъ, какъ я подозрѣваю, успѣлъ, по расположенію ко мнѣ, расхвалить Шишкову и Захарову, потому что они настоятельнѣе всѣхъ стали о томъ просить меня. Я отказался рѣшительно отъ декламаціи, извинившись тѣмъ, что ничего припомнить не могу, но предложилъ, если будетъ имъ угодно, прочитать свое посланіе къ *Счастливцу*, написанное гекзаметрами. Тотчасъ же около меня составился кружокъ, и я, не робѣя, пропѣлъ имъ:

„Юноша, тщетно себѣ ты присвоилъ названье счастливца;
Ты, не окончившій поприща, смѣешь хвалиться побѣдой!“ *) и проч.

Старики слушали меня со вниманіемъ и благосклонностью; особенно Гаврила Романовичъ, котораго всегда поражаетъ какая-нибудь новизна, очень хвалилъ и мысли, и выраженія; но позади меня кто-то очень внятно прошепталъ: *въ Третьяковщину заѣхалъ*! И этотъ *кто-то* чуть

*) Эти стихи, написанные въ 1805 году (въ то время, когда никто еще не писалъ гекзаметрами, кромѣ Тредьяковскаго), напечатаны впослѣдствіи въ „Учебной Книгѣ Россійской Словесности“, изданной г. Гречемъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

ли не былъ Писаревъ. Богъ съ нимъ! Гаврила Романовичъ сѣтовалъ, зачѣмъ я не прочиталъ ему прежде этихъ стиховъ, и прибавилъ, что если у меня *въ чемоданѣ* есть еще что-нибудь, то принесъ бы къ нему напоказъ. Дорогой отозвался онъ о князѣ Шихматовѣ, что «онъ точно имѣетъ большое дарованіе, да ужъ не по лѣтамъ больно умничаетъ».

5 Февраля, Вторникъ. Люблю видѣть Нѣмцевъ въ трагедіяхъ Шиллера, Гете, Клингера и Цшокке; люблю ихъ въ драмахъ Лессинга, Ифланда и Коцебу, въ «Эйлаліи Мейнау», въ «Охотникахъ» и «Гуситахъ»; восхищаюсь ими въ фарсахъ, въ «die Schwester von Prag», въ «das neue Sonntagskind», и проч.; но Боже избави видѣть, ка́къ разыгрываютъ они пьесы героическія, напримѣръ хоть бы «Октавію», въ которую сегодня нелёгкая занесла меня! Что̀ это такое? Куда дѣвались таланты актёровъ? Что̀ сталось съ актрисами? Что́ за обстановка? Ахъ, ты, Господи! Что́ за Маркъ Антоній, котораго игралъ даровитый Кудичъ? Что̀ за Октавіанъ—полнощекій мой Гебгардъ? Что̀ за Клеопатра—полногрудая красавица Леве? и наконецъ, что́ за Октавія, пріятельница моя, мадамъ Гебгардъ, хотя и сноснѣйшая изъ всѣхъ нестерпимо-несносныхъ персонажей уродливой драмы Коцебу? Да это не спектакль, а подкачельное игрище. И охота же имъ, добрымъ моимъ Нѣмцамъ, выходить изъ своей колеи и взбираться на ходули, когда они такъ хорошо ходятъ на своихъ ногахъ! Я сидѣлъ впродолженіе всего спектакля какъ на иголкахъ, краснѣя и блѣднѣя за своихъ знакомцевъ; но когда досидѣлъ до сцены, въ которой Маркъ Антоній (Кудичъ), сидя съ Клеопатрою (Леве) на какомъ-то пуховикѣ, покрытомъ конюшеннымъ ковромъ, изволитъ растарабаривать о сладости взаимной любви, а Октавіанъ - Гебгардъ приходитъ не въ пору пенять ему за то̀, что онъ измѣняетъ женѣ своей, а его сестрѣ, то со мною чуть не сдѣлалась истерика. Вѣдь надобно же было выдумать такую гиль и разыгрывать ее съ такими Египетско-Чухонскими ужимками и ухватками, что не будь я пріятель Октавіи и Октавіана, то лопнулъ бы со смѣху! Въ первый разъ отъ роду пожалѣлъ я объ истраченномъ рублѣ, который могъ бы употребить съ большею пользою: зрѣлище не стоило гроша. По неволѣ вспомнишь Штейнсберга: со всѣмъ своимъ талантомъ онъ никогда не отваживался на представленіе пьесъ героическихъ, взятыхъ изъ древней исторіи, ни высокихъ комедій. «Это не по нашему масштабу» говорилъ онъ: «наше дѣло рыскать по землѣ, а не летать по воздуху». Вотъ это значитъ умъ.

6 Февраля, Среда. Сегодня удалось мнѣ видѣть богатую брильянтовую «челенгу», подаренную нѣкогда султаномъ адмиралу Ушакову.

Старый морякъ пожертвовалъ было ее въ пользу милиціи, но Государь пожелалъ, чтобъ она осталась навсегда въ семействѣ Ушакова памятникомъ его подвиговъ, а за усердіе приказалъ удостовѣрить его въ постоянномъ своемъ благоволеніи.

Кстати объ адмиралахъ. Толкуютъ, что адмиралъ Синявинъ, высадивъ внезапно команду, человѣкъ въ триста, на одинъ изъ Далматскихъ острововъ, Курцоли, занятый Французами, перебилъ и взялъ въ плѣнъ у нихъ много людей и совершенно вытѣснилъ ихъ оттуда. О великихъ способностяхъ и неустрашимости Синявина говорятъ очень много; подчиненные его обожаютъ и, кажется, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и большою народностью.

Нашъ Ѳедоръ Даниловичъ всегда въ восторгѣ, когда дѣло идетъ о какой-нибудь филантропической мѣрѣ. Прежде онъ очень превозносилъ Румфордовъ супъ, а теперь превозноситъ какое-то растеніе *рогатку* или *чилимъ*, которое находится по берегамъ рѣкъ, прудовъ и озеръ и можетъ быть употребляемо въ пищу. Министръ коммерціи, графъ Румянцовъ, предложилъ Экономическому Обществу сдѣлать испытаніе, въ какой степени это растеніе, похожее на каштанъ или картофель, можетъ быть полезно и кàкъ успѣшнѣе разводить его въ большомъ количествѣ. Ѳедоръ Даниловичъ увѣряетъ, что прибрежные жители рѣки Суры иногда ѣдятъ его и находятъ вкуснымъ и питательнымъ, и что оно можетъ замѣнить хлѣбъ. Все это прекрасно; но зачѣмъ же заботиться объ успѣшномъ разведеніи *чилима*, а не обратить лучше вниманія на средства къ успѣшному урожаю самой ржи или пшеницы тамъ, гдѣ онѣ плохо родятся? А гдѣ родятся хорошо, такъ на что жъ тамъ *чилимъ*? Что-то непонятно...

7 Февраля, Четвергъ. Вѣстей, вѣстей, изъ Москвы, матушки-Москвы бѣлокаменной! Вотъ, чтò пишутъ о дѣлахъ театральныхъ. «На Французскомъ театрѣ дебютировала актриса Ксавье въ роли Волтеровой «Меропы». Мадамъ Ксавье женщина очень высокаго роста, довольно нескладная, органъ имѣетъ грубый, чувствительности ни на грошъ, и также похожа на «Меропу», какъ гренадеръ на танцмейстера. Она не произвела никакого эффекта, да и публики было немного. Другой дебютъ ея былъ въ роли «Малабарской Вдовы», но еще неудачнѣе: она рѣшительно не понравилась, и Москвичи не знаютъ, зачѣмъ она прислана на Московскую сцену, на которой Французскихъ трагическихъ актёровъ нѣтъ, а смотрѣть на одну мадамъ Ксавье и слушать ея безчувственную декламацію никому нѣтъ охоты. «Не понимаю», сказалъ въ Англійскомъ клубѣ директоръ Приклонскій, пріятель Мордвинова, покровителя мадамъ Ксавье, «отчего было такъ мало публики

въ оба дебюта такой извѣстной актрисы?»—«Оттого», подхватилъ шалунъ Протасьевъ, «что въ первый дебютъ ея была оттепель и шелъ мокрый снѣгъ, а во второй прилучился морозъ и была ясная погода». На Русскомъ театрѣ давали «Магомета», котораго игралъ Плавильщиковъ съ большимъ успѣхомъ. У Нѣмцевъ пошло дѣло на бенефисы: Литхенсъ давалъ какую-то драму «Агнеса Бернауеръ», Эме — оперу «Оберонъ» съ музыкою Враницкаго; а Гальтенгофъ объявилъ, что дастъ Херубиніевскаго «Водовоза». Французъ Тексье́ въ домѣ Н. С. Салтыкова, на Мясницкой, читаетъ лекціи о драматическомъ искусствѣ (lectures dramatiques); онъ повторяетъ Лагарпа и воображаетъ, что читаетъ свое. Балетмейстеръ Мунарети поставилъ новый балетъ подъ названіемъ *Охотники*, который смотрѣть *охотниковъ* немного. Цыгане по попрежнему поютъ и пляшутъ; ни одна пирушка безъ нихъ состояться не можетъ, и Стешка, также, какъ и прежде, соловьинымъ своимъ голосомъ дѣйствуетъ на сердца и карманы своихъ слушателей и поклонниковъ. На дняхъ появилась въ продажѣ книжка, подъ заглавіемъ «Плугъ и Соха», съ эпиграфомъ: *Отцы наши не глупѣе насъ были*; ее приписываютъ графу Растопчину. Говорятъ, что эта книжка сочинена имъ на Дмитрія Марковича Полторацкаго, который вводитъ у насъ обработываніе земли на манеръ Англійскій. Странно, что это сочиненіе не продается въ книжныхъ лавкахъ, а найти его можно только въ домѣ знакомки твоей, А. С. Небольсиной, на Поварской улицѣ.

9 Февраля, Суббота. Сегодняшій литературный вечеръ у Гавріила Романовича начался чтеніемъ стиховъ его на выступленіе въ походъ гвардіи. На этотъ разъ я охотно отказался бы отъ чтенія ихъ предъ публикою (такъ мнѣ они не по сердцу), но побоялся, чтобъ онъ опять не огрѣлъ меня названіемъ педанта, и волею-неволею провозгласилъ:

Ступай и побѣди
Никѣмъ непобѣдимыхъ;
Обратно не ходи.
Безъ звѣздъ на персяхъ зримыхъ!

Въ дѣтствѣ моемъ я слыхалъ отъ родныхъ, что дядя мой, Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ, котораго я зазналъ ужъ старикомъ и помѣщикомъ деревенскимъ въ полномъ значеніи слова, занимался нѣкогда литературою и былъ въ связи съ Крыловымъ и Клушинымъ. Мнѣ захотѣлось повѣрить это семейное сказаніе, и я, подсѣвъ къ Крылову, спросилъ его, въ какой мѣрѣ оно справедливо. «А такъ справедливо, какъ нельзя болѣе», отвѣчалъ мнѣ Крыловъ. «И вотъ, спросите у Гавріила Романовича, который лучше другихъ знаетъ все, что́

касается до Рахманинова. Онъ былъ очень начитанъ, самъ много переводилъ и могъ назваться по своему времени очень хорошимъ литераторомъ. Рахманиновъ былъ гораздо старѣе насъ и, однакожъ, мы были съ нимъ друзьями; онъ даже содѣйствовалъ намъ къ заведенію типографіи и далъ намъ слово участвовать въ изданіи нашего журнала «Санктпетербургскій Меркурій», но по обстоятельствамъ своимъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать въ Тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, онъ и не имѣлъ большой привлекательности въ обращеніи: былъ угрюмъ, упрямъ и настойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ. Вольтеръ и современные ему философы были его божествами. Петръ Лукичъ Вельяминовъ, другъ Гаврила Романовича, былъ также его другомъ и, кажется, свойственникомъ». Вслушавшись въ фамилію Рахманинова, Гаврила Романовичъ вдругъ спросилъ насъ: «А о чемъ толкуете?» Я отвѣчалъ, что говоримъ о дядѣ Иванѣ Герасимовичѣ Рахманиновѣ, и что я хотѣлъ узнать отъ Ивана Андреича о литературныхъ трудахъ его. «Да», сказалъ Гаврила Романовичъ, «онъ переводилъ много, между прочимъ, философическія сочиненія Вольтера, политическое его завѣщаніе и другія его сочиненія въ 3-хъ частяхъ; извѣстіе о болѣзни, исповѣди и смерти его, Дюбуа; «Спальный Колпакъ» Мерсье; издалъ Миллерово «Извѣстіе о Россійскихъ дворянахъ» и, наконецъ, издавалъ еженедѣльникъ подъ заглавіемъ «Утренніе Часы». Человѣкъ былъ умный и трудолюбивый, но большой вольтеріанецъ. Иванъ Андреичъ и Клушинъ были съ нимъ коротко-знакомы. Да кстати о Клушинѣ: скажите, Иванъ Андреичъ, точно ли Клушинъ былъ такъ остеръ и уменъ, какъ многіе утверждаютъ, судя по вашей дружеской съ нимъ связи?» — «Онъ точно былъ уменъ», сказалъ съ усмѣшкою Крыловъ, «и мы съ нимъ были искренними друзьями до тѣхъ поръ, покамѣстъ не пришло ему въ голову сочинить оду на пожалованіе Андреевской ленты графу Кутайсову...» — «А тамъ поссорились?» — «Нѣтъ, не поссорились; но я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія на счетъ цѣли, съ какою эта ода была сочинена, и совѣтовалъ ея не печатать, изъ уваженія къ самому себѣ. Онъ обидѣлся и не могъ простить мнѣ моихъ замѣчаній до самой своей смерти, случившейся года три назадъ».

Между тѣмъ Иванъ Семеновичъ Захаровъ, вынувъ изъ портфѣля претолстую тетрадь, приглашалъ всѣхъ послушать новый переводъ нравоучительныхъ правилъ Рошфуко (Maximes), сдѣланный какимъ-то Пименовымъ (вѣроятно однимъ изъ его многочисленныхъ protégés), и какъ ни хвалилъ онъ этотъ переводъ, но кажется, ни у кого не было охоты слушать его; а А. С. Шишковъ безъ церемоніи объявилъ, что онъ большой нелюбитель этихъ нарумяненныхъ Французскихъ моралистовъ, которыхъ все достоинство заключается въ одномъ щегольствѣ

выраженій, и что, какъ бы ни былъ хорошъ переводъ, онъ не можетъ принести ни большой пользы, ни удовольствія, потому что знающіе Французскій языкъ предпочтутъ чтеніе сочиненія въ оригиналѣ, а для незнающихъ оно въ переводѣ покажется сухимъ и недостаточнымъ для полнаго понятія объ авторѣ. Князь Шихматовъ присовокупилъ, что ужъ если дѣло пошло на переводъ моралистовъ, то надлежало бы приняться не за Рошфуко и Лабрюера, а скорѣе за Іисуса Сираха... «Вотъ тамъ правила!» сказалъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ; «вотъ гдѣ настоящая, полная наука общежитія! И почему бы трудолюбивому и грамотному человѣку не взять на себя труда перевести Сираха, выпустивъ изъ него нѣкоторыя длинноты и повторенія, и не издать его особою нравоучительною книжкою? Почему бы не приспособить афоризмовъ этого писателя, столь простыхъ, понятныхъ и такъ глубоко врѣзывающихся въ память, къ первоначальному чтенію для юношества, и почему бы не наполнить ими всѣхъ азбукъ и даже прописей? Чего хочешь, того и просишь у этого дивнаго Сираха, и всякой найдетъ себѣ въ немъ то, что̀ можетъ быть ему на потребу и утѣшеніе въ жизни—отъ самыхъ первыхъ основаній премудрости, заключающейся въ страхѣ Божіемъ, почтенія къ властямъ и любви къ ближнему, до самыхъ тонкихъ общественныхъ приличій, *все* есть, и это *все* ка́къ превосходно выражено!..

Остальное до завтра.

10 Февраля, Воскресенье. «Все это такъ, однакожъ пора вамъ, князь, познакомить насъ съ вашими «Пожарскимъ, Мининымъ и Гермогеномъ», сказалъ А. С. Хвостовъ. «Моралисты моралистами, а поэзія поэзіей, и намъ забывать ее не должно. Мы отложили чтеніе вашей поэмы до нынѣшней Субботы; ну такъ подавайте ее сюда безъ отговорокъ».— «Я и не думалъ отговариваться», возразилъ князь Шихматовъ очень простодушно. «Я сочинялъ мою поэму не для того, чтобъ оставлять ее въ портфёлѣ, и радъ такимъ слушателямъ». Развернувъ тетрадь, князь приготовился было читать ее, но А. С. Шишковъ не далъ ему разинуть рта, схватилъ тетрадь и самъ началъ чтеніе. Стихи хороши, звучны и сильны, а богатство въ рифмахъ изумительное: авторъ вовсе не употребляетъ въ нихъ глаголовъ, и оттого стихи его сжаты, можетъ быть, даже и слишкомъ сжаты; но это ихъ не портитъ. Не постигаю, какъ могъ онъ побѣдить это затрудненіе, составляющее камень преткнанія для бо̀льшей части стихотворцевъ. О достоинствѣ содержанія поэмы и расположеніи ея судить нельзя, не прочитавъ ея всей отъ начала до конца à tête reposée; но видно по всему, что молодой поэтъ успѣлъ набить руку. Шишковъ читалъ твореніе своего любимца внят-

но, правильно и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Я отъ души любовался сѣдовласымъ старцемъ, который такъ живо сочувствовалъ красотѣ стиховъ и передавалъ ихъ съ такою увлекательностью; судя по блѣдному лицу и серьёзной его физіономіи, нельзя было предполагать въ немъ такого теплаго сочувствія къ поэзіи. Я запомнилъ множество прекрасныхъ стиховъ и могъ бы вчера безошибочно записать ихъ, но сегодня почти всѣ перезабылъ и могу припомнить только нѣкоторые изъ посвященія Государю:

И родъ Романовыхъ возвысивъ на престолъ,
Исторгли навсегда глубокій корень золъ.
Два вѣка протекли, какъ родъ сей достохвальный
Даруетъ счастіе Россіи безпечальной:
Распространилъ ее на Сѣверъ и на Югъ,
Величіемъ ея исполнилъ земной кругъ,
Облекъ ее красой и силою державной
И въ зависть міръ привелъ ея судьбою славной.

И далѣе, изъ воззванія Гермогена къ народу:

Отдайте жизнь, сыны Россіи,
Полмертвой матери своей;
Обрушьте на враждебны выи
Яремъ, носящійся надъ ней.

Крыловъ не читалъ ничего, сколько его о томъ ни просили: извинялся, что новаго не написалъ, а стараго читать не стóитъ, да и не помнитъ. Ѳ. П. Львовъ прочиталъ стишки свои къ «Пѣночкѣ», написанные хореемъ довольно легко и съ чувствомъ:

Пѣночка моя драгая,
Чтó сюда тебя влекло?
Легкое твое крыло
Чистый воздухъ разсѣкая, и проч.

Но эти стишки возбудили споръ. П. А. Кикинъ ни за чтó не хотѣлъ допустить, чтобъ въ легкомъ стихотвореніи къ птичкѣ можно было употребить выраженіе *драгая* вмѣсто *дорогая*, и сказать *крыло*, когда надобно было сказать *крылья*. За Львова вступились Карабановъ и другіе; но Захаровъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что слово *драгая*, вмѣсто *дорогая*, и въ легкомъ слогѣ можетъ быть допущено такъ же, какъ и слова *возлюбленный* и *драгоцѣнный*, вмѣсто *любезный* или *любезнѣйшій*, какъ, напримѣръ:

Ты зачѣмъ меня оставилъ
Мой *возлюбленный* супругъ,
И въ чужбину путь направилъ? и пр.

Но что касается до выраженія *крыло* вмѣсто *крылья*, то по совѣсти надлежало бы измѣнить его, потому что птица можетъ разсѣкать воздухъ только двумя крыльями, а на одномъ въ воздухѣ даже и держаться не можетъ. Этотъ споръ, видимо, непріятенъ былъ Ѳедору Петровичу, и онъ часто посматривалъ на Крылова, который какъ-то насмѣшливо улыбался.

«А знаете ли вы», спросилъ у меня Щулепниковъ, «стихи графа Д. И. Хвостова, которые онъ, въ порывѣ негодованія за какое-то сатирическое замѣчаніе, сдѣланное ему Крыловымъ, написалъ на него?»— «Нѣтъ, не слыхалъ» отвѣчалъ я.—«Ну, такъ я вамъ прочитаю ихъ, не потому, чтобъ они заслуживали какое-нибудь вниманіе, а только для того, чтобъ вы имѣли понятіе о сатирическомъ талантѣ графа. Всего забавнѣе было, что онъ выдавалъ эти стихи за сочиненіе неизвѣстнаго ему остряка и распускалъ ихъ съ видомъ сожалѣнія, что есть же люди, которые имѣютъ несчастную наклонность язвить таланты вздорными, хотя, впрочемъ, и *очень остроумными* эпиграммами. Вотъ эти стишонки:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесаный
Какой-нибудь чурбанъ,
Лежитъ, совсѣмъ разбросанный,
Зоилъ Крыловъ Иванъ:
Объѣлся онъ иль пьянъ?

Крыловъ тотчасъ же угадалъ стихокропателя. *Въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушки не спрячешь,* сказалъ онъ и отмстилъ ему такъ, какъ только въ состояніи мстить умный и добрый Крыловъ: подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые стихи графа Хвостова, направился къ нему на обѣдъ, ѣлъ за троихъ и послѣ обѣда, когда Амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, началъ читать стихи свои, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера».

За ужиномъ говорили объ умершемъ 6-го Января Московскомъ губернскомъ предводителѣ князѣ П. М. Дашковѣ, сынѣ княгини Екатерины Романовны; его хвалили какъ человѣка очень добраго и много благодѣтельствовавшаго подъ рукою бѣднымъ дворянамъ. Онъ былъ очень образованъ, веселаго нрава и хотя чрезвычайно толстъ, но любилъ танцовать и танцовалъ легко. Впрочемъ, онъ также имѣлъ своихъ недоброжелателей: его укоряли въ легкомысліи и заносчивости. Въ послѣднее время неожиданная милость Государя, который, въ изъявленіе

благоволенія своего къ *Москвѣ*, наградилъ его Александровскимъ орденомъ, вскружила ему голову *).

Во время ужина пріѣхалъ флигель-адъютантъ Маринъ и сказывалъ, что, кажется, путешествіе Государя рѣшено, и едва-ли онъ скоро не отправится въ армію. Объ этомъ слышалъ онъ отъ обергофмаршала графа Толстаго, утромъ, при смѣнѣ своей съ дежурства. Кикинъ шутя спросилъ его: et comment vont vos bonnes fortunes? Буду отвѣчать тебѣ, сказалъ Маринъ, какъ одинъ путешественникъ, возвратившійся изъ Рима, отвѣчалъ своему знакомцу на подобный вопросъ: Il y a tant des bonnes fortunes à Rome, qu'il n'y a plus de bonne fortune. Острякъ за словомъ, какъ говорится, въ карманъ не полѣзетъ. Онъ также сочинилъ стихи на современныя происшествія и читалъ ихъ послѣ ужина, стоя, не придавая имъ большой важности; въ нихъ есть обращеніе къ Бонапарту, выраженное очень энергически. Мнѣ понравился одинъ стихъ, который можно обратить въ афоризмъ:

„Высокомѣріе предтеча есть паденья".

11 Февраля, Понедѣльникъ. Чѣмъ больше вижу Яковлева на сценѣ, тѣмъ больше удивляюсь этому человѣку. Сегодня онъ поразилъ меня въ роли Мейнау, въ драмѣ *Ненависть къ людямъ и раскаяніе.* Какой талантъ! Вообще я не большой охотникъ до *коцебятины*, какъ называетъ князь Горчаковъ драмы Коцебу; однакожъ Яковлевъ умѣлъ до такой степени растрогать меня, что я, благодаря ему, вышелъ изъ театра почти съ полнымъ уваженіемъ къ автору. Какъ мастерски игралъ онъ нѣкоторыя сцены, и особенно ту, въ которой Мейнау обращается къ слезамъ, невольно выкатившимся изъ глазъ его при воспоминаніи объ измѣнѣ жены и объ утратѣ вмѣстѣ съ нею блаженства всей своей жизни! Съ какимъ неизъяснимымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ произнесъ онъ эти немногія слова: *милости просимъ, давно небывалые гости*! слова, которыя заставили плакать навзрыдъ всю публику; а нѣмая сцена внезапнаго свиданія съ женою, когда, только-что перешагнувъ порогъ хозяйскаго кабинета, онъ неожиданно встрѣчаетъ жену и вдругъ, затрепетавъ, бросается стремглавъ назадъ—эта сцена верхъ совершенства!

Въ роли Мейнау я видѣлъ Плавильщикова, Штейнсберга и Кудича. Первый игралъ умно и съ чувствомъ, но не заставлялъ плакать

*) Преданіе увѣряетъ, что за большимъ обѣдомъ подали князю Дашкову письмо и, прочитавъ его, онъ измѣнился въ лицѣ, заболѣлъ и вскорѣ умеръ; въ этомъ письмѣ мать его, знаменитая княгиня Дашкова, осыпáла его ругательствами (слышано отъ сына князя Дашкова, М. П. Щербинина). П. Б.

подобно Яковлеву. Штейнсбергъ и Кудичъ также были хороши, всякій въ своемъ родѣ; но Боже мой, какая разница между ними и какъ всѣ они далеко отстали отъ этого чародѣя Яковлева! Я никогда не воображалъ, что актёръ, безъ всякой театральной иллюзіи, безъ нарядного костюма, одною силою таланта могъ такъ сильно дѣйствовать на зрителей. Дѣло другое въ Димитріи Донскомъ», или въ какой-нибудь другой трагедіи, въ которой могли бы способствовать ему и превосходные стихи самой пьесы, и великолѣпная ея обстановка, а то ничего, ровно ничего, кромѣ пошлой прозы и полуистертыхъ и обветшалыхъ декорацій. А костюмъ Яковлева? Черный, поношенный, дурносшитый сюртукъ, старая измятая шляпа, всклоченные волосы, и совсѣмъ тѣмъ, какъ увлекалъ онъ публику! Многіе говорили мнѣ, что Яковлевъ и въ самыхъ драмахъ является трагическимъ героемъ. Ничего не бывало: вѣроятно, эти многіе не видали Яковлева въ роли Мейнау. Одно, въ чемъ упрекнуть его можно — это въ совершенномъ пренебреженіи своего туалета. Городской костюмъ ему не дался, и всякій Нѣмецкій сапожникъ одѣтъ лучше и приличнѣе, чѣмъ былъ на сценѣ онъ, знаменитый любимецъ Мельпомены.

Роль мадамъ Миллеръ, то есть Эйлаліи, играла Каратыгина прекрасно. Въ игрѣ этой актрисы много драматическаго чувства, много безъискусственной простоты, которая дѣйствуетъ на душу и нечувствительно увлекаетъ ее. Эта женщина вполнѣ обладаетъ, какъ говорятъ Французы, *даромъ слезъ* (don des larmes). Это лучшая Эйлалія изъ всѣхъ доселѣ видѣнныхъ мною *). Какъ мамзель Штейнъ (нынѣшняя Гебгардъ) ни была хороша, но сравниться съ нею не можетъ, а о Московскихъ Русскихъ актрисахъ нéчего и говорить.

Отчего во Французскихъ спектакляхъ, когда дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ, разстилаютъ на сценѣ сукно, а въ Русскихъ этого не дѣлаютъ? Неужто же ноги Французскихъ актрисъ и актёровъ нѣжнѣе и чувствительнѣе ногъ актёровъ и актрисъ Русскихъ? Или Французская публика взыскательнѣе Русской? Это что-то неладно и, конечно, долго продолжиться не можетъ. Опрятность сцены гораздо важнѣе, нежели думаютъ, для произведенія сценическихъ эффектовъ, а о приличіи костюмовъ и говорить нечего. Не будь Яковлевъ одѣтъ такъ *мизерабельно*, по выраженію пріятеля моего, Кобякова, онъ показался бы вдвое превосходнѣе; да и драма-то выиграла бы вдвое, еслибъ декораціи были поновѣе и почище, какъ, напримѣръ, во Французскихъ спектакляхъ, или въ балетѣ.

---

*) Два года послѣ, автору „Дневника“ удалось видѣть въ Ригѣ знаменитую мадамъ Оманъ (Ohman), и она только одна могла въ роли *Эйлаліи* сравниться съ Каратыгиной. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

12 Февраля, Вторникъ. Я полагалъ, что нашъ П. А. Рахмановъ считаетъ себя математикомъ только про свой обиходъ, а на повѣрку выходитъ, что онъ признается и многими извѣстными учеными за одну изъ лучшихъ головъ математическихъ. Заѣхавъ сегодня къ нему изъ Коллегіи, я засталъ у него нѣсколькихъ ученыхъ и, между прочимъ, знаменитаго математика Гурьева (помнится Семена Емельяновича) и присутствовалъ при ихъ диспутѣ. Рахмановъ защищалъ свои опыты «О поверхностяхъ вращенія и о цилиндрическихъ и коническихъ поверхностяхъ», недавно вышедшіе изъ печати, и заставилъ замолчать всѣхъ. Вотъ онъ каковъ, математикъ-музыкантъ! Несмотря на то, что математика для меня настоящая тарабарская грамота, я, однакожъ, могъ замѣтить, что доводы и доказательства Рахманова были сильнѣе возраженій его диспутантовъ и что они уступили не изъ одного только уваженія къ хозяину дома. Отстоявъ свои опыты, Рахмановъ принялся хвалить сочиненіе Гурьева, также недавнее, подъ заглавіемъ: «Основанія трансцендентной (или трансцендентальной, Богъ его знаетъ!) геометріи кривыхъ поверхностей» (изволь понять), и всѣ присутствующіе хоромъ пристали къ Рахманову. Эти взаимныя похвалы другъ другу ученыхъ математиковъ привели мнѣ на память сцену Триссотина и Вадіуса изъ Мольеровой комедіи «Ученыя Женщины», такъ прекрасно переведенную И. И. Дмитріевымъ:

Триссотинъ.

Вы истинный поэтъ, скажу я безпристрастно.

Вадіусъ.

Вы сами риѳмы плесть умѣете прекрасно!

Какъ бы то ни было, но я, однакожъ, понять не могу, какъ можетъ согласить Рахмановъ любовь свою къ математикѣ съ любовью къ музыкѣ и въ одно и тоже время заниматься *теоріею* какихъ-то *наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій многихъ перемѣнныхъ количествъ* (и выговорить-то не подъ-силу) и «Донъ-Жуаномъ» Моцарта или «Аксуромъ» Сальери? Непостижимо!

13 Февраля, Середа. Альбини приглашали завтра на вечеръ къ Эллизену. У него праздникъ по случаю пожалованія его въ статскіе совѣтники. Онъ семь лѣтъ былъ въ чинѣ.

Въ Коллегіи сказывали, что указъ объ учрежденіи ордена Св. Георгія для солдатъ уже подписанъ и на сихъ дняхъ будетъ обнародованъ. Прекрасно! Не одно «ура!» прогремитъ доброму, попечительному нашему Государю въ его храбромъ войскѣ.

Обществу Московскихъ гражданъ изъявлена чрезъ Тимоѳея Ивановича Тутолмина Высочайшая благодарность за устройство дома призрѣнія для 150 человѣкъ, по случаю рожденія Великой Княжны Елисаветы Александровны, и въ особенности купцу Павлову, простившему 36,000 р. несостоятельнымъ должникамъ своимъ *).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ получилъ очень лестный рескриптъ отъ вдовствующей Императрицы за пожертвованный имъ въ пользу воспитательныхъ заведеній значительный капиталъ, назначенный было имъ своему воспитаннику, барону Сердобину, но, за смертію его, оставшійся въ распоряженіи князя.

Старикъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ ежедневный гость у М. Н. Муравьева и Н. Н. Новосильцова.

14 Февраля, Четвергъ. Вотъ и еще письмо отъ добраго моего Петра Ивановича: хочетъ пріѣхать сюда, но не пишетъ зачѣмъ. Петербургъ не его сфера. Впрочемъ, для меня все равно; я обниму его съ величайшею радостью и буду его вожатымъ; въ два съ половиною мѣсяца я успѣлъ изучить Петербургъ, конечно, лучше таблицы умноженія. Петръ Ивановичъ восхищается моими знакомствами, въ восторгѣ отъ благосклонности ко мнѣ Гаврила Романовича, и чуть не поссорился за меня съ Мерзляковымъ, который, не смотря на удостовѣренія его, что Державинъ похвалилъ моего «Артабана», продолжаетъ утверждать, что эта трагедія—одинъ пустой наборъ словъ и сущая галиматья. Грустно слышать подобные отзывы о миломъ дѣтищѣ; но, кажется, они справедливы, и я начинаю съ ними соглашаться.

Приходилъ Гебгардъ съ Кистеромъ, который хочетъ дебютировать на здѣшней Нѣмецкой сценѣ. «А на какое амплуа хотите вы выступить?» спросилъ я его.—«На амплуа трагическихъ злодѣевъ (Bösewichte)».—«Вотъ какъ! Изъ первыхъ любовниковъ попасть въ злодѣи! Чѣмъ же начнете вы?»—«Ролью Арапа въ Фіеско».—«А тамъ?»—«Тамъ что̀ Богъ дастъ!» Я смекнулъ, что денежки бѣднаго Штейнсберга пошли гулять по бѣлому свѣту. «А мадамъ Штейнсбергъ?»—«Мадамъ Штейнсбергъ отправляется въ Ригу или за границу: ей нужно поправить здоровье въ другомъ климатѣ».—Понимаю!

---

*) Авторъ „Дневника" коротко знако̀мъ былъ съ внукомъ и наслѣдникомъ сего Павлова, Антипомъ Ивановичемъ Павловымъ, человѣкомъ очень извѣстнымъ въ Москвѣ и одареннымъ прекрасными свойствами души и сердца. Въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, онъ лишился почти всего огромнаго своего состоянія, но перенесъ несчастіе свое безъ ропота и сохранилъ веселое расположеніе духа до самой своей смерти. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Я откровенно признался Гебгарду, что былъ очень недоволенъ представленіемъ «Октавіи» и не люблю его въ роли кесаря Октавіана, что эта роль не идетъ къ нему такъ же, какъ и роль Марка-Антонія къ Кудичу. «Вы правы», сказалъ онъ мнѣ, «но что жъ дѣлать? Нельзя же вѣчно играть Фердинанда и Карла Моора, потому что публика желаетъ видѣть иногда и другія пьесы».—«Такъ играйте Дона Карлоса», «Орлеанскую Дѣву», «Мессинскую Невѣсту», «Валленштейна», «Эгмонта», «Клавиго», «Фьеско», «Вражду Братьевъ»—словомъ, играйте что хотите, только не трагедіи, взятыя изъ Римской и Греческой исторій, и особенно трагедіи такія, какъ «Октавія», въ которыхъ вы, господа Нѣмцы, смѣшны». Мой Гебгардъ понадулся, но противъ правды нѣтъ словъ.

15 Февраля, Пятница. Вчерашній вечеръ у Эллизена былъ на славу. Кромѣ знаменитыхъ медиковъ, которые почти всѣ собрались поздравить достойнаго своего собрата съ полученіемъ монаршей милости, пріѣхали многіе и не принадлежащіе къ сословію медиковъ, какъ-то нашъ д. ст. сов. Родофиникинъ, служащіе при статсъ-секретаряхъ: Новосильцовѣ—ст. сов. Дружининъ и Витовтовѣ—Аделунгъ; референдарій Коммисіи Составленія Законовъ Розенкампфъ, котораго видѣлъ я у князя П. В. Лопухина, и еще двое неизвѣстныхъ мнѣ высшихъ чиновниковъ: Ризенкамфъ и Рененкамфъ. Это созвучіе фамилій очень забавляло хозяина, который, обращаясь къ нимъ, не иначе говорилъ: Meine liebe Herren Rosen-Riesen-und Rennen-kämpfe. Играли въ бостонъ и пили пуншъ-ройяль—смѣсь коньяку съ Шампанскимъ, подслащенную ананаснымъ вареньемъ. Очень вкусно. Дамъ не было, потому что хозяинъ вдовецъ, а Schwester-Dorchen принимать гостей женскаго пола почему-то отказалась, хотя отецъ и предлагалъ ей вмѣсто простаго вечера дать балъ. Хозяинъ мой Торсбергъ пенялъ мнѣ, что я рѣдко бываю у него по Четвергамъ и сказалъ, что вчера, за отсутствіемъ моимъ, барышни были невеселы и отказались даже пѣть любимое ихъ тріо: «Nach Regen folget Sonnenschein», потому что некому было подтянуть имъ. Я обѣщался быть у него въ слѣдующій Четвергъ, и точно буду, потому что у радушнаго и краснощекаго моего брюханчика безцеремонно, весело, и всегда много премилыхъ Нѣмочекъ.

За ужиномъ, пока гости еще несовсѣмъ удовлетворили аппетитъ, толковали о предметахъ серьезныхъ; такъ, напримѣръ лейбъ-хирургъ Кёльхенъ говорилъ, что безъ сильной страсти къ наукѣ превосходнымъ медикомъ быть нельзя, и что человѣкъ, посвящающій себя медицинѣ и имѣющій въ виду пріобрѣтеніе однихъ только средствъ къ своему су-

ществованію, никогда не достигнетъ до настоящей степени искусства, какое требуется отъ хорошаго медика. «Правда», отвѣчалъ веселый Торсбергъ; «однакожъ всѣ мы, сколько насъ ни есть, принимаясь въ первый разъ за анатомическій ножъ, побѣждали свое отвращеніе къ разсѣкаемому трупу одною надеждою на будущую *практику*, а къ зловонію мертвеца привыкали только въ томъ убѣжденіи, что оно современемъ превратится для насъ въ упояющіе ароматы». Это откровенное замѣчаніе простодушнаго доктора возбудило общій хохотъ.

Между прочимъ Дружининъ (котораго зовутъ, кажется, Яковомъ Александровичемъ) сказывалъ, что министръ коммерціи графъ Румянцовъ очень хлопочетъ объ усовершенствованіи переплетнаго мастерства въ Россіи и исходатайствовалъ разныя преимущества переплетчикамъ.

Ужинъ кончился далеко за-полночь въ шумномъ весельи; тосты за здоровье Государя, министровъ и хозяина почти не прекращались. Собесѣдники наперерывъ обращались къ Эллизену съ разными пустыми вопросами, мнѣ кажется, только для того, чтобъ имѣть случай назвать его: *Herr Staatsrath*. Пресмѣшные Нѣмцы!

Утромъ сегодня заходилъ ко мнѣ Вельяминовъ съ жалобою на земляка моего Кобякова, что не даетъ ему покою: то проситъ перевести ему арію, то присочинить двѣ, а наконецъ присталъ къ нему, чтобъ онъ перевелъ цѣлый финалъ изъ оперы: *Каирскій Караванъ*. «Конечно, всѣ эти пустяки не стоятъ мнѣ большаго труда», говорилъ Вельяминовъ, «но я дорожу временемъ и могу употребить его на что-нибудь лучшее, чѣмъ на сочиненіе или переводъ вздорныхъ куплетовъ, которые другъ нашъ Петръ Николаичъ выдаетъ за свои». Я совѣтовалъ Вельяминову отучить Кобякова отъ этихъ продѣлокъ, сочинивъ для него какую-нибудь нелѣпицу въ родѣ тѣхъ, которыя онъ такъ мастерски импровизируетъ; пока нашъ пріятель будетъ доискиваться въ ней смысла, сказалъ я, ты успѣешь отдохнуть.

Завтра очередной литературный вечеръ у И. С. Захарова. Гаврила Романовичъ требуетъ, чтобъ я прочиталъ какіе-нибудь изъ своихъ стиховъ. «Иначе (прибавилъ онъ), если никто изъ молодыхъ людей читать не станетъ, то опять, того смотри, насъ поподчуютъ переводомъ Рошфуко, да и цѣль собраній будетъ не достигнута». Богъ вѣсть, соберусь ли я съ духомъ читать стихи свои предъ публикою. И хочется, и колется... Впрочемъ, смѣлость беретъ города!

16 Февраля, Субота. Отецъ писалъ, чтобъ я похлопоталъ по Березняговскому дѣлу и попросилъ кого-нибудь въ Межевомъ Департаментѣ Сената о скорѣйшемъ окончаніи этого несчастнаго процесса, продолжающагося болѣе 17-ти лѣтъ. Рано утромъ отправился я въ

Сенатъ и провозился тамъ до двухъ часовъ, отыскивая секретаря Булкина, къ которому прежде для справокъ и наставленій отецъ адресоваться мнѣ приказалъ. Булкинъ съ великимъ огорченіемъ объявилъ, что онъ не завѣдываетъ больше нашимъ дѣломъ, и что оно, по приказанію оберъ-прокурора, Клима Гавриловича Голикова, передано другому секретарю, Степану Степановичу Ватіевскому. «А гдѣ жь Ватіевскій?» спросилъ я у Булкина. «А вонъ сидитъ тамъ», отвѣчалъ Булкинъ. Я обратился къ Ватіевскому. Презрительно посмотрѣвъ на меня, онъ спросилъ довольно грубо: «Что вамъ угодно?» Я объяснилъ въ чемъ дѣло. «Сегодня день неприсутственный», сказалъ онъ, «извольте придти въ другой разъ».—«Да потому-то, что день неприсутственный и господа секретари свободны отъ докладовъ, я и рѣшился безпокоить васъ, тѣмъ болѣе, что желаніе мое такъ маловажно и заключается только въ томъ, чтобъ узнать, въ какомъ положеніи находится наше дѣло».—«Не отъ насъ зависитъ-съ, а отъ оберъ-секретаря: адресуйтесь къ нему».-«Гдѣ же оберъ-секретарь?»—«Въ залѣ присутствія.»—«Можно его видѣть?»—«Спросите у курьера».—«А какъ зовутъ его...?»—«Кого, курьера или оберъ-секретаря?»—«Разумѣется послѣдняго».—«Богданъ Иванычъ Крейтеръ». И вотъ я, съ какимъ-то стѣсненіемъ въ душѣ, обратился къ курьеру и просилъ его доложить обо мнѣ оберъ-секретарю. Едва курьеръ успѣлъ войдти въ залу, какъ тотчасъ же и вышелъ оберъ-секретарь, человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, довольно почтенной наружности, и прямо ко мнѣ съ вопросомъ: «А что́, батюшка, вамъ угодно?» Я сказалъ ему, что желалъ бы узнать о положеніи нашего дѣла. «Да вы пріѣзжій, что̀-ли?»—«Нѣтъ, я здѣсь служу, но въ дѣлахъ неопытенъ и въ Сенатѣ знакомствъ не имѣю».—«А у кого изъ секретарей ваше дѣло?»—«У г. Ватіевскаго».—«Это по Найденской дачѣ, что̀ ли?» спросилъ онъ у секретаря. «Точно такъ».—«Что жъ вы ему ничего не сказали?» продолжалъ Крейтеръ съ видомъ укора. «Подайте дѣло!» Секретарь съ какою-то гримасою всталъ со стула, отперъ шкапъ, вытащилъ оттуда огромную связку бумагъ и, развязавъ ее, подалъ Крейтеру, который, пробѣжавъ нѣсколько листовъ съ конца, тотчасъ же объявилъ мнѣ, что дѣло наше остановилось за неполученіемъ какихъ-то новыхъ справокъ изъ Вотчиннаго Департамента Межевой Канцеляріи, что оно не можетъ быть такъ скоро рѣшено, но чтобъ я не унывалъ, потому что въ справедливости доказательствъ со стороны нашей нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; а затѣмъ, чтобъ я не тратился попустому и, въ случаѣ надобности, безъ церемоніи обращался прямо къ нему, и что онъ дастъ мнѣ въ свое время совѣтъ, къ кому изъ сенаторовъ должно будетъ разнести обыкновенныя записки. «У насъ, батюшка, примолвилъ онъ, засѣдаютъ люди добрые.

Вотъ хоть бы Петръ Амплеевичъ (Шепелевъ), князь Павелъ Петровичъ (Щербатовъ) или Неплюевъ—сенаторы радушные и правдивые; а къ Климу Гаврилычу, можетъ, сыщете какую-нибудь *протекцію*». Я отвѣчалъ, что имѣлъ честь лично представляться князю Петру Васильичу, и что онъ принялъ меня милостиво, а сверхъ того знакомъ съ сенаторомъ И. С. Захаровымъ, у котораго буду сегодня и на литературномъ вечерѣ. «Ну, такъ и слава Богу! Чего жъ, батюшка, лучше? Христосъ съ вами! Успокойте родителей вашихъ!»

Я живо тронутъ былъ радушіемъ этого благороднаго человѣка и, конечно, никогда его не забуду [1]).

Теперь отправимся къ Захарову на чтеніе.

17 Февраля, Воскресенье. Вчерашній вечеръ у И. С. Захарова не похожъ былъ на вечеръ литературный. Кого не было! Сенаторы, оберъ-прокуроры, камергеры и даже самъ главнокомандующій С. К. Вязмитиновъ. Когда я вошелъ въ гостиную, меня какъ будто обдало кипяткомъ и чуть не помутились глаза; я боялся, чтобъ не пришлось мнѣ читать стихи свои передъ этимъ ареопагомъ; дѣло, однакожъ, обошлось благополучно: я читалъ ихъ послѣ ужина, подкрѣпивъ себя тремя или четырьмя рюмками добраго вина и въ то время, когда уже бо̀льшая половина гостей разъѣхалась.

Изъ лицъ, которыя были на вечерѣ, всѣхъ болѣе произвелъ на меня впечатлѣніе Вязмитиновъ, и совсѣмъ не по званію своему главнокомандующаго и министра военныхъ силъ, а по необычайной своей вѣжливости и благосклонному, предупредительному обращенію [2]). Вязмитиновъ приглашенъ былъ на вечеръ въ качествѣ автора: онъ нѣкогда (1778 г.) сочинилъ оперку, извѣстную подъ заглавіемъ *Новое Се-*

---

[1]) Б. И. Крейтеръ былъ не только добрый и честный человѣкъ въ полномъ значеніи слова, но, сверхъ того, знающій и опытный дѣлецъ. Автору „Дневника“ удалось узнать многія подробности его жизни, дѣлающія честь уму его и сердцу. Вотъ одинъ примѣръ его безкорыстія. И. Ѳ. С—ій (честнѣйшій человѣкъ) нанималъ у него въ домѣ, на Сергіевской улицѣ, квартиру и, будучи перемѣщенъ на службу въ Саратовъ, долженъ былъ ѣхать, не имѣя чѣмъ расплатиться съ хозяиномъ. „Какъ же быть, Богданъ Иванычъ?“ говорилъ И. Ѳ., „у меня не только на расплату съ вами, но едва ли достанетъ денегъ и на прогоны“.—„Э, ну!“ отвѣчалъ старикъ, „заплотите когда-нибудь; а не достанетъ на прогоны, такъ, пожалуй, я дополню“.—„А если умру?“ возразилъ С—ій.—„Ну, такъ сочтемся на томъ свѣтѣ“, рѣшилъ добрый Крейтеръ

[2]) О С. К. Вязмитиновѣ будетъ пространнѣе говорено впослѣдствіи. Авторъ „Дневника“ имѣлъ случай видѣть его ежедневно съ 1812 по 1816 годъ, быть свидѣтелемъ неутомимыхъ его трудовъ по должности главнокомандующаго и управляющаго Министерствомъ Полиціи, и оцѣнить высокія качества души его и сердца. Это былъ мужъ совѣта и разума и, не смотря на высокое свое званіе, необыкновенно скроменъ, кротокъ, доступенъ и привѣтливъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

мейство, и самъ, какъ меня удостовѣряли, положилъ ее на музыку. Хотя оперка, въ двухъ дѣйствіяхъ, имѣвшая въ свое время только случайный успѣхъ, и не можетъ давать ему права на званіе литератора (чего, конечно, онъ и не добивается), но любовь его къ словесности, желаніе слѣдить за ея успѣхами и уваженіе къ трудамъ литературнымъ заслуживаютъ того, чтобъ предъ нимъ растворились двери и самой Академіи. Онъ не похожъ на того вельможу, который, какъ я слышалъ, публично утверждалъ, что литераторы рѣшительно ни къ чему неспособные люди, и что всѣхъ бы ихъ слѣдовало засадить въ домъ сумасшедшихъ. Вотъ меценатъ!

Гаврила Романовичъ долго и съ жаромъ разговаривалъ о чемъ-то съ сенаторами, княземъ Салаговымъ и Рѣзановымъ, засѣдающими въ въ одномъ департаментѣ съ хозяиномъ дома, и потомъ, живо обратясь къ сидѣвшему возлѣ Вязмитинова оберъ-прокурору П**, вдругъ спросилъ его: «Да за что жъ, Гаврила Герасимовичъ, вы мучите человѣка? Вотъ я сейчасъ просилъ Дмитрія Ивановича и князя о скорѣйшемъ окончаніи дѣла этого несчастнаго Ананьевскаго. Они ссылаются на васъ, что вы предложили потребовать еще какія-то новыя отъ Палаты справки; но вѣдь справки были давно собраны всѣ; если же нѣтъ, то зачѣмъ не потребовали ихъ прежде и въ свое время?» П** извинялся, увѣряя, что дѣло Ананьевскаго скоро кончено будетъ. «Кончено будетъ!» возразилъ Гаврила Романовичъ; «но покамѣстъ онъ и съ дѣтьми можетъ умереть съ голоду».

Мнѣ стало понятно, отчего многіе не любятъ Державина.

Началось чтеніе. Читали стихи какого-то Кукина на случай избранія адмирала Мордвинова, друга А. С. Шишкова, въ губернскіе начальники Московской милиціи. Стихи очень плохи: видно, что они произведеніе какого-нибудь домашняго стихотворца, болѣе усерднаго, нежели талантливаго. Хозяинъ прочиталъ переводъ свой нѣсколькихъ писемъ Фенелона о благочестіи; нѣтъ сомнѣнія, что эти письма Камбрейскаго архіепископа въ высокой степени поучительны и полезны; но надобно читать ихъ дома, съ нѣкоторымъ размышленіемъ, а не въ такомъ обществѣ, которое собирается слѣдить за успѣхами Русской литературы не по переводамъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей, а по новымъ оригинальнымъ сочиненіямъ; да и переводъ Захарова напыщенъ и вовсе не имѣетъ характера Фенелонова слога, столь простаго и благороднаго. Слушая эти письма, гости почти дремали; но, кажется, хозяинъ не замѣчалъ этого и безжалостно продолжалъ чтеніе до самаго ужина, а между тѣмъ Вязмитиновъ уѣхалъ, воспользовавшись минутою отдохновенія чтеца; за нимъ вскорѣ удалились князь Салаговъ, Рѣзановъ, и еще многіе, одни за другими, вставая потихоньку

съ мѣстъ своихъ, прокрадывались изъ гостиной на цыпочкахъ; нечувствительно кружокъ разрѣдѣлъ, и остались только мы, большею частью слушатели по призванію, то-есть тѣ, которымъ хотѣлось или ужинать, или читать стихи свои. Мнѣ хотѣлось и того, и другаго; но мало ли чего хочется! И дородная барышня Скульская, двадцати-пяти-лѣтняя невинность, любимая ученица моего Петра Ивановича, въ одной изъ своихъ черезчуръ наивныхъ басенокъ сказала сущую правду:

Мы сами иногда не знаемъ,
Чего такъ пламенно желаемъ!

Конечно, мнѣ удалось и поужинать, и прочитать стихи свои *Къ деревнѣ*:

Деревня милая, отчизна дорогая,
Когда я возвращусь подъ кровъ счастливый твой?

но за-то и выслушать получасовое замѣчаніе нѣкоторыхъ повидимому записныхъ аристарховъ о томъ, что эпитетъ *милая* не у мѣста и можетъ прилагаться только къ одушевленнымъ предметамъ, какъ напримѣръ, къ другу, къ женщинѣ, къ ребенку и проч.; что нельзя также сказать, обращаясь къ деревнѣ: *когда я возвращусь подъ кровъ твой*, потому что деревня слово *собирательное* и хотя состоитъ изъ *многихъ крововъ*, но собственно сама по себѣ *кровомъ* назваться не можетъ, но, что, впрочемъ, очень легко исправить эти стихи слѣдующимъ образомъ:

„Деревня *тихая*, о хижина *драгая*“ и проч.

Всѣ замѣчанія были въ томъ же родѣ; но никто не замѣтилъ мнѣ того, что̀ я замѣтилъ самъ себѣ, то-есть, что стихи мои не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ одного набора словъ, и что въ нихъ нѣтъ ни одной мысли, на которой бы остановиться можно было; они похожи на какую-то жижу, смѣсь воды съ каплею меда: пить непротивно, но и вкуса никакого нѣтъ.

Въ заключеніе, добродушный хозяинъ сказалъ мнѣ съ видомъ *прозорливца*, что онъ тотчасъ же угадалъ, что я принадлежу къ новой Московской школѣ. «У васъ есть способности», примолвилъ онъ; «но вамъ надобно еще поучиться. Поживите съ нами, мы васъ *выполируемъ*»... Покорнѣйше благодарю!

А между тѣмъ я подслушалъ, какъ Гаврила Романовичъ, который, видно, небольшой охотникъ до грамматики и просто *поэтъ*, кому-то прошепталъ: «такъ себѣ, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее!»

Ужинъ былъ славный. Безспорно, стихи мои могутъ подлежать критикѣ; но объ ужинѣ и самый злѣйшій зоилъ не можетъ сказать ничего, кромѣ хорошаго; иначе, по *деликатному* выраженію Бородулина:

„Онъ будетъ наглый лжецъ!“

18 Февраля, Понедѣльникъ. Минувшіе два года сряду праздновалъ я день своего рожденія у себя дома – праздновалъ не богато, но весело, въ небольшомъ кружку знакомыхъ и мылыхъ мнѣ людей.. Памятны мнѣ наши бесѣды за простою студенческою трапезою: умныя, краснорѣчивыя разсужденія Алексѣя Ѳеодоровича, и острыя шутки Буринскаго, и прибаутки Снѣгиря *Nemo*, и застольныя пѣсни Злова; а вотъ нынѣшній годъ Богъ привелъ праздноватъ этотъ день у чужихъ людей... Хотѣлъ было идти *туда*, но пошелъ въ павильонъ слушать гасконады добродушнаго Лабата и споры его съ дочерьми и графомъ Монфокономъ.

И хорошо сдѣлалъ: непритворныя ласки болтливаго семейства благотворно подѣйствовали на больную душу. Разспросамъ конца не было: зачѣмъ пропадалъ такъ долго? у кого бывалъ? чѣмъ занимался? и проч. и проч. Дочери увѣряли, что я похудѣлъ; а внучка, Марья Лукинична, съ участіемъ утверждала, что я непремѣнно долженъ быть влюбленъ, потому что, по ея мнѣнію, молодымъ людямъ нельзя не быть влюбленнымъ. «Слѣдовательно, и вы влюблены?» спросилъ я ее.—«Hélas, je suis si laide, et pourtant je voudrais bien me marier» [1]), отвѣчала она. Расцаловалъ бы ее, голубушку, за такое откровенное признаніе!

За обѣдомъ маркизъ Лафертѐ [2]) сказывалъ, что послѣдвія побѣды наши надъ Французами при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау возродили большія надежды въ королѣ и его приверженцахъ на возможность скораго возвращенія во Францію. «Возвращенія, можетъ быть; но ужъ, конечно, не такъ скораго», замѣтилъ графъ Монфоконъ, потому что l'Ogre Corse покамѣстъ очень могущественъ и владѣетъ огромными средствами, чтобъ съ успѣхомъ противостоять державамъ цѣлой Европы въ совокупности. Безъ особаго чуда», прибавилъ онъ, «бѣдный нашъ король долго долженъ еще скитаться по чужимъ областямъ, и я боюсь, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, не доживемъ до счастія увидѣть возвращеніе ему похищеннаго трона» [3]).—«Къ несчастью, Монфоконъ правъ», сказалъ, съ видомъ величайшаго сожалѣнія и всплеснувъ руками, Лабатъ: «Бонапарте силенъ, борьба съ нимъ скоро окончиться не можетъ, и одна надежда на помощь Божію и содѣйствіе Россіи».—«А я такъ думаю напротивъ», возратилъ Лафертѐ: «еще нѣсколько усилій со стороны Германіи, Англіи и Россіи, и Бонапарте удержаться

---

[1]) Увы, я такъ не пригожа и однако очень хотѣла бы выдти замужъ.

[2]) Знатный эмигрантъ, за отъѣздомъ графа Блакаса, оставшійся повѣреннымъ въ дѣлахъ короля Людовика XVIII-го.

[3]) Однакожъ, старый графъ Монфоконъ дожилъ до этого счастія и могъ бы участвовать въ щедротахъ короля эмигрантомъ (въ министерство Виллеля), но смерть постигаетъ насъ большею частью въ то время, когда мы достигаемъ совершеннаго исполненія надеждъ и желаній нашихъ: Монфоконъ умеръ, сбираясь въ Парижъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

не можетъ; потому что если онъ испытаетъ нѣсколько такихъ же неудачъ, какъ при Эйлау, то и Франція не останется спокойною».

19 Февраля, Вторникъ. Масляница въ полномъ разгарѣ. Я таскался по балаганамъ глазѣть на народъ, продрогъ и промочилъ ноги; а зачѣмъ ходилъ – Богъ-вѣсть. Лучше было бы заняться чѣмъ-нибудь путнымъ, вмѣсто того, чтобъ рисковать здоровьемъ. Пожалуй, чего добраго, Альбини съ Торсбергомъ опять захотятъ пустить мнѣ кровь! Можетъ статься, оно было бы и нужно, только не изъ рукъ и не ланцетомъ...

По набережной гулявшихъ было много; было также довольно нарядныхъ экипажей, но въ этомъ отношеніи Петербургъ не можетъ равняться съ Москвою: у насъ вообще упряжь гораздо великолѣпнѣе. Московскіе щеголи ничего не дѣлаютъ въ половину; отличаться такъ отличаться: подавай золоченыя колеса, красную сафьянную сбрую съ вызолоченнымъ наборомъ, который горѣлъ бы какъ жаръ; подавай лошадей—львовъ и тигровъ съ гривами ниже колѣна, такихъ лошадей, которыя бы, какъ выражаются охотники, просили *кофе*; а какъ одѣть кучеровъ иначе, какъ не въ бархатные кафтаны, голубые, зеленые, малиновые съ бобровыми опушками, съ какою-то блестящею оторочкою! Словомъ, заглядѣнье! Здѣсь все гораздо проще и, можетъ быть, во всемъ больше вкуса; но для человѣка, привыкшаго къ раззолоченымъ каретамъ, къ красной сбруѣ, къ бархатнымъ кафтанамъ яркихъ цвѣтовъ и гремящимъ цѣпямъ, которыми перевозжены коренныя лошади и подручная, здѣшніе экипажи могутъ показаться нѣсколько бѣдными. Мнѣ понравился, впрочемъ, экипажъ офицера Конной Гвардіи Жандра: четверня огромныхъ рыжихъ лошадей съ проточинами, всѣ одна въ одну, идутъ на курбетахъ; карета почти чернаго цвѣта съ красными обводками, очень легкая и красивая; а упряжь изъ тоненькихъ веревочекъ, обтянутыхъ глянцевою кожею, съ самымъ легкимъ серебрянымъ наборцемъ – очень мило и красиво.

Приходилъ сослуживецъ мой Алексѣй Юшневскій, бывшій нашъ студентъ, пріятель Гнѣдича, малый умный и чудакъ преестественный. Онъ засталъ меня за письменною конторкою съ перомъ въ рукѣ. «Что дѣлаешь?» — «Пишу». — «Сочиняешь?» — «Описываю». — «Какого чорта ты описываешь?» — «Не чорта, а свой день». — «Славное занятіе! И не скучно?» — «Привыкъ». — «Правда, ко всему привыкнуть можно....» — «Кромѣ голода...» — «И жажды», подхватилъ онъ: «прикажи-ка подать чаю». — «Прикажи самъ».

Юшневскій велѣлъ принести самоваръ и чайный приборъ, поставилъ столикъ и, накрывъ его салфеткой, расположился пить чай, en amateur. «Вы всѣ профаны», сказалъ онъ, «пьете чай кой-какъ; на-

добно пить его со вкусомъ, какъ пьютъ Московскія купчихи».— «Кушай во здравіе; у меня чай Московской; его станетъ на годъ на всю артель сослуживцевъ».—«Знаю; Хмѣльницкій не нахвалится твоимъ чаемъ; оттого-то, признаться, я и зашелъ къ тебѣ».—«Спасибо за откровенность».—«Впрочемъ это шутка, а зашелъ я къ тебѣ вотъ зачѣмъ: не хочешь ли познакомиться съ Гнѣдичемъ?»—«Какъ не хотѣть!»—«Такъ отправимся къ нему завтра».—«Нѣтъ, не могу».—«Почему же?»—«Надобно подождать пока поумнѣю: все это время я очень глупъ».—«Такъ намъ долго прійдется ждать».—«Богъ не безъ милости! Я былъ свидѣтелемъ и не такихъ чудесъ».—«Какихъ же?»—«Я видѣлъ слабоумнаго Грамматина на степени перваго ученика въ пансіонѣ, и умнаго золотомедальнаго ученика Граве на публичномъ Нѣмецкомъ театрѣ, въ роли странствующаго башмачника».—«Что́ жь это доказываетъ?»—«Это доказываетъ, что первые бываютъ послѣдними и послѣдніе первыми».—«Теперь подлинно я вижу, что мы долго не пойдемъ къ Гнѣдичу: ты *къ тому же* залѣзъ въ метафизику».—«Поживи съ мое, залѣзешь въ нее и ты».

Юшневскій захохоталъ; онъ былъ старѣе меня четырьмя годами. «Да признайся, что́ ты тамъ вараксалъ въ то время какъ я пришелъ?»—«Право, записывалъ день свой».—«Не ужъ-то же въ самомъ дѣлѣ ежедневно записываешь всякій вздоръ?»—«Непремѣнно».—«Какая цѣль тратить по пустому время? Лучше бы читалъ или сочинялъ что нибудь дѣльное».—«Со временемъ, можетъ-быть, и этотъ вздоръ на что-нибудь пригодится».—«Поэтому запишешь и нашъ разговоръ съ тобою?».—«Слово-въ-слово».—«И покажешь мнѣ?»—«Завтра же въ Коллегіи».—«Чудакъ!»—«Родомъ такъ».—«Предвижу, что вы будете большими друзьями съ Гнѣдичемъ: онъ въ своемъ родѣ также чудакъ».—Можетъ быть; но покамѣсть я не пойду къ нему».—«А сказать ему о тебѣ?»—«Кто жь мѣшаетъ? Скажи, что я радъ съ нимъ познакомиться, но не теперь: у меня точно голова не въ порядкѣ».—«Да что́ жь такое? Денегъ нѣтъ, или семейныя огорченія?»—«Небольшія деньги на нужду есть, а въ семействѣ до сихъ поръ все обстоитъ благополучно».—«Ну такъ воля твоя, не понимаю».—«И понимать нечего; бываетъ у молодыхъ лошадей мытъ, а у людей корь и оспа и разные волдыри на тѣлѣ; у меня волдыри на душѣ и на сердцѣ: нравственный мытъ—вотъ и все; будетъ съ тебя?»

Мой Юшневскій отправился домой приговаривая: «Жаль, очень жаль! Но видно, мы долго не пойдемъ къ Гнѣдичу».

20 Февраля, Среда. Утромъ заходилъ въ Коллегію и, къ крайней досадѣ моей, узналъ, что дежурство мое приходится въ Воскресенье.

Нечего сказать—весело! Послѣдній день Масляницы я буду затворникомъ. Одна надежда на Хмѣльницкаго, что не дастъ умереть со скуки.

Я показывалъ Юшневскому вчерашній дневникъ мой. Онъ удивился, прочитавъ его, и не утерпѣлъ, чтобъ не подписать подъ нимъ: *съ подлиннымъ вѣрно* [1]), примолвивъ: «долго не идти намъ къ Гнѣдичу!»

Вечеромъ съ часъ просидѣлъ у Гаврила Романовича. Онъ былъ неразговорчивъ и что-то невеселъ, однакожъ не жалуется на нездоровье. Просилъ меня прійдти завтра утромъ взглянуть на четверку лошадей, которыхъ прислалъ ему графъ Кутайсовъ съ Тамбовскаго своего завода. Говоритъ, что обошлись недорого; только боится, чтобъ не были очень бойки.

21 Февраля, Четвергъ. Лошади, присланныя графомъ Кутайсовымъ Державину, точно хороши: большаго роста, одна въ одну, рыжегалой, такъ называемой розовой масти, и въ добавокъ выѣзжены. Старикъ любовался ими изъ окна своего кабинета, а завтра намѣренъ выѣхать на нихъ въ первый разъ. Онѣ обошлись ему 1,200 рубл. съ приводомъ—недорого: за такую цѣну нельзя было бы купить ихъ и на Лебедянской ярмаркѣ. Кутайсовъ прислалъ также и князю Лопухину шесть лошадей только другой масти.

Теперь я догадываюсь, отчего Гаврила Романовичъ вчера былъ такъ невеселъ и задумчивъ. У него въ головѣ письмо къ Государю о дозволеніи передать свою фамилію старшему изъ своихъ племянниковъ, Леониду Львову. Онъ намѣренъ былъ просить объ этомъ на первой недѣлѣ Великаго поста, но его извѣстили, что Государь скоро отъѣзжаетъ въ армію, и что теперь не время безпокоить его величество.— «Боюсь, чтобъ не ушло время», сказалъ Гаврила Романовичъ», и чтобъ не сбылось мое предсказаніе:

„Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима“.

«Отсутствіе Государя, вѣроятно, продолжится недолго», замѣтилъ я.— «Богъ вѣсть, братецъ, а смерть не за горами» [2]).

---

[1]) Эта подпись на дневникѣ сохранилась и до сихъ поръ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Въ томъ же году Гаврила Романовичъ поручилъ автору „Дневника“ отнести всеподданнѣйшее письмо его объ усыновленіи Л. Н. Львова къ П. С. Молчанову, назначенному тогда статсъ-секретаремъ у принятія прошеній (вмѣсто умершаго М. Н. Муравьева). Молчановъ тотчасъ же доложилъ о немъ Государю, но высочайшаго соизволенія на усыновленіе Львова не послѣдовало. Это письмо, написанное собственною рукою Державина, передано авторомъ „Дневника“ въ подлинникѣ, съ разными другими бумагами, М. П. Погодину; оно весьма любопытно въ томъ отношеніи, что поэтъ право свое на испрашиваемую милость основываетъ на сочиненіи имъ *Солянаго Устава*. Державинъ и Соляной Уставъ! *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Эти слова, сказанныя голосомъ слабымъ и печальнымъ, навѣяли на меня какое-то неизъяснимое уныніе.

Я оставилъ Державина въ грустномъ расположеніи духа и для разсѣянія отправился къ Яковлеву, у котораго нашелъ любезнаго отца Григорія. Они сбирались платить дань Масляницѣ — ѣсть блины. «Милости просимъ на новую бесѣду!» сказалъ весело Яковлевъ, «старая вся исчерпана, и мы наговорились вдоволь, такъ что не о чемъ больше и говорить. Ваша очередь быть запѣвалою»... «То-есть *запивалою*, хотѣли вы сказать, Алексѣй Семенычъ», отвѣчалъ я; «въ такомъ случаѣ, если бесѣда исчерпана, то, кажется, не совсѣмъ еще исчерпанъ вонъ этотъ графинъ съ травникомъ, и я готовъ выпить рюмку». Яковлевъ захохоталъ. «Мы закусили, въ ожиданіи блиновъ. Въ сосѣдней харчевнѣ пекутъ отличные, и дома такихъ не дождешься».—«Вы правы: Московскіе охотники до блиновъ не иначе ѣдятъ ихъ, какъ изъ харчевень».—«Отчего же это бываетъ?» — «Видно оттого, что въ харчевнѣ, по количеству съѣдаемыхъ блиновъ, сковорода опекается лучше.»—«А гдѣ вы были теперь?»—«У Гаврила Романовича».—«Зачѣмъ же такъ рано? Еще не пробило и 12».—«Смотрѣлъ съ нимъ присланныхъ ему лошадей».—«А вы знаете въ нихъ толкъ?»—«Не могу хвалиться, но думаю, что знаю не меньше другихъ... Между тѣмъ, по словамъ Фонвизина: *не о птицахъ предлежитъ дѣло, а о разумной твари*. Когда вы играете?»—«Завтра играю *Вольфа* въ Гусситахъ».—«Пойду смотрѣть». — «А вы любите драмы?» — «Люблю, когда вы играете въ нихъ. Намедни съ удовольствіемъ видѣлъ васъ въ роли Мейнау».—«Каратыгина была лучше меня».—«Ну, не скажу: Каратыгина лучшая Эйлалія, какую я въ жизни моей видѣлъ; но вы — совершенство! Вамъ не доставало одного: умѣнья одѣться. Вы слишкомъ пренебрегаете своимъ костюмомъ: вышли на сцену даже небритые».—«А вы и это замѣтили? Но завтра костюмъ мой будетъ старогерманскій: вы будете довольнѣе мною, хотя Каратыгина, въ роли Берты, убьетъ меня и заставитъ васъ плакать».—«Поможете ей и вы, Алексѣй Семенычъ; только смотрите, берегитесь: въ партерѣ будетъ находиться человѣкъ, который замѣтитъ всякое ваше слово и всякое тѣлодвиженіе ваше».—«Замѣтитъ да и запишетъ», сказалъ иронически Яковлевъ; «вишь вы какой соглядатай; мы къ этому не привыкли».

Наконецъ, принесли блины въ горшкѣ, окутанномъ салфеткой. Яковлевъ ѣлъ мало, какъ бы нéхотя, но мы съ отцомъ Григоріемъ не положили охулки на руку. «Блины блинами», сказалъ отецъ Григорій, «а рѣчь рѣчью. Давича, когда вы взошли, я толковалъ Алексѣю Семеновичу о томъ, что, мнѣ кажется, трудно удержаться актеру въ своемъ естественномъ характерѣ человѣка и, волею-неволею, не принять

более или менѣе свойствъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ представляетъ, а чрезъ то не потерять своихъ собственныхъ».—«Пустяки», отвѣчалъ Яковлевъ, «можно пріучиться къ ненатуральному разговору и къ высокопарности—и больше ничего. Сахаровъ цѣлый вѣкъ свой представляетъ злодѣевъ, а въ сущности добрѣйшій человѣкъ. Шушеринъ играетъ нѣжныхъ отцовъ, а ужъ такой крючокъ, что Боже упаси! Вонъ и Каратыгинъ: кромѣ вѣтрогоновъ да моторыгъ ничего другаго не играетъ, а посмотри его дома: порядоченъ и бережливъ; а Пономаревъ? То записной подъячій, то скряга, то плутъ-слуга, а нечего сказать: смирнѣе и скромнѣе его человѣка не сыщешь. Да я и самъ: лѣтъ около пятнадцати вожусь на сценѣ съ *Ярбами*, *Магометами*, а все остался тѣмъ же Яковлевымъ. Пустяки, совершенные пустяки! Однакожъ послѣ блиновъ не выпить ли пуншу?»

Отецъ Григорій отказался отъ пунша, и я также, памятуя тотъ омегъ, которымъ угостилъ меня Яковлевъ въ первое мое посѣщеніе, и попросилъ воды. «Что жъ вамъ за охота пить воду?» спросилъ хозяинъ.—«А вы развѣ не читали Пиндара?»—«Читалъ двѣ оды его, въ переводѣ Державина, и помню».—«Слѣдовательно, должны знать, что *всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй*; а если хотите, такъ П. И. Кутузовъ перевелъ еще вразумительнѣе: *всѣхъ лучше жидкостей вода*! Собесѣдники засмѣялись. «Этакъ переводить немудрено», замѣтилъ отецъ Григорій.—«Напротивъ, гораздо труднѣе, чѣмъ вы полагаете», сказалъ Яковлевъ: «надобно имѣть особое дарованіе, чтобъ поэтическіе стихи обращать въ медицинскіе афоризмы».

Я отправился домой, къ возлюбленной моей конторкѣ, единственной повѣренной всѣхъ моихъ думъ, мыслей и чувствованій. Эхъ ма!

22 Февраля, Пятница. Надобно отдать справедливость старику Василью Александровичу Самсонову, что онъ человѣкъ необыкновенно умный и опытный въ жизни. Я просидѣлъ съ нимъ цѣлое утро и не замѣтилъ, какъ прошло время. Онъ не истощался въ разсказахъ: память имѣетъ чрезвычайную и, сверхъ того, мастеръ говорить; а какъ онъ предупредителенъ, нѣженъ и забавенъ въ обращеніи съ женою своею, крошечною и добродушною старушенцею—право, мило смотрѣть. Вотъ настоящіе Русскіе Филимонъ и Бавкида! Они живутъ скромно, однакожъ гостепріимны и рады угостить всякаго, чѣмъ Богъ послалъ. Самсоновъ охотникъ покушать и большой пріятель съ извѣстнымъ Петербургскимъ гастрономомъ, камеръ-юнкеромъ Ласунскимъ *), который никогда не обѣдаетъ дома безъ того, чтобъ для аппетита не пригласить и Василья Александровича.

---

*) Первымъ супругомъ Спасобородинской игуменьи Маріи? П. Б.

Старикъ много разсказывалъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ персонажахъ царствованія императрицы Екатерины II-й. «Многіе изъ нихъ», говорилъ онъ, «точно были геніальные люди; но другіе пользовались репутаціею умныхъ и дѣловыхъ сановниковъ только потому, что Императрица руководила ими, а въ сущности были очень ограниченныхъ способностей и ума; но за то эти господа мастера были окружать себя какою-то великолѣпною важностью и составлять себѣ кліентовъ, которые проповѣдывали о ихъ великихъ достоинствахъ. Они выдавали себя и за меценатовъ, имѣя подъ рукою нѣсколько голодныхъ поэтовъ для домашняго обихода и прославленія ихъ добродѣтелей, потому что *меценатство* было тогда въ модѣ. А знаешь ли, отчего оно попало тогда въ моду? Императрица, которая покровительствовала словесности, наукамъ и художествамъ, замѣтивъ въ одномъ вельможѣ закоренѣлое презрѣніе къ произведеніямъ ума и художествъ, изволила спросить оберъ-шталмейстера Нарышкина: «отчего *такой-то* не любитъ живописи и ненавидитъ стихотворство до такой степени, что, по словамъ княгини Дашковой, онъ всѣхъ, ни къ чему годныхъ людей своихъ, называетъ живописцами и стихотворцами?» – «Оттого, матушка», отвѣчалъ Нарышкинъ, «что онъ голова глубокомысленная и мелочами не занимается».—«Правда твоя, Левъ Александрычъ», вздохнувъ, сказала Императрица; «только и то правда, что головы, слывущія за глубокомысленныхъ, часто бываютъ пустыя головы». Замѣчаніе Императрицы огласилось, и съ тѣхъ поръ придворные другъ предъ другомъ стали покровительствовать стихотворцамъ и живописцамъ, заводить домашніе театры и составлять картинныя галереи.

«Такъ иногда», продолжалъ Самсоновъ, «премудрая Монархиня однимъ кстати сказаннымъ словомъ измѣняла нравы, вводила новые обычаи, и даже нечувствительно смягчала природныя свойства людей, ее окружавшихъ. Напримѣръ: узнавъ, что одинъ изъ ближайшихъ къ ней сановниковъ, обязанный, по занимаемому имъ посту, выслушивать просителей, обходился съ ними надменно, не принималъ труда обстоятельно объясняться съ ними и вообще былъ недоступенъ, она, въ одномъ изъ своихъ вечернихъ собраній, завела рѣчь о томъ, какъ должна быть противна надменность въ вельможахъ, обязанныхъ быть посредниками между государями и народомъ. «Эта надменность происходитъ», замѣтила Императрица, «отъ ограниченности ихъ ума и способностей: они боятся всякаго столкновенія съ людьми, чтобъ тѣ не разгадали ихъ, и, для произведенія эффекта, нуждаются въ оптическомъ обманѣ разстоянія и театральномъ костюмѣ»; и съ послѣднимъ словомъ обратившись къ гордецу, она вдругъ спросила его: «а что̀, у тебя много бываетъ просителей?»—«Не мало, Государыня», отвѣчалъ сановникъ.—«Я увѣ-

рена, что они выходятъ отъ тебя гораздо довольнѣе, чѣмъ при входѣ въ твою пріемную: несчастье и нужда требуютъ снисходительности и утѣшенія, и твое дѣло позаботиться, чтобъ эти бѣдные люди не роптали на насъ обоихъ». Вельможа понялъ намёкъ и съ тѣхъ поръ изъ надменнаго и неприступнаго сановника сдѣлался самымъ доступнымъ, вѣжливымъ, снисходительнымъ и даже предупредительнымъ государственнымъ человѣкомъ.»

Вечеромъ любовался Яковлевымъ и Каратыгиною въ «Гусситахъ»: они были превосходны, особенно въ сценѣ выбора дѣтей, которыхъ рѣшено послать въ непріятельскій станъ, они заставили всѣхъ плакать навзрыдъ, и я замѣтилъ, что Яковлевъ едва ли не плакалъ самъ: съ такимъ необыкновеннымъ чувствомъ игралъ онъ эту сцену! За то Бобровъ, игравшій военачальника Гусситовъ, былъ очень смѣшонъ. Я видѣлъ его въ роли Мамаева посла въ «Димитріи Донскомъ»; тамъ былъ онъ сноснѣе и даже недуренъ, вѣроятно, оттого, что грубые пріемы и необработанный голосъ согласовались больше съ характеромъ роли Татарина. Говорятъ, что Бобровъ превосходно играетъ Тараса Скотинина въ «Недорослѣ»; вѣрю, потому что онъ въ роли военачальника былъ настоящимъ Скотининымъ.

Я не въ состояніи объяснить, какое непріятное дѣйствіе производятъ это безпрерывное чиханье и сморканье и этотъ безпрестанный кашель райской и даже партерной публики Русскаго театра во время патетическихъ сценъ драмы или трагедіи. Мнѣ кажется, можно бы, изъ уваженія къ другимъ посѣтителямъ, какъ-нибудь и скрыть свою чувствительность, проявляющуюся въ такихъ непристойныхъ симптомахъ.

23 Февраля, Суббота. Сегодня нечаянно столкнулся я съ Харламовыми, Александромъ и Николаемъ Гавриловичами. Они также Данковцы и коротко знаютъ біографію всего нашего семейства. Старшій изъ братьевъ, статскій совѣтникъ, служитъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія—большой дѣлецъ, въ короткое время нажилъ прекрасное состояніе и дѣлитъ его съ братомъ, отставнымъ морякомъ, хилымъ и больнымъ. У нихъ огромный домъ въ Большой Садовой улицѣ, противъ третьей съѣзжей, и много незанятыхъ квартиръ. Они чрезвычайно уговаривали меня переѣхать къ нимъ и предлагали свои услуги.— «Мы Петербургскіе старожилы», говорили они, «люди холостые и независимые, и намъ было бы пріятно позаботиться о пріѣзжемъ землякѣ». Я благодарилъ услужливыхъ братьевъ и обѣщалъ бывать у нихъ часто, если позволитъ время. За обѣдомъ у Альбини я разсказывалъ имъ объ этой встрѣчѣ и объ одолжительномъ предложеніи земляковъ моихъ «Отъ добра добра не ищутъ», сказали въ одинъ голосъ мужъ и

жена: «квартира у Торсберга хорошая, а сверхъ того, переѣхавъ къ Харламовымъ, вы отдалитесь отъ насъ и другихъ вашихъ знакомыхъ». Разумѣется, такъ.

Съ нами обѣдали генералъ суперинтендентъ пасторъ Рейнботъ и ловеласъ Иванъ Кузьмичъ *), который не отвыкъ отъ обыкновенныхъ комплиментовъ. Но—увы! съ комплиментами своими принужденъ онъ въ Петербургѣ обращаться къ однѣмъ, развѣ, горничнымъ, или тому подобнымъ дамамъ, потому что не бываетъ ни въ одномъ порядочномъ обществѣ. Въ Липецкѣ для него было золотое время: тамъ онъ, по званію секретаря директора Липецкихъ водъ, безнаказанно могъ надоѣдать всѣмъ дамамъ, пьющимъ и непьющимъ воды, лишь бы только случилось имъ попасть въ галерею.

Рейнботъ очень умный и, кажется, дѣльный человѣкъ. Онъ очень знакомъ съ пасторомъ Гейдеке и старикомъ Бруннеромъ и чрезвычайно уважаетъ ихъ. Съ Гейдеке онъ даже въ перепискѣ и снабжаетъ его нѣкоторыми книгами по части теологіи и педагогики, которыхъ въ Москвѣ добыть нельзя. Онъ распрашивалъ меня о Московскомъ его житьѣ-бытьѣ и, между прочимъ, сказывалъ, что Гейдеке имѣетъ много враговъ, которые стараются клеветать на него и вредить ему. Я отвѣчалъ, что сколько мнѣ извѣстно, Гейдеке жизнь ведетъ непозорную, уважается многими извѣстными въ Москвѣ людьми, извѣстными литераторами и университетскими профессорами и почитается человѣкомъ вовсе необыкновеннымъ. «Въ томъ-то и бѣда», сказалъ Рейнботъ, «что обыкновенные люди успѣваютъ вообще скорѣе необыкновенныхъ, потому что послѣдніе хотятъ, чтобъ дорожили ими самими, между тѣмъ какъ первые дорожатъ только своими покровителями. Чуть ли у нашего друга не слишкомъ остро перо, а еще острѣе языкъ».

Возвратившись отъ Альбини, я нашелъ у себя Кобякова и очень обрадовался, что не одинъ проведу вечеръ дома. Кобяковъ пришелъ съ жалобою на Вельяминова, что переводы его черезчуръ становятся плохи; напримѣръ, въ финалѣ *Импрезаріо* онъ заставляетъ любовницу пѣть.

Пусть отсохнетъ рука,
Коль пойду за старика:
Старики ревнивы, злы,
Настоящіе козлы!

Я чуть не умеръ со смѣху и догадался, въ чемъ дѣло. «Ты, любезный другъ», сказалъ я Кобякову, «напрасно сѣтуешь на Вельяминова: вѣдь *Импрезаріо* опера-буффа, а въ оперу-буффу эти стихи допустить

*) См. выше подъ 23-го Іюля 1805.

можно. Посмотрѣлъ бы ты, ка́къ мы въ Москвѣ переводили оперы: и не то сходило съ рукъ; да и самые диѳирамбы Сумарокова чѣмъ лучше Вельяминовскаго перевода? Самъ посуди:

Бахуса я вижу зла.
Разъяренну, пьяну, мертву,
Принесу ему на жертву
Я козла!

«А что̀ ты думаешь?» сказалъ Кобяковъ, «вѣдь и подлинно можно ихъ вставить въ финалъ. Музыка шумная: пожалуй, словъ и не разслышать; только *козлы* то мнѣ не нравятся».— «Ну такъ поставь *ослы*— и дѣло съ концомъ». Землякъ мой успокоился. Немногое нужно, чтобъ огорчить человѣка; но, кажется, нужно еще менѣе, чтобъ его утѣшить.

24 Февраля, Воскресенье. Мы избавились отъ дежурства и послѣдній день масляницы провели не въ заключеніи. Кусовниковъ и Хмѣльницкій уладили дѣло славно: силою краснорѣчія и красной бумажки они уговорили протоколиста Котова, канцеляриста Сычова и Матвѣя Дмитріевича Дубинина замѣнить насъ: для нихъ это ничего не значить, потому что живутъ въ домѣ самой Коллегіи и могутъ, не отлучаясь, пить сколько душѣ угодно. На мой пай достался Дубининъ.

М. Д. Дубининъ человѣкъ историческій, мужъ стариннаго покроя и типъ канцелярскихъ чиновниковъ прежняго времени; это послѣдній въ своемъ родѣ, и природа, создавъ его, наконецъ, разбила форму. Ему за шестьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ пятьдесятъ онъ провелъ на службѣ въ Коллегіи, достигнувъ до почетнаго названія *живаго архива*. У него красный, фигурчатый съ наростами носъ, всегда заспанные глаза, пѣгіе нечесанные волосы, небритая борода, очки на лбу, перо за ухомъ и пальцы въ чернилахъ. Онъ пишетъ уставцомъ, четко, красиво, безошибочно, и уписываетъ на одной страницѣ то, чего другой, лучшій писецъ новаго поколѣнія не упишетъ на цѣломъ листѣ. Его главное дѣло держать реестръ печатаемымъ патентамъ, и онъ завѣдываетъ приложеніемъ къ нимъ печатей—чего лучше и аккуратнѣе его никто исполнить не въ состояніи; но ему поручаютъ переписку и другихъ бумагъ по Коллегіи, и особенно по Казенному Департаменту. Утромъ и натощакъ Матвѣй Дмитріевичъ всегда на ногахъ; но по окончаніи присутствія, онъ тотчасъ приступаетъ къ трапезѣ, и тогда уже видѣть его иначе нельзя, какъ лежащаго и утоляющаго жажду. Матвѣй Дмитріевичъ, съ оригинальнымъ своимъ почеркомъ, съ необыкновенною своею памятью и нанковымъ сюртукомъ, былъ извѣстенъ всѣмъ прежнимъ начальникамъ Коллегіи: князю Безбородкѣ, графу Растопчи-

ну и князю Чарторижскому, да и нынѣшній министръ Будбергъ знаетъ его; что касается до оберъ-секретарей, то онъ ихъ не ставитъ ни во что́, но за то весьма уважаетъ казначея Бориса Ильича, который никогда не отказываетъ ему въ выдачѣ пяти рублей впередъ жалованья, а передъ большими праздниками рискуетъ иногда даже и десятью рублями. Какъ бы то ни было, но Матвѣй Дмитріевичъ считается, почему то, человѣкомъ почти необходимымъ въ своей сферѣ, и всѣ служащіе, начиная отъ оберъ-секретаря до нашего брата, не иначе называютъ его, какъ по имени: Матвѣй Дмитричъ, а при случаѣ спѣшной работы, прибавляютъ и слово *любезный*. Коллежское преданіе и экзекуторъ Степанъ Константиновичъ гласятъ, что будто-бы нѣкогда Матвѣй Дмитріевичъ и по утрамъ придерживался чарочки, и что во времена о̀ны нѣкоторые жестокосердые оберъ-секретари, по тогдашнему обычаю, въ предупрежденіе несвоевременныхъ его отлучекъ, приказывали разувать его; но я на этотъ разъ дѣлаюсь пирронистомъ и не хочу вѣрить преданію.

Итакъ, по неожиданной благосклонности Матвѣя Дмитріевича, я былъ на свободѣ и воспользовался ею, чтобъ сдѣлать визитъ землякамъ моимъ, Харламовымъ, которые, не ожидая такого скораго посѣщенія, очень обрадовались и приняли меня чрезвычайно-ласково. Вопросамъ и разспросамъ о Данковѣ и Данковскихъ помѣщикахъ конца не было. Я передалъ имъ какъ умѣлъ, все, что̀ только могъ знать и наконецъ спросилъ ихъ: отчего же они, повидимому, такъ любя родину, не съѣздятъ взглянуть на нее и повидаться съ родными?— Оттого», отвѣчалъ старшій братъ, «что тамъ у насъ не осталось ни одной души и ни клока земли, да и ближнихъ родныхъ нѣтъ, а есть однофамильцы: куда и къ кому мы пріѣдемъ? Здѣсь Богъ благословилъ насъ довольствомъ и спокойствіемъ, здѣсь, видно, и умереть пріидется; а признаюсь, когда случится увидѣть Данковца и слышать что-нибудь доброе о комъ-нибудь изъ земляковъ своихъ, право, сердце не нарадуется. Пожалуйста, переѣзжайте къ намъ въ домъ и располагайте нами, какъ вашими родными, безъ всякихъ церемоній и жеманства». Я увѣрилъ ихъ, что жеманство не въ моемъ характерѣ, и я его не люблю, потому что оно— вывѣска глупости, а я не желаю, чтобъ меня считали за дурака, и потому воспользуюсь ихъ обязательностью при первомъ удобномъ случаѣ.

Совѣтникъ отзывался о губернаторѣ Петрѣ Степановичѣ Пасевьевѣ чрезвычайно хорошо. «Это кладъ, а не человѣкъ», говорилъ онъ: «уменъ и добръ и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобъ облагородить Канцелярію Правленія. Къ несчастью, едвали мы скоро съ нимъ не разстанемся, потому что его славятъ сенаторомъ.

Обѣдалъ въ павильйонѣ: попалъ на *маркиза де-ла-Мотта*, котораго видѣлъ я на другой день моего пріѣзда въ Петербургъ у Лаба-

товъ въ Екатерининъ день, но тогда оставилъ безъ замѣчанія; сегодня разглядѣлъ его поближе. Чтò за отвратительная фигурка! Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ, маленькій, пузатенькій, косой, плѣшивый и, при всемъ томъ, пренадмѣнный, tranchant, и едва-ли не воображающій себя какимъ нибудь Шуазёлемъ или Морепá. Онъ не умолкалъ о политикѣ, межевалъ государства, отнималъ области у одного и отдавалъ ихъ другому, заточалъ Бонапарте съ братьями въ возстановленную имъ Бастилію и проч.; а между тѣмъ, самъ продаетъ Дмитрію Львовичу Нарышкину Страсбургскіе пироги и Прованское масло, véritable huile d'Aix и даетъ чувствовать, что чуть-чуть не изъ первыхъ людей у него въ гостиной. Каковы же должны быть послѣдніе? хотѣлось бы мнѣ спросить его; но, кажется, ему скоро не сдобровать, потому что недавно женился онъ на такой бабищѣ, что страшно взглянуть: огромная, толстая, рябая, голосистая, съ такими рѣзкими ухватками, что такъ и кажется, что она при одномъ прикосновеніи къ ла-Мотту, расшибетъ его въ прахъ. Молодые супруги, которыхъ медовый мѣсяцъ еще не истекъ, развозятъ покамѣстъ другъ друга по своимъ знакомымъ на показъ, а тамъ чтò будутъ дѣлать—знаетъ развѣ одинъ добродушный и вспыльчивый графъ Монфоконъ. Онъ все время, покамѣстъ ла-Моттъ рѣшалъ судьбы царствъ и народовъ, сидѣлъ какъ на иголкахъ: кашлялъ и вертѣлся на стулѣ, однако-жъ молчалъ; но лишь только молодые старые уѣхали, онъ вдругъ вскочилъ и, сложивъ ладони, прежалобно вскрикнулъ: «Oh, mon Dieu, mon Dieu! Il faut être bien sot pour se croire un sage» *). Вспомнивъ, что сегодня прощальный день, я, по Русскому обычаю, попросилъ прощенія у дамъ; но онѣ вдругъ привязались ко мнѣ, чтобъ я покаялся имъ во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, которыя будто бы онѣ уже знаютъ. Я бѣжалъ отъ нихъ безъ оглядки: онѣ рѣшительно принимаютъ меня за ребенка.

25 Февраля. Понедѣльникъ. Я началъ говѣть. Въ Казанскомъ Соборѣ служатъ чинно и благолѣпно, и хотя народу много, но покамѣстъ тѣсноты большой нѣтъ. На ефимоны ѣздилъ въ Невскій монастырь, въ которомъ до сихъ поръ еще не былъ. Служба простая, но величественная. Покаянный канонъ читалъ намѣстникъ Израиль внятно и вразумительно. Мнѣ понравился іеродіаконъ Филадельфъ, чрезвычайно благообразный, ловкій и развязный въ служеніи; голосъ его не исполинскій, какъ у Воржскаго, но звученъ и пріятенъ. Ирмосы пѣли монахи прекрасно; клиръ состоялъ изъ однихъ басовъ, кромѣ какого-то пóслушника, высокаго тенора. Это басовое пѣніе шестиглас-

*) О Боже мой, Боже мой! Надо быть очень глупымъ, чтобы почитать себя за мудраго.

ныхъ ирмосовъ невыразимо дѣйствуетъ на душу. Въ Троицкой Лаврѣ поютъ также отлично, но тамъ голоса перемѣшаны; здѣсь же, напротивъ, одни басы. Сказывали, что митр. Амвросій очень любитъ столбовое пѣніе и, въ бытность свою Казанскимъ архіепископомъ, кромѣ обыкновенныхъ пѣвчихъ архіерейскаго дома, имѣлъ еще хоръ, составленный изъ однихъ басовъ, который предпочтительно любилъ слушать.

26 Февраля, Вторникъ. Въ бесѣдѣ съ умнымъ человѣкомъ многому научиться можно; но если этотъ умный человѣкъ смотритъ на жизнь и свѣтъ съ своей особой точки зрѣнія, то онъ можетъ сбить съ толку. Умные, краснорѣчивые люди, увлекательнѣе всякой книги: читая книгу, ты имѣешь время поразмыслить и остеречься, а живое слово дѣйствуетъ такъ внезапно, что не успѣешь и опомниться, какъ ты уже въ его власти.

Вотъ хотя бы, напримѣръ, и старшій графъ де-Местръ, Сардинскій посланникъ: я не хотѣлъ бы остаться съ нимъ недѣлю одинъ съ глазу на глазъ, потому что онъ тотчасъ бы изъ меня сдѣлалъ прозелита. Ума палата, учености бездна, говоритъ какъ Цицеронъ, такъ убѣдительно, что нельзя не увлекаться его доказательствами; а если поразмыслить, то, не смотря на всю христіанскую оболочку, которою онъ прикрываетъ всѣ свои разсужденія (онъ иначе не говоритъ, какъ разсуждая), многое, многое кажется мнѣ несогласнымъ ни съ тѣмъ ученіемъ, ни съ тѣми правилами, которыя поселяли въ насъ съ дѣтства. Давеча изъ церкви я зашелъ навѣстить старика Лабата, чего-то объѣвшагося по случаю католической масляницы, и нашелъ у него де-Местра, стоявшаго предъ каминомъ и съ жаромъ разсуждавшаго. Изъ разнообразнаго, живаго и увлекательнаго его разговора я успѣлъ схватить налету нѣсколько идей, поразившихъ меня своею новизною. Онъ утверждалъ, что почти во всѣхъ случаяхъ жизни надобно опасаться болѣе друзей, чѣмъ враговъ своихъ; потому что послѣдніе по крайней мѣрѣ не введутъ васъ въ заблужденіе своими совѣтами, и что сознаніе нашего ничтожества должно повѣрять одному только Богу, но передъ людьми скрывать его, во избѣжаніе ихъ презрѣнія. Это, можетъ-быть, и правда, однакожъ что-то отзывается іезуитизмомъ. Но вотъ идеи, которыя кажутся мнѣ безукоризненно вѣрными: разсуждая объ одномъ государственномъ человѣкѣ, котораго всѣ вообще почитали за геніальнаго, графъ де-Местръ сказалъ, что «онъ съ своей стороны не очень вѣритъ въ его геніальность, потому что этотъ вельможа всегда окружалъ себя людьми вовсе посредственными, и если онъ дѣлалъ это для того, чтобъ лучше скрывать свои намѣренія и предположенія, то и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не впопадъ, потому что

нашимъ тайнамъ измѣняютъ большею частью не тѣ люди, которымъ мы повѣряемъ ихъ сами, но почти всегда тѣ, которые *о нихъ догадываются*.

Но пора мнѣ, по словамъ философа Сковороды,

Тщету отложити
Мудрости земныя
И въ мирѣ почити
Отъ злобы дневныя,

сирѣчь: идти на боковую, чтобъ завтра не опоздать на молитву.

27 Февраля, Среда. Идучи изъ церкви, встрѣтилъ Александру Васильевну П., которую такъ часто случалось мнѣ видать въ Москвѣ у тетки В. и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ. Тогда она была рѣзвою, веселою и милою дѣвушкою, но вскорѣ выдали ее замужъ за какого-то стараго и даже небогатаго полковника, и я потерялъ ее изъ виду. Теперь она овдовѣла и живетъ одна. Мы обрадовались другъ другу, потому что Петербургъ кажется и для нея чужою стороной. Лицо такое же ангельское, такая же свѣжесть, но чтò за толщина—Боже мой! Ходитъ переваливаясь и насилу двигаетъ ноги. Не понимаю, какъ женщина въ 22 года такъ отолстѣть можетъ. Звала къ себѣ, увѣряя, что всегда почти дòма и особенно по вечерамъ, но предупредила, что живетъ покамѣстъ небогато, въ небольшой квартирѣ на Сѣнной, и что лѣстница высокая и неопрятна. «Какъ быть», сказала она, «послѣ Московскаго простора и довольства пришлось здѣсь жить въ тѣснотѣ и нуждѣ». Все равно, пойду къ ней непремѣнно вспомнить старину. Правду сказать: и миловидна, удивительно какъ миловидна!

Дмитрій Моисѣевичъ Паглиновскій присылалъ за мною. Онъ что-то имѣетъ передать мнѣ отъ дяди А. Г. Рахманинова, отправившагося въ деревню. Вотъ и еще человѣкъ, пропавшій для службы: въ 27 лѣтъ, будучи штабсъ-ротмистромъ Конной Гвардіи и красавцемъ въ полномъ значеніи слова—вдругъ женился, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ степь на покой! Впрочемъ, со стороны судить объ этомъ мудрено: все дѣлается не безъ причины.

28 Февраля, Четвергъ. Былъ у Паглиновскаго. Важное дѣло сообщилъ онъ мнѣ отъ дяди: «Александръ Герасимычъ поручилъ мнѣ просить васъ навѣщать насъ какъ можно чаще». – «Только-то?» — «Больше ничего». Вотъ прямо добрый человѣкъ! Хотя шутка несовсѣмъ забавна, но доказываетъ привѣтливость почтеннаго Дмитрія Моисѣевича *). Разумѣется, что я не останусь у него въ долгу.

*) Д. М. Паглиновскій, правитель военной канцеляріи генералъ-адъютанта графа Ливена, завѣдывавшаго военными дѣлами при особѣ Государя, былъ человѣкъ отличныхъ

При мнѣ пріѣзжалъ къ нему В. П. Кокушкинъ по какому-то дѣлу. Этотъ Кокушкинъ былъ въ свое время довольно значительнымъ персонажемъ, потому что пользовался благосклонностью канцлера князя Безбородки, при которомъ считался на службѣ. Я говорю: считался, потому что, какъ мнѣ сказывали, онъ по натурѣ своей служить не могъ, какъ служатъ другіе, ибо едва-едва зналъ грамотѣ и дѣлать ничего не умѣлъ; но за то, при добромъ сердцѣ, веселомъ нравѣ, испытанной честности и прекрасномъ наслѣдственномъ состояніи, онъ обладалъ драгоцѣннымъ для того времени даромъ *учрежденія пировъ*, и кромѣ того, что любилъ самъ попить и погулять, считался мастеромъ потчивать другихъ. Эти достоинства доставили ему почетное званіе распорядителя Аѳинскихъ вечеровъ князя Безбородки. Не должно, однакожъ, думать, чтобъ добрый и благородный Василій Петровичъ былъ большой знатокъ въ напиткахъ—отнюдь нѣтъ, и преданіе гласитъ, что, не смотря на всѣ его притязанія на званіе знатока въ винахъ, геніальный канцлеръ доказалъ ему, какъ дважды два—четыре, что онъ о вкусахъ въ винѣ не имѣетъ никакого понятія, и вотъ какимъ образомъ: приказавъ своему метръ-д'отелю, во время одного званаго обѣда, обнести гостей простымъ Бордоскимъ виномъ, придавъ ему названіе стараго *аква-марина*, въ винодѣліи несуществующаго, князь Безбородко, обратясь къ Кокушкину, спросилъ его: «А каково винцо' Василій Петровичъ?»—«Подлинно отличное», отвѣчалъ онъ, «отъ роду такого *аква-марина* не пивалъ: хорошо бы еще рюмочку!» Разумѣется,

---

качествъ ума и сердца. При той значительности, которою онъ пользовался, по чрезвычайно важному своему мѣсту, при тѣхъ близкихъ сношеніяхъ съ первыми людьми государственными тогдашняго времени, которыя давали ему право на нѣкоторое предпочтеніе передъ другими, онъ былъ не только неспѣсивъ и незаносчивъ, но, напротивъ, скроменъ, снисходителенъ, вѣжливъ и безкорыстно услужливъ до невѣроятной степени. По назначеніи графа Аракчеева министромъ военныхъ силъ, канцелярія графа Ливена была упразднена, и Паглиновскій поступилъ правителемъ же канцеляріи къ новому министру, котораго благосклонностью и уваженіемъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ. Но всемогущая сила обстоятельствъ измѣнила служебное поприще этого достойнаго человѣка: онъ былъ долго въ отставкѣ, потомъ опять вступилъ въ службу и умеръ совѣтникомъ Ассигнаціоннаго Банка.

Паглиновскій и дядя мой Рахманиновъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ Бахметевыхъ, и я познакомился съ первымъ въ домѣ послѣдняго. Иногда съ нимъ бывали очень забавные случаи; такъ, напримѣръ, одинъ служивый, будучи огорченъ отказомъ, сдѣланнымъ ему вслѣдствіе резолюціи графа Ливена, и вообразивъ, что резолюція эта послѣдовала потому только, что Паглиновскій не захотѣлъ принять участія въ его просьбѣ, попотчивалъ его на прощаньѣ слѣдующимъ двустишіемъ:

„Не Дмитрій ты Донской, не Дмитрій ты Ростовскій,
А Дмитрій ты простой, лишь Дмитрій Паглиновскій!"

Позднѣйшее примѣчаніе.

взрывъ общей веселости обнаружилъ мистификацію. По смерти князя, Кокушкинъ остался вѣренъ своей привязанности къ фамиліи Безбородки и считается домашнимъ человѣкомъ у брата канцлера, графа Ильи Андреевича Безбородки, который въ настоящее время служитъ обществу въ почетномъ званіи здѣшняго совѣстнаго судьи и столько же извѣстенъ добротою души своей, сколько и неимовѣрнымъ своимъ богатствомъ.

Вотъ что̀ за человѣкъ Василій Петровичъ. Теперь онъ лишился бо́льшей части своего состоянія, сталъ старѣе и хотя не съ такою уже побѣдною бодростью можетъ выходить изъ турнира съ современными героями попоекъ, но попрежнему любитъ пиры и браги. Знакомство его чрезвычайно-обширно, и онъ въ кругу здѣшнихъ знатныхъ и богатыхъ негоціантовъ катается, какъ сыръ въ маслѣ, и едва ли кто изъ нихъ рѣшится снарядить обѣдъ или дать веселую вечеринку, не пригласивъ раздѣлить ихъ Василья Петровича; словомъ, онъ любезный всѣмъ гость и пріятный для всѣхъ собесѣдникъ.

1 Марта, Пятница. Надобно исповѣдываться, а я еще не пріискалъ себѣ духовника: надлежало бы подумать о томъ заранѣе. Теперь не́чего дѣлать: пойду къ отцу Григорію Вознесенскому, благо съ нимъ знако̀мъ. Благослови Господь!

2 Марта, Субота. Наконецъ Богъ привелъ причаститься Святыхъ Тайнъ, и на душѣ какъ-то легче стало. Причастниковъ у ранней обѣдни было множество и въ томъ числѣ нѣсколько знакомыхъ. Ямпольскій сказывалъ, что мнѣ хотятъ дать какую-то немаловажную работу, или къ кому-то прикомандировать по одному дѣлу для переводовъ. Дай-то Богъ, потому что вотъ три мѣсяца, какъ рѣшительно ничего не дѣлаю и только толкую о Троянской войнѣ. Пожалуй, домашніе скажутъ, что за этимъ не стоило ѣздить въ Петербургъ.

Александръ Львовичъ Нарышкинъ сегодня отправляется въ Москву. Говорятъ, что тамъ открылись безпорядки по театру, и чуть ли не будетъ назначенъ новый директоръ.

Государь причащаться изволилъ со всею императорскою фамиліею, и по сему случаю, изъ экономіи Государя, доставлено оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ къ губернатору 2,000 рублей на выкупъ нѣсколькихъ самобѣднѣйшихъ отцовъ семействъ, содержащихся за долги. Харламовъ, которому Пасевьевъ поручилъ исполнить безъ всякой огласки это доброе дѣло, сказывалъ, что такъ дѣлается всякій годъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ"

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. Кокорева.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № $^{16}/_{17}$, и въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

Вышла XXXVII книга.

Складъ изданія въ Петербургѣ, Моховая, д. 8-й. Цѣна 3 рубля.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ, т. е. **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для Германіи—**одиннадцать рублей**; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ. Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**

29-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891

4.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1891.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

X.

Значеніе Французской революціи для Россіи.—Отношеніе къ ней Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны.—Смерть принцессы Елисаветы.—Отношенія великокняжеской четы къ Пруссіи.—Мамоновъ, Зубовъ, Потемкинъ.—Принцъ Карлъ Виртембергскій.—Кончина Потемкина.—Причины разлада между Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной.—Нелидова и Плещеевъ.—Новое настроеніе великокняжескаго двора и тяжелое положеніе Маріи Ѳеодоровны.—Великая княжна Ольга Павловна.

Французская революція, составившая эпоху въ Западно-Европейской исторіи, имѣла большое значеніе и для Россіи, хотя, при несходствѣ между Русскими и Европейскими началами жизни, значеніе это было по преимуществу отрицательнымъ. Революціонная эпоха не внесла, да и не могла внести, въ Русскую жизнь ничего новаго, что̀ сдѣлалось бы ея достояніемъ, а между тѣмъ на долгое время помѣшала внутренней, созидательной работѣ Россіи и направила ея силы къ достиженію цѣлей, чуждыхъ ея прямымъ выгодамъ. Для поддержанія монархическаго начала и водворенія порядка въ Европѣ Россія начала̀ рядъ безполезныхъ войнъ, которыя стоили ей чрезвычайно дорого, а повели только къ возсозданію Польши и усиленію Англіи и Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во внутренней жизни Россіи, революціонныя бури отозвались крайнимъ развитіемъ чиновничьей централизаціи, установленіемъ государственной опеки надъ самыми мелкими проявленіями народной самодѣятельности и рѣзкимъ преобладаніемъ военныхъ нача̀лъ въ государственномъ управленіи. На ряду съ этимъ въ высшемъ обществѣ и среди правящихъ людей становится замѣтнымъ отсутствіе народнаго самосознанія. Представители образованнаго дворянства не видѣли ни Русской науки, ни Русской словесности, въ то время еще нарождавшихся, ничего такого, что̀ для книжнаго человѣка является знаменемъ народности; недоставало для нихъ и живаго общенія съ народомъ, близкаго, освѣжающаго знакомства съ міромъ его думъ и преданій. Просвѣщеніе для Русскаго человѣка было доступно не на почвѣ народности, а только подъ Европейской маркой, подъ Французскимъ, Нѣмецкимъ или Англійскимъ угломъ зрѣнія. Воспитанные по преимуществу иностранцами и часто даже за границей, Русскіе образованные люди конца XVIII и начала XIX в. смотрѣли на свое отечество съ

космополитической точки зрѣнія и, подобно своимъ учителямъ, видѣли въ немъ лишь одно огромное политическое тѣло безъ души, вдохнуть которую должна была Европа въ лицѣ той или другой излюбленной нашими псевдо-европейцами національности. Для такихъ людей революція была откровеніемъ: одни изъ нихъ, плѣняясь свѣтлыми сторонами строя, созданнаго революціей, стремились искусственно привить ихъ къ Русской жизни, не стѣсняясь средствами, тогда какъ другіе, напуганные торжествомъ разрушительныхъ началъ въ Европѣ, тщательно отыскивали признаки революціоннаго духа и въ Россіи и, въ своемъ ослѣпленіи, считали опаснымъ всякое проявленіе общественной самодѣятельности. Этимъ настроеніемъ высшихъ слоевъ нашего общества въ критическій періодъ развитія Русскаго самосознанія объясняется радушный пріемъ, который находили въ Россіи иностранцы съ самыми разнообразными нравственными физіономіями, являвшіеся съ одной главною цѣлью — искать на чужбинѣ счастья, которое не далось имъ на родинѣ. Всѣ эти выходцы находили себѣ въ Петербургѣ и подходящее общество, и сильныхъ покровителей. Сначала перевѣсъ имѣли Французы, большей частью какъ мимолетные гости; но затѣмъ, подъ вліяніемъ борьбы Россіи съ «мятежной» и «развратной» Франціей, особенное значеніе пріобрѣли въ Россіи Нѣмцы. Хотя Германія отстаивала отъ Французовъ только свою независимость, въ чемъ Россія усердно помогала ей, но на Нѣмцевъ, въ особенности на Нѣмецкихъ экзерцицмейстеровъ, стали смотрѣть, какъ на защитниковъ порядка и законности, и они, дѣйствуя рука объ руку съ Русскими людьми, воспитавшимися подъ вліяніемъ Прусскихъ военныхъ обрядовъ, и пополняя свои ряды Остзейскими дворянами, заняли выдающееся положеніе въ Русской арміи и управленіи. Этому ихъ успѣху много содѣйствовало впослѣдствіи впечатлѣніе, произведенное бунтомъ Декабристовъ, изъ которыхъ многіе принадлежали къ высшей Русской знати.

Уже при самомъ началѣ революціи въ Русскіе предѣлы двинулись толпы Французскихъ выходцевъ, надѣявшихся на гостепріимство Екатерины. Въ скоромъ времени Петербургскія гостиныя представили собою любопытное зрѣлище: въ нихъ придворные кавалеры и дамы Людовика XVI и Маріи Антуанеты встрѣчались съ Швейцарцами и Французами республиканскаго образа мыслей, во главѣ которыхъ стоялъ Лагарпъ, воспитатель будущаго наслѣдника Русскаго престола. Напряженно прислушиваясь къ шуму совершавшихся во Франціи событій, одни каждый успѣхъ революціоннаго движенія встрѣчали криками ужаса и негодованія, другіе — съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ самъ любимый внукъ

Екатерины, великій князь Александръ Павловичъ, повторявшій уроки Лагарпа въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи вѣнценосной бабушки. Впрочемъ событія шли съ такою поразительною быстротою, что Петербургскіе республиканцы вынуждены были въ скоромъ времени замолчать: каждая вновь прибывавшая въ Петербургъ волна эмигрантовъ сообщала все болѣе и болѣе возмущавшія человѣческое чувство подробности о дѣйствіяхъ новаго правительства, о скорбномъ положеніи королевской семьи, о ничѣмъ не сдержанномъ проявленіи дикихъ, звѣрскихъ свойствъ уличной черни. Императрица торжественно отказалась признать законность новаго порядка вещей, установившагося во Франціи, принудила къ тому же всѣхъ Французовъ, пожелавшихъ остаться въ Россіи, и осыпала знаками своего благоволенія эмигрировавшихъ въ Россію представителей Французскаго дворянства и духовенства: гр. Эстергази, Шуазеля-Гуфье, Ламберта и др. Этимъ отношеніемъ Екатерины къ жертвамъ революціи вызванъ новый приливъ къ намъ бѣжавшихъ изъ своего отечества Французовъ, которымъ не сладко жилось ни въ Англіи, ни въ Германіи, куда они направились первоначально. Въ концѣ концовъ, съ развитіемъ террора, искали убѣжища въ Россіи, кромѣ дворянъ и духовныхъ, Французы и низшихъ классовъ общества; между ними оказывались даже республиканцы, умѣвшіе скрывать въ новомъ отечествѣ свои убѣжденія. Изъ республиканцевъ этихъ обращають на себя вниманіе Дюгуръ, бывшій секретарь Робеспьера, ставшій впослѣдствіи ректоромъ Петербургскаго университета, и братъ Марата, принявшій фамилію де-Будри; оба, подобно многимъ другимъ своимъ соотечественникамъ, посвятили себя въ Россіи педагогическому поприщу.

Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна также сочувственно относились къ эмигрантамъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыхъ изъ нихъ великокняжеская чета знала еще со времени путешествія своего во Францію, а другіе являлись къ ней съ рекомендательными письмами отъ родителей Маріи Θеодоровны. Многіе эмигранты сдѣлались частыми посѣтителями великокняжескаго двора. Но изъ бесѣдъ съ ними Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна не могли получить понятія объ истинныхъ причинахъ революціи, вызванной главнѣйше самимъ же Французскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, упорно отстаивавшими до наступленія революціи свои тяжкія для другихъ сословій средневѣковыя права и привиллегіи и пользовались слабохарактерностію Людовика XVI, чтобы мѣшать каждой попыткѣ преобразованія въ этомъ направленіи. Ужасы кровавыхъ сценъ, происходившихъ повсемѣстно во Франціи торжество невѣрія и общественнаго разврата, вся грязь, принадлежа-

щая подонкамъ общества и всплывающая кверху при каждомъ потрясеніи общественнаго организма—исключительно останавливали на себѣ вниманіе Цесаревича и его супруги и заставляли ихъ смотрѣть по преимуществу съ нравственной точки зрѣнія на событія, вызванныя политическими и экономическими причинами: Павелъ Петровичъ считалъ революцію послѣдствіемъ того же зла, которое возмущало его въ самой Россіи и противъ котораго онъ безсиленъ былъ бороться—послѣдствіемъ вліянія матеріалистической философіи и распущенности нравовъ. Сама Екатерина, пораженная ходомъ Французскихъ событій, во многомъ измѣнила свой образъ мыслей, и Цесаревичъ съ тайнымъ самоудовлетвореніемъ могъ видѣть, что ея мнѣнія часто были лишь отзвукомъ его давнихъ убѣжденій [1]). Но государственный умъ Екатерины спасалъ ее отъ крайностей, въ которыя впадалъ нервный, впечатлительный ея сынъ. Разсказы и внушенія эмигрантовъ служили, по его мнѣнію, новымъ подтвержденіемъ вѣрности его теорій о необходимости военнаго управленія государствомъ, и Гатчинскія экзерциціи получили въ его глазахъ новый смыслъ и значеніе. Въ соотвѣтствіе этому, все чаще и чаще проявлялись суровость, раздражительность и мелочность неуравновѣшеннаго характера Павла, въ которомъ уже трудно было узнать живаго, любезнаго и остроумнаго великаго князя, привлекавшаго къ себѣ всеобщее сочувствіе десять лѣтъ тому назадъ во время путешествія его по Западной Европѣ. Даже приверженцамъ Павла казалось, что вліяніе на него эмигрантовъ можетъ имѣть лишь дурныя послѣдствія. Говоря объ агентѣ Французскихъ принцевъ, Эстергази, Растопчинъ, бывшій тогда камергеромъ при великокняжескомъ дворѣ, писалъ Воронцову: «Вы увидите впослѣдствіи, сколько вреда надѣлало пребываніе Эстергази; онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзною лозой, что Государь-Наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно, что о насиліяхъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ бы постыдился всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія и проч.» [2])

На Марію Ѳеодоровну Французскій переворотъ произвелъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что отъ него пострадало много лицъ, связанныхъ

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго, 17 Октября 1790 г., стр. 347. „Разговоръ о дѣвкахъ театральныхъ. Отчего погибла Франція qu'on tombe dans la crapule et les vices; опера-буффа всѣхъ перепортила. Je crois que les gouvernantes de vos filles sont des maquerelles. Смотрите за нравами!“ Еще ранѣе, въ 1782 г., смуты въ Женевѣ объясняла она вліяніемъ сочиненій Вольтера и Руссо. См. VI главу нашего труда.

[2]) Архивъ Князя Воронцова, VIII, 67.

съ нею узами дружбы и уваженія. Коротко познакомившись съ членами дома Бурбоновъ въ бытность свою въ Парижѣ, великая княгиня удивлялась твердости духа и достоинству, съ которыми переносила свое несчастіе Марія-Антуанета, скорбѣла о несчастіяхъ принцессъ дома Кондѐ и, возмущаясь поведеніемъ Филиппа, герцога Орлеанскаго, (ставшаго въ ряды революціонеровъ подъ именемъ Эгалитѐ), дрожала при мысли объ участи добродѣтельной жены и дѣтей его, оставшихся во власти республиканцевъ. Послѣ того, какъ казнили Людовика XVI, она писала графу Н. П. Румянцову: «Страшная катастрофа, происшедшая во Франціи, оледенила насъ ужасомъ; и дѣйствительно есть отчего лишиться хорошаго настроенія духа и погрузиться въ глубокую печаль. Послѣдствія движенія во Франціи кажутся мнѣ неисчислимыми. Трепещу за королеву. Несчастіе, которое преслѣдуетъ ее, привязываетъ меня къ ней; ея твердость, мужество, внушаютъ мнѣ къ ней особенное участіе. Знаете ли, мой добрый графъ, что все, происходящее теперь въ Европѣ, во многомъ напоминаетъ тѣ времена, о которыхъ намъ предсказано въ Священномъ Писаніи? Несомнѣнно одно, что событія конца этого вѣка заставляютъ сожалѣть о томъ, что мы не живемъ въ болѣе раннее время» [3]). Глубоко сожалѣя о жертвахъ революціи, Марія Өеодоровна страдала и за свою Монбельярскую семью, благосостояніе которой также было уничтожено Французскимъ погромомъ. Волненія въ сосѣдней Франціи отозвались и въ маленькомъ Монбельярскомъ графствѣ, населенномъ почти сплошь Французами. Вооруженныя толпы народа, предводимыя «адвокатами», врывались въ графство, производили въ немъ безпорядки, сажали въ разныхъ мѣстахъ «деревья вольности» и, наконецъ, встрѣтивъ поддержку въ самомъ населеніи, побудили родителей Маріи Өеодоровны навсегда уѣхать изъ Монбельяра и поселиться временно въ Базелѣ [4]). Покинувъ край, гдѣ они мирно прожили 20 лѣтъ, родители Маріи Өеодоровны вмѣстѣ съ тѣмъ понесли большія потери и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, послѣ насильственнаго присоединенія Монбельяра къ Франціи, они не получили никакого вознагражденія за всѣ расходы по постройкѣ и украшенію Этюпа [5]). Мало того, Этюпъ и многія другія мѣста, съ которыми связаны были самыя дорогія чувства и воспоминанія Маріи Өеодоровны, подверглись варварскому опустошенію со стороны республиканцевъ; не пощажены были даже могилы принцевъ Монбельярскихъ и г-жи Боркъ,

---

[3]) Госуд. Арх., V, 184. Письмо Екатерины къ Маріи Өеодоровнѣ о казни королевы см. Рус. Ст. 1874, I, 42. [4]) Ephémérides du comté de Montbéliard, passim.—Письмо принца Фридриха-Евгенія къ Маріи Өеодоровнѣ. Рус. Ст., 1873, VIII, 877.—Ср. письма Екатерины къ Павлу Петровичу и Маріи Өеодоровнѣ по поводу событій въ Монбельярѣ, тамъ же, 882. [5]) См. II главу нашего труда. Stark, 106.

воспитательницы Маріи Ѳеодоровны [6]). Какъ всегда, и въ этомъ случаѣ Монбельярская семья обратилась чрезъ Марію Ѳеодоровну къ Екатеринѣ съ просьбой о заступничествѣ. Императрица, прервавшая уже сношенія съ Франціей, уклонилась, однако, отъ прямаго вмѣшательства въ дѣла́ Монбельяра. «Мои министры, моя дорогая дочь, отвѣчала она, давно знаютъ о расположеніи, которое я питаю къ вашимъ любезнымъ родственникамъ и ихъ семействамъ; но теперь уже не словесныя заявленія, а безъ сомнѣнія, только соединенныя войска королей Венгерскаго и Прусскаго могли бы дать дѣламъ другое направленіе и удержать Французовъ отъ продолженія злодѣйствъ, которыя постоянно умножаются» [7]). Принцъ Фридрихъ-Евгеній долженъ былъ снова возвратиться къ первоначальному своему положенію — Прусскаго генерала и получилъ мѣсто губернатора въ Байретѣ. Старшій братъ принца, владѣтельный герцогъ Виртембергскій, Карлъ-Евгеній, не забывшій сопротивленія, которое оказывали родители Маріи Ѳеодоровны браку его съ графифиней Гогенгеймъ, не оказывалъ имъ никакой поддержки; не лучше относился къ нимъ занявшій Виртембергскій престолъ по смерти Карла въ 1793 г. и второй братъ принца, Людвигъ-Евгеній, узаконенію дочерей котораго Монбельярская чета также въ свое время препятствовала по династическимъ соображеніямъ [8]). На Австрію, по смерти Іосифа II и эрцгерцогини Елисаветы, надѣяться также было нельзя. Поэтому, родители Маріи Ѳеодоровны, находясь въ весьма стѣсненномъ положеніи, могли ожидать помощи лишь отъ нея. Какъ велика была эта помощь въ финансовомъ отношеніи, трудно судить за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ; но нѣтъ сомнѣнія, что и на этотъ разъ Марія Ѳеодоровна сдѣлала́ все возможное для удовлетворенія нуждъ своихъ родителей, какъ ни скудны были для этой цѣли собственныя средства великокняжеской четы [9]).

---

[6]) Подробности разрушительныхъ дѣйствій Французскихъ республиканцевъ въ Монбельярскомъ графствѣ можно читать въ письмѣ одного изъ жителей Монбельяра, Дюверну, къ Маріи Ѳеодоровнѣ, хранящагося въ Маріинскомъ Архивѣ.

[7]) С. Р. И. О., XLII, 228.—Ср.: Schlossberger, стр. 210. Въ это время Австрія и Пруссія находились въ войнѣ съ Франціей.

[8]) Еще 19 (30) Января 1787 года Румянцовъ доносилъ Остерману, что „герцогъ (Карлъ-Евгеній), досадуя на непризнаніе извѣстнаго вашему сіятельству незаконнаго его супружества, старается умышленно породить въ братѣ своемъ, свѣтлѣйшемъ родителѣ ея императорскаго высочества, опасеніе, что съ нимъ готовъ дружество прервать и перекинуться въ сторону средняго своего брата, съ которымъ онъ, герцогъ, и принцъ Фридрихъ-Евгеній по днесь не въ большомъ жили согласіи; поелику сей принцъ, предавшись нѣкоему роду ханжества, обоихъ ихъ чуждался“. О принцѣ Людвигѣ см. I главу нашего труда.

[9]) Въ Архивѣ Павловскаго дворца сохранилась переписка, относящаяся къ 1789—1790 гг. о займѣ въ 225,000 цехиновъ, который Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна желали сдѣлать въ Женевѣ за поручительствомъ Сардинскаго короля. На просьбу великокняжеской четы король отвѣчалъ однако отказомъ, объясняя то собственными издержками вслѣдствіе бракосочетанія герцога Аостскаго и пребыванія при Сардинскомъ

Много огорченій доставили Маріи Θеодоровнѣ, въ это время, и думы о несчастіяхъ друга ея дѣтства, ея дорогой Ланель, г-жи Оберкирхъ. Она не покинула Франціи и все время террора прожила съ семьею въ Страсбургѣ; но хотя она и была посажена въ тюрьму вмѣстѣ съ другими лицами дворянскаго происхожденія, но паденіе Робеспьера спасло жизнь ей и ея семьѣ. Марія Θеодоровна въ теченіе всего этого времени не упускала изъ виду своей подруги, горько жаловалась окружавшимъ на ея неосмотрительность и, пользуясь посредствомъ матери, пересылала ей нѣжныя письма, иногда безъ подписи, чтобы обмануть бдительность республиканцевъ. Она не могла отказать себѣ въ потребности утѣшать свою Ланель даже въ то время, когда та находилась въ тюрьмѣ и когда сношенія съ нею были крайне затруднены. «Дорогая и добрая Ланъ, писала она. Пусть сердце ваше подскажетъ вамъ имя того, кто пишетъ вамъ эти строки. Вы стоили мнѣ много слезъ, много безпокойствъ; я чувствую всѣ утраты ваши, и вѣрьте мнѣ, моя дорогая, что я раздѣляла ихъ съ вами. Возблагодаримъ Бога и за то, что онъ сохранилъ жизнь вашу и вашего дорогаго ребенка. Будемъ надѣяться, что счастіе возвратится къ вамъ. Давайте мнѣ отъ времени до времени знать о себѣ чрезъ мою мать. Я не смѣю говорить подробнѣе. Разсчитывайте всегда на мои чувства, на мою дружбу, и будьте увѣрены, что подруга вашего дѣтства останется неизмѣнною для той, имя которой она не можетъ произнести безъ чувства глубокой нѣжности. Еще разъ крѣпко обнимаю васъ и ваше дорогое дитя» [10].

Годы 1789—1792 вообще были несчастными для Монбельярскаго семейства и для Маріи Θеодоровны: въ это время она потеряла послѣднюю сестру свою Елисавету, эрцгерцогиню Австрійскую, и лучшаго изъ братьевъ своихъ Карла, принимавшаго участіе во второй войнѣ Россіи съ Турціей. На устройство судьбы сестры и брата Марія Θеодоровна положила много заботъ, и они внезапно скончались въ то время, когда предъ ними открывалась широкая будущность. Умирали именно тѣ близкіе родные Маріи Θеодоровны, которые оказывались вполнѣ достойными попеченій своей любящей Русской сестры.

дворѣ зятя короля, графа д'Артуа, бѣжавшаго изъ Парижа, съ женой, семействомъ и со свитой. Сообщая объ этомъ отказѣ Павлу Петровичу, казначей его Николаи, въ письмѣ отъ 26 Апрѣля 1790 г., доносилъ, что онъ въ отчаяніи и не знаетъ, что́ дѣлать, а въ письмѣ отъ 27 Апрѣля съ недовѣріемъ относился къ мотивамъ отказа. Затруднительное положеніе Николаи, какъ видно изъ его писемъ, усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Марія Θеодоровна въ 1789 г. заняла у банкира Сутерланда 5000 р. на годъ, а между тѣмъ не могла уплатить въ срокъ этой суммы.

[10]) Oberkirch, изд. 1869 г., II, 343—348. Ср. письма Маріи Θеодоровны къ Моклеру, Stark, 106—107.

Принцесса Елисавета, пріѣхавъ въ Вѣну въ 1782 г., шесть лѣтъ прожила въ ней невѣстою эрцгерцога Франца, съ которымъ вступила въ супружество лишь 26 Декабря 1788 г. Эрцгерцогъ Францъ по качествамъ своимъ стоялъ гораздо ниже своей супруги: по единодушному отзыву всѣхъ современниковъ это былъ тупой, мелочный и малоразвитый человѣкъ съ боязливымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, легко поддававшійся вліянію женщинъ и монаховъ; скупость была впослѣдствіи господствующею его страстью. Даже внѣшность его не отвѣчала уже развившейся красотѣ принцессы: еще во время путешествія своего по Европѣ Марія Өеодоровна, какъ мы видѣли, писала Екатеринѣ о своемъ разочарованіи при видѣ малорослаго эрцгерцога, жениха своей сестры. Неудивительно поэтому, что принцесса Елисавета не могла быть счастлива въ своемъ политическомъ бракѣ; но въ тоже время она успѣла пріобрѣсти любовь и уваженіе Вѣнскаго общества и въ особенности самаго императора Іосифа II. Принцесса Елисавета умерла внезапно отъ родовъ 7 Февраля 1790 г., давъ жизнь малолѣтней принцессѣ. Спустя нѣсколько дней (9 Февраля) скончался и Іосифъ II, уже обреченный въ то время смерти (здоровье его было жестоко потрясено неуспѣхомъ преобразовательныхъ его начинаній и неудачей Австрійскихъ войскъ въ войнѣ съ Турками, которую велъ онъ, какъ союзникъ Россіи). Кончина принцессы Елисаветы произвела на него тяжелое впечатлѣніе и окончательно подорвала его силы. Дочь эрцгерцога Франца и принцессы Елисаветы, также пожила недолго и умерла на второмъ году возраста [11]). Трудно передать впечатлѣніе произведенное смертью сестры на Марію Өеодоровну. «Вчера ввечеру, записалъ Храповицкій 24 Февраля, получено извѣстіе о кончинѣ эрцгерцогини Австрійской Елисаветы. Она была очень привязана къ императору. Какъ стали его причащать, то за три недѣли до срока начала она мучиться: вынули ребенка инструментомъ. Эта принцесса и жива, но мать на другой день умерла отъ апоплексіи. Наша великая княгиня говоритъ: «le même sort m'attend». «Правда» (отозвалась Екатерина) послѣ Елены Павловны при двухъ родахъ умирала». Смерть императора близка. Вся Вѣна въ уныніи. L'ambassadeur est inconsolable. Ея величество печальна и все сіе мнѣ сказывать изволила». «Мы теперь, писалъ Лафермьеръ 3 Марта, въ траурѣ и въ уныніи. Бѣдная

---

[11]) Schlossberger, 138—139. Когда Іосифу сообщили о смерти принцессы Елисаветы, онъ вскричалъ: „Fiat voluntas Tua! Dein Wille geschehe! Auch was ich dulde, ist unbeschreiblich! Ich meinte, ich wäre bereit alle Töde zu ertragen, die es Gott gefallen möchte mir zu senden; aber dieses fürchterliche Unglück übersteigt alles, was ich jemals gelitten habe". Взявъ на руки новорожденную, Іосифъ заплакалъ и сказалъ: „Schönes Kind, wahres Bild deiner tugendhaften Mutter. Doch tragt sie fort; die Stunde meiner Auflösung ist nahe".

великая княгиня была жестоко поражена непредвидѣнной потерей и дрожитъ за послѣдствія этого ужаснаго событія по отношенію къ своей матери, которая въ теченіе 24-хъ часовъ получитъ одно за другимъ два извѣстія: о счастливомъ разрѣшеніи дочери отъ бремени и объ ея смерти [12]). Эта несчастная эрцгерцогиня была жертвою своей чувствительности, и очевидно смерть ея должно приписывать волненію и скорби, связаннымъ съ ея положеніемъ» [13]). Любовь къ сестрѣ Марія Ѳеодоровна перенесла на ея дочь, но уже 5 Іюля 1791 г. она извѣщала Румянцова о смерти своей племянницы-младенца. «Думая только о себѣ, писала она, я желала бы сохраненія этого дорогаго ребенка; но для него самого, мнѣ кажется, есть счастіе умереть, не испытавъ скорби видѣть себя лишеннымъ матери. Теперь онѣ дочь и мать соединились и навѣрно наслаждаются блаженствомъ.... Однако мысль, что отъ бѣдной сестры Елисаветы не осталось ничего, къ чему можно было бы привязаться, ничего, что̀ напоминало бы о ней, -- разрываетъ мнѣ душу, потому, что пока жила моя племянница, я думала, что въ ней оживаетъ моя сестра. Увы, я лишена теперь и этого утѣшенія»! [14])

Въ политическомъ отношеніи смерть принцессы Елисаветы имѣла для Россіи то значеніе, что вмѣстѣ съ нею нарушено было равновѣсіе, которое могло, по крайней мѣрѣ со временемъ, установиться въ отношеніяхъ между Россіей съ одной стороны и Пруссіей и Австріей съ другой: исчезла связь, соединявшая Русскій царствующій домъ съ полуславянской Австріей, и Прусскимъ симпатіямъ суждено было укореняться при Русскомъ дворѣ, не встрѣчая уже ни откуда отпора. Мысль Екатерины о замѣнѣ Прусскаго союза Австрійскимъ должна была поэтому встрѣтить въ будущемъ неодолимыя препятствія. За пять мѣсяцевъ до кончины Іосифа II и принцессы Елисаветы, Екатерина писала Потемкину: «Каковы бы Цесарцы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели *Прусская*, которая совокупленно сопряжена со всѣмъ съ тѣмъ, что̀ въ свѣтѣ можетъ только быть придумано пакостнаго и несноснаго. Дорогой другъ мой, я говорю это по опыту; я, къ несчастію, весьма близко видѣла это ярмо, и вы были свидѣтель, что я была внѣ себя отъ радости, лишь только увидѣла маленькую надежду на исходъ изъ этого положенія» [15]). Между тѣмъ, по отзыву Безбородко, въ 1788 году «хотя Императрица и не склонна была къ Прусской системѣ, но мень-

---

[12]) Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Письма эрцгерцога Франца отъ 17 и 18 Февраля къ принцессѣ Софіи-Доротеѣ у Schlossberger'а, стр. 136—138.

[13]) Архивъ Князя Воронцова XXIX, 274.

[14]) Госуд. Арх., V, 182. [15]) Сб. Р. И. О., XLII, 42.

шой дворъ въ рукахъ тамъ совершенно». Даже тогдашній любимецъ Екатерины графъ А. М. Мамоновъ не чуждъ былъ наклонности дѣйствовать въ пользу Пруссіи, и вѣроятно благодаря этому образу своихъ дѣйствій, онъ былъ единственнымъ изъ любимцевъ Екатерины, которому великокняжеская чета показывала явные знаки своего благоволенія. «Я не забочусь, писалъ Безбородко послѣ его отставки въ 1789 г., о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично, но жалѣю безмѣрно о пакостяхъ, отъ него въ дѣлахъ происшедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобы только мнѣ причинять досады. Государыня видѣла съ нами, что Рибопьеръ, его искренній другъ, продавалъ и его, и насъ Пруссакамъ и что Келлеръ чрезъ него дѣйствовалъ на изгнаніе насъ изъ министерства. Расшифрованныя депеши Прусскія служили намъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, что насъ купить нельзя; онѣ тѣмъ наполнены были, что и мы однѣхъ мыслей съ Государынею, и ей тутъ-то всѣ брани и непристойности приписаны. Все сіе перенесено было великодушно, а мы только были жертвою» [16]). Есть указаніе, что и въ это время великокняжеская чета не прекращала сношеній своихъ съ Пруссіей по дѣламъ политическимъ [17]), хотя о характерѣ этихъ сношеній пока трудно сказать что-либо опредѣленное: при всемъ сочувствіи Павла Петровича къ Пруссіи, едва ли могъ онъ одобрить враждебное, угрожающее положеніе, которое приняла она въ то время къ Россіи, у которой тогда шла война со Шведами и Турками. Разумѣется, онъ въ душѣ обвинялъ мать, предпочитавшую Австрійскій союзъ Прусскому; но вмѣстѣ съ тѣмъ, поведеніе Пруссіи въ критическій моментъ, переживаемый Россіею, должно было ясно показать рыцарскому Цесаревичу, что ни родственныя отношенія, ни отвлеченные принципы не помѣшаютъ Пруссіи, если того потребуютъ ея выгоды, превратиться въ лютаго врага его отечества. Быть можетъ, съ этого времени началось охлажденіе къ ней Павла, усилившееся впослѣдствіи при картинѣ заигрываній Пруссаковъ съ Французскими республиканцами, вызванныхъ надеждою Прусскаго правительства получить съ Французскою помощью преобладаніе въ Германіи. Въ 1790 г., когда у насъ со дня на день

---

[16]) Арх. Князя Воронцова, XIII, 163. Г. Иконниковъ въ своей рецензіи на трудъ Д. Ѳ. Кобеко заявилъ основательную догадку, что самая отставка Мамонова имѣла нѣкоторую связь съ отношеніями его къ Пруссакамъ. Сынъ Рибопьера, гр. А. И. Рибопьеръ, отозвался объ отношеніяхъ Мамонова къ великокняжеской четѣ: „Мамоновъ былъ единственнымъ любимцемъ Екатерины, который съумѣлъ тактомъ своимъ снискать благоволеніе Павла Петровича". Р. А. 1877, I, 467.

[17]) Мар. Арх., св. 103. Régistre etc. № 42: „Письма графа Гольца къ графу Нессельроде и копіи съ двухъ писемъ къ сему послѣднему отъ покойнаго государя-императора (Павла I), списанныя собственныя руки супруги его 1789 г.".

ожидали разрыва съ Пруссіею, Павелъ Петровичъ очень страдалъ. Онъ заболѣлъ; но, по словамъ современника, «здоровье его разстроилъ не одинъ физическій припадокъ, происшедшій отъ простуды, но къ оному присовокупился и нравственный, навлеченный угроженіемъ Прусской войны» [18]). Безъ сомнѣнія, Павелъ долженъ былъ сознавать, что, ожидая войны съ Пруссіей, Русскіе люди смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ, какъ на завѣдомаго ея сторонника. Съ другой стороны Пруссаки усиливали это предубѣжденіе, ловко направляя въ свою пользу и во вредъ Россіи давнія симпатіи къ себѣ Цесаревича. Одною изъ причинъ, побудившихъ Англію въ то время стать на сторону Пруссіи, было убѣжденіе, шедшее изъ Берлина, что Екатеринѣ осталось недолго жить и что ея преемникъ такой же Пруссакъ, какимъ былъ Петръ III. Сообщая объ этомъ брату, нашъ посланникъ въ Лондонѣ графъ С. Р. Воронцовъ прибавлялъ: «Вотъ къ чему приводитъ насъ непростительная небрежность Императрицы, которая не позаботилась о выборѣ окружающихъ для своего сына и оставила его укрѣпляться въ Прусской системѣ» [19]). Графъ Воронцовъ, очевидно, не зналъ, что измѣнить чувства Павла Петровича могла не Екатерина, а лишь горькій опытъ. Нельзя однако предполагать, чтобы Императрица не выражала сыну своего неудовольствія по поводу его образа мыслей и дѣйствій. Можно догадываться, что неудовольствіе свое она давала чувствовать и Маріи Ѳеодоровнѣ, которая оказывала знаки вниманія Мамонову. Однажды Мамоновъ, въ присутствіи Маріи Ѳеодоровны, поднесъ Екатеринѣ купленныя ею серьги. Императрица, увидѣвъ, что онѣ понравились Маріи Ѳеодоровнѣ, подарила ихъ ей. Послѣ того великая княгиня пригласила Мамонова къ себѣ на обѣдъ; но Государыня осталась крайне недовольна этимъ и сказала своему любимцу: «И ты! Къ великой княгинѣ? Зачѣмъ? Ни подъ какимъ видомъ! Какъ она смѣла тебя звать?» Послѣ этого, призвавъ графа Мусина-Пушкина, Екатерина приказала ему: «Поди тотчасъ къ великой княгинѣ; скажи, какъ она смѣла звать Александра Матвѣевича къ себѣ? Зачѣмъ? Чтобы впредъ этого не было». Марія Ѳеодоровна до такой степени поражена была гнѣвомъ Екатерины, что заболѣла. Когда, вслѣдъ затѣмъ, Мамонову прислана была отъ великаго князя табакерка, то Государыня, посмотрѣвъ ее, сказала: «ну, теперь ты можешь идти благодарить великаго князя, но съ гр. Валентиномъ Платоновичемъ, не одинъ». Однако Павелъ Петровичъ отказался отъ принятія этого визита. Весьма недовольна также осталась Екатерина, заставъ при выходѣ своемъ къ лицамъ, ожидавшимъ ее въ уборной,

---

[18]) Гарновскій, 9 Октября 1790 г., Р. Ст., XVI, 438.
[19]) Арх. Кн. Воронцова, IX, 165.

Мамонова въ разговорахъ съ великой княгиней [20]). Современники объясняли это недовольство исключительно ревностію и досадой; но возможно предположить также, что, зная изъ перлюстраціи о попыткахъ Пруссаковъ дѣйствовать на Мамонова, Екатерина давала совсѣмъ иное, политическое значеніе вниманію Маріи Ѳеодоровны къ Мамонову и желала мѣшать его сношеніямъ съ малымъ дворомъ. Неизвѣстно также, какъ понимала гнѣвъ Императрицы сама великокняжеская чета. Зная о сношеніяхъ Мамонова съ Прусскимъ посланникомъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна могли подозрѣвать, что о томъ же сдѣлалось извѣстно и Екатеринѣ. Удаленіе Мамонова отъ двора для великокняжеской четы, во всякомъ случаѣ, имѣло непріятныя послѣдствія, такъ какъ повлекло за собою возвышеніе любимца, П. А. Зубова, который, какъ мы уже видѣли, еще такъ недавно, будучи простымъ гвардейскимъ офицеромъ, едва не былъ уволенъ отъ службы, по настоянію Павла Петровича, по самому ничтожному поводу, и теперь, пользуясь полнымъ довѣріемъ Екатерины, мстилъ Цесаревичу, какъ истинный выскочка въ худшемъ смыслѣ этого слова, мелочными уколами его самолюбію. Для Павла Петровича это было тѣмъ болѣе тяжело, что новый любимецъ получилъ вскорѣ особенное значеніе, благодаря внезапной кончинѣ Потемкина и ослабленію энергіи въ состарѣвшейся Императрицѣ.

Отношенія Потемкина къ великокняжеской четѣ съ выгодной стороны рисуютъ характеръ этого замѣчательнаго человѣка. Поднявшись на недосягаемую для другихъ высоту, будучи даже, насколько можно судить по вновь открытымъ даннымъ, тайнымъ супругомъ царствующей Императрицы [21]), Потемкинъ хотя и раздѣлялъ мнѣніе Екатерины о неспособности Павла Петровича къ управленію государствомъ и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ устраненію Цесаревича отъ дѣлъ, но въ тоже время никогда не позволялъ себѣ въ своихъ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ выходить изъ границъ уваженія и почтенія, какія подданный долженъ оказывать признанному наслѣднику престола и его супругѣ. Мало того, онъ относился съ полнымъ вниманіемъ ко всѣмъ обращеннымъ къ нему желаніямъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Въ послѣдніе годы своей жизни, когда разладъ между Императрицей и ея сыномъ уже вполнѣ обозначился и быть въ милости у Павла значило навлечь на себя немилость Екате-

---

[20]) Гарновскій, Рус. Стр. XV, 17, XVI, 233.

[21]) *Кобеко,* 361—362. Совершеніе брака авторъ относитъ, согласно разсказу Кастера, къ 1784 г., году смерти Ланскаго. Е. Ш.—Намъ сдается, что ровно за девять лѣтъ ранѣе, именно осенью 1774 года, по усмиреніи пугачевщины и передъ отъѣздомъ въ Москву. Бракосочетаніе происходило въ Петербургѣ въ церкви Самсонія на Выборгской сторонѣ. П. Б.

рины, Потемкинъ не измѣнилъ своего отношенія къ великокняжеской четѣ: мы уже видѣли, что къ нему обращалась она съ просьбою ходатайствовать объ оставленіи молодыхъ великихъ князей въ Петербургѣ во время ея путешествія въ Крымъ, и онъ же, если вѣрить преданію, помогалъ иногда Павлу Петровичу въ его денежныхъ затрудненіяхъ [22]).

Особливо должна была дорожить своими отношеніями къ всемогущему вельможѣ Марія Ѳеодоровна, такъ какъ преимущественно отъ Потемкина зависѣла участь ея братьевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію на службу и находившихся подъ его начальствомъ [23]). Сперва особымъ предметомъ заботъ Маріи Ѳеодоровны былъ знаменитый супругъ Зельмиры, принцъ Фридрихъ, а затѣмъ одинъ изъ младшихъ ея братьевъ принцъ Карлъ, который 19-ти лѣтъ прибылъ въ Россію въ 1789 г. и въ чинѣ генералъ-маіора принялъ участіе во второй войнѣ съ Турціей. Юноша этотъ производилъ тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе, что по своему характеру вовсе не походилъ на старшихъ своихъ братьевъ, прославившихся грубостію нрава и крайнимъ эгоизмомъ; безъ сомнѣнія, мягкостію и добротою своею принцъ Карлъ обязанъ былъ домашнему воспитанію, которое онъ получилъ подъ руководствомъ нѣжной, чувствительной матери, избѣгнувъ развращающаго вліянія казарменной жизни Прусскаго солдатства. Въ Россію принцъ пріѣхалъ прямо изъ Монбельяра. Съ Мая 1789 г. Марія Ѳеодоровна начала писать къ Потемкину, постоянно благодаря его за попеченія, которыми онъ окружилъ ея брата и выражая надежду, что онъ окажется достоинъ милостей Государыни [24]). «Я васъ сердечно поздравляю, князь Григорій Александровичъ, со взятіемъ Бендеръ, тѣмъ болѣе, что, умножая славу вашу безъ пролитія крови, оно умножаетъ мою радость. Дай Богъ, чтобы сіе счастливое происшествіе намъ дало чрезъ труды ваши миръ. Благодарю васъ за попеченіе о братѣ моемъ; должна вамъ сказать, сколько я тронута, зная, какъ отъ него, такъ и отъ принца Ангальта, все попеченіе и дружбу, которыя вы ему показываете, и какъ вы ласково съ нимъ обходитесь. Продолжайте ему сіе расположеніе, и еслибы

---

[22]) Рус. Ст., XI, 153.

[23]) Императрица отклоняла просьбы Маріи Ѳеодоровны за разнаго рода выходцевъ, считая ихъ, иногда безъ основанія, за Прусскихъ шпіоновъ. У Храповицкаго подъ 29 Декабря 1788 г. записано: „подалъ письмо полковника Бенкендорфа съ приказаніемъ Ея Величества по просьбѣ объ арендѣ двухъ братьевъ Науэндорфъ, ихъ не должно поваживать, а будутъ брать взятки и ходить за дѣлами. Отказать“.

[24]) Госуд. Арх., V, 182. До Іюня 1790 г. письма эти были писаны исключительно на Русскомъ языкѣ, затѣмъ исключительно на Французскомъ. Можно предполагать, что первыя письма составлялись при участіи Павла Петровича, а послѣ разлада съ нимъ Марія Ѳеодоровна не могла уже прибѣгать къ помощи своего супруга.

былъ еще въ нынѣшней кампаніи случай, гдѣ бы онъ могъ показать свою охоту и усердіе къ службѣ, я вѣрно надѣюсь, что вы его употребите. Надѣюсь на обѣщаніе ваше, мнѣ сдѣланное, на которое я вѣрно полагаюсь, и чрезъ то я вамъ доказываю, сколько истинно я есмь и буду ваша благосклонная» [25]). Принцъ оправдалъ ожиданія сестры и, командуя кирасирской дивизіей, отличился въ сраженіи при Киліи; но, по какому-то несчастному случаю, повредилъ себѣ ногу и для полнаго излѣченія нуждался въ операціи [26]). Благодаря просьбамъ Маріи Өеодоровны и ходатайству Потемкина, Императрица дозволила принцу пріѣхать въ Петербургъ, такъ какъ врачи рѣшительно объявили, что эта поѣздка необходима для его здоровья. Въ Маѣ 1790-го г. Карлъ прибылъ въ Павловскъ, гдѣ произведена была ему операція: «Послѣ Бога, писалъ онъ 22 Іюня своимъ родителямъ, я обязанъ своимъ выздоровленіемъ нашей дорогой великой княгинѣ. Я не могу достаточно нахвалиться всѣми заботами и всею нѣжностію, которыя она проявила по этому случаю, и я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы не питалъ къ ней самой теплой и глубокой благодарности» [27]). Принцъ обласканъ былъ Императрицей, и въ концѣ Іюля, здоровый и счастливый, снова ускакалъ въ армію. Рвеніе его было вознаграждено: 12 Ноября, по представленію Потемкина, ему послана Андреевская лента [28]) а въ Январѣ онъ снова получилъ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ на этотъ разъ онъ провелъ съ сестрою и зятемъ пять мѣсяцевъ. Одновременно съ принцемъ жилъ въ Петербургѣ и Потемкинъ, пробовавшій въ это время подорвать значеніе Зубова и укрѣпить свое вліяніе на Императрицу. Принимая участіе во всѣхъ празднествахъ, которыя происходили при дворѣ и у князя Потемкина, принцъ Карлъ въ тоже время близко присмотрѣлся къ семейной жизни своей сестры и уѣхалъ въ Іюнѣ обратно въ армію съ грустнымъ впечатлѣніемъ, оставляя по себѣ во всѣхъ знавшихъ его самыя лучшія воспоминанія. 24 Августа получено было въ Петербургѣ извѣстіе о внезапной

---

[25]) Письмо это напечатано у Лебедева, 274. Тамъ же и два письма къ Потемкину Павла. Принцъ писалъ своимъ родителямъ 5 (16) Марта 1790 г.: „Il est impossible que. je vous dise assez, mes très chers parents, combien il a (Потемкинъ) de bontés et d'attentions pour moi". Schlossberger, 145.

[26]) Въ письмѣ принца не указана причина его болѣзни. Shlossberger, 147. Д. Ө Кобеко, на основаніи неизвѣстныхъ для насъ данныхъ, говоритъ, что принцъ былъ раненъ въ ногу въ сраженіи.

[27]) „Я больше чувствую, нежели могу изъяснить, писала Марія Өеодоровна Потемкину 25 Мая 1790 г., сколько вамъ я обязана, что братъ мой здѣсь, гдѣ я могу имѣть всякое попеченіе о немъ". Екатерина первая навѣстила больнаго принца и затѣмъ писала объ опасномъ его положеніи Потемкину. Schlossberger, 158. Сб. Р. И. О., LI, 80.

[28]) Сб. Р. И. О., XLII, 125.

смерти принца: онъ умеръ отъ горячки 13 Августа 1791 года въ Галацѣ. Приписывали его смерть психическимъ причинамъ: говорили, что онъ черезчуръ спѣшилъ дорогою, желалъ принять участіе въ битвѣ съ Турками, разыгравшейся подъ Мачиномъ и, не успѣвъ въ этомъ, былъ очень огорченъ [29]). Если окружающіе замѣтили въ немъ предъ смертью скорбное настроеніе, то несомнѣнно начало тому положено было еще въ Петербургѣ. «Я принималъ большое участіе въ бѣдномъ принцѣ Карлѣ, писалъ Лафермьеръ графу Воронцову 21 Сентября, и ради него самого, потому что онъ былъ выдающійся по своимъ качествамъ молодой человѣкъ, и ради нашей доброй великой княгини, которая привязалась къ нему и которая потеряла его въ то именно время, когда начала понимать его и цѣнить. Онъ имѣлъ свою долю въ огорченіяхъ, которымъ мы подвержены ежедневно, благодаря неблагопріятному обороту, который приняли наши домашнія дѣла. При этомъ онъ велъ себя очень благоразумно и осторожно во всемъ, что́ касалось и лично его, и великой княгини, не уклоняясь ни на минуту отъ правилъ поведенія, которыя мы твердили ему каждый день. Испытанія, которымъ онъ подвергся, не обѣщали ему слишкомъ счастливаго будущаго и онъ умеръ, не имѣя возможности похвалиться большимъ счастьемъ, которое ожидало его и могло ожидать его здѣсь» [30]).

Легко представить себѣ, какъ тяжела была для Маріи Θеодоровны неожиданная кончина принца Карла.. Едва справляясь съ собственнымъ горемъ [31]), она однако заботилась прежде всего о томъ, чтобы ударъ этотъ не засталъ ея мать неподготовленною. Изливая затѣмъ скорбь свою въ тысячѣ нѣжныхъ выраженій, Марія Θеодоровна та́къ опредѣляла значеніе для себя смерти брата: «Ваша утрата безспорно жестока, мои дорогіе родители; вы потеряли самаго нѣжнаго и почтительнаго сына, одареннаго ангельскимъ характеромъ. Его душѣ свойственны были всѣ роды добродѣтелей, и если бы Богъ продолжилъ его жизненный путь, онъ прославилъ бы свое имя и сдѣлался бы великимъ человѣкомъ. У васъ, однако, еще семь сыновей, а я смотрѣла на этого дорогаго Шарло какъ на свое дитя, какъ на брата, какъ на вѣрнаго друга, даннаго мнѣ Богомъ. Въ немъ я видѣла всю мою (Германскую) семью, и я считала себя счастливою, что имѣю возлѣ себя кое-кого изъ своихъ. Я видѣла, что сыновья мои нѣжно привязались

---

[29]) Энгельгардтъ. Современныя описанія его болѣзни у Schlossberger'a 188—197.

[30]) Арх. Князя Воронцова, XXIX, 279.

[31]) Великая княгиня заболѣла, и ей пускали кровь. Письма Бантышъ-Каменскаго. Р. Архивъ, 1876 г., III, 205. Храповицкій 26 Августа: „Ея Величество изволила ѣздить въ Павловское для утѣшенія Ея Высочества великой княгини и возвратилась въ 9 часовъ вечера въ Царское Село". Ср. письмо Рожерсона въ Арх. Кн. Воронцова, XXX, 50.

къ нему, и говорила себѣ, что такъ какъ братъ мой по законамъ природы долженъ пережить меня, то дѣти мои найдутъ въ немъ надежнаго друга, который будетъ постоянно давать имъ добрые совѣты и интересы котораго будутъ нераздѣльны съ ихъ собственными. Все это теперь разрушено. Ахъ, я чувствую, что не могу выразить вполнѣ всего своего горя; но Богу извѣстно, что смерть брата нанесла моему сердцу рану, которая никогда не закроется» [32]).

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ 5 Октября 1791 г. скончался и покровитель принца Карла, князь Потемкинъ, начало болѣзни котораго, по странной случайности, совпало съ днемъ погребенія принца. «Смерть его, писала Марія Өеодоровна своимъ родителямъ, есть яркій примѣръ превратности человѣческой судьбы. Этотъ человѣкъ, для котораго ни одинъ изъ дворцовъ не былъ достаточно обширенъ, у котораго было ихъ такъ много, умеръ, какъ бѣднякъ, на травѣ, посреди степей. Чтобы закрыть ему глаза, одинъ изъ его гусаровъ вытащилъ изъ своего кармана мѣдную монету—для человѣка, владѣвшаго милліонами!.... Карьера этого замѣчательнаго человѣка была блестяща, дарованія и умъ — самые выдающіеся, и я думаю, что нарисовать нравственный его характеръ было бы очень труднымъ, почти невозможнымъ дѣломъ. Князь Потемкинъ дѣлалъ многихъ счастливыми, но общественное мнѣніе не за него. Чтó касается меня лично, то я могу только похвалиться: во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ выказывалъ желаніе сдѣлать мнѣ угодное, выражая мнѣ всегда истинное уваженіе; онъ питалъ также истинную дружбу къ дорогому Шарло, который самъ былъ къ нему очень привязанъ» [33]). Къ племянницамъ Потемкина Марія Өеодоровна также всегда относилась благосклонно, особенно къ графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, во второмъ бракѣ графинѣ Литта [34]). Безъ сомнѣнія добрыя отношенія Маріи Өеодоровны къ Потемкину выгодно отзывались на отношеніяхъ къ нему и Павла Петровича, вообще относившагося ко всемогущему любимцу довольно сдержанно. Во всякомъ случаѣ, смерть Потемкина для великокняжеской четы была большой потерей уже потому, что теперь ничто не могло мѣшать силѣ и вліянію Зубова.

---

[32]) Schlossberger, 206—207.

[33]) Schlossberger, 229. Письмо 29 Октября. Оно заключаетъ въ себѣ точныя подробности о смерти Потемкина. Покойный князь постоянно представлялъ Маріи Өеодоровнѣ различные недорогіе подарки. „Марія Өеодоровна княземъ Потемкинымъ очень довольна,“ сообщаетъ Гарновскій въ Іюлѣ 1789 г.

[34]) Къ ней милостиво относился и Павелъ Петровичъ даже тогда, когда былъ недоволенъ Потемкинымъ и, по словамъ современника, „крайне холоденъ ко всему тому, чтò его свѣтлости принадлежитъ“. Гарновскій. Рус. Ст. 1876 г., I, 717.

Нравственная сила и бодрость духа Маріи Θеодоровны, твердо переносившей тяжелые удары судьбы, постигшіе ее съ начала 1789 года, тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ это именно время произошла уже явная размолвка между ней и Павломъ Петровичемъ. Причины этой размолвки, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, коренились и въ міровоззрѣніи, и въ характерѣ обоихъ супруговъ; недоставало только внѣшняго повода къ тому, чтобы, при несдержанности великаго князя, она сдѣлалась вполнѣ ясною и притомъ въ формѣ особенно оскорбительной для Маріи Θеодоровны—въ видѣ особаго вниманія Павла Петровича къ фрейлинѣ Е. И. Нелидовой. Нелидова, по замѣчанію современниковъ, во многомъ представляла противоположность Маріи Θеодоровнѣ. Великая княгиня была очень красива, высока ростомъ, бѣлокура, склонна къ полнотѣ и близорука; обращеніе ея было крайне скромно, до того, что она казалась слишкомъ строгою и степенною (по мнѣнію нѣкоторыхъ—скучною). Нелидова была маленькой брюнеткой, съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ исполненномъ выразительности; будучи тремя годами старше Маріи Θеодоровны, Нелидова отличалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, некрасивой наружностію [35]; но зато она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостію, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ. Павелъ также исполненъ былъ остроуміемъ, юмора и живости, и потому любилъ бесѣдовать съ Нелидовой. Нелидова считалась его любимицей еще въ 1784 г. [36]). Становясь съ годами и подъ вліяніемъ печальныхъ событій сумрачнѣе, раздражительнѣе, Павелъ Петровичъ, руководимый Плещеевымъ, искалъ утѣшенія въ мистицизмѣ и въ религіозныхъ занятіяхъ: въ Гатчинскомъ дворцѣ показывали мѣста, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ молитву и часто обливаясь слезами: паркетъ былъ положительно вытертъ въ этихъ мѣстахъ [37]). Набожность Павла была мечтательная и связана съ мистицизмомъ; и въ этомъ отношеніи не могъ онъ не цѣнить выспренняго, склоннаго къ вѣрѣ во все таинственное ума Нелидовой. Бесѣды съ нею цесаревича становились продолжительнѣе, явное предпочтеніе ея общества замѣтнѣе для окружающихъ; рыцарскій характеръ Павла придавалъ отношеніямъ къ ней видъ ухаживанія. «Великій князь, говоритъ современникъ, не былъ человѣкомъ безнравственнымъ; онъ былъ добродѣтельнымъ и по убѣжденію, и по намѣренію; онъ ненавидѣлъ распутство, очень былъ привязанъ къ своей супругѣ и не могъ

---

[35]) Общее преданіе удостовѣряетъ, что Е. И. Нелидова была очень невзрачна собою. П. Б.

[36]) Р. Арх. 1869, 1875. Записки Саблукова.—Долгорукій: Капище моего сердца.

[37]) Русскій Архивъ, 1869, 1877. Записки Саблукова.

себѣ представить, чтобы когда-либо ловкая интригантка могла околдовать его до того, чтобы влюбить его въ себя безъ памяти». [38]) Несомнѣнно, что и Нелидова пользовалась своимъ вліяніемъ на Павла Петровича лишь съ возвышенными цѣлями: вносить успокоеніе въ смущенный его умъ, смягчать порывы его раздражительности и суровости. Впослѣдствіи она проникласъ даже убѣжденіемъ, что самъ Богъ для общей пользы поставилъ ее въ положеніе приближенное къ Павлу [39]). При этихъ условіяхъ дружескія, вполнѣ чистыя отношенія Павла къ Нелидовой становятся вполнѣ понятны для потомства; но современники въ большинствѣ случаевъ судили иначе: одни обвиняли Нелидову, какъ интригантку [40]); другіе виновницей сближенія Павла съ Нелидовой считали никого другаго какъ Екатерину, которая, безпокоясь-де согласіемъ и любовью великокняжеской четы, возбудившими къ ней приверженность публики, будто бы поручила барону Сакену возбудить подозрительность Павла противъ Маріи Өеодоровны. Сама Марія Өеодоровна вторила этой сплетнѣ и писала о ней разнымъ лицамъ [41]). Безъ сомненія эта ошибка Маріи Өеодоровны вызвана была безтактнымъ образомъ дѣйствій великаго князя, который, на ряду съ вниманіемъ къ Нелидовой, показывалъ видъ пренебреженія къ своей супругѣ, и тѣми объясненіями, которыя давали дѣлу многія приближенныя къ ней лица, и главнымъ образомъ г-жа Бенкендорфъ. Высказывая неудовольствіе Павлу Петровичу и Нелидовой, Марія Өеодоровна только ухудшала свое положеніе; потому что великій князь былъ возмущенъ жалобами по поводу того, что̀ онъ считалъ клеветою, и удвоивалъ свое вниманіе къ Нелидовой, думая тѣмъ загладить несправедливость, которую она терпѣла. Недоразумѣнія были постоянны и наносили Маріи Өеодоровнѣ ударъ за ударомъ [42]).

---

[38]) Тамъ же, 1875—1876.

[39]) Осмнадцатый Вѣкъ, III, 444. „Знаете ли вы, писала она однажды Павлу, почему вы любите ворчунью? Это потому, что сердце ваше лучше знаетъ ее, чѣмъ вашъ умъ, и что несмотря на всѣ предубѣжденія послѣдняго, первое отдаетъ ей справедливость". „Mais est-ce que vous êtes donc un homme pour moi? писала она въ другой разъ. Je vous jure que je ne m'en suis jamais aperçue depuis que je vous suis attachée; il me semble que vous êtes ma soeur. Тамъ же, 433, 435.

[40]) Записки Ржевской. Русскій Архивъ, 1871, 39.

[41]) Записки князя Ө. Н. Голицына. Русскій Архивъ, 1874.

[42]) Марія Өеодоровна писала однажды Плещееву по поводу одного изъ такихъ недоразумѣній: „Je vous réponds en tout premier lieu, mon ami, à votre lettre pour vous dire qu'en lisant le passage, où la N. vous rend compte de peu de mots que je lui ai dit, je suis partie d'un éclat de rire: il faut être méchante et fausse comme elle c'est pour les avoir tourné ainsi. Il y avait plus de 15 personnes dans la chambre, lorsque je les lui ai dites; j'étais à prendre les arrangements pour réparer les anciens rideaux de la sale à manger de Paul; tous les officiers de la maison s'y trouvaient, la D-lle paraît et a l'air honteux de me voir. Je lui dis en premier lieu simplement—passez, Mademoiselle"; elle fait les façons; je lui redis une seconde fois—*„passez, passez, M-lle, le G.-D. vous attend à la promenade"*. Or, mon ton pouvait marquer de

Самые близкіе къ великокняжеской четѣ люди не понимали поведенія Цесаревича [43]), и Марія Өеодоровна обратилась, наконецъ, за помощью къ тому, кто считался руководителемъ совѣсти Павла Петровича и кто имѣлъ поэтому нѣкоторое право позаботиться о возстановленіи мира между супругами,—С. И. Плещееву. Пользуясь уваженіемъ всѣхъ трехъ заинтересованныхъ лицъ, Плещеевъ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ кто-либо могъ выяснить дѣло путемъ личныхъ объясненій съ ними. Но попытки его сблизить царственныхъ супруговъ остались безуспѣшны. Письма, съ которыми снова по этому поводу обратился Плещеевъ къ Цесаревичу и Нелидовой, вполнѣ обрисовываютъ Павла Петровича и положеніе дѣла, какъ понималъ его самъ Плещеевъ.

---

l'impatience de m'avoir interrompue et ayant le G.-D. attendre près de 10 minutes sur la terrasse, mais quand au soi-disant *respect* moqueur et malin qu'elle a trouvé dans la phrase, c'est une faute de sa part: je pouvais me moquer à la vérité de voir cette innovation que les Dames se promènent sans que j'y sois, et, apparement que la D-lle en a fait elle-même la refléxion, parce qu'elle vous l'a dit. Duand à ce qu'elle prétend que j'y ai ajouté encore—*passez, je vous supplie*, c'est un mensonge atroce. Berthaume vous le dira. Ensuite, mon ami, comment ne pas supposer et ne pas croire qu'elle a regret du G. D., qui me quitte le samedi de la meilleure humeur du monde et qui me traite le dimanche avec une indigneté sans exemples, jusqu'à à me maltraiter en paroles devant ses valets; tandis que moi je suis venu lui demander avec toute la bonne foi et la candeur possible pourquoi il me maltraite, pourquoi il est fâché contre moi. Vous avez lu dans la lettre toutes les duretées qu'il m'a répendues et malgré cela vous m'avez vu à l'eglise, au dîner et en voiture comme si de rien n'était; mais j'avais le coeur suffoqué. Venue ici, je retiens mon mari et en sanglottant je lui demande ce qu'il à contre moi. Je ne reçois aucune réponse satisfaisante. A la fin, pour lui prouver toute la candeur de mon coeur, je lui demande si c'est peut-être ce propos tenu à la N., qui l'a fâché, quoique j'ai tenu le même propos à deux autres personnes. Il me dit en ces termes: „il faudrait être fou pour se fâcher pour cela, je ne l'ai pas même su."—„Mais alors qu'est-ce, dites le moi, au nom de Dieu! Point de réponse, pas mot." Je vous ai dit ce matin: mettez de l'égalité dans votre conduite." Mais enfin il me dit de me calmer et parut cependant touché un peu. Il descend, va chez cette fille, et remonte avec une humeur, a entré dans ma chambre, m'a regardé et s'en va sans me dire un mot. Toute la journée d'aujourd'hui a été telle que vous l'avez lue dans ma lettre: dites moi, mon ami, ce qu'il y a à supposer de cette fille? Le G.-D. me quitte au mieux samedi, il va chez elle, ne me dit point le bonsoir accoutumé; le lendemain il ne met pas le pied chez moi, après avoir passé la matinée chez elle; je vais chez lui (comme je fais toujours pour couper court le plus vite possible aux nuages); j'y suis traité indignement. Je fais l'effort de paraître après le dîner; il retourne chez elle, il en revient avec plus d'humeur encore, la preuve en est tous les propos qu'il a tenu en voiture. Arrivé ici, je lui parle, il a l'air ému; il descend, va chez elle sans inquiétude. Dans aucun moment de ma vie j'espère ne pas detruire la requitation, la patieuce et la modération, que je me suis faite; et quoiqu'il soit bien dur et atroce peut-être d'être maltraitée sans raison, dans mon état et cela encore parce que je demande pourquoi il est fâché contre moi, mes principes n'en souffriront pas. Tâchez de faire sentir à cette fille tout le faux jour dans lequel elle paraît dans cette histoire, qui paraît vous être arrivé à vous, comme à moi, car le G.-D. vous boudant une fois et vous lui demandant pourquoi il le fait, il peut fort bien vous maltraiter en paroles comme je l'ai été. Je suis encore indécise sur ma lettre...

[43]) Лаферьеръ. Арх. Кн. Воронцова, XXIX, 279—280.

«Человѣку, такъ привязанному къ вашей особѣ, какъ я, Государь», писалъ онъ Павлу Петровичу 19 Мая 1790 г. (въ самомъ началѣ исторіи съ Нелидовой: «невозможно видѣть безъ крайней горести, что такая чистота и такія достоинства, какъ ваши, помрачаются нѣкоторыми чисто-внѣшними признаками и такъ мало признаны. Можно ли быть чище васъ въ глубинѣ души и прямодушнѣе въ своихъ намѣреніяхъ? Отчего же васъ не знаютъ и такъ сильно относительно васъ ошибаются? Осмѣлюсь сказать, что это происходитъ отъ ошибочнаго способа наблюдать преимущественно только внѣшніе признаки, потому что судятъ большею частію только по внѣшности. Какъ мало людей, которые желаютъ углубиться въ предметъ и изучить его истинныя причины, какъ мало людей, способныхъ придавать дѣйствіямъ себѣ подобныхъ справедливыя и честныя объясненія! Если бы вы лишили меня своихъ милостей и своего довѣрія, я не перестану считать васъ виновнымъ по отношенію къ вамъ самимъ въ томъ именно, что вы не согласуете своего внѣшняго поведенія съ божественными чувствами, которыя наполняютъ все ваше существо,—въ томъ, что вы не доставляете всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ и всѣмъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ радости видѣть, какъ вы разрушаете и уничтожаете всѣ ложныя мысли, которыя злобный умъ (l'esprit malin) въ ненависти своей старается распространить на вашъ счетъ,—въ томъ, что вы не перестаете давать ему пищу, въ томъ, наконецъ, что вы не разрушаете всѣхъ его хитросплетеній, сдѣлавъ явными (безъ тщеславія, а всегда съ присущей вамъ скромностію) тѣ рѣдкія добродѣтели, которыя отличаютъ васъ и ставятъ выше обыкновенныхъ людей. Быть можетъ, я оскорбляю васъ, осмѣливаясь говорить вамъ это; но я счелъ бы себя виновнымъ по отношенію къ святой правдѣ и своей вѣрности къ вамъ, еслибы не сдѣлалъ этого. Но безъ крайней скорби нельзя видѣть, какъ самый прямодушный, самый строгій къ своимъ обязанностямъ человѣкъ въ мірѣ, питающій наилучшія намѣренія, даетъ всѣмъ своимъ достоинствамъ видъ, который служитъ къ его обвиненію и ставитъ его на ряду съ самыми обыкновенными людьми. Я прощаю вамъ, Государь, подозрѣніе, будто я человѣкъ партіи и позволяю себѣ нашептывать: самая мысль объ этомъ внушаетъ мнѣ омерзѣніе; Богъ, Который видитъ мои поступки, мои намѣренія и мои желанія по отношенію къ вамъ, оправдаетъ меня когда-либо въ глазахъ вашихъ. Цѣль моя, это Его слава, ваше счастіе и мой долгъ; это достаточно, чтобы, не обнаруживая дерзости, просить, какъ я дѣлаю это постоянно, Его божественнаго благословенія и помощи во всемъ томъ, что я говорю и дѣлаю по отношенію къ вамъ. Знайте, Государь, что мое усердіе и моя привязанность къ вашей особѣ слишкомъ извѣстны, чтобы кто-либо могъ надѣяться на что-либо

другое отъ меня. Кто знаетъ, не приписываютъ ли мнѣ даже нѣкоторой доли въ томъ прискорбномъ недоразумѣніи и въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя такъ живо даютъ себя чувствовать той и другой сторонѣ? Но Богъ видитъ мою невинность и горячее желаніе вновь увидѣть супружеское согласіе и гармонію (источникъ всѣхъ небесныхъ благословеній), которыя должны быть между вами.» Приводя затѣмъ, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, выдержку изъ одного духовнаго писателя, «быть можетъ въ послѣдній разъ» Плещеевъ закончилъ свое письмо слѣдующимъ образомъ: «Послѣ всего этого, Государь, я считаю своею обязанностію дать нѣкоторое доказательство безкорыстія и искренности моей привязанности къ вашей особѣ. Случай представляется очень кстати; вы можете услать меня на сторону, поставить меня внѣ подозрѣній, которыя могъ бы я подать своимъ поведеніемъ. Мѣсто генеральнаго контролера (?) свободно; если вы считаете меня способнымъ занять это мѣсто, отъ васъ только зависитъ меня на него назначить. Я чувствую сожалѣніе, даже скорбь, покидая васъ и привыкнувъ уже десять лѣтъ сряду видѣть васъ, говорить съ вами, познавать васъ; но, встрѣчая противорѣчіе между своими обязанностями и своими молитвами о вашемъ благосостояніи и особенно о вашемъ спокойствіи, я буду искать утѣшеніе въ сладостномъ, успокоительномъ убѣжденіи, что буду точно выполнять свои обязанности, не рискуя кого-либо обидѣть и не вынуждая никого осуждать мое поведеніе или съ недовѣріемъ относиться къ моей правдивости. Я постоянно молю Верховное Существо дать вамъ миръ, который сохранитъ вашъ умъ и ваше сердце въ зависимости отъ Его истинъ и святыхъ Его заповѣдей,— вотъ чего желалъ бы я моему дорогому, досточтимому Государю. Тогда онъ дѣйствительно былъ бы великимъ, какимъ суждено было бы быть ему, если бы онъ не противился тому; тогда Богъ содѣйствовалъ бы ему, и могущество Предвѣчнаго создало бы для него чудеса» [44]).

---

[44]) Къ этому письму Плещеева приложены нѣсколько церковныхъ молитвъ и нѣкоторыя правоучительныя наставленія, которыя Плещеевъ рекомендовалъ великому князю; между послѣдними особенное значеніе долженъ былъ имѣть: „Avis salutaire pour époux“. „Dieu veuille, прибавлялъ Плещеевъ, répandre sa bénédiction sur ce que je viens de transcrire pour votre usage, Monseigneur, et seconder par Sa grâce mes faibles efforts pour l'avancement de sa gloire, de votre repos et de votre salut“. См. въ Архивѣ Павловскаго дворца. „Письмо и моральныя наставленія С. И. Плещеева“. Письмо это безъ даты, но въ черновомъ, неполномъ его спискѣ, находящемся у меня среди другихъ бумагъ Плещеева и писанномъ его рукою, существуетъ помѣтка: 19 Mai 1790. Плещеевъ весною этого года только что возвратился изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ для свиданія съ отцомъ. Отношенія Павла къ Нелидовой сдѣлались предметомъ общихъ толковъ именно во время его отсутствія. Впослѣдствіи, предъ новой поѣздкой Плещеева въ Москву, Марія Θеодоровна писала ему: „Dieu veuille, mon ami, qu'il ne se passe rien d'extraor-

Заботясь о поддержаніи мира между царственными супругами, Плещеевъ убѣждалъ и Нелидову отказаться отъ вліянія, пріобрѣтеннаго ею надъ умомъ Павла, и удалиться отъ великокняжескаго двора, хотя искренно уважалъ ее и не могъ не видѣть отсутствія съ ея стороны какихъ бы то ни было своекорыстныхъ разсчетовъ. Сознавая, что своимъ вліяніемъ на Цесаревича Нелидова желаетъ пользоваться для его же блага, Плещеевъ старался убѣдить ее, что ея усилія приведутъ лишь къ противоположному результату. «Вы сказали мнѣ, m—lle, писалъ онъ ей, что по мнѣнію, которое вы создали обо мнѣ, вы надѣетесь, что я не измѣню моей привязанности къ великому князю и не покину его при настоящихъ обстоятельствахъ. Въ чемъ же заключаются эти обстоятельства, и на какую поддержку съ моей стороны вы разсчитываете? Я думаю, что я доказалъ и свое усердіе, и вѣрность великому князю, объяснивъ ему, даже опасаясь навлечь на себя его немилость, неправильность его поведенія въ его несчастной связи съ вами. Мнѣ извѣстно, какъ и вамъ, что связь эта не имѣетъ сама по себѣ ничего преступнаго: я знаю васъ и слишкомъ уважаю васъ обоихъ, чтобы питать въ этомъ отношеніи хотя бы малѣйшее подозрѣніе. Боже меня сохрани отъ этого! Но можете ли вы, m—lle, утаить отъ себя несчастіе, раздоръ и уныніе, которое связь эта породила въ великокняжескомъ семействѣ? Можете ли вы не замѣчать чудовищнаго пятна, которое наложила она на репутацію великаго князя и на вашу, а также тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти отъ этого? Если вамъ не приходилось до сихъ поръ серьезно объ этомъ поразмыслить, я прошу васъ, какъ милости, принять въ соображеніе все что здѣсь происходитъ: вникнуть въ ужасное недоразумѣніе, существующее между обоими супругами, размыслить надъ тѣми толками, которые одинаково вредятъ и вашей чести, и чести великаго князя, а между тѣмъ неразрывно связаны съ внѣшнимъ характеромъ и продолженіемъ вашей связи. Подумайте объ укоризнахъ, которыя вы навлечете на себя со стороны всѣхъ, нарушая миръ особъ, возбуждавшихъ до сихъ поръ удивленіе и почтеніе своимъ замѣчательнымъ единеніемъ. Вспомните, наконецъ, о томъ страшномъ отчетѣ, который вы должны будете представить на Верховномъ Судилищѣ за то, что не приложили своихъ стараній для водворенія согласія между сторонами, которыя вы столь несчастно разъединили, хотя и не по своей винѣ (innocemment). Я не сомнѣваюсь, что, размысливъ обо

---

dinaire dans votre absence, car souvenez vous que deux fois pendant une course que vous aviez fait à Moscou, il s'en est passé de bien de chagrin: vous avez trouvé la première fois mon frère renvoyé et la seconde foie la D—lle en faveur".

всемъ этомъ съ полнымъ вниманіемъ, вы воодушевитесь мыслію принять какую-либо дѣйствительную мѣру, могущую водворить миръ въ возмущенныхъ сердцахъ и особенно въ сердцѣ великаго князя, который, кажется, очень въ томъ нуждается и въ которомъ вы принимаете участіе. Увѣряю васъ, что, сдѣлавъ это, вы лучше всего засвидѣтельствуете предъ великимъ княземъ свое участіе къ нему; это есть также лучшій совѣтъ, который я могу предложить вамъ, и единственное средство, которымъ мнѣ возможно доказать свою вѣрность и привязанность къ великому князю и мою заботу о вашемъ истинномъ благополучіи».

Письма эти ясно доказываютъ, что истинный характеръ отношеній Павла Петровича къ Нелидовой не былъ тайной для Плещеева, который лучше чѣмъ кто-либо зналъ внутреннюю борьбу, происходившую въ глубинѣ души Цесаревича, и вмѣстѣ съ другими преданными ему лицами скорбѣлъ о его необдуманныхъ поступкахъ, бывшихъ послѣдствіями его впечатлительнаго и раздражительнаго нрава. Но нельзя не видѣть, что дѣйствія Плещеева не соотвѣтствовали намѣченной имъ цѣли. Плещеевъ твердилъ Цесаревичу о необходимости смиренія и самообладанія, Нелидовой писалъ онъ, что великій князь нуждается въ душевномъ спокойствіи, и между тѣмъ старался удалить отъ него единственное существо, которое пріобрѣло власть надъ умомъ великаго князя и чистота намѣреній котораго, по собственному сознанію Плещеева, была внѣ всякихъ подозрѣній. Равновѣсіе въ душевномъ складѣ Павла Петровича уже давно было нарушено, его темпераментъ все чаще и чаще заставлялъ молчать его умъ и сердце; двумя годами ранѣе, во время пребыванія Павла Петровича въ Финляндской арміи, сама Марія Ѳеодоровна, какъ мы уже видѣли, устраивала дружескіе заговоры противъ своего супруга, чтобы предотвратить печальныя послѣдствія его раздражительности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же заговоры, доказывая здравомысліе и нѣжную заботливость великой княгини о своемъ супругѣ, уясняютъ и слабость ея вліянія на него: воспріимчивая, подвижная натура Павла, податливаго на чуждыя внушенія, не терпѣла, однако, надъ собой ничьего прочнаго, продолжительнаго господства, и внезапные переходы, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ, отъ гнѣва къ милости, отъ крайней довѣрчивости къ самой мелочной подозрительности замѣчались у него даже въ дѣтскіе его годы. Павелъ всегда находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ, но этимъ вліяніемъ опредѣлялся не образъ его мыслей, а характеръ его дѣйствій, которыми легко было управлять. Поэтому довѣріе и предпочтеніе, оказываемое Павломъ умной, честной и просвѣщенной Нелидовой, должно было только радовать друзей Павла Петровича: при натянутыхъ

отношеніяхъ его къ Императрицѣ, при его нервномъ отношеніи къ революціонному духу времени, при нравственной лихорадкѣ, имъ переживаемой, Нелидова, пользуясь дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Цесаревича, безспорно тогда же была бы другомъ и Маріи Ѳеодоровны, какимъ она сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя; при этомъ условіи не возникло бы и тѣхъ дурныхъ толкованій, которыя многіе современники давали вліянію Нелидовой на Павла. Но характеръ Цесаревича еще не проявлялся въ это время во всей своей рѣзкости. Нелидова была женщиной, и самые искренніе друзья великокняжеской четы въ возвышеніи Нелидовой увидѣли униженіе великой княгини и своими якобы примирительными дѣйствіями сами поселяли раздоръ между царственными супругами. Нелидову, вопреки Павлу и ей самой, сдѣлали въ глазахъ общества и Маріи Ѳеодоровны ея соперницей; защищая затѣмъ честь добродѣтельной великой княгини и желая доказать ей свою преданность, оскорбляли Нелидову, выказывали ей публично пренебреженіе, и этимъ вызывали чрезвычайный гнѣвъ рыцарскаго великаго князя, который вступался за Нелидову и какъ за напрасно оклеветанную женщину, и какъ за лицо, которому онъ считалъ себя обязаннымъ. Плещеевъ, хорошо понявшій истинное положеніе дѣлъ, являлся, по всей вѣроятности, единственнымъ другомъ Маріи Ѳеодоровны, внушавшимъ ей спокойное отношеніе къ внезапному возвышенію ея фрейлины; но его голосъ почти не былъ слышенъ въ общемъ хорѣ негодованія. Всего болѣе должна была чувствовать себя приниженною г-жа Бенкендорфъ, первенствующее значеніе которой при молодомъ дворѣ было совершенно уничтожено появленіемъ любимицы у великаго князя, и было бы трудно предположить, чтобы энергическая Нѣмка безъ борьбы очистила свое мѣсто. Едва ли можно сомнѣваться, что, пользуясь большимъ вліяніемъ на свою царственную подругу, она была главной виновницей враждебныхъ отношеній Маріи Ѳеодоровны къ Нелидовой. Еще ранѣе Павелъ Петровичъ испытывалъ, по словамъ современника, какія-то домашнія непріятности, причиной которыхъ была любимица его жены; теперь она занялась составленіемъ для Маріи Ѳеодоровны особой партіи. «Живя вдали отъ двора, разсказываетъ Ржевская-Алымова, я не хотѣла вѣрить сплетнямъ. Мой заклятый врагъ г-жа Бенкендорфъ (у которой я не бывала и которая не ѣздила ко мнѣ) подтвердила мнѣ вѣрность всего слышаннаго мною. Она явилась ко мнѣ съ порученіемъ передать мнѣ обо всемъ, завербовать меня въ приверженицы великой княгини и заставить противодѣйствовать ея врагамъ. Я не способна была къ интригамъ и со свойственной мнѣ прямотой искренно пожалѣла о великой княгинѣ, обѣщая ей быть преданнѣе, чѣмъ когда либо. Любя великаго князя, я сначала не хотѣла

мѣшаться въ это дѣло. Однако я поговорила откровенно съ г-жею Нелидовой, высказавъ ей свой образъ мыслей. Она нисколько не разсердилась на меня, а великій князь, съ которымъ я встрѣчалась лишь въ обществѣ, продолжалъ оказывать мнѣ величайшее вниманіе» [45]). Быть можетъ подъ вліяніемъ той же Бенкендорфъ, желавшей во что бы то ни стало удалить Нелидову отъ двора, Марія Θеодоровна въ горести своего сердца жаловалась на свое несчастіе, какъ говорятъ, и Екатеринѣ; но замѣчательно, что въ этомъ случаѣ Императрица оказалась проницательнѣе своей невѣстки. Вмѣсто отвѣта она подвела Марію Θеодоровну къ зеркалу и сказала: «посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ». [46]) Это обращеніе Маріи Θеодоровны къ Екатеринѣ должно отнести еще къ началу 1790 г., такъ какъ въ это именно время Павелъ Петровичъ, будучи очень боленъ и думая о возможности смерти, написалъ Екатеринѣ трогательное письмо въ защиту Нелидовой, прося не оставить ея своимъ вниманіемъ въ случаѣ его смерти. «Мнѣ надлежитъ, писалъ онъ между прочимъ, совершить предъ вами, Государыня, торжественный актъ, какъ предъ Царицею моею и матерью, актъ, предписываемый мнѣ моею совѣстію предъ Богомъ и людьми; мнѣ надлежитъ оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, изъ-за меня. Я видѣлъ какъ злоба выставляла себя судьею и хотѣла дать ложныя толкованія связи, исключительно дружеской, возникшей между m—lle Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тѣмъ судилищемъ, предъ которымъ всѣ мы должны явиться, что мы предстанемъ предъ нимъ съ совѣстію, свободною отъ всякаго упрека какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ я не могу засвидѣтельствовать этого цѣною своей крови? Свидѣтельствую о томъ, прощаясь съ жизнью. Клянусь еще разъ всѣмъ, что̀ есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ!» [47])

Разумѣется, печальнѣе всего было при такихъ обстоятельствахъ положеніе самой Нелидовой. Оклеветанная и гонимая, чувствуя на

---

[45]) Записки Ржевской; Русскій Архивъ, 1871, 41.

[46]) Записки Мухановой, Русскій Архивъ, 1878, III, 308.

[47]) Осмнадцатый Вѣкъ, III, 445. Письмо это безъ даты. Относимъ его къ Марту 1790 г. и полагаемъ, что оно не было доставлено Екатеринѣ вслѣдствіе выздоровленія Павла Петровича, на основаніи записки Павла къ Θ. Θ. Вадковскому отъ 11 Марта 1790 г. „Вамъ будетъ извѣстно, г. Вадковскій, что есть пакетъ отъ меня къ Императрицѣ. Уполномочиваю васъ явиться съ этой запиской къ Ея Величеству и указать ей путь къ бумагамъ моимъ вамъ извѣстнымъ, въ случаѣ моей смерти“. Тамъ же, 416.

каждомъ шагу пренебреженіе къ себѣ Маріи Ѳеодоровны, добродѣтели которой она всегда чтила и которой она всегда показывала глубокое уваженіе, Нелидова должна была глубоко страдать, тѣмъ болѣе, что ей не всегда удавалось сдерживать порывы гнѣва великаго князя; а между тѣмъ всѣ дѣйствія Павла Петровича, вызывавшія неудовольствія Маріи Ѳеодоровны, приписывались ея внушеніямъ. Нелидова не искала ни власти, ни денегъ. Что̀ могло ее заставить оставаться при дворѣ въ ложномъ и, въ глазахъ свѣта, позорномъ положеніи? Безъ сомнѣнія ею руководило опасеніе, что удаленіе ея отъ двора, при существовавшихъ условіяхъ, можетъ лишь крайне дурно отразиться на Павлѣ Петровичѣ и повлечь за собою неблагопріятныя послѣдствія и для Маріи Ѳеодоровны. Въ обществѣ ходили слухи, что такъ объясняла она свой образъ дѣйствій и Маріи Ѳеодоровнѣ, «добродушной, всѣми добродѣтелями украшенной и ни къ чему дурному неползновенной государынѣ». «Великая княгиня, сообщаетъ Болотовъ, не однажды не только говорила, но и просила еще сію госпожу, чтобъ она связь сію разрушила, но что будто она всегда ей отвѣтствовала, что она можетъ сіе конечно сдѣлать и уговорить Цесаревича сіе оставить, но опасается и боится, чтобы тогда для самой великой княгини не было бы хуже, и что сіе единое и почтеніе ея къ ней ее отъ того удерживаетъ.» [48])

Трудно было повѣрить такому героизму, въ особенности въ эпоху господства при всѣхъ Европейскихъ дворахъ беззастѣнчивыхъ фаворитовъ и фаворитокъ. Марія Ѳеодоровна сдерживала себя по отношенію къ Павлу Петровичу и Нелидовой, по отзыву современника, вела себя съ замѣчательною кротостію и терпѣніемъ [49]); но вмѣстѣ съ тѣмъ она раздѣляла убѣжденіе окружающихъ ея лицъ, что отъ Нелидовой можно опасаться всего худшаго. Большимъ счастіемъ для Маріи Ѳеодоровны было то, что возлѣ нея находился Плещеевъ, совѣты котораго служили къ умиротворенію, а не возбужденію духа великой княгини. Не всегда имѣя возможность бесѣдовать съ Плещеевымъ, Марія Ѳеодоровна очень часто писала ему, сообщая ему о своемъ скорбномъ настроеніи и о дѣйствіяхъ Нелидовой, какъ она понимала ихъ. «Будьте увѣрены, мой добрый другъ, писала она однажды, что ни одна потеря, ни одно лишеніе

---

[48]) *Болотовъ*: Памятникъ протекшихъ временъ, М. 1875, 67—63.

[49]) Записки Голицына. Русскій Архивъ, 1874, I. „Можно безпристрастно сказать въ похвалу Маріи Ѳеодоровнѣ, что нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, какъ она употребляла; оттого въ продолжительности, она возвратила къ себѣ если не любовь, то дружбу своего супруга“.

не проходятъ для меня безъ того, чтобы я не считала ихъ указаніями Провидѣнія не слишкомъ привязываться къ этому міру, а обращать свои мысли къ Небу. И, признаюсь вамъ, я сожалѣла иногда о необходимости самоусовершенствованія, т. какъ самоусовершенствованіе является результатомъ испытанныхъ страданій; затѣмъ я упрекаю себя въ этомъ чувствѣ и нахожу его противнымъ Божественной волѣ.... Чувство самое законное (естьли чувство священнѣе чувства супружеской и материнской любви?) можетъ сдѣлаться пагубнымъ и быть противнымъ нашимъ обязанностямъ, если оно удаляетъ насъ отъ Бога, привязывая насъ слишкомъ къ этому міру, и я молю Небо предохранить меня отъ этого. Я чрезвычайно рада, другъ мой, что вы довольны моимъ поведеніемъ по отношенію къ маленькой (de la petite, т. е. Нелидовой)». «Безъ сомнѣнія, писала она въ другой разъ, я не желала бы прибѣгнуть ни къ какому жестокому средству, чтобы покончить всю эту ужасную исторію. Это, вопервыхъ, значило бы дѣйствовать вопреки своимъ обязанностямъ и, вовторыхъ, все испортить; но признаюсь, я желаю и возношу самыя жаркія молитвы, чтобы чары этой злой особы (méchante personne) перестали дѣйствовать, хотя и думаю, что ни я, ни вы этого не увидимъ» [50]). Марія Θеодоровна убѣждена была въ двуличности и испорченности Нелидовой, и ея вліянію на Павла Петровича она приписывала всѣ его дѣйствія, которыя направлены были противъ ея друзей, въ особенности противъ г-жи Бенкендорфъ. Великая княгиня не могла конечно допустить, чтобы неудовольствія, возникавшія между Павломъ Петровичемъ и Нелидовой, происходили часто именно оттого, что Нелидова старалась воздерживать великаго князя отъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ онъ былъ склоненъ прибѣгнуть. Въ тѣ дни, когда ей удавалось одерживать побѣду надъ Павломъ, постороннимъ наблюдателямъ легко было подмѣтить удовольствіе Нелидовой и сумрачность Цесаревича, и наоборотъ. «Скажите, мой добрый Плещеевъ, писала однажды Марія Θеодоровна, что́ такое происходитъ? Я вижу только печальныя лица. Маленькая имѣетъ скорбный видъ и въ дурномъ настроеніи духа; супругъ мой уже нѣсколько дней также сумраченъ, и такимъ онъ является даже по отношенію ко мнѣ. Я замѣчаю, что есть нѣчто, что̀ волнуетъ его внутренно. Онъ часто споритъ съ маленькой; все это наводитъ такое стѣсненіе и уныніе на

---

[50]) Письма Маріи Θеодоровны къ Плещееву за это время почти всѣ безъ даты и очевидно писались наскоро, подъ впечатлѣніемъ минуты. Съ Плещеева Марія Θеодоровна взяла обѣщаніе уничтожить эти письма тотчасъ по прочтеніи, и по этому почти на всѣхъ ихъ значится роковое: „brûlez“. Плещеевъ, однако, не сдержалъ на этотъ разъ своего слова, очевидно изъ желанія сохранить эти дорогіе для него знаки высокаго довѣрія къ нему великой княгини.

наше общество, что никто не открываетъ рта. Я предполагаю, что великаго князя что-то мучитъ, но не съумѣю опредѣлить что̀ именно; сознаюсь, что это очень безпокоитъ меня, хотя я и стараюсь сохранить спокойный видъ. Мнѣ кажется, что Куракинъ на дурномъ счету; въ концѣ концовъ мы уже не видимъ счастливыхъ».

Дѣйствительно у лицъ, составлявшихъ великокняжескій дворъ, нервы напряжены были до крайности: легко было предвидѣть, что Павелъ Петровичъ рано или поздно покончитъ съ тѣми, кто, выражаясь его словами, составлялъ другую партію (l'autre partie) [51]). Еще въ 1790 г., вслѣдъ за неудачными попытками Плещеева водворить согласіе между супругами, возникли слухи о немилости къ нему Цесаревича [52]); но давній вѣрный другъ великокняжеской четы успѣлъ удержаться на своемъ мѣстѣ, благодаря своему честному образу дѣйствій. Зато уже въ 1791 году, опала Цесаревича постигла молодаго графа Никиту Петровича Панина и, что̀ было особенно чувствительно для Маріи Ѳеодоровны, чету Бенкендорфовъ. Разсказъ Панина о своемъ удаленіи ясно показываетъ, какъ мало понималъ онъ дѣло и какія усилія употреблялъ Павелъ Петровичъ, чтобы привлечь на свою сторону племянника своего стараго воспитателя. «Въ 1791 г., пишетъ Панинъ, я возвратился въ Петербургъ, чтобъ исполнять свою придворную должность. Но я не нашелъ уже въ императорской семьѣ того счастливаго единенія и согласія, котораго я имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ по возвращеніи своемъ изъ арміи. Нелидова уже царствовала, великая княгиня была покинута, оскорбляема и презираема всѣми тѣми, которые желали плыть по теченію. Я не слѣдовалъ этому примѣру, мое поведеніе должно было вызвать неудовольствіе. Великій князь употреблялъ сначала ласки, потомъ холодность, наконецъ угрозы, чтобъ привлечь меня въ кругъ обожателей своего идола. Ласки меня не обольщали, угрозы не могли меня устрашить. Тогда начались коварные метафорическіе разговоры, которые должны были дать мнѣ понять, что благоволеніе государя будетъ цѣною слѣпаго исполненія того, чего отъ меня требовали, т. е. почтенія къ Нелидовой и презрѣнія къ великой княгинѣ. Я отвѣчалъ,

---

[51]) Письмо Рожерсона 10 Іюня 1797 г. Арх. Кн. Воронцова, XXX, 80.

[52]) Журналъ Зиновьева (искренняго друга Плещеева и тоже масона). С.-Петербургъ, 1790 г. 8 Октября: „Погода въ городѣ такъ дурна, что почти всѣ немогутъ, начиная отъ Государыни и Наслѣдника, у котораго Сергѣй Ивановичъ не въ милости. Боже Всемогущій! Избавь насъ отъ близкаго знакомства съ вельможами сего свѣта; оное, мнѣ кажется, весьма опасно. Всѣ наши слабости ведутъ насъ сохранить оное, а въ ономъ надобно или самому испортиться, или противъ совѣсти онымъ льстить". Р. Ст. 1878 г., XXIII, 608.

что не понимаю мистическаго языка, и гнѣвъ удвоился. Такъ какъ всѣ внушенія достигали меня не прямымъ путемъ, а чрезъ посредство людей низкихъ, то я испросилъ объясненій у великаго князя. Оно было дано мнѣ и окончательно повредило мнѣ въ его умѣ. Невозможно довѣрить перу всего того, что̀ происходило на этомъ свиданіи въ Августѣ 1791 г.; достаточно сказать вамъ, что мое сопротивленіе вызвало изъ устъ императора (тогда великаго князя) слѣдующія грозныя слова: «путь, которому вы слѣдуете, милостивый государь, можетъ привести васъ только къ окну, или къ двери». Я отвѣчалъ, что не уклонюсь отъ пути чести и вышелъ изъ кабинета, не дожидаясь того знака головой, которымъ государи желаютъ сказать: «идите вонъ» [53]). Вслѣдъ за Панинымъ удалена была отъ двора въ Ноябрѣ и г-жа Бенкендорфъ, которую Павелъ считалъ главнымъ врагомъ своимъ по вредному вліянію ея на Марію Θеодоровну. Удалившись отъ двора, г-жа Бенкендорфъ продолжала однако имѣть тайныя свиданія съ великой княгинею у Ржевской [54]). Ржевская была въ то время больна и не знала о томъ, что великій князь выслалъ г-жу Бенкендорфъ изъ города. Когда Павелъ Петровичъ узналъ о нарушеніи своего приказанія, то не переставалъ съ тѣхъ поръ сердиться на Ржевскую, считая ее пособницею своихъ враговъ, а г-жа Бенкендорфъ лишилась пенсіи, которую она вмѣстѣ съ мужемъ своимъ получала изъ великокняжеской казны со времени своей свадьбы [55]). «Мы очень печально проводимъ свое время», писала Плещееву Марія Θеодоровна: «Нелидова постоянно съ нами и болѣе чѣмъ когда-либо дерзка и лжива (afrontée). Я только что узнала, что еще третьяго дня отданъ приказъ не платить пенсіи Бенкендорфамъ. Вотъ еще новое горе для бѣдныхъ людей! Доводятъ до нищенства моихъ друзей, тогда какъ я прилагаю всѣ усилія облегчить положеніе той, которая составляетъ мое несчастіе [56])!» Г-жа Бенкендорфъ переѣхала въ Дерптъ [57]) и оттуда переписывалась

---

[53]) Арх. Кн. Воронц., IX, 70.

[54]) Записки Ржевской, Русскій Арх., 1871, 42.

[55]) Письмо Маріи Θеодоровны къ Плещееву безъ даты.—Въ письмѣ Х. И. Бенкендорфа къ своей невѣстѣ отъ 3 Февраля 1780 изъ Петербурга, Марія Θеодоровна сдѣлала слѣдующую приписку: Benkendorf m'a forcé de lire la lettre. Je n'ajouterai que ces couples des lignes, que je promets à ma bonne Tilly et au digne Benkendorf une pension de 500 roubles pour toute ma vie et la leur. Le cher Grand-Duc en fait autant. Marie Grande-Duchesse. Формальное удостовѣреніе въ этомъ выдано было 16 Апрѣля 1781 г. за подписью Павла Петровича и Маріи Θеодоровны.

[56]) Марія Θеодоровна намекаетъ на свое кроткое и терпѣливое поведеніе.

[57]) Бенкендорфъ уѣхала въ Дерптъ въ то время, какъ мужъ ея Х. И. Бенкендорфъ, находился въ южной арміи. Марія Θеодоровна писала ему 17 Ноября: „Vous devez sentir»

съ своей царственной подругой. Павлу Петровичу, очевидно, не правилась эта переписка, и однажды онъ принялъ даже мѣры, чтобы помѣшать ей, надѣясь вѣроятно, что этимъ способомъ онъ можетъ положить предѣлъ вліянію Бенкендорфъ на свою супругу [58]). Нѣтъ сомнѣнія, что личность г-жи Бенкендорфъ играла въ дурныхъ отношеніяхъ великокняжеской четы очень важную роль, внушая къ себѣ крайнее нерасположеніе Павла Петровича. Марія Ѳеодоровна могла оцѣнить это уже потому, что по отъѣздѣ г-жи Бенкендорфъ Цесаревичъ измѣнился къ лучшему. «Вы навѣрно съ удовольствіемъ замѣтите, писала она Плещееву, веселое настроеніе великаго князя и его вниманіе ко мнѣ. Знайте, другъ мой, что Богъ видимо проявилъ себя по отношенію ко мнѣ со времени исторіи съ Бенкендорфъ, и сердце мое проникнуто признательностію къ Верховному Существу. Я замѣтила съ истинною благодарностію всеобщія усилія оживить общество, и дѣйствительно это прекрасно. Примите, другъ мой, мою искреннюю благодарность». Безтактность великаго князя однако портила отношенія, начинавшія устанавливаться. «Съ маленькой, писала Марія Ѳеодоровна мы держимся весьма прилично (sur un pied très honnet); но, признаюсь, съ того времени, какъ мы сошлись съ нею такимъ образомъ, съ ней обращаются свободнѣе, ласкаютъ ее болѣе и даже предъ публикой. Demoiselle чрезвычайно фальшива: это проявляется во всемъ, что̀ она разсказываетъ; но все это не смущаетъ меня: я буду слѣдовать по своему пути въ убѣжденіи, что онъ угоденъ Богу». Неудовольствіе на Нелидову происходило и оттого, что она не отвѣчала Бенкендорфъ на письмо ея съ просьбою о заступничествѣ; между тѣмъ, письмо это въ черновомъ своемъ видѣ составлено было для Бенкендорфъ самой Маріей Ѳеодоровной. Замѣчательно, что великая княгиня по прежнему проявляла живѣйшее участіе къ Бенкендорфамъ: продавала ихъ домъ въ

---

mon ami, le déchirement de mon coeur du parti que ma bonne et chère Tilly a prise de me quitter. Quoique ma raison est forcée de l'approuver, j'en gêmis et je sens une peine que je n'éprouvais jamais. Je crois inutile, mon ami, de vous dire que mes sentiments pour elle seront éternels et que tant que je vivrai, ma Tilly sera l'amie, la bien amie de mon coeur. C'est vous dire en même temps que mon amitié pour vous durera autant que ma vie et que j'employerai tous les moyens possibles à vous la prouver. C'est une assurance sacrée que je vous donne, et vous connaissez assez mon caractère pour y compter. Je viens de dire adieu à cette excellente Tilly et à vos charmants enfants, les larmes les plus amères ont coulé de nos yeux, et je vous avoue que sans ma soumission, sans ma confiance aux decrets de cette bonne Providence mon coeur succomberait à mes peines".

[58]) Мѣры эти приняты были чрезъ Николаи. „Que veut dire Benkendorf, спрашивала Марія Ѳеодоровна, lorsqu'il me marque que Nicolaï lui a dit qu'apparemment mad. de Benk. n'osera plus m'écrire? Qui au monde pourra l'en empêcher, comme qui pourra m'empêcher de lui écrire. Il semble que le bon Nicolaï a perdu la tête."

Павловскѣ, ходатайствовала за Х. И. Бенкендорфа, уже произведеннаго по ея просьбамъ въ генералы, предъ Н. И. Салтыковымъ, а затѣмъ взяла на себя заботы по воспитанію дѣтей Бенкендорфовъ. Само собою разумѣется, что все это не могло нравиться великому князю. Тѣмъ не менѣе, жизнь великокняжескаго двора стала спокойнѣе и веселѣе. Нелидова однако ясно видѣла, что не пользуется довѣріемъ Маріи Ѳеодоровны и задумала оставить дворъ [59]). Съ своей стороны, великая княгиня, находившаяся въ то время въ ожиданіи родовъ, писала Плещееву: «Вы будете смѣяться надъ моею мыслію, но мнѣ кажется, что при каждыхъ моихъ родахъ Нелидова, зная, какъ они бываютъ у меня трудны и что они могутъ быть для меня гибельны, всякій разъ надѣется, что она сдѣлается вслѣдъ затѣмъ второй m-me де-Ментенонъ. Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у нея руку и особенно займитесь вашей физіономіей, чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи насмѣшки или злобы. Я думаю, что вы будете смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ, которое, впрочемъ, вовсе не такъ глупо». Даже въ то время, когда Нелидова, минуя Цесаревича, отъ котораго могла ожидать препятствій, 25 Іюня 1792 года непосредственно обратилась къ Императрицѣ съ просьбой объ увольненіи отъ придворной должности и о дозволеніи удалиться въ Смольный монастырь, куда она, по ея выраженію, принесла бы свое сердце чистымъ по прежнему, Марія Ѳеодоровна считала и желаніе, и просьбу Нелидовой одной лишь «комедіей», желаніемъ, какъ объясняла она, «сдѣлаться болѣе интересной и заставить себя удерживать». И Марія Ѳеодоровна могла лишь укрѣпиться въ этомъ мнѣніи, когда Павелъ Петровичъ заставилъ Нелидову отказаться отъ своего намѣренія. Это могло только придать лишь болѣе вѣры всѣмъ невыгоднымъ толкамъ, ходившимъ относительно Нелидовой и побуждало общество съ сочувствіемъ относиться къ положенію великой княгини. «Удаленіе Нелидовой, говоритъ современникъ, передавая извѣстіе о ея просьбѣ, удовлетворитъ желаніямъ всѣхъ честныхъ людей и заставитъ забыть огорченія, которыя причинила великой княгинѣ вся эта исторія. Высокія добродѣтели великой княгини заставили всѣхъ сочувственно отнестись къ ней; нѣтъ женщины, которая болѣе ея заслуживала бы лучшей судьбы» [60]). Въ обществѣ ходили слухи, что удаленія Нелидовой требовалъ отъ Павла Петровича въ интересѣ Маріи Ѳеодоровны, даже митрополитъ Петербургскій Гавріилъ [61]).

---

[59]) Во Французскомъ Монитерѣ 24 Апрѣля 1792 г. напечатана была корреспонденція изъ Петербурга, передававшая слухи объ отношеніяхъ Павла къ Нелидовой. Разумѣется, что эти слухи жестоко оскорбляли Нелидову и побуждали ее оставить дворъ какъ можно скорѣе.

[60]) Арх. Кн. Воронцова, VIII, 53.

[61]) *Болотовъ*: Памятникъ протекшихъ временъ, 67.

Рожденіе великой княжны Ольги Павловны, послѣдовавшее девять мѣсяцевъ спустя по удаленіи г-жи Бенкендорфъ, 11 Іюля 1792 г., также доставило Маріи Ѳеодоровнѣ немало огорченій. Какъ всегда, Екатерина присутствовала при родахъ великой княгини, не спала двѣ ночи и много обезпокоилась. Но Императрица ожидала третьяго внука, и появленіе пятой внучки не могло ее обрадовать. Когда палили изъ пушекъ при нареченіи имени, Императрица сказала: «faut-il faire tant de bruit pour une fichue demoiselle!» «Много дѣвокъ, всѣхъ замужъ не выдадутъ, состарѣются въ дѣвкахъ», говорила она Храповицкому, и когда онъ затѣмъ прочелъ ей просьбу о пособіи нѣкоего Пизани, у котораго было семеро дѣтей, Екатерина тотчасъ сказала: «не два ли сына и пять дѣвокъ? M'entendez-vous?» Свое неудовольствіе выразила она весьма наглядно для общества, не сдѣлавъ по случаю крестинъ Ольги Павловны никакихъ обычныхъ наградъ [62]). Бѣдной великой княгинѣ, огорченной въ лучшихъ своихъ чувствахъ, это нерасположеніе духа Императрицы было тѣмъ печальнѣе, что она въ это время вынуждена была ходатайствовать предъ нею за своихъ родителей.

Тяжелѣ всего, однако, было для нея рѣшенное въ это время оставленіе при дворѣ Нелидовой и предчувствіе новыхъ бѣдъ, грозившихъ ужасными послѣдствіями.

Евгеній Шумигорскій.

---

[62]) Дневникъ Храповицкаго, 404—405.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ МИХАИЛОВИЧА ФАДѢЕВА *).

Весною 1834-го года переѣхало въ Одессу и мое семейство, распростившись навсегда съ Екатеринославомъ и старыми друзьями, сохранившими къ намъ понынѣ свою, вполнѣ цѣнимую нами, пріязнь. Множество заботъ и хлопотъ, неизбѣжныхъ при переѣздѣ цѣлымъ домомъ съ одного мѣста на другое и при новомъ обзаведеніи полнаго хозяйства, не миновало и насъ; и послѣ прежнихъ долговременныхъ домашнихъ порядковъ, трудно было вступить въ непривычную колею. Но главное, что́ озабочивало меня, это усиленіе болѣзненнаго состоянія моей Елены Павловны. Я надѣялся, что Одесскіе доктора искуснѣе Екатеринославскихъ и могутъ болѣе принести ей пользы, что́ отчасти и сбылось. Однако, не смотря на свои немощи, Елена Павловна принялась съ неутомимою дѣятельностію и разумнымъ знаніемъ дѣла за устройство нашей деревеньки. Въ самый короткій срокъ она сдѣлала все, что̀ было возможно и, при очень ограниченныхъ затратахъ, достигла удивительно успѣшныхъ результатовъ. Она развела прекрасный садъ, большіе огороды, насадила виноградники, рощу, построила мельницу, всѣ необходимыя постройки и службы и, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, превратила дикую запущенную деревушку въ образцовое хозяйственное учрежденіе и пріятное лѣтнее мѣстопребываніе.

Въ Одессѣ нашлось много старыхъ знакомыхъ, между прочимъ бывшіе Екатеринославскіе губернаторы Шеміотъ и Свѣчинъ, градоначальникъ Левшинъ, баронъ Франкъ съ семействами и другіе. Одесса тогда находилась въ лучшей порѣ своего общественнаго развитія; много знатныхъ, богатыхъ семействъ селилось въ ней по причинѣ южнаго климата, особенно изъ Польской знати. Всѣ они почти, начиная съ Воронцовыхъ, жили открыто, весело; прекрасная Итальянская опера не уступала столичнымъ; зимой нескончаемый рядъ всевозможныхъ празднествъ и увеселеній слѣдовалъ безъ перерыва. А потому немудрено, что молоденькимъ дочерямъ моимъ (вторая едва вышла изъ

---

*) См. выше, стр. 385. П. Б.

дѣтскаго возраста), участвовавшимъ почти во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ, очень нравились оживленіе, роскошная обстановка баловъ, изысканность избраннаго общества, вообще веселая, новая для нихъ жизнь высшаго Одесскаго круга. Нашего сына, десятилѣтняго Ростислава, мы помѣстили въ пансіонъ Тритена, лучшій въ городѣ. Онъ былъ уже хорошо подготовленъ, и насъ очень радовали отзывы о немъ ученыхъ профессоровъ Лицея, преподававшихъ въ пансіонѣ: они не только не могли нахвалиться, но не могли надивиться необыкновеннымъ способностямъ мальчика. Только никакъ не хотѣлъ онъ учиться танцовать, и не было возможности заставить его посѣщать танцъ-классы.

Однажды, проходя по улицѣ, я случайно повстрѣчалъ торжественную похоронную процессію одного изъ замѣчательнѣйшихъ Одесскихъ обитателей. Хоронили послѣдняго графа Разумовскаго. Онъ долго жилъ въ Одессѣ совершеннымъ затворникомъ, прекративъ почти всѣ личныя сношенія съ свѣтомъ. Говорили, что въ молодости онъ былъ очень общительнымъ, веселымъ человѣкомъ, много путешествовалъ, долго жилъ заграницей, особенно въ Парижѣ, гдѣ велъ разсѣянную жизнь, тратилъ большія деньги, превышавшія норму содержанія, выдаваемаго ему его отцомъ, и надѣлалъ долговъ. Смерть отца сдѣлала его однимъизъ богатѣйшихъ людей въ Россіи. Но молодой гр. Разумовскій, изъ свѣтскаго, живаго человѣка превратясь въ мрачнаго, одичавшаго ипохондрика, почему-то избралъ мѣстомъ своего жительства Одессу, купилъ за городомъ большое мѣсто, развелъ превосходный садъ, а посреди его построилъ домъ самой своеобразной архитектуры! При постройкѣ дома графъ выписывалъ изъ Италіи и другихъ мѣстъ Европы лучшихъ художниковъ для внутренней отдѣлки, скульпторныхъ украшеній и расписанія живописью стѣнъ и потолковъ. Домъ свой онъ наполнилъ всѣми сокровищами искусства древняго и новаго, какія его богатство могло ему доставить и, отростивъ себѣ длинную бороду (которой кромѣ простого народа тогда никто не носилъ) и волосы, замкнулся безвыходно, никуда не выходя и никого не принимая, за очень немногими исключеніями. Подъ домомъ графъ устроилъ обширное подземелье, съ безконечными корридорами и ходами въ различныхъ направленіяхъ, въ родѣ лабиринта, ключъ коего былъ извѣстенъ ему одному. Входъ въ подземелье былъ только одинъ, изъ спальни графа, скрытый потайной дверью. Въ 1828-мъ году, во время Турецкой войны, императрица Александра Ѳеодоровна, проживая въ Одессѣ, наслышавшись о необыкновенномъ убранствѣ дома графа Разумовскаго, рѣдкихъ коллекціяхъ древностей и всякихъ искусствъ находившихся въ немъ, пожелала ихъ видѣть и послала сказать графу, что въ назначенный день и часъ она

посѣтитъ его. Графъ устроилъ пріемъ вполнѣ достойный августѣйшей гостьи, приготовилъ великолѣпный завтракъ и угощеніе, а самъ, въ этотъ день, за нѣсколько часовъ до прибытія Государыни, забрался въ свое подземелье, гдѣ и просидѣлъ, спрятавшись до глубокой ночи. Эта продѣлка на долго осталась въ памяти Одесскихъ жителей. По смерти Разумовскаго, наслѣдники его отнеслись съ непостижимой небрежностію къ имуществу, оставленному имъ въ Одессѣ: никто изъ нихъ не взялъ на себя труда даже пріѣхать взглянуть на то что̀ осталось послѣ него, а заочно распорядились все, продать огуломъ съ публичнаго торга. Долго продолжалась эта распродажа, такъ какъ нелегко было управиться съ такой массой разнородныхъ вещей. Ихъ продавали партіями по отдѣламъ. Многіе ходили, и мы съ женой въ томъ числѣ, чтобы только посмотрѣть на всѣ эти диковинки, и съ сожалѣніемъ смотрѣли на драгоцѣнныя собранія картинъ, статуй, оружія, всякихъ рѣдкостей и старины, стоившихъ огромныхъ денегъ,—а иного и за деньги нельзя было достать,—которыя доставались можно сказать задаромъ, бо̀льшею частію въ руки людей покупавшихъ ихъ для спекуляціи. Все было распродано за безцѣнокъ. При продажѣ мебели, среди множества роскошныхъ изящныхъ вещей, находился простой самой обыкновенной работы шахматный столикъ, не обратившій на себя ничьего вниманія по своей невзрачности. Когда дошла до него очередь, по объявленіи какой-то пустячной цѣны, подошли торговаться два человѣка, Итальянецъ и Французъ, которыхъ Разумовскій часто приглашалъ играть съ нимъ въ шахматы; они заявили, что хотятъ купить столикъ единственно на память о покойномъ графѣ, и начали по немногу возвышать цѣну, которую скоро довели до такихъ большихъ размѣровъ, что возбудили общее удивленіе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ отступился, а другой, завладѣвъ столикомъ, поспѣшилъ расплатиться и унести его. Оказалось что въ столикѣ былъ секретный ящикъ, а въ немъ драгоцѣнные старинные шахматы выдѣланные изъ коралла и аметиста необыкновенной работы. Объ этомъ никто не зналъ кромѣ двухъ партнеровъ графа. Домъ тоже былъ проданъ съ молотка, но не долго пережилъ своего хозяина и въ скоромъ времени сгорѣлъ до тла.

На слѣдующее лѣто я ѣздилъ съ моей второй дочерью въ Екатеринославъ для окончанія кое-какихъ дѣлъ, служебныхъ и собственныхъ, а также для свиданія съ матерью. Разъѣзды мои по колоніямъ продолжались; но эта служба, въ своемъ новомъ видѣ, начинала мнѣ наскучать. Въ управленіи возникли безпорядки и запущенія, какъ по слабости Инзова, такъ и по чрезмѣрному сокращенію матеріальныхъ средствъ къ продолженію устройства колоній въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать ихъ существенно-полезными. Этой цѣли можно было достигать

только внимательнымъ и частымъ наблюденіемъ на мѣстѣ за ходомъ хозяйственнаго развитія колоній. Хотя неоднократно заявлялось многими дѣльцами, что администраціи надъ колоніями не должно вмѣшиваться въ направленіе устройства хозяйственнаго быта колонистовъ, но я удостовѣрился на опытѣ, что это понятіе совершенно ложное. Конечно, самому администратору необходимо знать дѣло, хотя въ главныхъ основаніяхъ и, что важнѣе всего, умѣть внушить къ себѣ довѣріе поселенцевъ; тогда дѣйствія его непремѣнно принесутъ пользу, особенно если подобныхъ начальниковъ оставятъ на ихъ мѣстахъ продолжительное время, а не такъ, какъ у насъ водится, что способныхъ людей то и дѣло переводятъ съ одного мѣста на другое, и даже съ одного рода службы на другой. Я самъ видѣлъ, что тамъ, гдѣ покойный Контеніусъ могъ имѣть непосредственное вліяніе на этотъ предметъ, все быстро совершенствовалось: заводилось улучшенное скотоводство, насажденія, прекрасное домашнее хозяйство, благоустройство домовъ и всѣхъ хозяйственныхъ построекъ; тамъ нравственность поправлялась, многіе нерадивые исправлялись, и вообще колоніи достигали до возможнаго своего прогресса. Тамъ же, гдѣ это вліяніе прекращалось, колонисты нищенствовали, постоянно только домогались новыхъ льготъ, которыя часто своими докуками и получали, и это возбуждало лишь негодованіе сосѣднихъ съ ними Русскихъ поселянъ, считавшихъ Нѣмцевъ какою-то привилигированною кастою людей. Но дѣйствія «попечительнаго комитета» стали ограничиваться однимъ бумагомараніемъ и требованіями о доставленіи множества вѣдомостей съ невѣрными цыфрами. Вниманіе Инзова было поглощено устройствомъ Болграда и заботами о умноженіи переселенія въ Бессарабію Болгаръ, нынѣ отошедшихъ вовсе изъ Россійскаго владѣнія. На прочія же дѣла и колоніи онъ мало обращалъ вниманія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, мое служебное положеніе сдѣлалось, такъ сказать, фальшивымъ. Инзовъ не во всемъ вѣрилъ Контеніусу, а мнѣ еще менѣе. Меня это тяготило, я сталъ подумывать, не воспользоваться ли мнѣ предложеніе графа Воронцова перейти къ нему на службу; но сама судьба позаботилась вывести меня изъ непріятнаго положенія. Я получилъ письмо отъ Д. Н. Блудова, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ перевести меня на вновь учрежденную должность главнаго попечителя надъ Калмыцкимъ народомъ въ Астрахани. Министръ настаивалъ на моемъ согласіи, старался склонить меня къ этому переводу, увѣряя при томъ, что служба моя въ Астрахани продлится недолго и послужитъ лишь переходнымъ путемъ къ высшимъ должностямъ. Мнѣ было всего съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, я былъ здоровъ и могъ еще трудиться; а министръ такъ усильно уговаривалъ меня къ переходу, обнадеживая вознагражденіемъ въ будущемъ.

Я согласился. Въ концѣ 1835-го года послѣдовалъ мой переводъ, съ порядочнымъ пособіемъ на переѣздъ. Сдавъ нашу деревеньку въ аренду, въ Маѣ 1836-го года, я отправился съ женою и дѣтьми въ Астрахань. Инзовъ тронулъ меня теплыми словами сожалѣнія о нашей разлукѣ, и даже обильными слезами; онъ обнялъ меня и заплакалъ. Впрочемъ, намъ пришлось еще увидѣться нѣсколько лѣтъ спустя.

Мы совершали путь нашъ въ лучшее годовое время, въ Маѣ мѣсяцѣ, довольно удобно и пріятно, черезъ Екатеринославъ, Новочеркаскъ и Царицынъ, съ удовольствіемъ отдохнули въ Сарептѣ и благополучно прибыли въ Астрахань *).

Здѣсь увидѣли мы какъ бы новый свѣтъ: новыя мѣста, новые люди, новый родъ занятій. Военнымъ губернаторомъ въ Астрахани въ то время былъ генералъ Тимирязевъ, удивительная смѣсь противуположностей въ характерѣ, хотя съ положительнымъ преобладаніемъ благороднаго и добраго надъ всѣмъ прочимъ. Человѣкъ умный, честный, благонамѣренный, прямой, энергичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ пылкій, отчасти самовластный и деспотичный, онъ всѣмъ хотѣлъ руководить по своему, но прослуживъ всю жизнь въ военной службѣ, съ гражданской частію былъ еще мало знакóмъ и потому часто не достигалъ тѣхъ результатовъ, которыхъ желалъ. Онъ со многими не уживался, но ко мнѣ съ самаго начала былъ очень хорошъ и навсегда сохранилъ дружеское расположеніе, которое я вполнѣ цѣнилъ.

Въ Астраханскомъ обществѣ по образованію и знанію свѣтскихъ приличій выдавался однимъ изъ первыхъ Армянскій архіерей Серафимъ, человѣкъ довольно начитанный, видѣвшій почти всю Европу и часть Азіи. Онъ и занимался болѣе, кажется, мірскими дѣлишками, нежели своими духовными дѣлами, коихъ впрочемъ у него и было такъ немного, что они не могли его обременять. Онъ одинъ имѣлъ порядочную библіотеку, получалъ хорошія Французскія книги, выписывалъ журналы, которыми и меня снабжалъ, и я съ нимъ пріятно проводилъ время. Изъ прочихъ Армянъ выдѣлялось нѣсколько денежныхъ гражданъ (особенно Сергѣевъ, считавшійся милліонеромъ), отличавшихся отъ остальныхъ своихъ собратій только тѣмъ, что они часто задавали богатыя пирушки и попойки для увеселенія Астраханской администраціи.

*) Даже Евреи собирались толпами при проѣздѣ его, и долго бѣжали за экипажемъ съ благословеніями своему доброму начальнику. Многіе изъ колонистовъ до самой смерти А. М. поддерживали съ нимъ сношенія, обращаясь къ нему письменно за совѣтами, наставленіями и сообщеніями своихъ дѣлъ. Такъ, одинъ изъ богатѣйшихъ колонистовъ, Корнисъ, воспитывавшій своего сына въ Петербургѣ, по окончаніи ученія, велѣлъ ему сначала поѣхать въ Астрахань, представиться Андрею Мих., а уже потомъ возвратиться въ родительскій домъ. Имя Андрея Михайловича Фадѣева донынѣ не позабыто во многихъ колоніяхъ. Н. Ф.

Богатѣйшимъ и именитѣйшимъ изъ Русскихъ гражданъ былъ тогда въ Астрахани Кирила Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, — личность очень замѣчательная. Онъ самъ не зналъ сколько ему лѣтъ, но что былъ чрезмѣрно старъ, тому служилъ доказательствомъ его собственный о себѣ нижеслѣдующій разсказъ. По происхожденію изъ пономарскихъ дѣтей Тамбовской губерніи, выучившись кое-какъ грамотѣ, онъ случайно добрался до Астрахани и опредѣлился въ соляное правленіе, сперва сторожемъ, а потомъ писцомъ. Бывъ изобличенъ въ кражѣ изъ архива за взятки документовъ, онъ былъ высѣченъ плетьми, но несмотря на то оставленъ на службѣ въ томъ же соляномъ правленіи, по причинѣ пріобрѣтенной имъ смышлености въ приказныхъ дѣлахъ, и продолжалъ еще нѣкоторое время служить тамъ же, а потомъ и въ другихъ Астраханскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Когда ему было отъ роду около сорока лѣтъ, онъ получилъ первый офицерскій чинъ, а затѣмъ въ 1782-мъ году, въ годъ учрежденія Владимирскаго ордена получилъ тогда же этотъ орденъ за тридцати-пятилѣтнюю службу въ офицерскомъ чинѣ. Слѣдовательно легко разсчитать, какихъ уже онъ былъ лѣтъ въ 1836-мъ году! Впродолженіе своей службы до восшествія на престолъ императора Павла Петровича, онъ умѣлъ накопить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и поѣхалъ съ ними на коронацію въ 1797-мъ году въ Москву. Онъ былъ большой балагуръ и въ своемъ родѣ краснобай, чѣмъ и сдѣлался извѣстенъ князю Куракину, у котораго взялъ на продолжительный срокъ въ откупное содержаніе пожалованныя ему на коронацію Астраханскія рыболовныя воды. Князь Куракинъ выпросилъ ихъ себѣ, не имѣя даже понятія о цѣнности этихъ водъ, а только зная по доходу, который казна тогда отъ нихъ получала, что они могутъ доставлять до двадцати-тридцати тысячъ ежегодно, и не болѣе. Въ этомъ увѣрилъ его и Ѳедоровъ, и потому взялъ ихъ, кажется, за тридцать тысячъ ассигнаціями въ годъ, а самъ получалъ отъ нихъ по нѣскольку сотъ тысячъ рублей ежегодно. Къ этой прибыльной аферѣ присоединились еще и другія выгодныя спекуляціи, вслѣдствіе чего Кирила Ѳедоровичъ, около девяносто лѣтъ отъ роду, въ короткое время сдѣлался милліонеромъ и первымъ аристократомъ въ Астрахани: построилъ себѣ большой двухъэтажный каменный домъ, съ двумя алебастровыми, выкрашенными львами на воротахъ и зажилъ роскошно, но скверно и грязно. Всѣхъ вновь пріѣзжающихъ въ Астрахань приглашалъ онъ къ себѣ на безвкусные обѣды, объявляя при этомъ, что у него обѣдаютъ *всѣ Астраханскія свиньи*. Продѣлокъ же своихъ, даже при случаѣ самыхъ безсовѣстныхъ, онъ не оставилъ. Изъ нихъ разскажу только одну, самую замѣчательную. У него былъ задушевный пріятель, помнится, совѣтникъ казенной па-

латы, который передъ смертію назначилъ его опекуномъ надъ своею малолѣтнею дочерью и оставилъ ей 15 тысячъ рублей, предоставивъ ихъ въ распоряженіе Кирилы Ѳедоровича. По достиженіи ею совершеннолѣтія, она вышла замужъ за одного морскаго офицера. Ѳедоровъ о деньгахъ, оставленныхъ ея отцемъ, ничего не говорилъ; но о нихъ было извѣстно въ Астрахани всѣмъ, слѣдовательно и воспитанницѣ съ мужемъ ея. Вскорѣ послѣ свадьбы они начали просить его отдать имъ деньги, но Ѳедоровъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ объявилъ, что то не правда и что онъ никакихъ денегъ отъ отца ея не получалъ. Начался процессъ, и дѣло дошло до очистительной присяги. Ѳедоровъ, въ бѣлой рубахѣ съ черною свѣчею въ рукахъ, босыми ногами, пошелъ въ соборъ при звонѣ колоколовъ и далъ присягу, что денегъ не получалъ. Эта торжественная церемонія совершилась при стеченіи всего Астраханскаго народонаселенія и по всѣмъ правиламъ обряда очистительной присяги. Но вслѣдъ затѣмъ, неожиданно для самого Ѳедорова, совѣсть его вдругъ заговорила, и такъ настоятельно, что черезъ нѣсколько дней онъ келейно сознался въ своей винѣ и деньги возвратилъ. Богатство не пошло ему впрокъ: нашлись пройдохи, умѣвшія его надуть, и при концѣ жизни онъ разорился, не оставивъ почти ничего, кромѣ пустыхъ денежныхъ претензій къ казнѣ и частнымъ лицамъ. Умеръ онъ осенью 1839-го года. Изъ числа искусниковъ, особенно его надувшихъ, замѣчательнѣйшій былъ нѣкто статскій совѣтникъ Шпаковскій, авантюристъ и человѣкъ довольно смышленый и образованный. О продѣлкахъ своихъ онъ не запинаясь разсказывалъ самъ. Любопытнѣйшая изъ нихъ состояла въ томъ, что онъ, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, прокутился въ конецъ и дойдя до крайности отъ безпутной жизни, по смерти брата своего въ Очаковскую войну, человѣка богатаго и съ значеніемъ, сумѣлъ замѣнить его собою, подставить себя вмѣсто его, принялъ его имя, завладѣлъ его деньгами и бумагами, и воспользовался всѣмъ его имуществомъ исключительно одинъ, не давъ ничего другимъ братьямъ и сестрамъ. Никто изъ нихъ не успѣлъ изобличить его, и такъ онъ остался на всю жизнь подъ именемъ брата своего и продолжалъ службу его. Въ Астрахани, уже старикомъ, онъ занималъ мѣсто инспектора почтоваго округа. Я засталъ его уже отрѣшеннымъ отъ должности, но онъ не унывалъ и дѣятельно подвизался по части ябедничества, сутяжничества и всякихъ кляузныхъ штукъ, успѣвъ между прочимъ поддѣть и Кирилу Ѳедоровича на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Онъ умеръ въ Астрахани, въ глубокой старости и крайней бѣдности.

Изъ другихъ почетнѣйшихъ лицъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться, были: Русскій архіепископъ Виталій, добрый старикъ,

но весьма посредственный архіерей; комендантъ Ребиндеръ въ такомъ же родѣ; казачій атаманъ Левенштернъ, а послѣ него фонъ-деръ-Брюггенъ, оба хорошіе люди. Послѣдній былъ съ нами въ родствѣ по своей женѣ, рожденной Бриземанъ фонъ-Неттигъ, родной племянницѣ покойной бабушки де-Бандре. Замѣчательно, что атаманами Астраханскихъ казаковъ назначались чаще всего Нѣмцы, не знавшіе ни духа, ни свойствъ этого народа.

Гражданское чиновничество было въ Астрахани въ то время (да, кажется, и позднѣе) самое плохое. Взяточничество и мошенничество всякаго рода, казалось, были привиты имъ въ кровь, до того, что одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій военнаго губернатора, В***, считавшійся по способностямъ однимъ изъ лучшихъ, докладывая ему бумаги, укралъ у него со стола пять рублей.

По Калмыцкому управленію, все, что́ слѣдовало сдѣлать къ улучшенію его, состояло, къ сожалѣнію, совсѣмъ не въ томъ что̀ было сдѣлано: не въ томъ, чтобы составить большіе штаты, многорѣчивое положеніе, чтобы пригнать въ плотную рамку совѣтъ Калмыцкаго управленія въ права и обязанности губернскихъ правленій; не въ томъ, чтобы облечь судъ. Зарго значеніемъ судебныхъ палатъ, а Ламайское управленіе превратить въ духовную консисторію, какъ это было устроено; а существенная польза состояла бы въ томъ, чтобы составивъ эти штаты изъ сколь возможно меньшаго числа чиновниковъ, выбравъ людей честныхъ. Впрочемъ, послѣднее во всякомъ случаѣ было очень трудно: на мѣстѣ выбирать было не изъ кого болѣе, какъ изъ того же Астраханскаго чиновничества, изъ коего почти всѣ; по нѣскольку разъ, находились подъ судомъ и были отрѣшаемы отъ должностей. А изъ Петербурга насылали такую же дрянь, переходившую оттуда на службу въ Астрахань только для того, чтобы не умереть въ Петербургѣ съ голоду.

Въ числѣ помѣщиковъ въ губерніи находилось нѣсколько вельможъ, какъ-то: Куракинъ, Безбородко и проч., но они въ Астрахань никогда и не заглядывали; а всѣ остальные, жившіе тамъ, были въ томъ же родѣ, какъ и мѣстные приказные, за небольшимъ исключеніемъ, и отъ нихъ же происходили.

Почетнѣйшимъ изъ наличныхъ помѣщиковъ считался губернскій предводитель дворянства Милашевъ. Онъ происходилъ изъ простолюдиновъ Саратовской губерніи, молодость провелъ въ приказномъ званіи, съ переходомъ на службу въ Астрахань добился кое-какъ чинишка и занимался письмоводствомъ у богатаго откупщика рыбныхъ промысловъ Сапожникова. Этотъ женилъ его на своей сестрѣ, доставивъ ему предварительно чинъ коллежскаго ассесора, какъ говорятъ, единственно

для того, чтобы можно было покупать недвижимыя имѣнія на имя сестры своей; и, дѣйствительно, купилъ, въ Саратовской губерніи довольно значительное, а въ Астраханской небольшое, дабы только открыть Милашеву возможносгь сдѣлаться предводителемъ дворянства, коимъ онъ и сдѣлался, сперва уѣзднымъ, а потомъ и губернскимъ. Этотъ-то г. губернскій предводитель, въ сущности далеко неглупый человѣкъ, былъ у Т—ва привиллегированнымъ шутомъ, и для доставленія ему пестраго мундира Т—въ выпросилъ ему камергерство, которое шло къ Милашеву какъ къ Американской воронѣ. Когда Т—въ игралъ съ нимъ на биліардѣ, то, при проигрышѣ партіи, Милашевъ долженъ былъ на четверенькахъ пролѣзть три раза подъ биліарднымъ столомъ, и потомъ въ добавокъ еще цѣловалъ у Т—ва руку. Кстати сказать, что къ рукоцѣлованію въ торжественныхъ случаяхъ Т—ва являлись охотницы и изъ многихъ Астраханскихъ дамъ, конечно противъ его воли: онъ самъ говорилъ объ этомъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Милашевъ, по выбытіи Т—ва изъ Астрахани, оставилъ предводительство, переѣхалъ на житье въ женино имѣніе Саратовской губерніи, и передъ смертію, вспомнивъ свое происхожденіе, приказалъ похоронить себя въ лаптяхъ и некрашенномъ гробѣ, что́ и было исполнено.

Окрестности вокругъ Астрахани пустынны, монотонны и богаты лишь водою, тощими деревьями и комарами. Замѣчательно только въ двѣнадцати верстахъ имѣніе Ахматовыхъ, Черепаха, основанное и устроенное ихъ дѣдомъ, бывшимъ еще при Екатеринѣ Астраханскимъ губернаторомъ, Бекетовымъ, и, кажется, единственнымъ губернаторомъ сдѣлавшимъ для Астрахани и губерніи что либо полезное. Онъ развелъ тамъ большой виноградный садъ и заведенія къ нему принадлежащія, гдѣ выдѣлывалось когда-то хорошее вино; но по смерти его все пришло въ упадокъ, хотя домъ и вся усадьба поддерживались въ благоустроенномъ видѣ.

Этотъ 1836-й годъ, внѣ служебныхъ занятій и заботъ, я провелъ хотя и хлопотливо, но довольно пріятно. Въ свободное время я пересматривалъ въ губернскомъ архивѣ старинныя бумаги и находилъ въ нихъ много любопытнаго, не смотря на то, что многое уже было расхищено и утрачено по небрежности: всякій изъ чиновнаго люда, сколько-нибудь этимъ интересовавшійся, могъ рыться въ архивѣ и даже брать изъ него, что̀ и сколько хотѣлъ. (Это же самое впослѣдствіи я нашелъ и въ Саратовѣ). Лѣтомъ мы съ женой и дѣтьми порядочно страдали отъ жаровъ, которые въ Астрахани тѣмъ тягостнѣе, что и укрыться отъ нихъ некуда: на пятьсотъ верстъ во всѣ стороны степь, пески, безлѣсье и вода; садовъ вдоволь, но тѣни вовсе никакой. Матеріальное

устройство новаго управленія занимало меня весь остатокъ года. Происходили шутовскіе церемоніалы и обряды, какъ напримѣръ торжественныя открытія: совѣта Калмыцкаго управленія, Ламайскаго управленія, суда-Зарго и во всѣхъ улусахъ—улусныхъ управленій, долженствовавшихъ замѣнять уѣздные суды. Каждое управленіе было снабжено особымъ экземпляромъ Свода Законовъ.При открытіи мною одного изъ этихъ судовъ въ улусѣ, сильный вихрь опрокинулъ Калмыцкую кибитку, въ которой помѣщался новорождаемый судъ, и разнесъ такъ быстро и далеко по степи не только бумаги, но и самыя книги Свода Законовъ, что, не смотря на поспѣшную погоню за ними и тщательныя исканія, не могли отыскать и многихъ дѣлъ, и нѣсколькихъ томовъ Свода Законовъ. А при открытіи Ламайскаго управленія очень забавно было видѣть недоумѣвающую и угнетенную физіономію представителя и президента его,—ламы. Это управленіе помѣщалось въ томъ же огромномъ домѣ, гдѣ и Калмыцкое управленіе. Лама былъ добрый Калмыцкій попъ, смотрѣвшій на всю эту процедуру, въ своемъ красномъ халатѣ, такимъ же взоромъ какъ Индійцы смотрѣли на пріѣхавшихъ къ нимъ въ первый разъ Европейцевъ. Онъ взросъ и провелъ всю жизнь въ степи, на вольномъ воздухѣ, въ кочевой кибиткѣ, и комнатная атмосфера была для него невыносима; а потому, не дождавшись конца церемоніи, блѣдный, разстроенный, онъ обратился ко мнѣ съ убѣдительною просьбою, чтобы его выпустили изъ присутственной камеры на свѣжій воздухъ, въ чемъ я не могъ ему отказать, принимая во вниманіе его удрученное состояніе. Вскорѣ затѣмъ, не взирая на сопротивленіе Тимирязева, оказалось необходимымъ дозволить ламайскому синоду перемѣститься на берегъ Волги, въ Калмыцкую кибитку *).

---

*) Простодушный лама, какъ выходецъ изъ Тибета и прирожденный сынъ степей былъ мало знакомъ съ пріемами Европейской цивилизаціи. Разъ Андрей Мих. пригласилъ его къ себѣ вечеромъ. Лама явился въ сопровожденіи двухъ гелюнговъ (ламайскихъ священниковъ) и, усѣвшись въ гостиной, очень чинно (какъ всѣ Азіятцы) разговаривалъ со всѣми черезъ переводчика. Подали чай, и когда ламѣ поднесли подносъ съ стаканами чая и всѣми принадлежностями, лама, какъ слѣдуетъ, взялъ стаканъ, поставилъ на столъ, а затѣмъ обмакнулъ всѣ пять пальцевъ правой руки въ молочникъ, встряхнулъ ихъ себѣ въ чай, опять обмакнулъ и встряхнулъ, и такъ повторялъ до тѣхъ поръ пока чай побѣлѣлъ. Онъ занимался этимъ довольно долго, очень серьезно, важно и глубокомысленно. Всѣ находившіеся въ комнатѣ, особенно дѣти Андрея Мих., съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Конечно молочникъ унесли и замѣнили другимъ, но съ послѣдующими стаканами производилась неизмѣнно таже самая операція. Когда лама собирался уходить, Андрей Мих. приказалъ запрячь ему коляску. Экипажъ подали къ крыльцу, лакей открылъ дверцу и откинулъ подножку. Лама, съ церемоннымъ прощаніемъ, провожаемый всѣми, медленно сошелъ съ лѣстницы, и вдругъ, къ общему изумленію, вмѣсто того чтобы войти въ коляску,—сѣлъ на подножкѣ ея! Ему предложили сѣсть въ коляску,

Въ теченіи этого года я выѣзжалъ и въ степные улусы, чтобы ознакомиться съ бытомъ Калмыцкаго народа и ихъ князьями, и удостовѣрился, что считавшіеся изъ нихъ образованными были хуже тѣхъ, которые сохранили свой первородный типъ и простоту нравовъ. Самымъ виднымъ изъ владѣльцевъ выдавался полковникъ, князь Сербеджабъ-Тюмень, непремѣнно желавшій слыть образованнымъ Европейцемъ, потому что участвовалъ во Французской кампаніи двѣнадцатаго года и побывалъ съ войсками заграницей и въ Парижѣ; въ сущности же былъ только испорченный Калмыкъ, и хотя построилъ въ своемъ улусѣ домъ на Европейскій манеръ, развелъ садъ и держалъ Русскаго повара, а въ особенности держалъ изобильные запасы Шампанскаго, но все это только для наружнаго вида, для показа, а во всемъ сквозили Калмыцкая дикость и нечистоплотность *). Мнѣ безъ сравненія больше понравился другой владѣлецъ, Церенъ-Убуши, сохранившій вполнѣ простоту привычекъ и патріархальный образъ жизни по своимъ кореннымъ обычаямъ, человѣкъ правдивый, любимый своими подвластными Калмыками и нисколько не поддававшійся благонамѣреннымъ убѣжденіямъ объ измѣненіи своего рода жизни. Для пріема и угощенія пріѣзжавшихъ въ его улусъ Европейцевъ у него все было въ запасѣ и даже съ избыткомъ, но самъ онъ жилъ совершенно въ своемъ на-

---

но лама отказался на отрѣзъ; его просили, настаивали, представляли необходимость пересѣсть, но онъ не хотѣлъ и слышать о томъ, увѣряя, что ему такъ прекрасно, гораздо лучше и спокойнѣе нежели внутри коляски, и ѣхать будетъ очень пріятно. Сколько ни уговаривали, ничего не помогало и, наконецъ, почти силой усадили его въ экипажъ. Потомъ онъ пригласилъ къ себѣ въ гости Андрея Мих. съ семействомъ, очень любезно принялъ ихъ и радушно угощалъ. Угощеніе состояло въ томъ, что на столѣ посреди комнаты стояло пять блюдъ: одно съ подсолнечными сѣмячками, другое съ тыквенными сѣмячками, третье съ арбузными, четвертое съ дынными а пятое съ рожками. Затѣмъ подавали Калмыцкій чай съ жиромъ въ деревянныхъ чашкахъ и жаренную жеребятину. Лама съ своими гелюнгами казались очень довольны изысканностію угощенія. Н. Ф.

*) Во время своего пребыванія въ Парижѣ, князь Сербеджабъ-Тюмень умудрился однажды крайне озадачить Парижскую публику. Шатаясь по улицамъ и магазинамъ, онъ накупилъ себѣ великое множество различныхъ маленькихъ органчиковъ, въ видѣ часовъ, табакерокъ, ящичковъ и даже перстней съ музыкой, чрезвычайно ими забавлялся и носилъ съ собою въ карманахъ. Забравшись разъ въ театръ, Тюмень во время антракта завелъ всѣ свои музыкальные инструменты, и съ горделивой улыбкой оглядывалъ партеръ и ложи въ ожиданіи необыкновеннаго эффекта и одобренія за столь пріятный Калмыцкій сюрпризъ. Публика сначала въ недоумѣніи стала прислушиваться къ этой разношерстой дребедени, стала искать исходный центръ ея, и наконецъ открывъ оный въ одномъ изъ рядовъ креселъ, въ образѣ дикой фигуры грубаго Монгольскаго типа, заволновалась, зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались крики: „à bas la bête! à bas la bête!“ Вмѣшалась полиція, и бѣднаго Тюменя вывели изъ театра подъ акомпанементъ такого взрыва свистаній и шиканій, которыя совершенно заглушали импровизированный концертъ его органчиковъ. Съ тѣхъ поръ князь Сербеджабъ возъимѣлъ о Французахъ самое невыгодное мнѣніе и отзывался о нихъ чрезвычайно презрительно.

ціональномъ духѣ, вѣрный племеннымъ обыкновеніямъ. Принадлежавшіе ему Калмыки жили въ довольствѣ и любили его. До пятидесятилѣтняго возраста онъ не выѣзжалъ никуда изъ своего улуса и даже не видалъ не только ни одного города, но даже ни одной деревни.

1837-й годъ для меня памятенъ тѣмъ, что въ теченіи онаго я ѣздилъ два раза въ Петербургъ, кромѣ разъѣздовъ по Астраханской губерніи и Кавказской области, такъ что проѣхалъ въ этотъ годъ около десяти тысячъ верстъ. Въ началѣ года, отправляясь въ Петербургъ, я взялъ съ собой сына для опредѣленія его въ Артилерійское Училище, а также дочь Екатерину, желавшую побывать въ Петербургѣ и повидаться съ старшею сестрой Еленой, которая тамъ жила съ мужемъ. Мы ѣхали на Саратовъ и Пензу, гдѣ застали тестя моего князя Павла Васильевича тяжко больнымъ. Его уже исповѣдали, причастили, соборовали, и доктора съ минуты на минуту ожидали его конца; но нашъ пріѣздъ, свиданіе со мной и внуками, такъ обрадовали старика, что онъ какъ бы ожилъ, началъ разпрашивать о дочери, разговаривать, разсказывать, повеселѣлъ, совсѣмъ пріободрился, весь день не отпускалъ насъ отъ своей постели и ночь провелъ спокойно. На слѣдующій день онъ былъ также бодръ и оживленъ: просилъ насъ не тревожиться его болѣзнію, много говорилъ, шутилъ, особенно съ внучкой, разсказывалъ интересныя вещи изъ прошлаго, анекдоты о своихъ пріятеляхъ Оленинѣ, Полуектовѣ и другихъ и по прежнему не отпускалъ насъ отъ себя. Въ одинадцать часовъ ночи, когда мы ужинали въ смежной съ его спальнею комнатѣ, князь попросилъ поправить ему подушку, и едва успѣли это сдѣлать, какъ онъ мгновенно скончался, безъ вздоха, безъ стона, слегка двинувъ плечомъ. Онъ только что съ нами говорилъ, въ голосѣ его было столько жизни, память была такъ свѣжа, что мы не вѣрили своимъ глазамъ, не вѣрили, чтобъ это могло такъ скоро случиться. Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, и уже года четыре онъ былъ совсѣмъ слѣпъ. Доктора̀ говорили, что, по ходу болѣзни и изнеможенію силъ, онъ долженъ былъ умереть ранѣе нашего пріѣзда; но ожиданіе этого пріѣзда, сильное желаніе насъ еще увидѣть, а затѣмъ радость свиданія съ нами, какъ-то чудесно поддержали его на нѣсколько дней. Судьба привела насъ въ Пензу именно въ это время, совершенно какъ бы для того, чтобы закрыть ему глаза и отдать послѣдній долгъ, что̀ мы и исполнили. Князь заявлялъ желаніе, чтобы его похоронили въ деревенской церкви, въ его имѣніи Кутли, возлѣ сестры его Екатерины Васильевны Кожиной, въ сорока верстахъ отъ Пензы; и 5-го Февраля, при большомъ морозѣ, по дурной снѣжной дорогѣ, мы повезли его, сопутствуемые огромной толпой Пензенскихъ жителей всѣхъ сословій, провожавшихъ далеко за городъ тѣло

своего столь давняго и уважаемаго старожила. А за нѣсколько верстъ отъ Кутли, вся деревня вышла на встрѣчу погребальнаго шествія; во всѣхъ крестьянахъ видны были истинная любовь къ ихъ покойному, доброму помѣщику и живая скорбь о потерѣ его. Они взяли гробъ на руки и несли его до церкви, гдѣ на другой день, по совершеніи заупокойной литургіи и панихиды, тѣло было предано землѣ.

Князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій былъ храбрый, боевой Екатерининскій генералъ, высоко образованный, очень ученый, замѣчательный лингвистъ (онъ превосходно зналъ Греческій и Латинскій языки, а по французски, нѣмецки, англійски и итальянски говорилъ какъ по-русски) и вмѣстѣ съ тѣмъ отличный христіанинъ и добрѣйшій человѣкъ. Да почиваетъ въ мирѣ благородная, достойная душа его!

Покончивъ наши печальныя хлопоты, мы выѣхали 7-го Февраля изъ Кутли и продолжали дорогу на Москву, гдѣ пробыли нѣсколько дней. Здѣсь мы узнали о трагической смерти Пушкина. Насъ это поразило, а дочь моя Катя горько плакала, какъ вѣроятно и многіе изъ Русскихъ, особенно дамъ. Утрата для отечественной литературы была незамѣнима, а я жалѣлъ о немъ и просто какъ о человѣкѣ. Въ Петербургъ мы прибыли 19-го Февраля, и помѣстились на квартирѣ старшей моей дочери Елены, очень удобно. Мужъ ея П. А. Ганъ состоялъ тогда на службѣ въ Петербургѣ въ образцовой батареѣ.

Я былъ вызванъ Блудовымъ вслѣдствіе ходатайства о томъ Тимирязева, дабы объяснить несообразности въ новомъ «Положеніи о управленіи Калмыковъ 1835-го года», и о необходимыхъ въ немъ исправленіяхъ. Блудовъ, кажется, не имѣлъ большаго довѣрія къ увѣреніямъ Тимирязева въ этомъ отношеніи. «Положеніе о Калмыкахъ» было составлено самимъ Димитріемъ Николаевичемъ; онъ смотрѣлъ на все съ своей точки зрѣнія и представлялъ себѣ бытъ Калмыцкій по тому идеалу, который напередъ самъ себѣ вообразилъ. Впрочемъ, въ разговорахъ со мною по этому предмету, Блудовъ въ подробные распросы не вдавался, а ограничивался болѣе поверхностными, да и то съ видимымъ нетерпѣніемъ и торопливостію, подъ предлогами надобности ѣхать во дворецъ, въ совѣтъ и т. д. Можетъ быть, причиною такого охлажденія къ своему дѣтищу («Положенію») былъ сдѣлавшійся тогда извѣстнымъ переходъ этого управленія въ вѣдомство Киселева. Какъ бы ни было, только само собой разумѣется, при подобной обстановкѣ поѣздка моя немного принесла пользы, какъ для службы, такъ и для Калмыцкаго народа; но мнѣ лично она оказала пользу, тѣмъ, что, по ходатайству Тимирязева и Блудова, доставила мнѣ улучшеніе содержанія. Въ это же время я познакомился ближе и съ новымъ министромъ государственныхъ имуществъ П. Д. Киселевымъ; онъ тогда очень сильно занимался

устройствомъ государственныхъ поселянъ, въ составъ коихъ должны были поступить и Калмыки. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, я неожиданно получилъ настоятельное приглашеніе отъ бывшаго въ то время Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графа Строганова перейти къ нему на службу; предлагаемое мѣсто было недурное съ пребываніемъ въ Полтавѣ, и я сначала колебался, но по нѣкоторомъ раздумьи не рѣшился и отказался. Я часто бывалъ у Киселева и директоровъ его департаментовъ, особенно у пользовавшагося его великимъ довѣріемъ статсъ-секретаря Карнѣева, бо́льшею частію для совѣщаній по разнымъ предметамъ о улучшеніи государственныхъ имуществъ. Въ эту же бытность мою въ Петербургѣ я познакомился съ извѣстнымъ Осипомъ Ивановичемъ Сенковскимъ, барономъ Брамбеусомъ, по случаю литературныхъ отношеній его съ старшею моею дочерью Еленой Андреевной Ганъ, статьи которой онъ печаталъ въ издаваемой имъ тогда Библіотекѣ для Чтенія. Человѣкъ онъ былъ безспорно замѣчательно умный и необыкновенно остроумный, но въ разговорахъ съ нимъ проявлялось что-то отталкивающее отъ него.

Я на этотъ разъ мало пользовался столичными развлеченіями. Они и прежде не особенно привлекали меня, а теперь мнѣ было не до нихъ; я предоставилъ моимъ дочерямъ забавляться удовольствіями Петербурга, что́ онѣ и дѣлали очень охотно, тѣмъ болѣе что для дочери Кати все здѣсь являлось новымъ и любопытнымъ. Однажды онѣ уговорили меня пойти съ ними въ театръ на Роберта-Дьявола, но я не досидѣлъ до конца. Сынъ Ростиславъ большею частію оставался дома за своими книгами и географическими картами и интересовался только музеями, арсеналами, картинными галереями и древностями. Онъ съ малолѣтства отличался философскимъ расположеніемъ духа и всегда любилъ сидѣть дома. Между тѣмъ, меня безпокоили письма жены моей: она давно страдала слабостію глазъ; теперь же, можетъ быть отъ слезъ послѣ смерти отца, это страданіе усилилось; Астраханскіе доктора ее напугали, и она боялась ослѣпнутъ также какъ и отецъ ея. Я съ дѣтьми настаивалъ, чтобъ она пріѣхала немедленно къ намъ въ Петербургъ посовѣтоваться съ лучшими окулистами, но она не согласилась и писала, что предпочитаетъ поѣхать съ дѣтьми въ Пятигорскъ лѣчиться водами.

Киселевъ, увидѣвшись съ Блудовымъ, просилъ его уступить ему меня. Послѣдствіемъ было то, что Блудовъ немного обидѣлся и на меня посѣтовалъ, думая, что я самъ ищу этого перемѣщенія; но неудовольствіе прошло, когда я объяснился, и нѣсколько дней спустя онъ мнѣ объявилъ, что намѣренъ дать мнѣ особыя порученія и вмѣстѣ съ тѣмъ, по желанію Киселева, соединить ихъ съ порученіемъ мнѣ и отъ него, и что, обдумавъ какъ это лучше сдѣлать,

вскорѣ отправитъ меня обратно. Дѣйствительно, безъ лишняго промедленія, Дмитрій Николаевичъ поручилъ мнѣ обозрѣть внимательно Калмыцкіе улусы и Саратовскія Нѣмецкія колоніи, а предъ отправленіемъ моимъ обратно въ Астрахань, Киселевъ, по соглашенію съ Блудовымъ, возложилъ на меня порученіе, сверхъ Калмыцкихъ и Нѣмецкихъ дѣлъ, осмотрѣть поселенія и государственныя имущества Астраханской губерніи и Кавказской области. По окончаніи этихъ комиссій, я долженъ былъ къ зимѣ, или зимой, прибыть снова въ Петербургъ для представленія о нихъ отчета. На дорожныя издержки выдали мнѣ порядочныя деньги, да еще въ помощь дали двухъ чиновниковъ, надворныхъ совѣтниковъ Франка и Нейдгарта.

Къ этому времени я успѣлъ окончательно устроить и сына моего, на нѣсколько мѣсяцевъ, для приготовленія его къ вступленію въ Артилерійское Училище: я помѣстилъ его у родного племянника моего Александра Александровича Фадѣева, служившаго въ гвардейской артилеріи и одного изъ лучшихъ преподавателей въ этомъ самомъ училищѣ, вполнѣ знавшаго свое дѣло, отличнаго офицера [1]). Онъ обѣщалъ приготовить моего Ростислава къ новому году. Братъ мой Павелъ Михайловичъ, артилерійскій генералъ, постоянно находившійся на службѣ въ Петербургѣ, также готовъ былъ оказать ему всякое содѣйствіе и участіе. Я сдѣлалъ все, что̀ могъ придумать лучшаго, моля Бога, чтобы это послужило на пользу и добро моему сыну.

Я выѣхалъ восьмаго Мая, съ дочерью Екатериной, взявъ съ собою и старшую дочь мою вмѣстѣ съ ея двумя маленькими дочерьми [2]), какъ для свиданія съ матерью, такъ и для того, чтобы отправить ихъ вмѣстѣ съ нею въ Пятигорскъ на минеральныя воды, въ коихъ онѣ обѣ имѣли надобность по причинѣ усиливавшихся болѣзненныхъ явленій. Не доѣзжая до Астрахани восемьдесятъ верстъ, мы заѣхали по дорогѣ къ князю Тюменю и были обрадованы, заставъ тамъ жену мою съ дочерью Надею, выѣхавшихъ намъ на встрѣчу. Оттуда 26 Мая мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Астрахань водою на большихъ лодкахъ. Пробывъ въ Астрахани двѣ недѣли, мы отправились опять всѣ вмѣстѣ 9 Іюня въ Пятигорскъ, такъ какъ и я долженъ былъ ѣхать на Кавказъ по дѣлу. Проѣхавъ сто двадцать верстъ по почтовому Кизлярскому тракту [3]), мы своротили съ него на право, въ Калмыцкія степи гдѣ намъ пришлось продолжать наше странствіе преимущественно

---

[1]) Нынѣ генералъ отъ артиллеріи, членъ Александровскаго Комитета о раненыхъ.

[2]) Нынѣ госпожи Желиховская и Блаватская (Радда-Бай). П. Б.

[3]) Въ то время трактъ прерывался, и на довольно большомъ разстояніи не было никакой почты.

на верблюдахъ, выставленныхъ заранѣе Калмыками для нашего проѣзда, и испытывать большой недостатокъ въ водѣ. Верблюдовъ запрягали въ экипажи какъ лошадей, парою въ дышло, и эти прославленные *корабли пустыни*, столь полезные въ Азіатскихъ караванахъ и выносливые въ Аравійскихъ пустыняхъ, оказались лѣнивѣйшими животными въ Астраханской степи. Тотчасъ по упряжкѣ, они шли своимъ плавнымъ, чопорнымъ шагомъ версты двѣ-три; затѣмъ одинъ верблюдъ, безъ малѣйшаго основанія, ложился на землю; его товарищъ слѣдовалъ его примѣру, и уже не было никакого средства заставить ихъ подняться, кромѣ одного: освободить отъ упряжи и впрячь другихъ, которые, пройдя двѣ версты, устраивали неминуемо тотъ же самый маневръ. Вѣроятно верблюды выказывали этимъ протестъ противъ упряжи и не хотѣли ей покориться. Степь представляла собою сплошную, необозримую массу песка, разносимаго вѣтромъ высокими буграми, въ родѣ подвижныхъ горъ, съ мѣста на мѣсто, и противъ силы вѣтра съ пескомъ почти невозможно было устоять на ногахъ. Изрѣдка зеленѣли, или вѣрнѣе сказать рыжѣли, тощіе кустики полуизсохшей полыни, и иногда попадались неглубокіе колодцы съ водой, такой горькой и противной на вкусъ, что даже верблюды отказывались ее пить. Мы взяли съ собой въ запасъ нѣсколько боченковъ воды; но отъ солнечнаго жара она скоро такъ согрѣлась, что не годилась къ употребленію. Далѣе по пути стала проявляться растительность, трава, которая по немногу своею зеленью замѣнила желтизну песка. Мы ночевали одну ночь въ соляной заставѣ, другую въ степи, а третью въ Калмыцкомъ кочевьи, гдѣ Калмыки приняли насъ очень радушно. Они даже устроили въ честь нашу торжественное богослуженіе въ кибиткѣ, замѣнявшей имъ хурулъ, т. е. капище. Десятка полтора гелюнговъ, сидя въ два ряда одни противъ другихъ, поджавши ноги, передъ возвышеніемъ, уставленнымъ бурханами (идолами), играли на трубахъ всѣхъ постепенныхъ величинъ, начиная отъ длинныхъ, сажени въ полторы, до самыхъ коротенькихъ, вершка въ два. Эта музыка разнородныхъ, гремящихъ и свистящихъ звуковъ, то оглушительно рѣзкихъ, то тихо дребезжащихъ, иногда рѣзала наши непривычныя уши; но въ совокупности, раздаваясь и разносясь по безпредѣльной степи, составляла странную, фантастическую гармонію, не лишенную какого-то дикаго величія и производившую особенное впечатлѣніе. На четвертый день мы доѣхали до береговъ Кумы, гдѣ нашли хорошій отдыхъ со всѣми удобствами, у извѣстнаго шелковода, Кавказскаго помѣщика Реброва, теперь уже столѣтняго старца *), въ деревнѣ его Владимировкѣ.

*) Писано въ 1862 году. Вскорѣ затѣмъ Ребровъ и умеръ. Н. Ф.

Бесѣда съ нимъ представляла много интереса и занимательности. Ребровъ состоялъ нѣкогда правителемъ канцеляріи у перваго главнаго начальника въ Грузіи по занятіи ея Русскими, генерала Кнорринга, а потомъ, кажется, и нѣкоторое время у князя Циціанова. Отъ Реброва мы отправились чрезъ Русскія деревни по Кумѣ, въ Пятигорскъ, куда и прибыли 16 Іюня. Тамъ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ и возобновилъ старое съ княземъ Владиміромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, умнымъ балагуромъ, большимъ острякомъ и гастрономомъ, котораго зналъ я еще въ 1815 году, тогда молодымъ красавцемъ гусаромъ, а теперь встрѣтилъ уже претолстымъ генераломъ. Впослѣдствіи онъ былъ знаменитымъ членомъ Московскаго Англійскаго клуба и умеръ въ прошломъ году.

Устроивъ мое семейство для пребыванія на водахъ, я отправился 23 Іюня въ Ставрополь, для исполненія порученій по части государственныхъ имуществъ. Вскорѣ затѣмъ въ Ставрополь пріѣхалъ нарочно, чтобы посѣтить меня и повидаться со мной, извѣстный Молочанскій Менонистъ Корнисъ, коего я очень любилъ и уважалъ. Онъ замѣтно выдѣлялся изъ своей среды. Прибывъ въ Россію лѣтъ за двадцать предъ тѣмъ, изъ Пруссіи, совершеннымъ бѣднякомъ и работникомъ, онъ въ короткое время своей дѣятельностью и смышленностью успѣлъ составить себѣ огромное состояніе; но, что̀ важнѣе всего, успѣлъ принести много пользы и своему обществу, и всѣмъ сосѣднимъ жителямъ, въ томъ числѣ и Ногайцамъ, примѣромъ, и наставленіями, и матеріальными пособіями. Онъ умеръ лѣтъ черезъ десять, оставивъ своему семейству богатое наслѣдство, отмѣнно хорошо устроенныя хозяйственныя заведенія, и незабвенную память не только между своими собратіями, но и между всѣми жителями Новороссійскаго края.

Пробывъ въ Ставрополѣ недѣль около двухъ, я поѣхалъ для обозрѣнія сперва Русскихъ государственныхъ имуществъ той губерніи, а потомъ Калмыцкихъ степей, на коихъ кочевали Калмыки обоихъ Дербетовскихъ улусовъ. Я взялъ съ собой и Корниса, и вмѣстѣ съ нимъ проѣхалъ оттуда вдоль Маныча и Кумы, близъ границы земли Войска Донскаго, черезъ всю Калмыцкую степь, лежащую въ этомъ направленіи, и имѣлъ ночлеги въ ихъ кочевьяхъ. Въ этихъ кочевьяхъ я нашелъ Калмыцкаго зайсанга (т. е. дворянина) Джамбо-Гелюнга, замѣчательнаго тѣмъ, что, не бывъ нигдѣ кромѣ своихъ степей, онъ успѣлъ себѣ составить понятіе объ осѣдломъ хозяйствѣ, построилъ домикъ, завелъ мельницу и хлѣбопашество; но примѣру его прочіе Калмыки не послѣдовали, хотя было тамъ много мѣстъ очень удобныхъ къ поселенію. Въ этомъ направленіи я доѣхалъ наконецъ до перваго Русскаго поселенія, Аксая, въ Астраханской губерніи, а по-

томъ чрезъ Мало-Дербетовскую улусную ставку доѣхалъ до Сарепты. Всему проѣханному мной пространству я составилъ подробное описаніе и, по окончаніи ревизіи въ Астраханской губерніи всего того что мнѣ было поручено, я представилъ въ Министерство самыя подробныя свѣдѣнія, и въ томъ числѣ мое мнѣніе о лучшемъ устройствѣ въ этой губерніи какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ рыболовныхъ промысловъ. Такія же описанія я составлялъ по Ставропольской и впослѣдствіи по Саратовской губерніи; но были ли они кѣмъ либо читаны? Сомнѣваюсь. (Въ настоящее время объ Астраханской губерніи, помѣщена прекрасная, вѣрная статья въ Энциклопедическомъ Словарѣ, т. V-й).

Въ Сарептѣ я провелъ очень пріятно день въ прогулкахъ, въ осмотрѣ полезныхъ и интересныхъ учрежденій Гернгутерскаго городка и въ бесѣдѣ съ старшинами, однимъ Американскимъ миссіонеромъ и Корнисомъ, съ которымъ на слѣдующій день распростился: онъ отправился обратно къ своимъ Молочнымъ Водамъ, а я поѣхалъ внизъ по Волгѣ, для обревизованія казенныхъ селеній, по обоимъ берегамъ ея отъ Сарепты до Астрахани лежащимъ. Въ первыхъ числахъ Августа я возвратился въ Астрахань и занимался весь мѣсяцъ накопившимися бумагами, въ концѣ мѣсяца ѣздилъ въ казенныя деревни снова, внизъ по Волгѣ до морскаго устья, на нѣсколько дней, а 7 Сентября вечеромъ былъ обрадованъ возвращеніемъ жены моей съ дочерьми изъ Пятигорска.

24 Сентября я выѣхалъ въ Петербургъ съ отчетами по исполненію возложенныхъ на меня порученій. До Сарепты меня сопровождала старшая дочь моя, которая поѣхала обратно къ мужу, квартировавшему въ Курской губерніи, а я направился обозрѣвать Саратовскія колоніи, лежащія по обоимъ берегамъ Волги отъ Камышина до Волжска. Проѣхавъ до колоніи Севастьяновки, въ сорока верстахъ отъ Саратова, по правому берегу Волги, я переправился на лѣвый. Въ недальнемъ разстояніи отъ Камышина я видѣлъ любопытное мѣсто близъ колоніи Щербановки: въ четырехъ верстахъ отъ Волги образуется высокій крутой оврагъ обросшій лѣсомъ, въ глубинѣ коего находится узкая продольная долина съ быстрою рѣчкой. Въ этой долинѣ колонисты устроили болѣе двадцати водяныхъ мельницъ съ небольшими, но красивыми домиками, отстоящими далеко одинъ отъ другаго. Это представляетъ на нѣсколько верстъ глазу путника очень живописную и необыкновенную картину. Колоніи на лѣвомъ берегу Волги я нашелъ гораздо устроеннѣе и на высшей степени благосостоянія, нежели на нагорной, что произошло отъ избытка земли на степной сторонѣ, тогда какъ на нагорной у колонистовъ ощущался сильный недостатокъ въ ней. Извѣстную колонію Катериненштатъ я

и тогда уже засталъ весьма устроенною, но болѣе въ видѣ промышленнаго и торговаго мѣстечка, нежели земледѣльческой колоніи. Обозрѣвъ всѣ колоніи подробно, я прибылъ 13 Октября въ Саратовъ, гдѣ прожилъ двѣ недѣли для собранія нужныхъ мнѣ къ отчету моему свѣдѣній въ Конторѣ иностранныхъ поселенцевъ. Въ этомъ отчетѣ я представлялъ Министерству подробныя свѣдѣнія какъ о состояніи Саратовскихъ колоній, такъ и предположенія о мѣрахъ къ улучшенію ихъ благосостоянія. Въ сихъ колоніяхъ Нѣмцы до того были избалованы въ теченіи сорока лѣтъ, до царствованія императора Александра I, и до того испорчены нравственно, что въ 1803 году, по представленію сенатора Габлица, покойный Императоръ приказалъ учредить въ нихъ восемь смирительныхъ домовъ, которые и существовали довольно продолжительное время. Я нашелъ уже этихъ колонистовъ, въ сложности, по отношенію къ нравственности, нѣсколько исправившимися; но неурядицъ и всякаго рода безпорядковъ было еще очень много. Мои предположенія состояли главнѣйше въ томъ, чтобы: 1) Устроить ихъ поземельное владѣніе, которое находилось въ совершенномъ хаосѣ; многія колоніи отстояли очень далеко отъ своихъ угодій, надѣлены ими недостаточно, а другія съ избыткомъ, въ излишествѣ, и проч. и проч. 2) Раздѣлить земли посемейно на хозяевъ и утвердить ихъ въ нераздѣльномъ потомственномъ владѣніи. 3) Предоставить надѣлъ участками только однимъ хозяевамъ-хлѣбопашцамъ, а отнюдь не купцамъ и промышленникамъ. И наконецъ 4) переселить тѣхъ изъ нихъ, которые, по быстрому умноженію народонаселенія (Саратовскіе колонисты съ 1764 по 1837 годъ, въ семьдесятъ три года, усемерились въ числѣ), нуждаются въ средствахъ довольствія, въ тѣ мѣста Имперіи, гдѣ земли еще находятся въ большомъ избыткѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ предложенныхъ мною мѣръ, кажется, впослѣдствіи приведены въ исполненіе.

Отправился я въ Петербургъ ужъ позднею осенью, въ концѣ Октября, съ Нейдгардтомъ и Франкомъ. Дорога наша была самая дурная, и погода прескверная; но въ обществѣ съ двумя образованными молодыми людьми время проходило не слишкомъ скучно. Тащились мы по мерзлой грязи и колоти болѣе двухъ сутокъ, и только на третьи добрались до Пензы, гдѣ остановились у одного родственника жены моей. Хорошо отдохнувъ у него, на другой день, послѣ сытнаго обѣда, мы поѣхали по пути въ Кутлю, тамъ переночевали, и утромъ, отслуживъ панихиду на могилѣ покойнаго моего тестя, продолжали странствіе. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: въ одномъ я съ Франкомъ, въ другомъ Нейдгардтъ съ моимъ чиновникомъ Биллеромъ. Со мною были камердинеръ и поваръ Иванъ. Не доѣзжая одной станціи до Мурома, въ экипажѣ Нейдгардта сломалось колесо, и мы должны были

остановиться на станціи въ ожиданіи его починки. Отъ скуки мы сѣли играть въ карты. Тѣмъ временемъ къ станціи подъѣхалъ экипажъ, и къ намъ вошелъ проѣзжій, приличный на видъ, отрекомендовавшійся намъ Пензенскимъ помѣщикомъ А***, о которомъ я слышалъ, какъ о богатомъ человѣкѣ, одномъ изъ видныхъ дворянъ города. Онъ разсказалъ намъ, что ѣдетъ изъ Москвы, очень спѣшитъ въ Пензу, гдѣ его ожидаютъ семейство, съ коимъ онъ давно не видался, и нужныя дѣла. Поговоривъ немного, онъ вышелъ въ другую комнату и, возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ, объявилъ, что мы ему такъ понравились, ему такъ съ нами пріятно, что онъ не желаетъ съ нами разставаться и, чтобы подолѣе продлить это удовольствіе, рѣшился ѣхать съ нами назадъ въ Москву. Хотя намъ показалось довольно необыкновенно, что человѣкъ семейный, пожилой, дѣловой, ѣдущій по столь скверной дорогѣ и сдѣлавшій уже половину ея, хочетъ воротиться обратно по такой странной причинѣ, но изъ учтивости мы сказали, что очень рады. И точно: онъ отправилъ бывшаго съ нимъ управителя, для устройства дѣлъ въ деревню, а самъ, поворотивъ оглобли, поѣхалъ съ нами въ Москву. Мы нашли въ немъ предобрѣйшаго и любезнѣйшаго спутника, который всю дорогу насъ угощалъ, въ Москвѣ завезъ прямо къ себѣ, на свою годовую квартиру, отлично принималъ, кормилъ и поилъ, преимущественно Шампанскимъ, и всякій день приносилъ намъ билетъ въ ложу, которымъ я не пользовался, предоставивъ это своимъ чиновникамъ. Разъ только нашъ чудакъ затащилъ меня въ театръ, гдѣ я просидѣлъ часа полтора. Давали Скопина-Шуйскаго. Піеса меня не забавляла, но за то забавляли двѣ сцены въ сосѣднихъ ложахъ: въ одной, за барынями и барышнями, стояла, вытянувшись назади, все время представленія, огромнаго роста служанка въ выбойчатомъ платьѣ; въ другой, повидимому, провинціальныя посѣтительницы разсчитали по количеству своихъ особъ, что имъ мѣста для сидѣнія въ ложѣ будетъ мало и потому принесли подъ салопами скамейки, ножки коихъ оказались ненадежныя, и въ первомъ дѣйствіи, у одной изъ скамеекъ онѣ подломились, барыня упала, и ея громогласное «ахъ!» раздалось во всемъ театрѣ. Затѣмъ я ушелъ, удовольствовавшись болѣе этимъ представленіемъ въ ложѣ, нежели на сценѣ.

Эксцентрическая продѣлка нашего добродушнаго хозяина, наконецъ, разъяснилась для меня: встрѣтившись на станціи, А-нъ узналъ моего повара Ивана (изъ бывшихъ людей тестя моего князя Павла Васильевича), взросшаго и всегда жившаго въ Пензѣ, и сталъ распрашивать его о Пензенскихъ новостяхъ; а тотъ, въ числѣ всякой всячины, разсказалъ ему скандальную сплетню о его женѣ, и это такъ подѣйствовало на А, что, недолго думая, онъ мигомъ измѣнилъ свой маршрутъ.

Въ Москвѣ находилась тогда Царская фамилія. Засталъ я тамъ и нашего губернатора Ив. Сем. Тимирязева, пріѣхавшаго изъ Астрахани; онъ представлялся Государю, надѣялся получить другое, высшее назначеніе и, въ случаѣ успѣха, просилъ меня служить у него. Дня черезъ три мы выѣхали изъ Москвы и 13-го Ноября прибыли въ Петербургъ. Я узналъ отъ П. Д. Киселева о готовившемся мнѣ назначеніи въ имѣвшее вновь открыться управленіе Саратовскою Палатою Государственныхъ Имуществъ; но время исполненія этого предположенія еще не было опредѣлено. Между тѣмъ, дѣла въ Петербургѣ оказалось у меня довольно. Занятія мои главнѣйше состояли въ окончаніи моихъ отчетовъ о Калмыкахъ, колонистахъ и государственныхъ поселянахъ Астраханской и Ставропольской губерній, а потомъ въ засѣданіяхъ учрежденной П. Д. Киселевымъ коммиссіи для выслушанія донесеній о состояніи государственныхъ имуществъ, отъ чиновниковъ, которые для этого были разосланы имъ по всѣмъ губерніямъ Имперіи; и затѣмъ, въ составленіи краткихъ выписокъ изъ донесеній къ просмотру министра. Всѣ эти донесенія составляли огромныя кипы бумагъ; въ нихъ высказывались взгляды и способности чиновниковъ. Изъ нихъ тѣ, отчеты которыхъ признавались удовлетворительными, предназначались къ должностямъ будущихъ управляющихъ палатъ государственныхъ имуществъ, долженствовавшихъ вскорѣ открыться въ тѣхъ губерніяхъ, кои они ревизовали.

Много курьезовъ содержалось въ этихъ отчетахъ, но попадались и дѣльные, и вообще все это вмѣстѣ взятое составляло богатый матеріалъ (который съ тѣхъ поръ вѣроятно уже сгнилъ) для познанія быта государственныхъ крестьянъ того времени. Не знаю, читалъ ли Киселевъ и самыя краткія извлеченія изъ нихъ; онъ, какъ и всѣ современные ему министры (за исключеніемъ графа Канкрина), довольствовался поверхностными взглядами и своими предвзятыми умозаключеніями, приноравливая ихъ къ такимъ же теоретическимъ изволеніямъ Государя Императора. Графъ Канкринъ говорилъ о П. Д. Киселевѣ, что онъ *не реалистъ, а формалистъ*, присовокупляя къ тому, что первыхъ въ Россіи очень мало, а вторыхъ очень много, и въ интимныхъ разговорахъ выражался по-нѣмецки въ томъ смыслѣ, что *Киселевъ хочетъ израсходовать изъ себя болѣе, нежели содержитъ въ себѣ матеріала*. Отчасти въ такомъ же родѣ былъ и нашъ Т....., находившійся тогда въ Петербургѣ. Онъ меня также тормошилъ и тамъ порученіями для составленія разныхъ неудобоисполнимыхъ проектовъ, между прочимъ объ обращеніи Калмыковъ въ казачье войско по примѣру войска Донскаго и Уральскаго. Идея, можетъ быть, въ военномъ отношеніи и прекрасная, но не совсѣмъ практичная, особенно

послѣ принятаго правительствомъ положительнаго рѣшенія о утвержденіи Калмыковъ въ сословіи мирныхъ поселянъ. Другой проектъ, особенно его интересовавшій, представлялъ столь же мало задатковъ къ успѣху какъ и предъидущій, а именно: основать городокъ на *Калмыцкомъ базарѣ*, въ четырехъ верстахъ отъ Астрахани, на Петербургскомъ трактѣ, гдѣ завелась Калмыцкая ярмарка для торговли скотомъ, еще съ того времени, когда существовала Калмыцкая орда въ полномъ своемъ составѣ, до бѣгства въ Китай. Теперь тамъ оставалось только нѣсколько постоялыхъ дворовъ. По этому поводу уже заготовлялись планы, составлялись смѣты, и Т. утѣшался уже надеждою сдѣлаться основателемъ будущей Калмыцкой столицы; но къ счастію или къ несчастію, никакой возможности осуществить это предпріятіе не оказалось, за отсутствіемъ денегъ необходимыхъ на расходы; а потому все окончилось одними пространными разговорами.

Въ свободные часы отъ своихъ занятій я проводилъ время чаще всего съ сыномъ моимъ и покойнымъ братомъ Павломъ Михайловичемъ, бывшимъ тогда членомъ Артилерійскаго Департамента. Это былъ человѣкъ рѣдкій, и по природному уму, и по способностямъ, и по христіанскимъ добродѣтелямъ. Онъ не сдѣлалъ особенной карьеры лишь потому, что не былъ искателенъ и говорилъ всегда правду*). Нѣсколько разъ занимая хорошія мѣста, обѣщавшія ему блестящую будущность, онъ, несмотря на сопротивленіе своего начальства, оставлялъ эти мѣста, оставлялъ даже самую службу, потому что не могъ переносить жестокостей, несправедливостей, строгостей, которыхъ ему приходилось быть невольнымъ орудіемъ, исполнителемъ, или просто свидѣтелемъ. Такъ онъ отказался отъ виднаго мѣста при Аракчеевѣ; такъ отказался отъ мѣста главнаго начальника Тульскихъ оружейныхъ заводовъ, чѣмъ сильно разсердилъ Великаго Князя Михаила Павловича, и вынужденъ былъ временно выйти въ отставку, и отъ другихъ мѣстъ.

Я часто посѣщалъ бывшаго его начальника, извѣстнаго генерала барона Карла Θеодоровича Левенштерна, человѣка добраго, знаменитаго гастронома, отжившаго свой вѣкъ на покоѣ въ званіи члена военнаго совѣта; къ нему ѣздила лакомиться на Эпикурейскіе обѣды Петербургская знать, объѣдала его и вмѣстѣ съ тѣмъ трунила надъ его слабостями, изъ коихъ, послѣ обжорства, преобладающею была непомѣрное честолюбіе. Онъ признавалъ себя вполнѣ государственнымъ

*) Также какъ и самъ Андрей Михайловичъ. Впрочемъ, карьера Ан. Мих. былабы совсѣмъ другая, еслибы онъ служилъ не въ провинціи, а въ Петербургѣ, что ему неоднократно предлагали, и очень настоятельно; но онъ отказывался по причинѣ разстроеннаго здоровья Елены Павловны, которая, по общему отзыву врачей, не могла переносить сѣвернаго климата. Н. Ф.

человѣкомъ и сильно злобился на П. Д. Киселева за то, что тотъ перебилъ у него Министерство Государственныхъ Имуществъ, на которое онъ почему-то разсчитывалъ. Разочаровавшись въ своихъ честолюбивыхъ помыслахъ, онъ предался окончательно своей страсти къ ѣдѣ, что̀ вскорѣ и свело его въ могилу. Онъ часто приглашалъ меня къ себѣ обѣдать, объявляя притомъ непремѣнно о какомъ нибудь особенномъ кушаньи, которымъ намѣревался меня, а главное—себя, угощать, какъ напримѣръ о Вестфальскомъ окорокѣ свареномъ въ мадерѣ или фазанѣ фаршированномъ трюфелями, и т. д. Послѣ обѣда онъ обыкновенно везъ меня съ собою въ каретѣ смотрѣть балетъ; помню «Дѣву Дуная», гдѣ Тальони прыгала чуть не до потолка. Но я не засиживался долго и обыкновенно послѣ перваго дѣйствія уѣзжалъ домой пить чай съ сыномъ, котораго никакъ не могъ уговорить ходить хоть изрѣдка въ театръ: онъ все сидѣлъ за математикой и военной исторіей. Левенштернъ иногда не довѣрялъ своимъ поварамъ и самъ ходилъ на базаръ выбирать провизію и провѣрять цѣны, причемъ надѣвалъ какую нибудь старую шинель, принимая мѣры, чтобы его не узнали. Но разъ съ нимъ случилось приключеніе, только кажется не въ Петербургѣ, а гдѣ-то въ провинціи. Пошелъ онъ на рынокъ, замаскировавъ по возможности свою генеральскую форму и купилъ двухъ жирныхъ, откормленныхъ гусей; взялъ ихъ обоихъ себѣ подъ руки и понесъ домой кратчайшимъ путемъ, забывъ, что на пути гауптвахта. Какъ только поровнялся онъ съ нею, караульный часовой его узналъ и вызвалъ караулъ. Испуганный генералъ, желая остановить часоваго, второпяхъ махнулъ рукой—и одинъ изъ гусей въ тоже мгновеніе вырвался и побѣжалъ; Левенштернъ бросился его ловить, а тутъ и другой гусь выскочилъ изъ подъ руки и послѣдовалъ за товарищемъ. Въ это же время, вызванный караулъ подъ ружьемъ уже отдавалъ честь генералу отъ артилеріи барону Левенштерну, и безмолвно созерцалъ, какъ генералъ въ смятеніи кидался отъ одного гуся къ другому; а гуси, махая крыльями, съ громкимъ кряканьемъ отбивались отъ его высокопревосходительства. Послѣ такого казуса, Левенштернъ никогда больше не ходилъ на рынокъ покупать гусей.

Тогда же я познакомился съ замѣчательнымъ нашимъ химикомъ, физикомъ и металургомъ Соболевскимъ, на дочери коего женатъ мой племянникъ Александръ Александр. Фадѣевъ. Соболевскій сдѣлался извѣстенъ введеніемъ на нѣкоторое время въ Россіи платиновой монеты, и вообще разработкой платины. Я нашелъ въ немъ старика умнаго и любезнаго. Жилъ онъ большимъ бариномъ, имѣлъ на Крестовскомъ островѣ богатую дачу съ превосходной галерееею картинъ, статуями, бронзами и всякими рѣдкостями, кормилъ прекрасными обѣ-

дами съ отличными винами; но такъ какъ домъ его нагрѣвался какимъ-то особеннымъ способомъ, то для меня, какъ неученаго, казалось въ комнатахъ ужасно холодно, и я радовался окончанію обѣда въ восьмомъ часу вечера, чтобы поскорѣе убраться домой, погрѣться. Подъ конецъ дѣла́ Соболевскаго разстроились, и я слышалъ, что онъ умеръ почти въ бѣдности.

Декабря 17 и 18 въ Петербургѣ свирѣпствовалъ страшный пожаръ, истребившій зимній дворецъ. Зрѣлище было ужасное и поразительное.

П. Д. Киселевъ хотѣлъ передать мнѣ всѣ бумаги, касающіяся Саратовской губерніи и прямо отправить меня въ Саратовъ для завѣдыванія тамъ дѣлами въ ожиданіи открытія Палаты Гос. Им.; но я ему замѣтилъ, что состою пока на службѣ при другомъ министерствѣ, занимая должность главнаго попечителя надъ Калмыками, и для того, чтобы ѣхать въ Саратовъ, долженъ получить оффиціальное назначеніе и званіе, что̀ удобнѣе сдѣлать уже по открытіи палаты. И. С. Тимирязевъ тоже просилъ Киселева оставить меня въ Астрахани; но тотъ сказалъ, что я ему необходимъ въ Саратовѣ, одной изъ важнѣйшихъ губерній. Я между тѣмъ представилъ Карнѣеву для сообщенія министру мой ультиматумъ, т. е. условія, на коихъ я согласенъ остаться у него на службѣ (по поводу содержанія), и они были приняты безъ малѣйшихъ затрудненій. Затѣмъ Киселевъ, съ переходомъ въ его вѣдомство Калмыковъ, прочитавъ мою о нихъ записку, заинтересовался ими, а можетъ быть и по внушенію графа Блудова, полагавшаго, что я для управленія надъ ними полезенъ, началъ колебаться, не оставить ли меня въ Астрахани на прежнемъ мѣстѣ, съ присоединеніемъ къ нему, по открытіи палатъ, должности предсѣдателя Палаты Гос. Им., и наконецъ такъ и рѣшился, поручивъ мнѣ составить проектъ новой администраціи для Калмыковъ на иныхъ основаніяхъ, съ оставленіемъ меня въ Астрахани. Онъ также просилъ меня заняться пересмотромъ ревизій прочихъ ревизоровъ, до времени моего отъѣзда, что́ мнѣ весьма не понравилось, особенно опасеніемъ, чтобъ это не задержало меня еще долѣе въ Петербургѣ. Киселевъ высказывалъ мнѣ большое расположеніе, говорилъ Тимирязеву, что непремѣнно подвинетъ меня впередъ по службѣ, а мнѣ заявилъ: «я слышалъ, что вы хлопочете о жалованьи; пожалуйста предоставьте себя совершенно мнѣ», что̀ я и сдѣлалъ, какъ и всегда дѣлалъ *).

*) Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Андрей Михайловичъ получалъ письма отъ значительнѣйшихъ колонистовъ южнаго края, которые, узнавъ объ учрежденіи Палатъ Гос. Им., убѣждали А. М. возвратиться къ нимъ на службу и снова управлять ими; а почетнѣйшіе Калмыцкіе князья и зайсанги молили его остаться въ Астрахани. Кстати сказать, что Калмыцкіе князья, изъ которыхъ иные владѣли довольно большими

Въ Февралѣ 1838, сынъ мой выдержалъ окончательный экзаменъ, однимъ изъ первыхъ по количеству баловъ и поступилъ въ Артилерійское Училище, и въ томъ же мѣсяцѣ, 28-го числа, послѣ почти полугодоваго моего жительства въ Петербургѣ, оба министра отпустили меня къ возвращенію въ Астрахань, гдѣ пришлось мнѣ оставаться на неопредѣленное время. Дорогу опять имѣлъ я прескверную отъ весенней распутицы и насилу доѣхалъ въ концѣ Марта мѣсяца. Впрочемъ ѣхать мнѣ снова было нескучно, потому что мнѣ нашелся сопутникъ, вновь назначенный въ Астрахань вице-губернаторъ Пфеллеръ, человѣкъ добрый и образованный, но весьма своенравный. Онъ прежде служилъ по дипломатической части и долго находился секретаремъ посольства въ Копенгагенѣ, впослѣдствіи былъ губернаторомъ въ Каменцѣ-Подольскѣ и Вологдѣ, гдѣ кончилъ свою службу непріятно: въ одномъ городѣ дворянство и купечество объявили ему, что не признаютъ его начальникомъ губерніи и отказались допустить его до ревизіи. Этотъ совершенно новый способъ выживать изъ губерніи не нравившихся жителямъ губернаторовъ надѣлалъ тогда много шума, и Пфеллеръ долженъ былъ выдти въ отставку.

12-го Мая жена моя съ дѣтьми отправилась на второй курсъ лѣченія минеральными водами въ Пятигорскъ, а я до Августа дѣлалъ небольшіе разъѣзды по Калмыцкимъ дѣламъ въ ближайшихъ мѣстахъ. Возвратился и нашъ военный губернаторъ Ив. С. Тимирязевъ, не успѣвъ добиться перемѣщенія изъ Астрахани, хотя прежде настоятельно говорили о предстоявшемъ будто бы ему назначеніи генералъ-губернаторомъ въ Харьковъ. 9-го Августа я отправился къ семейству моему и оставался съ нимъ въ Пятигорскѣ, а потомъ въ

средствами, были такъ пріучены прежнимъ своимъ начальствомъ къ извѣстнаго рода дани, что считали ее вполнѣ законною для себя. По пріѣздѣ Андрея Михаиловича въ Астрахань, всѣ они на первыхъ своихъ представленіяхъ ему являлись съ пакетами въ рукахъ; но такъ какъ пакеты были отвергнуты, Калмыки, крайне удивленные, сначала очень испугались, считая этотъ небывалый отказъ самымъ бѣдственнымъ для нихъ предзнаменованіемъ; но потомъ, увидѣвъ на дѣлѣ справедливость, безпристрастіе, мягкость, вниманіе къ ихъ дѣламъ новаго начальника, они вполнѣ оцѣнили его и искренно дорожили имъ. Когда Андрей Мих. былъ переведенъ изъ Астрахани и не имѣлъ болѣе никакого отношенія къ Калмыкамъ, долгое время многіе изъ нихъ, также какъ и колонисты южнаго края, пріѣзжали за тысячи верстъ повидаться съ нимъ, и писали къ нему, прося его совѣтовъ. Желая чѣмъ-нибудь выразить Андрею Мих. свою признательность и зная что онъ не приметъ отъ нихъ ничего, они вспомнили, что Елена Павловна, любительница рѣдкихъ вещей, старалась въ Астрахани достать изображеніе ламайскаго бурханчика, что оказалось невозможно, и она не успѣла пріобрѣсти его. Года черезъ два по отъѣздѣ Андрея Мих. изъ Астрахани, Калмыцкіе князья *отправили нарочнаго въ Тибетъ* за бурханами и, по привозѣ ихъ, прислали Еленѣ Павловнѣ коллекцію бурхановъ превосходной работы, въ видѣ маленькихъ деревянныхъ и глиняныхъ идоловъ, и писанныхъ красками на шелковыхъ матеріяхъ. Н. Ф.

Кисловодскѣ до конца мѣсяца. Тамъ съ удовольствіемъ встрѣтился я со многими старыми знакомыми; особенно пріятно было увидѣться съ графомъ Ностицемъ, княземъ В. С. Голицынымъ, Заболоцкимъ, Менонистомъ Мартенсомъ и др. Послѣ безплодной, сухой Астраханской степи глаза отрадно отдыхали при видѣ богатой Кавказской природы и роскошной растительности. Но я не долго пользовался этимъ зрѣлищемъ и въ началѣ Сентября возвратился со всѣми моими въ Астрахань.

Этой осенью я сдѣлалъ двѣ поѣздки: одну съ Т. на Соляныя озера въ низовьяхъ Волги, о коихъ кто-то утверждалъ, что можно удесятерить ихъ доходы; они находятся въ 120-ти верстахъ отъ Астрахани. Чтобы распознать, правду ли сказали или нѣтъ, надобно бы тамъ пробыть хотя съ недѣлю времени и предпринять обдуманныя средства для точнѣйшаго дознанія; но мы, выѣхавъ рано утромъ изъ города, гнали курьерскихъ лошадей во всѣ лопатки, пріѣхали, взглянули на озера, пообѣдали знатною стерляжьею ухою, фазанами съ изобильнымъ количествомъ Шампанскаго, и того же дня въ десять часовъ вечера повернули обратно въ Астрахань!

Вторая моя поѣздка состоялась съ цѣлью осмотрѣть два Калмыцкіе улуса и, разъѣзжая по луговой сторонѣ Волги, я посѣтилъ городъ Красный Яръ, отличающійся особенностями своего мѣстоположенія и производительности: до него изъ Астрахани нельзя иначе проѣхать какъ водою на челнокѣ, который въ нѣсколькихъ мѣстахъ надобно перетаскивать изъ одного протока въ другой. Знаменитость же Краснаго Яра состоитъ въ изобиліи яблокъ, луку и—комаровъ. Въ прежнее время губернаторы посылали туда лѣтомъ въ наказаніе за пьянство и мошенничество чиновниковъ и писарей, на истязяніе отъ комаровъ.

Въ концѣ 1838-го года, съ приведеніемъ въ дѣйствіе вновь открытаго управленія государственныхъ имуществъ, я оставленъ въ должности главнаго попечителя Калмыцкаго народа, что̀ улучшило существенно мое положеніе, возвысивъ содержаніе мое до двѣнадцати тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ, составлявшихъ въ то время высшій окладъ губернаторскій. За труды же мои по обозрѣніямъ въ предшествовавшіе два года, получилъ я 1500 десятинъ земли, которая мнѣ отведена только въ 1858-мъ году въ Ставропольской губерніи и отъ которой до сихъ поръ почти никакого дохода не получаю. Съ тѣхъ поръ, какъ начали раздавать казенныя пустопорожнія земли въ награду чиновникамъ, и въ многоземельныхъ губерніяхъ Россіи, и на Кавказѣ, участки, могущіе приносить сколько-нибудь порядочный доходъ, доставались и достаются по большей части только тѣмъ, которые имѣли сильную протекцію или же были способны къ про-

искамъ какими бы то средствами ни было; а тѣмъ, которые не одарены этою способностію,—въ числѣ коихъ нахожусь и я,—обыкновенно достаются участки или вовсе никакого дохода не приносящіе, или самый незначительный. Порядокъ такого рода совершенно не соотвѣтствуетъ благимъ желаніямъ государей, дабы эта награда заслуженнымъ чиновникамъ, дѣйствительно, по мѣрѣ возможности, обезпечивала ихъ или ихъ семейства: желаніе, которое, какъ я слышалъ, покойный Императоръ Николай Павловичъ выражалъ неоднократно *).

Въ свободное время отъ служебныхъ хлопотъ я находилъ тогда утѣшеніе и развлеченіе въ кругу моего дорогаго семейства и въ дружеской бесѣдѣ съ нѣсколькими добрыми пріятелями, истинно къ намъ расположенными. Изъ нихъ двое, морскіе офицеры, капитаны 1-го и 2-го ранга, Кузьмищевъ и Стадольскій, достойные уваженія во всѣхъ отношеніяхъ по ихъ душевнымъ качествамъ, уму и рѣдкимъ познаніямъ, были люди далеко не заурядные. Оба совершили нѣсколько плаваній вокругъ свѣта, и съ ихъ любознательностію и наблюдательностію почерпнули изо всего ими видѣннаго и испытаннаго столько любопытнаго матеріала, что разговоръ съ ними представлялъ особенный интересъ и занимательность. Тогда же меня часто посѣщалъ заѣхавшій временно въ Астрахань ученый Французъ Гоммеръ-де-Гель, путешествовавшій съ женою своею по Россіи. Это былъ человѣкъ дѣйствительно ученый, съ обширнымъ запасомъ свѣдѣній; онъ имѣлъ терпѣніе разъѣзжать и обозрѣвать осенью этого года все степное пространство между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, и утвердился въ мысли о удобствѣ и возможности соединенія ихъ посредствомъ Маныча и Кумы. Впослѣдствіи это удобство и выгоды, по подробнѣйшемъ и ближайшемъ изслѣдованіи, оказались невѣрными.

Въ Маѣ мѣсяцѣ, когда южное солнце начало ужъ слишкомъ ощутительно заявлять о своемъ присутствіи, я съ семействомъ моимъ, чтобы избѣжать Астраханскихъ очень непріятныхъ жаровъ, отправился въ Сарепту съ намѣреніемъ провести тамъ два-три мѣсяца. Мы наняли въ небольшомъ разстояніи оттуда, на фермѣ одного Сарептянина, уютный домикъ, гдѣ всѣ удобно размѣстились. Въ это время я осмо-

---

*) Андрей Мих. писалъ эти строки подъ вліяніемъ воспоминанія *о двадцатилѣтнемъ вожденіи* его съ землей, а также по личному и наглядному опыту. Но спустя года три, при раздачѣ наградныхъ земель на Кавказѣ, ему было высочайше пожаловано 5500 дес. земли въ Ставропольской же губерніи, и участокъ былъ отведенъ немедленно. Первые годы доходовъ не было, и цѣнность земли не превышала трехъ рублей за десятину, но черезъ нѣсколько лѣтъ земля начала приносить доходъ и повышаться въ цѣнѣ, но уже по кончинѣ Андрея Михайловича:; ему не было суждено попользоваться самому хоть чѣмъ-нибудь отъ своихъ земель. Н. Ф.

трѣлъ всѣ окрестныя земли Калмыцкихъ кочевьевъ и Русскихъ поселеній. Къ намъ пріѣзжали въ гости наши Калмыцкіе друзья, князья Тундуты, Джиджитъ и Менко-Очиръ, владѣльцы богатыхъ улусовъ, прекрасные, добрые, простодушные молодые люди, хотя и не причастные Европейской цивилизаціи, взросшіе въ дикомъ кочевомъ улусѣ но, по своей простой неиспорченной натурѣ и хорошимъ природнымъ качествамъ, стоявшіе несравненно выше многихъ великосвѣтскихъ франтовъ. Сарептяне принимали насъ очень гостепріимно, были къ намъ чрезвычайно внимательны и прилагали всѣ старанія, чтобы сдѣлать наше пребываніе у нихъ пріятнымъ. Намъ жилось довольно хорошо и спокойно; но въ Іюнѣ мѣсяцѣ, сильный ревматизмъ отъ простуды и нестерпимая мука отъ комаровъ заставили насъ воротиться въ Астрахань. Отъ Іюня до Октября я проводилъ дни въ письменныхъ занятіяхъ, въ спорахъ съ Тимирязевымъ и въ нѣсколькихъ разъѣздахъ по казеннымъ селеніямъ и кочевьямъ Астраханской губерніи.

Въ Октябрѣ я былъ приглашенъ Киргизскимъ ханомъ Джангиромъ посѣтить его въ кочевьи, вмѣстѣ съ военнымъ губернаторомъ и всею Астраханскою знатью. На пути туда я проѣзжалъ чрезъ гору *Богду*, извѣстную по благоговѣйному уваженію къ ней Калмыковъ, и заѣзжалъ на Баскунчакское соляное озеро, главнѣйшее изъ многихъ такихъ озеръ въ Астраханской губерніи.

Ханъ Джангиръ стремился выказывать, что онъ умѣетъ быть Европейскимъ бариномъ, хочетъ образовать своихъ Киргизовъ, ввести цивилизацію въ орду, завести городокъ, учредить школы, и проч. и проч.; но все это была одна фантасмагорія, все составляло только одинъ наружный лоскъ, странно выдававшійся въ противоположности съ настоящимъ бытомъ. У хана были и Русскіе повара, и много Шампанскаго, и музыканты, и роскошная обстановка; но все это нечистоплотно, дико и безъ всякихъ удобствъ. Когда, вечеромъ, я сказалъ камердинеру хана, чтобы мнѣ въ спальнѣ на ночь приготовили всѣ необходимыя принадлежности, то ложась спать я нашелъ подъ кроватью, большую серебряную вазу, въ которой на другой день за парадным обѣдомъ подавали супъ.

Мы пробыли у хана нѣсколько дней. Пиръ шелъ горой, увеселенія всякаго рода, въ смѣси Европейскаго съ Киргизскимъ, почти не прерывались. Подъ конецъ, пріѣхалъ на этотъ праздникъ Саратовскій губернаторъ Бибиковъ, по причинѣ близости кочевья къ предѣламъ Саратовской губерніи, которую онъ ревизовалъ. Бибиковъ былъ страстный охотникъ покутить, и потому, съ прибытіемъ его, пиръ возгорѣлся съ новой силой и оживленіемъ; но кутежъ уже мало меня занималъ, особенно по сообщеніи мнѣ Бибиковымъ извѣстія, что я пе-

реведенъ въ Саратовъ управляющимъ тамошнею Палатою Государственныхъ Имуществъ. Я зналъ, что П. Д. Киселевъ хотѣлъ мнѣ дать обширнѣйшій кругъ занятій, но не ожидалъ, чтобы это послѣдовало такъ скоро; Саратовская же губернія, до отчужденія отъ нея Заволжскихъ уѣздовъ, дѣйствительно была одной изъ обильнѣйшихъ въ Россіи казенными землями, и съ многочисленнѣйшимъ населеніемъ государственныхъ поселянъ и колонистовъ.

Не взирая на частые наши споры и несогласія по служебнымъ дѣламъ, Тимирязевъ сильно огорчился извѣстіемъ о переводѣ меня. Онъ отправился изъ Киргизскаго кочевья въ Петербургъ, и при разставаніи мы оба поплакали. По отъѣздѣ его, и я отправился въ обратный путь въ Астрахань, дабы приготовляться къ переѣзду въ Саратовъ. Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи моемъ, я получилъ и формальное извѣщеніе о моемъ переводѣ.

Наступила уже глубокая осень, и отлагать на долго переѣздъ было нельзя. Однакоже погода въ концѣ Октября и началѣ Ноября продолжалась еще довольно хорошая, и потому мы рѣшились ѣхать отъ Астрахани до Саратова со всѣмъ семействомъ, людьми, вещами, экипажами и проч., водою, на пароходѣ, который въ этомъ году, въ это же время, открывалъ первое пароходное сообщеніе между Астраханью и верховьями Волги. Но мнѣ еще оказалось нужно, по служебнымъ дѣламъ, проѣхать до города Чернаго Яра сухимъ путемъ. Такимъ образомъ, семейство мое выѣхало на пароходѣ 2-го Ноября, а я сухопутіемъ 4-го. Окончивъ мои дѣла и пріѣхавъ въ Черный Яръ, я былъ увѣренъ, что найду пароходъ съ моей семьей уже тамъ; но онъ еще не прибылъ. Это меня сильно обезпокоило, тѣмъ болѣе, что погода перемѣнилась, сдѣлалось холодно, и на Волгѣ показался въ большомъ количествѣ плавающій ледъ. Я послалъ розыскивать пароходъ и узналъ, что онъ стоитъ задержанный, почти запертый льдами, на одну станцію ниже Чернаго Яра. Я рѣшился, во что бы то ни стало, переправиться на пароходъ, поѣхалъ берегомъ въ экипажѣ, но поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, откуда на противоположномъ берегу Волги, съ луговой стороны, виднѣлся пароходъ, я нашелъ, что достигнуть до него на лодкѣ, за льдами, не было никакой возможности. Съ помощію нѣсколькихъ отважныхъ людей, я рискнулъ перебраться черезъ Волгу, по доскамъ, которыя перекидывались съ одной льдины на другую. На одной льдинѣ я было проломился, но Богъ спасъ. Кое-какъ, съ чрезвычайными трудностями и усиліями, мнѣ наконецъ удалось добраться до парохода. Жена моя и дѣти съ невыразимымъ страхомъ смотрѣли съ палубы парохода на мое шествіе черезъ Волгу по дощечкамъ, да еще въ бурную, пасмурную погоду, сознавая, какой опасности я подвергал-

ся. Елена Павловна просила предъ тѣмъ пароходныхъ работниковъ доставить мнѣ на другой берегъ записку, въ коей умоляла ни подъ какимъ видомъ не пытаться къ переходу на пароходъ; она предлагала работникамъ большую цѣну за доставленіе записки, и ни одинъ изъ нихъ на то не согласился.

Между тѣмъ морозъ усиливался съ каждымъ часомъ; на пароходѣ (первобытнаго устройства) сдѣлалось нестерпимо холодно; наступила ночь, и необходимо было остаться ночевать на немъ. На другой день, по совѣщаніи съ хозяиномъ, Астраханскимъ купцомъ Армяниномъ Углевымъ, мы порѣшили, чтобы пароходъ со всѣмъ нашимъ багажемъ и вещами оставался на мѣстѣ, пока теплый вѣтеръ уничтожитъ ледъ (потому что въ началѣ Ноября Волга въ тѣхъ мѣстахъ никогда прочно не замерзаетъ); мы же сами, т. е. я съ женой, двумя дочерьми и нашими дворовыми людьми, рѣшились перейти на берегъ по льдинамъ, которыя ночью отъ возраставшаго мороза, повидимому, плотно стянулись и закрѣпчали. Путь совершили довольно благополучно, хотя не совсѣмъ безопасно и съ большими предосторожностями: тонкій ледъ трещалъ подъ нашими ногами, а мѣстами и проламывался, но по счастію безъ особенныхъ послѣдствій; только двое изъ нашихъ спутниковъ (чиновникъ, находившійся при мнѣ, и одинъ изъ людей) слегка подверглись холодному купанію. Добравшись до берега, мы всѣ теплою молитвой поблагодарили Бога за наше спасеніе. Всѣ прибрежные жители удивлялись нашей рѣшимости.

Со мною былъ всего одинъ экипажъ, въ которомъ я ѣхалъ съ чиновникомъ, предполагая въ Черномъ Яру пересѣсть на пароходъ, и никакъ не предвидя, что намъ всѣмъ придется продолжать путешествіе сухимъ путемъ. Въ экипажѣ я съ женой и дѣтьми кое-какъ помѣстился; а для остальныхъ мы съ трудомъ отыскали еще нѣсколько повозокъ, и съ большими препятствіями и затрудненіями, при дурной погодѣ, пріѣхали въ Саратовъ 30-го Ноября 1839-го года.

(*Продолженіе будетъ*).

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ

ВЯЗЕМСКІЙ.

„Льстецомъ не назоветъ меня родная Русь".

Князь Вяземскій.

Въ первый разъ видѣлъ я князя Петра Андреевича въ нашей домовой церкви на Фонтанкѣ. Это было въ пятидесятыхъ годахъ. Помнится мнѣ служба на Страстной недѣлѣ. Церковь была полна, и хоръ пѣлъ: «Чертогъ» Бортнянскаго... Вижу, какъ Петръ Андреевичъ прислонился къ стѣнѣ и молился горячо.

Зимою 1868 года встрѣтилъ я князя на вечерѣ у графа Орлова-Давыдова; онъ подошелъ ко мнѣ и предложилъ принять участіе въ лотереѣ, въ пользу покупки дома Жуковскаго въ Бѣлевѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ я у него въ домѣ князя Абамелека на Большой Морской. Тутъ принялъ онъ меня радушно, но сдержанно, и эта сдержанность осталась въ немъ, несмотря на постоянное, любезное и ровное обращеніе. Только съ 1875 года отношенія стали ближе. Въ памяти моей особенно живо то время, когда князь Петръ Андреевичъ жилъ въ этомъ домѣ. Онъ былъ тогда совсѣмъ здоровъ, много выѣзжалъ и принималъ. По мысли князя, свадьба моя состоялась въ Останкинѣ, и въ Іюнѣ 1868 года поѣхалъ онъ самъ въ Москву.

Живо вижу его въ Москвѣ въ домѣ княгини Н. Б. Трубецкой, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, и у тетушки Е. С. Дёлеръ, на балконѣ дома Яблочкова, на Поварской.

Онъ вспоминалъ о поѣздкахъ своихъ въ Остафьево и говорилъ о Крымскомъ бродѣ. Памятна мнѣ и прогулка его съ дядею В. С. Шереметевымъ въ Кусковскомъ саду. Къ этому времени относится слѣдующее его стихотвореніе:

Городъ холмòвъ и овраговъ,
Городъ зеленыхъ садовъ,
Уличныхъ, пестрыхъ зигзаговъ,
Чистыхъ и всякихъ прудовъ.

Городъ—церквей не дочтешься!
Ихъ колокольный напѣвъ
Слушая, къ небу несешься,
Душу молитвой согрѣвъ.

Гордымъ величьемъ красуясь,
Городъ съ Кремлевскихъ вершинъ
Смотритъ въ поляны, любуясь
Прелестью свѣжихъ картинъ!

Лентой рѣка голубая
Тихо струится кругомъ,
Жатвы, лѣса огибая,
Стѣны боярскихъ хоромъ.

Иноковъ мирныхъ жилища,
Вѣры народной ковчегъ;
Пристани жизни—кладбища,
Общій семейный ночлегъ.

Городъ причудливо-странный,
Красокъ и образовъ смѣсь;
Древности благоуханной
Вѣетъ поэзія здѣсь!

Городъ—восточная сказка,
Городъ—Россійская быль!
Хартій намъ родственныхъ связка!
Святы ихъ ветхость и пыль.

Молча читаетъ ихъ время
Съ заревомъ славныхъ вѣковъ;
Льется на позднее племя
Доблестный отблескъ отцовъ.

Городъ минувшаго, старче
Съ вѣчно-младою душой,
Все и священнѣй, и ярче,
Блещешь своей сѣдиной!

Сколько здѣсь жизни я прожилъ,
Сколько растратилъ я силъ!
Мысли и чувства тревожилъ
Юный заносчивый пылъ.

Городъ сердечныхъ преданій,
Городъ—моя колыбель:
Здѣсь мнѣ въ года обаянья
Жизни мерещилась цѣль!

Позже смирилась отвага,
Волны души улеглись;
Трезвая радость и блага
Въ свѣтломъ затишьи слились.

Думы окрѣпли, созрѣли
Въ опытѣ, бдѣньѣ, борьбѣ;
Новыя грани и цѣли
Жизнь призывала къ себѣ.

Дружбы звѣзда засіяла;
Дружба согрѣла мнѣ грудь,
Душу мою воспитала,
Жизни украсила путь.

Прелесть труда, наслажденье
Мысль въ стройный образъ облечь,
Чувству найти выраженье,
Тайнамъ сердечнымъ дать рѣчь!

Творчества тихая радость,
Внутренней жизни очагъ,
Вашу вкушалъ я здѣсь сладость
Въ чистомъ источникѣ благъ!

Нынѣ, когда мнѣ на плечи
Тяжкіе годы легли,
Съ ними надежды далече
Въ темную глубь отошли;

Въ памяти набожной нынѣ
Прошлымъ нѣжнѣй дорожу;
Старый паломникъ къ святынѣ,
Молча къ Москвѣ подхожу!

Жертвы вечерней кадиломъ
Будетъ Москвѣ мой привѣтъ!
Въ память о прошломъ, мнѣ миломъ,
Братьяхъ, которыхъ ужъ нѣтъ!

Манитъ меня ихъ дружина!
Полный раздумья стою.
Благословила бы сына,
Милую матерь молю!

(Іюнь 1868 г.).

Въ 1869 году видѣлъ я князя Петра Андреевича въ Ильинскомъ или, вѣрнѣе, въ смежномъ Усовѣ. Здѣсь помѣщалась свита. Императрица Марія Александровна жила тогда въ Ильинскомъ; тамъ же находилась пріѣхавшая изъ Остафьева княгиня М. А. Вяземская...

Зимою 1868—1869 гг., когда мы жили на Гагаринской набережной, князь Петръ Андреевичъ нерѣдко посѣщалъ насъ. Зайдетъ, бывало, съ прогулки и безъ устали взбирается къ намъ на третій этажъ. Помню обѣдъ, когда вздумалось ему сосчитать года всѣхъ присутствующихъ, въ числѣ которыхъ были: князь Павелъ Петровичъ, дядя С. С. Шереме-

тевъ и старшая его дочь, Надежда. Князь Петръ Андреевичъ обратилъ на нее вниманіе, и когда сосчитанные ихъ годы записалъ на клочкѣ бумаги, то подарилъ этотъ клочекъ на память Надеждѣ Сергѣевнѣ Шереметевой.

Въ кабинетѣ висѣлъ у насъ въ то время портретъ, когда-то принадлежавшій Т. В. Шлыковой. Это былъ пастель—копія съ головки Грёза, работы госпожи Жадовской, урожденной Донауровой. На вопросъ князя, я назвалъ Жадовскую; онъ очень удивился и тутъ же разсказалъ о своемъ давнемъ съ нею знакомствѣ, и что когда-то онъ воспѣвалъ ее стихами.

Князь любилъ разсматривать лежавшія у меня въ безпорядкѣ на столѣ книги. Помню удивленіе его, когда между ними нашелъ онъ томъ стихотвореній Анны Буниной.

Но особенно памятенъ мнѣ одинъ день. Пришелъ Петръ Андреевичъ, когда уже смеркалось, и прямо на верхъ. На столѣ случайно лежалъ томъ Баратынскаго. Князь видимо обрадовался ему и уже не выпускалъ изъ рукъ. Громко прочелъ онъ: «Не искушай меня безъ нужды!» Потомъ показалъ стихотвореніе, ему посвященное, и взволнованнымъ голосомъ началъ читать:

Ищу я васъ; гляжу, что́ съ вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?

Что́ вамъ даруетъ Провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ Небо васъ?
И возношу молящій гласъ:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минетъ скорбный часъ!

Звѣзда разрозненной Плеяды!
Такъ изъ глуши моей стремлю
Я къ вамъ заботливые взгляды,
Вамъ высшей благости молю.
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу...

По мѣрѣ чтенія, голосъ его дрожалъ, и онъ едва удерживалъ слезы. Такимъ я видѣлъ его въ первый разъ.

Позднѣе—это было у него на вечерѣ: собрались слушать его воспоминанія о 1812-мъ годѣ, по поводу книги графа Л. Н. Толстаго: *Война и Миръ*. Вслухъ читалъ Маркевичъ, и очень хорошо. Князь сидѣлъ рядомъ и казался взволнованнымъ. Когда дошли до поминокъ по Бородинѣ и до строкъ о Валуевѣ:

Будь мой стихъ тебѣ надгробной,
Гдѣ бы прахъ твой ни лежалъ!

я видѣлъ, какъ пальцы заходили у Петра Андреевича, и онъ протиралъ свои очки, низко наклонивъ голову...

Вечеръ продолжался и, послѣ чтенія, просили Маркевича еще прочесть стихотвореніе князя: *Петръ Алексѣевичъ* и *Крымскія Ночи*. Въ числѣ слушателей былъ Ѳ. И. Тютчевъ. Помню одобрительный его поклонъ, при словахъ: «Блескъ придалъ царственнымъ рукамъ», и какъ поморщился онъ послѣ словъ: «И Питеръ вызвалъ изъ болотъ». Кончилось чтеніе, и гости начинали уже расходиться, а въ углу гостиной завязался горячій споръ, о чемъ—припомнить не могу. Спорилъ Петръ Андреевичъ съ Тютчевымъ; споръ доходилъ почти до крика. Князь вскакивалъ и ходилъ по комнатѣ, горячо возражая своему противнику. Не такъ ли, думалъ я, въ былые годы спорилъ онъ съ своими пріятелями, съ Пушкинымъ и другими?.. Забавно разсказывалъ Петръ Андреевичъ, какъ его заставили слушать одну трагедію, какъ мучительно-долго продолжалась агонія героя, и какъ смерть послѣдовала уже послѣ полуночи.

Въ 1869 году жили мы въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ Сабира, почти рядомъ съ Александровскимъ дворцомъ. Вяземскіе жили неподалеку, въ такъ называемой Китайской деревнѣ. Мы видѣлись почти каждый день. Помню, какъ однажды ожидали мы ихъ къ обѣду. Они нѣсколько запоздали и неожиданно для насъ пріѣхали втроемъ; за ними вошелъ Ѳ. И. Тютчевъ со словами: «Ne me prenez pas pour un Taartaar». За обѣдомъ Тютчевъ былъ очень разговорчивъ и внимателенъ къ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ. Князь былъ не въ духѣ и въ настроеніи наступательномъ. Разговоръ его съ Тютчевымъ не былъ оживленъ.

Комнаты Вяземскихъ въ Китайской деревнѣ были очень уютны; особенно хороша была устроена княгинею гостиная съ цвѣтами въ разнообразныхъ вазахъ. Удобно разставлены были покойныя, шитыя кресла; въ нихъ сидѣлось какъ-то особенно хорошо. Отовсюду вѣяло прошлымъ. Зеленыя занавѣски на лампахъ придавали пріятный для глазъ полусвѣтъ; за открытою дверью виднѣлся рядъ комнатъ, а въ послѣдней изъ нихъ стоялъ письменный столъ князя съ наваленными на немъ книгами и бумагами. У стола этого появлялся Петръ Андреевичъ въ сѣромъ халатѣ, съ ермолкой на головѣ и съ трубкою въ рукахъ. Медленною поступью проходитъ онъ черезъ рядъ комнатъ въ гостиную и садится въ покойное, старое кресло; въ комнатѣ водворяется знакомый пріятный запахъ трубки. Вы слышите обычный слабый стонъ, или невзначай начнется начнется какой-нибудь тихій разговоръ; то вдругъ неожиданно, въ хорошую минуту, услышите разсказъ изъ прош-

лаго или мѣткую шутку. Вы видите на лицѣ князя ту заразительную и ѣдкую улыбку, о которой говорилъ Пушкинъ, и нѣтъ возможности не смѣяться. Какъ-то разъ княгиня, собираясь куда то выѣхать, спрашиваетъ у него: какую ей лучше надѣть шляпу?—*Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша*! отвѣтилъ онъ.

Однажды, будучи въ хорошемъ настроеніи, князь началъ громко читать свои, никому неизвѣстные, шуточные стихи на князя Суворова, вызванные, сколько помнится, поѣздкою его въ Крымъ (и неудачей въ Ливадіи)...

Въ другой разъ, принесъ онъ на лоскуткѣ бумаги, сколько помнится, четырехстишіе, изъ котораго твердо запомнилъ я одну строчку:

Льстецомъ не назоветъ меня родная Русь!

Въ бумагахъ его все это впослѣдствіи не отыскалось и, вѣроятно, имъ самимъ было уничтожено.

Въ этихъ комнатахъ Китайской деревни начались первые признаки болѣзни князя — безсонницы его. Тяжело было привыкать къ постепенной перемѣнѣ настроенія и даже обстановки. Начались совѣщанія съ врачами, кончавшіяся обыкновенно тѣмъ, что князь выпроваживалъ ихъ, не желая ихъ слушать. Одно время совѣтовали ему противъ безсонницы кататься поздно вечеромъ по Царскосельскому парку. Была уже глухая осень, и снѣга навалило вдоволь. Около полуночи подъѣзжала тройка, и не разъ приходилось мнѣ кататься съ нимъ по нѣскольку часовъ. Во время этихъ прогулокъ, князь дѣйствительно оживлялся и оживалъ; но за то потомъ его томило прежнее, тяжкое и удручительное состояніе духа. Помню: проѣзжаемъ мы мимо Павловска, встрѣчаемъ обозъ, изъ такихъ, которыхъ днемъ встрѣтить невозможно. Всѣ невольно встрепенулись, а князь, улыбаясь, проговорилъ: «и моего тутъ меду капля есть!»

Вскорѣ послѣ того они переѣхали опять въ домъ князя Абамелека на самое короткое время. Состояніе князя все ухудшалось; какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, имъ овладѣвала страсть къ перемѣнѣ мѣстъ. Вездѣ ему было неловко и даже жутко; безсонница мучительно раздражала его, и онъ рѣшился уѣхать за границу. Чего не испытано было чтобы удержать его! Княгиня устраивала карточныя партіи, потому что заниматься онъ не могъ. Разъ какъ-то и я попалъ къ нему въ партнёры, и моя неумѣлость заставила его улыбнуться; но въ тоже время она раздражала князя Павла Петровича, и меня тотчасъ же забраковали.

Къ этому времени относится первое знакомство князя съ Дмитріемъ Андреевичемъ Чаплинымъ, который и сопутствовалъ ему въ поѣздкѣ за границу.

Со дня отъѣзда въ чужіе края и до возвращенія въ Царское на слѣдующее лѣто, у насъ не было прямыхъ извѣстій отъ князя. Правъ онъ былъ, когда говорилъ о болѣзняхъ своихъ: «ce sont des étapes dans ma vie».

Въ это время онъ дѣйствительно не жилъ. Грустенъ былъ его отъѣздъ, но еще грустнѣе было возвращеніе въ туже Китайскую деревню. Однимъ изъ признаковъ болѣзненнаго состоянія его было охлажденіе къ маленькимъ дѣтямъ, которыхъ вообще очень любилъ. Разъ даже отказался онъ поздороваться съ правнуками и вышелъ изъ комнаты взволнованный. «Triste et indigne aïeul», сказалъ онъ вполголоса.

Затѣмъ слѣдуетъ зима, проведенная въ Петербургѣ, въ домѣ Дашкова. Здоровье нисколько не улучшалось. Чего только ни придумывали, чтобы облегчить его страданія и успокоить раздраженные его нервы. Приглашенъ былъ музыкантъ, который по вечерамъ игралъ безъ умолку. Устраивались опять карточныя партіи, и тутъ бывала Е. Н. Давыдова, и нарочно проигрывала, чтобы успокоить больного. Въ этой квартирѣ посѣтила князя Императрица Марія Александровна. Онъ излилъ Ей свою благодарность въ стихотвореніи, въ которомъ назвалъ Ее «Ангеломъ состраданія». Но настроеніе осталось тоже и, едва дождавшись весны, онъ снова уѣхалъ за границу, откуда уже не возвращался.

Отъѣздъ князя былъ для насъ большимъ лишеніемъ. Въ послѣдніе годы онъ бывалъ у насъ чаще прежняго. Помню, на Почтамтской, какъ любилъ онъ садиться около фортепьяно и слушать музыку. Съ грустью говорилъ онъ, что многое охотно промѣнялъ бы за музыкальный даръ. Въ другой разъ попались ему подъ руку сочиненія Лермонтова. Онъ отыскалъ эпиграмму, противъ него направленную: «Вы не знавали князь Петра?» и прочелъ ее. Помнится, передъ отъѣздомъ своимъ изъ дома Абамелека, князь взялъ у меня переписку митрополита Филарета съ А. Н. Муравьевымъ и позднѣе возвратилъ ее мнѣ съ любопытными примѣчаніями.

Случайно увидалъ онъ у меня книгу прошлаго столѣтія: «Лирическіе переводы» Василія Вороблевскаго—пьесы, исполненныя на Кусковской сценѣ, съ участіемъ хора пѣвчихъ моего дѣда. Онъ заинтересовался ею и сказалъ, что желалъ бы ее разсмотрѣть и даже кое-что по поводу ея написать; но болѣзнь всему помѣшала, и онъ о ней забылъ. Въ домѣ Дашкова настроеніе князя было постоянно мрачное; съ нами онъ почти не говорилъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, постоянно въ волненіи.

Первые мѣсяцы и за-границей онъ чувствовалъ себя дурно. Къ этому времени относится четырехстишіе, которое ясно отражаетъ это настроеніе:

Мнѣ не къ лицу шутить, не по душѣ смѣяться!
Остаться долженъ я при немощи своей.
Зачѣмъ отжившему живымъ мнѣ притворяться?
Болѣзненный мой смѣхъ—всѣхъ слезъ моихъ грустнѣй!

Стихи эти впослѣдствіи были переложены на музыку Б. С. Шереметевымъ и доставлены ему въ Гомбургъ.

*

Медленно и постепенно начиналось улучшеніе его здоровья. Съ переѣздомъ въ Гомбургъ, князь значительно оживился; онъ даже сталъ давать намъ порученія. Такъ неожиданно просилъ онъ прислать ему пару сапогъ, и когда порученіе его было исполнено, то отвѣтилъ слѣдующее:

Господь вамъ, дѣтки, помоги,
И даруй вамъ во всѣхъ дѣлахъ побѣду
За то, что старому хрычу и дѣду
Вы новые прислали сапоги!
А чтобъ Господь вамъ далъ вѣкъ долгій и хорошій,
На эти сапоги пришлите мнѣ калоши.

Затѣмъ слѣдовала приписка: «Продолженіе стихамъ будетъ; но все это время мнѣ нездоровится, и не могу серьезно заниматься поэзіей. Вотъ уже съ недѣлю что́ сижу дома; да и погода не заманчива: сегодня съ утра валитъ такой снѣгъ, хоть бы въ Уфѣ»...

Переѣздъ и водвореніе въ Гомбургѣ принесли ему большую пользу. Здѣсь онъ ожилъ, подкрѣпляемый живительнымъ горнымъ воздухомъ. Мало-по-малу возобновилъ онъ прежнія сношенія, вступилъ опять въ оживленную переписку и по прежнему слѣдилъ за всѣми явленіями, общественными и литературными. Отъ 5 Февраля 1876 г. получено было слѣдующее письмо: «Вотъ вамъ мой масличный блинъ. Кушайте на здоровье! Подѣлитесь съ Павломъ. Онъ, вѣроятно, угадаетъ, изъ какой муки онъ выпеченъ, и скажетъ вамъ; а вы слишкомъ молоды, чтобы разгадать блинъ другаго поколѣнія». Къ письму приложено было стихотвореніе безъ заглавія, посвященное памяти графа М. Ю. Віельгорскаго, для доставленія покойному Государю.

Не разъ, по желанію князя, доставляли ему въ Гомбургъ паюсную икру, но всего чаще рябчиковъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. — «Благодарю за рябчики», писалъ онъ, «но болѣе бы порадовался простымъ рябчикамъ, въ натуральномъ ихъ видѣ, а не маринованномъ. Эти слишкомъ отзываются восточнымъ вопросомъ и заготовлены консервами, въ чаяніи будущихъ походовъ и побѣдъ». Еще гораздо раньше писалъ онъ намъ, отъ 31 Декабря (12 Января)

1873—1874 г.: «Вотъ вамъ на новый годъ въ подарокъ старые стихи. Не подумайте, что я воркую романсики съ здѣшними башмачницами. Музыка, мною услышанная, напомнила мнѣ, что я когда-то написалъ что-то въ родѣ пѣсни, пропѣтой madame Патти».

Къ письму были приложены стихи:

„Когда вамъ нечего сказать мнѣ“ и т. д.

Въ началѣ 1875 г. писалъ онъ даже своему правнуку: «Здравія, всякаго благополучія желаю любезнѣйшему правнуку Димитрію и братьямъ и сестрѣ его. Жаль, что не вижу, какъ вы растете и шалите. Всѣхъ васъ обнимаю. Прадѣдъ». Далѣе ему же слѣдующая приписка: «Когда выростешь, желаю тебѣ писать почище моего. Благодарю папеньку за присланную музыку. Но мазурка безъ конца. А спроси отъ меня у дѣдушки, видѣлъ ли онъ мамзель Жюдику? А если не видалъ, то прошу его съѣздить посмотрѣть на нее и за меня ей похлопать. Не худо, если онъ и тебя возьметъ съ собой. Хорошему полезно поучиться сызмаленька; а бабушкѣ про это ничего не говори: она тутъ ничего не уразумѣетъ».

Въ 1873 году гостилъ у него въ Гомбургѣ П. И. Бартеневъ. По этому поводу князь писалъ слѣдующее: «Здѣсь у насъ въ домѣ гоститъ Бартеневъ, пьетъ воды и выкачиваетъ трубою своихъ вопросовъ изъ насъ все, что̀ можетъ, для переливки въ свой архивный чанъ».

У меня сохранились нѣсколько писемъ князя, по поводу начавшагося тогда изданія *Полнаго Собранія* его *Сочиненій*. Онъ выразилъ согласіе доставить свою автобіографію, которая была напечатана въ первомъ томѣ. Съ тѣхъ поръ письма его не прекращались до окончательнаго переѣзда его въ Баденъ. Вотъ что̀ писалъ онъ мнѣ въ 1874 году: «Мнѣ показалось, любезнѣйшій графъ, что въ письмѣ моемъ благодарилъ я васъ и совершенно одобрилъ пробный печатный листъ. Если ошибаюсь, то прошу меня извинить и зачесть настоящее письмо за благодарность и за изъявленіе согласія. Думаю, что Барсуковъ жалуется вамъ на меня и что я долго задерживаю присланныя бумаги. Дѣло въ томъ, что съ наступленіемъ зимы—а по здѣшнему она не шуточная и по снѣгу, и по морозу—я какъ-то осовѣлъ и не могу приняться за работу. Ожидаю оттепели. Авось и меня отдастъ. Благодарю за негоціацію по моимъ стихамъ. Извините, что васъ тормошу. Но вы мой издатель, mon éditeur responsable: сами на себя пеняйте, если вамъ надоѣдаю. Писатели вообще—людъ неугомонный и навязчивый. Спросите у возлюбленнаго тестя своего по поводу *Игоря*:

онъ дастъ вамъ отвѣтъ, со мною согласный. Всѣхъ васъ въ трехъ поколѣніяхъ обнимаю. Неизмѣнно вамъ преданный Вяземскій».

Въ 1875 году удалось намъ съѣздить къ нему въ гости въ Гомбургъ. Время пребыванія тамъ — лучшее мое воспоминаніе о князѣ. Мы прожили съ нимъ почти мѣсяцъ, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ. Они жили тогда на дачѣ Киселева. Княгиня занимала весь нижній этажъ съ балкономъ, а кабинетъ князя былъ на верху. Во все пребываніе я не былъ въ немъ ни разу; но князь вечера просиживалъ внизу и вообще все это время былъ необыкновенно дѣятеленъ и свѣжъ: много гулялъ пѣшкомъ и любилъ, чтобы его сопровождали. Постояннымъ спутникомъ его былъ Дмитрій Андреевичъ Чаплинъ. Не было дня, чтобы онъ не посѣщалъ музыки и курзала. На каждомъ шагу встрѣчались знакомые; онъ любезно разговаривалъ съ дамами и собиралъ вокругъ себя Русскій кружокъ. Тутъ узналъ я его ближе и еще болѣе привязался къ нему. Кто зналъ князя—тому это понятно.

Свѣтлымъ воспоминаніемъ этого времени были дни, проведенные съ княземъ въ Эмсѣ. Тамъ жилъ тогда покойный Государь. По приглашенію его, Петръ Андреевичъ отправился въ Эмсъ. Съ нимъ поѣхалъ и Д. А. Чаплинъ.

Когда мы прибыли въ Гомбургъ, князь уже былъ въ Эмсѣ. Мы послѣдовали туда за нимъ. Рано утромъ выѣхали мы изъ Гомбурга по желѣзной дорогѣ до Бибриха, гдѣ, въ ожиданіи парохода, успѣли осмотрѣть дворецъ герцога Нассаускаго и прогуляться по нѣсколько заглохшему парку. Погода хмурилась, и дождь нѣсколько разъ принимался накрапывать. Мы размѣстились на палубѣ маленькаго парохода и поплыли внизъ по Рейну. Не смотря на частыя остановки, живо промелькнули одинъ за другимъ Іоганнисбергъ и Рюдесгеймъ съ знаменитыми виноградниками, таинственный Мёйзетурмъ и мрачная скала Лорелей. Мутныя воды Рейна съ его красивыми, но черезчуръ воздѣланными берегами и безконечными виноградниками скоро намъ прискучили. Картина оживилась, когда мы подошли къ Кобленцу, и весь въ зелени показался прекрасный замокъ Штольценфельсъ. Пароходъ остановился у пристани на противоположномъ берегу. Мы пересѣли въ вагонъ и въ сумерки прибыли въ Эмсъ.

Съ вокзала желѣзной дороги перешли мы въ гостинницу близъ станціи. Въ ней жилъ тогда Петръ Андреевичъ, но его не было дома: онъ по обычаю проводилъ вечеръ у Государя.

Мы рѣшились тотчасъ же пойти къ нему на встрѣчу къ гостинницѣ «Пяти Башенъ», гдѣ жилъ покойный Государь. Ночь была тихая и теплая. По мосту перешли мы черезъ Лану и мимо курзала направились къ гостинницѣ «Пяти Башенъ», гдѣ и остановились въ саду,

въ ожиданіи конца собранія. Передъ нами были покрытыя зеленью горы. На улицахъ все уже замерло; кое-гдѣ еще въ домахъ мелькали огни, постепенно угасая. Мѣрный шагъ часоваго раздавался около нашей скамьи. Небо было чистое и ясное, и все залито луннымъ свѣтомъ....

Ждали мы князя довольно долго. Было очень поздно, когда растворилась дверь подъѣзда, и на встрѣчу къ намъ привѣтливый и довольный вышелъ Петръ Андреевичъ.

Вмѣстѣ отправились мы обратно въ гостинницу. Онъ приказалъ поставить самоваръ. Оживленно разспрашивалъ онъ, много разсказывалъ и былъ неутомимъ. Мы просидѣли у него очень долго... На слѣдующій день получено было приглашеніе къ Царскому столу...

Никогда не забуду прогулки съ княземъ Петромъ Андреевичемъ въ Кобленцъ. Выѣхали мы изъ Эмса довольно рано по желѣзной дорогѣ; насъ было человѣкъ десять. День былъ жаркій. Въ Кобленцѣ, куда мы прибыли часа черезъ два, отправились мы, по желанію князя, пѣшкомъ по пыльнымъ улицамъ города до гостинницы. Заказавъ здѣсь обѣдъ, мы двинулись въ экипажахъ берегомъ Рейна въ королевскій замокъ Штольценфельсъ. Князь на этомъ настаивалъ. У подъема на гору мы остановились и вышли изъ экипажей. Князь предложилъ пойти въ гору пѣшкомъ; мы было и двинулись, но побоялись за него: въ его годы такая прогулка, да еще въ палящій зной, была неосторожна. Мы взялиословъ и посадили на нихъ дѣтей. При видѣ ихъ Петръ Андреевичъ, ни минуты не колеблясь, сѣлъ на одного изъословъ верхомъ. Такъ шествіе и тронулось. Впереди всѣхъ князь Петръ Андреевичъ, по сторонамъ его оба правнука, а мы за ними пѣшкомъ. Ѣдетъ онъ и улыбается: ему забавными показались наши озабоченныя лица. Этого мало, въ Штольценфельсѣ онъ повелъ насъ по всѣмъ комнатамъ, подымался на самую вышку по крутымъ и неудобнымъ лѣстницамъ. Съ башни любовались мы картиною Рейна...

По возвращеніи въ Кобленцъ, мы обѣдали въ гостинницѣ, откуда съ балкона также хорошій видъ на рѣку и на большой мостъ къ Эренбрейтштейну.

За обѣдомъ князь былъ особенно въ духѣ и много шутилъ. Правнука своего Павла за то, что голова его какъ-то странно выдѣлялась изъ-за стола, онъ прозвалъ «соборною просвирою».

Вечеромъ, когда уже стемнѣло, вернулись мы въ Эмсъ. Всѣ чувствовали утомленіе, кромѣ Петра Андреевича, который въ тотъ же вечеръ отправился на собраніе къ Государю и вернулся домой въ первомъ часу ночи, нисколько не измѣняя своимъ ежедневнымъ привычкамъ.

Любилъ онъ въ Эмсѣ ходить по лавкамъ около курзала, гдѣ всѣ его знали. Тутъ у него были пріятели и въ особенности пріятельницы. Какая-то смазливая Алжирка его особенно привлекала. Ему подносили кресло, онъ преспокойно садился около ея лавки и любезничалъ. Онъ накупилъ у нея довольно много вещей, совсѣмъ ненужныхъ, и нѣсколько фонарей, которые потомъ отправилъ въ Гомбургъ на балконъ Киселевскаго дома, къ неудовольствію княгини Вѣры Ѳедоровны. Покупалъ онъ и бездѣлушки, которыя тутъ же и раздавалъ.

Памятна мнѣ прогулка съ нимъ въ коляскѣ берегомъ Ланы, далеко за городъ. Онъ былъ оживленъ, показывалъ красивыя мѣста и пояснялъ.... Незамѣтно разговоръ перешелъ къ прошлому. Онъ съ участіемъ разспрашивалъ объ Остафьевѣ, припоминалъ и разсказывалъ анекдоты, которыхъ къ сожалѣнію я не запомнилъ. Было особенно грустно, когда онъ говорилъ объ Остафьевѣ: видно было, что душа его тамъ, и жаль было, что онъ надолго покинулъ Россію.

Когда, бывало, зайдешь къ нему, тотчасъ же подавали самоваръ, и начнетъ онъ тихую задушевную бесѣду: ему, видимо, пріятно было видѣть около себя семью. Онъ сожалѣлъ о нашемъ отъѣздѣ; но оставаться было неудобно. Къ тому же отъѣздъ Государя былъ уже назначенъ, и Петръ Андреевичъ остался, чтобы проводить Его до Франкфурта.

Вотъ еще одно неизгладимое впечатлѣніе. Сидимъ мы у княгини Вѣры Ѳедоровны въ Гомбургѣ. По обыкновенію своему, лежитъ она въ глубокомъ креслѣ съ работою въ рукахъ; неутомимо и быстро подвигается затѣйливое шитье. Княгиня еще необыкновенно свѣжа умомъ; разговоръ ея блестящій; когда она въ ударѣ, такъ и сыплетъ остротами, заставляетъ хохотать и сама смѣется. Уже совсѣмъ стемнѣло. Княгиня въ ожиданіи мужа начинала безпокоиться; она знала, что онъ провожаетъ Государя до Франкфурта. Ждали мы его очень долго; но наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Петръ Андреевичъ прямо съ дороги, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ; въ рукахъ у него большой букетъ изъ бѣлыхъ розъ, который онъ тутъ же подалъ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ. Онъ показался мнѣ какъ-то особенно молодъ въ эту минуту. Что-то необыкновенно изящное было во всемъ его появленіи. Онъ говорилъ о томъ, какъ проводилъ онъ Государя, какъ простился съ Нимъ во Франкфуртѣ, какъ Онъ былъ внимателенъ къ нему и добръ...

Подъ этимъ впечатлѣніемъ князь видимо былъ взволнованъ. Медленно вынулъ онъ изъ кармана листъ бумаги и тихимъ задушевнымъ голосомъ прочелъ:

Красивый Эмсъ съ цѣлебными водами
И зеленью обвитыми садами,
Какъ свѣжимъ, бархатнымъ ковромъ,
И съ тихою извилистою Ланой,
Стремящейся лѣниво подъ охраной
Горъ, оцѣпившихся кругомъ.

Къ тебѣ, во дни живительнаго Мая,
Прекрасный Гость изъ Сѣвернаго края
Пришелъ силъ новыхъ почерпнуть.
На Немъ лежитъ судебъ народныхъ бремя,
И Онъ въ твое приволье, хоть на время,
Пришелъ отъ царства отдохнуть.

Величіе и власть ему не нужны,
Ни царскій санъ, ни блескъ его наружный,
Ни ратныхъ силъ могучій строй:
Ему легко господствовать надъ свѣтомъ
И кротостью, и ласковымъ привѣтомъ,
И сердца теплой добротой!

Красивый Эмсъ, любимый небесами,
Гдѣ здѣсь и тамъ мелькаютъ предъ глазами
Картины чудной красоты...
Цѣлебныхъ благъ придай Его здоровью,
И нѣжной признательной любовью
Помянутъ нами будешь ты!. . . . .

Князь умолкъ. Я слышалъ, какъ его голосъ задрожалъ во время чтенія; мы всѣ молчали, и жаль мнѣ было, когда возобновился разговоръ.

Такъ проводили мы время, въ тиши и уединеніи Гомбурга, ежедневно и по цѣлымъ днямъ на дачѣ Киселева. Время проходило незамѣтно, и пора уже было думать объ отъѣздѣ. Этого дня я не забуду.

Мы должны были выѣхать поздно вечеромъ съ ночнымъ поѣздомъ. Съ княгиней простились мы на Киселевой дачѣ, но князь непремѣнно пожелалъ насъ проводить. Въ послѣдній разъ пошли мы всѣ знакомой дорогой къ нашей гостинницѣ. Разговора почти не было. Совсѣмъ уже стемнѣло, а въ густой каштановой аллеѣ и подавно. Когда дошли мы до гостинницы, князь пожелалъ войти въ домъ; въ комнатахъ было совершенно темно. По желанію князя, всѣ собрались въ столовой верхняго этажа и сѣли. Тогда князь Петръ Андреевичъ всталъ и перекрестился...

По возвращеніи въ Россію, я получилъ отъ него слѣдующее письмо, отъ 11 (24) Іюля 1875 года: «Благодарю васъ, любезнѣйшій графъ, за письмо ваше и за всѣ увѣдомленія. А еще разъ большое и

глубокое задушевное спасибо за ваше посѣщеніе. Оно оставило въ насъ самое отрадное впечатлѣніе и воспоминаніе. Жаль только, что оно было непродолжительно:

Мы говоримъ съ тоской: ихъ нѣтъ!
И съ благодарностію: были!"

Отъ 20 Іюля (1 Августа), писалъ онъ слѣдующее: «Благодарю васъ за письмо и очень за фотографіи. Онѣ очень милы. А «просвира» такъ и сіяетъ въ своей соборной полнотѣ и благолѣпіи. Перецѣлуйте нѣжно за меня все Шереметевское колѣно. А нашъ домъ теперь замолкъ и опустѣлъ: вчера Павелъ отъ насъ уѣхалъ. Мѣсяца два у насъ опять теплился семейный очагъ, а теперь печка замазана, и все кончено. Даже и поваръ насъ покинулъ, и мы, какъ говорю, остались не только круглыми, но и голодными сиротами. Уѣхалъ и Урусовъ *). Мы теперь остались при одномъ генералѣ Ленцѣ. Павелъ разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ бытьѣ. Все по старому; одна разница въ томъ, что прежде мы ѣли вкусно и хорошо, а нынѣ пробавляемся рататульею. Погода все ненадежная и смотритъ болѣе осенью. Желаемъ вамъ добраго здоровья и всякаго благополучія. Дружески и нѣжно всѣхъ вашихъ и нашихъ обнимаемъ. Неизмѣнно и крѣпко вамъ преданный Вяземскій»....

Этимъ письмомъ и кончаю мои поминки о князѣ Петрѣ Андреевичѣ.

Графъ Сергій Шереметевъ.

Михайловское. 27 Мая 1890 г.

*) Князь Сергій Николаевичъ.

КЪ ИСТОРІИ РАСКРѢПОЩЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Хотя царствованіе императора Николая Павловича и отмѣчено нѣкоторыми мѣрами улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, но самаго вопроса объ отмѣнѣ крѣпостнаго права не суждено было разрѣшить ему. Войны, которыя приходилось вести Россіи въ его царствованіе, возмущеніе Польши, революціонное движеніе въ Европѣ, все это временно отвлекало вниманіе Императора отъ этого вопроса. Но, сознавая необходимость его разрѣшенія, Императоръ не покидалъ этой мысли, соображая, какъ вводить реформу постепенно, нечувствительно, безъ вреда благосостоянію заинтересованныхъ ею сторонъ. Еще въ Январѣ 1855 году онъ говорилъ графу Блудову о крайней необходимости ея, но, какъ и въ первые года своего царствованія, не допускалъ обезземеленія.

Взглядъ Императора Николая на ненормальность крѣпостнаго права и осторожность съ какою приступалъ онъ къ дѣлу, хорошо рисуетъ, между прочимъ, предлагаемое собственноручное *секретное* письмо Смоленскаго губернскаго предводителя дворянства князя Михаила Васильевича Друцкого-Сокольницкаго отъ 13 Сентября 1847 года № 67 къ Е. А. Головину, бывшему тогда генералъ-губернатомъ Прибалтійскихъ губерній.

Секретно.

Милостивый государь Евгеній Александровичъ!

Получивъ письмо ваше отъ 1-го Сентября, поспѣшаю сообщить вашему высокопревосходительству, какъ почетнѣйшему помѣщику Смоленской губерніи, подробности принятія Государемъ Императоромъ Смоленской депутаціи, отправленной отъ дворянства для принесенія Его Величеству вѣрноподданической благодарности губерніи за дарованныя дворянству права и преимущества и за оказанныя намъ Смольянамъ въ послѣднее трудное время льготы и пособія.

Въ числѣ депутатовъ назначены были: я, Рославльскій уѣздный предводитель, генеральнаго штаба полковникъ Фонтонъ-де-Верраіонъ и отставной генералъ-маіоръ Шембель. Постигшая меня болѣзнь лишила счастія быть у Государя Императора представителемъ Смоленской депутаціи; мѣсто мое заступилъ полковникъ Михаилъ Львовичъ Фонтонъ-де-Верраіонъ, и депутація отправилась въ Петербургъ въ числѣ двухъ депутатовъ.

Вскорѣ по прибытіи депутаціи въ столицу, 16-го Мая Михаилъ Львовичъ получилъ записку, коею г. министръ увѣдомлялъ его, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: быть ему и генералу Шембелю у Его Величества въ Воскресенье, послѣ обѣдни, 18 числа Мая.

По утру 18 Мая полковникъ Фонтонъ и генералъ Шембель отправились въ Зимній дворецъ и ожидали окончанія обѣдни на верху, въ пріемной близъ кабинета Его Величества, вмѣстѣ со многими лицами иностранныхъ посольствъ, имѣвшими счастье представляться въ этотъ день Государю Императору.

Въ часъ пополудни, по окончаніи представленія сказанныхъ лицъ, депутаты были введены въ кабинетъ.

Его Величество изволилъ подойти къ полковнику Фонтонъ-де-Верраіонъ и пожалъ ему руку, сказавъ: «Здравствуйте, полковникъ! Очень радъ, что вижу васъ въ числѣ депутатовъ Смоленской губерніи». Потомъ, обратясь къ генералу Шембелю, спросилъ о состояніи его здоровья и чувствуетъ ли онъ боль отъ ушиба. Генералъ поблагодарилъ Государя за милостивое вниманіе, присовокупивъ, что еще носитъ перевязь. За симъ Михаилъ Львовичъ сказалъ въ краткихъ словахъ, сколько онъ и генералъ Шембель считаютъ себя счастливыми, удостоясь высокой чести выразить передъ Его Величествомъ чувства вѣрноподданической признательности цѣлой губерніи за дарованныя дворянству права и преимущества и за оказанныя намъ Смольянамъ въ послѣднее трудное время льготы и пособія.

На это Его Величество изволилъ отвѣчать: «Я, господа, въ мое «царствованіе не принималъ еще подобныхъ депутацій; но выраженіе «признательности Смоленскаго дворянства мнѣ очень пріятно. Я Смольянъ знаю за вѣрныхъ слугъ Отечеству: на поприщѣ военномъ и гражданскомъ они всегда отличались усердіемъ и знаніемъ, а дома благоустройствомъ. По этому я изъявилъ желаніе принять васъ, чтобы «выразить въ лицѣ вашемъ Смоленскому дворянству, сколько я люблю «оное и уважаю за его чувства и рыцарскія правила».

Послѣ многихъ разговоровъ и монаршихъ наставленій, Его Величество изволилъ разспрашивать депутатовъ о состояніи всходовъ, отстроился ли Смоленскъ, о положеніи уѣздныхъ городовъ вообще, и по выслушаніи отвѣтовъ, изволилъ раскланяться.

Однимъ словомъ Государь Императоръ очаровалъ депутатовъ своимъ милостивымъ пріемомъ. Разговоръ продолжался болѣе часа, и день этотъ останется у насъ, Смольянъ, на всегда въ памяти.

На другой день депутаты имѣли счастіе представляться Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику и были имъ обласканы

какъ нельзя болѣе. Его Высочество изволилъ сказать имъ, что Государь Императоръ передалъ уже Его Высочеству содержаніе вчерашняго разговора съ ними, разспрашивалъ о Смоленскѣ, уѣздныхъ городахъ, о положеніи губерніи, выслушивалъ очень внимательно отвѣты и, послѣ получасовой милостивой бесѣды, изволилъ раскланяться.

Получивъ обо всемъ вышесказанномъ увѣдомленіе отъ Михаила Львовича Фонтонъ-де-Верраіонъ, я поспѣшилъ сообщить это гг. уѣзднымъ предводителямъ для передачи дворянству предводительствуемыхъ ими уѣздовъ, въ чувствахъ которыхъ неограниченной преданности и любви къ Государю Императору отразились тѣже ощущенія высокаго восторга, какимъ, при всемилостивѣйшемъ лестномъ отзывѣ Его Величества о вѣрноподданныхъ ему Смольянахъ, были проникнуты депутаты дворянства. Нынѣ я имѣю честь раздѣлять высокій нашъ восторгъ и съ вашимъ высокопревосходительствомъ.

Приступаю отвѣчать собственно на вопросы изложенные вашимъ высокопревосходительствомъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 1 Сентября.

Его Величество, говоря съ депутатами *келейно* объ обязанныхъ крестьянахъ, соизволилъ выразиться такъ: «Въ указѣ моемъ по этому «предмету я ясно выразилъ мысль мою, что земля, заслуженная *нами*, «дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская собствен«ность. Замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ «государствѣ. Но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ со«стояніи, почти не по праву, а обычаемъ чрезъ долгое время, *не мо«жетъ считаться собственностью, а тѣмъ менѣе вещью*; слѣдственно «мое желаніе при обнародованіи сказаннаго указа было и теперь есть, «чтобы дворянство помогло въ этомъ дѣлѣ, *столь важномъ для разви«тія благосостоянія отечества* нашего, постепеннымъ переводомъ кре«стьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные; а я убѣжденъ, что такой «переходъ, хотя на разныхъ условіяхъ примѣненныхъ каждымъ къ мѣ«стности, можетъ одинъ предупредить крутой переломъ. Совсѣмъ тѣмъ «до сихъ поръ только нѣкоторыми помѣщиками представлены условія, «и между сими послѣдними есть не соотвѣтствующія цѣли. Знаю, что «противъ обязанныхъ крестьянъ есть возраженіе: кто дворянамъ пору«чится, что крестьяне будутъ исполнять принятыя на себя обязанно«сти? Суды не хорошо составлены и т. п. На это я скажу, что пору«кою обоюднаго исполненія обязанностей дѣйствительно должны слу«жить суды, состоящіе изъ дворянъ же, *и если суды эти не хороши, «то виноваты сами дворяне*, опустивъ не вездѣ, а во многихъ мѣстахъ «должности по выборамъ. Я, напротивъ, *нахожу, что всѣ сіи должно«сти достойны быть заняты лицами достигнувшими немалыхъ чиновъ «на коронной службѣ и имѣющими знаки отличія.* Основываясь на

«всемъ этомъ, я желаю, господа, чтобы вы, потолковавъ *келейно*, какъ «я теперь съ вами, написали мнѣ о томъ свое мнѣніе, прямо въ собственныя руки».

Когда Государь Императоръ изволилъ кончить, полковникъ Фонтонъ-де-Верраіонъ имѣлъ честь отвѣчать Его Величеству слѣдующее: «Слова ваши, Государь, будутъ руководить насъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ по этому предмету. Съ ними связана вся будущность наша и дѣтей нашихъ. Но какъ порученіе мое и генерала Шембеля ограничивается изъявленіемъ вѣрноподданнической признательности Вашему Императорскому Величеству, то и не смѣемъ предпринять что либо отъ своего въ столь важномъ дѣлѣ лица собственно, а потому испрашиваемъ теперь Вашего Высочайшаго соизволенія посовѣтоваться по прибытіи въ губернію съ г. губернскимъ предводителемъ».

На это Его Величество изволилъ сказать: «Да, разумѣется, я съ «этимъ совершенно согласенъ; повторяю вамъ, напишите мнѣ, но не «забудьте, что все это должно быть *келейно*, по домашнему».

Въ этихъ словахъ выражаются воля и цѣль Государя Императора. Касательно же порученія, даннаго Его Величествомъ Смоленскимъ депутатамъ, о составленіи мнѣнія, то къ исполненію его я еще не приступалъ, въ ожиданіи возвращенія изъ С.-Петербурга полковника Фонтонъ-де-Верраіонъ, которому по этому предмету даны мною порученія. Быть можетъ, онъ привезетъ съ собою свѣдѣнія намъ нужныя.

По приведеніи въ надлежащую ясность подлежащаго вопроса при извѣстныхъ данныхъ, я, для разрѣшенія его, непремѣннымъ долгомъ почту обратиться и къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою объяснить намъ собственное ваше мнѣніе, которое будетъ нами принято съ искреннѣйшею благодарностью.

Все это я имѣю честь передать вашему высокопревосходительству *келейно*, для личнаго вашего соображенія, присовокупляя при томъ, что о разговорѣ Его Величества съ депутатами еще мною никому не сообщено, и предстоящее дѣло должно оставаться безъ малѣйшей огласки.

Съ отличнымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть и пр.

(Сообщено И. С. Листовскимъ).

ЗИМНІЙ ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ.

въ 1839 году.

По разсказамъ и запискамъ очевидцевъ.

Послѣдніе два года (1889 и 1890) мнѣ довелось прожить въ Оренбургѣ *), гдѣ я встрѣтился и познакомился съ нѣсколькими, еще находящимися въ живыхъ, свидѣтелями и участниками несчастнаго похода нашихъ войскъ въ Хиву, въ 1839 году, и слышалъ отъ нихъ живые разсказы и многія интересныя подробности объ этомъ походѣ. Между этими лицами первое мѣсто занималъ бывшій военный топографъ, отставной подполковникъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ, который не только разсказывалъ мнѣ о походѣ устно, но и передалъ имѣвшіяся у него записки (ими я отчасти и пользовался при составленіи настоящей статьи).

Какъ въ Хивинскій походъ 1839 года, такъ и потомъ, спустя 34 года, во время похода въ Хиву генерала К. П. Кауфмана, были приняты всѣ мѣры, чтобы донесенія о походѣ доходили въ Петербургъ лишь официальнымъ путемъ и чтобы при отрядахъ не было корреспондентовъ. Но судьба—по крайней мѣрѣ во второй походъ—распорядилась иначе: въ отрядъ генерала Кауфмана, когда онъ достигъ уже рѣки Аму-Дарьи, прибылъ, преодолѣвъ всѣ, дѣлаемыя ему препятствія, безстрашный и неутомимый Англійскій путешественникъ-корреспондентъ Макъ-Гаханъ, который и описалъ, затѣмъ, Хивинскій походъ 1873 года въ особо-изданной имъ книгѣ: «Campaigning on the Oxus and the Falle of Khiva». By J. A. Mac-Gahan. London, 1874. Сочиненіе это было переведено въ 1875 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и имѣло огромный успѣхъ среди читающей публики, какъ талантливое и, главное, единственное описаніе столь рѣдкаго и замѣчательнаго, въ лѣтописяхъ военной исторіи похода. Намъ, Русскимъ людямъ, дове-

*) Пріѣхалъ я въ этотъ городъ, равно какъ и выѣхалъ изъ него, вслѣдствіе особыхъ, довольно интересныхъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ разсказано впослѣдствіи. И. З.

лось, слѣдовательно, узнать всѣ подробности этого героическаго похода нашихъ войскъ въ глубь Азіи отъ иноземнаго корреспондента....

Къ сожалѣнію, походъ 1839 года не имѣлъ столь даровитаго участника и лѣтописца: онъ былъ совершенъ въ такой тайнѣ, что первое извѣстіе о немъ въ Русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ офиціальнаго изложенія подробностей похода, въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,» издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ. Между тѣмъ, въ походѣ принимали участіе извѣстный писатель В. И. Даль (Казакъ Луганскій), состоявшій въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Перовскомъ, и знаменитый впослѣдствіи географъ и путешественникъ по Средней Азіи Н. В. Ханыковъ *). Послѣдній, насколько извѣстно, ничего не написалъ о походѣ, въ которомъ онъ участвовалъ; Даль же ограничился нѣсколькими частными письмами къ разнымъ своимъ знакомымъ, писанными съ пути, во время похода, и напечатанными, 28 лѣтъ спустя, въ «Русскомъ Архивѣ». Болѣе подробныя статьи объ этомъ походѣ, написанныя, впрочемъ, по офиціальнымъ же источникамъ, были помѣщены въ «Русскомъ Словѣ» и «Военномъ Сборникѣ». Затѣмъ, имѣется нѣсколько писемъ о Хивинскомъ походѣ 1839 г. самого графа В. А. Перовскаго, главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, писанныхъ имъ съ похода, къ Московскому почтъ-директору А. Я. Булгакову и напечатанныхъ въ томъ же «Русскомъ Архивѣ». Существуетъ, наконецъ, и отдѣльная книжка объ этомъ же походѣ, изданная однимъ изъ участниковъ экспедиціи, полковникомъ Иванинымъ. Очень возможно, что о зимнемъ походѣ въ Хиву имѣются и еще какія-нибудь напечатанныя статьи, мнѣ неизвѣстныя.

Но все это—матеріалы, такъ-сказать, офиціальные, далеко не полные и не всегда согласные съ истиной. А потому, теперь, при описаніи этого достопамятнаго по своему несчастію и героизму солдатъ и офицеровъ похода, приходится основываться, главнымъ образомъ, на устныхъ «разсказахъ очевидцевъ», являющихъ собою вообще Русское традиціонное хранилище свѣдѣній о новѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи, и на частныхъ запискахъ и письмахъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ.

Существуетъ, какъ извѣстно, подробное «Дѣло» объ этомъ «Военномъ предпріятіи противу Хивы»; но оно, какъ мы слышали, находится въ Петербургѣ въ Архивѣ Главнаго Штаба, высланное туда изъ Оренбурга по особому распоряженію. И. З.

*) Кромѣ названныхъ лицъ, въ экспедиціи въ Хиву участвовали также: П. Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Индіи и Китаю, и Э. Эверсманъ. И. З.

I.

Наши отношенія къ Хивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Заботы императора Александра I-го о мирномъ сближеніи съ Хивой.—Рескрипты Государя военному Оренбургскому губернатору Эссену.—Оскорбленія, чинимыя Хивинцами нашимъ посланцамъ.—Отправленіе въ Хиву караванъ-баши Ніязмухаметева и штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева.

Послѣ перваго похода въ Хиву Русскаго отряда въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, похода, окончившагося, какъ извѣстно, столь трагически, благодаря обману и вѣроломству Хивинцевъ, а главное, излишней довѣрчивости Бековича, наши сношенія съ Хивою порвались сами собою, и Хивинцы, гордые своею вѣроломною побѣдой, стали къ намъ, открыто, во враждебныя отношенія: они грабили наши торговые караваны, направлявшіеся въ Бухару, подстрекали Туркменъ и Киргизовъ похищать Русскихъ людей и покупали ихъ, обращая въ неволю, укрывали нашихъ дезертировъ и бѣглыхъ, и пр. Такъ прошло цѣлое столѣтіе. Никто изъ государственныхъ Русскихъ людей того времени не помышлялъ еще, по-видимому, о той серьезной роли, какая должна была выпасть на долю Россіи въ Средней Азіи, въ силу ея инертнаго движенія на Востокъ....

Лишь послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, императоръ Александръ I-й обратилъ впервыя свое высокое вниманіе на упорядоченіе нашей торговли въ Средней Азіи: тогдашнему Оренбургскому военному губернатору генералу Эссену было предложено избрать изъ служащихъ въ Оренбургѣ чиновниковъ или военныхъ вполнѣ способнаго и надежнаго человѣка, въ небольшомъ чинѣ, котораго и отправить къ Хивинскому хану, но отнюдь не въ качествѣ дипломатическаго лица, а какъ бы обыкновеннаго чиновника, для установленія правильныхъ пограничныхъ сношеній. Къ рескрипту на имя губернатора Эссена была приложена особая записка, гдѣ излагались тѣ дружественныя предложенія, которыя долженъ былъ сдѣлать избранный чиновникъ Хивинскому хану. Вотъ содержаніе этой записки *):

«1. Россійскій императоръ искренно желаетъ благосостоянія своихъ сосѣдей и, въ тоже время, готовъ имъ изъявлять всякую пріязнь, не желая другого съ ихъ стороны, какъ взаимнаго дружелюбія.

«2. Если взаимное дружелюбіе будетъ единожды прочно установлено, то очевидно, что польза обоихъ народовъ требуетъ всѣми возможными мѣрами споспѣшествовать свободнымъ торговымъ сообщеніямъ, тщательно отстраняя отъ оныхъ все то, что можетъ служить имъ во вредъ и изыскивая искренно средства сдѣлать сіи торговыя сообщенія часъ отъ часу выгоднѣе для обоихъ народовъ».

---

*) Изъ дѣла Оренбургскаго генералъ-губернаторскаго архива № 452.

«3. Подобное взаимное положеніе, кажется, будетъ полезнѣе, нежели нынѣ существующее, столь часто подверженное непріятнымъ происшествіямъ, ко вреду обоюдныхъ подданныхъ обращающимся. Всѣ сіи непріятности весьма легко отвращены быть могутъ, когда искреннее желаніе поселится укоренить дружбу на прочныхъ началахъ».

«Если сіи мысли будутъ приняты, то посылаемый чиновникъ долженъ будетъ взойти (предъ ханомъ) въ подробное изъясненіе препятствій и притѣсненій, встрѣчаемыхъ торгующими, особливо Бухарцами, отъ Хивинцевъ. Во взаимность отвращенія сихъ неудобствъ и притѣсненій, Россійское правительство готово принять предложенія, кои ханъ Хивинскій найдетъ нужнымъ сдѣлать для пользы своего народа, если они будутъ безвредны пользамъ Россіи или другимъ сопредѣльнымъ народамъ».

«Надобно желать, чтобъ чиновникъ, таковое порученіе получающій, былъ не только по наставленію полонъ яснаго понятія о предстоящемъ ему дѣлѣ, но и самъ внутренно и чистосердечно убѣжденъ въ истинѣ, справедливости и пользѣ онаго. Онъ тогда будетъ дѣйствовать съ тою теплотою и непритворностію чувствъ, которыя въ его положеніи одни могутъ заслужить довѣренность и усыпить Азіатскую мнительность и подозрѣніе и, наконецъ, оставить благопріятное впечатлѣніе въ умѣ и расположеніяхъ Хивинскаго хана».

Вотъ какими миролюбивыми намѣреніями исполнено было Русское правительство относительно Хивы въ 1819 году, не смотря на самое разбойничье и хищническое поведеніе нашихъ сосѣдей, называемое въ запискѣ «непріятными происшествіями». Оно, вѣрное своей тогдашней иностранной политикѣ на Западѣ, мечтало «укоренить дружбу на прочныхъ началахъ» и на Востокѣ съ Хивою. Но мѣстныя Оренбургскія власти отлично понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и не увлеклись фантастической перспективой «дружбы» съ закоренѣлыми разбойниками и исконными врагами Россіи. Вотъ что писалъ генералъ Эссенъ въ Петербургъ, въ отвѣтномъ рапортѣ своемъ на высочайшій рескриптъ:

«По вступленіи моемъ въ управленіе Оренбургскимъ краемъ, относился я къ Хивинскому хану Мухамметъ-Рахиму, чрезъ торгующихъ здѣсь его подданныхъ, дружественнымъ письмомъ о взаимной пріязни, но на оное не получилъ отъ него никакого отвѣта».

«Получивъ отъ статсъ-секретаря Кикина, по высочайшему повелѣнію вашего величества, всеподданнѣйшую просьбу купцовъ Лазарева и Енушева объ удовлетвореніи ихъ за разграбленные Хивинцами товары, отправлялъ я въ прошедшемъ году къ Хивинскому хану съ письмомъ нарочнаго, 4-го Башкирскаго кантона поручика Абдулъ-Насыра-Субкангулова; но нарочный сей угрожаемъ въ Хивѣ былъ казнію за прибытіе туда, которой избѣжалъ единственно убѣжденіемъ Хивинцевъ въ единовѣріи съ ними, въ доказательство коего вынужденъ былъ обрить голову и съ симъ знакомъ униженія выпровожденъ былъ изъ Хивы, при отзывѣ ко мнѣ отъ имени ханскаго (?) Аталыка-Бегудара, явно обнаруживающемъ строптивость и недостатокъ уваженія къ на-

шему правительству, и при объявленіи, чтобы впредъ не возвращался, а въ Россіи повѣстилъ бы, что всякій свободный чужестранецъ, по Хивинскимъ законамъ, подвергается у нихъ смерти или рабству, о чемъ и сообщено было отъ меня въ подробности, тогда же, управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретарю графу Нессельроде».

«Послѣ таковыхъ безуспѣшныхъ сношеній съ Хивинскимъ правительствомъ, я въ необходимости нахожусь заключить, что во исполненіе высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, въ новые переговоры и объясненія съ онымъ войти удобно не иначе, какъ въ видахъ силы и справедливой твердости, поддержавъ достоинство Имперіи, внушивъ уваженіе къ предмету тѣхъ объясненій и обезпечивъ безопасность получающаго сіе порученіе».

Затѣмъ, генералъ Эссенъ называетъ въ рапортѣ своемъ и лицо имъ намѣченное для посольства въ Хиву: личнаго своего адъютанта, поручика Германа, управлявшаго, въ продолженіи двухъ лѣтъ, «дипломатическимъ отдѣленіемъ» канцеляріи Оренбургскаго губернатора; но прибавляетъ при этомъ, что его возможно будетъ отправить лишь «подъ прикрытіемъ эскорта».

Кромѣ всеподданѣйшаго рапорта, генералъ Эссенъ счелъ неизлишнимъ сдѣлать надлежащее представленіе о нашихъ сношеніяхъ съ Хивою и всесильному тогда временщику графу Аракчееву. Мы приведемъ изъ этого представленія тѣ мѣста, гдѣ всего рѣзче обрисовывается наше тогдашнее отношеніе къ Хивѣ.

«Правительство Хивинское —пишетъ генералъ Эссенъ—хотя постоянно производитъ съ Россіей торговлю, но отъ самаго начала сношеній нашихъ съ нимъ не переставало дѣйствовать коварнымъ и хищнымъ образомъ. Не обращаясь къ временамъ давно протекшимъ, кои ознаменованы несчастною экспедиціей полковника князя Бековича-Черкасскаго, довольно упомянуть, что отъ тѣхъ временъ донынѣ непрерывно подстрекаетъ оно Киргизъ-Кайсаковъ *) къ уводу людей нашихъ, покупаетъ и содержитъ ихъ въ тяжкой неволѣ, грабитъ преимущественно тѣ караваны, въ коихъ находятся товары нашихъ Киргизовъ, и въ подданной намъ ордѣ Киргизъ-Кайсацкой производитъ истребленіе, хищничества и насилія всякаго рода. Такъ, напримѣръ, въ 1793 году, посланный въ Хиву, по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе собственнаго прошенія Хивинскаго хана, маіоръ Бланкеннагель былъ тамъ содержанъ подъ стражею, ограбленъ и угрожаемъ опасностію жизни, которой избѣжалъ единственно успѣхомъ, съ какимъ вылѣчилъ онъ до 300 больныхъ Хивинцевъ. Понятія сего правительства о народномъ правѣ и безразсудная жестокость таковы, что посла Персидскаго шаха со свитою, изъ тридцати человѣкъ состоявшею, велѣно было безчело-

*) То-есть, сосѣднихъ съ Оренбургомъ *Киргизовъ*, кочевья которыхъ въ то время, какъ и теперь, начинались за р. Ураломъ. Въ настоящее время Киргизы стали совсѣмъ мирнымъ племенемъ и занимаются лишь изрѣдка конокрадствомъ. И. З.

вѣчно умертвить при самомъ приближеніи его къ Хивинской области. Хотя сіе событіе предшествовало Бланкеннагелю за 50 лѣтъ, но *время не измѣнило оныхъ понятій и не обуздало варварскихъ его расположеній*, подтверждаемыхъ послѣднимъ происшествіемъ съ прошлогоднимъ моимъ посланцемъ, который допрашиванъ былъ подъ кинжаломъ палача и угрожаемъ насильствами». «Всѣ таковыя воспоминанія, вмѣстѣ съ безуспѣшными покушеніями войти съ Хивинскимъ владѣльцемъ въ сношенія», убѣждаютъ его, губернатора, въ томъ, что «ежели всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно будетъ повелѣть вновь испытать средство переговора съ Хивинскимъ владѣльцемъ, то сіе не иначе можетъ быть совершено, какъ и подъ вооруженнымъ прикрытіемъ», дабы, говорится въ концѣ, «въ случаѣ крайней неудачи, обезпечено было возвращеніе хотя нѣкоторой части сего отряда»...

Эти благоразумныя предостереженія генерала Эссена разсѣяли, повидимому, маниловскія иллюзіи графа Нессельроде, и посольство Германа въ Хиву не состоялось. Тѣмъ не менѣе, въ новомъ рескриптѣ Оренбургскому военному губернатору отъ 24 Мая 1819-го же года, императоръ Александръ, соглашаясь, что посольство въ Хиву будетъ безполезно и рисковано, выразилъ все-таки желаніе «употребить всевозможныя мѣры» къ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній Россіи съ Хивой. Для этого, въ особой запискѣ, приложенной къ высочайшему рескрипту, указывался и способъ къ достиженію этой цѣли. Впрочемъ «способъ» этотъ оказался и на сей разъ обычнымъ продуктомъ Петербургскихъ кабинетныхъ измышленій и, какъ увидимъ ниже, не имѣлъ никакого успѣха.

«За сдѣланными уже (говорится въ запискѣ) тщетными покушеніями имѣть дружественныя сношенія съ ханомъ Хивинскимъ, признается небезполезнымъ испытать еще слѣдующее средство: между Хивинцами, живущими въ Оренбургской губерніи, есть, безъ сомнѣнія, люди, извѣстные по наклонности къ нашему правительству и, въ то же время, пользующіеся довѣренностью своихъ соотечественниковъ въ Хивѣ..... Надобно найти одного изъ таковыхъ Хивинцевъ, человѣка добрыхъ свойствъ, смышленаго и предпріимчиваго. Не давая ему замѣтить, что сіе дѣло связано съ видами правительства, надобно заинтересовать его въ немъ собственною его пользою. Сіе весьма легко сдѣлать, возродивъ въ немъ опасеніе лишиться выгодъ торговли по непріязненному расположенію хана Хивинскаго и заставя его, такимъ образомъ, самого желать и искать возможности къ отклоненію препонъ торговлѣ съ Хивою»... Далѣе излагается весьма наивный планъ дѣйствій для этого, «извѣстнаго по наклонности къ нашему правительству человѣка»: какъ онъ долженъ былъ отправиться въ Хиву «въ видѣ частнаго человѣка», что̀ онъ долженъ былъ тамъ дѣлать и говорить, какъ онъ долженъ былъ ознакомить Хивинское правительство съ правилами международныхъ сношеній, сообщивъ ему, между прочимъ, что «Австрійская и Россійская имперіи утвердили уже свои торговыя сношенія съ Оттоманскою Портою, а Россія—даже съ Персіею и Ки-

таемъ»... При этомъ, предполагалось дать этому посланцу нѣкоторое денежное вспоможеніе...

Подходящаго человѣка для такой курьозной миссіи нелегко, конечно, было найти... Но, тѣмъ не менѣе, генералъ Эссенъ розыскалъ-таки такого въ лицѣ однаго изъ Хивинскихъ караванъ-башей *), Атаніаза Ніязмухаметева, отправлявшаго свои обязанности при Хивинскихъ караванахъ въ теченіе 30 лѣтъ. Но спустя годъ по возложеніи на него миссіи къ Хивинскому хану, генералъ Эссенъ, въ рапортѣ Государю Императору, доносилъ слѣдующее:

«Хивинецъ Атаніазъ Ніязмухаметевъ вернулся въ Оренбургъ съ караваномъ и объяснилъ мнѣ, что владѣлецъ Хивинскій никакими его представленіями не убѣдился и не только посланства на упомянутый предметъ не отправилъ, но и въ объясненіе по оному войти не хотѣлъ, не поставляя на то никакой причины. Вмѣстѣ съ симъ Хивинцемъ возвратился изъ Хивы и посланный мною, по другому высочайшему Вашего Величества повелѣнію, объявленному мнѣ черезъ управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, коллежскій совѣтникъ Мендіяръ Бекчуринъ, имѣвшій порученіе доставить къ Хивинскому хану письмо гр. Нессельроде и ходатайствовать объ удовлетвореніи нашихъ купцовъ за ограбленные у нихъ товары. Къ исполненію сего порученія избралъ я Бекчурина потому, что онъ одного съ Хивинцами магометанскаго исповѣданія и имѣетъ отъ роду слишкомъ 70 лѣтъ. Я надѣялся, что, изъ уваженія къ единовѣрцу и старости, оказанъ ему будетъ благосклонный пріемъ; но вмѣсто того, чиновникъ сей принятъ былъ тамъ съ сугубымъ раздраженіемъ, четыре мѣсяца содержанъ подъ крѣпкою стражею *въ унизительномъ мѣстѣ* и, наконецъ, не бывъ выслушанъ, отправленъ въ Россію безъ всякаго отвѣта».

Почти одновременно съ порученіями, данными изъ Оренбурга Ніязмухаметеву и Бекчурину, былъ посланъ, въ Хиву же, совсѣмъ съ другой стороны, именно съ Кавказа, генераломъ Ермоловымъ, штабсъ-капитанъ Н. Н. Муравьевъ, которому было поручено «склонить Туркменъ или Трухменцовъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря и Хивинцевъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіею». Миссія Муравьева была такъ же неудачна, какъ и Ніязмухаметева: его долго держали въ Хивѣ, какъ бы въ плѣну, едва допустили до аудіенціи у хана, обобрали всѣ привезенные имъ подарки, и въ концѣ едва выпустили обратно; а отпустивъ и узнавъ потомъ, что это былъ не таможенный чиновникъ (за котораго выдавалъ себя Н. Н. Муравьевъ), а военный офицеръ, очень сожалѣли, что не отрубили ему голову...

Вотъ, какъ отвѣчали Хивинскіе ханы на всѣ «покушенія имѣть дружественныя сношенія» съ ними.... Оскорбляя неслыханнымъ дотолѣ образомъ нашихъ пословъ, арестуя ихъ, брѣя имъ головы и содержа «подъ крѣпкою стражею въ унизительныхъ мѣстахъ», Хивинцы про-

*) Караванъ-баша—т. е. караванный голова, проводникъ каравана въ степи. И. З.

должали, въ тоже самое время, грабить караваны нашихъ торговыхъ людей, имѣвшихъ сношенія съ сосѣдственной съ Хивою Бухарой.... Такую безнаказанность и Русское долготерпѣніе можно, повидимому, объяснить лишь двумя обстоятельствами: вопервыхъ, извѣстнымъ личнымъ миролюбіемъ императора Александра I, получившаго, какъ извѣстно, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, глубокое отвращеніе къ войнѣ вообще, и вовторыхъ, тѣмъ, что во главѣ иностранной политики Россіи стояли въ то время иноземцы, съ графомъ Нессельроде во главѣ, которымъ были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на какомъ-то тамъ дальнемъ Востокѣ, но даже его слава и государственная честь, такъ дерзко оскорбляемыя и принижаемыя, въ данномъ случаѣ, Хивинскимъ ханомъ и его соправителями. Дерзость Хивинцевъ происходила, конечно, отъ ложнаго представленія ихъ о своей силѣ, которая вся заключалась лишь въ большой трудности похода въ Хиву для отряда Европейскихъ войскъ. Но разъ, при Петрѣ I-мъ, такой походъ былъ сдѣланъ, онъ могъ и долженъ былъ, рано или поздно, повториться: это былъ лишь вопросъ времени.....

II.

Пріѣздъ въ Оренбургъ В. А. Перовскаго и первое впечатлѣніе, имъ произведенное.— Его столкновенія съ генералами Жемчужниковымъ и Стерлихомъ.—Любезный пріемъ, оказанный Перовскому Оренбургскими Татарами съ Тимашевымъ во главѣ.—Первыя мысли о походѣ на Хиву.—Похищеніе Киргизами вдовы-офицерши.—Хлопоты Перовскаго въ Петербургѣ о разрѣшеніи похода.—Бесѣда съ императоромъ Николаемъ.—Первоначальные планы и разсчеты.—Сформированіе экспедиціоннаго отряда. — Штабъ генерала Перовскаго.

Въ 1833 году прибылъ въ Оренбургъ назначенный военнымъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ свиты Е. В. генералъ-маіоръ Василій Алексѣевичъ Перовскій *).

Оренбургъ, ранѣе, никогда не имѣлъ такого молодаго губернатора и, вдобавокъ, корпуснаго командира... Перовскому въ то время было лишь 38—39 лѣтъ. Молодой губернаторъ былъ очень красивъ со-

*) Генералъ В. А. Перовскій въ то время не былъ еще графомъ; титулъ этотъ онъ получилъ 17 Апрѣля 1855 года, т. е. въ день рожденія покойнаго Государя Александра Николаевича, всего черезъ два мѣсяца по восшествіи его на престолъ; графское достоинство было пожаловано В. А. собственно за Коканскій походъ 1853 года и взятіе крѣпости Акъ-Мечеть, переименованной, затѣмъ, въ „Фортъ-Перовскій“. Это было во время вторичной уже службы Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ; онъ былъ тогда „Самарскимъ и Уфимскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ, генераломъ отъ кавалеріи и всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеромъ“. Въ Оренбургѣ, въ зданіи караванъ-сарая, въ домѣ губернатора, въ одной изъ залъ, находится прекрасный портретъ графа В. А. Перовскаго, въ натуральную величину, вставленный въ роскошную золотую раму. И. З.

бою, «взглядъ имѣлъ строгій и суровый», ростомъ былъ выше средняго, имѣлъ изящныя великосвѣтскія манеры и обладалъ необыкновенною физической силой, такъ что свободно разгибалъ подковы. До пріѣзда своего въ Оренбургъ, генералъ Перовскій прошелъ хорошую боевую школу, не совсѣмъ-то обыкновенную и полную интересныхъ событій: 18-ти-лѣтнимъ юношей онъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, гдѣ ему оторвало пулею средній палецъ на рукѣ (вслѣдствіе этого, онъ носилъ, потомъ, на этомъ пальцѣ золотой, длинный наперстокъ); при выступленіи Французовъ изъ Москвы, попалъ къ нимъ въ плѣнъ; *пѣшкомъ*, при обозѣ маршала Даву, прошелъ отъ Москвы во Францію, гдѣ и жилъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, въ Орлеанѣ, до Февраля 1814 года, когда ему удалось бѣжать изъ Франціи и присоединиться къ Русской арміи, бывшей въ то время за границей. Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, онъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ, состоялъ адъютантомъ графа П. В. Кутузова и сопровождалъ великаго князя Николая Павловича въ его путешествіи по Россіи. Въ Турецкую войну 1828 года, подъ Варной, Перовскій былъ тяжело раненъ пулею въ правую сторону груди, такъ что ему *вырѣзывали* эту пулю. Въ тоже время, это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Россіи, дружный съ Жуковскимъ, знакомый съ Пушкинымъ, Карамзинымъ и всѣми интеллигентными членами ихъ кружка. (Пушкинъ, во время пріѣзда своего въ Оренбургъ, остановился прямо у Перовскаго). Все это, вмѣстѣ съ легендою о таинственномъ происхожденіи молодого генерала, производило на окружающихъ большое обаяніе. Но нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной служебной аристократіи сильно смущалъ некрупный чинъ новаго корпуснаго командира, и изъ-за этого чина вышелъ даже, на первыхъ же порахъ, слѣдующій инцидентъ, еще болѣе поднявшій престижъ новаго губернатора.

Начальникомъ расположенной тогда въ Оренбургѣ 28-й пѣхотной дивизіи былъ генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ, а начальникомъ бригады — старый генералъ Стерлихъ. Будучи чинами старше Перовскаго, дивизіонный генералъ, а по его примѣру и бригадный, не поѣхали представиться, а ожидали, что Перовскій, какъ вновь пріѣзжій, сдѣлаетъ имъ визитъ первый, чего этотъ, однако, не сдѣлалъ. Тогда генералъ Жемчужниковъ обратился въ Петербургъ съ конфиденціальнымъ письмомъ къ военному министру, испрашивая указаній, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ?... Изъ Петербурга не замедлилъ, однако, придти весьма печальный для генерала Жемчужникова отвѣтъ: ему предлагалось отправиться немедленно къ своему начальнику, корпусному командиру, свиты Е. В. генералъ-маіору Перовскому, и доложить ему, что онъ, генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ, за нарушеніе

правилъ обычной военной подчиненности, получилъ предложеніе подать въ отставку.... Къ чести престарѣлаго и заслуженнаго генерала Жемчужникова слѣдуетъ прибавить, что онъ не исполнилъ этого предложенія, а просто отправилъ прошеніе объ отставкѣ, въ которую тотчасъ же и былъ уволенъ, съ выслуженною имъ ранѣе пенсіею. Перовскій же послѣ этой исторіи былъ произведенъ въ генералъ лейтенанты съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ.

Оренбургскіе Татары, составлявшіе въ то время большинство населенія края и самаго города Оренбурга, встрѣтили новаго губернатора съ большимъ почетомъ и уваженіемъ; а ихъ бывшій мурза Тимашевъ предложилъ даже къ услугамъ генерала Перовскаго свой домъ, лучшій въ городѣ, на Николаевской улицѣ.

Въ первые же годы своей службы въ Оренбургѣ, молодой губернаторъ съумѣлъ достаточно оріентироваться въ новомъ для него краѣ и ко многому присмотрѣться. При этомъ, его всего болѣе поразилъ и сталъ мучить слѣдующій, крайне оскорбительный для самолюбія каждаго Русскаго человѣка фактъ: онъ узналъ, что кочующіе сейчасъ же за Ураломъ, вблизи города, Киргизы, числящіеся въ нашемъ подданствѣ, забираютъ, при малѣйшей оплошности, Русскихъ людей въ плѣнъ и тотчасъ же продаютъ ихъ въ Хиву, въ вѣчную неволю, что промыселъ этотъ составляетъ любимое, удалое занятіе Киргизовъ и что они ведутъ это дѣло совершенно свободно; во время же рекогносцировокъ за Уралъ казачьихъ конныхъ отрядовъ и при погоняхъ изъ укрѣпленій, хищники эти, на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ, безнаказанно уходятъ въ степь; что всѣхъ такихъ «плѣнныхъ» находится въ Хивѣ, по свѣдѣніямъ отъ караванъ-башей, болѣе 500 человѣкъ... На генерала Перовскаго особенно, говорятъ, повліялъ разсказъ о происшествіи, случившемся въ Оренбургѣ въ 1825 году, какъ разъ наканунѣ пріѣзда въ городъ императора Александра I.

Вдова однаго казачьяго офицера, узнавъ о предстоящемъ прибытіи въ городъ Государя, рѣшилась нарочно пріѣхать въ Оренбургъ, чтобы повидать царя, котораго ранѣе никогда не видѣла; она при этомъ взяла съ собою и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, чтобы кстати и имъ взглянуть на царя. Пріѣхавъ въ городъ наканунѣ прибытія въ него Государя, любопытная офицерша не нашла на постоялыхъ дворахъ и въ гостинницахъ ни одной уже свободной комнаты и, вслѣдствіе этого, рѣшилась остановиться, съ дѣтьми, прислугою и своими лошадьми, бивуакомъ и ночевать въ тарантасѣ, на которомъ пріѣхала; она расположилась на этомъ берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится, въ настоящее время, архіерейскій садъ и гдѣ въ то время росли еще нѣкоторыя деревья, остатки бывшаго лѣса. Вдругъ,

ночью, бивуакъ вдовы окружила конная шайка тихо подкравшихся Киргизовъ, схватили офицершу въ одной сорочкѣ, связали ее по рукамъ и ногамъ, кинули поперекъ лошади на сѣдло, поскакали къ Уралу и бросились черезъ него вплавь... Ни дѣтей ея, ни бывшую съ нею крѣпостную прислугу, кучера и горничную дѣвушку, Киргизы не взяли. Пока оторопѣлые и испуганные люди подняли тревогу, пока дали знать властямъ, а власти подняли на ноги казаковъ, совсѣмъ разсвѣло, а хищниковъ и слѣдъ простылъ: они были уже далеко въ степи по дорогѣ на Эмбу, направляясь къ Хивѣ... Когда доложили объ этомъ происшествіи прибывшему на другой день въ Оренбургъ Государю, то императоръ Александръ Павловичъ былъ, говорятъ, глубоко огорченъ этимъ несчастнымъ событіемъ, приказалъ взять дѣтей «на особое попеченіе», а вдову, во что̀ бы ни стало, выкупить отъ Хивинцевъ, за его, государевъ, счетъ, что̀ и было впослѣдствіи исполнено.

Фактъ этотъ, понятно, сильно поразилъ Перовскаго, какъ онъ могъ поразить и всякаго инаго свѣжаго человѣка, пріѣхавшаго въ Оренбургъ.... Въ самомъ дѣлѣ: Русскій царь долженъ былъ выкупать вдову своего офицера, взятую въ плѣнъ въ мирномъ, повидимому, городѣ, наканунѣ пріѣзда въ него самого Государя, взятую, главное, его же подданными, кочующими за Ураломъ «мирными» Киргизами!....

Вотъ какой порядокъ вещей созданъ былъ различными неумѣлыми правителями въ Оренбургскомъ краѣ ко времени пріѣзда въ него В. А. Перовскаго. Какъ человѣкъ, имѣвшій въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ, большія связи, Перовскій рѣшился возбудить ходатайство о необходимости новаго военнаго похода на Хиву....

Въ Петербургѣ, на первыхъ порахъ, ходатайство генерала Перовскаго не встрѣтило сочувствія ни въ военныхъ сферахъ, ни въ придворныхъ: указывали на трудности похода по безводнымъ пескамъ и пустынямъ; вспоминали трагическую судьбу отряда кн. Бековича-Черкасскаго, хотя и преодолѣвшаго походъ и дошедшаго до самой Хивы, но затѣмъ все таки погибшаго; выставляли на видъ и большія денежныя затраты, необходимыя на снаряженіе экспедиціи, затраты, которыя не окупятся малыми, сравнительно, выгодами, въ случаѣ даже успѣха... Тогда генералъ Перовскій отправился въ Петербургъ лично; тамъ, благодаря своимъ придворнымъ связямъ, онъ сильно подвинулъ впередъ задуманное имъ дѣло. Одинъ только военный министръ, гр. Чернышовъ продолжалъ оппонировать Перовскому. Наконецъ, на одномъ изъ придворныхъ баловъ, когда императоръ Николай Павловичъ подошелъ къ гр. Чернышеву и о чемъ-то заговорилъ съ нимъ, генералъ Перовскій, проходившій въ это время вблизи (вѣроятно, умышленно) былъ тоже подозванъ Государемъ. Разговоръ начался о Хивинскомъ походѣ.... Воен-

ный министръ возражалъ противу похода, Перовскій сталъ горячо доказывать необходимость освободить Русскихъ плѣнныхъ, томящихся въ неволѣ у Хивинцевъ.... Николай Павловичъ внимательно слушалъ обоихъ спорящихъ, давая имъ полную свободу высказаться....

— Государь, я принимаю эту экспедицію на свой страхъ и на свою личную отвѣтственность,—заявилъ, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ Перовскій, и эта его рѣшимость повліяла на Государя на столько, что онъ тутъ же сказалъ Перовскому:—Когда такъ, то съ Богомъ!—и отошелъ отъ графа Чернышова и Перовскаго къ другимъ лицамъ *)....

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, составленъ былъ, по приказанію Государя, особый комитетъ изъ вице-канцлера, военнаго министра и генерала Перовскаго. Въ засѣданіи комитета, 12 Марта 1839 г., и рѣшенъ былъ походъ на Хиву; но при этомъ положено было «содержать истинную цѣль предпріятія въ тайнѣ, дѣйствуя подъ предлогомъ посылки одной только ученой экспедиціи къ Аральскому морю». Въ случаѣ удачи похода и взятія Хивы, предположено было «смѣстить хана Хивы и замѣнить его надежнымъ султаномъ Кайсацкимъ, упрочить по возможности порядокъ (нашихъ сношеній съ Хивою), освободить всѣхъ плѣнныхъ и дать полную свободу торговлѣ нашей». Затѣмъ, въ томъ же засѣданіи комитета, опредѣлено было «на предпріятіе это» 1,698000 р. асс. и 12 т. червон., снабдить отрядъ орудіями и снарядами изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ складовъ и присвоить начальнику экспедиціи генералу Перовскому, на время похода, власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время (т. е. главнокомандующаго).

Добившись подписанія этого журнала графомъ Чернышовымъ и утвержденія его Государемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, 17 Марта 1839 года, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова, своей, такъ-сказать, правой руки, выѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургъ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, сталъ готовиться къ походу на Хиву.

Но главный вопросъ, отъ удачнаго рѣшенія котораго зависѣлъ успѣхъ или гибель дѣла, былъ еще не рѣшенъ: надо было опредѣлить время похода, то-есть, зимою или лѣтомъ выступить изъ Оренбурга....

За выступленіе зимою было большинство генераловъ и командировъ отдѣльныхъ частей, находившихся тогда въ Оренбургѣ; энергичнѣе всѣхъ стоялъ за зимній походъ начальникъ Башкирскаго войска генералъ-маіоръ Станиславъ Ціолковскій, имѣвшій на молодаго губер-

*) Эта сцена записана здѣсь со словъ Г. Н. Зеленина, слышавшаго о ней отъ капитана генеральнаго штаба Никифорова, лица, какъ увидимъ ниже, очень близко стоявшаго въ то время къ генералу Перовскому. Объ этомъ своемъ разговорѣ съ императоромъ Николаемъ Перовскій передавалъ, впослѣдствіи, уже по пріѣздѣ въ Оренбургъ, и другимъ лицамъ, въ той же редакціи. И. З.

натора большое вліяніе. Во-первыхъ, по словамъ Ціолковскаго, экспедиціонный отрядъ избавлялся отъ страшной жары, доходящей въ пескахъ, предъ Усть-Уртомъ до 58° по Реомюру; во-вторыхъ, отрядъ, который предположено было сформировать изъ 5 слишкомъ тысячъ человѣкъ, болѣе чѣмъ при десяти тысячахъ верблюдовъ, могъ бы, идя зимою, по безводнымъ пустынямъ и сыпучимъ пескамъ, имѣть вездѣ воду, которую легко было бы добывать, собирая и оттаивая снѣгъ. Меньшинство было за выступленіе раннею весною; главнымъ противникомъ зимняго похода былъ начальникъ штаба Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса баронъ Рокасовскій, (бывшій впослѣдствіи Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ) и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Никифоровъ: они доказывали генералу Ціолковскому, что если только зима будетъ снѣжная и суровая, то весь отрядъ неминуемо погибнетъ, такъ какъ въ степи нельзя будетъ достать топлива для варки горячей пищи, а главное, всѣ верблюды падутъ отъ безкормицы, не будучи въ силахъ добывать кормъ изъ-подъ глубокаго снѣга. Брать же съ собою, навьючивая на спины тѣхъ же верблюдовъ, топливо и кормъ, на всѣ 1500 верстъ, до Хивы, было немыслимо. ..

Въ то время Киргизская степь, а главное, возвышенная плоскость Усть-Урта и самый путь въ Хиву были совершенно неизслѣдованы и почти неизвѣстны для Русскихъ военныхъ людей, а самая Хива была для насъ, въ полномъ смыслѣ слова, terra incognita; знали только, что Киргизская степь до Эмбы была маловодна, а дорога далѣе по Усть-Урту, вплоть до Аму-Дарьи, была совсѣмъ безводна. Но и эти скудныя свѣдѣнія имѣлись, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ Русскихъ людей, которые, проживая въ Хивѣ плѣнниками, уловчались бѣжать оттуда и благополучно добраться до Оренбурга; но свѣдѣнія, добытыя отъ этихъ несчастныхъ, были до того сбивчивы и разнорѣчивы, что на нихъ, очевидно, нельзя было серьезно положиться и основываться. Имѣлись, правда, нѣкоторыя свѣдѣнія на этотъ счетъ, составленныя полковникомъ генеральнаго штаба Ѳ. Ѳ. фонъ-Бергомъ (впослѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ), бывшимъ начальникомъ маленькой экспедиціи, снаряженной въ зиму 1825—1826 гг., для изслѣдованія пути изъ Оренбурга къ Аральскому морю. По этимъ свѣдѣніямъ, на Хиву было *два* пути: первый путь былъ по восточную сторону Аральскаго моря, а второй на Куня-Ургенчъ, по западную; первымъ путемъ до Хивы было 1400 верстъ, а вторымъ 1320 верстъ. Этотъ послѣдній путь рекомендовался изслѣдователемъ какъ лучшій и болѣе удобный, и на немъ, въ случаѣ похода на Хиву, были намѣчены, тѣмъ же Бергомъ, два пункта для постройки укрѣпленій: первый при впаденіи въ р. Эмбу рѣчки Аты-Джаксы (или Аты-Якши) и

второй у Акъ-Булака—оба, какъ оказалось впослѣдствіи, крайне неудобные: первый по отсутствіи вблизи корма, а второй по своей нездоровой водѣ. И вотъ, эти-то роковыя свѣдѣнія, составленныя, какъ бы нарочно, фонъ-Бергомъ, и заставили генерала Перовскаго предпочесть именно второй путь и позаботиться объ устройствѣ на немъ, въ намѣченныхъ мѣстахъ, двухъ укрѣпленій. Для этого, были отправлены въ степь, до Усть-Урта, весною 1839 года, два съемочные отряда, снабженные людьми, верблюдами, деньгами, инструментами, и проч., подъ командою полковника генеральнаго штаба Геке *). На эти отряды, кромѣ обязанности топографической съемки, было возложено порученіе устроить, по пути на Усть-Уртъ, въ пунктахъ, рекомендованныхъ Бергомъ, два укрѣпленія, въ которыхъ и заготовить для отряда двѣ главныя вещи зимняго похода въ степи — топливо (изъ камышей степнаго бурьяна) и кормъ верблюдамъ. Такія два укрѣпленія, дѣйствительно, и были полковникомъ Геке устроены: одно было возведено на рѣкѣ Эмбѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Аты-Якши, въ 500, примѣрно, верстахъ отъ Оренбурга, а другое за 170 верстъ отъ перваго, въ 12 верстахъ отъ подъема на Усть-Уртъ; оно называлось *Акъ-Булакъ* – Бѣлый Ключъ—по цвѣту имѣвшейся здѣсь въ изобиліи, холодной, частію бѣловатаго цвѣта, воды. Укрѣпленіе это имѣло и другое, тоже мѣстное названіе—*Чушка-куль*, т. е. Свиное Озеро, по множеству водившихся здѣсь, въ камышахъ, дикихъ кабановъ.

Полковникъ Геке, воротясь изъ командировки, доложилъ генералу Перовскому, что хотя онъ и исполнилъ съ буквальною точностію возложенное на него порученіе, но, тѣмъ не менѣе, считаетъ избранный путь въ Хиву крайне неудобнымъ, такъ какъ вся мѣстность отъ Эмбы до Чушка-куля (или Акъ-Булака) «состояла изъ солончаковой низменности и изъ самой бѣдной, нагой, илистой почвы, почти безводной». Но было уже поздно выбирать иной путь; съ походомъ въ Хиву торопились, полагаясь, болѣе всего, на Русское «авось» и волю Божью.... Въ укрѣпленія были тотчасъ же отправлены изъ Оренбурга нѣсколько каравановъ съ овсомъ, сухарями и всякими иными продовольственными припасами, при сильныхъ и вооруженныхъ отрядахъ, которые, затѣмъ, и остались въ названныхъ двухъ укрѣпленіяхъ, въ видѣ гарнизоновъ, занимаясь заготовкою для отряда сѣна; а съемочные отряды вернулись въ Оренбургъ. Такимъ образомъ было предположено, что экспедиціонный отрядъ, раздѣленный на нѣсколько колоннъ, выступитъ

*) Полковникъ Геке, впослѣдствіи наказный атаманъ Уральскаго казачьяго войска, состоялъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Перовскомъ.

изъ Оренбурга въ половинѣ Ноября; на Эмбинское укрѣпленіе прибудетъ въ первыхъ числахъ Декабря, а въ Чушка-Кульское—въ половинѣ Декабря. Оттуда было предположено послать легкій рекогносцировочный отрядъ для выбора болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ и для изслѣдованія, есть ли снѣгъ на плоскости Усть-Урта; въ случаѣ если бы не оказалось снѣга, рѣшено было ждать его въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи; а тѣмъ временемъ, къ ближайшему береговому пункту Каспійскаго моря, находящемуся въ 100 верстахъ отъ Чушка-Куля, должны были подойти десять большихъ парусныхъ судовъ, съ различными запасами и новымъ продовольствіемъ для отряда, которыя имѣли выйти изъ Астрахани осенью же, нѣсколько ранѣе выступленія отряда изъ Оренбурга. Затѣмъ, какъ только снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадетъ, и явится такимъ образомъ возможность добыванія воды, немедленно двинуться въ дальнѣйшій походъ, подняться на Усть-Уртъ и пройти форсированнымъ маршемъ все безводное пространство до Аральскаго моря; а тамъ уже, слѣдуя берегомъ моря, по плоскости Усть-Урта, легко было по показаніямъ бывшихъ въ Хивѣ плѣнныхъ найти воду вездѣ. Тѣже бывшіе плѣнники дали и еще одно весьма важное показаніе, именно, что снѣгъ на Усть-Уртѣ выпадетъ не ранѣе конца Декабря или даже въ Январѣ, и что случаются зимы, когда снѣгъ не выпадаетъ вовсе.

Вотъ всѣ тѣ предварительныя приготовленія, что̀ были сдѣланы, и тѣ свѣдѣнія, которыя были добыты предъ началомъ несчастнаго похода Русскихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году. Затѣмъ, было приступлено къ сформированію экспедиціоннаго отряда и къ изготовленію для него вьючныхъ и перевозочныхъ средствъ, транспортовъ, парка, къ покупкѣ лошадей и найму нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ и пр...

Рѣшено было сформировать всего четыре отдѣльныя колонны, въ составъ коихъ должны были войти: 4 линейныхъ баталіона, одинъ полкъ Оренбургскихъ и одинъ Уральскихъ казаковъ, конно-казачья артилерійская батарея съ 6-ти фунтовыми орудіями, 8 горныхъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ и два батарейныхъ орудія, взятыя изъ мѣстной крѣпостной артилеріи, такъ какъ не знали, собственно, что̀ такое городъ Хива? крѣпость ли это, или только городъ, обнесенный стѣною, съ цитаделью внутри, и придется ли штурмовать его прямо пѣхотными колоннами, или же, при осадѣ, потребуются тяжелыя осадныя орудія — для бомбардированія и пробитія затѣмъ бреши. При отрядѣ былъ, также, большой артилерійскій паркъ, 250 ракетъ Шильдера, 500 ракетъ сигнальныхъ и 500 фальшвейеровъ; были гальваническіе и минные снаряды, понтонная рота съ четырьмя разборными лодка-

ми*) по 35 футовъ длины въ каждой, 6 холщевыхъ понтоновъ, холщевыя лодки, 300 бурдюковъ и Уральскіе рыболовные челны, поставленные на колеса. Эти морскія снасти брались для предполагаемаго на обратномъ пути изъ Хивы обозрѣнія Аральскаго моря. Затѣмъ, въ отрядъ назначенъ былъ еще одинъ сводный дивизіонъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка, составлявшаго, такъ сказать, личную гвардію генерала Перовскаго въ Оренбургѣ**). Всего въ отрядѣ было болѣе пяти тысячъ человѣкъ, и командованіе четырьмя колоннами было возложено генераломъ Перовскимъ на слѣдующія лица. Начальникомъ 1-й колонны былъ назначенъ командиръ Башкирскаго войска генералъ-маіоръ Ціолковскій. «Войско» это, въ дѣйствительности Башкирское племя, какъ расположенное въ раіонѣ тогдашней Оренбургской губерніи (заключавшей въ себѣ и нынѣшнюю Уфимскую) было подчинено, какъ и Оренбургское же казачье войско, власти Оренбургскаго военнаго губернатора. Ціолковскій, Полякъ по происхожденію, былъ человѣкъ злой, мстительный и крайне жестокосердый; офицеры его ненавидѣли, солдаты боялись и тряслись при одномъ его приближеніи. Командиромъ 2-й колонны былъ назначенъ командующій конно-казачьею артилерійскою бригадою полковникъ Кузьминскій. Командиромъ 3-й колонны былъ назначенъ начальникъ 28-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Толмачевъ, и, наконецъ, 4-ю колонною командовалъ бывшій впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Оренбургскихъ казачьяго войска генералъ-маіоръ Молоствовъ. Эта послѣдняя колонна считалась главною и въ ней находился начальствующій всѣмъ экспедиціоннымъ отрядомъ генералъ-адъютантъ Перовскій съ своимъ штабомъ, во главѣ котораго стоялъ невидимый его начальникъ и правая рука генерала, штабсъ-капитанъ Прокофій Андреевичъ Никифоровъ; видимымъ же начальникомъ «походнаго штаба» Перовскаго былъ подполковникъ Иванинъ; дежурнымъ штабъ-офицеромъ—гвардіи капитанъ Дебу. Кромѣ того, при Пе-

---

*) Лодки эти были разобраны по частямъ и навьючены на верблюдовъ; ими не пришлось воспользоваться, такъ какъ отрядъ не дошелъ до Аральскаго моря. При отступленіи, Перовскій разрѣшилъ пользоваться этими лодками, какъ топливомъ, для варки пищи. И. З.

**) Уфимскій конно-регулярный полкъ былъ сформированъ по особому ходатайству генерала Перовскаго изъ рослыхъ и красивыхъ нижнихъ чиновъ различныхъ кавалерійскихъ полковъ и изъ офицеровъ, лично извѣстныхъ генералу Перовскому. Это было нѣчто въ родѣ его личной гвардіи. Содержаніе этого полка обходилось казнѣ довольно дорого. Туже декоративную затѣю, 40 лѣтъ спустя, устроилъ въ Оренбургѣ покойный генералъ-губернаторъ Крыжановскій, настоявшій на сформированіи особаго регулярнаго Башкирскаго полка, командованіе коимъ было поручено сыну Крыжановскаго, совсѣмъ еще молодому человѣку, въ чинѣ подполковника. Полкъ этотъ, стоившій казнѣ тоже очень недешево, былъ послѣ крушенія, постигнувшаго г-ла Крыжановскаго (по обнаруженіи извѣстнаго хищенія Башкирскихъ земель) распущенъ и упраздненъ. И. З.

ровскомъ была масса различныхъ лицъ: чиновниковъ особыхъ порученій, штабъ-офицеровъ, адъютантовъ, гвардейскихъ оберъ-офицеровъ и проч., словомъ, былъ весь тотъ хвостъ военныхъ «павлиновъ» и трутней, отъ которыхъ несвободенъ былъ на Руси ни одинъ военачальникъ, начиная съ фельдмаршала Суворова и кончая генераломъ Черняевымъ въ Сербіи... При штатѣ Перовскаго было также нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба для предполагавшихся геодезическихъ и этнографическихъ работъ въ Хивѣ и дорогою; затѣмъ были офицеры корпуса топографовъ и 12-ть топографовъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Какъ великъ былъ обозъ этой главной колонны, можно судить по одному тому, что подъ кухонными лишь припасами, винами, консервами, предназначенными собственно для стола генералъ-адъютанта Перовскаго, было 140 вьючныхъ верблюдовъ. Всѣхъ же верблюдовъ было въ отрядѣ 12.450, такъ что приходилось, въ общемъ, по два слишкомъ верблюда на каждаго человѣка.

III.

Выступленіе отряда изъ Оренбурга.—Штабсъ-капитанъ Никифоровъ.—Его роль въ отрядѣ и близость къ генералу Перовскому.—Первыя неурядицы въ отрядѣ съ навьючкою верблюдовъ.—Наступленіе страшныхъ морозовъ и недостатокъ топлива.—6-е Декабря.

Экспедиціонный отрядъ, раздѣленный, какъ сказано, на четыре колонны, началъ свое выступленіе изъ Оренбурга 14-го Ноября 1839 года. Выступали въ походъ по одной колоннѣ въ день, такъ что послѣдняя колонна съ генераломъ Перовскимъ выступила 17-го числа. Погода при выступленіи была хорошая; но на первой же дневкѣ, въ Илецкѣ, было 29° стужи. Нѣсколькими недѣлями ранѣе, именно 21 Октября, выступилъ изъ Оренбурга передовой отрядъ (авангардъ), состоявшій изъ 5 офицеровъ и 357 нижнихъ чиновъ при 4-хъ орудіяхъ и 1128 верблюдахъ, подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго (впослѣдствіи, въ 1842 г., начальника посольства въ Хиву). Этотъ-то, вотъ, отрядъ и дошелъ до Эмбы «вполнѣ благополучно», такъ какъ снѣгу и морозовъ не было, а потому вездѣ былъ еще подножный кормъ для верблюдовъ и лошадей, а въ водѣ не было недостатка.

На первыхъ же, такъ сказать, шагахъ похода сказалась въ отрядѣ та первенствующая роль, которую игралъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ. Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ объ этомъ не совсѣмъ-то обыкновенномъ человѣкѣ, игравшемъ такую видную роль въ несчастномъ походѣ 1839 года на Хиву и въ дальнѣйшей, затѣмъ, годъ спустя, попыткѣ къ сближенію съ нею. Въ Оренбургѣ и

теперь, спустя болѣе полувѣка, еще живы нѣсколько лицъ, хорошо помнящіе даже наружность Никифорова и «его огненные глаза, которые такъ и сыпали искрами», по картинному выраженію подполковника Г. Н. Зеленина въ его Запискахъ.... Наружность Никифорова была столь же характерна: небольшаго роста, широкоплечій, чрезвычайно подвижной, онъ, при этомъ, такъ скоро говорилъ, что, на первыхъ порахъ, весьма лишь немногіе могли понимать его рѣчь. Онъ, вначалѣ, появился на Оренбургскомъ горизонтѣ при обстоятельствахъ не совсѣмъ-то обыкновенныхъ и пріятныхъ, по крайней мѣрѣ для него самого: онъ былъ переведенъ изъ поручиковъ гвардейскихъ саперъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ тѣмъ же чиномъ.... Затѣмъ узнали, что у Никифорова въ Петербургѣ была «исторія», не дѣлавшая ему особенной чести: его тяжко оскорбили въ военной компаніи гвардейской молодежи; онъ не вызвалъ оскорбителя на дуэль и не дрался; затѣмъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи какой-то еще неловкій шагъ, и его, въ концѣ концовъ, перевели изъ гвардіи въ линейный баталіонъ. Здѣсь принялъ въ немъ горячее участіе начальникъ корпуснаго штаба баронъ Рокасовскій, знавшій Никифорова еще въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Оренбургъ генерала Перовскаго, начальникъ штаба рекомендовалъ Никифорова, какъ очень образованнаго офицера, а главное, какъ очень полезнаго и хорошо ознакомившагося съ краемъ. Не прошло и года со времени перваго представленія опальнаго поручика Никифорова генералу Перовскому, какъ онъ уже пользовался неограниченнымъ довѣріемъ генерала и имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Еще годъ, и поручикъ Никифоровъ былъ, по представленію генерала Перовскаго, прикомандированъ къ генеральному штабу, а вскорѣ и совсѣмъ зачисленъ въ него, не будучи никогда въ Военной Академіи. Въ 1839 году онъ былъ уже штабсъ капитаномъ генеральнаго штаба, имѣлъ нѣсколько отличій и состоялъ при Перовскомъ «для особыхъ порученій», не имѣя, при этомъ, никакой опредѣленной должности, но распоряжаясь, въ тоже время, рѣшительно всѣмъ, хотя и отъ имени своего патрона и начальника. Главное, чѣмъ дорожилъ Перовскій въ Никифоровѣ, это былъ его слогъ: онъ такъ хорошо владѣлъ перомъ, что никто, кромѣ его, не могъ въ этомъ отношеніи, угодить молодому и капризному губернатору; перу же Никифорова принадлежали и всѣ представленія въ Петербургъ о необходимости похода на Хиву.

Распоряженія штабсъ-капитана Никифорова породили, на первыхъ же порахъ похода, различныя недоразумѣнія въ колоннахъ и даже неудовольствія среди начальствующихъ ими лицъ: оказывалось, что начальники колоннъ лишались собственной иниціативы, и всѣ ихъ распоряженія и дѣйствія направлялись изъ штаба генерала Перовскаго

рукою Никифорова. Главное, что особенно не нравилось въ тѣ времена командирамъ колоннъ, это замѣчательное безкорыстіе Никифорова и его зоркій надзоръ за тѣмъ, чтобы до солдатъ доходило рѣшительно все, что имъ отпускалось и полагалось.

Съ перваго же дня выступленія въ походъ, Перовскій поставилъ себя къ начальникамъ колоннъ въ отношенія довольно ненормальныя: онъ держался очень изолировано и недоступно. На остановкахъ и дневкахъ, въ кибитку его рѣшительно никто, даже начальникъ походнаго штаба, не имѣлъ права войти безъ особаго доклада; исключеніемъ былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, входившій къ генералу Перовскому во всякое время. Это предпочтеніе особенно не нравилось «штабу» Перовскаго и начальникамъ колоннъ, изъ коихъ трое были генералами.

—

Вслѣдствіе неумѣлости главныхъ распорядителей, неурядица въ отрядѣ началась еще въ Оренбургѣ—съ навьючкою верблюдовъ. Въ каждой колоннѣ было около $2\frac{1}{2}$ тысячъ верблюдовъ; въ главной, 4-й колоннѣ ихъ было почти 3 тысячи. Передъ выступленіемъ колоннъ и при остановкахъ на ночь, всѣ эти $10\frac{1}{2}$ тысячъ верблюдовъ приходилось навьючивать и развьючивать. При каждыхъ десяти верблюдахъ былъ нанятъ всего одинъ Киргизъ, для котораго требовалось нѣсколько часовъ времени всякій разъ; тогда, въ помощь Киргизу-поводарю стали назначать по пяти линейныхъ солдатъ, взявшихся за дѣло очень охотно, но неумѣло. Въ результатѣ явилась масса заболѣвшихъ верблюдовъ, у которыхъ спины были протерты вплоть до костей; ихъ стали развьючивать и раздѣлять вьюки на остальныхъ, здоровыхъ, обременяя такимъ образомъ этихъ послѣднихъ непосильною ношей....

Походное движеніе колоннъ было направлено изъ Оренбурга такимъ образомъ: первыя двѣ колонны были направлены на Куралинскую линію *), а третья и четвертая—на крѣпость Илецкую-Защиту. За послѣднимъ Григорьевскимъ форпостомъ, въ степи, есть такъ называемое Караванное озеро; тутъ и предназначено было сойтись всѣмъ четыремъ колоннамъ и, затѣмъ, слѣдовать до Эмбы въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, останавливаясь на ночлегъ не далѣе, тоже, одной или двухъ верстъ другъ отъ друга, съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая колонна видѣла сосѣднюю, такъ что, въ случаѣ тревоги, всѣ колонны могли бы быстро сосредоточиться въ пунктѣ нападенія и оказать взаимную другъ другу помощь. На ночлегъ предписано было ставить ко-

---

*) Куралинская линія проходитъ немного лѣвѣе Илецкой-Защиты, но, въ концѣ, выходитъ тоже на рѣку Илекъ. И. З.

лонны въ каре, и на этотъ предметъ выданы даже были каждому начальнику колонны особые планы и инструкціи, отъ которыхъ предписано было не отступать ни въ какомъ случаѣ. Послѣдствія показали, что это предрѣшеніе дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ колоннъ и, въ тоже время, отнятіе у нихъ собственной инициативы дало весьма печальные результаты.

Самое движеніе въ степи экспедиціоннаго отряда шло черепашьимъ шагомъ. Главною причиною этой медленности была неумѣлость солдатъ при навьючиваніи верблюдовъ: эти вьюки, то и дѣло, падали съ верблюдовъ; чтобы перевьючить, приходилось останавливать цѣлую колонну; иначе, отсталые верблюды растягивались бы въ хвостѣ колоннъ, и аріергарду пришлось бы оставаться далеко позади отряда, въ степи.. Такимъ образомъ, въ началѣ похода, колонны дѣлали не болѣе 10 верстъ въ день; и только тогда, когда солдаты достаточно навыкли вьючить верблюдовъ, колонны стали подвигаться быстрѣе. Но тутъ случилась новая бѣда: 24 Ноября выпалъ глубокій, выше колѣна, снѣгъ, а 27-го числа поднялся ужаснѣйшій степной буранъ при 26 градусахъ мороза... Озябшія отъ сильной стужи и вѣтра лошади, въ ночь на 28-е Ноября, сорвались съ коновязей и бѣжали въ степь—ради спасенія жизни, по инстинкту, чувствуя потребность бѣжать... Всѣ часовые отморозили въ эту ночь носы, руки или ноги; начались въ отрядѣ болѣзни; отмороженныя части пришлось ампутировать въ холодныхъ, войлочныхъ кибиткахъ, на морозѣ, продолжавшемъ держаться около 25 градусовъ... Бѣжавшихъ лошадей надо было разыскивать... Сдѣлали лишнюю дневку, и часть пропавшихъ лошадей нашли въ другихъ колоннахъ; бо̀льшая же часть ихъ исчезла въ степи безслѣдно, съѣденная волками.

Съ первыхъ чиселъ Декабря, вновь начались бураны; всю степь завалило снѣгомъ болѣе чѣмъ на аршинъ, и его поверхность отъ морозовъ покрылась твердою ледяною корой; морозы перешли за 30 градусовъ и стали доходить, по утрамъ, до 40, при убійственномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ... Люди, измученные непривычною ходьбою по глубокому снѣгу, да еще съ ружьями, ранцами и патронташами на спинѣ, скоро изнемогали и, въ сильной испаринѣ, садились на верблюдовъ, остывали и даже отмораживали себѣ тутъ же, сидя на верблюдахъ, руки и ноги... Всѣ поняли, что наступаетъ гибель; но никто еще не имѣлъ малодушія высказать это въ слухъ.. Прежде всего, бѣдствіе постигло несчастныхъ верблюдовъ *). Ступая по снѣгу въ аршинъ глу-

*) Большая часть верблюдовъ отряда была не куплена, а лишь нанята у Киргизовъ, равно какъ и ихъ хозяева-поводари. Впослѣдствіи, за погибшихъ верблюдовъ казна уплатила Киргизамъ все, что̀ слѣдовало. И. З.

биною и пробивая при этомъ ледяную кору, они рѣзали въ кровь ноги до колѣнъ и выше и, въ концѣ концовъ, падали и уже не могли подняться... Такихъ верблюдовъ бросали на мѣстѣ, на произволъ судьбы, умирать въ степи; а вьюкомъ съ упавшаго верблюда распоряжались уже аріергардные казаки: если это былъ овесъ или сухари, то казаки дѣлили добычу по своимъ торбамъ; если это былъ спиртъ, то казаки разливали его въ манерки, а боченокъ разбирали на топливо; если это была мука, то ее разсыпали по снѣгу, а куль отъ муки припрятывали на топливо же, въ которомъ, въ это тяжелое время, былъ такой страшный недостатокъ, что иногда на ночлегахъ, чтобы развести хоть маленькій огонь для вскипяченія чайника воды, приходилось жечь веревки отъ верблюжьихъ тюковъ...

Наступило 6-е Декабря 1839 года. Наканунѣ войска дошли до урочища Бишь-Тамакъ (Пять Устьевъ), въ 250--270 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь, по случаю тезоименитства государя императора Николая Павловича, назначена была дневка, поставлена была съ вечера походная церковь и предположено было, на другой день, отслужить литургію и молебенъ; но когда наступило утро 6-го Декабря и въ церковь стало собираться начальство и духовенство, то рѣшили, въ виду $32\frac{1}{2}^{\circ}$ мороза при страшномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, ограничиться лишь краткимъ молебномъ о здравіи государя. Холодъ, благодаря вѣтру, достигалъ до того, что внѣ большой походной кибитки, гдѣ была церковь, невозможно было вздохнуть полною грудью: у самыхъ крѣпкихъ людей захватывало духъ... Топлива не было, и достать его было негдѣ: кругомъ была голая, бѣлая пустыня, покрытая снѣгомъ на $1\frac{1}{2}$ аршина глубины... Тогда начальники колоннъ, собравшіеся было въ церковь для предполагавшейся литургіи, рѣшили идти къ главноначальствующему и раскрыть предъ нимъ гибельное положеніе отряда. Перовскій принялъ ихъ, внимательно выслушалъ и далъ разрѣшеніе употребить, для варки пищи, лодки, взятыя изъ Оренбурга для предполагавшагося плаванія по Аральскому морю, а также разломать и выдать на топливо же солдатамъ дроги, на которыхъ везлись эти лодки, выдать всѣ факелы и канаты, приготовленные для флотиліи, разрубить на части и выдать людямъ запасные кули, а также и всѣ опорожненные, рубить и выдавать всѣ запасныя веревки обоза; словомъ, выдать все, что можетъ горѣть и что возможно считать излишнимъ въ отрядѣ. Но увы!—всего этого хватило лишь на нѣсколько дней для пятитысячнаго отряда... Когда все было сожжено, и доложено было объ этомъ вновь Перовскому, онъ приказалъ объявить войскамъ, что они сами должны отыскивать для себя топливо, что выдавать больше нечего....

IV.

Героическое мужество солдатъ.—Во что была одѣта пѣхота.—Картинка ночлега отряда.—Смертность и походные лазареты.—Казачье „стараніе".—Гибель дивизіона Уфимскаго коннаго полка.—Положеніе офицеровъ отряда.

Для военнаго историка и лѣтописца походовъ Русскихъ войскъ слѣдуетъ отмѣтить характерную особенность нашего солдата, въ это гибельное для экспедиціи время. Пока были дрова и хоть какое нибудь топливо, чтобы можно было развесть огонь и сварить горячую пищу—хоть простую на водѣ гречневую кашицу, до тѣхъ поръ солдаты отряда были бодры и веселы: никакой морозъ не имѣлъ вліянія на нравственное состояніе ихъ духа. Падали цѣлыми сотнями верблюды, обмораживались и затѣмъ умирали отъ Антонова огня часовые, разбѣгались въ степь и поѣдались волками степныя лошади; приходилось, все время, спать на мерзлой землѣ, прикрытой простыми кошмами, въ снѣжныхъ ямахъ, ограждаясь отъ сѣвернаго вѣтра лишь джуламейками—все это солдаты переносили съ терпѣніемъ и христіанскою кротостію; но разъ прекратился огонь и горячая пища, весь отрядъ упалъ духомъ, и всѣ заговорили уже вслухъ о совершенной неудачѣ похода.

Бѣдствія солдата увеличивались еще и отъ его обмундированія. Вмѣсто обыкновенныхъ Русскихъ полушубковъ, въ которые необходимо слѣдовало бы одѣть весь отрядъ, онъ одѣтъ былъ Богъ вѣсть какъ—не только скаредно, но просто каррикатурно: людямъ, передъ самымъ выступленіемъ изъ Оренбурга, дали полушубки, сшитые изъ *чебаги*, сшитые самымъ примитивнымъ способомъ, практиковавшимся здѣшними номадами, въ отдаленныя времена, и сохранившимся лишь въ аулахъ у самыхъ бѣдныхъ Киргизовъ. Полушубки эти шились такъ: снимали весною съ барана шерсть, нашивали и наклеивали ее на толстый холстъ и, затѣмъ, кроили и шили изъ этой «чебаги» для солдатъ полушубки; овечья шерсть грѣла конечно, но скоро сваливалась въ неровный войлокъ, а верхняя холщевая часть такихъ полушубковъ холодѣла отъ мороза; солдатскія же шинели, сшитыя въ натяжку, по мундирамъ, не влѣзали на полушубки. Сверхъ черныхъ суконныхъ шароваръ, солдатамъ приказано было надѣвать для чего-то холщевыя (надо полагать, въ предохраненіе отъ износа, въ видахъ экономіи), но холстъ тоже страшно накалялся на сорокаградусномъ морозѣ; вдобавокъ шаровары эти надо было запихивать въ узкія голенища сапогъ, такъ что не только ступня, но и щиколотка ноги у солдата была ничѣмъ не защищена отъ холода. Однѣ лишь солдатскія шапки были примѣнены къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Онѣ были подбиты те-

лячьимъ мѣхомъ, и къ нимъ были придѣланы особые назатыльники изъ такого же мѣха; но такъ какъ шапки эти были единственною теплой одеждой, практически сшитою, то и выходило вотъ что: голова у солдата была постоянно въ теплѣ, а ноги и вся нижняя часть тѣла въ холодѣ, т. е. какъ разъ наоборотъ какъ бы слѣдовало... Не распорядились даже измѣнить обувь солдатъ — сапоги на валенки. И вотъ въ такой-то одеждѣ и обуви, сшитыхъ «на перекоръ стихіямъ», пройдетъ солдатъ въ день, по колѣно въ снѣгу, верстъ 15, а иногда и болѣе, неся на своей спинѣ ранецъ съ вещами, ружье и 40 боевыхъ патроновъ въ патронташѣ и приходитъ, наконецъ, на ночлегъ. Отъ усталости и изнеможенія, солдаты тотчасъ же полягутъ на снѣгъ, какъ попало, подложивъ лишь подъ себя войлочныя кошмы, и только тѣ изъ нихъ, которые посильнѣе, начинаютъ разставлять войлочныя джуламейки [1]), а другіе идутъ рыть коренья степныхъ травъ, для варки пищи; а чтобы добыть эти коренья, нужно сначала разгрести твердый снѣгъ, лежавшій на землѣ слоемъ въ $1\frac{1}{2}$ аршина, а затѣмъ рубить землю мотыгами [2]), комья разбивать обухами топоровъ и изъ мелкой земли, разбитой такимъ тяжкимъ трудомъ, выбирать окоченѣвшими пальцами мелкіе коренья травъ—для разведенія огня... А пока все это совершается, то-есть пока одна часть еще не свалившихся солдатъ ставитъ и налаживаетъ джуламейку, а другая часть добываетъ коренья, слабые солдаты лежатъ на снѣгу и простуживаются.... На другой день они идутъ въ лазаретъ, а оттуда, дня черезъ три, «на выписку», въ могилу.... На бѣду, походные лазареты помѣщались въ длинныхъ, сквозныхъ фургонахъ, на колесахъ, устроенныхъ такъ въ предположеніи, что всю дорогу до Эмбы отрядъ совершитъ по безснѣжной степи. Фургоны эти были до того холодны и съ такими сквозниками, что губили совсѣмъ даже здоровыхъ солдатъ, посылаемыхъ въ лазаретъ вслѣдствіе одной лишь усталости ногъ, «для отдыха»: черезъ два-три дня такіе солдаты простуживались, схватывали тифозную горячку и отправлялись на вѣчный уже отдыхъ... Затѣмъ, когда всѣ фургоны были уже переполнены, больныхъ клали на особо устроенныя койки и подвѣшивали на верблюдовъ, по одному

---

[1]) *Джуламейка* въ переводѣ на Русскій языкъ, *дорожный домъ*. Это небольшая войлочная палатка, имѣющая форму стога, устраивается изъ тонкихъ палокъ, связанныхъ веревками и обтянутыхъ, затѣмъ, кошмами, т. е. войлоками. Ставятъ ее прямо на снѣгъ, на ней стелятъ кошмы же, и такимъ образомъ получается защита если не отъ холода, то, по крайней мѣрѣ, отъ вѣтра. Въ сущности, джуламейка—это Киргизская кибитка въ миніатюрѣ, такъ какъ настоящая кибитка едва умѣщается на спины двухъ верблюдовъ. И. З.

[2]) Мотыги—это особаго рода желѣзный инструментъ, замѣняющій отчасти топоръ, желѣзную лопату и пешню. Инструментъ этотъ мѣстный, употребляемый обыкновенно въ степи Киргизами.

человѣку съ каждой стороны; непривычныхъ къ такому передвиженію несчастныхъ больныхъ сильно било и закачивало, иногда до безчувствія. Хоронили покойниковъ, обыкновенно тутъ же въ степи, въ неглубокихъ ямахъ, вырубаемыхъ мотыгами въ мерзлой землѣ.

Немало людей начало умирать отъ скорбута, цинги, Антонова огня (вслѣдствіе обмороженія конечностей), а главное отъ изнеможенія и истощенія силъ, вслѣдствіе отсутствія горячей пищи. Эта смертность и почти ежедневно происходившія въ отрядѣ похороны имѣли неизбѣжное деморализующее вліяніе не только на слабыхъ и молодыхъ солдатъ, но и на старыхъ и здоровыхъ, даже на унтеръ-офицеровъ. Ропоту, конечно, не было и быть не могло: не таковъ Русскій человѣкъ, чтобы роптать на волю Божью, ниспославшую такую снѣжную и жестокую зиму, какую не могли запомнить 70-ти-лѣтніе старики! Но у всего отряда, въ виду его ежедневнаго таянія, явилось опасеніе, что погибнетъ, неминуемо, вся пѣхота, до послѣдняго человѣка....

Положеніе кавалеріи было во многомъ лучше; казаки были одѣты гораздо теплѣе и практичнѣе, чѣмъ пѣхотинцы: подъ шинелями у нихъ были настоящіе мѣховые полушубки, а это было самое главное. Въ началѣ похода, правда, наблюдалась извѣстная форма въ одеждѣ; но затѣмъ, когда наступили страшные морозы и поднялись бураны, то казаки сверхъ шинелей стали надѣвать взятые ими въ походъ, про всякій случай, собственные, саксачьи, длинно-рунныхъ черныхъ овецъ, тулупы, а на ноги валенки — и имъ было тепло. На ночлегахъ, когда отрядъ, обыкновенно, устраивался въ каре, солдаты-пѣхотинцы занимали передній и задній фасы, а по бокамъ каре клались тюки съ продовольствіемъ и прочими запасами, а за этими уже тюками, подъ ихъ защитою отъ вѣтра, ставились джуламейки казаковъ.

Относительно продовольствія, казаки и ихъ лошади поставлены были тоже въ болѣе благопріятныя условія. Мы уже говорили выше, какъ ловко пользовались казаки въ аріергардѣ всевозможными вьюками, которые они снимали съ падавшихъ отъ изнеможенія верблюдовъ. Впрочемъ, казаки (особливо Уральскіе) не брезгали даже и обыкновеннымъ воровствомъ, при добываніи разнаго рода продовольствія, такъ что, напримѣръ, у пѣхотныхъ офицеровъ отряда были похищены казаками всѣ тюки съ консервами, чаемъ и сахаромъ, даже чемоданы съ бѣльемъ и мундирами. Не менѣе ловко поступали казаки и тогда, когда имъ надо было добыть лишняго корму для своихъ коней: не смотря на голую, снѣжную пустыню, окружавшую отрядъ, они и тутъ ухитрялись достать то, что имъ было нужно. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода, на каждую лошадь выдавалось овса лишь по 2½ гарнца, сѣна же не выдавалось вовсе, такъ какъ снѣгъ былъ не глубокъ,

и лошадей, часа на два въ день, выгоняли *на тебеневку* (т. е. на пастьбу), гдѣ онѣ и добывали себѣ, роя копытами, подножный кормъ; но потомъ, когда снѣгъ сталъ глубокимъ, такая тебеневка стала, конечно, невозможною; а между тѣмъ, казаки очень любили и берегли своихъ лошадей, которыя, какъ извѣстно, были ихъ собственностью. И вотъ, вольные сыны Урала начали «стараться» и пустились на слѣдующую хитрость. Такъ какъ ночью, казачьи джуламейки устраивались вблизи вьюковъ и всевозможныхъ мѣшковъ съ провiантомъ и продовольствiемъ, то, какъ только наступала глухая пора ночи, изъ казачьей джуламейки осторожно выползалъ какой-нибудь ловкiй парень и выслѣживалъ часоваго. Едва тотъ прятался отъ холода гдѣ-нибудь за тюками, какъ казакъ всаживалъ въ одинъ изъ тюковъ съ овсомъ особаго рода крючекъ на крѣпкой бичевѣ, конецъ которой былъ протянутъ въ самую джуламейку; исполнивъ это, казакъ тихохонько уползалъ вновь въ джуламейку, а спустя нѣсколько минутъ, куль съ овсомъ начиналъ медленно подвигаться по снѣгу и въѣзжалъ въ ту же джуламейку, къ ожидавшимъ его казакамъ, которые тотчасъ же и разсыпали овесъ по саквамъ, а куль сжигали. Такимъ образомъ, казачьи лошади были всю дорогу сыты, а у самихъ казаковъ не переводились ни сухари, ни водка, ни мясо; оттого и смертность между ними была значительно меньше, и лошади ихъ падали весьма рѣдко. Случалось, конечно, что часовой замѣчалъ самодвижущiйся куль съ овсомъ; но въ такихъ случаяхъ увеличивались лишь ночныя мученiя несчастнаго часоваго: къ страданiямъ отъ стужи и вѣтра присоединялось еще и мученiе отъ страха и ужаса—въ виду несомнѣнной чертовщины, происходящей передъ его глазами.... Уже много позже, когда отрядъ добрался до Эмбы, эти казачьи продѣлки стали извѣстны всему отряду.

Но далеко не вся кавалерiя отряда благоденствовала такъ, какъ казачьи полки: взятый генераломъ Перовскимъ сводный дивизiонъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка бѣдствовалъ едва ли не болѣе, чѣмъ пѣхота. Люди этого дивизiона, набранные, какъ и весь полкъ, изъ другихъ полковъ регулярной кавалерiи, расположенной въ различныхъ мѣстностяхъ Россiи, были непривычны къ суровому Оренбургскому климату; ихъ щегольская форма, пригодная для блестящихъ парадовъ, была совсѣмъ неудобна для похода въ тридцати-градусный морозъ, въ снѣговой пустынѣ. Тоже было и съ ихъ лошадьми: красивыя, рослыя и грузныя заводскiя лошади этого дивизiона едва ступали по глубокому снѣгу и, какъ и верблюды же, сильно рѣзали себѣ ноги о ледяную кору, покрывавшую снѣгъ, а главное, ничего не могли подѣлать на тебеневкѣ, т. е. не умѣли добывать себѣ подножный кормъ, такъ что всю дорогу, отъ самаго Оренбурга, не ѣли сѣна и травы; выда-

ваемый же въ скромной порціи $2^1/_2$ гарнцевъ на день овесъ не могъ, конечно, накормить лошадь досыта, и онѣ начали падать... Въ концѣ похода, въ этомъ дивизіонѣ не осталось ни одной лошади; послѣднею пала, подъ Эмбою уже, красавица «Пѣна», бѣлая лошадь у трубача, сильно имъ любимая. Очевидецъ, Г. Н. Зеленинъ, такъ передавалъ мнѣ этотъ случай. Лошадь шла по тропѣ, протоптанной ранѣе оставшимися верблюдами;на ней гордо сидѣлъ молодчина-трубачъ, окруженный всего человѣками 10—15, нижними чинами, оставшимися въ живыхъ изъ всего дивизіона, идущими теперь пѣшкомъ вблизи своего трубача... Вдругъ Пѣна споткнулась обо что-то, сильно вздрогнула — и упала; трубачъ быстро соскочилъ съ нея и сталъ-было помогать ей подняться; но лошадь затрясла головой и медленно перевалилась на бокъ .. Солдатики стали хлопотать около своей любимицы, отпустили ей подпруги; но это ей не помогло: лошадь стала медленно и тяжело дышать и слегка биться... Солдатики рѣшили, что она «изведется».... Тогда, трубачъ сбѣгалъ къ идущимъ въ аріергардѣ казакамъ, добылъ тамъ нѣсколько гарнцевъ овса, принесъ лошади и насыпалъ его на чистое полотенце, вблизи ея головы; потомъ, разсѣдлалъ лошадь и разнуздалъ; затѣмъ, сталъ передъ ней, поклонился ей въ землю, зарыдалъ какъ ребенокъ— и медленно пошелъ, снѣговою тропою, догонять «землячковъ-товарищей».... Въ Оренбургъ вернулось изъ этой гвардіи генерала Перовскаго всего 20 человѣкъ; трубачъ, оплакавшій красавицу Пѣну, тоже умеръ въ походѣ, на обратномъ уже пути изъ Чушка-Куля. Когда окончился этотъ несчастный походъ, и Перовскій уѣхалъ заграницу, весь Уфимскій конно-регулярный полкъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, былъ отправленъ (въ 1841 году) на контониръ-квартиры, въ одну изъ Сѣверо-Западныхъ губерній, для поправленія здоровья солдатъ, сильно страдавшихъ въ Оренбургѣ обычною болѣзнью для всѣхъ немѣстныхъ уроженцевъ — изнурительною, перемежающеюся лихорадкою.

Страданія и лишенія офицеровъ въ этотъ тяжкій походъ мало чѣмъ рознились отъ нижнихъ чиновъ. Правда, каждому изъ нихъ былъ предоставленъ въ распоряженіе отдѣльный верблюдъ, а нѣкоторымъ два, три и болѣе; у многихъ были собственные лошади и экипажи— мѣстные тарантасы, съ полозьями въ запасѣ, для зимняго пути; были и разныя другія исключительныя удобства и приспособленія. Но все это было лишь въ началѣ похода.... Затѣмъ, для всѣхъ почти офицеровъ отряда наступили тѣ же лишенія: верблюды ихъ пали, равно какъ и лошади, экипажи брошены или сожжены; вскипятить мѣдный чайникъ съ водою было, тоже, не всегда возможно, какъ и солдатамъ не всегда удавалось похлебать горячей кашицы. Исключенія въ удобствахъ имѣлись лишь у начальниковъ отдѣльныхъ частей: начальники

колоннѣ, баталіонные и полковые командиры и батарейные находились, конечно, въ иныхъ условіяхъ, лучшихъ, изъ коихъ главныя были два: теплая одежда и горячая пища. Все это, понятно, было у командировъ; но самаго-то главнаго—теплаго угла, гдѣ бы можно было обогрѣться и, порою, обсушиться и уснуть раздѣвшись, этого ни у кого не было. У самаго Перовскаго ставилась въ кибиткѣ переносная, желѣзная печь; но, тѣмъ не менѣе, температура была тамъ (6-го, напримѣръ, Декабря) слѣдующая: на полу кибитки было 15° холоду; а на столѣ, гдѣ писалъ Перовскій, 4° морозу же, по Реомюру.

V.

Облегченіе караульной службы.—Случай съ часовымъ Петромъ Позднѣевымъ.—Смертная казнь надъ нимъ.—Начало ропота противу генерала Ціолковскаго.—Ненависть Ціолковскаго къ Русскимъ солдатамъ и его жестокость.—Истязаніе фельдфебеля Есырева.—Усиленіе въ отрядѣ ропота противу Ціолковскаго.—Смѣщеніе его съ должности начальника колонны.

Еще въ началѣ Декабря, когда отрядъ только что подходилъ къ урочищу Бишъ-Тамакъ, главноначальствующій, въ виду наступившихъ тридцати-градусныхъ морозовъ и частыхъ бурановъ, отъ которыхъ гибли по ночамъ часовые, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ночные часовые на постахъ смѣнялись черезъ каждый часъ, а не черезъ два, какъ было обыкновенно установлено. Къ сожалѣнію, это гуманное распоряженіе генерала Перовскаго не всегда исполнялось въ точности, по той простой причинѣ, что на гауптвахтахъ, гдѣ былъ главный караулъ, не всегда и не у всѣхъ начальниковъ караула были часы, составлявшіе, въ то время, нѣкоторую роскошь у армейскихъ офицеровъ. Такимъ образомъ, часовымъ приходилось, иногда, выстаивать на своихъ постахъ долѣе даже двухъ часовъ; если въ это время былъ сильный морозъ, да еще съ мятелью, часовой, по чувству простаго самосохраненія и самозащиты, прятался отъ бурана и вьюги за тюки. И вотъ, произошелъ, однажды, въ колоннѣ генерала Ціолковскаго слѣдующій печальный случай. Около тюковъ съ провіантомъ стоялъ, ночью, часовой, еще молодой солдатъ Владимирской губерніи Петръ Позднѣевъ; поднялся страшный буранъ.... проходитъ часъ, проходитъ другой.... совсѣмъ закоченѣли у Позднѣева руки, а смѣны нѣтъ какъ нѣтъ... Поставилъ несчастный солдатикъ ружье къ тюку, а самъ присѣлъ у ружья на корточки, спряталъ замерзшія руки подъ полушубокъ, да и прикурнулъ немножко... Въ это время проходилъ патруль; вмѣсто того, чтобы разбудить прозябшаго солдата, или поскорѣе смѣнить его, унтеръ-офицеръ Полякъ взялъ тихонько ружье часоваго и ушелъ съ нимъ;

когда, спустя всего нѣсколько минутъ, Позднѣевъ проснулся и увидалъ, что ружья нѣтъ, онъ страшно перепугался—зналъ, что отъ неумолимаго и безжалостнаго генерала Ціолковскаго его постигнетъ жестокое наказаніе. И вотъ, опасаясь, что съ минуты на минуту придетъ смѣна, и его найдутъ безъ ружья, часовой рѣшается на слѣдующій необдуманный поступокъ: оглядывая безконечную бѣлую степь, онъ увидѣлъ, что не въ-далекѣ стоитъ на ночлегѣ другая колонна; не долго думая, Позднѣевъ бросается туда, тихо подходитъ къ плацъ-формѣ, гдѣ въ козлахъ стояли ружья, и видитъ, что часовой, отъ стужи, спрятался за тюками и дремлетъ... солдатикъ взялъ одно ружье и быстро возвратился къ своему посту. Когда пришелъ къ нему тотъ же патрульный и съ нимъ смѣна, то увидѣли, что Позднѣевъ стоитъ съ ружьемъ....

— Чье у тебя ружье? спросилъ патрульный.

— Мое, сударь, отвѣчалъ Позднѣевъ.

Тогда у солдатика спросили нумеръ его ружья и при этомъ показали ему собственное ружье... Отпираться стало невозможно, и Позднѣевъ повинился во всемъ.

Генералъ Ціолковскій сильно сталъ раздувать это дѣло — просто, по жестокосердію своему... О проступкѣ Позднѣева доложено было главноначальствующему отрядомъ, и генералъ Перовскій приказалъ наказать солдатика и тѣмъ покончить дѣло. Но генералъ-маіоръ Ціолковскій, въ качествѣ колоннаго начальника, сталъ настаивать, чтобы часовой Позднѣевъ за свой проступокъ былъ подвергнутъ, въ примѣръ прочимъ, разстрѣлянію, что его преступленіе-де очень важное: сонъ на посту, утрата ружья, самовольная, безъ разводящаго ефрейтора, отлучка съ часовъ и, наконецъ, кража оружія въ сосѣдней колоннѣ... Начальникъ колонны такъ энергично настаивалъ на своемъ безсердечномъ желаніи и сослался на такой сильный аргументъ (что онъ генералъ Ціолковскій, въ случаѣ помилованія рядоваго Позднѣева, не отвѣчаетъ за сохраненіе дисциплины въ своей колоннѣ, въ такое смутное и тяжелое для отряда время), что генералъ-адъютантъ Перовскій вынужденъ былъ, наконецъ, уступить и отдалъ приказъ судить часоваго полевымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Позднѣевъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе, и приговоръ этотъ былъ, на другой же день, надъ нимъ исполненъ, въ присутствіи всей 1-й колонны и при нѣсколькихъ стахъ людей изъ другихъ колоннъ, нарочито командированныхъ для присутствованія при смертной казни.

Случай этотъ вызвалъ сильный говоръ во всѣхъ колоннахъ... Всѣ обвиняли генерала Ціолковского въ безчеловѣчности и ненужной жестокости. Указывали на то, что нужно снисходить къ нижнимъ чинамъ, безропотно, зачастую, замерзающимъ на часахъ; что, скорѣе, слѣдовало

бы генералу Ціолковскому установить болѣе правильную смѣну часовыхъ въ своей колоннѣ, чѣмъ внушать патрульнымъ унтеръ-офицерамъ, изъ ссыльныхъ Поляковъ, похищать у измученныхъ и задремавшихъ часовыхъ ружья... что отрядъ далеко еще не дошелъ до Эмбы; а пока дойдетъ до Хивы, то этакъ, пожалуй, придется разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, кто не замерзнетъ.... и т. д.

Въ силу военной дисциплины, ропотъ этотъ или, скорѣе, «говоръ», какъ называютъ его находящіеся и теперь въ живыхъ военные люди, участники похода, былъ, конечно, тихій, сдержанный, и лишь теперь, спустя полвѣка, сѣдые ветераны похода, припоминая смертную казнь Позднѣева, разстрѣляннаго при 30-ти-градусномъ морозѣ, въ бѣлой непроглядной вьюгѣ, передавали мнѣ, понижая голосъ, что послѣ этой казни «въ отрядѣ былъ сильный говоръ».... И если бы въ отрядѣ не знали, кто истинный виновникъ ненужной жестокости, то «говоръ» могъ бы разростись... И хотя Ціолковскій старался потомъ всячески выгородить себя изъ этого дѣла, сваливая назначеніе военно-полеваго суда на главноначальствующаго, но эта политика плохо удалась ему въ степи: шт.-капитанъ Никифоровъ, не стѣсняясь, говорилъ съ офицерами въ слухъ о закулисной сторонѣ всего этого несчастнаго дѣла...

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о личности начальника 1-й колонны генералъ-маіора Станислава Ціолковскаго. Онъ, по разсказамъ, попалъ въ Оренбургъ вскорѣ послѣ Польскаго мятежа 1831 года, въ качествѣ ссыльнаго полковника Польскихъ войскъ, сильно скомпрометированный. Вскорѣ же по пріѣздѣ генерала Перовскаго въ Оренбургъ, полковникъ Ціолковскій съумѣлъ вкрасться къ новому военному губернатору въ такое довѣріе, такъ заискать передъ нимъ и расположить его къ себѣ, что походъ 1839 года засталъ его командиромъ Башкирскаго войска, въ чинѣ уже генералъ-маіора. Существуетъ весьма основательное свѣдѣніе, что Государь Николай Павловичъ, прощаясь съ Перовскимъ въ началѣ 1839 года въ Петербургѣ и хорошо, повидимому, зная о томъ недобромъ вліяніи, какое имѣлъ Ціолковскій на молодаго Оренбургскаго губернатора, настоятельно совѣтовалъ ему не допускать къ себѣ этого ссыльнаго Поляка *). Тѣмъ не менѣе, Ціолковскій попалъ все-таки въ экспедицію, и сталъ, затѣмъ, злымъ геніемъ отряда и всего похода.

При самомъ выступленіи своемъ изъ Оренбурга, генералъ Ціолковскій отдалъ приказъ по своей колоннѣ, чтобы навьючка верблюдовъ начиналась съ двухъ часовъ ночи, а въ походъ выступать не позже

*) Подтвержденіе этого намъ довелось слышать отъ покойнаго Даля и отъ А. М. Жемчужникова, передававшаго это со словъ своего дяди, В. А. Перовскаго. П. Б.

6 или 7 часовъ утра; солдатамъ, слѣдовательно, приходилось спать ночью не болѣе $3\frac{1}{2}$ часовъ, а большую часть ночи заниматься навьючкой верблюдовъ; затѣмъ, выступать въ походъ въ совершенной темнотѣ (т. к. въ 6 и даже въ 7 часовъ утра, въ Ноябрѣ и Декабрѣ, какъ извѣстно, совсѣмъ темно) и, вдабавокъ, усталыми уже и измученными, и идти въ потьмахъ, до наступленія разсвѣта, болѣе часу.... Вслѣдствіе этихъ порядковъ, въ колоннѣ генерала Ціолковскаго начались сильныя заболѣванія нижнихъ чиновъ, а затѣмъ, появилась и смертность, такъ что въ одной его колоннѣ умирало, въ день, почти столько же, сколько во всѣхъ остальныхъ трехъ колоннахъ. У него же въ колоннѣ, у перваго, начали падать верблюды... Усиленный падежъ верблюдовъ совпалъ какъ разъ съ смертною казнью Поздвѣева, и все это, взятое вмѣстѣ, съ присоединеніемъ ежедневныхъ разсказовъ о звѣрствѣ и жестокостяхъ генерала Ціолковскаго, породило усиленный «говоръ» въ отрядѣ, что «этотъ Полякъ отравливаетъ верблюдовъ»... что онъ, будто бы, посылаетъ, по ночамъ, своего деньщика, Поляка же Сувчинскаго (выведеннаго имъ впослѣдствіи въ люди), разбрасывать около лежащихъ верблюдовъ отравленныя хлѣбныя пилюли... Это тяжкое обвиненіе, по нашему глубокому убѣжденію, едва ли справедливо. Генерала Ціолковскаго можно было обвинять въ другихъ преступленіяхъ не менѣе, пожалуй серьезныхъ, но только не въ отравленіи верблюдовъ: управляя, напримѣръ, Башкирами, онъ сильно притѣснялъ ихъ и наживался на ихъ счетъ, вызывая противу себя постоянный ропотъ и жалобы этихъ полудикихъ и довольно терпѣливыхъ людей; незадолго до похода, онъ пріобрѣлъ, за безцѣнокъ, у тѣхъ же Башкиръ прекрасный участокъ земли, гдѣ и устроился помѣщикомъ; теперь, во время похода, онъ умышленно изнурялъ людей своего отряда, доводя ихъ, прямо, до повальной смертности; при тѣлесныхъ наказаніяхъ, онъ часто наказывалъ солдатъ такъ жестоко, что они обыкновенно долго хворали въ походномъ лазаретѣ послѣ наказанія; онъ особенно мучилъ и истязалъ заслуженныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, имѣвшихъ извѣстный серебрянный крестъ за взятіе Варшавы; когда началась гибель отряда, то генералъ Ціолковскій былъ единственнымъ человѣкомъ, не умѣвшимъ, или не желавшимъ скрыть своего злорадства... Но обвинять этого ужаснаго человѣка въ отравленіи верблюдовъ, это пожалуй, возможно было тогда, 51 годъ назадъ, при той всеобщей ненависти, какую питали къ Ціолковскому въ отрядѣ, но не теперь, когда забытъ и этотъ несчастный походъ, и когда почти всѣ его участники спятъ непробуднымъ сномъ въ могилахъ.

Генералъ Ціолковскій отлично, повидимому, зналъ о той ненависти, какую питаютъ къ нему солдаты всего отряда вообще, а его ко-

лонны въ особенности. Съ наступленіемъ сумерокъ, онъ почти никогда не выходилъ изъ своей кибитки, а если и случалось, то въ сопровожденіи ординарца и вѣстоваго: онъ, видимо, боялся нападенія; кибитку его всю ночь, сторожили двое часовыхъ, изъ числа лично ему извѣстныхъ и имъ избираемыхъ солдатъ. Онъ особенно сталъ остороженъ послѣ одной безчеловѣчной расправы, учиненной имъ подъ самою уже Эмбою, надъ заслуженнымъ фельдфебелемъ Есыревымъ. Дѣло это (какъ изложено оно въ имѣющихся у меня отрывочныхъ Запискахъ и понынѣ благополучно здравствующаго Г. Н. Зеленина) происходило такъ. Однажды, въ половинѣ Декабря, когда отрядъ былъ уже подъ Эмбою, въ 6 часовъ утра, въ полной еще темнотѣ, генералъ-маіоръ Ціолковскій обходилъ свою колонну въ сопровожденіи своего адъютанта и ординарца. Вьючка верблюдовъ, начавшаяся, какъ и всегда, съ двухъ часовъ, почти уже кончалась, и всѣ кибитки и джуламейки были затючены (упакованы въ тюки); лишь одна чья-то незатюченная джуламейка стояла въ сторонѣ... Едва увидѣлъ ее генералъ Ціолковскій, какъ громко закричалъ:

— Чья это джуламейка? Какого быдла (скота)?!...

Оказалось, что неубранная джуламейка принадлежала фельдфебелю Есыреву, который самъ находился при навьючкѣ верблюдовъ, въ аріергардѣ, чтобы присматривать тамъ за порядкомъ и торопить дѣло навьючиванія съ такимъ разсчетомъ, дабы, по заведенному начальникомъ колонны порядку, выступить съ ночлега въ 6 часовъ. Но Есырева задержало въ аріергардѣ что-то неожиданное, а находящійся при немъ вѣстовой не распорядился почему-то убирать джуламейку безъ хозяина; и вотъ, желая успѣть въ одномъ мѣстѣ и избавиться отъ наказанія за опозданіе при выступленіи, Есыревъ проштрафился въ другомъ.... Ціолковскій приказалъ немедленно найти виновнаго и привести его предъ свои очи.

— Какъ ты смѣлъ оставить свою джуламейку не навьюченною, когда, давнымъ-давно, навьючена даже моя?! накинулся начальникъ колонны на несчастнаго фельдфебеля, едва тотъ появился предъ нимъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство! Я не виноватъ: я находился въ аріергардѣ, при навьючкѣ тюковъ.... сегодня въ ночь пало шесть верблюдовъ; надо было разобрать тюки и....

— Ты еще смѣешь разсуждать, каналья! Не исполнять моихъ приказаній и оправдываться!... Нагаекъ!!... съ пѣной у рта, тряся нижнею челюстью, закричалъ Ціолковскій...

Тотчасъ явились казаки, раздѣли заслуженнаго, отбывшаго нѣсколько кампаній фельдфебеля Есырева почти до-нага, не смотря на 35-ти градусный морозъ, оставивъ его, буквально, въ одной рубашкѣ,

положили на шинель, взяли за руки и за ноги, и началось истязаніе... Генералъ Ціолковскій закурилъ сигару и сталъ ходить взадъ и впередъ ... Когда два рослыхъ Оренбургскихъ казака, хлеставшіе несчастнаго съ обѣихъ сторонъ толстыми, лошадиными нагайками, видимо измучились, то «человѣкъ-звѣрь» приказалъ смѣнить ихъ новыми палачами по-неволѣ.... Вся рубашка Есырева была исполосована въ клочья, взмокла и побагровѣла отъ крови, а его все еще хлестали.... Стала отлетать на снѣгъ, мелкими кусками, кожа несчастнаго мученика, а его продолжали истязать.... Наконецъ, несмотря на свое крѣпкое, почти атлетическое тѣлосложеніе, Есыревъ совсѣмъ пересталъ даже вздрагивать тѣломъ и кричать, а сталъ лишь медленно зѣвать, какъ зѣваютъ иногда умирающіе... Взглядъ его большихъ голубыхъ глазъ совсѣмъ потухъ, и они какъ бы выкатились изъ орбитъ... Прогуливаясь вблизи казни, чтобы, стоя на мѣстѣ, не озябнуть, Ціолковскій случайно взглянулъ въ это время на Есырева—и приказалъ прекратить наказаніе. Несчастнаго,. едва дышащаго фельдфебеля, прикрыли снятою съ него, ранѣе, одеждой и отнесли замертво въ походный лазаретъ, на той шинели, на которой онъ лежалъ во время истязанія.... По Запискамъ подполковника Зеленина, Есыреву было дано болѣе 250 нагаекъ; между тѣмъ, какъ за самыя тяжкія уголовныя преступленія (напр., за отцеубійство) суровые законы того времени присуждали виновныхъ лишь къ 101 удару кнутомъ. Фельдфебель Степанъ Есыревъ поступилъ въ службу изъ мѣщанъ города Углича, служилъ, затѣмъ, въ войскахъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, участвовалъ въ штурмѣ Варшавы и былъ произведенъ за это въ унтеръ-офицеры; при укомплектованіи, передъ Хивинскимъ походомъ, Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ, Есыревъ, въ числѣ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, былъ переведенъ въ 5-й линейный баталіонъ, расположенный въ г. Верхнеуральскѣ и тамъ назначенъ фельдфебелемъ; «ростомъ былъ очень высокій, бравый и дородный мужъ» (по Запискамъ Г. Н. Зеленина).

Ко всеобщему изумленію, фельдфебель Есыревъ остался живъ; онъ пролежалъ лишь болѣе шести недѣль въ лазаретѣ. На его счастье, отрядъ былъ, въ это время, въ нѣсколькихъ всего переходахъ отъ Эмбенскаго укрѣпленія; по прибытіи туда, несчастнаго положили въ настоящій уже лазаретъ, въ теплыя комнаты, и тамъ, благодаря хорошему уходу и всеобщей заботливости о немъ, а главное благодаря своему атлетическому тѣлосложенію, Есыревъ избѣжалъ смерти, отдѣлавшись лишь утратою, навсегда, своего богатырскаго здоровья.

Послѣ страшнаго наказанія Есырева, ропотъ въ отрядѣ вообще, а въ колоннѣ генерала Ціолковскаго въ особенности, настолько усилился, что сталъ громкимъ и почти открытымъ; солдаты, не скрываясь,

говорили: «первая пуля ему», то-есть, въ первомъ дѣлѣ съ непріятелемъ Ціолковскій долженъ быть застрѣленъ, какъ бы во время сраженія... Когда узналъ обо всемъ этомъ генералъ Перовскій, то рѣшилъ, наконецъ, смѣстить этого варвара, и начальникомъ 1-ой колонны былъ назначенъ полковникъ Гекке, состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій въ походномъ штабѣ Перовскаго.

VI.

Положеніе въ отрядѣ военныхъ топографовъ.—Ночныя страданія отъ морозовъ.—Практическій совѣтъ Киргиза.—Появленіе скорбута.—Въ солдатской джуламейкѣ.—Какъ раздавали нижнимъ чинамъ спиртъ и топливо.—Прибытіе отряда на Эмбу.—Устройство понтонныхъ мостовъ на сухомъ пути.

Для предполагавшихся военно-топографическихъ съемокъ мѣстности по дорогѣ въ Хиву и самой Хивы, въ отрядѣ, въ каждой изъ четырехъ колоннъ, находились топографы, подъ командою особо назначенныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ общимъ начальствомъ капитана генеральнаго же штаба Рейхенберга. На каждаго офицера и двухъ топографовъ унтеръ-офицерскаго званія полагалась особая джуламейка, деньщикъ, 2 верблюда съ особымъ при нихъ Киргизомъ и 2 лошади; а такъ-какъ Киргизъ ничего, кромѣ верблюдовъ, не хотѣлъ знать, а деньщикъ зналъ лишь своего барина, то на долю молодыхъ людей, поступившихъ въ топографы (по большей части, изъ дворянскихъ дѣтей Оренбургской губерніи, чтобы избѣжать службы въ линейныхъ баталіонахъ), выпадали не только обычные труды по ихъ спеціальному дѣлу, но и тяжелые физическіе—по уборкѣ джуламейки, разведенію огня, и проч.; а чтобы убрать джуламейку или поставить ее, необходимо снять или поднять вверхъ главную кошму, а эта работа была подъ-силу лишь четыремъ взрослымъ человѣкамъ, а не тѣмъ юнкерамъ, почти дѣтямъ, на которыхъ выпадало это занятіе. Спеціальные же труды топографовъ, во все время этого неудачнаго похода, ограничились выборомъ мѣстъ для ночлеговъ, затѣмъ разстановкою жалонеровъ и указаніемъ каждой отдѣльной части ея мѣста въ каре. Офицеры, обыкновенно, выбирали лишь мѣсто для ночлега колонны; разстановка же жалонеровъ и распредѣленіе отдѣльныхъ частей по ихъ мѣстамъ—все это лежало на обязанностяхъ молодыхъ людей, такъ что, по приходѣ колонны на мѣсто, имъ надо было работать еще болѣе часа, пока, наконецъ, всѣ части и верблюды, перепутавшіеся походомъ, займутъ свои мѣста. При этомъ всѣ недовольные своими мѣстами, т. е. попавшіе подъ вѣтеръ, вымещали, обыкновенно, свое зло на молодыхъ топографахъ, ругая ихъ, прямо въ глаза, не-

приличными словами; особенною грубостью въ этихъ случаяхъ выдавались казачьи офицеры, мало отличавшіеся, по своему образованію, отъ простыхъ казаковъ.

Этими трудами и ограничились всѣ занятія ученыхъ топографовъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, такъ какъ съемокъ дѣлать имъ не пришлось: мѣстность до Эмбы и до Акъ-Булака была, какъ сказано выше, изслѣдована еще лѣтомъ полковникомъ Гекке, а дальше Акъ-Булака или Чушка-Куля, отряду не суждено было двинуться...

Въ находящихся у меня Запискахъ Г. Н. Зеленина, имѣвшаго въ то время всего 19 лѣтъ, страданія молодыхъ топографовъ изложены такъ правдиво и естественно, что я позволю себѣ здѣсь нѣсколько остановиться.

Разставивъ колонну на ночлегъ, измучившись и наслушавшись вдоволь ругательствъ и оскорбленій, молодые люди приходили, наконецъ, къ своей джуламейкѣ и принимались за устройство для себя ночлега, такъ какъ ихъ начальникъ и компаніонъ по джуламейкѣ, офицеръ, уходилъ, обыкновенно, на вечеръ ночевать къ кому нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ, у которыхъ давно уже раскинута была кибитка. Топографы разгребали прежде всего снѣгъ и кое-какъ ставили джуламейку. Складныхъ желѣзныхъ кроватей, заведенныхъ для похода, по настоянію генерала Перовскаго, рѣшительно всѣми офицерами *), у молодыхъ людей не было, и имъ приходилось спать прямо на снѣгу, подославъ лишь подъ себя кошмы, спать не раздѣваясь, во всей той одеждѣ и обуви, въ которыхъ они шли походомъ, днемъ; у нихъ даже «силы не хватало, чтобы очистить снѣгъ до земли, потому что изнемогали отъ усталости, а снѣгу было нанесено много».. Кое-какъ кипятили воду и устроивали чай; затѣмъ, спѣшили улечься на отдыхъ, накрываясь сверху саксачьимъ тулупомъ. Но морозъ бралъ свое, и ноги, обутыя въ теплые чулки, кошемныя (войлочныя) валенки и, затѣмъ, въ кожанные сапоги для удобства ходьбы дорогою, все-таки зябли ночью такъ сильно, особенно въ морозы болѣе 30°, что приходилось вскакивать съ постели и бѣгать вокругъ джуламейки, чтобы разогрѣть ихъ; это нужно было продѣлывать въ продолженіе ночи нѣсколько разъ. Тоже самое дѣлали и остальные топографы и всѣ офицеры, такъ что ко многимъ другимъ лишеніямъ и страданіямъ похода прибавлялась еще и безсонница. Иногда, въ джуламейку молодыхъ топографовъ приходилъ ночевать деньщикъ начальствовавшаго надъ ними офицера и Кир-

---

*) Предполагалось, конечно, быть въ Хивѣ и возвратиться изъ нея лѣтомъ, когда въ степи имѣются скорпіоны и тарантулы, гораздо легче могущіе укусить людей, спящихъ на полу, чѣмъ на кроватяхъ.

гизъ, приставленный къ ихъ верблюдамъ. Молодыхъ людей сильно удивляло то обстоятельство, что Киргизъ спитъ мертвымъ сномъ всю ночь и ни разу ни вскочитъ погрѣться, хотя спитъ въ однихъ суконныхъ онучахъ и одѣтъ, вообще, менѣе тепло, чѣмъ они. Рѣшили спросить объ этомъ Киргиза. Тотъ разсмѣялся, да и говоритъ:

— У васъ всегда будутъ ноги зябнуть...

— Да почему же это? сталъ спрашивать Георгій Николаевичъ.

— Вотъ почему, отвѣчалъ Киргизъ. Если вы не будете снимать съ ногъ, на ночь, кожаные сапоги, то вамъ не будетъ тепло: сапоги, ваши днемъ, во время похода, промерзаютъ насквозь, отъ нихъ и ногамъ холодно; а вы оставайтесь на ночь въ однихъ войлочныхъ сапогахъ, будете спать крѣпко и спокойно.

Въ слѣдующую же ночь топографы исполнили совѣтъ Киргиза, сняли кожанные сапоги, а ноги, обутыя въ кошемные, мягкіе сапоги окутали шубой, и крѣпко проспали всю ночь, и ноги у нихъ не озябли. О своемъ открытіи молодые люди сообщили Рейхенбергу, и тотъ сталъ дѣлать тоже самое.

Болѣе всѣхъ страдали ночью отъ кожаной обуви солдаты, которымъ воспрещалось разуваться въ предположеніи тревоги: намучившись отъ ходьбы по снѣговой пустынѣ, солдаты засыпали крѣпкимъ сномъ, а на утро оказывалось, что у нихъ были озноблены ноги... Начинался скорбутъ, появлялись на ногахъ раны, а затѣмъ ноги сводило, и въ концѣ концовъ, отъ изнуренія, постояннаго холода и нахожденія въ лазаретномъ сквозномъ фургонѣ, больные умирали... Бóльшая часть солдатъ своднаго дивизіона Уфимскаго полка погибли именно такимъ образомъ. «Только Всевышній Создатель, располагающій жизнію человѣка, не допустилъ насъ до погибели! Вѣроятно, отцы и матери наши усердно молились въ это время за наше спасеніе!..» говоритъ Георгій Николаевичъ Зеленинъ въ томъ мѣстѣ своихъ Записокъ, гдѣ приводятся бѣдствія отряда отъ стужи, во время ночлеговъ.

Бѣлья солдаты не мѣняли вовсе; и вотъ, если имъ удавалось достать гдѣ-нибудь хоть немножко топлива, то огонь обыкновенно разводили въ серединѣ джуламейки. Обсядутъ солдатики, на корточкахъ, вокругъ огня, и когда онъ разгорится, то начинаютъ одинъ по одному снимать съ себя сорочки и держатъ ихъ передъ пыломъ, поворачивая во всѣ стороны; когда огонь порядочно нагрѣетъ рубашку, то ее слегка потряхиваютъ, и въ это время въ костеръ сыпятся насѣкомые, производя весьма своеобразный трескъ и распространяя по джуламейкѣ удушливый запахъ... А въ это же время, на огнѣ стоятъ солдатскіе котелки, манерки, а у кого и чайники, и снѣгъ превращается въ го-

рячую воду, въ которой размачиваются куски закорузлыхъ и затхлыхъ черныхъ сухарей, замѣняющихъ иногда и обѣдъ, и ужинъ.

А вотъ, напримѣръ, какъ раздавали солдатамъ отряда порціи «спирту». Когда фельдфебель получитъ его на роту, то сначала отнесетъ его къ ротному командиру, который отольетъ себѣ часть цѣльнаго спирта и подѣлится имъ съ субалтернъ-офицерами: затѣмъ, фельдфебель приказываетъ принести этотъ спиртъ въ свою джуламейку, отдѣлитъ часть себѣ, а также и всѣмъ капральнымъ унтеръ-офицерамъ: потомъ уже позоветъ артельщика, тотъ разбавитъ оставшееся количество спирта теплою водою и эту смѣсь выдаютъ каждому солдату «по чаркѣ».

Точно также дѣлилось и топливо, добываемое за Бишъ-Тамакомъ исключительно солдатскими руками, изъ мерзлой земли. Вырытые коренья степныхъ травъ попадали, какъ и спиртъ, сначала къ начальству, а затѣмъ уже въ джуламейки солдатиковъ. Когда въ воскресные и праздничные дни раздавали на роты мясо и приказывали солдатамъ готовить себѣ горячую пищу, то котелъ не могъ вскипѣть болѣе одного, много двухъ разъ; мясо не уваривалось, и въ такомъ полусыромъ видѣ поглощалось солдатскими желудками... Появилась дизентерія... заболѣвающіе отправлялись въ ледяные фургоны, а оттуда въ землю.

Вотъ, такимъ-то порядкомъ, въ Декабрѣ 1839 года, шелъ несчастный отрядъ Русскихъ войскъ по безконечной степи, въ тридцати градусные морозы, среди леденящихъ турановъ, по колѣно въ снѣгу, безъ теплой одежды и горячей пищи, оставляя за собою роковой страшный слѣдъ—въ видѣ невысокихъ снѣговыхъ холмовъ-могилъ надъ умершими людьми и круглыхъ горокъ нанесеннаго мятелями снѣга надъ павшими верблюдами!...

19-го Декабря отрядъ достигъ, наконецъ, Эмбенскаго укрѣпленія, употребивъ на этотъ переходъ (отъ Оренбурга до Эмбы) 34 дня. Между тѣмъ разсчитывали, что это пространство, около 500 верстъ, будетъ пройдено не болѣе, какъ дней въ 15-ть.

Какой страдальческій и, по истинѣ, героическій былъ этотъ переходъ, можно судить уже по одному тому, что изъ всѣхъ 34-хъ дней похода до Эмбы было лишь 15-ть безъ турановъ и только 13 дней, когда морозъ былъ ниже 20°. Обиліе же снѣга было такъ велико, что положительно всѣ овраги, даже самые глубокіе, были занесены имъ до верху, такъ что приходилось употреблять самыя невѣроятныя усилія, чтобы перевести черезъ такіе овраги тысячи верблюдовъ и лошадей съ ихъ вьюками и колесными фурами... А чтобы переправлять черезъ эти снѣговыя бездны пушки, приходилось накладывать поверхъ снѣга понтонные мосты и по нимъ уже перевозить орудія. . . . .

VII.

Положеніе генерала В. А. Перовскаго во время похода.—Дѣйствія Хивинскаго хана Алла-Кула и высланный имъ двухъ-тысячный отрядъ Туркменъ-Іомудовъ. — Неудачная атака Хивинцами Чушка-Кульскаго укрѣпленія. — Убійство нашего почтальона-Киргиза.—Гибель Хивинцевъ отъ морозовъ и бурановъ.—Отдыхъ отряда въ Эмбенскомъ укрѣпленіи.—Отчаяніе главноначальствующаго.—Разговоръ солдатъ, спасшій генерала Перовскаго.—Двѣ партіи въ отрядѣ.—Приказъ о сформированіи особой колонны и о выступленіи на Чушка-Куль.—Прибытіе на Эмбу султана Айчувакова.

Страдали въ отрядѣ всѣ, конечно. Но былъ въ немъ одинъ человѣкъ, страданія котораго были гораздо болѣе мучительны: это былъ главный начальникъ всей экспедиціи генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій... Онъ хорошо зналъ и понималъ, что вся неудача похода ляжетъ на него одного; что не любившій его военный министръ поставитъ ему на видъ и на счетъ все: и гибель людей, и потраченныя на походъ крупныя суммы денегъ, и ту потерю послѣдняго вліянія нашего въ Хивѣ, которое могло существовать *до* этого несчастнаго предпріятія... Были и другія опасенія и мысли, увеличивавшія страданія Перовскаго: онъ помнилъ, что взялъ экспедицію предъ Государемъ на свою личную отвѣтственность... Нечего и говорить, конечно, что его могло мучить и оскорбленное самолюбіе, и то злорадство, которое онъ сталъ уже замѣчать здѣсь, въ степи, со стороны, напримѣръ, генерала Ціолковскаго, выражавшагося въ кругу своихъ приближенныхъ прямо словами басни, что синица-де моря не зажгла...

До похода на Хиву, губернаторъ Перовскій прослужилъ въ Оренбургѣ шесть лѣтъ, и за это время его успѣли узнать близко и хорошо Всѣ увидѣли, что подъ наружною суровостью и холоднымъ, какъ бы отталкивающимъ взглядомъ таилась добрая душа человѣка, не утратившаго еще вѣру въ людей, способнаго любить ихъ и довѣрять имъ. Имѣя обширныя полномочія и права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, В. А. Перовскій крайне неохотно предавалъ суду служащихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, и положительно отказывался утверждать смертные приговоры, къ которымъ присуждали иногда солдатъ полевые военные суды *).

Изъ Оренбурга генералъ-адъютантъ Перовскій выѣхалъ въ походъ при 4-й колоннѣ, верхомъ. Всѣ полагали тогда, что онъ пересядетъ,

*) Исключеніемъ было лишь одно дѣло—объ убійствѣ, тремя нижними чинами, съ цѣлью ограбленія, коменданта Орской крѣпости полковника Недоброва; всѣ трое убійцъ были приговорены полевымъ военнымъ судомъ къ смертной казни; Перовскій утвердилъ этотъ приговоръ, и виновные были разстрѣляны: одинъ въ Оренбургѣ, другой въ Орскѣ и третій въ Верхнеуральскѣ. *И. З.*

вскорѣ же, въ свой экипажъ, слѣдовавшій за колонною. Но вышло иначе. Отъ самаго Оренбурга вплоть до Эмбы, на разстояніи 500 верстъ, главноначальствующій ѣхалъ верхомъ, выступая съ колонною одновременно, когда начинало разсвѣтать, и слѣзая съ коня лишь тогда, когда останавливалась и колонна на привалахъ и ночлегахъ. Въ утреннемъ полусвѣтѣ, часто видѣли генерала, верхомъ на бѣлой, а иногда на сѣрой лошади, ѣдущаго позади колонны, шагомъ, съ опущенною, по привычкѣ, головою на грудь.. Въ 11 часовъ, ежедневно, генералъ Перовскій начиналъ объѣзжать всѣ колонны, здороваясь, на походѣ, съ людьми и оглядывая ихъ; въ этихъ объѣздахъ, его сопровождалъ лишь одинъ казакъ.. Линія отряда, состоявшая изъ 4-хъ колоннъ, растягивалась, обыкновенно, на 8 и болѣе верстъ; тѣмъ не менѣе, не смотря ни на какую погоду и морозъ, главноначальствующій объѣзжалъ всю эту линію два раза—отъ 4-й колонны до 1-й и обратно. Часто, ночью, главноначальствующій самъ повѣрялъ исправность цѣпи и бдительность часовыхъ, особенно съ того времени, когда узнали, что въ степи рекогносцируетъ двухъ-тысячный конный отрядъ Хивинцевъ. Однажды, въ ночь подъ 22 Декабря, на Эмбѣ, генералъ едва не былъ заколотъ часовымъ: ему какъ то удалось, въ одиночку, проѣхать за цѣпь, обманувъ бдительность часоваго въ одномъ мѣстѣ; но когда онъ возвращался обратно, былъ замѣченъ и желалъ проѣхать чрезъ цѣпь насильно, то часовой, послѣ троекратнаго приказанія «стой!» взмахнулъ уже штыкомъ, и только во время произнесенный пароль спасъ Перовскаго отъ новой раны. Когда начались бѣдствія отряда и стали, затѣмъ, прогрессивно, увеличиваться, генералъ-адъютантъ Перовскій сталъ рѣже и рѣже объѣзжать колонны; его красивая голова стала, какъ казалось всѣмъ, опускаться все ниже и ниже, а взглядъ становился еще болѣе суровымъ и строгимъ... Такимъ образомъ, не слѣзая съ коня, доѣхалъ главный начальникъ экспедиціи до Эмбы; но затѣмъ, въ дальнѣйшемъ походѣ отряда, его никто не видѣлъ на лошади: онъ ѣхалъ въ зимнемъ возкѣ, видимо сталъ избѣгать встрѣчъ съ людьми и всячески старался быть незамѣченнымъ...

Когда отрядъ пришелъ въ Эмбенское укрѣпленіе, то здѣсь узнали, что Хивинскій ханъ Алла-Кулъ, освѣдомившись отъ своихъ подданныхъ, занимавшихся торговлею въ Оренбургѣ, что Русскіе собираются идти на Хиву и выстроили уже для этой цѣли, по дорогѣ на Усть-Уртъ, два укрѣпленія, отобралъ болѣе двухъ тысячъ испытанныхъ и крѣпкихъ джигитовъ (батырей) изъ племени Туркменъ-Іомудовъ, и велѣлъ имъ ѣхать на самыхъ лучшихъ лошадяхъ, а грузнымъ всадникамъ о-дву-

конь, безъ всякихъ запасовъ, даже безъ джуламеекъ, ѣхать быстро и не останавливаясь, стараясь достигнуть какъ можно скорѣе до Русскихъ укрѣпленій, пока не подошелъ къ нимъ главный отрядъ, идущій съ Перовскимъ изъ Оренбурга; взять, пользуясь малочисленностью гарнизоновъ, оба укрѣпленія (Чушка-Кульское и Эмбенское), перебить всѣхъ Русскихъ до послѣдняго человѣка, а ихъ отрѣзанныя головы, въ видѣ трофеевъ, выслать въ Хиву; затѣмъ, идти на встрѣчу главному отряду, слѣдовать по его пятамъ, безпокоя людей днемъ и ночью и если можно сдѣлать на него, въ самую темную и буранную ночь, отчаяннѣйшее нападеніе въ рукопашную. Начальствовать этимъ отборнымъ отрядомъ вызвался самъ Кушь-Беги (военный министръ), который обѣщалъ хану привести въ Хиву людей обоихъ гарнизоновъ (изъ Чушка-Куля и Эмбы) живьемъ, для смертныхъ казней въ самой Хивѣ.

Хивинцы могли исполнить только начало этого грознаго приказа. Они быстро добрались до перваго, стоявшаго на ихъ пути, Чушка-Кульскаго укрѣпленія, 18-го Декабря напали на него, но были самымъ позорнымъ образомъ отбиты и прогнаны, потерявъ болѣе десяти человѣкъ убитыми, трупы которыхъ такъ и лежали подъ укрѣпленіемъ на снѣгу всю зиму. Въ укрѣпленіи, въ это время, было на лицо: здоровыхъ 130 человѣкъ и больныхъ 164 человѣка, которые тоже взялись кое-какъ за оружіе. Команду принялъ на себя горный инженеръ Ковалевскій, случайно попавшій за три дня передъ этимъ въ Чушка-Куль и оказавшійся старшимъ въ чинѣ; помощникомъ его былъ поручикъ Геригросъ. Хивинцы дѣлали четыре отчаянныя атаки и были отбиты единственно при помощи пушекъ: громъ выстрѣловъ и свистящая картечь производили въ ихъ рядахъ паническій страхъ, котораго они не могли преодолѣть, не смотря на всю свою храбрость. Ружей они не особенно боялись, такъ какъ имѣли и свои фитильныя, стрѣлявшія съ подставокъ, которыя, однако, попадали, иногда довольно далеко и мѣтко. Отбитые отъ Чушка-Куля, Хивинцы направились по дорогѣ на Эмбенское укрѣпленіе. По дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Акъ-Булака, они встрѣтили нашего Киргиза, ѣхавшаго съ почтой изъ Эмбы въ Чушка-Куль; на этомъ несчастномъ своемъ единовѣрцѣ разбойники и выместили всю свою злобу: обыскавъ его, они нашли пакеты съ печатями... улика, слѣдовательно, была на лицо... Узнано было впослѣдствіи, отъ нашихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы и потомъ въ самой Хивѣ *), что Киргиза этого Хивинцы подвергли самымъ ужас-

---

*) Въ 1842 году, было отправлено изъ Оренбурга въ Хиву особаго рода посольство съ полковникомъ Данилевскимъ во главѣ; и вотъ тогда-то, живя цѣлое лѣто въ Хивѣ, наши офицеры и узнали приводимыя въ настоящей статьѣ подробности о событіяхъ

нымъ истязаніямъ и мукамъ и, въ концѣ, разрубили его пополамъ, поперекъ живота, и поставили въ снѣгъ съ двухъ сторонъ степной тропы, такъ что ноги съ половиною живота стояли и замерзли въ снѣгу особо, а верхняя часть туловища вкопана въ снѣгъ отдѣльно; ротъ несчастнаго былъ набитъ мелкими кусочками изорванныхъ бумагъ везенной имъ почты и сургучными печатями отъ конвертовъ. .

Эта конная партія Хивинцевъ имѣла съ нашими войсками, позже, еще одно дѣло, о которомъ будетъ говорено ниже; теперь же слѣдуетъ сказать, что домой въ Хиву въ свои аулы изъ этихъ двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ вернулось лишь 700 съ чѣмъ-то человѣкъ: всѣ остальные погибли въ степи, между Чушка-Кулемъ и Эмбенскимъ укрѣпленіемъ и на Усть-Уртѣ отъ страшныхъ въту зиму морозовъ и частыхъ бурановъ; гибли, также, отъ изнуренія, вслѣдствіе отсутствія пищи, а главное, потому, что не взяли съ собою джуламеекъ, могущихъ защитить ихъ, хотя отчасти, отъ морозовъ и степныхъ мятелей: ханъ такъ торопилъ ихъ выступленіемъ и маршемъ, что не позволилъ взять даже верблюдовъ, на которыхъ можно бы было навьючить эти джуламейки. Необыкновенная суровость зимы 1839—40 года сохранилась въ памяти у Хивинцевъ надолго: Сергѣй-Ага разсказывалъ, въ 1842 году, нашимъ офицерамъ, что въ Хивинскихъ оазисахъ померзли въ ту зиму корни виноградныхъ лозъ, а въ самой Хивѣ погибли рѣшительно всѣ молодые телята и ягнята и даже часть новорожденныхъ верблюжатъ

—

Эмбенское укрѣпленіе, куда пришелъ 19-го Декабря несчастный экспедиціонный отрядъ, было построено на правой сторонѣ рѣчки Аты-Якши, не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Эмбу; кругомъ, на далекое разстояніе была плоская равнина. И вотъ, на этой-то равнинѣ, вблизи самаго укрѣпленія, и расположились въ раскинутыхъ джуламейкахъ всѣ четыре колонны. Больныхъ изъ всѣхъ колоннъ тотчасъ же положили въ Эмбенскій госпиталь, устроенный въ теплыхъ и хорошо освѣщаемыхъ землянкахъ изъ воздушнаго кирпича *), и они стали понемногу поправляться. Гарнизонъ жилъ, тоже, въ хорошо устроенныхъ землянкахъ, освѣщаемыхъ сверху, гдѣ горизонтально, наравнѣ почти съ крышею, лежали оконныя рамы. Въ такихъ же точно землянкахъ помѣщались въ укрѣпленіи солдатскія кухни и хлѣбопекарни; пришедшіе солдаты,

---

1839 года, поскольку эти событія касались Хивинцевъ и неудачныхъ дѣйствій ихъ двухъ-тысячнаго коннаго отряда. Обо всемъ этомъ разсказывалъ офицерамъ нѣкто Сергѣй-Ага, бывшій фейерверкеръ, дезертиръ съ Кавказа, очень любимый ханомъ. И. З.

*) Изъ такого воздушнаго кирпича (смѣсь глины, земли и навоза) строятся иногда въ Оренбургской губерніи, за неимѣніемъ лѣса, крестьянскія избы. И. З.

съ особымъ удовольствіемъ, лакомились теперь печенымъ чернымъ хлѣбомъ, котораго не пробовали болѣе мѣсяца... Всѣ нижніе чины всѣхъ четырехъ колоннъ ходили, чередуясь, обѣдать и ужинать на кухни, въ теплыя землянки, и тутъ два раза въ день вполнѣ отогрѣвались. Уцѣлѣвшія лошади и верблюды, тоже, вздохнули здѣсь свободно: такъ какъ сѣна и овса заготовлено было здѣсь въ достаточномъ количествѣ, то лошадямъ стали отпускать по 4 гарнца овса въ день и по 10 фунтовъ сѣна; верблюдамъ, тоже, давали сѣна и бурьяну вдоволь, и они, какъ и лошади же, стали отдыхать и поправляться. Отрядъ простоялъ, такимъ образомъ, въ Эмбенскомъ укрѣпленіи болѣе двухъ недѣль, отдыхая и сбираясь съ силами для дальнѣйшаго похода—впередъ или назадъ, все равно: всѣ сознавали лишь одно, что, не будь на дорогѣ этого теплаго укрѣпленія съ его теплыми землянками, печенымъ хлѣбомъ и горячею пищей, погибъ бы, въ этихъ снѣговыхъ пустыняхъ, весь отрядъ, до послѣдняго человѣка...

Но главнокомандующій отрядомъ, генералъ-адъютантъ Перовскій сознал̆ъ уже и, въ душѣ, рѣшилъ, что экспедиція не достигнетъ намѣченной ею цѣли, что она закончена; что идти впередъ и разсчитывать взять Хиву съ ничтожнымъ остаткомъ отряда немыслимо, что можно лишь и должно идти назадъ.... Къ этому тяжелому рѣшенію генералъ Перовскій пришелъ окончательно вслѣдствіе сдѣланной, по приходѣ уже на Эмбу, рекогносцировки въ сторону Чушка-Кульскаго укрѣпленія. Предполагалось, что чѣмъ дальше къ Югу, тѣмъ снѣгу будетъ меньше; между тѣмъ, оказалось, что снѣгъ въ сторону Чушка-Куля былъ также глубокъ, какъ и на пройденномъ пространствѣ. Это извѣстіе поразило, какъ громомъ, весь отрядъ и болѣе всего, конечно, опечалило генерала Перовскаго: онъ вдругъ сильно затосковалъ, осунулся и исхудалъ въ какіе нибудь два-три дня до неузнаваемости, совсѣмъ перестал̆ъ выходить изъ своей кибитки и не принималъ рѣшительно никого, кромѣ штабсъ-капитана Никифорова.... Въ душѣ генералъ-адъютантъ Перовскій сознавалъ, конечно, что онъ—главный виновникъ того факта, что экспедиція состоялась; что въ гибели нѣсколькихъ тысячъ людей виноватъ все-таки онъ, творецъ экспедиціи и главный руководитель всего этого несчастнаго похода... Онъ это сознавалъ—и вслѣдствіе этого, страшно мучился и страдалъ нравственно... Болѣе всего Перовскаго мучила мысль, что этотъ неудачный походъ и его имя станутъ предметомъ насмѣшекъ всей Европы, что походъ «осрамилъ Россію», что отрядъ деморализованъ, что офицеры и солдаты упали духомъ, что всѣ его проклинаютъ и ненавидятъ... И вотъ, какъ только ему въ голову попали эти несчастныя мысли, въ душѣ его

созрѣло какое-то роковое рѣшеніе: онъ, подъ разными предлогами, перестапъ принимать пищу...

Но промыселъ Божій и тутъ пришелъ на помощь къ изнеможенному духомъ человѣку—въ лицѣ легендарнаго чудо-богатыря, Русскаго солдата. Однажды, поздно вечеромъ, выйдя изъ своей кибитки и проходя джуламейками 4-ой колонны, онъ услышалъ въ одной изъ нихъ разговоръ о настоящемъ положеніи отряда и свое имя... Перовскій невольно остановился и сталъ прислушиваться... Говорилъ кто-то поучительнымъ, докторальнымъ тономъ: очевидно, ундеръ или, быть можетъ, самъ капралъ ..

— Все это не бѣда !(говорилъ голосъ) морозы вотъ стали полегче, булановъ совсѣмъ нѣтъ... кашица горячая есть. А вотъ, плохо: самъ-то онъ, орелъ-то нашъ черноокій, захирѣлъ... вотъ это, братцы, такъ бѣда!..

— Мы, вчерась, узнавали потихоньку (отвѣчалъ, въ-полголоса, другой солдатикъ), отъ пищи, сказываютъ, отсталъ — ни ѣсть, ни пьетъ ничего и никого до себя не допущаетъ...

— Да-а-а, вотъ это бѣда!.. повторилъ опять первый солдатъ, упавшимъ голосомъ, и громко вздохнулъ при этомъ: — «К и *самъ* помретъ пропадутъ, тогда, и наши головушки»!...

Генералъ Перовскій, какъ онъ самъ передавалъ объ этомъ, въ тотъ же вечеръ, штабсъ-капитану Никифорову, набожно перекрестился три раза, и бодрый, веселый, словно помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ, быстро направился въ свою кибитку... Здѣсь, онъ тотчасъ же послалъ за Никифоровымъ... Когда тотъ пришелъ, генералъ сталъ подробно разспрашивать его о положеніи отряда, а главное, о нравственномъ духѣ офицеровъ и солдатъ. Штабсъ-капитанъ Никифоровъ не скрылъ ничего и откровенно доложилъ главноначальствующему, что въ отрядѣ, среди офицеровъ, образовались, собственно, двѣ партіи: одна, во главѣ которой стоитъ генералъ-маіоръ Ціолковскій, доказываетъ необходимость немедленнаго отступленія и срытія укрѣпленій; другая же партія, съ генералъ-маіоромъ Молоствовымъ, напротивъ, указываетъ на то, что отрядъ прошелъ всего лишь одну треть пути, что возвратиться обратно въ Оренбургъ, ни съ чѣмъ, не изслѣдовавъ даже Усть-Урта — «*дѣло будетъ постыдное для Русскаго человѣка*» и останется неизгладимымъ пятномъ въ исторіи походовъ Русскихъ войскъ... «*что нужно испытать все до послѣдней крайности, и если окажется, что идти дальше невозможно, тогда только возвратиться обратно*»....

Генералъ Перовскій крѣпко поцѣловалъ Никифорова и передалъ ему разговоръ солдатъ въ джуламейкѣ 4-ой колонны . Затѣмъ, въ тотъ же вечеръ, былъ составленъ и отданъ по отряду приказъ о сформированіи «отдѣльной колонны,» которая должна была отправиться

къ Чушка-Кульскому укрѣпленію, за 170 верстъ, и, дойдя туда, выслать отъ себя особую рекогносцировочную партію для выбора и изслѣдованія болѣе удобнаго подъема на Усть-Уртъ—и, затѣмъ, ожидать въ укрѣпленіи прибытія главноначальствующаго и дальнѣйшихъ, сообразно обстоятельствамъ, распоряженій. На другой день, весь отрядъ встрепенулся и зашевелился, и загудѣлъ словно сильный рой пчелъ, согрѣтый первыми лучами весенняго теплаго солнца... Честь отряда была спасена; всѣ бѣдствія похода забыты разомъ!...

Къ вечеру того же дня «явился въ отрядъ на поклонъ» родоначальникъ Киргизовъ Назаровцевъ, султанъ Айчуваковъ, съ сотней Кайсаковъ, при нѣсколькихъ стахъ верблюдахъ, которые и были у него тутъ же наняты. Айчуваковъ объявилъ положительно, что дальше идти нельзя, что снѣгъ до Чушка-Куля и даже на самомъ Усть-Уртѣ также глубокъ и даже больше... Но ему не повѣрили и воспретили разглашать это въ отрядѣ...

VIII.

Загадочная болѣзнь генерала Молоствова.—Обострившіяся отношенія генераловъ Перовскаго и Ціолковскаго.—Отказъ Киргизовъ-верблюдовожатыхъ слѣдовать съ отрядомъ.—Разстрѣляніе трехъ Киргизовъ.—Недобрыя вѣсти изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія.—Отправка туда роты и сотни казаковъ.—Нападеніе двухъ тысячъ конныхъ Хивинцевъ.—Барабанщикъ, спасшій отрядъ.—Бой съ Хивинцами.—Отбитіе атакъ.—Отступленіе Хивинцевъ.—Сожженіе нашего плѣннаго солдата.—Награды за это дѣло.

Въ то время, когда формированіе «отдѣльной колонны» *) подвигалось уже къ концу и опредѣленъ былъ день ея выступленія, заболѣлъ, совершенно неожиданно и безпричинно, генералъ-маіоръ Молоствовъ, назначенный начальникомъ этой колонны. Въ отрядѣ стали ходить весьма странные слухи о причинахъ внезапной болѣзни очень любимаго солдатами генерала... къ его болѣзни стали примѣшивать имя генералъ-маіора Ціолковскаго. Но этому тяжкому обвиненію вѣрили лишь немногіе, и оно всего болѣе создано было, повидимому, ненавистью, которую питали въ отрядѣ къ этому ужасному человѣку, чѣмъ дѣйствительною его виною. Извѣстно было лишь одно, что генералъ Молоствовъ заболѣлъ тотчасъ же, какъ только вернулся въ свою кибитку отъ генерала Ціолковскаго, у котораго онъ пилъ кофей.

*) Сдѣсь слѣдуетъ оговориться, въ виду довольно крупнаго разнорѣчія, происшедшаго при опредѣленіи числа колоннъ, вышедшихъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Въ однихъ официальныхъ сообщеніяхъ упоминается *о нѣсколькихъ* колоннахъ, въ другихъ говорится лишь *о двухъ* колоннахъ (генерала Ціолковскаго и полковника Гекке), въ запискахъ же у меня имѣющихся и въ частныхъ письмахъ говорится лишь *объ одной* колоннѣ, и это послѣднее сообщеніе является, повидимому, болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, такъ какъ, разъ мысль идти на Хиву была оставлена, то не было слѣдовательно и надобности высылать изъ Эмбы къ Чушка-Кулю, для изслѣдованія подъема на Усть-Уртъ, *нѣсколько* отрядовъ. *Н. З.*

Отношенія главноначальствующаго къ генералъ маіору Ціолковскому были, въ это время, крайне обострены: уволенный за звѣрское обращеніе съ нижними чинами отъ должности начальника 1-й колонны, Ціолковскій, понятно, питалъ въ душѣ большую злобу противъ генерала Перовскаго; а этотъ, въ свою очередь, узнавъ отъ штабсъ-капитана Никифорова—какую «партію» сформировалъ вокругъ себя въ отрядѣ опальный генералъ, давшій «совѣтъ лукавый» идти въ Хиву зимою, не могъ ,конечно, чувствовать къ нему за все это особой пріязни... Но случилось, однако, такъ, что, когда заболѣлъ Молоствовъ, старшимъ въ отрядѣ, послѣ генералъ-адъютанта Перовскаго, очутился генералъ-маіоръ Ціолковскій, такъ какъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ заболѣлъ еще раньше и ѣхалъ въ возкѣ, отъ самаго урочища Бишъ-Тамакъ, не владѣя простуженными ногами. Согласно принятымъ правиламъ, Ціолковскаго никакъ нельзя было обойти, тѣмъ болѣе теперь, когда, вслѣдствіе неудачъ, главноначальствующій сознавалъ, что его престижъ въ Петербургѣ поколебленъ... И вотъ, скрѣпя сердце и подавляя свое личное неудовольствіе, Перовскій, приказомъ по отряду отъ 9-го Января 1840 г., назначилъ начальникомъ «отдѣльной колонны» Ціолковскаго.

Второе непріятное обстоятельство случилось въ отрядѣ 31-го Декабря, всего за день до выступленія отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія къ Чушка-Кулю. Ночью, нѣсколько десятковъ Киргизовъ, которые должны были идти съ этою колонною, сговорились и ушли тихонько изъ отряда въ степь, въ свои аулы, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ верблюдами. Когда доложено было объ этомъ происшествіи главноначальствующему, онъ велѣлъ собрать всѣхъ верблюдовожатыхъ, самъ вышелъ къ нимъ и объявилъ, чтобы никто изъ нихъ не смѣлъ, впередъ, уходить изъ отряда самовольно, что они наняты по условію на весь походъ, до его окончанія и поэтому не имѣютъ даже права оставлять отрядъ; что они подданные Русскаго Государя и должны послужить ему въ это тяжелое время, а не измѣнять, бросая отрядъ на произволъ судьбы; что если кто-нибудь изъ нихъ позволитъ себѣ самовольно и тайно уйти, то генералъ прикажетъ нагнать ослушниковъ и съ ними будетъ поступлено по законамъ военнаго времени.

Едва переводчикъ успѣлъ передать Киргизамъ слова генерала, какъ они всѣ, въ одинъ голосъ, закричали: «бармасъ! бармасъ!!» т. е. не пойдемъ... и затѣмъ заявили, что у нихъ и безъ того уже пала половина верблюдовъ, а въ дальнѣйшемъ походѣ они всѣ передохнуть, а они, Киргизы, не увѣрены, исполнятъ ли Русскіе свое обѣщаніе заплатятъ ли за павшихъ верблюдовъ. На это генералъ объяснилъ имъ, что согласно условію плата за павшихъ верблюдовъ должна быть

произведена по возвращеніи отряда въ Оренбургъ, а не здѣсь, въ степи, во время неоконченнаго еще похода. Но Киргизы зашумѣли еще громче и заявили окончательно, что дальше съ отрядомъ не пойдутъ. Тогда генералъ Перовскій объявилъ имъ, что если они будутъ упорствовать, то онъ прикажетъ всѣхъ ихъ разстрѣлять... Киргизы нисколько не испугались этой угрозы и заявили прямо, что если ихъ не отпустятъ, то они всѣ уйдутъ изъ отряда самовольно. Генералъ, еще разъ повторилъ имъ: — «Помните, я не шучу; васъ разстрѣляютъ»!..

На это Киргизы спокойно отвѣтили: «пусть разстрѣливаютъ; мы все-таки не пойдемъ!..»

Наступилъ самый тяжелый и рѣшительный моментъ... Кругомъ стояли начальники отдѣльныхъ частей, офицеры, солдаты... Всѣ отлично понимали, что если только Киргизы приведутъ свое намѣреніе въ исполненіе и оставятъ отрядъ, то идти ни впередъ, ни назадъ нельзя уже будетъ: придется всѣмъ жить въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны - то есть до того времени, когда наймутъ въ Оренбургѣ и вышлютъ къ отряду нѣсколько тысячъ новыхъ верблюдовъ.

Генералъ Перовскій приказалъ поставить столбъ, вырыть яму и вызвать впередъ 12 человѣкъ солдатъ съ заряженными ружьями. Черезъ пятнадцать минутъ все было готово... Тогда генералъ, сильно измѣнившись въ лицѣ, спросилъ Киргизовъ еще разъ: —Такъ не пойдете??

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: «не пойдемъ»!...

Такъ какъ у двѣнадцати слишкомъ тысячъ верблюдовъ, нанятыхъ въ Оренбургѣ, было болѣе 1200 верблюдовожатыхъ Киргизовъ, считая на каждыхъ десять верблюдовъ по одному Киргизу, то предъ генераломъ Перовскимъ стояла очень большая масса этихъ номадовъ. Онъ приказалъ вызвать къ столбу ближайшаго къ нему ослушника... Киргизъ пошелъ безъ всякаго сопротивленія: онъ лишь простился, по-киргизски, съ товарищами. Его поставили къ столбу и на-скоро привязали.. Офицеръ скомандовалъ «пли!» —и Киргизъ былъ разстрѣлянъ. Живо разрѣзали веревки. и онъ упалъ въ яму...

— Слѣдующаго! крикнулъ Перовскій.

Повторилась та же исторія съ другимъ Киргизомъ... Едва онъ кувырнулся въ яму, какъ генералъ крикнулъ вновь:

— Слѣдующаго!..

Разстрѣляли и третьяго Киргиза... Едва спустили его въ яму и стрѣлки зарядили вновь ружья, какъ вся тысячная масса Киргизовъ упала на колѣни и закричала: —Алла! Алла!!.. Пойдемъ, бачка́, пойдемъ!

Они, оказалось послѣ, были вполнѣ увѣрены, что генералъ Перовскій не имѣетъ права ихъ разстрѣлять и не можетъ этого сдѣлать;

оттого у нихъ и была такая самоувѣренность и рѣшимость уйти и бросить отрядъ.

Генералъ Перовскій, прекративъ экзекуцію, приказалъ сказать имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится уйти изъ отряда самовольно ночью, то будетъ настигнутъ и разстрѣленъ; а если даже и удастся ему избѣжать погони, то будетъ, все равно, разысканъ въ аулѣ и казненъ въ Оренбургѣ, по возвращеніи отряда изъ похода.

Эта угроза и видъ трехъ разстрѣленныхъ товарищей такъ напугали Киргизовъ, что ни одинъ изъ нихъ, впослѣдствіи не рѣшился самовольно бросить отрядъ — и всѣ дошли съ нимъ до Оренбурга. Тѣмъ не менѣе, въ виду, крупной убыли верблюдовъ, было тогда же послано въ Оренбургъ распоряженіе немедленно нанять или купить у Киргизовъ нѣсколько сотъ свѣжихъ верблюдовъ, которыхъ тотчасъ же и доставить въ Эмбенское укрѣпленіе.

Пока шли эти окончательные сборы «отдѣльной колонны», задерживаемой въ Эмбенскомъ укрѣпленіи такими случайными обстоятельствами, какъ внезапная болѣзнь генерала Молоствова и открытое неповиновеніе верблюдовожатыхъ Киргизовъ, на Эмбу, изъ Чушка-Куля, прибылъ второй нарочный и привезъ печальное извѣстіе, что тамъ, послѣ благополучнаго отбитія приступа Хивинцевъ, пришлось, все-таки, во избѣжаніе внезапнаго вторичнаго штурма, усилить сторожевую и форпостную службу, въ особенности ночью, — и, благодаря этому обстоятельству, а также и отъ дурной воды озера, близъ котораго возведено было Чушка-Кульское укрѣпленіе, тамъ появилась такая масса больныхъ дизентеріей, скорбутомъ и цынгою, что ихъ положительно некуда было помѣщать... Тотчасъ же, по распоряженію главноначальствующаго, была снаряжена рота пѣхоты численностью въ 140 человѣкъ, на саняхъ, запряженыхъ верблюдами, съ сотнею казаковъ, изъ коихъ только 40 были верхами, подъ начальствомъ ротнаго командира поручика Ерофеева, которому поручено было идти въ Чушка-Куль какъ можно скорѣе, забрать оттуда всѣхъ больныхъ и привезти ихъ на Эмбу. Къ отряду прибавлено было 230 верблюдовъ съ овсомъ, сухарями, крупою и прочими запасами.

Отрядъ этотъ, идя форсированнымъ маршемъ прошелъ, почти уже весь путь благополучно; но однажды, около полудня, всего въ 20-ти верстахъ отъ Акъ-Булака, его застигъ страшнѣйшій буранъ, свойственный лишь здѣшнимъ необозримымъ степямъ, когда, среди бѣлаго дня, не видно бываетъ свѣту Божьяго... Идти въ такую непроглядную мятель не было никакой возможности и отрядикъ этотъ рѣшилъ остановиться не надолго, чтобы переждать вьюгу. Мѣста, конечно не выбирали для остановки—какъ это дѣлалось въ обыкновенное время,

когда намѣчается мѣсто болѣе или менѣе безопасное отъ внезапнаго нападенія,—а гдѣ застигъ буранъ, тутъ и задумали остановиться. При этомъ, не приняли еще и никакихъ мѣръ предосторожности: не выставили передовыхъ постовъ, не заняли находившуюся вблизи возвышенность, даже ружья у козаковъ находились въ чахлахъ, а у солдатъ были затюкованы въ возахъ, и каждый заботился лишь объ одномъ: какъ бы укрыться отъ вьюги и потеплѣе устроиться, что, однако, было не легко, такъ какъ отрядъ этотъ, въ виду спѣшности дѣла и небольшаго разстоянія, которое предстояло пройти—всего 170 верстъ—не взялъ съ собою джуламеекъ.

И вотъ, едва только поуспокоились въ отрядѣ и прикурнули, какъ съ лѣвой стороны, изъ-за пригорка, выскакала громадная конная партія Хивинцевъ и съ дикимъ гиканьемъ и крикомъ «алла», бросилась на отрядъ. Передніе всадники были вооружены пиками, остальные шашками, и лишь у очень немногихъ виднѣлись за спинами длинные карабины, изъ которыхъ Хивинцы стрѣляютъ не иначе, какъ установивъ ихъ на особыя подставки.

Къ великому счастію для атакованныхъ, число которыхъ вмѣстѣ съ офицерами было не болѣе 250 человѣкъ, на самомъ краю бивуака, обращеннаго къ пригорку, находился ротный барабанщикъ, который, увидѣвъ несущихся Туркменъ, живо выхватилъ свои палки и ударилъ тревогу. Эта находчивость не растерявшагося молодца-барабанщика и спасла маленькій отрядъ отъ неминуемой гибели и смерти: едва только лошади Хивинцевъ подскакивали къ отряду, какъ, заслышавъ трескъ невѣдомаго имъ дотолѣ инструмента, быстро, на всемъ скаку, сворачивали въ бокъ, или же взвивались отъ страха на дыбы, сбрасывая съ себя всадниковъ... Все это произошло въ какія нибудь двѣ, много три минуты .. А тѣмъ временемъ, казаки, опомнились, выхватили изъ чахловъ ружья и дали залпъ, а пѣхота живо достала ихъ изъ тюковъ и стала заряжать... Хивинцы круто повернули своихъ лихихъ коней и понеслись назадъ, отбивъ, однако, отъ отряда 30 верблюдовъ, шедшихъ съ запасами и продовольствіемъ, которые были немного въ сторонѣ; этихъ верблюдовъ никто не защищалъ, такъ какъ при нихъ, въ это время, былъ всего одинъ солдатъ и нѣсколько Киргизовъ; Киргизы разбѣжались и попадали отъ страха въ снѣгъ, а солдатика Туркмены захватили волосянымъ арканомъ и поволокли за собою... Они остановились отъ отряда не болѣе какъ на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, на томъ самомъ бугрѣ, изъ за котораго выскочили, и стали дѣлить добычу. Затѣмъ принялись за ѣду, съ большимъ, повидимому, аппетитомъ, такъ какъ ѣли очень долго, съ полчаса по крайней

мѣрѣ *). А въ это время, въ нашемъ отрядѣ, бывшемъ почти въ десять разъ меньше Хивинскаго, шли лихорадочныя приготовленія къ оборонѣ: изъ оставшихся тюковъ, кулей и саней устраивалось каре, дѣлался снѣговой брустверъ, заряжались ружья, и пр.; а Хивинцы, сидя на бугрѣ, преспокойно ѣли наши сухари и не особенно торопились окончить свой неожиданный обѣдъ, такъ какъ были вполнѣ увѣрены, что отрядъ на верблюдахъ никуда не можетъ уйти и, по своей малочисленности, будетъ неминуемо истребленъ, или забранъ живьемъ въ плѣнъ... Участники зимняго похода въ Хиву, передавая мнѣ объ этомъ дѣлѣ, добавляли, что, не будь Хивинцы такъ голодны, или будь вмѣсто нихъ другой Азіятскій народъ, наприм. Афганцы или Текинцы,—нашъ маленькій отрядъ погибъ бы весь до послѣдняго человѣка, или всѣхъ увели бы въ Хиву живьемъ: оказалось, что, во время перваго нападенія, ружья заряжены были только у однихъ казаковъ, а въ пѣхотѣ они не только не были заряжены, но лежали затюченыя (т. е. уложенныя) въ саняхъ, да еще спрятанныя въ чахлы.

Когда Хивинцы покончили съ ѣдой, то почувствовали себя гораздо бодрѣе и воинственнѣе: они сѣли на коней, сбились въ одну большую партію и съ криками «алла!» бросились на отрядъ, разсчитывая, очевидно, растоптать его своею массою... Но вышло иначе: Хивинцевъ подпустили на ружейный выстрѣлъ и дали по нимъ одинъ залпъ, потомъ другой... Ружья клались на тюки, стрѣляли почти навѣрняка, въ громадную плотную массу, въ двѣ почти тысячи коней и всадниковъ; знали наконецъ, что отъ удачи выстрѣловъ зависитъ жизнь и смерть атакованной горсти людей... Къ счастью, буранъ въ это время сталъ стихать и не мѣшалъ цѣлиться...

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то увидѣли, что на снѣгу лежатъ нѣсколько Хивинцевъ и барахтаются раненныя лошади, а всѣ уцѣлѣвшіе всадники мчатся назадъ, на бугоръ.... Тамъ они остановились и начали о чемъ-то толковать между собою; при этомъ, такъ громко спорили и кричали, что въ нашемъ отрядѣ хорошо слышенъ былъ ихъ крикъ... Наконецъ, крики стихли, Хивинцы раздѣлились на двѣ части и стали обскакивать отрядъ съ двухъ сторонъ, расчитывая,

---

*) Въ 1842 году, наши офицеры слышали въ Хивѣ, отъ нашихъ же перебѣжчиковъ, что Хивинцы, т. е. Туркмены-Іомуды, напавшіе на отрядъ поручика Ерофеева, были дѣйствительно очень голодны, такъ какъ взятые ими въ дорогу *крутъ* и *чуреки* совсѣмъ были на исходѣ и потреблялись всадниками въ самыхъ гомеопатическихъ дозахъ. Крутъ—это сыръ, приготовляемый изъ бараньяго молока, небольшими кусочками; его растираютъ въ водѣ, дѣлаютъ довольно густую смѣсь и этимъ утоляютъ голодъ. Чурекъ—это круглая лепешка, испеченная въ золѣ изъ прѣснаго тѣста, приготовленнаго изъ пшеничной муки. И. З.

что наши солдаты, разбившись пополамъ, не въ силахъ будутъ противустоять двумъ коннымъ отрядамъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, атакующимъ одновременно... Но и тутъ Хивинцы ошиблись въ своихъ разсчетахъ: каре защищалось со всѣхъ четырехъ сторонъ, а солдаты и казаки стрѣляли очень ловко и мѣтко, укладывая ружья, по прежнему, на тюки и на кули съ продовольствіемъ... Эта третья атака была столь же неудачна, а Хивинцы поплатились за свою дерзость еще болѣе: на снѣгу лежало ихъ около тридцати человѣкъ, и еще болѣе было убитыхъ и раненыхъ лошадей; а многія лошади, очевидно раненыя же, носились по степи однѣ, безъ всадниковъ...

Вновь, вся эта туча безпорядочной конницы взъѣхала на возвышенность, вновь поднялся страшнѣйшій крикъ и шумъ... Наконецъ, Хивинцы пришли, должно быть, къ такому выводу: всѣ ихъ атаки не удались потому, что онѣ были конныя, что лошади пугаются выстрѣловъ и страшнаго барабанщика; а если, напротивъ, атака будетъ пѣшая, то она удастся навѣрняка, такъ какъ численность атакующихъ почти въ десять разъ болѣе нашего отряда. Для этой цѣли, половина отряда спѣшилась и отдала своихъ коней другой половинѣ всадниковъ; а чтобы защитить себя отъ мѣткихъ Русскихъ пуль, спѣшенные Хивинцы тихо погнали передъ собой только что отбитыхъ у насъ верблюдовъ, а за ними подвигались и сами. Изъ оставшагося же коннаго отряда, выдѣлилась партія человѣкъ въ двѣсти, съ пиками въ рукахъ, разсчитывая нагонять и прикалывать разбитаго и, затѣмъ, бѣгущаго непріятеля — то-есть, нашихъ солдатиковъ...

Эту атакующую колонну отрядъ рискнулъ подпустить къ каре, какъ пѣшую, ближе, чѣмъ въ предъидущія двѣ атаки, и когда Хивинцы были не болѣе какъ въ двухъ-стахъ шагахъ, по нимъ открыть убійственный батальный огонь всѣмъ отрядомъ, такъ что стрѣляли даже и офицеры... Въ отрядѣ, ободрившемся вслѣдствіе только что отбитыхъ двухъ атакъ, явилась уже крѣпкая увѣренность въ своей силѣ и такая смѣлость, что на счетъ нападавшихъ Туркменъ сыпались, со стороны солдатъ, шутки и остроты...

Когда батальный огонь немного перервался вслѣдствіе заряженія ружей, то глазамъ атакованныхъ представилась такая картина: штукъ двадцать верблюдовъ лежали въ снѣгу убитыми или издыхающими, а остальные, будучи ранены, разбѣжались во всѣ стороны... Положеніе Хивинцевъ, на этотъ разъ, явилось несравненно худшимъ, чѣмъ въ первыя атаки: они очутились къ отряду гораздо ближе и, вдабавокъ, пѣшіе... Раздался залпъ, и Хивинцы дрогнули и побѣжали... а такъ какъ бѣжали они плотною, тысячною толпою, въ безпорядочно-сомкнутомъ строѣ, то посылаемыя имъ въ догонку пули производили по-

рядочное опустошеніе... Съ громкими воплями понеслась, наконецъ, эта куча людей, насколько можно было быстро, стараясь убѣжать изъ подъ выстрѣловъ и укрыться за пригорокъ...

А въ Русскомъ маленькомъ отрядѣ, въ это время, поручикъ Ерофеевъ скомандовалъ: «на молитву!» Всѣ обнажили головы и принесли горячее благодареніе Богу за избавленіе отъ лютой смерти...

Время подходило къ вечеру, и вскорѣ наступили сумерки. Хивинцы совсѣмъ скрылись за вызвышенностью, и не было видно ни одного изъ нихъ. Тогда часть отряда осталась на флангахъ каре, для наблюденія за непріятелемъ, а остальные принялись за варку пищи. Наконецъ, совсѣмъ стемнѣло. Внутри каре ярко пылали костры, а у огней расположились солдаты и казаки; всѣ хлопотали о горячемъ ужинѣ, шелъ громкій и веселый говоръ о только что прекратившемся боѣ... Вдругъ, со стороны непріятеля раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и четвертый... И только одинъ не попалъ въ цѣль: остальными тремя выстрѣлами былъ убитъ одинъ казакъ на повалъ, а двое тяжело ранены... Поручикъ Ерофеевъ, прежде всего, приказалъ затушить всѣ огни, что̀ и было немедленно исполнено: костры живо закидали снѣгомъ... Затѣмъ, стали обдумывать и соображать—откуда могли быть эти выстрѣлы?.. Ночь была хотя не свѣтлая, но безъ тучъ и звѣздная; стали всматриваться въ окружающую мѣстность, и вотъ, въ полутьмѣ, зоркій глазъ одного казачьяго урядника замѣтилъ, шагахъ не болѣе во ста отъ каре, что снѣгъ въ одномъ мѣстѣ былъ взрытъ кругомъ и что изъ него устроено было нѣчто въ родѣ бруствера, за которымъ, несомнѣнно, и скрывались Хивинцы, стрѣлявшіе на огонь въ людей, хорошо освѣщаемыхъ кострами; отъ того-то и выстрѣлы ихъ были такъ удачны. Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ охотниковъ, желающихъ выбить Хивинцевъ изъ ихъ засады; сейчасъ же явилось десять человѣкъ солдатъ и одинъ унт.-офицеръ, которые, моментально, и бросились на завалъ, такъ что Туркменскіе стрѣлки, ничего подобнаго не ожидавшіе, обмерли отъ изумленія и страха, когда наши молодцы, съ крикомъ «ура», вскочили на ихъ импровизованный снѣжный брустверъ... Нѣсколько Хивинцевъ бросились на утекъ, трехъ солдаты тутъ же закололи, а четвертаго захватили живьемъ и привели въ отрядъ; поручикъ Ерофеевъ хотѣлъ оставить его «для языка», т. е. допросить обо всемъ, что̀ ему могло быть извѣстно; но подбѣжавшіе казаки, товарищи убитаго ихъ станичника, такъ разсвирѣпѣли, что тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, приняли плѣннаго Туркмена въ шашки и въ нѣсколько секундъ изрубили его...

Наступившая, затѣмъ, ночь прошла для отряда въ крайне-тревожномъ состояніи, такъ что никто не могъ сомкнуть глазъ: всѣ, ежеми-

нутно, ожидали нападенія, зная, что Азіяты любятъ дѣлать атаки ночью, когда, въ потьмахъ, не можетъ быть правильной по нимъ стрѣльбы. Вздохнули свободно лишь тогда, какъ стало разсвѣтать; тогда увидѣли, что Хивинцы сѣли на коней, постояли немного въ виду отряда и, затѣмъ, спустились съ возвышенности и скрылись за нею вовсе; они не рѣшились даже подобрать трехъ своихъ товарищей, заколотыхъ съ вечера, на снѣговомъ завалѣ, а также и тѣхъ убитыхъ, которые пали во время атакъ. Въ недоумѣніи, отрядъ простоялъ такъ, ничего не предпринимая, часа два... Наконецъ, приказано было всѣмъ казакамъ сѣсть на коней и въѣхать на пригорокъ, чтобы посмотрѣть, по какому направленію поѣхали Хивинцы? не на Эмбу ли?... Оказалось, что они пошли обходнымъ движеніемъ, на Хиву... Болѣе этотъ конный отрядъ Туркменъ-Іомудъ не имѣлъ уже нигдѣ и никакихъ стычекъ съ нашими войсками и всѣ ихъ дѣйствія, слѣдовательно, ограничились лишь неудачной атакой Чушка-Кульскаго укрѣпленія и столь же неудачнымъ нападеніемъ на отрядъ поручика Ерофеева. О послѣдующей судьбѣ этого Хивинскаго воинства было сказано выше: третья лишь часть ихъ вернулась на родину; остальные погибли отъ голода и морозовъ... Нашего плѣннаго солдата эти звѣри, какъ оказалось при осмотрѣ оставленной ими стоянки, сожгли, на медленномъ огнѣ, живаго... Всего, отрядъ нашъ потерялъ убитыми 5 человѣкъ и раненными 13-ть.

Отрядъ поручика Ерофеева пошелъ въ тотъ же день, дальше, къ цѣли своего назначенія и вскорѣ же онъ наткнулся на разрубленнаго пополамъ и врытаго въ снѣгъ Киргиза, везшаго почту въ Чушка-Куль и выѣхавшаго изъ Эмбы всего двумя днями ранѣе, чѣмъ отрядъ Ерофеева. Это былъ подвигъ только что отступившаго Хивинскаго отряда...

Поручикъ Ерофеевъ вызвалъ послѣ боя двухъ охотниковъ-казаковъ на сытыхъ и быстрыхъ лошадяхъ, чтобы отправить къ генералу Перовскому на Эмбу подробное донесеніе о только-что происшедшемъ славномъ для насъ дѣлѣ, а также и предупредить генерала на тотъ случай, если Хивинцы измѣнятъ направленіе и пойдутъ на Эмбу. Посланные казаки добрались до укрѣпленія благополучно и передали донесеніе. Главноначальствующій остался чрезвычайно доволенъ этимъ, по истинѣ, блестящимъ дѣломъ, въ которомъ на одного Русскаго солдата приходилось десять Хивинцевъ. Онъ собственноручно навѣсилъ смѣлымъ вѣстовщикамъ по Георгіевскому кресту; тотъ же солдатскій «Егорій» онъ далъ молодцу барабанщику и всѣмъ одиннадцати охотникамъ, участвовавшимъ въ ночной вылазкѣ, а унтеръ-офицера представилъ еще и къ чину прапорщика. Поручикъ Ерофеевъ получилъ Владимира 4-ой степени съ бантомъ (тогда мечей на крестахъ еще не было) и

былъ, кромѣ того, представленъ къ слѣдующему чину. Эти представленія къ чинамъ на высочайшее имя были не болѣе какъ особою деликантностью или, скорѣе, скромностью со стороны генералъ-адъютанта Перовскаго: ему, по должности командира отдѣльнаго корпуса и по званію главноначальствующаго экспедиціоннымъ отрядомъ, были высочайше предоставлены всѣ права и прерогативы главнокомандующаго, такъ что онъ могъ собственною властью награждать отличившихся чинами, до маіора включительно. Но генералъ Перовскій въ зимній походъ 1839 года ни разу не воспользовался этимъ правомъ жаловать чины—по той причинѣ, что отрядъ не вступилъ въ Хивинскіе предѣлы и никакихъ собственно серьезныхъ сраженій съ войсками хана Алла-Кула не было.

IX.

Выступленіе изъ Эмбы отдѣльной колонны.—Первое донесеніе о походѣ въ Петербургъ.—Трудности новаго пути на Чушка-Куль.—Начавшаяся смертность верблюдовъ.—Польская спѣсь Ціолковскаго и его новыя жестокости.—Бѣдствія офицеровъ въ колоннѣ.—Дороговизна у маркитанта Зайчикова.—Какъ онъ нажился и чѣмъ занимался до похода.

Спустя нѣсколько дней по выступленіи изъ Эмбы маленькаго отряда поручика Ерофеева, выступила въ походъ и «отдѣльная колонна» подъ начальствомъ генералъ-маіора Ціолковскаго, въ составѣ двухъ линейныхъ баталіоновъ и одного полка казаковъ при 4-хъ тысячахъ верблюдовъ Весь остальной отрядъ съ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ остался въ Эмбенскомъ укрѣпленіи. Отсюда, проводивъ колонну и успокоившись немного духомъ, главноначальствующій поручилъ штабсъ-капитану Никифорову составить подробное донесеніе въ Петербургъ о происшедшихъ событіяхъ. Въ томъ же донесеніи излагалась и программа будущихъ дѣйствій экспедиціоннаго отряда. По словамъ генерала Перовскаго, посланная имъ отдѣльная колонна, дойдя до Чушка-Куля и выбравъ подъемъ на Усть-Уртъ, должна была немедленно дать знать объ этомъ въ Эмбенское укрѣпленіе, откуда, достаточно уже отдохнувъ и оправившись отъ болѣзней, выступятъ къ Чушка-Кулю всѣ, оставшіяся въ живыхъ, наличныя силы отряда и, соединившись тамъ съ первою колонной и находившимся ранѣе гарнизономъ, двинутся однимъ общимъ отрядомъ далѣе на Хиву. Въ случаѣ же неудачи, то-есть при неудобствѣ, по случаю зимы, подъема на Усть-Уртъ, или при наличности на самомъ Усть-Уртѣ такого же глубокаго снѣга, всѣ должны были возвратиться обратно на Эмбу, провести тутъ остатокъ зимы, пополнить людьми изъ Оренбурга составъ отряда, возобновить всѣ продовольственные запасы, нанять

новыхъ верблюдовъ и, раннею весною, идти все-таки въ Хиву. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ....

Выступленіе отдѣльной колонны изъ Эмбенскаго укрѣпленія совершилось въ большомъ безпорядкѣ или, вѣрнѣе, въ томъ «порядкѣ,» какой существовалъ въ первой колоннѣ генералъ-маіора Ціолковскаго, во все время отъ Оренбурга до Эмбы. Люди, измученные съ вечера разными приготовленіями и походными сборами, не успѣли, какъ слѣдуетъ, выспаться; подняли ихъ ночью въ 2 часа, а въ 5-ть, т. е. въ совершенной темнотѣ, колонна выступала уже изъ укрѣпленія... Такіе ночные марши очень хороши лѣтомъ; а тутъ они дали печальные результаты. Въ первый день колонна могла пройдти всего 9 верстъ: не выспавшіеся люди и верблюды, пройдя въ потьмахъ, до разсвѣта, по глубокому снѣгу, болѣе двухъ часовъ, измучились преждевременно, такъ что въ 12 часовъ дня колонна не могла уже идти далѣе и должна была остановиться.... Снѣгъ за Эмбою оказался еще глубже, а его ледяная кора отъ морозовъ, бывшихъ постоянно болѣе 20°, еще толще... На первомъ же переходѣ, послѣ пройденныхъ лишь 9-ти верстъ, пришлось оставить 10 верблюдовъ... Снѣгъ, покрытый ледяною корой, не выдерживалъ верблюдовъ, и они ежеминутно скользили или падали; а потому, для протоптанія дороги, посланъ былъ впередъ казачій полкъ, раздѣленный на ряды; но чрезъ нѣсколько часовъ, переднія лошади стали сбивать себѣ щиколотки до крови, и ихъ пришлось замѣнять задними лошадьми; за ними, растянувшись «нитками» же, шли верблюды, и такимъ порядкомъ подвигалась эта колонна впередъ... Вскорѣ, отъ безкормицы верблюды до того обезсилили, что если, случалось, какой нибудь изъ нихъ не попадалъ ногою въ лошадиную тропу, то проваливался въ снѣгъ и тотчасъ же падалъ, и поднять его на ноги не было уже никакой возможности, такъ что этотъ верблюдъ бросался совсѣмъ на произволъ судьбы; шедшіе въ аріергардѣ на раненыхъ лошадяхъ казаки развьючивали такого верблюда, а продовольственные запасы разбирали—какъ они дѣлали это и во время похода до Эмбы—по своимъ саквамъ... Затѣмъ, несчастные верблюды стали падать все болѣе и болѣе, такъ что оставались на мѣстахъ ночлеговъ цѣлыми десятками... Вновь заговорили въ колоннѣ объ отравленіи верблюдовъ, по ночамъ, деньщикомъ генерала Ціолковскаго Сувчинскимъ...

Это тяжкое обвиненіе порождалось всего болѣе самимъ же начальникомъ колонны, т. е. тѣми неправильными отношеніями, въ которыя онъ поставилъ себя, на первыхъ же дняхъ похода, къ офицерамъ и солдатамъ. На первомъ же переходѣ генералъ Ціолковскій приказалъ измѣнить даже внѣшній порядокъ разстановки джуламеекъ: свою кибитку онъ приказалъ ставить не только выше всѣхъ прочихъ киби-

токъ, но много выше бывшей кибитки Перовскаго, въ самомъ центрѣ каре, съ длиннымъ флагштокомъ, на которомъ укрѣплялся особый значекъ съ Польскими національными цвѣтами и гербомъ. Рядомъ съ его кибиткой поставили было походную кибитку оберъ-квартирмейстера, но Ціолковскій приказалъ поставить ее позади, а взамѣнъ ея—походную кибитку-буфетъ, въ которую и приглашалъ, изрѣдка, штабъ-офицеровъ... Словомъ, Польская спѣсь и тутъ выступила наружу при первомъ же удобномъ случаѣ.

Затѣмъ, Ціолковскій установилъ такую систему шпіонства въ колоннѣ, что офицеры могли говорить откровенно между собою развѣ только шопотомъ... Должность оберъ-шпіона занялъ унтеръ офицеръ изъ ссыльныхъ Поляковъ Антоній Завадзкій, уроженецъ Виленской губерніи, называвшій себя «юнкеромъ» и вкравшійся въ полное довѣріе офицеровъ. Этотъ Завадзкій, равно какъ и 17 человѣкъ другихъ Поляковъ, состоявшихъ въ колоннѣ большею частію въ унтеръ-офицерскомъ же званіи *), были постоянными гостями генерала Ціолковскаго, обѣдали у него, ужинали, пили чай; иногда, въ видѣ особой милости, генералъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ кого-нибудь изъ штабныхъ офицеровъ, или штабъ-офицеровъ, командировъ баталіоновъ, которые и попадали, такимъ образомъ, въ довольно своеобразное общество, говорившее, къ тому же, исключительно на Польскомъ языкѣ. Генералъ Ціолковскій, боявшійся, ранѣе, злаго языка прямодушнаго штабсъ-капитана Никифорова, теперь уже не стѣснялся никѣмъ и ничѣмъ: онъ позволялъ себѣ на этихъ обѣдахъ открыто порицать дѣйствія главноначальствующаго, обвиняя генералъ-адъютанта Перовскаго «въ необдуманности похода»; онъ прямо высказывалъ мысль, что генералъ Перовскій не нынче-завтра долженъ-де быть уволенъ и отозванъ въ Петербургъ и что, по всей вѣроятности, онъ самъ догадается вернуться изъ Эмбенскаго укрѣпленія обратно въ Оренбургъ... что онъ, генералъ Ціолковскій, въ качествѣ старшаго генерала въ отрядѣ, долженъ будетъ принять главную команду—и постарается тогда взять Хиву... При этомъ, онъ не разъ успокоивалъ обѣдавшихъ съ нимъ Поляковъ унтеръ-офицеровъ, что всѣ они, за походъ, будутъ непремѣнно произведены въ офицеры. Такъ какъ эти и многія другія рѣчи начальника колонны сильно отдавали обычною Польскою болѣзнью, политическимъ хвастовствомъ, то приглашаемые штабные стали, подъ разными предлогами, уклоняться отъ званыхъ

*) Всѣ эти господа, произведенные въ унтеръ-офицеры Ціолковскимъ, попали въ Оренбургскіе линейные баталіоны послѣ мятежа 1831 года, изъ Польскихъ войскъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ состояли офицерами—и затѣмъ, были разжалованы и разосланы частію на Кавказъ, частію въ Оренбургъ. И. З.

обѣдовъ въ штабной кибиткѣ; затѣмъ, пересталъ ихъ приглашать и самъ генералъ Ціолковскій.

Къ солдатамъ начальникъ колонны поставилъ себя въ отношенія еще болѣе худшія: точно онъ мстилъ имъ за то, что они, нѣсколько недѣль назадъ, когда онъ былъ уволенъ отъ должности начальника 1-й колонны, открыто радовались его увольненію. И вотъ, теперь, на остановкахъ отряда, передъ обѣденною порою, когда люди приходили измученные и обезсиленные, генералъ Ціолковскій садился на лошадь (ѣхалъ онъ, дорогою, въ саняхъ) и спокойно начиналъ объѣздъ колонны. Его сопровождали при этомъ нѣсколько казаковъ, верхами же, съ нагайками. Рѣдкій день обходился безъ того, чтобы наказано было, и притомъ жестоко, менѣе 25-ти человѣкъ, а иногда число наказанныхъ доходило до 50 человѣкъ; достаточно было малѣйшаго повода (ружье, не поставленное въ козлы, а прислоненное къ тюку, оторванная на шинели пуговица, лошадь не въ путахъ, поставленная косо джуламейка, и т. под.), чтобы началось истязаніе несчастныхъ солдатъ... Казаковъ генералъ наказывалъ рѣже, солдатъ изъ Поляковъ, т. е. простыхъ, рядовыхъ солдатъ, никогда. Оканчивались эти истязанія, обыкновенно, въ кибиткѣ-буфетѣ, гдѣ генералъ, послѣ каждаго обѣда, наказывалъ своего крѣпостнаго повара, который впослѣдствіи, нѣсколько уже лѣтъ спустя, жестоко отомстилъ своему мучителю.

—

Офицеры этой колонны бѣдствовали также сильно, какъ и во время марша до Эмбы. Большинство строевыхъ офицеровъ въ Оренбургскихъ линейныхъ батальонахъ были люди очень небогатые, жившіе тѣмъ скромнымъ жалованьемъ, которое они получали. Въ тѣ годы не было ни «столовыхъ», ни «добавочныхъ», ни «наградныхъ», а было лишь одно жалованье, получаемое по третямъ, то-есть три раза въ годъ: прапорщикъ, напр., получалъ 18 р. съ копейками въ мѣсяцъ, капитанъ не много болѣе 35-ти... На такое-то жалованье надо было существовать въ безлюдной, снѣжной пустынѣ, продовольствуясь всѣмъ у маркитанта и платя за все самыя невѣроятныя цѣны. Маркитантомъ отряда былъ купецъ Михаилъ Зайчиковъ *), и вотъ какія бралъ онъ

*) Этотъ самый купецъ Зайчиковъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, былъ судимъ въ Оренбургской Уголовной Палатѣ за продажу Русскихъ мущинъ и женщинъ въ неволю въ Хиву. Дѣлалось это такъ: Зайчиковъ имѣлъ въ разныхъ мѣстностяхъ Оренбургскаго края и нынѣшней Уральской области нѣсколько тысячъ десятинъ земли и занимался хлѣбопашествомъ. Во время жнитва, прикащики Зайчикова, каждый разъ все разные, ѣздили въ Бузулукскій и Николаевскій уѣзды Самарской губерніи и по окраинамъ Оренбургскаго уѣзда и нанимали людей, давая имъ хорошія цѣны и выдавая крупные задатки; затѣмъ, людей этихъ заставляли жать хлѣбъ, укладывая на ночь спать въ

съ офицеровъ деньги: фунтъ баранокъ, стоившій въ Оренбургѣ три копейки, Зайчиковъ продавалъ по 50 коп., четвертка Жукова табаку, вмѣсто 15 к., продавалась по рублю; бутылка водки стоила рубль и 1 р. 50 коп. ассигнаціями, а въ городѣ она стоила тогда 35 коп. асс. или 10 к. на серебро. Когда офицеры окончательно истратились, то Зайчиковъ, съ разрѣшенія генералъ-адъютанта Перовскаго, которымъ онъ заручился еще на Эмбѣ, сталъ отпускать всѣ припасы для офицеровъ въ кредитъ, и такимъ образомъ, пріобрѣлъ, за время похода, большія деньги, да еще былъ награжденъ, потомъ, золотою медалью на шею, съ надписью «за усердіе»...

X.

Неожиданное прибытіе Перовскаго и принятіе начальства надъ колонною.—Прекращеніе жестокостей и Польскихъ сходбищъ.—Окончательная гибель верблюдовъ.—Всеобщее уныніе.—Прибытіе въ Чушка-Куль.—Празднованіе „побѣды" у Хивинцевъ.

На восьмой день похода отдѣльной колонны, рано утромъ, аріергардные козаки увидѣли, что по дорогѣ изъ Эмбенскаго укрѣпленія, по направленію къ отряду, быстро подвигается какая-то длинная черная полоска... Одинъ изъ казаковъ поскакалъ впередъ, нагналъ отрядъ и доложилъ объ этой полоскѣ начальнику колонны генералъ-маіору Ціолковскому, сладко спавшему въ это время въ своемъ дорожномъ возкѣ... Тотъ вначалѣ разсердился было, но потомъ приказалъ остановить колонну, вышелъ изъ возка и велѣлъ подать себѣ подзорную трубу. Но какъ ни старались найдти на горизонтѣ и разсмотрѣть движущійся предметъ, это не удалось, такъ какъ отрядъ только что спустился передъ этимъ съ невысокой, но довольно обширной возвышенности. Въ это время, изъ аріергарда прискакалъ второй казакъ съ извѣстіемъ, что черная, быстро движущаяся полоска представляетъ собою

отдѣльные сараи. Въ одну изъ ночей, Киргизы, по заранѣе условленному плану, окружали со всѣхъ сторонъ сарай, связывали плѣннымъ руки и гнали ихъ передъ собою, какъ скотъ, въ Хиву, для продажи... Прикащики хутора оказывались, тоже, связанными по рукамъ и ногамъ, и все дѣло сваливали на хищниковъ-Киргизовъ. По рѣшенію палаты, купецъ Зайчиковъ и его главный прикащикъ Филатовъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ; главными обвинителями выступили противу нихъ многіе изъ плѣнныхъ, вернувшихся лѣтомъ 1840 г., изъ Хивы въ Оренбургъ. Затѣмъ, Зайчиковъ, слѣдуя въ Сибирь, обмѣнялся именемъ съ обыкновеннымъ ссыльнымъ, приговореннымъ лишь на житье въ Сибирь, на извѣстное количество лѣтъ и, отживъ этотъ срокъ, вернулся, подъ своимъ уже новымъ именемъ, въ Оренбургъ... Совѣсть не давала ему покоя: онъ выстроилъ храмъ, богадѣльню и занялся вообще дѣлами благотворительности... Но это не спасло его ни отъ народной ненависти при жизни, ни отъ всеобщихъ проклятій послѣ смерти. О богатствѣ этого Зайчикова, такъ неправедно нажитомъ, ходятъ въ Оренбургѣ и понынѣ легенды.

дорожный возокъ, запряженный тройкою лошадей, гуськомъ... Генералъ Ціолковскій не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, обратился къ стоявшему рядомъ съ нимъ командиру казачьяго полка и сталъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать... Въ это время на возвышенности показался возокъ и сталъ быстро спускаться подъ гору. Еще десять минутъ, и экипажъ въѣхалъ въ середину колонны, остановился, и изъ него вышелъ главноначальствующій отрядомъ В. А. Перовскій, въ сопровожденіи штабсъ-капитана Никифорова... Сухо поздоровавшись съ Ціолковскимъ и ни о чемъ его не спрашивая, Перовскій сталъ обходить колонну и здоровался съ каждою ротой и сотней отдѣльно. Измученные люди подбодрились и весело его привѣтствовали. Затѣмъ, въ отрядѣ узнали, что главноначальствующій, отправивъ въ Петербургъ всѣ нужныя донесенія, а въ Оренбургъ распоряженія, выѣхалъ, всего два дня назадъ, изъ Эмбенскаго укрѣпленія, на тройкѣ артилерійскихъ лошадей, въ сопровожденіи десятка Оренбургскихъ казаковъ о дву-конь, съ небольшимъ запасомъ сѣна, овса и провизіи; по дорогѣ счастливо избѣжалъ всякихъ опасностей, а верстахъ въ 20-ти отъ колонны бросилъ свой эскортъ и уѣхалъ впередъ одинъ, желая нагнать отрядъ какъ можно скорѣе.

Со дня прибытія къ колоннѣ главноначальствующаго, тотчасъ же измѣнились всѣ порядки походнаго движенія, прекратилось безполезное жестокое обращеніе съ несчастными солдатами, кибитка генерала Ціолковскаго опустилась значительно ниже, сходбища ссыльныхъ Поляковъ въ штабномъ буфетѣ-кибиткѣ оборвались сразу... Въ тотъ же день вечеромъ, на ночлегѣ, генералъ-адъютантъ Перовскій потребовалъ къ себѣ начальника колонны и около получасу говорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ. Бесѣда ихъ осталась тайной: о ней Перовскій не сказалъ ничего даже Никифорову. Офицерамъ колонны стало лишь извѣстно, на другой день, изъ отданнаго приказа, что главноначальствующій пожелалъ самъ вступить въ командованіе колонной; да потомъ, шепотомъ, офицеры передавали другъ другу со словъ часовыхъ у кибитки главноначальствующаго, что генералъ Ціолковскій, уходя, сказалъ что-то на непонятномъ для часовыхъ языкѣ, раздраженнымъ и угрожающимъ тономъ, а начальникъ отряда отвѣтилъ ему по русски, въ дверяхъ самой кибитки:—Я не боюсь васъ, генералъ: я вѣдь не пью кофе...

Съ того дня, между генералами Перовскимъ и Ціолковскимъ установились довольно странныя отношенія: они не встрѣчались болѣе и не говорили между собою ни одного слова до самаго конца похода и возвращенія въ Оренбургъ. Ціолковскій совсѣмъ стушевался и сталъ всячески избѣгать встрѣчи съ главноначальствующимъ: такъ, напр., если Перовскій ѣхалъ впереди отряда, то возокъ Ціолков-

скаго ѣхалъ сзади, и на оборотъ. Свою войлочную кибитку бывшій начальникъ колонны приказывалъ ставить не въ ряду штабныхъ кибитокъ, а въ средѣ казачьихъ; при неизбѣжныхъ встрѣчахъ во фронтѣ, соблюдался лишь внѣшній декорумъ: генералъ Ціолковскій бралъ «подъ козырекъ», а главноначальствующій отвѣчалъ ему тѣмъ же краткимъ внѣшнимъ привѣтствіемъ.

Крайне тяжелое впечатлѣніе произвела на генерала Перовскаго дорога отъ Эмбенскаго укрѣпленія до колонны, которую онъ только что проѣхалъ: если бы пройденный колонною путь былъ весь занесенъ, степными мятелями, то и тогда генералу, съ его маленькимъ конвоемъ не надо было бы прибѣгать ни къ проводникамъ, ни къ компасу, ни къ солнцу и звѣздамъ для опредѣленія правильнаго направленія, а стоило бы только имѣть въ виду сотни труповъ верблюдовъ, павшихъ дорогою и обгладываемыхъ теперь цѣлыми стаями голодныхъ волковъ. Какъ только снѣгъ и покрывавшая его ледяная кора вполнѣ окрѣпли, несчастные верблюды остались совсѣмъ безъ корма: никакія уже силы не могли докопаться до находящейся подъ снѣгомъ травы; надо было у каждаго верблюда поставить людей съ желѣзными мотыгами и употреблять для этого тѣ ночные часы отдыха, въ которыхъ сами солдаты нуждались не менѣе верблюдовъ; а эти животныя, къ ихъ несчастію, не обладаютъ, подобно лошадямъ, способностью разрывать снѣгъ ногами. Голодъ ихъ былъ такъ великъ, что они, во время слѣдованія, стали ѣсть тѣ рогожныя попоны, которыми Киргизы укрывали ихъ отъ холода - взамѣнъ кошемныхъ (войлочныхъ) попонъ, бывшихъ на нихъ при выходѣ изъ Оренбурга и давно изорвавшихся: какъ только задній верблюдъ замѣчалъ на переднемъ рогожу, онъ нагонялъ его и начиналъ рвать зубами и ѣсть рогожу вмѣсто сѣна. На ночь, по приказанію уже нагнавшаго колонну, генерала Перовскаго, верблюдовъ стали класть рядами, плотно одинъ къ другому, чтобы имъ было тепло лежать, и разстилали предъ ними циновки съ насыпаннымъ овсомъ; но они лишь понюхаютъ и не станутъ ѣсть; пробовали всыпать имъ овесъ въ ротъ насильно, но они тотчасъ же его выплевывали, не проглотивъ ни одного зерна и гораздо охотнѣе теребили и жевали циновки, безполезно разсыпая овесъ по снѣгу. Тогда, чтобы спасти хотя десятую часть бывшихъ при колоннѣ верблюдовъ, прибѣгли къ послѣднему средству: генералъ Перовскій приказалъ мѣсить изъ ржаной муки колобки и класть ихъ верблюдамъ въ ротъ. Но и это не помогло: колобки замѣшивались на холодной водѣ, а верблюдъ не можетъ ѣсть ничего холоднаго; а чтобы нагрѣвать воду для этого мѣсива, нужно

было топливо, котораго едва-едва хватало для варки, разъ въ день, горячей пищи солдатамъ, да и это топливо добывалось такимъ тяжкимъ трудомъ, что немыслимо было тратить его еще и для верблюдовъ.

Тогда начался повальный падежъ верблюдовъ и въ такомъ огромномъ количествѣ, что даже шедшіе въ аріергардѣ казаки, лакомые вообще до даровщинки, не стали пользоваться нѣкоторыми вьюками съ павшихъ животныхъ, а поступали обыкновенно такъ: муку разсыпали по вѣтру, порохъ и соль топтали въ снѣгъ, свинецъ бросали въ глубокіе овраги, а спиртъ по своимъ манеркамъ. Самыя главныя трудности и бѣдствія испытала колонна, встрѣтивъ на своемъ пути двѣ большія горы—Бакыръ (мѣдь) и Али: здѣсь оставили большую часть верблюдовъ, и лишь казачьи лошади и солдатскія руки втащили на эти горы артиллерію. Всего, изъ четырехъ тысячъ верблюдовъ, взятыхъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія отдѣльной колонною, пало дорогою около двухъ тысячъ головъ, то-есть половина.

Вмѣстѣ съ верблюдами стали, наконецъ, гибнуть и солдаты—отъ страшныхъ, все еще продолжавшихся морозовъ, а главное, вслѣдствіе отсутствія теплаго жилья: ежедневно, цѣлыми десятками людей отправляли въ лазареты, откуда они возвращались очень рѣдко. Болѣзни были различныя: преимущественно цынга, скорбутъ, дизентерія и общій упадокъ силъ. Въ колоннѣ наступило всеобщее уныніе. Главноначальствующій увидѣлъ, что возникли, наконецъ, непреодолимыя никакими человѣческими силами препятствія... Онъ ѣхалъ въ своемъ возкѣ мрачный и больной и совсѣмъ пересталъ показываться людямъ...

Но все имѣетъ свой конецъ. На пятнадцатый день по выступленіи изъ Эмбы, въ одинъ изъ морозныхъ солнечныхъ дней, вдали показалась сдѣланная изъ глины и занесенная снѣгомъ стѣна, а за нею какіе-то снѣжные бугры и холмики;—это и былъ Акъ-Булакъ или Чушка-Кульское укрѣпленіе, котораго достигла, уменьшившись болѣе чѣмъ на половину, несчастная «отдѣльная колонна».

—

Этою главою заканчивается мое повѣствованіе о скорбномъ пути, пройденномъ горстью Русскихъ войскъ отъ Оренбурга до Чушка-Кульскаго укрѣпленія—на разстояніи 670 верстъ. Путь этотъ, со всѣми его лишеніями и бѣдствіями, пройденъ былъ, по истинѣ, съ тѣмъ героизмомъ, которому позавидывали бы закаленные въ походахъ воины Александра Македонскаго и столь же достославные легіоны Юлія Цезаря. Еще не суждено было Русскому знамени развѣваться на стѣнахъ древней Хивы, и необычайная, по своей суровости, зима съ глубокимъ снѣгомъ явилась, на этотъ разъ, преградою на пути нашего отряда...

Когда изъ двухъ-тысячнаго рекогносцировочнаго отряда отборныхъ Туркменъ-Іомудовъ, высланныхъ противу нашихъ войскъ Хивинскимъ ханомъ Алла-Куломъ, двѣ трети погибли отъ морозовъ и голода и въ Хиву вернулись лишь 700 человѣкъ и принесли извѣстіе о таковой же гибели, постигшей и Русскій экспедиціонный отрядъ, то печаль Хивинцевъ о погибшихъ батыряхъ была, по разсказамъ Сергѣй-Аги и нашихъ плѣнныхъ, очень небольшая. За то радость ихъ была неописанная: нѣсколько дней подрядъ шло у нихъ празднованіе «побѣды» и, въ концѣ, совершено было великое поклоненіе праху ихъ святого Полвалъ-Аты, похороненнаго подъ громаднымъ камнемъ, въ одной изъ мечетей Хивы. По ихъ понятію, этотъ святой ниспослалъ такой великій снѣгъ и такіе морозы, которые не допустили Русскихъ до Хивы *).

XI.

Что сталось съ ротою поручика Ерофеева.—Усиленіе въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи дизентеріи, цынги и скорбута.—Общій упадокъ духа.—Изслѣдованіе подъема на Усть-Уртъ.—Приказъ объ обратномъ выступленіи.—Зимній оазисъ.—Озеро съ камышемъ.—Дороговизна топлива.—Тайна молодыхъ топографовъ.—Что значилъ чай.—Брошенный Киргизами бульонъ.—Срытіе Чушка-Кульскаго укрѣпленія и взрывъ землянокъ.—Фейерверкъ.—Обратный походъ до Эмбы.—Выносливость Уральскихъ казаковъ.—Страшный буранъ, застигшій колонну.

Прибывшая колонна не имѣла самаго главнаго—теплаго жилья, и солдатамъ довелось жить въ войлочныхъ джуламейкахъ, такъ какъ землянки въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказались далеко не такъ удобны какъ на Эмбѣ, гдѣ солдаты два раза въ день могли въ нихъ обогрѣваться: онѣ были и тѣсны, и темны; къ тому жь, въ нихъ лежала масса солдатъ больныхъ скорбутомъ... Оказалось, что поручикъ Ерофеевъ никакъ не могъ увезти больныхъ, согласно приказанію, изъ Чушка-Куля въ Эмбенское укрѣпленіе именно потому, что у него тоже не было корма для верблюдовъ, и всѣ больные непремѣнно померзли бы дорогою, въ саняхъ, такъ какъ некому было бы везти эти сани. Запасъ же сѣна въ Чушка-Кульскомъ укрѣпленіи оказался самый ничтожный потому, что вблизи не было тѣхъ ковыльныхъ покосовъ, которые имѣлись вокругъ Эмбы. Крайне нездоровая вода, бывшая въ укрѣпленіи, поспособствовала тому, что когда пришла въ Чушка-Куль отдѣльная колонна, то въ ротѣ Ерофеева четвертая часть солдатъ была уже больна дизентеріей, цынгою и тѣмъ же скорбутомъ; а люди гарнизона, заболѣвшіе ранѣе, лежали со сведеными ногами, и

*) У Хивинцевъ существуетъ преданіе, что Хива будетъ затоплена водою, а Бухара занесена пескомъ; „Урусъ“ же никогда ихъ не возьметъ. Послѣ 1873 года, въ преданіе это, вѣроятно утратилась вѣра. И. З.

лишь немногіе изъ нихъ могли кое-какъ ползать по земляному холодному полу полутемныхъ землянокъ, замѣнявшихъ теперь лазаретныя палаты... Въ укрѣпленіи было тихо и мертво, какъ въ разрытой могилѣ: чувствовался общій упадокъ духа... Покойниковъ хоронили ежедневно; между ними приходилось уже хоронить и офицеровъ... Голодные степные волки окружали по ночамъ укрѣпленіе цѣлыми стаями, поднимали ужаснѣйшій вой, раскапывали могилы и съѣдали похороненыхъ людей... Въ отрядѣ днемъ и ночью стали происходить частыя пропажи; похищалось исключительно то, чтó могло горѣть: плохо лежавшая веревка, деревянная лопата, служившая для отгребанія снѣга и забытая у джуламейки и проч.—все это тотчасъ же исчезало...

Такъ прошло восемь дней. У генерала Перовскаго къ нравственнымъ и душевнымъ страданіямъ, присоединились еще и физическія: у него открылась старая Турецкая рана въ груди, и начались, кромѣ того, невыносимыя легочныя спазмы... нанесеннаго ему огромнымъ полѣномъ по спинѣ, на Сенатской площади, 14 Декабря 1825 г.

Въ концѣ восьмаго дня вернулся въ укрѣпленіе посланный генераломъ Перовскимъ, тотчасъ же по приходѣ въ Чушка-Куль, маленькій рекогносцировочный отрядъ подъ начальствомъ полковника Бизянова *), для обслѣдованія и выбора подъема на Усть-Уртъ, въ количествѣ 150-ти казаковъ, съ однимъ 3-хъ фунтовымъ орудіемъ при офицерѣ генеральнаго штаба Рейхенбергѣ, одномъ казачьемъ офицерѣ и двухъ топографахъ. Подъемъ на Усть-Уртъ былъ найденъ лишь въ одномъ мѣстѣ, по ущелью оврага Кынъ-Каусъ; все остальное были отвѣсныя скалы, составлявшія когда-то, въ доисторическія времена, возвышенный берегъ моря. Снѣгъ на возвышенной плоскости Усть-Урта оказался на пол-аршина глубже, чѣмъ на пройденномъ пути. Получивъ это рѣшающее извѣстіе, главноначальствующій пригласилъ въ свою кибитку генерала Ціолковскаго и всѣхъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, бывшихъ въ колоннѣ, объявилъ имъ о положеніи дѣла и приказалъ немедленно начать сборы къ выступленію изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія обратно на Эмбу.

— Сегодня же вечеромъ будетъ отданъ надлежащій приказъ по колоннѣ, прибавилъ Перовскій; и когда всѣ стали выходить изъ кибитки, онъ попросилъ штабсъ-капитана Никифорова остаться.

— Сядьте и напишите приказъ объ отступленіи! дрожащимъ отъ волненія голосомъ, приказалъ онъ.

---

*) Полковникъ Бизяновъ въ послѣдствіи былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ наказнымъ атаманомъ Уральскаго казачьяго войска. П. З.

Никифоровъ сѣлъ къ походному столику, на которомъ горѣли двѣ восковыя свѣчи, и наскоро написалъ слѣдующій «Приказъ по отряду войскъ Хивинской экспедиціи»:

Февраля 1-го дня 1840 года.

«Товарищи! Скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, заваливших путь нашъ и всѣ кормá. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, *люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны* (?). Одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсилены, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и Отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ».

— Дайте перо, я подпишу, попросилъ генералъ Перовскій, когда Никифоровъ прочелъ ему этотъ приказъ.

— Но вѣдь это только черновая: позвольте, ваше высокопревосходительство, я прикажу сейчасъ же переписать бумагу на-бѣло....

— Ахъ, не мучьте меня, ради Бога! Дайте перо поскорѣе! Неужели вы хотите, чтобы я еще разъ читалъ этотъ горькій и непріятный для меня приказъ?!... – раздраженно проговорилъ главноначальствующій и, взявъ перо изъ рукъ Никифорова, быстро подписалъ бумагу...

«Такъ, сей приказъ и былъ приложенъ къ дѣлу экспедиціи не перебѣленный,» говорится въ Запискахъ Г. Н. Зеленина...

—

Утромъ на другой день, 2 Февраля, во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ колонны былъ прочитанъ отданный генералъ-адъютантомъ Перовскимъ приказъ объ обратномъ выступленіи отряда на Эмбу... Приказъ этотъ произвелъ большое оживленіе въ колоннѣ: словно, она получила разрѣшеніе выступить изъ зачумленаго города....

Солдаты живо принялись разметывать глиняную стѣну и довольно солидный брустверъ, сдѣланный изо льда и снѣгу вокругъ всего укрѣпленія; затѣмъ, тщательно вынимали весь лѣсъ изъ земля-

нокъ - рамы, дверные косяки, подпорины и пр., словомъ самый ничтожный кусочекъ дерева былъ бережно вынутъ и отложенъ для топлива, во время предстоящаго обратнаго похода... Затѣмъ разсчитали, что можно взять съ собою на 2 т. уцѣлѣвшихъ еще верблюдовъ и что́ слѣдуетъ уничтожить. Болѣе 1500 четв. ржаной муки и сухарей, т. е. 6-недѣльное продовольствіе всего отряда, было разсыпано по снѣгу и развѣяно по вѣтру; все излишнее желѣзо побросали въ Чушка-Кульское озеро. Бывшій въ плиткахъ бульонъ, болѣе 250 пудовъ, былъ частію розданъ людямъ на руки, а остальное рѣшили взять съ собою, наложивъ на верблюдовъ; но Киргизы, при навьючкѣ и во время пути, бросали потихоньку бульонъ въ снѣгъ, такъ какъ они считали плитки эти ни къ чему не годными кирпичами, напрасно лишь отягощающими ихъ верблюдовъ, и когда впослѣдствіи хватились этого бульона, не нашли въ обозѣ и стали требовать его отъ Киргизовъ-верблюдовожатыхъ, то наивные сыны степей спокойно объявили, что они по прибытіи въ Оренбургъ, взамѣнъ этихъ маленькихъ кирпичей, обязуются доставить Русскимъ войскамъ большіе, еще болѣе тяжелые, «настоящіе» глиняные кирпичи...

Вечеромъ 3 Февраля, наканунѣ выступленія, жгли всѣ сигнальныя ракеты и фальшвейеры; огонь и трескъ отогнали далеко отъ укрѣпленія волковъ, сбиравшихся цѣлыми стаями каждый вечеръ, вблизи Чушка-Куля. Киргизы видѣли такой фейерверкъ въ первый разъ, и онъ имъ очень понравился. Передъ самымъ разсвѣтомъ колонна выступила въ обратный походъ, раздѣлившись, для удобства движенія въ пути, на четыре отдѣленія и устроивъ мины въ оставляемыхъ землянкахъ; когда вся колонна отошла отъ Чушка-Куля съ версту, зажженные фитили въ минахъ догорѣли, и начались взрывы.... Киргизы въ суевѣрномъ ужасѣ попадали на землю и долго тряслись какъ въ лихорадкѣ...

Въ день выступленія было 28° стужи, наканунѣ 30°, въ два послѣдующіе дня, т. е. 5 и 6 Февраля, было 27° при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ.

—

Обратный походъ изъ Чушка-Кульскаго укрѣпленія былъ рядомъ непрерывныхъ страданій и тяжкихъ бѣдствій для отступающей колонны, таявшей съ каждымъ днемъ какъ воскъ на огнѣ... Не смотря на наступившій уже Февраль, морозы продолжали держаться все время отъ 26 до 29° по Реомюру, при сильныхъ вѣтрахъ и частыхъ буранахъ. На ночлегахъ колонна останавливалась иногда безъ всякаго порядка: какъ только слѣдовалъ сигналъ «стой,» то солдаты раскидывали свои джуламейки тамъ, гдѣ кого засталъ этотъ сигналъ... Единственными людьми, не боявшимися морозовъ, были Уральцы, выносливость коихъ была изумительна. Вотъ одинъ случай, происшедшій въ колоннѣ во время

обратнаго похода на Эмбу. Деньщикъ генерала Ціолковскаго Сувчинскій повелъ, однажды, поить лошадей своего барина на озеро, попавшееся на пути ночлега; прорубая ледъ желѣзнымъ ломомъ, онъ нечаянно уронилъ его въ воду; зная, что за эту оплошность придется поплатиться спиной, Сувчинскій обратился къ Уральскимъ казакамъ, съ просьбою помочь его горю, вытащить какъ-нибудь ломъ изъ воды...

— Почему не достать! отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ: достать можно; но только купи, братъ, полштофъ водки...

За этимъ конечно дѣло не стало: деньщикъ сбѣгалъ къ маркитанту Зайчикову, купилъ водку и принесъ къ проруби. Казакъ преспокойно раздѣлся, его обвязали веревкой, онъ спустился въ воду, нащупалъ ломъ, взялъ его въ руки и вынырнулъ на поверхность воды, въ проруби... Морозу въ это время было 31 градусъ. Казакъ накинулъ на себя тулупъ и надѣлъ валенки, выпилъ, съ маленькой передышкой, весь полштофъ, схватилъ платье и побѣжалъ въ свою джуламейку; тамъ уже онъ одѣлся, какъ слѣдуетъ. Потомъ казакъ этотъ говорилъ пѣхотнымъ офицерамъ, видѣвшимъ всю эту исторію, что они, казаки, во время багренья рыбы на Уралѣ, часто упускаютъ въ воду свои пѣшни и достаютъ ихъ такимъ именно простымъ способомъ, во время самыхъ сильныхъ морозовъ.

На упомянутое озеро отрядъ напалъ чисто случайно, уклонившись, во время бывшаго наканунѣ бурана, съ стараго пути въ сторону. Озеро это было для колонны истиннымъ оазисомъ. Вопервыхъ, не надо было оттаявать снѣгъ для воды, для питья лошадямъ и верблюдамъ; а вовторыхъ, по краямъ озера оказалась такая масса камыша, что всѣ повеселѣли, развели огни, сварили себѣ горячую пищу и совершенно отогрѣлись. Уходя съ ночлега, всѣ очень жалѣли, что за слабостію немногихъ, оставшихся еще въ живыхъ верблюдовъ, нельзя было захватить этого топлива съ собою въ запасъ... И дѣйствительно: вплоть до Эмбенскаго укрѣпленія, въ колоннѣ никто почти не разводилъ огня ни для варки пищи, ни для того даже, чтобы немного отогрѣть закоченѣвшіе члены и согрѣть хотя одинъ чайникъ воды... Исключенія были очень рѣдки: если кому-нибудь изъ штабныхъ или имѣющихъ болѣе средствъ офицеровъ удавалось, съ помощію добычливыхъ Уральцевъ, получить нѣсколько фунтовъ топлива, въ видѣ, напр., старой веревки, куска дерева, или обломка доски, и т. под.; за все это платилось если не на вѣсъ золота, то почти на вѣсъ серебра.

Только въ одной джуламейкѣ молодыхъ топографовъ многія замѣчали, что нѣсколько вечеровъ подъ рядъ горитъ тамъ соблазнительный огонекъ... Всѣ удивлялись, откуда это у топографовъ завелись большія деньги на покупку топлива, и охотно пользовались радушнымъ пригла-

шеніемъ молодыхъ людей выпить у нихъ стаканъ чаю... Тайна эта осталась въ то время не раскрытою, и лишь теперь, спустя 51 годъ, одинъ сѣдой, какъ лунь, 75-ти-лѣтній старикъ, отставной подполковникъ, добродушно улыбаясь, передавалъ мнѣ, что они жгли въ то время футляры и лубочные короба отъ имѣвшихся у нихъ различныхъ инструментовъ, астролябій, мензулъ, цѣпей, и пр., а самые инструменты преспокойно укладывали въ холщевые мѣшки, которые были надѣты сверхъ этихъ футляровъ и коробовъ, избавляя такимъ образомъ себя отъ замерзанія, а верблюдовъ отъ излишней ноши.

Отъ замерзанія или по крайней мѣрѣ, отъ болѣзни, происходящей вслѣдствіе продолжительнаго озябанія тѣла, не спасали офицеровъ ни водка, ни спиртъ, ни ромъ, ни коньякъ; единственнымъ спасеніемъ былъ горячій чай. Пища у офицеровъ была немногимъ лучше, чѣмъ у солдатъ: запасы маркитанта Зайчикова были давно уже на исходѣ и продавались по баснословно дорогимъ цѣнамъ; никакихъ своихъ продовольственныхъ запасовъ у офицеровъ уже не было, и приходилось поэтому довольствоваться тѣми же сухарями, размоченными въ снѣговой водѣ... Оттого-то всѣ и старались добыть хоть немножко топлива, чтобы имѣть возможность вскипятить чайникъ съ водой и напиться чаю. «Это неоцѣненный напитокъ зимою», говорится въ одномъ частномъ письмѣ о походѣ въ Хиву: «по выпитіи двухъ стакановъ, тотчасъ разливается необыкновенная теплота по всему тѣлу, человѣкъ дѣлается свѣжѣе и бодрѣе, а усталость совершенно пропадаетъ»... По словамъ боевыхъ, заслуженныхъ офицеровъ, проведшихъ всѣ свои 35 лѣтъ службы въ степи, чай даже лѣтомъ, въ самый страшный жаръ, въ 2 и 3 часа дня производитъ необыкновенно цѣлебное дѣйствіе: сначала появляется сильный потъ, а потомъ, когда тѣло обсохнетъ немного, то становится чрезвычайно легко, утомленіе проходитъ и человѣкъ дѣлается крѣпкимъ и свѣжимъ.

—

9-го Февраля колонну застигнулъ въ пути необыкновенно жестокій, степной буранъ... Въ этотъ день, когда отрядъ выступалъ съ ночлега, было прекрасное, тихое утро съ небольшимъ, всего въ 4°, морозомъ; полагали, что днемъ, когда взойдетъ и начнетъ грѣть солнце, морозъ совсѣмъ исчезнетъ, или дойдетъ до ноля; а потому, кто изъ офицеровъ имѣлъ тулупы, снялъ ихъ и велѣлъ убрать на верблюдовъ, валенки съ ногъ тоже всѣ сняли, такъ какъ въ нихъ было очень тяжело идти по снѣгу. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ начался вѣтеръ, перешедшій вскорѣ въ такой порывистый, что буквально сваливалъ пѣшихъ людей въ снѣгъ, а лошадямъ и верблюдамъ совсѣмъ мѣшалъ идти. Морозъ сталъ крѣпчать и дошелъ до 27°; замела такая

вьюга, что въ десяти шагахъ ничего не было видно, и въ степи, среди бѣлаго дня, стало вдругъ такъ темно какъ въ сумерки; словомъ, начался страшный буранъ, случающійся только въ здѣшнихъ необъятныхъ степяхъ, такъ прекрасно и вѣрно описанный въ «Капитанской Дочкѣ» Пушкина...

Генералъ-адъютантъ Перовскій приказалъ остановить колонну, и всѣ, конечно, стали на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ захватила мятель, такъ какъ идти, въ темнотѣ, было некуда. Верблюдовъ съ своими вьюками нашли въ этомъ адскомъ, степномъ хаосѣ, очень немногіе джуламейки довелось раскинуть съ большими, самыми мучительными усиліями; объ огнѣ нечего конечно было думать... Всю ночь свирѣпствовала эта разыгравшаяся снѣговая стихія; многіе готовились къ смерти. Вдругъ, на счастіе отряда, къ утру буранъ сталъ стихать... Но когда совсѣмъ разсвѣло, и надо было подняться съ ночлега, то прежде чѣмъ выступить въ походъ, довелось совершить печальный обрядъ нѣсколькихъ похоронъ разомъ... И лишь маленькіе снѣговые бугорки, образовавшіеся на мѣстѣ ночлега, могли повѣдать буйному вѣтру въ этой безлюдной степи о количествѣ жертвъ и о тѣхъ страданіяхъ, которыя выпали въ эту присно-памятную ночь на долю геройской горсти Русскихъ воиновъ, безмолвно и безропотно полагавшихъ животъ свой въ борьбѣ со стихійными силами....

XII.

Возвращеніе на Эмбу.—Сагатемирскій лагерь.—Оффиціальныя и дѣйствительныя потери.—Двѣ новыя неудачи.—Желѣзная натура генерала Перовскаго.—Новая услуга султана Айчувакова.—Отъѣздъ генераловъ Перовскаго и Молоствова въ Оренбургъ.—Прибытіе въ Оренбургъ.—Поляки и Татары и ихъ ожиданія.—Ходатайство о новой экспедиціи въ Хиву.—Отказъ изъ Петербурга.—Выступленіе отряда съ Эмбы.—Взрывъ укрѣпленія.

Между 15 и 17 Февраля всѣ четыре отдѣленія колонны стали подходить къ Эмбенскому укрѣпленію, пройдя, слѣдовательно, 170 верстъ отъ Чушка-Куля въ 12 — 14 дней. Для нихъ, по распоряженію Перовскаго, были уже заготовлены особыя лазаретныя мѣста въ нѣсколькихъ верстахъ за Эмбой, по р. Сага-Темиру: для здоровыхъ людей поставлены новыя Киргизскія кибитки, а для больныхъ просторные камышевые балаганы; лишніе котлы передѣланы на печи, и пр.; нѣсколько десятковъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ были отогнаны въ камыши, росшіе по берегамъ Сага-Темира для самопрокормленія. Изъ двухъ тысячъ этихъ несчастныхъ животныхъ, взятыхъ колонною изъ Чушка-Куля, пало, за время 12 –14 дней, 1780 головъ, то-есть, почти 90%...

Тотчасъ же по прибытіи колонны въ Эмбу, генералъ-адъютантъ Перовскій отправилъ второе оффиціальное донесеніе въ Петербургъ о неуспѣшномъ походѣ предпринятой экспедиціи въ Хиву. Къ сожалѣнію, это второе донесеніе также отступало отъ истины, какъ и приказъ, отданный въ Чушка-Кулѣ объ обратномъ выступленіи отдѣльной колонны: какъ тамъ говорилось, что «люди свѣжи и бодры, лошади сыты, а запасы обильны», въ то время какъ люди мерзли, какъ мухи, а «запасовъ», напримѣръ, корма для верблюдовъ, сѣна и топлива, не было вовсе, такъ и въ этомъ донесеніи скрыта была истинная цифра погибшихъ людей. Даже и послѣ, по возвращеніи уже въ Оренбургъ всего отряда, когда, повидимому, трудно уже было скрыть потери, ихъ все таки тщательно скрывали—съ очевидною, впрочемъ, цѣлью избѣжать гнѣва и упрековъ тогдашняго оффиціальнаго Петербурга и его военнаго министерства, съ несимпатичнымъ и крайне пристрастнымъ военнымъ министромъ, гр. Чернышовымъ во главѣ. Такъ, объ умершихъ за послѣдніе три мѣсяца, т. е. со времени выступленія отряда изъ Оренбурга, показано было, что офицеровъ умерло 3, нижнихъ же чиновъ 758; а изъ Оренбурга, по возвращеніи всего отряда, донесено было, что умерло во время похода офицеровъ 5, нижнихъ же чиновъ 1054, да еще по прибытіи уже въ Оренбургъ, «исключительно цынготныхъ, умерло 609 человѣкъ». Слѣдовательно выходило, что умерло *всего* 5 офицеровъ и 1663 человѣка солдатъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности умерло 11 офицеровъ и болѣе трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ изъ пятитысячнаго отряда, вышедшаго изъ Оренбурга, вернулось обратно менѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

На Эмбу генералъ-адъютантъ Перовскій прибылъ нѣсколькими днями ранѣе колонны, уѣхавъ впередъ послѣ бурана 10 Февраля. Онъ пріѣхалъ едва живой: открывшаяся еще въ Чушка-Кулѣ рана въ груди мучила его страшно; ему нуженъ былъ безусловный покой, а онъ, какъ извѣстно, ѣхалъ за отрядомъ, хотя и въ возкѣ, но въ тѣже двадцати и тридцати-градусные морозы. Плохою и изрытою дорогою его страшно било и качало; онъ даже не имѣлъ, во время послѣднихъ дней на пути къ Эмбѣ, ни теплой пищи, ни горячаго чая.

По прибытіи на Эмбу, генералъ узналъ двѣ печальныя вѣсти. Первая состояла въ томъ, что десять парусныхъ судовъ, отправленныхъ въ Октябрѣ 1839 г. изъ Астрахани на Ново-Александровскъ и далѣе съ различными запасами и продовольствіемъ для отряда, не могли, за противными вѣтрами, дойти до этого форта и вернулись обратно въ Астрахань. Слѣдовательно, на помощь съ этой стороны разсчитывать было нечего. Вторая печальная вѣсть, ожидавшая главноначальствующаго въ Эмбѣ, заключалась въ томъ, что нѣсколько сотъ свѣжихъ верблю-

довъ, высланныхъ по его требованію изъ Оренбурга сюда, на Эмбу, были отхвачены въ степи Кайсаками; сопровождавшій же этихъ верблюдовъ корнетъ Аитовъ былъ взятъ и переданъ (т. е. проданъ) тѣми же Кайсаками въ Хиву, въ неволю.

Но все это—и рана, и болѣзнь, и эти двѣ горькія вѣсти—къ счастію не одолѣли атлетической натуры генерала Перовскаго и его желѣзнаго здоровья, и по приходѣ въ Эмбу, десять дней спустя, онъ былъ настолько уже здоровъ, что сѣлъ на коня и отправился въ Сагатемирскій лагерь посмотрѣть на остатки своихъ героевъ-солдатъ, изъ которыхъ, по его словамъ (сказаннымъ впослѣдствіи военному министру) «каждый заслужилъ по золотому Георгію».

—

Въ началѣ Марта, когда вернувшіеся изъ Чушка-Куля люди немного отдохнули, начались сборы и приготовленія къ обратному отступленію въ Оренбургъ. Но чтобы подняться и двинуться въ путь съ честью, т. е. не бросая артилеріи, нужны были верблюды. Ихъ-то и не было почти въ отрядѣ. Тѣ, которые, вслѣдствіе крайняго изнуренія оставались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, и тѣ что недавно пришли съ колонной, не оправились еще, по неимѣнію подножнаго корма; къ тому же, всѣхъ-то ихъ осталось лишь около тысячи головъ отъ 10,450 штукъ, взятыхъ отрядомъ въ Оренбургѣ. Но тутъ на помощь отряду явился все тотъ же султанъ Айчуваковъ и, по просьбѣ генерала Перовскаго, доставилъ, въ концѣ Марта мѣсяца, 850 свѣжихъ и крѣпкихъ верблюдовъ, вполнѣ пригодныхъ для пути. Изъ этого числа четыреста штукъ были опредѣлены для Перовскаго, его конвоя и штаба, а также и для всѣхъ тѣхъ больныхъ и изнуренныхъ офицеровъ, которые, по нездоровью своему, не могли оставаться долѣе въ Эмбенскомъ укрѣпленіи и нуждались въ серьезномъ и продолжительномъ лѣченіи. Весь остатокъ отряда, равно какъ и вся артилерія, остались въ Эмбенскомъ укрѣпленіи до весны, или вообще до дальнѣйшихъ распоряженій изъ Оренбурга. Старшимъ въ оставшемся отрядѣ былъ назначенъ ген.-лейт. Толмачовъ, уже оправившійся отъ своей болѣзни; на Эмбѣ же были оставлены: ген.-м. Ціолковскій и полковники Бизяновъ, Кузьминскій, Геке и Мансуровъ. Отрядъ, оставленный въ укрѣпленіи, считался, по прежнему, состоящимъ изъ четырехъ колоннъ, и начальниками ихъ были назначены вышеназванные четыре полковника; генералъ же Толмачовъ былъ, такъ сказать, общимъ начальникомъ, всего отряда, замѣнявшимъ отъѣзжающаго Перовскаго. Ціолковскому не было дано никакого назначенія.

—

1-го Апрѣля 1840 года, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ сопровожденіи совсѣмъ больнаго, лежавшаго въ возкѣ безъ движенія, генерала Молоствова, а также и всѣхъ больныхъ офицеровъ и юнкеровъ, выступилъ изъ Эмбенскаго укрѣпленія. Половина 400 верблюдовъ была запряжена по-парно и тройками въ кое-какъ сколоченные сани и въ возки, гдѣ размѣщались больные офицеры, юнкера и нѣсколько десятковъ старыхъ, заслуженныхъ «кандидатовъ»; на остальныхъ двухъ стахъ верблюдахъ были вьюки главноначальствующаго, его штаба, докторовъ, фельдшеровъ и больныхъ. Двадцать человѣкъ, уцѣлѣвшихъ отъ дивизіона конно-регулярнаго полка, были посажены на казачьихъ лошадей и состояли въ родѣ конвоя при генералѣ Перовскомъ; въ этомъ оригинальномъ караванѣ была лишь одна рота 2-го линейнаго баталіона—въ видѣ эскорта. Уѣзжая изъ укрѣпленія и прощаясь съ людьми, генералъ выразилъ надежду, что быть-можетъ, вскорѣ онъ вернется сюда съ новыми боевыми силами изъ Оренбурга—для новаго и болѣе удачнаго похода на Хиву; въ этихъ видахъ, какъ объяснилъ онъ людямъ, и остается пока въ укрѣпленіи вся артилерія. Перовскій говорилъ это искренно: онъ надѣялся, что ему разрѣшатъ въ Петербургѣ двинуться еще разъ на Хиву.

Караванъ этотъ, сопровождаемый тѣмъ же услужливымъ султаномъ Айчуваковымъ, дошелъ, въ 12 дней, вполнѣ благополучно, до нашей «линіи» по Уралу и остановился въ ближайшей на дорогѣ крѣпостцѣ Ильинской (нынѣ простая станица), расположенной всего въ 110 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь всѣ больные были помѣщены въ теплыя казачьи избы, которыхъ никто изъ отряда не видѣлъ болѣе 5-ти мѣсяцевъ, и оставлены подъ наблюденіемъ сопровождавшихъ ихъ врачей и фельдшеровъ. Самъ же генералъ Перовскій и весь его штабъ, равно какъ и ген. Молоствовъ, тотчасъ же выѣхали въ Оренбургъ на почтовыхъ лошадяхъ, уже на колесахъ, такъ какъ санный путь почти совсѣмъ пропалъ еще съ половины Апрѣля, и снѣгъ лежалъ лишь въ степи да по оврагамъ. Для Перовскаго и Молоствова едва нашли въ станицѣ два дорожныхъ плетеныхъ тарантаса: въ одномъ помѣстился Молоствовъ съ докторомъ, въ другомъ Перовскій съ штабсъ-капитаномъ Никифоровымъ. Въ ночь съ 13 на 14 Апрѣля эти два тарантаса въѣхали въ Оренбургъ.

—

Оренбургъ встрѣтилъ генералъ-адъютанта Перовскаго еще менѣе привѣтливо, чѣмъ Парижъ, въ 1812 году, Наполеона I. Люди—«жрецы минутнаго, поклонники успѣха»—рѣшили уже, что карьера Перовскаго погублена навсегда, что дни его сочтены... что слѣдуетъ ожидать, со дня на день, отозванія его изъ Оренбурга... Съ особеннымъ, совсѣмъ

уже не скрываемымъ злорадствомъ относились къ нему проживавшіе въ Оренбургѣ, въ довольно изрядномъ количествѣ, Поляки, а за ними и Татары: первые враждовали противъ генерала изъ за его походныхъ отношеній къ Ціолковскому, о чемъ, конечно, давно уже знали въ Оренбургѣ изъ писемъ Поляковъ, бывшихъ въ отрядѣ; Татары же, надо полагать, радовались собственно тому обстоятельству, что единовѣрная имъ Хива осталась во всей своей неприкосновенности, и гордыня ея не была, и на этотъ разъ, сломлена.

На другой же день по возвращеніи Перовскаго въ Оренбургъ, отправлено было къ военному министру и на имя Государя третье донесеніе о результатахъ «военнаго предпріятія въ Хиву». Вмѣстѣ съ донесеніемъ, генералъ-адъютантъ Перовскій испрашивалъ высочайшаго соизволенія на новую экспедицію противу Хивы, которую предполагалъ начать съ конца Мая мѣсяца. Отвѣтъ не замедлилъ себя ждать [1]): военный министръ гр. Чернышовъ сообщалъ Оренбургскому военному губернатору, что осуществленіе новаго похода въ Хиву не представляется возможнымъ и даже настоятельно необходимымъ.... Такой отвѣтъ глубоко огорчилъ Перовскаго, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождался письмомъ конфиденціальнаго характера, писаннымъ какъ бы по порученію того же гр. Чернышова къ Перовскому, однимъ изъ лицъ близко въ то время стоявшихъ къ военному министру (Позеномъ). Въ письмѣ этомъ заключалась, между прочимъ, слѣдующая фраза, сказанная будто бы княземъ Меньшиковымъ въ отвѣтъ одному высокопоставленному лицу, на его вопросъ: слѣдуетъ ли предпринять новый походъ въ Хиву? Князь отвѣчалъ:—Для нынѣшняго царствованія довольно и одного такого неудачнаго похода [2])...

Получивъ отвѣтъ военнаго министра, Перовскій немедленно отправилъ приказаніе въ Эмбенское укрѣпленіе оставленному тамъ отряду прибыть въ Оренбургъ, взорвавъ на воздухъ стѣны и всѣ постройки въ укрѣпленіи. Вслѣдствіе этого распоряженія, ген.-лейт. Толмачевъ выступилъ изъ Эмбы, всѣмъ отрядомъ, 18 Мая, взявъ съ собою всю артилерію и взорвавъ на воздухъ самое укрѣпленіе. Трескъ взлетѣвшихъ на воздухъ стѣнъ былъ послѣднимъ салютомъ немногимъ Русскимъ воинамъ, уцѣлѣвшимъ въ этомъ роковомъ, многострадальномъ походѣ и теперь столь безславно отступавшимъ предъ невидимымъ непріятелемъ, который не осмѣлился даже и подойти близко къ этому геройскому, маленькому отряду...

---

[1]) Обыкновенная почта ходила изъ Оренбурга въ Петербургъ, въ то время, три недѣли; пакеты же, отправляемые съ фельдъ-егерями и курьерами, шли восемь дней. И. З.

[2]) Князь Меньшиковъ имѣлъ причины недолюбливать В. А. Перовскаго, вспоминая его службу въ морскомъ вѣдомствѣ, когда этотъ честнѣйшій человѣкъ возставалъ противу непроизводительныхъ и громадныхъ затратъ, дѣлаемыхъ въ этомъ министерствѣ. И. З.

XIII

Чтó погубило экспедицію?—Во чтó обошлась она Русской казнѣ?—Результаты этой экспедиціи.—Возвращеніе нашихъ плѣнныхъ.—Обѣдъ, данный имъ въ Оренбургѣ.—Посолъ Хивинскаго хана Атаніасъ-Хаджи.—Освобожденіе задержанныхъ Хивинцевъ.—Договоръ о свободной торговлѣ съ Хивою.

Что же погубило эту экспедицію, такъ вó-время задуманную и даже, для интересовъ и чести Россіи, столь необходимую? Этотъ тяжелый вопросъ напрашивается, въ концѣ концовъ, самъ собою.... И теперь, когда со времени этой несчастной экспедиціи прошло болѣе полувѣка, мы, кажется, не только можемъ, но и должны, и обязаны отвѣчать на этотъ вопросъ прямо, не боясь высказать истину.

Первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, несомнѣнно, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Ѳ. Фонъ-Бергъ, который далъ «совѣтъ лукавый» относительно пути на Хиву и даже намѣтилъ два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, чрезъ которые, по нанесенному снѣгу, довелось устраивать понтонные мосты, и только такимъ образомъ переправлять черезъ эти овраги артилерію. Изъ двухъ укрѣпленій не годилось, какъ мы говорили уже, ни одно: въ Чушка Кулѣ вода оказалась настолько пагубною для здоровья людей, что, первое время, люди подозрѣвали, не отравлена ли она Хивинцами?... А на второмъ пути отъ Эмбы къ Акъ-Булаку (или Чушка-Кулю) встрѣтились двѣ высокія горы, которыхъ не знали даже названія и о самомъ существованіи коихъ не подозрѣвали; и лишь Киргизы султана Айчувакова объяснили господамъ «ученымъ» отряда, вооруженнымъ топографическою картою Фонъ-Берга, что въ первой горѣ масса мѣди, а потому она и называется *Бакыръ*, а вторая гора названа по имени убитаго на ней батыря *Али*...

Второю причиною неудачи экспедиціи, и самою главною, была необычайно суровая зима съ сильными морозами, частыми буранами и глубокимъ снѣгомъ, какихъ не могли запомнить самые древніе старики - Киргизы. Являлась, конечно, полная возможность избѣжать и этихъ морозовъ, и всей этой необыкновенной зимы съ ея глубокимъ снѣгомъ; но для этого надо было выступить изъ Оренбурга только мѣсяцемъ раньше, какъ напр., выступила авангардная колонна подполковника Данилевскаго, дошедшая до Эмбы, какъ мы знаемъ, «вполнѣ благополучно». Также «благополучно» колонна эта могла бы дойти и до Хивы, еслибы ей не надо было сидѣть на Эмбѣ и ожидать прибытія экспедиціоннаго отряда. Но дѣло въ томъ, что авангардъ *могъ* выйдти изъ Оренбурга въ половинѣ Октября, а колонна *не могла*: ея

сборы не были вполнѣ окончены даже и въ половинѣ Ноября, когда она выступала. Такія экспедиціи подготовляются, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, годами, а не мѣсяцами.

Во главѣ экспедиціи поставленъ былъ, какъ мы видимъ, человѣкъ даровитый, закаленный въ бояхъ, образованный и очень любимый солдатами и офицерами. Но человѣкъ этотъ имѣлъ въ Петербургѣ такую массу враговъ (главнымъ образомъ, за свою безукоризненную, чисто-рыцарскую честность, выказанную имъ во все время службы, а главное, въ бытность его директоромъ канцеляріи начальника морскаго штаба), что ему «бросали палки въ колеса» всякій разъ, какъ только представлялся къ тому случай. В. А. Перовскій презиралъ своихъ враговъ и не боялся ихъ, но постоянно отъ нихъ терпѣлъ и мучился. А тутъ возстали противу него не только враги, но и стихіи: суровая зима, бураны, «противные вѣтры», отогнавшіе шедшую къ нему на помощь флотилію обратно къ Астрахани... Даже такіе робкіе номады, какъ Кайсаки, и тѣ осмѣлились, на этотъ разъ, сдѣлать разбойничье нападеніе на маленькій отрядъ, сопровождавшій пересылаемыхъ на Эмбу, къ отряду, верблюдовъ, забрали этихъ верблюдовъ, а также и офицера съ нѣсколькими человѣками, сопровождавшими транспортъ, и все это, въ качествѣ военныхъ трофеевъ, препроводили въ Хиву.

Было и еще одно обстоятельство, и очень немаловажное, способствовавшее неудачѣ экспедиціи: это было традиціонное Русское «авось». Въ качествѣ простаго лѣтописца происходившихъ событій, мы должны упомянуть и объ этомъ серьезномъ фактѣ, выплывающемъ на свѣтъ Божій, между прочимъ, и изъ писемъ самого генерала Перовскаго. Вотъ, напр. что писалъ онъ Московскому почтъ-директору Булгакову, 6 Декабря 1839 года изъ Бишъ-Тамака (или Башъ-Талыка), пройдя отъ Оренбурга всего лишь 250 верстъ, то-есть немного болѣе шестой части всего пути до Хивы:

«До сихъ поръ стоятъ холода, хотя и очень сильные, но безъ вѣтру, котораго я, безъ защитнаго мѣста и безъ дровъ, особенно боюсь, потому что тогда *уже не знаю какія принять мѣры, чтобъ избѣгнуть гибели»*...

Въ томъ же письмѣ, далѣе, генералъ Перовскій выражаетъ полное уже отчаяніе... «Лишь съ Божіею помощью, пишетъ онъ, можемъ мы надѣяться, что преодолѣемъ стихіи и непріятеля; мы чувствуемъ, что если молитва наша не будетъ теперь же услышана, то *намъ придется погибнуть»*.

А вотъ нѣсколько строкъ изъ письма того же генерала Перовскаго отъ 4 Января 1840 года, писаннаго тому же Булгакову, съ Эмбы:

«Поить скотину (верблюдовъ и лошадей) даже и самихъ себя, придется растаявшимъ снѣгомъ; но будетъ ли еще чѣмъ обратить его въ

воду? *Вотъ тутъ-то и бѣда*: вотъ гдѣ нужна намъ будетъ помощь свыше; человѣкъ тутъ безсиленъ»...

Но выступая въ походъ, да еще такой какъ Хивинскій, немыслимо было разсчитывать лишь на «помощь свыше», и мудрая Русская пословица не даромъ гласитъ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

—

Хивинская экспедиція обошлась, сравнительно, очень немного, если не считать погибнувшихъ солдатъ и офицеровъ: изъ ассигнованныхъ, на «военное предпріятіе противу Хивы», 1,698,000 рублей и 12 тысячъ червонныхъ (золотомъ), бережливый генералъ издержалъ лишь немного болѣе полумилліона рублей; да Башкирское войско, если перевести на деньги все, что́ оно доставило, истратило «болѣе милліона» рублей. Это «войско», какъ извѣстно, не платило въ то время никакихъ податей и не отбывало ни воинской, ни какой иной повинности; а потому, привлекая его къ участію въ расходахъ на Хивинскую экспедицію, Перовскій поступалъ вполнѣ справедливо.

Но если бы даже на эту экспедицію истрачено было не полмилліона только Русскихъ денегъ, но всѣ ассигнованные два и даже дважды-два милліона, то и тогда не слѣдовало бы объ этомъ много печаловаться. Если Англія пожертвовала болѣе 44-хъ милліоновъ металлическихъ рублей на Абиссинскую войну 1867—1868 гг., для освобожденія нѣсколькихъ десятковъ своихъ подданныхъ, захваченныхъ Абиссинцами, то нашему государству слѣдовало принести не меньшую жертву, памятуя о томъ, что въ неволѣ у Хивинцевъ томятся не десятки Русскихъ людей, а многія сотни. По счастію, почти всѣ наши плѣнники были освобождены Хивинцами, въ томъ же 1840 году; и съ этой стороны неудачный походъ въ Хиву генерала Перовскаго далъ, совершенно неожиданно, желаемые результаты. Случилось это такъ. Едва только проживавшіе въ Гератѣ Англичане узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что экспедиціонный отрядъ назначался не для изслѣдованія Аральскаго моря, а прямо для похода въ Хиву, они отправились сами въ Хиву и съумѣли склонить хана Алла-Кула на согласіе немедленно освободить Русскихъ плѣнниковъ и установить съ нами правильныя торговыя сношенія, т. е. воспретить ограбленіе Русскихъ купеческихъ каравановъ. Существуетъ извѣстіе, которое, по желанію Англичанъ, держалось въ началѣ въ большомъ секретѣ, что за всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ Англичане уплатили жадному Алла-Кулу своимъ собственнымъ золотомъ и даже приняли на себя всѣ путевыя издержки на обратное возвращеніе плѣнныхъ въ Оренбургъ: такъ велико было ихъ опасеніе новаго похода Русскихъ войскъ на Хиву, въ успѣхѣ

коего могъ сомнѣваться лишь тупой и высокомѣрный правитель Хивы гордый безводными и песчанными пустынями, окружавшими его ничтожное и безсильное государство.

И вотъ, 14-го Августа 1840 года, прибылъ въ Оренбургъ корнетъ Аитовъ съ двумя Русскими, бывшими плѣнниками Хивы, взятыми имъ въ путь въ видѣ прислуги; а спустя нѣсколько дней, пришли въ Оренбургъ же 416 человѣкъ обоего пола Русскихъ плѣнныхъ, томившихся долгіе годы въ Хивѣ, въ неволѣ. Ихъ сопровождалъ посланецъ хана Атаніасъ-Хаджи. При выступленіи ихъ изъ Хивы, каждому плѣннику дали на дорогу по золотому (4 рубля), по мѣшку муки и на каждыхъ двухъ человѣкъ по одному верблюду. Эти несчастные встрѣчены были въ Оренбургѣ очень торжественно и радушно: въ ихъ присутствіи былъ отслуженъ въ соборѣ благодарственный молебенъ и, затѣмъ, устроенъ былъ для нихъ обѣдъ на открытомъ воздухѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выстроенъ нынѣ театръ. Посмотрѣть на освобожденныхъ собралось полгорода, и въ это время разыгрывались тяжелыя и полныя глубокаго трагизма сцены: въ сѣдомъ, согбенномъ старикѣ иная женщина едва узнавала своего красавца-мужа, уведеннаго въ Хиву болѣе 25-ти лѣтъ назадъ; во взросломъ парнѣ, «уже потурчившемся», старуха-мать узнавала, по имени или по какимъ нибудь особымъ, внѣшнимъ примѣтамъ, своего дорогаго сына, схваченнаго Киргизами десятилѣтнимъ мальчикомъ и проданнаго въ Хиву...

Плѣнные разсказали тогда участникамъ бывшей экспедиціи въ Хиву всѣ подробности о снаряженіи двухъ-тысячнаго коннаго отряда Туркменовъ-Іомудовъ, о гибели этого отряда и о той «побѣдѣ», которая праздновалась Хивинцами, когда они узнали, что Русскій отрядъ покинулъ Чушка-Кульское укрѣпленіе и отступилъ на Эмбу.

Тѣже плѣнные явились неумолимыми обвинителями и правдивыми свидѣтелями противу купца Зайчикова, бывшаго, такъ сказать, тайнымъ коммиссіонеромъ по поставкѣ въ Хиву Русскихъ невольниковъ. Они разсказывали, затѣмъ, что ихъ, по доставкѣ въ Хиву, всячески склоняли принять мусульманство и, въ случаѣ успѣха, женили на Хивинкахъ. Съ дѣвушками поступали гораздо проще: ихъ прямо разбирали по гаремамъ. Если же замѣчали у плѣнника намѣреніе бѣжать, то дѣлали ему, немного повыше пятки, разрѣзъ, насыпали туда мелко нарѣзаннаго конскаго волоса и долго, искусственнымъ образомъ, растравляли рану, чтобы плѣннику нельзя было скоро ходить. Если же кто нибудь изъ плѣнныхъ убѣгалъ изъ Хивы и его ловили, то сажали, въ страхъ другимъ, на колъ, и несчастный умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Спастись отъ казни, въ случаѣ поимки, былъ лишь одинъ исходъ—принять исламъ и жениться на Хивинкѣ, что нѣкоторые и

дѣлали. Возвращенные плѣнные объяснили при этомъ, что всѣхъ Русскихъ людей жило въ Хивѣ, въ неволѣ, болѣе тысячи человѣкъ, преимущественно забранныхъ Туркменами съ рыбныхъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ и поставленныхъ Зайчиковымъ; но что во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1829 году, умерло ихъ болѣе половины; что и теперь еще осталось въ Хивѣ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ Русскихъ—частію по доброй волѣ, особенно женщины, не пожелавшія бросить въ Хивѣ прижитыхъ ими дѣтей, а то и по неволѣ, оставленные самимъ ханомъ, особенно любимые имъ, личные его слуги, которые умоляли возвращавшихся плѣнниковъ похлопотать за нихъ у Оренбургскаго начальства, дабы оно настояло и на ихъ возвращеніи. Вслѣдствіе этого, посланному хана, Атаніасу-Хаджи, было объявлено, что онъ и задержанные ранѣе Хивинцы будутъ лишь тогда освобождены, когда ханъ возвратитъ всѣхъ остальныхъ Русскихъ плѣнниковъ, насильно удержанныхъ имъ въ Хивѣ. Надо замѣтить, что въ Оренбургѣ содержалось подъ карауломъ тоже болѣе сотни Хивинцевъ: ихъ забирали въ то время, когда они являлись на мѣновой дворъ, по торговымъ дѣламъ. Мѣра эта подѣйствовала какъ нельзя лучше: въ концѣ того же 1840 года и въ Январѣ 1841, прибыли въ Оренбургъ изъ Хивы и всѣ остальные наши плѣнные; тамъ остались лишь три бѣглыхъ солдата, нѣсколько десятковъ потурчившихся женщинъ и около сотни Калмыковъ, которые сами не пожелали вернуться на родину, такъ какъ, будучи магометанами, поженились на Туркменкахъ и Хивинкахъ и обзавелись семьями и своимъ хозяйствомъ.

Тотчасъ же по прибытіи нашихъ послѣднихъ плѣнныхъ, были отправлены въ Хиву всѣ, забранные нами ранѣе, подданные хана Алла-Кула, надѣленные на дорогу болѣе щедро, чѣмъ надѣлены были наши. При отъѣздѣ изъ Оренбурга Атаніаса-Хаджи, съ нимъ былъ заключенъ обстоятельный торговый договоръ о безпрепятственномъ проходѣ въ Хиву и обратно Русскихъ купеческихъ каравановъ, и посланецъ хана далъ обѣщаніе, отъ имени своего правителя, воспретить отнынѣ Туркменамъ-Іомудамъ и Хивинскимъ Киргизамъ грабить въ степи наши караваны *).

Такимъ образомъ, экспедиція, предпринимавшаяся въ Хиву, дала всѣ тѣ результаты, которые отъ нея желались и ожидались, то-есть возвращеніе плѣнныхъ и свободу торговли. Вслѣдствіе такихъ мирныхъ

---

*) Къ сожалѣнію, договоръ этотъ не былъ даже оформленъ Хивинцами, такъ какъ ханъ отказался, въ первое посольство наше въ Хиву, въ 1841 году, подписать его. Впослѣдствіи, въ 1842 году, новому нашему посольству, благодаря перемѣнѣ правителя въ Хивѣ, удалось таки добиться подписанія торговаго договора, который, впрочемъ, выполнялся Хивинцами недолго. И. З.

и покорныхъ дѣйствій Хивинскаго хана, были отмѣнены въ томъ же 1840 году, по высочайшему повелѣнію, всѣ сдѣланныя генераломъ Перовскимъ, предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, распоряженія о новомъ походѣ въ Хиву. Приказъ о томъ былъ очень громкій, и воспослѣдовалъ онъ, главнымъ образомъ, по настоянію канцлера Нессельроде, очень желавшаго успокоить Англичанъ и какъ бы извиниться предъ ними, что безъ ихъ позволенія, мы рѣшились было двинуться на Востокъ...

Слѣдуетъ упомянуть, также, и о главномъ результатѣ, который дала Русскимъ военнымъ людямъ неудачная экспедиція генерала Перовскаго въ Хиву: она научила—*какъ снаряжать походы въ Среднюю Азію.* Горькимъ урокомъ 1839 г. воспользовался покойный К. П. Кауфманъ, не только въ системѣ и порядкѣ снаряженія самой экспедиціи и въ пути слѣдованія ея черезъ степь, но даже и во времени года: вмѣсто поздней осени, онъ двинулся въ Хиву раннею весною.

XIV.

Извѣстіе о поѣздкѣ Государя за границу.—Отъѣздъ генерала Перовскаго въ Петербургъ.—Сухой пріемъ у военнаго министра.—Томительныя ожиданія аудіенціи у Государя.—Приглашеніе прибыть въ Михайловскій манежъ.—Сцена съ гр. Чернышовымъ.—Свиданіе съ Государемъ.—Переѣздъ въ Петергофскій дворецъ.—Представленія къ наградамъ.—Новые помыслы о Хивинскомъ походѣ.—Отъѣздъ генерала Перовскаго за границу.

Когда генералъ-адъютантъ Перовскій вернулся въ Оренбургъ, то вскорѣ, изъ получаемыхъ имъ Петербургскихъ писемъ, онъ убѣдился окончательно, что о новомъ походѣ въ Хиву нечего было и думать; что, напротивъ, слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ, въ качествѣ обвиняемаго, и оправдываться. Объ этомъ, между прочимъ, писалъ ему неизмѣнно къ нему расположенный министръ двора, графъ В. Ѳ. Адлербергъ. Но ѣхать тотчасъ же въ Петербургъ было немыслимо: Перовскій нуждался хотя въ небольшомъ отдыхѣ, а его раны—въ лѣченіи; къ тому же, наступила въ Апрѣлѣ самая распутица.

Въ концѣ Апрѣля, Перовскій получилъ конфиденціальное письмо отъ Московскаго почтъ-директора Булгакова *), извѣщавшее его, что Государь собирается ѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Эмсъ. Это извѣстіе было крайне непріятно для Перовскаго, который, будучи безъ вины

---

*) А. Я. Булгаковъ былъ, какъ называли его, „всеобщій одолжитель“: онъ зналъ все и всѣхъ; для аристократическаго кружка Москвы онъ замѣнялъ нынѣшнія газеты и телеграфныя агентства. Этимъ и объясняются обстоятельныя сообщенія о походѣ въ Хиву, дѣлаемыя, нарочито, Перовскимъ въ его письмахъ къ Московскому почтъ-директору. И. З.

виноватымъ, желалъ, конечно, оправдаться какъ можно скорѣе; а для этого ему необходимо было личное свиданіе съ Государемъ, который (онъ зналъ и былъ увѣренъ) терпѣливо выслушаетъ его и не обвинитъ.

Въ половинѣ Мая, генералъ Перовскій выѣхалъ наконецъ въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ безостановочно и пробылъ лишь одинъ день въ Москвѣ; тѣмъ не менѣе, онъ прибылъ въ Петербургъ лишь 3-го Іюня. За два дня передъ тѣмъ, возвратился изъ за границы Государь; но графъ Адлербергъ, на содѣйствіе котораго и дружбу такъ разсчитывалъ Перовскій, не вернулся вмѣстѣ съ Государемъ, а остался на нѣкоторое время въ Эмсѣ, при больной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, лѣчившейся тамъ. Такимъ образомъ, Перовскій лишенъ былъ возможности предстательства предъ Государемъ и испрошенія у него аудіенціи.

На другой же день своего пріѣзда въ Петербургъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ силу обычной воинской дисциплины и установленнаго порядка, отправился представиться военному министру гр. Чернышову, своему завѣдомому недоброжелателю и тайному врагу. Гр. Чернышовъ принялъ его очень сухо, въ общей пріемной, ни о чемъ не спрашивалъ и на заявленіе Перовскаго, что онъ, по званію генералъ-адъютанта и по должности командира отдѣльнаго корпуса, желалъ бы представиться Государю, небрежно отвѣчалъ:

— Я извѣщу, когда Государю благоугодно будетъ васъ видѣть...

Въ той же пріемной военнаго министра, В. А. Перовскій могъ, лишній разъ, убѣдиться въ людскомъ ничтожествѣ, навыкшемъ поклоняться лишь успѣху: нѣсколько человѣкъ изъ числа представлявшихся и одинъ директоръ канцеляріи министра, бывшіе давними знакомыми генерала Перовскаго, постарались его не узнать и отвернулись отъ него.

Генералъ Перовскій вернулся отъ военнаго министра мрачный и почти больной, и для него настали самые горькіе и тяжелые, въ его славной и честной жизни, дни: прошла недѣля, другая, третья — отъ военнаго министра нѣтъ извѣстія о днѣ представленія Государю... Графъ В. Ѳ. Адлербергъ былъ все еще за границей... Въ это время никто, кромѣ близкихъ родныхъ, даже не посѣщалъ опальнаго губернатора: всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Постояннымъ собесѣдникомъ его былъ одинъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, пріѣхавшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ генераломъ; да еще заходили, изрѣдка, люди изъ кружка Жуковскаго и Плетнева, да пріятели и друзья В. И. Даля, который лежалъ въ это время больной въ Оренбургѣ... Лѣто въ Петербургѣ стояло удушливое и пыльное, и переносить его было для генерала Перовскаго особенно тяжело; переѣхать же куда-нибудь на

дачу, за городъ, генералъ не рѣшался—въ ежечасномъ ожиданіи приглашенія къ Государю, который, возвратясь изъ-за границы, жилъ то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петергофѣ и наѣзжалъ въ душный Петербургъ изрѣдка, не болѣе, какъ на нѣсколько часовъ. Наконецъ, въ концѣ 4-й недѣли томительнаго ожиданія, генералъ адъютантъ Перовскій получилъ отъ военнаго министра «приглашеніе» пожаловать на другой день къ Михайловскій манежъ, гдѣ имѣлъ быть разводъ въ присутствіи Государя, которому онъ и можетъ-де представиться.

На другой день, въ девять часовъ утра, генералъ В. А. Перовскій, одѣвшись въ полную парадную форму, былъ въ Михайловскомъ манежѣ. Оказалось, что все уже было готово, и лишь ожидали, съ минуты на минуту, прибытія Государя и великаго князя Михаила Павловича; военный министръ графъ Чернышовъ былъ тутъ же. Войдя въ манежъ и увидя, что въ сторонѣ войскъ, недалеко отъ праваго фланга, стоитъ небольшая группа генераловъ, съ членами и атташе какого то посольства, В. А. Перовскій, обойдя ихъ, сталъ совсѣмъ отдѣльно, неподалеку отъ этой группы. Военный министръ, раздосадованный уже тѣмъ обстоятельствомъ, что ген.-адъютантъ Перовскій не подошелъ къ нему и окружавшей его свитѣ, послалъ тотчасъ же своего адъютанта съ порученіемъ—предложить присоединиться къ общей группѣ генераловъ, имѣющихъ представиться въ этотъ день Государю.

Генералъ молча выслушалъ адъютанта и стоялъ на одномъ мѣстѣ «какъ окаменѣлый» (по словамъ имѣющагося у насъ письма); затѣмъ, медленно началъ ходить взадъ и впередъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Группа генераловъ и члены посольства съ недоумѣніемъ поглядывали на представительную фигуру молодаго генерала, одѣтаго въ красивый мундиръ атамана казачьихъ войскъ съ генералъ-адъютантскими вензелями и аксельбантами, въ высокомъ, мерлушчатомъ киверѣ, съ длиннымъ султаномъ и этишкетами, съ грудью, покрытою звѣдами и орденами—Русскими и иностранными, съ массою разныхъ медалей, между которыми первое мѣсто занимала почетная медаль за войну 1812 года; а этотъ генералъ, опустивъ, по привычкѣ, на грудь свою красивую курчавую голову, медленно прохаживался взадъ и впередъ на маленькомъ, намѣченномъ имъ пространствѣ манежа, усыпаннаго пескомъ.

Въ свитѣ графа Чернышова, когда вернулся адъютантъ, произошло нѣкоторое недоумѣніе и даже волненіе; затѣмъ, военный министръ послалъ втораго адъютанта съ слѣдующимъ приказаніемъ:

— Передайте ген.-адъютанту Перовскому, что военный министръ покорнѣйше проситъ его не нарушать обычнаго порядка и присоединить-

ся къ общей группѣ лицъ, желающихъ представиться сегодня Государю Императору.

Адъютантъ передалъ это распоряженіе; но генералъ Перовскій выслушалъ его также молча и даже не пріостановился въ своемъ медленномъ хожденіи взадъ и впередъ по песку манежа. Посланецъ, сильно озадаченный и переконфуженный, подъѣхалъ къ военному министру и доложилъ ему о своей неудачѣ...

Спустя нѣсколько минутъ, все зашевелилось и подтянулось: въ дверяхъ манежа показался Императоръ, сопутствуемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Государь быстрыми шагами подошелъ къ фронту, принялъ рапортъ военнаго министра и поздоровался съ людьми... Въ это время, взглядъ его повернулся въ бокъ: онъ увидѣлъ, что въ сторонѣ отъ всѣхъ стоитъ монументальная фигура генерала, съ поднятою «подъ козырекъ» правою рукою...

Государь нахмурился: очевидно, нарушался «обычный порядокъ»...

— Кто это такой? спросилъ онъ недовольнымъ голосомъ у военнаго министра.

— Это генералъ-лейтенантъ Перовскій, ваше величество.

— Перовсбій?! радостно воскликнулъ Государь, и быстро направился къ одиноко стоявшему генералу...

— Здравствуй, Перовскій, здравствуй!! торопливо заговорилъ Николай Павловичъ, и крѣпко поцѣловалъ Перовскаго.—Ка́къ я радъ, что вижу тебя!.. Давно ли ты пріѣхалъ?

— Почти уже мѣсяцъ, какъ я въ Петербургѣ.

— Почему же ты не явился до сихъ поръ ко мнѣ?! удивленно спросилъ императоръ.

— Такъ угодно было господину военному министру, отвѣчалъ Перовскій.

Лицо Государя омрачилось... Онъ взялъ подъ руку Перовскаго и, обращаясь къ великому князю, проговорилъ: — Замѣни, братъ, меня на сегодня, — и, совершенно не замѣчая графа Чернышова и его растеряннаго, поблѣднѣвшаго лица, вышелъ изъ манежа, по прежнему подъ руку съ Перовскимъ, посадилъ его съ собою въ коляску и повезъ во дворецъ... Въ тотъ же день, вечеромъ, Перовскій, по приглашенію Государя, перѣхалъ на жительство въ Петергофъ, гдѣ былъ въ это время Дворъ, и ему были отведены во дворцѣ особые покои.

Такимъ образомъ, вознагражденъ былъ этотъ мужественный, гордый и даровитый человѣкъ за всѣ свои страданія и муки и за всѣ приниженія, терпѣливо имъ вынесенныя. Въ лицѣ Русскаго царя, нашелся единственный справедливый и милостивый судія дѣлъ и несчастій

главнаго начальника экспедиціоннаго отряда, погибшаго въ неудачномъ походѣ въ Хиву *).

Болѣе двухъ дней императоръ Николай Павловичъ не отпускалъ отъ себя генерала Перовскаго ни на шагъ, какъ говорится: онъ внимательно разспрашивалъ и выслушивалъ все, что касалось несчастнаго похода и его бѣдствій. Государь, по разсказамъ самого Перовскаго, былъ особенно сильно пораженъ и тронутъ до слезъ, когда бывшій главный начальникъ отряда сталъ передавать ему подробно о страшной ночи на 10-е Февраля, когда, во время бурана, всѣ въ отрядѣ готовились къ смерти, и не стихни этотъ буранъ на другой день, на Эмбу не вернулся бы изъ «отдѣльной колонны» ни одинъ человѣкъ...

Государь самъ потребовалъ отъ Перовскаго, чтобы онъ немедленно сдѣлалъ общее представленіе къ наградамъ; при этомъ приказалъ ему представить буквально всѣхъ офицеровъ и генераловъ «и чтобы солдаты не были забыты»... Черезъ нѣсколько дней, представленіе это было сдѣлано и тотчасъ же утверждено Государемъ, поручившимъ Перовскому «лично передать его графу Чернышову для исполненія».

Боже мой, какъ согнулись тогда передъ Перовскимъ всѣ тѣ, которые такъ недавно отъ него отворачивались и старались даже совсѣмъ не узнавать его!.. А онъ, довольный и счастливый, словно помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ, скромно ходилъ по аллеямъ Петергофскаго парка, опустивъ на грудь свою курчавую голову и обдумывая новый походъ въ Хиву, настоятельную необходимость и неизбѣжность котораго онъ сознавалъ теперь болѣе чѣмъ прежде. Но всѣ его попытки въ этомъ направленіи были графами Нессельроде и Чернышовымъ отклонены. Въ началѣ Августа у Перовскаго вновь открылась дурно залѣченная старая рана въ груди, и Государь убѣдилъ его уѣхать лѣчиться за границу, пожаловавъ на это путешествіе 20 тысячъ рублей (асс.).

XV.

Всеобщія награды.—Увольненіе отъ службы и смерть генерала Ціолковскаго. —Миссія капитана Никифорова въ Хиву и его смерть.—Трагическая кончина генерала Данилевскаго.—Генералы Молоствовъ и Геке.—Подполковникъ Г. Н. Зеленинъ.—Назначеніе въ Оренбургъ генерала Обручева.—Вторичная служба генерала Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ.—Коканскій походъ и взятіе крѣпости Акъ-Мечети.—Возведеніе въ графское достоинство.—Смерть графа В. А. Перовскаго.

Вѣсти изъ Петербурга о ласковомъ и милостивомъ пріемѣ, оказанномъ генералу Перовскому Государемъ, дошли до Оренбурга вмѣстѣ

*) Въ Англіи, военные авторитеты того времени отдавали, тоже, должную дань героизму Перовскаго въ его несчастномъ походѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ относился къ нему знаменитый Веллингтонъ, восхищавшійся, именно, мужествомъ и самоотверженіемъ Перовскаго, какъ военачальника. И. З.

съ высочайшими приказами о пожалованныхъ за походъ наградахъ: эти вѣсти привезъ штабсъ-капитанъ Никифоровъ, явившійся въ Оренбургъ уже въ чинѣ капитана и съ пожалованнымъ ему орденомъ св. Владимира 4 й степени съ бантомъ. Эти вѣсти, равно какъ и пожалованныя награды, сильно порадовали и оживили совсѣмъ было пріунывшихъ участниковъ похода, оставшихся еще въ живыхъ. Всѣ получили или ордена, или слѣдующіе чины и по годовому не въ зачетъ окладу жалованья; всѣмъ нижнимъ чинамъ были даны также денежные награды, а юнкера и унтеръ-офицеры-топографы были произведены въ прапорщики; даже генералъ-маіоръ Ціолковскій получилъ Анненскую звѣзду, хотя, спустя всего недѣлю послѣ этой награды, въ Оренбургѣ полученъ былъ высочайшій приказъ, коимъ Ціолковскій увольнялся отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ. Эта отставка, состоявшаяся безъ желанія и прошенія жестокосердаго Поляка, сильно оскорбила его самолюбіе: онъ въ слѣдующую же ночь выѣхалъ въ свое имѣніе, отстоящее 80 съ чѣмъ-то верстъ отъ Оренбурга. Тамъ онъ вновь принялся было за прежнее, истязуя уже не солдатъ, а своихъ крѣпостныхъ людей; но они не въ силахъ были перенести звѣрскія жестокости этого злаго человѣка, и спустя всего три недѣли по отъѣздѣ Ціолковскаго изъ Оренбурга, въ этотъ городъ пришло извѣстіе, что генералъ убитъ своими крѣпостными. Случилось это такъ.

Тотъ самый поваръ, котораго Ціолковскій наказывалъ, во время экспедиціи, чуть не ежедневно, рѣшился избавить крѣпостную дворню отъ злаго барина, ставшаго еще болѣе злымъ по пріѣздѣ въ деревню, вслѣдствіе своей невольной отставки. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, поваръ выбралъ темный и теплый Августовскій вечеръ. Въ домѣ были отворены всѣ окна. Ціолковскій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ книгу, облокотившись головою на ладонь правой руки; пуля попала ему прямо въ високъ, такъ что онъ не пошевельнулся и даже не перемѣнилъ позы — какъ сидѣлъ, прислонившись къ письменному столу, такъ и остался. Поваръ, взглянувъ послѣ выстрѣла въ окно и увидя, что баринъ не упалъ, вообразилъ, что промахнулся и бросился бѣжать; неподалеку отъ дома была картофельная яма, въ которой онъ и спрятался; тамъ онъ просидѣлъ до утра, пока мимо ямы шли на работу крестьяне и громко говорили о смерти барина. Услышавъ слово «смерть», поваръ догадался, что онъ не далъ промаха, вышелъ изъ ямы, прямо прошелъ въ домъ, гдѣ былъ уже становой приставъ, объявилъ ему о своей винѣ и спокойно отдался въ руки правосудія. Таковъ, значитъ, былъ страхъ предъ генераломъ Ціолковскимъ, что предстоящее повару наказаніе чрезъ палача, на эшафотѣ, было ничто въ сравненіи съ тѣми истязаніями, которымъ

могъ подвергнуть виновнаго самъ Ціолковскій, еслибы поваръ промахнулся. «Такимъ образомъ, окончилъ свою жизнь этотъ варваръ рода человѣческаго», говорится въ имѣющихся у меня Запискахъ подполковника Г. Н. Зеленина.

—

Остается сказать еще нѣсколько словъ о другихъ дѣйствующихъ лицахъ нашего повѣствованія.

Капитанъ Никифоровъ былъ назначенъ, по рекомендаціи генерала Перовскаго, начальникомъ миссіи въ Хиву, отправленной туда въ 1841 году. Но онъ держалъ себя съ ханомъ Алла-Куломъ съ такимъ достоинствомъ, а по словамъ Хивинцевъ «такъ гордо и дерзко», что не добился у нихъ ничего и уѣхалъ изъ Хивы въ Оренбургъ съ неподписаннымъ торговымъ договоромъ. Возвращаясь, затѣмъ, съ отчетомъ о своей неудачной миссіи въ Петербургъ, онъ заѣхалъ по дорогѣ къ своей старушкѣ-матери въ ея маленькое имѣньице, находившееся близъ Сызрани, и тамъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца.

Командиръ авангардной колонны полковникъ Данилевскій отправился въ Хиву въ слѣдующемъ 1842 году, во главѣ цѣлаго посольства, добился-таки отъ хана подписанія торговаго трактата, былъ произведенъ за это въ генералъ-маіоры и перешелъ на службу въ Петербургъ. Жизнь свою онъ окончилъ трагически. Будучи замѣчательно красивъ собою и имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, онъ страстно влюбился въ одну Славянскую владѣтельную княжну и пользовался взаимностью; но на бракъ этотъ не согласились ея родители и рѣшили увезти ее на родину. Въ осенніе сумерки, на первой же почтовой станціи отъ Петербурга къ Москвѣ, едва только заложили лошадей въ карету, въ которой ѣхало семейство княжны и она сама, какъ къ лошадямъ спереди подошелъ высокаго роста молодой генералъ и выстрѣлилъ себѣ въ ротъ. Лошади поднялись было на дыбы, затѣмъ рванулись впередъ, и карета проѣхала по трупу уже скончавшагося Данилевскаго.

Генералъ-маіоръ Молоствовъ, воспротивившійся отступленію отряда съ Эмбы, былъ впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ Оренбургскаго казачьяго войска; а полковникъ Геке, въ чинѣ генералъ-лейтенанта назначенъ былъ наказнымъ же атаманомъ Уральскаго казачьяго войска.

Ген-лейт. Толмачевъ, погубившій окончательно свое здоровье во время экспедиціи, получилъ орденъ Бѣлаго Орла, полную пенсію и уѣхалъ къ себѣ на родину, въ Тамбовскую губ.

Сошли въ могилу почти и всѣ остальные участники героическаго зимняго похода въ Хиву въ 1839 году, и въ настоящее время, по прошествіи болѣе полувѣка со времени этой экспедиціи, въ Оренбургѣ и его уѣздахъ находятся въ живыхъ нѣсколько лишь человѣкъ, которые весьма охотно и съ замѣчательною скромностію разсказываютъ о всѣхъ ужасахъ, выпавшихъ на ихъ долю въ Хивинскомъ походѣ.

Изъ унтеръ-офицеровъ-топографовъ, бывшихъ въ отрядѣ совсѣмъ юношами, живы еще два брата Зеленины, оба подполковники въ отставкѣ; старшій изъ нихъ, Георгій Николаевичъ, составившій краткія записки о зимнемъ походѣ въ Хиву, получаетъ шестисотъ-рублевую пенсію и еще настолько бодръ и крѣпокъ, что служитъ безвозмездно членомъ мѣстнаго отдѣленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

Вмѣсто генералъ-адъютанта Перовскаго, командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и военнымъ губернаторомъ, былъ вскорѣ же назначенъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ, оставившій по себѣ въ Оренбургѣ добрую память честнаго и вполнѣ доступнаго человѣка.

—

Залѣчивъ кое-какъ свою тяжелую Турецкую рану за границей, генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій вернулся въ Россію, и его вновь стало тянуть на Востокъ. Онъ горячо доказывалъ необходимость и неизбѣжность нашего поступательнаго движенія въ Среднюю Азію. Его благосклонно выслушивали, но не соглашались съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки добился учрежденія въ Оренбургѣ особаго генералъ-губернаторства и былъ первымъ генералъ-губернаторомъ, назначеннымъ на этотъ постъ. Въ это время, сосѣдніе съ нами владѣтели Средне-азіатскихъ ханствъ вновь подняли головы и стали чинить нашимъ торговымъ людямъ всяческія обиды и притѣсненія. Дерзость ихъ особенно усилилась въ то время, когда они узнали, что единовѣрная имъ Турція находится съ нами въ войнѣ. Вслѣдствіе этого, въ 1853 году былъ предпринятъ генералъ-губернаторомъ В. А. Перовскимъ знаменитый Коканскій походъ, окончившійся для насъ полною побѣдою и взятіемъ сильной Коканской крѣпости Акъ-Мечети, переименованной впослѣдствіи въ «Фортъ-Перовскій». За этотъ собственно походъ Перовскій и возведенъ былъ, въ 1855 году, въ графское достоинство.

Оренбургскимъ краемъ В. А. Перовскій управлялъ до половины 1856 года. Въ Августѣ онъ уѣхалъ изъ Оренбурга въ Москву, на коронацію покойнаго Государя Александра Николаевича, и болѣе уже не

возвратился въ излюбленный имъ край: годы, долгій плѣнъ, походы и раны сломили, наконецъ, желѣзный организмъ Перовскаго... Онъ, по совѣту врачей, уѣхалъ въ Крымъ, и тамъ, въ имѣніи князя Воронцова Алупкѣ, 8 Декабря 1857 года, тихо скончался—одинокимъ какъ и жилъ. А такъ какъ, онъ, какъ бы предчувствуя свою скорую кончину, говорилъ, всего за недѣлю до смерти, окружающимъ, что радуется тому, что умираетъ вблизи Чернаго моря, постоянный шумъ и плескъ котораго ему такъ нравится, то его и похоронили въ извѣстномъ Георгіевскомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи Севастополя, на отвѣсномъ берегу моря; мѣсто же для гроба графа Василія Алексѣевича Перовскаго было высѣчено въ скалѣ, омываемой у своего подножія волнами этого вѣчно неспокойнаго моря...

Эпилогъ.

Со времени зимняго похода въ Хиву, прошло 33 года. Въ Хивѣ и въ Россіи смѣнились правители: Хивою заправлялъ гордый Мухамедъ-Рахимъ-Богударъ-Ханъ, въ Россіи царствовалъ императоръ Александръ Николаевичъ. Но нравы руководителей Хивинской политики и ихъ недоброжелательныя отношенія къ Россіи не измѣнились за это время къ лучшему; подущаемые иноземными совѣтниками, они, напротивъ, становились, годъ отъ году, хуже и хуже. Хивинцы не хотѣли признавать даже тѣхъ договоровъ, которые были ранѣе ими же самими подписаны. Когда мѣра Русскаго долготерпѣнія, наконецъ, истопцилась, предпринятъ былъ знаменитый походъ въ Хиву, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана,—и вотъ, въ саду Хивинскаго хана, 2-го Іюня 1873 года, произошла слѣдующая историческая сцена, которую мы, ради ея глубокаго интереса, и позволимъ себѣ привести здѣсь.

«Ханъ Мухамедъ-Рахимъ Богударъ вернулся, наконецъ, въ Хиву и явился къ побѣдителю.

«Генералъ Кауфманъ принялъ его подъ вязами, предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей, устланная теперь коврами, уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

«Едва разнесся по Хивѣ слухъ о пріѣздѣ хана, всѣ собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуясь видѣть властелина, о которомъ слышали такъ много. Теперь онъ довольно смиренно въѣхалъ въ свой собственный садъ, сопровождаемый свитой человѣкъ въ двадцать; когда же подъѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ве-

дущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и пошелъ пѣшкомъ, снявъ свою высокую баранью шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему, вѣроятно, часто приходилось самому видѣть выраженія почтительнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ... Затѣмъ, онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой, вѣроятно, его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ.

«Ханъ человѣкъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ... У него красивые большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая бородка и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду, онъ мущина очень крѣпкій и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широки пропорціонально этой вышинѣ и, на взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный ярко-синій шелковый халатъ, на головѣ была высокая Хивинская шапка. Смиренно сидѣлъ онъ, полу-стоя на колѣняхъ, предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были пріятнаго свойства, когда онъ очутился, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, у ногъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, славнаго «ярымъ-падишаха». Два человѣка эти представляли любопытный контрастъ: генералъ Кауфманъ ростомъ былъ чуть ли не на половину меньше хана, и въ улыбкѣ, скользившей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ *Русскаго историческаго врага*, сказывалась немалая доля самодовольства. Казалось, что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго военнаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мущинахъ. Во времена рыцарства ханъ этотъ, со своею могучею фигурой великана, былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обратилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ, весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ «Coeur de Lion»; а теперь самый послѣдній солдатъ въ Русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ, сказалъ генералъ Кауфманъ, вы видите, что мы, наконецъ, и пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщалъ это еще три года тому назадъ...

Ханъ.—Да, на то была воля Аллаха.

Генералъ Кауфманъ.—Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиной этому. Если бы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы

меня здѣсь. Другими словами, еслибы вы дѣлали то, что̀ я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ.—Удовольствіе видѣть ярымъ-падишаха такъ велико, что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генералъ Кауфманъ (смѣясь). Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно... Но перейдемъ къ дѣлу. Что̀ вы будете дѣлать? Что́ думаете предпринять?

Ханъ. Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей великой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного—быть слугой великаго Бѣлаго Царя.

Генералъ Кауфманъ. Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугой его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола: онъ только хочетъ доказать, что онъ достаточно могущественъ, чтобы можно было оказывать ему пренебреженіе, и въ этомъ, надѣюсь, вы теперь достаточно убѣдились. Великій Бѣлый Царь слишкомъ великъ, чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество, онъ готовъ теперь простить васъ и оставить попрежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, поговоримъ въ другой разъ.

Ханъ. Я знаю, что дѣлалъ очень дурно, не уступая справедливымъ требованіямъ Русскихъ, но тогда я не понималъ дѣла, и *мнѣ давали дурные совѣты*; впередъ я буду лучше знать, что̀ дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость и снисхожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ» *).

—

Сцена эта вознаграждала Россію за все: за гибель отряда князя Бековича-Черкасскаго, за оскорбленія, чинимыя нашимъ посламъ, за захватъ и тяжкую неволю Русскихъ подданныхъ, за грабежи торговыхъ каравановъ, словомъ *за все*—даже за неудачу зимняго похода 1839 года...

Ив. Захарьинъ.

Оренбургъ.
26 Января 1891 года.

———

*) „Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы", сочиненіе Макъ-Гахана Лондонъ, 1874 года („Русскій Вѣстникъ", 1875 г.).

ОПЕЧАТКИ:

Въ статьѣ „Хивинскій Походъ" на стр. 573, въ строкѣ 15-ой сверху напечатано: ... „легочныя спазмы... нанесеннаго ему", и пр.; слѣдуетъ: .... „легочныя спазмы—*послѣдствія удара*, нанесеннаго и т. д.

На стран. 567, въ строкѣ 21-ой сверху, вм. словъ: „уже лѣтъ", слѣдуетъ: „*мѣсяцевъ*"

3 Марта, Воскресенье. Гаврила Романовичъ говорилъ, что литературные вечера были отложены 26-го числа по случаю масляницы, а вчера—по причинѣ общаго говѣнья, но что въ будущую Субботу приглашаетъ къ себѣ Александръ Семеновичъ Хвостовъ, за которымъ считается очередь.

Есть на свѣтѣ люди, которымъ никогда ни въ чемъ нѣтъ удачи: что̀ бы они ни затѣвали, какъ бы обстоятельно ни обдумывали свои предпріятія, всегда подвернется какое-нибудь препятствіе, всегда сыщется какой-нибудь неожиданный случай, который разстроитъ ихъ намѣренія, уничтожитъ начинанія, собьетъ ихъ съ толку и, лиша всякой энергіи, заставитъ ихъ опустить руки и жить какъ прійдется, au jour la journée. Такихъ людей умники называютъ безпечными и даже—Богъ имъ судья! ни къ чему годными, а ханжи величаютъ юродивыми и большею частью чуждаются ихъ, какъ отверженныхъ Богомъ. Таковъ, напримѣръ, былъ умный и добрый Иванъ Захаровичъ Кондыревъ, котораго примѣрныя неудачи такъ вѣрно очертилъ Александръ Ханенко *) въ небольшомъ шуточномъ, но глубокомысленномъ къ нему посланіи:

И еслибъ сдѣлался ты шляпнымъ фабрикантомъ,
То люди стали бы родиться безъ головъ.

Таковъ былъ и Сергѣй Аѳанасьевичъ Волчковъ, о которомъ сегодня столько толковали и котораго странная и непостижимая судьба была предметомъ толковъ и разговоровъ Петербургскаго общества и самаго двора въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II. Кондыревъ, въ сравненіи съ Волчковымъ, могъ назваться счастливцемъ потому что, послѣ разныхъ утратъ въ семействѣ и состояніи отъ случаевъ совершенно непредвидѣнныхъ, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ умереть въ своемъ, хотя и тѣсномъ, углу и на своей постели въ присутствіи двухъ-трехъ человѣкъ, искренно его любившихъ; но Волчковъ не

*) Ханенко и Михайло Магницкій были лучшими воспитанниками Университетскаго Благороднаго Пансіона. Семенъ Родзянко увѣковѣчилъ ихъ въ преданіяхъ пансіонскихъ пародіею одной извѣстной оды, въ которой находится слѣдующее обращеніе къ директору пансіона А. А. Антонскому:

Въ *Ханенкахъ* ты, въ *Магницкихъ* славенъ;
Но гдѣ жъ ты самъ себѣ не равенъ?
Ты и въ *Колпинскихъ* тожъ Антонъ!

Братья Колпинскіе были воспитанники самыхъ ограниченныхъ способностей. Недостаткомъ памяти и отсутствіемъ всякаго соображенія они часто возбуждали насмѣшки другихъ воспитанниковъ; но Антонскій отличалъ ихъ за кроткое поведеніе и за благонравіе. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

имѣлъ и этого утѣшенія. Отлично образованный по тогдашнему времени, прекрасный собою, имѣя хорошее состояніе и независимый ни отъ кого, Волчковъ вступилъ въ военную службу и, какъ отличный молодой человѣкъ, былъ назначенъ состоять при графѣ Салтыковѣ, командовавшемъ тогда арміею въ Пруссіи. Въ сраженіи при деревнѣ Пильцигѣ, или Пальцигѣ, въ которомъ Русскіе остались побѣдителями, Волчковъ раненъ былъ въ ногу и лишился глаза, и долженъ былъ, послѣ весьма трудной и неудачной операціи, возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ женился, но выборъ супруги былъ несчастливъ: казавшаяся до свадьбы такою доброю и простосердечною, она вскорѣ, по совершеніи брака, обратилась въ сущаго демона и безъ стыда говорила, что если она вышла за калѣку, такъ потому только, что хотѣла имѣть положеніе въ свѣтѣ, и что считаетъ такого мужа, какъ Волчковъ, криваго и хромаго, не больше, какъ своимъ прикащикомъ. Отъ такого образа мыслей недалеко до разврата, и этотъ развратъ обнаружился во всей его гнусности; домъ Волчкова превратился въ адъ. Дѣлать было нечего, и послѣ многихъ совѣщаній съ знакомыми, совѣщаній, изъ которыхъ ничего другаго не вышло, кромѣ огласки и соблазна, супруги согласились разлучиться; но эту разлуку Волчковъ обязанъ былъ купить почти половиною своего состоянія. Раздѣливъ имѣніе, онъ полагалъ себя еще достаточно обезпеченнымъ и надѣялся прожить вѣкъ свой въ довольствѣ и спокойствіи, въ упражненіяхъ умственныхъ, занятіяхъ литературныхъ и художественныхъ; но какъ говорится, il a compté sans son hôte; начались внезапныя неудачи: то выгоритъ деревня, то случится неурожай, то выпадетъ скотъ, то возникнетъ процессъ, то обкрадетъ прикащикъ, такъ что бѣдный Волчковъ, маявшись года съ четыре, принужденъ былъ къ разнымъ тяжелымъ уступкамъ неблагопріятной фортунѣ; прежде продалъ домъ, тамъ заложилъ бо́льшую часть имѣнія, а наконецъ и самъ отправился экономничать въ Симбирскую деревню, въ которой ожидали его еще пущія несчастія. Явился на сцену самозванецъ Пугачовъ, губитель вѣрныхъ своему долгу дворянъ и помѣщиковъ. Клевреты злодѣя успѣли схватить Волчкова, мучили и терзали его, разграбили домъ, сожгли деревни, перевѣшали въ глазахъ его нѣкоторыхъ дворовыхъ людей, ему преданныхъ, и священника съ причетомъ, и хотѣли уже приняться за него самого, какъ вдругъ остановлены были, будто чудомъ, какимъ-то внезапнымъ извѣстіемъ о приближеніи отряда войскъ, и скрылись, оставивъ бѣднаго калѣку чуть живаго отъ нанесенныхъ ему побой, обливанья кипяткомъ и проч. и проч. Долго лечился Волчковъ въ Симбирскѣ; тѣлесныя раны его заживали медленно, но раны душевныя еще медленнѣе. Уныніе овладѣло имъ. Вмѣсто того, чтобъ приняться за выстройку вновь де-

ревни и приведеніе въ какой-нибудь порядокъ разстроенныхъ дѣлъ своихъ, онъ предоставилъ все на произволъ судьбы, и какъ человѣкъ дознавшій горькими опытами, что всѣ начинанія его, какъ бы ни были хорошо обдуманы, не могутъ имѣть благопріятныхъ послѣдствій, впалъ въ совершенное бездѣйствіе. Состояніе помѣщика, проживающаго въ деревнѣ бездѣйственно и беззаботно, лишаетъ уваженія, а лишеніе уваженія подрываетъ кредитъ, и вотъ Волчковъ имѣлъ несчастіе видѣть, какъ наслѣдственныя его помѣстья стали постепенно поступать во владѣніе несговорчивыхъ его кредиторовъ. Часъ-отъ-часу становился онъ бѣднѣе и бѣднѣе, и наконецъ, дойдя почти до совершеннаго убожества, долженъ былъ возвратиться въ опостылѣвшій ему Петербургъ, въ которомъ ожидала его жена и новыя бѣдствія.

Исторію Волчкова окончу послѣ. Теперь въ головѣ порученіе, которое мнѣ дать хотятъ; но дадутъ ли? Что-то не вѣрится, и едва-ли Ямпольскій не сказалъ это какъ-нибудь, наобумъ.

4 Марта, Понедѣльникъ. Илья Карловичъ говорилъ, что онъ точно заботится о доставленіи мнѣ постоянной и занимательной работы; но такъ-какъ это дѣло несовсѣмъ зависитъ отъ него, то и надобно подождать до времени. Я это предчувствовалъ.

«Лучше остаться безъ куска хлѣба, лучше лишиться головы, чѣмъ быть обязаннымъ своей фортуной безчестному человѣку», говорилъ во время óно молодой капитанъ Арсеньевъ. Такой образъ мыслей, пожалуй, многіе назовутъ донкихотствомъ, но между тѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ что-то унизительно тягостное въ одолженіяхъ безчестныхъ людей, что-то такое, въ чемъ благородный человѣкъ не хотѣлъ бы сознаться передъ другими, и чтò бы желалъ онъ позабыть самъ, какъ непріятный тяжелый сонъ.

Чтó жъ долженъ былъ чувствовать физически-разстроенный, но несовсѣмъ еще потерявшій сознаніе собственнаго достоинства бѣдный Волчковъ, когда сила жестокихъ обстоятельствъ подвергла его униженію не отказаться отъ пособій безчестной жены своей, пособій, которыя предложила она ему вслѣдствіе общаго о немъ сожалѣнія. Участіе этой женщины въ несчастной судьбѣ мужа основано было на свѣтскихъ приличіяхъ, тайномъ желаніи прослыть великодушною, и надеждѣ, что онъ отринетъ ея предложенія.

Но Волчковъ, по неблагоразумному совѣту одного довольно значительнаго при дворѣ лица, не только ихъ не отринулъ, но даже объявилъ, что желаетъ переѣхать къ женѣ въ домъ, потому что онъ формально съ нею не разведенъ и надѣлилъ ее состояніемъ, слѣдовательно и въ правѣ былъ желать совмѣстной съ нею жизни Эта рѣшимость

мужа огорчила жену; но ей поздно было отказаться отъ своихъ предложеній: во многихъ знатныхъ домахъ начали уже говорить, что Волчкова сошлась съ мужемъ, и хвалили ее, что она не захотѣла оставить его въ несчастномъ его положеніи.

И вотъ Волчковъ переѣхалъ къ женѣ, которая отвела ему особое помѣщеніе. Сначала онъ не имѣлъ причины жаловаться на свою рѣшимость: калѣку кормили, поили и укладывали спать во̀ время съ подобающимъ уваженіемъ; и даже старикъ, камердинеръ его, уцѣлѣвшій отъ Пугачевскаго побоища, пользовался нѣкоторымъ вниманіемъ въ домѣ; но это продолжалось недолго. Однажды вѣрная супруга ввела къ нему мальчика лѣтъ восьми и представила его какъ сына. «Это нашъ наслѣдникъ», сказала она довольно-ласково: «полюбите и благословите его». Волчковъ вытаращилъ глаза, и это движеніе его физіономіи равносильно было вопросу: откуда могъ взяться у насъ наслѣдникъ? «Нечего таращить глаза!» продолжала Волчкова: «это мой сынъ, слѣдовательно и вашъ».—«Можетъ быть, вашъ», возразилъ Волчковъ тихо и кротко, «но ужъ вѣрно не мой».—«Такъ вы отрекаетесь отъ него и хотите выставить меня какъ распутную женщину?»—«Напротивъ, я совсѣмъ этого не желаю, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ отказъ мой въ признаніи мальчика сыномъ. Пока не огласился проступокъ вашъ, никто не можетъ укорить васъ въ распутствѣ; но еслибъ я сегодня призналъ этого ребенка своимъ сыномъ, то завтра бы заговорили о вашемъ поведеніи, и конечно, мнѣніе свѣта было бы не въ вашу пользу». Волчкова съ бѣшенствомъ оставила мужа, и съ этой минуты начались его истязанія, какимъ умѣютъ подвергать только женщины, когда онѣ рѣшились быть не женщинами—то есть со всею настойчивостью, свойственною ихъ полу, и со всею злостью адскаго демона. Правда, эти истязанія были мелочны, но ѣдки и жгучи, какъ капли кипящаго металла. Женщина неспособна владѣть кинжаломъ; но что̀ значитъ кинжалъ въ сравненіи съ мильонами булавокъ и иголокъ, которыми она поражаетъ васъ ежечасно, ежеминутно, каждую секунду? Долго и терпѣливо сносилъ Волчковъ непостижимые поступки жены своей и всѣхъ ея приближенныхъ; но терпѣніе его наконецъ истощилось, и онъ, полуразрушенный, бѣжалъ изъ своего ада, къ князю Мещерскому *), который снисходительно пріютилъ страдальца, хотя и не надолго, потому что Волчковъ вскорѣ затѣмъ умеръ.

5 Марта. Вторникъ. Пишутъ изъ Москвы, что нашъ родной медикъ Ефремъ Осиповичъ Мухинъ издаетъ наблюденія свои надъ ко-

---

*) Князь Александръ Ивановичъ, тотъ самый, котораго кончину такъ краснорѣчиво воспѣлъ Державинъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

ровьею оспою, признанныя превосходными. Онъ дѣлалъ опыты надъ смѣшеніемъ обѣихъ матерій оспы, человѣческой и коровьей, и достигъ чрезвычайно важныхъ результатовъ, которые могутъ служить основаніемъ оспопрививанію. Хотя это и не по моей части, но нельзя не сообщить о томъ знакомымъ моимъ эскулапамъ, потому что

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ.

Я искалъ типографіи, въ которой могъ бы напечатать своихъ «Бардовъ» *). Кобяковъ рекомендовалъ мнѣ типографію театральную, куда мы вмѣстѣ съ нимъ и отправились. Содержатель ея—не кто другой, какъ Василій Ѳедотовичъ Рыкаловъ, и я чрезвычайно обрадовался случаю съ нимъ познакомиться. Знаменитый актёръ довольно большаго роста, тученъ, лицо круглое, глаза большіе на выкатѣ, физіономія подвижная и умная. Договорившись въ цѣнѣ за наборъ, печать и бумагу, я отдалъ ему свой манускриптъ и просилъ поручить корректуру хорошему корректору. «Вотъ этимъ я уже не могу служить вамъ», сказалъ мнѣ Василій Ѳедотовичъ, «корректоръ у меня для первыхъ оттисковъ есть, но хорошимъ его назвать не могу: послѣднюю корректуру потрудитесь держать сами; хорошіе корректоры у насъ, въ Петербургѣ рѣдкость». Это меня удивило; я объяснилъ Рыкалову, что у насъ, въ Москвѣ, во всѣхъ типографіяхъ есть корректоры отличные, особенно у Селивановскаго и Попова съ товарищи. «Дѣло другое», продолжалъ Рыкаловъ, «въ Москвѣ университетъ и множество студентовъ и грамотныхъ людей, неимѣющихъ занятій: они рады работать почти за ничто. Селивановскій человѣкъ привѣтливый и живетъ открыто: онъ приглашаетъ студентовъ къ себѣ, ласкаетъ ихъ, оставляетъ обѣдать, и они проводятъ у него цѣлые дни; а здѣсь, батюшка, грамотными людьми безъ денегъ не очень разживешься, и кто будетъ считать на дешевизну труда другаго, тотъ очень ошибется въ своихъ разсчетахъ». Рыкаловъ сказывалъ, что на сценѣ репетируютъ нѣсколько новыхъ комедій, въ которыхъ для него есть очень хорошія роли; между прочимъ *Полубарскія Затѣи* князя Шаховскаго и еще комедія Павла Сумарокова *Деревенскій въ столицѣ*.

Мы уговорились съ Кобяковымъ ѣхать завтра къ Самойловымъ. Пора познакомиться съ ними: эта чета талантливая и, говорятъ, живутъ между собою душа въ душу.

---

*) Небольшая поэма, заимствованная изъ Синеда (die October-Nacht). Авторъ „Дневника“ написалъ ее въ намѣреніи посвятить Державину и доказать ему, что поэмы въ родѣ Боброва сочинять не трудно. Это была великолѣпная ахинея, но тогда имѣла нѣкоторый успѣхъ, какъ большею частью все громкое, мрачное и напыщенное. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

6 Марта. Среда. Въ павильонѣ удивляются, что давно меня не видали. Старикъ обѣщается разсердиться не въ шутку, то-есть не погасконски, а добрыя трещотки увѣряютъ, что я бѣгу отъ нихъ: Vous nous fuyez, и точно бѣгу, только не отъ нихъ, а отъ самого себя. Говорятъ, что вообще лучше идти навстрѣчу бѣдѣ, чѣмъ дожидать ее, сложа руки. Правда ли? Мнѣ хочется испытать это надъ собою.

Самойловы—славная парочка. Мужъ очень неглупъ, и хотя мало образованъ, но любитъ свое искусство и судитъ о немъ основательно; а жена мила до чрезвычайности, простодушна, веселаго характера и не имѣетъ того нестерпимаго самолюбія, которымъ такъ заражены почти всѣ актрисы. Они живутъ за Торговымъ Мостомъ въ домѣ Латышова, который нанимается для помѣщенія артистовъ дирекціею театра. Въ квартирѣ ихъ все такъ порядочно, чисто и опрятно, что любо смотрѣть: они должны быть очень попечительны въ маленькомъ своемъ хозяйствѣ. Я встрѣтилъ у нихъ капельмейстера Антонолини, котораго совѣтами они также пользуются, хотя настоящій руководитель ихъ капельмейстеръ Кавосъ. Антонолини извѣстенъ талантомъ своимъ въ музыкальныхъ композиціяхъ и, сверхъ того, очень радушенъ, веселъ и словоохотливъ - настоящій Итальянскій маэстро. Онъ успѣлъ разсказать мнѣ многое о свойствѣ талантовъ Самойловыхъ и говорилъ, что при средствахъ, которыми надѣлила ихъ природа, они могли бы сдѣлаться первокласными артистами даже въ самой Италіи, еслибъ, къ сожалѣнію, музыкальное ихъ образованіе не было такъ ограничено; особенно Самойловъ съ своимъ неслыханнымъ теноромъ—огромнымъ, звучнымъ, пріятнымъ, доходящимъ до сердца, съ своими сценическими способностями, могъ бы быть однимъ изъ величайшихъ драматическихъ пѣвцовъ въ свѣтѣ.

Все это при первомъ случаѣ повѣрю я собственными своими глазами и ушами; но теперь покамѣстъ желалъ бы знать, отчего на здѣшнемъ театрѣ не даютъ такихъ оперъ, какъ «Волшебная Флейта», «Похищеніе изъ Сераля», «Донъ-Жуанъ», «Аксуръ» и проч., и довольствуются «Русалками», «Княземъ Невидимкою» и нѣкоторыми переводными изъ Французскаго опернаго репертуара. При такихъ талантахъ, каковы Самойловы, кажется, можно надѣяться на успѣхъ и болѣе музыкальныхъ оперъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они единственно участвуютъ. Мой математикъ-музыкантъ Рахмановъ едва только заслышитъ о «Русалкѣ», то бѣжитъ прочь и негодованіе свое изъявляетъ самыми энергическими выраженіями; да и самъ Воробьевъ не любитъ подобныхъ оперъ и называетъ ихъ «Англійскими». Рахмановъ говоритъ, что всѣ эти Русалки и прочая такая же дребедень только портятъ вкусъ публики, и дирекціи слѣдовало бы дать ему другое направленіе. На Нѣмецкомъ

театрѣ «Русалки» и «Чертова Мельница» даются большею частью по Воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, для публики особаго рода; но въ обыкновенные дни можно слышать оперы Моцарта, Сальери, Вейгля и другихъ знаменитыхъ композиторовъ, хотя эти оперы исполняются и не очень удовлетворительно. Рахманову очень хочется слышать на Русской сценѣ Глюкова «Орфея», и онъ увѣряетъ, что партія Орфея какъ разъ прійдется по голосу и средствамъ Самойлова. Вельяминовъ, по совѣту и настоянію Рахманова, занимается переводомъ этой оперы и, конечно, переведетъ ее хорошо; но едва ли они оба въ состояніи будутъ убѣдить дирекцію принять ее на театръ: не то время.

7 Марта. Четвергъ. Давно добивался я вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ здѣшнихъ театральныхъ артистовъ, о занимаемыхъ ими амплуа и объ окладахъ ихъ жалованья. Мнѣ хотѣлось сравнить состояніе здѣшняго театра съ состояніемъ Московскаго. Къ сожалѣнію, Кобяковъ доставилъ мнѣ списокъ артистовъ только съ отмѣтками ихъ амплуа, но безъ обозначенія ихъ содержанія; а о нѣкоторыхъ и совсѣмъ не упомянулъ, потому что, будто бы, упоминать о нихъ не стоитъ. Не кстати сострилъ! Во всякомъ случаѣ, изъ этого списка видно, что число Русскихъ актеровъ и актрисъ здѣшняго театра не такъ велико, какъ сначала я думалъ, и мало превышаетъ число актеровъ Московскихъ. Вотъ они всѣ: трагическіе, драматическіе, комическіе и оперные.

1) Яковлевъ, 2) Шушеринъ, 3) Сахаровъ, 4) Щениковъ, 5) Бобровъ, 6) Шараповъ, 7) Рыкаловъ, 8) Пономаревъ, 9) Рожественскій, 10) Каратыгинъ, 11) Прытковъ, 12) Орловъ, 13) Жебелевъ, 14) Бѣлобровъ, 15) Волковъ, 16) Глухаревъ, 17) Гомбуровъ, 14) Воробьевъ, 19) Самойловъ, 20) Чудинъ, 21) Биркинъ, 22) Каратыгина, 23) Семенова, 24) Сахарова, 25) Рахманова, 26) Ежова, 27) Петрова, 28) Самойлова, 29) Черникова, 30) Карайкина, 31) Сыромятникова, 32) Белье и нѣсколько другихъ.

Кто эти «другіе» и «другія»—мой Кобяковъ сообщить полѣнился, однакожъ дополнилъ свой списокъ тѣмъ, что въ числѣ дѣйствующихъ на сценѣ персонажей есть многія воспитанницы Театральнаго Училища, изъ которыхъ замѣчательнѣе всѣхъ, по красотѣ и таланту, Болина и меньшая Семенова.

А вотъ сюжеты и Французской труппы:

1) Ларошъ, 2) Дюранъ, 3) Деглиньи, 4) Дюкроаси, 5) Калланъ, 6) Фрожеръ, 7) Дамасъ, 8) Мезьеръ, 9) Флоріо, 10) Монготье, 11) Андріе, 12) Сен-Леонъ, 13) Клапаредъ, 14) Жозефъ, поступающій на мѣсто уѣзжающаго Сенъ-Леона, 15) Меесъ, 16) Дюмушель, 17) Андре; актрисы: 18) Вальвиль, 19) Лашассенъ, 20) Филисъ-Андріе, 21) Филисъ-Бертенъ, 22) Меесъ, 23) Бонне, 24) Монготье, 25) Милленъ, 26) Туссеръ-Мезьеръ и нѣкоторые другіе.

Опять «другіе»! Бога вы не боитесь, любезный Кобяковъ, неужели въ спискѣ и Нѣмецкихъ актёровъ такое же заключеніе?

1) Кудичъ, 2) Гебгардъ, 3) Вильде, 4) Брюкль, 5) Эвестъ, 6) Шульцъ, 7) Боркъ, 8) Миллеръ, 9) Рекке, 10) Линденштейнъ, 11) Цейбигъ, 12) Эльменрейхъ, 13) Дробишъ; актрисы: 14) Леве, 15) Гебгардъ-Штейнъ, 16) Дальбергъ, 17) Брюкль, 18) Эвестъ, 19) Штейнъ, 20) Шульцъ и прочіе.

Такъ и есть: вотъ и «прочіе». О Кобяковъ! вы искушаете мое терпѣніе. Взглянемъ теперь на списокъ артистовъ балетной труппы.

Балетмейстеры: 1) Дидло и 2) Вальберхъ; танцовщики: 3) Огюстъ, 4) Дютакъ, 5) Эбергардъ, 6) Гольцъ; танцовщицы: 7) Колосова, 8) Сенъ-Клеръ, 9) Иконина, 10) Новицкая, 11) Махаева, 12) воспитанница Данилова и много другихъ воспитанниковъ и воспитанницъ Театральной школы.

Нѣтъ ужъ, воля ваша, Петръ Николаичъ, а ваше «много другихъ» нестерпимо: за эту неаккуратность я попрошу Вельяминова отмстить вамъ аріями извѣстнаго его рукодѣлья.

Я не видалъ еще и половины всѣхъ этихъ персонажей на сценѣ: все было некогда, а, кажется, ничего не дѣлалъ и не дѣлаю.

8 Марта, Пятница. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ молодецкій проигрышъ и еще болѣе молодецкій отыгрышъ нашего Л. Д. Измайлова. Онъ понтировалъ у князя У**, державшаго огромный банкъ вмѣстѣ съ княземъ Ш** и многими другими дольщиками. Левъ Дмитріевичъ пріѣхалъ съ какого-то обѣда съ огромною свитою своихъ Рязанскихъ приверженцевъ, въ числѣ которыхъ, разумѣется, былъ и Кобяковъ, родитель моего пріятеля, поставщика переводныхъ оперъ. Войдя въ залу, Левъ Дмитріевичъ сѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, на которомъ метали банкъ, и задремалъ. Банкометъ спросилъ его, не вздумаетъ ли онъ поставить карты. Измайловъ не отвѣчалъ и продолжалъ дремать. Банкометъ возвысилъ голосъ и спросилъ громче прежняго: «Не поставите ли и вы карточку?» Измайловъ очнулся и, подойдя къ столу, схватилъ первую попавшуюся ему карту, поставилъ ее тёмною и сказалъ: «Бейте 50,000 р.» Банкометъ положилъ карты на столъ и сталъ совѣтоваться съ товарищами. «Почему жъ не бить?» сказалъ князь Ш**, «карта глупа; а не бивши не убьешь». Князь У** взялъ карты и соника убилъ даму. Измайловъ не перемѣнился въ лицѣ, отошелъ отъ стола и сказалъ только: «Тасуйте карты; я сниму самъ». Банкометъ стасовалъ карты и посовѣтовался еще разъ съ товарищами. Измайловъ подошелъ опять къ столу и велѣлъ прокинуть. Князь У** прокинулъ. «Фоска идетъ 50,000 и по второмъ абцугѣ Измайловъ добавилъ 50,000 мазу. У банкомета затряслись руки, и онъ взглянулъ на товарища такъ жалостно, что князь Ш**, не выдержавъ, усмѣхнулся и сказалъ ему: «Ну что жъ? знай свое, мечи да и только». Банкометъ повиновался, и чрезъ нѣсколько абцуговъ трефовая десятка проиграла Измайлову. Окружающіе его, Кобяковъ, Шаховской и другіе стали шептать ему на ухо, что не перестать ли, потому что, кажется, не везетъ; но этого довольно было, чтобъ совершенно взволно-

вать Измайлова, который все любитъ дѣлать наперекоръ другимъ. Онъ схватилъ новыя карты, выдернулъ изъ средины червонную двойку и сказалъ: «полтораста». Банкометъ помертвѣлъ и остолбенѣлъ. Минуты двѣ продолжалась его нерѣшимость, бить или не бить страшную карту; но князь Ш**, искусный пользоваться благосклонностью фортуны, опять ободрилъ своего собрата: «Чего испугался? не свои бьешь». Князь У** заметалъ. Долго не выходила поставленная карта, и всѣ присутствующіе оставались въ какомъ-то необыкновенно-томительномъ ожиданіи, устремя неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко бѣлѣвшуюся на огромномъ зеленомъ столѣ, потому что другіе понтёры играть перестали. Наконецъ, князь У**, противъ обыкновенія своего, сталъ метать, не закрывая картъ своей стороны, и червонная двойка упала направо. «Ухъ!» вскрикнулъ банкометъ. «Ухъ!» повторили его товарищи. «Ухъ!» возгласила свита Измайлова; но самъ онъ, не измѣнившись въ лицѣ и не смутившись ни мало, отошелъ отъ стола, взялъ шляпу, поклонился хозяевамъ и примолвилъ: «До завтра, господа; утро вечера мудренѣе», вышелъ вонъ изъ залы гораздо бодрѣе, нежели вошелъ въ нее. Тутъ начались совѣщанія: надобно ли будетъ на другой день продолжать метать ему банкъ, или удовольствоваться однимъ настоящимъ выигрышемъ. Большинствомъ голосовъ присудили метать до милліона, но проигрывать не болѣе настоящаго выигрыша.

На другой день былъ знаменитый бѣгъ, и стеченіе народа было чрезвычайное. Московскіе охотники собрались любоваться на «Красика», принадлежащаго родственнику графа Орлова, Лопухину, лошадь отличную во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по быстротѣ и правильности бѣга, такъ и по красотѣ. Эту лошадь, настоящій охотничій алмазъ, какъ ее называютъ, покамѣстъ держали подъ спудомъ, показывали не всякому, а нѣкоторымъ только охотникамъ по выбору, и проѣзжали не иначе, какъ по утрамъ. Она поручена въ наѣздку толстяку купцу Буренину, извѣстнѣйшему въ Москвѣ ѣздоку и страстному охотнику: «Красику» назначили цѣну баснословную: говорили, что и шесть тысячъ рублей ему не цѣна, и что, кромѣ Измайлова, купить его некому *).

Эти слухи дошли до Льва Дмитріевича, который тотчасъ смекнулъ, что покупка этой лошади въ такое время, когда онъ проигрался и когда о подвигѣ его затрезвонила Москва, можетъ быть для него очень кстати, потому что заставитъ перемѣнить направленіе общей болтовни

---

*) Автору „Дневника" удалось видѣть „Красика" у Измайлова, въ селѣ его Хитровщинѣ, въ 1814 году. Онъ точно былъ необыкновенно-красивъ и, не смотря на свои 15 лѣтъ, бѣгалъ еще рѣзво и сильно.

и забыть о его проигрышѣ, преувеличенномъ вдесятеро и занимавшемъ публику гораздо болѣе, нежели его самого. Онъ купилъ «Красика» тутъ же на бѣгу за семь тысячъ рублей, а вечеромъ отправился опять на игру къ князю У**.

Долго продолжалась игра, но Измайловъ какъ будто не рѣшался принять въ ней участіе. Только послѣ ужина придвинулся онъ къ столу и поставилъ на двѣ карты 75 тысячъ рубл. Банкометъ былъ бодрѣе и уже безъ робости металъ карты. Обѣ карты выиграли Измайлову; онъ загнулъ ихъ и сказалъ: «на слѣдующую талію». Князь У** стасовалъ карты и приготовился метать. Измайловъ поставилъ двѣ новыя карты и, не взглянувъ на нихъ, загнулъ каждую мирандолемъ. По второму абцугу онъ вскрылъ одну карту, которая оказалась десяткою и ужъ выигравшею соника; онъ перегнулъ ее и сказавъ: «по прокидкѣ», вскрылъ между тѣмъ другую карту, которая тоже оказалась десяткою и, слѣдовательно, также выигравшею, онъ перегнулъ ее и положилъ на первую очень покойно, какъ будто дѣло шло о десяткѣ рублей, а не о Дѣдновѣ *), съ которымъ онъ, въ случаѣ дальнѣйшаго проигрыша, рѣшился разстаться. У князя У** заходили руки, но дѣлать было нѐчего: карты поставлены мирандолемъ, и отступиться не было возможности. Послѣ нѣсколькихъ абцуговъ, десятка опять выиграла; банкометъ бросилъ карты и всталъ изъ-за стола, а Измайловъ прехладнокровно предложилъ загнуть еще мирандоль, но банкометы не согласились. «Ну, такъ мы квиты», сказалъ Измайловъ и тотчасъ же уѣхалъ домой, гдѣ, по случаю покупки «Красика», дожидались его многіе охотники съ поздравленіями и Цыгане съ своими молодецкими пѣснями и плясками.

Наша бѣлокаменная держится стариннаго своего правила: дѣлу время и потѣхѣ часъ. И милиція, и карточная игра идутъ своимъ чередомъ. Только не черезчуръ ли, родная, распотѣшилась? Въ прошедшемъ мѣсяцѣ писали и нынче пріѣзжіе разсказываютъ, что въ Москвѣ, отъ множества съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи помѣщиковъ, появился такой приливъ денегъ, что не знаютъ, куда ихъ дѣвать, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинственность престрашная: всѣ такъ и рвутся на службу.

10 Марта Воскресенье. Вчера у Хвостова познакомился съ Гнѣдичемъ. Онъ, кажется, человѣкъ очень добрый и не даромъ любилъ его Харитонъ Андреевичъ, но ужъ вовсе невзраченъ собою: кривъ и

---

*) Знаменитое село по Рязанской дорогѣ, на Окѣ, принадлежавшее Измайлову. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

такъ изуродованъ оспою, что грустно смотрѣть. Онъ убѣдительно приглашалъ меня къ себѣ и жалѣлъ, что далеко живемъ другъ отъ друга: квартира его у Знаменья, на самомъ концѣ Невскаго Проспекта. «Мы съ вами не чужіе», сказалъ онъ, «оба университетскіе, и вотъ вамъ рука на всегдашнее братство». Я извинился, что не успѣлъ быть у него съ Алексѣемъ Петровичемъ. «Да, Юшневскій мнѣ сказывалъ», продолжалъ онъ съ усмѣшкою, «что вы не хотѣли знакомиться со мною по случаю какого-то безпорядка вашихъ мыслей; но я надѣюсь, что теперь вы, по собственному выраженію вашему, совсѣмъ перемытились». Я покраснѣлъ и внутренно разбранилъ Юшневскаго за его нескромность. Гнѣдичъ читалъ свой переводъ седьмой пѣсни «Иліады», переводъ мастерской *), съ Греческаго подлинника и, по общему мнѣнію, ничѣмъ не хуже перевода первыхъ шести пѣсенъ Кострова, котораго Гнѣдичъ можетъ назваться достойнымъ продолжателемъ. Слушатели были въ восхищеніи. Гнѣдичъ читаетъ хорошо и внятно, только чуть ли не слишкомъ театрально и громогласно; на такое чтеніе у меня не достало бы груди.

Кромѣ обыкновенныхъ посѣтителей литературныхъ вечеровъ, я встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Москвы Павла Юрьевича Львова, который въ послѣдніе два года издавалъ еженедѣльникъ, подъ заглавіемъ *Московскій Курьеръ*. Я не читалъ этого «Курьера», равно какъ и другихъ его сочиненій и переводовъ, но, по разговорамъ его съ А. С. Шишковымъ и другими членами Россійской Академіи и низкимъ его поклонамъ, замѣтилъ, что едва ли не хочется ему попасть въ Академію. Если попадетъ, то любопытно будетъ знать, за какіе подвиги удостоится онъ этой чести, когда ни Карамзинъ, ни Мерзляковъ не попали еще въ Академію.

Гаврила Романовичъ представилъ меня А. Н. Оленину. Это маленькій и очень проворный человѣчекъ, въ военномъ милиціонномъ мундирѣ съ зеленымъ перомъ. Онъ очень благосклонно приглашалъ къ себѣ, но только по вечерамъ: иначе, онъ рѣдко бываетъ дома. Оленинъ разсказывалъ, между прочимъ, о какихъ-то вновь вышедшихъ двухъ книжкахъ, подъ самыми нелѣпыми заглавіями, какъ-то: «Ахъ, какъ вы глупы, господа Французы!» и еще «Путешествіе дьявола и глупости, или причины возмущеній Франціи и Брабанта» и проч.; къ послѣднему заглавію прибавлено: «печатано въ лунѣ, въ четвертое лѣто царствованія Каннибаловъ». Удивлялись, какъ находятся люди, которые въ такую важную эпоху занимаются такими вздорными сочиненіями!

---

*) Авторъ „Дневника“ такъ думалъ въ то время и сознается въ своемъ заблужденіи. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Утверждаютъ, что Государь непремѣнно желаетъ употребить въ настоящее военное время старыхъ, опытныхъ генераловъ царствованія императрицы Екатерины, и что, не смотря на непостижимый поступокъ графа Каменскаго, внезапно удалившагося изъ арміи, Государь твердо стоитъ въ своемъ намѣреніи, и потому третьяго дня изволилъ опредѣлить въ службу генерала князя Прозоровскаго, который нѣкогда былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а недавно избранъ командующимъ 6-ю областью милиціи; онъ старшій изъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ и въ этомъ качествѣ въ прошломъ году подносилъ Государю орденъ Св. Георгія. Увѣряютъ, что онъ вскорѣ пожалованъ будетъ фельдмаршаломъ.

Едва ли у А. С. Шишкова еще не больше страсти къ морскому дѣлу и къ своимъ морякамъ, чѣмъ къ самой литературѣ. Онъ съ такимъ горячимъ участіемъ и такъ восторженно разсказывалъ о подвигѣ какого-то лейтенанта Скаловскаго, о которомъ писалъ ему вице-адмиралъ Синявинъ, что я на него залюбовался. Этотъ Скаловскій, командиръ небольшаго брига, застигнутъ былъ затишьемъ въ недальнемъ разстояніи отъ Спалатро. Находившіеся тамъ Французы, увидя его въ этомъ положеніи, немедленно выслали противъ него нѣсколько большихъ канонерскихъ лодокъ, на которыхъ число пушекъ и людей вчетверо было больше, чѣмъ у Скаловскаго. Всѣ считали погибель его неизбѣжною: ничего не бывало! Скаловскій, не теряя присутствія духа и бодрости, отпаливался отъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, что одну лодку потопилъ, а другую изрѣшетилъ такъ, что онѣ должны были возвратиться въ Спалатро. Правда, и онъ потерпѣлъ немало: корпусъ брига и такелажъ до такой степени были избиты, что Скаловскій насилу и кой-какъ могъ доплыть до Курцоли.

Гаврила Романовичъ очень доволенъ, что взысканный имъ нѣкогда И. П. Лавровъ, служившій въ послѣднее время экспедиторомъ Министерства Юстиціи, назначенъ на сихъ дняхъ правителемъ Канцеляріи Комитета 13-го Января. Это постъ важный и требуетъ отъ человѣка, его занимающаго, особой сметливости, доброты душевной и безкорыстнаго трудолюбія. Лавровъ человѣкъ строгихъ правилъ, хотя формы его вовсе не изящны и часто бываютъ предметомъ насмѣшекъ.

Государь отправляется въ армію на этой недѣлѣ, не позже 16-го числа. Свита его будетъ по прежнему немногочисленна.

11 Марта. Понедѣльникъ. Иванъ Аѳанасьевичъ сказывалъ, что завтра утромъ Крюковской будетъ читать у него свою трагедію «Пожарскій», и что по этому случаю онъ пригласилъ къ себѣ Яковлева и Шушерина, которымъ назначаются главныя роли. Какъ ни совѣстно

было мнѣ напрашиваться къ старику, но любопытство превозмогло, и я попросилъ его дозволить мнѣ прійдти къ нему во время чтенія. «Милости просимъ, душа», сказалъ онъ, «если занятія по должности вамъ не помѣшаютъ». Занятія по должности! Да это злой сарказмъ!

Я замѣтилъ, что въ Коллегіи мелкіе чиновники раздѣляются на два разряда, то-есть на такихъ, которые, подобно мнѣ, ежедневно ходятъ къ должности, и также, подобно мнѣ, рѣшительно ничего не дѣлаютъ, и другихъ, которые почти никогда въ Коллегіи не бываютъ, а между тѣмъ имѣютъ постоянныя занятія. Желалъ бы и я знать: какая причина такому неравенству въ распредѣленіи работы? Ну пусть бы не занимали тѣхъ, которые не хотятъ, или не умѣютъ ничего дѣлать; но за что́ должны бить баклуши мы, грѣшные, когда у насъ есть и добрая воля и кой-какія способности? Ужъ не отъ недостатка ли довѣрія пренебрегаютъ нами, или отъ того, что начальники, привыкнувъ къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, чуждаются новыхъ физіономій и тяготятся ими? Право, становится скучно и даже досадно: нѣтъ въ виду никакой выслуги и, пожалуй, прійдется опять приняться за поэзію, или таскаться по театрамъ; да на бѣду и театры закрыты до Пасхи—куда ни кинь, такъ клинъ. Князь Петръ Васильевичъ правъ: «въ Коллегіи столько васъ, что ни до чего не добьешься», сказалъ умный министръ и слова его подтверждаются на опытѣ *).

Изъ всѣхъ способовъ возбужденія къ успѣшному составленію милиціи самымъ дѣйствительнѣйшимъ въ Москвѣ оказался самый простѣйшій, приведенный въ исполненіе на основаніи Высочайшаго рескрипта Тутолмину отъ 1-го Января. Этимъ рескриптомъ повелѣно: имена всѣхъ избранныхъ дворянствомъ начальниковъ земскаго войска, областныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ, равно и сдѣлавшихъ приношенія и пожертвованія въ пользу милиціи, внести въ особую часть дворянской родословной книги. Пріѣзжіе изъ Москвы разсказываютъ, что хотя бѣлокаменная и безъ этого побужденія дѣйствовала бы съ одинаковымъ усердіемъ и самоотверженіемъ, но едва ли бы съ такою необыкновенною поспѣшностью проявила она эту воинственность, которой такъ удивляются. Не только дворянство Московской губерніи, но и всѣ прочія сословія Москвы находятся въ какомъ-то чаду, и вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ они не слышатъ земли подъ собою и такъ беззаботно живутъ, какъ будто бы завтра ожидало ихъ преставленіе свѣта: дымъ коромысломъ и послѣдняя копейка ребромъ!

12 Марта. Вторникъ. Трагедія Крюковскаго должна имѣть огромный успѣхъ на сценѣ, потому что всѣ почти стихи въ роли князя Пожар-

---

*) См. выше, 21-го Декабря 1806 г.

скаго имѣютъ отношеніе къ настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ и патріотическимъ чувствованіямъ народа. Такіе возгласы, какъ, напримѣръ:

„Москва не мать ли мнѣ?"

произнесенныя Яковлевымъ, хоть у кого расшевелятъ сердце. Дмитревскій казался въ восхищеніи и почти при всякомъ стихѣ приговаривалъ: «браво! прекрасно! безподобно! и проч., называлъ автора вторымъ Озеровымъ, поздравлялъ Яковлева съ великолѣпной ролью и благодарилъ Бога, что могъ дожить до такой блистательной эпохи нашей сценической литературы. Авторъ вѣрилъ ему на слово и былъ внѣ себя отъ удовольствія. «А вотъ князь Шаховской замѣтилъ мнѣ многое», сказалъ онъ, «и я, по совѣту его, перемѣнилъ нѣкоторыя ситуаціи и даже сократилъ кой-какія тирады».—«И хорошо сдѣлали», подхватилъ Дмитревскій; «князь Александръ Александровичъ знаетъ дѣло, и совѣтами его пользоваться не мѣшаетъ: оно, знаете, со стороны виднѣе; и хотя ваша трагедія теперь не имѣетъ никакихъ погрѣшностей, но, вѣроятно, прежде можно было кое-что замѣтить». При этой фразѣ Яковлевъ повернулся на стулѣ, а Шушеринъ слегка усмѣхнулся.

Крюковской, бѣлокурый молодой человѣкъ, пріятной наружности, одѣтъ щеголевато, говоритъ недурно, но читаетъ плохо, а между-тѣмъ, кажется, думаетъ, что читаетъ хорошо. По окончаніи чтенія, онъ вскорѣ распростился съ Дмитревскимъ и отправился къ князю Шаховскому условиться съ нимъ о постановкѣ своей трагедіи на сцену и о времени ея представленія. «Послѣ благопріятнаго вашего отзыва, Иванъ Аѳанасьевичъ», сказалъ онъ, откланиваясь, «я не имѣю больше причины сомнѣваться въ успѣхѣ моей пьесы».

Едва только счастливый авторъ вышелъ изъ комнаты, Дмитревскій спросилъ Яковлева и Шушерина, нравятся ли имъ назначенныя для нихъ роли. Яковлевъ очень дѣльно отвѣчалъ, что роль Пожарскаго, какъ и всякая другая роль, которую не надобно изучать, а только выучить наизусть, чтобъ потомъ, не заботясь объ игрѣ, хватать аплодисменты на лету, не можетъ не нравиться актеру, и что онъ, съ своей стороны, очень ею доволенъ. «А вотъ каково-то будетъ инымъ прочимъ», прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на Шушерина, «и что̀ сдѣлаетъ Яковъ Емельянычъ изъ роли Заруцкаго—такъ мы увидимъ».—«Якову Емельянычу поздно дѣлать что нибудь изъ какой бы то ни было роли, а тѣмъ болѣе изъ такой ничтожной и безцвѣтной, какова роль Заруцкаго», отвѣчалъ Шушеринъ; «онъ будетъ играть и ее также, какъ игралъ роль князя Бѣлозерскаго, то-есть какъ-нибудь, чтобъ только публикѣ

было не противно. Сами видите, Алексѣй Семенычъ, что я старѣю и хилѣю; грудь и органъ слабѣютъ. Теперь вамъ подобаетъ рости, мнѣ же малитися».—«Ну, вотъ вы сейчасъ состарѣлись и занемогли!» перехватилъ Яковлевъ, «а того и смотри, что какъ получите пансіонъ, такъ переживете и меня».—«Мудрено, Алексѣй Семенычъ: я двадцатью годами постарѣе васъ...»—«И тридцатью похитрѣе», примолвилъ, смѣясь, Яковлевъ, находившійся въ веселомъ расположеніи духа. «А сколько лѣтъ быть должно нашему Петру Алексѣичу?» спросилъ Шушерина Дмитревскій. «То-есть Плавильщикову? Да онъ семью годами моложе меня», отвѣчалъ Шушеринъ: «я родился въ 1753 году, а онъ въ 1760-мъ».—«Ну такъ вы съ Плавильщиковымъ могли бы быть моими сыновьями, а Алексѣй внукомъ», сказалъ Дмитревскій: «я родился въ 1733 году, то-есть ровно за сорокъ лѣтъ до рожденія Алексѣя и 20 лѣтъ до вашего появленія на свѣтъ Божій. Много съ вами пережили мы добраго и худаго, Яковъ Емельянычъ; только на мою долю досталось болѣе, чѣмъ на вашу того и другаго. Какъ быть! У всякаго изъ насъ была своя свѣтлая полоса въ жизни; моя прошла, а ваша проходитъ—чтожъ? по крайней мѣрѣ мы не лишены утѣшительныхъ воспоминаній, которыхъ многіе не имѣютъ».

Мы вышли отъ Дмитревскаго вмѣстѣ съ Яковлевымъ, который вдругъ сдѣлался печаленъ и задумчивъ. «Вы куда отправляетесь?» спросилъ онъ меня угрюмо. «Домой», отвѣчалъ я.—«Пойдемте ко мнѣ обѣдать».—«Какой же теперь обѣдъ? Еще рано».—«Я обѣдаю всегда почти въ первомъ часу. Право, пойдемте. Отобѣдаемъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ; вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе».—Если такъ, то извольте, я вашъ гость, и тѣмъ охотнѣе, что мнѣ хочется знать мнѣніе ваше о трагедіи Крюковскаго.

И вотъ мы пришли и усѣлись за небольшой столикъ, поставленный у стѣны и накрытый, вмѣсто скатерти, цвѣтною салфеткой. Выпивъ, по приглашенію хозяина, рюмку травнику и закусивъ ломтикомъ паюсной икры, я хотѣлъ было завести съ нимъ рѣчь о трагедіи, но толстобрюхій Семеніусъ принесъ миску щей съ двумя кусками холодной кулебяки и заставилъ меня отложить диссертацію до окончанія обѣда, который, впрочемъ, продолжался недолго и конченъ былъ на второмъ блюдѣ, состоявшемъ изъ жареныхъ окуней. Яковлевъ неприхотливъ и умѣренъ въ пищѣ.

«Ну теперь, Алексѣй Семенычъ, что́ скажете вы о «Пожарскомъ?» спросилъ я моего амфитріона.—«А что́ я сказать могу», отвѣчалъ онъ, «кромѣ того, что̀ сказалъ уже Дмитревскому: роль Пожарскаго славная для меня роль, потому что мнѣ аплодировать станутъ такъ, что затрещитъ театръ. Что́ же касается до другихъ ролей, то я думаю,

онѣ такъ вялы и безхарактерны, что никакой талантъ не въ состояніи создать изъ нихъ что-нибудь дѣльное. Впрочемъ, это и натурально, потому что въ трагедіи нѣтъ никакой интриги, на основаніи которой можно было бы развить характеры и страсти участвующихъ въ ней лицъ; но дѣло не въ томъ: какъ ни плоха пьеса Крюковскаго въ художественномъ отношеніи, однакожъ, слава Богу, что начинаютъ появляться и такія пьесы, потому что онѣ хорошо написаны и содержатъ въ себѣ много прекрасныхъ стиховъ. Разумѣется, «Пожарскій»— одна попытка молодаго писателя и, будучи на мѣстѣ Дмитревскаго, я не сталъ бы такъ превозносить автора, а далъ бы ему добрый совѣтъ и указалъ бы на слабыя мѣста его трагедіи; а то старый хитрецъ тотчасъ произвелъ его и въ Озерова*). Поди, добивайся отъ него правды!»

Я замѣтилъ Яковлеву, что Дмитревскій, вѣроятно, потому не говоритъ этой правды, что ея не слушаютъ; а безъ настоящей пользы дѣлу, кому охота обижать чужое самолюбіе? «Богъ его знаетъ», возразилъ онъ; «можетъ быть, и такъ; но я его не понимаю, хотя и люблю, какъ роднаго отца. Добро бы онъ хитрилъ съ другими, а то и со мною поступаетъ точно также. Иногда чувствуешь самъ, что игралъ не такъ, какъ бы слѣдовало, а онъ тутъ-то и начнетъ хвалить тебя на чемъ свѣтъ стоитъ; въ другой же разъ играешь отъ всей души, разовьешь всѣ свои средства, самъ бываешь доволенъ собою и публика въ восхищеніи, а онъ, вмѣсто справедливаго одобренія, и порадуетъ тебя обыкновеннымъ проклятымъ своимъ комплиментомъ: «ну конечно, можно бы, душа, и лучше; да какъ быть!»

Я смекнулъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился откровенно сообщить Яковлеву свои мысли. «Знаете ли, Алексѣй Семеновичъ», сказалъ я: «вы едва ли не заблуждаетесь на счетъ Дмитревскаго въ отношеніи къ вамъ; я думаю, что онъ вовсе не хитритъ съ вами. Если вы не разсердитесь, то я вамъ это поясню».—«Прошу покорнѣйше. Только врядъ ли вамъ удастся разувѣрить меня въ томъ, въ чемъ я убѣжденъ пятнадцати лѣтнимъ опытомъ, то есть съ тѣхъ поръ, какъ знаю Дмитревскаго».—

---

*) Не одинъ Дмитревскій такъ думалъ въ то время. Нашлись люди, которые отдавали даже преимущество Крюковскому передъ Озеровымъ, вслѣдствіе чего авторъ „Пожарскаго", вскорѣ по представленіи своей трагедіи, отправленъ былъ на казенный счетъ въ Парижъ *для усовершенствованія трагическаго таланта.* Тамъ жилъ онъ около двухъ лѣтъ, если не больше, написалъ преплохую трагедію „Елисавета", которую даже и на театръ поставить было невозможно, и разстроенный здоровьемъ, возвратился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

„Свѣжо преданіе—а вѣрится съ трудомъ!"

Позднѣйшее примѣчаніе.

«Я и не намѣренъ разувѣрять васъ, а только хочу сказать, что̀ думаю».—«Ну, такъ говорите».—«Вотъ видите ли: между вами должно быть недоразумѣніе, которое происходитъ отъ того, что вы смотрите на искусство съ разныхъ точекъ зрѣнія, а затѣмъ и дарованія ваши неодинаковы. Вы—дитя природы, а онъ—чадо искусства; средства ваши огромны, а онъ имѣлъ ихъ мало и замѣнялъ ихъ чѣмъ могъ: умомъ и эффектами, которыхъ насмотрѣлся вдоволь на иностранныхъ театрахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что все то, что́ кажется хорошо вамъ, не можетъ нравиться Дмитревскому, который желалъ бы видѣть въ васъ другаго себя. Вы сказали, что онъ хвалитъ васъ именно тогда, когда, по мнѣнію вашему, вы играете слабо, и бываетъ недоволенъ вами въ то время, когда вы бываете довольны собою и развиваете всѣ огромныя средства вашего таланта. Что жъ это доказываетъ?—то, что Дмитревскій желалъ бы, чтобъ эти средства не увлекали васъ за тѣ предѣлы, которые искусство поставило таланту. Онъ послѣдователь Французской театральной школы; а всякій послѣдователь этой школы почитаетъ не только излишнее увлеченіе, но даже излишнее одушевленіе актера на сценѣ нѣкоторымъ неуваженіемъ къ публикѣ. Я, съ своей стороны, совершенно противнаго мнѣнія, и люблю видѣть васъ на сценѣ во всей безъискусственной простотѣ вашего таланта, но долженъ сказать, что Дмитревскій такъ же вѣренъ своимъ понятіямъ и правиламъ; и если онъ, по робкой природѣ своей, опасаясь обидѣть наше самолюбіе, не говоритъ правды намъ, или высказываетъ ее обиняками, то съ вами онъ, конечно, не хитритъ, а говоритъ, что̀ думаетъ, только посвоему. Я почти увѣренъ, что въ роляхъ драматическихъ онъ всегда бываетъ довольнѣе вами, чѣмъ въ другихъ роляхъ, требующихъ сильнѣйшаго увлеченія, потому что условія драмы не дозволяютъ вамъ предаваться вполнѣ вашей энергіи».—«То-есть, вы хотите сказать, что я кричу», подхватилъ Яковлевъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ: «это я слышалъ отъ многихъ такъ называемыхъ знатоковъ нашего театра».—«Вы не поняли меня, Алексѣй Семенычъ», отвѣчалъ я: «напротивъ, вы слышали уже, что я люблю видѣть васъ на сценѣ во всей безъискусственной простотѣ вашего таланта, но я—публика, и Дмитревскій—профессоръ декламаціи, мы совершенно противоположнаго образа мыслей. Я—публика требуемъ сильныхъ ощущеній, и для насъ все равно, какимъ образомъ вы ни произвели въ насъ эти ощущенія; но Дмитревскій смотритъ на игру вашу, какъ художникъ, не довольствуется тѣмъ, что вы заставляете его плакать или поражаете ужасомъ: ему надобно, чтобъ вы заставили его плакать или поразили ужасомъ, оставаясь въ предѣлахъ тѣхъ понятій, которыя онъ составилъ себѣ объ искусствѣ и внѣ которыхъ для него нѣтъ превосходнаго актера».—«Мнѣ кажется, вы

зарапортовались», сказалъ, улыбаясь, Яковлевъ: «не лучше ли выпить пуншу?» Я хотѣлъ отвѣчать, что за пуншемъ толковать можно, какъ неожиданно вошелъ Сергѣй Ивановичъ Кусовъ въ сопровожденіи шута Тычкина *), имѣющаго особый даръ развеселять Яковлева; разумѣется, о театрѣ не было больше и помину, и диссертація о Дмитревскомъ смѣнилась необходимыми возліяніями Вакху.

13 Марта, Среда. Сегодня на вопросъ мой В. А. Полѣнову: въ какомъ разрядѣ чиновниковъ считаюсь я по Коллегіи, онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ считаться наравнѣ съ другими, при разныхъ должностяхъ. «Какъ при разныхъ должностяхъ», возразилъ я, «когда я ничего не дѣлаю?» — «Да и другіе тоже ничего не дѣлаютъ», отвѣчалъ онъ, «и есть между вами тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, а камеръ-юнкеровъ и много». И онъ показалъ мнѣ списокъ нашей братьи-тунеядцевъ, въ заглавіи котораго именно стоитъ: «Состоящіе при разныхъ должностяхъ». Я очень былъ радъ узнать о томъ и теперь необлыжно могу увѣрить своихъ, что я, за неимѣніемъ никакой должности, состою «при разныхъ должностяхъ».

Вчера, въ день восшествія на престолъ Государя, Екатерина Романовна Дашкова получила Высочайшій благодарственный рескриптъ за поднесенные ею Государю два какіе-то рѣдкіе стола, которые и повелѣно хранить въ Московской Оружейной Палатѣ, и вчера же слава нашего Университетскаго Пансіона, Михайла Леонтьевичъ Магницкій, произведенъ въ статскіе совѣтники.

---

*) Тычкинъ, разорившійся купецъ, призрѣнъ былъ добрымъ и всѣми уважаемымъ Иваномъ Васильевичемъ Кусовымъ, который помѣстилъ его у себя въ домѣ (на Васильевскомъ Острову, возлѣ Тучкова моста) и давалъ бѣдняку содержаніе. Этотъ Тычкинъ говорилъ на виршахъ и очень былъ смѣшонъ въ своихъ разсужденіяхъ на счетъ житейскаго быта. Яковлевъ называлъ его новымъ Діогеномъ и написалъ къ нему стихотворное посланіе, въ которомъ отдаетъ ему преимущество предъ древнимъ философомъ. Вотъ послѣдняя строфа этого посланія, которое въ то время ходило по рукамъ:

„О, циникъ нынѣшняго вѣка,
Всея премудрости экстрактъ!
Искалъ тотъ тщетно человѣка—
Счастливѣй ты его стократъ:
Живешь не въ бочкѣ ты, въ квартирѣ,
И, къ удивленію, въ семъ мірѣ
Ты человѣка отъискалъ;
Нашелъ его не за горами,
Но между Невскими брегами.
Гаси фонарь—ты счастливъ сталъ!“

Позднѣйшее примѣчаніе.

За обѣдомъ въ павильонѣ генералъ Лебренъ, разговаривая о знатныхъ Французскихъ эмигрантахъ, находящихся у насъ въ службѣ, назвалъ въ числѣ ихъ барона де-Ланглатъ. Эта фамилія меня поразила: неужто же, думалъ я, упоминаемый баронъ де-Ланглатъ и нашъ безтолковый Данковскій городничій баронъ де-Лангладе, котораго старикъ Кудрявцевъ называетъ «ворона на разладѣ»—одно и то же лицо? Où, diable, les grandeurs vont-elles se nicher? Я спросилъ генерала, не знаетъ ли, гдѣ служитъ этотъ знатный баронъ. «Я слышалъ, что онъ имѣетъ очень хорошее мѣсто», отвѣчалъ Лебренъ, «и служитъ полиціймейстеромъ (maître de police) въ какомъ-то городѣ недалеко отъ Москвы. Онъ человѣкъ очень добрый, но, говорятъ, до крайности безтолковъ, иначе онъ могъ бы давно составить себѣ блистательную карьеру». Тутъ я не выдержалъ и разсказалъ все, что зналъ о нашемъ городничемъ и даже не скрылъ прозвища, которымъ заклеймилъ его Кудрявцевъ. «Да», сказалъ Лебренъ, «вашъ полицеймейстеръ, кажется, не похожъ на своихъ предковъ и своего отца, которые въ цѣлой Вандеѣ были извѣстны не только твердостью характера и неустрашимостью, свойственными вообще всѣмъ Вандейцамъ, но и своею сметливостью. Бароны де-Ланглатъ съ баронами де-Лагранжъ считались молодцами на всякое дѣло, какъ въ домашней, такъ и общественной жизни; попечительные отцы семействъ своихъ, удалые охотники, безстрашные воины, умные совѣщатели о пользахъ своей провинціи, бароны де-Ланглатъ и де-Лагранжъ уважаемы были дворомъ, любимы дворянствомъ и почитаемы народомъ».

Такъ вотъ изъ какого соколинаго гнѣзда вылетѣла Данковская наша ворона! Поди, разсказывай: никто не повѣритъ.

14 Марта. Четвергъ. Если нашъ Матвѣй Дмитріевичъ Дубининъ можетъ назваться типомъ старинныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, то Семенъ Тихоновичъ Овчинниковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, служащій совѣтникомъ въ Экспедиціи для Ревизіи Счетовъ – настоящій прототипъ прежнихъ чиновниковъ высшаго разряда, которые, при неуклонномъ исполненіи служебныхъ своихъ обязанностей и безусловномъ уваженіи къ своей должности, любили иногда повеселиться и погулять съ пріятелями и всему находили свое время. Семенъ Семеновичъ Филатьевъ, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ и переводчикъ Лукановой «Фарсаліи», надъ которою трудится третій годъ, непремѣнно настоялъ, чтобъ я шелъ вмѣстѣ съ нимъ обѣдать къ пріятелю его Семену Тихоновичу. «Да помилуйте, я съ нимъ вовсе не знакомъ: какъ же я пойду къ нему обѣдать?»—«Нужды нѣтъ, любезнѣйшій другъ», отвѣчалъ Филатьевъ: «ужъ если пойдете къ нему со мною, такъ это все равно, что ко мнѣ,

и онъ будетъ такъ радъ, какъ вы себѣ не воображаете». Дѣлать было нечего, я согласился, и вотъ мы отправились пѣшкомъ отъ Торговаго моста, гдѣ живетъ Филатьевъ, въ Грязную улицу, въ которой, на собственномъ пепелищѣ, живетъ Семенъ Тихоновичъ. Входимъ; въ передней встрѣтили насъ два плохо одѣтые мальчика, лѣтъ по двѣнадцати, съ румяными личиками и веселыми физіономіями; въ столовой ожидалъ самъ хозяинъ, занимаясь установкою графинчиковъ съ разными водками и нѣсколькихъ тарелокъ съ различною закускою. Въ углу, на креслахъ сидѣлъ уже одинъ гость, довольно тучный баринъ, съ отвислымъ подбородкомъ и съ крестикомъ въ петлицѣ, и гладилъ жирнаго кота, мурлыкавшаго на окошкѣ. Поставленный въ срединѣ комнаты столъ накрытъ былъ на пять приборовъ. Завидя Филатьева, Семенъ Тихоновичъ бросился обнимать его съ изъявленіемъ живѣйшей радости. «Вотъ одолжилъ, старый пріятель! Вотъ подлинно одолжилъ; пожаловалъ въ самую пору: щи не простынутъ. Все ли благополучно въ Пекинѣ?» [1]). При этомъ вопросѣ онъ захохоталъ. Филатьевъ рекомендовалъ меня какъ своего пріятеля и назвалъ по имени. «Ба, ба, ба!» вскричалъ Семенъ Тихоновичъ и залился опять такимъ смѣхомъ, что мнѣ и самому смѣшно стало. «Да я чуть ли не былъ и съ батюшкою-то вашимъ знакомъ въ то время, какъ онъ служилъ здѣсь, въ Петербургѣ».— «Это былъ мой дядя», отвѣчалъ я. «Дядюшка вашъ? Ха, ха, ха! Все-таки родственникъ же. Давно живемъ, сударикъ; знакомыхъ было много; больше половины отправились въ Елисейскія. Ха, ха, ха!» Филатьевъ спросилъ его, не ожидаетъ ли онъ еще кого-нибудь, что столъ накрытъ на пять приборовъ. «Никого, сердечный,» подхватилъ Овчинниковъ. »Вишь такъ накрыть догадалась Марѳа; говоритъ: можетъ-быть, кто-нибудь завернетъ и еще, такъ не стать же перекрывать столъ. Умница, спасибо ей, право умница! Ха, ха, ха!.. Гей! Марѳа! готовы ли щи? упрѣла ли каша?»—«Готово, родимый, готово, извольте закусывать да и садиться за столъ», раздался изъ кухни громкій голосъ Марѳы: «сейчасъ принесу». И вотъ Семенъ Тихоновичъ предложилъ приступить къ закускѣ. «Милости просимъ, водочки какой кому угодно: все самодѣльщина, ха, ха, ха; вѣдь мы люди холостые только о себѣ думаемъ, ха, ха, ха! Что́ жъ будешь дѣлать: жениться опоздалъ, мать Экспедиція не приказала, ха, ха, ха! Семенъ Семенычъ, Иванъ Васильичъ [2]), вотъ зор-

---

[1]) Старикъ С. С. Филатьевъ, отлично-добрый, честный и нравственный человѣкъ, имѣлъ свои смѣшныя стороны; онъ до такой степени пристрастенъ былъ къ Китайцамъ, что считалъ ихъ образованнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ и не иначе говорилъ о Китаѣ, какъ съ знаками величайшаго уваженія, и все Китайское находилъ безусловно превосходнымъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Статскій совѣтникъ Мироновичъ, товарищъ по службѣ Овчинникова. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

ная, это калганная, желудочная; а вотъ и родной травничокъ, такой, бестія, забористый, что выпьешь рюмку, другой захочется. Ха, ха, ха! А юношу-то чѣмъ просить? Чай онъ крѣпости не любитъ? Ха, ха, ха...» — «Да и до слабостей не охотникъ, Семенъ Тихонычъ», сказалъ я: «выпью, что́ хозяинъ укажетъ, и отъ крѣпкаго изыдетъ сладкое».— «Ахъ, ты разумникъ мой! вотъ одолжилъ, право одолжилъ! Ха, ха ха! Милости просимъ: икорка знатная, да и сёмушка-то—деликатесъ!»

Семену Тихоновичу лѣтъ за шестьдесятъ. Онъ сѣдъ какъ лунь, великъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ, говоритъ голосомъ не по росту — тонкимъ и пронзительнымъ; лицо его добродушно, физіономія свѣтла и обращеніе безцеремонно. Можно поручиться, что онъ цѣлый вѣкъ свой живетъ въ мирѣ съ своей совѣстью, въ ладахъ съ людьми и ни разу не ссорился съ жизнью.

Но вотъ толстая Марѳа съ веселымъ видомъ поставила на столъ миску щей и принесла горшокъ съ кашею. Мы сѣли за столъ и не положили охулки на руку; все было изготовлено вкусно: щи съ завитками, каша съ рубленными яйцами и мозгами—словомъ, объяденье. За этими блюдами послѣдовали: огромной разварной лещъ съ приправою изъ разныхъ кореньевъ и хрѣномъ, сосиски съ крупнымъ зеленымъ горохомъ, часть необыкновенно-нѣжной и сочной жареной телятины съ огурцами и, наконецъ, круглый рѣшетчатый съ вареньемъ пирогъ, вмѣсто дессерта. Послѣ каждаго блюда Семенъ Тихоновичъ подливалъ намъ то мадеры, то пива, а послѣ жаркаго раскупорилъ самъ бутылку превкусной шипучей смородиновки собственнаго издѣлья. Служившіе за столомъ общипанные мальчики не были имъ забыты: отъ всякаго кушанья откладывалъ онъ бѣсенятамъ своимъ, какъ называлъ онъ ихъ, обильныя подачки, и даже котъ на свой пай получилъ порядочную порцію телятины; все это дѣлалъ онъ, пересыпая разными прибаутками и продолжая хохотать отъ души.

Не успѣли отобѣдать, какъ толстая Марѳа явилась съ нѣсколькими бутылками разныхъ наливокъ и поставила ихъ передъ хозяиномъ. «Мы вѣдь не Французы», сказалъ Семенъ Тихоновичъ, осматривая бутылки, «чортова напитка—кофію, не пьемъ, а вотъ милости просимъ отвѣдать нашихъ домашнихъ наливочекъ, кому какая по вкусу придется; хороши, право хороши, языкъ проглотишь; есть и кудрявая, сирѣчь рябиновочка, есть и малиновка, да такая, что отъ рюмки самъ сдѣлаешься малиновымъ. Ха, ха, ха! А вотъ вишневочка: ужъ такая вышла, изъ собственныхъ своихъ вишенокъ, что любо-дорого; была и клубничная, да, признаться, всю выпили; у насъ не застоится. Ха, ха, ха!» Тутъ онъ подозвалъ стоявшихъ у дверей мальчишекъ, которые, отъ избытка употребленнаго продовольствія, пыхтѣли, какъ тюлени,

вытащенные изъ воды на берегъ, и приказалъ имъ, «на потѣху гостей», пѣть пѣсни. Мальчики повиновались и запищали:

Насъ рано мати будила
И говорила:
Ну теперь, дѣти,
Пора вставати.

«А каковы мои пѣвчіе?» говорилъ Семенъ Тихоновичъ, помирая со смѣху. Веселость его такъ была увлекательна, что мы, не смотря на пошлость возбудившей ее причины, сами хохотали до слезъ.

На обратномъ пути Филатьевъ разсказывалъ, что Семенъ Тихоновичъ съ самой ранней молодости своей отличался трудолюбіемъ, точностью въ исполненіи дѣлаемыхъ ему порученій и примѣрною честностью, что онъ достигъ настоящаго чина и получилъ Владимирскій крестъ за 35-ти лѣтнюю службу, служа въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ и по одной части, и теперь находится на вершинѣ своихъ желаній, получивъ полный пенсіонъ и занимая, хотя незначительное, но покойное мѣсто съ порядочнымъ жалованьемъ. Онъ совершенно счастливъ, имѣя досугъ заниматься маленькимъ своимъ хозяйствомъ и ежедневно, по выходѣ изъ экспедиціи, пировать у себя или у своихъ пріятелей, не заботясь объ изготовленіи бумагъ къ слѣдующему утру. «Такъ окончили службу большею частью всѣ мои современники-сослуживцы, любезнѣйшій другъ», сказалъ мнѣ Филатьевъ; «такъ, благодаря Бога, кончилъ ее и я. Кто былъ смолоду ограниченъ въ своихъ желаніяхъ, по службѣ не залѣзалъ впередъ и, не считая себя непризнаннымъ геніемъ, прилежно и честно трудился въ своей сферѣ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что проведетъ остатокъ дней своихъ весело и покойно и даже, подобно Семену Тихоновичу, въ нѣкоторомъ довольствѣ».

Все это нравоученіе какъ будто цѣликомъ взято Филатьевымъ изъ какой нибудь прописи, а между тѣмъ онъ правъ.

15 Марта, Пятница. Пишутъ изъ Москвы, что, не смотря на военное хлопотное время, наконецъ, рѣшено строить театръ, къ чему и приступятъ тотчасъ же послѣ Пасхи. Мѣсто для постройки выбрано у Арбатскихъ воротъ. Эта мысль хороша, потому что большая часть дворянскихъ фамилій живетъ на Арбатѣ или около Арбата. Болтливый корреспондентъ мой прибавляетъ, что, вскорѣ по открытіи спектаклей, дадутъ въ первый разъ «Модную Лавку» Крылова, которую публика желаетъ видѣть такъ нетерпѣливо, что заранѣе теперь хлопочетъ о мѣстахъ. Зловъ готовитъ бенефисъ свой къ Маю и намѣренъ дать драму «Сынъ Любви», въ которой Фрица хочетъ играть самъ, а роль

барона Нейгофа уговорилъ играть старика Померанцева, уволеннаго на пенсіонъ въ прошедшемъ году. Дылда мадамъ Ксавье, за неимѣніемъ возможности, по случаю поста, показывать на сценѣ себя, развозитъ на показъ дочь свою, un petit prodigue, которая, говорятъ, чрезвычайно мила и декламируетъ стихи не хуже своей матери.

Вечеромъ былъ у Гнѣдича; застал̆ъ его дома и за работою. Онъ очень обрадовался мнѣ и сказалъ, что, со времени свиданія нашего въ прошедшую Суботу у А. С. Хвостова, онъ ждалъ меня всякій день и не надѣялся уже скоро меня видѣть. «Но завтра непремѣнно увидѣли бы у Шишкова», отвѣчалъ я. «Да, правда; а вы не слыхали, что̀ у него читать будутъ?»—«Да, кажется, считаютъ на вашу восьмую пѣснь Иліады».—«Можетъ быть, я и прочитаю ее; но желалъ бы послушать и другихъ. Нѣтъ ли въ запасѣ чего-нибудь у васъ?» Я сказалъ, что ничего приготовить не могъ, потому что мало имѣю времени, находясь при разныхъ должностяхъ. «О-го? такъ молоды и при разныхъ должностяхъ! Слѣдовательно вы—другой Тургеневъ, и жалованья получаете много».—«Да побольше тысячи рублей, а сверхъ того, снабжаютъ меня бѣльемъ разнаго рода и разбора, отпускаютъ фунтовъ по 10 чаю, банокъ по 20 варенья и еще кой-какую провизію, въ числѣ которой есть и вяленые поросята». Гнѣдичъ устремилъ на меня единственный свой глазъ и, конечно, подумалъ: «точно Юшневскій правъ; голова у него не въ порядкѣ». Но я скоро разрѣшилъ его недоумѣніе и растолковалъ ему, что̀ значатъ мои должности и откуда проистекаютъ мои доходы. Все это очень забавляло Гнѣдича, особенно толки о Троянской войнѣ, и онъ съ участіемъ спросилъ меня, отчего же, не будучи занятъ службою, я такъ мало, или, скорѣе, ничего не пишу и не примусь за какой-нибудь дѣльный и продолжительный трудъ, чтобъ со временемъ составить себѣ почетное имя въ литературѣ. Я отвѣчалъ, что, пріѣхавъ такъ недавно въ Петербургъ, я не успѣлъ еще осмотрѣться и хочу, прежде чѣмъ рѣшительно посвятить себя литературѣ, заняться службою; и если въ Коллегіи не добьюсь какого-нибудь назначенія, то постараюсь перейти въ другое вѣдомство; что, впрочемъ, я весьма начинаю сомнѣваться въ призваніи своемъ къ литературѣ, и похвалы Гаврила Романовича моему дарованію, которыя сгоряча я принялъ за чистыя деньги, теперь, по зрѣломъ размышленіи, кажутся мнѣ несовсѣмъ основательными: онъ въ восторгѣ отъ Боброва, а кто жъ не знаетъ, что̀ такое Бобровъ! «Однакожъ, въ ожиданіи назначенія должности, надобно дѣлать что-нибудь», сказалъ мнѣ Гнѣдичъ. «Вы любите поэзію, страстны къ театру и, учась въ хорошей школѣ, пріобрѣли достаточно вкуса, чтобъ не писать дурныхъ стиховъ и безпристрастно цѣнить литературные труды свои; а потому я совѣтовалъ бы вамъ заняться

пока переводомъ какой-нибудь хорошей театральной пьесы; вотъ, напримѣръ, начните-ка переводить Гамлета».

Тутъ Гнѣдичъ съ жаромъ распространился о достоинствѣ этой трагедіи и началъ превозносить Шекспира, который, по мнѣнію его, одинъ только могъ создать подобный характеръ. Выхвативъ изъ шкапа Шекспировы сочиненія во Французскомъ прозаическомъ переводѣ, онъ началъ декламировать сцену Гамлета съ привидѣніемъ, представляя попеременно то одного, то другаго, съ такими странными тѣлодвиженіями и такимъ дикимъ напряженіемъ голоса, что ласкавшаяся ко мнѣ собака его, Мальвина, бросилась подъ диванъ и начала прежалобно выть. Гнѣдичъ хорошо разумѣетъ Французскій языкъ, но говоритъ на немъ изъ рукъ вонъ плохо и въ чтеніи коверкаетъ его безъ милосердія: такого уморительнаго произношенія никогда не случалось мнѣ слышать. Кажется, сцена появленія привидѣнія—одна изъ фаворитныхъ сценъ Гнѣдича; онъ отъ нея въ восторгѣ и удивляется искусству, съ какимъ она подготовлена, ибо, по словамъ его, иначе привидѣніе не могло бы производить такое поразительное впечатлѣніе на зрителей. По всему замѣтно, что переводчикъ «Иліады» изучаетъ и Шекспира: онъ говоритъ о немъ дѣльно и убѣдительно, и, не смотря на свои странности, внушаетъ довѣріе къ своимъ сужденіямъ.

Гнѣдича въ университетѣ прозвали ходульникомъ *), l'homme aux échasses, потому что онъ всегда говорилъ свысока и всякому незначительному обстоятельству придавалъ какую-то особенную важность. Я думаю, что въ этомъ отношеніи онъ мало перемѣнился; но совсѣмъ тѣмъ нельзя не признать его человѣкомъ умнымъ и, что́ еще лучше, добрымъ и благонамѣреннымъ: à tout prendre, c'est une bonne connaissance à cultiver. Съ нимъ не скучно, и если онъ любитъ проповѣдывать самъ, то слушаетъ охотно и другихъ съ живымъ, неподдѣльнымъ участіемъ, и возражаетъ безъ обиды чужому самолюбію. Я замѣтилъ что у него есть страстишка говорить афоризмами, какъ почти у всѣхъ грекофиловъ, и другая—прихвастнуть своими bonnes fortunes; но у всякаго есть свой конекъ: отъ исполина Державина до Лиллипута Кобякова. Я сердечно радъ, что мы дружески сошлись съ Гнѣдичемъ и, дастъ Богъ, не разойдемся врагами, потому что поняли другъ друга. Кажется, одно обстоятельство послужило еще къ бо́льшему нашему сближенію. Говоря о многихъ близкихъ моихъ знакомыхъ, которыхъ я потерялъ изъ виду и которыхъ надѣялся здѣсь найти, я случайно назвалъ семейство Д. И. К., заслуженнаго генерала, поселившагося, года четыре назадъ, въ Петербургѣ по обязанностямъ службы; вдругъ Гнѣ-

*) См. выше, 26 Февраля 1806 года.

дичъ вскочилъ, будто змѣею укушенный, и прямо ко мнѣ съ вопросомъ: «Такъ неужели вы ихъ знаете? да это быть не можетъ!» — «Точно такъ», отвѣчалъ я, «и, въ подтвержденіе словъ моихъ, вотъ вамъ и доказательства». Тутъ я разсказалъ ему всѣ подробности, касающіяся до семейства К., и въ особенности распространился о милой, косой генеральшѣ Софьѣ Александровнѣ, вышедшей за пожилаго своего мужа 14-ти лѣтъ отъ роду, любезной, веселой кокеткѣ, подъ часъ танцующей мазурку съ молодыми офицерами, а иногда презадумчиво читающей какую-нибудь серьезную книгу; разсказалъ и о томъ, какъ эта косая красавица умѣетъ быть всегда на высотѣ своего общества, и какъ радушно слушаетъ она объясненія своихъ воздыхателей, молодыхъ и стариковъ, красавцевъ и безобразныхъ, городскихъ щеголей и неучей деревенскихъ и, по обычаю Полекъ, мастерски ободряетъ ихъ искательства. «Такъ, такъ! теперь вижу, что вы ихъ знаете», подхватилъ Гнѣдичъ, «они уѣхали отсюда минувшею осенью и, къ вѣчному сожалѣнію моему, кажется, навсегда. Старикъ вышелъ въ отставку и рѣшился жить въ деревнѣ. Я не могу забыть о Софьѣ Александровнѣ, съ которой знакомъ былъ около четырехъ лѣтъ, и время, проведенное въ ея обществѣ, почитаю счастливѣйшимъ въ моей жизни».

Ну, разумѣется, такъ! Все это въ порядкѣ вещей и быть иначе не можетъ: я знаю Софью Александровну почти съ малолѣтства.

16 Марта, Суббота. Сегодня съ ранняго утра Казанская площадь была усѣяна народомъ, а въ соборѣ такая толпа и давка, что я могъ продраться въ него съ величайшимъ трудомъ. Государь, въ дорожномъ экипажѣ, прибылъ въ 12 часу; послѣ краткаго молебна, приложившись къ образамъ, изволилъ онъ отправиться въ дорогу, напутствуемый общими благословеніями. Онъ сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ, а графъ Ливенъ и Новосильцовъ поѣхали каждый въ особыхъ экипажахъ.

Говорятъ, что предъ самымъ отъѣздомъ Государь изволилъ пожаловать Александра Алексѣевича Чесменскаго, бывшаго бригадиромъ въ отставкѣ, генералъ-майоромъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ попрежнему оставался при главнокомандующемъ милиціею пятой области, графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ, по его порученіямъ; разумѣется, эта милость оказана Чесменскому единственно по уваженію заслугъ стараго графа.

Но вотъ милости, оказанныя достойнымъ людямъ за собственныя ихъ заслуги: вчера М. М. Сперанскій получилъ Анненскую ленту, а находящійся при С. К. Вязмитиновѣ коллежскій совѣтникъ Марченко — Анненскій крестъ на шею. Сперанскій быстро подвигается впередъ; да и нельзя иначе: уменъ, дѣловой, сметливъ и мастеръ писать. Марчен-

ко также обѣщаетъ много: ему не болѣе 26 лѣтъ, а считается оракуломъ своего министерствȃ и, не смотря на свои способности и необыкновенно пріятную наружность, скроменъ какъ красная дѣвушка, почтителенъ къ старшимъ и привѣтливъ со всѣми, кто имѣетъ до него дѣло. Сожалѣютъ, что онъ не слишкомъ свѣтскаго образованія и не знаетъ иностранныхъ языковъ. Семенъ Семеновичъ Жегулинъ былъ его руководителемъ съ малолѣтства, а это хорошая школа.

Но, кажется, время отправляться къ А. С. Шишкову. Благодаря музамъ, я попалъ въ общество почтенныхъ людей; надобно поддержать себя, и если я не могу сдѣлаться литераторомъ по призванію, такъ по крайней-мѣрѣ пусть узнȃютъ, что я не безграмотенъ и не хуже другихъ гожусь на всякое дѣло по службѣ.

17 Марта, Воскресенье. Вчера слушали мы 8-ю пѣснь «Иліады», которую Гнѣдичъ читалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и напряженіемъ голоса. Я, право, боюсь за него: еще нѣсколько такихъ вечеровъ — и онъ того и гляди начитаетъ себѣ чахотку. Въ переводѣ его есть прекрасные стихи и особенно въ изображеніи раздраженнаго Зевса:

„Златую цѣпь спущу съ небесной я твердыни,
Низвѣситесь по ней всѣ боги и богини!"

Вообще Гнѣдичъ владѣетъ языкомъ отлично, и хотя въ стихахъ его есть нѣкоторая напыщенность, но за то они гладки, ударенія въ нихъ вѣрны, выраженія точны, рифмы созвучны—словомъ, переводъ хоть куда.

Кромѣ Гнѣдича, другихъ чтецовъ не было. Много разговаривали прежде о политикѣ, объ отъѣздѣ Государя, о Сперанскомъ, которому предсказываютъ блестящую будущность, о генералѣ Тормасовѣ, котораго вчера предъ самымъ отъѣздомъ своимъ Государь назначилъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ, о дюкѣ де-Серра-Капріола, извѣстномъ ненавистью своею къ Бонапарте; но послѣ перешли опять къ литературѣ и театру. Любопытствовали знать о новой трагедіи «Пожарскій» и сожалѣли, что не пригласили автора на вечеръ. «Да, странно, что о немъ ничего не было слышно!» сказалъ Шишковъ. «И откуда онъ могъ взяться?» Я объяснилъ, что Крюковской служитъ въ Банкѣ *), что я видѣлъ его и слышалъ его трагедію. «Ну, что жъ? Какова?» спросилъ Державинъ. Я отвѣчалъ, что стихи есть превосходные; но что

*) Матвѣй Васильевичъ Крюковской въ это время не служилъ еще въ Банкѣ, а только искалъ случая опредѣлиться туда. Онъ былъ поручикомъ въ отставкѣ и членомъ Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

касается до трактаціи сюжета, расположенія сценъ и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то въ этомъ отношеніи, по мнѣнію моему, она очень посредственна, чтó подтвердилъ и самъ Яковлевъ, которому назначается роль героя пьесы. «Да отчего же о ней говорятъ такъ много?» замѣтилъ Карабановъ; «тутъ, батинька, должно быть какое-нибудь недоразумѣніе».—«Яковлевъ плохой судья», сказалъ Гнѣдичъ, который, не знаю почему, не очень любитъ Яковлева. «Можетъ быть, Яковлевъ и ошибается», отвѣчалъ я; «но трагедіею публика интересуется, потому что, не смотря на свои недостатки, она все-таки есть произведеніе замѣчательное, и также, какъ «Дмитрій Донской», теперь является очень-кстати». Александръ Семеновичъ Хвостовъ началъ утверждать, что въ послѣднее время замѣтно большое движеніе въ театральной литературѣ, и что этому, безъ сомнѣнія, способствовало соединеніе такихъ отличныхъ талантовъ, какіе теперь украшаютъ нашу сцену, какъ, напр. Шушеринъ, Яковлевъ, Семенова, Рыкаловъ, Пономаревъ, Рахманова и другіе. «Мнѣ кажется, что это совершенно наоборотъ» сказалъ Гнѣдичъ: «не актеры образуютъ писателей, но писатели актеровъ. Безъ Сумарокова и Княжнина мы не имѣли бы Дмитревскаго и его послѣдователей: Шушерина, Плавильщикова и Яковлева; безъ Озерова талантъ Семеновой не получилъ бы такого развитія и, можетъ быть, зачахъ бы преждевременно, истомленный ролями старинныхъ трагедій, въ которыхъ слогъ не только устарѣлъ, но и вовсе неудобенъ для правильнаго произношенія. Да и сами Шушеринъ и Яковлевъ развѣ были тѣми, чѣмъ стали они со времени трагедій Озерова, и роли Эдипа, Фингала и, наконецъ, Дмитрія Донскаго развѣ не дали имъ случая выказать свои дарованія въ новомъ блескѣ?» И. С. Захаровъ вступился за старыя трагедіи и доказывалъ, что слогъ ихъ вовсе не такъ устарѣлъ, потому что, не смотря на появленіе новыхъ трагедій, публика продолжаетъ смотрѣть съ удовольствіемъ на представленія и старыхъ. Изъ этого готовъ былъ возникнуть споръ, но Гнѣдичъ замолчалъ изъ учтивости. Къ счастью, что не было Кикина и Писарева, а то бы пошелъ дымъ коромысломъ.

«Можетъ быть, хорошіе писатели и подлинно содѣйствуютъ образованію актёровъ», сказалъ Карабановъ; «но, кажется, и то не менѣе справедливо, что хорошіе актеры возбуждаютъ охоту въ писателяхъ трудиться для театра. Вотъ, напримѣръ, вы сами, Николай Иванычъ, теперь переводите «Леара» и, помнится, сами же говорили, что не будь Шушерина для роли Леара и Семеновой для роли Корделіи, вамъ бы и въ голову не вошло переводить эту трагедію».—Это правда», отвѣчалъ Гнѣдичъ; «но я перевожу или, лучше, передѣлываю «Леара» соб-

ственнно для бенефиса Шушерина, по его просьбѣ*), и еслибы не былъ увѣренъ, что онъ хорошо его сыграетъ, то, конечно, не сталъ бы тратить время попустому; но авторъ, который предпринимаетъ трудъ не случайный и заботится о художественной его отдѣлкѣ собственно для своей славы, не имѣетъ въ предметѣ ни Шушерина, ни Семеновой, а только характеры выводимыхъ имъ на сцену персонажей, и не станетъ соображаться съ средствами тѣхъ сюжетовъ, которые ихъ играть должны, а предоставитъ соображаться имъ самимъ съ его твореніемъ. Авторъ трагедіи, или комедіи—не капельмейстеръ какой-нибудь, который обязанъ сочинять музыку заказанной ему оперы, соображаясь съ голосами, находящимися въ распоряженіи его импрессаріо».

За ужиномъ разговорились о Россійской Академіи. «А сколько считается теперь всѣхъ членовъ?» спросилъ Державинъ Петра Ивановича Соколова. «Да около шестидесяти», отвѣчалъ секретарь Академіи. «Неужто же насъ такое количество?» сказалъ удивленный Шишковъ: «я думалъ, что гораздо менѣе».—«Точно такъ; но изъ нихъ, какъ вашему превосходительству извѣстно, находятся на лицо немногіе: одни въ отсутствіи, другіе избраны только для почета, а нѣкоторые...» «Не любятъ грамоты», подхватилъ А. С. Хвостовъ. Всѣ засмѣялись. «Правда, что иные точно безполезны», замѣтилъ Шишковъ: «втерлись въ литераторы, Богъ вѣсть какимъ образомъ, не имѣя на то никакого права, между тѣмъ какъ много писателей достойныхъ не засѣдаетъ еще въ Академіи. Впрочемъ, прибавилъ онъ, надобно надѣяться, что все измѣнится къ лучшему. Государь намѣренъ сдѣлать большія преобразованія: одни изъ средствъ къ распространенію просвѣщенія уже угаданы, другія обновлены и усилены, третьи очищены и облагорожены, остается направить ихъ къ надлежащей цѣли; это не замедлится, и тогда Россійская Академія будетъ имѣть настоящее свое значеніе, а труды достойныхъ нашихъ писателей получатъ надлежащее ободреніе».

Мнѣ такъ хотѣлось знать, изъ какихъ лицъ составлена Академія, что я рѣшился попросить у сидѣвшаго возлѣ меня Соколова именнаго списка ея членамъ. Онъ съ величайшею готовностью обѣщалъ мнѣ дать его, пригласивъ прійдти за нимъ въ Академію, гдѣ онъ бываетъ каждое утро.

Мы вышли отъ Шишкова вмѣстѣ съ Гнѣдичемъ и разсуждали дорогою, отчего, не смотря на радушіе хозяевъ, такъ мало собирается у нихъ молодыхъ писателей; да и тѣ, которые приходятъ, ничего почти не приносятъ съ собою для чтенія. «Должно думать», сказалъ перевод-

---

*) „Леаръ“ былъ представленъ въ первый разъ на театрѣ 13 Ноября 1807 года, въ бенефисъ Шушерина.

чикъ «Иліады», «что наши юноши мало трудятся собственно для литературы, и только стараются попасть въ общество литераторовъ для какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей, а можетъ быть, и отъ нечего дѣлать. Да правду сказать, въ числѣ этихъ господъ академиковъ низшей степени есть такіе, которые не очень могутъ ободрить молодаго поэта. Вы не слыхали, какъ вашъ сосѣдъ за столомъ, Петръ Ивановичъ, подтрунивалъ надъ сочинителями пьесъ театральныхъ: вся эта поэзія, говорилъ онъ Тимковскому, всѣ эти трагедіи и поэмы одна только роскошь въ литературѣ; а намъ не до роскоши, когда мы нуждаемся въ насущномъ хлѣбѣ. Намъ нужны не поэты, а люди, которые бы умѣли писать въ прозѣ правильно и ясно; у насъ нѣтъ ни эпистолярнаго, ни дѣловаго слога, о которомъ похлопотать непремѣнно слѣдовало; а заботиться о прочемъ – одна суетность и, право, не стоитъ труда. Вотъ извольте видѣть, какъ разсуждаетъ Петръ Ивановичъ; а еще секретарь Академіи!»

18 Марта, Понедѣльникъ. Давича изъ Коллегіи нарочно ѣздилъ къ Соколову за спискомъ членовъ Академіи и такъ радъ, что получилъ обѣщанное сокровище! Что жъ это значитъ? Въ числѣ 58 человѣкъ, только 5 извѣстныхъ поэтовъ съ истиннымъ талантомъ: Державинъ, Херасковъ, Капнистъ, Дмитріевъ и Нелединскій, и только два настоящіе литератора съ именемъ: М. Н. Муравьевъ и А. С. Шишковъ, къ которымъ, правда, можно присоединить и нѣсколько даровитыхъ особъ изъ высшаго духовенства, какъ то: преосвященныхъ Иринея Псковскаго, Анастасія Бѣлорусскаго, Меѳодія Тверскаго, Ѳеоктиста Курскаго и Михаила Черниговскаго, а тамъ хоть шаромъ покати! Вижу людей знатныхъ: графа Строганова, графа Мусина-Пушкина, Татищева, князя Куракина, князя Бѣлосельскаго, графа Васильева, Трощинскаго и князя Голицына, и нахожу натуральнымъ, что Академія ищетъ себѣ достойныхъ покровителей; но понять не могу, какъ попали въ нее люди вовсе неизвѣстные въ литературѣ или, что̀ еще хуже, извѣстные своею бездарностью? Отчего въ спискѣ красуются имена графа Хвостова, Кутузова, Стахія Колосова, Николева, Мальгина, Озерецковскаго, Никитина, Дружинина, Савостьянова, Никольскаго и самого секретаря Академіи Соколова, а нѣтъ въ немъ именъ Карамзина, Крылова, Озерова, князя Шаховскаго, Чеботарева, Мерзлякова и другихъ? Невольно удивляешься, видя рядъ именъ, можетъ быть, и почтенныхъ людей, но ужъ вовсе не поэтовъ и не литераторовъ. Скажутъ, что они люди ученые, хоть и это еще не доказано; но въ такомъ случаѣ мѣсто ихъ скорѣе въ Академіи Наукъ. Академія Россійская основана въ видахъ пользы Русской литературы, по примѣру Академіи Французской; слѣдова-

тельно и должна быть составлена изъ однихъ знаменитыхъ литераторовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вельможъ, ея покровителей и предстателей у престола. Иначе, всякій, переведя какую-нибудь книжку, можетъ тотчасъ и попасть въ Академію, какъ, напримѣръ, попалъ въ нее Я. А. Дружининъ за переводъ «Пиѳагоровыхъ Учевицъ» Виланда... Ума не приложу; потолкую объ этомъ съ Гавриломъ Романовичемъ.

19 Марта. Вторникъ. Гаврила Романовичъ написалъ на отъѣздъ Государя молитву, которую Московскій мой знакомецъ Нейкомъ, пріѣхавшій сюда на прошедшей недѣлѣ, намѣренъ положить на музыку и исполнить ее или въ своемъ концертѣ, или въ концертѣ Филармоническаго Общества. Боюсь вымолвить, но эти стихи нашего барда слабы и не похожи на прежнія его сочиненія; а, кажется, былъ прекрасный случай къ вдохновенію.

Толковали о князѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, который, не смотря на свое пятилѣтнее отсутствіе, до сихъ поръ еще считается шефомъ Кадетскаго Корпуса. Въ это званіе возвелъ его императоръ Павелъ Петровичъ, а членомъ Государственнаго Совѣта пожалованъ онъ уже государемъ Александромъ Павловичемъ. Гаврила Романовичъ увѣряетъ, что Зубовъ имѣетъ много природныхъ способностей. «Во время моего статсъ-секретарства», говорилъ старикъ, «часто случалось мнѣ, передъ докладомъ Императрицѣ, заходить къ Зубову и объясняться съ нимъ по разнымъ дѣламъ, о которыхъ я докладывать былъ долженъ Императрицѣ, и выслушивать его заключенія: они были очень правильны».

Къ слову о статсъ-секретарствѣ Гаврила Романовича. Любопытно происшествіе, случившееся съ нимъ во время исправленія этой должности. Державинъ докладывалъ однажды Императрицѣ по какому-то очень важному дѣлу и, по случаю сдѣланнаго ею возраженія, до того забылся въ горячности своего объясненія, что осмѣлился схватить ее за конецъ мантильи, какъ бы въ спорѣ съ какою нибудь обыкновенною знакомою дамою. Государыня тотчасъ позвонила. «Кто еще тамъ есть?» спросила она очень хладнокровно вошедшаго на звукъ колокольчика камердинера своего Зотова. «Статсъ-секретарь Поповъ», отвѣчалъ Зотовъ».— «Позови его сюда». Поповъ вошелъ. «Побудь здѣсь, Василій Степанычъ», сказала ему Императрица съ улыбкою: «а то вотъ этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ». Державинъ опомнился и, въ отчаяньи, бросился Государынѣ въ ноги. «Ничего», примолвила Императрица; «продолжайте докладывать: я слушаю». Это происшествіе, которое разсказывалъ Поповъ и въ которомъ сознавался самъ Держа-

винъ, было, кажется, настоящею причиною перемѣщенія его изъ статсъ-секретарей въ сенаторы.

Увѣряютъ, что звонокъ былъ прежде принадлежностью однихъ присутственныхъ мѣстъ и въ домашнее употребленіе введенъ только въ началѣ царствованія императрицы Екатерины Великой. До того же всѣ знатныя особы держали при себѣ или пажиковъ или, большею частью, карликовъ и карлицъ для призыва нужныхъ служителей и другихъ небольшихъ комнатныхъ услугъ. Эти гномы находились при своихъ патронахъ безотлучно, знали всѣ ихъ привычки, умѣли угождать имъ и до такой степени успѣвали снискивать ихъ довѣріе, что въ стѣнахъ кабинета, который могъ назваться міромъ этихъ маленькихъ существъ, не было для нихъ ничего сокрытаго: все говорилось и дѣлалось при нихъ безъ малѣйшаго опасенія ихъ нескромности, какъ-будто ихъ и не существовало.

20 Марта. Середа. Французскій актеръ, старикъ Дюкроаси, который такъ превосходенъ въ роляхъ à manteaux, составляющихъ его амплуа, кажется, настоящій Французъ de la vielle roche: уменъ, простодушенъ, словоохотливъ и, кажется, очень набоженъ. Мы застали его сидящаго въ креслахъ предъ каминомъ съ молитвенникомъ въ рукахъ. Эта книжка, судя по истертымъ ея листамъ, должна быть въ безпрестанномъ употребленіи; возлѣ креселъ на столикѣ, лежали «Phédon» Платона и еще нѣсколько религіозныхъ книгъ. Странное сочетаніе духовнаго направленія съ обязанностями актера!

23 Марта. Суббота. А. Г. Харламовъ присовѣтовалъ мнѣ повидаться на счетъ Березняговскаго нашего дѣла съ однимъ изъ искуснѣйшихъ здѣшнихъ повѣренныхъ, И. Я видѣлъ этого дѣльца, говорилъ съ нимъ, но не добился отъ него никакого толку. Онъ началъ съ предлиннаго разсужденія о томъ, что всякое дѣло имѣетъ двѣ стороны, и почему справедливое дѣло можетъ иногда показаться несправедливымъ и обратно; что всякій судья смотритъ на обстоятельства дѣла съ своей особой точки зрѣнія, въ чемъ упрекать его не должно, потому что не всѣ люди одарены одинаковою прозорливостью и проч., и наконецъ повершилъ извѣстною поговоркою Д. П. Трощинскаго: «дѣло не въ докладѣ, а въ докладчикѣ». Я не могъ догадаться, къ чему клонится все это многорѣчивое предисловіе, тѣмъ болѣе, что просилъ его объ одномъ только указаніи, какимъ образомъ я могъ бы имѣть ближайшее наблюденіе за ходомъ нашего дѣла и успокоить отца, встревоженнаго передачею этого дѣла въ завѣдываніе другаго, новаго секретаря; но И* недолго оставлялъ меня въ недоумѣніи и довольно рѣзко объявилъ, что

онъ легко можетъ въ томъ пособить мнѣ и даже руководствовать меня въ нужныхъ случаяхъ, если я дамъ ему пятьсотъ рублей тотчасъ и столько же по окончаніи процесса. Я молча выпучилъ на него глаза, и мое удивленіе послужило ему поводомъ къ новой диссертаціи о возмездіи, которымъ всѣ мы одинъ другому обязаны за труды, хлопоты и потерю драгоцѣннаго времени. «Вы знаете», вдругъ спросилъ онъ у меня, «что̀ такое время?» У меня такъ и завертѣлось на языкѣ отвѣчать ему стихами Хемницера:

А время вещь такая,
Которую съ тобой не стану я терять,

но, къ счастью, воздержался отъ грубаго слова и, учтиво раскланявшись, оставилъ знаменитаго дѣльца, который, кажется, задумалъ подражать Англійскимъ адвокатамъ и брать деньги даже и за совѣты. Пятьсотъ рублей тотчасъ и столько же по окончаніи процесса! Не́чего сказать, молодецъ! Впрочемъ, Паглиновскій научитъ меня, что̀ я предпринять долженъ.

Но лучше, по выраженію князя Шаликова, «поспѣшимъ въ объятія Музъ» и поѣдемъ на очередной литературный вечеръ къ Державину. Тамъ, по словамъ другаго поэта болѣе талантливаго:

Забудемъ житейское горе
И сбросимъ съ усталыхъ раменъ
Тяжелую, скучную ношу
Вседневныхъ заботъ безотвязныхъ,
Мы силы души обновимъ
Цѣлебной струей Иппокрены!

24 Марта. Воскресенье. Княгиня Дашкова, по смерти сына, необыкновенно стала щедра на пожертвованія. Недавно поднесла она Государю какіе-то рѣдкіе столы, а теперь подарила университету весь свой музеумъ натуральной исторіи, замѣчательный по рѣдкимъ экземплярамъ животныхъ четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся, минераловъ и разныхъ раковинъ. Это—драгоцѣнное пріобрѣтеніе для университета. Теперь нашъ профессоръ натуральной исторіи, А. А. Антонскій, не будетъ болѣе на лекціяхъ своихъ показывать одни камешки: «Вотъ видите ли, дѣти, камешекъ-та, о которомъ толковалъ я вамъ на прошедшей-та лекціи. Какъ же онъ называется?»—«Лабарданъ», отвѣчалъ бывало всегда повѣса Мневскій.—«Ну вотъ и видно, что охотникъ-та жрать: все съѣстное-та на умѣ; лабарданъ-та рыба, а камешекъ называется лабрадоръ-та». Такъ проходили почти всѣ его лекціи.

Видно, нашей братьѣ, мелкотравчатымъ стиходѣямъ, совѣстно стало приходить на литературные вечера съ пустыми руками; немного

ихъ было вчера у Гаврила Романовича, да и тѣ, которые были, какъ-то: П. А. Корсаковъ и Щулепниковъ, опять ничего не принесли съ собою; но, въ замѣну плохихъ стиховъ, наслушался я умныхъ рѣчей и вдоволь насмотрѣлся на многихъ почтенныхъ людей, въ числѣ которыхъ министръ просвѣщенія, графъ Заводовскій, занимаетъ первое мѣсто. Это мужъ вѣка Екатерины Великой. Онъ очень величавъ наружностью; въ движеніяхъ его много истиннаго достоинства; говоритъ протяжно, и какъ будто взвѣшивая каждое слово, но за то выражается правильно, и разговоръ его исполненъ здравомыслія. Сказывали, что смолоду онъ былъ красавецъ; можетъ быть; но теперь кромѣ живыхъ умныхъ глазъ, другихъ остатковъ прежней красоты незамѣтно; лицо угревато и багрово, а отъ бѣлонапудренныхъ волосъ кажется еще багровѣе. Разговаривали о войнѣ и о намѣреніяхъ Государя достигнуть общаго мира въ Европѣ. «Цѣль великая», сказалъ графъ Петръ Васильевичъ, «но едва-ли достижимая; помирившись съ Французами, мы будемъ воевать съ Англичанами. Государь желаетъ мира для того, чтобъ приняться за необходимыя преобразованія для блага Россіи, а, можетъ-быть, и всего человѣчества; но именно по этой-то причинѣ и не оставятъ насъ въ покоѣ. Не говорю о Бонапарте, который—заклятый врагъ спокойствія Россіи, потому что она одна въ состояніи полагать преграды ненасытному его властолюбію; но и державы намъ дружественныя или, вернѣе сказать, тѣ, которыя мы почитаемъ дружественными, не будутъ спокойно смотрѣть на наше могущество, возростающее по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, образованности и усовершенствованія внутренняго управленія въ государствѣ, о чемъ такъ печется Государь съ самаго восшествія своего на престолъ. Да, впрочемъ, говоря откровенно, я считаю и войну не совсѣмъ для насъ безполезною: доказано, что продолжительный миръ иногда ослабляетъ государства; къ тому жъ надобно принять и то въ соображеніе, что безъ войны нельзя ни образовать военныхъ людей, ни узнать ихъ способностей, а искусные и опытные военачальники для Россіи необходимы. Въ какомъ бы мы видимомъ согласіи ни находились съ нашими сосѣдями, спокойствіе и безопасность государства требуютъ, чтобъ оружіе было всегда на готовѣ».

А. С. Шишковъ прочиталъ стихи Анны Петровны Буниной на смерть одной изъ ея пріятельницъ, молодой дѣвушки шестнадцати лѣтъ. Въ нихъ есть мысли и довольно силы въ выраженіяхъ; но, странное дѣло, они какъ будто писаны по заказу и не производятъ никакого дѣйствія на душу; это стихи не женщины, оплакивающей свою подругу, а скорѣе студента, разсуждающаго о жизни и смерти; отсутствіе чувства—главный ихъ недостатокъ. Бунина не хотѣла назвать сти-

ховъ своихъ элегіею потому, что они писаны четырехстопнымъ ямбомъ въ десятистишныхъ строфахъ, и дала имъ пышное названіе оды, какъ будто бы нельзя написать элегіи четырехстопными ямбами. Но если стихи мнѣ вовсе не по душѣ, то эпиграфъ къ нимъ пришелся пò-сердцу; это двустишіе, взятое изъ сочиненій какого-то Испанскаго поэта, а можетъ быть и просто какая-нибудь эпитафія:

Dionosla Dios, no pòrque la Diese
Mas para montrar en tierra su obra.

То-есть «Богъ далъ намъ ее не для того, чтобъ оставить ее здѣсь, но чтобъ показать на землѣ Свое твореніе». Эту мысль могла бы развить Бунина въ своихъ стихахъ, не гоняясь за глубокомысліемъ, которое не всегда бываетъ у мѣста, и особенно тамъ, гдѣ должно преобладать одно чувство.

Гаврила Романовичъ толковалъ о какомъ-то Селакадзевѣ, у котораго будто бы находится большое собраніе Русскихъ древностей и, между прочимъ, Новгородскія руны и костыль Іоанна Грознаго. Онъ очень любопытствовалъ видѣть этотъ Русскій музеумъ и приглашалъ А. С. Шишкова и А. Н. Оленина вмѣстѣ осмотрѣть его. «Мнѣ давно говорили о Селакадзевѣ», сказалъ Оленинъ, «какъ о великомъ антикваріи, и я, признаюсь, по страсти къ археологіи, не утерпѣлъ, чтобъ не побывать у него. Чтò жъ вы думаете, я нашелъ у этого человѣка? Цѣлый уголъ наваленныхъ черепковъ и битыхъ бутылокъ, которые выдавалъ онъ за посуду Татарскихъ хановъ, отысканную будто бы имъ въ развалинахъ Сарая; обломокъ камня, на которомъ, по его увѣренію, отдыхалъ Дмитрій Донской послѣ Куликовской битвы; престрашную кипу старыхъ бумагъ изъ какого-нибудь уничтоженнаго Богемскаго архива, называемыхъ имъ Новгородскими рунами; но главное сокровище Селакадзева состояло въ толстой уродливой палкѣ, въ родѣ дубинокъ, употребляемыхъ Кавказскими пастухами для защиты отъ волковъ; эту палку выдавалъ онъ за костыль Іоанна Грознаго. Когда я сказалъ ему, что на всѣ его вещи нужны историческія доказательства, онъ съ негодованіемъ возразилъ мнѣ: «Помилуйте, я честный человѣкъ и не стану васъ обманывать». Въ числѣ этихъ древностей я замѣтилъ двѣ алебастровыя статуйки Вольтера и Руссо, представленныхъ сидящими въ креслахъ и въ шутку спросилъ Селакадзева: «А это чтò у васъ за антики?» — «Это не антики», отвѣчалъ онъ, «но точныя оригинальныя изображенія двухъ величайшихъ поэтовъ нашихъ, Ломоносова и Державина». Послѣ такой выходки моего антикварія, мнѣ оставалось

только пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ въ приращеніи подобныхъ сокровищъ и уйти, чтò я и сдѣлалъ» *).

Рѣшительно не понимаю, отчего во всѣхъ здѣшнихъ литераторахъ замѣтно какое-то обидное равнодушіе къ Московскимъ поэтамъ, хотя бы, напримѣръ, къ Мерзлякову, Жуковскому, Пушкину и другимъ. И. С. Захаровъ, толкующій безпрестанно о грамматикѣ, говоритъ о нихъ, какъ объ ученикахъ и никакъ не хочетъ согласиться, чтобъ они имѣли дарованіе, а между тѣмъ покровительствуетъ такимъ писателямъ, которыхъ Мерзляковъ не допустилъ бы даже на свои лекціи, а отправилъ бы ихъ къ Аѳанасію Михайловичу Смирнову. Какое же можетъ быть сравненіе не только между Мерзляковымъ или Пушкинымъ, но даже между Измайловымъ, Колычевымъ, княземъ Шаликовымъ и прочими второклассными Московскими писателями, и какимъ-нибудь сочинителемъ стишковъ «къ Трубочкѣ» и ему подобными риѳмоплётами, которыхъ встрѣчаю я на литературныхъ вечерахъ? Изъ Москвичей одинъ И. И. Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ потому, что онъ сенаторъ и кавалеръ; а Карамзинымъ восхищается одинъ только

---

*) Г. Р. Державинъ не удовольствовался предостереженіемъ А. Н. Оленина и, четыре года спустя (1811), предъ самымъ составленіемъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова, ѣздилъ послѣ бывшаго у него обѣда, въ обществѣ Н. С. Мордвинова, А. С. Шишкова, И. И. Дмитріева и того же А. Н. Оленина къ Селакадзеву, жившему въ одномъ изъ переулковъ Семеновскаго полка, въ не совсѣмъ опрятной квартирѣ. По просьбѣ Гаврилы Романовича авторъ „Дневника" съ П. А. Корсаковымъ отправился впередъ, чтобъ предувѣдомить антикварія о посѣтителяхъ. Онъ былъ въ восхищеніи, самъ принялся мести комнаты и сметать пыль съ своихъ рѣдкостей, поставилъ нѣсколько восковыхъ свѣчей въ подсвѣчники, надѣлъ новый сюртукъ и съ преважнымъ видомъ расположился на софѣ ожидать гостей, спрашивая попеременно то у автора „Дневника", то у Корсакова: „такъ этотъ Дмитріевъ министръ юстиціи? Такъ этотъ Мордвиновъ членъ Государственнаго Совѣта?" и когда они удовлетворили его вопросамъ, онъ съ какою-то гордостью безпрестанно повторялъ: „Ну что-жъ пусть посмотритъ, пусть посмотрятъ". По пріѣздѣ Державинъ, не обращая вниманія на другіе предметы, бросился разсматривать Новгородскія руны и, къ общему удивленію, отыскалъ нѣсколько отрывковъ, которые его заинтересовали до такой степени, что онъ тотчасъ же списалъ ихъ и впослѣдствіи помѣстилъ ихъ въ разсужденіе свое о лирической поэзіи, читанное въ Бесѣдѣ. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ съ переводомъ Гаврилы Романовича:

Угли жрцу говоръ Еролку.	Переводъ:
Пакоща свада	По злобѣ свара
Дюжу убой	Сильному смерть,
Тяжа нагата	Тяжба съ богатствомъ
Тощъ перелой.	Худъ передѣлъ.

А. Н. Оленинъ замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ видѣлъ музеумъ Селакадзева, въ немъ ничего не прибавилось и ничего не измѣнилось, кромѣ того, что подъ одною статуйкою, вмѣсто прежней подписи, „М. В. Ломоносовъ", явилась другая съ именемъ „И. И. Дмитріевъ". *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Гаврила Романовичъ и стоитъ за него горою; прочіе же про него или молчатъ, или говорятъ, что пишетъ изряднёхонько прозою, между тѣмъ какъ нашъ Карамзинъ заслуживаетъ уваженія и за свои стихотворенія, въ которыхъ языкъ превосходный и много чувства. Но что̀ больше удивляетъ меня, что почти всѣ эти господа здѣшніе литераторы ничего не читали изъ сочиненій Марзлякова и Жуковскаго, и вотъ тому доказательства: за ужиномъ А. С. Шишковъ сказывалъ, что Логинъ Ивановичъ Кутузовъ читалъ ему Грееву элегію «Сельское Кладбище», переведенную братомъ его Павломъ Ивановичемъ, и Шишковъ находитъ переводъ очень хорошимъ и близкимъ къ подлиннику. Я замѣтилъ, что Павелъ Ивановичъ перевелъ эту элегію послѣ Жуковскаго, котораго переводъ несравнительно превосходнѣе. «Не можетъ быть!» возразилъ Александръ Семеновичъ. «Говорю сущую правду», отвѣчалъ я, «и если угодно, прочитаю ее вамъ когда-нибудь, чтобъ вы могли посудить сами: я знаю ее наизусть».—«Такъ, пожалуйста, нельзя ли теперь?» подхватилъ нетерпѣливый Гаврила Романовичъ. И вотъ я прочиталъ во всеуслышаніе всю элегію отъ перваго до послѣдняго стиха, стараясь, сколько возможно, сохранить всю прелесть мелодическихъ стиховъ нашего Московскаго поэта. Когда я кончилъ, всѣ смотрѣли на меня, какъ на человѣка, отыскавшаго какую-нибудь рѣдкую вещь, или нашедшаго кладъ; элегію хвалили, но вмѣстѣ удивлялись и моей памяти. Я сказалъ, что стихи Жуковскаго сами невольно врѣзываются въ память, между тѣмъ какъ стихи П. И. Кутузова запомнить очень трудно.

Эта выходка стоила мнѣ, однакожъ, дорого: меня обнесли винигретомъ, любимымъ моимъ кушаньемъ.

25 Марта, Понедѣльникъ. Паглиновскій снабдилъ меня запискою къ знаменитому юрисъ-консульту Министерства Юстиціи, Ивану Алексѣевичу Соколову, которою просилъ его сказать мнѣ свое мнѣніе о Березняговскомъ дѣлѣ и наставить меня, какъ дѣйствовать въ нужномъ случаѣ. «Совѣтую вамъ», сказалъ мнѣ добрый Дмитрій Моисѣевичъ, «побывать у Соколова вечеромъ часовъ въ шесть: въ это время онъ всегда бываетъ дома и охотно принимаетъ посѣтителей. Предупреждаю васъ, что если вы играете въ шахматы, то будете для него драгоцѣннымъ гостемъ: старикъ страстно любитъ эту игру и бываетъ очень доволенъ, когда удастся ему найдти себѣ партнёра. Это единственное развлеченіе, которое онъ себѣ дозволяетъ».

Я разсказалъ Дмитрію Моисѣевичу о разговорѣ моемъ съ стряпчимъ И*, и онъ, не смотря на свое хладнокровіе, очень смѣялся предложенію его руководствовать меня въ дѣлѣ за 500 рублей, но удив-

лялся, почему не запросилъ онъ гораздо болѣе, потому что вообще стряпчіе, для приданія бо́льшей себѣ важности, имѣютъ правиломъ цѣнить свое ходатайство сначала въ три-дорога и послѣ мало по-малу соглашаться на бездѣлку, какъ будто изъ особеннаго участія къ лицу, которое поручаетъ имъ свое дѣло. «Какъ быть!» прибавилъ Паглиновскій, «эти люди не могли бы существовать, еслибъ время отъ времени не попадались имъ простаки, на счетъ которыхъ они не только живутъ, но и роскошничаютъ».

26 Марта, Вторникъ. Романъ, настоящій романъ! Я опять встрѣтился съ Александрою Васильевною, которая, со времени послѣдняго нашего свиданія, мнѣ кажется еще болѣе потолстѣла. Такъ, бѣдняга, и переваливается, какъ откормленная утка. Она пригласила меня проводить ее до дому и зайдти къ ней, чтобъ кой-о-чемъ поговорить со мною. Я съ удовольствіемъ согласился, но послѣ былъ совсѣмъ тому не радъ, потому что едва не попалъ въ исторію. Попадавшіеся намъ на встрѣчу смотрѣли на насъ съ какимъ-то обиднымъ любопытствомъ и ухмыляясь; а одинъ франтъ, остановивъ меня, пренагло спросилъ: «Позвольте, милостивый государь, узнать, гдѣ и чѣмъ откармливаютъ такихъ госпожъ?» Я хотѣлъ было плюнуть ему въ глаза, но не успѣлъ опомниться, какъ онъ уже былъ далеко.

По приходѣ на квартиру, Александра Васильевна, замѣтивъ, что я нахожусь въ дурномъ расположеніи духа и, вѣроятно, догадавшись, что остановившій меня франтъ спрашивалъ о ней, сама завела рѣчь о своей толщинѣ и очень остроумно подтрунивала надъ собою. «Все это прекрасно», сказалъ я ей, «но какъ вы рѣшаетесь ходить однѣ, даже безъ лакея? Немудрено напасть на какого-нибудь сорванца, который одними вопросами можетъ навлечь вамъ неудовольствіе».—«Ну что жъ? Я отшучусь. Но дѣло не въ томъ: я хотѣла спросить васъ, хороша ли я?» Съ этимъ словомъ она подошла къ зеркалу и стала охорашиваться, любуясь лицомъ своимъ, безспорно прелестнымъ, миловиднымъ и привлекательнымъ. Я отвѣчалъ, что не знаю, къ чему можетъ клониться такой вопросъ, но долженъ признаться, что она хороша, какъ гурія, и еслибъ не безобразила ея толщина, то она была бы первою красавицею въ свѣтѣ. «А каковы у меня руки?» спросила она опять, показывая мнѣ свои руки. «Нечего сказать, и руки прелесть, заглядѣнье».—«Теперь посмотрите на мои волосы». Тутъ распустила она косу, и длинныя пряди густыхъ каштановыхъ и лоснящихся волосъ упали чуть не до самаго полу. «Волосы безподобные, удивительные», сказалъ я; «такіе волосы, какихъ я отъ роду не видывалъ».—«Ну такъ напьемтесь чаю, а послѣ я сдѣлаю вамъ еще нѣ-

сколько вопросовъ, на которые вы должны отвѣчать мнѣ откровенно, и тогда объясню вамъ, въ чемъ дѣло».—«Извольте». Чай принесли, и Александра Васильевна разливала его очень граціозно. Я постигнуть не могъ, что̀ значатъ всѣ эти приготовленія, и сидѣлъ какъ на иголкахъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи развязки. Но вотъ наконецъ чайный приборъ унесли, и Александра Васильевна приступила къ объясненію. «Скажите, который вамъ годъ?» —«Девятнадцать лѣтъ минуло въ Февралѣ».—«А мнѣ будетъ двадцать два года въ Сентябрѣ. Вы здѣсь одни, и родныхъ никого нѣтъ?»—«Ни одного человѣка».—«Такъ же, какъ и у меня. Слѣдовательно совершенно свободны и независимы?»—«Свободенъ, какъ птичка, въ отношеніи къ мелочнымъ обстоятельствамъ Петербургской жизни, но во всѣхъ другихъ случаяхъ завишу отъ воли отца и матери».—«А сколько они даютъ вамъ на прожитокъ?»—«Я получаю отъ нихъ покамѣстъ тысячу двѣсти рублей и, сверхъ того, много кой-какихъ вещей изъ домашняго хозяйства: есть всего вдоволь».—«У меня двѣ тысячи рублей своего дохода и, кромѣ того, мнѣ слѣдуетъ послѣ мужа пенсія, которую скоро получить надѣюсь. Послушайте: вы привыкли жить въ семействѣ, и вамъ однимъ должно быть очень скучно; я также изнываю отъ скуки одна: дорога въ Москву мнѣ запала надолго, если не навсегда, а здѣшнее общество для меня не существуетъ; отчего бы намъ одинокимъ сиротамъ на чужбинѣ не жить вмѣстѣ, какъ брату съ сестрой? Мы давно знакомы другъ съ другомъ: вы должны быть уживчивы, а за себя я ручаюсь. Я веселаго нрава, и вы со мною не соскучитесь. Я откровенна и васъ пріучу къ откровенности, потому что снисходительность—главное мое качество. Вы будете любить меня, какъ душу, а, можетъ быть, и теперь ужъ любите; впечатлѣнія, которыя мы получаемъ въ первой молодости, не исчезаютъ скоро. Подумайте, сколько удовольствія имѣть возлѣ себя сестру, которая бы любила васъ, ухаживала за вами, пеклась о вашемъ хозяйствѣ, утѣшала васъ въ неудачахъ, радовалась вашимъ успѣхамъ и, къ тому же, была бы сама счастлива. Право, подумайте! Я дѣлаю вамъ это предложеніе, откинувъ всякое притворство и ложный стыдъ, потому что чувствую себя въ состояніи быть доброю вамъ подругою и самоотверженіемъ своимъ пріобрѣсти себѣ въ васъ друга и брата. Я одна въ цѣломъ мірѣ, и мнѣ жить не для кого; не покинуть же мнѣ свѣтъ въ мои лѣта, съ моимъ здоровьемъ и съ моимъ веселымъ нравомъ; а и того хуже, не выйдти же опять замужъ за какого-нибудь стараго брюзгу, котораго любить нельзя? Теперь скажите, хотите ли имѣть толстую, но хорошенькую сестрицу, которую вы знаете почти съ малолѣтства и къ которой нѣкогда такъ нѣжно ласкались?»

Все это Александра Васильевна проговорила очень бѣгло по-французски, то улыбаясь, то надувъ губки и съ влажными отъ слезъ глазами. Я слушалъ ее, сидя какъ вкопанный и, признаюсь, не зналъ, что̀ отвѣчать ей: рѣшиться на такое важное дѣло тотчасъ, не обдумавъ его послѣдствій, казалось мнѣ безразсудствомъ; а съ другой стороны, отринуть вдругъ предложеніе милой женщины, въ которомъ заключалось столько добродушія и столько самоотверженія въ мою только пользу, было бы грубымъ невѣжествомъ. Наконецъ, я рѣшился просить у ней нѣсколько времени на размышленіе; но во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, я обѣщался быть ея неизмѣннымъ другомъ и бывать у ней какъ можно чаще; а еслибъ она захотѣла посѣтить и мою келью, то съ любовью привѣтствовать ее всегда названіемъ милой, доброй, толстой моей сестрицы.

И вотъ я сижу теперь у своей конторки, думая и передумывая о сегодняшнемъ странномъ со мною приключеніи; но, кажется, ломаю голову по пустому. Какъ ни заманчиво предложеніе, но принять его невозможно, рѣшительно невозможно. А жаль!

27 Марта, Середа. Былъ у И. А. Соколова, къ которому вчера, по милости названной моей сестрицы, попасть не успѣлъ. Онъ принялъ меня ласково, прочиталъ записку Паглиновскаго и, посадивъ подлѣ себя, спросилъ о существѣ дѣла. Я объяснилъ ему, какъ умѣлъ и, кажется, очень сбивчиво, наши права на землю, оспориваемыя двумя сосѣдями, имѣющими въ Петербургѣ большія связи, и просилъ дать мнѣ добрый совѣтъ, что̀ долженъ я дѣлать по случаю передачи нашего дѣла въ завѣдываніе другаго секретаря, который, по замѣчанію моему, неслишкомъ къ намъ благосклонствуетъ, что̀ необыкновенно тревожитъ моихъ домашнихъ. Иванъ Алексѣевичъ толковалъ со мною съ часъ и далъ мнѣ подробное наставленіе на всѣ случаи, которые могутъ встрѣтиться въ продолженіе дѣла; протолковалъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не вошелъ Н. П. Брусиловъ и не помѣшалъ разговору. Я хотѣлъ откланяться, но добрый старикъ пригласилъ остаться на чашку чаю.

Между тѣмъ Брусиловъ тотчасъ же предложилъ партію въ шахматы. «Не́чего терять золотое время», сказалъ онъ Соколову, «и я вамъ долженъ реваншемъ».—«Готовъ, готовъ», отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, «добрый воинъ никогда не отказывается отъ баталіи; только *сегодня* не *вчера*, и врядъ ли нынче побѣда будетъ на вашей сторонѣ, потому что я собрался съ силами: выспался порядкомъ». Они начали партію, а я подсѣлъ къ нимъ посмотрѣть на ихъ *неподвижность* и послушать ихъ *молчанія.* Не́чего сказать: игра занимательная, настоя-

щая игра для глухонѣмыхъ! По счастію, она продолжалась недолго, потому что вошелъ чиновникъ Ананьинъ, служащій при статсъ-секретарѣ Муравьевѣ, съ какимъ-то порученіемъ отъ своего начальства, и Соколовъ вышелъ съ нимъ для объясненія въ другую комнату. Я воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ познакомиться съ Брусиловымъ. Зная, что онъ литераторъ, много писалъ и переводилъ, два года назадъ издавалъ «Журналъ Россійской Словесности» и почитается однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ; я было заговорилъ съ нимъ о литературѣ, но онъ не благоволилъ обратить на меня большаго вниманія и отвѣчалъ мнѣ очень холодно и сухо, какъ бы нехотя. «Ну, Богъ съ тобой», подумалъ я, «если ты такой дикарь! Кажется, много кичиться тебѣ еще нечѣмъ: твои «Бездѣлки», «Приключенія одного дня», «Гваделупскій житель», «Бѣдный Леандръ» и «Превратность судьбы» не Богъ знаетъ еще какія заслуги, которыя давали бы тебѣ право поднимать носъ *) и безъ того уже вздернутый кверху».

Вскорѣ пріѣхалъ экспедиторъ Министерства Юстиціи, Петръ Андреевичъ Ниловъ, котораго я видѣлъ у Гаврилы Романовича. Я очень обрадовался, что встрѣтилъ знакомое лицо, съ которымъ можно было перемолвить слово; потому что, послѣ нѣсколькихъ *да-съ*, *нѣтъ-съ* и *кажется-съ*, сказанныхъ очень сухо Брусиловымъ, я потерялъ охоту обращаться къ нему съ вопросами. Ниловъ очень любезный и разговорчивый человѣкъ и къ тому же имѣетъ хорошее состояніе и очень пригожую и любезную жену, воспѣтую Державинымъ подъ именемъ «Параши». Она очень талантлива, прекрасно играетъ на арфѣ и любитъ заниматься словесностью. Между прочимъ, Ниловъ сказывалъ, что, по словамъ князя Петра Васильевича, Государь теперь уже въ Юрбургѣ, а 20-го числа былъ въ Полангенѣ, куда пріѣзжалъ изъ Мемеля и король Прусскій на нѣсколько часовъ для свиданія съ нимъ

Вскорѣ возвратился Соколовъ съ своей конференціи, и Ниловъ нетерпѣливо обратился къ нему съ вопросомъ: «Ну что, Иванъ Алексѣевичъ, читали записку Злобина?» — «Читалъ, батюшка, читалъ: на-

---

*) Авторъ „Дневника" раскаивается въ тогдашнемъ своемъ заблужденіи. Онъ служилъ послѣ съ Николаемъ Петровичемъ Брусиловымъ въ одномъ вѣдомствѣ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и имѣлъ случай узнать его короче. Это былъ человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ: благороденъ, правдивъ, чувствителенъ и добрый товарищъ. Единственными недостатками его характера была какая-то недовѣрчивость къ самому себѣ и подозрительность въ отношеніи къ другимъ. Отъ этого онъ дичился общества и избѣгалъ новыхъ знакомствъ Впослѣдствіи, необходимыя сношенія по службѣ заставили его быть сообщительнѣе, а во время губернаторства своего въ Вологдѣ, и особенно подъ конецъ жизни, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

писана умно и дѣльно».—«Чтó жъ скажете?»—«Да ничего, мой отецъ: какъ посудятъ».—«Но вѣдь обстоятельства дѣла всѣ въ его пользу и требованія его справедливы».—«Совершенно справедливы; однакожъ, какъ посудятъ».—«По мнѣнію моему, иначе судить нельзя, как основываясь на данныхъ; а они ясны».—«Правда, правда, но какъ посудятъ».—«О чемъ же судить? Повторяю, Иванъ Алексѣевичъ, вѣдь Первый Департаментъ призналъ претензію Злобина справедливою?»—«Точно, претензію призналъ; но въ какой суммѣ—о томъ въ рѣшеніи его не упоминается, между тѣмъ какъ сумма взысканія съ Злобина опредѣлена, и онъ самъ противъ того не споритъ».—«Такъ чего жъ, думаете вы, ожидать онъ долженъ?»—«Какъ посудятъ».—«Но я желалъ бы знать ваше мнѣніе, почтеннѣйшій Иванъ Алексѣевичъ».—«Право, не знаю чтò сказать вамъ; какъ посудятъ» *).

Подали чай, и Соколовъ съ Брусиловымъ опять усѣлись за шахматы. Я хотѣлъ было подождать результата этой игры въ молчанку, но, чувствуя, что меня пронимаетъ истерическая зѣвота, рѣшился откланяться хозяину, мысленно благодаря его за данныя мнѣ наставленія, которыми онъ, повидимому, такъ скупился для другихъ.

28 Марта, Четвергъ. Я полагалъ, что Павелъ Юрьевичъ Львовъ только добивается членства Россійской Академіи, а онъ уже академикъ. Вотъ какъ! Отчего жъ пропущенъ онъ въ спискѣ секретаря Академіи? Видно отъ того, что «незамѣтенъ». Но, кажется, высокое имя митропо-

---

*) И. А. Соколовъ, умный и благонамѣренный человѣкъ, готовый всегда дать добрый совѣтъ людямъ безгласнымъ и неимѣющимъ покровительства, былъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ людьми высшаго круга, съ богачами, съ своимъ начальствомъ и даже съ сослуживцами. Будучи принужденъ, по званію своему, излагать мнѣнія свои по разнымъ дѣламъ, онъ исполнялъ свою обязанность свято и безпристрастно и, какъ настоящій опытный законовѣдъ, съ надлежащею опредѣлительностью, но никогда не настаивалъ на своемъ мнѣніи и не защищалъ его ни предъ министромъ, во время его юрисъ-консульства, ни впослѣдствіи передъ Коммиссіею Прошеній, въ которой былъ членомъ. Авторъ „Дневника“ имѣлъ случай въ продолженіи четырехъ лѣтъ (съ 1812 по 1816) видѣть почти ежедневно этого достойнаго человѣка и быть очевиднымъ свидѣтелемъ его праводушія. Докладывая иногда Коммиссіи по особо-поручаемымъ ему отъ статсъ-секретаря дѣламъ, авторъ „Дневника“, по свойственной молодымъ людямъ заносчивости, позволялъ себѣ часто неумѣстныя замѣчанія на мнѣнія опытнаго юриспрудента, который отвѣчалъ всегда однимъ и тѣмъ же привычнымъ своимъ словомъ: „мнѣніе мое *такое-то*, а тамъ какъ посудятъ, какъ посудятъ“. Одинъ только разъ Иванъ Алексѣевичъ далъ почувствовать автору „Дневника“ ошибочность его выраженій. „Знаете“, сказалъ онъ, „что бъ отвѣчалъ Дмитрій Прокофьичъ Трощинскій на замѣчанія ваши? *Да ужъ пожалуйте не забывайте впередъ воображеніемъ вашимъ.* Обыкновенное выраженіе Д. П. Трощинскаго, требовавшаго отъ докладчиковъ своихъ простоты и ясности въ объясненіи дѣлъ, безъ всякихъ собственныхъ ихъ разсужденій.

лита Платона должно быть «замѣтно», а между тѣмъ и оно не находится ни въ спискѣ академиковъ, ни въ спискѣ почетныхъ членовъ Академіи. Чтò-то неладно...

Чѣмъ болѣе просматриваю корректуру моихъ бардовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что я не сотворенъ поэтомъ; а вѣдь того и смотри, что заставятъ читать на литературномъ вечерѣ, да, можетъ быть, и похваливать станутъ. А. Ѳ. Мерзляковъ, прочитавъ «Артабана», сказалъ: Ахинея, братецъ, ахинея! Впрочемъ, читай его Петербургскимъ словесникамъ самъ, погромче—попадешь въ литераторы». И чуть ли онъ не правъ [1]): мнѣ сдается, что стихотвореніе выигрываетъ отъ громкаго чтенія, и Гнѣдичъ не даромъ надсажаетъ грудь надъ своимъ переводомъ «Иліады».

Александръ Львовичъ возвратился изъ Москвы вмѣстѣ съ Аполлономъ Александровичемъ Майковымъ. Онъ нашелъ какіе-то безпорядки въ управленіи Московскимъ театромъ: директоръ жаловался на актеровъ, актеры на директора, а публика недовольна и тѣмъ и другими. Говорятъ, что Сила Сандуновъ игралъ не послѣднюю роль во всей этой несогласицѣ. Теперь, кажется, рѣшено, что Всеволожскій будетъ назначенъ директоромъ, хотя Майкову хотѣлось бы самому занять это мѣсто. Между прочимъ, сказывали, что желчный Сила Сандуновъ, вслушавшись въ слова одного извѣстнаго любителя театра, утверждавшаго, что Плавильщиковъ рѣдкій актеръ и поражаетъ на сценѣ зрителей, отвѣчалъ слѣдующею эпиграммою:

Что рѣдкій онъ актеръ, никто не споритъ въ томъ;
Всѣмъ взялъ: органомъ и дородствомъ.
И точно: поражаетъ сходствомъ
Съ быкомъ.

Пересолилъ, любезный Сила Николаичъ, пересолилъ, потому что это неправда! У Плавильщикова есть свои недостатки, но онъ все-таки большой талантъ, даже возлѣ Яковлева и Шушерина.

29 Марта, Пятница. Чиновникъ Панинъ, помнится, какъ-то говорилъ [2]), что Ѳ. П. Львовъ опредѣленъ директоромъ Канцеляріи Министра Коммерціи будто-бы по ходатайству Гаврилы Романовича. Это несправедливо: Львовъ лично извѣстенъ министру по служенію своему при отцѣ его, фельдмаршалѣ Задунайскомъ, въ то время, когда великій полководецъ, сложивъ съ себя, подъ предлогомъ болѣзни, коман-

---

[1]) См. выше 27 Октября 1806 года.

[2]) См. выше 29 Декабря 1806 года.

дованіе войсками, оставался въ Молдавіи безъ всякаго дѣла. Державинъ былъ только посредникомъ въ опредѣленіи Львова.

Изъ всего, чтó Львовъ разсказываетъ о Задунайскомъ, можно вывести такое о немъ заключеніе: великій умъ, необычайная твердость души, огромныя познанія, но черствое сердце и непомѣрное самолюбіе. Императрица знала его коротко, уважала и цѣнила его заслуги, обходилась съ нимъ съ величайшею внимательностью, но не очень любила его.

30 Марта, Суббота. Сегодня обѣдалъ у Харламова, котораго нашелъ въ большой ажитаціи. Онъ только что передъ моимъ приходомъ возвратился съ штадтфизикомъ Форштейномъ со свидѣтельства двухъ помѣшанныхъ: вдовы полковницы Г** и ея дочери, жены купца Перевалова. Форштейнъ говоритъ, что, не смотря на привычку видѣть почти ежедневно сумасшедшихъ, онъ былъ чрезвычайно растроганъ состояніемъ этихъ несчастныхъ, и особенно Переваловой, достойной всякаго сострадания. Харламовъ разсказалъ причину ихъ сумасшествія; это печальная исторія, и я желалъ бы, чтобъ ее слышали всѣ отцы и матери, которые ищутъ для дочерей своихъ богатыхъ супружествъ, вопреки ихъ чувствованіямъ и не обращая вниманія на несходство ихъ нравовъ и положенія въ обществѣ съ нравами и положеніемъ въ обществѣ представляющихся жениховъ. Вотъ она, эта исторія, которая становится довольно гласною. Переваловъ, отпущенникъ князя Несвицкаго, наживъ въ короткое время какими-то не очень честными способами богатый капиталъ, захотѣлъ вывесть единственнаго сына своего въ люди и, во чтò бы ни стало, пріобрѣсть ему дворянство; а какъ дворянство безъ заслугъ не дается, да и сынокъ-то былъ не такихъ свойствъ и воспитанія, чтобъ могъ оказать какія-нибудь заслуги, то папенька и придумалъ сдѣлать его сначала полудворяниномъ, то-есть женить на дворянкѣ, на имя которой купить нѣсколько сотенъ душъ, и ввести его покамѣстъ въ кругъ благородныхъ людей, чтобъ пріучить, какъ онъ изъяснялся, къ *деликатному* обхожденію и *употребительнымъ* поступкамъ. Задумано, сдѣлано; нашли благородную и недостаточную вдову, у которой было три взрослыя дочери невѣсты, миловидныя собою, воспитанныя въ пансіонѣ, то-есть умѣющія болтать по-французски, брянчать на фортепьяно, потанцовать и принарядиться, чѣмъ бы то ни было, къ лицу, впрочемъ, дѣвушки добрыя, чувствительныя и невинныя. «Выбирай, Семенъ», крикнулъ честолюбивый тятенька, «и тащи любую». У Семена разбѣжались глаза, онъ растерялся и не могъ повѣрить своему благополучію. «Какую прикажете, тятенька, такую и возьму».— «Ну такъ начнемъ съ старшей: она, кажись, для хозяйства пригоднѣе

будетъ». И вотъ, не объяснившись съ невѣстою, обратились съ предложеніемъ къ матери, впрочемъ, только для формы, потому что эта несчастная женщина заранѣе на все была согласна; да и какъ бы можно было не согласиться ей, имѣя въ виду, что у дочери ея, совершенной безприданицы, вдругъ будутъ восемьсотъ душъ, уже приторгованныхъ въ одной изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, богатый домъ, куча денегъ и брильянтовъ, экипажъ, словомъ—все, все, о чемъ во снѣ и на яву мечтается такъ часто недостаточнымъ людямъ? Но старшая дочь не пошла на приманку и отказала на отрѣзъ. Обратились къ средней, и она также: «лучше умереть чѣмъ выйдти за мужика», было ея отвѣтомъ. Старуха взвыла: дала слово, но какъ сдержать его, когда дочери не слушаются? Нельзя же вести ихъ насильно къ вѣнцу: неравно и въ церкви на вопросъ священника вымолвятъ *не хочу*; тогда, кромѣ несбывшихся надеждъ, сколько пересудовъ, и все это падетъ на нее! Оставался одинъ способъ выйдти изъ затрудненія: уговорить младшую дочь, дѣвушку 17 лѣтъ, больше кроткую и послушную чѣмъ ея сестры, и вотъ приступили къ ней: поди да поди, Аннушка, будешь барыней, помѣщицей, будешь жить въ богатствѣ, будешь счастлива и осчасливишь всѣхъ насъ; утѣшь старуху мать, которая выбилась изъ силъ въ безпрестанныхъ заботахъ о васъ, и проч. и проч.; словомъ, употребили всѣ увѣщанія, всѣ обольщенія, какія только употребляются въ подобныхъ случаяхъ—и бѣдная дѣвушка, мечтавшая сдѣлать счастіе порядочнаго человѣка, уступила, хотя не безъ горькихъ слезъ, желанію матери, рѣшилась выйдти за охреяна.

Однакожъ, время ѣхать къ Захарову. Сказывали, что будутъ читать какую-то сатиру князя Шаховскаго—любопытно. Я было обѣщался проревѣть своихъ Бардовъ, но лучше подожду, пока будутъ отпечатаны, и прочитаю ихъ на Державинскомъ вечерѣ.

—

Выслушавъ сатиру князя Шаховскаго, стихи Марина «Къ Капнисту», и Буниной «Видѣніе», и записавъ замѣчательныя въ нихъ мѣста, я ушелъ отъ Захарова безъ ужина. Меня что-то влекло поскорѣе домой. О сатирахъ до завтра; а теперь, чтобъ не забыть, кончу разсказъ Харламова о Переваловой.

Сборы къ бракосочетанію Аннушки съ Семеномъ Переваловымъ продолжались недолго: приданымъ снабдилъ женихъ или, скорѣе, его тятенька, потому что самъ онъ ни къ чему не былъ способенъ. Въ день брака доставили невѣстѣ купчую крѣпость на купленное будто бы ею имѣніе и вмѣстѣ для подписанія нѣсколько заемныхъ писемъ на имя старика Перевалова, въ двойной противъ купчей суммѣ. Наконецъ, церемонія кончена и, по купеческому обычаю, великолѣпный ужинъ

съ музыкою, а послѣ ужина танцы, и отчаянная попойка заключили радостный для Переваловыхъ день и, по шуточному выраженію Харламова, *вожделѣнное для нихъ событіе.*

Вотъ живетъ Аннушка въ домѣ своего свекра, но живетъ какъ чужая; нѣтъ ей ни въ чемъ воли: тятенька всѣмъ распоряжается самъ, никуда ее не пускаетъ и къ себѣ принимать никого не велитъ, кромѣ матери, да и то ненадолго: «мужъ-де тебѣ компанія, и сиди съ мужемъ; а мужа нѣтъ дома, такъ, покель не придетъ, думай объ немъ да его дожидайся». А мужъ—набитый дуракъ и, къ тому же, ревнивецъ престрашный. Аннушка стала призадумываться; это не понравилось ни свекру, ни мужу; Аннушка начала поплакивать—бѣда пущая: пошли выговоры; Аннушка занемогла—посыпались укоры: привередница, капризница! Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и силы Аннушки истощались. Однажды утромъ бѣдная женщина, проплакавъ всю ночь, не вышла исполнять должность хозяйки—разливать чай. Свекоръ побѣжалъ въ спальню, разбранилъ больную, приказалъ встать съ постели и потащилъ ее за собою, приговаривая: «Вотъ евдакъ съ вами инъ лучше». Аннушка пришла въ слезахъ, сѣла за столъ, взяла чайникъ, но вдругъ уронила его на полъ и, всплеснувъ руками, громко закричала: «Матушка, матушка, чтó ты со мною сдѣлала!» Съ этой минуты она уже не произносила другихъ словъ, и на вопросы медика и нѣсколько образумившагося свекра и мужа, матери и сестеръ, отвѣчать иначе не могла, какъ только одною фразою: «Матушка, матушка, чтò ты со мною сдѣлала!»

«А какая причина была помѣшательству вашей матушки?» спросилъ я, продолжалъ Харламовъ, сестеръ Переваловой, которыя разсказывали мнѣ всю эту исторію. «Причина очень проста», отвѣчали со слезами бѣдныя дѣвушки: «горе. Матушка цѣлый почти годъ не оставляла сестры ни на минуту, спала съ нею въ одной комнатѣ, наблюдала за исполненіемъ предписаній доктора и безпрестанно слышала отъ нея эти несчастныя слова, этотъ убійственный упрекъ: «матушка, матушка, чтó ты со мною сдѣлала!» Наконецъ, она выбилась изъ силъ; мы замѣнили ее при сестрѣ, чего до тѣхъ поръ она не позволяла, повторяя намъ ежеминутно: я одна виновата, одна и должна быть наказана. Но наши попеченія о сестрѣ не облегчили душевныхъ страданій матушки: она впала въ глубокую меланхолію, и вотъ, какъ видите, около пяти мѣсяцевъ, выплакавъ всѣ слезы, сидитъ полумертвая, не обращая ни на чтó и ни на кого вниманія, только вздыхаетъ, а по временамъ смотритъ на образъ Спасителя и шепчетъ прося: «Господи, помилуй меня грѣшную!»

Я полюбопытствовалъ знать, какъ переносятъ свое несчастіе оба Перевалова и какое впечатлѣніе производитъ на нихъ присутствіе этихъ помѣшанныхъ? «Ничего», сказалъ Харламовъ: «оба вертѣлись тутъ же при свидѣтельствованіи, которое, собственно по ходатайству ихъ, производилось и было нужно, какъ для полученія пенсіона матери, такъ и для учрежденія опеки надъ имѣніемъ дочери. Впрочемъ, сестры Г** говорили, что отецъ Переваловъ заботится, чтобъ онѣ ни въ чемъ не терпѣли недостатка и, по тщеславію своему, желаетъ прослыть щедрымъ и великодушнымъ; а сынъ безпрестанно возитъ женѣ то яблоки, то конфекты; нынче же утромъ приставалъ къ ней съ вопросами: не хочетъ ли она шеколаду; но у несчастной одинъ всѣмъ отвѣтъ: «матушка, матушка, что̀ ты со мною сдѣлала!»

31 Марта, Воскресенье. Сатира князя Шаховскаго показалась мнѣ произведеніемъ замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ: написана легко и остроумно, безъ натяжекъ, безъ всякихъ претензій на глубокомысліе. Это пріятная, безобидная шутка, въ которой Шаховской очень живо очертилъ нѣсколькихъ оригиналовъ современнаго общества, выхваченныхъ, какъ говорятъ, изъ салона А. А. Нарышкина. Крыловъ утверждаетъ, что портреты очень сходны. Авторъ сначала обращается къ Мольеру:

Такъ ты одинъ, Мольеръ, безъ злобы и безъ шутства,
Смѣяся надъ людьми, умѣлъ людей смѣшить;
Твой быстрый взглядъ проникъ въ умы, сердца и чувства,
Чтобъ, забавляя насъ, насъ разуму учить.

И далѣе:

Мой духъ горитъ желаньемъ:
Полезнымъ сдѣлаться порока осмѣяньемъ;
Хочу я чудаковъ на разумъ навести.
Что̀ дѣлать! Не могу я видѣть безъ досады
Пороки, слабости и странности людей.

Здѣсь начинаетъ онъ описывать эти пороки и странности, и какими прекрасными стихами!

Одни довольны всѣмъ, всему на свѣтѣ рады:
Несчастіе гнететъ ихъ ближнихъ и друзей,
Бѣды со всѣхъ сторонъ, родные ихъ въ обидѣ,
Въ гоненьи, въ гибели; да имъ въ томъ нужды нѣтъ;
Не трогай ихъ однихъ, гори огнемъ весь свѣтъ:
Имъ это фейерверкъ—въ большомъ лишь только видѣ.

Другіе, напротивъ, всѣмъ недовольны:

Что̀ хочешь дѣлай ты—ничто имъ не въ угоду:
Сердиты на морозъ, на жаркую погоду,

Изволятъ гнѣваться на малыхъ и большихъ—
Нѣтъ спуску никому...
Мнѣ скажутъ: пусть ихъ врутъ, какая въ томъ бѣда?
Всѣ знаютъ, что они за то на свѣтъ озлились,
Что сами ни къ чему на свѣтѣ не годились.
Согласенъ, не было бъ въ ихъ болтовнѣ вреда,
Когда бы люди всѣ о всемъ судили сами
И не лѣнились бы своими жить умами,
Иль, еслибъ родились глупцы безъ языка,
А то, къ несчастью, что̀ зависть вымышляетъ
То̀ лѣность слушаетъ, а глупость разглашаетъ.

Какой вѣрный портретъ вѣстовщика:

Увидя вѣстовщикъ меня издалека,
Спѣшитъ, бѣжитъ ко мнѣ...
..... Боится опоздать –
А для чего? чтобъ ложь чужую перелгать.

Ну, а это не живой ли Б. К.?

Вотъ мой сосѣдъ....
Все хвалитъ, такаетъ, лишь только бъ угодить
Тому, кто иногда изволитъ брать съ собою
Его по улицамъ отъ скуки походить
И на вечеръ въ свой домъ изрѣдка приглашаетъ;
А въ немъ весь свѣтъ большой за картами сидитъ
Или подъ музыку охотничью зѣваетъ.

Прекрасно описанъ К. Ч.

. . . . . Но едва-ль не счастливѣй его,
Тамъ шпорами бренча, хватъ такту бьетъ ногою,
Затянутъ, вытянутъ, любуяся собою,
Кобенясь, ни во что̀ не ставитъ никого:
Лишь дай здоровья Богъ его четверткѣ чалой,
Тарасу кучеру, да пристяжной удалой,
А впрочемъ, дѣла нѣтъ ему ни до кого.

А каковъ селадонъ С.?

Близъ хвата франтъ сидитъ съ премоднымъ воспитаньемъ,
Съ ухваткой дамскою, съ сорочьимъ щебетаньемъ,
Головку искривя; такъ нѣженъ, такъ унылъ,
И молча говоритъ: смотрите, какъ я милъ!
Какъ милымъ и не быть? Легко ли, три аббата
На разныхъ языкахъ учили молодца
И, выпуская въ свѣтъ, увѣрили отца,
Что рѣдкость сынъ его, что въ немъ ума палата.

Окончаніе сатиры соотвѣтствуетъ ея началу:

Кто можетъ описать всѣхъ нашихъ чудаковъ?...
. . . .
Ихъ столько развелось за наши всѣ грѣхи,
Заморскихъ и своихъ, что тѣсно жить приходитъ,
И всякъ изъ нихъ на свой обычай колобродитъ:

Одинъ ударился писать на все стихи..
Другой политикъ сталъ...
Тотъ захозяйничалъ и въ деревняхъ мудритъ
Изъ иностранныхъ книгъ и съ образца чужаго
Безъ толку, безъ пути, онъ сѣетъ Русскій хлѣбъ—
Да на чужой манеръ хлѣбъ Русскій не родится.
Иной, забывъ, что онъ и старъ и чуть не слѣпъ,
Задумалъ всѣхъ плѣнять и въ щегольство пуститься;
А этотъ выдаетъ себя за мудреца,
Всклокотилъ голову, въ чернилахъ замарался,
Хоть много книгъ прочелъ—ума не начитался.

Стихотвореніе А. П. Буниной, «Видѣніе въ сумерки», непохоже на предъидущее: это великолѣпный наборъ словъ, предпринятый, кажется, въ намѣреніи польстить Державину. Изъ всего стихотворенія замѣчательны только два первые стиха:

Блеснулъ на Западѣ румяный царь природы,
Скатился въ океанъ—и загорѣлись воды.

Но изображеніе Державина—образцовая нелѣпость. Я не могъ не списать его для своего архива курьёзностей:

Чьихъ лиръ согласный звукъ во слухъ мой ударяетъ?
. . . .
Сквозь пальмовыхъ деревъ я вижу храмъ;
А тамъ
Средь миртовыхъ кустовъ, склоненныхъ надъ водою,
Почтенный мужъ съ открытой головою
На мягкихъ лиліяхъ сидитъ.
Въ очахъ его огонь горитъ,
Чело какъ утро ясно,
Съ устами и съ душой согласно,
На коемъ возложенъ изъ лавръ вѣнецъ;
У ногъ стоитъ златая лира.
Коснулся—и воспѣлъ причину міра,
Воспѣлъ и заблисталъ въ твореніяхъ творецъ!

Послѣ Державинъ будто бы заплакалъ; но такъ какъ всякому горю есть конецъ, то

Пѣвецъ отеръ слезу, коснулся вновь перстами,
Коснулся, загремѣлъ
И сладкозвучными словами
Земныхъ боговъ воспѣлъ.

Этимъ, однакожъ, не кончено: сочинительница продолжаетъ бредить, но бредить такъ, что ужъ изъ рукъ вонъ—даже и несмѣшно. Это стихотвореніе непремѣнно отправлю къ Мерзлякову: оно Петербургской школы, которой профессоры обѣщали меня «выполировать».

Въ заключеніе читали «Посланіе къ Капнисту» С. Н. Марина. Это посланіе—тоже нѣчто въ родѣ сатиры, но сатиры тяжелой, въ ко-

торой не найдешь ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и натянутаго умничанья. Талантъ Марина, столько замѣчательный въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, какъ то эпиграммахъ, надписяхъ, нѣкоторыхъ пародіяхъ и небольшихъ шуточныхъ посланіяхъ, исполненныхъ веселости и колкихъ насмѣшекъ, совершенно подавляется предметами болѣе возвышенными, а тамъ, гдѣ Маринъ хочетъ быть моралистомъ, онъ становится скучнымъ и даже пошлымъ. Напримѣръ, что̀ это за стихи, которыми начинается его посланіе къ Капнисту?

Какая бы тому, Капнистъ, была причина,
Что умнымъ мыслитъ быть послѣдній дурачина? и проч.

Такихъ стиховъ и посланій я бы могъ представить кипу для чтенія на литературныхъ вечерахъ, еслибъ не опасался прослыть, по выраженію Буринскаго, «безсовѣстнымъ писакою». Посланіе Марина къ Капнисту какъ разъ напоминаетъ эпистолу воспитанниковъ Университетскаго Пансіона къ пансіонскому эконому Болотову «О пользѣ огурцовъ», забавную пародію превосходной эпистолы Ломоносова къ Шувалову «О пользѣ стекла»:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Болотовъ,
Которы огурцы чтутъ ниже бергамотовъ.

1 Апрѣля. Понедѣльникъ. Обѣдалъ сегодня въ павильйонѣ: Марья Лукинична имянинница. Пили за здоровье ея какимъ-то новымъ виномъ—Сен-пре или Сен-пере, о которомъ я никогда не слыхалъ; оно въ родѣ Шампанскаго или нашего Цимлянскаго, только съ горечью и на вкусъ мой вовсе нехорошо.

Имянинница проплакала почти весь обѣдъ. «Да о чемъ вы плачете?» — «Такъ».— «Безъ причины плакать нельзя».— «Можно».— «Я догадываюсь, о чемъ».— «Вѣдь вы не графъ де-Блакасъ». — «Хотите, скажу?» — «Скажите; только если также ошибетесь и заставите меня покраснѣть, то и васъ возненавижу, какъ этого рыжаго демона».

Изъ павильйона заходилъ къ Гнѣдичу; засталъ его за работой: корпитъ надъ «Леаромъ». Мнѣ показалось очень страннымъ, что, будучи такимъ поклонникомъ Шекспира, онъ вздумалъ поправлять его; у него «Леаръ» не только не Шекспировъ, но даже и не Дюсисовъ: всѣ патетическія сцены сумасшествія Леара выкидываются; а, кажется, на нихъ основанъ весь интересъ пьесы. Роль, назначаемая Яковлеву, ничтожна. Замѣтно, что заботы Гнѣдича объ одной только роли Корделіи для Семеновой. Онъ началъ также переводить «Танкреда», но не хочетъ продолжать его, покамѣстъ не спуститъ съ рукъ «Леара».

Говорили о сатирѣ князя Шаховскаго, которую третьяго дня читали у Захарова; Гнѣдичъ уже слышалъ ее у Шаховскаго, и она ему не понравилась. «Въ ней нѣтъ никакой силы», сказалъ онъ. «Ужъ если писать сатиры, такъ надобно подражать Ювеналу.»—«Почему жъ не подражать и Горацію?» отвѣчалъ я: «сатира князя Шаховскаго—пріятная шутка, написанная прекрасными стихами, и многіе характеры обрисованы вѣрно».—«Не спорю», возразилъ онъ; «но князь Шаховской колетъ булавками, тогда какъ въ сатирѣ надобно поражать кинжаломъ. Впрочемъ у него есть другая сатира: «Разговоръ цензора съ другомъ»—эта будетъ лучше, хотя и въ томъ же родѣ».

Гнѣдичъ предложилъ познакомить меня съ княземъ Шаховскимъ. Я съ радостью принялъ предложеніе, но попросилъ недѣли на двѣ отсрочки. «Или опять голова не въ порядкѣ?» спросилъ онъ меня, «и не *замытились* ли опять?»—«Нѣтъ, не то», отвѣчалъ я, «а не хочется идти къ нему съ пустыми руками; надобно рекомендоваться ему чѣмъ-нибудь: у меня есть стихи подъ заглавіемъ «Осень». На дняхъ принесу показать ихъ вамъ; вы мнѣ скажете ваше мнѣніе, и тогда отправимся къ Шаховскому».

2 Апрѣля. Вторникъ. Ѳедоръ Даниловичъ *) читалъ намъ духовное завѣщаніе одного изъ старинныхъ своихъ пріятелей, Ивана Михайловича Морсочникова, умершаго въ глубокой старости, у него на рукахъ, лѣтъ пятнадцать назадъ; оно замѣчательно, какъ по странному слогу, такъ и по ребяческой, забавной откровенности завѣщателя. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи списать для своего музеума литературныхъ курьёзностей нѣкоторые параграфы этой пространной исповѣди Морсочникова, о которомъ Ѳедоръ Даниловичъ отзывается, какъ о примѣрномъ христіанинѣ, заслужившемъ въ кругу своихъ знакомыхъ смиреніемъ, добротою и самоотверженіемъ своимъ въ пользу ближняго, названіе праведника. Не смотря на этотъ отзывъ, покойникъ, кажется, былъ большой чудакъ, хотя и занималъ въ 1772 году довольно важный постъ—секретаря, или едва ли не члена Розыскной Экспедиціи.

„Лѣта 1784 Мая на осмый день, въ онь же празднуется память святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, я нижеименованный надворный совѣтникъ Иванъ Михайловъ сынъ Морсочниковъ, отъ роду 68 лѣтъ, хотя и обрѣтаюся по благодати Божіей въ здравіи тѣлесномъ, полномъ умѣ и свѣжей памяти, но, помня часъ смертный, разсудилъ учинить при нижеозначенныхъ свидѣтеляхъ сіе мое духовное завѣщаніе въ примѣръ и назиданіе родному племяннику моему, единственному сыну здравствующей и понынѣ родной сестры моей Ирины Михайловой, по мужѣ Епанчиной, Гаврилѣ Алексѣеву Епанчину,

---

*) Контролеръ Ивановъ.

которому, окромѣ сего отеческаго моего назиданія, оставляю по кровному съ нимъ родству моему все мое имущество, поелику другихъ наслѣдниковъ, опричь его, племянника Гаврилы съ матерью, у меня нѣтъ, а именно...“

Здѣсь въ трехъ пунктахъ слѣдуетъ исчисленіе оставляемаго имущества, состоящаго въ небольшомъ домишкѣ, въ иконахъ, нѣсколькихъ серебряныхъ ложкахъ, портретѣ императрицы Екатерины II, чайной, столовой и кухонной посудѣ, небольшомъ количествѣ кой-какой мебели, платья, бѣлья, и наконецъ въ суммѣ 500 рублей, изъ которой половина назначалась на похоронныя издержки, раздачу по церквамъ и подаянія нищимъ; а затѣмъ уже начинаются оригинальныя наставленія племяннику.

„Пунктъ IV. Поелику означенному племяннику моему Гаврилѣ, съ Егорьева дня, сирѣчь съ 23-го числа Апрѣля, отъ роду минуло 21 годъ, и оный совершеннолѣтній племянникъ мой стараніемъ моимъ записанъ на службу въ Сенатскій Архивъ, въ который по благословенію родительницы своей, а моей родной сестры, ежедневное прилежное хожденіе имѣть началъ, а потому завѣщаю ему племяннику моему Гаврилѣ первое: идучи изъ дома на службу, такожде и со службы домой, ни въ какія увеселительныя сходбища, а наипаче зазорныя мѣста не заходить и долговременнаго стоянія на улицахъ у лотковъ съ блинами и пирогами не имѣть, и разныхъ неприличныхъ рѣчей и прибаутокъ бывающихъ около нихъ во множествѣ разнаго званія людей не слушать; второе: по приходѣ въ Архивъ довлѣетъ ему, племяннику моему, сотворить въ началѣ троекратное поклоненіе, при крестномъ себя знаменованіи, образу Пресвятыя Богородицы Казанскія, и посемъ съ учтивостію, какъ благовоспитанному юношѣ надлежитъ, раскланявшись съ товарищи, благочинно сѣсть на свое мѣсто, и съ достодолжнымъ вниманіемъ приступить къ переписыванію порученной отъ повытьи бумаги, безошибочно; а буде бы таковой бумаги не случилося, то въ молчаніи ждать приказа отъ начальства, а тѣмъ временемъ не сидѣть въ праздности, но имѣть занятіе или чиненіемъ перьевъ, каковыхъ должно имѣть всегда не мало въ запасѣ, или пробою оныхъ на подкладочномъ листѣ, дабы почеркъ былъ всегда одинаковъ, безъ царапанья и крючковъ, на каковые крючки и разводы начальствующія особы нынѣ весьма негодуютъ. А какъ бываетъ, что въ товарищахъ тѣхъ случаются такіе насмѣшники и озорники, что того и глядятъ, какъ бы надъ благовоспитаннымъ человѣкомъ учинить какое невѣжество или издѣвку, какъ тó неоднократно случалось и со мною въ началѣ моего въ Экспедиціи служенія, сирѣчь: яко бы ненарокомъ закапать тебя съ обѣихъ сторонъ чернилами, или напудрить пескомъ, или, стянувъ изъ кармана носовой платокъ, запачкать оный разной дрянью и всунуть его опять въ карманъ, а потомъ и спросить, „что де у тебя замаранъ носъ“, ты бы молъ утерся“—а ты бывало хвать и вытащишь изъ кармана платокъ такой загаженный, что самому противно станетъ; или же оные насмѣшники доходятъ и до такого нахальства, что иной разъ приколятъ, невдомёкъ тебѣ сзади какую хульную картину, на прикладъ: козла съ рогами или обезьяну, и подпишутъ, это молъ такой-то, а какъ ты изъ должности выдешь, такъ народъ на тебя смѣяться станетъ и указывать пальцами. Почему въ таковыхъ оказіяхъ завѣщаваю племяннику моему Гаврилѣ не имѣть огорченія и жалобами своими начальству не стужать; а поступать по обычаю христіанскому и всякую такую издѣвку и обиду принимать со смиреніемъ и въ молчаніи, поелику обидчикамъ и козностроителямъ судитъ Богъ, а ты имъ не судья.

„Пунктъ VI. Извѣстно моему племяннику Гаврилѣ, что я отъ рожденія моего никакихъ хмѣльныхъ напитковъ не употреблялъ и не точію заниматься горѣлкою или пивомъ, но и краснаго бутылочнаго не вкушалъ, и великое къ онымъ напиткамъ отвращеніе имѣю; чего ради за таковую трезвость отъ начальства всегда похваленъ бывалъ и Господомъ Богомъ въ здоровьѣ не оставленъ; почему и слѣдуетъ такожъ и племяннику

моему отъ горячихъ напитковъ всемѣрно воздерживаться и, окромѣ двукратнаго въ сутки питія чаю никакихъ заморскихъ и Россійскихъ ошалѣніе производящихъ напитковъ не вкушать.

„Пунктъ VII. Извѣстно также племяннику моему отъ матери его, а моей сестры, скорбное житіе мое при покойницѣ женѣ моей, Авдотьѣ Никифоровнѣ—царство ей небесное и вѣчная память—колико претерпѣлъ я отъ нея истязаній біеніемъ палкою и бросаніемъ горячими утюгами; наипаче же за непринятіе отъ просителей богопротивныхъ подносовъ, неоднократно залѣпленіемъ мнѣ глазъ негодными и протухлыми яицами: того ради племяннику моему Гаврилѣ завѣщаваю жить въ безбрачіи, и прошу Господа Бога да избавится онъ отъ неистовства женскаго, мѣру терпѣнія человѣческаго превосходящаго; а буде бы оный племянникъ мой, по Божію попущенію, какимъ ни наесть случаемъ обрачился, то да не мудрствуетъ и не препирается съ сожительницею своею, паче же удаляется гнѣва ея, понеже навожденіемъ бѣсовскимъ поразить его можетъ ударомъ смертельнымъ".

Всѣ пункты завѣщанія въ такомъ же родѣ и, дѣлая наставленія племяннику, старикъ просто разсказываетъ происшествія своей жизни. Ѳедоръ Даниловичъ говоритъ, что встарину помѣщать наставленія въ завѣщаніяхъ было въ нѣкоторой модѣ. Не-ужъ-то же и на формы завѣщаній могла быть мода?

3 Апрѣля. Середа. Вчера познакомился я у гостепріимнаго А. И. Андреева [1]) съ придворнымъ протодьякономъ, Петромъ Николаевичемъ Мысловскимъ [2]), и смотрителемъ Эрмитажа, Васильемъ Степановичемъ Кислымъ. Пили чай съ подливкою какой-то ананасной настойки и наговорились вдоволь. Мысловскій знаетъ музыку и играетъ на фортепьяно. Голосъ у него не огромный, какъ у прочихъ протодьяконовъ, но, въ замѣну, онъ отлично образованъ и, кажется, недолго останется въ настоящемъ званіи, а поступитъ на какую-нибудь видную священническую или протопопскую вакансію. Чтò касается до Кислаго, то этотъ Кислый для меня слаще сахара: звалъ къ себѣ и обѣщалъ дозволить мнѣ свободный входъ въ Эрмитажъ во всякое время. Это будетъ совершеннымъ для меня благодѣяніемъ, потому что доставитъ мнѣ веселое занятіе по утрамъ, которыя до сихъ поръ проводилъ я въ одной коллежской болтовнѣ о вещахъ не только безполезныхъ, но даже и незанимательныхъ.

Толковали о нѣкоторыхъ придворныхъ чинахъ. Я удивился, что при дворѣ такъ мало штатсъ-дамъ: ихъ всего считается восемь, но на службѣ только четыре. Старшая изъ нихъ, княгиня Дашкова, находится

---

[1]) Комиссаръ придворной конторы. См. выше 11 Января.

[2]) П. Н. Мысловскій впослѣдствіи былъ ключаремъ, а наконецъ и протоіереемъ Казанскаго Собора, и въ этомъ санѣ занималъ нѣкоторое время должность увѣщателя подсудимыхъ. Авторъ „Дневника", въ продолженіе своего съ нимъ знакомства, не можетъ достаточно нахвалиться дружескимъ расположеніемъ этого достойнаго человѣка и обязанъ ему многими любопытными свѣдѣніями, не всякому доступными. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

въ Москвѣ, графиня Анна Родіоновна Чернышова и графиня Браницкая живутъ по своимъ деревнямъ, а графиня Салтыкова хотя и здѣсь, но во дворецъ не ѣздитъ, потому что, по слабости нервъ, не можетъ сносить запаха помады, пудры и духовъ; остаются графини де-Литта и Ливенъ, да княгини Лопухина и Наталья Петровна Голицына, единственная штатсъ-дама, которая возведена въ это званіе нынѣшнимъ Государемъ Императоромъ. Княгиня Голицына, вопреки существовавшему въ подобныхъ случаяхъ обычаю, пожалована штатсъ-дамою не за заслуги мужа, который былъ только бригадиръ въ отставкѣ, но за семейныя свои добродѣтели и во вниманіе къ общему уваженію, которымъ она пользуется. Впрочемъ она происхожденія знатнаго: дочь графа Петра Григорьевича Чернышова, была фрейлиною еще въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II-й, и въ свое время считалась такою красавицею, что назначена была царицею знаменитаго турнира, о которомъ до сихъ поръ не наговорятся старожилы, съ восхищеніемъ описывая ловкость и удальство «молодцовъ» графовъ Орловыхъ.

Андреевъ увѣряетъ, что оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой до такой степени бережливъ въ расходахъ по управленію и содержанію дворца, что Государь иногда смѣется надъ нимъ и одинъ разъ въ шутку назвалъ его скрягою. «Такъ не угодно-ли будетъ Вашему Величеству поручить должность мою А. Л. Нарышкину?» отвѣчалъ графъ Толстой. Государь изволилъ расхохотаться.

4 Апрѣля. Четвергъ. Заходилъ изъ Коллегіи къ Александрѣ Васильевнѣ. Засталъ у нея одного чиновника изъ министерства военныхъ силъ, который принесъ извѣстіе о назначеніи ей за службу мужа вдовьяго пенсіона. Толстая моя красавица въ восхищеніи: обстоятельства ея округляются; показывала письмо отъ тетки, которая увѣряетъ, что будетъ доставлять ей аккуратно по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, и сверхъ того дастъ ей возможность обзавестись и экипажемъ. «А продолжаете ли вы гулять однѣ?» спросилъ я названную свою сестрицу. «Гуляю ежедневно и во всякую погоду», отвѣчала она, «потому что это необходимо для моего здоровья; иногда попадаются мнѣ франты, которые подшучиваютъ надо мною, но я отшучиваюсь». Нельзя милѣе сносить положенія своего, какъ сноситъ его эта добродушная и откровенная Александра Васильевна.

Рѣшено, что «Князь Пожарскій» представленъ будетъ на театрѣ въ половинѣ будущаго Мая. Роль маленькаго Георгія, сына Пожарскаго, поручена воспитаннику Театральной школы, Сосницкому, который, говорятъ, подаетъ большія надежды. Шушеринъ недоволенъ своею ролью

и говоритъ, что скоро, пожалуй, заставятъ его играть наперсниковъ, слѣдуя пословицѣ: «изъѣзженному коню навозъ возить». — «Чтожъ это вы равняете себя съ лошадью?» сказалъ ему бывшій на̀-веселѣ Прытковъ. «Не равнять же мнѣ себя съ твоимъ братомъ — осломъ?» отвѣчалъ Шушеринъ.

5 Апрѣля. Пятница. Августъ Альбанусъ, Рижскій пасторъ написалъ похвальное слово Государю, которое ходитъ по рукамъ у всѣхъ здѣшнихъ именитыхъ Нѣмцевъ. Всѣ, кто только имѣетъ счастье знать Государя лично, утверждаютъ, что изображеніе его чрезвычайно вѣрно и безъ малѣйшей лести. Меня забираетъ охота перевести нѣкоторыя мѣста изъ этого прекраснаго сочиненія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть что-то давно мнѣ знакомое: какъ будто я уже читалъ его, или кто-нибудь подробно мнѣ о немъ разсказывалъ. На будущей Страстной недѣлѣ займусь этимъ переводомъ непремѣнно: дѣло сто̀итъ труда.

П. Сумароковъ скомпановалъ преужасную драму «Мареа Посадница», въ которой всѣ дѣйствующія лица другъ за другомъ убиваются сами или другими, кромѣ одного, которое остается на сценѣ для закончанія драмы. Мареа представлена героинею, но геройство ея въ разладѣ съ здравымъ смысломъ, потому что она въ перепискѣ съ королемъ Польскимъ Казимиромъ и умышляетъ предать ему Новгородъ и своихъ согражданъ. Хороша героиня! Сумароковъ настаивалъ, чтобъ этотъ сумбуръ представленъ былъ на театрѣ; но князь Шаховской не рѣшился принять его, и поэтому между ними возникло неудовольствіе. Сумароковъ теперь аппеллируетъ къ публикѣ и напечаталъ свою драму съ слѣдующимъ забавнымъ предисловіемъ:

«Актеръ г. Шушеринъ, убѣдившій меня «на скоро» (было зачѣмъ торопиться!) написать сію драму, есть «виновникъ ея порожденія» (хорошаго дѣтища далъ Богъ Шушерину!), а театръ, «обраковавшій (точно ленъ или пеньку) оную за единое ея содержаніе, есть причиною непоявленія ея на сцену. Станокъ тиснулъ листы, мое дѣло окончено, талантъ въ продажѣ за семь гривенъ (дорого!), и читателямъ остается судить, сто̀итъ ли чернилъ произведеніе». (Я—читатель и сужу: не стоитъ).

Прочитавъ это предисловіе, я подумалъ, что нахожусь въ прежнемъ своемъ галиматейскомъ обществѣ оперныхъ переводчиковъ. Если здѣшніе драматурги всѣ похожи на Сумарокова, то землякъ мой Кобяковъ не даромъ почитается въ мнѣніи актеровъ грамотнымъ человѣкомъ.

6 Апрѣля. Суббота. Очередной вечеръ А. С. Хвостова отлагается до Субботы Ѳоминой недѣли.

Таскался по гулянью около Гостинаго Двора. Грязь престрашная. Чадолюбивыя маменьки и бабушки толпятся около столовъ, на которыхъ разставлены игрушки, а наша братья-зѣваки большею частью глазѣютъ съ бульвара. Я замѣтилъ одного пожилаго съ огромнымъ носомъ барина, который отъискивалъ вербы о двѣнадцати херувимчикахъ и, къ крайней досадѣ своей, отъискать такой не могъ; одинъ изъ торгашей, посметливѣе другихъ, подряжался изготовить ему къ вечеру огромную вербу, хотя о пятидесяти херувимчикахъ: «это все въ нашей власти», говорилъ онъ, «лишь извольте пожаловать впередъ деньги»; но баринъ на это не согласился.

Между здѣшнимъ и Московскимъ гуляньями въ Лазареву Субботу пребольшая разница: въ Москвѣ на Красной площади просторъ, богатые экипажи, кавалькады—настоящее гулянье народное; здѣсь же, напротивъ, люди жмутся по одной кратчайшей линіи Гостинаго Двора, такъ что не только проѣхать, но и пройти съ трудомъ можно. Какая-то невыносимая давка, а отъ грязи только и спасенья, что бульваръ посрединѣ Невскаго Проспекта, да и на тотъ попасть не всякому удастся, потому что сплошь покрытъ народомъ, который толчется на одномъ мѣстѣ и безотчетно зѣваетъ на всѣ четыре стороны. Это не пріятное гулянье, а скорѣе: непріятное *стоянье*.

7 Апрѣля. Воскресенье. Со времени войны съ Французами появился въ Москвѣ особый разрядъ людей подъ названіемъ «нувелистовъ», которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобъ собирать разныя новости, развозить ихъ по городу и разсуждать о дѣлахъ политическихъ. Разумѣется, всѣ ихъ разсужденія имѣютъ одинъ припѣвъ: «Я поступилъ бы иначе; у меня пошло бы поживѣе» и проч. Мерзляковъ въ своей пѣснѣ прекрасно обрисовалъ одного изъ этихъ господъ, живущихъ политическими новостями:

Тамо старый дуралей,
Снявъ очки съ густыхъ бровей,
Исчисляетъ въ важномъ тонѣ
Всѣ грѣхи въ Наполеонѣ.

Я думалъ, что эти люди составляютъ принадлежность одной только Москвы, въ которой иному точно и дѣлать другаго нечего, какъ развозить новости и толковать о политикѣ; но сегодня обѣдалъ я съ такими отчаянными (по выраженію Настасьи Дмитріевны Офросимовой) «политикантами», что наши Московскіе въ подметки имъ не годятся, и пѣсня Мерзлякова какъ будто нарочно на счетъ ихъ была сложена; а между тѣмъ это люди совсѣмъ не праздные и даже сановники, хотя, кажется, и не съ большимъ вѣсомъ. Одинъ изъ нихъ осуждалъ дѣйст-

вія главнокомандующаго арміею, другой назначалъ своихъ генераловъ, а третій утверждалъ, что онъ для окончанія войны «просто взялъ бы Парижъ, а Бонапарте повѣсилъ бы какъ разбойника» и проч. и проч. Всѣ эти толки сопровождались такими неистовыми возгласами и кулачными ударами по бѣдному столу, что хозяйка дрожала за столовый свой хрусталь, а намъ становилось страшно. Охота же такъ горячиться изъ ничего! И развѣ нельзя сочувствовать общему дѣлу и принимать участіе въ теперешнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не выходя изъ себя и не выставляя на-показъ вздорныхъ своихъ мнѣній? Я увѣренъ, что эти господа такъ гомозятся отъ того, что ихъ не спрашиваютъ; а попробуй спросить ихъ—станутъ въ тупикъ.

Но такъ какъ всякому человѣку случается въ жизни обмолвиться умнымъ словомъ, то и одинъ изъ моихъ ораторовъ сдѣлалъ подъ конецъ обѣда очень дѣльное замѣчаніе. «Нынче у всѣхъ молодыхъ людей», сказалъ онъ, «есть страстишка щегольнуть умомъ и своими способностями, а между тѣмъ кто выходитъ въ люди? Только тѣ, которые умѣютъ скрывать ихъ до благопріятнаго случая. Повѣрьте, что тотъ дурачится, кто хочетъ выказываться и возбуждать зависть въ началѣ служебной своей карьеры; онъ не кончитъ ея благополучно, если скоро не будетъ въ отставкѣ».

8 Апрѣля, Понедѣльникъ. Похвальное слово Государю, которымъ такъ мы восхищаемся и которое полагали «сочиненіемъ» пастора Альбануса, оказывается просто извлеченіемъ изъ похвальнаго слова Траяну Плинія-Младшаго; но пусть и такъ: все же нельзя не поблагодарить Альбануса за то, что онъ такъ удачно и мастерски умѣлъ примѣнить Пливіево изображеніе Траяна къ особѣ и качествамъ Государя.

Нельзя безъ сердечнаго удовольствія читать этого «слова», которое все состоитъ изъ отрывковъ Пливіева панегирика, почти буквально переведеннаго; и, читая его, невольно удивляешься, какъ могъ Римскій писатель, за семнадцать столѣтій предъ симъ, такъ вѣрно изобразить обожаемаго нашего Государя безъ особаго дара предвидѣнія и вдохновенія свыше, потому что не только наружность, не только плѣнительныя свойства, не только вызвышенный образъ мыслей, но и смыслъ самыхъ указовъ и постановленій императора Александра изображаются съ изумительною подробностью. Жаль одного, что это прекрасное «слово» не есть произведеніе писателя Русскаго.

9 Апрѣля, Вторникъ. Получено извѣстіе, что 4-го числа Государь изволилъ быть съ Прусскимъ королемъ въ Шиппенбейлѣ, куда прибыла и гвардія въ отличномъ порядкѣ, не смотря на форсированные

марши, которые принуждена она была дѣлать. 3-го числа, въ Бартенштейнѣ, у главнокомандующаго Бенигсена былъ огромный обѣдъ, на которомъ Государь присутствовалъ и былъ, говорятъ, до такой степени милостивъ къ заслуженному генералу, что при всѣхъ изъявилъ совершенное довѣріе къ его военнымъ соображеніямъ и опытности, и предоставилъ ему полную свободу дѣйствовать, какъ онъ, по обстоятельствамъ, признаетъ за лучшее. Эти вѣсти радуютъ здѣсь многихъ почтенныхъ людей, которыхъ было встревожили кой-какіе смутные слухи о предстоящихъ будто бы перемѣнахъ въ военномъ начальствѣ.

Вечеромъ сидѣли у меня Гнѣдичъ съ Юшневскимъ; говорили, разумѣется, большею частью о трагедіяхъ и объ актерахъ, хотя, правду сказать, и не то время, чтобъ толковать о театрѣ, а скорѣе бы надобно было читать канонъ покаянный и особенно мнѣ, грѣшному. Гнѣдичъ увѣряетъ, что съ нѣкоторыхъ поръ Русскій театръ видимо совершенствуется и, не говоря уже о прежнихъ извѣстныхъ талантахъ, которые впродолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, благодаря многимъ новымъ пьесамъ, на театръ поступившимъ, необыкновенно оживились и, можно сказать, переродились, являются на сцену таланты молодые, свѣжіе, съ лучшимъ образованіемъ и современными понятіями объ искусствѣ *). Юшневскій, соглашаясь съ Гнѣдичемъ, что театръ нашъ точно становится лучше, не хотѣлъ, однакожъ, согласиться съ нимъ въ томъ, чтобъ это усовершенствованіе могло имѣть такое сильное вліяніе на наше общество, чтобы, какъ онъ утверждаетъ, люди большаго свѣта, пріученные иностраннымъ воспитаніемъ смотрѣть съ нѣкоторымъ равнодушіемъ на отечественныя театральныя произведенія и Русскихъ актеровъ, вдругъ стали предпочитать Русскій театръ иностранному и охотнѣе посѣщать его, чѣмъ Французскій, и что «Эдипъ», «Дмитрій Донской», «Модная Лавка» и нѣсколько другихъ пьесъ не въ состояніи такъ скоро перемѣнить направленіе вкуса публики высшаго круга. Если жъ она съ такою жадностью бросилась смотрѣть на эти пьесы, такъ не потому ли, что, по замѣчанію статскаго совѣтника Полетики, она хотѣла убѣдиться въ двухъ невѣроятныхъ для нея вещахъ, т.-е. что Русскій авторъ написалъ хорошую пьесу, а Русскіе актеры хорошо ее разыграли? «Пожалуй», сказалъ онъ смѣясь, «вы, Николай Иванычъ, и опять станете увѣрять, что нѣсколько хорошихъ пьесъ и

---

*) Такъ прежде казалось и мнѣ; но я убѣдился въ послѣдствіи, что прежніе актеры, вопреки мнѣнію Гнѣдича, не менѣе новыхъ имѣли образованія и понятія объ искусствѣ, а сверхъ того, обладали еще и большими физическими способностями, нужными для сцены. По этому случаю, невольно приходятъ на память слова П. А. Плавильщикова, сказанныя имъ за обѣдомъ у князя М. А. Долгорукаго. См. выше 30 Октября 1805 г. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

хорошихъ актеровъ нечувствительно могутъ перемѣнить образъ мыслей и поведеніе нашихъ слугъ, ремесленниковъ и рабочихъ людей и заставить ихъ, вмѣсто питейныхъ домовъ, проводить время въ театрѣ. До этого еще далеко».

«Далеко или нѣтъ», отвѣчалъ Гнѣдичъ, «но это послѣдуетъ непремѣнно, если только явятся писатели съ талантомъ и станутъ сочинять пьесы занимательныя по содержанію и достоинству слога; если жъ эти пьесы будутъ, сверхъ того, и въ нашихъ нравахъ, то успѣхъ несомнителенъ: театры будутъ наполнены и переполнены зрителями; но та бѣда, что трудно написать хорошую пьесу, и особенно пьесу въ нашихъ нравахъ. Я знаю только одну въ этомъ родѣ, которая заслуживаетъ полнаго уваженія: это драма Ильина «Рекрутскій Наборъ». Въ ней все есть: и правильность хода, и занимательность содержанія, и ясность мысли, и теплота чувства, и живость разговора, и все это какъ нельзя болѣе приличествуетъ дѣйствующимъ лицамъ; жаль только, что авторъ безъ нужды заставилъ въ одной сценѣ втораго акта философствовать извощика Герасима: не будь этого промаха, драма Ильина могла бы назваться совершенною. Впрочемъ, какъ быть! Вотъ болѣе десяти лѣтъ, какъ Нѣмцы соблазняютъ насъ, и я первый приношу покаянную въ прежнемъ безотчетномъ моемъ удивленіи и подражаніи Нѣмецкимъ драматургамъ-философамъ».

10 Апрѣля, Середа. Мнѣ доставили только что появившіяся чрезвычайно интересныя записки знаменитой Англійской актрисы мистриссъ Робинзонъ, которой отецъ служилъ въ нашемъ флотѣ капитаномъ и умеръ здѣсь, въ Петербургѣ, въ 1785 году. Эта милая женщина, получившая отличное воспитаніе, вдругъ, по внушенію страсти къ театру, сдѣлалась, на восьмнадцатомъ году своего возраста, актрисою. Наставникомъ ея въ искусствѣ былъ Гаррикъ, который предпочиталъ игру ея въ роляхъ Юліи, Дездемоны, Офеліи и другихъ, требующихъ наиболѣе чувства, игрѣ всѣхъ актрисъ, когда-либо украшавшихъ Англійскую сцену. Къ несчастью, сценическое ея поприще было непродолжительно: на двадцать пятомъ году, въ наиблистательнѣйшую эпоху красоты своей и таланта, она впала въ какое-то нервическое разслабленіе, приковавшее ее къ постели, съ которой не сходила уже она до самой своей кончины, послѣдовавшей на сорокъ второмъ году ея жизни.

Болѣе шестнадцати лѣтъ провела геніальная страдалица почти въ совершенной неподвижности, лишенная употребленія рукъ и ногъ; но, твердая духомъ и бодрая умомъ, она умѣла найдти отраду въ занятіяхъ литературныхъ и нравственномъ образованіи дочери, которой диктовала прекрасныя свои стихотворенія и записки. Первыя преис-

полнены красотъ поэтическихъ, проникнуты глубокимъ чувствомъ, плѣнительны игривостью воображенія и свѣжестью колорита въ описаніяхъ; а послѣднія, кромѣ интересной біографіи самой писательницы, заключаютъ въ себѣ множество любопытныхъ и, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно вѣрныхъ замѣчаній объ искусствѣ театральномъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи перевести нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній. Оно же кстати: эти дни ходить мнѣ некуда и дѣлать нечего; займусь работой, которая вмѣстѣ будетъ для меня и разсѣяніемъ; по крайней мѣрѣ въ это время несносныхъ предчувствій не дамъ тоскѣ овладѣть собою.

Извѣстный уличный стихотворецъ старикъ Патрикѣичъ, котораго необыкновенной способности низать риѳмы завидуетъ самъ остроумный Маринъ *), а оригинальными виршами такъ восхищается мой другъ Кобяковъ, обмолвился пресправедливымъ двустишіемъ:

Горемъ бѣдѣ не пособишь,
Натуру свою лишь уходишь.

---

*) Въ одной изъ сатиръ своихъ, въ которой жалуется на затрудненіе въ пріисканія риѳмъ:

„О, еслибъ я умѣлъ свою принудить Музу,
Чтобъ тяжкихъ правилъ сихъ сложить съ себя обузу!
Когда я съ Пиндаромъ сравнить кого готовъ,
Державинъ на умѣ, а подъ перомъ Хвостовъ;
Самъ у себя весь вѣкъ я, находясь въ неволѣ,
Завидую твоей о, *Патрикѣичъ*, долѣ.

Патрикѣичъ въ свое время былъ въ модѣ и служилъ потѣхою многимъ умнымъ людямъ, въ томъ числѣ и Фонвизину, на котораго написалъ онъ, такъ называемую имъ, эпиграмму:

„Открылся нѣкій Діонистръ (то-есть Денисъ)
Мнимый намѣстникъ и министръ,
Столпотворенію себя уподобляетъ!“ и проч.

Авторъ „Недоросля“ отвѣчалъ ему также стихами, оканчивающимися такъ:
„Счастлива та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жерёба!“

Но верхомъ совершенства въ нелѣпомъ сочетаніи риѳмъ были стихи, поднесенные Патрикѣичемъ Калужскому преосвященному. Они начинались такъ:

„Преосвященному пою Ѳеофилакту,
Во краснорѣчіи наукъ
Кой Вильманстрандскому подобенъ катаракту...“

а оканчивались желаніемъ, чтобъ преосвященный взглянулъ *любезно* на его посланіе *безмездно*; но въ выноскѣ замѣчено, что послѣднее выраженіе употреблено только для риѳмы, а сочинитель не прочь отъ подарка. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Почему, на основаніи этой аксіомы, не должно бы и мнѣ такъ сокрушаться «о томъ, о семъ, слѣдующемъ и прочемъ» [1]) и тосковать одному, запершись въ четырехъ стѣнахъ, когда для меня открыты всѣ четыре стороны свѣта? Но можно ли сладить съ собою? Я по крайней мѣрѣ сдѣлать этого не умѣю, и притворство покамѣстъ еще не мое ремесло. Какъ это дѣлаютъ другіе—не знаю; но казаться веселымъ, когда змѣя грызетъ сердце; отвѣчать кстати на вопросы любопытныхъ, когда не слышишь и не понимаешь, о чемъ тебя спрашиваютъ; говорить *да*, когда надобно сказать *нѣтъ* и обратно—все это для меня непостижимо, и я боюсь, что, при первомъ свиданіи съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ, того и смотри, разболтаю всю подноготную. Чтò изъ этого можетъ выйдти, одинъ Богъ вѣсть; но мнѣ кажется, что откровенность—лучшее лѣкарство для облегченія страданій души.

А между тѣмъ завтра Свѣтлое Воскресенье; у меня уже раздается въ ушахъ божественная пѣснь Дамаскина: «Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь; се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ Запада, Сѣвера и моря и отъ Востока чада твоя, благословяще Христа во вѣки!» Пойдемъ въ церковь, новый Сіонъ нашъ, «просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обымемъ и рцемъ: братіе, ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!» Легче будетъ...

14—20 Апрѣля. Воскресенье—Суббота. Христосъ Воскресе!

Кромѣ Державина, я рѣшительно ни у кого съ поздравленіями не былъ и не буду впродолженіе цѣлой недѣли. Гаврила Романовичъ пенялъ, что пришелъ утромъ, и приглашалъ обѣдать; но я отговорился нездоровьемъ. Съ участіемъ посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ, что я въ самомъ дѣлѣ измѣнился въ лицѣ, и чтобъ я велъ себя осторожнѣе, потому что всякое излишество гибельно въ Петербургѣ для новичковъ, чтò знаетъ онъ по собственному опыту. При ссылкѣ на свое нездоровье, я краснѣлъ и чувствовалъ біеніе сердца: меня мучила совѣсть. Стòитъ только однажды сбиться съ прямаго пути, такъ и начнешь вилять вкривь и вкось по окольнымъ дорожкамъ, покамѣстъ не застрянешь въ какой-нибудь волчьей ямѣ. Я сказалъ неправду—и кому? Какъ бы не было впередъ хуже. Ainsi que la vertu le crime a ses degrés [2]).

Неблагодарно съ моей стороны не быть въ павильонѣ; но какъ идти туда, когда напередъ знаю, что попадусь въ руки безпощадной инквизиціи и что вопросамъ и разспросамъ любопытныхъ и сметливыхъ

---

[1]) Такъ записалъ извѣстный всѣмъ чиновникъ содержаніе одной полученной бумаги въ дежурную книгу. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Порокъ, какъ и добродѣтель, имѣетъ свои степени.

моихъ пріятельницъ конца не будетъ; да и безъ разспросовъ онѣ великія мастерицы угадывать по одному моему взгляду, движенію губъ и даже по моей походкѣ, что̀ происходитъ у меня на душѣ. Нѣтъ, какъ ни скучно, но рѣшусь просидѣть всю эту недѣлю дома подъ предлогомъ болѣзни, а тамъ что̀ Богъ дастъ!

—

Веселый хозяинъ мой заходилъ приглашать меня на вечеръ, который, вмѣсто Четверга, назначается въ Среду, по случаю имянинъ жены его. «Wir werden singen und springen», сказалъ онъ, подмигивая и припрыгнувъ: «Die Dame wird auch da seyn». Нашелъ чѣмъ заманивать меня добрый Торсбергъ! Не до пѣсенъ и пляски мнѣ грустному затворнику, у котораго въ головѣ теперь одна мелодія: Das waren mir seelige Tage!

Я всегда любилъ дѣлить досугъ свой съ людьми добрыми, какъ бы ничтожны они ни были; но теперь совокупное посѣщеніе такихъ оригиналовъ, какъ Т. Ѳ. Дурновъ и землякъ мой Кобяковъ, почитаю благодѣяніемъ судьбы. Они рады были приглашенію моему бывать у меня ежедневно и обѣщались даже обѣдать со мною во все продолженіе праздниковъ; народъ неприхотливый и довольствуется больше количествомъ, чѣмъ качествомъ. Не заведетъ ли благопріятный случай ко мнѣ еще и Вельяминова? Онъ былъ бы для меня сущею отрадою; съ нимъ время проходитъ незамѣтно.

—

Краснопольскій началъ переводить оперу Das neue Sonntags-Kind, подъ заглавіемъ «Домовые»; но едва ли онъ въ состояніи будетъ удержать въ своемъ переводѣ весь комизмъ арій, дуэтовъ и особенно преуморительнаго финала перваго дѣйствія: для этого нужно много веселости, а Краснопольскій переводитъ очень равнодушно, какъ ученикъ по лексикону, и вовсе незнакомъ съ Нѣмецкими вицами (Witz), иногда очень пошлыми и глупыми, но за то всегда смѣшными. Ну какъ, напримѣръ, онъ справится съ входною аріею студента-жениха, которою молодой педантъ изъясняетъ такое смѣшное участіе въ здоровьѣ своей невѣсты:

Ich frag's obsequialiter,
Das heisst, ergebnermassen,
Ob sie heut nocturnaliter
Geschlafen wie ein Katz?

Еслибъ переводъ могъ удасться, то нѣтъ сомнѣнія, что эта оперка, не во гнѣвъ будь сказано Якову Степановичу Воробьеву, который такой ненавистникъ Нѣмецкихъ и Французскихъ оперъ и оперетокъ, чрезвычайно бы понравилась веселой части публики, тѣмъ болѣе, что могла

бы удачно быть обстановлена: всѣ роли въ ней, какъ нарочно, созданы для Воробьева, Пономарева, Рожественскаго, Чудина, Лебедева, Самойлова, жены его, Болиной и Рахмановой.

Сказываютъ, что въ дирекцію театра поступаетъ такое множество драмъ оригинальныхъ и переводныхъ, что она не знаетъ, чтó съ ними дѣлать, а пуще какъ отбиться отъ назойливыхъ авторовъ, рѣшительно ее осаждающихъ: эти авторы большею частью подкрѣпляемы бываютъ рекомендательными письмами значительныхъ особъ, на которыя театральное начальство отвѣчать должно, чтò приводитъ его въ великое затрудненіе. Многія изъ поступающихъ драмъ остаются даже и непрочитанными. Казначей театра, П. И. Альбрехтъ, получившій недавно Анненскій крестъ на шею, великій экономъ, предлагалъ князю Шаховскому употреблять ихъ для топки печей вмѣсто дровъ, потому что у него въ квартирѣ всегда холодно. «Да за чтó жъ, батюшка Петръ Иванычъ, ты меня совсѣмъ заморозить хочешь?» возразилъ сочинитель «Новаго Стерна»: «отъ нихъ еще пуще повѣетъ холодомъ».

И въ самомъ дѣлѣ, сколько авторовъ только и дѣлаютъ, что сочиняютъ драмы, Богъ вѣсть для кого и для чего; потому что ихъ почти никогда не принимаютъ на сцену и даже не читаютъ, если онѣ бываютъ напечатаны! Намедни Дмитревскій очень ясно истолковалъ причину этой несчастной страсти къ сочиненію драмъ и другихъ театральныхъ пьесъ прозою. «Естественно, мы всегда хотимъ успѣха», сказалъ онъ, «который бы не стоилъ намъ большихъ усилій; а драму написать легче, чѣмъ трагедію или комедію, и сочиненіе въ прозѣ не требуетъ столько труда и таланта, сколько сочиненіе въ стихахъ». По словамъ его, Вольтеръ былъ большой врагъ драматическихъ пьесъ въ прозѣ и говорилъ, что онѣ изобрѣтены «бездарною лѣностью».

Кто-то замѣтилъ очень остроумно, что правильная драматическая пьеса, трагедія или комедія, должна быть подобна золотой монетѣ, то-есть имѣть надлежащіе вѣсъ, цѣнность и звонъ. Вѣсъ ея—мысли, цѣнность—изящная чистота слога, звонъ—гармонія стиховъ.

—

Сегодня было у меня стеченіе преразнообразныхъ посѣтителей: чиновники, сочинители, актёры и художники, всѣ сошлись вмѣстѣ, и даже, какъ нарочно, явилась неожиданно красавица Александра Васильевна. Время прошло бы превесело, еслибъ я только могъ быть веселымъ. Сначала смотрѣли на сестрицу мою съ какимъ-то любопытнымъ изумленіемъ и какъ будто ея дичились; но она такъ мило и ловко сама подтрунивала надъ толщиной своей и такъ умно обо всемъ говорила и разсуждала, что мои гости забыли о толщинѣ ея, чтобъ любоваться необыкновенной прелестью ея плѣнительной головки и красивыхъ рукъ.

Оригиналъ Дурновъ, какъ художникъ, не сводилъ съ нея глазъ. «Что̀ вы такъ смотрите на меня?» сказала она ему, улыбаясь. «Вы вѣрно удивляетесь, что такая прекрасная голова присажена къ такому неуклюжему тѣлу? Это для того, скажу вамъ, чтобъ я не очень гордилась преимуществами красоты своей, не была кокеткою и не сводила съ ума тѣхъ, которые, подобно вамъ, такъ пристально на меня смотрятъ».

Въ качествѣ сестрицы, навѣстившей больнаго братца, Александра Васильевна разливала намъ чай, и гости мои не положили охулки на руку: нѣсколько разъ подливали въ самоваръ воды и подсыпали въ чайникъ чаю. Гебгардъ болталъ безъ умолку и очень смѣшилъ разсказами о послѣдствіяхъ нашего пикника въ честь Иффланда и объ одномъ извѣстномъ баринѣ, который, не такъ давно принимая одну, также извѣстную, барышню съ Нѣмецкой сцены подъ свое покровительство, непремѣнно хотѣлъ, чтобъ это покровительство ознаменовано было съ его стороны возможнымъ великолѣпіемъ, и потому, заказавъ въ квартирѣ, изготовленной для пріема покровительствуемой особы, пышный банкетъ, онъ пригласилъ къ ужину всѣхъ ея сотоварищей и каждому предоставилъ въ распоряженіе особую карету, съ тѣмъ, чтобъ всѣ они изъ прежней квартиры красавицы слѣдовали за нею на приготовленное ей новоселье. «Это была преуморительная процессія», говорилъ Гебгардъ: «точно какія-нибудь похороны. Да и въ самомъ дѣлѣ», прибавилъ онъ, «это были похороны здраваго смысла, потому что не прошло двухъ «недѣль, какъ тщеславный покровитель чуть не былъ выброшенъ за «окошко такимъ же другимъ, имѣвшимъ на покровительство преимуще-«ственное право давности». Мнѣ всего больше понравилась наивность, которою заключилъ Гебгардъ свой разсказъ: «Надобно быть совершеннымъ Нѣмцемъ», сказалъ онъ, «чтобъ это выдумать».

—

Изъ павильйона присылали спросить, отчего такъ давно не видать меня и, въ случаѣ болѣзни, узнать, не имѣю ли въ чемъ нужды. Добрые люди! Были также старикъ Самсоновъ съ своими разсказами и братья Харламовы, которымъ я объявилъ, что въ половинѣ Мая переѣду къ нимъ въ домъ, и хотѣлъ условиться съ ними о квартирѣ; они не хотѣли о томъ и слышать, говоря, что сочтемся, и безъ памяти рады, что пріобрѣтаютъ себѣ жильца Данковца. У всякаго своя слабость.

Кстати о слабостяхъ. Самсоновъ разсказывалъ, что извѣстный Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, весьма умный, образованный и притомъ отлично добрый человѣкъ, имѣлъ, кромѣ слабости къ женскому полу, еще другую довольно забавную слабость: онъ не любилъ, чтобъ другіе, знакомые и пріятели его, ѣли въ то время, когда у него самого апе-

тита не было, ходили гулять, когда у него болѣла нога, и вообще дѣлали то, что̀ иногда онъ самъ дѣлать былъ не въ состояніи. У него ежедневно былъ роскошный столъ, и безъ гостей онъ никогда не бывалъ. Если чувствовалъ онъ себя хорошо, тогда потчивалъ на пропалую, выговаривая безпрестанно, что мало ѣдятъ и пьютъ; когда же не имѣлъ апетита, или, по предписанію доктора, обязанъ былъ воздерживаться отъ разныхъ кушаньевъ, то начиналъ всегда разсужденіе о томъ, какъ люди не берегутъ себя и безразсудно предаются излишеству въ пищѣ; что для насыщенія человѣка нужно немногое, а между тѣтъ онъ поглощаетъ всякую дрянь (тутъ онъ называлъ поименно всѣ лакомыя блюда стола своего) въ предосужденіе своего здоровья. Такъ и въ другихъ случаяхъ: ѣдетъ ли кто въ страстно-любимый имъ театръ (котораго онъ былъ главнымъ директоромъ) въ такое время, когда, по нездоровью или особымъ дѣламъ, онъ не могъ присутствовать при представленіи, и вотъ Елагинъ начнетъ ворчать: «Право, не понимаю этой страсти къ театру: что за не́видаль такая? Добро бы что-нибудь новое, а то все одно и тоже; что̀ вчера, то и нынче: тѣже пьесы, тѣже актёры и тѣже кулисы».

Однакожъ, мнѣ кажется, что эта слабость Елагина—общая слабость всѣхъ людей; только они не хотятъ въ ней сознаться и ея не высказываютъ. Въ сердцѣ каждаго, и самаго добраго человѣка, непременно таится, больше или меньше, проклятая зависть—клочокъ грѣха первороднаго; иначе отчего бы я, напримѣръ, добрый человѣкъ, такъ былъ доволенъ, что сегодня скверная погода и мѣшаетъ гулянью? Оттого, что мнѣ самому гулять не приходится, и я долженъ сидѣть дома.

—

Александръ Васильевичъ Приклонскій сказывалъ, что, не смотря на праздники, въ канцеляріи нашего министра существуетъ большая дѣятельность вслѣдствіе полученнаго вчера извѣстія о заключеніи въ Бартенштейнѣ договора между Государемъ и королемъ Прусскимъ. Этотъ договоръ, состоявшійся въ самый первый день Пасхи, имѣетъ основаніемъ возстановленіе Пруссіи и Австріи и защиту другихъ государствъ отъ властолюбія Бонапарте, угрожающаго имъ совершеннымъ разореніемъ. Говорятъ, что планъ Государя для дѣйствій въ пользу Пруссіи и Австріи очень обширенъ и составленъ имъ съ необыкновенною проницательностью и знаніемъ дѣла; но боятся, чтобъ исполненіе этого плана не встрѣтило препятствій, съ одной стороны, въ нерѣшительности Австріи, а съ другой, въ недобросовѣстности Англіи, которая обѣщала прежде до тридцати тысячъ вспомогательныхъ войскъ для высадки въ Пруссію, Французамъ въ тылъ, а теперь уменьшаетъ ихъ до десяти тысячъ. Приклонскій слышалъ также отъ Ивана Андреевича Вейде-

мейера, что Будбергъ рѣшительно проситъ увольненія отъ званія министра иностранныхъ дѣлъ, и что мѣсто его непремѣнно займетъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Я воображаю, какъ обрадуются всѣ, служащіе въ Коллегіи, этой перемѣнѣ начальства; можетъ быть, новый министръ захочетъ употребить на что-нибудь и насъ «считающихся при разныхъ должностяхъ» и неимѣющихъ не только никакой должности, но даже и ни какого занятія.

Къ слову о графѣ Румянцовѣ. Анна Никитична Нарышкина назначила его единственнымъ наслѣдникомъ своего огромнаго имѣнія, которое, по совѣсти, слѣдовало бы въ родъ Нарышкиныхъ, Александра Львовича съ братомъ, какъ доставшееся ей послѣ роднаго дяди ихъ, Александра Александровича. Это назначеніе давно уже предвидѣли, и по сему случаю между графомъ Румянцовымъ и Нарышкиными существовала большая холодность, обратившаяся съ недавняго времени въ явную непріязнь. Острый Александръ Львовичъ неутомимо преслѣдуетъ Румянцова разными колкостями, хотя и прекрасно выраженными, но, къ несчастью, безсильными для поправленія дѣла.

Завтра, дастъ Богъ, выползу изъ своего заточенія. Я такъ одичалъ въ эту недѣлю, что, право, не знаю, какъ встрѣчусь съ знакомыми и что̀ буду отвѣчать имъ на неминуемые ихъ вопросы.

21 Апрѣля, Воскресенье. Слава Богу, все обошлось благополучно! Вмѣсто ожидаемой пытки я встрѣтилъ однѣ довольно сносныя насмѣшки: «Oh, l'enfant! Oh, le pauvre enfant! Voyez le grand malheur qui lui arrive! Mais c'est charmant, c'est impayable!» — «Да, да», подумалъ я, «смѣйтесь, смѣйтесь, павильйонскія мои трещоточки, хохочите себѣ на-обумъ, а все-таки, несмотря на гасконскія выходки стараго зажиги вашего папа́, вы отъ меня ничего не узнаете: я отмолчусь. И точно: отмолчался.

За обѣдомъ много толковали о путешествіи Государя. Всюду принимаютъ его, какъ будущаго своего избавителя отъ ига новаго Чингисъ-Хана. Все это хорошо; но старые эмигранты ропщутъ на тѣ государства, за которыя онъ такъ великодушно вооружился, что они, съ своей стороны, мало представляютъ ему средствъ для продолженія войны болѣе энергическимъ образомъ. Мсьё виконтъ, который бываетъ у Марьи Антоновны ежедневно и къ которому она имѣетъ полную довѣренность, потому что онъ завѣдываетъ ея интимною корреспонденціею, слышалъ отъ нея, что Государь встрѣчаетъ немало огорченія отъ нерѣшительности Австріи, которая дѣйствуетъ какъ бы не хотя, и что, кажется, надобно отложить всякую надежду на какое бы то ни было съ ея стороны содѣйствіе. Грустно слышать, что эти Нѣмцы заблуж-

даются насчетъ своего положенія и не хотятъ понять благихъ намѣреній нашего Государя въ ихъ собственную пользу. Виконтъ говоритъ, что со времени Суворова намъ не удался ни одинъ союзъ съ Австріей, которая всегда хочетъ загребать жаръ чужими руками.

Съ завтрашняго дня начинаются спектакли. Меня пригласили въ ложу, на комедію «Два Фигаро» (Les deux Figaros), въ которой, говорятъ, такъ превосходны Дюранъ, Калланъ и мадамъ Туссенъ; но, признаюсь, мнѣ хотѣлось бы еще взглянуть на Яковлева въ «Донскомъ» и опять послушать прекрасныхъ стиховъ Озерова. Впрочемъ, «Двухъ Фигаро» я еще не видалъ, и потому, благо есть случай, надобно идти во Французскій спектакль. За то во Вторникъ пойду смотрѣть на Рыкалова въ «Скапеновыхъ Обманахъ», а въ Среду къ Нѣмцамъ.

Челищевъ разсказывалъ, что въ минувшемъ Февралѣ двое секретарей посольства, Англійскаго и Австрійскаго, отправились на медвѣжью охоту въ окрестностяхъ Тосны. Два медвѣдя были обойдены за недѣлю до ихъ пріѣзда и, по наблюденіямъ сторожившихъ его крестьянъ, получавшихъ за то хорошую плату, оба преспокойно сосали лапы въ своихъ берлогахъ; но въ самый день пріѣзда охотниковъ, какъ будто встревоженные предчувствіемъ ожидавшей ихъ бѣды, вдругъ исчезли, и охотники, проѣхавшіе около ста верстъ, нашли только однѣ логовища да свѣжіе слѣды скрывшихся мишуковъ. Молодые дипломаты предались ужасному негодованію и гнѣву, обвиняя мужиковъ, что медвѣди ушли по одной ихъ неосторожности, и что, слѣдовательно, они должны возвратить имъ полученные за обходъ деньги. Сколько ни увѣряли мужики, что они вовсе не причиною такого своеволія медвѣдей, но дипломаты не хотѣли ничего слушать и требовали возвращенія своихъ денегъ. Къ счастью, одинъ крестьянинъ, посмышленнѣе другихъ, вызвался поставить имъ «охоту» почище медвѣжьей—охоту на лося. «Вотъ извольте, отцы мои, покушать да поотдохнуть, а ужъ къ утру вамъ будетъ лось». Охотники согласились. «А видали ли вы, мои батюшки, лосей-то?» Оказалось, что ни одинъ изъ нихъ живыхъ лосей не видывалъ. «Ну такъ завтра же изволите увидѣть, родные мои: такого представлю, что на подивленье». Повѣривъ обѣщанію, горячіе охотники въ нетерпѣливомъ ожиданіи застрѣлить незнакомаго имъ звѣря, расположились ночевать въ деревнѣ, а между тѣмъ проворный крестьянинъ добылъ гдѣ-то старую, яловую и комолую корову бурой шерсти, отвелъ ее въ самую чащу лѣса и, бросивъ голодной яловкѣ охапку сѣна, явился, ни свѣтъ ни заря къ охотникамъ съ донесеніемъ, что онъ обошелъ слѣды молодой лосихи, и что, для удачной охоты, должно слѣдовать за нимъ тотчасъ, чтобъ на мѣстѣ быть до разсвѣта. Разумѣется, охотники тотчасъ же поскакали съ вожатымъ своимъ въ лѣсъ, и, не

смотря на темноту ночи, успѣли разглядѣть въ чащѣ лосиху, смирно стоящую и назамѣчающую ихъ появленія. Думать было нечего: оба Нимврода взвели курки, прицѣлились и въ одно время дали залпъ, которымъ бѣдное животное было убито на поваль. Происшествіе кончилось тѣмъ, что дипломаты щедро наградили своего вожатаго и, сверхъ-того, поручили ему, за извѣстную плату, немедленно доставить убитую ими лосиху въ Петербургъ на показъ ихъ пріятелямъ. «Но вы можете угадать», сказалъ Чилищевъ въ заключеніе своей исторіи, «какъ исполнилъ мужичокъ это порученіе: лосиха-корова была съѣдена крестьянами всей деревни, за здравіе проницательныхъ охотниковъ.

23 Апрѣля, Вторникъ. Еслибъ комедія «Скапеновы Обманы» была сочинена въ наше время, то ее назвали бы не комедіею, а фарсомъ, чтò она въ сущности и есть. «Скапеновы Обманы»—фарсъ, но какой фарсъ! Содержаніе просто: плутъ слуга дурачитъ хозяина, стараго скрягу. Происшествія несбыточныя, характеры дѣйствующихъ лицъ неправдоподобные, завязка невѣроятная, развязка неестественная, а между тѣмъ вся эта галиматья такъ увлекательна, что все кажется и вѣроятнымъ и естественнымъ. Мнѣ кажется, что геній Мольера нигдѣ не проявляется съ такою силою, какъ въ фарсахъ, то есть въ «Скапеновыхъ Обманахъ», «Мнимомъ Больномъ», «Мѣщанинѣ во дворянствѣ», «Пурсоньякѣ» и «Мнимомъ Рогоносцѣ», потому что всѣ эти пьесы, будучи основаны на характерахъ нелѣпыхъ и происшествіяхъ невозможныхъ, требовали необычайнаго таланта, чтобъ заставить извинить въ нихъ недостатокъ вымысла и отсутствіе всякаго правдоподобія въ дѣйствіи *).

Но разсужденія въ сторону, поговоримъ о представленіи. Рыкалова можно назвать актёромъ par excellence, онъ игралъ роль Жеронта. Какая великолѣпная комическая фигура! Лицо, станъ, походка, движенія—все это въ немъ такъ неуклюже, такъ натурально глупо, что при одномъ появленіи его, нельзя удержаться отъ смѣха, а органъ, а дикція—это совершенная натура: никакихъ натяжекъ, никакого преувеличенія, ничего площаднаго; словомъ, видишь передъ собою не актёра, а настоящаго Жеронта. Но въ сценѣ, когда Скапенъ объявляетъ ему, что Турокъ захватилъ его сына и требуетъ за него выкупа, Рыкаловъ превзошелъ мои ожиданія: все, чтó я прежде ни слыхалъ о превосходной игрѣ его въ этой сценѣ, ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, чтò я увидѣлъ. Какъ уморительно смѣшно было его отчаяніе! Съ какою забавно-жалобною миною развязывалъ онъ кошелекъ свой, по-

*) Авторъ „Дневника" думаетъ теперь иначе и проситъ извиненія за неосновательныя сужденія молодаго чиновника о великомъ Мольерѣ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

вторяя безпрестанно эти извѣстныя восклицанія: «Да зачѣмъ чортъ его на галеру-то носилъ? О, проклятый Турка, о проклятая галера!» Какъ мастерски съиграна имъ сцена, въ которой Скапенъ прячетъ его въ мѣшокъ и потчуетъ палочными ударами! Сначала его нетерпѣливыя движенія и корчи въ мѣшкѣ, потомъ удивленіе и ужасъ его при открытіи обмана, и наконецъ бѣшенство, съ какимъ онъ, избитый, вылѣзаетъ изъ мѣшка и преслѣдуетъ Скапена—все это выражено Рыкаловымъ превосходно и съ необыкновенною вѣрностью. Я теперь понимаю, почему старые Французскіе актёры отзываются о немъ съ такимъ уваженіемъ: онъ имъ передаетъ Мольера «à la Preville».

Роль Скапена игралъ Прытковъ довольно развязно; но быть развязнымъ на сценѣ и быть настоящимъ Скапеномъ, какъ Рыкаловъ былъ настоящимъ Жеронтомъ—большая разница. Сказать откровенно: роль Скапена Прыткову не по силамъ. Прытковъ былъ безцвѣтнымъ плутишкою, когда надобно было быть отъявленнымъ, дерзкимъ плутомъ, то-есть имѣть тотъ безстыдный взглядъ, ту рѣшительную походку, ту наглую поговорку, которая всегда отличаетъ первоклассныхъ плутовъ. Для роли Скапена, кажется, у насъ единственный актёръ—Сила Сандуновъ. Я воображаю, какъ бы этотъ молодецъ, такъ всегда превосходный въ роляхъ плутоватыхъ слугъ, отличился въ роли Скапена; и какъ бы онъ былъ подъ пару Рыкалову; но въ томъ-то и бѣда, что у насъ (впрочемъ, какъ и вездѣ, кромѣ Французскаго театра въ Парижѣ) соединеніе на одной сценѣ первоклассныхъ талантовъ невозможно.

Во все продолженіе спектакля одинъ старичокъ, сѣдой какъ лунь, сидѣвшій въ первомъ ряду кресель, обращалъ на себя безпрерывное вниманіе участіемъ, которое громогласно изъявлялъ къ дѣйствующимъ лицамъ. Покажется ли на сцену Рыкаловъ, и вотъ старичокъ заговоритъ: «Вишь какой старый скряга, вотъ ужо тебѣ достанется!» Начнетъ ли свою сцену Прытковъ, и старичокъ тотчасъ же встрѣтитъ его громкимъ привѣтствіемъ: «Экой мошенникъ, экая бестія! Вотъ ужъ настоящій каторжникъ!» При палочныхъ ударахъ Скапена Жеронту въ мѣшкѣ, старичокъ помиралъ со смѣху, приговаривая: «Дѣльно ему, дѣльно; хорошенько его, хорошенько стараго скрягу!» Но, при появленіи на сцену Болиной, игравшей роль цыганки, выходка старичка произвела общій взрывъ необыкновенной веселости и аплодисментовъ: «Ахъ, какая хорошенькая! То-то лакомый кусочекъ! Кому-то ты, матушка, достанешься?» При выходѣ изъ театра я любопытствовалъ узнать, кто этотъ старичокъ, такъ безцеремонно думающій вслухъ. Мнѣ сказали, что это дѣйствительный статскій совѣтникъ Полянскій, человѣкъ, принадлежащій къ высшему обществу, богатый и очень уважаемый за доброту души и благонамѣренность, но по старости лѣтъ ни-

куда невыѣзжающій кромѣ спектаклей, въ которыхъ онъ бываетъ ежедневно, по перемѣнкамъ: то въ Русскомъ, то во Французскомъ, а иногда и въ Нѣмецкомъ, когда играетъ Линденштейнъ, и всюду получаемыя имъ впечатлѣнія раздѣляетъ со всей публикой.

24 Апрѣля, Середа. Вмѣсто Нѣмецкаго театра попалъ къ Рахманову и вечеръ провелъ у него вмѣстѣ съ Вельяминовымъ. Они оба въ большихъ заботахъ о своемъ «Орфеѣ», примутъ ли его на театръ, кому пѣть Эврядику? Рахмановъ полагаетъ, что для партіи Эвридики голосъ Самойловой низокъ. Я объявилъ ему, что скоро на Русской сценѣ будетъ дебютировать въ роли Зетюльбы дочь какого-то Француза-гитариста, Фодоръ, дѣвка знатная, кровь съ молокомъ, у которой, говорятъ, голосъ огромный; слѣдовательно ему и безпокоиться не о чемъ: Орфей есть—и Эвридика будетъ. Рахмановъ былъ въ восхищеніи отъ этой новости и добивался, отъ кого я слышалъ. «Отъ кого же другаго я могъ ее слышать», сказалъ я, «какъ не отъ друга моего Кобякова, который, какъ настоящая театральная ищейка, все знаетъ, что̀ происходитъ за кулисами и, надобно отдать ему справедливость, свѣдѣнія его всегда вѣрны».—«Ну, такъ и я тебѣ скажу добрую новость», сказалъ Рахмановъ: «я наконецъ добылъ себѣ «Псаммитъ Архимеда».—«Это что̀ такое?»—«Это, братецъ ты мой, исчисленіе песку въ пространствѣ, равномъ шару неподвижныхъ звѣздъ—книга, которой я здѣсь на Французскомъ языкѣ отыскать не могъ и которую уступилъ мнѣ Гурьевъ». Радуюсь пріобрѣтенію Петра Александровича, не зная, впрочемъ, къ чему это исчисленіе песку служить можетъ: не при мнѣ писано...

25 Апрѣля, Четвергъ. Гаврила Романовичъ удивлялся, что я съ перваго дня праздника у него не былъ. «Я думалъ, что въ самомъ дѣлѣ не занемогъ ли ты, а ты рыскаешь по театрамъ!» Я не выдержалъ и разсказалъ ему *все*. «Только-то?» спросилъ онъ, усмѣхнувшись. «Ну, это еще не бѣда: впередъ наука. Между тѣмъ, изготовь-ка что-нибудь къ Хвостовской Субботѣ, а завтра вечеромъ предварительно мнѣ прочитай». Я предложилъ ему на выборъ «Бардовъ», или новое стихотвореніе «Осень»; только просилъ увольненія отъ завтрашняго вечера по случаю имянинъ моихъ и потому, что сбираюсь въ театръ смотрѣть «Магомета». «Ну такъ въ Субботу приходи обѣдать, а тамъ и поѣдемъ вмѣстѣ къ Хвостову».

Въ Коллегіи сказывали, что какой-то неважный чиновникъ, Коженковъ, въ припадкѣ бѣшенной ревности, зарѣзалъ жену. Опамятовавшись, онъ бросился въ полицію и самъ объявилъ о своемъ преступ-

леніи, прося поступить съ нимъ по законамъ и не извиняя себя никакими обстоятельствами. Говорятъ, что этотъ новый Отелло отчаяніемъ своимъ возбуждаетъ невольное состраданіе, тѣмъ болѣе, что жена его, по сдѣланному изслѣдованію и показанію сосѣдей, вовсе не похожа на Дездемону.

Заходилъ къ Гнѣдичу пригласить его завтра на скромную трапезу: угощу чѣмъ Богъ послалъ. Пригласилъ бы и Яковлева, еслибъ онъ не игралъ. Во всякомъ случаѣ, не смотря на мое одиночество, найдутся люди разломить пирогъ надъ головою имянинника. Отпраздную тезоименитство свое по преданію семейному: иначе было бы дурное предзнаменованіе для меня на цѣлый годъ.

А между тѣмъ въ обществахъ замѣтно какое-то безпокойство: вѣсти изъ главной квартиры Государя не утѣшительны. По милости Нѣмцевъ, армія наша нуждается въ продовольствіи, а Англичане отказали не только въ обѣщанномъ количествѣ войскъ, но даже и въ условленныхъ для нашихъ союзниковъ денежныхъ субсидіяхъ. Говорятъ, что Шведскій король такъ огорчился этою недобросовѣстностью, что не хочетъ посылать десанта и входитъ въ переговоры съ Бонапарте. Ай-да союзники!

26 Апрѣля, Пятница. Мнѣ очень хотѣлось узнать, нѣтъ ли здѣсь церкви или хотя придѣла во имя Св. Стефана, чтобъ отслушать обѣдню и отслужить святому просвѣтителю Перми молебенъ; но, къ сожалѣнію, по всѣмъ справкамъ, ни церкви, ни придѣла въ имя его не оказалось; я слушалъ обѣдню у Казанской. Не даромъ вчера въ Коллегіи добрый контролеръ нашъ, Ѳедоръ Даниловичъ, который признается за лучшаго статистика по части церквей, монастырей и всего принадлежащаго къ духовному вѣдомству, совѣтовалъ не терять времени въ пустыхъ разспросахъ, сказавъ рѣшительно: «Ужъ если говорю: нѣтъ, такъ вѣрно и не сыщешь; да и въ Москвѣ-то у васъ, кромѣ церкви Спаса, что́ на Бору, гдѣ почиваютъ мощи святителя и гдѣ учреждено въ память его праздество, другихъ церквей и придѣловъ во имя его нѣтъ».

Имянинное «учрежденіе» мое хоть куда: трапеза исполнена, и телецъ упитанный есть. Графъ Монфоконъ, Гнѣдичъ, Юшневскій, Хмѣльницкій, Вельяминовъ и Кобяковъ — приглашенные гости; а пожалуетъ кто еще невзначай, милости просимъ: не отпустится тощъ. Попируемъ во славу и воспоминаніе Московскаго университета, а тамъ и въ театръ.

Гаврила Романовичъ, которому вчера я неосторожно намекнулъ о своихъ имянинахъ, присылалъ поздравить. Боюсь, чтобъ онъ не подумалъ, что я напросился на это поздравленіе. Недѣльки три назадъ, вспомнили бы меня и другіе-прочіе! Досадно...

27 Апрѣля, Субота. «Умѣренность—лучшій пиръ», сказалъ Державинъ въ стихотворномъ приглашеніи своемъ къ обѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что афоризмъ выраженъ прекрасно. Но я, виноватъ, не очень его понимаю: чтó кажется умѣреннымъ одному, то для другаго казаться можетъ излишествомъ, а для третьяго сущимъ недостаткомъ. Все это относительно и трудно для опредѣленія. По моему, вчерашняя трапеза моя была очень умѣренна: имянинный пирогъ, щи, окорокъ ветчины, да часть телятины; но для моего Кобякова она казалась роскошною. А попотчуй я такими же блюдами его дражайшаго родителя, избалованнаго роскошью Измайловскаго стола, онъ навѣрно бы сказалъ: «жить не умѣетъ; обѣдъ у него какъ на постояломъ дворѣ».

Какъ бы то ни было, только гости мои были очень довольны, не исключая и стараго эмигранта, который увѣрялъ, что наѣлся на недѣлю. Время провели въ разговорахъ и разсказахъ. Добрый Гнѣдичъ все съ высока: удивлялся, какъ могъ я съ удовольствіемъ смотрѣть на «Скапеновы Обманы»; добро бы на «Мизантропа», «Тартюфа» и прочія пьесы de caractère, а то площадной фарсъ—фи! Вотъ поди, толкуй съ нимъ! Въ качествѣ хозяина я не хотѣлъ возражать Гнѣдичу, но Хмѣльницкій вступился за комедію и очень забавно доказывалъ, что смѣяться гораздо пріятнѣе, чѣмъ зѣвать.

Была рѣчь о «Магометѣ». Гнѣдичъ негодовалъ, что Магомета, Омара и Сеида костюмируютъ Турками, тогда какъ они просто Арабы-Бедуины и, слѣдовательно, должны быть одѣты Бедуинами. Графъ Монфоконъ вслушался и, вѣрный преданіямъ Французскаго театра, вступился за костюмъ Магомета, присвоенный ему первоначальнымъ исполнителемъ роли, Лекеномъ. «Это очень хорошо было въ свое время», сказалъ Гнѣдичъ, «и лучше, нежели бы Лекенъ игралъ Магомета во Французскомъ кафтанѣ; но теперь, съ развитіемъ образованности, усовершенствованіями театральной сцены и сценическихъ принадлежностей, Турецкій костюмъ Магомета—такая же непростительная несообразность, какъ, еслибъ, слѣдуя прежнему обычаю, надѣть на Агамемнона огромный напудренный парикъ и затянуть Федру въ длинный корсетъ и фижмы».—«C'est incontestable», подхватилъ старый Французъ, засмѣявшись, «et pourtant j'ai bien vu de mes propres yeux m-lle Duclos jouer Électre avec une robe ronde à queue, des paniers et une coiffure à trois étages, poudrée et couronnée des fleurs; et pour vous dire tout, messieurs, c'est moi, qui lui avais fourni la robe». Мы померли со смѣху.

Въ театръ отправились мы вмѣстѣ съ Кобяковымъ и чуть-чуть не опоздали къ началу. Я очень удивился, когда, по поднятіи занавѣса, вмѣсто палатъ Зопировыхъ, увидѣлъ на сценѣ морской берегъ, мно-

жество народа въ древне-Ирландскихъ костюмахъ, Самойлова съ арфою въ рукахъ и Семенову на какомъ-то возвышеніи, окруженную толпою молодыхъ подругъ. «Петръ Николаевичъ, это что́ такое?» — «Это «Фингалъ».— «Но вѣдь назначенъ былъ «Магометъ»?— «Видно, перемѣнили спектакль по болѣзни кого-нибудь изъ актеровъ». И прекрасно! «Магометъ» впереди, а теперь посмотримъ на «Фингала», котораго я еще не видѣлъ. «Фингалъ», по мнѣнію Мерзлякова, трагедія плохая; онъ говорилъ — а ему можно вѣрить — что Озеровъ, какъ школьникъ, написавъ «Фингала» послѣ «Эдипа», спустился съ первой лавки на послѣднюю. Но я собственно интересовался не самою трагедіею, а игравшими въ ней Шушеринымъ, Яковлевымъ и Семеновою. Они всѣ трое играли хорошо; но изъ нихъ Шушеринъ лучше всѣхъ, потому что въ занимаемой имъ роли есть страсть, жажда мщенія, которою онъ могъ воспользоваться, чтобъ дать роли своей надлежащую физіономію; между тѣмъ, какъ изъ ролей Фингала и Моины, персонажей страдательныхъ и безцвѣтныхъ въ самой взаимной любви своей, едва ли что̀ можно было сдѣлать другое, кромѣ того, что́ сдѣлали Яковлевъ и Семенова, то-есть прекрасно читали прекрасные идиллическіе стихи и обворожали зрителей прелестью своей наружности. Въ самомъ дѣлѣ, Яковлевъ, въ роли Фингала, можетъ служить великолѣпнымъ образцомъ художнику для картины. Это настоящій вождь Морвена: черты лица, станъ, походка, тѣлодвиженіе, голосъ — все было очаровательно въ этомъ баловнѣ природы. Что жъ касается до искусства его въ роли «Фингала», то мнѣ кажется, оно заключалось въ одномъ отсутствіи всякаго искусства: онъ игралъ съ одушевленіемъ и непринужденно, какъ и слѣдовало играть роль «добраго малаго» Фингала, который пороху не выдумалъ и котораго, по собственному его сознанію,

. . . Искусство все безстрашнымъ быть въ бояхъ...

но затѣмъ и баста. Впродолженіе всей пьесы я замѣтилъ одну только сцену, въ которой Яковлевъ былъ истинно-превосходенъ, потому что, видно, нашелъ ее достойною того, чтобъ надъ нею потрудиться. Это сцена спора, когда Фингалъ упрекаетъ Старна въ недобросовѣстности.

Царь, измѣняешь ли ты слову своему?
Коль намъ не вѣрить, царь, то вѣрить ли кому?

и затѣмъ отвѣтъ его на угрозу Старна: «Ты въ областяхъ моихъ!» —

Я здѣсь не въ первый разъ!

Это полустишіе сказано было Яковлевымъ съ такою энергіею, что у меня кровь прихлынула къ сердцу. За это полустишіе, которымъ онъ

увлекъ всю публику и отъ котораго застоналъ весь театръ, можно было простить геніальному актеру все его своенравіе въ исполненіи прочихъ частей роли Фингала.

Семенова, красавица Семенова, драгоцѣнная жемчужина нашего театра, Семенова имѣетъ все, чтобъ сдѣлаться одною изъ величайшихъ актрисъ своего времени; но исполнитъ ли она свое предназначеніе? Сохранитъ ли она ту постоянную любовь къ искусству, которая заставляетъ избранныхъ пренебрегать выгодами спокойной и роскошной жизни, чтобъ предаться неутомимымъ трудамъ для пріобрѣтенія нужныхъ познаній? Не слишкомъ ли рано нарядилась она въ бархатные капоты, облеклась въ Турецкія шали и украсилась разными дорогими погремушками? Сколько я отъ всѣхъ слышу, да и самъ частью испыталъ на репетиціи «Дмитрія Донскаго», когда она такъ грубо отпотчивала меня своимъ высокомѣрнымъ «чего-съ»? — въ ней недостаетъ образованности, простоты сердца и той душевной теплоты, которую Французы разумѣютъ подъ словомъ: *aménité*; а эти качества, за малымъ исключеніемъ, всегда бываютъ принадлежностью великихъ талантовъ. Семенова прекрасно сыграла Моину, безподобно играла Антигону и Ксенію; но этихъ ролей недостаточно, чтобъ положительно судить о рѣшительной будущности ея таланта. Эти роли могла играть она по внушенію другихъ: бывали же у насъ актрисы, которымъ, по безграмотству ихъ, начитывали роли, но которыя, однакожъ, имѣли успѣхъ, покамѣстъ не предоставляли ихъ самимъ себѣ. Милая Семенова, вы, безспорно, красавица, безспорно драгоцѣнная жемчужина нашего театра, и вами не безъ причины такъ восхищается вся публика; но скажите, отчего я, профанъ, не плачу, смотря на игру вашу, какъ обыкновенно плачу я по милости товарища вашего, Яковлева?...

Но время къ пѣвцу Фелицы, чтобъ до обѣда успѣть прочитать ему мою «Осень», или, скорѣе «Осень» мистриссъ Робинзонъ, которую передѣлалъ я на свой ладъ.

28 Апрѣля. Воскресенье. Вечеръ А. С. Хвостова не дается, какъ кладъ, и отложенъ опять до будущей Субботы, по внезапному нездоровью хозяина. Гаврила Романовичъ былъ очень доволенъ моею «Осенью», но замѣтилъ, что въ «Бардахъ» больше воображенія и силы. Разумѣется, такъ: въ этой небольшой поэмѣ столько такой разнообразной чухи, какой не отъищешь и въ сочиненіяхъ самого Семена Сергѣевича Боброва, сумбуротворца по преимуществу.

Сегодня у графа А. Н. Салтыкова по какому-то случаю танцовальная вечеринка. Молодая хозяйка любитъ повеселиться и потанцовать, и это очень естественно въ такой пригожей и любезной женщинѣ;

жаль только, что, за отсутствіемъ гвардіи, теперь въ городѣ мало хорошихъ танцоровъ, и чтобъ помочь горю, графъ Соллогубъ набираетъ изъ статскихъ «мастеровъ бальнаго дѣла»; но, кажется, наборъ не очень удается: всѣ заумничали и лѣзутъ въ серьезные дѣловые люди.

29 Апрѣля. Понедѣльникъ. Изъ Коллегіи ѣздилъ съ запоздалыми визитами: былъ у Ададуровыхъ и Воеводскихъ. Анна Ивановна пополнѣла, а Катерина Петровна, мнѣ кажется, еще болѣе похорошѣла. У первой засталъ оберъ-гофмейстера Тарсукова, свояка извѣстной Марьи Савичны Перекусихиной, первой и любимой камеръ-фрау императрицы Екатерины II-й. Онъ очень богатъ, и это состояніе наслѣдовала жена его послѣ смерти сестры. Говорятъ, что ей досталось однихъ только брильянтовъ и жемчуговъ на полмильйона. Анна Ивановна тоскуетъ о другѣ своемъ Протасовѣ, который находится въ походѣ вмѣстѣ съ полкомъ Конной Гвардіи. Понимаю это чувство: привычка—великое дѣло. Воеводская же разсказывала, что она не чувствуетъ ногъ подъ собою: протанцовала у графини Салтыковой цѣлую почти ночь и пріѣхала домой на разсвѣтѣ! Я совѣтовалъ ей беречь себя и красоту свою, которая отъ неумѣренныхъ танцевъ, и особенно отъ ночей, проведенныхъ безъ сна, пострадать можетъ. «А на что мнѣ красота?» возразила она: «я замужемъ и прельщать никого не намѣрена. Годомъ прежде, годомъ послѣ, а все же надо будетъ подурнѣть и состарѣться, по крайней мѣрѣ, пока время не ушло, напрыгаюсь и навеселюсь вдоволь, а тамъ и примусь за нравоученія своимъ дѣтямъ». Это въ своемъ родѣ тоже логика. Я спрашивалъ, справились ли съ кавалерами?—«Множество ихъ было», отвѣчала она, «и всякаго разбора ловкихъ и неловкихъ; но для меня все ровно, какіе эти господа ни были бы, лишь бы шаркали по паркету». Ну, и это дѣло, подумалъ я. Слѣдовательно, «Vous n'êtes pas pour les grands sentiments?» спросилъ я опять премилую хозяйку.—«Eh, mon Dieu, monsieur, je n'ai jamais étudié la métaphisique, et en vérité, je ne sais pas à quoi peuvent ils servir». Послѣ этой выходки для меня все стало ясно, какъ день, и я вышелъ отъ красавицы съ новыми познаніями въ физіологіи женщинъ. «Courte et bonne», говорятъ Французы; «kurz, aber lustig», повторяютъ Нѣмцы; а какой смыслъ дать этимъ фразамъ на Русскомъ языкѣ—я еще не придумалъ.

30 Апрѣля, Вторникъ. Забывъ, что мой Гасконецъ католическаго исповѣданія и что онъ не можетъ быть сегодня имянинникомъ, я пришелъ поздравить его, какъ водится, со днемъ ангела, и принесъ ему большую банку варенья полевой клубники, здѣсь малоизвѣстнаго, ко-

торое такъ ему нравилось въ Липецкѣ. Старикъ очень обрадовался вниманію моему, а также, думаю, и варенью, и тотчасъ спряталъ его въ свой кабинетный шкапъ, объявивъ дочерямъ и внучкѣ, что имъ не удастся отвѣдать изъ него ни ягодки; а барышни напустились на меня, зачѣмъ я не отдалъ этого варенья имъ, потому что старикъ въ одинъ день *все* съѣстъ и послѣ отъ того занеможетъ. «Comme si vous ne connaisez pas notre cher papa!» Но дѣлать было нечего: подслужился не въ попадъ.

Лабаты танцовали также третьяго дня у графини Салтыковой и разсказывали о подвигахъ Катерины Петровны: «Croyez vous, говорили онѣ, qu'elle n'a pas quitté le parquet depuis 10 heures du soir jusqu'à 5 heures du matin, et puis toujours gaie, prévenante et aimable. En vérité, c'est un ange.» Я объявилъ, что вчера провелъ у нея больше часу, и пересказалъ имъ весь нашъ разговоръ. «Oui, oui, подхватили онѣ, c'est elle - même, ни лучше ни хуже, какъ ее создалъ Богъ». Я оставилъ ихъ въ этихъ мысляхъ и не договорилъ того, что̀ я думаю.

1 Мая Среда. Екатерингофское гулянье въ сравненіи съ Сокольницкимъ тоже, что̀ здѣшняя толкотня въ Лазареву субботу по линіи Гостиннаго двора въ сравненіи съ гуляньемъ на Красной площади въ Москвѣ: узко, тѣсно, бѣдно и неуклюже. Нарядныхъ экипажей и охотничьихъ упряжекъ нѣтъ, а о богатыхъ барскихъ палаткахъ, которыя бы служили сборнымъ мѣстомъ для лучшаго общества, какъ это бываетъ въ Сокольникахъ—нѣтъ и помину. Вмѣсто трехъ-четырехъ таборовъ удалыхъ Цыганъ, вмѣсто нѣсколькихъ отличныхъ хоровъ Русскихъ пѣсенниковъ и роговой музыки, разставленныхъ тамъ и сямъ по Сокольничей рощѣ на полянкахъ, ближайшихъ къ дорогѣ, по которой движутся ряды экипажей, въ Екатерингофѣ красуются однѣ питейныя выставки, около которыхъ толпится народъ, а по мѣстамъ сѣрѣютъ запачканные парусинные навѣсы и полупалатки—пріютъ самоварниковъ; при нѣкоторыхъ изъ этихъ походныхъ трактировъ поются пѣсни и слышится по временамъ рожокъ или кларнетъ; но хриплые, давленные голоса и сиплый дребезжащій звукъ вполовину расколотаго инструмента отнимаютъ охоту наслаждаться такою музыкою.

Пробираясь лѣсомъ все далѣ и далѣ, мы наконецъ пришли къ деревушкѣ, состоящей изъ ряда небольшихъ однофасадныхъ домишекъ въ три окошка на улицу. Эта деревушка называется Екатерингофскою Слободкою и, кажется, есть le nec-plus-ultra гулянья, потому что вереница экипажей отъ нея поворачивала въ обратный путь. Всѣ окна въ домишкахъ были отворены настежъ, и проходящіе могли видѣть все, что̀ происходило въ комнатахъ; а происходило въ нихъ то, что̀ боль-

шею частью происходитъ у хозяевъ, угощающихъ пріятелей, наѣхавшихъ къ нимъ по случаю гулянья, то-есть попойка. Проходя мимо одного домишка, вросшаго почти въ землю, я вдругъ увидѣлъ предлинную и прехудощавую фигуру, которая, высунувшись изъ окна, схватила безъ церемоніи за воротникъ друга и вожатаго моего Кобякова и съ громкимъ восклицаніемъ: sta viator! потащила его къ себѣ въ окошко, приговаривая: «такъ-то пріятель, мимо проходишь, къ намъ не заходишь; все бы тебѣ къ актерамъ да актрисамъ; нѣтъ, любезный, теперь не вывернешься».—«И радъ бы, Левонтій Герасимычъ, да нельзя, я не одинъ», пропищалъ мой Кобяковъ».—«Съ кѣмъ же ты? Съ актёромъ что ли какимъ?»—«Нѣтъ, съ землякомъ, который недавно здѣсь и въ коллегіи служитъ».—«Такъ и его проси».—«Да онъ, можетъ, не пойдетъ».—«Ну такъ притащи его», и вдругъ, оборотясь ко мнѣ, Левонтій Герасимычъ закричалъ: «Гей, милостивый государь, какъ ваше имя и отечество—не знаю, покорнѣйше прошу сдѣлать мнѣ честь пожаловать на стаканъ пуншу; не то, я земляка вашего задушу». Видя, что народъ собирается около насъ и опасаясь скандалу, я рѣшился идти на выручку Кобякова, у котораго такіе пріятные и безцеремонные знакомцы, и сказалъ, что зайду съ удовольствіемъ. Услышавъ это, Левонтій Герасимычъ ослабилъ желѣзную свою лапу и освободилъ моего карапузика.

Мы вошли въ комнату. Съ полдюжины гостей сидѣли развалившись кто на софѣ, кто на креслахъ, и потягивали пуншикъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ баринъ, довольно плотный, съ краснымъ угреватымъ лицомъ, въ синемъ, выложенномъ черными шнурками казакинѣ, шелковомъ, пестромъ, канареечнаго цвѣта жилетѣ и широкихъ плюсовыхъ шарварахъ, который брянчалъ на какой-то балалайкѣ особенной конструкціи, припѣвая себѣ подъ носъ. Всѣ пальцы пухлой руки его изукрашены были кольцами и перстнями разныхъ величинъ и фасоновъ. «Это знаменитый Хруновъ», шепнулъ мнѣ Кобяковъ, какъ бы желая пріятно удивить меня.—«Кто Хруновъ: хозяинъ или баринъ съ балалайкою?»—«Баринъ съ балалайкой».—«Чѣмъ же знаменитъ онъ?»—«А вотъ увидишь».

Между тѣмъ долговязый хозяинъ явился съ нѣсколькими стаканами горячаго пуншу и прямо къ намъ: «милости просимъ выкушать!» Товарищъ мой схватилъ стаканъ, но я попросилъ увольненія, потому что неохотно пью пуншъ, да и запахъ родимой горѣлки какъ-то непріятно подѣйствовалъ на мое обоняніе. «Отчего же вы не пьете?»—«Признаюсь, не люблю».—«Не хотите ли мадеры?»—«Нѣтъ, благодарю покорно»—«Да впрочемъ мадеры-то у меня и нѣтъ; не хотите ли лучше Шампанскаго?»—«Извините; что-то не хочется».—«У меня и

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1891 ГОДА.

(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ“

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. Кокорева.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № 16/17, и въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА

Вышла XXXVII книга.

Складъ изданія въ Петербургѣ, Моховая, д. 8-й. Цѣна 3 рубля.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1891 года.

(Годъ двадцать девятый).

Русскій Архивъ въ 1891 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVIII лѣтъ, т. е. **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1891 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская улица, домъ 60-й, кв. 21 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ. Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива“ издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**